

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY

3 1924 091 823 124

DATE DUE

~~JUL 7 80 JA 21~~

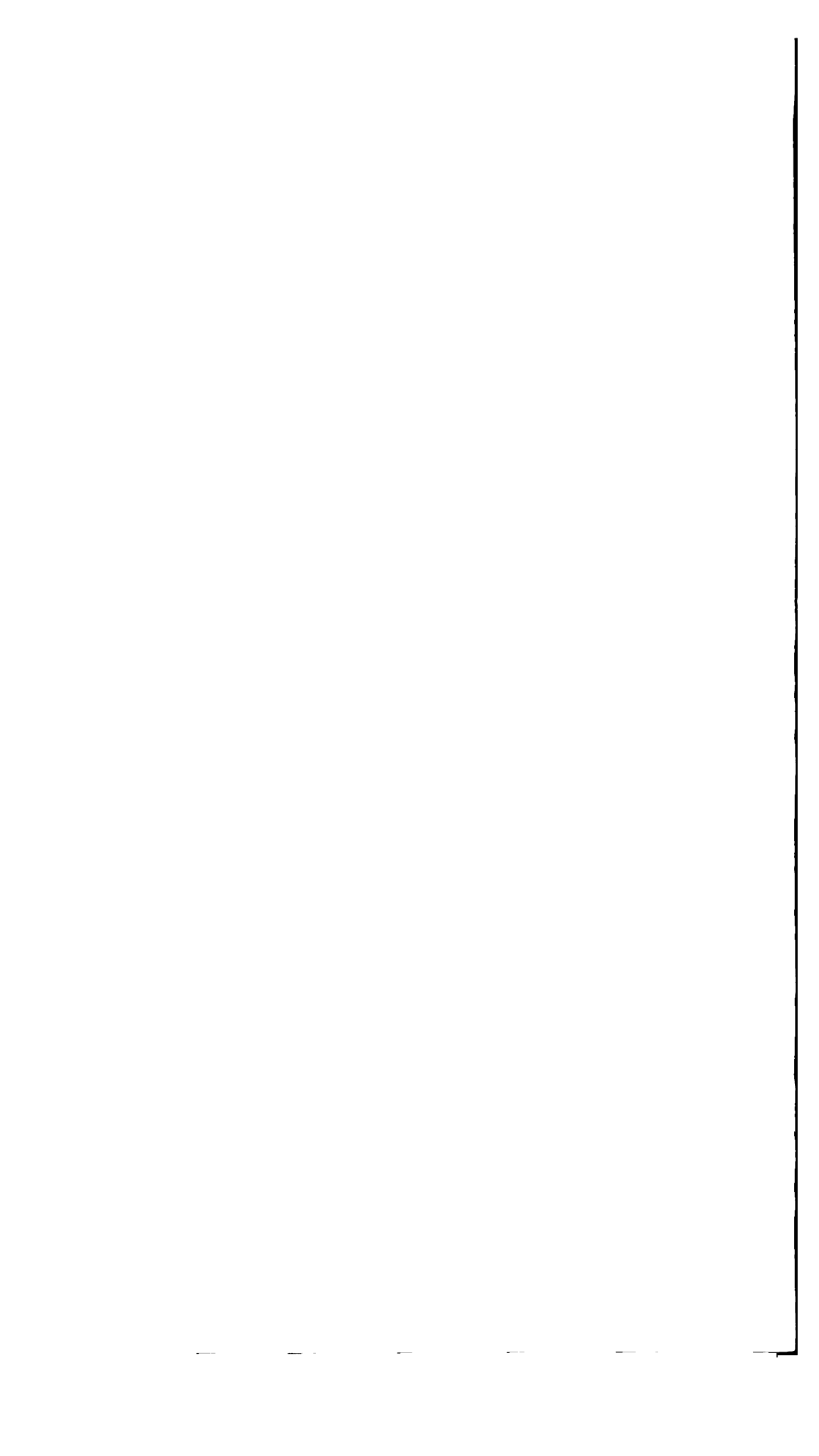
~~JAN 19 2000~~

GAYLORD

PRINTED IN U.S.A.

██████████

33557

4/1 99

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

А П Р Ъ Л Ъ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Нананунѣ Эрфуртскаго свиданія 1808 г. Сообщ. Н. К. Шпльдеръ.	3—24	XII. По поводу статьи В. А. Шомпулева. Е. И. Барановскій.	221—224
II. Императрица Енаторина II въ началѣ царствованія Петра III. (Ея автобиографическая записка). Евгеній Шумигорскій.	25—37	XIII. Письма Н. М. Нарамзина къ А. И. Тургеневу, (1806—1826). (Оконч.).	225—238
III. А. Н. Вульфъ и его дневникъ. Сообщилъ Академ. Л. Н. Майковъ. (Оконч.).	39—52	XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Характеристика Н. М. Языкова, (стр. 38).—Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову, 7-го авг. 1810 г. (76)—О поселеніи бѣглыхъ солдатъ въ Новорос. губ. 1797 г.—Отвѣтъ губернатора за продовольствіе войскъ, 1798 г. (104).—Пріемъ гр. В. Н. Паниныхъ депутатовъ второго призыва въ 1860 г. (128—130). По поводу возведенія на престолъ Людовика XVIII. (160).—О невѣстательствѣ губернаторовъ въ чужія дѣла, 1798. (176).—О памятникѣ князю Потемкину въ Херсонѣ, 1801 г. (198).—Объ обезпеченіи жителей продовольствіемъ, 1792 г. (220).—Указъ имп. А. Д. Меншикова, 26 июля 1718 г. Сообщ. А. Л. Маркевичъ. (239—240).	
IV. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. О. Дубровинъ.	53—75	XV. Библиографическ. листокъ (из оберты).	
V. Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. (Биографич. очеркъ). П. О. Вышеславцевъ.	77—103		
VI. Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной. (Оконч.).	105—127		
VII. Изъ прошлаго. (Воспомн. офицера генералъм. штаба о войнѣ 1877—1878 гг.). П. Д. Паредсовъ.	131—159		
VIII. Изъ прошлаго русской цензуры. В. В. Спировскій.	161—175		
IX. Новая данная о первомъ Самозванцѣ. Извлечен. В. В. Тимощукъ.	177—197		
X. Объ утвержденіи В. Г. Бѣлинскаго въ дворянскомъ достоинствѣ. Проф. А. Архагельскій.	199—204		
XI. Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ. (1845—1851). В. И. Дурасовъ.	205—219		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ Палладія, митрополита с.-петербург. и ладожск. Грав. И. Хельмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 39.

1899.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1899 г.

Библиографическій листокъ.

П. И. Мессарошъ. „Финляндія—государство или русская окраина?“ Значеніе особыхъ учреждений Финляндской окраины Россійской Имперіи. Спб. 1897 г.

Въ своемъ трудѣ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ П. И. Мессарошъ поставилъ себѣ цѣлю изслѣдовать вопросъ: насколько необходимо въ интересахъ не только Россіи, но и самого населенія Финляндіи сохраненіе особыхъ учреждений этой окраины Россійскаго государства?

Прежде всего авторъ разсматриваетъ основныя ученія сепаратистовъ и дѣятельность финляндскихъ учреждений въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I (гл. I); затѣмъ дѣлаетъ обзоръ автономнаго движенія въ Финляндіи и политики Финляндскихъ публицистовъ и историковъ съ русскими (гл. II).

Въ третьей главѣ г. Мессарошъ говоритъ о дѣятельности сепаратистской партіи въ царствованіе императора Александра II; а въ четвертой разбираетъ проектъ финляндскихъ сепаратистовъ въ царствованіе императора Александра III.

Возникновеніе и конечная цѣль ученія партіи Финляндской независимости—составляютъ предметъ пятой главы.

Въяснивъ, въ шестой главѣ, значеніе сената и статус-секретариата Финляндіи,— авторъ въ слѣдующей главѣ разбираетъ силы и средства, которыми располагаетъ партія Финляндской независимости,—какова: армія, таможня, монетная система и государственный языкъ.

Въ восьмой главѣ подробно разсматриваются средства для распространенія ученія упомянутой партіи; сеймъ, школа, пресса, устная политическая проповѣдь.

Особенности Финляндіи въ религиозномъ отношеніи выяснены П. И. Мессарошемъ въ девятой главѣ, а въ десятой, послѣдней, даются свѣдѣнія о судѣ и судебныхъ порядкахъ этого края. Упомянувъ о судѣ въ Финляндіи, мы не можемъ обойти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства, указываемаго авторомъ въ предисловіи къ своему почтенному труду. Въ газетѣ „Новое Время“ отъ 2-го января 1896 г. № 7128 г. Молчановъ въ статьѣ „Дѣятельность министерства юстиціи въ 1895 году“ заявляетъ, что съ открытіемъ Архангельскаго окружнаго суда „настанетъ настоящій праздникъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II“ и что кромѣ мѣстъ кочевья

„въ Европейской Россіи не будетъ ни кучка территорія, изъятой отъ дѣйствія этихъ уставовъ“.

„Неужели почтенный авторъ означенной статьи позабылъ,—говоритъ П. И. Мессарошъ въ своемъ предисловіи,— что не только съ открытіемъ Архангельскаго окружнаго суда, но даже при распространеніи этихъ уставовъ „правды и милости“ на „мѣста кочевья“, на картѣ Европейской Россіи все-таки остается цѣлый край въ 365,590 квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 2,483,249 человекъ, пользующійся названіемъ культурной страны, въ которой приняты „правды, милости и гласности“, присущіе судебнымъ уставамъ императора Александра II, не извѣстны, гдѣ до сихъ поръ царятъ устарѣлый шведскій судъ XVIII столѣтія, гдѣ русское министерство юстиціи, со всѣми благими націоналями, не имѣетъ никакого значенія“.

Ознакомивъ читателей съ содержаніемъ интересной книги г. Мессароша, мы приведемъ основныя положенія, которыя составляютъ резюмѣ его почтеннаго труда. Вотъ эти положенія: Финляндія—не государство, добровольно присоединившееся къ Россіи въ силу какого-либо договора или „соглашенія“, а край, завоеванный русскимъ оружіемъ, поступившій, на основаніи Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, отъ 5—17 сентября 1809 г., въ собственную и Государственное обладаніе Россійской Имперіи.—Ни императоръ Александръ I, а равно ни одинъ изъ его преемниковъ не признавали силы ни шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 г.г., а также и никакихъ другихъ законовъ, ограничивающихъ самодержавную власть российскихъ императоровъ. Поэтому Россійскій Императоръ въ этой завоеванной окраинѣ Имперіи, какъ и въ остальной Россіи,—Самодержавный Монархъ, власть котораго неограничена ни шведскими, ни какими-либо другими конституціями.—Всѣ „особныя“ учрежденія Финляндіи, являющіяся въ глазахъ финляндцевъ важными атрибутами „государственности“ этой окраины, дарованы ей императорами Александромъ I и Александромъ II не въ силу исполненія какихъ-либо обязательствъ, принятыхъ на себя этими государями, а по праву самодержавной власти неограниченнаго монарха.—Партія независимости, а въ особенности фингоманскія

ПАЛЛАДІЙ,

МИТРОПОЛИТЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ и ЛАДОЖСКІЙ.

(Род. 20 іюня 1827 г. † 5 декабря 1898 г.)

РУССКАЯ СТАРШИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1899.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ЮНЬ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.

1899.

DK

1

R964+

v. 98

ap - ju
1898

1898
16
av

Наканунъ Эрфуртекаго свиданія 1808 года.

Когда въ августѣ 1808 года императоръ Александръ окончательно рѣшился предпринять поѣздку за границу, для свиданія съ Наполеономъ, материнское сердце императрицы Маріи Ѳеодоровны встревожилось. Вспоминая недавнія событія, совершившіяся въ Байоннѣ, и рѣзко осуждая политику, вызванную Тильзитскимъ соглашеніемъ, императрица-мать просила своего державнаго сына отказаться отъ предполагаемаго свиданія съ «Бонапартомъ». Но императоръ Александръ остался непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи и не внялъ доводамъ своей родительницы, старавшейся всѣми силами поколебать союзъ съ Франціей. Тогда императрица Марія Ѳеодоровна обратилась 25-го августа 1808 года къ сыну съ письмомъ, въ которомъ умоляла его остановиться на краю бездны! Императоръ Александръ отвѣчалъ немедленно такимъ же письмомъ, преисполненнымъ достоинства и истинной государственной мудрости. Противникамъ тильзитской политики оставалось только смириться передъ ясно выраженной волею государя. Дѣйствительно, 2-го сентября Александръ I, вѣрный слову, данному Наполеону, отправился изъ Петербурга въ Эрфуртъ, и тѣмъ отдалилъ войну съ Франціею еще на четыре года.

Въ засѣданіи Императорскаго русскаго историческаго общества, состоявшемся въ Зимнемъ дворцѣ, 24-го февраля 1899 г., подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества, были прочитаны представленныя общему собранію Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 25-го августа 1808 г. и отвѣтъ на это письмо императора Александра I. Съ соизволенія Государя Императора, эти драгоценныя памятники нашего историческаго прошлаго печатаются нынѣ на страницахъ «Русской Старины». **Н. Шильдеръ.**

I.

Собственноручное письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ императору Александру I.

25-го августа 1808 г.

Я встревожена и опечалена до глубины души, дорогой Александръ, угнетена ужасной мыслью—видѣть васъ вредящимъ самому себѣ; поэтому нужно, чтобы я еще разъ поговорила съ вами; нужно еще разъ, и уже письменно, оживить для васъ воспоминаніе обо всемъ томъ, что я говорила вамъ въ продолженіе нашихъ трехъ послѣднихъ бесѣдъ. Я тщательно провѣрила самое себя, вопрошала свою совѣсть; я хотѣла, строго разобрать свои мысли, такія, какими я изложила ихъ вамъ, я хотѣла, повторяю, убѣдиться, должна ли я набросать ихъ письменно, чтобы онѣ говорили вашему сердцу и остановили васъ на краю бездны; и послѣ строгаго анализа я нашла, что въ данномъ случаѣ я даже должна выполнить мой послѣдній долгъ въ отношеніи васъ. Эти строки будутъ вашими и моими судьями на судѣ Верховнаго Существа. Поэтому, прочтите же ихъ, дорогой Александръ, со вниманіемъ и благоволите сосредоточиться на мгновеніе, отрѣшиться отъ какихъ бы то ни было иныхъ соображеній и стать, однимъ словомъ, всецѣло такимъ, какимъ Господь Богъ создалъ васъ—существомъ прямымъ, добрымъ и справедливымъ и надѣленнымъ самымъ здравымъ смысломъ. Именно

I.

Собственноручное письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ императору Александру I.

le 25 Août 1808.

Inquiète et triste, cher Alexandre, jusqu'au fond de l'âme, oppressée par la pensée cruelle de vous voir vous nuire à vous même, il faut que je vous parle encore une fois; il faut encore une fois retracer à vos yeux, et cela par écrit, les souvenirs de tout ce que je vous ai dit dans nos trois dernières conversations. Je me suis scrutée scrupuleusement, j'interrogeais ma conscience, j'ai voulu, en examinant rigoureusement mes pensées, telles que je vous les ai énoncées—j'ai voulu, dis-je, m'assurer, si je devais vous les retracer sur le papier pour qu'elles parlent à votre coeur et vous arrêtent sur le bord de l'abîme, et j'ai trouvé après sévère examen, que j'avais même à remplir dans cette occasion le dernier devoir vis-à-vis de vous. Ces lignes vous jugeront et me jugeront au tribunal de l'Être Suprême. Lisez-les donc, cher Alexandre, avec attention et veuillez vous isoler un instant, bannir toute autre considération et être enfin en entier tel que Dieu vous a formé—un être loyal, bon et juste et du sens le plus droit; c'est en paraissant tel que vous êtes, adoré

потому, что вы являетесь таковымъ, вамъ поклоняются и страстно любить васъ ваша семья, ваши подданные, и уважаютъ за-границей. Черезъ недѣлю вы покинете насъ, чтобы отправиться въ чужую страну на свиданіе съ Бонапартомъ, и, при томъ, на свиданіе въ крѣпости, находящейся еще подъ его владычествомъ и охраняемой его войсками. Разсмотримъ прежде всего общее положеніе дѣлъ какъ у насъ, такъ и за границей, затѣмъ. во-вторыхъ, цѣль этого свиданія, въ-третьихъ—выборъ времени для этого свиданія, и, въ заключеніе, въ-четвертыхъ. послѣдствія этого свиданія для васъ, для государства, и опасности, которыя вытекаютъ изъ него для васъ.

1. Общее положеніе дѣлъ за границей представляетъ въ высшей степени грустную и поражающую картину. Европа подчинена вѣлніямъ кровожаднаго тирана, управляющаго ею съ желѣзнымъ скипетромъ въ рукахъ. На континентѣ одна Австрія не является еще вассаломъ; за этимъ исключеніемъ всѣ прочіе государи, какъ созданные имъ самими, такъ и тѣ, которыхъ Бонапарту угодно было сохранить, всѣ—его намѣстники, его префекты; они—рабы подъ пурпуромъ. Единственное государство, которое считали безсильнымъ, и которое Бонапартъ до такой степени ни во что не ставилъ, что считалъ легкимъ изгнать изъ него царствующую династію, этотъ народъ, говорю, раздраженный заточеніемъ государя, котораго онъ, по закону и справедливости, признавалъ своимъ монархомъ, возстаетъ поголовно, чтобы отомстить за нанесен-

et chéri de votre famille, de vos sujets et respecté dans l'étranger. Vous allez nous quitter dans 8 jours pour une entrevue en pays étranger avec Bonaparte, et cela dans une forteresse qui se trouve encore sous sa domination et gardée par ses troupes. Examinons en premier lieu l'état général des affaires tant chez nous que dans l'étranger; 2) le but de cette entrevue; 3) le choix de l'époque pour cette entrevue, et pour conclusion, 4) les suites de cette entrevue pour votre personne, pour l'état et le danger qui en naît pour vous.

1) L'état général des affaires dans l'étranger offre le tableau le plus triste et le plus imposant. L'Europe est soumise aux décrets du tyran sanguinaire qui la gouverne avec un sceptre de fer. L'Autriche seule sur le continent n'est pas encore feudataire: elle exceptée, tous les autres souverains, tant ceux de sa création, que ceux qu'il a plu à Bonaparte de conserver, tous sont ses lieutenants, ses préfets, ils sont esclaves sous la pourpre. Une seule puissance qu'on croyait éternelle et que Bonaparte estimait si peu, qu'il croyait facile d'en renvoyer la dynastie régnante, cette nation, dis-je, irritée par l'emprisonnement du prince qu'elle avait reconnu de droit et de justice son souverain, se lève en masse pour venger

ное ему оскорбленіе. Несчастнѣй молодой король, обманутый, завлеченный вѣроломнымъ образомъ въ Байонну, видитъ себя унижаемымъ, презираемымъ, обвиняемымъ, въ концѣ концовъ переизбраннымъ и вынужденнымъ отказаться отъ своего отечества, отъ своего престола; онъ томится въ замкѣ, который, вѣроятно, будетъ и его могилой. Въ высшей степени трогательное письмо, написанное еще изъ Байонны и доставленное вѣрными руками въ Испанію, доказываетъ совершенное надъ нимъ насиліе и свидѣтельствуетъ о тиранинствѣ его утѣснителя; вѣрный народъ, проливая потоки своей крови, требуетъ своего законнаго государя. Этотъ чудный и храбрый народъ проявляетъ при защитѣ имъ славнаго и почетнаго дѣла мудрость и энергію, предающія проклятію всѣхъ тѣхъ, которые стали бы препятствовать его успѣхамъ. Въ первый разъ Бонапартъ находится, быть можетъ, наканунѣ дня, когда ему суждено увидѣть крушеніе одного изъ своихъ плановъ, и, повидимому, Верховное Существо начинаетъ высказываться противъ него, потому что допускаетъ, чтобы руки слабого восторжествовали надъ сильнѣйшимъ.

Въ Италіи мы видимъ столь же необычайное зрѣлище, и тотъ самый папа, который имѣлъ слабость возложить корону на голову Бонапарта, который проявилъ эту слабость, чтобы поддержать престолъ, этотъ самый папа, убѣжденный въ нечестіи, лживости тирана, возмущенный новыми сдѣланными имъ ему въ послѣднее время предложеніями, противными святости церкви, этотъ самый папа допускаетъ ли-

son injure. Le malheureux jeune roi trompé, attiré d'une manière perfide à Bayonne, se voit vilipendé, méprisé, accusé, finalement réélu et forcé à renoncer à ses autels, à son trône; il gémit dans un chateau qui probablement sera son tombeau. La lettre la plus touchante, écrite encore de Bayonne et portée par des mains fidèles en Espagne, prouve la violence qui lui a été faite, et dépose contre la tyrannie de son oppresseur; une nation fidèle réclame, en répandant des flots de son sang, son légitime souverain. Cette belle et brave nation déploie une sagesse, une énergie dans la cause glorieuse et honorable qu'elle défend, qui prononce anathème contre tous ceux qui pourraient mettre obstacle à ses succès. Pour la première fois Bonaparte est à la veille peut être de voir un de ses plans renversé et il paraît que l'Être Suprême commence à se déclarer contre l'oppresseur, en permettant que les bras du faible l'emportent sur le plus fort.

En Italie un spectacle tout aussi extraordinaire se passe sous nos yeux, et le même Pape qui a eu la faiblesse de placer la couronne sur la tête de Bonaparte, qui commit cette faiblesse pour soutenir l'autel, ce même Pape convaincu de l'impïété, de la fausseté de ce tyran, révolté par les nouvel-

шить себя своихъ владѣній, но пользуется противъ него силой и энергіей твердости, и одинъ противится его нечистой волѣ.

Тѣмъ временемъ Бонапартъ, для того ли, чтобы отвлечь вниманіе своихъ подданныхъ отъ своихъ неудачъ въ Испаніи и Италіи, или же изъ другихъ цѣлей, между прочимъ, въ виду новаго набора, объявляетъ, что ему грозитъ опасность со стороны Австріи; контингенты сосредоточиваются, и пламя войны снова грозитъ этой несчастной Германіи.

Вотъ краткій очеркъ внѣшняго положенія.

Перейдемъ теперь къ тому, что представляетъ собою положеніе Россіи, такое, какимъ оно является въ моихъ глазахъ, и какимъ его признають вообще. Тильзитскій миръ мы были вынуждены заключить, и хотя это было сдѣлано въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ, но, при этомъ, первымъ побужденіемъ для подписанія его было стремленіе сберечь человѣческую кровь и прекратить бѣдствія войны. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, хотя Наполеонъ не только не выполнилъ ни одного изъ принятыхъ на себя, по договору, обязательствъ, но нѣкоторыя изъ нихъ нарушилъ, занявъ области, неприкосновенность которыхъ онъ гарантировалъ,—мы довели дѣло до разрыва съ Англіей и уничтожили нашу торговлю, потому что онъ хотѣлъ этого; мы объявили войну нашему вѣрному союзнику, уважавшему наши границы и

les propositions contraires à la sainteté de l'Eglise qu'il lui a fait faire en dernier lieu, se laisse dépouiller de ses états, mais emploie contre lui la force et l'énergie de la fermeté et résiste seul à sa volonté impie.

En attendant Bonaparte, soit pour détourner l'attention de ses sujets de ses mauvais succès en Espagne et Italie, soit par d'autres vues, celle entre autre d'une nouvelle conscription, se dit menacé par l'Autriche; les contingents marchent et le feu de la guerre menace de nouveau cette malheureuse Allemagne.

Voilà le tableau succinct des circonstances extérieures.

Venons à celui que nous présente la Russie, tel qu'il paraît à mes yeux et tel qu'il se juge généralement. Depuis la paix de Tilsit, forcé de la conclure, quoique par des circonstances impérieuses, le premier des mobiles pour la signer fut d'épargner le sang humain et de terminer les malheurs de la guerre, mais à la distance de quelques mois, quoique Bonaparte n'avait tenu aucun des engagements pris par ce traité, et en eut enfreint plusieurs, en envahissant des pays dont il avait pris la garantie, nous rompîmes avec l'Angleterre et anéantîmes notre commerce parce qu'il le voulait, nous déclarâmes la guerre à notre allié fidèle, qui avait respecté nos frontières et rejeté les propositions de Bonaparte. L'Empereur de Russie en avait appelé à sa loyauté, en dégarnissant ses fron-

отклонившему предложенія Бонапарта. Императоръ Россіи обратился тогда къ его чувству благородства, отвелъ войска отъ его границъ, и шведскій король откликнулся на этотъ призывъ; мы же, въ виду того, что шведскій король, монархъ бѣднаго государства, нуждающагося для того, чтобы существовать, чтобы питаться, въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей, не хочетъ подчиниться настоящему требованію, предъявленному нами—разорить свою страну разрывомъ съ Англіей,—мы занимаемъ одну изъ его областей, мы проливаемъ кровь невиннаго, союзника, родственника, и мы забываемъ всѣ наши узы, потому что Франція хочетъ этого; а Франція хочетъ этого не только для того, чтобы вредить Англіи, а главнымъ образомъ для того, чтобы подкопаться подъ наши силы и славу. Франція предвидѣла, что если даже это завоеваніе можетъ оказаться для насъ легкимъ въ данную минуту, то сохраненіе его потребуетъ отъ насъ много людей и денегъ, и что эта борьба будетъ оставаться нерѣшенной до тѣхъ поръ, пока, раскрывъ свои карты, она не предпишетъ намъ, въ зависимости отъ своихъ интересовъ, возвратить разоренную область. Расчеты Франціи оправдались; наши первые успѣхи достались легко, но въ настоящее время, когда Швеція удалось сосредоточить свои силы, когда въ этой области проявляется недовольство, когда даже крестьяне стали нашими врагами, чего намъ ни стоить это приобрѣтеніе! Даже наши успѣхи лишь частичны, и борьба болѣе чѣмъ опасна вслѣдствіе потерь людьми, трудности снабженія про-

tières, et le roi de Suède, souverain d'une monarchie pauvre qui a besoin pour exister, pour s'alimenter, des ressources du commerce avec l'Angleterre, ne veut pas souscrire à la loi impérieuse que nous lui faisons, de ruiner son pays en rompant avec l'Angleterre, nous envahissons une de ses provinces, nous répandons le sang de l'innocent, de l'allié, du parent, et nous oublions tous nos liens parce que la France le veut, et la France le veut, non seulement pour nuire à l'Angleterre, mais principalement pour miner vos ressources et votre gloire. La France prévoyant que si même cette conquête pouvait nous être facile dans le moment, il nous en coûterait beaucoup en hommes, en argent pour la soutenir, et que cette lutte resterait incertaine, jusqu'au moment, où après avoir déjoué ses cartes elle nous prescrirait selon ses intérêts de rendre une province ruinée. La prévoyance de la France a été juste; nos premiers succès ont été faciles, mais présentement que la Suède a pu rassembler ses forces, que le mécontentement de la province se manifeste, que les paysans mêmes sont devenu nos ennemis, que ne nous coûte pas cette acquisition! Nos succès mêmes ne sont que partiels, et la lutte est plus que dangereuse par la perte des hommes, les difficultés

довольствіемъ, чрезмѣрныхъ расходовъ, истощенія самой области и массы людей, оказывающихъ сопротивленіе нашимъ войскамъ. Признаюсь вамъ, что сохраненіе области въ будущемъ представляется мнѣ болѣе чѣмъ сомнительнымъ; а что дѣлають въ это время наши союзники? Они должны были угрожать шведской границѣ, а они такъ мало думаютъ объ этомъ, что шведскій король могъ отвлечь оттуда свои войска, чтобы двинуть ихъ противъ насъ. Какое иное заключеніе можно вывести отсюда, какъ не убѣжденіе въ твердой рѣшимости ослабить насъ въ людяхъ, деньгахъ и средствахъ, измучить насъ, чтобы приготовить себѣ болѣе легкую игру; по милости Франціи мы должны считать нашу эскадру, подъ начальствомъ Сенявина, погябшею для насъ, потому что она должна попасть или въ руки возмущившихся португальцевъ, или въ руки англичанъ.

Воля Бонапарта парализовала наши дѣйствія противъ турокъ; мы находимся ни въ войнѣ, ни въ мирѣ, а между тѣмъ государство несетъ всѣ издержки войны, и я предвижу, что, если предпріятія Бонапарта увѣнчаются успѣхомъ, онъ никогда не согласится на присоединеніе Молдавіи и Валахіи, а если и согласится, то, быть можетъ, лишь подъ пагубнымъ условіемъ территориальнаго вознагражденія для него и для его семьи, что создастъ намъ сосѣдей честолюбивыхъ или же неспособныхъ, грозя нашей имперіи самыми непосредственными опасностями.

de l'approvisionnement, les dépenses excessives, l'épuisement de la province même et la masse d'hommes qui s'oppose à nos troupes. Je vous avoue que la conservation de la province pour le futur me paraît plus que douteuse; et que font nos alliés dans ce moment? Ils devaient menacer les frontières suédoises; et ils le font si peu que le roi de Suède a pu en détourner ses forces pour les porter contre nous. Qu'en conclure si ce n'est la persuasion d'une volonté déterminée de nous appauvrir en hommes, en argent et en ressources, de nous énerver pour se préparer un jeu plus facile; grâce à la France nous devons croire notre escadre sous les ordres de Seniavin perdue, car elle doit tomber au pouvoir ou des insurgés Portugais, ou des Anglais.

La volonté de Bonaparte a paralysé nos opérations contre les Turcs; nous ne sommes ni en paix, ni en guerre, et cependant l'état supporte toutes les dépenses de la guerre et prévois que si Bonaparte a des succès dans ses entreprises, il ne consentira jamais à l'acquisition de la Moldavie et Walachie, si ce n'est peut-être sous des conditions funestes d'agrandissement pour lui et sa famille qui nous donnent des voisins ambitieux ou bien ineptes, menaçant notre empire de dangers les plus pressants. Bonaparte se rend l'arbitre de nos différends avec la Perse,

Бонапартъ становится посредникомъ въ нашихъ распряхъ съ Персіей: овъ принимаетъ ея пословъ; однимъ словомъ, его вліяніе распространяется на все, и поистинѣ стыдно, но справедливо сказать, что оно простирается начиная съ солдатской формы и кончая рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ. Бросимъ взглядъ на наше внутреннее положеніе; мы увидимъ тамъ всеобщее недовольство, смѣшанное съ негодованіемъ отвращеніе къ французамъ, погубленную торговлю; цѣны на предметы первой необходимости возросшими столь чрезмѣрно, что для бѣдныхъ это равнозначуще голоду; недостатокъ въ соли, финансовыя средства въ положеніи, близкомъ къ банкротству; имѣющееся небольшое количество звонкой монеты ходящимъ по чрезмѣрному курсу, такъ какъ ассигнаціи потеряли половину своей стоимости, уменьшивъ на половину средства пропитанія живущихъ жалованьемъ и вынуждая ихъ къ нищенству или кражамъ. Такъ какъ произведенія страны остаются у насъ на рукахъ, денежныхъ оборотовъ болѣе не происходитъ, и, слѣдовательно, рудники, заводы, мануфактуры падутъ; само государство, вслѣдствіе потерь таможеннаго дохода, видитъ свои средства значительно уменьшившимися, а между тѣмъ расходы постепенно растутъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, одновременно угнетающихъ и деревенскаго жителя, и дворянина; однимъ словомъ, нѣтъ сословія, которое не страдало бы, не было бы отягощено.

2. Разсмотримъ цѣль, которую Бонапартъ будетъ преслѣдовать при

il reçoit ses ambassadeurs; enfin son influence s'étend sur tout, et en vérité il l'est honteux, mais il est vrai de dire qu'elle s'étend depuis la toilette des soldats jusqu'aux décisions d'affaires d'état. Jetons un regard sur notre intérieur, nous y verrons un mécontentement général, une aversion mêlée d'indignation contre les Français, le commerce anéanti, le prix des premiers besoins monté si excessivement qu'il équivaut pour le pauvre à la famine, un manque de sel, les finances dans un état qui approche de la banqueroute, le peu de numéraire porté à un taux excessif, les billets ayant perdu la moitié de leur représentation, réduisant le pain du salarié à la moitié et les forces à la mendicité ou au vol. La production du pays nous restant sur les bras, il n'y a plus de revirement de fonds, par conséquent, les mines, les fabriques, les manufactures tomberont, l'état même par la perte des douanes voit ses revenus diminués considérablement et les dépenses augmentées graduellement par les circonstances qui oppriment en même temps l'habitant de campagne et le gentilhomme: finalement, il n'y a pas de condition qui ne souffre, qui ne soit pressurée.

2) Examinons le but qu'il se propose à cette entrevue. Frappé du

этомъ свиданіи. Пораженный первой дѣйствительной неудачей, онъ находится въ состояніи кризиса: его честь окажется запятанной, если онъ не закончитъ со славой испанскія дѣла. Ему нужно, чтобы Иосифъ остался властителемъ Испаніи, такъ какъ неаполитанская корона уже отдана, и эта борьба имѣетъ для него рѣшающее значеніе: или онъ съ успѣхомъ выйдетъ изъ нея, или онъ погибнетъ въ ней, такъ какъ, если испанцы будутъ продолжать держаться и торжествовать надъ нимъ,—ихъ примѣръ увлечетъ другіе народы, стонущіе подъ игомъ, и которые захотятъ сбросить его. Несмотря на это критическое положеніе, Бонапартъ хочетъ удалиться отъ центра дѣйствій и отправляется въ Эрфуртъ для свиданія съ вами; отсюда слѣдуетъ, что польза, которой онъ ожидаетъ для себя отъ этого свиданія, рассчитана имъ заранѣе, и рассчитана навѣрное; онъ чувствуетъ, что его обаяніе начинаетъ исчезать, и ищетъ новаго въ дружбѣ императора Россіи; кумиръ шатается, но присутствіе, великодушныя заботы его молодого друга должны поддержать его. Нужно представить этому молодому другу цѣль, достойную его добраго и благороднаго сердца, которая привлекла бы его, побудила бы предпринять эту позорную поѣзду. И вотъ его взорамъ представляютъ обаятельный призракъ добра, которсе явится слѣдствіемъ этого свиданія, предотвративъ, быть можетъ, пролитіе крови, уже готовой пролиться въ виду враждебныхъ намѣреній Австріи; но сколько коварства, злости и вѣроломства въ этомъ обнадеживаніи! Им-

premier revers véritable, Bonaparte se trouve dans un état de crise; son honneur se trouve compromis, s'il ne termine glorieusement l'affaire d'Espagne. Il faut pour lui que Joseph en reste le maître, la couronne de Naples étant donnée, et cette lutte pour lui est décisive: ou il y emportera le succès, ou il y périra, car si les Espagnols continuent à se soutenir et à l'emporter, leur exemple entraînera les autres peuples qui gémissent sous le joug et qui voudront s'en dégager. Malgré cet état de crise, Bonaparte veut s'éloigner du centre des opérations et se rend à Erfurth pour vous voir; il faut donc que le bien qu'il attend pour lui de cette entrevue soit calculé d'avance à jeu sûr, il sent que le prestige commence à s'évanouir, il en cherche un nouveau dans l'amitié de l'Empereur de Russie; l'idole chancelle, mais la présence, les soins généreux de son jeune ami doivent le relever. Il faut présenter à ce jeune ami un but digne de son cœur bon et loyal, qui l'attire, qui lui fasse entreprendre cette course honteuse. Eh bien, on présente à ses yeux le prestige du bien qui en résultera, en arrêtant peut-être l'effusion du sang prêt à couler, vu les intentions hostiles de l'Autriche; mais que d'astuce, de méchanceté et de perfidie dans cet espoir présenté!

поратора Россіи завлекли на это свиданіе именно для того, чтобы проливать кровь, для того, чтобы при помощи своихъ лукавыхъ разговоровъ побудить его, такъ сказать, противъ его собственной воли, принять участіе въ новой войнѣ, которая, быть можетъ, необходима Бонапарту, чтобы отвлечь въ другую сторону вниманіе французовъ, и которая, безспорно, замышляется для того, чтобы уничтожить, если возможно, единственное настоящее государство, которое оказывается между нимъ и нами, чтобы, такимъ образомъ, не существовало болѣе никакихъ преградъ, никакихъ задержекъ, которыя могли бы препятствовать ему напасть на насъ, когда нашъ часъ настанетъ для него; все это для того, чтобы ослѣпить насъ новыми проектамизанятія и раздѣла Оттоманской имперіи, которые всѣ гибельны для насъ въ томъ отношеніи, что увеличатъ силы, которыми онъ располагаетъ; все это для того, чтобы парализовать благородную отвагу испанцевъ, которые устроятся соединенныхъ дѣйствій противъ нихъ; для того, чтобы приобщить императора Россіи къ проклятіямъ, которыми осыпаютъ Бонапарта столько народовъ; для того, чтобы погубить, уронить его въ общественномъ мнѣніи и подорвать всякое довѣріе къ его характеру; все это, наконецъ, для того, чтобы прикрыться имъ, какъ щитомъ.

3. Самое время для свиданія выбрано съ такимъ расчетомъ, чтобы произвести самое пагубное впечатлѣніе, такъ какъ не нужно забывать, что новыя жестокости противъ Испаніи, противъ папы, подѣйствовали

C'est pour répandre le sang que l'Empereur de Russie est entraîné à ce voyage, c'est pour l'engager par sa conversation astucieuse, pour ainsi dire contre sa propre volonté, à prendre part à cette nouvelle guerre, qui peut-être est nécessaire à Bonaparte pour donner une diversion aux esprits français, et qui certainement se prémédite pour anéantir, s'il se peut, la seule puissance véritable qui se trouve entre lui et nous, pour qu'il n'existe plus de barrière, plus d'arrêt à tomber sur nous, lorsque notre heure aura sonné pour lui; c'est pour nous éblouir par de nouveaux projets d'envahissement et de partage de l'Empire Ottoman, qui tous sont destructeurs pour nous, parce qu'ils augmenteraient la masse de sa puissance à lui; c'est pour paralyser le noble courage des Espagnols qui craindront une réunion d'efforts contre eux, c'est pour assimiler l'Empereur de Russie aux malédictions que Bonaparte reçoit de tant de peuples, pour le perdre et l'avilir dans l'estime public et anéantir toute confiance dans son caractère, c'est enfin pour s'en faire un bouclier.

3) Le moment choisi pour l'époque de l'entrevue est encore calculé pour produire l'effet le plus désastreux, car il faut se dire que les nou-

на Европу, какъ электрической ударъ, раскрыли ей глаза, и что никогда еще Бонапарта не судили болѣе строго, и что никогда еще онъ не возбуждалъ большаго негодованія. Его лживость, его коварство, его вѣроломство видимы во всей полнотѣ, и относительно этого не можетъ быть болѣе двухъ различныхъ мнѣній. Дѣйствительно, какъ бы само небо высказывается противъ него, и въ такое-то время вы отправитесь, чтобы этимъ доказательствомъ довѣрія и дружбы поддержать его и пренебречь общественнымъ мнѣніемъ и, такъ сказать, добровольно примкнуть къ нему, чтобы отдаться волѣ случая, тогда какъ благоразуміе, хорошая политика требовали бы оставаться спокойнымъ и невозмутимымъ зрителемъ, выжидать судьбы, которую небо, быть можетъ, готовитъ ему.

4. Наконецъ, мнѣ остается поговорить съ вами о пагубныхъ послѣдствіяхъ этого свиданія для васъ лично, для государства, и объ опасности, которая вытекаетъ отсюда для васъ.

Убѣдитесь, дорогой Александръ, что всѣ тѣ въ нашемъ государствѣ, которые уважаютъ, любятъ васъ, и которымъ дорога ваша слава, носятъ въ своемъ сердцѣ величайшую печаль объ этомъ свиданіи, которое чернитъ вашу репутацію и кладетъ на нее неизгладимое пятно, за которое когда-нибудь даже грядущія поколѣнія будутъ упрекать васъ, каково бы ни было ваше дальнѣйшее царствованіе. Весь народъ дол-

velles atrocités contre l'Espagne, contre le Pape viennent donner une commotion électrique à l'Europe, lui ont déssillé les yeux, et que jamais Bonaparte ne fut jugé plus sévèrement et n'inspira plus d'indignation: sa fausseté, sa perfidie, son astuce se voyent au grand jour, et il n'y a plus de partage d'opinion à ce sujet. En vérité il paraît que le ciel même se déclare contre lui, et c'est dans ce moment que vous irez par ce témoignage de confiance et d'amitié le relever et braver l'opinion générale et vous associer pour ainsi dire gratuitement avec lui au hasard des circonstances, lorsque la sagesse, la bonne politique demanderait à rester spectateur calme et tranquille, à attendre le sort que le ciel lui prépare peut-être.

4) Enfin il me reste à vous parler des suites funestes de cette entrevue pour votre personne, pour l'état, et du danger qui en naît pour vous.

Persuadez-vous, cher Alexandre, que tous ceux de notre nation qui vous estiment, vous aiment et à qui votre gloire est chère, portent le deuil le plus profond dans leur coeur de cette entrevue qui ternit votre réputation, et lui laisse une tache ineffaçable que la postérité même vous reprochera un jour, tel que soit votre règne futur; la nation entière en

женъ быть не только опечаленъ этимъ, но онъ будетъ оскорбленъ въ своемъ самолюбіи, такъ какъ его достоинство задѣто въ лицѣ его государя, на котораго онъ смотритъ какъ на своего Бога-хранителя; видѣть, что онъ уступаетъ желанію Бонапарта, уѣзжая изъ своего государства для свиданія съ нимъ и такимъ образомъ вѣрняя свою священную особу тому, который не уважаетъ ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ,—это противно его славі. Какъ только народъ увидитъ, что вы находитесь вмѣстѣ съ нимъ, онъ утратитъ довѣріе къ вашимъ рѣшеніямъ, къ вашимъ повелѣніямъ, и, каковы бы они ни были, онъ будетъ считать ихъ исторгнутыми силою, такъ какъ, дорогой Александръ, даже ваша попытка положиться, такъ сказать, на чистосердечіе того, который никогда не зналъ его, будетъ приписана малодушію, и послѣ того всѣ ваши поступки будутъ носить въ глазахъ народа, въ глазахъ Европы тотъ же самый отпечатокъ. Во всемъ мірѣ лишь вы одни можете вѣрить, что подобнымъ путемъ предотвратите бѣдствія и возродите благополучіе и миръ. Нѣтъ, Александръ, это не такъ. Вы ошибаетесь и даже преступнымъ образомъ: то, что вы дѣлаете для того, чтобы предотвратить бѣдствія, то самое щедрою рукою обрушить ихъ на наши головы. Бонапартъ сумѣлъ вырвать у васъ въ Тильзитѣ согласіе на разрывъ съ англичанами, на войну со Швеціей и даже на это новое несчастное свиданіе. И вотъ пусть прошлое послужитъ вамъ урокомъ для будущаго. Это свиданіе исторгнетъ отъ васъ

doit être non seulement affligée, mais son amour propre en sera blessé, car sa dignité est compromise dans la personne de leur souverain qu'elle regarde comme son Dieu tutélaire; il est contre sa gloire de le voir céder au vœu de Bonaparte en quittant ses états pour le voir et confiant sa personne sacrée à celui qui ne respecte ni loi divine, ni humaine; la nation, dès qu'elle vous saura réuni à lui, perdra confiance dans vos déterminations, dans vos ordres, et tels qu'ils soient, elle les croira arrachés par la force, car même, cher Alexandre, votre démarche de vous en remettre, pour ainsi dire, à la bonne foi de celui qui n'en connut jamais, sera taxée de pusillanimité, et dès lors toutes vos démarches porteront ce même cachet aux yeux de la nation, aux yeux de l'Europe. Il n'y a que vous seul au monde qui croyez par cette démarche prévenir des maux et faire renaître le bonheur et la paix. Non, Alexandre, il n'en est pas ainsi. Vous vous trompez même d'une manière criminelle; ce que vous faites pour prévenir des malheurs, les versera à pleines mains sur nos têtes. Bonaparte a su vous arracher à Tilsit la promesse de la rupture avec les Anglais, la guerre avec la Suède et même cette nouvelle malheureuse entrevue. Eh bien, que le passé vous serve de bien pour

новыя кровавыя мѣры, рѣзню, оно повлечетъ за собою гибель вашей страны и, въ концѣ концовъ, даже вашу собственную. Вы согласитесь дѣйствовать противъ Австріи, противъ всѣхъ враговъ Бонапарта, вы раздѣлите его намѣренія, будете дѣйствовать для него, подкапываясь такимъ образомъ подъ самого себя, потому что развѣ не очевидно, что, ослабляя силы государствъ, оказывающихъ сопротивление Бонапарту, вы истощаете самого себя, и въ равной мѣрѣ увеличите силы, которыя онъ когда-нибудь выставитъ противъ насъ. Когда затѣмъ, по вашему возвращеніи, вы будете обязаны выполнить новыя обязательства, принятые вами на себя по отношенію къ нему, чего вы можете ожидать отъ общественнаго мнѣнія, когда довѣріе страны будетъ отнято отъ васъ? Александръ! престоль слабо упроченъ, когда онъ не покоится болѣе на этомъ прочномъ чувствѣ. Не оскорбляйте вашего народа во всемъ томъ, что для него священно и дорого въ вашей августѣйшей особѣ, признайте его любовь въ удрученномъ настроеніи данной минуты и не преклоняйте добровольно своего чела, украшеннаго прекраснѣйшимъ изъ вѣнцовъ, передъ кумиромъ счастья, но кумиромъ, проклятымъ настоящимъ и грядущими поколѣніями; остановитесь на краю бездны! Если ваше свиданіе произойдетъ, тогда всего можно ожидать. Кто можетъ отвѣчать за то, что этотъ человѣкъ, незнавшій еще неудачъ, можетъ позволить себѣ, если, раздраженный

l'avenir. Cette entrevue vous arrachera de nouvelles mesures de sang, de carnage, elle entraînera la ruine de votre pays et finalement la vôtre même. Vous consentirez à agir contre l'Autriche, contre tous les ennemis de Bonaparte, vous entrerez dans ses vues, vous agirez pour lui en vous détruisant ainsi vous-même, car n'est-il pas évident qu'en affaiblissant les forces des puissances qui résistent à Bonaparte, vous vous épuisez vous-même et vous augmenterez d'autant la masse des forces qu'il déploiera un jour contre nous. Lorsqu'en suite, à votre retour, vous serez obligé de remplir les nouveaux engagements pris avec lui, qu'avez vous à attendre de l'esprit public, lorsque la confiance de la nation vous aura été ôtée. Alexandre, le trône est mal affermi lorsqu'il n'est plus basé sur ce sentiment solide. Ne blessez pas votre nation dans tout ce qui lui est sacré et cher dans votre personne auguste, reconnaissez son amour dans les angoisses du moment et n'allez pas volontairement ployer votre front orné du plus beau diadème devant l'idole de la fortune, mais l'idole maudite de la race présente et future; arrêtez-vous sur le bord du précipice! Tout est possible si votre entrevue a lieu. Qui peut répondre de ce que cet homme qui ne connut pas encore les revers, peut se permettre, si irrité des nouvelles fâcheuses de ses affaires en Espagne.

неблагоприятными извѣстіями о положеніи своихъ дѣлъ въ Испаніи, онъ захочетъ насильно принудить васъ примкнуть къ его дѣлу? На какія только крайности онъ не способенъ рѣшиться! Я знаю, что онъ рискнетъ всѣмъ для всего, но, человѣкъ нечестивый, развѣ онъ взвѣшиваетъ? Александръ, что будетъ съ вашимъ государствомъ, съ вашей семьей? Вы отецъ и того и другой; выслушайте наши мольбы, наши просьбы; отдайте это свиданіе, выиграйте время, въ предлогахъ у васъ не можетъ оказаться недостатка. Положеніе дѣлъ въ Финляндіи трудное, англійскій и шведскій флоты—предъ нашими гаванями, вашъ—въ морѣ; возможность сраженія вѣроятна. Наши дѣла въ Турціи не внушаютъ довѣрія; однимъ словомъ, все можетъ служить предлогомъ, чтобы избѣгнуть этого свиданія и выиграть время. При настоящихъ обстоятельствахъ даже отсрочка является уже успѣхомъ, и вѣрьте мнѣ, Александръ, что Бонапартъ, въ виду положенія Европы, долженъ будетъ удовольствоваться этой отсрочкой и покориться тому, что вамъ будетъ угодно пожелать. Отъ него постоянно можно добиться своего, если проявлять твердость и достоинство; но онъ будетъ владычествовать съ желѣзнымъ скипетромъ въ рукахъ надъ тѣми, которыхъ онъ будетъ видѣть склоняющимися передъ собою, а отправляясь при настоящихъ обстоятельствахъ на свиданіе съ нимъ—вы склоняетесь передъ нимъ, и въ этомъ ваша гибель. Ради Бога, Александръ, уклонитесь отъ этого свиданія; уваженіе народа утрачивается легко, но не

il peut vouloir forcément vous obliger à faire cause commune avec lui. A quelles extrémités ne peut-il se porter? Je sais qu'il risquerait le tout pour le tout, mais l'homme impie, calcule-t-il? Alexandre, que deviendrait votre état, votre famille? Vous êtes le père de l'un et de l'autre; écoutez nos vœux, nos prières, éloignez cette entrevue, gagnez du temps, les prétextes ne peuvent vous manquer; les affaires en Finlande sont épineuses; la flotte anglaise et suédoise est devant nos ports, la vôtre en mer; l'attente d'une bataille est possible. La tournure des affaires en Turquie est incertaine; enfin tout peut servir de prétexte pour éluder cette entrevue et gagner du temps. Dans les circonstances présentes un délai est déjà un gain, et croyez-moi, Alexandre, que Bonaparte, vu les événements d'Europe, devra se contenter de ce délai et en passer par là de ce que vous le voudrez. On aura toujours gain de cause avec lui, en montrant de la fermeté et de la dignité, mais il régnera avec un sceptre de fer sur ceux qu'il voit plier, et vous, en allant le chercher dans ces circonstances, vous pliez devant lui et de là votre perte. Alexandre, évitez la au nom de Dieu; l'estime d'une nation se perd facilement, mais ne se regagne pas de même; vous la perdrez par cette entrevue et vous perdrez

столь же легко завоевывается обратно. Вы потеряете его черезъ это свиданіе и вы потеряете вашу имперію и вашу семью: остановитесь, еще есть время, послушайте голоса чести, просьбъ, моленій вашей матери; она громогласно взываетъ къ вашему сердцу, остановитесь, мое дитя, мой другъ. Одно исторгнутое слово, которое влечетъ за собою потерю общественнаго уваженія и довѣрія народа, и которое ниспровергаетъ въ пучину бѣдствій, подобное слово должно быть обойдено.

Александръ, я молю о помощи Божьей для васъ, чтобы Святой Духъ руководилъ вамъ, пролилъ просвѣтленіе въ вашъ умъ и въ ваше сердце, и мои опасенія, мои муки смѣнятся изъявленіями благодарности Верховному Существо и благословленіями васъ. Прощайте.

II.

Собственноручное письмо императора Александра I къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Ваше письмо, дорогая матушка, и предметъ, о которомъ оно говорить, налагають на меня обязанность отвѣчать на него съ довѣріемъ и откровенностью, на которыя я чувствую себя способнымъ. Его содержаніе слишкомъ серьезно, слишкомъ важно, чтобы я могъ допустить въ своемъ отвѣтѣ другое чувство, чѣмъ то, которое обусловливается моими обязанностями въ отношеніи къ отечеству и занимаемымъ мною въ немъ положеніемъ. Поэтому исключительно лишь съ этой точки зрѣ-

votre empire et votre famille: arrêtez-vous, il en est temps encore, rendez vous à la voix de l'honneur, aux prières, aux supplications de votre mère, elle crie à haute voix à votre coeur, arrêtez-vous, mon enfant, mon ami. Une parole arrachée qui entraîne la perte de l'estime public, de la confiance de la nation et qui précipite dans un dédale de malheurs, doit s'é luder.

Alexandre, j'implore l'assistance divine sur vous, veuille le Saint Esprit vous guider, répandre sa clareté dans votre esprit et votre coeur, et mes appréhensions, mes peines se changeront en actions de grâces pour l'Être suprême et en bénédictions pour vous. Adieu.

II.

Собственноручное письмо императора Александра I къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Votre, lettre, chère Maman, et le sujet dont elle traite, m'imposent le devoir d'y répondre avec toute la confiance et la franchise, dont je me sens susceptible. Son contenu est trop grave, trop important, pour que je puisse admettre dans ma réponse un autre sentiment que celui de mes devoirs envers ma patrie et la place que j'y occupe. Ce n'est donc que sous ce seul point de vue que je vais discuter sur les intérêts de la Russie,

нія я и буду говорить объ интересахъ Россіи, интересахъ, которые были и постоянно останутся для меня болѣе дорогими, чѣмъ все остальное въ мірѣ. Ея благосостояніе составляло исключительный предметъ всѣхъ моихъ заботъ: къ этой то единственной цѣли и клонились постоянно всѣ мои дѣйствія. Чтобы внести болѣе порядокъ въ то, что мнѣ предстоитъ высказать, я въ точности буду придерживаться того порядка, въ которомъ изложено ваше письмо.

1. Не входя во всѣ подробности, которыя повлекъ бы за собою споръ объ общемъ положеніи дѣлъ за-границей, я ограничусь указаніемъ на нѣкоторые факты, которые, какъ мнѣ кажется, трудно опровергнуть, не попирая истины.

Послѣ несчастной борьбы, которую мы вели противъ Франціи, послѣдняя осталась наиболѣе сильною изъ трехъ еще существующихъ континентальныхъ державъ, и по своему положенію, по своимъ средствамъ, она можетъ одержать верхъ не только надъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, но даже надъ обѣими взятыми вмѣстѣ.

Не является ли въ интересахъ Россіи быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ этимъ страшнымъ колоссомъ, съ этимъ врагомъ, по истинѣ опаснымъ, котораго Россія можетъ встрѣтить на своемъ пути?

Для того, чтобы было позволено надѣяться съ достаточнымъ основаніемъ, что Франція не будетъ пытаться вредить Россіи, нужно, чтобы она была заинтересована въ этомъ; одна лишь польза является

intérêts qui m'ont été et qui me seront toujours plus chers que tout au monde. Son bien-être a fait uniquement l'objet de tous mes soins: c'est vers ce but seul que constamment ont tendu tous mes efforts, toutes mes démarches. Pour mettre plus d'ordre dans ce que j'ai à dire, je vais suivre exactement celui, dans lequel votre lettre est tracée.

1) Sans entrer dans tous les détails qu'une discussion sur le tableau de l'état général des affaires dans l'étranger amenerait, je me contenterai d'énoncer quelques faits que je crois difficile de réfuter sans blesser la vérité.

Après la malheureuse lutte que nous avons soutenue contre la France, elle est restée la plus forte entre les trois puissances du continent encore existantes, et telle par sa position, par ses moyens, à pouvoir triompher non seulement de chacune d'elles séparément, mais même de toutes les deux réunies ensemble.

N'était-il pas de l'intérêt de la Russie d'être bien avec ce colosse redoutable, avec ce seul ennemi vraiment dangereux que la Russie peut avoir?

Pour qu'il soit permis d'espérer raisonnablement que la France ne cherchera pas à nuire à la Russie, il faut qu'elle y trouve son intérêt;

обычнымъ руководящимъ началомъ въ политической дѣятельности государствъ. Нужно, чтобы Франція могла думать, что ея политическіе интересы могутъ сочетаться съ политическими интересами Россіи; съ того момента, какъ у нея не будетъ этого убѣжденія, она будетъ видѣть въ Россіи лишь врага, попытается уничтожить котораго будетъ входить въ ея интересы. Напротивъ того, слѣдуетъ ожидать, что Франція постоянно предпочтетъ дружбу Россіи,—какъ только она будетъ являться совмѣстимою съ ея политическими интересами—войнѣ или враждебнымъ отношеніямъ съ нею, потому что, несмотря на превосходство своихъ силъ, она уже испытала, насколько подобная борьба была тягостна для нея.

Если кабая-нибудь надежда на миръ на континентѣ вѣроятна, то развѣ не путемъ единенія между Россіей и Франціей можно надѣяться осуществить ее?

Можно ли ожидать, чтобы Наполеонъ не зналъ о превосходствѣ своихъ силъ, своихъ средствъ, своего мѣстнаго положенія, и надежда побудить его идти другимъ путемъ, чѣмъ тотъ, котораго онъ держится, не является ли несбыточной?

Поэтому, какимъ другимъ средствомъ могла располагать Россія для того, чтобы сохранить свое единеніе съ Франціей, какъ не готовностью примкнуть на нѣкоторое время къ ея интересамъ и тѣмъ доказать ей, что она можетъ относиться безъ недоверія къ ея намѣреніямъ и планамъ.

lui seul est le guide ordinaire dans la conduite politique des états. Il faut que la France puisse croire que son intérêt politique peut s'allier avec celui de la Russie; dès qu'elle n'aura pas cette croyance, elle ne verra plus dans la Russie qu'un ennemi qu'il sera de son intérêt de tâcher de détruire. Il est à présumer par contre que la France préférera toujours l'amitié de la Russie, dès qu'elle pourra être compatible avec son intérêt politique, à un état de guerre ou d'inimitié avec elle, car malgré sa supériorité de forces, elle a éprouvé déjà, combien une lutte pareille lui était onéreuse.

Si quelque espoir de paix sur le continent était probable, n'était-ce pas par l'union entre la Russie et la France qu'on pouvait se flatter d'y atteindre?

Était-il à présumer que Bonaparte ne connut pas la prépondérance de ses forces, de ses moyens, de sa position locale, et l'espoir de l'obliger à suivre une marche autre que la sienne, n'est-il pas chimérique?

Quel autre moyen pouvait donc avoir la Russie pour conserver son union avec la France, que celui d'entrer pour quelque temps dans ses vues et lui prouver qu'elle peut rester sans méfiance sur ses intentions et ses plans?

Къ этому-то результату должны были клониться всѣ наши усилія, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность нѣкоторое время дышать свободно и увеличивать въ теченіе этого столь драгоценнаго времени наши средства, наши силы. Но мы должны работать надъ этимъ среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадяхъ о нашихъ вооруженіяхъ, нашихъ приготовленіяхъ и не гремя публично противъ того, къ кому мы питаемъ недовѣріе.

2. Перехожу ко второму предмету—о цѣли свиданія. О немъ просили задолго до возникновенія испанскаго вопроса; слѣдовательно, этотъ вопросъ не могъ послужить поводомъ для него. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы покончить массу дѣлъ, оставшихся нерѣшенными, и которыя Наполеонъ не желаетъ покончить при помощи посредниковъ или пассивнымъ путемъ. Такъ какъ сила въ его рукахъ, нужно пойти на свиданіе, котораго онъ желаетъ, или же отказаться отъ разрѣшенія этихъ дѣлъ, имѣющихъ столь существенное значеніе для интересовъ Россіи. Остановить новое пролитіе крови тоже было бы цѣлью, пользу которой нельзя оспаривать; это значило бы спасти Австрію и сохранить ея силы для подходящаго момента, когда ей окажется возможнымъ употребить ихъ для всеобщаго блага. Этотъ моментъ, быть можетъ, близокъ, но онъ еще не наступилъ, и ускорять его наступленіе значило бы испор-

C'est à ce résultat que devaient tendre tous nos efforts, pour pouvoir respirer pendant quelque temps librement et augmenter pendant ce temps si précieux nos moyens, nos forces. Mais ce n'est que dans le plus profond silence que nous devons y travailler et non en publiant nos armemens, nos préparatifs sur les places publiques et en déclamant hautement contre celui dont nous nous défions.

2) Je passe au second article, sur le but de l'entrevue. Elle a été demandée longtemps avant le commencement des affaires d'Espagne; par conséquent ces affaires n'en ont donc pas pu être le motif. Il s'agit de terminer tant de choses restées en suspens et sur lesquelles Napoléon ne veut pas venir à la conclusion par intermédiaire ou par écrit. La force étant dans ses mains, il faut en venir à l'entrevue qu'il désire, ou renoncer à cette conclusion si essentielle pour les intérêts de la Russie. Arrêter une nouvelle effusion de sang serait encore un but dont l'utilité ne peut pas être contestée, ce serait sauver l'Autriche et conserver ses moyens pour le vrai moment où elle pourra les employer pour le bien général. Ce moment peut être près, mais il n'a pas sonné encore, l'accélérer serait tout gêner, tout perdre. Tout porte à croire que Napoléon ne veut pas la guerre avec l'Autriche. Cette dernière ne peut la commencer qu'en s'aveuglant sur ses vrais intérêts et court risque de se pré-

тять, погубить все. Все заставляетъ предполагать, что Наполеонъ не желаетъ войны съ Австріей. Послѣдняя же можетъ начать ее лишь совершенно заблуждаясь относительно своихъ истинныхъ интересовъ и подвергается опасности очутиться въ безднѣ, откуда не будетъ болѣе возможности извлечь ее. Если бы свиданіе имѣло единственнымъ своимъ послѣдствіемъ предотвращеніе столь прискорбнаго бѣдствія, это съ избыткомъ вознаградило бы за неразлучныя съ нимъ непріятности.

Что касается испанскаго вопроса, то направленіе ему дано, и свиданіе въ Эрфуртѣ не можетъ что-либо измѣнить въ этомъ отношеніи. Не русская же армія можетъ отправиться въ эту страну. Къ тому же у Наполеона болѣе чѣмъ достаточно войска, чтобы дѣйствовать съ двухъ сторонъ съ перевѣсомъ силъ. Одно лишь Божественное Провидѣніе рѣшить, каковъ долженъ быть исходъ испанскихъ дѣлъ, и этотъ-то исходъ предрѣшить образъ дѣйствій, котораго государствамъ придется держаться впослѣдствіи.

3. Время, выбранное для свиданія, какъ разъ таково, что оно налагаетъ на меня обязанность не показывать вида, точно я уклоняюсь отъ него. Наши интересы послѣдняго времени потребовали отъ насъ тѣснаго единенія съ Франціей, мы все сдѣлали для того, чтобы доказать ей искренность, прямоту нашего образа дѣйствій. Слѣдуетъ ли, въ виду минутныхъ неудачъ, испытываемыхъ Наполеономъ, испортить все сдѣланное нами и поселить въ немъ сомнѣнія насчетъ нашихъ истинныхъ намѣреній? Неудачи, которыя онъ испытываетъ, быть можетъ, кратко-

cipiter dans un abime dont il ne sera plus possible de la retirer. Si l'entrevue n'aurait que le seul résultat d'avoir empêcher une calamité aussi déplorable, elle compenserait encore avec usure les désagrémens qui en sont inséparables.

Quant aux affaires d'Espagne, l'impulsion leur est donnée et l'entrevue d'Erfourt ne saurait l'arrêter. Ce n'est pas une armée russe qui pourra marcher dans ce pays. Napoléon en a de reste pour agir de deux côtés avec supériorité de forces. C'est la Providence divine seule qui décidera de l'issue que doivent avoir les affaires d'Espagne et c'est cette issue qui décidera de la conduite que les états auront à tenir après.

3) Le moment choisi pour l'époque de l'entrevue est justement tel, qu'il m'impose l'obligation de n'avoir pas l'air de l'é luder. Nos intérêts dans ces derniers temps nous ont commandé une union étroite avec la France, nous avons tout fait pour lui prouver la sincérité, la loyauté de notre conduite. Faut-il pour un instant de revers qu'éprouve Napoléon, gâter tout notre ouvrage et donner des doutes sur nos vraies intentions? Le revers qu'il éprouve, peut être momentané; ne devons-nous pas

временны; въ такомъ случаѣ не должны ли мы быть увѣрены, что навлечемъ на себя въ полной мѣрѣ его месть, и находимся ли мы уже въ состояніи пренебречь ею?

Если этимъ неудачамъ суждено продолжиться, постоянство, которое мы вносимъ теперь въ нашъ образъ дѣйствій, не причинить намъ никакихъ затрудненій; мы спокойно будемъ смотрѣть на его паденіе, если такова воля Провидѣнія, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что государства Европы, слишкомъ изнуренныя бѣдствіями, которыя они испытывали въ продолженіе столь долгаго времени, не подумаютъ начать изъ мести борьбу съ Россіей единственно потому, что она находилась въ союзѣ съ Наполеономъ въ такое время, когда каждое изъ нихъ въ отдѣльности добивалось того же. Но чего я желаю прежде всего, такъ это того, чтобы мнѣ доказали, на чемъ основываютъ предположенія о столь близкомъ паденіи столь могущественной имперіи, какъ Франція настоящаго времени. Развѣ забыли, что она сумѣла оказать сопротивление всей сплотившейся противъ нея Европѣ въ такое время, когда ее самое раздирали всевозможныя партіи, междоусобная война въ Вандеѣ, когда вмѣсто арміи она имѣла лишь національную гвардію, а во главѣ себя правительство слабое, колеблющееся, столько разъ ниспровергавшееся другимъ правительствомъ, столь же слабымъ. А въ настоящее

être sûrs alors de nous attirer toute sa vengeance et sommes-nous déjà en mesure de la braver?

Si ces revers doivent continuer, la constance que nous mettons maintenant dans notre système, ne nous causera aucun embarras, nous le verrons tranquillement tomber, si telle est la volonté de la Providence, et il est plus que probable que les états de l'Europe trop fatigués des calamités, auxquelles ils ont été en proie depuis si longtemps, ne penseront pas à commencer une lutte avec la Russie par vengeance, uniquement pour avoir été unie à Napoléon dans un temps, où chacune d'elles le recherchait pareillement. Mais ce que je désire avant tout, c'est qu'on me prouve, d'où déduit-on cette chute si prochaine d'un empire aussi puissant qu'est la France dans ce moment? A-t-on oublié qu'elle a su résister à l'Europe entière liguée contre elle, pendant qu'elle même était en proie à toutes les factions, à une guerre civile dans la Vendée, quand au lieu d'une armée elle n'avait que des gardes nationales et à sa tête un gouvernement faible, vacillant, culbuté tant de fois par un autre tout aussi faible. Et dans ce moment qu'elle est régie par un homme extraordinaire, dont les talents, le génie ne peuvent être contestés, avec toute la force que lui donne le pouvoir le plus absolu, secondé de tous les moyens les plus redoutables, à la tête d'une armée aguerrie, expérimen-

время она управляется необыкновеннымъ человекомъ, таланты, геній котораго не могутъ быть оспариваемы, и управляется со всею силою, которую придаетъ ему самая неограниченная власть, поддерживаемая всѣми наиболее грозными средствами, при наличіи арміи закаленной, испытанной пятнадцатью годами походовъ; хотять, чтобы эта-то имперія рухнула вслѣдствіе того, что два французскіе корпуса, неблагоприятно руководимые, потерпѣли поражение отъ превосходившаго ихъ силами непріятеля! Пусть же, по крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ позволено не раздѣлять подобнаго мнѣнія. Мечты оказались лишь слишкомъ пагубными для цѣлой Европы; пора бы, чтобы онѣ перестали руководить кабинетами, и чтобы наконецъ соблаговолили видѣть вещи такими, какими онѣ являются въ дѣйствительности, и удерживались отъ всякихъ предубѣжденій. Если Провидѣніе предрѣшило паденіе этой колоссальной имперіи, я сомнѣваюсь, чтобы оно могло прозойти внезапно; но еслибы даже оно было такъ, то болѣе благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затѣмъ уже принять свое рѣшеніе. Таково мое мнѣніе.

4. Теперь мнѣ остается отвѣтить лишь на четвертый пунктъ—о послѣдствіяхъ свиданія. Этотъ именно вопросъ наиболее трудный, и я, конечно, не позволю себѣ высказываться о послѣдствіяхъ, которыя могутъ быть извѣстны одному Богу, и которыя намъ едва позво-

tée depuis 15 années de guerre; on veut que ce même empire croule parceque deux corps français imprudemment conduits ont eu le dessous devant des forces supérieures! Qu'il me soit permis du moins de ne pas partager une opinion pareille. Les chimères n'ont été que trop funestes à l'Europe entière, il serait temps qu'elles cessassent de guider les cabinets et qu'on veuille enfin envisager les choses telles qu'elles sont dans la réalité, et s'abstenant de toute prévention. Si la Providence a décrété la chute de cet empire colossal, je doute qu'elle puisse être soudaine, mais si tel est même le cas il est plus prudent d'attendre qu'il soit croulé pour prendre son parti. Tel est mon opinion.

4) Il ne me reste plus qu'à répondre au 4-ème point, sur les suites de l'entrevue. C'est celui qui est le plus difficile et je ne me permettrai sûrement pas de prononcer sur des conséquences que Dieu seul peut connaître et qu'il nous est à peine donné de prévoir. Je me contenterai de dire que ce serait criminel de ma part, si je m'arrêtais dans ce que je crois utile aux intérêts de l'empire pour des propos qu'on se permet dans le public sans nulle connaissance de cause, sans approfondir les circonstances, sans vouloir même être éclairés sur les motifs. Cela serait là trahir mes devoirs pour courir après le triste avantage de me trouver d'accord avec le qu'en dira-t-on du moment, aussi vacillant que le sont

лено предвидѣть. Я удовольствуюсь, сказавъ, что было бы преступно съ моей стороны, еслибы я приостановился осуществленіемъ того, что считаю полезнымъ для интересовъ имперіи, подъ вліяніемъ разговоровъ, которые позволяютъ себѣ въ обществѣ, безъ малѣйшаго знанія дѣла, не углубляясь въ сущность обстоятельствъ, не желая даже узнать побудительныхъ причинъ моего образа дѣйствій. Поступить иначе значило бы измѣнить своему долгу, чтобы погнаться за грустнымъ преимуществомъ оказаться въ согласіи съ этимъ «что скажутъ?» данной минуты, столь же шаткимъ, какъ и люди, порождающіе его. Въ своемъ образѣ дѣйствій въ области политики я могу слѣдовать лишь указаніямъ своей совѣсти, своего лучшаго убѣжденія, никогда непокидающаго меня желанія быть полезнымъ своему отечеству. Вотъ, матушка, то, что я счелъ своимъ долгомъ написать вамъ въ отвѣтъ на ваше письмо; признаюсь, что мнѣ тяжело видѣть, что въ то время, когда я имѣю въ виду лишь интересы Россіи, чувства, руководящія моимъ образомъ дѣйствій, могутъ быть такъ превратно понимаемы.

Тысячу и тысячу разъ цѣлую ваши ручки.

les individus qui le font naitre. Dans ma conduite politique je ne puis suivre que ma conscience, ma meilleure conviction, que ce désir qui ne me quitte jamais, d'être utile à ma patrie. C'est la chose, Maman, ce que j'ai cru de mon devoir de vous tracer en réponse à votre lettre; j'avoue qu'il m'est pénible de voir que quand je n'ai en vue que les intérêts de la Russie, les sentiments qui font le mobile de ma conduite, puissent être autant méconnus.

Je vous baise mille et mille fois les mains.

Императрица Екатерина II въ началѣ царствованія Петра III.

(Ея автобіографическая записка).

Императрица Екатерина II любила часто и много писать: не пописавши, нельзя и одного дня прожить», сказала она однажды своему статсъ-секретарю Грибовскому ¹⁾. Мысль великой государыни работала всегда и въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и была постоянно закрѣпляема ею на бумагахъ: можно сказать безъ преувеличенія, что среди непрерывной, ключемъ кипѣвшей государственной своей дѣятельности Екатерина отдыхала лишь съ перомъ въ рукѣ. Далеко не всѣ бумаги императрицы Екатерины приведены до сихъ поръ въ извѣстность, далеко не всѣ онѣ еще изданы, а часть ихъ, вѣроятно, даже погибла навсегда въ то, къ счастью, давнее время, когда къ памяти гениальной «царственной жены» не умѣли мы, по своей мелочности или недомыслию, относиться съ должнымъ уваженіемъ; но даже изданныя бумаги Екатерины поражаютъ своимъ количествомъ и разнообразіемъ своего содержанія. Изъ этой груды матеріала для личной исторіи императрицы важнѣе всего, конечно, являются ея автобіографическія записки, написанныя въ разные періоды ея жизни.

Воспроизвести себѣ прошлую свою жизнь, осмыслить ее въ цѣломъ и въ подробностяхъ, вдумчивые люди стараются обыкновенно уже на склонѣ лѣтъ, когда далекое прошлое всплываетъ въ ихъ воображеніи и давно забытыя впечатлѣнія какъ бы переживаются вновь съ прежней остротою, иногда до боли и самозабвенія. Несомнѣнно, что мысль о со-

¹⁾ „Записки о императрицѣ Екатерицѣ Великой“, А. М. Грибовскаго, изд. 2-е, 25.

здатіи своей автобіографіи въ полномъ, систематическомъ видѣ явилась у Екатерины лишь въ послѣдніе годы ея жизни: она набрасывала воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, о своемъ переѣздѣ въ Россію, о своемъ несчастномъ супружествѣ съ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ,—на отдѣльныхъ листахъ бумаги, дополняя рассказъ свой вставками всякій разъ, когда память освѣщала ей какія-либо подробности давно минувшихъ лѣтъ. Но исторія Екатерины, написанная ею самою, не могла быть доведена до конца: «Записки» Екатерины не вылились еще въ окончательную форму, эпизодическія вставки не были сведены въ одно цѣлое, когда кончина царственного автора ихъ прервала его рассказъ на 1759 годѣ, на событіяхъ, происходившихъ за два года до вступленія на престолъ Петра III. Въ этомъ неполномъ видѣ, притомъ лишь въ одной своей редакціи, «Записки» Екатерины и напечатаны были въ Лондонѣ въ 1859 г., ровно чрезъ сто лѣтъ послѣ послѣдняго изъ описанныхъ въ нихъ происшествій. Г. Бильбасовъ справедливо доказываетъ, что начало составленія «Записокъ» должно быть отнесено къ началу 1794 г. ¹⁾, когда императрицѣ было уже 64 года, за два года до ея кончины. Видимо, что Екатерина спѣшила въ это время писать свою автобіографію и съ этою цѣлю, вопреки принятому ею обыкновенію, писала даже на французскомъ языкѣ, какъ болѣе обработанномъ; но видимо также и то, что «Записки» едва ли до кончины Екатерины подвинулись далѣе 1759 года, и предположеніе издателя ихъ, объяснявшаго перерывъ «Записокъ» тѣмъ, что Екатерина не желала, будто бы, продолжать далѣе рассказъ о своей жизни ²⁾, падаетъ само-собою. Цѣль «Записокъ» императрица объяснила въ самомъ началѣ ихъ слѣдующимъ вступленіемъ:

«Счастіе не такъ слѣпо, какъ обыкновенно думаютъ. Часто оно есть не что иное, какъ слѣдствіе вѣрныхъ и твердыхъ мѣръ, не замѣченныхъ толпою, но тѣмъ не менѣе подготовившихъ извѣстное событіе. Еще чаще оно бываетъ результатомъ личныхъ качествъ, характера и поведенія. Чтобы лучше доказать это, я построю слѣдующій силлогизмъ:

Первая посылка: качества и характеръ.

Вторая » поведеніе.

Выводъ. . . . счастіе или несчастіе.

И вотъ тому два разительныхъ примѣра:

Петръ III—Екатерина II».

Этотъ параллелизмъ, положенный въ основу «Записокъ», ясно показываетъ намѣреніе автора довести ихъ до конца. Герценъ объясняетъ составленіе «Записокъ» Екатерины «потребностью души, великой при

¹⁾ Бильбасовъ: „Исторія Екатерины Второй“, т. XII, ч. 2, 335—337.

²⁾ „Записки Екатерины II“, изданіе Искандера (London, 1859), VI.

всѣхъ недостаткахъ, оправдаться въ глазахъ сына и потомства» ¹⁾, но съ этимъ взглядомъ можно согласиться лишь отчасти. Несомнѣнно, въ исторіи своихъ отношеній къ Петру III, Екатерина искренно считала себя страдающимъ лицомъ и имѣла на то полное право. Выяснить истину потомству и оправдать себя въ его глазахъ значило для нея одно и то же. Что судьба Петра III кончилась бы его погибелью, это представлялось Екатеринѣ несомнѣннымъ; что онъ погубилъ бы ее и сына ранѣе, чѣмъ погибъ бы самъ,—въ этомъ согласны были даже враги ея. При такихъ условіяхъ, переворотъ 1762 года, положившій начало царствованію Екатерины, былъ въ ея глазахъ и въ глазахъ всѣхъ ея современниковъ неизбѣжной необходимостію, независимо отъ личной ея воли и чувствъ къ супругу. Въ «Запискахъ» выражается отчетливѣе не стремленіе къ «оправданію», а симптомы болѣзненнаго ощущенія при воспоминаніи о Петрѣ Теодоровичѣ: сколько горечи скрыто подъ наружнымъ спокойствіемъ Сѣверной Семирамиды, когда она рассказываетъ объ игрѣ своего супруга въ куклы, о его попойкахъ, о его дѣтскихъ проказахъ и «маханіяхъ», въ которыхъ она сама должна была играть роль участницы! Изложеніе событій до вступленія Петра III на престолъ должно было, но мысли Екатерины, объяснить событія, происходившія въ короткое его царствованіе.

Каковъ былъ бы характеръ разсказа Екатерины объ этомъ царствованіи—видно изъ печатаемой ниже автобіографической записки ея за это время, хронологически являющейся какъ бы продолженіемъ «Записокъ», хотя она написана была 10-ю годами ранѣе ихъ, въ 1784—1785 г.г. Поводъ, побудившій императрицу къ ея составленію, ясно показываетъ, въ то же время, исходную точку и ея «Записокъ». Екатерина сначала желала составить записки о своемъ царствованіи, пока наконецъ не убѣдилась въ необходимости хронологической послѣдовательности разсказа о своей жизни: въ цвѣтѣ лѣтъ, окруженная ореоломъ славы, императрица думала въ это время болѣе о славныхъ событіяхъ своего царствованія, чѣмъ о давно минувшихъ печаляхъ, и ретроспективный взглядъ ея не шелъ далѣе тѣхъ событій, которыя привели къ ея воцаренію.

Въ началѣ 1778 года Безбородко, бывшій въ то время статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины, началъ составлять «Краткое начертаніе дѣлъ политическихъ, военныхъ и внутреннихъ государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссійской, также какъ и знаменитѣйшихъ событій во дни ея царствованія», по всей вѣроятности, по указанію самой императрицы. Въ мартѣ 1778 года Безбородко писалъ генералъ-прокурору, князю Вяземскому: «Для сдѣланія исправной таблицы хронологической разныхъ установленій и знаменитѣйшихъ со-

¹⁾ Тамъ же, VI.

бытій во время нынѣшняго благополучнаго царствованія, ея императорское величество высочайше указать мнѣ соизволила просить пособія у вашего сіятельства сообщеніемъ мнѣ реестра публичныхъ именныхъ ея указовъ. Я былъ милостиво отъ вашего сіятельства обнадеженъ доставленіемъ онаго, а потому, равно какъ и имѣя подтвержденіе поспѣшить стараться исполненіемъ сего мнѣ порученнаго дѣла, осмѣливаюсь просить всепокорно ваше сіятельство приказать прислать мнѣ помянутый реестръ, хотя по частямъ, по годамъ, дабы я могъ, между тѣмъ, трудъ свой продолжать» ¹⁾. Въ письмѣ къ Гримму, 5-го іюля 1779 года, императрица сообщала уже объ окончаніи труда Безбородко. «Г. Безбородко,—писала она,—пришло на умъ составить перечень достопамятныхъ и общественныхъ событій, которыя совершались въ продолженіе семнадцати лѣтъ; онъ представилъ его лишь въ день, когда начался восемнадцатый нашъ годъ. Перечень этотъ довольно великъ, но я была удивлена, что тамъ находилось только-то, и, чтобы удостовѣриться, не было ли тамъ пропусковъ, я приказала каждому вѣдомству представить чего въ немъ не окажется. Напримѣръ, тамъ не было упомянуто о работахъ въ Ригѣ, на Двинѣ, между тѣмъ какъ это вовсе не бездѣлица, о которой не стоило бы упоминать. Первое разсмотрѣніе произойдетъ, когда это будетъ возможно: мнѣ въ настоящее время некогда заниматься этимъ прекраснымъ общимъ сводомъ» ²⁾. Трудъ Безбородко продолжался: каждый послѣдующій годъ, въ день восшествія Екатерины на престолъ—28-го іюня, подносилъ онъ обзоръ ея дѣяній за истекшій годъ, и въ письмахъ своихъ къ Гримму Екатерина каждый разъ выражала свое удовольствіе по поводу этого обзоръ. 11-го іюля 1781 года она писала: «28-го іюня этого года г. фактотумъ Безбородко принесть мнѣ отчетъ о моихъ дѣлахъ до этого дня, который онъ долженъ составлять ежегодно за каждый годъ. И вотъ краткій выводъ:

Въ продолженіе послѣднихъ 19-ти лѣтъ:

Учреждены губерніи на новыхъ началахъ	29
Учреждены и построены города	144
Заключено условій и трактатовъ.	30
Одержано побѣдъ	78
Достопамятныхъ постановленій, законовъ и учрежденій	88
Постановленій о народномъ довольствіи и облегченіи	123

492

«Все это дѣла государственныя; частныя же дѣла, какъ вы видите, въ этомъ перечнѣ не имѣютъ мѣста. Ну, милостивый государь, какъ вы нами довольны? не были ли мы лѣнны?» ³⁾.

¹⁾ „Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ.“, XXVI, 49.

²⁾ „Сборникъ“, XXIII, 148.

³⁾ Тамъ же, 216.

Гордая и счастливая своими трудами на пользу любимой Россіи, наглядно выраженными въ «Начертаніи» Безбородко, Екатерина задумала написать подробный историческій комментарий къ этому «Начертанію». 1-го апрѣля 1782 года она сообщила Гримму о своемъ намѣреніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Если бы вы знали все, что я предприняла, чтобы сообщать вамъ отъ времени до времени, вы не дѣлали бы мнѣ столько упрековъ. Я пробовала переводить или даже передѣлывать (*de le transcrire*) историческій перечень г. Безбородко въ стилѣ «Маленькаго пророка Бемисброда» ¹⁾. Для окончанія не достаетъ только времени. Все это похоже на мои законы и учрежденія: все начато, ничего не окончено, все урывками; но если я проживу два года, все будетъ закончено блистательно» ²⁾.

Помѣщаемая ниже автобіографическая записка Екатерины есть первый ея комментарий на первые слова «Начертанія» Безбородко: «Въ 1762 году: вступленіе ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ», написана она не ранѣе 1784 г. ³⁾. Къ несчастію, предсказаніе императрицы сбылось: «все начато, ничего не окончено, все урывками». Трудъ Безбородко, кажется, не былъ доведенъ до послѣднихъ годовъ царствованія императрицы и даже затерялся ⁴⁾, а первый комментарий къ нему Екатерины не оконченъ въ подлинной рукописи, прерываясь на половинѣ недописанной страницы. Неужели слѣдуетъ предположить, что этимъ комментариемъ и закончилась попытка Екатерины написать исторію своего царствованія?

Автобіографическая записка Екатерины написана по-русски, и мы печатаемъ ее съ полнымъ соблюденіемъ ея орфографіи. «Ты не смѣйся надъ моею русскою орфографіей,—сказала однажды Екатерина Грибовскому,—я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать. По пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моему гофмейстеринѣ: «полно ее учить, она и безъ того умна». Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учи-

¹⁾ Одно изъ мелкихъ сочиненій Гримма.

²⁾ „Сборникъ“, XXIII, 233.

³⁾ Въ запискѣ Безбородко титулуется графомъ, а графское достоинство онъ получилъ 3-го декабря 1784 г.

⁴⁾ „Какая судьба постигла трудъ этотъ, былъ ли оконченъ онъ, напечатанъ, и гдѣ хранится рукопись реестра,—я не доискался“, говоритъ біографъ Безбородко, г. Григоровичъ („Сборникъ“, XXVI, 51). Изъ указаній Екатерины (письмо къ Гримму 5-го іюля 1779 г.) видно, что первоначальный текстъ „Начертанія“ можно отыскать въ архивахъ Екатерининскихъ коллегій, а законченный и исправленный императрицей экземпляръ его, вѣроятно, погибъ при пожарѣ Зимняго дворца въ 1837 году, если не былъ уничтоженъ самимъ Безбородко въ царствованіе Павла.

теля, и это самое причиною, что я плохо знаю правописаніе» ¹⁾). Впрочемъ, по свидѣтельству того же Грибовскаго, всѣ вельможи Екатерины, за исключеніемъ Безбородко и Потемкина, не знали русскаго правописанія ²⁾). Государыня писала по-русски какъ говорила и произносила она въ то время. Любопытно, что и другія свои записки и замѣтки автобіографическаго характера она писала на русскомъ языкѣ, на которомъ вообще она очень любила писать. По языку, оборотамъ и отчасти по содержанію, предлагаемая записка напоминаетъ коротенькую автобіографическую записку Екатерины, напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ» (1863, 383—384), о послѣднихъ мысляхъ императрицы Елисаветы Петровны.

Евгеній Шумигорскій.

Графъ Александръ Андрѣевичъ Безбородко написалъ краткое начертаніе дѣлъ политическихъ, военныхъ и внутреннихъ Государыни Императрицы Екатерины II, Самодержицы Всероссийской, такъ какъ и знаменитѣйшихъ событій во дни ея царствованія. Онъ начинается тако: въ 1762 году: Вступленіе Ея Императрицы Валичества на Всероссийскій Престоль.

О Б Ъ Я С Н Е Н І Е.

Во время болѣзни Блаж: Пам: Государ: Императ: Елисаветы Петровны, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1761 года слышала я изъ устъ Никита Ивановича Панина. Что трое Шуваловы: Петра Ивановичъ, Александръ Иван: и Иванъ Ивано: чрезвычайно робѣютъ о приближающей кончинѣ Государыни Императрицѣ и о будущемъ жребіи ихъ. Что отъ сей робости ихъ родятся у многихъ окружающихъ ихъ разнообразныя проекты, что Наслѣдника Ея все боятся, что онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ, что сама Государыня сѣтуетъ кому поручить престоль, что склонность въ ней находятъ отрѣшиться наслѣдника не способнаго отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сыно его, семилѣтняго, и мнѣ поручить управленіе, но что сіе послѣднее касательно моего управленія не по вкусу Шуваловымъ. Изъ сихъ проектовъ родилось что посредствомъ Мельгунова Шуваловы помирились съ Петромъ III и Государыня скончалась безъ пныхъ распоряженій. Но тѣмъ не кончилось ферментатсіи публки, а начало еѣ приписать можно дурному Шуваловскому управленію и беззаконному Бестужевскому дѣлу то есть съ 1759 году. При самой кончинѣ Госу: Им: Елиса: Петр: прислалъ ко

¹⁾ Грибовскій, 25—26.

²⁾ Тамъ же, 10.

мнѣ князь Михаилъ Иванъ Дашковъ, тогдашній капитанъ гвардіи, сказать повѣли мы тебя взвѣдемъ на престолъ. Я приказала ему сказать Бога ради, не начинайтѣ вздоръ, что Богъ захочетъ то и будетъ, а ваше предпріятіе есть рановременное и не созрѣлое вещь. Къ князю Дашкову же ѣзжали и въ дружбѣ и согласіе находились все те, кои потомъ имѣли участіе въ моемъ возшествіи, яко то трое Орловыхъ, пѣтеро капитаны полку Измайловскаго и прочіе, женатъ же онъ былъ на родной сестрѣ, Елиса: Рома: Воронцовы, любимица Петра III. Княгиня же Дашкова, отъ самого почти ребячества ко мнѣ оказывала особливое привязанность, но тутъ находилась еще персона опасная, братъ княгининъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, котораго Елиса: Роман: да по ней и Петръ III чрезвычайно любили, отецъ же Воронцовыхъ, Романъ Ларионовичъ опаснѣе всѣхъ былъ по своему сварливому и перемечливому нраву, онъ же не любилъ княгиню Дашкову. Импера: Елисаветта Петровна скончалась въ самое Рождество, 25 декабря, 1761 года, въ три часа залудни, я осталась при тѣлѣ еѣ. Петръ III, вышедъ изъ покой, пошелъ въ конференціи и прислать мнѣ сказать чрезъ Мелгунова чтобы я осталась при тѣлѣ дондеже пришетъ мнѣ сказать. Я Мелгунову сказала ви видитѣ, что я здѣсь и приказаніе исполню, я изъ сего приказанія заключила, что владычествующая факція опасается моеѣ инфлюенціи. Тѣло Императрицы обмывали когда мнѣ пришли сказать, что Генераль-Прокуроръ князь Шаховской отставленъ по его прошеніи, а Оберъ-Прокуроръ Сенатской, Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, пожалованъ Генераль-Прокуроромъ. То есть слывущей честнейшимъ тогда человѣкомъ отставленъ, и бездѣлнымъ слывущей и отъ уголовного слѣдствія спасенной Петромъ Шуваловымъ, здѣланъ на его мѣсто Генераль-Прокуроромъ. Тѣло Императрицы Ели: Петров: едва успѣли убрать и положить на кровать съ балдахиномъ, какъ гофъмаршалъ ко мнѣ пришелъ съ повѣзкою, что будетъ въ галереѣ (то есть комнаты чрезъ три отъ усопшаго тѣла) ужинъ для котораго повѣщено быть въ свѣтломъ богатомъ платьѣ. Я послала по богатое платье и въ комнаты сына моего, живущаго возлѣ покойной Государыни, и одѣлась и пакн въ такомъ нарядѣ пришла къ усопшему тѣлу, гдѣ мнѣ велѣно было оставатся и ждать приказаній. Тутъ уже окошки были открыты и Евангелію читали. Погода несколько пришли отъ Государя мнѣ сказать, чтобы я шла въ церковь; пришедъ туда я нашла, что тутъ все собрани для присягѣ, послѣ которой отпѣли въ мѣсто панахиди—благодарственной молебнѣ, потомъ Митрополитъ Новгородскій Сѣченъ сказалъ рѣчь Государю. Сей былъ въ не себя отъ радости и оной ни мало не скрывалъ и имѣлъ совершенно позорное повѣденіе кривляясь всячески и не произнося окомѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующіе ни Сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшнаго Арлекина нежели инаго чево. требуя.

однако всякого почтеніе. Изъ церкви вышедше, я пошла въ свой покой, гдѣ до самаго ужина я горько плакала толико о Покойной Государиня, которая всякая милости мнѣ оказывала и послѣдныя два года меня полюбила отменно, какъ и о настоящемъ положеніе вѣщей. Когда кушанье поставлено было мнѣ пришли сказать и я пошла къ ужину, столъ поставленъ былъ въ куртажной галереѣ персонъ на полторасто и болѣе и галерея набита была зрителями. Многія, не нашедъ мѣсто за ужинъ ходили такъ же около стола, въ томъ числѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Мелгуновъ, сей изъ прислужниковъ Шуваловыхъ здѣлся ихъ протекторомъ. У Ивана же Иванъ Шувалова, хотя знаки отчаянности были на щекѣ ибо видно было какъ пяти пальцами кожу содрана была, но тутъ за стуломъ Петра III стоя шутилъ и смѣялся съ нимъ. Я сидѣла возлѣ новаго императора, а возлѣ меня князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который во весь столъ ни о чѣмъ не говорилъ, какъ о своей радости, что Государь царствуетъ. Множество дамъ также ужинали, многіе изъ нихъ такъ какъ ни были съ заплаканными глазами, и многіе изъ нихъ тотъ же день не бывъ въ дружбѣ, между собой помирились. Ужинъ сей продолжался часа съ полтора; пришедъ въ свой комнаты я начела раздѣваться чтобы лечь въ постѣль, когда принесли повѣску, чтобы дамамъ на завтрѣ быть въ робахъ богатыхъ и будетъ большой обѣданной столъ въ той же галерею, сидѣть же по билѣтамъ. Потомъ я лѣгла въ постѣль, но я хотя предъ тѣмъ двѣ noci не спала проводя оныхъ въ покоѣ покойной Императрицы, но сонъ далѣко отъ меня былъ и никакъ заснуть не могла, и начела размышлять о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. И здѣлала слѣдующіе заключеніе: ежели въ первомъ часу царствованіе отставили честного человѣка, а не постыдились на его мѣсто возвѣсти бездѣльника, чево ждаты. Говорила я себя: твою инфлуенцію опасаются, удались отъ всево, ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь, по твоимъ мыслѣмъ и правиламъ дѣла не повѣдутъ слѣдовательно не чести, не славу—тутъ не будетъ пусть ихъ дѣлають, что хотять. Взявъ сіе за правило своего повѣденіе, во все шесть месяцевъ царствованіе Петра III, я ни во что не вступилась, окромѣ похоронъ покойной Государини, по которымъ траурной комисіи вѣлено было мнѣ докладыватся, что я и исполнила со всякимъ раденіемъ, въ чѣмъ я и заслужила похвалу отъ о всѣхъ. Я же тутъ брала совѣты отъ старыхъ дамъ, графиня Маріе Андр: Румянцовы, графиня Анна Карлов: Воронцовы, отъ фельдмаршалше Аграфенѣ Леонтьев: Апраксинны и иныхъ подручно случающіеся, въ чѣмъ и на нихъ угодила чрезвычайно. На другой день поутру нарядилась въ богатой робы и пошла къ обѣднѣ по томъ на поклонъ къ тѣлу, а отудава къ столу по биліетамъ. Сей столъ былъ съ заплаканными глазами у всѣхъ, и мала было лицъ равнодушныхъ и усталъ на всѣхъ видно было. Послѣ обѣда я пошла къ себя.

Во время сего стола тѣло покойной Госу: анатомили. Къ вечеру пришли мнѣ сказать: что посланы курьеры для освобожденіи и возвращеніи въ Питербурха Бирона, Миниха, Лестока и Лапухиныхъ и что Гудовичъ ѣдитъ въ Берлинъ съ объявленіемъ о вступленіи на престолѣ Императора. Я на сіе сказала: дѣла поспѣшно идутъ. На третій день я надѣвъ черное платье пошла къ тѣлу, гдѣ отправлялась панафида, тутъ ни Императора и ни ково не было окромѣ у тѣло дневальныхъ, да тѣ кои са мною пришли; оттудова я пошла къ сыну моему, а потомъ посѣтила я графа Алексея Григорьевича Разумовскаго въ его покой во дворецъ, гдѣ онъ отъ чисто сердечной горести по покойной Государинѣ находился боленъ; онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ, но я не допуста его до того, обняла его и обнявшись оба мы завыли голосомъ и не могли почти говорить слова оба, я вышедъ отъ него пошла къ себя. Пришедъ въ свой покой, услышела, что императоръ приказалъ приготовить для себя покой отъ меня чрезъ сѣни, гдѣ жилъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, и что въ его покой, возлѣ моихъ, будетъ жить Елисавета Романовна Воронцова. Въ сей день вечеру Императоръ поѣхалъ куда-то на вѣчеринку править Святки. Какъ покой Александра Ивановича Шувалова убраны были дни чрезъ два, императоръ перешелъ въ нихъ, а Елисавета Воронцова въ его покой переѣхала, мой же покой парадные обиты были чернымъ сукномъ, и людей Императоръ принималъ въ оныхъ, по утрамъ и по вѣчерямъ ѣзжалъ въ гости по всѣмъ знатнымъ особамъ, гдѣ устроили для него великія пиры; отъ сихъ пировъ я уклонилося по причинѣ великаго кашля. На канунѣ того дня какъ переносить положено было тѣло Покойной Государини изъ той комнаты, гдѣ скончалася на парадной постѣлѣ, императоръ ужинале у графа Шереметьева, тутъ Елисавета Воронцова приѣвновала не знаю къ кому и приѣхали домой въ великой ссорѣ. На другой день послѣ обѣда часу въ пятомъ она прислала ко мнѣ письмо, прося меня дабы я для Бога самаго пришла кней, что она имѣетъ величайшая нужда говорить самною, сама же не можетъ припти ко мнѣ понеже лежитъ больна въ постѣли. Я пошла къ ней и нашла еѣ въ великихъ слѣзахъ; увидя меня долго говорить не могла, я сѣла возлѣ ея постѣли, зачала спросить чѣмъ больна, она взявъ руки мои цѣловала жжала и обмывала слѣзами. Я спрашивала объ чѣмъ она столь горуетъ? Она мнѣ на то сказала: пожалуй по тише говоритѣ; я спросила, какой причинѣ ради, она мнѣ сказала, въ другой комнатѣ сестра моя, Анна Михайловна Строгонова, сидитъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ (*c'est a dire qu'elle leurs avait menagé un rendez-vous, tandis qu'elle s'entretenoit avec moi*). Я рассмѣялася, и она посвободнѣ стала отъ слѣзъ и начела меня просить, чтобъ я пошла бы къ императору и просила бы его именемъ еѣ, чтобы онъ бы еѣ отпустилъ къ отцу жить, что она болѣе не хочеть во дворцѣ

остатся. Присемъ она бранила его окружающихъ всячески и его самого. Чево она уже и на канунѣ у Шереметьева дѣлала къ удивленію всѣхъ слышатели, и за что Императоръ приказывалъ отца еѣ арестовать, но однако упросили его. Я сказала ей, чтобы она ково инаго выбрала для сей комиссін, которая ему будетъ можно быть досадительна; но она увѣряла мнѣ, что ему то и надобна и ни чрезъ ково окромѣ меня ей о томъ просить, понеже все бездушныя бездѣлники, а одна я на комъ она полагаетъ свое упованіе, дабы украить мнѣ у неѣ пребываніе, я обѣщала ей пойти къ нему и донести ему о еѣ прозбѣ, и пришедъ къ себя я послала навѣдваться дома ли онъ и можно ли мнѣ къ нему пріити. Сказали что опочиваетъ, а какъ проснулся часу въ седьмомъ, пришли мнѣ сказать и я пошла къ императору, Я нашла его въ шлафроку, ходилъ взять и вѣпередъ по комнату и былъ еще весьма сопатъ. Я начела говорить ему: ежели вы дивитесь моему приходу то еще болѣе удивитесь, когда свѣдаетъ съ чѣмъ я пришла, и рассказала ему всѣ отъ слово до слово какъ Елиз: Ром: Воронцова ко мнѣ писала и что говорила со мною и какъ я отклоняла сію комисію и причины кой она имѣетъ не въ вѣрять окромѣ меня оной. Онъ услышя сіе съ удивленіемъ и задумчивостію заставилъ мнѣ повторить сказанное; въ сіе времо вошли въ комнату Мелгуновъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ онъ имъ рассказывалъ съ чѣмъ я пришла съ досадою на Елисавету Воронцовою. Сіе продолжалось съ часъ, наконецъ я сказала «какой отвѣтъ прикажите ей сказать или ково иново пошлитъ?» На сіе Мелгуновъ и Нарышкинъ ему совѣтовали сказать, что онъ къ ней пришлетъ отвѣтъ. Я пошла къ себя и вѣлела Елисаветѣ Воронцовой сказать, что къ ней отвѣтъ присланъ будетъ. Погодя она паки прислала ко мнѣ сказать, что она пущена, одѣвается и ждетъ карету, даби ѣхать изъ дворца къ отцу и просить дозволеніе пріити ко мнѣ прощатся. Я сказала: «пусть пріидить». Между тѣмъ черезъ моей передни, передъ уборной здѣлалась великое бѣганіе: то Мелгуновъ, то Нарышкинъ къ ней и отъ нѣе взадъ и впередъ ходили, что продолжалась часу до одинацатаго; тогда самъ императоръ къ ней пошелъ и побывъ у нѣе, возвратился въ свой покой, а она ко мнѣ написала цыдулка, что она ко мнѣ не будетъ понеже ей приказано остатся во дворцѣ. Я легла спать, а на другой вечеру Петръ III, съ Мелгуновымъ и Львомъ Нарышкинымъ, пришедъ ко мнѣ бранили и ругали всячески Елизавету Воронцову, и видно было что имъ хотѣлось дабы я пристала къ ихъ рѣчамъ, но я молче слушала, императоръ же тутъ рассказывалъ како она нехотѣла надѣтъ мой портретъ когда онъ еѣ пожаловалъ камеръ-фрейлиною и хотѣла имѣтъ его портретъ, Онъ думалъ, что зато осержусь, но когда онъ увидѣлъ что я тому смѣюсь и ни мало не сержусь тогда вышелъ вонъ изъ комнатъ тогда Молгуновъ и Левъ Нарышкинъ мнѣ пеняли что имѣвъ такую хоро-

шой оказіи выгнать еѣ изъ дома не воспользовалась тѣмъ; я имъ отвѣтчала а я вамъ дивлюсь, что вы сами не сдумѣли въ своемъ желаніи вчерась.

Отъ дня кончины Покойной Государыни было водворѣнъ двойной караулъ, то есть одинъ полный караулъ у тѣлѣ, другой таковой же у императора, въ сіе же время случились великіи морозы, караулна же была мала и тѣсна, такъ что не помѣщались люди, и многіе изъ солдатъ оставались на дворѣ, сіи обстоятельство внихъ произвѣло да и въ публички или прибавило роптаніе, всякой день же изъ дворца выходили новыя исторіи, то тово арестуютъ, то другою, съ женщинами, коихъ ежедневно множество звалъ ужинать, у себя либо гдѣ въ гостяхъ поссорится и мужа вѣлитъ посадить безъ шпагу, либо къ кому по службѣ за бездѣлицу придѣрется и вѣлитъ посадить на гаупвахту. Изъ-за стола же почти никогда не вставалъ не бывъ безъ языка почти піянь, и проявилось у него множество новыхъ фаворитовъ между прочими капитанъ поручикъ полку Преображенскаго князь Иванъ Федоръ Галицынъ на котораго вдругъ налѣпилъ Орденъ Святыя Анны, а до того дня мало кто его зналъ. Всіе врямо императоръ взялъ въ кабинетъ Секретаря бывшаго конференцъ Секретаря Дмитрія Васил: Волкова. Про сего Ник: Ива: Панинъ думалъ и мнѣ говорилъ, что сей Мелгунову и Шуваловымъ голову сломить; про него тогда думали, что глава имѣетъ необыкновенная, но оказалось послѣ, что хотя былъ быстръ и краснорѣчивъ, но вѣтренъ до крайности, и понеже писалъ хорошо, то писовалъ а мало дѣйствовалъ, а любилъ пить и веселится. Двѣ недѣли по кончинѣ покойной государинѣ умрѣ Графъ Петръ Иван: Шуваловъ, за несколько дней до кончинѣ его онъ и братъ его большой, Александръ Иван: Шуваловъ были отъ Императора пожалованы въ фельдмаршалы. И проявилось новое опредѣленіе вдругъ Императоръ пожаловалъ въ четырьхъ полковъ гвардіи четыре полковника, а имянно въ Преображенской, фельдм: князя Никита Юрьевича Трубецкаго, въ Семеновской фельдм. графа Александра Ивановича Шувалова, въ Измайловской фельдм: графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, въ конной гвардіи хотѣлъ пожаловать графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго но сей оттого пошелъ въ отставку и на его мѣсто сдѣланъ полковникомъ Принцъ Жоржъ Голштинской. Сіи новыя полковники самы всячески спорили и старались отвратить сію пожалованіе, но не предупѣли. Полкамъ же гвардіи сіе было гримовой несносной ударъ.

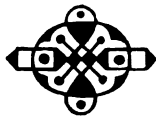
Хотя огромныя похороны и при оныхъ великолѣпныя выносы указомъ покойной Государыни запрещены были, но однако Господа Шуваловы выпросили у бывшаго Императора дабы графъ Петръ Иван: со великолѣпной церемонію погребенъ былъ, самъ Императоръ обѣщался быть на выносѣ. Въ назначенной день ждали очень долго Императора

и онъ не прежде какъ къ полудню въ печальной день приѣхалъ, народъ же ждалъ для смотрѣніе церемоніи съ самаго утра, день же былъ весьма холодной. Отъ той нетерпеливости произошли разные въ народѣ разсужденія: иные вспомня табашной того Шувалова откупа, говорили: что долго его не вѣзуть по причинѣ той что табакомъ осыпаютъ другіе говорили что солью осыпаютъ приводя на память что по его проекту накладку на соль послѣдовало, иные говорили что его кладутъ въ моржовую салу—понеже моржовую салу на откупъ имѣлъ и ловлю треску. Тутъ вспомнили что ту зиму треску ни за какіи деньги получить нельзя и начали Шувалова бранить и ругать всячески. Наконецъ тѣло его повѣзли изъ его дома на Мойкѣ въ Невской монастырь, тогдашней Генералъ Полицеймейстеръ Корфъ ѣхалъ вѣрхомъ передъ огромной церемоніи, и онъ самъ мнѣ рассказывалъ въ тотъ же день что не было ругательства и бранныхъ словъ коихъ бы онъ самъ не слышалъ противу покойника, такъ что онъ вышедъ изъ тѣрпеніе несколько изъ ругателей вѣлелъ захватить и посадить въ полицію, но народъ вступаясь за нихъ отбилъ было, что видя онъ оныхъ отпустить вѣлелъ чѣмъ предупредилъ драку и удержалъ по его словамъ тишину. По прошествіи трѣхъ недѣль по кончинѣ Государиня, я пошла къ тѣлу для панахидѣ, идучи чрезъ переднія, нашла тутъ Князя Михаила Иванъ Дашкова плачущаго и вне себя отъ радости и прибѣжавъ ко мнѣ, говорилъ: государь достоинъ дабы ему воздвигнуть штатуя золотую онъ всему дворянству далъ вольность и съ тѣмъ ѣдитъ въ Сенатъ чтобъ тамъ объявить. Я ему сказала развѣ вы были крѣпостные и васъ продавали до нынѣ? Въ чѣмъ же это вольность состоитъ и вышло что въ томъ чтобы служить и не служить по волю всякаго сіе и прежде было, ибо шли въ отставку, но осталось изъ старо, что дворянство съ вочинъ и помѣстье служа всѣ окромѣ одряхлѣлые и малолѣтныя въ службѣ имперіи записаны были, вмѣсто людей дворянскихъ Петръ I начелъ рекрутъ собирать а дворянство осталось въ службѣ. Отъ чево вздумали что въ неволь. Романъ Воронцовъ и Генералъ-Прокуроръ думали великое дѣло дѣлать доложя Государю, дабы дать волю дворянству, а въ самомъ дѣлѣ выпросили ни что иное акромѣ того, чтобы всякъ былъ воленъ служить и не служить. Пришедъ съ панахиды къ себѣ я увидѣла у заднаго крыльца стоитъ карѣта парадная съ короною, и императоръ вней поѣхалъ въ Сенатъ. Но сей кортежъ въ народѣ производилъ негодованіе говорили какъ ему ѣхать подъ короною онъ не коронованъ и не помазанъ. Рановременно вздумалъ употребить корону. У всѣхъ дворянъ велика была радость о данного дозволеніи служить и не служить и на тотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ службой приобрѣли почести и имѣнія, которымъ пользуются. За десять дней до погребенія Государини положили тѣло еѣ во гробъ и понесли оной въ траурной залѣ посреди всѣхъ регалии, и народъ двонждѣ на

день допущенъ былъ какъ и прежде отъ дня кончины еѣ. Въ гробу Государина лѣжала одѣта въ серебряной гласетовой робы, съ кружевными рукавами, имѣя на головѣ императорскою золотою большою коронѣ на нижнемъ обручѣ съ надписью: Благочестивейшая Самодержавнейшая Великая Государина Императрица Елизавета Петровна родилась 18-го декабря 1709, воцарилась 25-е ноября 1741, скончалась 25 декабря 1761 года. Гробъ поставить на возвышеніе подъ балдахиномъ, гласета золотого съ горностаевымъ спускомъ отъ балдахина до земли позади гроба посреди спуска гербъ золотою Государственной.

Въ 25-й день Января 1762 года повезли тѣло Государиня во гробъ лежащей со все возможнымъ великолѣпіемъ и подобающихъ почести изъ дворца чрезъ рѣку въ Петропавловской Соборъ въ крѣпость. Самъ Императоръ за нимъ я, за мной Скавронскія, за ними Наринкины, потомъ всѣ по рангамъ шли пѣши за гробомъ отъ самаго дворца до церкви. Императоръ въ сей день былъ чрезмѣрно веселъ и посреди церемоніи сей траурной дѣлалъ себѣ забаву, нарочно отстать отъ вѣзущаго тѣло овра, пустя онаго впередъ сажень трицать, потомъ изо всей силы добѣжить, старшіе камергеры носящіе шлейфъ епанчи его черной, паче же оберъ камергеръ графъ Шереметьевъ, носящіи конецъ епанчи, не могли бѣжать за нимъ, принужденъ былъ епанчу пустить, и какъ вѣтромъ еѣ раздувало то сіе Петру III пуще забавно стало, Онъ повторялъ несколько разъ сію штуку, отъ чево дѣлалось, что я и всѣ за мною идущія отстали отъ гроба, и наконецъ принуждены были послать остановить всю церемонію дондеже оставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не въ пользу особѣ императора, и толки пошли о безразсудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ.

По погребеніе тѣло покойной Государини, начели во дворцѣ убратъ еѣ покой для императора.

Характеристика Языкова, сообщенная Бенкендорфомъ графу Чернышеву при письмѣ отъ 22 декабря 1826 г. за № 158.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Языковъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, человѣкъ умный, трудолюбивый, благородный въ мысляхъ и поступкахъ и необыкновенно добрый и гостепріимный.—Онъ служитъ въ одномъ министерствѣ отъ учрежденія оныхъ и, имѣвъ очень хорошее состояніе, правилъ оное почти до конца на хлѣбородствѣ.—Довольно представить ему бѣдняка и сказать, что онъ занимается науками или словесностью, чтобы дать мѣсто ему за столомъ Языкова во всякое время.—Весьма часто у него и живетъ по нѣсколь-ку человѣкъ бѣдныхъ юношей и безпріютныхъ стариковъ.—Но самъ Языковъ весьма мало съ ними бесѣдуетъ и то развѣ за столомъ, ибо проводитъ время или за дѣлами или за учеными предметами или по вечерамъ играетъ въ вистъ.—Образъ мыслей Языкова самый благонамѣренный: старый русакъ и притомъ честень и безкорыстенъ.—Его знаетъ цѣлый городъ какъ примѣрнаго человѣка.

А. Н. Вульфъ и его дневникъ¹⁾.

1834.

18-го февраля 1834. С. Малинники.

Я руки въ боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
„Здѣсь дома я, здѣсь лучше мнѣ!
Вотъ такъ-то мы остепенимся!“

Вотъ эпиграфъ къ настоящему моему быту изъ послѣдняго посланія ко мнѣ возлюбленнаго Николая Михайловича. На пути изъ Псковской губерніи въ сію заѣзжалъ я на нѣсколько дней въ Петроградъ, чтобы въ день именинъ Анны Петровны навѣстить ее, и нашелъ у А. Пушкина, что нынѣ камеръ-юнкеръ, посланіе ко мнѣ, про существованіе коего мнѣ и не снилось. Эти четыре стиха я выписалъ изъ онаго.

19-го февраля. Понедѣльникъ.

Кромѣ удовольствія обнять Анну Петровну послѣ пятилѣтней разлуки и найти, что она меня не разлюбила, несмотря на то, что я не возвращался съ нею къ прежнему нашему быту, имѣлъ я еще и нѣсколько другихъ, а именно: познакомился съ двумя братьями моего зятюшки Бориса—съ баронами Михаиломъ Сердобинымъ и Степаномъ Вревскимъ, людьми очень милыми въ своемъ родѣ; потомъ представлялся я родственницамъ и пріятельницамъ матери—госпожамъ Кашкинымъ, на свиданіе съ коими мать теперь поѣхала туда же; радъ я былъ ви-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1899 г.

дѣтъ и недоступныхъ Бѣгичевыхъ, изъ коихъ старшей я подрядился чинить перья; наконецъ, у стариковъ Пушкиныхъ въ домѣ я успѣлъ расцѣловать и плѣнившую меня недавно Ольгу. Вотъ перечень всего случившагося со мною въ столицѣ сѣвера. Если я прибавлю еще то, что видѣлъ моего сожителя варшавскаго Льва Пушкина, который по-мѣшался, кажется, на риѣмоплетеніи; въ этомъ занятіи онъ нашелъ себѣ достойнаго сподвижника въ Соболевскомъ, который, по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ, сталъ сноснѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. Я было и забылъ замѣтить также, что удостоился я лицезрѣть супругу А. Пушкина, о красотѣ коей молва далеко разнеслась. Какъ всегда это случается, я нашелъ, что молва увеличила многое. Самого же поэта я нашелъ мало измѣнившимся отъ супружества, но сильно негодующимъ на царя за то, что онъ одѣлъ его въ мундиръ, его, написавшаго теперь повѣствованіе о бунтѣ Пугачева и нѣсколько новыхъ русскихъ сказокъ. Онъ говоритъ, что опять возвращается къ оппозиціи, но это едва ли не слишкомъ поздно, къ тому же ея у насъ нѣтъ, развѣ только въ молодежи.

1-го апрѣля.

...Двѣ недѣли тому назадъ познакомился я съ родственниками, довольно дальними, съ которыми бы можно было даже законно сблизиться священными узами: съ дѣвцами Бакуниными. Числомъ ихъ шесть сестрицъ, очень милыя, кажется, къ тому же и пѣвицы, и плясавицы, но все это никакъ не манитъ меня къ супружеской жизни. Отецъ ихъ—препочтенный и преобразованный старикъ, котораго я очень любилъ; и хозяйка, настоящая-то родственница наша, прелюбезная женщина, которая меня обласкала, какъ истинно родного.

23-го августа.

...Шесть мѣсяцевъ, что я живу въ одиночествѣ здѣсь, прошло такъ быстро, что я ихъ не замѣтилъ. Ежедневный надзоръ за хозяйствомъ оставлялъ мнѣ мало времени для другихъ занятій, а еще менѣе—для жизни умственной съ самимъ собою. Физическая дѣятельность и отдыхъ послѣ оной смѣнялись только разъѣздами къ почтенной моей роднѣ.

Заѣхавъ однажды, въ Троицынъ день, въ Тверской уѣздъ, въ домъ Ушаковыхъ (они—родня моей роднѣ, и у сына ихъ я служилъ три года въ эскадронѣ), нашелъ я тамъ, кромѣ трехъ премиленькихъ дѣвочекъ (хозяйка дома—одна, а двѣ—мои здѣшнія сосѣдки Ермолаевы), очень пріятное общество и молодежь нынѣшняго и прошлаго вѣка, такъ что три дня, которые тамъ я провелъ, кажутся мнѣ теперь столь пріятными, какъ рѣдко я ихъ проводилъ. Съ Ермолаевыми я вралъ и нѣжничалъ, а съ однимъ юношею-поэтомъ—княземъ Козловскимъ—твердилъ стихи

Языкова; это перваго встрѣчаю человѣка, который, не зная Языкова, звалъ бы наизусть столько же стиховъ, сколько и я ихъ знаю. Чего же мнѣ нужно болѣе? Потому я встрѣчался опять съ нѣкоторыми изъ лицъ, тамъ бывшихъ: съ двумя темнорусыми сестрицами Ермолаевыми, но все мнѣ не казалось столь пріятнымъ ихъ общество, какъ въ первый разъ это было. Онѣ плѣняли меня въ разныхъ видахъ и уборахъ и пѣснями, и плясками, но очарованіе новизны исчезло, точно такъ и надежды на быстрые успѣхи, которые всегда сначала мнѣ льстятъ...

4-го сентября.

Чтеніе меня это время такъ избаловало, что я не соберусь пріняться и за хозяйственное писаніе, еще менѣе—за какое-либо другое. Сначала прочелъ я пресловутую «Исторію русскаго народа» (4 части), сочиняемую Полевымъ, и нашелъ ее лучше, чѣмъ ожидалъ оную найти. Онъ, по крайней мѣрѣ, понимаетъ, какъ исторія должна писаться, и дѣлаетъ по силамъ: на Карамзина онъ нападаетъ съ пристрастіемъ иногда, но вообще бываетъ болѣе правымъ въ своемъ мнѣніи объ немъ. Взглядъ его на разныя эпохи русской исторіи вѣрнѣе его предшественниковъ, и нѣкоторыя лица оной являются у него въ совершенно новомъ видѣ, чѣмъ у прежнихъ историковъ. Вездѣ видно, что онъ учился и трудился по новымъ германскимъ образцамъ, кои такъ далеко подвинули впередъ науку дѣписанія.

Потомъ прочелъ я двѣ книги новаго журнала «Библіотека для Чтенія», сотрудниками коего суть все наши литературныя знаменитости отъ Пушкина до Полевого. Главные его редакторы—Гречъ и Сенковскій; послѣдній однако удалился отъ изданія и вошелъ въ ряды простыхъ сотрудниковъ.

3-го октября.

Новые пріатели мои—Ермолаевы—снабжаютъ меня и книгами; послѣдняя, которую они мнѣ дали, и я теперь только прочелъ, а именно «*Résignée*» par G. Drouineau, есть что-то «неохристіанское» (и выраженіе-то мнѣ не понятно), чего я никакъ не понимаю. Авторъ старается доказать лицами, у него дѣйствующими, во-первыхъ, превосходство своего неохристіанскаго исповѣданія, потомъ—ничтожность и пустоту матеріализма и раціонализма, проповѣдуя, что внѣ вѣры нѣтъ спасенія и жизни въ этомъ мірѣ. Этотъ господинъ сперва доказываетъ, весьма многословно и высокопарно, существованіе Божіе, въ чемъ однако еще никто, кажется, и не сомнѣвается. Но отъ существованія Божія до христіанства, и особенно до неохристіанства, еще весьма далеко. Читая эту книгу, я невольно почувствовалъ желаніе отдать отчетъ самому

себѣ въ своихъ понятіяхъ о семь предметѣ, и долженъ сознаться, что нашелъ въ себѣ одно только сомнѣніе, или чистый скептицизмъ, или невѣріе и сомнѣніе во всемъ, что относится къ религіознымъ понятіямъ, къ такъ-называемымъ обязанностямъ человѣка къ Божеству. Что же касается до взаимныхъ обязанностей людей, одного человѣка къ другому, и до общественныхъ, то дѣло другое: тутъ все положительно, и сомнѣній нѣтъ. Любить другого, какъ самого себя или еще болѣе, какъ христіанство гласитъ, есть идеалъ высокій; но не дѣлать другому того, чего не желаешь самому, себѣ,—возможно всякому.

1836.

8-го декабря.

Вотъ чрезъ два года, откинувъ лѣнь, эту постоянную мою слабость, отъ которой ни лѣта, ни убѣжденіе не исправляютъ, вздумалось мнѣ взяться за перо, чтобы отмѣтить эти минуты жизни моей. Слѣдовало бы сперва сдѣлать очеркъ самого себя и прибавить, въ чемъ я думаю, что измѣнился съ того времени, какъ письменю не излагалъ отчетовъ о самомъ себѣ. Но я не живописецъ и едва ли буду умѣть то сдѣлать; по крайней мѣрѣ, съ этого времени мнѣ никогда не удавались портреты. Постараюсь, однако—надо же испытать свои силы.

Начну съ тѣла: состояніе его важнѣе, чѣмъ многіе думаютъ. Эти два года былъ я совершенно здоровъ; довольно однообразная, воздержная жизнь, свѣжій воздухъ, здоровый климатъ и тѣлесная дѣятельность, сопряженная съ надзоромъ за хозяйствомъ, предохранили меня отъ всякихъ болѣзней. Вотъ все, кажется, что можно сказать о брѣнномъ тѣлѣ. Успѣховъ въ развитіи его силъ въ эти лѣта и въ нашемъ образѣ жизни почти нѣтъ: все поглощаютъ умственные занятія. Развѣ назвать успѣхомъ то, что, будучи прошлое лѣто въ Петербургѣ, я взялъ нѣсколько уроковъ въ танцованіи и теперь, танцуя безъ усталости, заслуживаю часто похвалу хозяекъ дома, нуждающихся въ неутомимыхъ плясунахъ.

Послѣ тѣлесныхъ слѣдуетъ, разумѣется, замѣтить умственные перемены (успѣхами едва-ли можно назвать): онѣ незначительны. Кажется, опытъ этихъ двухъ лѣтъ только развилъ и подтвердилъ во мнѣ начала, уже существовавшія, признанныя мною. По образу жизни, новыхъ познаній приобрѣлъ я только нѣсколько практическихъ, относящихся къ главному занятію моему. Отъ другихъ я совершенно отлучился—болѣе отъ лѣни, чѣмъ по другой какой-либо причинѣ. Поэтому я сталъ еще реальнѣе прежняго и во время почти оставилъ идеализмъ, съ котораго прежде все начиналъ. Это господствующее направленіе замѣтно и въ

нравственномъ состояніи моемъ. Страсти мои вещественны: я не увлекаюсь надеждами славы, ни даже честолюбія. Я почти ограничиваюсь минутнымъ успѣхомъ. Женщины—все еще главный и почти единственный двигатель души моей, а можетъ быть, и чувственности. Богатство не занимаетъ меня, и жажда его не возрастетъ во мнѣ до страсти. Если бы я могъ пристраститься еще, то это—къ азартнымъ играмъ: онѣ довольно сильно дѣйствуютъ на меня. Пушкинъ справедливо говорилъ мнѣ однажды, что страсть къ игрѣ есть самая сильная изъ страстей. Уединенная, одинокая, ни отъ кого не зависящая жизнь, привычка всегда повелѣвать ими, иногда вредное вліяніе на нашъ нравъ, дѣлаетъ его самовластнымъ, нетерпѣливымъ, вспыльчивымъ. Трудно и мнѣ будетъ избѣгнуть отъ этого вліянія, особенно съ моимъ запасомъ самосознанія. Меня обвиняютъ въ слишкомъ высокомъ мнѣніи тѣ (женщины—съ мужчинами я мало разсуждаю), съ которыми я иногда разговариваю, потому что, говоря о себѣ, я выставляю себя такимъ, иногда до безсмыслія; онѣ вѣрятъ на слово и по немъ составляютъ себѣ обо мнѣ понятіе. Увы, кто лучше меня знаетъ, какъ мало во мнѣ дѣльнаго! Что въ другихъ я его тоже не много встрѣчаю, не есть причина себя высоко цѣнить. Такимъ ли бы я желалъ быть, какимъ я себя чувствую! Большой недостатокъ твердости въ исполненіи воли я постоянно вижу въ себѣ и мало замѣчаю успѣха, такъ что мнѣ гораздо лучше бы было слѣдовать минутному впечатлѣнію, не вдаваясь въ разсужденія: совѣтъ на оборотъ, чѣмъ совѣтуютъ другимъ людямъ, у которыхъ страсти берутъ верхъ надъ разсудкомъ.

Очередь теперь сердечнымъ ощущеніямъ. Иные утверждаютъ, что я рѣшительно неспособенъ стать къ нимъ, а можетъ—и былъ; это мнѣ трудно опредѣлить. Я цѣню любовь самоотверженіемъ и по степени его опредѣляю и ту. Такимъ образомъ, сколько собственнаго блага, удовольствій, спокойствія, труда, наконецъ лишеній я въ силахъ принести за тѣхъ, кого люблю, можно только узнать по опыту. Убѣжденный въ необходимости пожертвованія я думаю, что буду способенъ къ нему.

Занятія мои ограничивались однимъ распоряженіемъ хозяйства моего. Успѣхи въ нихъ не соответственны ожиданіямъ, какія слѣдовало бы имѣть. И причины тому ясны: это лѣнь и слабость характера. Знанія въ дѣлѣ достаточны бы были, но исполненіе недостаточно. Особенно нынѣшній годъ повесъ я убытки значительные отъ безпечности и нерадѣнія. Я искренно убѣжденъ въ этихъ моихъ недостаткахъ и проступкахъ, которые ежедневно я чувствую, но, увы, мало исправляюсь! Я читаю больше, чѣмъ слѣдовало бы, романовъ и журналовъ, потому все, что выходитъ изъ печати по части главнаго предмета моихъ занятій, но не довольно его изучаю.

На выборахъ дворянскихъ нынѣшняго года взялъ я на себя обязан-

ность непремѣннаго члена губернской комиссіи народнаго продовольствія,—мѣсто, которое не требовало много занятій, но въ 14-ти-классной таблицѣ нашихъ чиновъ занимало 6-е мѣсто, то-есть, въ чинѣ полковника или коллежскаго совѣтника. Я то сдѣлалъ, чтобы показать, что я не чуждаюсь ни свѣтской, ни служебной черни. И я не сожалѣю о томъ, тѣмъ болѣе, что, черезъ мѣсяць потомъ, этой должности, бывшей безъ жалованья, назначенъ былъ соответственный чину 1.500-рублевый окладъ жалованья. Этотъ случай можно мнѣ назвать счастливымъ, точно такъ и все начало моей дворянской службы. Послѣ трехлѣтія меня въ ней можно будетъ выбирать только въ высшія должности—предводителя и тому подобныя.

10-го декабря.

Занятія по этой моей должности почти ничтожны и не требуютъ постояннаго присутствія въ губернскомъ городѣ. Прежде службы моей познакомился я въ Твери со всѣми властвующими. Губернаторъ, графъ Толстой, Александръ Петровичъ, сынъ генерала-отъ-инфантеріи Петра Александровича Толстого, человѣкъ очень достойный и благонамѣренный, съ познаніями, приобрѣтенными въ путешествіяхъ, въ службѣ военной; былъ флигель-адъютантомъ, изъ высшей аристократіи, съ обращеніемъ человѣка свѣтскаго и образованнаго, къ тому же очень простой и добрый. Съ перваго знакомства черезъ Александра Михайловича Бакунина былъ чрезвычайно любезенъ со мною. Губернскій предводитель, Алексѣй Марковичъ Полторацкій былъ пріятелемъ отца моего и припомнилъ даже, что былъ мнѣ крестнымъ отцомъ, чего я до сего времени и не подозрѣвалъ, точно также всегда былъ ко мнѣ очень хорошъ. Эти связи поставили меня тотчасъ на первую степень тверскаго общества и много содѣйствовали успѣху моему и на выборахъ. При баллотировкѣ положило дворянство мнѣ 160 бѣлыхъ и 20 съ чѣмъ-то, если не ошибаюсь, черныхъ шаровъ. Всего лестнѣе было для меня здѣсь слышать общій голосъ похвалы дѣду моему Ивану Петровичу и отцу моему. Память добродѣтелей перваго и любезныхъ качествъ другаго все еще свѣжа въ тѣхъ, которые ихъ знали. Нѣсколько разъ я слышалъ вопросъ: «Какой это Вульфъ?» «Сынъ Николая Ивановича». «О, такъ ему надо положить бѣлый шаръ!»

Со времени моего пріѣзда сюда я ѣздилъ два раза къ матери въ Псковскую губернію и по пути заѣзжалъ въ Петербургъ. Кромѣ того, въ 1835 году я былъ лѣтомъ тамъ же по дѣламъ опекунскаго совѣта и въ февралѣ этого года прожилъ двѣ недѣли по той же причинѣ въ Москвѣ. Эти поѣздки и кратковременное пребываніе въ столицахъ замѣчательны только для меня тѣмъ, что ввели въ значительныя издержки, но пользы и, слѣдовательно, удовольствія мало мнѣ принесли. Прошлое лѣто, будучи

въ Петербургѣ, видѣлъ я впервые, въ толпѣ другихъ, не пользующихся никакимъ преимуществомъ зрителей, знаменитый Петергофскій праздникъ 1-го іюля, съ его великолѣпнымъ освѣщеніемъ сада и съ десятками тысячъ народу всѣхъ состояній, толпящимися въ его аллеяхъ. Видѣлъ я и царскую фамилію съ блестящею атмосферою двора, но это все въ дали такой, что должно бы было казаться мнѣ удивительно любопытнымъ, занимательнымъ и прекраснымъ, почему я объ этомъ и ни слова, кромѣ одной похвалы толпѣ, которую я всегда тоже люблю, гдѣ бы то ни было — въ церкви, на балѣ или на гуляньи, особенно если она оживлена хоть и не общимъ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ, общимъ любопытствомъ. Такого же рода удовольствіемъ пользовался я на публичныхъ маскарадахъ въ домѣ Энгельгардта въ томъ же году на масляной недѣлѣ: та же масса людей, но только тѣснѣе сжатая и, слѣдственно, болѣе оживленная.

На московскій свѣтъ я только успѣлъ взглянуть мелькомъ, и то во время Великаго поста, слѣдственно, не въ минуту полной жизни. Былъ я и въ извѣстномъ собраніи московскаго дворянства, которое точно лучше и блистательнѣе всѣхъ другихъ, какія я видалъ. Тамъ я неожиданно обрадованъ былъ встрѣчею съ нѣсколькими старыми, десятилѣтними знакомцами: съ Шепелевымъ, моимъ академическимъ пріателемъ, который, вмѣстѣ съ Языковымъ, былъ изъ соотечественниковъ моихъ единственнымъ задушевнымъ моимъ пріателемъ; потомъ съ братомъ Языкова, Александромъ Михайловичемъ, котораго знавалъ въ Петербургѣ. Онъ, кажется, порадовался мнѣ искренно, написалъ объ встрѣчѣ со мною тотчасъ же къ брату, такъ что вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ Москвы я получилъ отъ Николая Михайловича письмо, меня чрезвычайно утѣшившее: я думалъ, что онъ забылъ про то, что я его такъ люблю. Послѣ получилъ я другое въ отвѣтъ на мое, но странное дѣло, онъ опять замолчалъ. Недавно, въ октябрѣ, я спрашивалъ снова его о причинѣ, но еще не получилъ отвѣта. Говоря о Москвѣ, нельзя умолчать объ первой ея красѣ—ея дѣвицахъ; искони ими она богата и славится. Одну изъ этихъ пресловутыхъ (Екатерина Николаевна Ушакова), знакомую мнѣ по наслышкѣ много уже лѣтъ по дружбѣ съ Пушкинымъ, Александромъ. Этотъ типъ московскихъ дѣвушекъ былъ со мною чрезвычайно любезенъ такъ, какъ будто бы мы уже знали другъ друга съ тѣхъ поръ, какъ другъ о другѣ слышали; обо мнѣ однако слухи дошли до нея, вѣроятно, не такъ давно, какъ я объ ней слышалъ. Вотъ все почти, что на этотъ разъ осталось въ памяти моей объ Бѣлокаменной.

1842 г.

9-го января. Пятница.

...Кромѣ хозяйства, мои занятія заключаются въ чтеніи. Эти дни въ рукахъ у меня было нѣсколько нумеровъ «Revue des deux mondes» прошлыхъ мѣсяцевъ. Кромѣ литературныхъ статей, въ немъ много и политическихъ, очень хорошо писанныхъ. Первые, разумѣется, какъ и во всѣхъ нынѣшнихъ повременныхъ изданіяхъ, все повѣсти лучшихъ французскихъ писателей, и читаешь ихъ всегда съ удовольствіемъ. Читалъ я эти дни также собраніе повѣстей въ пользу Смирдина, изданныхъ подъ названіемъ «Русской бесѣды». Русскіе писатели хотѣли этою «Бесѣдой» вознаградить Смирдина за то, что онъ разорился изъ пріязни и самоотверженія къ русской литературѣ: такую нелѣпость онъ напечаталъ при объявленіи объ изданіи «Бесѣды». И нельзя сказать, чтобы гг. писатели наши оказались щедрыми въ этомъ случаѣ. Первый томъ вышелъ ниже посредственности, такъ что «Отечественныя Записки» не нашли въ немъ ничего похвалить лучшаго, кромѣ басни, чьей же?—Бориса Ѳедорова! Второй томъ немного лучше: тамъ хоть и не встрѣтишь также ни одной изъ нашихъ знаменитостей, но по крайней мѣрѣ изъ патріотизма, болѣе самоотверженнаго, чѣмъ всѣ изданія Смирдина, можно прочитать повѣсти Основьяненка и Сологуба. Третій, надѣяться можно, будетъ еще лучше. Надо замѣтить, что книгопродавцы наши ведутъ свои дѣла очень плохо. Хотя книги у насъ и дороже, чѣмъ гдѣ-либо, а главные торговцы ими всѣ разоряются. Всѣ, которые изъ нихъ брались за изданіе книгъ, обанкрутились: Плюшаръ съ своимъ «Энциклопедическимъ лексикономъ» и роскошными иллюстрированными изданіями; московскій членъ разныхъ ученыхъ обществъ Ширяевъ—своими хозяйственными и общепользными изданіями дошелъ до того, что послѣ смерти его въ прошломъ году книжная лавка его также закрылась; наконецъ, Смирдинъ, издавшій на нѣсколько милліоновъ сочиненій русскихъ классическихъ писателей, тѣмъ самымъ разстроилъ совершенно свои дѣла, какъ сами писатели то публично объяснили. Такому общему несчастью этихъ книгопродавцевъ, однако не причиною ни книги, ни писатели наши, а просто ихъ собственная безграмотность. Трудно повѣрить, въ какой запутанности и безотчетности были ихъ дѣла! У Ширяева, напримѣръ, не было каталога, по которому можно бы было отыскать книгу, за годъ у него же передъ тѣмъ вышедшую! Лажечниковъ, нашъ знаменитый романистъ и сосѣдъ по Старицкому уѣзду, рассказывалъ, что онъ однажды съ Смирдинымъ нѣсколько мѣсяцевъ не могъ разсчитаться, чтобы только узнать, кто изъ нихъ кому долженъ! И не съ нимъ однимъ это случилось. Послѣ такихъ примѣровъ можно себѣ

представить порядокъ въ дѣлахъ этихъ торговцевъ, и какъ шли ихъ обороты. Покуда торговали они книгами, какъ въ Гостиномъ дворѣ торгуютъ московскими ситцами, дѣла были у нихъ хороши; но какъ скоро обороты отъ успѣха стали у нихъ обширнѣе, взялись за изданіе книгъ. то по совершенной безграмотности своей они должны были разориться. особенно, когда сами писатели и преимущественно журналисты наши воспользовались этимъ. Булгаринъ своею «Россіей» подорвалъ Плюшара, Сенковскій за редакцію «Библіотеки для Чтенія» тоже со Смирдина бралъ столько, что тому немного отъ нея оставалось. Эти господа составили себѣ большое состояніе, а книгопродавцы разорились.

6-го февраля.

...Взглянувъ на то, что я въ эти два мѣсяца написалъ, можно довольно вѣрно обсудить и самого меня. Все полугодовое мое существованіе поглощено лѣнью, жизнью совершенно бессмысленною... Много лѣтъ уже, какъ я болѣе лѣнюсь, чѣмъ дѣла дѣлаю. И въ хозяйственныхъ занятіяхъ я избѣгаю трудныхъ, то-есть, постоянныхъ и сухихъ, а предпочитаю имъ легкія, не требующія ни труда, ни лишеній, ни умственныхъ напряженій. Чувствую, какъ это недостойно всякаго разсудительнаго и себя сознающаго существа, но это сознаніе все остается безплоднымъ. Вотъ одно доказательство отвычки отъ всякаго умственнаго занятія: два года тому назадъ я получилъ отъ Языкова, быть можетъ, единственнаго человѣка, котораго я люблю (другихъ немногихъ уже не стало), изъ-за границы письмо и не нашелъ времени къ нему написать. Теперь привезъ мнѣ Николай Игнатьевичъ Шенигъ (называю его потому, что онъ стоитъ у меня на ряду немногихъ), возвратившись недавно оттуда же, отъ него подарокъ—сигарочницу, и сколько я ни дорожу этимъ воспомнаніемъ обо мнѣ, все не благодарилъ его за оное.

21-го марта. Въ Малаянникахъ.

Весь февраль прожилъ я въ Тригорскомъ въ ожиданіи снѣга и только въ концѣ онаго дождался; это было на масляной недѣлѣ. Его было однако такъ еще мало, что съ трудомъ доѣхали мы съ братомъ до Острова, гдѣ и провели недѣлю съ сестрами очень весело. Первымъ удовольствіемъ для меня была неожиданная встрѣча съ Львомъ Пушкинымъ. На пути съ Кавказа въ Петербургъ, разумѣется, не на прямомъ, какъ онъ всегда странствуетъ, заѣхалъ онъ къ намъ въ Тригорское навѣститъ насъ да взглянуть на могилы своей матери и брата, лежащихъ теперь подъ однимъ камнемъ, гораздо ближе другъ къ другу

послѣ смерти, чѣмъ были въ жизни. Обоихъ онъ не видалъ передъ смертью и, въ 1835 году разставаясь съ ними, никакъ не думалъ, что такъ скоро въ одной могилѣ заплачетъ надъ ними. Александръ Сергѣевичъ, отправляя тогда его на Кавказъ (онъ въ то время взялъ на себя управленіе отцовскаго имѣнія и уплачивалъ долги Льва), говорилъ шутя, чтобы Левъ сдѣлалъ его наслѣдникомъ, потому что всѣ случаи смертности на его сторонѣ: разъ, что онъ ѣдетъ въ край, гдѣ чума, потомъ—горцы, и наконецъ, какъ военный и холостой человѣкъ, онъ можетъ еще быть убитымъ на дуэли. Вышло же наоборотъ: онъ—женатый, отецъ семейства, знаменитый—погибъ жертвою неприличнаго положенія, въ которое себя поставилъ ошибочнымъ расчетомъ, а этотъ подъ пулями черкесовъ безопасно пилъ кахетинское и такъ же мало потерпѣлъ отъ однихъ, какъ отъ другого! Такова судьба наша или, вѣрнѣе сказать, такъ неизбѣжны слѣдствія поступковъ нашихъ. Преждевременная смерть въ прошломъ году Лермонтова, еще одного первокласснаго таланта, который выросъ у насъ не по днямъ, а по часамъ, въ два или три года сдѣлавшагося первымъ изъ всѣмъ жившихъ поэтовъ, застрѣленнаго на дуэли изъ-за пустой шутки на Кавказскихъ водахъ, служить другимъ доказательствомъ, какъ отъ страстей своихъ никто не уходитъ безнаказанно. Левъ рассказывалъ какъ очный свидѣтель этой печальной потери, которую понесла въ Лермонтовѣ вся мыслящая Русь. Прошлую зиму я встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ въ одномъ домѣ, именно у Арсеневыхъ, его родственниковъ, и съ любопытствомъ вглядывался въ черты его лица, думая, не удастся ли на немъ подглядѣть напечатлѣнія этого великаго таланта, который такъ сильно проявлялся въ его стихахъ. Ростомъ онъ былъ не великъ и не строенъ; въ движеніяхъ не было ни ловкости, ни развязности, ни силы; видно, что тѣло не было у него никогда ни напрягаемо, ни развиваемо: это общій недостатокъ воспитанія у насъ. Голова его была несоразмѣрно велика съ туловищемъ; лобъ его казался для меня замѣчательнымъ своею величиною; смуглый цвѣтъ лица и черные глаза, черные волоса, широкое скулистое лицо напомнили мнѣ что-то общее съ фамиліей Ганнибаловъ, которые извѣстно, что происходятъ отъ арапа, воспитаннаго Петромъ Великимъ, и отъ котораго по матери и Пушкинъ происходитъ. Хотя вдохновеніе и не кладетъ тавра на челѣ, въ которомъ гнѣздится, и мы часто при встрѣчѣ съ великими талантами слышимъ, какъ повторяютъ, что наружность такого-то великаго писателя не соотвѣтствуетъ тому, чтѣ мы отъ него ожидали (и со мною это случилось), но все, кажется, есть въ лицѣ нѣкоторыя черты, въ которыхъ проявляется гениальность человѣка. Такъ и у Лермонтова страсти пылкія отражались въ большихъ, широко разставленныхъ черныхъ глазахъ, подъ широкимъ нависшимъ лбомъ и въ остальныхъ крупныхъ (не знаю,

какъ иначе выразить противоположность «тонкихъ») очеркахъ его лица. Я не имѣлъ случая говорить съ нимъ, почему и не прибавлю къ сказанному ничего объ его умственныхъ качествахъ. Не могу однако разстаться со Львомъ, не замѣтивъ, что восемь лѣтъ его очень мало измѣнили: онъ—все такой же милый собесѣдникъ, какимъ узналъ я его въ Варшавѣ; какъ тогда, готовъ дни просиживать за обѣдомъ, а ночи—за пуншемъ и т. п. Разница между нами стала только въ томъ, что въ его курчавыхъ бѣлокурыхъ вискахъ просѣла сѣдина, а у меня стали волосы рѣдѣть. Морально же мы каждый своимъ путемъ: я сталъ еще холоднѣе и разсудительнѣе, онъ же—беззаботнѣе кажется.

19-го ноября.

Весь прошлый октябрь мѣсяцъ мы здѣсь такъ много веселились какъ только возможно было. Была сначала у Панафидиныхъ свадьба. Послѣ истиннаго пира свадебнаго настала пора охоты, и мы отправились въ отъѣздъ сначала поближе—къ Казнакову, нашему уѣздному предводителю (семейство все чрезвычайно своеобразное), принимавшему насъ очень радушно. Потомъ и далѣе—къ Бакунинымъ. Никогда я такъ безусловно пріятно, безъ всякихъ особенныхъ видовъ, какъ было прежде, когда такъ сѣзжался съ своими сосѣдками, не гостилъ. Отчасти тому причиною, что встрѣтилъ тамъ моихъ молоденькихъ и хорошенькихъ пріятельницъ, тоже Полторацкихъ, съ коими танцовали мы опять три дня сряду, какъ на свадьбѣ, и снова я пріобрѣлъ похвалу и признательность танцующихъ за добрый примѣръ, который имъ подавалъ. Такъ-то! Мы еще не очень постарѣли и еще имѣемъ нѣкоторые успѣхи въ деревенскомъ безлюдьи. Это новое поколѣніе выросло недавно на нашихъ глазахъ, такъ я и смотрю на нихъ, какъ на дѣтей, а онѣ уже твердятъ, что «намъ семнадцать лѣтъ и стали невѣстами». Любезничать же съ ними по прежнему, какъ съ ихъ предшественницами, какъ-то совѣстно. Тутъ опять вспомнишь пріятеля нашего Александра Сергѣевича, который тоже говорилъ въ свое время:

Миѣ не къ лицу и не по лѣтамъ... и т. д.

Какъ вѣрно онъ передавалъ ощущенія наши, своихъ почти современниковъ, или, сказать вѣрнѣе, насъ, его учениковъ и послѣдователей!

А. Н. Вульфъ пересталъ вести свой дневникъ предъ вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ. вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются для насъ обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ его жизни; но сколько намъ извѣстно, она въ

послѣдующее время не ознаменовалась никакими особенно выдающимися событиями и неизмѣнно текла въ тѣхъ же приблизительно условіяхъ, въ какихъ Алексѣй Николаевичъ изображаетъ себя въ послѣдней части дневника, писанной по выходѣ его въ отставку.

Его мать скончалась только въ 1859 году; такимъ образомъ онъ прожилъ подъ однимъ кровомъ съ нею до пятидесяти пяти лѣтъ, но самъ въ бракъ не вступалъ. Еще въ молодости, подъ 3-мъ марта 1833 года, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія мысли свои о супружествѣ: «Вотъ дожилъ я до тѣхъ лѣтъ, что всѣ ровесники, знакомые, друзья—кто женился, а другіе жениться намѣрены; мнѣ же этого не опредѣлено... Быть можетъ—къ лучшему. По крайней мѣрѣ я это буду думать, чтобы утѣшать себя въ лишеніи живѣйшихъ и чистѣйшихъ наслажденій... Отеческія чувства я буду всегда считать такими. Если я буду имѣть столько власти надъ собою, что удержу себя отъ искушенія жениться, то желаніе найти жевщину, которая захотѣла бы со мною жить единственно по своему произволу, безъ всякихъ церковныхъ и гражданскихъ обязанностей, было бы единственное, которымъ я бы утруждалъ небеса. Впрочемъ, мнѣ можно бы рѣшиться на супружество, ибо всегда можно отыскать благопристойный предлогъ къ разводу, особенно съ деньгами». Эти строки рисуютъ человѣка очень выразительно, и къ нимъ прибавлять нечего; отчасти скептикъ, отчасти эгоистъ, во всякомъ случаѣ человѣкъ независимаго образа мыслей и характера, Вульфъ еще двадцати восьми лѣтъ обнаруживалъ предпочтеніе къ холостому быту—и дѣйствительно остался весь свой долгій вѣкъ холостякомъ.

Окруженный многочисленною роднею, пользуясь общею любовью и уваженіемъ въ своемъ кругу, хорошо обеспеченный съ матеріальной стороны, Алексѣй Николаевичъ прожилъ мирнымъ обитателемъ того самаго Тригорскаго, гдѣ провелъ дѣтство и гдѣ въ молодости принималъ своихъ знаменитыхъ литературныхъ друзей. Онъ бережно хранилъ воспоминанія о Пушкинѣ и Языковѣ и любилъ рассказывать о времени своихъ сношеній съ ними; онъ тщательно берегъ ихъ письма и посвященные ему стихи, не отказалъ въ ихъ сообщеніи покойному М. И. Семевскому и разрѣшилъ ему изданіе въ свѣтъ этихъ драгоценныхъ семейныхъ памятниконъ. Рассказы Вульфа отличались трезвою простотою и своеобразною наблюдательностью. Такъ, припоминая слѣдующіе строки Языкова въ одномъ изъ его посланій къ П. А. Осиповой:

На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытъ,
Спѣша въ Тригорское, одинъ—
Вольтеръ и Гете, и Расинъ,
Являлся Пушкинъ знаменитый,

Вульфъ утверждалъ, что на самомъ дѣлѣ у поэта никакого аргамака не было, и что прѣзжалъ онъ весьма прозаически на старой клячѣ. Дѣйствительно, ни у Александра Сергѣевича, ни у его родителей большихъ достатковъ не было, особенно въ ихъ деревенской жизни, какъ это видно между прочимъ изъ свидѣтельства прѣзжавшаго въ Михайловское И. И. Пущина. Зато показаніе послѣдняго, будто бы Пушкинъ состоялъ подъ наблюденіемъ настоятеля Святогорскаго монастыря¹⁾, Вульфъ отвергалъ, но не отрицалъ, что поэту случалось иногда угощать его, и что монахъ любилъ это угощеніе. Здѣсь опять припоминается разсказъ Пущина. По словамъ Вульфа, отъ Святогорскаго настоятеля Пушкинъ позаимствовалъ въ «Бориса Годунова» народныя поговорки, какъ на-примѣръ:

Нашъ Оома
 Пьетъ до дна,
 Выпьеть да поворотитъ,
 Да въ донушко поколотитъ.

Дѣйствительно, въ сценѣ «Корчма на литовской границѣ» въ уста старцу Варлааму влагаются, между прочимъ, такія рѣчи: «У насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка—пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ». Вульфъ помнилъ, и совершенно вѣрно, что это мѣсто не было пропущено цензурой въ первомъ изданіи «Бориса Годунова». Въ самомъ дѣлѣ, въ замѣчаніяхъ на хронику Пушкина, представленныхъ императору Николаю Павловичу генераломъ Бенкендорфомъ, было выражено мнѣніе, что при печатаніи «сцену въ корчмѣ можно бы смягчить» и въ подтвержденіе тому приводились изъ этой сцены разговоры и прибаутки монаховъ, которые «слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ»²⁾. Въ памяти и въ одной изъ тетрадей Вульфа хранилась также злая эпиграмма, сочиненная Пушкинымъ въ эпоху пресловутыхъ конгрессовъ, которые созывались для успокоенія Европы послѣ Наполеоновскихъ войнъ³⁾. Наконецъ, любопытенъ и слѣдующій разсказъ А. Н. Вульфа о Пушкинѣ, записанный Семевскимъ: «Передъ дуэлью Пушкинъ не искалъ смерти; напротивъ, надѣясь застрѣлить Дантеса, поэтъ располагалъ поплатиться за это лишь новою ссылкой въ сельцо Михайловское, куда возьметъ и жену, и тамъ-то, на свободѣ, предполагалъ заняться составленіемъ исторіи Петра Великаго.

¹⁾ Это извѣстіе повторено и М. И. Семевскимъ, да еще съ ссылкой на „мѣстное преданіе“ въ статьѣ: „Къ біографіи Пушкина“ („Русскій Вѣстникъ“ 1869 г. № 11, стр. 64).

²⁾ Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ, М. И. Сухомлипова, т. II, стр. 221, 225—227.

³⁾ Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 332:

Воспитанный подъ барабаномъ...

Извѣстно также, что еще около 1818 года, въ бытность поэта въ Петербургѣ, одна славная тогда въ столицѣ ворожея сдѣлала зловѣщее предсказаніе Пушкину, когда тотъ посѣтилъ ее съ однимъ изъ своихъ друзей. Глядя на ихъ руки, колдунья предсказала насильственную смерть. На другой день другъ Пушкина, служившій въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ ротнымъ командиромъ, былъ заколотъ унтеръ-офицеромъ; Пушкинъ же до такой степени вѣрилъ въ зловѣщее пророчество ворожеи, что когда впоследствии, готовясь къ дуэли съ извѣстнымъ «американцемъ» графомъ Толстымъ, стрѣлялъ вмѣстѣ со мною въ цѣль, то не разъ повторялъ: «Этотъ меня не убьетъ, а убьетъ бѣлокурый—такъ колдунья пророчила». И точно, Дантесъ былъ бѣлокуръ» ¹⁾.

Пребываніе въ университетѣ наложило на Вульфа свою печать — обстоятельство, не ускользнувшее отъ вниманія еще Пушкина. Живое отношеніе къ умственнымъ интересамъ никогда не покидало Алексѣя Николаевича; всю свою жизнь онъ дѣятельно слѣдилъ за литературой, много читалъ и собралъ хорошую библіотеку. «Хотя, — говорится въ его некрологѣ ²⁾,—преклонные годы и разстроенное здоровье давно уже сказались на Вульфѣ задолго до его кончины, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ всегда интересоваться отечественною словесностью и всѣми проявленіями нашей общественной жизни и каждую зиму являлся въ Петербургъ, гдѣ его можно было встрѣтить постояннымъ посѣтителемъ спектаклей, чтеній, концертовъ. А. Н. Вульфъ оставилъ по себѣ память чловѣка образованнаго, добраго, живо сохранявшаго прекрасныя преданія Пушкинскаго времени и Пушкинскаго круга».

Кончина А. Н. Вульфа послѣдовала въ Тригорскомъ въ пятницу 71-го апрѣля 1881 года отъ воспаленія легкихъ.

¹⁾ Всѣ эти рассказы А. Н. Вульфа сообщены въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., т. I, стр. 404 и 405.

²⁾ Газета „Голосъ“ 1881 г., № 111.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

VI).

Быть юридическій.—Отсутствіе точныхъ и опредѣленныхъ законовъ.—Всеобщее лихоимство.—Судъ и судья.—Секретари, повѣтчики, приказные и подьячіе.

Истинное просвѣщеніе, чистота нравственности и строгое правосудіе составляютъ благоденствіе государства и народа. Къ сожалѣнію этихъ желаемыхъ качествъ тогда не было, въ особенности правосудія.

— Купите, говорилъ П. Сумароковъ, имѣніе отъ правительства съ публичнаго торга, внесете деньги и получите данную; вступите во владѣніе и черезъ 30—50 лѣтъ отнимутъ оное у дѣтей и внучатъ вашихъ, несмотря на коренной законъ о давностяхъ.

Тогда Свода законовъ не существовало и его замѣняло множество указовъ и постановленій, изданныхъ на отдѣльные случаи, не приведенныхъ ни въ какую систему, часто прстиворѣчившихъ другъ другу и разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Многіе указы не распубликовывались и составляли руководство только того присутственнаго мѣста, коему были даны.

Въ практикѣ и въ обращеніи было большое количество отдѣльныхъ уставовъ и положеній, но они были составлены неумѣло: подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ были соединены самые разнородные предметы,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1899 г.

такъ что «развѣ только счастливый случай могъ въ этомъ хаосѣ повести къ отысканію нужнаго постановленія».

«Я, говоритъ О. А. Пржецлавскій ¹⁾, дѣлалъ неимоверныя усилія для отысканія нужнаго мнѣ закона; рылся по цѣлымъ недѣлямъ въ грудахъ печатныхъ листовъ, представлявшихъ хотя малѣйшую къ тому надежду; допрашивалъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ дѣловыхъ людей, слышавшихъ законовѣдами. Въ этихъ поискахъ цѣлые мѣсяцы проходили безуспѣшно, когда, наконецъ, я нашелъ почтеннаго старца, посѣдившаго въ трудахъ «хожденія по дѣламъ», который мнѣ сказалъ, что нужный мнѣ законъ я найду въ древнемъ: Уставѣ камеръ-коллегіи. Задача этимъ упростилась, но не на много облегчилась; надо было отыскать этотъ благодатный уставъ, а это было не легко. Я обратился въ сенатскую книжную лавку и тамъ, въ первый разъ порывшись въ каталогахъ, сказали мнѣ, что такого устава нѣтъ. Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и у всѣхъ букинистовъ Щукина двора, я обратился уже къ начальнику сенатской книжной лавки, настаивая на томъ, что искомый иксъ (уставъ) долженъ въ ней быть непременно въ числѣ всѣхъ другихъ печатныхъ законовѣдній. По неотступной моей просьбѣ, во всѣхъ складахъ лавки совершенъ былъ тщательный розыскъ и въ одномъ изъ угловъ, подъ кипами печатнаго хлама, найдена, наконецъ, цѣлая связка давно заброшенной брошюры».

«Непремѣнные законы, говорилъ далеко позже П. Каховскій ²⁾, прекращаютъ всѣ злоупотребленія въ государствѣ. Емкость и краткость оныхъ не допускаютъ запутывать дѣла. Они легко запечатлѣваются въ памяти и дѣлаются извѣстными всѣмъ;—черезъ нихъ каждый знаетъ свою обязанность, свои права и чему подвергается не соблюдая предписанныхъ ими правилъ. Мы симъ похвалиться не можемъ; у насъ указъ на указъ, одно разрушаетъ, другое возобновляетъ и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими не согласны».

Какъ трудно было подыскать соответствующій законъ видно изъ того, что даже въ 1828 году въ Сенатѣ для обвиненія подсудимаго въ уголовномъ преступленіи были выписаны подходящія статьи изъ: 1) Уложенія 1649 г., 2) Военскаго устава 1716 г.; 3) Военскихъ процессовъ 1716 г.; 4) Духовнаго регламента; 5) Высочайшихъ указовъ 10-го апрѣля 1730 г., 29-го апрѣля 1753 г. и 30-го сентября 1754 г.; 6) Морскаго устава 1720 г.; 7) Изъ манифестовъ объ осужденіи Хрущова, Мировича и Пугачева; 8) Наказа комиссіи Уложенія; 9) Изъ манифеста 30-го ноября 1806 г. объ образованіи ополченія или милиціи;

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ „Русская Старина“ 1874 г. № 11 стр. 456.

²⁾ Въ письмѣ генералу Левашеву отъ 14 марта 1826 г. „Госуд. Арх.“ I.

10) Изъ положенія о большой дѣйствующей арміи; 11) Изъ литовскаго статута и 12) Изъ указа объ уничтоженіи масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ¹⁾).

Выписки эти, сдѣланныя по произволу обвинителя, занимаютъ сотни страницъ, въ которыхъ трудно разобраться и съ точностью опредѣлить, которая изъ выписанныхъ статей ближе подходитъ къ данному случаю. При полномъ безкорыстіи и безпристрастіи, сенаторамъ трудно было сознать, что рѣшили дѣло по совѣсти и по закону; напротивъ и такія лица должны были чувствовать, что въ тогдашнихъ приговорахъ было много произвола. Скорбѣвшій о такомъ произволѣ неизвѣстный современникъ, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра I писалъ ему: ²⁾)

«Государь, дышащій единственно благомъ своего народа, непремѣнно долженъ обратить на сіе все свое вниманіе и всю власть. Величайшее бы было на первый случай благотвореніе его къ Россіи, если бы онъ повелѣлъ всё съ самаго начала изданные законы разсмотрѣть, привести въ порядокъ, уничтожить всё противорѣчія, составить одну общую книгу законовъ и, утвердя ее властію своею, предписалъ бы по ней уже одной отправлять все судопроизводство. И сіе необходимо должно сдѣлать для двухъ весьма важныхъ причинъ: 1) Часть сія сдѣлается простѣе, вразумительнѣе и права каждаго ясно обнаружатся, слѣдственно пресѣкнутся средства къ ябедѣ и тяжбамъ; рѣшеніе дѣлъ оканчиваться будетъ скорѣе,—отъ сего менѣе волокить; невинность не столько будетъ томиться, преступленіе получить скорѣе достойное наказаніе. 2) Черезъ сей разборъ законовъ откроются государю причины (поводы) ихъ изданія; онъ усмотритъ ихъ недостатки и безошибочно уже можетъ приступить или къ ихъ пополненію или, смотря по цѣли, къ совершенному преобразованію. Я смѣло скажу: доколѣ государь не повелитъ сего сдѣлать, дотолѣ истина далека будетъ отъ его трона и дотолѣ невинность противъ злобы и коварства не будетъ имѣть надежнаго оплота. Мудрыми только законами, столь обширной имперіи какова Россійская, можетъ быть устроено блаженство обитателей ея....

«Государь! Судьбѣ угодно было возвести тебя на тронъ россійскій въ такое время, когда политическое бытіе и могущество имперіи твоей обращаетъ на себя взоры всей Европы и когда настоящее положеніе дѣлъ оной должно привлечь все вниманіе твое. Опытъ минувшихъ происшествій доказалъ сколь велика преданность россіянь къ монархамъ своимъ. Но всему есть предѣлъ.

«По теперешнему состоянію Россіи, облегчать бремя правленія твоего,

¹⁾ Архивъ Сената въ Петербургѣ.

²⁾ „Мои мысли“ Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 58.

государь, призвано одно только дворянство и сіе должно быть, до времени, такъ, потому что всѣ прочіе классы подданныхъ твоихъ найдутся въ самомъ грубомъ еще невѣжествѣ. Оно служитъ подпорою престола и орудіемъ твоимъ, къ устроению блага народа твоего. Но изобразивъ его выше ¹⁾ я не могу болѣе позволить себѣ судить о немъ. Здѣсь остается мнѣ только сказать: примѣръ твой, выборъ людей, награда истинныхъ заслугъ, ободреніе достоинства и способностей могутъ извлечь дворянство изъ нѣги, праздности, роскоши и усыпленія, и черезъ то возбудить въ немъ страсть къ славѣ, рвеніе къ просвѣщенію и любовь къ отечеству. Симъ только средствомъ доставишь себѣ, государь, надежныхъ и вѣрныхъ помощниковъ къ раздѣленію тягостныхъ трудовъ своихъ. Безъ людей ничего сдѣлать нельзя, или все будетъ непрочно и ничто не достигнетъ своей цѣли.

«Государь! Россія едва-ли находилась когда въ столь счастливомъ положеніи какъ нынѣ. Все увѣряетъ насъ, что ты, кѣмъ управляется судьба царства и народовъ, назначенъ устроить на непоколебимомъ основаніи блаженство наше и для временъ грядущихъ. Какой великій подвигъ предлежитъ совершить тебѣ: образовать Россію со стороны нравственнаго бытія ея,—подвигъ, коему не будетъ равнаго въ славѣ! Младость твоя обѣщаетъ намъ долготѣнее царствованіе. Благость, рѣшимость и прозорливая осторожность ручаются за успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ твоихъ. Если богоподобная душа твоя жаждетъ только блага народа твоего, то конечно всѣ силы ума твоего и всю дѣятельность употребишь на то, чтобы извлечь насъ изъ мрака и невѣжества и вдохнуть въ насъ новую жизнь. Тебѣ предоставлено совершить сіе.

«Приверженный сердцемъ къ славѣ твоей и къ славѣ отечества, я провижу будущее. Какое зрѣлище представляется взору!

«Въ пространномъ и великолѣпномъ храмѣ, посвященномъ Вышнему Божеству, вижу многоразличныя племена Россіи державной, стекшіяся и приносящія благородную жертву. Царствуетъ глубокое, благоговѣйное молчаніе. Вдругъ слышенъ гласъ: изгладимъ изъ памяти нашей все миновавшее и насладимся настоящимъ блаженствомъ. Но кто вина и творецъ онаго?—Александръ. Кто далъ намъ законы, утвердившіе покой и счастье наше? Кто извлекъ насъ изъ униженія, невѣжества и обновилъ судьбу нашу? Кто возвелъ насъ въ наше достоинство, далъ намъ почувствовать цѣль и пріятность бытія нашего и кто поселилъ въ насъ любовь къ правленію, къ законамъ и къ общему благу?—Александръ. И слава провозгласитъ имя твое въ концы вселенной».

¹⁾ Изображеніе это помѣщено нами на стр. 546 „Русской Старины“ 1899 г. № 3.

Императоръ Александръ не остался глухимъ къ мыслямъ писавшаго и къ желанію народа. Онъ образовалъ «Коммисію о составленіи законовъ» и 5-го іюня 1801 года, подъ непосредственнымъ своимъ вѣдѣніемъ, поручилъ ее руководству графа Завадовскаго.

Въ рескриптѣ ему данномъ императоръ писалъ почти то же что сказано было въ вышеприведенномъ нами письмѣ.

«Поставляя въ единомъ законѣ, говорилъ государь, начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обзорѣніи государственнаго управленія призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи.

«Я всегда зналъ, что съ самого изданія Уложенія до дней нашихъ, т. е. въ теченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ облажащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнить ихъ по первому движенію прихоти или самовластія».

Вѣрно характеризовавшія тогдашнее положеніе и прекрасно написанныя строки эти остались неисполненными во все царствованіе императора Александра. Коммисія законовъ проработала болѣе четверти вѣка и не оставила намъ никакихъ результатовъ своей работы. Только императору Николаю I удалось, въ семь лѣтъ, сдѣлать то, чего не могли достигнуть его предшественники въ теченіе 130 лѣтъ. Во все это время Россія страдала отъ произвола, беззаконія и, по словамъ Хомякова, была:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства влеймена.
Безбожной лести, лжи глетворной
И лѣни мертвой и лозорной
И всякой мерзости полна.

Поэтъ не преувеличивалъ и не сгущалъ красокъ; онъ самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыя совершались въ администраціи и въ особенности въ судахъ.

По словамъ современника ¹⁾ даже одна виѣшность тогдашнихъ

¹⁾ Тайнаго совѣтника П. Сумарокова. „Арх. Госуд. Совѣта“ д. № 84.

судовъ указывала на внутренній въ нихъ беспорядокъ. «Въ городахъ, даже губернскихъ, стекла разбиты, заклеены бумагою; обрушилась кровля. Въ уѣздныхъ (городахъ) они (суды) нерѣдко помѣщаются въ избахъ; тамъ голыя стѣны, на полу щели по четверти аршина. Наконецъ, въ Правительствующемъ Сенатѣ, первѣйшемъ зеркалѣ, посреди столицы, простые столы самой топорной работы, бархатъ, сукно разорваны, замараны—господствуетъ отвратительная нечистота. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нуждаются въ перьяхъ и чернилахъ; канцелярскіе служители въ лохмотьяхъ окружаютъ входящихъ, какъ лавочники, и призываютъ къ себѣ,—гремятъ мѣдныя деньги. Мысль при первомъ взглядѣ негодуетъ, сомнѣвается, чтобы правосудіе было въ кругу нечестива, злоупотребленія, нищеты; проситель готовить подаваніе, а не документы».

Безъ подаванія нельзя было подвинуть дѣла, и поголовное взяточничество существовало не только въ земскихъ судахъ, но въ среднихъ и высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. «Насчетъ высшихъ чиновниковъ коммерцъ-коллегіи, говоритъ Ѳ. В. Булгаринъ ¹⁾, не только рассказывались во всей Россіи, но и печатаемы были за границую анекдоты, которые показались бы невѣроятными, если бы эти господа чиновники не изумляли столицы своею роскошью и даже мотовствомъ. Я зналъ одного изъ этихъ господъ, который началъ службу писцомъ въ Могилевскомъ магистратѣ, и былъ женатъ на могилевской торговкѣ калачами, а потомъ имѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ въ Петербургѣ и нѣсколько тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи. Столовые часы въ гостиной его жены, осыпанные крупнымъ жемчугомъ, стоили 60.000 рублей».

По свидѣтельству И. В. Лопухина взятки были неизлечимою отравою судовъ ²⁾. Н. М. Карамзинъ говорилъ, что если бы отвѣчать однимъ словомъ на вопросъ, что дѣлается въ Россіи, то пришлось бы сказать—крадутъ ³⁾. И дѣйствительно, брали деньгами и продуктами, брали черезъ женъ, секретарей и другихъ подставныхъ лицъ; брали губернаторы, председатели губернскихъ правленій, гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, брали и въ Сенатѣ. Все это узаконилось, вошло въ обычай и проситель никогда не приходилъ въ присутственные мѣста съ пустыми руками. Если онъ былъ бѣденъ, то и тогда приносилъ полотенце, чашку меда, большой пряникъ, а иногда и простой хлѣбъ.

— Зачѣмъ вы брали подарки? спрашивалъ Э. Н. Стоговъ своего отца.

— Чтобы не оскорбить просителя, отвѣчалъ онъ добродушно.

¹⁾ „Въ своихъ воспоминаніяхъ“ ч. V, стр. 260 и 261.

²⁾ „Русскій Арх.“ 1884 г. № 1, стр. 69.

³⁾ „Полн. собр. соч. вн. Вяземскаго“ т. VIII, стр. 113.

Это древній обычай, чтобы не утруждать судью съ пустыми руками ¹⁾.

Тяжесть отъ взяточничества вызвала появленіе комедіи «Я беда». Авторъ комедіи В. В. Капнистъ читалъ ее въ домѣ Г. Р. Державина при многихъ посѣтителяхъ, и когда городъ заговорилъ «о неслыханной дерзости, съ какою выведена въ комедіи безнравственность чиновниковъ и обнаружены ихъ злоупотребленія» ²⁾, то Капнистъ сталъ опасаться, чтобы не былъ очерненъ въ мнѣніи императора. Онъ обратился тогда за совѣтомъ къ Н. А. Львову ³⁾ и спрашивалъ что ему дѣлать?

— То же, отвѣчалъ онъ, что сдѣлалъ Мольеръ съ своимъ Тартюфомъ, испрося позволеніе посвятить свою комедію самому государю.

Капнистъ послѣдовалъ совѣту и всѣ толки умолкли. Комедія была представлена на сценѣ, и тѣ же самые люди, которые сначала такъ сильно вооружались противъ Капниста, вдругъ перемѣнили свое мнѣніе и стали находить комедію превосходною.

— Конечно, говорилъ Г. Р. Державинъ, комедія Капниста очень живо представляетъ взяточниковъ, эту язву современнаго общества, но въ послѣдствіяхъ своихъ совершенно бесполезна и, къ сожалѣнію, не обратитъ ихъ на путь истинный.

Язва эта пустила столь глубокіе корни, что не удивляла даже и иностранцевъ. Въ Россіи, говоритъ де-Местръ ⁴⁾, «нужно предлагать всякой канцеляріи ту приманку, къ которой она падка. Коль скоро нуждаешься въ вѣронѣ, то чтѣ дурного въ томъ, если предложишь ему падаль». Эта горькая насмѣшка нашла себѣ подтвержденіе и въ высочайшемъ указѣ Сенату 18-го ноября 1802 года.

«Изъ доходящихъ къ намъ безпрестанно слуховъ, писалъ императоръ ⁵⁾, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что пагубное лихо и мство или взятки въ имперіи нашей не только существуютъ, но даже распространяются между тѣми самими, которые бы ими гнушались и всемѣрно пресѣкать ихъ должныствовали». Желая истребить злоупотребленія Александръ I поручилъ Сенату разсмотрѣть въ общемъ собраніи, достаточны-ли существующіе законы о лихоимствѣ и представить свое соображеніе, какія принять мѣры, чтобы «не вредить ни правосудію, ни государственному устройству, ни скорому теченію въ отправленіи дѣлъ».

Сенатъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе и

¹⁾ Записки Э. Н. Стогова „Русская Старина“ 1886 г. № 10, стр. 87.

²⁾ Записки С. П. Жихарева „Русскій Арх.“ 1891 г. № 1 (прилож., стр. 252).

³⁾ Родственнику Г. Р. Державина.

⁴⁾ „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, 63.

⁵⁾ Арх. Сената. См. также „Русскій Арх.“ 1880 г., т. III, стр. 361.

не представилъ по этому поводу никакихъ основательныхъ соображеній. Онъ сознавалъ, что болѣзнь эта на столько всосалась въ правительственную машину, что искоренить его однимъ почеркомъ пера или одними указами—было невозможно; что болѣзнь эта вытекала изъ тогдашней жизни и состоянія общества. Одни, какъ на примѣръ богатые помѣщики, которыхъ было конечно меньшинство, утопали въ роскоши, тогда какъ малодушнымъ дворянамъ и чиновникамъ было ѣсть нечего. «Осуждать людей на голодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ требовать строгой честности, есть то же, что домогаться претворить канцеляристовъ и регистрагоровъ во святыхъ. Нѣтъ куска хлѣба, нѣтъ пріюта, а предстоитъ случай насытиться и кто же согласится умереть въ угожденіе нравственности»¹⁾.

— Приказнымъ во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, говорилъ П. Каховскій, челоуѣколюбіе требуетъ не воспрещать брать взятки, или безъ нихъ они умрутъ съ голоду. Можетъ ли челоуѣкъ содержать себя тридцатью или сорока рублями въ годъ жалованья, а есть оклады и того менѣе—и можно-ли на эту сумму имѣть квартиру, пищу и пристойную одежду? Труды ихъ чрезмѣрны: они работаютъ не въ одно присутствіе чиновниковъ, но и въ отсутствіи ихъ заготавливаютъ бумаги. Всегда почти цѣлый день, иногда вечеръ и ночь сидѣтъ и переписывать—работа тяжкая. Надо видѣть несчастное положеніе сихъ людей въ губерніяхъ, чтобы принять въ нихъ участіе.

Посѣтивъ однажды Можайскій уѣздъ, московскій главнокомандующій кн. Голицынъ обратилъ вниманіе, что въ присутствіи было мало служащихъ.

— Канцелярскіе чиновники приходятъ на службу по очереди, отвѣчалъ судья.

— Для чего такъ?

— Для того, что у двоихъ одни сапоги, а у многихъ и скотгукъ на двохъ.

— Какая же тому причина?

— Жалованья три рубля въ мѣсяць—трудно одѣваться²⁾.

Положеніе чиновниковъ и приказныхъ было дѣйствительно самое горькое.

«Проходя ежедневно къ своему мѣсту черезъ канцелярію, пишетъ М. Назимовъ³⁾, я наглядѣлся на тогдашнихъ подъячихъ. Невозможно было безъ тяжелаго, грустнаго чувства видѣть этихъ оборванныхъ, небритыхъ и изнуренныхъ лишеніями бѣдняковъ, получавшихъ жалованья

¹⁾ Записка П. Сумарокова. „Арх. Государст. Совѣта“, дѣла Комитета 1826 г., № 84.

²⁾ Записки Э. Н. Стогова „Русская Старина“ 1886 г., № 10, стр. 87.

³⁾ „Въ провинціи и въ Москвѣ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г., № 7, стр. 114.

отъ 1 до 2-хъ рублей и не болѣе 3 или 4 рублей въ мѣсяцъ, смотря по своему рангу: копіиста, подканцеляриста и канцеляриста; и повытки получали не болѣе 6 или 8 рублей. Холостяки почти и жили въ канцелярской комнатѣ, ложились спать на тѣхъ же столахъ, на которыхъ они скрипѣли перьями днемъ, переписывая нескончаемыя бумаги».

Это были люди приниженные, забытые, и многія лица, стоявшія во главѣ администраціи, смотрѣли на взяточничество сквозь пальцы и не преслѣдовали его. М. Л. Магницкій такъ описываетъ представлявшихъ ему чиновниковъ, по случаю вступленія его въ должность симбирскаго губернатора: «Физиономіи были различны. Одни были круглы, какъ полная луна; другіе худы, длиннолицы, съ изображеніемъ страха и ожиданія наказаній. Я началъ мое знакомство съ предсѣдателя уголовной палаты и спросилъ его, много ли у него рѣшено дѣлъ въ теченіе года? Онъ отвѣчалъ, что не припомнить, а знаетъ только, что преступниковъ не щадили и произведено тысяча ударовъ кнутомъ и 2000 плетями. Вскорѣ первый совѣтникъ губернскаго правленія выступилъ впередъ и произнесъ привѣтственную рѣчь, въ которой умолялъ меня подражать милосердію Божію и не быть строгимъ къ ихъ грѣхамъ. Я отвѣчалъ: Господа! строгимъ къ вамъ быть нельзя; я не буду убѣждать васъ не брать взятокъ, потому что это противно вашей натурѣ, но скажу вамъ одно: берите, но не дерите. Съ этими словами я удалился, и чиновники разошлись, повидимому, довольные моимъ приѣмомъ»¹⁾.

— Жалованье чиновниковъ, говорилъ П. Каховскій, должно обезпечивать ихъ существованіе, но у насъ оно совершенно ничтожно. Губернаторъ, хозяинъ губерніи, имѣетъ расходы превышающіе его жалованье, ибо правительство на письмоводство отпускаетъ сотню рублей, когда содержаніе канцеляріи его стоитъ нѣсколько тысячъ. Гражданскій губернаторъ получаетъ гораздо менѣе жалованья, чѣмъ вице-губернаторъ, завѣдующій въ губерніи казенными интересами и губернатору подчиненный. Управляющій винною продажей въ уѣздѣ одинъ получаетъ болѣе жалованья, чѣмъ всѣ вмѣстѣ чиновники цѣлаго уѣзда. Исправникъ имѣетъ 200 руб. въ годъ, уѣздный судья—250 р., а чиновникъ особыхъ порученій при вице-губернаторѣ или ревизоръ кабаковъ получаетъ 1.600 р. жалованья и 1.500 руб. на разъѣзды. Всѣ чиновники гражданскихъ судовъ, несмотря на большія занятія, имѣютъ жалованья менѣе, чѣмъ чиновники казенныхъ палатъ.

Всѣ они жили въ тѣсномъ кружкѣ уѣзднаго или губернскаго города, тянулись другъ за другомъ, «были погружены въ заботы о злѣбѣ дня

¹⁾ „Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ“. П. Т. Морозова. „Русскій Арх.“ 1875 г., т. III, стр. 245.

преданы обжорству и пьянству, а чиновничество кромѣ того еще и взяточничеству» ¹⁾).

Умилительно было зрѣлище, когда предсѣдатель харьковской казенной палаты ѣздилъ по городу и купцы бросали ему въ дрожки разные подарки. Говорили, что въ темныя ночи онъ высылалъ своихъ людей на фуражировку сосѣднихъ садовъ. Инспекторъ врачебной управы, получавшій 600 рублей жалованья, держалъ роскошный открытый столъ. Всѣмъ извѣстно было, что отъ него зависѣло освидѣтельствованіе рекрутъ, поставляемыхъ ежегодно помѣщиками, и онъ «великодушно недосматривалъ ихъ тѣлесныя недостатки по мѣрѣ подарковъ».

Харьковскій полиціймейстеръ покровительствовалъ ворами и мошенникамъ. Въ одну зимнюю ночь, у профессора Харьковскаго университета, Роммеля, пропали двѣ лошади. Когда онъ обратился къ полиціймейстеру, тотъ не стѣсняясь спросилъ: «Сколько жертвуете на это дѣло?» Сошлись въ цѣнѣ, и на слѣдующую ночь лошади были найдены въ сосѣднемъ городѣ Богодуховѣ, взяты прямо съ конюшни воровъ и доставлены владѣльцу ²⁾).

Такое лихоимство «вопѣть на небо къ Богу, писалъ преосвященный Евгеній В. И. Македонцеву. Началь я уже твердить это и въ проповѣдяхъ» ³⁾). Особенно тяжело отзывалось оно на всѣхъ тяжущихся.

Судъ былъ опасенъ не строгостью закона, а взятками съ подсудимыхъ и медленностью своею; онъ былъ опаснѣе невинному, нежели виновному, истцу—чѣмъ отвѣтчику. Только богатый могъ быть увѣренъ въ выигрышѣ процесса и въ сокрытіи своего преступленія. Онъ достигалъ этого двумя путями: или проволочкою доводилъ противника до крайняго истощенія, или черезъ всемогущія деньги наклонялъ вѣсы правосудія на свою сторону. Напрасно искали бы мы въ тогдашнихъ судахъ постановленій,—ихъ не существовало, «а все дѣло, говорить М. Н. Муравьевъ ⁴⁾), ограничивалось лишь назидательными, нравственными и поученіями, весьма добродѣтельными, но не имѣющими въ виду закона». Эти поученія вводили судей, въ глазахъ многихъ, въ сонмъ людей блаженныхъ.

Сегодня былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью,
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю.

И правда, въ большинствѣ случаевъ судья былъ человекъ мирный, не выдѣлялся изъ толпы чиновниковъ и приказныхъ и не пользовался ува-

¹⁾ Воспоминанія А. М. Фадѣева. „Русскій Арх.“ 1891 г., № 2, стр. 310.

²⁾ Воспоминанія профес. Роммеля. „Южный Сборн.“ 1859 г., № 10, стр. 53.

³⁾ Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1807 г. „Русскій Арх.“ 1870 г., т. I, стр. 355.

⁴⁾ Въ своей запискѣ. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., дѣло № 111.

женіемъ общества, но передъ правительствомъ онъ былъ единственнымъ отвѣтчикомъ за неправильное рѣшеніе,—всѣ остальные чиновники скрывались за его спиною. Судью за упущеніе въ дѣлахъ, что бывало впрочемъ очень рѣдко, предавали суду, секвестровали его имѣніе за несоблюденіе формъ дѣлопроизводства, за упущеніе и «незнаніе того, чему онъ не обучался»¹⁾.

Судьи были двухъ родовъ: ничего не знающіе и доки. Къ первымъ принадлежали тѣ, которые служили одно трехлѣтіе, едва успѣвали познакомиться со сложнымъ механизмомъ дѣлопроизводства и существовавшими постановленіями, какъ смѣнялись при первыхъ выборахъ и ихъ замѣняли новые. Это были люди, которые старались исполнять свои обязанности добросовѣстно и потому были неприятны дворянству, ихъ избравшему. Они возвращались «во свояси къ ненависти и упрекамъ собратій за строгое исполненіе должности». Такіе судьи, будучи мало или совсѣмъ необразованы, сами не знали, какъ приступить къ дѣламъ и, не имѣя для руководства точнаго, яснаго и опредѣленнаго закона, попадали прямо въ руки секретарей и вполнѣ зависѣли отъ нихъ.

Въ комедіи «Ябеда» Оекла говоритъ своему мужу:

Законъ прибрать секретарево дѣло,
А ваше лишь рѣшить; и я ручаюсь смѣло,
Что секретарь прибралъ законъ ужь для него:
Изъ пропасти такой, какъ не выбрать одного²⁾.

У тамбовскаго губернатора, Неклюдова, всѣми дѣлами заправлялъ секретарь Змѣевъ, при помощи взятокъ составившій себѣ хорошее состояніе. В. В. Капнистъ говоритъ, что дуракъ тотъ, кто станетъ трагитъ слова въ защиту секретаря:

Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватить.
Указы знаемъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ,
Экстрактецъ сочинить безъ точекъ, запятыхъ,
Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,
Иль стибрить документъ—его все это дѣло³⁾.

Такими поступками Змѣевъ запуталъ самого тамбовскаго губернатора, бросилъ его, уѣхалъ въ Петербургъ, втерся въ генераль-прокурорскую канцелярію, изъ бѣжавшихъ народныхъ учителей Полоцкаго училища попалъ въ коллежскіе совѣтники и здѣсь былъ покровителемъ всѣхъ взяточниковъ⁴⁾.

Ко второму разряду судей принадлежали тѣ, которые, не забывая

¹⁾ Записка П. Сумарокова. Тамъ же, дѣло № 84.

²⁾ Полное собраніе соч. В. Капниста. Изд. 1849 г., стр. 17.

³⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁴⁾ „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 63.

себя, старались угодить собратьямъ-помѣщикамъ своего уѣзда и за то были выбираемы на нѣсколько трехлѣтій подрядъ. Это были люди опытные въ томъ, чтобы склонить вѣсы правосудія на ту сторону, которая больше дастъ. Они держали все дѣлопроизводство въ своихъ рукахъ и лишь малую порцію удѣляли остальнымъ членамъ суда. «Изъ двухъ стариковъ дворянскихъ засѣдателей, пишетъ М. Л. Назимовъ ¹⁾, одинъ переписывалъ только съ бѣловыхъ журналовъ резолюціи въ настольный журналъ, а другой подписывалъ исходящія бумаги, какія ему подложатъ и каждый старался поскорѣе убраться домой на покой и, какъ говорили они, къ шамъ. Сельскіе засѣдатели никогда не были въ присутствіи, по дѣламъ своихъ избирателей прикладывали свои печати, гдѣ имъ прикажетъ секретарь, и употреблялись больше на разсылки, за недостакомъ для исполненія подобныхъ порученій единственнаго находившагося при судѣ сторожа».

Это произвольное устраненіе многихъ лицъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей было причиною многихъ безпорядковъ. Въ судахъ царили несправедливость и безчинства всякаго рода, полное неуваженіе къ личности истца и подсудимаго. Засѣдатель ниже-земскаго тверскаго суда билъ въ комнатѣ присутствія дворянина Ивкова и потомъ посадилъ его въ тюрьму. При вторичномъ допросѣ другой засѣдатель надѣлъ Ивкову петлю на шею и хотѣлъ тащить вторично въ тюрьму, но потомъ раздумавъ отпустилъ ²⁾. Все это дѣлалось за укоръ въ неправильности дѣйствій суда и его пристрастія.

Дѣла рѣшались не по очереди ихъ поступленія, а по выбору судей; тѣ, которыя представляли выгоду въ смыслѣ взятки или наживы, рѣшались скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя не обѣщали прибыли. Въ протоколахъ подчищались числа, не обозначалось когда начато и когда кончено дѣло; въ журналахъ входящихъ бумагъ вписывались разные акты заднимъ числомъ и тѣмъ открывался путь къ подлогамъ и произвольнымъ толкованіямъ ³⁾.

О злыя времена, о нравы!
Вездѣ плутни и обманъ,
Прочь законы и уставы—
Судьямъ только дай въ карманъ.

Хоть бы язва моровая
Сію сволочь побрала!
Аду жертва бы такая
Лучше жертвъ другихъ была ⁴⁾.

¹⁾ „Въ провинціи и въ Москвѣ“ „Русскій Вѣстн.“ 1876 г., № 7, стр. 115.

²⁾ „Русская Старина“ 1870 г., т. I, стр. 446.

³⁾ Это заставило министра юстиціи Трошинскаго предложить Сенату (20-го апрѣля 1802 г.) сдѣлать распоряженіе, чтобы журналы велись въ шнуровыхъ книгахъ.

⁴⁾ Судъ и судьи въ началѣ XIX вѣка, „Русская Старина“ 1891 г., № 8, стр. 409.

— Лихоимство заѣдаетъ въ судилищахъ, говорилъ А. Якубовичъ ¹⁾,—гдѣ защищается не жизнь, честь и достоиніе гражданина; но продаются пристрастные рѣшенія за золото и другія выгоды.

Выгоды приобрѣтались главнѣйшимъ образомъ запутываніемъ дѣлъ и проволочкою въ рѣшеніи. То и другое находилось отчасти въ тѣхъ срокахъ, которые были установлены закономъ. Не говоря уже о слѣдствіи, на которое не установлено было никакого срока ²⁾; но для постановленія приговоровъ по слѣдственнымъ дѣламъ, уже оконченнымъ, полагалось тогда три и болѣе мѣсяцевъ. Столь продолжительный срокъ объясняется тѣмъ механизмомъ переписки, который существовалъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Дѣлопроизводство было обставлено такими формами, что неопытному человѣку трудно было въ нихъ разобраться и приходилось полагаться на необразованныхъ секретарей, повытчиковъ и приказныхъ. Послѣдніе не дѣлали извлеченій изъ слѣдственныхъ дѣлъ, и каждая инстанція переписывала ихъ на другую бумагу и вмѣсто извлеченія въ два-три листа, представлялось въ высшую инстанцію цѣлое дѣло въ нѣсколько сотъ страницъ, на переписку которыхъ требовалось значительное время, а на опредѣленіе сути еще того больше.

«Сидя за особымъ столомъ въ присутствіи, говоритъ М. Назимовъ ³⁾, намъ поручено было составленіе изъ уголовныхъ дѣлъ, какъ называлось тогда, экстрактовъ т. е. извлеченіе сущности дѣла и сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ. Но секретарь не позволялъ намъ здѣсь умствовать и сокращать дознанія или показанія, а потому выходили изъ экстрактовъ почти копии съ самыхъ дѣлъ, которые и представлялись съ подлиннымъ дѣломъ въ уголовную палату». Даже и Сенатъ не былъ изъятъ отъ такого недостатка. Стоитъ только заглянуть въ судныя дѣла того времени, хранящіяся въ архивѣ, чтобы убѣдиться какъ трудно въ нихъ доискаться истины.

Кромѣ продолжительности самого дѣлопроизводства и неопредѣляемой заранѣе очереди къ слушанію дѣла, было установлено ⁴⁾: четыре мѣсяца на вызовъ къ объявленію рѣшенія, не менѣе одного мѣсяца на подачу апелляціоннаго прошенія, шесть мѣсяцевъ на составленіе экстракта изъ дѣла,

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ императору Николаю I отъ 28-го декабря 1825 г.

²⁾ Юрьевскій городничій Карновичъ производилъ слѣдствіе по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ съ 1807 по 1815 годъ и все-таки не кончилъ его, а между тѣмъ подсудимые и причастные къ дѣлу томилась въ тюрьмѣ. На требованіе губернскаго правленія ускорить слѣдствіе, онъ не давалъ никакого отвѣта и наконецъ былъ отрѣшенъ отъ должности („Архивъ мин. юстиціи“, дѣло 1815 г., № 3321).

³⁾ Въ провинціи и въ Москвѣ „Русскій Вѣстн.“ 1876 г., № 7, стр. 115.

⁴⁾ Мнѣніе генералъ-прокурора Беклешова 1801 г., объ очереди дѣламъ въ Сенатъ поступающимъ. Арх. Сената.

шесть мѣсяцевъ на вызовъ къ рукоприкладству, полтора мѣсяца на составленіе приговора—итого 18½ мѣсяцевъ. Такое же точно время было назначено для судебного производства при апелляціи въ палату и Сенатъ и одинъ годъ для подачи послѣдней апелляціи; слѣдовательно самымъ законнымъ образомъ можно было протянуть дѣло болѣе пяти лѣтъ. Эта-то протяжка и составляла самую доходную статью для суда и ею пользовались въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ установлено было закономъ. Проволочка и выигрышъ времени подсудимымъ всегда были лучшимъ средствомъ къ сокрытію преступленія и потому всегда оплачивались хорошо. Чтобы затянуть дѣло, говорили, что слѣдствіе не полно, что для окончательнаго рѣшенія необходимо дополнительное показаніе подсудимаго или одного изъ свидѣтелей, котораго нѣтъ налицо. По предварительному увѣдомленію, такое лицо уѣзжало въ сосѣдній уѣздъ, судъ являлся въ домъ и, не найдя искомаго, доносилъ губернскому правленію о своей неудачѣ. «А между тѣмъ упомянутая особа живетъ открыто въ своемъ помѣстьи и никому до него надобности нѣтъ». Дѣло изъ уѣзднаго суда возвращалось обратно въ земскій судъ для дополненія. Проходили мѣсяцы и годы; слѣды преступленія тщательно заматались и дѣло пояснить слѣдствіемъ было невозможно. Такимъ образомъ преступленія весьма важныя оставались или не открытыми или ложно изслѣдованными.

Курскій помѣщикъ Ѳеодоръ Ширковъ, убійца своей крестницы—дѣвѣйши Алтуховой, при помощи денегъ и подкупа былъ оправданъ во всѣхъ инстанціяхъ суда, начиная съ низшаго и кончая Государственнымъ Совѣтомъ. Неоднократныя просьбы матери Алтуховой обратили наконецъ на себя вниманіе императора Александра I и онъ поручилъ графу Милорадовичу изслѣдовать дѣло негласно и на мѣстѣ происшествія. Графъ поручилъ это сдѣлать директору своей генераль-губернаторской канцеляріи Геттуну, котораго считалъ за честнаго и добросовѣстнаго чело-вѣка. Прибывъ на мѣсто и произведя слѣдствіе Геттунъ узналъ истину, но приобрѣтя отъ Ширкова сто душъ крестьянъ, подъ видомъ покупки, хотя и не оправдалъ преступника, но и не обвинилъ его, а оставилъ только въ подозрѣніи. Мало того, спустя нѣкоторое время, Геттунъ предоставилъ Ширкову мѣсто въ Петербургѣ слѣдственнаго пристава,—«рѣдкое по тогдашнему времени, такъ какъ ихъ было тогда два или три. Ширковъ, прослужа нѣсколько лѣтъ въ этой должности, поправилъ свои финансовыя дѣла, выкупилъ изъ залога въ опекуномъ совѣтѣ имѣніе въ 200 тысячъ рублей, употребленныхъ для оправданія своего въ убійствѣ Ольги Алтуховой ¹⁾).

¹⁾ „Разсказы изъ былого времени“ Ѳ. Н. Винницкаго. Читеніи въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1874 г., кн. I, стр. 73. Этотъ самый Геттунъ оставилъ послѣ себя записки, которыя печатались въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 г., и въ которыхъ онъ самъ, будучи не чистъ, осуждаетъ русскіе порядки.

Только въ двадцатыхъ годахъ, по новому иску, Ширковъ былъ вновь осужденъ Правительствующимъ Сенатомъ и по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу.

Въ той же Курской губерніи былъ богатѣйшій откупщикъ помѣщикъ П — въ, отнимавшій силою у мелкопомѣстныхъ дворянъ имѣнія. Онъ призывалъ къ себѣ владѣльца и предлагалъ ему продать имѣніе за самую малую цѣну. Въ случаѣ отказа онъ арестовывалъ бѣдняка и не отпускалъ домой до тѣхъ поръ, пока тотъ не подпишетъ запродажной записи. При дальнѣйшемъ упорствѣ, арестованный сажался въ сырой погребъ и держался тамъ часто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не соглашался продать имѣніе. Возбуждаемые противъ П—ва уголовныя преслѣдованія ничѣмъ не кончались потому, что въ его кабинетѣ былъ большой кулъ, наполненный золотыми табакерками и брилліантовыми перстнями, а въ сараяхъ стояли сотни новыхъ экипажей— все это назначалось на подарки губернскимъ чиновникамъ. Послѣдніе даже боялись, чтобы П—въ не посадилъ и ихъ въ свое подземелье и чтобы не пропасть безъ вѣсти ¹⁾.

Чтобы имѣть понятіе о полнѣйшемъ безправіи и произволѣ тогдашнихъ судовъ, достаточно привести слѣдующій случай. Пензенская палата присудила чиновника Токарева, за кражу изъ конвертовъ пересылаемыхъ по почтѣ денегъ, къ лишенію всѣхъ чиновъ и дворянства, къ наказанію кнутомъ на мѣстѣ преступленія, къ вырѣзанію ноздрей, сдѣланію ему на лбу и на щекахъ знаковъ и късылкѣ въ каторжную работу. Сенатъ, рассмотрѣвъ это дѣло, освободилъ Токарева вовсе отъ наказанія, а только оптрафовалъ его «за неисполненіе и упущеніе по должности» ²⁾. На чьей же сторонѣ справедливость? Надо полагать, что ея вовсе не было.

Извѣстный Н. И. Писаревъ, обращаясь къ статуѣ, поставленной при входѣ въ судейскую, спрашиваетъ:

Зачѣмъ ты за дверьми, бѣдняжка все стоишь?

Неужли сей чертогъ, ты вѣкъ не посѣтишь?

— Я сдѣлаю тогда большую неучтивость.

— Да какъ тебя зовътъ?—Мнѣ имя справедливость ³⁾.

Справедливости, дѣйствительно, стыдно было показаться въ тогдашніе суды, гдѣ царствовали ложь, обманъ и неправда. Если, по несчастью, что случалось рѣдко, члены земскаго суда попадались въ своихъ продѣлкахъ, то предавались уголовному суду. Обвиняемый въ злоупотребленіяхъ отрѣшался отъ должности и иногда увольнялся въ отставку;

¹⁾ „Былые чудаки и самодуры“ М. И. П(ыляева), „Новое Время“ 1897 г., № 7576.

²⁾ „Русская Старина“ 1893 г., № 7, стр. 87.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1814 г., ч. 74, стр. 279.

но какъ причины увольненія въ указѣ объ отставкѣ не обозначались, то уволенный, обыкновенно, отправлялся въ другую губернію «на ту же промышленность, съ большею алчностью, съ большею осторожностью и опытною, а потому и съ счастливѣйшимъ успѣхомъ ¹⁾»).

Во многихъ случаяхъ преступленія по службѣ и упущенія въ судопроизводствѣ наказывались взысканіемъ денежнаго штрафа. Въ одной изъ уголовныхъ палатъ былъ осужденъ мѣщанинъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу. Жена мѣщанина жаловалась Сенату на неправильное рѣшеніе палаты. Дѣло поступило въ Сенатъ; прошло два года съ того времени, какъ мѣщанинъ былъ на каторгѣ, когда Сенатъ призналъ его невиновнымъ. Тогда губернаторъ былъ оштрафованъ пятьюстами рублей, какъ утвердившій приговоръ, а съ чиновниковъ палаты было взыскано 2.000 рублей въ пользу наказаннаго.

Такой способъ наказанія по упущеніямъ и преступленію власти велъ къ разнымъ злоупотребленіямъ.

Часто бывало, что чиновникъ, отправленный для изслѣдованія какого-нибудь происшествія, напередъ дѣлалъ себѣ расчетъ, сколько у него вычтутъ изъ жалованья, если онъ незаконно произведетъ слѣдствіе, и сколько за то онъ можетъ получить отъ обвиняемаго. Если, по его расчету, онъ получитъ болѣе, чѣмъ заплатитъ штрафа, то, ничѣмъ не рискуя, онъ производилъ слѣдствіе въ пользу обвиняемаго ²⁾). Подобные расчеты и торговля производились всеми и въ особенности подьячими. Это были люди сильные, съ которыми приходилось считаться каждому, имѣющему до нихъ дѣло.

Въ то время низшая судебная инстанція была въ совершенной зависимости отъ высшей, или лучше сказать, одинъ судъ передъ другимъ ничего не значилъ. Тяжущіяся стороны говорили, что уѣздныя присутственныя мѣста—ненужныя инстанціи, и что они подають въ нихъ просьбы только для соблюденія формы. А между тѣмъ, такихъ инстанцій было много, и чтобы пройти длинную лѣстницу мытарствъ судейскихъ, надобно было и долгое время и большія средства. Дѣло, рѣшенное въ земскомъ судѣ, поступало въ уѣздный судъ; конченное въ немъ переизслѣдывалось и перерѣшалось въ губернскомъ правленіи, въ гражданской и уголовной палатахъ, потомъ переносилось въ одинъ изъ департаментовъ Сената, слушалось въ общемъ его собраніи и иногда поступало въ Государственный Совѣтъ ³⁾). Все это были мѣста судебныя,

¹⁾ Записка М. Н. Муравьева.

²⁾ Письмо П. Каховскаго генералу Левашеву 24-го февраля 1826 г., Госуд. Арх., I.

³⁾ Государственный Совѣтъ, по установленію свосму, хотя и не былъ мѣстомъ судебнымъ, но по дѣйствіямъ своимъ сталъ верховнымъ судебнымъ и правительствующимъ мѣстомъ въ государствѣ.

имѣвшія право поступавшія къ нимъ дѣла пересматривать, пересуживать, перерѣшать, а иногда и возвращать изъ самой высшей инстанціи въ самую низшую для производства новаго слѣдствія.

«Одна сторона,—писалъ П. Каховскій ¹⁾,—выигрывающая дѣло въ одной инстанціи, теряетъ его въ другой. Часто недостаетъ жизни дождаться конца и рѣшенія онаго (дѣла). Бѣдный человѣкъ можетъ ли изъ дальней губерніи ѣхать въ столицу, выслушивать дѣло въ Сенатѣ? Многіе не имѣютъ и способовъ подавать аппеляціи, переносятъ дѣла, и нерѣдко правый, но бѣдный, дѣлается виноватымъ передъ богатымъ и сильнымъ. За переносъ дѣла изъ нижняго въ верхній судъ взыскиваютъ деньги при самомъ переносѣ онаго, прежде даже его начатія». Такимъ образомъ, при самомъ началѣ дѣла

Ощиплютъ васъ, какъ коршуны синицу;
А съ аппеляціей ужъ голый дуй въ столицу.

Но и тамъ было не лучше.

— По широкимъ крыльцамъ большихъ судовъ,—говорили современники,—трое сапоговъ, а послѣ, переобувшись въ лапти, десятка два лаптей ишаркаешь и, если мошна пуста, не скоро правды добьешься. Подъячіе и секретари накопили такую кучу законовъ, что и на добромъ меринѣ не увезешь, а послѣ выбираютъ что складнѣе и дѣлаютъ правду хуже кривды.

«Кто довольно старъ,—разсказываетъ О. А. Пржецовскій ²⁾,—для того, чтобы помнить описываемое время (1820-е годы), тотъ знаетъ, что такое былъ тогда Сенатъ. Это были раздѣленные на департаменты группы лицъ заслуженныхъ, изъ разныхъ вѣдомствъ,—лицъ большею частью очень почтенныхъ, но утомленныхъ службой до полной апатіи и, съ весьма немногими исключеніями, дряхлыхъ старцевъ. Притомъ же очень не многіе имѣли, если не теоретическую, то хотя практическую подготовку къ занимаемому ими судейскому званію. Почти половина сенаторовъ были заслуженные военные генералы, которымъ по какимъ-либо причинамъ не предстояла дальнѣйшая военная карьера; другую половину составляли личности знатнаго рода: состарившіеся гражданскіе губернаторы и т. п. Въ такомъ составѣ нельзя было и требовать отъ членовъ Сената, чтобы они вникали въ дѣла какъ бы слѣдовало; повѣтому все зависѣло отъ доклада, который читали и на словахъ объясняли оберъ-секретари согласно тому, какъ были задобрены той или другой изъ сторонъ; они-то и были *de facto* судьи, хотя и не облеченные въ это зва-

¹⁾ Генералу Левашеву 14-го марта 1826 г. Государ. Арх. I.

²⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1874 г., № 11, стр. 457 и 458.

ніе, а потому не несущіе даже моральной отвѣтственности за рѣшенія. Они, не краснѣя, торговались съ заинтересованными; болѣе дающему обѣщали несомнѣнный выигрышъ и въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ наживали громадныя состоянія. Счастливы былъ тотъ департаментъ, гдѣ оберъ-прокуроръ контролировалъ доклады и принималъ въ нихъ личное участіе; но это была рѣдкость, потому что болѣею частью оберъ-прокуроры были также изъ знати и мало опытные для того, чтобы распутывать хитро составленное съ намѣреніемъ изложеніе дѣла, почему и подчинялись вліянію дѣлопроизводителей».

Послѣдніе, въ свою очередь, были въ рукахъ низшихъ чиновниковъ и приказныхъ. Отъ нихъ часто зависѣло возвращеніе дѣла изъ Сената въ самую низшую инстанцію для новаго разслѣдованія, а это было равносильно оттяжкѣ рѣшенія на десятки лѣтъ.

«Увѣдомляю,—писалъ К. О. Рылѣевъ супругѣ¹⁾,—что просьба матушкина получена въ Сенатѣ, но, какъ полагають, возвращена будетъ съ надписью, ибо таковыхъ въ общемъ собраніи не рассматривають. Такъ говорилъ мнѣ одинъ секретарь сенатскій; но я думаю, что это значить въ переводѣ—дай. Оберъ-прокуроръ Мавринъ знакомъ намъ весьма хорошо, но все безъ денегъ ничего нельзя будетъ сдѣлать. Деньги лучшіе стряпчіе, а потому и скажи матушкѣ и Ивану Михайловичу, чтобы поспѣшили выслать къ январю тысячу рублей... Изъ прилагаемой записки изъ Сената отъ секретаря въ отвѣтъ на мою выpravку увидите, что уже пора подмазывать».

— Если въ большихъ судахъ такъ,—говорить современникъ,—то чего спрашивать по губерніямъ и по уѣзднымъ городамъ,—всѣ заодно, рука руку моетъ и обѣ бѣлы бывають; кормятъ завтраками, а коли видятъ, что взять съ тебя нечего, то скажутъ о пустомъ просишь и лучше помириться.

Дѣло съ подъячними не хуже, братъ, кольца,
Зачнутъ тебя таскать,—не сыщешь вѣкъ конца;
Однѣми справками, запросами замучать
И злато хоровитъ по ихъ горстямъ научать...
Къ любому приходи,—начнетъ тебѣ тужить,
Какъ трудно съ честностью ему на свѣгѣ жить
Что жъ дѣло?— „Нѣтъ, сударь, покаместъ не готово,
Да, то неможется, то въ домѣ не здорово.
Тутъ съзвядишь къ лѣварю, вы знайте нынче свѣтъ,
Не сыщется души ни въ комѣ, коль денегъ нѣтъ.
Притомъ запутано, и такъ должно продлиться“.
А коль смекнулъ, да далъ, такъ тутъ же и рѣшится.

¹⁾ Отъ 25-го ноября 1820 г. „Русск. Стар.“ 1882 г., № 2, 472.

Повѣрь, что нынче изъ почести въ рублямъ
Нашли-бъ и сатану безгрѣшнымъ по судамъ ¹⁾.

«Скоро долженъ я буду,—писалъ тотъ же К. Э. Рылѣвъ Э. В. Булгарину ²⁾),—оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ Сѣверную Пальмиру. Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительное крѣпкое и неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

Когда отъ русскаго меча
Легли моголы въ прахъ стеноя,
Россію Богъ карать не преставаля,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
Повсюду раселилъ,
Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
Онъ всегда какъ червь точилъ...

«Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ,—это настоящіе кровосійцы; и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды, во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники (поляки), въ страшную годину междуцарствія, не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродье... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ... Предводители, судьи, заѣдатели, секретари и даже кописты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники...

Кто не слыжалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
И ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекають,
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями наполняютъ,
Бывъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно ли крымскіе наѣзники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ, и дѣтей, и женъ, тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорна
Враговъ надменныхъ всѣхъ,

¹⁾ „Святки или вынѣшній свѣтъ“ В. Маркова. Рукопись Императорской Публичной библіотеки. Смѣсь, т. II, № 90.

²⁾ Отъ 8-го августа 1821 года, „Русская Старина“ 1871 года, т. III, № 1-стр: 68.

И лѣтъ за нѣсколько со славай отразила
 Разбойника славнѣйшаго ¹⁾ набѣгъ...
 Теперь лишь только при наѣздахъ
 Свирѣбствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

«Но полно объ этой дряни», господствовавшей въ нашей администраціи и въ нашихъ судахъ.

— При осмотрѣ мною богоугодныхъ заведеній въ столицѣ (въ Москвѣ),—говорилъ графъ Ѡ. В. Ростопчинъ ²⁾, увѣрился я еще болѣе, что юстиція для бѣдныхъ не по деньгамъ.

«Судьи, присутствующіе гражданскаго и уголовнаго судовъ явно торговались съ подсудимыми и «правосудіе продавалось какъ вещь въ торговлѣ обыкновенная» ³⁾).

Кто не желалъ торговаться лично, тотъ обращался къ такъ-называемымъ ходатаямъ, которые были почти въ каждомъ городѣ и, подкупая чиновниковъ, кормились крупницами, падающими со стола своихъ довѣрителей. Одинъ изъ такихъ ходатаевъ, отставной ротмистръ Стратиновичъ, уличенный въ своей профессіи, былъ сосланъ въ Томскъ на постоянное жительство за «противозаконныя сношенія съ должностными чиновниками и искушеніе ихъ лихоимствомъ на непозволительныя по службѣ дѣйствія» ⁴⁾.

Эти дѣйствія вели къ тому, что бѣдному человѣку жить покойно было почти невозможно, а богатый могъ дѣлать все, что ему угодно. Онъ отнималъ силой имѣніе у бѣднаго помѣщика, прогонялъ его приказчика, ставилъ своего, забиралъ у него хлѣбъ и вступалъ въ полное владѣніе имѣніемъ ⁵⁾. Начиналась тяжба, длилась нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ похититель владѣлъ имѣніемъ, оставляя безъ куска хлѣба слабѣйшаго. Правосудіе отсутствовало; обращаясь къ нему, поэтъ-современникъ говорить: ⁶⁾.

Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ все рыдаетъ,
 Все стонеть, смерть къ себѣ зоветъ;
 Пожаръ вражды вездѣ пылаетъ,
 И жертвы острый мечъ сѣчетъ.
 Тамъ всюду кровь течетъ ручьями,
 Родители въ борьбѣ съ сынами,
 Сыны противъ отцовъ идутъ.

¹⁾ Наполеона, вторгнувшагося въ Россію въ 1812 году.

²⁾ Въ письмѣ вел. кн. Екатерины Павловны „ апрѣля 1810 г., „Русскій Арх.“ 1876 г., № 3, 374.

³⁾ Записки Д. В. Мортваго, „Русскій Арх.“ 1867 г., № 8 и 9, стр. 186.

⁴⁾ Рескриптъ импер. Александра князю А. Б. Куракину 18-го февраля 1808 г. „Русская Старина“ 1877 г., т. XX, стр. 672.

⁵⁾ Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Канцелярія министерств., дѣло 1806 г., № 1.

⁶⁾ Ода на правосудіе г. Пнина.

Тамъ сѣтуеъ природа,
Права отъяты у народа.
И тигры агнцовъ тамъ пасутъ.

Эти тигры-пастушки не признавали закона ни божескаго, ни чело-вѣческаго и были гонителями правды.

— Тщетны тамо всѣ страхи челоувѣческіе, — говорилъ преосвященный Амвросій ¹⁾, — гдѣ изгнанъ изъ сердець страхъ Божій. Слабы всѣ законы гражданскіе, гдѣ нѣтъ закона совѣсти, нѣтъ истины и вѣрности, гдѣ попираются вѣра и добродѣтель. Или добродѣтель должна обитать точію въ смиренныхъ хижинахъ, а не въ чертогахъ; укрываться подъ рубищами, а не подъ сіяніемъ отличій знаменитыхъ; быть печатію низшихъ состояній, а не высокихъ? Неужели вознесенные передъ братією своею и призванные пріяти честь или довѣріемъ общимъ, или властію предержашею, должны жить точію для самихъ себя. Нѣтъ, вы призваны на почетное дѣло служенія общаго не для того, да послужатъ вамъ, но послужите (вы). Честный челоувѣкъ не противорѣчитъ самъ себѣ. Онъ говоритъ такъ, какъ дѣйствуетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ говоритъ. Честное слово — вотъ законъ его: ему не нужно другого закона. Если бы могущество и сила преклонили его на сторону неправды, то онъ лучше восхоцетъ умереть, нежели нарушить вѣрность, честность и законъ. По сему, если вы благородны по рожденію, покажите всегда, а паче въ настоящемъ дѣлѣ, что имѣете благородное сердце. Оно великодушно, но не подло; мужественно, но не дерзко; храбро, но не нагло; сострадательно, но не пристрастно. Благородныя имена, безъ благороднаго сердца, суть воздушные огни, имѣющіе ложный свѣтъ, но не имѣющіе теплоты.

Эти послѣднія слова всецѣло относились къ тогдашнимъ администра-торамъ вообще и къ судебной власти въ особенности.

Слово Амвросія въ свое время пріобрѣло громкую извѣстность. Оно было переведено на французскій языкъ и напечатано въ «Вѣстникѣ Европы». Проповѣдь эту многіе знали на память. Слова проповѣди на текстъ: «свергохъ злато въ огонь и изліяся телець», особенно нравились всѣмъ, потому что какъ нельзя болѣе подходили къ тогдашнему лихоимству. По просьбѣ одного изъ губернаторовъ снабдить его инструкціей, императоръ Александръ далъ ему слово Амвросія; но къ сожалѣнію при отсутствіи въ обществѣ нравственныхъ началъ и это прекрасное слово осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Кромѣ нравственной отвѣтственности передъ Богомъ, всѣ дѣйствія

¹⁾ Рѣчи Амвросія на трехлѣтніе выборы чиновниковъ изъ дворянства въ Тульской губерніи 18-го декабря 1804 г. и 17-го января 1815 г. Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія, изд. 1856 г., стр. 257 и 270.

человѣка подчиняются еще наблюденію и суду общественнаго мнѣнія. «Мнѣніе общественное, писалъ А. Якубовичъ ¹⁾, есть первая сила государей; оно соединяетъ и движетъ государство, служитъ охраной противъ пороковъ всѣмъ гражданамъ, но его въ Россіи нѣтъ, и власть старается какъ бы нарочно истребить зародыши общаго мнѣнія, слѣдствіемъ чего мы видимъ раздѣленіе въ понятіяхъ между государемъ и государствомъ, что должно быть единымъ».

Въ тогдашней жизни не существовало ни суда общества, ни стыда, ни отвѣтственности передъ закономъ. О послѣднемъ современники говорили: «законъ — дышло, которое, куда захочешь, туда и повернешь», а тѣмъ болѣе тогда, когда всѣ дѣла производились во мракѣ, скрытно и были извѣстны лишь однимъ производителямъ. Весь ходъ дѣлъ оставался тайною для тѣхъ, мнѣніе которыхъ могло бы устыдить производящихъ неправильное рѣшеніе. «Притомъ же отъ долговременнаго продолженія злоупотребленій, теперь даже и понятія о законности зла почти утвердились во мнѣніи общемъ,—то по сей причинѣ служащіе ни почему не могутъ ощущать отвѣтственности передъ мнѣніемъ общимъ, или дѣйствіе стыда» ²⁾.

Н. М. Карамзинъ находилъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ золъ тогдашняго времени было полнѣйшее безстрашіе. «Вездѣ грабятъ—и кто наказанъ? спрашивалъ онъ.—Ждутъ доносовъ, улники, посылаютъ сенаторовъ для изслѣдованія ³⁾—и ничего не выходитъ. Доносятъ плуты—честные терпятъ и молчатъ, ибо любятъ покой. Не такъ легко уличить искуснаго вора, особенно съ нашимъ закономъ, по коему взяточбратель и взяточдатель равно наказываются. Указываютъ пальцемъ на грабителей ⁴⁾ и даютъ имъ чины, ленты, въ ожиданіи, чтобъ кто-нибудь подалъ на нихъ просьбу; а сіи недостойные чиновники, въ надеждѣ на своихъ, подобныхъ имъ, защитниковъ въ Петербургѣ, беззаконствуютъ, смѣло презирая стыдъ, доброе имя, какого они условно лишились, въ два или три года наживаютъ по нѣскольку сотъ тысячъ, и не имѣвъ прежде ничего, покупаютъ земли» ⁵⁾.

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
 Какъ-будто рубль послѣдній проживаетъ.
 И подлинно весь городъ знаетъ,
 Что у него—ни за собой,
 Ни за женой,

¹⁾ Въ собственноручн. письмѣ императору Николаю I отъ 28-го декабря 1825 г. Госуд. Арх.

²⁾ Записка М. Н. Муравьева.

³⁾ О сенаторской ревизіи мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Припомнимъ сказанное нами на стр. 551—555 „Рус. Стар.“ 1899 г., № 3.

⁵⁾ Записки Н. М. Карамзина о древней и новой Россіи. „Русск. Арх.“ 1870 г., т. II, стр. 2338 и 2339.

А смотришь: помаленьку

То домикъ выстроишь, то купишь деревеньку.

Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свести,

Хоть по суду и не докажешь,

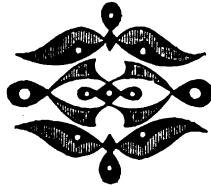
● Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,

Что у него пушокъ на рыльцѣ есть ¹⁾.

Этотъ пушокъ сидѣлъ на лицахъ судей, засѣдателей, исправниковъ и вообще на всѣхъ властѣ имѣющихъ. Снять его было некому потому, что законъ не устанавливалъ никакого наблюденія надъ судомъ, и все предоставлялось его произволу и доброй совѣсти. Высшія учрежденія, какъ увидимъ, вмѣшивались въ дѣйствія суда какъ бы частнымъ образомъ и принимали участіе только въ дѣлахъ прибыли ²⁾...

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Басни Крылова. Полное собраніе. Изданіе 1895 г., стр. 44.

²⁾ Записка М. Н. Муравьева.

Письмо М. А. Милорадовича — П. А. Сафонову ¹⁾.

7-го августа 1810 г. Киевъ.

Безполезный мой адъютантъ Аракчеевъ давно мнѣ извѣстенъ по своему дурному поведенію и сколь не желалъ его не посылать въ С.-Петербургъ, но наконецъ согласился снисходя на слезныя и убѣдительнѣйшія просьбы. Теперь получаю я два раза извѣщенія отъ графа Аракчеева, который пишетъ ко мнѣ, чтобы я его непременно взялъ изъ С.-Петербурга, потому, что онъ шадитъ и мотаетъ. По сему принужденъ я нашелся отправить нарочнаго, одного живущаго у меня отставнаго штабъ-офицера, дабы онъ непременно Аракчеева привезъ, и всѣ комисіи, которыя я далъ Аракчееву, взялъ бы отъ него. Я прошу тебя, любезнѣйшій другъ, взять сего маіора въ особое твое покровительство. Онъ болѣе двухъ или трехъ дней въ С.-Петербургѣ не останется. Прошу меня чрезъ него увѣдомить о письмахъ, которыя я чрезъ тебя послалъ графу Румянцеву, они меня чрезвычайно интересуютъ; я прилагаю здѣсь записку, сколько могу вспомнить о комисіяхъ, которыя я далъ безпутному Аракчееву, сдѣлай милость исполни ихъ, буде онъ еще не исполнены.

Впрочемъ, сколь ни желательно бы мнѣ знать петербургскія вѣсти въ разсужденіи меня, но не смѣю тебя утруждать въ томъ, а прошу тебя любить меня по-прежнему и не забывать.

Пожалуй купи брильянтовыхъ маленькихъ серегъ.

Вѣрный и любящій тебя на вѣкъ Милорадовичъ.

¹⁾ Павелъ Андреевичъ Сафоновъ впоследствии комендантъ с.-петербургской крѣпости.

ПАЛЛАДІЙ,

митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

(Биографическій очеркъ).

екабря 5-го минувшаго года, въ 2 ч. 40 м. утра, на 72 году жизни и 33-мъ служенія въ святительскомъ санѣ, скончался высокопреосвященный Палладій, первенствующій членъ Святейшаго Синода, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, главный попечитель и предѣдатель Императорскаго человеколюбиваго общества.

«Не стало, сказано въ «Новомъ Времени» ¹⁾, одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашей православной іерархіи. Всѣмъ доступный, благожелательный, милостивый, ласковый, миролюбивый и умиротворяющій, почившій владыка оставилъ по себѣ незабвенную память. Онъ все дѣлалъ съ любовью и вызывалъ всюду любовь. Всякое хорошее дѣло находило въ немъ живой откликъ; несчастные находили у него утѣшеніе, бѣдные матеріальную помощь.

«Какъ священнослужитель, митрополитъ Палладій отличался любовью къ церковному благочинію, красотѣ и полнотѣ церковнаго богослуженія. Слова и рѣчи покойнаго всегда отличались ясностью и картинностью. Проповѣдуя въ нихъ любовь, прощеніе и смиреніе, покойный и своимъ личнымъ поведеніемъ подавалъ примѣръ, достойный подражанія».

¹⁾ „Нов. Вр.“, 6 дек. 1898 г., № 8182.

«Старець великій смежилъ свои очи. Застыла рука, столько лѣтъ всѣмъ и всякому благотворившая. Оледѣло сердце, горѣвшее полнотою жизни, огнемъ добра и любви. Раскрылась могила, чтобы скрыть обветшавшую хранину безсмертнаго духа, который почилъ отъ многолѣтнихъ, многотрудныхъ, многополезныхъ, незабвенныхъ дѣлъ своихъ, почилъ для земли и воспарилъ къ престолу вѣчной славы, въ свою отчизну пренебесную!

«Въ немъ (митрополитъ Палладій) не было той силы характера, которою отличались православные іерархи, напримѣръ Филаретъ—митрополитъ московскій, или ближе къ намъ,—высокопреосвященный Павелъ ¹⁾—архіепископъ казанскій; онъ не былъ такъ ученъ, какъ прославленные за свои ученые труды іерархи, напримѣръ Макарій (Булгаковъ) ²⁾; но онъ зналъ иную, очень трудную науку жизни человѣческой, науку понимать людей и входить въ ихъ нужды и положеніе» ³⁾.

На нашу долю выпадаетъ скромная задача, по находящимся въ наличіи печатнымъ свѣдѣніямъ о служеніи митрополита Палладія въ шести епархіяхъ и крайне немногимъ сообщеніямъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему, представить краткій очеркъ жизни и дѣятельности владыки.

I.

Родители будущаго митрополита.—Первыя впечатлѣнія малютки Павла.— Поступленіе въ духовное училище.—Пребываніе въ семинаріи и Академіи.—Бракъ и священство.—Вдовство.—Монашество.—Архимандритъ Палладій въ Петербургѣ.—Возведеніе въ епископскій санъ.—Вытегорское дѣло.—Названіе на вологодскую кафедру.—Прибытіе въ г. Вологду.

Покойный митрополитъ Палладій—сынъ Іоанна Писарева, священника села Ивановскаго, Арзамаскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, родился 20-го іюня 1827 года и, при святомъ крещеніи, нареченъ Павломъ. Ивановскій приходъ былъ маленькій и бѣдный—всего только 150 душъ прихожанъ; а у о. Іоанна была огромная семья—восемь человѣкъ дѣтей: пять сыновей и три дочери. Легко можно представить себѣ, каково существованіе пастыря церкви при такой обстановкѣ: приходи-

¹⁾ Павелъ (въ мѣрѣ Петръ Лебедевъ); род. 1827 г., ум. 1892 г.

²⁾ Макарій (въ мѣрѣ Михаилъ Петровъ Булгаковъ), митрополитъ московскій, знаменитый русскій богословъ и историкъ русской церкви, род. 1816 года, ум. 1882 г.

³⁾ „Православ. Собесѣд.“ 1899 г., январь.

лось голодать, работать до упаду, не разгибая спины, надъ кормилицей землей. Кромѣ добыванія хлѣба насущнаго, бѣдняку-священнику надо думать о воспитаніи и образованіи дѣтей и, въ то же время, пасти духовное стадо: отправлять благомѣпно и неустанно богослуженія, исполнять требы, наставлять и укрѣплять пасомыхъ въ вѣрѣ православной, любви и преданности родинѣ и престолу; быть образцомъ доброй и вполнѣ христіанской жизни для духовныхъ чадъ.

Надо удивляться тому, что, за весьма рѣдкими исключеніями, почти всѣ эти безвѣстные великіе труженики земли Русской дѣтей своихъ не оставляютъ коснѣть во тьмѣ невѣжества, не обращаютъ въ ремесленниковъ, мастеровыхъ, но даютъ имъ нравственное воспитаніе и основательное образованіе. Надрываясь и надламываясь за непосильнымъ и неимовѣрнымъ трудомъ, терпя всевозможныя душевныя и тѣлесныя невзгоды, наше сельское духовенство поставляетъ государству не мало доблестныхъ и даровитыхъ личностей на всѣхъ ступеняхъ служенія. «Иди, учись, терпи; твой покровитель, помощникъ и прибожище — одинъ только Богъ»: таково у сельскаго священно-служителя внушеніе своему сыну при отдачѣ его въ ученіе. Покойный митрополитъ Исидоръ неоднократно рассказывалъ, какъ, находясь въ семинаріи, вынуждаемъ бывалъ бѣднотю, въ глухую осень, выкапывать изъ оголенныхъ уже грядъ огородовъ оставшіяся необобраннымъ картофель. «Насъ обвиняютъ, говорилъ одинъ священникъ, и въ жадности, и въ пьянствѣ, и въ неумѣннѣ стоять, якобы, на высотѣ своего призванія. Послать бы этихъ обвинителей на напѣ мѣсто, то ли бы они запѣли».

Отецъ Іоаннъ Писаревъ, родитель будущаго первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, жилъ въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда ни о жалованьи, ни о внѣшнихъ знакахъ отличія священства не было ни слуху, ни духу; когда многіе сельскіе священники доживали до глубокой старости и сходили въ могилу, не имѣя даже набедренника. При ста пятидесяти прихожанахъ, при восьми душахъ семейства, какіе неимовѣрные, сверхсильные труды ни прилагай, иначе какъ впроголодь существовать нельзя, тѣмъ болѣе, что изъ 345.131 десятинъ земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ на духовенство и церкви приходится всего-навсѣ 3.627 десятинъ, изъ нихъ собственно на первое—149 десятинъ. Притомъ, самый уѣздъ принадлежитъ къ наименѣ плодороднымъ, и лишь при сильномъ удобреніи даетъ удовлетворительный урожай, хотя, впрочемъ, хлѣбопашество составляетъ главнѣйшее занятіе населенія, состоящаго изъ русскихъ и мордвы-взря. Арзамасскій крестьянинъ, исключительно приуроченный къ хлѣбопашеству, безъ заботъ о какихъ бы то ни было другихъ важныхъ обязанностяхъ, при напряженномъ трудѣ, все-таки удовлетворяетъ своимъ потребностямъ. Но, что сказать о священникѣ, на которомъ, кромѣ изысканія

средствъ къ жизни, лежитъ еще служебный и нравственный долгъ пасти словесное стадо, быть ежеминутно на-готовѣ отъ земли отрываться для исполненія многоразличныхъ духовныхъ требъ? Для восполненія потеряннаго, ради требъ, времени, бѣдному труженнику-іерею необходимо, не передохнувъ, приниматься за работу на полѣ и удвоенно потрудиться, несмотря на погоду, недомоганіе, усталось и угнетенное состояніе духа. Въ такихъ невыносимыхъ трудахъ, человѣкъ въ концѣ-концовъ переутомляется, надламывается и преждевременно угасаетъ. Такъ случилось и съ отцомъ митрополита Палладія: онъ умеръ 44 лѣтъ, оставивъ семью безъ куса хлѣба. Несчастной вдовѣ не на что было купить гроба и похоронить мужа, если бы не помогли добротныя даванія немногочисленныхъ прихожанъ...

Такимъ образомъ вмѣсто достоянія на рукахъ Прасковьи Васильевны, вдовы усопшаго, остались одни дѣти, изъ которыхъ Павлу было всего восемь лѣтъ. По существовавшему въ тѣ времена обычаю, опроставшееся мѣсто какъ бы закрѣплялось за семьей умершаго священно-церковнослужителя, если только въ ней находилась возрастная и пригодная для замужества дѣвушка. Въ такихъ случаяхъ, выискивался обыкновенно молодой человѣкъ, семинаристъ, который и женился на сиротѣ, съ обязательствомъ содержать при себѣ всю семью своей супруги. При малоземельи и крайней ограниченности прихожанъ (150 душъ), а слѣдовательно, почти при совершенномъ отсутствіи доходовъ—единственнаго и главнаго источника къ существованію, при неизбежной вѣроятности имѣть съ теченіемъ времени собственную семью,—конечно, охотниковъ на Ивановское мѣсто оказывалось мало, если только совѣтъ не было. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ дочери Прасковьи Васильевны, Олимпіадѣ Ивановнѣ, былъ подысканъ женихъ изъ студентовъ, окончившихъ полный семинарскій курсъ, нѣкто Покровскій, который послѣ брака и посвященъ былъ во священники села Ивановскаго. Сиротка Павелъ Писаревъ, въ числѣ прочихъ, перешелъ на попеченіе о. Покровскаго, у котораго и оставался до десятилѣтняго возраста. Жить при отцѣ и матери, какъ ни худо иногда бываетъ, но все-таки куда лучше, чѣмъ въ другой семьѣ, хотя бы и родственной. Въ большинствѣ, и въ достаточныхъ семьяхъ, мать-вдова теряетъ свое значеніе, умаляется и часто нисходитъ на степень безотвѣтной работницы, безсмѣнной батрачки, безустанной няньки дѣтей своего зятя. При такихъ условіяхъ худо и одинокой вдовѣ, но несказанно хуже съ дѣтьми. Сколько нравственныхъ страданій должна перенести такая женщина. Даже слезы—этотъ единственный небесный даръ утѣшенія скорбящаго сердца—и тѣ вдова подчасъ не только должна, но и обязана скрывать, ради спокойствія въ домѣ. Образы безотрадной нищеты при отцѣ, тяжелая жизнь при

зятѣ глубоко врѣзались въ душѣ Павла; но все это не ожесточило юношу, а напротивъ, по благодати Божіей, содѣлало его отзывчивымъ къ страданіямъ ближняго, и, впоследствии, онъ явился источникомъ того добра, которое расточалъ неудержимо и не задумываясь.

Два года прожилъ сиротка въ семьѣ Покровскихъ, и 10-ти лѣтъ отвлѣзень былъ въ нижегородское духовное училище, помѣщавшееся въ нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Казначеемъ монастыря и, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавателемъ училища тогда состоялъ іеромонахъ Поликарпъ, въ мѣрѣ Порфирій, старшій братъ Павла. Въ дни оны среди духовенства существовалъ обычай перемѣнять фамиліи. Порфирій Писаревъ, при поступленіи въ то-же нижегородское духовное училище, по волѣ его ректора, переименованъ и записанъ былъ «Раевымъ». Этою же фамиліею приказано было впредь именоваться и маленькому Павлу Писареву.

Во все время пребыванія въ нижегородскомъ духовномъ училищѣ, Павелъ жилъ у брата своего, о. Поликарпа ¹⁾. Подъ бдительнымъ надзоромъ этого достойнаго іеромонаха, юнецъ возрасталъ, развивался и преуспѣвалъ въ ученіи. Понятно, жизнь въ монастырѣ, у брата попечительнаго и ласковаго, послѣ испытанныхъ невзгодъ и лишеній дома, не могла не казаться раемъ и не располагать дѣтскаго сердца къ воспріятію самыхъ лучшихъ впечатлѣній. Здѣсь-то, подъ благодѣтельнымъ руководствомъ о. Поликарпа, духъ будущаго служителя русской Церкви и получилъ то несокрушимое основаніе, благодаря которому онъ не очерствѣлъ, не сдѣлался нелюдимымъ, но расцвѣлъ въ духѣ истиннаго благочестія, снисходительности и необычайной любви къ человѣчеству. Вообще, для всей послѣдующей жизни, митрополитъ многимъ добрымъ обязанъ старшему брату. Въ духовномъ училищѣ и, потомъ, въ семинаріи Павелъ Раевъ, помимо прекрасныхъ способностей, отличался хорошимъ поведеніемъ и примѣрнымъ прилежаніемъ настолько, что ни разу, въ теченіе всего учебнаго срока, не подвергся даже выговору. Благодаря такимъ свойствамъ и качествамъ, юноша, въ августѣ 1848 г., поступилъ на казенный счетъ въ казанскую академію. И здѣсь молодой Раевъ съ увлеченіемъ и замѣчательнымъ трудолюбіемъ принялся за ученіе, причемъ, сверхъ обязательныхъ предметовъ, въ совершенствѣ ознакомился съ татарскимъ языкомъ. Независимо отъ успѣховъ во всѣхъ предметахъ академическаго курса, онъ настолько обратилъ на себя вниманіе начальства своимъ поведеніемъ, что, обходя наилучшихъ, по отмѣткамъ, сотоварищей, былъ назначенъ старшимъ надъ студентами.

Въ 1852 году Павелъ Ивановичъ Раевъ кончилъ блестяще ученіе

¹⁾ Впоследствии архимандритъ и настоятель Козловскаго монастыря, Тамбовской губерніи; скончался въ 1881 г.

въ академіи, третьимъ магистромъ богословія ¹⁾), причеиъ его диссертация — «Признаки православнаго христіанства и лживости мухаммеданства» — обратила на себя вниманіе выдающимися достоинствами, и молодой магистръ награжденъ полною премією митрополита Григорія ²⁾). Сочиненіе это напечатано было въ «Миссіонерскомъ Сборникѣ» (Казань, 1876 г., вып. IX). Молодому, блестящему магистру всѣ служебные пути были открыты, но не поступилъ онъ на гражданскую службу, не пошелъ и въ монахи. Онъ предпочелъ духовно-учебную дѣятельность и опредѣлился профессоромъ логики и психологій въ нижегородскую семинарію (съ 21-го октября 1852 г.) и, частно, преподавателемъ татарскаго языка. Женившись на Аннѣ Ивановнѣ Покровской, дочери нижегородскаго кафедральнаго собора протоіерея, — вполсѣдствіи Іоакима, настоятеля Донскаго монастыря ³⁾), — профессоръ Раевъ, 15-го августа 1856 года, былъ рукоположенъ во священника нижегородской Покрова Пресв. Богородицы церкви, что на Студеной улицѣ. Вступивъ на поприще служенія у престола Божія, о. Павелъ продолжалъ свою профессорскую дѣятельность.

Награжденный въ 1859 г. (8-го февраля) набедренникомъ, онъ исполнялъ должность инспектора, а потомъ ректора семинаріи, преподавая предметы миссіонерскаго отдѣленія и богословскія науки. Мирно потекла жизнь молодого священника-профессора; семья его увеличилась: онъ сталъ отцомъ двоихъ сыновей ⁴⁾). На четвертомъ году священства от. Павелъ овдовѣлъ. Тяжело остаться одинокимъ молодому священнику, въ особенности имѣя на рукахъ двухъ малютокъ. Но о. Павелъ съ христіанскою кротостью пережилъ тяжелую утрату и рѣшился разстаться съ міромъ, прибѣгнуть къ «тихому пристанищу» — постричься въ монашество. 15-го января 1861 г. онъ принялъ постригъ, съ именемъ Палладія, но не отказался отъ служенія при нижегородской семинаріи. Утвержденный въ мартѣ того же года инспекторомъ семинаріи, іеромонахъ Палладій вскорѣ (18-го февраля 1862 г.), «за отлично-усердную и полезную училищную службу» ⁵⁾), возведенъ въ санъ архимандрита. Отсюда начинается быстрое его возвышеніе.

Высоко-нравственный и кроткій, Палладій добросовѣстно относился

¹⁾ „Прав. Собесѣдн.“, январь 1899 г., № 1.

²⁾ Григорій (Постниковъ), съ 1855 г. митрополитъ с.-петербургскій, ум. въ 1860 г.

³⁾ Донской Богородицкій, мужской ставропигіальный 1-го кл. монастырь, въ Москвѣ.

⁴⁾ Сыновья: Николай (нынѣ директоръ с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ) род. 18-го октября 1855 г., и Владиміръ (докт. мед., главн. врачъ Крестовоздвиженск. общины сестеръ милосердія въ Спб.), род. 14-го іюля 1859 г.

⁵⁾ Послужн. списокъ митрополита Палладія.

къ сложнымъ обязанностямъ инспектора семинаріи и въ короткое время успѣлъ заявить себя съ отличной стороны настолько, что молва о немъ достигла Петербурга, куда онъ (28-го августа 1865 г.) и былъ призванъ на должность инспектора петербургской семинаріи. «Всѣхъ очаровавшій и всѣмъ понравившійся» ¹⁾, новый инспекторъ вскорѣ становится во главѣ петербургской семинаріи: въ декабрѣ 1864 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ.

Въ «казовой» семинаріи ²⁾, на виду всѣхъ, новый ректоръ, опытный уже въ учебно-педагогическомъ дѣлѣ, умѣлъ оживить преподаваніе и улучшить бытъ воспитанниковъ, къ которымъ здѣсь, какъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ не переставалъ относиться внимательно и сердечно. Свѣтлый умъ, недюжинныя административныя способности, заведенные прекрасные порядки въ порученномъ Палладію учебномъ учрежденіи не могли не обратить вниманія такого іерарха, какимъ былъ въ то время митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ ³⁾. Онъ оцѣнилъ, полюбилъ и приблизилъ къ себѣ Палладія для исполненія различныхъ дѣловыхъ порученій, руководилъ его дѣйствіями, преподавалъ благіе совѣты; однимъ словомъ, стремился ознакомить со всѣми разнообразными и многосложными сторонами духовнаго управленія. Ученикъ же оказался вполне достойнымъ своего наставника: быстро воспринималъ и усваивалъ все преподаваемое послѣднимъ. Въ бытность ректоромъ, архимандритъ Палладій, кромѣ прямыхъ обязанностей по семинаріи, трудился еще, между прочимъ, въ качествѣ помощника главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, члена конференціи с.-петербургской духовной академіи и ревизора въ 1-й и 2-й петербургскихъ гимназіяхъ по Закону Божію.

Въ воздаяніе за такую неустанную, разнообразную, «отлично-усердную и полезную» ⁴⁾ дѣятельность, Палладій 6-го апрѣля 1868 года получилъ первую видную награду: всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени. Оправдавъ вполне довѣріе и расположеніе къ себѣ митрополита Исидора, онъ, 18-го декабря 1866 г., на 39-мъ году отъ рожденія, возведенъ въ санъ епископа ладожскаго, перваго викарія с.-петербургской митрополіи. Вступая въ сонмъ святителей, новый петербургскій викарій хорошо понималъ всю важность, многосложность и трудность обязанностей, соединенныхъ съ этимъ саномъ. Преполненный

¹⁾ „Правосл. Собесѣдн.“ 1899 года, № 1, стр. 9. Рѣчь профессора Царевскаго.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Исидоръ (въ мѣръ Іаковъ Серг. Никольскій), митрополитъ с.-петербургскій, р. 1799 г., ум. 1892 г.

⁴⁾ Послужн. сп. митрополита Палладія.

благоговѣйнаго страха и трепета предъ предстоящими обязанностями, архимандритъ Палладій, въ день нареченія во епископа, произнесъ, послѣ исповѣданія вѣры, рѣчь предъ членами Синода. Выразивъ въ ней полную покорность волѣ Божіей и твердую, непреложную увѣренность, что «Господь Всеблагій управляетъ все къ благой цѣли», онъ продолжалъ: «съ покорностью приѣмля пришедшее на меня званіе Божіе и взирая на предлежащій мнѣ, новый для меня, высшій и труднѣйшій въ св. Церкви подвигъ служенія, въ то же время представляя и строгій отвѣтъ, который должны будутъ дать пастыри великому пастыреначальнику, Господу Иисусу Христу, въ послѣдній страшный день праведнаго воздаянія, не могу не помышлять о семъ званіи и служеніи безъ страха. Самые великіе подвижники вѣры и благочестія смотрѣли на епископское служеніе, какъ на подвигъ трудно выносимый, какъ на бремя, не довольно соразмѣрное и съ ихъ мощными силами, и уклонялись отъ него, а если и принимали, то не безъ душевнаго смущенія и послѣ долгаго колебанія. Кто же азъ есмь? Возмогу ли достойно понести возлагаемое на меня тяжкое бремя служенія?»

«Всеусердно» стремясь быть «правопращающимъ пастыремъ», нареченный епископъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ, по своему смиренію, опасеніе, можетъ ли быть таковымъ, ибо жизнь его и дѣятельность, «большую частію, доселѣ протекали въ обителяхъ духовнаго просвѣщенія», что «далеко не равняется высокому пастырскому служенію», тѣмъ болѣе что «нынѣшній духъ времени и міра, богоборный, легко увлекающійся всякимъ вѣтромъ лжемыслия,—этотъ всегда опаснѣйшій врагъ св. вѣры и Церкви—еще болѣе дѣлаетъ тяжелымъ и безъ того многотрудное епископское служеніе».

Тѣмъ не менѣе, во всеоружіи вѣры и надежды на Господню благодать, сильную уврачевать и его немощи и восполнить его скудость духовную, новонареченный проситъ молитвъ архипастырей, дабы ими «держаться и утверждаться» на предлежащемъ поприщѣ. «Наипаче же», говоритъ въ заключеніе Палладій, обращаясь къ митрополиту Исидору,—«да вознесется твоя о мнѣ молитва, архипастырь первенствующій, снискавшій меня отеческимъ благовниманіемъ; благоволи своею мудрою и многолѣтнею опытностью руководить мою малоопытность и исправлять мои недоумѣнія»¹⁾.

Въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ викаріи Палладій состоялъ подъ рукою многоопытнаго старца-митрополита, отправляя различныя обязанности и порученія. Изъ послѣднихъ упомянемъ главнѣйшія: а) предсѣдательство въ высочайше учрежденной особой коммисіи по

¹⁾ Слова и рѣчи Палладія, изд. 1881 г.

дѣламъ Алтайской миссіи (съ 13-го іюля 1867 г. по 10-е января 1869 г.) и б) по указу Св. Синода, въ комисіи по разсмотрѣнію проекта устава объ учрежденіи епархіальныхъ общинъ сестеръ милосердія (съ марта по сентябрь 1869 года) и, наконецъ, назначеніе, по высочайшему повелѣнію, въ Олонецкую епархію, по дѣлу о постройкѣ церкви въ Вытегрѣ и для умиротворенія гражданъ этого города (28-го іюня 1869 года).

Обстоятельства этого печальной памяти дѣла таковы. Въ 1821 году, купецъ Рулевъ завѣщаль капиталъ на построеніе церкви въ Вытегрѣ, представленный въ вѣдѣніе олонецкой консисторіи душеприказчикомъ завѣщателя въ 1833 году. И съ этого времени вплоть до назначеніи епископа Палладія для разслѣдованія, дѣло о постройкѣ храма тянулось цѣлыя 27 лѣтъ. Когда жители города вздумали приняться за осуществленіе воли жертвователя, то сперва возбудилась и тянулась долго переписка съ консисторіею относительно проектовъ, плановъ и смѣтъ расходовъ на возведеніе церкви. Кончилась переписка по этимъ предметамъ,—началась новая: возбудилось сомнѣніе о прочности грунта земли мѣстности, избранной подъ церковь, и опасеніе о недостаткѣ завѣщанныхъ денегъ противъ смѣтныхъ исчисленій. Только въ 1867 г. сомнѣнія о грунтѣ были устранены. Что же касается предполагаемаго недостатка денегъ, то граждане Вытегры официально заявили Св. Синоду, что всѣ излишки расходовъ принимаютъ на себя. Въ виду такого обязательства, Св. Синодъ, указомъ 5-го августа 1868 г., далъ знать епархіальному управленію о допущеніи жителей къ построенію храма. Но это мало помогло: явилось сомнѣніе о способѣ передачи отказаннаго Рулевымъ капитала въ вѣдѣніе строителей, потому что консисторія признавала пожертвованныя деньги съ наросшими процентами не общественнымъ достояніемъ, а церковнымъ. Между тѣмъ строительнымъ комитетомъ израсходовано было на подготовительныя работы для предполагаемаго храма 5.000 р., позаимствованные изъ общественныхъ суммъ. Такая проволочка дѣла не только глубоко огорчила гражданъ Вытегры, но и вызвала волненіе въ городѣ и явное нерасположеніе къ мѣстному духовному управленію. Для успокоенія жителей и осуществленія давнишняго благочестиваго и вполне достойнаго уваженія желанія ихъ, епископъ ладожскій и былъ посланъ въ Олонецкую епархію.

Здѣсь обнаружилось впервые самостоятельное проявленіе административныхъ способностей преосвященнаго Палладія, умѣнье разбираться въ запутанномъ дѣлѣ безпристрастно, не покрывая виновныхъ и не обвиняя правыхъ. Прежде всего онъ отправился въ Петрозаводскъ, лично, подробно разсмотрѣть на мѣстѣ всю переписку о построеніи храма. Всестороннее разсмотрѣніе дѣла привело къ слѣдующимъ разоблаченіямъ:

1) Хотя, по силѣ указа Св. Синода, отъ 5-го августа 1868 г., и существуетъ комитетъ по постройкѣ храма, избранный обществомъ г. Вытегры, но члены въ званіи семь епархіальнымъ начальствомъ не утверждены, а требуемый въ комитетъ депутатъ съ духовной стороны окончательно не назначенъ.

2) Препятствіемъ къ успѣшному построенію храма, по объясненію консисторіи, служили: а) незаконное, якобы, утвержденіе губернскимъ начальствомъ плана и смѣты церкви помимо епархіальнаго начальства; б) сомнѣніе относительно нѣкоторыхъ членовъ строительнаго комитета, какъ приверженцевъ раскола, и в) затрудненія въ способѣ передачи рулевскаго капитала строительному комитету, требовавшему его, будто-бы, въ свое безотчетное вѣдѣніе и желавшему дѣйствовать въ семь случаѣ помимо епархіальнаго начальства.

3) На вопросы же преосвященнаго Палладія: а) какіе подготовлены къ постройкѣ матеріалы и произведены ли какія либо предварительныя работы для предполагаемаго храма и на какую сумму, и б) о наличности въ настоящую пору завѣщаннаго капитала, консисторія донесла, что свѣдѣній по первымъ двумъ пунктамъ не имѣеть; равнымъ образомъ обнаружилось, что и вѣрныхъ, устраняющихъ всякое сомнѣніе, данныхъ о наличности завѣщаннаго капитала представить она не можетъ, потому что вся сумма хранится въ вытегорскомъ Воскресенскомъ соборѣ.

Въ виду такихъ сообщеній консисторіи, владыка призналъ необходимымъ отправиться въ Вытегру, для провѣрки капитала, хранившагося въ соборѣ. При участіи строительнаго комитета и депутатовъ отъ городского общества, капиталу Рулева произведено было освидѣтельствованіе, по документамъ, и всѣхъ денегъ, съ процентами, оказалось 30.338 руб. 64³/₄ коп. И, что всего удивительнѣе, сумма эта хранилась въ простомъ деревянномъ сундукѣ церковнаго старосты и, такимъ образомъ, совершенно не была обезпечена отъ пожара и похищенія. Деньги изъ собора были взяты и отправлены на храненіе въ мѣстное казначейство.

Вытегорскіе граждане, какъ оказалось изъ собранныхъ на мѣстѣ положительныхъ свѣдѣній, горячо сочувствуя дѣлу построенія церкви, никогда не искали права распорядиться завѣщаннымъ купцомъ Рулевымъ капиталомъ, помимо епархіальнаго управленія. Они вполне признавали надъ собою контроль епархіальнаго начальства, и если просили о выдачѣ рулевскихъ денегъ въ распоряженіе строительнаго комитета, въ составѣ котораго находился также депутатъ и съ духовной стороны, то это единственно происходило вообще отъ неполнаго довѣрія ихъ къ епархіальному управленію, такъ долго затянувшему дѣло по постройкѣ храма, и въ частности—отъ нерасположенія къ настоятелю мѣстнаго собора. Личность эта, какъ вполне выяснилось, дѣйствительно своими неблаговидными дѣйствіями вооружила противъ себя все мѣстное

общество, потерявъ въ глазахъ его всякое довѣріе, а неправильнымъ представленіемъ относительно сооруженія церкви вводила въ заблужденіе свое епархіальное начальство и была главнымъ виновникомъ неудовольствія гражданъ Вытегры противъ духовенства.

По разъясненіи и соображеніи всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ, послѣдовали со стороны преосвященнаго Палладія слѣдующія мѣры, о приведеніи которыхъ въ исполненіе онъ и предложилъ консисторіи:

1) Занятые строителями изъ общественнаго капитала 5.000 руб. принять на счетъ завѣщанной купцомъ Рулевымъ суммы, увеличенной процентами, когда въ израсходованіи сихъ денегъ строительный комитетъ представитъ надлежащій отчетъ.

2) Дабы не встрѣтилось какой либо остановки отъ недостатка денегъ, потребныхъ для производства текущихъ работъ, разрѣшить отпускъ изъ того же капитала еще пяти тысячъ рублей, съ тѣмъ однако, чтобы расходъ этой суммы производился подъ контролемъ городской Думы и обезпеченіемъ вытегорскаго общества.

3) Снабдить строительный комитетъ приходо-расходными книгами—денежною и матеріальною; а со стороны консисторіи принять какъ нынѣ, такъ и впредь, законное и самое дѣятельное участіе въ немедленномъ, безъ всякой потери времени, разрѣшеніи всѣхъ недоумѣній и сомнѣній по устроенію храма.

Затѣмъ, не видя болѣе никакихъ препятствій къ тому, чтобы дать этому дѣлу благое начало, преосвященный, въ видахъ умиротворенія и успокоенія гражданъ Вытегры, почелъ необходимымъ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ поставить въ извѣстность строительный комитетъ и вытегорскую городскую Думу.

Выразивъ форменными заявленіями свою благодарность епископу Палладію за его распоряженія, умиротворенные и успокоенные граждане г. Вытегры просили его преосвященство—«привести къ безотлагательному и законному исходу дѣло» закладкою созидаемаго храма, что имъ и было совершено ¹⁾).

Такъ быстро и благополучно кончилось пресловутое дѣло, длившееся 27 лѣтъ, по построенію церкви въ г. Вытегрѣ.

Преосвященный возвратился въ Петербургъ, но самое короткое время оставался на викаріатствѣ: 15-го іюля 1869 года, высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ Св. Синода, онъ былъ назначенъ на самостоятельную архіерейскую кафедру въ Вологду.

¹⁾ Извлечено изъ собственноручной черновой записки покойнаго митрополита.

II.

Прибытіе Палладія въ Вологду.—Привѣтственныя рѣчи.—Управление епархіею.—Замѣщеніе благочинныхъ должностей.—Заботы объ учащихъ.—Попечительность Палладія о заштатномъ духовенствѣ.—Обзоръ епархіи.—Признательность духовенства.—Миссіонерскій комитетъ.—Назначеніе на Тамбовскую кафедру.—Стипендія имени Палладія въ вологодской семинаріи.

1-го октября 1869 г. епископъ Палладій вступилъ въ управление вологодскою епархіею, послѣ преосвященнаго Павла, переименованнаго во Псковъ. Ночь на 1-е октября онъ провелъ въ 45 верстахъ отъ Вологды, въ Корниліево-Комельскомъ монастырѣ, гдѣ на утро совершилъ раннюю литургію. Въ четыре часа владыка, при колокольномъ звонѣ всѣхъ городскихъ церквей, вѣхалъ въ Вологду. На пути въ Воскресенскій кафедральный соборъ, онъ посѣтилъ Спасообденную церковь, для поклоненія чудотворному образу Всемиловитаго Спаса. При вступленіи въ соборъ владыки, гдѣ въ то время собрались: городское духовенство, съ епископомъ тотемскимъ Павломъ, вологодскимъ викаріемъ, власти и множество горожанъ, протоіерей Нордовъ привѣтствовалъ его рѣчью, въ которой высказалъ, что преосвященный полагаетъ собою начало новой четыредесятницѣ, въ которую ему «суждено стать во главѣ будущихъ святителей вологодскихъ, и украсить именемъ и служеніемъ своимъ времена послѣдующія». При этомъ протоіерей присовокупилъ, что ему, «смирному старцу, въ настоящемъ званіи предстоятеля соборнаго клира, суждено сръгать седьмага архипастыря, седьмага Ангела Церкви вологодской!»—Палладій отвѣтствовалъ: «Отъ Господа стопы человѣку исправляются... Я гряду къ тебѣ, богохранимая паства вологодская, съ миромъ, заповѣданнымъ Самимъ небеснымъ пастыреначальникомъ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Миръ начальствующимъ—въ вѣрности закону и долгу; миръ подчиненнымъ—въ уваженіи власти и исполненіи своихъ обязанностей; миръ пасущимъ стадо Божіе (I Петр. 5,2)—въ попеченіи о спасеніи душъ вѣрующихъ; миръ пасомымъ—въ послушаніи пастырямъ; миръ продающимъ и куплю дѣющимъ—въ правдѣ и честности; миръ трудящимся и дѣлающимъ—въ успѣхѣ добраго дѣланія и обильномъ плодѣ труда праведнаго. Миръ всѣмъ!»

Испросивъ Божіе благословеніе на предстоящемъ поприщѣ, «да укрѣпитъ Онъ и дасть гласу его гласъ силы, да приемиюще слова слышанія» отъ него «приемиютъ не яко слово человеческое, но якоже, во истину, слово Божіе», и предавъ себя подъ покровъ Владычицы Богородицы и заступленіе вологодскихъ св. угодниковъ, архипастырь обратился къ сопастырю своему, епископу Павлу, и прочему духовенству съ

просьбою споспѣшествовать ему усерднымъ «дѣланіемъ», дабы его пастырское бремя было «если не легкимъ, то, по крайней мѣрѣ, удобоносимымъ и неподдающимъ его силы, и дабы трудъ его не былъ тощъ предъ Господомъ (1 Кор. 15, 58) ¹⁾».

По совершеніи молебствія, преосвященный удалился въ архіерейскій домъ, посѣтивъ на пути лѣтній Софійскій соборъ, которому въ 1868 г. истекло 300 лѣтъ со времени основанія.

Въ первый воскресный день, по прибытіи въ Вологду, 5-го октября, преосвященный Палладій совершилъ первую литургію въ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ.—Считаемъ умѣстнымъ, при настоящемъ случаѣ, сказать нѣсколько словъ о немъ. Соборъ построенъ Іоанномъ Грознымъ (въ 1568—1570 г.г.), намѣревавшимся перенести свою столицу въ Вологду. Когда соборъ былъ отстроенъ, царь вздумалъ осмотрѣть его внутренность, въ виду предстоящей отдѣлки. И вотъ, по словамъ лѣтописца, «нѣчто отторгнулося отъ свода, и, падъ, государю повреди главу». Разгнѣванный этимъ, Іоаннъ приказалъ немедленно разрушить зданіе до основанія. Немалого труда стоило приближеннымъ уговорить царя отмѣнить грозное повелѣніе. Послѣ этого соборъ оставался въ забвеніи, безъ отдѣлки. Только чрезъ шестнадцать лѣтъ преосвященный Антоній вывелъ соборъ изъ заустѣнія, устроивъ въ немъ первоначально придѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи ²⁾».

До прибытія Палладія, соборъ былъ уже переполненъ молящимися всѣхъ состояній и возрастовъ. Необычайно благолѣпное служеніе поразило вологжанъ. Въ обычное время, владыка произнесъ слово къ паствѣ, второе по прибытіи въ Вологду, на текстъ: «Больше сея не имамъ радости, да слышу моя чада въ истинѣ ходяща» (3. Іоан. 1, 4). «Совершивши», говорилъ архипастырь, «нынѣ въ первый разъ въ престольномъ храмѣ паствы божественную литургію, принесши здѣсь первую безкровную жертву о своемъ недостоинствѣ и о спасеніи Богомъ вѣранныхъ моему пастырскому водительству душъ, и видя множество благоговѣяно молящихся и усердно внимающихъ совершающейся службѣ, я радуюсь, возлюбленные, о вашей вѣрѣ и благочестіи, и отъ всего сердца повторяю: «Больше сея не имамъ радости, да слышу моя чада во истинѣ ходяща». Благодарю Всемилостиваго Спаса, Господа нашего Іисуса Христа, такъ благодатно васъ настроивающаго, моля Его благость сохранить въ васъ тотъ же духъ вѣры и образъ житія и въ грядущее время, дабы вамъ достойно ходить званія христіанскаго». Затѣмъ, объяснивъ значеніе «хождения въ истинѣ», проповѣдникъ продолжалъ: «Нынѣ, когда суемудріе ума возрастаетъ, злые обычаи расширяются и прелести міра широко размножаются,

¹⁾ Слова и рѣчи преосвящ. Палладія 1881 г., стр. 297—299.

²⁾ Прибавленіе къ „Вологодскимъ Епархіал. Вѣд.“, 1869 г., № 20.

молю васъ, братіе, стойте же въ вѣрѣ (1 Кор. 16, 13) твердо, непоступни бывайте, какъ тверды были въ ней предки ваши, и зато оставили намъ ясныя слѣды своей благоугодности, чему мы имѣемъ «толикъ облажащъ насъ облакъ свидѣтелей» (Евр. 12,1)—святыхъ представителей и заступниковъ страны вашей, по всѣмъ ея предѣламъ почивающихъ нетлѣнными и чудотворными мощами». Архипастырь закончилъ слово свое такимъ обращеніемъ къ Богу: «Призри, Господи, на люди Твоя сіи, виждь ихъ ревность по вѣрѣ и любовь къ Тебѣ и св. Церкви; утверди и вкорени Божественную истину Твою въ сердцахъ ихъ, дабы они все болѣе и болѣе уразумѣвали путь спасенія, принесенный Тобою на землю и утвержденный въ Церкви, и столько уже святыхъ проведеній въ рай, чтобы и всѣмъ намъ не быть лишенными сего благого чаянія»¹⁾.

Служеніе пресвященнаго Палладія для вологодской епархіи явилось благоплоднымъ: онъ содѣлался дорогимъ сердцу вологжанъ, всемѣрно стараясь о преуспѣяніи своей паствы и вникая во всѣ ея нужды, какъ легко въ томъ можно убѣдиться изъ послѣдовавшихъ его начинаній и распоряженій.

Такъ, на примѣръ, при немъ послѣдовало измѣненіе порядка замѣщенія благочинническихъ должностей. На основаніи § 298 Уст. духовн. консистор., члены духовной консисторіи должны быть дѣйствительными наблюдателями за дѣлопроизводствомъ въ вѣранныхъ имъ столахъ консисторской канцеляріи и дѣйствительными ихъ дѣлопроизводителями. Между тѣмъ, пресвященный замѣтилъ, что въ вологодской консисторіи двое протоіереевъ совмѣщали въ себѣ каждый двѣ должности—и членовъ консисторіи и благочинныхъ. «На нихъ» (протоіереевъ), писалъ владыка консисторіи: «сосредоточены были обязанности власти распорядительной и исполнительной своихъ же распоряженій, каковое двойственное значеніе ихъ нельзя согласить съ требованіемъ законнаго порядка». Въ виду такой несообразности, предложено было консисторіи помянутыхъ протоіереевъ отъ обязанностей благочинныхъ освободить, съ выраженіемъ благодарности за службу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распорядиться о выборѣ духовенствомъ города Вологды, по большинству голосовъ, новыхъ двухъ благочинныхъ срокомъ на три года, и къ каждому изъ нихъ по два помощника, съ тѣмъ, чтобы въ вологодской Церкви, попрежнему, оставались «въ той же сферѣ дѣленія на двѣ половины»²⁾. Опытъ показалъ, что выборные благочинные, стоя ближе къ избравшему ихъ духовенству и пользуясь его довѣріемъ, по возможности, стараются самымъ дѣломъ оправ-

¹⁾ Прибавл. къ „Вол. Еп. Вѣд.“, 1869 г., № 20.

²⁾ „Вологодск. Еп. Вѣд.“ 1870 г., № 3; предложеніе № 249, отъ 15-го января того же года.

дать это довѣріе добросовѣстнымъ и усерднымъ выполніемъ лежащихъ на нихъ обязанностей. Поэтому вологодское духовенство, оцѣнивъ всю благоплодность указаннаго архипастыремъ распоряженія, само уже обратилось къ нему съ просьбою разрѣшить ввести выборное начало благочинныхъ повсемѣстно въ вологодской епархіи. Архипастырь, отзывчиво относясь ко всѣмъ нуждамъ подвѣдомственной ему братіи, одобрилъ ея желаніе и сдѣлалъ соответственное распоряженіе, преподавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующія указанія: 1) Подвергнуть закрытой баллотировкѣ невыборныхъ благочинныхъ наравнѣ съ прочими, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ осталось дослужить послѣдніе четыре года, чтобы дать имъ возможность получить, по статуту, орденъ Анны 3-ей степени, за 12 лѣтъ. По полученіи награды, и таковыя подлежатъ выбору на общемъ основаніи. 2) Срокъ служенія всѣмъ выборнымъ благочиннымъ установить четырехлѣтній. Поэтому подвергнуть баллотировкѣ и тѣхъ выборныхъ благочинныхъ, которые выбраны безъ срока. По истеченіи четырехъ лѣтъ служенія, каждый обязывается доносить ему, преосвященному, объ окончаніи своей благочиннической службы и о производствѣ баллотировки кандидатовъ на эту должность. 3) Кандидатами въ благочинные должны быть избираемы люди способные изъ священниковъ окружнаго духовенства, состоящихъ въ этомъ санѣ не менѣе 5-ти лѣтъ. 4) Примѣнительно къ сему, избираются и помощники благочинныхъ и депутаты по дѣламъ слѣдственнымъ и хозяйственнымъ. 5) Предсѣдательство на благочинническихъ выборахъ поручается по каждому округу духовникамъ своего благочинія, а въ уѣздныхъ городахъ протоіереямъ мѣстныхъ соборовъ, если они не совмѣщаютъ въ себѣ должности благочиннаго. 6) Для сокращенія переписки по незначительнымъ дѣламъ, имѣются благочинническіе совѣты, а для вспомоствованія заштатному и сиротствующему духовенству—мѣстные попечительскіе совѣты, и членами ихъ отнынѣ состоятъ: благочинническаго совѣта—благочинный, его помощникъ и депутатъ, а попечительскаго совѣта—двое первыхъ и духовникъ, и 7) Съѣзды духовенства для выборовъ учреждать въ болѣе удобное время ¹⁾.

Извѣдавъ въ дѣтствѣ тяжкую участь бѣднаго сельскаго духовенства, неизмѣющаго иногда, подобно его родителю, не только возможности обучать дома дѣтей, но и накормить вдостоль, преосвященный, какъ добрый отецъ, всю силу своего любвеобильнаго сердца вложилъ въ заботы о благоустроеніи учащагося молодаго поколѣнія духовныхъ обоюго пола.

Такъ онъ положилъ начало устройству подготовительныхъ классовъ для мальчиковъ, для доставленія имъ возможности поступать безпрепятственно въ духовныя училища. По параграфу 78 Устава духовныхъ училищъ, въ 1-й ихъ классъ поступаютъ дѣти въ возрастѣ отъ 10

¹⁾ „Вологодск. Епарх. В-ти“, 1873 № 9; предлож. отъ 20-го апрѣля, № 2225.

до 12 лѣтъ, умѣющія писать и читать по-русски и читать по-славянски, знающія общеупотребительныя молитвы, первыя два дѣйствія ариметики съ таблицею умноженія. Между тѣмъ такое, повидимому небольшое требованіе въ вологодской епархіи оказывалось не всегда осуществимымъ: случалось, что мальчики, въ особенности сироты послѣ умершихъ отцовъ, ко времени поступленія въ духовное училище не въ состояніи были удовлетворить требованію вышеприведеннаго параграфа Устава о духовныхъ училищахъ. Бѣдныя матери не знали, что дѣлать съ своими сынками; приходилось изыскивать способы, на послѣднія крохи, для подготовленія мальчика; терялось время, да и самая жизнь такого невыдержавшаго испытанія, впредь до поступленія въ училище, становилась невыносимою. Хорошо, если затѣмъ сирота поступала, а если нѣтъ? И вообразить нельзя, какова можетъ быть судьба подобнаго несчастнаго: записывайся хоть въ податное сословіе. Объ этихъ-то бѣднякахъ преосвященный Палладій и позаботился. «Въ средѣ духовенства», писалъ онъ въ предложеніи консисторіи ¹⁾, «нашей (вологодской) епархіи есть много сиротствующихъ мальчиковъ, которые, по крайней бѣдности, безграмотности ихъ матерей и скудному состоянію опекуновъ, не только не имѣютъ возможности быть удовлетворительно подготовленными къ поступленію въ духовное училище, но затрудняются даже снисканіемъ дневнаго пропитанія. Мнѣ кажется, наши мужскіе монастыри, которыхъ въ вологодской епархіи 16, сослужили бы пріятную службу и Богу и людямъ, если бы каждый изъ нихъ, сообразно съ своими собственными средствами, давалъ у себя пріютъ извѣстному числу сиротствующихъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 7 до 10 лѣтъ (когда они уже могутъ обходиться безъ женскаго присмотра), и въ это время готовить ихъ, какъ должно, къ поступленію въ духовное училище. По крайней мѣрѣ, соображая средства управляемаго мною Спасоприлуцкаго монастыря, нахожу возможнымъ содержать въ немъ, на полномъ монастырскомъ иждивеніи и обучать до принятія въ духовное училище до семи такихъ сиротъ».

Въ этихъ словахъ архипастыря выражается разумное пониманіе нѣжной дѣтской природы, когда она, въ извѣстные періоды времени, требуетъ женскаго глаза, женскаго руководства. Владыка, въ предложеніи своемъ, тонко опредѣляетъ тотъ возрастъ, когда ребенокъ можетъ вращаться въ болѣе суровой средѣ, и потому полагаетъ принимать сиротъ въ монастыри только съ 7-ми-лѣтняго возраста.

Нельзя при этомъ не упомянуть, что вологодское духовенство, ра-

¹⁾ „Вологодск. Епарх. Вѣдом.“, 1870 г.

нѣе епископства Палладія, признавало учрежденіе приготовительныхъ классовъ излишнимъ и мало полезнымъ ¹⁾).

Заботясь о мальчикахъ духовнаго званія, преосвященный не забываетъ и дѣвочекъ. Устраивая пріютъ и приготовительный классъ для первыхъ, онъ, въ своемъ предложеніи, какъ приведено выше, высказывалъ, что неподготовленность сиротъ къ поступленію въ духовное училище, является, между прочимъ, вслѣдствіе «безграмотности ихъ матерей»,—явленіе бывшее нѣкогда, къ сожалѣнію, обычнымъ среди духовенства. Вырывая сыновей сиротъ изъ бездны невѣжества, владыка, въ то же время, кладетъ начало благодѣтельному учрежденію и для дочерей духовенства,—«женскіе монастыри привлекаются къ многоплодной дѣятельности: учреждаются и при нихъ пріюты. Первый шагъ къ тому сдѣлалъ трехклассный Горній Успенскій женскій монастырь въ г. Вологдѣ. Игуменья Севастіана, сочувствуя высоко-христіанской заботѣ епископа Палладія о воспитаніи и обученіи дѣтей бѣднаго духовенства, выразила готовность открыть въ своей обители пріютъ для дѣвочекъ. Преосвященный одобрилъ мысль игуменьи и благословилъ быть пріюту при Успенскомъ Горнемъ монастырѣ, преобразованному впослѣдствіи въ Епархіальный учебно-воспитательный женскій пріютъ. Сначала принято было десять дѣвочекъ, большею частью сиротокъ. Здѣсь онѣ получали первоначальное образованіе и жили на полномъ монастырскомъ иждивеніи. Для надзора за ними, владыка назначилъ надзирательницу монахиню и учительницу, воспитывавшуюся и кончившую полный кругъ ученія въ ярославскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства, и, кромѣ того, трехъ учителей, изъ числа ближайшихъ приходскихъ священниковъ. Пріютъ помѣщался въ келіяхъ, а потомъ, съ умноженіемъ числа призрѣваемыхъ, на средства благотворителей, при попеченіяхъ и немалыхъ личныхъ жертвахъ архипастыря, въ 1870—73 гг. выстроено двухъ-этажное зданіе, стоимостью до 10 тысячъ рублей. Закладка совершена преосвященнымъ 25-го сентября 1870 г., а 20-го мая 1873 г. происходило открытіе и освященіе зданія. Совершивъ литургію, епископъ Палладій обошелъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ дома, гдѣ, въ классной комнатѣ, собраны были воспитанницы, отслужилъ здѣсь молебенъ съ водосвятиемъ и окропилъ все зданіе святой водой. Игуменьѣ вручилъ, въ благословеніе, икону св. Маріи Магдалины. Благословляя воспитанницъ, онъ одѣлилъ всѣхъ малыми иконами, отечески совѣтовалъ никогда не забывать молиться и чаще ограждать себя крестнымъ знаменіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пожертвовалъ пріюту сто рублей ²⁾). Такой же пріютъ учреждаетъ и въ Великомъ Устюгѣ, при Іоанно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ.

¹⁾ „Дух. Вѣст. Груз. Экзархата“, № 22—23.

²⁾ Вол. Епарх. Вѣд. 1873 г., № 12.

Не къ однимъ маленькимъ сиротамъ епархіальный архіерей относился заботливо, нѣтъ: его доброму сердцу равно близки были всѣ учащіеся. Тяжело ему становилось, когда до него доходили свѣдѣнія, что семинаристы не только недостаточные, но даже и состоятельные, оказываются иногда въ безысходномъ состояніи и бѣдствуютъ. За распутицей, за дальнимъ разстояніемъ или по какимъ-либо другимъ случайностямъ, молодые люди, не получая изъ дому денегъ, для покрытія самыхъ необходимыхъ, уважительныхъ расходовъ, принуждены вездѣ и всюду прибѣгать къ займамъ за большіе проценты, продавать за безцѣнокъ вещи или заниматься, для пріобрѣтенія средствъ, посторонними предметами. Последнее обстоятельство въ особенности вредно дѣйствуетъ на юношей, отвлекая ихъ отъ прямыхъ ихъ занятій. И вотъ владыка, чтобы сколько-нибудь «устранить неудобства, препятствующія ихъ занятіямъ», препровождаетъ въ вологодское семинарское правленіе личные свои 217 рублей «на вспомошествованіе нуждающимся» съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ на 50 рублей пріобрѣтены были потребныя учебныя руководства тѣмъ изъ воспитанниковъ семинаріи, кто ихъ купить не въ состояніи. Этою жертвою архипастыръ положилъ начало учрежденію ссудной кассы для бѣдныхъ воспитанниковъ семинарскихъ¹⁾. Завѣдываніе ссудной кассой для бѣдныхъ своекоштныхъ воспитанниковъ подчинено было вѣдѣнію семинарскаго правленія, съ членами его отъ духовенства.

Не осталась безъ вниманія и помощи и бібліотека семинарская и духовно-училищная, на улучшеніе которыхъ владыка нескучно удѣлялъ изъ своихъ средствъ.

Принося жертвы отъ себя, преосвященный обладалъ замѣчательной способностью изыскивать на воспособленіе духовно-учебнымъ заведеніямъ средства и изъ другихъ источниковъ. Убѣждаясь, насколько воспитанники духовныхъ училищъ, размѣщаясь по частнымъ квартирамъ, преимущественно по городскимъ захолустьямъ, у разной мелкоты, могутъ подвергнуться нравственной порчѣ, архипастыръ счелъ за необходимое при духовныхъ училищахъ устраивать общежитія, по примѣру вологодскаго, уже существовавшаго до него. Для исполненія этого благодѣтельнаго почина, необходимо было при однихъ училищахъ возводить новыя зданія, а въ другихъ производить перестройки и различныя приспособленія. Преосвященный не остановился передъ такими затрудненіями и осуществилъ свое намѣреніе, изыскавъ для того необходимыя средства. Такъ, на этотъ предметъ было отпущено училищамъ: яренско-устьсы сольскому — 3.400 руб., тотемскому, устюжскому и вельскому — по 1.200 руб. каждому; а вологодскому, для расширенія въ немъ помѣщеній общежитія въ болышихъ размѣрахъ, — 3.000 руб.

¹⁾ „Вол. Епарх. Вѣд.“, 1870 г., № 5.

Владыка, при всемъ своемъ стремленіи устроить общежитіе при вологодской семинаріи, по обстоятельствамъ, не могъ осуществить этого благого дѣла; но, тѣмъ не менѣе, въ основу его пожертвовалъ 1.000 рублей.

Въ заботахъ о благосостояніи юнаго поколѣнія духовнаго званія, Палладій, въ то же время, не упускалъ изъ виду и служащаго духовенства. Его полезное служеніе не оставалось безъ наградъ въ предѣлахъ предоставленной епархіальному архіерею власти. Помимо того, каждое доброе дѣло со стороны священно-церковнослужителей на пользу народа, на его духовное просвѣщеніе и утвержденіе въ истинахъ православной вѣры находило въ Палладіи отзывчиваго цѣнителя. Напр., никольскій уѣздный воинскій начальникъ обратился къ преосвященному, съ просьбою разрѣшить священнику Никольскаго Срѣтенскаго собора преподаваніе нижнимъ чинамъ уѣздной команды Закона Божія, съ изъясненіемъ христіанскихъ обязанностей какъ общихъ, такъ и частныхъ, и особенно обязанностей православнаго воина. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что священникъ изъяснилъ желаніе заниматься съ солдатами безвозмездно. Архипастырь, преподавъ свое благословеніе священнику, въ то же время, распорядился огласить поступокъ іерея въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Конечно, такую мѣрою онъ привлекъ къ подобнымъ занятіямъ и прочее духовенство вологодской епархіи.

По мѣрѣ силъ и возможности, владыка старался обезпечить судьбу не только самихъ духовныхъ, но и ихъ семей, въ тѣхъ случаяхъ, когда преклонныя лѣта и другія многоразличныя обстоятельства вынудятъ священно-церковнослужителей остаться за штатомъ, или неумолимая смерть отниметъ у ихъ семей кормильца. Для подобныхъ неблагоприятныхъ случайностей было положено начало эмеритальной кассѣ вологодской епархіи. Кромѣ того, замѣтивъ, что, вопреки ст. II Положенія о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія, въ составѣ попечительства никого не состоитъ изъ членовъ вологодской консисторіи, владыка распорядился о возмѣщеніи такового недостатка, для удобства сношенія и согласованія дѣйствій ¹⁾. Во избѣжаніе же замедленія въ оказаніи пособій нуждающимся, послѣдовало распоряженіе по епархіи, чтобы: 1) о состояніи и средствахъ заштатнаго и сиротствующаго духовенства объявлялось въ клировыхъ вѣдомостяхъ со всею обстоятельностью, и, между прочимъ, откуда и въ какомъ размѣрѣ получается пособіе. 2) Заштатныхъ и сиротствующихъ писать при тѣхъ церквахъ, гдѣ они имѣютъ, а не имѣли мѣста жительства. 3) О смерти ихъ доносить епархіальному попечительству своевременно, и 4) Заштатнымъ и сиротствующимъ объявить, чтобы они въ прошеніяхъ обозначали мѣста своего жительства ²⁾.

¹⁾ „Вол. Епарх. В.“, 1869 г., № 24.

²⁾ „В. Епарх. В.“, 1872 г., № 14.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Палладій постановилъ ¹⁾: впредь до замѣщенія заштатныхъ, не опредѣлять къ церквамъ новыхъ лицъ, за исключеніемъ рукоположенія во священники имѣющихъ академическія степени, или бывшихъ не менѣе трехъ лѣтъ наставниками въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ псаломщики—только кончившихъ курсъ богословскихъ наукъ. Такое постановленіе привело къ тому, что въ вологодской епархіи плачущихъ заштатныхъ не было, ибо они всѣ въ дѣйствительности были утѣшены.

Извѣстно, сколь обременительны и сопряжены съ расходами для иного уѣзднаго духовенства поѣздки въ консисторіи, находящіяся обыкновенно въ губернскихъ городахъ и иногда весьма далеко отстоящія отъ уѣздныхъ и сельскихъ приходоу, въ особенности въ такихъ губерніяхъ, какъ Архангельская или Вологодская ²⁾. Преосвященный прекрасно понималъ, что, напримѣръ, значить пріѣхать въ Вологду изъ какого-нибудь сѣверо-восточнаго села Устьсысольскаго уѣзда, когда самый-то уѣздный городъ отстоитъ отъ епархіальнаго на 877 верстѣ. Между тѣмъ, согласно существовавшему обычаю, метрическія и исповѣдальныя вѣдомости обязаны были привозить въ консисторію сами священнослужители. Для облегченія уѣзднаго и сельскаго духовенства, съ одной стороны, и избавленія отъ—справедливыхъ или несправедливыхъ—нареканій консисторіи, владыка распорядился, чтобы указанныя вѣдомости высылались въ Вологду по почтѣ или чрезъ довѣренныхъ лицъ ³⁾. Распоряженіе это весьма важно и благотѣльно не только для пастырей, но и для пасомыхъ. На проѣздъ священнику, положимъ, даже изъ ближайшаго къ Устьсысольску села, до Вологды и обратно (до 1.800 вер.), требовалось не два, не три дня, а между тѣмъ, въ его отсутствіе, церкви заперта: больные—безъ напутствія, умершіе и родившіеся, одни—безъ погребенія, другіе—безъ крещенія, да и мало ли безъ какихъ остаются молитвословіи прихожане.

Вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе вологодскою епархіею, именно въ 1870 году, архипастырь предпринялъ поѣздку по епархіи и обозрѣлъ семь уѣздовъ. Посѣщая на пути всѣ церкви, монастыри, освящая храмы, рукополагая во священники, іеродіаконы и дьяконы, посвящая въ стихари, награждая наперсными крестами, камилавками, скуфьями и набедренниками и свидѣтельствуя церковныя суммы, доку-

¹⁾ „В. Епарх. В.“, 1873 г., № 14.

²⁾ Отъ губ. г. Вологды отстоятъ: на 205—Тотьма, 267 верстѣ—г. Вельскъ, Великій Устюгъ—на 450, Сольвычегодскъ—543, Никольскъ—616, Яренскъ—720 и Усть-сысольскъ—877 верстѣ. Ближайшіе уѣздные города: Грязовецъ (47 в.), Кадниковъ (42 в.).

³⁾ „Вол. Епарх., В.“, 1869 г., № 23.

менты и книги, владыка близко ознакомился съ состояніемъ вологодской Церкви и бытомъ духовенства ¹⁾).

Объявляя, чрезъ «Епархіальныя Вѣдомости», выводы изъ своихъ обзорѣній, епископъ всѣмъ воздавалъ должное; изъявляя признательность однимъ, въ то же время не потакалъ другимъ. Такъ, въ 1871 г. ²⁾), преосвященный говорилъ: «Не могу оставить безъ замѣчанія и должнаго вразумленія тѣхъ изъ священно-церковно-служителей, между которыми усмотрѣны мною нѣкоторыя неисправности и опущенія по службѣ и недовольно воздержный образъ жизни; въ иныхъ низшихъ членахъ причта замѣчены черты грубости, неуваженія и непослушанія своимъ священникамъ, какъ ближайшимъ ихъ начальникамъ; другіе слабо и неудовлетворительно знаютъ тѣ предметы, которые существенно касаются ихъ долга и званія; индѣ не найдено надлежащаго благоустройства, порядка и чистоты по церквамъ, или самое богослуженіе отправляется спѣшно и не довольно стройно; или не обращается со стороны священниковъ особенной заботливости на проповѣдническую дѣятельность и назиданіе своихъ прихожанъ въ истинахъ вѣры и доброй нравственности. Индѣ церковныя документы ведутся не довольно тщательно и съ отступленіемъ отъ формы; лѣтописи же большею частію состояются по программѣ очень неудовлетворительной» и пр.... Въ виду этого, внушая и вразумляя лицъ, навлекшихъ справедливое негодованіе, владыка подтверждаетъ имъ «позаботиться исправить свои недостатки и къ исполненію своихъ обязанностей быть рачительнѣе».

Онъ усмотрѣлъ также, что многіе дьяконы, при совершеніи литургіи, служатъ безъ подобающаго приготовленія и безъ приобщенія Св. Даровъ, а одинъ позволилъ себѣ это даже въ двенадцатый праздникъ Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня. Дабы разъ навсегда устранить такой, достойный осужденія, произволъ со стороны діаконовъ, преосвященный, чрезъ Епархіальныя Вѣдомости, строго подтвердилъ приходскимъ священникамъ неупустительно наблюдать за дьяконами, чтобы тѣ не приступали къ совершенію литургіи неприготовленными и непремѣнно во всѣ праздничныя и воскресныя дни причащались ³⁾).

Преосвященный Палладій былъ врагъ безыменныхъ писемъ или необоснованныхъ доносовъ и заявленій, а если нѣкоторые изъ нихъ и выдавались какою-либо важною особенностью, то старался предварительно самолично провѣрить ихъ лживость или дѣйствительность. Приводимъ, для подтвержденія, такой случай, изъ путешествія владыки по по обзору епархіи. 10 іюля 1871 г. онъ прибылъ въ самую отдален-

¹⁾ Прибавл. къ № 18 „Вол. Епарх. В.“, 1870.

²⁾ „Вол. Епарх. Вѣд.“, 1871 г., № 22.

³⁾ „Вол. Епарх. В.“, 1872 г., № 22.

нѣйшую обитель, находящуюся въ трудно-проѣзжей лѣсистой мѣстности, на сѣверо-востокъ Устьсысольскаго уѣзда, въ 1.200 верстахъ отъ Вологды, — такъ называемую Свято-Стефановскую Троицкую Ульянову пустынь. Архіерей радостно и восторженно былъ принять братією и окрестнымъ населеніемъ, никогда не видѣвшимъ своихъ владыкъ. Привѣтствуя иночествующихъ, его преосвященство высказалъ всю важность просвѣтительнаго значенія обители въ столь захолустномъ краѣ, мало просвѣщенномъ, среди зырянъ и раскольниковъ. Пробывъ въ монастырѣ болѣе сутокъ, епископъ участвовалъ почти во всѣхъ богослуженіяхъ, при неимовѣрномъ стеченіи народа.

Архипастырѣ до мельчайшихъ подробностей обзрѣлъ обитель во всѣхъ отношеніяхъ; особенное же вниманіе обратилъ на происходившую въ то время постройку собора, въ которомъ указалъ быть тремъ предѣламъ внизу и одному въ верхнемъ ярусѣ, что придадо храму красоту и величественность. По окончаніи обзрѣнія, владыка, какъ человѣкъ прямой, высокой и благородной души, въ бесѣдѣ съ настоятелемъ, архимандритомъ Матееемъ († 11-го апрѣля 1895 г.), между прочимъ, сказалъ: «Ну, отецъ архимандритъ, не чаялъ я встрѣтить здѣсь то, что нашель. Вѣдь я ѣхалъ сюда съ цѣлію закрыть монастырь, а теперь воочію убѣдился, что мнѣ о немъ наговорили много клеветы; вы здѣсь устроили цѣлую лавру; и нынѣ не о закрытіи помышлять, а остается безконечно благодарить васъ за все» ¹⁾.

Хотя зыряне и поголовно исповѣдуютъ православіе, однако донинѣ еще не искоренилось между ними множество предразсудковъ, суевѣрія — остатковъ язычества; въ особенности коснѣеть въ глубокомъ невѣжествѣ женскій полъ, въ чемъ епископъ самолично убѣдился во время объѣзда епархіи. Для поднятія нравственнаго и умственнаго уровня зырянъ, просвѣщенія ихъ въ духѣ православія, владыка пришелъ къ убѣжденію о настоятельной необходимости учрежденія въ Зырянскомъ краѣ женскаго монастыря, съ пригготовительнымъ женскимъ училищемъ исключительно для пріюта, воспитанія и обученія зырянскихъ дѣвочекъ въ духѣ православія. По различнымъ обстоятельствамъ, онъ не успѣлъ осуществить своей мысли; тѣмъ не менѣе въ настоящее время, въ Яренскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, устроенъ Крестовоздвиженскій женскій монастырь, на средства благотворителей. Пользуясь по мѣрѣ силъ и возможности каждымъ случаемъ къ утверженію истинъ православія среди пасомыхъ глухихъ мѣстностей, Палладій стремился къ увеличенію числа церквей. Такъ, въ селеніяхъ Савиноборскомъ и Шугурскомъ, Устьсысольскаго уѣзда, на рѣкѣ Печорѣ, двѣ церкви построены были еще въ 1866 году, подъ наблюденіемъ вологодской палаты государственныхъ имуществъ. За упраздне-

¹⁾ „Вол. Епарх. Вѣд.“ 1899 г., № 3.

ніемъ палаты, церкви переданы были въ вѣдѣніе прихожанъ. Но тѣ, почему-то, до 1870 года, не могли привести церквей въ должное благоустройство, и онѣ оставались неосвященными. Между тѣмъ, двѣ временныя, подвижныя церкви, изъ фламскаго полотна, сооруженныя съ 1858 года, для Печорскаго края, отъ давности значительно обветшали. При объѣздѣ, въ 1870 году, епархіи, преосвященный замѣтилъ печальное состояніе этихъ четырехъ церквей. Приписывая бѣдности жителей незаконченность храмовъ въ селеніяхъ Шугурскомъ и Савиноборскомъ, онъ немедленно распорядился о скорѣйшемъ устройствѣ этихъ двухъ церквей; а для восполненія недостатка въ иконахъ, утвари, богослужебныхъ книгахъ и ризницѣ, пригласилъ болѣе достаточныя приходы епархіи къ пожертвованіямъ этими предметами, изъ числа излишнихъ ¹⁾.

Вообще, слѣдуетъ сказать, что во время служенія епископа Палладія на вологодской каѳедрѣ, церковно-строительное дѣло получило широкое распространеніе въ епархіи и, между прочимъ, особенно въ Грязовецкомъ уѣздѣ.

Независимо отъ этого, преосвященный обратилъ особенное вниманіе на сохраненіе памятниковъ старины, такъ нещадно уничтожаемыхъ или обезображиваемыхъ нѣкоторыми неразумными новаторами. Вологодскій архіерейскій домъ представляетъ замѣчательное по красотѣ сооруженіе, основаніе котораго относится къ 80-мъ годамъ XVI столѣтія. Первоначально всѣ зданія въ немъ, вмѣстѣ съ оградой, были деревянныя, и только между 1654—1659 годами началось возведеніе каменныхъ строеній. Все пространство подъ домомъ, садомъ и огородами занимаетъ 500 сажень въ окружности. Оградныя вокругъ дома стѣны возведены при архіепископѣ Симонѣ въ 1671—1675 годахъ, и притомъ—что замѣчательно—почти безденежно, изъ-за одного куска хлѣба, въ которомъ нуждался рабочій людъ по случаю бывшаго въ то время голода. Въ вологодскомъ архіерейскомъ домѣ гащивалъ неоднократно Петръ Великій (въ 1693, 1702 и 1724 годахъ). Въ 1775 году, 10-го іюля, при преосвященномъ Иринеѣ, въ архіерейскомъ домѣ происходило великолѣпное празднованіе по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, а въ 1824 году, 10-го октября, здѣсь останавливался императоръ Александръ I, который, по преданію, долго бесѣдовалъ, наединѣ, съ архіереемъ Онисифоромъ ²⁾. Владыка Палладій, для удержанія отъ паденія древней оградной вокругъ архіерейскаго дома стѣны, на южной сторонѣ возвелъ три кирпичныя, высокіе и красивые контрфорса, цѣлностью, съ работой и матеріаломъ, свыше двухъ тысячъ рублей ³⁾.

¹⁾ „Вол. Епарх. Вѣд.“, 1870 г., № 6.

²⁾ Прибавлен. къ „Вол. Епарх. Вѣд.“, 1869 г.

³⁾ „В. Епарх. В.“ 1873 г., № 14.

Ревнуя объ устройствѣ, размноженіи и благолѣпіи храмовъ Божіихъ, требуя отъ подчиненнаго духовенства строгаго исполненія принятыхъ имъ на себя обязанностей пасти стадо Христово, владыка самъ первый подавалъ тому примѣръ: онъ служилъ часто, величественно, благоговѣйно, со всевозможною торжественностью, при каждомъ случаѣ поученія, благотѣлельно дѣйствовавшія на слушателей-мірянъ, переполнявшихъ храмы всюду, гдѣ бы преосвященный Палладій ни служилъ. Онъ влекъ къ себѣ сердца мірянъ и память о немъ навсегда осталась среди нихъ. «Служака, хорошій былъ архіерей, охъ, какой хорошій»:—отзываются и понынѣ люди самые простые изъ среды вологжанъ ¹⁾). Духовенство вологодской епархіи съ первыхъ шаговъ оцѣнило своего архипастыря. Такъ, еще въ 1873 году, съѣздомъ духовенства, по случаю выборовъ благочинныхъ, ему былъ поднесенъ адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Еще не много лѣтъ прошло, какъ ты принялъ въ управленіе нашу паству, но благотворной дѣятельности твоей уже и за это время достаточно, чтобы имя твое занесено было въ лѣтописи Церкви вологодской на-ряду съ именами самыхъ приснопамятныхъ ея іерарховъ. Ты воистину пастырь добрый... Правда и милость господствуютъ въ судѣ твоемъ; отеческое благодушіе и снисходительность отличаютъ обращеніе твое съ подчиненными. Усердно служа Церкви, ты и самъ любитель украшать храмы Божіи, и въ другихъ дѣлательно разогрѣваешь ревность о благолѣпіи святыни. Ты истинный радѣтель и неустанный печальникъ о просвѣщеніи духовнаго юношества и, въ заботахъ своихъ о преуспѣяніи учебнаго дѣла, не ограничиваешься однимъ просвѣщеннымъ руководительствомъ, но не щадишь при этомъ и достоянія своего, съ примѣрною педросью удѣляя отъ онаго на нужды учащихся. Ты съ отеческою любовію охраняешь интересы и блюдеши права подчиненнаго тебѣ духовенства» ²⁾).

Вступивъ въ званіе предсѣдателя училищнаго совѣта въ 1869 г., Палладій неустанно заботился, чтобы, «дружная дѣятельность его членовъ оказала благотворное вліяніе на развитіе начальнаго народнаго образованія губерніи» ³⁾). Это пожеланіе архипастыря оправдалось и его собственные труды оказались столь плодотворны, что за его время школы получили широкое развитіе. «Миссіонерское общество для содѣйствія распространенію христіанства между язычниками», переименованное въ 1870 году въ «Православное миссіонерское общество», напло

¹⁾ „Правосл. Собесѣдн.“ 1869 г., январь.

²⁾ „Очеркъ дѣятельности высокопр. Палладія до вступленія его на кафедру митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго“. Тифлисъ, 1892 г., стр. 5.

³⁾ „В. Епарх. В.“ 1870 г., № 1.

въ епископѣ Палладіи пламеннаго себѣ приспѣшника. Онъ изъ числа первыхъ, 22-го ноября того же года, открылъ епархіальный миссіонерскій комитетъ. Открытіе состоялось въ архіерейскомъ домѣ. По совершеніи въ соборѣ литургіи и молебна, Палладій, послѣ краткой молитвы и объясненія потребностей миссіонерскаго общества и обязанностей его членовъ, вступилъ въ права предсѣдателя комитета. Послѣ выбора членовъ, присутствовавшими сразу же пожертвовано было на нужды общества свыше 800 рублей. Кромѣ того, 21-го января 1871 г., преосвященный обратился къ вологодской паствѣ съ воззваніемъ, которымъ приглашалъ желающихъ «оказать, какую кто можетъ, помощь великому отечественному христіанскому дѣлу» ¹⁾. Воззваніе не осталось безплоднымъ, и въ комитетъ, по 1-е января 1873 г., поступило пожертвованій въ пользу миссіонерскаго общества до 5.000 р. ²⁾.

16-го апрѣля 1872 г., «въ воздаяніе отлично ревностнаго служенія, неуспышной заботливости о благоустройствѣ вологодской епархіи и состоящихъ въ ней духовныхъ училищъ и отеческой попечительности о сирыхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ, преосвященный Палладій всемілостивѣйше соприсчисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени». Черезъ годъ же съ небольшимъ (13-го іюня 1873 года), онъ былъ назначенъ на Тамбовскую архіерейскую кафедру ³⁾.

15-го іюля, въ Софійскомъ вологодскомъ соборѣ, по совершеніи епископомъ Палладіемъ литургіи, при огромномъ стеченіи народа, состоялось его прощаніе съ паствою. Извѣстивъ присутствующихъ въ соборѣ о назначеніи своемъ въ Тамбовъ и выразивъ, что душа его глубоко исполнена благодарности ко всѣмъ сословіямъ паствы за миролюбивыя къ нему отношенія, предупредительное вниманіе и почтительное обращеніе, всегдашнюю готовность на все доброе, а особенно за то благочестивое усердіе, съ какимъ вологжане стекались всегда на божественныя службы, имъ совершаемыя, любили съ нимъ молиться и не тяготились продолжительностью службы, владыка продолжалъ: «Возлюбленная паства вологодская, миръ Христовъ и Божіе благословеніе призываю на тебя. Миръ и благословеніе тебѣ, спасаемый градъ сей, осѣняемый драгоцѣнною святынею чудотворныхъ иконъ и святыхъ мощей; да цвѣтешь и возрастаешь въ благосостояніи своемъ. Буди миръ въ домахъ вашихъ и въ сердцахъ вашихъ. Самъ Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ образѣ (2 Сол. 3, 16).—Взаимно прошу и отъ васъ себѣ мира и благопожеланія, да подѣ благословеніемъ Всемилостиваго

¹⁾ „В. Епарх. В.“ 1871 г., № 1.

²⁾ „Высокопр. Палладій“ (къ 30-ти-лѣтію служенія его въ святительск. санѣ. 1896 г., стр. 10.

³⁾ Послужн. списокъ митрополита Палладія.

Спаса и подъ покровомъ Пресвятыя Богородицы миренъ будетъ исходъ мой на дѣланіе въ другомъ мѣстѣ. Простите и вы всѣ, возлюбленные братіе, и отпустите меня съ миромъ и любовію, которую всегда являли ко мнѣ, не помня и простивъ мнѣ, аще кто имѣетъ на меня какое либо огорченіе. Я же, съ своей стороны никѣмъ не огорченъ, всѣми доволенъ, всѣмъ благодаренъ, всегда и вездѣ, гдѣ бы я ни былъ, не престану считать васъ присными своими и молиться о вашемъ благосостояніи»¹⁾. Владыка кончилъ рѣчь, обращаясь къ находившейся и въ это время держимой подлѣ него чудотворной иконѣ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, съ словами: «Призри, Владычица Богородица, Заступница Усердная! къ Тебѣ нынѣ усердно притекаю и молю Тебя: покрый, и соблюди, и спаси страну сію и люди Твои сіи отнынѣ и до вѣка». Послѣ сего архипастырь троекратно осѣнилъ иконою предстоящихъ, при пѣніи хоромъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ»!

Какою величественною библейскою простотою и смиреніемъ дышутъ въ рѣчи отходяшаго архіерея слова: «отпустите меня съ миромъ и любовію. Я никѣмъ не огорченъ, всѣми доволенъ, всѣмъ благодаренъ!» Какъ ярко они изображаютъ любвеобильную, всепрощающую душу отходящаго святителя!—Въ отвѣтъ на слова преосвященнаго, одинъ изъ священниковъ, отъ лица вологодскаго духовенства, произнесъ слово, въ которомъ, изобразивъ всю благодѣтельность четырехлѣтняго пребыванія духовенства подъ его кроткимъ и мудрымъ управленіемъ, закончилъ его такъ: «Прости, нашъ незабвенный архипастырь. Ты не на торжищѣ ꙗкомъ либо, но въ самыхъ сердцахъ нашихъ воздвигъ себѣ памятникъ, ничѣмъ несокрушаемый, и положилъ на немъ надпись изъ словъ не человѣческихъ, но Господнихъ: «шедше, научитесь, что есмь: милости хочу» (Мѣ. 9, 13. Осн, 6, 6). Прости, высоко-милостивый отецъ нашъ, и благослови насъ послѣднимъ твоимъ благословеніемъ»²⁾.

23-го іюля преосвященный Палладій вступилъ уже въ управленіе тамбовскою епархіею.

1-го января 1874 года онъ былъ привѣтствованъ депутатами отъ купцовъ г. Вологды, не забывшихъ любимаго владыку и въ новомъ мѣстѣ служенія. При этомъ вологодскій городской голова (Волковъ), находившійся въ составѣ депутаціи, поднесъ святителю: въ сребропозлащенной, укра-

¹⁾ „Волог. Епарх. Вѣд.“, 1873 г. № 14. Въ „Словахъ и рѣчахъ“ (изданіе 1881 г.) это прощальное слово напечатано въ значительно измѣненномъ видѣ).

²⁾ Тамъ же.

шенной драгоценными камнями ризѣ икону Всемилостиваго Спаса,—копію съ вологодской святыни, находящейся въ вологодскомъ Всеградскомъ Спасообыденномъ храмѣ ¹⁾).

Въ адресѣ, купеческое общество просило его преосвященство принять икону, «какъ священный знакъ ихъ любви къ бывшему архипастырю, залогъ и памятникъ всегдашней признательности вологодскаго купеческаго общества. Съ своей стороны и вологодское духовенство, дворянство и прочіе граждане Вологды, въ 1875 г., выразили свою благодарность къ отшедшему архипастырю пожертвованіемъ капитала на учрежденіе, съ высочайшаго соизволенія, въ вологодской духовной семинаріи стипендіи его для одного изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ. Такова была первая ступень самостоятельнаго служенія усопшаго святителя, въ качествѣ епархіальнаго архіерея,—служенія благодѣтельнаго и славнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

П. Вышеславцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Празднованіе образу Всемилостиваго Спаса совершается въ Вологдѣ 18-го октября. Покойный митрополитъ въ этотъ день всегда самъ служилъ предъ иконою Спаса молебень. Завѣщавъ поднесенную вологжанамъ икону старшему сыну, владыка повелѣлъ хранить ее какъ особую святыню. Замѣчательно, что 18-го же октября состоялось назначеніе высокопреосвященнаго митрополита.

О поселеніи бѣглыхъ солдатъ въ Новороссійской губерніи.

Рескриптъ императора Павла I тайн. сов. Селецкому.

25-го октября 1797 г. Гатчина.

Господинъ тайный совѣтникъ и Новороссійскій губернаторъ Селецкій. Для поселенія отысканныхъ въ Новороссійской губерніи по разнымъ помѣщичьимъ и казеннымъ деревнямъ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ, на пустопорожихъ земляхъ назначенныхъ генераломъ-лейтенантомъ и Екатеринославскимъ военнымъ губернаторомъ Бердяевымъ, между городами Ольвѣополемъ и Николаевымъ, повелѣвамъ вамъ по сношенію съ помянутымъ военнымъ губернаторомъ построить къ будущей веснѣ потребныя жилища принявъ заблаговременно всѣ нужныя мѣры къ такому означенныхъ людей переселенію; что мы возлагая на особенное ваше попеченіе и дѣятельность, пребываемъ вамъ благосклонны.

Отвѣтственность губернатора за продовольствіе войскъ.

Рескриптъ императора Павла I тайн. сов. Селецкому.

20-го января 1798 г. С.-Петербургъ.

Господинъ тайный совѣтникъ и Новороссійскій губернаторъ Селецкій. По разсмотрѣніи рапорта вашего о недостаткѣ дровъ и камыша для войскъ, квартирующихъ въ губерніи вамъ ввѣренной, я ничего иного не нахожу вамъ сказать какъ только, что продовольствіе оныхъ войскъ всѣми нужными потребностями останется на собственномъ вашемъ отвѣтѣ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.

Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.

VI 1).

Мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ о запискѣ Апраксина и о всеподданнѣйшихъ адресахъ при представленіи ихъ въ главный комитетъ.—Отъѣздъ депутатовъ.—Временное успокоеніе умовъ и торжество комисіи.—Начало зимы 1860 года.—Кончина Я. И. Ростовцева.—Ланской предлагаетъ себя на его мѣсто.—Отвѣтъ государя и назначеніе графа Паянна.—Нѣсколько записокъ Ланскаго къ Н. А. Милютину.

Четыре осенніе мѣсяца 1859 года (августъ, сентябрь, октябрь и первая половина ноября) прошли въ сильной агитаціи. Это время изобилуетъ доносами, записками, адресами и заграничными брошюрами противъ редакціонной комисіи. Наибольше замѣчательные по тону и содержанію были: записка В. Апраксина, Зибергъ-Платера, Безобразова и брошюры: Безобразова же, Орлова-Давыдова и Кошелева, два поданные адреса (за подписью 5-ти и 18-ти членовъ) и копія съ неподаннаго адреса. Взглядъ на нихъ Николая Алексѣевича и его товарищей обнаруживается въ слѣдующихъ запискахъ министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго.

1.

Секретное мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, по поводу врученной ему государемъ записки В. Апраксина, 31-го августа 1859 года.

Прочитавъ со вниманіемъ записку Апраксина, я убѣдился, что она заключается въ себѣ тѣ же основныя идеи и такія же стремленія, какія

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ мартъ 1899 г.

высказываются, съ нѣкоторыми лишь отгѣнками, въ рукописномъ проектѣ адреса, ходящаго по рукамъ, въ двухъ печатныхъ запискахъ Николая Безобразова (изъ коихъ одну онъ самъ мнѣ читалъ въ рукописи годъ тому назадъ), въ мнѣніи написанномъ Михаиломъ Безобразовымъ и представленномъ официально членомъ здѣшняго комитета Платоновымъ; въ брошюрѣ графа Орлова-Давыдова, напечатанной въ Парижѣ; наконецъ въ брошюрахъ Шедо-Ферротти (барона Фиркса) и въ разныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ теченіе двухъ минувшихъ лѣтъ въ иностранныхъ журналахъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ проявляется мысль о дарованіи русскому дворянству участія и власти въ дѣлахъ политическихъ.

Разговоры мои съ помянутыми лицами и съ другими, не столь явно выражающими свою задушевную мысль, подтверждаютъ мое убѣжденіе. Но если бы, на этотъ счетъ могло быть какое либо сомнѣніе, то оно вполне устраняется послѣднимъ разговоромъ моимъ съ Апраксиннымъ.

Когда я объявилъ ему приказаніе вашего величества, то онъ, покаясь искренно вашей волѣ, выразилъ прискорбіе, что вы могли усумниться въ чистотѣ его побужденій, полагая что онъ кому либо сообщилъ изложенную передъ вами откровенную свою исповѣдь. Но тѣмъ не менѣе, въ развитіе своихъ мыслей онъ положительно высказалъ, что, упоминая объ уступкѣ дворянству части правительственной власти, помышлялъ о конституціи, что эта мысль распространена повсемѣстно въ умахъ всѣхъ дворянъ и что если правительство не внемлетъ такому общему желанію, то должно будетъ ожидать весьма опасныхъ послѣдствій.

Вотъ окончательная разгадка всѣхъ разнородныхъ брошюръ, мнѣній и записокъ, которыми нѣкоторые лица старались послѣднее время дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Съ самаго появленія рескриптовъ, противники освобожденія крестьянъ пугали, что дворянство въ замѣнъ крѣпостного права, требуетъ правъ политическихъ. Думаю, что и теперь есть люди, которые говорятъ о конституціи лишь съ цѣлью напугать правительство и задержать крестьянское дѣло. Но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые дѣйствительно желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобъ повемногу ввести представительное начало въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ.

Всѣ поименованныя статьи и брошюры служатъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ. Вообще послѣднее время, такое стремленіе стало являться особенно въ высшихъ кругахъ съ такою гласностью и смѣлостью, которая, какъ думаю, не должны быть терпимы. Зараженные аристократическими идеями или, лучше сказать, властолюбіемъ и чванствомъ, нѣкоторые изъ нашихъ баричей мечтаютъ о Болрской думѣ.

т. е. правленіи олигархическомъ. Другіе прославляютъ англійское устройство, и требуютъ сословнаго самоуправленія, къ нимъ присоединяются нѣкоторые изъ провинціальныхъ дворянъ, далеко не аристократы по рожденію, образованію и общественному положенію своему, но требующіе тоже дворянскаго представительства. Это движеніе очевидно вызвано горстью людей, которые не могли бы подвинуть массу дворянства, еслибъ они не возбуждали страстей, разыгравшихся по случаю крестьянскаго вопроса. Мои сношенія, какъ officialныя, такъ и частныя, убѣждаютъ меня, что дворянство, въ общей массѣ, не можетъ и не должно мечтать о представительномъ правленіи, какъ совершенно противномъ и нашимъ нравамъ, и степени образованія, и кореннымъ государственнымъ интересамъ.

Въ этомъ отношеніи нельзя не полагаться на общій здравый смыслъ и практическій складъ русскаго ума. Но въ настоящее время, происки нѣсколькихъ честолюбцевъ могутъ производить минутное дѣйствіе на дворянъ болѣе покойныхъ и благоразумныхъ. Самыя несправедливыя обвиненія, скажу даже—клеветы противъ правительства распространяются людьми, несочувствующими предпринятой реформѣ, не исключая, къ сожалѣнію, даже лицъ высшаго управленія. Такимъ образомъ искусственно поддерживается и разжигается неудовольствіе въ дворянствѣ, которое безъ того не помышляло бы о конституціонномъ правленіи. Этимъ объясняются отчасти слова Апраксина, котораго нельзя подозрѣвать ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ, но который по слабости легко поддается подъ чужое вліяніе.

Самый грустный фактъ тотъ, что противодѣйствіе волѣ вашего величества находитъ наиболѣе горячихъ представителей въ томъ кругу, который приближенъ ко двору и своимъ положеніемъ дѣйствуетъ обязательно на массу. Изъ лицъ этого круга большая часть или вовсе не желаетъ освобожденія крестьянъ, или требуетъ освобожденія безземельнаго.

Теперь желаютъ воспользоваться прибытіемъ вызванныхъ сюда членовъ губернскихъ комитетовъ, стараясь дать имъ значеніе депутатовъ дворянства. Нѣкоторые изъ членовъ, наиболѣе властолюбивые, пытаются образовать общіе съѣзды или совѣщанія всѣхъ, такъ называемыхъ, депутатовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что они не удовольствуются разсужденіями о примѣненіи общихъ правилъ къ каждой мѣстности, но будутъ прямо или косвенно опровергать самыя начала, изложенныя въ рескриптахъ, въ дополнительныхъ постановленіяхъ и особенно въ высочайше утвержденномъ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря 1858 года.

Если губернскимъ членамъ удастся устроить изъ себя особое совѣщательное собраніе, то они не остановятся на этомъ. Уже теперь

заявляется ими мысль, что надо дожидаться членовъ изъ остальныхъ губерній. Кромѣ того, многіе открыто выражаютъ необходимость общаго дворянскаго собранія, для рѣшенія крестьянскаго дѣла, согласно съ извѣстнымъ рукописнымъ проектомъ адреса.

Не смѣю скрыть отъ вашего императорскаго величества глубокое убѣжденіе мое, что такое положеніе дѣла весьма важно, ибо грозитъ поколебать государственное спокойствіе.

Понятно, что руководители всего этого движенія стараются прикрыть его разными законными причинами и, выражая свою вѣрноподданническую преданность, громко устраняютъ отъ себя всякое подозрѣніе въ преступномъ посягательствѣ на самодержавную власть.

Но справедливо ли это?

Записка Апраксина и поименованные выше проекты и статья даютъ возможность прослѣдить главные доводы въ подтвержденіе предъявленныхъ требованій.

1. «Въ упраздненіи крѣпостного права видятъ нарушеніе правъ дворянства».

Еслибъ въ этомъ обвиненіи была тѣнь справедливости, то и тогда оставалось бы только сказать, что крѣпостное право, какъ несовмѣстное съ высшими государственными интересами, терпимо быть не можетъ. Но правды въ этомъ доводѣ нѣтъ. Въ дворянской грамотѣ о крѣпостномъ правѣ вовсе не упоминается. Тамъ говорится только объ исключительномъ правѣ дворянства на владѣніе населенными имѣніями. Очевидно, что предоставленіе личныхъ правъ крестьянамъ, населяющимъ эти имѣнія, нисколько не нарушаетъ прежняго права. Тутъ не только нѣтъ никакого униженія для дворянства (какъ говорятъ противники освобожденія), но значеніе его возвысится, ибо отношенія его къ крестьянамъ будутъ болѣе правильныя и слѣдовательно болѣе нравственныя.

2. «Обязательная продажа усадьбъ и отводъ крестьянамъ земель—нарушаетъ права поземельной собственности».

Противъ этого было уже столько сказано, что я считаю излишнимъ утруждать вниманіе ваше новыми доказательствами. Могу только сказать, что всегда и вездѣ частное право подчинялось общему государственному, что опытъ всѣхъ державъ доказываетъ вредъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, и что въ купъ усадьбы и отводъ крестьянамъ земля допускается не даромъ, но за опредѣленную повинность.

По указаніямъ вашего величества, правительство ищетъ самаго полнаго и безобиднаго вознагражденія помѣщикамъ, и только при мирномъ и законномъ разрѣшеніи вопроса властью одного правительства цѣль эта будетъ достигнута. Примѣръ Австрій и другихъ государствъ показываетъ, что въ этомъ отношеніи всего опаснѣе для

самихъ помѣщиковъ, когда разрѣшеніе сложнаго крестьянскаго дѣла уклоняется отъ законнаго пути. Только въ такомъ случаѣ, охраненіе общественнаго спокойствія могло бы отодвинуть на второй планъ частный интересъ землевладѣльцевъ. Съ помощью Божіею, этого не случится. Но дворянство должно содѣйствовать правительству, показывая примѣръ безусловнаго повиновенія, а не возбуждать среди себя бесплоднаго волненія противъ установленныхъ властей, и тѣмъ вызвать, быть можетъ, болѣе гибельныя волненія въ народѣ.

3. «Помѣщики потеряютъ большую часть своихъ доходовъ».

Это опасеніе стало особенно распространяться въ послѣднее время. Нѣкоторые распускаютъ слухъ, будто помѣщики лишатся $\frac{2}{3}$ своихъ доходовъ; но такое преувеличенное показаніе рѣшительно основано на одномъ лишь гаданьи или съ намѣреніемъ волновать и пугать умы. На самомъ дѣлѣ оказывается, что въ настоящее время (далеко не спокойное) при продажѣ имѣній, цѣны на нихъ не только не падаютъ, а постоянно возвышаются. Не лучшее ли доказательство противнаго, не лучшее ли опроверженіе противъ алармистовъ?

За границу, при уничтоженіи крѣпостнаго права, да и вообще при всякой экономической реформѣ, всегда дѣйствовали на общественное мнѣніе подобными же опасеніями. Но исторія показываетъ что они не оправдались. Вездѣ съ освобожденіемъ крестьянъ цѣнность имѣній возвысилась; владѣльцы земель не потеряли, а выиграли, и самое земледѣліе не только не погибло (какъ у насъ пугаютъ) но значительно улучшилось, потому что стало производиться на болѣе рациональныхъ основаніяхъ.

Объ этомъ есть замѣчательная статья извѣстнаго экономиста Моллнари. Онъ сравниваетъ нашу реформу съ англійскою Роберта Пилля и дѣлаетъ весьма успокоительныя для нашей выводы.

4. Наконецъ, нападаютъ на всю администрацію, на развитіе бюрократіи, на учрежденіе полиціи отъ правительства, и, особенно, на власть губернаторовъ. Отсюда выводять необходимость: ввѣрить администрацію дворянству и даже предоставить ему постоянныхъ представителей въ высшемъ государственномъ управленіи.

Конечная цѣль такого направленія очевидна и прямо выражена въ откровенномъ сознаніи Апраксина, самимъ имъ, можетъ быть, неопредѣляемой.

Недостатки нашей администраціи извѣстны вашему величеству. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ я излагалъ искренно слабыя стороны внутренняго управленія и по высочайшей волѣ предприняты обширныя работы по этой части. Теперь составляются проекты обо устройствѣ уѣздной полиціи, согласно съ утвержденными началами. Затѣмъ будутъ

представлены соображенія о соответственныхъ измѣненіяхъ въ губернскомъ управленіи и даже въ составѣ самаго министерства.

Всѣ эти перемѣны требуютъ зрѣлаго обсуждения и времени, какъ на составленіе положенія, такъ особенно на приведеніе ихъ въ дѣйствіе. Онѣ находятся въ тѣсной связи съ преобразованіями по судебной части, изъ коихъ нѣкоторыя уже разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ, улучшенія предприняты въ широкихъ размѣрахъ и будутъ вводиться съ должною постепенностью.

Среди этихъ правительственныхъ трудовъ, вызванныхъ заботливостью вашею о благѣ вашего народа, общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія.

Полагаютъ, что стоитъ передать административную власть дворянству, чтобы исправить всѣ нынѣшніе недостатки. Но на чемъ же это основано? Дворянство, какъ сословіе, ничѣмъ еще не доказало своихъ административныхъ знаній и способностей. Напротивъ, всѣ дѣла, которыя поручались до сихъ поръ сословному управленію дворянства, шли крайне дурно. Примѣромъ могутъ служить хозяйственныя распоряженія по бывшему ополченію; другой примѣръ вѣковой—дворянскія опеки. Въ нихъ, какъ и въ другихъ дворянскихъ дѣлахъ, распоряжаются преимущественно канцеляріи, составленныя изъ чиновниковъ низшаго разбора. Да и кто главные злоупотребители и лихоимцы, если не исправникъ и не судья, избираемые дворянствомъ? Даже лица, назначаемыя правительствомъ, принадлежатъ почти исключительно дворянскому сословію и потому на него же падаетъ большая часть упрековъ, дѣлаемыхъ мѣстному управленію. И при такомъ низкомъ уровнѣ нашего общества мечтаютъ о сословномъ управленіи и даже конституціи!

Все это есть не что иное, какъ пошлое подражаніе иностраннымъ памфлетистамъ, происходящее отъ совершеннаго незнанія отечественнаго быта и крайней незрѣлости въ мысляхъ.

Этимъ однимъ можно объяснить дерзкія выходки, коими наполнены поименованныя выше записки и статьи. Вамъ, государь, осмѣливаются говорить, что всякое довѣріе къ правительству потеряно и что оно не способно для предстоящей реформы; осмѣливаются бездоказательно порицать всѣ правительственныя распоряженія и клеветуютъ на мѣстныя управленія, будто они насловали выборы членовъ въ губернскіе комитеты, доходятъ, наконецъ, до безмысленной дерзости: будто правительство призвало дворянство къ участию въ крестьянскомъ дѣлѣ лишь для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія.

При такомъ образѣ дѣйствій, стараются обвинять нынѣшнихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу въ какихъ-то анархическихъ за-

мыслахъ. Вообще, всѣ противники освобожденія крестьянъ и явно, и тайно сосредоточиваютъ теперь всю свою оппозицію противъ редакціонныхъ комиссій. Говорятъ, и до свѣдѣнія вашего доводится, что всѣ вообще недовольны работами комиссій, «что они не обращаютъ вниманія на мнѣнія губернскихъ комитетовъ, и что въ нихъ преобладаетъ мысль односторонняя, враждебная дворянству».

Неудовольствіе помѣщиковъ понятно. Оно возбуждено было еще рескриптами. Имъ тяжело разставаться съ плантаторскими преимуществами. Теперь, стыдясь въ этомъ сознаться, сплется принять размѣры политической оппозиціи.

Что касается до труженническихъ работъ комиссій, то ихъ порицаютъ больше по слуху, ограничиваясь лишь общими мѣстами, и не входя вовсе въ подробности, для публики столичной и даже губернской мало доступныя, которая комиссіями добросовѣстно разбирается.

Второе обвиненіе также несправедливо. Проекты губернскихъ комитетовъ тщательно и, смѣю сказать, мелочно соображены и разработаны сперва въ министерствѣ, потомъ редакціонныя комиссіи сводятъ всѣ проекты, сличаютъ ихъ между собой и излагаютъ подробно причины, почему то или другое предположеніе не принято. Понятно, что губернскіе проекты не могутъ быть безусловно принимаемы, уже потому, что они между собой не согласны. Комиссіи даютъ предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые сообразнѣе съ указанными началами. Это не можетъ нравиться лицамъ, которые съ оимъ проектомъ силились сдѣлать общимъ, навязавъ его правительству вопреки высказаннымъ началамъ.

Если такимъ образомъ не доказана односторонность взгляда комиссій, то еще труднѣе будетъ доказать враждебное ея противъ дворянства направленіе.

Комиссіи составлены почти исключительно изъ помѣщиковъ, большею частью постоянно жившихъ въ деревняхъ, знакомыхъ и съ дворянскимъ въ провинціи, и съ крестьянскимъ бытомъ, и они хотя обнаруживаютъ свое сочувствіе къ улучшенію быта крестьянъ, но не имѣютъ никакой причины жертвовать законными интересами своего собственнаго сословія.

Я могу говорить безпристрастно, ибо въ назначеніи членовъ не имѣлъ иного участія, какъ только изъявилъ согласіе на назначеніе такихъ изъ нихъ, которые состоятъ подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ (3-хъ чл. изъ 30-ти). Поэтому, смѣю положительно сказать, что избраны были люди даровитые, знающіе дѣло и вообще достойные этого призванія. Большая часть изъ нихъ доказали и въ губернскихъ комитетахъ свои способности и душевное расположеніе къ предпріятному вашему императорскимъ величествомъ преобразованію.

Задача имъ предстоитъ трудная, ибо они должны отвѣтъ дать передъ совѣстью, передъ вами, государь, и предъ потомствомъ.

Ихъ преслѣдуютъ общими ни на чемъ положительно неоснованными обвиненіями, прикрывая тѣмъ тайное враждебное направленіе на добросовѣстный и отчетливый трудъ людей, посвятившихъ себя по волѣ вашей великому для блага Россіи дѣлу.

Чтобы довершить святое это дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить общественное спокойствіе, необходимо устранить враждебные происки, не допуская разыгрываться партіямъ и смыкаться имъ въ политическую оппозицію.

Вмѣшательство дворянскихъ депутатовъ въ рѣшенія крестьянскаго дѣла неминуемо повлечетъ за собою новыя требованія; уже и теперь гласно показываютъ желаніе вмѣшиваться въ финансовыя вопросы, преувеличивая затруднительное ихъ положеніе. Если вызванные изъ губерній члены проявятъ свое противодѣйствіе высочайшей волѣ подь какимъ бы благовиднымъ предлогомъ ни было, то нельзя терпѣть подобныхъ проявленій ¹⁾ въ виду высказанныхъ конституціонныхъ стремленій.

Самодержавная власть опирается въ Россіи не на политическихъ расчетахъ одного сословія, но на задушевныхъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ всего народа.

Одно опасно: если народъ потеряетъ вѣру въ слово государя. Крестьяне знаютъ царскую волю объ улучшеніи ихъ участи, ждутъ исполненія съ примѣрнымъ терпѣніемъ и покорностью. Но Богъ знаетъ, что случится, если увидятъ себя и по освобожденіи подь властью дворянскаго сословнаго самоуправленія.

По крайнему моему убѣженію, всякая малѣйшая уступка въ настоящее время была бы несовмѣстна съ достоинствомъ верховной власти. На скользкомъ пути уступокъ было бы трудно остановиться.

Пускай партіи умолкнуть передъ твердой и неуклонной волею вашего величества—освободить крестьянъ безъ укрѣпленія ихъ къ землѣ, но съ прочною осѣдлостью и необходимыми поземельными угодіями.

Пусть всѣ партіи убѣдятся, что никакіе предлоги, ни лицемѣрные увѣренія не въ силахъ поколебать право самодержавной власти, дѣйствующей на благо Россіи.

До крайности тяжело мнѣ было, государь, возмутить сердце ваше представленіемъ грустной картины. Но долгъ совѣсти и неограниченная преданность къ лицу вашему, независимо отъ вѣроподданнической обязанности говорить передъ государемъ моимъ правду, все это вынуждаетъ меня открыть предъ вами со всею искренностью, съ кѣмъ имѣете дѣло и какія подь лъстивыми изъясненіями таятся сокровенныя намѣренія.

¹⁾ Рукою государя написано: „Ни подь какимъ видомъ“.

Одна мысль утѣшаетъ: твердая ваша воля и постоянство въ дѣйствіяхъ вашего величества!

На подлинной запискѣ рукою С. С. Ланского написано: «Записка эта возвращена мнѣ отъ государя лично, въ Царскомъ Селѣ 4-го сентября, съ собственноручною отмѣткою карандашемъ:

«Все здѣсь изложенное совершенно согласуется съ моими собственными убѣжденіями. Всю мою надежду къ довершенію сего жизненнаго для Россіи вопроса возлагаю на Бога и на тѣхъ, которые, подобно вамъ, служатъ мнѣ вѣрою и правдою и въ мысляхъ своихъ не раздѣляютъ отечества отъ своего государя!»

2.

Записка министра внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ трехъ всеподданнѣйшихъ адресовъ членовъ губернскихъ комитетовъ.

4-го ноября 1859 г.

Поставленный болѣзненнымъ состояніемъ своимъ въ совершенную невозможность лично явиться въ засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, считаю обязанностью съ высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества представить нѣкоторые соображенія по тремъ прилагаемымъ адресамъ членовъ губернскихъ комитетовъ (изъ коихъ одинъ, подписанный Шидловскимъ, переданъ мнѣ съ высочайшею резолюціею генераль-адъютантомъ Ростовцевымъ), а два другихъ, подписанные 18-ю и 5-ю членами, были мною лично представлены вашему величеству.

Во всѣхъ этихъ адресахъ, по мнѣнію моему, обращаютъ на себя вниманіе двѣ стороны.

Во-первыхъ, общее, болѣе или менѣе рѣзкое порицаніе трудовъ редакціонныхъ комиссій и, во-вторыхъ, домогательство, чтобы проекты законоположеній о крестьянахъ были подвергнуты окончательному обсужденію со стороны дворянскихъ уполномоченныхъ.

По первому предмету нельзя не замѣтить, что порицаніе работъ редакціонныхъ комиссій изложено въ общихъ выраженіяхъ безъ всякихъ положительныхъ доводовъ и доказательствъ; при этомъ нельзя тоже не принять во вниманіе всѣ предшествовавшія обстоятельства, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Еще въ началѣ прошлаго лѣта, когда комисіи только что приступили къ своимъ работамъ, въ петербургскомъ обществѣ стали распространяться всякаго рода враждебные отзывы противу комиссій. Пользуясь общественнымъ легковѣріемъ, нѣкоторые лица составляли и пу-

скали по рукамъ извѣстный проектъ всеподданнѣйшаго адреса, въ которомъ не только опорочивались заранѣ будущія работы комиссій, но осуждались самыя дѣйствія правительства по крестьянскому дѣлу.

Къ сожалѣнiю, большая часть членовъ губернскихъ комитетовъ, по прїѣздѣ сюда, подчинилась тому же направленiю. Влiянiе составителей означеннаго проекта адреса было явно и общеизвѣстно. Замѣчательно, что съѣхавшіеся члены, съ предъявленiемъ имъ работъ комиссій, стали уже гласно осуждать ихъ и совѣщаться о поднесенiи всеподданнѣйшаго адреса противъ комиссій. При этомъ высказывались самыя крайнія и пристрастныя мнѣнiя. Когда по высочайшей волѣ было устранено домогательство нѣкоторыхъ членовъ составить изъ себя особое совѣщательное собранiе, то это еще болѣе раздражило самыхъ горячихъ противниковъ редакціонныхъ комиссій. Съ тѣхъ поръ противодѣйствiе ихъ приняло самый непріязненный характеръ и сопровождалось разными весьма печальными явленiями, которыя свидѣтельствуютъ, какъ мало нѣкоторые члены губернскихъ комитетовъ оправдали довѣрiе къ нимъ правительства.

По окончанiи работъ членовъ возбуждена была между ними снова мысль о поднесенiи всеподданнѣйшаго адреса. Впрочемъ, изъ 37 членовъ, 13 вовсе отъ этого уклонились, прочiе не могли придти къ общему соглашенiю, и раздѣлились на три группы. Самая многочисленная, состоящая изъ 18 человекъ, сознается, что ее соединяетъ лишь противодѣйствiе редакціоннымъ комиссіямъ; убѣжденiя же ея членовъ насчетъ разрѣшенiя крестьянскаго дѣла, какъ извѣстно, весьма противуположны и разнорѣчивы.

Не касаясь тѣхъ частныхъ замѣчанiй, которыя сдѣланы членами по разнымъ статьямъ предложенiй редакціонныхъ комиссій и которыя будутъ въ свое время представлены на разсмотрѣнiе главнаго комитета, я считаю обязанностью выразить свое мнѣнiе только насчетъ того бездоказательнаго порицанiя работъ комиссій, коимъ нынѣ вниманiе вашего величества⁴⁾

Изъ предшествующаго очерка видно, что такой рѣзкій выводъ не можетъ считаться слѣдствiемъ безпристрастнаго и хладнокровнаго разсмотрѣнiя дѣла. Постоянные разговоры мои съ разными лицами и чтенiе рукописныхъ и печатныхъ статей, разсѣянныхъ нынѣ во множествѣ для возбужденiя общественнаго мнѣнiя, привели меня къ горестному убѣжденiю, что безусловное осужденiе редакціонныхъ комиссій касается не столько трудовъ ихъ (еще не всѣмъ извѣстныхъ), сколько тѣхъ основныхъ и коренныхъ началъ, которыя приняты высшимъ правительствомъ и которымъ слѣдовали комиссіи.

⁴⁾ Пропускъ нѣсколькихъ словъ въ запискахъ М. А. Милютиной.

Въ этомъ высказываются самыя различныя мнѣнія, съ большею или меньшею искренностью, но въ основѣ ихъ лежатъ стремленія крайне опасныя для будущаго спокойствія Россіи. Одни желаютъ освобожденія крестьянъ безъ усадебъ и земли; другіе стараются отрѣзать отъ крестьянъ значительную часть ихъ нынѣшняго поземельнаго надѣла или оставить крестьянъ въ совершенной зависимости отъ помѣщиковъ; наконецъ, нѣкоторые преслѣдуютъ мысль обязательнаго выкупа по возвышенной оцѣнкѣ. Сими и имъ подобными стремленіями, противными указаніямъ вашего величества, объясняется то систематическое противодѣйствіе, которымъ преслѣдуются нынѣ коммисіи. Не предрѣшая подробностей труда сихъ послѣднихъ, я долженъ по совѣсти сказать, что общее ихъ направленіе въ этомъ отношеніи совершенно согласно съ высочайше утвержденными началами, заключающимися въ журналахъ главнаго комитета; по глубокому убѣжденію моему, всякое отступленіе отъ этихъ началъ было бы пагубно для будущности государства и породило бы такія столкновенія, которыя обратились бы во вредъ самому дворянскому сословію.

Съ этой точки зрѣнія редакціонныя коммисіи поступили совершенно правильно, не стѣсняясь предположеніями губернскихъ комитетовъ, когда сіи предположенія были несогласны съ общими началами. Между тѣмъ, это послужило одною изъ главныхъ причинъ обвиненія противъ коммисій. При этомъ забываютъ, что проекты, присланные изъ губерній, представляютъ самыя рѣзкія противурѣчія, и что въ большей части губернскихъ комитетовъ произошли даже внутренніе раздоры между членами, отчего проекты большинства и меньшинства по одной и той же губерніи совершенно расходятся и въ основаніяхъ и въ подробностяхъ. При такомъ положеніи дѣла не было никакой возможности согласить предположенія губернскихъ комитетовъ, тѣмъ болѣе, что они большею частью и односторонни, и неудовлетворительны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я не могу признать бездоказательное порицаніе трудовъ редакціонныхъ коммисій, выраженное во всеподданнѣйшихъ адресахъ ни основательнымъ, ни даже добросовѣстнымъ.

Обращаясь ко второй части сихъ адресовъ, я нахожу, что она составляетъ главный и существенный предметъ въ настоящемъ дѣлѣ.

Домогательство разрѣшить крестьянскій вопросъ собраніемъ сословныхъ выборныхъ высказано было первоначально въ С.-Петербургскомъ губернскомъ комитетѣ. Потомъ оно вошло въ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, составленный здѣсь прошлымъ лѣтомъ и повторенный нынѣ (въ краткомъ извлеченіи) членомъ симбирскаго комитета Шидловскимъ. То же стремленіе, хотя въ значительно смягченномъ видѣ, выражается въ

адресъ 18-ти членовъ, а также въ болѣе скрытой формѣ обнаруживается въ адресъ 5-ти членовъ.

Для правительства, по убѣжденію моему, не важны эти второстепенные оттѣнки, проистекающіе отъ личныхъ возрѣній. Важно то общее направленіе, которое именно въ послѣднее время стало распространяться, заявляя себя свободно и открыто, не только въ означенныхъ адресахъ, но и въ разныхъ статьяхъ рукописныхъ и печатныхъ (особенно на иностранныхъ языкахъ).

Смѣю думать, государь, что общая государственная польза требуетъ, чтобы этимъ незаконнымъ стремленіямъ положенъ былъ предѣлъ для спасенія самихъ, большею частью неразумныхъ, ревнителей дворянскаго интереса.

По великодушному указанію вашего величества дворянству было предоставлено три раза изложить свои мнѣнія и желанія по крестьянскому дѣлу: сперва въ уѣздныхъ собраніяхъ, потомъ въ губернскихъ комитетахъ, а нынѣ чрезъ вызванныхъ членовъ. Всѣ поданныя мнѣнія и данныя разрабатываются и сводятся самымъ тщательнымъ образомъ по высочайшей волѣ редакціонными комиссіями. Отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ будутъ также представлены въ подлинникахъ съ объясненіями комиссій.

Затѣмъ дальнѣйшее участіе этихъ членовъ или другихъ уполномоченныхъ отъ дворянства въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, было бы, очевидно, излишне и для разъясненія самаго дѣла бесполезно. Послѣднее доказывается тѣмъ, что вызванные члены послѣ двухъ мѣсячныхъ усилій и совѣщаній не могли даже между собою сойтись въ самыхъ основныхъ вопросахъ.

Окончательное рѣшеніе дѣла, имѣющаго столь важное государственное значеніе, принадлежитъ одному верховному правительству, которое одно можетъ безпристрастно взвѣсить и согласить интересы обонхъ сословій.

При той многосторонней критикѣ, которой подвергаются труды редакціонныхъ комиссій, высшее правительство будетъ имѣть всѣ нужныя данныя для правильнаго сужденія о составляемыхъ проектахъ.

Посему нѣтъ никакого повода измѣнять порядокъ, уже принятый для разработки этого важнаго дѣла. Всякое колебаніе въ однажды установленномъ и всѣмъ извѣстномъ порядкѣ было бы, какъ смѣю думать, несовмѣстно съ достоинствомъ правительственной власти и истинно гибельно для крестьянскаго вопроса, отдаливъ разрѣшеніе его на неопредѣленное время и внеся шаткость тамъ, гдѣ особенно нужна твердость и постоянство въ усиліяхъ.

Въ заключеніе я не могу не высказать своего мнѣнія о самой формѣ ходатайствъ, представленныхъ членами. Я не смѣлъ скрыть отъ вашего

величества поданные мнѣ адреса, но выраженные въ нихъ притязанія считаю тѣмъ болѣе незаконными, что члены, призванные лишь для представленія нужныхъ свѣдѣній и объясненій, дозволили себѣ вмѣшательство въ распоряженія правительства, не взирая на то, что по высочайшей волѣ были уже отвергнуты подобныя домогательства съ ихъ стороны. Вслѣдствіе сего я полагалъ бы поставить на видъ всѣмъ членамъ, подписавшимъ адреса, сдѣлавъ имъ чрезъ губернскія начальства надлежащія внушенія по сему предмету.

Не лишнее будетъ замѣтить, что если въ мнѣніи и запискахъ Ланскаго краски нѣсколько усилены, то это дѣлалось съ цѣлью убѣдить государя не придавать слишкомъ большого значенія оппозиціи и относиться къ ней спокойно. Въ этомъ не приходилось раскаяваться. Напротивъ, непоколебимая твердость правительства принесла ожидаемую пользу. Въ концѣ ноября умы стали понемногу успокаиваться, депутаты разѣхались, начался зимній сезонъ, Петербургъ съ увлеченіемъ предался плѣнительной пѣвицѣ Бозіо въ новопоставленныхъ операхъ Верди.

Неоспоримая побѣда осталась какъ будто за редакціонными коммисіями ¹⁾, которыя продолжали свои работы съ новымъ рвеніемъ, надѣясь даже привести ихъ къ окончанію чрезъ четыре мѣсяца, когда новый неожиданный врагъ чуть было не выдалъ ихъ обезоруженными въ лагерь своихъ противниковъ.... Смерть уже тайно подтачивала дни предсѣдателя, Якова Ивановича Ростовцева.

Пока министръ внутреннихъ дѣлъ твердо и рѣшительно выражалъ свои мнѣнія по поводу современныхъ событій и писаній, пока такъ упорно велъ борьбу съ III отдѣленіемъ, противудѣйствуя всѣмъ клеветамъ и доносамъ, не теряя своей обычной невозмутимости и благодушія, Ростовцевъ истощалъ свои силы и понемногу угасалъ. Эти два характера были совершенно разны. Предоставленный самому себѣ, и Сергѣй Степановичъ конечно не нашелъ бы достаточно мужества и отваги, ни, въ особенности, умѣнья отстаивать дѣло, и во всякомъ случаѣ потерялъ бы главную руководящую его нить. Но старый либераль и масонъ 20-хъ годовъ, искренно съ-молоду преданной мысли объ освобожденіи крестьянъ, зубами держался представившейся возможности разрѣшить вопросъ, съ веселымъ оптимизмомъ встрѣчалъ всякую новую бурю, беззавѣтно поручая себя болѣе способному кормчему, а полная солидарность мнѣній министра и товарища помогали Николаю Алексѣевичу дѣйствовать. Ростовцевъ находился въ совершенно дру-

¹⁾ При подобныхъ поворотахъ дѣла, сила и вліяніе Николая Алексѣевича возрастали, консерваторы начали ласкаться къ нему.

гихъ условіяхъ; онъ не довѣрялъ ни себѣ ни другимъ и не имѣлъ характера твердо и неуклонно идти по одному и тому же пути. Постоянныя нападки на комисію, коей онъ былъ предсѣдателемъ и гдѣ работа росла не по днямъ, а по часамъ; кроткія предостереженія государя съ одной стороны, слѣпая энергическая отвага комисіи—съ другой, раздражавшія его самолюбіе, схватки и драматическія событія, продолжавшіяся все лѣто и осень съ депутатами, отравляли его покой и испортили много крови. Послѣ продолжительной изнурительной лихорадки, у него на спинѣ открылся карбункулъ, исходъ котораго въ ноябрѣ еще трудно было предвидѣть, но который съ декабря 1859 года долженъ былъ устранить его отъ занятій комисіи. Работы ея продолжались подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ старшаго ея члена (по чину) Булгакова, но въ сущности руководимыя Николаемъ Алексѣевичемъ, который самъ измученный тревогами, работою и бессонными ночами, въ дѣлѣ, однако, ни минуты не терялъ головы. Напротивъ, чѣмъ крупнѣе становились препятствія, тѣмъ замѣтнѣе возростала его энергія, подымая его выше и выше надъ обстоятельствами. Онъ ихъ всегда доминировалъ. Этой нравственной силѣ подчинялись даже самые вліятельныя, по таланту, члены, признавая его такъ сказать, своимъ начальникомъ и коноводомъ, хотя, по существу онъ былъ лишь членомъ на равныхъ правахъ съ ними. Это невольное подчиненіе объяснялось главнымъ образомъ умѣньемъ его выдвигать впередъ одни только интересы дѣла, о себѣ лично вовсе не заботясь,—свойство, передъ которымъ умолкали и самыя щекотливыя самолюбія. Но если въ стѣнахъ занятій онъ былъ хозяиномъ, то съ другой стороны по officialному положенію въ министерствѣ несъ больше отвѣтственности.

Къ этому времени; въ хронологическомъ порядкѣ событій, принадлежитъ появленіе статьи, объ аристократіи Безобразова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и брошюра Кошелева «Депутаты и Редакціонная коммисія», напечатанныя въ Лейпцигѣ и покровительствуемыя самимъ шефомъ жандармовъ.

Вотъ что писалъ князь Долгоруковъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому 9-го декабря 1859-го года:

«Имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство, что можетъ быть государю угодно будетъ знать ваше мнѣніе насчетъ статьи Безобразова, напечатанной, въ 1-ой ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» № 31 подъ заглавіемъ «Аристократія и интересы дворянства», и потому, не изволите ли вы предварительно прочесть означенную статью».

По полученію этого письма С. С. Ланской представилъ государю о статьѣ Безобразова слѣдующую записку.

«Статьи объ аристократіи, помѣщенныя въ четырехъ книжкахъ «Рус-

скаго Вѣстника», представляютъ большею частью выписки изъ сочиненій нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Дункера, Риля, Гнейста и другихъ), которые въ противоположность французскимъ ультра-демократическимъ идеямъ, доказываютъ необходимость высшихъ классовъ въ правильно развитыхъ гражданскихъ обществахъ, что подтверждаютъ какъ общими философскими разсужденіями, такъ и историческими данными. Эта часть разсматриваемыхъ статей, часть теоретическая или отвлеченная не выходитъ, какъ кажется, изъ предѣловъ, подлежащихъ ученой разработкѣ.

«Но мѣстами, особенно въ послѣдней статьѣ, заключаются очевидно намеки на Россію, а въ концѣ прямо сдѣланы выводы, относящіяся до нашего дворянства.

«При всей неясности изложенія, явномъ смѣшеніи понятій и совершенной непрактичности сужденій, нельзя не замѣтить стремленія чтобы дворянству (или правильнѣе землевладѣльцамъ) предоставлено было самостоятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, или такъ называемое самоуправленіе, хотя подъ этимъ именемъ говорится мѣстами собственно о внутреннемъ управленіи сословія (которое въ извѣстной степени допускается и нашими законами), но въ другихъ мѣстахъ то же слово принимается какъ будто въ смыслѣ управленія общаго или государственнаго, что уже было бы прямо противно основаніямъ нашего законодательства.

«Не могу однакожь скрыть, что и косвенные намеки подобнаго рода при настоящемъ положеніи дѣлъ весьма вредны, если не по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, то по нравственному вліянію на извѣстную среду общества.

«Нѣкоторые изъ противниковъ крестьянскаго дѣла уже дозволяли себѣ указывать на необходимость предоставленія политическихъ правъ дворянству, въ замѣнъ упраздняемаго крѣпостнаго права.

«Побужденія тутъ ясны, съ одной стороны, желаніе выставить пугало въ глазахъ правительства и тѣмъ запутать вопросъ, съ другой—волновать умы дворянства, которое, при настоящихъ ожиданіяхъ, находится, конечно, не въ нормальномъ положеніи.

«Подобныя притязанія, лишеныя всякой прочной основы на русской почвѣ, противныя всѣмъ народнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, наконецъ несогласныя, какъ я полагаю, съ общимъ духомъ и понятіями самаго дворянства, могутъ волновать лишь людей крайне близорукихъ или ослѣпленныхъ страстями. Тѣмъ не менѣе такія притязанія очевидно терпимы быть не могутъ и потому необходимо зорко слѣдить, чтобы они не находили себѣ пища даже въ общихъ и отвлеченныхъ разсужденіяхъ, по вопросамъ государственнаго права».

По поводу брошюры Кошелева С. С. Ланской въ январѣ 1860 года представилъ государю записку слѣдующаго содержанія:

«Брошюра оправдываетъ образъ правительственныхъ дѣйствій. Изъ нея видно, что задушевное желаніе прибывшихъ сюда депутатовъ перваго приглашенія было составить изъ себя государственное учрежденіе, которое рѣшило бы окончательно крестьянскій вопросъ. Мысль явно высказанная сперва Михаиломъ Безобразовымъ, чрезъ Платонова, братомъ его Николаемъ Безобразовымъ въ напечатанной въ Лейпцигѣ запискѣ, Михаиломъ же Безобразовымъ—въ поданной на высочайшее имя запискѣ, а потомъ проявляющаяся подъ разными видами во всѣхъ адресахъ, гласныхъ и негласныхъ мнѣніяхъ частныхъ лицъ, какъ напр. Платера-Зибера въ письмѣ его къ Тимашеву и въ другихъ извѣстныхъ вашему императорскому величеству.

«Обманутыя надежды сихъ пріѣзжихъ депутатовъ, подстрекаемыхъ здѣшними мнимыми аристократами, были поводомъ раздраженія, развеннаго ими по губерніямъ, гдѣ преобладаютъ праздность и легковѣріе.

«Замѣчательно, какъ сочинитель низко ставитъ всѣ губернскіе проекты. Такое сознаніе не должно ли во многомъ оправдывать редакціонныя комиссіи? Все прочее, болѣе или менѣе, натяжка неудовлетвореннаго самолюбія. Выходки противъ бюрократіи и чиновничества не что иное какъ пошлыя общія мѣста, коньки, на которыхъ выѣзжаютъ всѣ нынѣшніе прогрессисты. Легко было бы написать возраженіе на всѣ возводимыя въ брошюрѣ пустословныя обвиненія».

При такихъ условіяхъ насталъ 1860 годъ, и труженики крестьянскаго дѣла, въ виду все ухудшающагося состоянія здоровья предсѣдателя, съ горестью себя спрашивали—что принесетъ годъ имъ новаго... На Рождество у насъ была для дѣтей елка, къ которой великая княгиня Елена Павловна прислала Николаю Алексѣвичу альбомъ для фотографій своихъ сотрудниковъ по комиссіи, предлагая надписать псаломъ Давида: «Сбьющіе слезами—радостью пожнутъ»...

Между тѣмъ въ городѣ уже ходили слухи о безнадежномъ положеніи Якова Петровича Ростовцева, называли кандидатами на предсѣдательское мѣсто: Михаила Николаевича Муравьева и Виктора Никитича Панина, двухъ личностей, съ которыми членамъ редакціонной комиссіи было невозможно вести дѣло, и эксперты начинали уже поговаривать: не лучше ли имъ разѣхаться, прежде чѣмъ ихъ разгонять?... Не даромъ же оживлялись надежды аристократической партіи и графъ Б. говорилъ Николаю Алексѣвичу:

— Неужели вы думаете, что мы вамъ дадимъ кончить это дѣло? Неужели вы серьезно это думаете?... Полноте, пожалуйста. Не пройдетъ и мѣсяца какъ вы всѣ въ трубу вылетите, а мы сядемъ на ваше мѣсто...

Наконецъ развязка наступила: Я. И. Ростовцевъ скончался въ 7 ч. утра 6 февраля 1860 г.

«Пріѣзжайте ко мнѣ поскорѣе, писалъ Н. А. Милютину С. С. Ланской; намъ нужно условиться о томъ что слѣдуетъ дѣлать».

Больной и разстроенный Николай Алексѣевичъ на-скоро одѣлся и отправился къ Сергѣю Степановичу. Послѣ двухчасового совѣщанія, Ланской рѣшилъ, что всего лучше ему самому вызваться въ предсѣдателя и вмѣстѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ составилъ слѣдующее письмо, поданное государю въ тотъ же день 6-го февраля 1860 г.

«Ваше императорское величество.

«Горестное извѣстіе о кончинѣ достойнаго Якова Ивановича вынуждаетъ меня немедленно выразить предъ вашимъ величествомъ откровенныя мысли по поводу вчерашняго разговора.

«Работы, начатыя по указаніямъ вашимъ и продолжавшіяся до сихъ поръ подъ руководствомъ Якова Ивановича, подвинулись на столько, что въ одинъ и много въ два мѣсяца можно закончить весь трудъ редакціонной комисіи. Теперь самое важное дѣло—объясниться съ вызванными отъ губернскихъ комитетовъ членами и ихъ распустить. Затѣмъ остается только послѣдній пересмотръ работъ и всѣхъ сдѣланныхъ на нихъ замѣчаній.

«Все это необходимо выполнить въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ дѣйствовалъ, по указаніямъ вашимъ, генераль-адъютантъ Ростовцевъ. Этого требуетъ самое достоинство правительства, особенно теперь, такъ сказать въ виду 43-хъ депутатовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ Россіи.

«Смѣю думать, что при такихъ обстоятельствахъ, завѣдываніе комисіею должно быть возложено на одного человека. Участіе нѣсколькихъ лицъ, при существующихъ разногласіяхъ и противоположныхъ направленіяхъ, введетъ такое колебаніе и обнаружитъ такую слабость со стороны правительственныхъ мѣстъ, что не только дѣло замедлится, но и духъ противодѣйствующей партіи разгорится еще сильнѣе.

«До сихъ поръ, дѣйствія Якова Ивановича (Ростовцева) и мои были совершенно согласны и дружны. По этой причинѣ если вашему величеству будетъ угодно, чтобы обезпечить неуклонное исполненіе предначертаній покойнаго, основанныхъ на вашей волѣ, я готовъ принять на себя въ настоящее время ближайшее завѣдываніе редакціонною комисіею. Не измѣняя нисколько ни ея состава, ни образа дѣйствій, при помощи Божіей и вашимъ довѣріи, я надѣюсь привести начатую работу къ успѣшному окончанію не далѣе двухъ мѣсяцевъ. Послѣ того останется лишь кодификація, т. е. перечень окончательнаго проекта поло-

женія, для чего, вѣроятно, потребуются въ свое время особенныя распоряженія по благоусмотрѣнію вашего величества.

«Государь! если я дерзаю говорить о себѣ въ настоящую горестную минуту, то руководствуюсь единственно глубокимъ желаніемъ обезпечить точное и скорое исполненіе вашей воли, которую не было суждено довершить преданнѣйшему изъ вашихъ слугъ, принесшему и самую жизнь свою на святое дѣло».

На подлинномъ рукою государя написано:

«Я рѣшу это дѣло, когда прочту послѣднюю записку Якова Ивановича, о которой онъ мнѣ неоднократно говорилъ и которую мнѣ вручили сію минуту. Насчетъ же довѣрія моего къ вамъ, оно вамъ извѣстно, и я никогда не забуду всѣ услуги, оказанныя вами въ этомъ святомъ дѣлѣ, на которое, я знаю, что вы смотрите такъ-же какъ и я».

Четыре дня спустя, 11-го февраля 1860 г. тотчасъ по возвращеніи отъ доклада государю, Сергѣй Степановичъ увѣдомилъ Н. А. Милутина о назначеніи новаго предсѣдателя гр. В. Н. Панина.

«Предсѣдательство, писалъ онъ, въ комисіи возлагается послѣ Ростовцева на Панина съ тѣмъ, чтобы онъ ничего не измѣнялъ ни въ установленномъ ходѣ дѣла, ни въ личномъ составѣ. Рѣчь объ этомъ была при мнѣ, въ присутствіи великаго князя Константина Николаевича и князя Орлова. Лучше-ли вашъ гриппъ?..»

На другой или третій день, Николай Алексѣевичъ получилъ письмо изъ Москвы, отъ Ѳ. М. Дмитріева, въ которомъ говорилось слѣдующее:

Москва, 11-го февраля 1860 г.

«...О васъ я слышу часто: ваше имя во всѣхъ устахъ, съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ. Нѣсколько времени тому назадъ, я по силѣ этихъ выраженій догадывался, что въ Петербургѣ дѣла идутъ хорошо и до нельзя радовался. Но кажется теперь черныя тучи опять собираются, если правда, что Панина назначили на мѣсто Ростовцева».

«Торжество реакціонной партіи было полное, и могло равняться лишь унынію и деморализаціи комисіи. Предоставляя характеристику графа Панина людямъ, имѣвшимъ съ нимъ близкое дѣло, и заграничной прессѣ того времени, остроумно воспѣвавшей его неподражаемыя отношенія къ товарищу своему, Михаилу Ивановичу Топильскому, скажу только, что министръ юстиціи былъ человѣкъ извѣстный своимъ обскурантизмомъ. Къ крестьянской реформѣ, такъ сильно и весьма естественно волновавшей умы послѣдніе три четыре года, онъ до того времени относился не только индифферентно, но даже презрительно. Аристократы глядѣли на него, однако, какъ на вліятельнѣйшаго своего представителя и покровителя и радости ихъ въ его назначеніи не было границъ.»

— Ростовцевъ, говорили они, послѣднее время подпалъ совершенно подъ вліяніе демагога князя Черкаскаго и Милютинской партіи, которая его совсѣмъ отуманила и вела путемъ социализма къ анархіи и революціи. Графа Панина труднѣе будетъ осѣдлатъ; онъ не впадетъ въ подобную ошибку и съумѣетъ постоять за дворянскую честь.

«Они радовались, что государь, наконецъ, хочеть круто поворотить дѣло... но едва ли это входило въ его намѣреніе. Напротивъ, все заставляетъ предполагать противное и изумляться рѣдкой его твердости и проницательности взгляда. Какъ низко онъ цѣнилъ политическій характеръ графа Виктора Никитича Панина—видно изъ отвѣта его великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая (какъ сама передавала Николаю Алексѣевичу), сильно разстроенная и огорченная событіемъ послѣднихъ дней, рѣшилась выразить его величеству свое удивленіе о назначеніи Панина и сомнѣнія, будетъ ли онъ съ пользой служить дѣлу, которому такъ мало сочувствуетъ?»

— Вы не знаете характера графа Панина, сказалъ ей государь; у него вовсе нѣтъ убѣжденій и будетъ только одна забота угодить мнѣ.

«Назначеніемъ его въ комисію государь, видимо, хотѣлъ лишь успокоить партію крѣпостниковъ, а съ глазу на глазъ вмѣнялъ ему въ непремѣнную обязанность ни на волосъ не отступать отъ положенныхъ и утвержденныхъ началъ. Въ сущности, вліяніе Якова Ивановича никогда не было сильнѣе какъ послѣ его смерти. Онъ умиралъ жертвою «святого дѣла»; послѣдніе его дни были мужественнѣе всей жизни, они примирили съ нимъ даже враговъ его и не могли сильно не подѣйствовать на его державнаго друга. Спокойный и твердый передъ концомъ, прощаясь съ государемъ, онъ ободрялъ его продолжать начатое, и оставилъ ему записку, въ которой излагалъ уже сдѣланное, и завѣщалъ неуклонно слѣдовать дальнѣйшей программѣ редакціонной комисіи ¹⁾».

Члены ея, однако, не могли въ ту пору знать настоящаго расположенія и намѣренія государя.

Отъ безпокойствъ Николай Алексѣевичъ совсѣмъ разнемогся и разлученный на нѣсколько дней съ своимъ министромъ получилъ отъ него слѣдующія записки:

13-го февраля. Графъ Панинъ желаетъ васъ видѣть и получить отъ васъ точныя свѣдѣнія о положеніи и ходѣ занятій двухъ комисій: редакціонной и объ устройствѣ полиціи. Когда я сказалъ ему, что вы больны, онъ вознамѣрился побывать у васъ самъ въ теченіе недѣли. Когда вы будете въ состояніи принять его, то онъ назначить день.

¹⁾ Объ этой запискѣ государь говоритъ въ отвѣтѣ Лаянскому. Редакція ея принадлежитъ князю Черкасскому, но въ ней выраженъ единодушный взглядъ комисіи.

Онъ желаетъ, говорить онъ, ознакомиться черезъ васъ съ направлениемъ работъ. Запаситесь терпѣніемъ и постарайтесь быть спокойнымъ насколько возможно. Какъ здоровье обоихъ васъ?

15-го февраля. Сообщивъ Панину, что вы не въ состояніи будете еще выходить въ продолженіе восьми дней, я сказалъ ему въ то же время, что вы къ его услугамъ и что отъ него зависитъ назначить день и часъ, когда ему угодно у васъ быть. Сегодня онъ долженъ быть, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ засѣданіи, которое будетъ происходить у его императорскаго высочества.

Первый визитъ графа Панина былъ дѣйствительно испытаніемъ для терпѣнія Николая Алексѣевича и повергъ его и его товарищей въ ужасъ и отчаяніе. Человѣкъ умный, но крайне односторонній и упорный, графъ Викторъ Никитовичъ не понималъ или, быть можетъ, не хотѣлъ понять и себѣ усвоить основныя принципы реформы.... Свиданіе это было предвкусіемъ новыхъ страданій и новыхъ осложнений по крестьянскому дѣлу.

Оправившись немного, Николай Алексѣевичъ, въ первый разъ выѣхалъ 25-го февраля на вечеръ въ Михайловскій дворецъ, гдѣ онъ имѣлъ утѣшеніе слышать нѣсколько подкрѣпительныхъ словъ отъ государя....

На этомъ къ сожалѣнію прерываются интересныя и важныя въ историческомъ отношеніи воспоминанія М. А. Милютиной и мы въ концѣ помѣщаемъ записочки бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского къ Н. А. Милютину¹⁾. Записочки эти повидимому мало содержательны, но онѣ относятся къ 1859—1860 г.г., когда крестьянская реформа была въ послѣднемъ періодѣ своего развитія. Документы эти при всей своей вышней незначительности—живыя свидѣтельства тѣхъ близкихъ отношеній, какія существовали между С. С. Ланскимъ, игравшимъ столь громадную роль въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и Н. А. Милютинымъ. Послѣдній былъ не только товарищемъ Ланского но вмѣстѣ съ Я. А. Соловьевымъ, и его нравственною опорой, его вдохновителемъ.

Вотъ эти записочки:

1.

Ноября 1859 г.

Сегодняшнее засѣданіе прошло довольно хорошо; я даже былъ затѣмъ доволенъ. Нессельроде явился было съ своей поправкой, но долженъ былъ взять ее назадъ, такъ какъ нашелъ ее ошибочною.

¹⁾ Записочки эти большею частію писаны на французскомъ языкѣ и здѣсь предлагается ихъ переводъ.

2.

Январь 1860 г.

Вотъ двѣ статьи, которыя составляютъ продолженіе статьи предыдущей и заслуживаютъ вниманія¹⁾. Я думаю, что слѣдовало бы прервать наше безмолвіе и пустить статью оправдательную съ истиннымъ изложеніемъ фактовъ. Обвиненія слишкомъ велики, чтобъ можно было пройти ихъ молчаніемъ и не просвѣтить общественное мнѣніе. Статья должна быть написана по французски на столько коротко и вѣско, на сколько возможно. Какъ вы объ этомъ думаете?

3.

17-го сентября 1860 г.

Государь приметъ васъ въ понедѣльникъ, въ Царскомъ Селѣ, въ часъ дня если у васъ нѣтъ засѣданія въ комитетѣ. Вы уже съумѣете съ этимъ сдѣлаться. Его величество призывалъ Панина сегодня утромъ и совѣтовалъ ему быть болѣе дѣятельнымъ. Государь недоволенъ медленностью. Панинъ обѣщалъ представить свою работу въ главный комитетъ 10-го октября.

4.

26-го октября 1860 г.

Государь приметъ всѣхъ членовъ редакціонной комисіи въ слѣдующій вторникъ, въ часъ дня, въ Зимнемъ дворцѣ. Члены получаютъ пригласительныя повѣстки, но я спѣшу предупредить васъ объ этомъ, а вы, съ своей стороны, сообщите тѣмъ изъ нихъ кого увидите. Этимъ вы обязаны не Панину: его величество самъ такъ пожелалъ.

5.

3-го ноября 1860 г.

Составьте отвѣтныя возраженія на замѣчанія ревизіонной комисіи, проектъ которой я вамъ при семъ посылаю.

Слова его величества были приняты безъ всякой поправки; я сообщу ихъ офиціально каждому изъ членовъ, чтобы не произошло ложныхъ истолкованій. Сегодня главный комитетъ получилъ выговоръ за вчерашнее засѣданіе. Завтра еще у насъ будетъ одно засѣданіе.

¹⁾ Брошюра съ нападками на ходъ крестьянскаго дѣла.

6.

21-го ноября.

Прошу васъ прїѣхать ко мнѣ сегодня утромъ до часу. Очень нужно съ вами переговорить.

7.

6-го декабря.

Не знаю съ чего я взялъ, что вы празднуете именины свои весной, и теперь лишь узналъ свою ошибку, которую могу исправить только письменнымъ поздравленіемъ и пожеланіемъ отъ души, какъ вамъ, такъ и домочадцамъ вашимъ, всевозможныхъ благъ.

Не доставите ли мнѣ сегодня вечеромъ проектъ дополнительнаго объяснительнаго-секретнаго предписанія губернаторамъ?

8.

8-го декабря.

Предупреждаю васъ, что докладъ мой отложенъ до субботы. Если имѣете что сообщить государю, то передъ вами нынѣшняя ночь и завтрашній день.

9.

18-го апрѣля 1861 г.

Не знаю окончится ли засѣданіе въ совѣтѣ министровъ сегодня къ 4-мъ часамъ. Предупреждаю васъ, что я буду обѣдать въ городѣ и возвращусь очень поздно. Завтра я не выѣду изъ дома послѣ засѣданія въ комитетѣ министровъ. Выбирайте время, чтобы намъ условиться о ходѣ этого дѣла.

10.

21-го апрѣля 1861 г.

Такъ какъ государь рѣшилъ сдѣлать васъ сенаторомъ, то я думаю, что въ вашихъ интересахъ было-бы лучше рѣшить дѣло сегодня, чѣмъ откладывать его до вашего возвращенія изъ-за границы. Въ этомъ

смыслѣ я сообщилъ повелѣніе его величества Панину, съ сохраненіемъ вамъ отпуска и содержанія.

11.

29-го апрѣля 1861 г.

Надѣюсь, что вы не лишите меня удовольствія видѣть васъ на моемъ послѣднемъ завтрашнемъ вечерѣ ¹⁾).

¹⁾ Къ Пасхѣ 1861 года С. С. Ланской пожалованъ въ графы, и вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Н. А. Милютинымъ уволенъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

**Пріемъ гр. В. Н. Панинымъ депутатовъ второго призыва въ
1860 года.**

Графъ Панинъ выразилъ желаніе познакомиться съ депутатами 2-го призыва, которыхъ просилъ прибыть запросто во фракахъ 22-го февраля въ 12¹/₂ часовъ, въ домѣ министерства юстиціи. Депутаты съѣхались по указанію кто въ полной, кто въ полуформѣ, кто просто на просто во фракахъ, а нѣкоторые по недоразумѣнію явились въ собственный домъ графа.

Министерскій чиновникъ въ аванзалѣ переписалъ имена, чины, фамиліи, губерніи депутатовъ и пригласилъ ихъ въ приемную залу, куда вошелъ вскорѣ самъ графъ и произнесъ:

— Господа! слова государя императора глубоко должны быть вѣрзаны въ памяти каждого изъ васъ, мнѣ остается ихъ повторить и въ качествѣ предсѣдателя редакціонной комисіи добавить, что прямая наша обязанность трудиться для столь важнаго дѣла единодушно и какъ бы семейно, предположивъ себѣ главную цѣль, выраженную государемъ императоромъ:—благо Россіи! При этомъ считаю долгомъ обратить вниманіе ваше и на то, что всѣ дѣйствія и труды, какъ я сказалъ, по нашему с е м е й н о м у дѣлу должны оставаться между нами безъ разглашенія, въ особенности не слѣдуетъ ничего сообщать за границу. Равно считаю полезнымъ для дѣла указать и на то, что по убѣжденію моему въ подлежащемъ вопросѣ значительно вредили, съ одной стороны, неосновательныя опасенія дворянъ, съ другой—ожиданія несбыточныя крестьянъ; то и другое мы должны сколь возможно устранять. Депутаты перваго призыва увлеклись своими взглядами на вопросъ и нерѣдко укоряли редакціонную комисію опрометчиво и неосновательно! По моему мнѣнію, вамъ не слѣдуетъ впадать въ тѣ же самыя ошибки, и, не придерживаясь прошедшаго, заняться токмо настоящимъ въ нашемъ дѣлѣ, сохраняя сколько возможно ваши собственныя убѣжденія. По моимъ обширнымъ занятіямъ я не могъ внимательно слѣдить за дѣйствіями

редакціонной комисіи. Въ настоящее же время какъ предсѣдатель, я исключительно посвящаю себя на всестороннее изученіе трудовъ ея. Повторяю, намъ—прошедшее не нужно, для дѣла мы должны заняться пристально настоящимъ, и какія бы ни были убѣжденія каждаго изъ насъ, всѣмъ намъ слѣдуетъ стремиться къ главному: озаботиться обезпеченіемъ быта крестьянъ нашихъ, неупуская изъ виду, что за нихъ между нами представителей нѣтъ и потому намъ самимъ предлежитъ отстаивать ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ не должны мы забывать, что богатымъ людямъ, какъ я напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ переворотъ не будетъ слишкомъ ощутителенъ, но что наша обязанность озаботиться положеніемъ неимущихъ дворянъ, оградить исключительно ихъ интересы. Инструкція 11-го августа положительно опредѣляетъ обязанности ваши въ предстоящихъ работахъ. Надѣюсь, что вы согласно оной выполните добросовѣстно все на васъ возложенное. Кому нужно будетъ меня видѣть, двери мои открыты, но въ настоящее время я принимать васъ не могу по причинамъ, которыя сей часъ же выражу: у каждаго изъ васъ могутъ быть убѣжденія, не всегда согласныя съ моимъ убѣжденіемъ, слѣдовательно въ таковыхъ столкновеніяхъ различныхъ взглядовъ на вещи утратилось бы только много времени безъ всякой пользы. Сверхъ того, со стороны полагать могли бы, что я раздѣлилъ одно изъ таковыхъ убѣжденій или мнѣній и что нахожусь подъ исключительнымъ его вліяніемъ. Остается мнѣ въ видѣ предостереженія сообщить вамъ еще слѣдующее: извѣстно мнѣ, что многіе изъ васъ бываютъ у графа Шувалова, у котораго предъ выборами собираются петербургскіе дворяне и множество постороннихъ лицъ; они могутъ имѣть въ предметъ составленіе различныхъ предположеній, несогласныхъ съ началами, по которымъ мы работаемъ. Петербургскій комитетъ свои занятія давно кончилъ, депутаты того комитета обязанность касательно проектовъ, представленныхъ въ редакціонную комисію, тоже окончили, а потому всякое ваше вмѣшательство въ предположенія петербургскаго дворянства было бы совершенно бесполезно и только замедлило бы ходъ вашихъ собственныхъ занятій. Вообще совѣтовалъ бы я держаться своихъ убѣжденій, неувлекаясь сторонними внушеніями. Я кончилъ. Не имѣете ли вы что сказать господа?

Нѣкоторые изъ депутатовъ спрашивали графа о срокахъ подачи отвѣтовъ, объяснивъ, что дополнительные доклады хозяйственнаго отдѣленія, заключающіе въ себѣ главное значеніе, еще не доставлены; при томъ просили указать, какимъ путемъ слѣдуетъ представлять особые мнѣнія и соображенія, которыя государю императору благоугодно было дозволить депутатамъ сверхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы согласно инструкціи.

Графъ объявилъ, что доклады хозяйственнаго отдѣленія будутъ въ

скороности доставлены, что судя по своей привычкѣ работать онъ считаетъ достаточнымъ двухъ-недѣльный срокъ. Касательно же соображеній и особенныхъ мнѣній, дозволенныхъ его величествомъ, замѣтилъ:

— Каждому изъ насъ должно быть извѣстно, что слова государя императора не подлежатъ никакимъ комментаріямъ; но я говорю о дѣлѣ, добавилъ онъ,—его слѣдуетъ вести логично, т. е. согласно инструкціи 11-го августа, и дѣйствовать по точному смыслу, въ ней выраженному.

Симъ заключилось знакомство депутатовъ съ предсѣдателемъ.

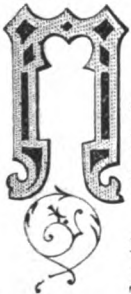

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.г.)

VI 1).

Значеніе Евлогія Георгіева среди болгаръ.—Г. Д. Начовичъ.—Первыя свѣдѣнія о непріятелѣ.—Состояніе турецкихъ укрѣпленныхъ пунктовъ.—Турецкая армія.—Собираніе свѣдѣній.—Сношенія мои съ К. Левицкимъ.—Перемѣна въ румынскомъ министерствѣ.

Нора мнѣ однако перейти къ изложенію исполненія моей командировки—собиранія свѣдѣній, а для этого надо вернуться назадъ.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Бухарестъ получилъ я приглашеніе пріѣхать къ Евлогію Георгіеву. Домъ Евлогія представлялъ снаружи весьма красивую, изящную виллу, хотя и былъ расположенъ въ глухой части города и казался съ улицы мертвымъ, со спущенными жалюзи и закрытыми изнутри ставнями. Не только ворота, въ видѣ красивой желѣзной рѣшетки, но и калитка были на запорѣ. На звонокъ у воротъ прежде всего откликнулись собаки, а затѣмъ сторожъ, оглянувъ пріѣзжихъ и увидавъ пріѣхавшаго со мной Золотарева, почтительно впустилъ насъ на дворъ.

Нижній этажъ дома былъ занятъ конторой и помѣщеніемъ самого Евлогія, а въ бѣль-этажѣ были парадныя богатыя комнаты и жила сестра Евлогія, вдова, по фамиліи, кажется, Пульвіева.

1) См. „Русскую Старину“ мартъ, 1899 г.

Въ конторѣ Евлогія, у котораго служили исключительно болгары и которая, какъ и весь домъ его, была пристанищемъ болгаръ, бѣжавшихъ изъ Турціи, увидѣлъ я въ первый разъ Начовича, игравшаго впоследствии видную роль въ приготовленіяхъ къ войнѣ, а затѣмъ и въ управленіи освобожденной Болгаріей.

Григорій Дмитріевичъ Начовичъ былъ уроженецъ Систова, откуда долженъ былъ бѣжать, будучи скомпрометированъ въ глазахъ турецкаго правительства въ политическомъ отношеніи. Въ Систовѣ продолжалъ жить его старикъ отецъ и другіе родственники, богатые купцы. Надо замѣтить, что въ Болгаріи сословія нѣтъ, а потому населеніе можно дѣлить на классы только по роду занятій. Такъ какъ въ то время Болгарія, будучи турецкой провинціей, самостоятельной жизнью не жила и участія въ государственномъ управленіи не принимала, то существовало только два класса: купцы и землевладѣльцы, при чемъ крупнаго болгарскаго землевладѣнія не было, а были только хлѣбопашцы. Весьма ограниченное число лицъ занимало низшія административныя должности, но это были такъ называемые чорбаджи, люди богатые, служившіе туркамъ и пользовавшіеся нерасположеніемъ своихъ соотечественниковъ-единовѣрцевъ. Очень много болгарской молодежи получало образованіе за границей, но не находя возможности прилагать свои знанія на родинѣ, оставалась проживать внѣ отечества, преимущественно въ Австріи и Румыніи. Только доктора, получившіе дипломы у насъ или за границей, и духовенство, обучавшееся въ Россіи, преимущественно въ Кіевской духовной академіи, находили мѣста въ Болгаріи. Начовичъ былъ женатъ на болгаркѣ изъ фамиліи Паница и послѣ бѣгства своего изъ Турціи проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ родственники его жены занимались разными торговыми дѣлами и имѣли торговую или банкирскую контору: «Братья Паница» (Panitza frères).

Григорій Начовичъ обладалъ весьма типичной наружностью; довольно высокаго роста, совершенный брюнетъ, плотный, широкоплечій съ очень большой головой, чрезвычайно густыми черными волосами, остриженными подъ гребенку и такой же бородой, онъ былъ олицетвореніемъ авергін и силы, а глаза его, маленькіе, но замѣчательно выразительные, изобличали весьма недюжинныя способности: у него было то, что называется un regard malicieux. Происходя изъ богатой болгарской семьи, занимавшейся торговлей, онъ имѣлъ большія связи и знакомства по обѣ стороны Дуная, былъ неисчерпаемъ въ изобрѣтеніи способовъ и уловокъ добывать свѣдѣнія и сдѣлался моимъ ближайшимъ помощникомъ, правой рукой и продолжалъ свою дѣятельную работу до перехода нашей арміи черезъ Дунай, когда и я занялся другими дѣлами. Долженъ прибавить еще, что за все время служенія мнѣ и нашей арміи въ дѣлѣ собиранія свѣдѣній, Начовичъ ни одного разу не только не

взялъ денегъ, въ смыслѣ награды за труды, но даже въ частыхъ разбѣздахъ своихъ бралъ только деньги, необходимыя для уплаты желѣзной дороги или за экипажъ. Такимъ образомъ я могу сказать, что дѣятельность Начовича была въ высшей степени полезна и вполне безкорыстна. Къ сожалѣнію впослѣдствіи, т. е. при существованіи самостоятельной Болгаріи, послѣ переворота, устроеннаго княземъ Батенбергомъ въ 1888 году, и уничтоженія конституціи, Начовичъ перешелъ въ лагерь противниковъ Россіи, но это случилось гораздо позже, и поворотъ этотъ имѣлъ свою исторію и свои причины.

Объяснивъ Начовичу обстановку и цѣли, которыя мы должны преслѣдовать, сообразивъ наши денежные средства, я пришелъ къ заключенію, что скудость финансовъ, мнѣ выданныхъ, о которой говорили Г. И. Бобриковъ, Н. Д. Артамоновъ, даже самъ Д. Θ. Стурартъ, сказывается уже въ самомъ началѣ; о постоянной агентурѣ съ аккуратнымъ періодическимъ полученіемъ свѣдѣній нечего было думать; приходилось ограничиваться посылкой въ разныя мѣста отдѣльныхъ лицъ и вести дѣло хотя и добросовѣстно, но строго говоря—неудовлетворительно.

Для начала одинъ агентъ былъ посланъ въ Русукуъ, другой—въ Шумлу, третій—въ Турнь-Магурели и Никополь, четвертый, котораго я хотѣлъ послать за Балканы, былъ вызванъ въ Букарестъ для полученія личныхъ моихъ указаній. Отправляя моихъ агентовъ, я всегда давалъ имъ словесныя указанія, причемъ, конечно, приходилось читать цѣлыя лекціи разныхъ военныхъ наукъ и прорепетировать урокъ. Давать письменныя инструкціи было весьма опасно, во-первыхъ, для самого посланнаго, противъ котораго инструкціи служили бы явной уликой, а во-вторыхъ и для дѣла, обнаруживъ непріятелю предметы и пункты, на которые мы обращаемъ вниманіе. Я получилъ однажды (8-го февраля) отъ моего агента изъ Силистріи извѣстіе, что одинъ болгаринъ, снабженный 20 наполеонами (400 франк.) и вопросными пунктами на русскомъ языкѣ, былъ пойманъ и, оказавшись турецко-поданнымъ, повѣшенъ въ Тульчѣ.

Для ускоренія дѣла, а также вслѣдствіе невозможности дѣйствовать иначе, приходилось посылать иногда Начовича или вообще когонибудь изъ Букареста съ словесными моими указаніями къ другому агенту въ одно изъ прибрежныхъ мѣстъ Дуная (на Румынскомъ берегу), а этотъ въ свою очередь, перебравшись за Дунай, передавалъ порученіе третьему. Такъ напримѣръ Начовичъ и нѣкоторые другіе агенты, будучи скомпрометированы въ глазахъ турецкаго правительства, не могли ѣхать на турецкую территорію, а потому должны были вызвать когонибудь съ того берега, для передачи порученія. Подобный способъ конечно приводилъ къ проволочкѣ во времени, ошибкѣ при передачѣ моихъ указаній, а также и донесеній, да и обходился не дешево, такъ что

уже первое мое донесеніе К. Левицкому изъ Букареста я вынужденъ былъ закончить словами: «денегъ, денегъ и денегъ».

Первоначальныя свѣдѣнія того времени сводились къ тому, что въ Придунайской Болгаріи войскъ мало, и при томъ ихъ часто передвигаютъ съ мѣста на мѣсто, почему и можно было встрѣчать въ газетахъ постоянныя извѣщенія, что войска прибыли то туда, то сюда. Въ Русукѣ считалось отъ 4—5 тысячъ низама и редифа ¹⁾; 20-го декабря перевезено по Дунаю въ Виддинъ около 1.000 человекъ регулярной пѣхоты, въ горахъ не дѣлалось еще никакихъ приготовленій для нашей встрѣчи; по крайней мѣрѣ со стороны Габрова (Шипки) и Тырнова все было спокойно. По слухамъ, турки не ждали нашей переправы у Русука, а ожидали таковую у Силистрии и у Калафата, т. е. въ послѣднемъ случаѣ ближе къ Сербіи. Погода стояла теплая и дороги были отвратительны, даже шоссе; около Турнь-Северина показался на Дунаѣ ледъ, но это былъ не дунайскій, а изъ выпадающихъ въ него съ сѣвера рѣчекъ; надежды на замерзаніе Дуная было мало.

Свѣдѣнія, доставляемыя моими агентами, я провѣрялъ всевозможными путями; такъ напримѣръ къ 1-му января, по свѣдѣніямъ моихъ людей, въ Русукѣ была регулярная турецкая дивизія. Въ газетѣ *Turquie* № 1-й 1877 года было написано, что Фазли-паша ²⁾ назначенъ начальникомъ дивизіи въ Русукѣ, Рифаатъ-паша ³⁾ и Ахметъ-паша назначены командирами бригадъ этой дивизіи; такимъ образомъ по двумъ источникамъ я зналъ, что въ Русукѣ дивизія изъ 2-хъ бригадъ. Князь Карлъ сказалъ Г. И. Бобрикову, что по его свѣдѣніямъ въ Русукѣ 4.500 человекъ и что турецкіе баталіоны состоятъ (въ то время) не изъ 500, а изъ 250—300 человекъ. Такъ какъ организація турецкихъ дивизій того времени была весьма различна, то одна дивизія, состоявшая изъ 2-хъ бригадъ, въ которой было 4 полка или 16 баталіоновъ, по 300 человекъ въ баталіонѣ, могла имѣть всего 4.800 человекъ. Если возьмемъ ту же дивизію, но не въ 16, а въ 12 баталіоновъ и не по 300, а по 400 человекъ въ баталіонѣ, то получимъ тѣ же 4.800 человекъ. Итого по тремъ источникамъ (князь, болгары и газеты), въ Русукѣ къ 1 января 1877 года находилось отъ 4.500 до 4.800 человекъ.

Такая же дивизія, по всѣмъ свѣдѣніямъ, была и въ Добруджѣ подъ командой Али-паши. Въ январѣ муширомъ, т. е. главнокомандующимъ войскъ по Дунаю (въ дунайскомъ виліетѣ) былъ назначенъ Ахмедъ-Эюбъ-паша, который дрался съ сербами у Зайчара. Онъ пріѣзжалъ въ

¹⁾ Низамъ—регулярное войско, несущее дѣйствительную службу. Редифъ—запасные. Мустахфизъ—ополченіе.

²⁾ Извѣстный пьяница, старый турокъ, пользовавшійся репутаціей энергичнаго, упорнаго и жестокаго.

Рушукъ, осматривалъ укрѣпленія и уѣхалъ въ Шумлу, гдѣ былъ штабъ 2-го корпуса, поступившій впослѣдствіи подъ команду Фазли-паши.

При собираніи свѣдѣній я всегда относился очень осторожно къ тѣмъ, которые получались изъ румынскихъ источниковъ, такъ какъ по опыту зналъ о наклонности румынъ къ преувеличиванію всякихъ страховъ, въ томъ числѣ и силъ непріятеля; послѣдствія показали, что они также склонны преувеличивать свои подвиги. Такъ, князь Карлъ говорилъ, что его офицеры смѣло гуляютъ по южному берегу Дуная, для рекогносцировокъ, но это конечно было пустое хвастовство.

Враждебныя намъ газеты раздували силы турокъ; офиціозный турецкій «Вакиъ» дѣлалъ это по обязанности, а разные «Pester Loyd», «Neue Freie Presse», румынскія «Timprul» и «Romanul» по ненависти къ Россіи. «Вакиъ» расходился даже иногда съ официальной «Turquie». Я попробовалъ однажды дѣлать цифры «Вакиа» на 4 и выходило вѣрно; такъ по «Вакиту» въ Рушукѣ было 18.000, а въ дѣйствительности 4.500; то же и въ Добруджѣ.

Къ концу декабря въ Константинополь стали прибывать изъ Египта и нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Турціи, какъ на примѣръ изъ Салоникъ, египетскія войска, которыя затѣмъ перевозились въ Варну; общее же направленіе подкрѣпленій было къ Силистріи и Виддину, причѣмъ передвиженіе войскъ совершалось сухимъ путемъ и водой (моремъ и Дунаемъ). Это подтверждало слухи, что насъ ожидаютъ преимущественно у Силистріи и со стороны Сербіи или у Калафата. Въ остальныхъ мѣстностяхъ придунайской Болгаріи къ 1 января 1877 г. было: въ Систовѣ 600 человекъ пѣхоты (1½—2 баталіона), 1 эскадронъ и двѣ батареи по 6 орудій каждая; предполагали строить укрѣпленія, но исполненія не было.

Въ Тырновѣ былъ одинъ полкъ регулярной пѣхоты (1.600 чел.), одна стальная батарея; укрѣпленій никакихъ.

По путямъ между Систовымъ и Тырновымъ не только не было укрѣпленій, но не было и признаковъ приготовленія таковыхъ.

Въ Габровѣ стоялъ баталіонъ регулярной пѣхоты безъ кавалеріи и артиллеріи, и были старыя полевыя земляныя укрѣпленія, разрушенныя временемъ и не поддерживаемыя.

По дорогѣ, ведущей изъ Габрова черезъ Шипкинскій перевалъ въ деревню Шипку, не было никакихъ укрѣпленій, преградъ или загражденій, не было никакихъ признаковъ, которые указывали бы на приготовленія къ какимъ нибудь работамъ. Дорога черезъ перевалъ была и въ то уже время доступна для повозокъ и въ довольно хорошемъ состояніи, такъ какъ окрестные жители болгары обязаны были ее поддерживать въ исправности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у подножія Балканъ (по сѣверную ихъ сторону), какъ то: въ Дреновѣ, Травнѣ, Лясковцѣ было по ротѣ пѣхоты.

Между Рушукомъ и Тырновымъ, т. е. въ Бѣлѣ, не было войскъ, а по шоссе не было укрѣпленій.

Сущестующія въ Шумлѣ съ прежнихъ временъ укрѣпленія сохранились въ порядкѣ, но новыхъ возведено не было. Въ первыхъ числахъ января Фазли-паша переведенъ былъ въ Шумлу съ назначеніемъ командиромъ 2-го корпуса. Въ Рушукъ вмѣсто него назначенъ Тахиръ-паша. Численность войскъ всѣхъ родовъ оружія въ Шумлѣ была около 10.000 человѣкъ.

Ни въ Разградѣ, ни по шоссе между Разградомъ и Рушукомъ укрѣпленій или лагерей не было ¹⁾. Въ городѣ было два баталіона.

Между Шумлою и Каспитчене (станція Рушукско-Варненской желѣзной дороги близъ Шумлы, которая соединяется съ этой станціей шоссеюной дорогой) находилось громадное сомкнутое укрѣпленіе командующее станціей желѣзной дороги и шоссе, ведущимъ въ Шумлу, и называлось Бешъ-Тепе, т. е. пять угловъ.

Въ Праводахъ былъ баталіонъ пѣхоты.

Въ концѣ декабря прибыло въ Варну на 4-хъ пароходахъ 6 таборовъ египетскихъ войскъ съ 24-мя орудіями, да было прежде 4.000 редифовъ, перевезенныхъ туда изъ Черногоріи.

Египетскія войска были одѣты и снабжены лучше турецкихъ. Ждали прибытія Египетскаго принца Гассана.

Въ декабрѣ земляныя укрѣпленія, окружающія городъ Рушукъ, находились въ самомъ дурномъ состояніи: рвы во многихъ мѣстахъ были засыпаны, скотъ и люди свободно проходили цѣликомъ черезъ эти бруствера и рвы въ поле и обсыпали ихъ. Особенно плохи были укрѣпленія восточной стороны, гдѣ ровъ уже почти не было, а также не было никакого вооруженія. Укрѣпленія, окружающія Рушукъ съ сѣверной стороны, находились нѣсколько въ лучшемъ видѣ. Въ каждомъ подобномъ укрѣпленіи со стороны Дуная находилось тогда по двѣ мѣдныя пушки и по одной мортирѣ. Восточная сторона была болѣе разрушена, потому что на восточной сторонѣ была потребность для выхода въ поле жителямъ и скоту, тогда какъ съ сѣверной стороны, обращенной къ Дунаю, не было такой надобности, а потому укрѣпленія лучше сохранились и осталось то вооруженіе, которое существовало прежде.

Что касается до вновь возведенныхъ и возводимыхъ укрѣпленій, то въ то время таковыхъ было два. Одно находилось почти на уровнѣ Дуная, съ восточной стороны города, въ разстояніи одного километра отъ станціи желѣзной дороги, почти у самой рѣки. Ровъ укрѣпленія

¹⁾ Не считая конечно входившихъ въ составъ крѣпости Рушука.

былъ глубиною 1½ метра, эскарпъ и вообще отлогости одѣты плетнемъ или фашинами; во рвы могла быть напущена вода изъ Дуная; вооруженія еще не было. По формѣ начертанія можно было съ вѣроятностью предположить, что это береговая батарея. Видѣть ее прямо изъ Журжево нельзя было, такъ какъ она заслонена островомъ, поросшимъ вербой (какъ и большая часть острововъ Дуная).

Другое, вновь возводимое укрѣпленіе находилось къ югу отъ города, на возвышеніи, господствовавшемъ надъ городомъ, Дунаемъ и всей окружающей мѣстностью. Для постройки этого укрѣпленія употреблялись исключительно солдаты; населеніе же турецкое, а тѣмъ паче болгарское не допускалось и никому не позволяли приближаться къ этому форту ¹⁾.

Въ Русукѣ, около старыхъ укрѣпленій, окружающихъ городъ, было четыре большихъ пороховыхъ погреба, которые можно видѣть съ сѣвернаго берега Дуная, по очень высокимъ громоотводамъ, по одному при каждомъ погребѣ.

Сверхъ дивизіи пѣхоты въ Русукѣ была еще артиллерія, черкесы и баши-бузуки, всего, считая съ регулярной пѣхотой, до 700 человекъ изъ коихъ до 300 азіатскихъ, остальные низамъ и редифъ Европейской Турціи. Нѣкоторая часть войскъ (около 2.000, съ 4 орудіями) выбыла въ Виддинъ и была перевезена на пяти пароходахъ и трехъ баржахъ, но зато была пополнена, 28-го декабря, изъ Варны (1.100 чел.); а 29-го декабря изъ Шумлы (1.300 чел.). Это были редифы изъ Дамаска. Цифры эти удавалось провѣрять разными путями. Такъ, напри- мѣръ, послѣднія двѣ цифры получены отъ болгаръ, жителей Русука, у которыхъ турецкая городская администрація требовала помѣщенія для означеннаго количества людей и къ показаннымъ выше числамъ; но домохозяева-болгары, уже весьма стѣсненные военнымъ постоемъ, наняли для размѣщенія этихъ войскъ четыре хана (гостиницы или постоялыя дворы).

Въ Никополѣ было около двухъ таборовъ регулярной пѣхоты (900 чел.), устраивался складъ, въ который свозились пшеница и кукуруза.

За Балканами, кромѣ Константинополя, по всѣмъ свѣдѣніямъ, разносторонне провѣреннымъ, въ концѣ декабря 1876 и въ первыхъ числахъ января 1877 года войскъ не было; получаемыя иногда свѣдѣнія о появленіи войскъ въ Южной Болгаріи всегда дополнялись извѣстіями о направленіи ихъ въ Варну, Шумлу и на Дунай, такъ что прибывавшіе въ Константинополь войска изъ Малой Азіи, Сербіи и Черногоріи только проходили Южную Болгарію, направляясь на сѣверъ. Мустахфыза (ополченія) еще не существовало.

¹⁾ Это укрѣпленіе стало извѣстно впоследствии подъ именемъ Левентъ Табیا.

Большинство турецкихъ регулярныхъ войскъ, находившихся въ дунайскомъ вилайетѣ, принадлежало къ низаму и редифу, участвовавшему въ военныхъ дѣйствіяхъ этого года въ Нишѣ противъ сербовъ и въ Черногоріи. Въ то время они имѣли весьма жалкій видъ и было много больныхъ; одинъ изъ моихъ людей присутствовалъ при выгрузкѣ собственно турецкихъ войскъ, прибывшихъ изъ Варны въ Русуку, и сообщалъ, что всѣ люди сильно кашляютъ, а лошади еле ходятъ.

Формированіе національной гвардіи, распоряженіе о которой совпало съ провозглашеніемъ конституціи, приводилось въ исполненіе весьма медленно, такъ что можно было считать проектъ этотъ существующимъ лишь на бумагѣ. Только въ Тырновѣ, Русуку и нѣкоторыхъ другихъ большихъ центрахъ турецкой администраціи попадались на улицѣ молодые люди, одѣтые въ форму національной гвардіи, съ галунами на воротникѣ и рукавахъ и съ зелеными шнурами по швамъ рукавовъ и другимъ.

Въ войскахъ, расположенныхъ въ Разградѣ, Шумлѣ и Праводахъ существовало большое дезертирство (между редифомъ), такъ какъ они по большей части набраны были изъ окрестныхъ мѣстъ и могли, слѣдовательно, удобно бѣжать и скрываться. Сѣно и солома, урожая 1875 и 1876 годовъ, сохранены въ При-Дунайской Болгаріи (сѣвернѣе Балканъ) почти въ цѣлости, причемъ урожай этихъ годовъ были очень велики. Турецкое правительство еще не приняло никакихъ мѣръ относительно этихъ двухъ предметовъ (сѣно и солома), то-есть не скупило, не подрядило, не отобрало, не сожгло. Зерноваго хлѣба, особенно маиса, было по всей Болгаріи огромное количество.

Вообще, по всѣмъ свѣдѣніямъ, постоянно проверяемымъ разными способами, подтверждалось, что продовольствія въ Болгаріи, по сю сторону Балканъ, въ изобиліи, но что оно разбросано.

Въ Варнѣ производилось, въ большихъ размѣрахъ, заготовленіе хлѣба и устраивались склады маиса,—по словамъ жителей на случай осады. Слухъ объ осадѣ усилился послѣ пріѣзда въ Варну, въ концѣ декабря, Гоббарта-паши и Беккеръ-паши, осматривавшихъ въ подробности варненскія укрѣпленія.

Около 6-го января движеніе войскъ усилилось по направленію къ Виддину и въ то же время начались нѣкоторыя работы внутри страны. Такъ, въ это время я получилъ свѣдѣніе о постройкѣ укрѣпленій у Лютакова, въ верховьяхъ Искера, по дорогѣ изъ Врацы въ Софію. На островахъ Дуная, по сосѣдству съ Русукомъ, шла усиленная работа вязанья фашангъ и плетенья туровъ.

Помня наставленія Непокойчицкаго, я сообщилъ въ главную квартиру и другія свѣдѣнія, имѣвшія отношенія къ данной обстановкѣ. Такъ, узналъ я и проверилъ, что въ декабрѣ вошли изъ Константинополя въ

Дунай броненосные корветы «Хивзи» (Гафизъ), «Рахманъ» и «Лютфи-Джелиль»; ихъ впоследствии видѣли на Дунаѣ, въ Галацѣ, Силистріи и Русукѣ.

О минахъ, торпедахъ и вообще устройствѣ какихъ-либо загражденій въ районѣ Тульча—Систовъ не было слуховъ.

Болгары, донельзя интересовавшіеся будущимъ, часто спрашивались, сколько у насъ въ Бессарабіи войскъ и неужели только 120.000, какъ говорятъ газеты. При этомъ всегда просили передать (какъ-будто я могъ что-нибудь сдѣлать?), чтобы увеличили число войскъ, прибавляя что «корму всякаго дадимъ и достанемъ, особенно перейдя Дунай, будете какъ дома».

Въ началѣ моего пребыванія въ Румыніи я думалъ, что буду въ состояніи повѣрять свои свѣдѣнія румынскими источниками, но въ виду двуличной политики Румыніи это оказалось невозможнымъ; когда же Братиано явился, 5-го января, въ консульство съ предложеніемъ подписать конвенцію, представилась возможность передать ему еще ранѣе составленную мною записку съ вопросными пунктами для полученія свѣдѣній. Конечно, записка была составлена осторожно, такъ что по ней нельзя было судить, какіе пункты для насъ важны, какіе нѣтъ.

Во время министерства Флореско въ румынскомъ генеральномъ штабѣ начали печатать маршрутную карту Румыніи, но по сверженіи Флореско дѣло это, какъ и многія другія полезныя начинанія, остановилось. Тѣмъ не менѣе, я хлопоталъ и получилъ надежду добыть, конечно за деньги, экземпляръ этой карты вчернѣ, не отдѣланный. Но въ обѣщанный срокъ (11-го января) карты не было. Къ счастью нашелся книготорговецъ и издатель картъ, Сочекъ, конкурировавшій съ главнымъ штабомъ румынской арміи по части изданія картъ; онъ продалъ мнѣ карту своего изданія, тоже вчернѣ и неотдѣланную, но съ населенными пунктами и съ обозначеніемъ количества душъ въ деревняхъ. Понятно, что все это требовало денегъ.

Въ то же время меня началъ бомбардировать просьбами о присылкѣ денегъ нашъ рупцукскій консулъ Кожевниковъ; ему было выслано какъ-то, задолго еще до моего пріѣзда, 500 франковъ, но эта сумма быстро изсякла. Я ему отправилъ, въ два раза, 2.500 франковъ. Такимъ образомъ, я оставался уже почти безъ денегъ, и потому всѣ мои письма и донесенія кончались просьбой выслать денегъ или разрѣшить сдѣлать заемъ въ консульствѣ, такъ какъ «не знаешь ни дня, ни часа, когда они понадобятся, сію минуту, безотлагательно». Наконецъ, въ началѣ января я получилъ разрѣшеніе занимать въ консульствѣ по мѣрѣ надобности, но кредитъ былъ ограниченъ 5.000 франковъ.

Въ первыхъ числахъ января Начовичъ обрадовалъ меня пріятнымъ извѣстіемъ: въ Журжевѣ, встрѣтилъ онъ прежняго пріятели, болгарина,

служившаго въ то время на товарной станціи Русчукско-Варненской желѣзной дороги. Понятно, что мы тотчасъ же вошли съ нимъ въ сношенія, устроили передачу извѣстій черезъ другого болгарина, жившаго постоянно въ Журжевѣ и съ тѣхъ поръ у меня въ Русчукѣ появился постоянный агентъ, который въдобавокъ по службѣ своей могъ сообщать мнѣ самыя точныя и самыя разнообразныя свѣдѣнія. При первомъ удобномъ случаѣ ему были сообщены словесныя инструкціи, которыя были имъ отлично усвоены и исполняемы съ замѣчательной точностью. Первое свѣдѣніе, которое я получилъ отъ него, заключалось въ томъ, что изъ Варны привезли въ Русчукъ сто бочекъ цемента, употребляемаго для кирпичной и каменной кладки; эти бочки онъ самъ, какъ правительственный чиновникъ желѣзной дороги, перевозилъ въ Левентъ-Табію. Онъ прислалъ рисованный имъ планъ этого укрѣпленія. Получивъ его, мнѣ необходимо было сдѣлать нѣкоторыя дополненія, и этотъ болгаринъ, подъ предлогомъ ошибки, сдѣланной въ счетахъ по доставкѣ цемента, отправился опять лично къ инженерамъ, работавшимъ на Левентъ-Табіи, для провѣрки счетовъ и для доставленія затребованныхъ мною свѣдѣній. Оказалось, что между Левентъ-Табіей и Русчукомъ возводятъ новое укрѣпленіе, съ 5-го января начали исправлять всѣ старыя укрѣпленія, въ то же время привезли въ Русчукъ четыре большихъ крѣпостныхъ орудія и провезли ихъ на Левентъ-Табію. Отъ этого же болгарина я получилъ подтвержденіе прежнихъ моихъ свѣдѣній о нахожденіи въ Русчукѣ дивизіи, входящей въ составъ 2-го корпуса, штабъ коего находился въ Шумлѣ. Дивизія эта была сборная: были войска изъ Дамаска, было нѣсколько батальоновъ, прибывшихъ изъ Скутари (Шкодра). Съ 5-го января начали прибывать въ Русчукъ почти ежедневно новыя войска, но весьма малыми партіями, отъ 60—100 человекъ; санитарное состояніе ихъ было весьма плохо. Мнѣ сообщалось обстоятельно о томъ, оставались ли они въ Русчукѣ или уходили и куда.

Приблизительно въ это время получены были барономъ Стурартомъ разные запросы изъ Кишинева.

1) Интендантъ Аренсъ просилъ узнать о складахъ Евлогія Георгіева. Этотъ вопросъ меня и удивилъ, я огорчилъ. Удивилъ потому, что изъ него ясно было видно, что въ главной квартирѣ разныя управленія дѣйствуютъ врозь и не спѣлись. Давно уже, еще до моего пріѣзда, было сообщено полевому штабу, что Евлогіи предлагаетъ устроить склады тамъ, гдѣ ему прикажутъ. Затѣмъ я неоднократно писалъ объ Евлогіи, подробно указавъ гдѣ находятся его постоянные склады; но я писалъ К. Левицкому и судя по запросу Аренса можно было допустить, что тотъ, кому надлежало вѣдать этимъ дѣломъ, интендантъ арміи—ничего объ этомъ не зналъ. Огорчилъ же меня этотъ вопросъ потому, что до сихъ поръ Евлогіи не получилъ столь ожидаемаго имъ спасѣнія.

2) Аренсъ спрашивалъ, есть ли сѣно въ Румыніи; отвѣчено, что почти нѣтъ и скоро совсѣмъ не будетъ.

3) Сообщено, что въ настоящее время есть много лицъ въ Румыніи, имѣющихъ и желающихъ продать различные продукты для довольствія войскъ, но что если мы желаемъ купить или подрядить, то надо торопиться, такъ какъ, вслѣдствіе безденежья, владѣльцы ждать не будутъ и продадутъ. Въ Краіовѣ были огромные запасы ячменя, и такъ какъ Краіово находится на желѣзной дорогѣ, потому ячмень можетъ быть легко перевезенъ куда угодно; перевозить его сейчасъ нѣтъ надобности, онъ можетъ лежать сколько угодно, но надо рѣшить: беремъ или не беремъ. Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы хотятъ везти въ Калафатъ для продажи туркамъ.

4) Еще до меня былъ сдѣланъ барону Стурарту запросъ изъ Кишинева, можно ли получить въ Румыніи отъ правительства или частныхъ лицъ, конечно въ обоихъ случаяхъ покупкою—лѣсъ и бревны.

Отвѣчено мною, что Братіано берется поставить изъ казенныхъ дачъ бревенъ сколько потребуется. При этомъ Братіано, конечно, не спрашивалъ гдѣ они должны быть заготовлены, вполне понимая, что этого ему не скажутъ, а просилъ только сказать, нужны ли бревна или и доски, такъ какъ для выпилки досокъ требуется время ¹⁾.

Всѣ эти свѣдѣнія были посланы въ Кишиневъ съ «оказіей», съ случайно ѣхавшимъ изъ Сербіи извѣстнымъ Райчо Николовымъ, въ настоящее время офицеромъ русской службы, а во времена оны прославившимся тѣмъ, что, будучи еще мальчикомъ, почти ребенкомъ, въ войну 1853 года, онъ переплылъ Дунай (кажется у Силистріи) съ помощью бычачьихъ пузырей и корыта, явился въ главную квартиру нашихъ войскъ и сообщилъ важныя свѣдѣнія о турецкой арміи. Въ то время (1853—54 г.) издавался «Русскій Художественный Листокъ» Тимма и тамъ, въ числѣ рисунковъ, изображавшихъ разные эпизоды, былъ нарисованъ Райчо Николовъ, переплывшій Дунай.

По отправленіи этого новаго курьера, продолжалось полученіе свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ; они становились чаще, опредѣленнѣе и серьезнѣе. 7-го января явился извѣстный мнѣ до того времени только по перепискѣ, болгаринъ Церковскій, уполномоченный собирать свѣдѣнія о сѣверо-западной части При-Дунайской Болгаріи. Онъ былъ въ Видинѣ, пробрался въ Русчукъ, видѣлся тамъ съ мѣстными моими агентами, возбудилъ подозрѣнія турокъ и едва убѣжалъ. Онъ доставилъ мнѣ драгоценныя свѣдѣнія, о которыхъ я уже имѣлъ донесенія раньше, но не считалъ ихъ достовѣрными. Получивъ его сообщенія, я уже былъ

¹⁾ На этотъ вопросъ, о заготовкѣ дерева, слѣдуетъ обратить особое вниманіе въ виду недоразумѣній, оказавшихся впоследствии.

вправѣ удостовѣрить, что часть турецкой арміи, силою отъ 30—40 тысячъ, дѣйствовавшая противъ Сербіи у Зайчара и Бѣлградчика, находившаяся подѣ командой Ахмеда-Эюбъ-паши, въ данное время, послѣ перемирія, заключеннаго между Портой и Сербіей, стягивается къ Виддину и Никополю, причеиъ въ самомъ Виддинѣ 7.500 человекъ, остальные же размѣщены въ окрестностяхъ и въ Никополѣ. Предполагалось, что турки сдѣлаютъ попытку переправиться въ Румынію у Калафата; румынское правительство весьма боялось этого, но я лично никогда не придавалъ вѣры переправѣ турокъ въ Румынію. Изъ Рушукъ получено донесеніе, что правая, восточная сторона Левентъ-Табіи окончена и вооружена четырьмя круповскими орудіями, привезенными изъ Варны. Орудія поставлены для стрѣльбы черезъ банкъ. Насупротивъ Левентъ-Табіи строятъ другое укрѣпленіе, по другую сторону шоссе, земляное и меньшихъ размѣровъ.

Въ Шумлу пріѣзжалъ Беккеръ-паша и осматривалъ фортъ у Каспитчене; онъ нашелъ, что Бешъ-Тепе дурно поставлено и можетъ быть легко обойдено и атаковано съ юга, а съ паденіемъ его является опасность для Шумлы. Вслѣдствіе этого Беккеръ указалъ мѣсто для дополнительныхъ укрѣпленій.

Число судовъ на Дунаѣ увеличилось. Явились у Рушукъ три винтовые лодки и два корвета, содержавшіе постоянные рейсы между Рушукъ и Виддиномъ. Морозы усилились, доходили по ночамъ до 10° R, но Дунай не замерзалъ и снѣгу не было.

Въ январѣ пріѣхалъ въ Букарестъ, какъ будетъ дальше описано подробно, полковникъ Г. И. Бобриковъ. Я ждалъ полученія разныхъ отвѣтовъ и потому былъ пораженъ, не получивъ отъ него ни одного слова въ отвѣтъ на массу моихъ вопросовъ. Отъ него я узналъ, что консулъ Кожевниковъ пишетъ донесенія прямо въ Кишиневъ, въ запечатанныхъ конвертахъ, посылая ихъ черезъ наше консульство въ Букарестъ; пакеты его, конечно, не распечатывались и содержаніе ихъ было мнѣ неизвѣстно. Между тѣмъ, оказалось, что Кожевниковъ писалъ письмо къ Хитрово, для доклада Непокойчицкому по вопросамъ, заданнымъ ему (Кожевникову) мною. Такимъ образомъ, выходила ужасная путаница. Кишиневъ получалъ отвѣты, имъ не заданные, не былъ въ состояніи въ нихъ разобраться, а я волновался, не получая отвѣтовъ отъ Кожевникова.

Къ счастью моему, свѣдѣнія о непріятелѣ, сообщаемыя Кожевниковымъ и мною, были совершенно тождественны.

Бобриковъ сообщилъ мнѣ, что Левицкій недоволенъ, не получая отъ меня свѣдѣній о Добруджѣ. Во-первыхъ, я кое-что сообщалъ объ этой мѣстности, а во-вторыхъ, при отправленіи меня за-границу, мнѣ былъ точно указанъ районъ моихъ работъ: Рахово-Ольтеница. Къ востоку отъ

Ольтеницы, какъ мнѣ было сказано, работаетъ Люба (Новосильцевъ). Получивъ отъ Бобрикова это сообщеніе, я тотчасъ же послалъ моихъ людей въ Каларашъ и далѣе, но въ то же время придумался надъ порядками, царствовавшими въ полевомъ штабѣ.

Матеріала для размысленія было много; приведу для образчика кое-что. Въ Букарестѣ и вообще въ Румынію начали наѣзжать наши инженерные офицеры. Такъ, однажды, я получилъ донесеніе отъ одного изъ моихъ агентовъ, «что проѣхалъ русскій офицеръ Битнеръ; при немъ провожатымъ былъ Іованчо Ванковъ изъ Краіовы». По справкамъ въ консульствѣ Битнеръ былъ неизвѣстенъ. 16-го января случайно встрѣтился я въ Букарестѣ съ инженеръ-полковникомъ Мазюкевичемъ, а наканунѣ были у Бобрикова русскіе офицеры Кирпичевъ и вышепомянутый Битнеръ. Они всѣ разсказывали, что командированы въ Румынію по разнымъ инженернымъ дѣламъ начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи, причемъ имъ приказано взять проводниковъ и переводчиковъ въ Кишиневъ и отнюдь не входить въ сношенія съ мѣстными жителями въ Румыніи и отнюдь не ѣздить къ нашему консулу. Вышло то, что они набрали въ Кишиневѣ Богъ знаетъ какихъ-то грековъ, не знающихъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Для болгарина достаточно было увидѣть грека, чтобы быть на-сторожѣ и ничего не говорить. Всѣ эти офицеры жаловались на затрудненія, встрѣчаемыя ими при исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій, секретничали даже отъ насъ, и мы удивлялись и спрашивали: неужели въ Кишиневѣ, при отправленіи ихъ, имъ не было сообщено, что мы живемъ въ Букарестѣ и можемъ быть имъ полезны. Оказывалось, что они ровно ничего объ этомъ не знаютъ, бродятъ какъ въ лѣсу, боятся турокъ, румынъ, а больше всего боятся нашего консула.

Положимъ, до нѣкоторой степени объяснимо, что о моемъ существованіи этимъ, вновь прибывающимъ, людямъ не было сообщено; но какъ же не сказать, что въ Букарестѣ живетъ русскій полковникъ Бобриковъ, лицо официальное, не скрывающееся, который можетъ быть полезенъ.

Но штабъ секретничалъ отъ инженеровъ, инженеры отъ интендантовъ, а въ результатѣ выходила путаница. Полковникъ Мазюкевичъ, какъ человѣкъ весьма умный, а главное—бывалый (онъ участвовалъ еще въ оборонѣ Севастополя), рѣшился отступить отъ секретничанья, рекомендованнаго ему въ Кишиневѣ, и я досталъ ему, черезъ Евлогія, болгарина, знакомаго съ мѣстностью, куда Мазюкевичу надо было ѣхать, и немножко знакомаго съ предстоявшей ему работой на сѣверной части рѣки Аржисъ.

Такъ какъ подобныя пріѣзды разныхъ лицъ изъ Кишинева стали учащаться и всѣ они работали вразбродъ, то я рѣшился написать Левицкому, 8-го февраля, слѣдующее:

«Мнѣ кажется, что посылаемые изъ арміи лица, съ разными порученіями, дѣлали бы лучше, если бы входили въ сношенія съ тѣми, которыя находятся уже здѣсь и командированы тоже съ военными цѣлями: кажется это мнѣ потому, что 1) секретъ отъ насъ не утаншь и 2) войдя въ сношенія могли бы быть другъ другу полезны.

«Ужь на что секретничали инженеры, однако я получилъ отъ моихъ агенто́въ сообщеніе о проѣздѣ Битнера; секреты Любы долго хранились подъ спудомъ, но такъ какъ въ его дѣлѣ не обошлось безъ Евлогія, то и я узналъ. Въ доказательство того, что при совмѣстномъ дѣйствіи мы могли бы быть другъ другу полезны, ссылаюсь на Мазюкевича: спросите, былъ ли Бобриковъ и я ему полезенъ?»

«Мы всѣ, находящіеся здѣсь, обстоятельствами приходимъ въ соприкосновеніе не только съ прямой цѣлью командировки, но и со всѣмъ положеніемъ и потому, безспорно, кромѣ пользы, вновь пріѣзжимъ ничего не принесемъ».

Несмотря на эти искреннія заявленія, голосъ мой оказался вопіющимъ въ пустынѣ, доказательствомъ чему послужитъ случайная встрѣча моя съ нашими моряками Новиковымъ и Крыдловымъ, которую я расскажу позже, въ своемъ мѣстѣ, и не случись которой, наши храбрые моряки могли бы поплатиться головой.

Въ январѣ пріѣхалъ также въ Букарестъ полковникъ генеральнаго штаба князь Каятакузенъ по вопросамъ, касавшимся конвенціи, и привезъ мнѣ письмо отъ Левицкаго. Въ письмѣ этомъ поразилъ меня вопросъ, за какую именно сумму денегъ продаютъ намъ Евлогій Георгиевъ и Веронъ—свои запасы и сколько именно. Я не могъ понять, какъ случилось подобное недоразумѣніе? Если предположить, что заявленіе Евлогія и Верона было дурно, то-есть непонятно написано, то и баронъ Стюартъ, и я столько уже разъ писали объ этомъ вопросѣ, что казалось онъ долженъ былъ бы быть вполне ясенъ. Нечего дѣлать, опять началъ писать, что о продажѣ и рѣчи нѣтъ, что названныя лица отнюдь не уступаютъ за деньги или другое вознагражденіе, а прямо жертвуютъ безвозмездно продукты для нашей арміи. Левицкій писалъ, что закупки будутъ производиться массами, при посредствѣ крупныхъ капиталистовъ; очевидно, что тогда уже существовалъ въ Кишиневѣ зародышъ будущихъ операцій товарищества. Затѣмъ, если интендантство или вообще начальство нашей арміи находило несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ принимать даръ отъ Евлогія, то слѣдовало бы это высказать и во всякомъ случаѣ поблагодарить жертвователей.

Левицкій спрашивалъ меня подробности объ организаціи моихъ работъ, на что я ему отвѣтилъ, что къ тому времени (середина января) у меня есть люди, постоянно живущіе въ разныхъ пунктахъ Сѣверной Болгаріи и въ Балканахъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ есть даже по нѣ-

сколько лицъ, есть другіе развѣзжающіе, корреспондирующіе и наконецъ два лица, имѣющія сношенія непосредственно со мной (Начовичъ и Церковскій). Я знаю большинство изъ развѣзжающихъ агентовъ; изъ нихъ же одинъ только знаетъ опредѣленно меня ¹⁾, остальные же общаются свои свѣдѣнія черезъ Начовича или Церковскаго. Къ Евлогію является почти ежедневно кто-нибудь, откуда-нибудь, такъ что я имѣлъ ежедневно новыя свѣдѣнія, но обыкновенно повѣрялъ ихъ черезъ кого-нибудь изъ развѣзжающихъ.

Левикскій писалъ мнѣ, что по какимъ-то свѣдѣніямъ въ Кишиневѣ предполагаютъ «о постоянномъ пребываніи арміи Мухтара-паши (?) въ окрестностяхъ Рушука». Я это свѣдѣніе опровергалъ. Я зналъ, что войска изъ Босніи и Герцеговины, а также отъ границъ Черногоріи уходятъ, но всѣ они направлялись сначала на Константинополь, а оттуда, дробясь, направлялись въ разные пункты; цѣлая же армія не могла пройти незамѣченною.

По тогдашнимъ моимъ свѣдѣніямъ (во второй половинѣ января) численность турецкой арміи въ Европейской Турціи была около 65—70 тысячъ и распредѣлялась такъ: въ Виддинѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ около 28 тысячъ, поступившихъ подъ начальство Османа-паши, въ Рушукѣ около 7 тысячъ, въ Шумлѣ—около 12 тысячъ, въ Силистріи—около 10 тысячъ, въ Добруджѣ, не считая Варны—около 7½ тысячъ, въ Тульчѣ, Систовѣ, Никополѣ ²⁾, Тырновѣ—отъ 800—1.000 человекъ въ каждомъ, всего, за исключеніемъ Варны, въ Сѣверной Болгаріи около 68 тысячъ человекъ. Цифра эта подтверждалась приблизительно различными показаніями и свѣдѣніями; она соотвѣтствовала и цифрѣ, показанной въ это время газетой «Daily News», весьма безпристрастной и всегда хорошо освѣдомленной. Турецкіе и туркофильскіе органы, конечно, ужасно преувеличивали силы турокъ, доводя численность арміи въ Болгаріи до 700 тысячъ. Въ это время весьма замѣтно возросло количество турецкой артиллеріи.

Зима становилась суровой, но снѣга не было; наиболѣе распространенными болѣзнями въ турецкой арміи были: воспаленіе легкихъ и поносъ. Дунай не замерзалъ и мѣстные старожилы высказывали мысль,

¹⁾ Это былъ болгаринъ Пантелеймонъ Наботковъ, воспитанникъ нашего Технологическаго института, очень порядочный и образованный человекъ, котораго я употреблялъ иногда даже для проверки свѣдѣній, доставляемыхъ Начовичемъ, если они возбуждали во мнѣ почему-нибудь недобѣріе. О моихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Наботковымъ, ни Начовичъ, ни Церковскій ничего не знали.

²⁾ Число войскъ въ Никополѣ постоянно усиливалось. Такъ къ 15-му января тамъ было уже болѣе 2.000 человекъ, взятыхъ изъ Виддина и Бѣлградчика.

что, пожалуй, и совсѣмъ не замерзнетъ; развѣ мѣстами затреть. Это говорили и въ Журжевѣ, въ Галацѣ и въ Букарестѣ.

Князь Карлъ заявилъ около этого времени барону Стурту, что по его свѣдѣніямъ у турокъ положительно существуетъ планъ, составленный Митхадомъ-пашей и Блумъ-пашей о поренесеніи всей войны въ Румынію, но мнѣ всегда казалось, что это просто румынская фантазія: частный переходъ для грабежа, преимущественно у Калафата, конечно былъ возможенъ.

Въ концѣ января произошли перемѣны въ румынскомъ министерствѣ; бывшій министръ публичныхъ работъ, Д. Стурдза, вышедшій въ отставку, вновь поступилъ въ составъ кабинета министромъ финансовъ; о выходѣ въ отставку Славичано говорить перестали.

Въ это же время пріѣхали въ Букарестъ наши консулы: изъ Русука—Кожевниковъ и изъ Галаца—Романенко, а я кончилъ всѣ возложенныя на меня рекогносцировки; причемъ рекогносцировки горныхъ проходовъ въ Балканахъ производилъ, конечно, черезъ моихъ людей.

Одно изъ послѣднихъ донесеній, полученныхъ мною отъ нашего консульскаго агента въ Варнѣ, Даскалова, гласило о прибытіи туда султанской гвардіи и о направленіи ея въ Праводы и Шумлу (Каспитчене).

VII.

Вторичный пріѣздъ Г. И. Бобривова въ Букарестъ. — Моя поѣздка въ Галацъ.—Консулъ А. С. Романенко.—Генералъ Граммонъ.—Вопросъ о защитѣ Барбошскаго моста.—Мое возвращеніе въ Букарестъ.—Обѣдъ у барона Стурта съ русскимъ корреспондентомъ.—Мое объясненіе съ нимъ.—Поѣздка въ Русукуъ.

11-го января по обыкновенію, отправился я утромъ въ русское консульство.

Постоянныя занятія по развѣдочной части естественно вліяли на меня въ извѣстномъ направленіи; бесѣдуя ежедневно съ различными моими агентами, то направляя и напутствуя ихъ разными указаніями, то принимая возвратившихся и разбирая добытыя свѣдѣнія, рекомендуя всѣмъ имъ осторожность, я невольно развилъ въ себѣ самомъ скрытность, вниманіе къ лицамъ и обстановкѣ, наблюдательность, даже нѣкоторую подозрительность. Сколько разъ случалось мнѣ, направляясь въ консульство и видя еще съ улицы, сквозь рѣшетку, какой нибудь незнакомый экипажъ у подъѣзда—не заворачивать во дворъ, а проходить мимо; вообще избѣгая входить туда черезъ парадный подъѣздъ

между двумя и пятью часами дня, когда у Стурта бывали съ визитами министры и дипломаты, я шелъ черезъ заднее крыльцо или заходилъ въ правый флигель, гдѣ была канцелярія. Понятно, что всякое новое лицо, встрѣченное въ консульствѣ, возбуждало мое вниманіе, и я удваивалъ осторожность въ словахъ и дѣйствіяхъ.

Войдя 11-го января въ большую переднюю консульства, я по усвоенной привычкѣ посмотрѣлъ на вѣшалку и замѣтилъ невиданное мною доселѣ черное длинное пальто, на черной же мерлушкѣ. Взглянувъ на Иваненку я молча указалъ ему на это пальто. Иваненко, опытный въ такихъ вопросахъ, понялъ меня и смѣясь сказалъ: «а это тоже вашъ... Вологодскій помѣщикъ пріѣхалъ». Такой отвѣтъ меня конечно ободрилъ и я, войдя въ кабинетъ, увидѣлъ Георгія Ивановича Бобрикова, только что пріѣхавшаго изъ Кишинева и вновь командированнаго по разнымъ дѣламъ, касавшимся нашихъ отношеній къ румынскому правительству. Онъ долженъ былъ представиться князю Карлу, министрамъ, а потому и явился на этотъ разъ подѣ настоящій своей фамиліей, но конечно въ статскомъ платьѣ. Бобриковъ привезъ мнѣ пять писемъ отъ жены и одно отъ Нагловскаго, который сообщалъ, что великій князь очень доволенъ моими дѣйствіями и донесеніями, а что сообщеніе мое изъ Вѣны, послѣ разговора съ посломъ, оказало большое вліяніе на измѣненіе плана военныхъ дѣйствій: дивизію въ Кладово посылать не будутъ. Нагловскій писалъ, что «армія совсѣмъ готова, духъ ея отличный, дисциплина превосходна, болѣзненность мала (1,5%), смертность ничтожна». Это подлинныя слова Нагловскаго, который, какъ я зналъ, не будетъ говорить на вѣтеръ.

Пріѣздъ Бобрикова меня чрезвычайно порадовалъ. Хотя я почти цѣлые дни проводилъ въ консульствѣ, былъ очень занятъ, много писалъ, но съ Стуртомъ и его сослуживцами мы все уже переговорили, а занятія были весьма неравномѣрны. Бывало пріѣдетъ курьеръ изъ Кишинева или Петербурга, вернется какойнибудь мой агентъ—сидишь съ утра до глубокой ночи, иногда въ *cabinet noir*, строчишь донесенія съ короткими перерывами для завтрака и обѣда, а бывало и такъ, что по нѣсколько дней къ ряду палець о палець не ударишь.

Наступалъ конецъ января, многое изъ порученнаго мнѣ было уже сдѣлано, но я не исполнилъ еще главнаго, возложеннаго на меня великимъ княземъ: не былъ въ Руцукѣ. Произошло это отчасти потому, что первое время надо было присмотрѣться къ обстановкѣ, войти въ новый и необычайный родъ дѣятельности, завести агентуру, упорядочить ее, а это было невозможно сдѣлать сразу. Рокосницировки Дуная съ лѣваго его берега, собраніе разныхъ справокъ, налагаемыхъ на меня помимо моей прямой задачи, чрезвычайная неопредѣленность и медленность въ обмѣнѣ извѣстій между Кишиневымъ и Букарестомъ

отнимали много времени. Отчасти же, несомнѣнно вліяли на меня взгляды Непокойчицкаго, Артамонова и Бобрикова на поѣздку въ Русуку: первый говорилъ: «не пустять», второй—«повѣсятъ или зарѣжутъ», а третій, что поѣздка туда безцѣльна. Баронъ Стуртъ тоже неособенно поощрительно относился къ этому проекту. Тѣмъ не менѣе прошло уже съ мѣсяць, что я пріѣхалъ въ Букарестъ—и Русуку начиналъ меня беспокоить. Хотя я и завелъ сношенія съ Кожевниковымъ и особенно съ Карвонидесомъ, который доставлялъ мнѣ подробныя свѣдѣнія, въ видѣ вѣдомостей, о турецкихъ вооруженіяхъ, флотѣ, постройкѣ укрѣпленій и т. п.; хотя съ каждымъ днемъ работы по укрѣпленію Русука все болѣе и болѣе подвигались впередъ и я, поѣхавши позже, имѣлъ возможность увидѣть ихъ уже не въ зародышѣ, а въ болѣе законченномъ видѣ, но тѣмъ не менѣе надо же было когда нибудь поѣхать. Пріѣздъ Г. И. Бобрикова ускорилъ мое рѣшеніе, такъ какъ я могъ, введя его въ сферу моихъ работъ, познакомивъ съ главными агентами, просить взять на себя веденіе дѣлъ во время моего отсутствія и такимъ образомъ не прерывать почти ежедневныхъ сношеній съ моими агентами, въ сообщеніяхъ своихъ всегда спрашивавшихъ дальнѣйшихъ инструкцій, которыя по существу дѣла требовались иногда безотлагательно. Но прежде чѣмъ поѣхать въ Русуку я рѣшилъ съѣздить въ Галацъ, куда торопилъ меня баронъ Стуртъ, побуждаемый къ этому просьбами Маркиза д'Обепинъ и даже самого Братіано, безпокоившихся о Барбошскомъ мостѣ.

Галацъ и Барбошскій мостъ, расположенные въ Румыніи, строго говоря не входили въ область моихъ наблюденій, это было дѣломъ Г. И. Бобрикова какъ военно-уполномоченнаго отъ главнокомандующаго при румынскомъ правительствѣ, но Бобриковъ могъ бы узнать то, что дѣйствительно сдѣлано румынами относительно обороны моста только въ томъ случаѣ, если бы онъ поѣхалъ туда инкогнито, такъ какъ полагаться на заявленія Сланичано было нельзя и отъ Бобрикова могли скрыть настоящее положеніе дѣлъ; поѣхать же инкогнито было невозможно, такъ какъ Георгій Ивановичъ уже являлся князю и вступилъ въ официальные сношенія съ министерствомъ, слѣдовательно каждый шагъ его былъ на виду. Кромѣ того Сланичано неоднократно заявлялъ, что съ ихъ стороны все сдѣлано, а остановка за нами, такъ какъ мы до сихъ поръ не доставили обѣщанныхъ орудій и торпедъ, и потому поѣздка Бобрикова лично на мѣсто являлась какъ бы недовѣріемъ, провѣркой правдивости увѣреній Сланичано, что считалось неудобнымъ. Въ виду этихъ соображеній рѣшено было, что поѣду я.

Въ Галацѣ я могъ узнать многое отъ нашего консула, но еще болѣе отъ полковника Граммона, который, принадлежа къ политической партіи, противной Сланичано, конечно, не станетъ скрывать отъ меня истину,

а потому баронъ Стурартъ, снабдивъ письмомъ къ нашему консулу Александру Степановичу Романенко, въ то же время добылъ для меня рекомендательное письмо отъ генерала Флореско къ полковнику Граммону. Запасшись этими письмами отправился я въ Галацъ, куда прибылъ поздно вечеромъ и имѣлъ несчастье остановиться въ рекомендованной мнѣ отвратительной румынско-жидовской гостиницѣ «Конкордія». Хотя снѣга не было, но морозъ стоялъ порядочный, а въ отвѣденной мнѣ комнатѣ холодъ былъ настолько невыносимъ, что нельзя было сидѣть даже въ пальмерстонѣ, а потому приказавъ затопить печку я рѣшилъ поѣхать сейчасъ же къ консулу. Романенко жилъ почти за городомъ и вѣроятно въ это смутное время былъ часто навѣщаемъ неожиданными посѣтителями, потому что меня безпрепятственно приняли и ввели въ уютную, теплую комнату, куда скоро явился самъ хозяинъ. Очень высокій и очень худой, съ бритымъ лицомъ, Александръ Степановичъ выглядѣлъ англичаниномъ, былъ весьма благообразенъ, привѣтливъ, спокоенъ и сдержанъ въ обращеніи. Онъ зналъ меня заочно, по перепискѣ, и бесѣда наша не требовала предварительныхъ введеній или объясненій. Романенко давно уже жилъ въ Румыніи, чуть ли не съ молодости, состоялъ по должности своей членомъ Европейской дунайской коммисіи и былъ знаткомъ Румыніи. Свиданіе съ Граммономъ было отложено до слѣдующаго дня, а въ этотъ вечеръ (кажется) я познакомился съ нашимъ инженернымъ офицеромъ Клименко и морякомъ М. П. Новосильцевымъ (Люба). Присутствіе ихъ было мнѣ весьма на руку, такъ какъ при содѣйствіи этихъ специалистовъ, я могъ сдѣлать вполне обстоятельное заключеніе о положеніи Барбошскаго моста.

На другой день познакомился я съ полковникомъ Граммономъ, который не даромъ носилъ французскую фамилію; въ кэпи—это былъ типичный французскій офицеръ, съ маленькой бородкой, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ; снявъ же кэпи—онъ оказывался совершенно безъ волосъ, и голый черепъ измѣнялъ настолько лицо, что французскій видъ пропадалъ. Онъ кончилъ курсъ военныхъ наукъ въ Парижѣ, во времена нахождения Флореско у власти, былъ сильнымъ человекомъ въ румынскомъ военномъ мірѣ и своими обширными знаніями и образованіемъ принесъ много пользы румынской арміи. Въ обращеніи человѣкъ весьма благовоспитанный и пріятный, Граммонъ, въ описываемое мною время былъ прямо въ ссылкѣ въ Галацѣ. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ давно уже хлопочетъ о защитѣ моста, но благодаря бездѣйствію военнаго министерства, ничего еще не сдѣлано. Просьбы, обращенныя въ Букарестъ о присылкѣ денегъ, шанцоваго инструмента и роты, а въ крайности хотя бы взвода саперъ для насыпки батарей, остаются безъ удовлетворенія, такъ какъ нельзя назвать удовлетвореніемъ отвѣтъ Сланичано, полученный съ мѣсяцъ тому назадъ и со-

стоявшій въ слѣдующемъ: въ деньгахъ отказано, вмѣсто роты саперъ, бездѣйствовавшей въ Букарестѣ и парадировавшей на Крещенскомъ парадѣ, прислано два сержанта, а относительно инструмента велѣно вытребовать таковой изъ Фокшанъ и Рымника. Присланный оттуда инструментъ оказался негоднымъ; по словамъ Граммона не было и 10 лопатъ цѣльныхъ. Хотѣли приступить къ починкѣ—нѣтъ денегъ. Даже разрѣшеніе произвести земляныя работы у устья Серета еще не получено. Граммонъ на свой страхъ рѣшился поставить роту пѣхоты у моста, но рота въ мирное время состояла изъ 100 человѣкъ; въ числѣ ихъ 25 рекрутъ. Оставивъ нѣкоторое число старослужащихъ, необходимое для обученія рекрутъ, Граммонъ имѣлъ подъ рукой всего 60 человѣкъ, что было конечно недостаточно въ виду необходимости протянуть кордонъ по Дунаю въ обѣ стороны отъ устья Серета; да и относительно этихъ людей дѣло было плохо, такъ какъ ни бараконъ, ни землянокъ не было, а морозы по ночамъ стали доходить до 9—10° R. Вообще количество войскъ въ Галацѣ и Браиловѣ было убавлено и одинъ регулярный полкъ пѣхоты былъ отправленъ въ Комрадъ, на русскую границу; доробанцы ¹⁾ распущены по домамъ въ виду реорганизациі (?) арміи, по которой численность ея не увеличивалась, а увеличивалось только число частей.

Тѣмъ не менѣе энергичный Граммонъ надѣялся дня черезъ четыре привести въ порядокъ шанцевый инструментъ и приступить къ землянымъ работамъ.

Свѣдѣнія, полученныя мною отъ К. Клименко, а затѣмъ мои личныя рекогносцировки выяснили слѣдующее: мостъ отстоитъ на двѣ версты отъ устья Серета, отличный, хорошей конструкціи и при поврежденіи потребовалъ бы долгой и серьезной починки. Очень высокій, онъ съ Дуная виденъ хорошо, а слѣдовательно, можетъ быть обстрѣливаемъ; глубина Серета у моста 8 футовъ, устье не засорено, а потому канониры могутъ входить въ рѣку, а такъ какъ мостъ не охраненъ, то легко можетъ быть взорванъ, тѣмъ болѣе, что высадка у устья Серета вполне удобна; да наконецъ, для взрыва моста при его тогдашнемъ положеніи не было надобности посылать отрядъ, а достаточно было 10 человѣкъ. Клименко находилъ, что лучшимъ средствомъ обороны, будетъ поставить пикеты и кордоны по берегу, съ резервомъ у моста, патрули по самому мосту, съ тѣмъ, чтобы охраненіе было непрерывное. Противъ высадки значительнаго отряда и входа канонирокъ въ Сереть, необходимо было устроить батареи и ретраншаменты, а также заложить мины въ устья этой рѣки. Я вполне раздѣлялъ эти взгляды Клименко и мы встрѣтили полное сочувствіе со стороны Граммона. Оставался вопросъ

¹⁾ Доробанцы—пѣшая милиція, каларашы—конная милиція, рошіоры—регулярная кавалерія.

объ опасности, угрожавшей мосту отъ выстрѣловъ съ судовъ на Дунаѣ; тутъ мнѣнія раздѣлились: одни не признавали этой опасности находя, что стрѣльба съ качающагося на водѣ монитора, по небольшой цѣли не вѣрна, вѣроятность попаданія мала, снаряды дорого стоятъ и надо много ихъ выпустить, чтобы произвести вредъ. Съ этими взглядами я не соглашался и находилъ, что такъ какъ разстояніе отъ моста до устья около 1000 сажень, а до фарватера Дуная около 1200 сажень, то дистанція для орудій броненосца хорошая и вполне возможная; если снаряды дороги, то и разрушеніе моста весьма важно. Что же касается до невѣрности стрѣльбы съ качающагося монитора, то я полагалъ, что если стать на эту точку, то логичнымъ выводомъ будетъ невозможность морскихъ сраженій, въ которыхъ не только орудіе качается, но и цѣль качается. Заявляя это я соглашался, что главная опасность мосту, конечно, угрожаетъ отъ динамита.

Всѣ сходились во мнѣніи, что устье Серета необходимо обезопасить подводными минами.

Пользуясь моимъ присутствіемъ въ Галацѣ, собралъ я и разныя другія свѣдѣнія. Въ Галацѣ жилъ богатый греческій коммерсантъ Фосколо и велъ крупную торговлю хлѣбомъ, состоя турецкимъ поставщикомъ, а потому имѣлъ много собственныхъ пароходовъ и другихъ судовъ на Дунаѣ. Связанный коммерческими интересами съ турками, онъ очевидно былъ на ихъ сторонѣ и по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною еще ранѣе, былъ открыто турецкимъ шпиономъ. Между тѣмъ, въ ожиданіи войны и прибытія нашихъ войскъ, онъ возымѣлъ мысль служить и намъ по своей специальности — хлѣбной торговлѣ, но понятно, попутно и съ шпионскими цѣлями. Фосколо обратился къ Романенко, прося визировать его паспортъ для поѣздки въ Кишиневъ. Романенко не имѣлъ права ему отказать, но сдѣлавъ визу, телеграфировалъ въ Кишиневъ о занятіяхъ Фосколо.

Всѣ крупные торговцы греки, проживающіе въ Галацѣ и Браиловѣ, какъ-то: Фосколо, Негропonti, Теофилактусъ, Пологлось и другіе, имѣющіе большія дѣла съ Турціей, были нашими открытыми противниками, какъ вслѣдствіе своихъ коммерческихъ операцій, такъ и вслѣдствіе національной вражды грековъ къ болгарамъ, обострившейся вслѣдствіе религиозной вражды, церковнаго раскола и отдѣленія болгарской церкви отъ греческой съ учрежденіемъ отдѣльнаго болгарскаго экзархата, совершившагося стараніями графа Игнатьева и одобренія русскаго правительства.

Въ числѣ офицеровъ, служившихъ въ Галацѣ, былъ нѣкто Кантили. Когда шла рѣчь (по пріѣздѣ въ Букарестъ Г. И. Бобрикова), о посылкѣ официальныхъ военныхъ агентовъ въ нашу главную квартиру, то румынское военное министерство предназначило на этотъ постъ Кантили.

Между тѣмъ этотъ офицеръ былъ въ числѣ Ионъ-Гикистовъ, симпатизировавъ туркамъ и не скрывавъ этого. Такъ наприимѣръ, по случаю обнаруженія конституціи въ Тульчѣ былъ балъ; на этомъ балу Кантели усердно отплясывавъ и былъ какъ говорится, plus Turc que les Turcs eux mѣmes. Онъ хотѣлъ выписать изъ Измаила румынскую музыку для этого бала и просилъ на это разрѣшеніе Сланичано, который конечно и разрѣшилъ; но объ этомъ узналъ Братіано и воспротивился, такъ что вслѣдствіе сдѣланнаго по телеграфу распоряженія турецкіе пароходы, пришедшіе за музыкой, должны были уйти обратно.

Галацкіе румыны весьма безпокоились слухами о возможности, въ случаѣ объявленія войны, перехода турецкихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная; имъ было отлично извѣстно, что турецкая армія не отличается дисциплиной, что грабежъ сопровождаетъ всегда вступленіе турецкой арміи въ страну, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ регулярной арміей являются всегда и баши-бузуки.

Покончивъ мои дѣла въ Галацѣ, составивъ чертежи моста, устья Серета и проч., расстался я съ отвратительной «Конкордіей» и 19-го января вернулся въ Букарестъ, гдѣ хотѣлъ провести нѣсколько дней, чтобы ознакомиться съ донесеніями, полученными въ мое отсутствіе Бобриковымъ, привести ихъ въ порядокъ и затѣмъ уже ѣхать въ Руссукъ, но случилось одно обстоятельство, случайное и совсѣмъ пустое само-по-себѣ, которое привело меня къ рѣшенію ѣхать въ Руссукъ безотлагательно.

Приходимъ мы однажды съ Бобриковымъ въ консульство обѣдать и застаемъ барона въ какой-то ажитации, очевидно, насъ ожидающимъ. Дѣйствительно баронъ поджидалъ насъ, особенно меня, чтобы предупредить, что за обѣдомъ у него будетъ пріѣхавшій изъ Кишинева корреспондентъ одной изъ русскихъ газетъ X.... Баронъ сказалъ, что онъ постарается меня вовсе не знакомить съ пріѣзжимъ, а Бобриковъ просилъ, чтобы его тоже не называть полковникомъ, во избѣжаніе разспросовъ и различныхъ умозаключеній корреспондента, которые потомъ могутъ появиться въ печати ¹⁾. X.... мы всѣ знали заочно по его талантливымъ произведеніямъ, картинно, но какъ будто нѣсколько фантастично, написаннымъ, лично же никто изъ насъ его не зналъ.

Въ гостиной мы увидѣли красиваго господина, роста средняго, съ отличными волосами и густой длинной бородой или бакенбардами, хорошенько теперь не помню, съ очень развязными, увѣренными и рѣшительными движеніями. Кажется, онъ былъ болѣе занятъ своей персоной, потому что обоюдное наше представленіе другъ другу не особенно

¹⁾ Кажется, при этомъ былъ и Новосельскій (Люба), личность котораго тоже не была обнаружена корреспонденту, что и привело однажды въ весьма смѣхотворному случаю.

привлекло его вниманіе, и я остался для Х... совсѣмъ неизвѣстнымъ субъектомъ.

За обѣдомъ я сидѣлъ недалеко отъ Х., по той же сторонѣ, а Бобриковъ почти напротивъ его и наискось отъ меня, такъ что лицо Бобрикова было мнѣ хорошо видно. Разговоромъ завладѣлъ Х., рассказы про Кишиневъ такъ и сыпались. Баронъ, который всегда отличался остроуміемъ и былъ въ высшей степени пріятнымъ собесѣдникомъ, оживлявшимъ общество, все подбадривалъ словоохотливаго корреспондента, который разошелся во всю. Желая придать себѣ важности онъ давалъ намъ понять, что званіе корреспондента не есть главное, а что онъ снабженъ миссіей, тайной, не то отъ правительства, не то отъ главнокомандующаго, повѣдалъ намъ о своей близости къ великому князю, Непокойчицкому и Левицкому; говорилъ про обѣды у его высочества въ такомъ тонѣ, какъ будто бы онъ былъ тамъ завсегдаемъ и наконецъ, увлекшись, назвалъ какую-то невѣроятно огромную цифру лицъ, ежедневно обѣдающихъ у главнокомандующаго. Вижу, Бобриковъ собирается сдѣлать реплику и дѣйствительно онъ полюбопытствовалъ узнать, кто же тѣ лица, которыя приглашаются къ обѣду. Х. началъ перечислять чуть ли не всѣ отдѣлы полевого управленія арміи; когда же онъ сказалъ что-то весьма несообразное о лукуловскомъ столѣ и большомъ аппетитѣ великаго князя, то Бобриковъ, совершенно спокойно возразилъ:

— Странно, а вотъ я недѣлю тому назадъ пріѣхалъ изъ Кишинева, и великій князь, у котораго я имѣлъ честь ежедневно обѣдать, былъ, по болѣзни своей, на строгой діетѣ.

Картина: недоумѣніе захваченнаго врасплохъ рассказчика, Бобриковъ, смѣющийся только глазами, и торжество барона, предвкушающаго комичный, пикантный, инцидентъ.

— Вы не узнаете меня,—продолжалъ такъ же невозмутимо неумолимый Бобриковъ,—я состою при великомъ князѣ, генеральнаго штаба полковникъ Бобриковъ и встрѣтилъ васъ въ Кишиневѣ.

Тутъ пошли со стороны Х. разныя увертки:

— Скажите, ахъ Боже мой, и что это на меня нашло? Вотъ разсѣянность! Но какъ васъ измѣнило статское платье! Да наконецъ, я никакъ не ожидалъ; только что встрѣтились въ Кишиневѣ и вдругъ здѣсь!..

Конечно, было прибавлено въ видѣ объясненія, что за послѣднее время ему пришлось встрѣтить такую массу лицъ, испытать столько впечатлѣній, попасть въ новую обстановку и т. д.

Все шло отлично почти до конца обѣда, но вдругъ Х., оправившійся отъ инцидента съ Бобриковымъ, началъ посвящать насъ въ свои проекты и сказалъ, что на-дняхъ ѣдетъ въ Рущукъ, причемъ разсчитываетъ, что нашъ консулъ въ Букарестѣ дастъ ему на это возможность, напимѣръ

какое-нибудь порученіе къ рушукскому консулу и курьерскій паспортъ, однимъ словомъ, облегчить ему рискованную поѣздку. Меня такъ въ жаръ и бросило. Какъ такъ, онъ поѣдетъ да и напечатаетъ, а я еще не былъ? Что скажутъ въ Кишиневѣ: «вотъ, скажутъ, Паренсовъ не рѣшился поѣхать, а Х. взялъ да и поѣхалъ». Это невозможно!

Едва дождался я конца обѣда, и когда всѣ встали изъ-за стола, отвелъ барона въ сторону, прося его помѣнать этой поѣздкѣ. Я ничего не имѣлъ вообще противъ поѣздки Х. въ Рушукъ, а просилъ только устроить такъ, чтобы онъ ѣхалъ послѣ меня, исходя изъ того, что при наступившей со стороны турокъ осторожности и подозрительности, частыя посѣщенія Рушукъ русскими, прѣзжающими изъ Румыніи, могутъ привести къ затрудненіямъ, и что если Х. начнетъ что-нибудь срисовывать для иллюстрированнаго журнала ¹⁾ и будетъ замѣченъ, то тогда дѣло пропало. Турки будутъ слѣдить за всякимъ иностранцемъ, переправившимся съ лѣваго берега и мнѣ, когда я поѣду, не удастся проникнуть туда куда надо и я ничего не высмотрю. Въ заключеніе я просилъ барона удержать Х. подъ благовиднымъ предлогомъ, но притомъ временно, отъ немедленной поѣздки въ Рушукъ.

— Нѣтъ ужъ, увольте меня отъ подобныхъ объясненій, ни за что этого не сдѣлаю. Помилуйте, и безъ того нападаютъ на представителей нашего министерства иностранныхъ дѣлъ за границей, что мы не оказываемъ должнаго содѣйствія компатріотамъ, а вы хотите, чтобы я сталъ поперекъ дороги корреспонденту.

— Да надо же какъ-нибудь устроить это дѣло!

— Ну ужъ какъ вы тамъ знаете, а я съ нимъ говорить не буду. Говорите сами.

Потолковали, потолковали и порѣшили, что баронъ попроситъ Х. теперь же выслушать одного русскаго, имѣющаго къ нему дѣло. Спустя нѣсколько минутъ Стуртъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ въ большую гостиную, гдѣ меня ждетъ Х.

Вхожу: у стола, въ довольно важной позѣ, стоитъ мой корреспондентъ. Величественно и въ то же время снисходительно указывая на кресло, онъ проговорилъ:

— Мнѣ консулъ сказалъ, что у васъ есть какое-то до меня дѣло?

— Да,—отвѣчалъ я, стараясь какъ можно лучше изобразить скромнаго просителя, допущеннаго къ лицезрѣнію и собесѣдованію съ высокимъ лицомъ,—я бы просилъ васъ меня выслушать.

— Въ чемъ дѣло, пожалуйста.

Мы сѣли.

— За обѣдомъ вы сказали, что собираетесь въ Рушукъ.

¹⁾ Въ которомъ онъ тоже состоялъ корреспондентомъ.

— Да, мнѣ необходимо тамъ быть.

— Такъ вотъ я и хотѣлъ вамъ сказать, что мнѣ тоже очень нужно туда съѣздить.

— Ну такъ что же вамъ мѣшаетъ?

— Да видите ли, мнѣ нужно туда ѣхать поскорѣй, дѣло несложное, а тутъ вы хотите ѣхать; между тѣмъ консулъ затрудняется почему-то дать курьерскіе паспорта сразу двумъ. Такъ я и рѣшился просить васъ, не можете ли вы временно отложить вашу поѣздку съ тѣмъ, чтобы сначала поѣхалъ я, а потомъ вы.

Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ довольно юпитеровскій взглядъ и слѣдующая тирада:

— Помилуйте, да какъ же это возможно? Я не знаю, какія дѣла привлекаютъ васъ въ Рушукъ; можетъ быть, торговня?

— Да, торговня.

— Ну-съ, а я—корреспондентъ самой распространенной газеты въ Россіи. Моихъ корреспонденцій ждетъ вся читающая публика, а вы мнѣ говорите, чтобы я отложилъ мою поѣздку; извините-съ, это никакъ невозможно.

Я попробовалъ еще какъ-нибудь умаслить моего собесѣдника, но напрасно. Наконецъ, онъ предложилъ комбинацію: если мнѣ такъ до зарѣзу надо ѣхать сейчасъ, то онъ готовъ похлопотать за меня у консула (?) и выпросить разрѣшеніе взять меня съ собой.

Эта комбинація меня совсѣмъ не устраивала и видя, что дѣло не ладится, я рѣшилъ пустить въ ходъ послѣднее средство:

— Нечего дѣлать,—сказалъ я вставая и перемѣнивъ тонъ искательный на рѣшительный.— Вы мнѣ сказали, что вы корреспондентъ газеты?..

— Да,—съ удивленнымъ выраженіемъ отвѣчалъ Х.

— А я—состоящій при главнокомандующемъ дѣйствующей арміи генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ и ѣду въ Рушукъ завтра, а вы останетесь, и если захотите поѣхать, то поѣдете только тогда, когда я вернусь; кромѣ того я васъ обязываю честнымъ словомъ, съ опасеніемъ весьма неприятныхъ для васъ послѣдствій, не только не писать въ газетѣ, что вы меня здѣсь встрѣтили, но никому и не упоминать, до поры до времени, что вы меня знаете. Такъ мы и Стурарту скажемъ; до свиданья... и я поскорѣй ушелъ, потому что меня душило отъ смѣха.

Сообщивъ барону результаты моихъ переговоровъ, я попросилъ выдать мнѣ сегодня же паспортъ, чтобы имѣть возможность ѣхать на другой день съ утреннимъ поѣздомъ. Паспортъ былъ выданъ, не наша зелененькая книжка, а консульскій бланкъ, съ французскимъ печатнымъ текстомъ и заголовкомъ: *Consulat Impérial et agence diplomatique de Russie*; прописью прописали: *Pierre Parientzoff, rentier*. Вечеромъ я

имѣлъ совѣщаніе съ Начовичемъ, на которомъ между прочимъ выяснилось, что по прїѣздѣ въ Журжево будетъ удобнѣ всего переѣхать въ Русукъ на почтовомъ пароходѣ, который перевозитъ почту и пассажировъ изъ Румыніи въ Турцію и обратно; въ Русукѣ мой паспортъ и багажъ будутъ, конечно, досмотрѣны, но такъ какъ паспортъ въ порядкѣ, да къ тому же выданъ не въ Россіи, а въ Букарестѣ, то вѣроятно все обойдется благополучно. Не помню хорошенько, но кажется было условлено, что если я не вернусь къ опредѣленному сроку, то Стуртъ запроситъ обо мнѣ Кожевникова.

На другой день, рано утромъ отправился я по знакомой уже мнѣ дорогѣ на Журжево. День былъ холодный, пасмурный, съ сильнымъ вѣтромъ. Прїѣхавъ въ Журжево, я увидаль на Дунаѣ бурю и узналъ, что пароходикъ, не отличавшійся ни прочностью, ни силой, вслѣдствіе большого волненія, изъ Русука не приходилъ, да вѣроятно и не придетъ. Когда же я началъ справляться, нельзя ли достать лодку, то мнѣ отвѣчали, что по такой бурѣ никто не поѣдетъ. Что тутъ дѣлать? Ѣхать впередъ—нельзя, назадъ—стыдно. Еще пожалуй Х. впослѣдствіи пропечатаетъ, что я испугался бури!

А между тѣмъ я всегда ужасно боялся воды и плавать не умѣлъ; качаніе лодки возбуждало во мнѣ такое же ощущеніе, какъ качели, которыхъ я не выношу, особенно тѣхъ, которыя, въ видѣ корзины или кресель, вертятся на горизонтальномъ валѣ сверху внизъ и обратно въ вертикальной плоскости. Тѣмъ не менѣе стыдъ возвращенія въ Букарестъ, не понавъ въ Русукъ, превозмогъ надъ страхомъ, и я пошелъ съ цѣлью добыть лодку къ знакомому мнѣ журжевскому жителю Карвонидесу, брату русуцкаго драгомана. Онъ велъ какую-то торговлю, кажется хлѣбную, въ политику не вмѣшивался, но исполнялъ иногда нѣкоторыя порученія мои. Карвонидесъ выразилъ сомнѣніе, чтобы кто-нибудь взялся по такой бурѣ перевезти черезъ Дунай, который, не замерзая въ эту зиму, былъ чрезвычайно полноводенъ. Тѣмъ не менѣе презрѣнный металлъ—золото сдѣлало свое. Карвонидесъ послѣ долгихъ поисковъ явился и доложилъ, что нашель гребцовъ и большую лодку, но что они заломили ужасную цѣну: семь наполеоновъ (такъ въ обиходѣ назывались французскіе золотые въ двадцать франковъ, хотя бы на нихъ было изображеніе Луи-Филиппа или республики, безразлично). Семь наполеоновъ составляли 140 франковъ или, по тогдашнему нашему курсу, около 47 рублей кредитныхъ. Сумма большая, но зато лодка огромная, солидная, семь человекъ гребцовъ, впереди Русукъ, сзади Х.—нельзя, надо ѣхать. Сѣвши въ лодку, я окинулъ взглядомъ огромное водное пространство, впереди и вокругъ меня разстилавшееся. Былъ туманъ, Русука не было видно, а Дунай дѣйствительно бушевалъ, сѣрые гребешки такъ и ползли въ самую лодку, волны поднимались и

опускались, только они были совсѣмъ мутныя, сѣрыя и вовсе не наполняли den schönen blauen Donau. Гребцы мои работали дружно, увѣренно, и я задумался. Сильный крикъ гребцовъ прервалъ мои размышленія; лодку такъ сразу наклонило налѣво, что пришлось схватиться за бортъ, чтобы не упасть. Вначалѣ мы шли хорошо, но вслѣдствіе быстроты теченія и вѣтра лодку сильно снесло внизъ по теченію; городъ, который былъ уже виденъ, остался далеко вправо, пароходная пристань, къ которой мы думали пристать, была еще правѣе и передъ нами былъ пустырь на восточной окраинѣ Рущука. Дружными усиліями гребцовъ поднялись мы немного вверхъ, а затѣмъ подошли къ берегу гораздо ниже города, къ желѣзнодорожной пристани, вблизи товарной станціи Рущувско-Варненской желѣзной дороги. На берегу виднѣлись каменные, фабричныя зданія, пакгаузы и береговая, земляная батарея, на которой стоялъ турецкій солдатъ. Гребцы мои, указывая на него, проговорили: «заптіе», т. е. жандармъ, и мы причалили. Турокъ подошелъ ко мнѣ; это былъ рослый, красивый и молодцоватый, среднихъ лѣтъ солдатъ въ красной фескѣ, въ темно-синей одеждѣ, съ нѣсколькими галунами, нашитыми на лѣвомъ рукавѣ, подъ угломъ, какъ у нашихъ шевронистовъ. Онъ протянулъ ко мнѣ руку и проговорилъ: «пашепоръ». Я хотя и понялъ, что онъ спрашиваетъ у меня паспортъ, но не хотѣлъ его отдать, опасаясь, что разъ я останусь безъ паспорта, то что же со мной будетъ, и отвѣчалъ: «консуль Московъ, консуль русски», но турокъ качалъ головой, говорилъ «іокъ» и повторялъ: «пашепоръ». Въстѣ съ тѣмъ онъ о чемъ-то переговаривался съ привезшими меня лодочниками, при чемъ со стороны турка слышалось слово багажъ, а гребцы усиленно отвѣчали: «іокъ, іокъ». Я догадался, что этотъ жандармъ имѣетъ связь съ таможенъ и былъ совершенно спокоенъ насчетъ багажа по той простой причинѣ, что я съ собой таково не взялъ на этотъ разъ. Въ карманѣ у меня былъ паспортъ и англійская записная книжка, очень маленькая (она и теперь еще хранится у меня); книжка была совсѣмъ новенькая, съ листами изъ особо приготовленной бумаги и свинцовымъ карандашемъ; въ ней не было ничего подозрительнаго, только въ одномъ изъ ея карманчиковъ были геометрическія теоремы, служація для измѣренія высоты недоступныхъ предметовъ и ширины рѣки ¹⁾; теоремы эти до сихъ поръ лежатъ въ той же книжкѣ; въ другомъ карманѣ былъ у меня маленькій револьверъ. Письмо Непокойчицкаго было зашито въ мѣшечкѣ и я носилъ его на груди.

¹⁾ Въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что въ случаѣ бѣды эти теоремы могли бы послужить поражающимъ вещественнымъ доказательствомъ моихъ намѣреній и конечно мнѣ бы не одобровать.

Такъ какъ турокъ продолжалъ торчать передо мной повторяя: «пашепоръ», то мнѣ пришлось покориться и я его отдалъ, послѣ чего онъ довольно добродушно что-то мнѣ сказалъ, въ родѣ киргизскаго: «утръ», т. е. садись; это слово сопровождалось жестомъ съ указаніемъ на земляной приступокъ—лавку; я понялъ, что это именно обозначало приглашеніе сѣсть, что я и исполнилъ. Въ это время лодка моя отчалила, ее уже не было видно, заплѣ съ паспортомъ ушелъ и я началъ осматриваться. Оказалось, что я сижу на банкетѣ открытаго съ горжи небольшого укрѣпленія, очевидно береговой батареи, но вѣроятно старинной, хорошо обросшей травой; городъ былъ далеко, а вблизи былъ садъ и стояло много каменныхъ сараевъ и фабричныхъ зданій; движенія никакого, людей не было видно. Ожиданіе мое продолжалось довольно долго; наконецъ появился мой заплѣ, но уже не одинъ, а съ другимъ, очевидно простымъ солдатомъ, что можно было заключить по отсутствію у него галуновъ и нашивокъ, а также по тому повелительному тону, съ которымъ первый заплѣ къ нему относился. Онъ что-то отрывисто сказалъ пришедшему солдату, и оба они, вынувъ сабли, взяли ихъ на плечо. Однако, подумалъ я, что же это значитъ? «Гайда», сказалъ мнѣ унтеръ-офицеръ; я понялъ, что надо куда-то идти, но не тронулся съ мѣста, а сказалъ ему: «пашепоръ» и протянулъ руку, желая получить мой паспортъ обратно, а онъ закачалъ головой да и говорить: «Юкъ, конакъ». Это слово меня поразило: батюшки мои, подумалъ я, да что же это будетъ! Вѣдь конакъ какъ разъ то мѣсто, куда, по словамъ Бобрикова, сказаннымъ мнѣ еще въ Кишиневѣ, меня могутъ засадить. Я не двигался, протестовалъ, повторялъ: «пашепоръ», «консулъ Московъ», желая дать понять, чтобы меня отвели къ русскому консулу, но мой заплѣ все твердилъ свое: «гайда» и «конакъ», а паспорта не отдавалъ. Наконецъ ему вѣроятно надоѣло мое упрямство, онъ взялъ меня за рукавъ и, какъ мнѣ показалось, а можетъ и въ самомъ дѣлѣ такъ, сердито проговорилъ: «гайда!» заставилъ встать и повелъ, при чемъ самъ шелъ впереди, а солдатъ сзади и оба съ вынутыми саблями. Ну, думалъ я, попался: сабли, конакъ и паспорта нѣтъ!

Шли мы долго; липкая, тягучая грязь приставала къ ногамъ, скользко, моросить дождичекъ—совсѣмъ скверно! Ведутъ меня мимо сада и разныхъ укрѣпленій, вижу батареи, редуты, много новыхъ, еще безъ дерну, другіе уже готовы и платформы внутри положены. Какъ же это такъ, думалъ я, ведутъ они меня безъ всякой опаски?.. А вдругъ я непріятель? Но сейчасъ же одумывался вспоминая, что меня вѣдь ведутъ въ конакъ, запруть въ какое-нибудь подземелье, тамъ я и сгнію въ моемъ пальмерстонѣ, и ни о чемъ изъ того, что я теперь вижу, не сообщу въ Кишиневъ. Оттого-то они такъ и ведутъ меня смѣло; смотри сколько хочешь, все равно проку не будетъ!

Наконецъ вошли въ городъ и пошли вдоль линіи домовъ, около которыхъ кое-гдѣ были тротуары. Вижу на встрѣчу ѣдетъ извозчикъ и притомъ пустой; я сейчасъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ, вынулъ 20 франковъ, потянулъ за рукавъ унтеръ-офицера, показалъ ему монету, указалъ на извозчика, говоря «биржаръ, биржаръ», а также и на свои колѣни: «усталь, дескать», но ничего не помогло. Заптіи обернулся, опять закачалъ головой, произнося «іокъ», и шель дальше. Все это происходило часу во 2-мъ дня. У калитокъ домовъ, мимо которыхъ мы проходили, стояли жители, мужчины и женщины, очевидно болгарки, такъ какъ лица были открыты, да и костюмъ не турецкій. Всѣ они глазѣли на наше шествіе и мнѣ уже казалось, а можетъ быть и дѣйствительно было такъ, что нѣкоторыя женщины смотрѣли на меня съ участіемъ, съ сожалѣніемъ. Прошли турецкое кладбище и какой-то пустырь, лежавшій по правую руку, а потомъ, по лѣвую руку мечеть, около которой стоялъ на часахъ солдатъ, негръ, и въ чалмѣ; очевидно въ этой мечети или возлѣ нея былъ какой-нибудь военный складъ.

Послѣ очень длиннаго шествія начали попадаться уже порядочные дома, тротуаръ, хотя и узенькій, шель непрерывно, мой заптіи остановился у приличнаго двухъэтажнаго дома и, указывая мнѣ на него, проговорилъ: «о, конакъ»; эта фраза вышла у него такъ, какъ-будто онъ сказалъ: «вотъ конакъ», я взглянулъ на верхъ дома и къ великой моей радости увидѣлъ шесть съ флагомъ и прибитый къ стѣнѣ овальный щитъ, на которомъ красовался нашъ двуглавый орелъ съ надписью по-русски и по-французски: «Императорское російское генеральное консульство!»

Ну, слава Богу, подумалъ я—спасень и безопасень!

Но какъ же я такъ глупо волновался отъ слова конакъ. Оказалось слѣдующее: я воображалъ, что подъ именемъ конакъ разумѣется зданіе, въ которомъ помѣщаются турецкія присутственныя мѣста, полиція, судъ и внизу конечно казематы, тюрьма, подземелья, въ которыя я долженъ былъ быть ввергнутъ; въ дѣйствительности же подъ названіемъ конакъ разумѣется не только домъ, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста, судъ и т. п., но вообще дворецъ, большой богатый домъ, такъ что говорятъ: конакъ такого-то паши, купца, конакъ русскаго, французскаго консульствъ и т. д.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо слободско-украинскаго предводителя дворянства къ волчанскому уѣздному предводителю по поводу возведенія на престоль Людовика XVIII.

10-го мая 1814 г. № 135. Харьковъ.

Прилагая официальные печатныя извѣстия, я въ дополненіе имѣю удовольствіе сказать, что какъ отреченіе Бонапарта и возведеніе на престоль французскій Людовика XVIII-го уже не сомнительны, то и войну полагать можно оконченною, а потому я желаю бы знать, милостивый государь, не изволите ли, вмѣстѣ съ благороднымъ дворянствомъ вашего уѣзда, предпринять чего-либо такого, которое бы отвѣчало сей величайшей радости и важнѣйшему событію, не имѣющему примѣра въ исторіи.

Знавши образъ мыслей по сему предмету благороднаго дворянства каждаго уѣзда, я бы тогда, основываясь на волѣ онаго, могъ бы сдѣлать представленія всему нашему дворянству, имѣя въ виду примѣры другихъ губерній, изъявляющихъ свои чувствованія приношеніями изувѣченнымъ въ нынѣшнюю войну воинамъ—празднествами и прочимъ.

Изъ прошлаго русекой цензуры ¹⁾.

I.

„Дореволюціонное“ настроеніе западно-европейскаго общества. — Отраженіе этого настроенія на русскомъ обществѣ XVIII в.—Введеніе въ Россіи цензуры; причины и поводъ. — Очеркъ исторіи борьбы съ книгой до 1796 года и характеръ этой борьбы.—Цензура при Екатеринѣ и Павлѣ.—Выборъ цензоровъ. — Дѣло академика Захарова.—Первыя затрудненія цензуры.—Выработка „штатовъ“ и „инструкцій“. — „Недоумѣнія“ рижской цензуры.

Еще до начала революціи 1789 года грозные предвѣстники ея все яснѣе и яснѣе давали знать всѣмъ о грядущихъ переворотяхъ. При посредствѣ изящной литературы, популярной философіи и театральной пьесы народная масса во Франціи постепенно подготовлялась къ принятію новыхъ идей,—и вотъ, первые отзвуки ихъ безъ труда слышались и въ салонной болтовнѣ блестящей свѣтской дамы Парижа, и въ говорѣ шумной уличной толпы, и въ рукоплесканіяхъ капризнаго партера, и въ мечтахъ сентиментальнаго утописта-провинціала... Эти новыя идеи съ непобѣдимую силой охватили французскую мысль конца вѣка, мало-

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ на основаніи матеріалевъ по исторіи цензуры, найденныхъ нами въ архивахъ: 1) 3-го департамента мин. юстиціи (въ Спб. Сенатѣ) — а) дѣло о радзивиловской цензурѣ, № 190; б) о рижской цензурѣ, № 192; в) дѣло „по представленіямъ цензуръ съ замѣчаніями ихъ на книга“, № 193; д) о петербургской цензурѣ, № 194; е) о московской цензурѣ, № 195; 2) 1-го департамента минист. юстиціи: а) объ учрежденіи цензуры, № 242; б) о цензурѣ, № 184; 3) Государственнаго Совѣта — протоколы Совѣта его императорскаго величества Павла I, № 19 (Приложенія).

по-малу подчиняя себѣ всѣ возможныя проявленія ея. Немудрено, что вся Европа, жившая съ начала вѣка подъ вліяніемъ Франціи, жадно прислушивалась къ этимъ новымъ рѣчамъ и, сначала робко, потомъ все смѣлѣе и громче стала вторить имъ. Въ результатѣ, создалось очень интересное «дореволюціонное» настроеніе европейской мысли, богатое всевозможными оттѣнками и градаціями: между людьми, увѣровавшими въ спасительность началъ революціи, мы встрѣтимъ и юношу-идеалиста, мечтающаго о скоромъ наступленіи царства свѣта и любви, и скептициста, не вѣрящаго идеаламъ, почувшаго близкую возможность насладиться анархіей мысли и слова...

Слѣдствіемъ этого «дореволюціоннаго» настроенія была и своеобразная литература, богатая и числомъ произведеній, и разнохарактерностью авторовъ, ее составившихъ. Насколько широко и сильно было ея воздѣйствіе на тогдашнюю Европу, видно хотя бы изъ того, что любимыя идеи этой литературы проникли не только въ журналистику, но даже въ дѣтскія книги, въ романы; она завладѣла беллетристикой, философій, богословіемъ, наводила собою книжные рынки Европы... Любопытно, что все это не помѣшало ей остаться почти не отмѣченной на страницахъ исторіи всеобщей литературы. Впрочемъ, причина этого ясна: «дореволюціонная литература» брала количествомъ, а не качествомъ, она была почти безымянной,—до такой степени имена авторовъ, ее составившихъ, были незначительны; въ ней мало было оригинальности, самобытности,—все ея идейное содержаніе было лишь повтореніемъ, дополненіемъ, расширеніемъ тѣхъ идей, которыя неразрывно были связаны съ именами великихъ вожаковъ французской мысли XVIII в. Конечно, такое широкое распространеніе дѣлаетъ «дореволюціонную» литературу для историка культуры очень интересной: она, въ его глазахъ, очень краснорѣчивый показатель того массоваго движенія, которое захватило Европу къ концу вѣка, а, кромѣ того, она наглядно указываетъ, какое направленіе приняла мысль у воспитанниковъ французской философіи XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что очень многіе изъ авторовъ этой «дореволюціонной» литературы довели до нелѣпыхъ крайностей идеи своихъ великихъ учителей: эта литературная чернь, подобно всякой толпѣ, увлекалась уж инстинктомъ разрушенія, а не голосомъ критическаго разума, который руководилъ ея учителями. Съ мысли и языка была снята узда, и вотъ, выпущенные на свободу писатели заговорили языкомъ раба, потерявшаго страхъ къ господину...

Знакомство съ цензурными дѣлами конца XVIII вѣка дало намъ возможность обстоятельно ознакомиться съ содержаніемъ цѣлага ряда типичныхъ иностранныхъ произведеній «дореволюціонной» эпохи,—но мы не рѣшаемся повторять въ печати того, до чего договаривались очень многіе писатели, когда имъ приходилось вести рѣчь, напримѣръ,

о Богѣ, Богоматери, Иисусѣ Христѣ, святыхъ, королевской власти и проч.

Конечно историка русской жизни знакомство съ этой своеобразной литературой можетъ навести на нѣсколько соображеній, очень цѣнныхъ для пониманія русскаго общества конца вѣка: вѣдь волна этой литературы, нахлынувшая на всю Европу, несомнѣнно, докатилась и до Россіи. Если въ нашемъ отечествѣ не могла она найти сочувствующей «массы», если не могла создать общественнаго движенія, то она могла овладѣть умами отдѣльныхъ личностей, даже кружковъ, могла отразиться на отдѣльныхъ произведеніяхъ.

Отъ той эпохи до нашихъ дней сохранилось нѣсколько туманныхъ образовъ: Новиковъ, Радищевъ,—наиболѣе интересные изъ нихъ. Стоитъ освѣтить ихъ съ точки зрѣнія тѣхъ идей, которыми была одушевлена «дореволюціонная» литература,—и смутныя очертанія обоихъ общественныхъ дѣятелей Екатерининской эпохи смѣнятся рѣзкими контурами: мы поймемъ, въ какомъ направленіи работала ихъ мысль, чѣмъ она питалась и отчего для Екатерины оба дѣятеля казались опасными. «Дореволюціонная» литература поможетъ намъ разобраться въ такихъ странныхъ фактахъ, какъ, на примѣръ, участіе русскихъ аристократовъ въ штурмѣ Бастиліи ¹⁾; она объяснитъ намъ, откуда взялись у насъ, въ матушкѣ-Москвѣ, горячіе сторонники республиканскаго правленія ²⁾, она укажетъ намъ, почему наши кадѣты въ корпусахъ съ увлеченіемъ переводили «марсельезу» на русскій языкъ ³⁾, почему многіе изъ русскихъ людей того времени горячо интересовались французской революціей ⁴⁾ и, что особенно важно, умѣли вѣрно судить о социальныхъ и историческихъ причинахъ этого движенія ⁵⁾.

Причины введенія цензуры у насъ, конечно, вполнѣ понятны: страхъ передъ революціей, боязнь за русское общество, которое оказалось чрезвычайно воспримчивымъ къ политическимъ движеніямъ Запада,—все это заставило Екатерину вступить въ борьбу съ «дореволюціонной» литературой, французской, нѣмецкой и англійской, и при помощи цензуры забрать въ руки ключи отъ библіотекъ своихъ подданныхъ.

Однимъ изъ крупныхъ поводовъ для введенія цензуры, думается намъ, было дѣло Новикова. Судъ показалъ, что Новиковъ и другіе

¹⁾ Pingaud, „Les Français en Russie et les Russes en France“, 118, 119,—также: 159—167.

²⁾ См. нашу статью въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ за 1898 г., т. III, кн. 4: „Къ литературной исторіи Писемъ русскаго путешественника“.

³⁾ С. Глинка, „Записки“, 115, 132.

⁴⁾ Болотовъ, IV, 1077, 1110; В. Панаевъ, „В. Евр.“, 1867 г., т. III, сент., 248; Вигель, III, 59—60; С. Глинка, 76, и др.

⁵⁾ Лопухинъ И., „Записки“. „Р. Арх.“, 1884 г., I, 22.

масоны интересовались «опасными» книгами болѣе, чѣмъ это было приличнымъ для вѣроподданныхъ Екатерины,—и вотъ, по поводу ихъ дѣла, впервые было высказано мнѣніе о необходимости положить предѣлъ ввозу иностранной литературы: князь А. Прозоровскій 20-го мая 1792 года писалъ императрицѣ: «Осмѣливаюсь, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше просить вашего величества, чтобъ повелѣть изволили положить границы книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять способы еще на границахъ и при портахъ подобныя сему книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи, служащія только къ заблужденію и разврату людей, не основанныхъ въ правилахъ честности» ¹⁾. Изъ этого же письма мы видимъ, что Прозоровскому хотѣлось видѣть въ Россіи «генеральное учрежденіе» для преслѣдованія опасной книги, такъ какъ его частныя мѣропріятія, вѣроятно, очень энергичныя, не приводили къ цѣли: «Я, читаемъ въ томъ же письмѣ, хотя всѣ мѣры къ сему взялъ, всемилостивѣйшая государыня, но довольно способовъ не достаесть совершенно сіе удержать, паче потому, что они (книгопродавцы) таковыя книги продаютъ скрытно, а тѣмъ вводятъ многихъ въ любопытство ихъ покупать, и, безъ ошибки сказать, всемилостивѣйшая государыня, можно, что всѣ, какія только во Франціи печатаются книги, здѣсь скрытно купить можно» ²⁾.

Съ этого письма князя Прозоровскаго должна начинаться исторія нашей цензуры, какъ постояннаго правительственнаго органа. Конечно, мысль объ учрежденіи пограничнаго надзора за книгой вовсе нехитрая: она могла явиться вполне самостоятельно и у самой императрицы, но любопытенъ тотъ фактъ, что, стало быть, Екатерина и со стороны слышала совѣты вступить въ рѣшительную борьбу съ опасной книгой; для насъ важно, что фактъ вліянія книги на русское общество оказался до такой степени бьющимъ въ глаза, что даже князь Прозоровскій усмотрѣлъ его; для насъ, наконецъ, очень интересно, что, начиная со времени преслѣдованія Новикова, за книгой «вообще» было у насъ въ первые признано серьезное «политическое» значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы оглянемся назадъ, то увидимъ, что книга у насъ не разъ вызывала «цензурныя» преслѣдованія—но какіе мотивы руководили правительствомъ въ прежнее время?

Въ 1720—22 гг. въ Полное Собраніе Законовъ внесено было повелѣніе, касающееся исправнаго печатанія церковныхъ книгъ; въ 1721 г. опять встрѣчаемъ постановленіе, относящееся только къ церковнымъ книгамъ: цензура ихъ ввѣрялась Синоду; въ 1732 году послѣдовало

¹⁾ „Лѣт. р. лит. и др.“, т. V, 41.

²⁾ „Лѣт. р. лит. и др.“, т. V, 41.

постановленіе, вызванное соображеніями коммерческими: запрещалось привозить тѣ книги изъ-за границы, которыя уже напечатаны были при Академіи—во избѣжаніе убытка; въ 1742 году цензурныя притѣсненія были вызваны уже другими соображеніями: со вступленіемъ на престолъ Елисаветы было приказано всякому, «кто имѣетъ у себя церковныя или гражданскія книги, печатанныя по кончинѣ блаженной памяти государыни императрицы Анны Іоанновны, для переправленія объявлять въ тѣ типографіи, гдѣ печатались», съ тѣмъ, чтобы послѣ исправленій обратно ихъ получить ¹⁾. Въ томъ же году рѣшено было не допускать къ продажѣ иностранныхъ и русскихъ книгъ, въ которыхъ упоминаются «имена персонъ, бывшихъ въ два правленія». Такія же основанія заставили и Екатерину II, сейчасъ же послѣ своего вступленія на престолъ, запретить «Меморіи Петра III», къ которымъ, очевидно, для отвода глазъ, прибавлены еще нѣкоторыя сочиненія: Екатерину въ 1763 году не беспокоили еще книги, направленныя «противъ закона, права»—пугали ее книги, направленныя противъ «насъ», т. е. противъ ея собственной личности, связанной съ событіями 1762 года. Приведенные примѣры можно умножить еще нѣсколькими узаконеніями, касающимися церковныхъ книгъ.

16-го сентября 1796 г. было выполнено все, о чемъ мечталъ князь А. Прозоровскій въ маѣ 1792 г.: преслѣдованіе «опасной» книги было ввѣрено особому правительственному органу, «генеральному учрежденію»,—цензурѣ, учрежденной въ пяти городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и Радзивиловѣ. Указъ былъ данъ Сенату слѣдующій:

«Въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признали мы за нужное слѣдующія распоряженія:

1) въ обоихъ престольныхъ городахъ нашихъ, С.-Петербургѣ и Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ Сената, въ губернскомъ же и приморскомъ городѣ Ригѣ и намѣстничествѣ Вознесенскаго въ приморскомъ городѣ Одессѣ и Подольскаго при таможенѣ радзивиловской, къ которымъ единственно привозъ иностранныхъ книгъ по изданному вновь тарифу дозволенъ, подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ—учредить цензуру, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую.

2) Никакія книги, сочиняемыя или переводимыя въ государствѣ нашемъ, не могутъ быть издаваемы, въ какой бы то ни было типографіи, безъ осмотра отъ одной изъ цензуръ, учреждаемыхъ въ столицахъ нашихъ, и одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ни-

¹⁾ Очевидно, нужно было что-нибудь измѣнить въ вѣнгахъ, изданныхъ въ правленіе предшественницы Елисаветы.

чего Закону Божію, правиламъ государственнымъ и благоправію противнаго не находится.

3) Учрежденныя, какъ выше сказано, въ обѣихъ столицахъ, такожъ въ Ригѣ, Одессѣ и при таможенѣ Радзивиловской цензуры должны наблюдать тѣ же самыя правила и въ разсужденіи привозимыхъ книгъ изъ чужихъ краевъ такъ, что никакая книга не можетъ быть вывезена безъ подобнаго осмотра, подвергая сожженію тѣ изъ нихъ, кои найдутся противными Закону Божію, верховной власти или же развращающіе нравы».

22-го октября того же 1796 г. былъ изданъ указъ, подробнѣе развѣивающій первый: указанъ былъ составъ каждаго изъ учрежденныхъ цензурныхъ комитетовъ.—«Составить, говорится въ указѣ, въ каждомъ мѣстѣ изъ трехъ особъ, изъ одной духовной, изъ одной гражданской и одной ученой; духовныхъ особъ избрать Синоду, гражданскихъ—Сенату, а ученыхъ—Академіи Наукъ и Московскому университету»; въ томъ же указѣ избраннѣмъ цензорамъ предлагалось «сочинить себѣ штаты, сколько потребно канцелярскихъ служителей и на нихъ и на канцелярскіе расходы денегъ, и оныя штаты представить Сенату».

Это было послѣднее официальное распоряженіе касательно цензуры, сдѣланное при Екатеринѣ: слѣдующій указъ 16-го февраля 1797 года изданъ былъ уже при Павлѣ; изъ этого указа мы знакомимся немного съ будущими дѣятелями новаго «генеральнаго учрежденія»: директоръ Академіи Наукъ Бакунинъ въ качествѣ «ученыхъ» цензоровъ «избралъ» для цензуръ: петербургской—академика надворнаго совѣтника Семена Котельникова, рижской—академика надворнаго совѣтника Петра Иноходцева, одесской—академика Якова Захарова; причѣмъ назначилъ имъ и жалованье—1.800 руб. для петербургскаго и рижскаго цензоровъ и 1.200 р.—для одесскаго. Кураторъ Московскаго университета указалъ на профессора Антона Прокоповича-Антонскаго—для московской цензуры, и философіи магистра Александра Барсова—для радзивиловской. Жалованье назначилъ имъ кураторъ 1.000 р. въ годъ.

Синодъ извѣстилъ, что избраніе «духовныхъ» цензоровъ для каждой цензуры онъ возложилъ на мѣстныхъ архіереевъ, и отвѣтъ ихъ еще не полученъ.

Наконецъ, Герольдія, которой поручено было представить кандидатовъ для «гражданскихъ» цензоровъ, указала—для петербургской цензуры костромскаго вице-губернатора, коллежскаго совѣтника Михаила Туманскаго, для Москвы—коллежскаго ассессора Дмитрія Стратиневича, для Риги—«находящагося при народныхъ училищахъ» надворнаго совѣтника Ѳедора Туманскаго.

Въ мартѣ (29-го) были выбраны, наконецъ, и «духовные» цензора: для Петербурга—«Невской семинаріи» ректоръ, богословія учитель и

Вязицкаго монастыря архимандритъ»—Антоній; для Москвы—«Академіи проповѣдникъ, іеромонахъ»—Владиміръ; для Риги—«тамошній протопопъ и духовнаго правленія первоприсутствующій»—Спиридонъ Тихомировъ. Жалованья предложилъ Синодъ имъ производить каждому по 500 р. въ годъ.

Такимъ образомъ, къ марту 1797 года полный составъ цензоровъ былъ набранъ. Изъ приведеннаго выше списка мы видимъ, что въ цензоры попали люди довольно видные: тутъ и академики, и профессора, и вице-губернаторъ, и ректоръ семинаріи,—очевидно, новое учрежденіе въ глазахъ правительства было органомъ, дѣйствительно, важнымъ. Но новая мѣра не была достаточно продумана—это видно, хотя бы, изъ такого мелкаго, но характернаго факта, какъ назначеніе жалованья: оказывается, не была даже установлена норма жалованья цензорамъ оно колебалось отъ 1.800 р. до 500 р. въ годъ!

Кромѣ того, самый выборъ былъ, можно думать, иногда очень случайнымъ,—это произошло потому, что тѣ учрежденія, которымъ былъ порученъ выборъ людей, годныхъ для цензуры, не были освѣдомлены касательно цѣлей новаго учрежденія, характера его будущихъ занятій. Такъ, мы имѣемъ очень интересную переписку по дѣлу академика Захарова.

Директоръ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бакунинъ для радзивиловской цензуры выбралъ Захарова ¹⁾. «Представляю, пишетъ онъ 23-го февраля 1798 г. въ Сенатъ, что къ отправленію означенной должности избранъ мною изъ ученыхъ Академіи Наукъ академикъ Яковъ Захаровъ, получающій нынѣ жалованья восемьсотъ шестьдесятъ рублей, по штату самый меньшій окладъ, имѣющій окромѣ того казенную квартиру и дрова и пользующійся дозволеніемъ къ преподаванію частныхъ лекцій, приносящихъ не малую пользу». Въ виду всѣхъ этихъ благополучій академику Захарову Бакунинъ считалъ возможнымъ назначить содержаніе въ 1.500 руб., такъ какъ, «хотя означенное жалованье и превосходитъ получаемое нынѣ помянутымъ г-номъ Захаровымъ, но онъ опредѣленіемъ къ новой сей должности лишается уже того приращенія и выгодъ, кои при Академіи Наукъ могъ ожидать при отличныхъ трудахъ и кои по штату академическому иногда до двухъ тысячъ достигаютъ».

Но «назначеніе» это не состоялось: академикъ Захаровъ не пожелалъ мѣнять Академію на радзивиловскую цензуру и 2.000 р. на 1.500 р., и 26-го февраля 1798 года обратился съ прошеніемъ на высочайшее

¹⁾ Выбранный въ 1797 году для одесской цензуры, Захаровъ уклонился отъ этого назначенія. Очевидно, и Барсовъ, выбранный для радзивиловской цензуры, тоже сумѣлъ отдѣлаться отъ новой должности, отвлекавшей его отъ ученыхъ занятій и Москвы.

иня, въ которомъ энергично протестовалъ противъ самоуправства Бакунина ¹⁾).

«Увѣдомился я, пишетъ онъ, что господинъ Академіи Наукъ директоръ Бакунинъ, въ силу указа, посланнаго къ нему изъ Правительствующаго Сената, назначилъ при радзивиловской таможи меня, Захарова, цензоромъ ввозимыхъ въ Россію иностранныхъ книгъ, не спрося у меня, имѣю ли я на перемѣну сего мѣста желаніе, ибо ни въ какомъ законѣ нѣтъ, чтобы человѣка такого состоянія, въ которомъ я нахожусь, можно было употреблять противъ его воли на всякую должность, которая съ настоящею весьма слабый союзъ имѣетъ и которая выше силъ его; потомъ надлежало бы въ силу указа Правительствующаго Сената отъ 16-го ноября 1797 года, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «совѣтникамъ подтвердить, чтобы они отнюдь не вмѣшивались въ распоряженія, до ученаго собранія касающіяся, хотя бы оныя иногда сопряжены были и съ дѣлами до экономіи принадлежащими, предоставляя оное непосредственно попеченію ученаго собранія, которое знаетъ и съ основательностію судить можетъ о способностяхъ членовъ, оное составляющихъ, и которое, за неимѣніемъ членовъ къ тому способныхъ или дабы не разрывать корпусъ, съ извѣстнымъ намѣреніемъ составленный, могло бы рекомендовать другихъ людей, сію должность отправить могущихъ, что предписываетъ регламентъ Академіи Наукъ, статья 35-я. Но господинъ директоръ, несмотря на многіе примѣры, высочайшею вашею императорскаго величества особою показанные въ отношеніи къ ученому собранію по случаю дѣлъ до онаго касавшихся, не удостоилъ посовѣтоваться съ онымъ, и потому онъ, совѣмъ не вѣдая моихъ способностей, рекомендуетъ меня Правительствующему Сенату къ понесенію такой должности, которую, дѣйствительно, я выполнить не въ состояніи.

«Хотя я учился по-латински, по-нѣмецки и по-французски, однако же разумѣю сіи языки не такъ, какъ профессоръ языковъ или какъ профессоръ словесныхъ наукъ, но какъ профессоръ химіи, а именно по извѣстности терминовъ, свойственныхъ сей наукѣ, разумѣю токмо книгу о сей матеріи, которая отъ упражненія сдѣлалась мнѣ почти во всей подробности извѣстна, и, такимъ образомъ, я не могу быть цензоромъ вообще ученыхъ книгъ, ввозимыхъ въ Россію и писанныхъ на разныхъ языкахъ о разныхъ предметахъ, въ коихъ я, кромѣ своей науки, совѣмъ не упражнялся, ибо, чтобы видѣть иносказательный смыслъ и понимать аллегорическія мысли и разныя тонкости, которыя могутъ

¹⁾ О времени управленія Бакунина Академіею наукъ см. статьи академика К. С. Веселовскаго: „Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Академіи наукъ“ („Рус. Стар.“ 1898 г., № 2) и „Отношенія императора Павла I къ Академіи наукъ“ („Рус. Стар.“ 1898 г., № 4). Ред.

быть противны или закону Божію, или правительству, надобно имѣть твердое и основательное знаніе не трехъ, но многихъ языковъ и вообще знаніе всей литературы; мѣологія, поэзія и другія науки должны быть такому цензору весьма извѣстны, но я по совѣсти, подъ присягою скажу, что совѣмъ въ сихъ знаніяхъ не упражнялся. Химія—одно мое знаніе, одна наука, которою я занимался и занимаюсь.

«Поелику Академія въ силу регламента есть собраніе ученыхъ людей, по разнымъ частямъ знаній человѣческихъ составленное съ извѣстнымъ намѣреніемъ, то все заставляетъ думать, что Правительствующій Сенатъ требовалъ отъ господина директора, чтобъ онъ назначилъ изъ Академіи способнаго человѣка въ упомянутые цензоры въ томъ мѣстѣ, что при Академіи находится университетъ, долженствующій наполнять корпусъ академической и доставлять другимъ мѣстамъ ученыхъ людей въ силу регламента Академіи Наукъ, но какъ сего университета уже нѣсколько лѣтъ не существуетъ, то господинъ директоръ, конечно, думалъ, что будто оныхъ людей можно брать изъ членовъ, собственно Академію составляющихъ, что совершенно противно тому намѣренію, съ коимъ она учреждена».

Результатомъ этого прошенія было постановленіе, чтобы дѣло Захарова было передано на разсмотрѣніе ученаго собранія Академіи.

Академія 15-го марта отвѣчала такъ:

«La conférence académique ne connoit M. l'académicien Zacharof que comme chymiste et elle n'est pas en état de juger de ses facultés littéraires nécessaires à un censeur de livres telles que les langues, la littérature, la politique etc. Elle est par conséquent obligée de se tenir uniquement à la déclaration de M. Zacharof, qui assure de n'avoir pas les connoissances requises pour ce poste.

«La conférence seroit aussi obligée de dire la même chose de tous les autres académiciens, dont chacun s'est devoué à une science particulière, dont l'avancement d'après le règlement est le but essentiel de l'Académie des Sciences et qui n'a point de rapports aux objets de la censure» ¹⁾.

Препроводя это рѣшеніе въ Сенатъ, Бакунинъ, раздосадованный

¹⁾ „Совѣтъ академической знаетъ академика Захарова только, какъ химика и не въ состояніи судить о его литературныхъ способностяхъ, необходимыхъ цензору книгъ по языку, литературѣ, политикѣ и пр. Поэтому Совѣтъ принужденъ основываться единственно на заявленіи г-на Захарова, увѣряющаго, что у него нѣтъ надлежащихъ знаній для этой должности.

„Совѣтъ то же самое отвѣтилъ бы и о всѣхъ другихъ академическихъ, изъ которыхъ каждый посвятилъ себя особой наукѣ, совершенствованіе которыхъ по регламенту—главная цѣль Академіи Наукъ, не имѣющей ничего общаго съ занятіями цензуры“.

неожиданнымъ для него оборотомъ дѣла, присоединилъ къ нему, съ своей стороны, бумагу.

«Предложилъ я, писать онъ, ученому собранію подать мнѣніе свое касательно назначенія г-на Захарова въ цензоры, прилагаю при семъ оное въ оригиналѣ и съ переводомъ. Правительствующій Сенатъ благоволитъ усмотрѣть, что члены ученаго собранія, ограждая г-на Захарова, мыслили каждый о себѣ, почему, ежели ихъ представленіе уважено будетъ, не въ состояніи уже я никого изъ нихъ на сіе мѣсто представить».

Затѣмъ директоръ Академіи указываетъ, что и до Захарова изъ Академіи были назначены двое, «кои таковыя же были члены ученаго собранія, но весьма извѣстнѣе и искуснѣе въ своемъ знаніи каждый г-на Захарова». Далѣе онъ продолжаетъ настаивать на опредѣленіи въ цензоры именно Захарова, повторяя, что Захаровъ знаетъ три языка и «имѣетъ довольныя способности къ предлагаемой должности», къ тому же, замѣчаетъ онъ, «г-нъ Захаровъ, будучи казеннымъ воспитанникомъ, не можетъ отречься ни отъ какой на него возлагаемой должности... Убѣдительно же всего къ опредѣленію г-на Захарова было для меня, что по штату положено быть при Академіи одному химику, а какъ г-нъ Захаровъ при оной третій, то Академія его удобно лишиться можетъ».

13-го апрѣля 1798 года Захаровъ снова обращается къ государю съ прошеніемъ, въ которомъ жалуется опять на неправильный образъ дѣйствій Бакунина, причѣмъ указываетъ, что и Иноходцевъ съ Котельниковымъ назначены были противъ ихъ желанія.

Сенатъ рѣшилъ предоставить дѣло Захарова на разсмотрѣніе президента Академіи Николаи, а тотъ 26-го мая извѣстилъ Сенатъ, что академики единогласно признали причины отказа, выставленныя Захаровымъ, уважительными, и рекомендовалъ на должность «ученаго» цензора въ Радзивиловъ академическаго доктора Свенске. Этимъ окончилась любопытная въ исторіи Академіи переписка по дѣлу Захарова. Сенатъ утверждалъ академическаго доктора въ той должности, которая предназначалась, по личному капризу директора Академіи, академику.

Приведенный нами эпизодъ свидѣтельствуетъ краснорѣчиво о той случайности, какаѣ замѣчается въ выборѣ цензоровъ; очевидно, избирались люди иногда не только не подготовленные къ этой работѣ, но часто и противъ ихъ собственнаго желанія,—естественно, новое «генеральное учрежденіе» не могло стоять на высотѣ призванія.

И дѣйствительно, въ Петербургѣ цензура долго не начинала дѣла вслѣдствіе того, что М. Туманскій, бывший вице-губернаторъ, началъ свою службу съ долгосрочнаго отпуска,—можно думать, послѣ вице-губернаторства перспектива цѣлые дни читать книги, терпѣть неприятели, не особенно ему улыбалась. Московская цензура, въ лицѣ Проко-

повича-Антонскаго, въ самомъ началѣ работы уже получила выговоръ за краткость и необоснованность представляемыхъ замѣчаній на книги; цензора въ Вильгѣ и Радзивиловъ ⁴⁾ начали скоро хлопотать о чинахъ, отзывовъ же цензурныхъ представили очень немного.

Единственно рижская цензура, дѣйствительно, принялась за работу съ увлеченіемъ, рыно—оттого и дѣла, относящіяся до нея, имѣются въ огромномъ количествѣ. Вдохновителемъ этой цензуры былъ Ѳ. Туманскій, воспитанникъ Геттингенскаго университета, который въ новой роли цензора почувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ ⁵⁾.

26-го марта 1797 года, пріѣхавъ въ Ригу, онъ, нимало не медля, открылъ рижскую цензуру, о чемъ счелъ долгомъ извѣстить князя Алексея Борисовича Куракина, председателя Совѣта Его Величества: «Сего марта въ двадцать шестой день, призвавъ Всемогущаго Бога въ помощь, мы въ присутствіе вступили, о чемъ долгомъ поставили вашему сіятельству донести симъ рапортомъ».

Но рыному Туманскому пришлось растерять много энергии по пустякамъ. Дѣло въ томъ, что къ «новому генеральному учрежденію» правительство отнеслось такъ безпечно, что, посылая цензоровъ по разнымъ городамъ, не озаботилось даже приготовить имъ заранѣе помѣщеніе,—и вотъ, возникаетъ рядъ недоразумѣній и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Ригѣ: цензуру переводили изъ одной квартиры въ другую, «временно» отводили помѣщеніе, потомъ снимали.

Ѳ. Туманскій и Петръ Иноходцевъ, 26-го марта 1797 года, жаловались, что имъ губернаторъ рижскій помѣщенія подходящаго не далъ, а «на краткое время» отвелъ одну комнату, съ условіемъ очистить ее въ случаѣ надобности; сторожа у нихъ нѣтъ, дровъ тоже, бумагъ нужныхъ негдѣ хранить ⁶⁾.

Второе затрудненіе, съ которымъ встрѣтились цензора,—это отсутствіе «штатовъ». Правда, цензорамъ было поручено при самомъ вступленіи въ обязанность сочинить примѣрные «штаты», но и здѣсь вышли опять промедленія: въ рижской цензурѣ не могли ничего рѣшить безъ «духовнаго» цензора, котораго долго не назначали, въ московской—вслѣдствіе неопредѣленности положенія гражданскаго цензора и неимѣнія духов-

⁴⁾ Эти цензуры основаны позднѣе.—въ 1799 году.

⁵⁾ О Туманскомъ, „Русск. Стар.“, т. VIII, 334—335, 593, XIV, 469. Также много у Скабичевскаго въ его „Очеркахъ исторіи русской цензуры“.

⁶⁾ 28-го марта графъ Мегденъ, рижскій губернаторъ, увѣдомилъ Куракина, что „пока“ для цензуры отведены въ старомъ императорскомъ дворцѣ нѣсколько комнатъ. 11-го мая 1797 года Мегденъ писалъ уже оберъ-прокурору, что цензура „помѣщена со всею удобностью въ шести покояхъ“, причѣмъ даже ремонта помѣщенія не нужно. Это, впрочемъ, не помѣшало Ѳ. Туманскому и позднѣе жаловаться на помѣщеніе.

наго; въ петербургской — вслѣдствіе отсутствія гражданскаго цензора М. Туманскаго, уѣхавшаго въ отпускъ ¹⁾).

«Штаты», наконецъ, выработанные всѣми цензурами, обращаютъ на себя вниманіе, — настолько неравномѣрно было содержаніе, опредѣленное на цензуру; примѣрные оклады были сокращены и, въ результатѣ, утверждены слѣдующіе:

Для петербургской цензуры	3.500 р.
» рижской цензуры	3.500 »
» московской цензуры	1.300 » (вм. 1.490 р.).
» радзивиловской цензуры	2.800 » (вм. 3.500 р.).
» виленской ценз. (учр. позднѣе)	4.600 »

Въ эти оклады входило содержаніе канцеляріи и всѣ расходы по цензурѣ. Составъ служащихъ, напримѣръ въ рижской цензурѣ, былъ слѣдующій: кромѣ трехъ главныхъ цензоровъ — секретарь, знающій иностранные языки (600 р.), библіотекаръ (500 р.), три чтеца, знающихъ иностранные языки (по 300 р.), нѣсколько канцелярскихъ чиновъ и служителей (1.300 р.); кромѣ того, 200 рублей въ «штатахъ» рижской цензуры отведено «на ежегодное выписываніе ученыхъ энциклопедическихъ и критическихъ журналовъ о выходящихъ на разныхъ языкахъ книгахъ»; канцелярскіе расходы поставлены въ 1.300 рублѣхъ.

Кромѣ выработки «штатовъ» занимались цензора и составленіемъ «инструкцій» касательно «распредѣленія времени и упражненій» въ разныхъ цензурахъ. Особенно обстоятельными и точными оказались «инструкціи», выработанныя Ѳ. Туманскимъ и его товарищами, — и въ этомъ обстоятельствѣ сказалась его необыкновенная рьяность: каждый день, чуть не каждый часъ отведенъ въ рижской «инструкціи» очень точно на какое-нибудь занятіе; предусмотрѣны даже нѣкоторыя случайности, въ родѣ праздниковъ, когда общій строй занятій замѣнялся другимъ.

Не входя въ подробное изложеніе всѣхъ занятій рижской цензуры, мы укажемъ лишь на главное, чѣмъ въ теченіе недѣли занимались рижскіе цензора. Въ понедѣльникъ вскрывали они «столько кипъ, сколько есть свободнаго мѣста» и въ присутствіи хозяина или повѣреннаго составляли «реестръ». Тогда же выпускались изъ цензуры сочиненія изъ этихъ кипъ, извѣстныя за «несумнительныя». Во вторникъ цензора

¹⁾ Позднѣе въ радзивиловской цензурѣ тоже возникли разныя недоразумѣнія относительно «штатовъ»: сначала цензора жаловались на трудность существовать безъ «штатовъ» и жалованья, а потомъ, когда представленные ими Совѣту «штаты» были уменьшены, всѣ чиновники отказались отъ службы, такъ какъ содержаніе оказалось слишкомъ маленькимъ (въ Радзивиловѣ курсъ былъ очень низокъ: за 100 р. ассигн. давали только 50 р. серебра).

въ присутствіе не приходили, а «по своимъ квартирамъ занимались прилежнымъ чтеніемъ» книгъ, показавшихся «сумнительными», а также провѣркой полученныхъ книгъ по тѣмъ алфавитнымъ реестрамъ, который велся въ цензурѣ всѣмъ сомнительнымъ книгамъ. Въ среду происходила выдача книгъ «несумнительныхъ», причемъ съ различными предосторожностями: «осматривается каждый экземпляръ прилежно, ибо опытъ научилъ цензоровъ, что нельзя имѣть довольно предосторожности, поелику уже имъ встрѣчалось, что подъ книги однѣ подкладываютъ другія безъ титула; что даже въ переплетныхъ начало и конецъ одной книги, а въ серединѣ совсѣмъ особая книга». Въ четвергъ опять въ присутствіе не ходили, а по квартирамъ занимались чтеніемъ новыхъ журналовъ, а также и другихъ книгъ. Въ пятницу собирались на обсужденіе, «выслушивая каждого примѣчанія и мнѣнія». Въ субботу, наконецъ, отправляли «рапорты въ Петербургъ съ посылкою книгъ» «сумнительныхъ».

Эта любопытная инструкція, съ «добавленіями» и «изясненіями», къ ней приложенными, проникнута, съ одной стороны, духомъ невѣрія къ хозяевамъ книгъ, на которыхъ Ѳ. Туманскій смотрѣлъ, повидимому, какъ на враговъ государства, носителей «разврата», а, съ другой стороны—духомъ искательства передъ высшимъ начальствомъ: дѣятельность цензоровъ представлена кипучей, подчеркнута, что и въ праздники работа ихъ не прекращалась,—напримѣръ: «буде же случится табельный день въ пятокъ, въ такомъ случаѣ для общаго совѣтованья собираются послѣ литургіи въ квартиру одного изъ цензоровъ. Ежели же табельный день въ субботу, поелику день почтовой и оставленъ быть не можетъ, изготовляютъ все на тотъ же день нужное, и въ позднюю ночь въ квартирахъ...» и т. д.

Любопытна еще одна частность въ этой инструкціи: «ежели между книгами, читаемъ мы, найдутся запечатанныя письма или таковыя вещи, которыя для пересылки чрезъ почту слѣдуютъ, поелику до всего сего цензорамъ дѣла нѣтъ, то оныя тотчасъ отсылать въ рижскую почтовую контору, для поступленія по предписанію на таковыя случаи существующихъ законовъ». Эти слова очень интересны, съ одной стороны, какъ указаніе на то, что до введенія цензуры частная переписка, переправляемая помимо почты, могла легко ускользнуть отъ перлюстраціи, а съ другой стороны, мы видимъ, что въ началѣ дѣятельности своей Ѳ. Туманскій былъ гораздо скромнѣе: тогда онъ находилъ еще, что до чужихъ писемъ цензорамъ дѣла нѣтъ, но позднѣе, съ расширеніемъ своей власти, онъ очень заинтересовался и этой литературой и даже посылалъ «сумнительныя» посланія въ Петербургъ...

Совсѣмъ въ другомъ духѣ «инструкціи» петербургской цензуры: очевидно, сочинена она безъ того «увлеченія», съ какимъ, несомнѣнно, пи-

салась рижская и есть результатъ самаго формальнаго отношенія къ дѣлу: въ нѣсколькихъ словахъ указанъ кругъ занятій цензоровъ и ихъ помощниковъ и этимъ ограничивается вся «инструкція», нѣтъ никакого распредѣленія по днямъ. Нѣсколько подробнѣе московская инструкція; въ ней главное вниманіе обращено на формальности при приѣмѣ и выпускѣ книги, а о занятіяхъ цензоровъ сказано немного, на распредѣленіе по днямъ тоже нѣтъ никакихъ указаній.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что единообразія не было въ цензурныхъ дѣлахъ никакого: всякая вѣла дѣло по своему, руководствуясь своими порядками и правилами.

Впрочемъ, несмотря на всѣ свои «инструкціи», стоило цензорамъ начать работу, какъ сейчасъ они встрѣтились съ различными препятствіями и недоразумѣніями. Разумѣется, больше всего недоумѣній должно было явиться у того цензора, который примется за работу съ большею рьяностью,—такимъ былъ *Θ. Туманскій*,—и вотъ уже 19-го апрѣля 1797 года онъ задаетъ рядъ вопросовъ своему начальству:

1) Книги, не соотвѣтствующія правиламъ, предавать соженію указано. Ежели книга впротчемъ невинная или полезная, содержитъ токмо нѣсколько листовъ, а иногда токмо нѣсколько словъ, правиламъ предписаннымъ противныхъ, въ такомъ случаѣ всю ли книгу жечь, или токмо тѣ листы, которыхъ пропускать не слѣдуетъ.

2) Подлежащія соженію жечь при цензурѣ или отсылать, запечатать, въ Губернское Правленіе, дабы отъ онаго повелѣно было сіе произвести чрезъ команду полицейскую при одномъ изъ цензоровъ.

3) Привозимые эстампы и картины, какъ особо для продажи, такъ и находящіяся въ книгахъ, подлежатъ ли сужденію цензуры; поелику однакъ предметъ съ книгами имѣютъ.

4) Нынѣ продаваемыя въ лавкахъ и до учрежденія цензуры изъ чужихъ краевъ ввезенныя книги и эстампы требовать ли въ разсмотрѣніе цензуры.

5) Печатаемые въ Ригѣ и въ Митавѣ политическія газеты, разныя еженедѣльные листы и другія мелочныя печатаемыя бумаги разсматривать ли здѣсь рижской цензурѣ.

6) На театрѣ вольномъ рижскомъ представляемыя разныя оперы, трагедіи, комедіи и прочія пьесы не вступали доселѣ на разсмотрѣніе цензуры: обязана ли цензура оныя разсматривать и прежде представленія для одобренія или отверженія сочиненія.

7) Если цензура узнаетъ, что въ публикѣ обращается книга, цензурою неодобренная или совсѣмъ оной на разсмотрѣніе не явленная, въ такомъ случаѣ имѣетъ ли право цензура требовать оной въ свое разсмотрѣніе, и въ такомъ случаѣ къ кому относиться съ требованіемъ симъ, и буде слѣдуетъ къ запрещенію, то кому о семъ знать давать.

8) Какъ для оправданія цензуры, какихъ ради причинъ вся книга конфискована или нѣсколько оныя листовъ не пропущено, такъ равно и для доказательства, какая книга; а не другая подъ подобнымъ титуломъ дозволена, кажется нужно бы, какъ привозимыхъ изъ чужихъ краевъ, такъ и печатаемыхъ книгъ и листовъ здѣсь по одному экземпляру оставлять единожды токмо при новомъ оныхъ явленіи: пзъ таковыхъ составитя современемъ при

цензурѣ знатная бібліотека и лучшее собраніе эстамповъ; но елику пошлины на сей товаръ не узаконено, то книгопродавцамъ изъ того никакого убытка быть не можетъ, ибо оставленный изъ многихъ экземпляровъ одинъ возвыситъ на прочіе цѣну тожко одной или немногими копѣйками.

9) Обязана ли одна цензура другой давать знать, какія изъ ввозимыхъ или здѣсь печатаемыхъ книгъ и эстамповъ по разсмотрѣніи одобрены или къ уничтоженію назначены, дабы по таковомъ свѣдѣніи избѣжать разногласія.

Впрочемъ, за нѣкоторыми изъ этихъ «недоумѣній» (напр. § 3, 4, 5, 6, 7) не трудно усмотрѣть хитрую уловку съ цѣлью расширить свои цензорскія права: О. Туманскій хочетъ цензурѣ подчинить и картины, и мѣстныя газеты, и театральныя пьесы ¹⁾,—однимъ словомъ, ему хочется забрать въ руки полицейскій надзоръ. Всѣ вышеприведенные вопросы-предложенія Туманскаго рѣшены были въ смыслѣ, желательномъ для него,—и вскорѣ рижская цензура дѣлается силою въ Прибалтійскомъ краѣ.

В. В. Сиповскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О томъ, какъ онъ цензуровалъ театральныя пьесы, см. любопытный разсказъ Коцебу, приведенный у Скабичевскаго въ его „Очеркахъ исторіи русской цензуры“, 83.

О невѣзательствѣ губернаторовъ въ чужія дѣла.

Рескриптъ императора Павла I тайн. сов. Селецкому.

14-го мая 1798 г. Москва.

Господинъ тайный совѣтникъ и Новороссійскій губернаторъ Селецкій. Получа рапортъ вашъ, коимъ доносите о распространяющейся между жителями многихъ селеній Тираспольскаго и Ольвіопольскаго уѣздовъ цынготной болѣзни,—приказалъ я тотъ часъ отправить отъ сюда сенатскаго эскутора фонъ Мендена съ повелѣніемъ: учиня на мѣстѣ свидѣтельство, донести мнѣ въ подробности о всемъ что имъ найдено будетъ, дабы потому можно было принять надежнѣйшія къ пресѣченію открывшейся болѣзни, мѣры. Касательно же одержимыхъ ею въ Кибурнѣ, Очаковѣ, Херсонѣ и Екатеринодарѣ воинскихъ чиновъ, на сію часть донесенія вашего, нужнымъ нахожу сдѣлать вамъ примѣчаніе, что поелику наблюденіе надъ онымъ, равно и донесеніе о томъ принадлежитъ воинскимъ начальникамъ, то и неслѣдовало бы вамъ мѣшаться въ дѣло до васъ не касающееся.

Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ.

VIII ¹⁾.

Кончина Бориса Годунова. — На престолъ вступаетъ его сынъ, Фѣдоръ. — Анархія въ войскѣхъ подъ Кромами. — Пріѣздъ Запорскаго. — Большая часть арміи переходитъ на сторону Димитрія. — Въѣздъ въ Тулу. — Мятежъ въ Москвѣ. — Власть находится въ рукахъ Богдана Бѣльскаго. — Смерть Годуновыхъ. — Торжественное посольство предлагаетъ Димитрію престолъ.

«Положеніе Бориса, пишетъ Исаакъ Масса, одинъ изъ иностранцевъ, проживавшихъ въ то время въ Москвѣ, было до того отчаянное, что онъ рѣшилъ лучше покончить съ собою, нежели попасть въ руки Димитрія, и своимъ позоромъ передъ лицомъ всего міра увеличить его торжество.

«23-го апрѣля, царь былъ въ очень веселомъ настроеніи, или по крайней мѣрѣ казался таковымъ. За обѣдомъ онъ много кушалъ и удивилъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ хорошимъ расположеніемъ духа. Послѣ же обѣда, онъ отправился въ одну изъ дворцовыхъ башенъ, откуда открывался обширный видъ на городъ и его окрестности и, какъ полагаютъ, принялъ тамъ ядъ, ибо сойдя внизъ онъ велѣлъ позвать къ себѣ патріарха и священниковъ, заявилъ имъ, что онъ скоро умретъ, велѣлъ остричь себѣ волосы и подать себѣ монашескій клобукъ. Едва она успѣли прочитатъ положенныя молитвы, царь испустилъ духъ—это было въ три часа пополудни.

«Прошло около двухъ часовъ, пока вѣсть о случившемся разнеслась по городу; когда же жители узнали о смерти царя, то въ Москвѣ произошло большое смятеніе; бояре поспѣшили въ Кремль, за ними шли

¹⁾ См. «Русскую Старину» мартъ 1899 г.

стрѣльцы, которые также, какъ и бояре были вооружены. Мы догадывались, что причиною этой сумятицы была кончина царя, но никто не смѣлъ объ этомъ говорить. Только на другой день, увидавъ, что бояре и придворные отправлялись во дворецъ въ траурной одеждѣ, мы убѣдились, что это было правда» ¹⁾).

Это самый подробный рассказъ современника о кончинѣ Бориса Годунова. То же приблизительно, передаютъ объ этомъ событіи и прочіе иностранцы, находившіеся тогда въ Москвѣ, какъ напр. Буссовъ, Петреусъ ²⁾, Патерсонъ ³⁾, впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Маржеретъ, приписывали его смерть апоплексическому удару.

На другой день послѣ кончины Бориса, жители Москвы были созваны въ Кремль, гдѣ патріархъ объявилъ имъ, что царь завѣщалъ престолъ свой супругѣ Маріи и своему сыну Ѳедору, и требовалъ, чтобы народъ немедленно присягнулъ имъ.

Положеніе шестнадцатилѣтняго царя Ѳедора Годунова было весьма затруднительно. Большинство бояръ, въ виду его крайней молодости не возлагало на него никакихъ надеждъ и открыто перешло на сторону Димитрія; иные, для вида, оставались ему вѣрны, но въ сущности также мало заслуживали довѣрія царя.

Единственный человекъ, на котораго можно было положиться, былъ Петръ Басмановъ; онъ отличался умомъ, храбростью и преданностью Годуновымъ. Поэтому Ѳедоръ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, ввѣрилъ ему и князю Михаилу Катырьеву-Ростовскому начальство надъ арміей, посланной противъ Самозванца.

1-го мая Басмановъ прибылъ въ окрестности Кромъ съ письмомъ отъ царя, въ которомъ Ѳедоръ убѣждалъ войско держаться стойко, обѣщая щедро вознаградить его за вѣрную службу. Для принятія присяги прибылъ вмѣстѣ съ Басмановымъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ съ духовенствомъ. Но многіе полки отказались присягать и перешли открыто на сторону «царевича». Вообще, по полученіи извѣстія о кончинѣ Бориса въ войскѣ обнаружилась полная анархія; самъ Басмановъ поколебался въ вѣрности и преданности царю.

О томъ, что происходило въ это время въ лагерь подъ Кромами не сохранилось достовѣрныхъ извѣстій, но сопоставляя все то, что писали объ этомъ современники, надобно признать, что главнымъ виновникомъ измѣны арміи былъ самъ Басмановъ, перешедшій на сторону Димитрія, а за нимъ Михаилъ Салтыковъ и братья Иванъ и Василій Голицыны. Ихъ примѣру послѣдовали новгородскіе и рязанскіе «боярскіе дѣти», а затѣмъ большая часть арміи. Полки въ величайшемъ

¹⁾ Т. I, стр. 106—107; т. II, стр. 116—117.

²⁾ Тамъ же, стр. 31 и 172.

³⁾ J. G. Meusel, „Der Geschichtsforscher“, ч. IV (1777), стр. 149.

безпорядкѣ оставили лагерь; тогда же уѣхали и нѣкоторые бояре, въ томъ числѣ князь Михаилъ Ростовскій и Иванъ Годуновъ; послѣдняго догнали и связаннаго доставили въ Путивль. Въ его палаткахъ была найдена богатая добыча, разныя серебряныя вещи, деньги, лошади и цѣнная одежда. Запорскій, который захватилъ такую же добычу, цѣнилъ ее въ общей сложности въ 200 тысячъ злотыхъ ¹⁾).

Въ Путивлѣ появлялись ежедневно посланцы съ извѣстіемъ о кончинѣ Бориса, а 24-го мая туда прибыла депутація отъ войскъ, во главѣ которой находился Иванъ Голицынъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ московскихъ бояръ. На торжественной аудіенціи у Самозванца депутація эта, въ которой были представители всѣхъ «повѣтовъ», признала «царевича» своимъ законнымъ царемъ отъ имени всего Московскаго государства и униженно просила его простить ихъ вину, происшедшую отъ невѣдѣнія и отъ того, что они были введены въ обманъ Борисомъ Годуновымъ.

Но Димитрій не особенно довѣрялъ преданности арміи, зная что у Годуновыхъ все еще была довольно сильная партія. Желая избавиться отъ ненадежныхъ элементовъ, «царевичъ» послалъ въ Кромь нѣкоего Бориса Лукова съ письмомъ, въ которомъ онъ благодарилъ войско за выраженную ему преданность и разрѣшалъ всѣмъ разойтись по домамъ. Многіе воспользовались этимъ позволеніемъ.

26-го мая Димитрій выступилъ изъ Путивля ²⁾), въ сопровожденіи не болѣе 2000 солдатъ, изъ коихъ 600 человекъ было польской конницы ³⁾). Подойдя къ Кромамъ, онъ принялъ присягу отъ войска и раздѣлил его на двѣ части, изъ коихъ одну послалъ въ Тулу, а другую, подъ командою Запорскаго и Басманова, двинулъ на Калугу къ Серпухову. Въ лагерь подъ Кромами Самозванецъ сформировалъ свою личную стражу исключительно изъ однихъ поляковъ; прочимъ частямъ войскъ онъ еще не довѣрялъ.

Когда Басмановъ и Запорскій подошли, нѣсколько дней спустя, къ Орлу, то гарнизонъ этого города вышелъ имъ навстрѣчу и добровольно покорился Димитрію; когда же послѣдній самъ прибылъ въ Орель, то къ нему явилось посольство изъ Москвы съ увѣдомленіемъ, что жители столицы не хотятъ защищаться противъ него и готовы признать его своимъ законнымъ царемъ.

15-го іюля Димитрій былъ уже въ Тулѣ. Его походъ напоминалъ скорѣе триумфальное шествіе. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ, чтобы взглянуть на новаго царя, а такъ какъ мѣстность эта была богатая, то къ нему являлись различныя депутаціи, привѣтство-

¹⁾ Rps. Bibl. Ossol. 2.284, стр. 153.

²⁾ Rps. Bibl. Ossol. 2284, стр. 154.

³⁾ Маржереть, тамъ же, стр. 123.

вавшія его не только хлѣбомъ-солью, но подносившія ему и драгоценныя подарки отъ городовъ. Духовенство встрѣчало его въ праздничномъ облаченіи съ хоругвями и иконами.

Съ этого момента онъ могъ считать себя царемъ.

Уже изъ Путивля Димитрій послалъ отъ своего имени въ Польшу посла и вошелъ въ сношенія съ крымскими татарами; желая снискать ихъ расположеніе, онъ послалъ хану дорогіе подарки ¹⁾).

Узнавъ въ Тулѣ, что изъ Москвы только передъ тѣмъ выѣхалъ англійскій посолъ Смитъ, Самозванецъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы завязать близкія сношенія съ англійскимъ королемъ. Для этого онъ вызвалъ изъ Москвы англійскаго агента Ивана Мерика и написалъ королю письмо, въ которомъ увѣрялъ его въ своей пріязни и расположеніи къ англійскимъ купцамъ, которымъ онъ обѣщалъ большія противъ прежняго привилегіи и льготы, а послѣ коронаціи хотѣлъ отправить въ Лондонъ чрезвычайнаго посланника, чтобы скрѣпить узы, связывавшія его «предковъ съ королемъ англійскимъ» ²⁾).

Изъ Тулы Димитрій разослалъ по всему государству грамоты съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ и съ повелѣніемъ, чтобы народъ присягалъ ему и его матери Маріи Ѳеодоровнѣ ³⁾).

Между тѣмъ въ Москвѣ совершались событія первостепенной важности. Народъ, по наущенію враговъ семейства Годуновыхъ, толпою повалилъ однажды въ Кремль и сталъ требовать, чтобы въ Москву привезли мать Димитрія, дабы изъ нея усть услышать правду о царевичѣ. Когда толпа слишкомъ забушевала, къ ней вышелъ Василій Шуйскій; онъ сталъ уговаривать народъ разойтись, клялся въ томъ, что истинный царевичъ давно умеръ, что онъ самъ опустилъ его прахъ въ могилу и что тотъ, кто принялъ его имя, есть бѣглый монахъ-разстрига изъ Чудова монастыря.

Его слова успокоили народъ не надолго. Впечатлѣніе, произведенное ими было уничтожено извѣстіемъ, что войско передалось Димитрію и что самъ Басмановъ перешелъ на его сторону. Между тѣмъ Годуновы не принимали никакихъ мѣръ для обороны столицы и Кремля. Когда, 9-го іюня, была получена вѣсть о приближеніи арміи Самозванца, то большинство жителей не только не помышляло объ оборонѣ, но было готово всячески облегчить ему вступленіе въ столицу и готовилось къ его встрѣчѣ. Незначительныя приготовленія къ оборонѣ вызвали одинъ смѣхъ и возымѣли лишь то послѣдствіе, что богатые люди, опа-

¹⁾ Niemcewicz, Dzieje panowanie Zygmunta III Noty do II t. стр. 356.

²⁾ Кн. М. Щербатовъ, Исторія Россіи, т. VII, ч. III, стр. 2—3. Smith. Путешествіе и т. д. стр. 92.

³⁾ Собр. гос. грам. и дог. ч. II, стр. 200—203.

саясь безпорядковъ и грабежей, стали зарывать деньги и цѣнные предметы или отвозить ихъ на храненіе въ монастыри.

11-го іюня въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ.

Въ этотъ день два приверженца Самозванца, Гавріилъ Пушкинъ и Наумъ Плещеевъ, пріѣхали съ грамотою «царевича» въ Красное Село, пригородную слободу, жители которой были уже всѣ на его сторонѣ. Въ слободѣ затрезвонили въ колокола и когда собрался народъ, то всѣ двинулись въ Москву, гдѣ собралось на Красной площади несмѣтное количество народа; никакія увѣщанія думныхъ бояръ, старавшихся успокоить толпу, не подѣйствовали; народъ требовалъ, чтобы ему проли грамоту, присланную Димитріемъ.

Тогда одинъ изъ его посланныхъ вошелъ на Лобное мѣсто и громкимъ голосомъ прочелъ грамоту, въ которой Димитрій говорилъ о преслѣдованіяхъ, какія ему пришлось испытать въ дѣтствѣ отъ Годунова, о преступленіяхъ, совершенныхъ послѣднимъ, и о своемъ чудесномъ спасеніи. Далѣе въ грамотѣ говорилось, что такъ какъ все государство уже покорилося ему, то онъ могъ бы силою заставить столицу повиноваться себѣ, но что, жалѣя ея жителей, онъ рѣшилъ еще разъ напомнить имъ, что они должны добровольно признать его своимъ законнымъ царемъ.

По окончаніи чтенія, въ толпѣ послышались возгласы. Одни кричали:

— Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичь!

Другіе требовали, чтобы говорилъ Василій Шуйскій и объяснилъ всю правду.

Тогда этотъ удивительный человекъ, движимый ненавистью къ Годуновымъ или быть можетъ страхомъ передъ Самозванцемъ, который былъ уже у воротъ Москвы, вошелъ на «Лобное мѣсто» и сказалъ какъ разъ обратное тому, что онъ утверждалъ нѣсколько дней назадъ: онъ объявилъ, что царевичъ дѣйствительно былъ спасенъ отъ руки убійцы и что вмѣсто него въ Угличѣ былъ убитъ и похороненъ другой ребенокъ, сынъ одного попа.

— Истинный Димитрій находится въ настоящее время въ Тулѣ, — сказалъ онъ.

Тогда народъ, крича «да здравствуетъ царевичъ» бросился въ Кремль и ворвался въ дворцовые покои.

Федоръ всѣми покинутый, спрятался съ матерью и сестрою въ Грановитую палату, гдѣ онъ возсѣлъ на престолъ, а обѣ женщины, съ иконами въ рукахъ, стали по бокамъ его. Это не остановило разъяренной толпы, которая стацила его съ престола и отвела всѣхъ въ тотъ домъ, гдѣ Годуновы жали при царѣ Федорѣ Іоанновичѣ и гдѣ къ нимъ былъ приставленъ строгій караулъ.

Правленіе временно взялъ въ свои руки Богданъ Бѣльскій, заклятый врагъ Бориса Годунова, возвратившійся послѣ его смерти въ Москву.

Нѣсколько дней спустя Самозванецъ получилъ извѣстіе о случившемся и о жестокой расправѣ, учиненной надъ семействомъ Годуновыхъ и ихъ родными; къ нему явились представители отъ всѣхъ сословій съ княземъ Иваномъ Воротынскимъ и Андреемъ Теляшевскимъ во главѣ; они привезли «царевичу» актъ присяги на вѣрнопопданство и торжественно просили его вступить на престолъ его предковъ.

Кромѣ этой депутаціи, въ Тулу прибыли многіе знатные бояре, купцы и даже бѣдные мѣщане, такъ что Дмитрій могъ сообщить воеводѣ сендомірскому (въ письмѣ отъ 23-го іюня), что къ нему «пріѣхали изъ столичнаго города Москвы всѣ бояре, все высшее духовенство, шляхта, купцы и чернь», которые изъявили ему покорность и просили его всемилостивѣйше простить имъ ихъ вину ¹⁾.

IX.

Пребываніе Самозванца въ Серпуховѣ и въ селѣ Коломенскомъ.—Торжественный въѣздъ въ столицу.—Заявленіе Богдана Бѣльскаго.—Что думали въ Москвѣ о спасеніи Дмитрія?—Патріархъ московскій Игнатій.—Заговоръ Шуйскихъ.—Судъ надъ ними и ихъ помилованіе.—Пріѣздъ Марфы.—Коронаваніе Дмитрія.—Бунтъ въ Москвѣ.

29-го іюня 1605 г. Дмитрій, уже всѣми признанный царь, двинулся изъ Тулы въ Москву ²⁾. Въ Серпуховѣ для него былъ приготовленъ, присланный изъ столицы, огромный и роскошный шатеръ, въ который вело четыре двери, съ устроенными возлѣ нихъ подвижными обзорными башнями, что придавало ему видъ крѣпости. Внутреннее убранство шатра было роскошно, въ особенности столовая, въ которой царь пировалъ съ боярами и гдѣ могло помѣститься до пятисотъ человекъ. Изъ Москвы были присланы повара и прочіе служители, а также все необходимое для стола. Въ Серпуховѣ то и дѣло пріѣзжали бояре, прибывшіе изъ Москвы на встрѣчу царю и привозившіе ему въ подарокъ соболей, золото и серебро.

Передъ въѣздомъ въ столицу, Самозванецъ провелъ четыре дня въ селѣ Коломенскомъ, которое находилось въ разстояніи одной версты

¹⁾ Rps. Bibl. Ossol. 2284 стр. 155.—Масса, тамъ же, т. I, стр. 122, т. II стр. 133.

²⁾ Rps. Bibl. Ossol. 2284, стр. 155.

отъ столицы, и куда толпами стекались къ нему бояре, попы, чернецы, купцы, иностранцы, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, и даже крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Бѣдные привѣтствовали его хлѣбомъ-солью, богатые подносили цѣнные мѣха, жемчугъ, драгоценные камни и разныя золотыя и серебряныя вещи. Димитрій принималъ всѣхъ ласково, обѣщалъ простить ихъ вину и управлять ими не какъ царь, а какъ родной отецъ, заботясь только о благѣ своихъ подданныхъ.

30-го іюня пріѣхали думные бояре, привезшіе ему роскошную бархатную одежду, шитую шелками и отдѣланную жемчугомъ и драгоценными камнями. Они убѣдительно просили его возсѣсть на прародительскій престолъ, желали ему долго и благополучно царствовать и торжественно поклонились въ томъ, что ему не угрожаетъ никакой опасности, такъ какъ злодѣевъ, злоумышлявшихъ погубить его, уже нѣтъ на свѣтѣ. вмѣстѣ съ боярами прибыли въ Серпуховъ нѣмцы, служившіе въ войскѣ, которое было послано Годуновымъ противъ Димитрія. Они вручили ему письмо, въ которомъ просили прощенія за то, что они сражались противъ него подъ Добрыничами, оправдываясь тѣмъ, что они должны были повиноваться царю, которому присягали, и обѣщали впредь служить ему вѣрою и правдою.

Самозванецъ обласкалъ ихъ, похвалилъ за мужество, съ какимъ они сражались въ царскомъ войскѣ и сказалъ:

— Если вы будете служить мнѣ такъ-же хорошо какъ служили моему врагу, то я буду довѣрять вамъ болѣе нежели моимъ подданнымъ.

Затѣмъ спросивъ, который изъ нихъ былъ знаменосцемъ и подозвавъ его къ себѣ, онъ погладилъ его по головѣ, сказавъ:

— Твое знамя причинило мнѣ не мало страха! Вы нѣмцы, были уже такъ близко отъ меня, что даже ранили мою лошадь, но я успѣлъ ускакать на ней съ поля битвы. Убили ли бы вы меня, если бы я попался вамъ въ плѣнъ? На это нѣмцы отвѣчали, кланяясь низко:

— Благодаримъ Бога, что Онъ помогъ вамъ благополучно избѣжать опасности! Да сохранить васъ Господь и впредь отъ всякаго зла ¹⁾).

День торжественнаго въѣзда Димитрія въ столицу былъ памятенъ для жителей Москвы. Погода была чудесная; зданіе Кремля и золоченные купола его церквей и царскихъ палатъ блестяли подъ лучами солнца. На улицахъ кишѣла несмѣтная толпа народа, разодѣтаго въ праздничныя платья въ самомъ радостномъ настроеніи, готовясь встрѣтить своего царя, потомка древняго царскаго рода, благодаря какому то чуду спасшагося отъ руки убійцы. Всѣ были возбуждены и радостно настроены. Не только площади и улицы, но даже крыши домовъ и

¹⁾ Буссовъ, тамъ-же, стр. 35—36.

церквей пестрѣли любопытными, которые желали какъ можно скорѣе увидѣть новаго царя и его побѣдоносное войско. Послѣ довольно долгаго и томительнаго ожиданія пронесся слухъ, что царскій поѣздъ приближается.

Въѣздъ Дмитрія въ столицу совершился слѣдующимъ образомъ.

Впереди, подъ звуки трубъ и барабановъ, ѣхалъ отрядъ польской конницы; ихъ длинныя пики и блестящее оружіе привлекли всеобщее вниманіе. За ними шло нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ, которые окружали парадныя царскія кареты, запряженныя каждая шестеркою лошадей; позади вели великолѣпныхъ верховыхъ лошадей въ сбруѣ, осыпанной жемчугомъ и драгоценными каменьями, и двигались «несмѣтные» полки московской конницы.

Въ шествіи участвовало множество духовенства, въ праздничномъ облаченіи. Передъ нимъ несли евангеліе и хоругви; окруженный духовенствомъ ѣхалъ Игнатій, архіепископъ рязанскій, котораго Дмитрій назначилъ патріархомъ вмѣсто низложеннаго имъ Іова.

За архіепископомъ ѣхалъ въ роскошной одеждѣ самъ царь: цѣпь, которая была у него на шеѣ, цѣнили въ 15 тысячъ талеровъ. Передъ нимъ священники несли иконы Богородицы и Николая Чудотворца, въ богатыхъ золоченыхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ и драгоценными каменьями, а по бокамъ шли знатнѣйшіе бояре, также въ роскошной одеждѣ. Шествіе замыкали казаки и небольшой отрядъ польской конницы ¹⁾.

Народъ восторженно привѣтствовалъ Дмитрія, многіе падали передъ нимъ ницъ или преклоняли колѣна. Со всѣхъ сторонъ слышались крики:

— Вотъ наше ясное солнышко! Дай Богъ здоровья нашему государю! Да хранить его Провидѣніе, которое такъ чудесно его спасло!

Самозванецъ отвѣчалъ:

— Дай Богъ и вамъ здоровья! Встаньте съ колѣнъ и молитесь за меня!

Когда Дмитрій, подвѣзая къ Китай-городу, переѣзжалъ по мосту черезъ Москву-рѣку, вдругъ налетѣлъ страшный вихрь, поднявшій такое облако пыли, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ никто не могъ открыть глазъ. Это произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. По тогдашнимъ суевѣрнымъ понятіямъ это было дурнымъ предзнаменованіемъ для новаго царя. Многіе съ испугомъ крестились, приговаривая.

— Боже, помилуй насъ грѣшныхъ! Спаси и помилуй насъ! ²⁾.

¹⁾ Самое подробное описаніе въѣзда Самозванца въ Москву находится въ письмѣ всендѣа Андрея Лавицкаго отъ 8-го августа изъ Москвы. (Сіамрі, Bibliografia critica и т. д. т. I стр. 227).

²⁾ Буссовъ, тамъ же, стр. 37.

Вѣхавъ въ Китай-городъ Дмитрій остановился и снялъ шапку; обинувъ взоромъ столицу, Кремль и несмѣтную толпу народа, который смотрѣлъ на него съ восторгомъ и любовью, онъ зарыдалъ и съ минуту молился, благодаря Бога за свое спасеніе. Эти слезы, искреннія или притворныя, произвели на присутствующихъ огромное впечатлѣніе; многіе плакали отъ умиленія.

Въ этотъ моментъ, архіепископъ рязанскій, окруженный высшимъ духовенствомъ, приблизился къ Дмитрію и поднесъ ему образъ Божіей Матери. Самозванецъ, сошедши съ лошади, приложился къ иконѣ, но при этомъ не исполнилъ всего, что полагается по православному обряду; это не ускользнуло отъ вниманія чернецовъ, которые зорко слѣдили за нимъ. Впослѣдствіи изъ этого было выведено заключеніе, что такъ не могъ бы поступить истинный сынъ Іоанна Грознаго ⁴⁾.

Нѣкоторые были огорчены тѣмъ, что во время пѣнія церковныхъ молитвъ, раздавались звуки трубъ и барабановъ польской кавалеріи, которые заглушали церковное пѣніе.

Вѣхавъ въ Кремль, Дмитрій по старинному обычаю отправился прежде всего въ Успенскій соборъ, гдѣ отслушалъ благодарственный молебенъ и принялъ благословеніе будущаго патріарха и духовенства. Въ Архангельскомъ соборѣ, поклонившись праху Іоанна Грознаго онъ снова залился горячими слезами. Отслушавъ обѣдню въ Благовѣщенскомъ соборѣ онъ торжественно отправился въ царскія палаты.

Когда онъ возсѣлъ на престолъ въ Грановитой палатѣ, то его окружили думные бояре и по старинному обычаю привѣтствовали его земнымъ поклономъ.

Въ это время въ церквахъ звонили во всѣ колокола и народъ немолчаемо оглашалъ воздухъ громкими криками. «Отъ этого шума мы едва не оглохли», жалуется ксендзъ Лавицкій въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Послѣ того какъ Дмитрій принялъ поздравленіе бояръ, изъ дворца вышелъ Богданъ Бѣльскій въ сопровожденіи знатнѣйшихъ князей и бояръ и отправился на Красную площадь, на которой все еще стояла несмѣтная толпа народа. Вошедши на Лобное мѣсто онъ сказалъ, что народъ долженъ благодарить Бога за то, что онъ вернулъ имъ ихъ законнаго царя и долженъ служить ему вѣрою и правдою; онъ клялся что Дмитрій законный наслѣдникъ престола и истинный сынъ Іоанна Грознаго и въ подтвержденіе своихъ словъ вынулъ изъ-за пазухи крестъ съ изображеніемъ Николая Чудотворца и, поцѣловавъ его, поклялся, что онъ спасъ Дмитрія отъ смерти и укрывалъ у себя въ домѣ.

Народъ отвѣчалъ восторженно:

⁴⁾ Масса, тамъ же т. I стр. 126—127, т. II стр. 138—139.

— Да здравствуетъ нашъ государь, дай Богъ ему здравствовать многія лѣта! ¹⁾.

Со вступленіемъ на престолъ Дмитрія, его приверженцы торжествовали; Бориса Годунова, его жены и сына уже не было въ живыхъ, ихъ родные и друзья, сосланные въ Сибирь и въ понизовые города, не могли быть опасны. Почти во всѣхъ городахъ были назначены новые воеводы; большинство лицъ, подвергавшихся преслѣдованію Годуновыхъ, были возвращены въ столицу, въ томъ числѣ Иванъ и Филаретъ Романовы. Наиболѣе близкія къ Дмитрію лица: Богданъ Бѣльскій, Михаилъ Нагой, Василій Рубецъ-Массальскій, Иванъ Татиѣвъ и др. пріобрѣли большое вліяніе и заняли весьма видное положеніе.

Особенной милостію новаго царя пользовался архіепископъ рязанскій, Игнатій, человекъ довольно темнаго происхожденія ²⁾, который первый изъ высшаго духовенства выѣхалъ ему на встрѣчу, когда Дмитрій прибылъ въ Тулу, призналъ его царемъ и принималъ присягу отъ бояръ, переходившихъ на сторону Самозванца. Десять дней спустя послѣ въѣзда Самозванца въ столицу, архіепископъ рязанскій торжественно былъ посвященъ въ патриархи московскіе на мѣсто низложеннаго Іова.

Хотя все складывалось повидимому такъ благопріятно для Дмитрія, но положеніе его было далеко не безопасно.

Среди московскихъ бояръ первое мѣсто, по лѣтамъ и по древности рода, занималъ Василій Шуйскій. Какъ потомокъ Александра Невскаго и князей Суздальскихъ, онъ имѣлъ по смерти Ѳедора Іоанновича неоспоримое право на престолъ; съ исчезновеніемъ Годуновыхъ одинъ только Дмитрій стоялъ у него на пути къ престолу. Шуйскому было лучше всѣхъ извѣстно, что онъ не былъ сынъ Іоанна Грознаго, а только смѣлый искатель приключеній и обманщикъ, и хотя онъ вмѣстѣ съ прочими боярами привѣтствовалъ Дмитрія въ Тулѣ, какъ своего законнаго царя, но въ то же время онъ составилъ заговоръ съ цѣлью вызвать въ Москвѣ мятежь, поджечь дома, въ которыхъ жили поляки, прибывшіе вмѣстѣ съ Самозванцемъ въ Москву, и убить ихъ и новаго царя.

Когда слухи объ этомъ заговорѣ достигли Самозванца, то онъ не захотѣлъ самъ разбирать этого дѣла, а созвалъ, 9-го іюля, совѣтъ изъ членовъ боярской думы и представителей всѣхъ сословій ³⁾. На этомъ совѣтѣ присутствовали и Шуйскіе, не знавшіе по какому поводу ихъ пригласили на совѣщаніе. Дмитрій самъ выступилъ ихъ обвинителемъ, упомянулъ о преступленіяхъ, совершенныхъ ихъ предками противъ

¹⁾ Буссовъ, тамъ-же, стр. 37.

²⁾ Н. Левитскій, Игнатій, „названный“ патриархъ московскій („Страпникъ“, 1881 г., октябрь, стр. 195).

³⁾ Пирлингъ, тамъ-же, стр. 85.—Маржеретъ, тамъ-же, стр. 127.

русскихъ царей и сказалъ, что они пошли по стопамъ этихъ предковъ, ибо не только называютъ своего законнаго царя «измѣнникомъ незаконно вступившимъ на престолъ», но даже «ѣхавши въ столицу тотчасъ по принесеніи присяги на вѣрность и преданность» ему, они всѣ трое, т. е. Василій, Иванъ и Димитрій Шуйскіе злоумышляли противъ его жизни, на что онъ имѣетъ несомнѣнные доказательства.

— Теперь,—закончилъ Димитрій свою рѣчь,—хотя это и въ нашей власти, но мы не хотимъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ, и требуемъ, чтобы всѣ, здѣсь собравшіеся, указали какъ намъ слѣдуетъ поступить.

Тогда Шуйскіе, упавъ на колѣна, просили о помилованіи, а Василій Шуйскій, боясь чтобы его не подвергли пыткѣ, воскликнулъ:

— Я виноватъ передъ тобою, великій князь Димитрій Ивановичъ, царь всея Россія, смилуйся надо мною и прости мнѣ мою глупость! А ты, святѣйшій патріархъ, и вы, святѣйшіе митрополиты, владыки богомольцы наши, вы всѣ князья и думные бояре, сжальтесь надо мною, ходатайствуйте за меня злосчастнаго, прогнѣвавшаго не только государя, но и всемогущаго Бога! ').

Его слова не произвели на присутствующихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; патріархъ, духовенство и всѣ собравшіеся признали ихъ виновными и приговорили къ смертной казни; всѣ они были тотчасъ взяты подъ стражу.

Черезъ день, 10-го іюля, приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе ²⁾. Опасаясь народнаго волненія, Димитрій приказалъ стрѣльцамъ собраться во дворецъ; 800 стрѣльцовъ, подъ командою Басманова, были выстроены на Красной площади, гдѣ должна была совершиться казнь.

На эту площадь снова собралась несмѣтная толпа народа; въ томъ числѣ много родственниковъ и приверженцевъ Шуйскихъ.

Басмановъ объявилъ во всеуслышаніе о преступленіи совершенномъ Шуйскимъ ³⁾. Когда его привели на мѣсто казни, ему былъ прочитанъ смертный приговоръ и возлѣ него стало нѣсколько палачей съ топорами. Увидѣвъ въ толпѣ своихъ доброжелателей, Шуйскій

1) Приводя эти подробности со словъ Нѣмоевского (Niemojewski, тамъ же, стр. 65), авторъ сочиненія о Димитріи Самозванцѣ, находитъ, что этотъ рассказъ, какъ вполне согласующійся съ извѣстной хитростью и двосудшіемъ Шуйскаго, который отличался къ тому же трусостью, гораздо болѣе заслуживаетъ вѣры, нежели показаніе нѣкоторыхъ русскихъ историковъ, утверждавшихъ будто Шуйскій, въ присутствіи всѣхъ собравшихся на совѣтъ, бросилъ Димитрію въ лицо обвиненіе въ его самозванствѣ, сказавъ: „я знаю, что ты не царскій сынъ, а обманщикъ и разстрига Гришка Отрепьевъ!“ Съ этимъ нельзя не согласиться. В. Т.

²⁾ Ciampi, Bibliografia crit. т. I, стр. 227.

³⁾ Масса, тамъ же, т. I, стр. 131, т. II, стр. 143.

обратился къ нимъ съ просьбою заступиться за него передъ царемъ¹⁾. Никто не посмѣлъ этого сдѣлать и даже выказать ему сочувствія, опасаясь прослыть его единомышленниками²⁾. Въ тотъ моментъ, когда казнь готова была совершиться, прискакалъ посланный отъ царя съ повелѣніемъ приостановить ее, такъ какъ царь помиловалъ Василія и замѣняетъ смертную казнь ссылкой³⁾.

Одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Самозванца, Ягъ Бучинскій, отговаривалъ его отъ помилованія Шуйскихъ, но всѣ его доводы остались безуспѣшны. Самозванецъ отвѣчалъ:

— Я поклялся передъ Господомъ не проливать крови своихъ подданныхъ и долженъ исполнить это!

Такимъ образомъ Шуйскіе были помилованы; смертная казнь была замѣнена имъ ссылкой.

Когда этотъ приговоръ былъ объявленъ, Басмановъ обратился съ рѣчью къ народу, восхваляя доброту и милосердіе царя, который умилоостивился даже надъ измѣнниками и бунтовщиками, замышлявшими погубить его.

28-го іюля прибыла въ Москву мать царевича Димитрія, инокиня Марѳа, жившая въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей, которую Самозванецъ вызвалъ въ Москву для того, чтобы она признала его всенародно своимъ сыномъ и чтобы онъ могъ короноваться уже какъ вполне законный потомокъ и наслѣдникъ Іоанна Грознаго.

По всей вѣроятности приверженцы Самозванца ранѣе вошли съ нею въ сношеніе, такъ какъ одного ея слова было бы достаточно, чтобы разстроить всѣ ихъ планы и обратить въ ничто все достигнутое ими съ такимъ трудомъ. Мартинъ Стадницкій, близкій родственникъ Юрія Мнишека, очевидецъ этихъ событій, объясняетъ въ своемъ дневникѣ⁴⁾ побужденія инокини Марѳы слѣдующимъ образомъ: «Царица отлично знала, говоритъ онъ, что ея сынъ убитъ, однако она признала его своимъ сыномъ отчасти изъ боязни, отчасти соблазненная почестями, которыя оказывалъ ей Димитрій Самозванецъ».

За нею была послана цѣлая свита придворныхъ; самъ Димитрій, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ выѣхалъ ей на встрѣчу въ село Тайнинское. За нимъ слѣдовала толпа народа.

Когда подъѣхала царица, Димитрій приблизился къ ея каретѣ, соскочилъ съ коня и со слезами на глазахъ бросился въ ея объятія. На-

¹⁾ Русскія лѣтописи также передаютъ объ этомъ совершенно иначе, а именно: будто Шуйскій закричалъ: „Умираю за вѣру, за правду!“ но это также довольно неправдоподобно.

²⁾ Н. Niemojewski, тамъ-же, 66.

³⁾ Буссовъ, тамъ-же, стр. 40.

⁴⁾ Rps. Biblioteki Hr. Wiktora Baworowskiego 14, кн. 2

родъ, видя это, плакалъ отъ умиленія. Дмитрій довольно долго шель возлѣ ея кареты и дружески съ нею разговаривалъ; подъѣзжая къ столицѣ онъ снова сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Кремль, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія для торжественнаго ея приѣма у дверей дворца.

Какъ при первой встрѣчѣ, такъ и впослѣдствіи царь оказывалъ ей постоянно знаки величайшаго почтенія и преданности и приказалъ отдавать ей почести, соответствовавшія ея высокому сану. Для нея было отведено и роскошно отдѣлано помѣщеніе въ Кремль, въ Вознесенскомъ монастырѣ; ея столъ ничѣмъ не отличался отъ царскаго. Самозванецъ навѣщалъ ее каждый день и по долгу сердечно бесѣдовалъ съ нею. Такое поведеніе Дмитрія утверждало народъ въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно сынъ Іоанна Грознаго и ихъ законный монархъ.

Три дня спустя, 31-го іюля 1605 г., совершилось коронованіе Дмитрія. Въ Кремль, за три дня начались къ этому торжеству дѣятельныя приготовленія. Успенскій соборъ былъ роскошно убранъ и весь путь отъ царскихъ палатъ къ тремъ соборамъ былъ устланъ краснымъ сукномъ и дорогой персидской матеріей, затканой золотомъ.

Обрядъ коронованія былъ совершенъ со строгимъ соблюденіемъ древнихъ обычаевъ и положеннаго для этого чина ¹⁾; по окончаніи его, Дмитрій, окруженный окольными, посѣтилъ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и затѣмъ прослѣдовалъ во дворецъ; во время этого шествія бояре, окружавшіе его, кидали народу золотыя монеты.

Послѣ коронаціи въ царскихъ комнатахъ былъ торжественный пиръ, на которомъ присутствовали два іезуита, ксендзы Андрей Лавицкій и Николай Чижовскій, и лица, командовавшія польскими отрядами. Передъ началомъ пирушества ксендзь Чижовскій въ длинной рѣчи привѣтствовалъ царя по поводу благополучно совершеннаго надъ нимъ обряда коронованія. Такъ какъ эта рѣчь была произнесена по-польски, то Самозванецъ переводилъ ея содержаніе на русскій языкъ.

Нѣсколько дней спустя, послѣ коронаціи, въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ, сопровождавшійся кровопролитіемъ; причиною этого были поляки, служившіе въ царскомъ войскѣ, которые относились къ русскимъ

¹⁾ Пирлингъ, убѣжденный въ искренней преданности Дмитрія въ католической вѣрѣ, допускаетъ, что онъ могъ уклониться во время коронованія отъ приобщенія св. Тайнъ изъ рукъ патріарха и что съ этой цѣлью чинъ коронованія былъ измѣненъ (тамъ же, стр. 88—89). Предположеніе это въ высшей степени неправдоподобно, ибо подобное отступленіе отъ издавна установленныхъ обычаевъ произвело бы, конечно, огромное и нежелательное впечатлѣніе на его православныхъ подданныхъ и было бы отмѣчено современниками, которые писали объ этомъ событіи; между тѣмъ никто изъ нихъ объ этомъ не упоминаетъ.

свысока и позволяли себѣ относительно ихъ всякаго рода злоупотребленія. Когда столкновение, происшедшее между русскими и поляками, привело къ кровопролитію, то Димитрій былъ внѣ себя отъ гнѣва и потребовалъ, чтобы поляки выдали виновныхъ, угрожая въ противномъ случаѣ принять противъ нихъ самыя строгія мѣры.

Впрочемъ, дѣло обошлось для поляковъ весьма благополучно: трое изъ нихъ, выданные въ качествѣ зачинщиковъ безпорядка, просидѣвъ подъ арестомъ сутки, были выпущены на свободу—тѣмъ дѣло и кончилось.

Подобное отношеніе къ нимъ Димитрія было на руку его врагамъ, которые воспользовались этимъ, чтобы представить его народу ставленникомъ поляковъ, къ которымъ онъ за это благоволилъ. Они надѣялись этимъ исподволь подорвать его власть и значеніе.

X.

Старанія Димитрія пріобрѣсти расположеніе своихъ подданныхъ.—Отличительныя черты его управленія и его образъ дѣйствій.—Любимое его занятіе.—Склонность къ расточительности.—Вѣротерпимость.—Приготовленіе къ войнѣ.—Дипломатическія сношенія съ Польшей.—Посольство Александра Госнявсваго.—Стараніе папы Павла V повліять на Димитрія.

Стараясь снискать расположеніе подданныхъ, Самозванецъ употреблялъ для этого всевозможныя средства. Когда его секретарь и ближайшій совѣтникъ Янъ Бучинскій, предостерегая его противъ Шуйскихъ, не совѣтывалъ миловать ихъ, какъ людей могущихъ быть опасными въ будущемъ, то Димитрій сказалъ ему, какъ передаетъ Бучинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ:

— Знаешь, что я тебѣ скажу? У меня есть два способа сохранить власть: или прибѣгнуть къ суровымъ, крутымъ мѣрамъ или снискать общее расположеніе щедростью и великодушіемъ. Я не хочу прибѣгать къ первому средству, но готовъ принести всевозможныя жертвы для достиженія этой цѣли.

Онъ уже выдалъ въ то время изъ казны до «четырехъ милліоновъ» для уплаты долговъ, оставшихся со временъ Іоанна Грознаго и увеличилъ многимъ служащимъ жалованье ⁴⁾.

Кромѣ того, вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ приступилъ къ реформамъ; первую изъ нихъ было учрежденіе сената, взамѣнъ бояр-

⁴⁾ Собр. гос. грам. и дог. Ч. II, № 121.

ской думы: въ засѣданіяхъ сената, происходившихъ ежедневно, могло участвовать духовенство; самъ царь, присутствуя на нихъ, принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ и поражалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ и быстротою соображенія.

Вопреки существующему обычаю, Димитрій объявилъ, что онъ будетъ принимать каждаго, имѣющаго до него надобность, два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Вообще, своимъ обхожденіемъ съ подданными онъ рѣзко отличался отъ прежнихъ царей. Прежде даже знатнѣйшіе бояре не смѣли говорить въ присутствіи царя, не бывъ имъ спрошены; Самозванецъ позволялъ имъ свободно высказывать свое мнѣніе и обходился со всѣми ласково и пріятливо ¹⁾).

Борисъ Годуновъ запрещалъ знатымъ боярамъ вступать въ бракъ, опасаясь, чтобы ихъ сыновья не стали со временемъ опасны для его потомковъ. Димитрій, напротивъ того, поощрялъ ихъ къ браку, самъ пировалъ на ихъ свадьбахъ и приглашалъ ихъ на пиры и охоту.

Онъ старался искоренить взяточничество, облегчить торговлю, улучшить положеніе крестьянъ, ограничить права помѣщиковъ; всѣ эти реформы, конечно, свидѣтельствовали о благихъ намѣреніяхъ новаго царя, но немногіе изъ его подданныхъ были способны оцѣнить ихъ; ихъ смущала непривычная простота его обхожденія, его новшества и болѣе всего его образъ жизни, совершенно отличный отъ того, который вели до него московскіе цари.

Во время пиршествъ во дворцѣ и даже за обыкновенной трапезой, цари всегда строго соблюдали обычаи старины, часто набожно крестились и кропили себя святой водою. Самозванецъ отмѣнилъ всѣ эти церемоніи и вмѣсто этого любилъ веселую бесѣду и охотно слушалъ музыку, которая непрерывно играла во время его трапезъ ²⁾).

Прежде цари имѣли обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, а если выходили изъ Кремля, то не иначе, какъ въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ. Димитрій днемъ никогда не спалъ, и тотчасъ послѣ обѣда отправлялся либо въ царскую сокровищницу, которую онъ устраивалъ на новый ладъ, или выходилъ изъ дворца и очень часто посѣщалъ мастерскія золотыхъ дѣлъ мастеровъ, питая особое пристрастіе къ драгоценнымъ камнямъ и ко всякимъ ювелирнымъ издѣліямъ. Прогулки эти онъ совершалъ пѣшкомъ одинъ или въ сопровожденіи двухъ-трехъ придворныхъ. Ему случалось иногда уходить изъ дворца такъ, что прислуга не знала объ этомъ и съ трудомъ могла отыскать его.

Димитрій прекрасно ѣздилъ верхомъ, любилъ верховую ѣзду и даже въ ближайшія церкви ѣздилъ къ обѣднѣ верхомъ, тогда какъ до него

¹⁾ Маржереть, тамъ же, стр. 129.

²⁾ Буссовъ, тамъ же.

цари ѣздили обыкновенно въ каретахъ, а если предпринимали прогулку верхомъ, то имъ подводили самую спокойную лошадь и два боярина подавали царю скамеечку, чтобы сѣсть на коня. Димитрій ѣздилъ на самыхъ горячихъ жеребцахъ, вскакивалъ на нихъ безъ посторонней помощи и ѣздилъ верхомъ такъ хорошо, что никто изъ бояръ, даже самъ стреманный, не могъ сравниться съ нимъ въ этомъ искусствѣ.

Онъ былъ также страстный охотникъ и велѣлъ приобрести для себя лучшихъ во всемъ государствѣ борзыхъ и соколовъ. Особенно онъ любилъ охоту на крупныхъ звѣрей и однажды самъ бросился на огромнаго медвѣдя и убилъ его съ необыкновенной ловкостью ¹⁾. Этой любимой забавѣ онъ предавался съ такимъ увлеченіемъ, что ему приходилось иногда по нѣскольку разъ въ день смѣнять одежду и верховую лошадь. Подданные удивлялись его силѣ, ловкости, безстрашію, но находили, что подобнаго рода забавы не соответствуютъ царскому достоинству и званію.

Многіе осуждали также его расточительность и любовь къ роскоши.

Димитрію не нравился дворецъ прежнихъ царей, онъ приказалъ выстроить для себя и для своей будущей жены два новыхъ дворца на южной сторонѣ Кремля, надъ Москвой рѣкою, такъ что изъ оконъ открывался обширный видъ на городъ и его окрестности.

Эти дворцы были отдѣланы съ невиданной роскошью, стѣны ихъ были обиты дорогой матеріей, затканной золотомъ, у оконъ были повѣшены цунцовыя бархатныя занавѣси; въ одной изъ залъ стоялъ на возвышеніи тронъ, обитый краснымъ сукномъ, весь окованный золотомъ и украшенный бирюзой и крупными рубинами. Сидѣніе было обито краснымъ бархатомъ, вышитымъ мелкимъ жемчугомъ и рыбой чешуей ²⁾.

Такъ же роскошно были отдѣланы и прочіе покои. Димитрій заказалъ для себя также новый тронъ, очень высокій и весь окованный позолоченнымъ серебромъ. Надъ трономъ находился балдахинъ съ кистями изъ жемчуга и драгоценныхъ камней, а надъ нимъ возвышался двуглавый орелъ. У подножія трона лежало два большихъ льва, отлитые изъ чистаго серебра, которые поддерживали два золотыхъ подсвѣчника изящной работы. По словамъ кс. Савицкаго этотъ тронъ обошелся 150.000 золотыхъ ³⁾.

У Самозванца была также страсть собирать драгоценныя камни, вслѣдствіе чего въ Москву съѣзжалась масса купцовъ съ драгоценностями изъ Польши и Германіи; онъ былъ также очень щедръ относи-

¹⁾ Буссовъ, тамъ же, стр. 39. Нѣмцевскій, тамъ же, к. 8. Тургеневъ Hist. Russ. Mon. т. II, стр. 165.

²⁾ Нѣмцевскій, тамъ же, к. 25—26.

³⁾ Wielewiski, тамъ же, стр. 141.

тельно подчиненныхъ, друзей и своихъ сторонниковъ, и посылалъ богатые подарки въ Польшу своей будущей жёнѣ Маринѣ Мнишекъ и ея отцу, который получилъ изъ царской казны не мало денегъ на уплату долговъ.

Въ вопросахъ религіи Димитрій отличался полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Въ Польшѣ онъ разыгрывалъ ревностнаго католика, въ Москвѣ былъ усерднымъ сыномъ православной церкви; а ближайшими его совѣтниками и довѣренными лицами были социніане ¹⁾; можно предполагать, что онъ самъ былъ въ душѣ аріаниномъ. Онъ прекрасно зналъ св. писаніе и любилъ въ разговорѣ приводить тексты и ссылаться на примѣры изъ библіи, но былъ далекъ отъ фанатизма и отъ всѣхъ проистекающихъ изъ него предразсудковъ, и придавалъ гораздо болѣе значенія правильному толкованію евангелія и церковныхъ обрядовъ, нежели обрядности, и по этому поводу зачастую вступалъ въ споръ съ русскими духовенствомъ ²⁾.

Отличаясь вѣротерпимостью, онъ дозволилъ іезуитамъ, пребывавшимъ въ то время въ Москвѣ, отправлять въ Кремлѣ богослуженіе по католическому обряду и говорить проповѣди. Онъ хотѣлъ даже построить костель для поляковъ служившихъ въ войскѣ и просилъ на это разрѣшеніе патріарха и духовнаго собора ³⁾, а когда нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ были противъ этого, то онъ сказалъ имъ:

— Вы позволили нѣмцамъ-лютеранамъ построить церковь и школу и считаете это вполне правильнымъ; но польскіе солдаты, оказавшіе мнѣ такую большую услугу, заслуживаютъ этого гораздо болѣе ⁴⁾.

Димитрій не любилъ монаховъ; продолжительное пребываніе въ монастыряхъ дало ему случай познакомиться съ ихъ нравами и образомъ жизни; вступивъ на престолъ онъ рѣшилъ уменьшить ихъ доходы, употребивъ ихъ на войну съ невѣрными, татарами и турками, которую онъ думалъ предпринять въ союзѣ съ прочими монархами Европы. Для этого онъ велѣлъ переписать во всей Россіи монастырскія имущества и обложилъ ихъ довольно большими сборами на военныя надобности ⁵⁾.

¹⁾ Социніане послѣдователи религіознаго ученія, исторически представляющаго плодъ организаціи и догматическаго развитія швейцарскаго унитаризма на польской почвѣ. Ученіе это названо по имени своихъ основателей Делія и Фауста Социновъ († 1604). Время процвѣтанія этого ученія относится къ первой половинѣ XVII в. В. Т.

²⁾ Костомаровъ. Тамъ же, стр. 251.

³⁾ Н. Левитскій, Лжедимитрій какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ („Христіанское Чтеніе“, 1885, сент.—окт., стр. 392).

⁴⁾ Ciampi Billiografia critica и т. д. т. I, стр. 328.

⁵⁾ „Труды Московск. археол. общ.“ т. VIII, стр. 153. Также Иконниковъ. „Новыя Исслѣдованія по исторіи смутнаго времени Московск. государства“. стр. 81 - 82.

Приготовленіе къ этой войнѣ было любимымъ занятіемъ Самозванца. Вскорѣ послѣ коронаціи онъ приказалъ отнять пушки и мортиры, которыя были отосланы съ огромнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и амуниціи въ Елецъ. Желая подготовить къ войнѣ солдатъ, Дмитрій велѣлъ насыпать за городомъ земляныя укрѣпленія и устраивалъ примѣрныя сражанія ¹⁾.

Для дѣйствія противъ непріятельской кавалеріи онъ придумалъ особую машину, которая должна была пугать лошадей и такимъ образомъ способствовать пораженію конницы.

Онъ отдавался этимъ занятіямъ такъ страстно, что они не были прерваны даже съ наступленіемъ зимы, а когда выпалъ довольно глубокій снѣгъ, то Дмитрій приказалъ соорудить изъ него въ селѣ Вязьмахъ небольшое укрѣпленіе и, поставивъ въ немъ гарнизонъ подъ командою воеводы, самъ напалъ на нее во главѣ маленькаго отряда, состоявшаго изъ поляковъ и нѣмцевъ. Въ этомъ примѣрномъ сраженіи комья снѣга замѣняли пули. Осаждающіе дѣйствовали такъ энергично, что хотя у нихъ не было никакого оружія, но крѣпостца недолго могла обороняться. Занявъ ее Самозванецъ сказалъ воеводѣ:

— Дай Богъ чтобы мнѣ такъ же легко сдался Азовъ, и чтобы я такъ же взялъ въ плѣнъ татарскаго хана, какъ тебя!

Но эта забава не особенно понравилась боярамъ, тѣмъ болѣе что «многіе изъ нихъ украсились при этомъ сивяками», такъ что когда Дмитрій подъ конецъ потѣхи приказалъ всѣхъ угостить и выкатить бочки съ виномъ, медомъ и пивомъ, то къ нему подошелъ одинъ изъ бояръ, къ нему расположенный, и предостерегъ его, чтобы онъ не затѣвалъ болѣе подобныхъ потѣхъ, такъ какъ между боярами много предателей, которые неохотно принимали участіе въ этой забавѣ и у всѣхъ были за поясомъ длинные и острые ножи. Съ тѣхъ поръ Дмитрій не устраивалъ болѣе примѣрныхъ сраженій.

Мечтая о коалиціи европейскіхъ державъ для борьбы съ невѣрными, Самозванецъ постарался прежде всего сблизиться съ королемъ польскимъ, къ которому онъ еще изъ Путивля отправилъ двухъ пословъ. Одному изъ нихъ, Ивану Татьеву, пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Самборѣ, а когда онъ получилъ наконецъ аудіенцію у короля, то Сигизмундъ, какъ всегда колеблющійся и нерѣшительный, довольно долго боялся его принять и только тогда рѣшился на это, когда стали получаться болѣе благоприятныя вѣсти о побѣдахъ Дмитрія, но и тогда король не хотѣлъ принять его открыто, а назначилъ ему, въ половинѣ іюля, тайную аудіенцію, хотя выразилъ ему свою полную готовность заключить съ Дмитріемъ тѣсный союзъ.

¹⁾ W. Roussel. Wiadomosc o Krwawej rzezi i t. d. стр. 5.

Какъ только было получено извѣстіе о вступленіи Димитрія въ столицу и о торжественномъ его коронованіи, Сигизмундъ постарался увѣрить его въ своемъ искреннемъ расположеніи и отправилъ съ этой цѣлью въ Москву Андрея Госнѣвскаго, чтобы выразить царю «свою радость» по поводу того, что ему удалось вернуть праредительскій престолъ, освѣдомиться о его «драгоцѣнномъ здоровьи», увѣрить его въ своей пріязни и «начать переговоры насчетъ совмѣстныхъ дѣйствій въ будущемъ для блага обоихъ государствъ и всего христіанскаго міра» ¹⁾.

На секретной аудіенціи у царя, посоль сообщилъ Самозванцу, что король польскій хочетъ воспользоваться случаемъ, чтобы доказать ему свою преданность. На Литвѣ появился нѣкто Олишко, говорилъ онъ, бѣглый изъ Россіи, человѣкъ нѣкогда весьма близкій къ Борису Годунову, который распускалъ слухъ, что въ то время когда Сѣверская область была уже во власти Димитрія, Борисъ совѣтывался съ волшебниками, которые ему сказали, что онъ не въ состояніи побѣдить Самозванца до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ самъ управлять государствомъ. Поэтому они совѣтывали ему удалиться на нѣкоторое время изъ Москвы и передать власть сыну. Годуновъ, условившись съ женою, братомъ и нѣсколькими друзьями, распустилъ слухъ о своей смерти, приказалъ похоронить вмѣсто себя одного человѣка, имъ отравленнаго съ этой цѣлью, а самъ, переодѣтый купцомъ, уѣхалъ въ Англію, гдѣ и проживалъ.

Трудно допустить, чтобы при польскомъ дворѣ кто либо вѣрилъ этой сказкѣ, однако Госнѣвскій увѣрялъ Самозванца, что Сигизмундъ велѣлъ навести объ этомъ справки въ Англіи и, полагая что у Годунова могли еще быть приверженцы въ Россіи, онъ приказалъ всѣмъ своимъ пограничнымъ старостамъ быть на готовѣ, въ случаѣ надобности, по первому требованію, оказать Димитрію помощь силою оружія.

Сигизмундъ надѣялся этимъ заслужить расположеніе Димитрія и заручиться его помощью для борьбы со шведскимъ королемъ. Подъ конецъ аудіенціи, посоль изложилъ царю жалобы литовскихъ купцовъ на притѣсненія и непріятности, которымъ они подвергались въ Смоленскѣ, передалъ ему просьбу польскихъ солдатъ объ уплатѣ жалованья и разрѣшеніи имъ вернуться въ Польшу и, наконецъ, напомнилъ ему о секретномъ обязательствѣ, которое онъ принялъ на себя въ Краковѣ.

Посоольство, на которое король польскій возлагалъ большія надежды, не увѣнчалось сжидаемымъ результатомъ. Выразивъ свое согласіе, заключить союзъ съ Рѣчью Посполитой, Самозванецъ рѣшительно отказался допустить въ Москву іезуитовъ, строить костелы, возвратитъ Польшу

¹⁾ Вѣрительное письмо е. к. в. г. Госнѣвскому къ Димитрію Ивановичу, князю Московскому (Рис. Муз. XX Czartoryskich. 2101, стр. 1—2).

Сѣверскую область, соглашаясь только выплатить за нее нѣкоторую сумму денегъ и помочь королю, деньгами же, въ войнѣ съ Швеціей.

Это совершенно не соответствовало ожиданіямъ польскаго двора.

Димитрій былъ слишкомъ уменъ и дальновиденъ, чтобы не понять, какъ двулично и неискренно было все время отношеніе къ нему Сигизмунда. Къ этому присоединился еще слѣдующій поводъ неудовольствія. Самозванецъ принялъ послѣ коронаціи титулъ «царя и великаго князя всея Россіи»; между тѣмъ, въ письмахъ, привезенныхъ Госнѣвскимъ, онъ былъ названъ просто «государемъ и великимъ княземъ московскимъ». Царь видѣлъ въ этомъ умышенное оскорбленіе и до того былъ этимъ разсерженъ, что когда Иванъ Курбатовъ отвѣчалъ на официальной аудіенціи польскому послу, то, упоминая въ своей рѣчи неоднократно о Сигизмундѣ, онъ ни разу не назвалъ его королевскаго титула. Безуспѣшны были также всѣ старанія апостольской столицы заручиться содѣйствіемъ Димитрія для достиженія своихъ цѣлей, несмотря на то, что самъ папа Павелъ V принялъ, въ исходѣ мая 1605 года, дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и даже дважды самъ писалъ Димитрію, поздравляя его съ вступленіемъ на престолъ и съ благополучно совершившейся коронаціей.

Въ началѣ августа 1605 года папа рѣшилъ отправить въ Москву посла, который отвезъ Самозванцу поздравительное письмо отъ нунція Ронгони и нѣсколько подарковъ, какъ-то: янтарные крестики, коралловые четки, латинскія библіи послѣдняго изданія, образокъ чудотворной Божьей Матери изъ Реджии и два перстня съ ея изображеніемъ.

Ронгони, упоминая объ этомъ въ своемъ письмѣ къ царю, приводитъ нѣкоторыя подробности, какъ нельзя лучше характеризующія Димитрія. Оказывается, что Димитрій получалъ, въ Краковѣ, отъ нунція перстень съ изображеніемъ Божьей Матери, который онъ носилъ постоянно, пока былъ въ Польшѣ, но потомъ онъ пересталъ носить его, объясняя это тѣмъ, что перстень сломался. Вѣроятно же всего, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы не оскорблять религіозныхъ чувствъ своихъ подданныхъ. По этому поводу добродушный Ронгони, искренно вѣрившій въ преданность Самозванца католицизму, послалъ ему два такихъ же точно перстня, чтобы онъ могъ никогда не разставаться съ изображеніемъ Пресвятой Дѣвы изъ Реджии, даже если бы ему случилось утратить свой перстень ¹⁾.

Папскому послу было дано секретное порученіе—собрать подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и разузнать, какъ относится новый царь къ католической церкви, такъ какъ его поведеніе въ этомъ отношеніи было чрезвычайно странно. Хотя онъ и позволилъ иезуитамъ.

¹⁾ Пирлингъ. Тамъ же. Pièces justif. ч. V, стр. 162—165.

совершать въ Кремлѣ богослуженіе по католическому обряду и даже хотѣлъ построить костель для польскихъ солдатъ, но онъ держалъ себя какъ преданный сынъ православной церкви и современемъ сталъ совершенно недоступенъ для іезуитовъ. Уже въ августѣ и сентябрѣ 1605 года ксендзъ Чижовскій жаловался на это въ своихъ письмахъ и доносилъ, что царь свосится съ нимъ не иначе, какъ черезъ посредниковъ. Когда іезуиты старались, черезъ постороннихъ лицъ, вывѣдать его намѣренія, то онъ совѣтывалъ имъ повременить съ осуществленіемъ ихъ плановъ до тѣхъ поръ, пока онъ не утвердитъ окончательно своей власти и не разсѣетъ опасеній и подозрительности своихъ враговъ, которые упрекали его въ томъ, что онъ собирается уничтожить православную вѣру и превратить всѣ церкви въ костелы ¹⁾).

Несомнѣнно, что всѣ эти увѣренія и обѣщанія, которыя Самозванецъ давалъ по секрету, не могли никомъ образомъ служить порукой въ искренности его намѣреній. Онъ дѣлалъ это, вѣроятно, только для того, чтобы сохранить хорошія отношенія къ апостольской столицѣ и при ея помощи легче осуществить задуманную имъ коалицію христіанскихъ державъ противъ турокъ.

Такимъ образомъ, папскому послу не удалось выяснить истинныхъ намѣреній Самозванца, который принялъ его, впрочемъ, очень ласково и пригласилъ даже вмѣстѣ съ Госнѣвскимъ на пиръ ²⁾), но въ бесѣдѣ съ нимъ былъ чрезвычайно осмотрителенъ и ничѣмъ не выдалъ своихъ истинныхъ намѣреній.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Arch. Watykans Borgh. II, 499.

²⁾ Ксендзъ Чижовскій упоминаетъ объ этомъ въ письмѣ отъ 3-го ноября 1605 г. (Arch. Watyk. Borgh. II, 499).

О памятникѣ князю Потемкину въ Херсонѣ.

Рескриптъ императора Александра I Новороссійскому губернатору Миклашевскому.

7-го сентября 1801 г. Москва.

Въ Божѣ почивающая бабка моя, государыня императрица Екатерина Алексѣевна, въ награду заслугъ покойнаго генераль-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, указомъ 1791 года Правительствующему Сенату даннымъ и по окончаніи послѣдней съ Портою Оттоманскою войны при торжествѣ мира въ росписи наградъ сентября 2-го дня 1793 года изданной, предопредѣлила ему между прочимъ воздвигнуть въ Херсонѣ памятникъ. Нынѣ племянникъ его генераль-фельдмаршалъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Самойловъ, совокупно съ прочими ближними его родственниками, просятъ меня, въ воспоминаніе ихъ къ нему преданности, дозволить имъ принять на себя сооруженіе сего монумента въ Херсонѣ, назначая въ вѣщшее ознаменованіе почтенія ихъ къ памяти и дѣламъ его пятнадцать тысячъ рублей на устройство въ томъ же городѣ дома призрѣнія для престарѣлыхъ и немощныхъ Черноморскаго флота матросовъ и другого званія военныхъ людей, и опредѣляя на ежегодное содержаніе ихъ проценты съ семидесяти пяти тысячъ рублей, отдаваемыхъ ими въ 12-й день декабря сего года въ Государственный Заемный банкъ. Находя желаніе сіе тѣмъ болѣе основательнымъ, что соединяется оно съ заведеніемъ на благо челоувѣчества устрояемымъ, я считаю справедливымъ удовлетворить оному, дозволить имъ воспріять на себя, какъ сооруженіе сего монумента, такъ и построеніе дома для инвалидовъ, поручая вамъ назначить для онаго удобное мѣсто со всѣми выгодами, зданіямъ сего рода свойственными, и въ положеніи штата сему заведенію сношеніями вашими съ строителями его наблюсти, чтобъ число инвалидовъ соразмѣрно было опредѣленной суммѣ по мѣстнымъ вашимъ познаніямъ о цѣнахъ вещей и припасовъ; объ отпускѣ же въ свое время процентовъ на содержаніе его изъ Заемнаго банка вмѣстѣ съ симъ предварительныя кому слѣдуетъ даны повелѣнія. Пребываю вамъ благосклонный.

Объ утверженіи В. Г. Бѣлинскаго въ дворянскомъ достоинствѣ ¹⁾).

ѣло начинается прошеніемъ въ Пензенское дворянское депутатское собраніе проживавшаго въ Чембарѣ Константина Бѣлинскаго, младшаго брата критика,—объ утверженіи его въ дворянствѣ, на основаніи полученія отцомъ, Григоріемъ Бѣлинскимъ, чина коллежскаго ассессора. «Желаю я быть внесеннымъ въ Пензенскую дворянскую родословную книгу», пишетъ въ прошеніи Константинъ Бѣлинскій. Къ прошенію приложены формулярный списокъ отца, Григорія Бѣлинскаго, за 1834 годъ ²⁾, и формулярный списокъ самого Константина.

¹⁾ Въ архивѣ Пензенскаго дворянскаго депутатскаго собранія имѣется за № 3366, „Дѣло о дворянствѣ дѣтей покойнаго коллежскаго ассессора Григорія Никифорова Бѣлинскаго (sic),—коллежскаго регистратора Константина, Виссаріона, Никанора, Александры, жены и дочери Виссаріона Бѣлинскаго“ Насколько мы знаемъ, „дѣло“ это до сихъ поръ не было извѣстно въ печати, между тѣмъ оно является небезынтереснымъ и само по себѣ, и для біографіи знаменитаго критика. Пользуемся этимъ „дѣломъ“ съ разрѣшенія г. пензенскаго губернскаго предводителя дворянства Д. К. Гевлича, при любезномъ содѣйствіи Н. Р. Евграфова. А. А.

²⁾ Изъ формулярнаго списка чембарскаго уѣзднаго врача коллежскаго ассессора Григорія Никифоровича Бѣлинскаго видно, что въ 1834 году ему былъ 51 годъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, „имѣлъ въ своемъ владѣніи“ одну душу мужескаго пола и деревянный домъ въ Чембарѣ. 4-го января 1804 года Григорій Бѣлинскій поступилъ въ Императорскую медико-хирургическую академію и 18-го іюня 1809 года былъ выпущенъ кандидатомъ медицины и хирургіи, съ назначеніемъ въ кронштадтскіе морскіе госпитали. 15-го іюня 1810 года онъ былъ командированъ для отправленія должности врача на гребную флотилію; въ августѣ того же года произведенъ лекаремъ, а въ 1812 году, вмѣстѣ съ гребною флотилією, находился въ сраженіи у Митавы, за что и награжденъ былъ серебряною медалью на голубой лентѣ. 21-го октября 1816 года Григорій Никифоровичъ былъ уволенъ изъ морского

Постановленіемъ Пензенскаго дворянскаго собранія отъ 23-го января 1837 года просьба была уважена и Константинъ БѢлинскій былъ утвержденъ въ правахъ дворянства.

Далѣе слѣдуетъ просьба о томъ же дочери умершаго Григорія БѢлинскаго, Александры, по мужѣ Кузьминой, отъ 4-го іюня 1838 года,—чтобъ и ей, «обще съ братьями» была выдана «о дворянскомъ происхожденіи грамота». Просьба эта была отклонена за недоставленіемъ надлежащихъ бумагъ. Пензенское дворянское собраніе постановило—«просительницѣ Александрѣ Григорьевой, урожденной Бельнской, посредствомъ Чембарскаго городническаго правленія объявить, чтобы она какъ о себѣ, равно и братьяхъ родныхъ, Виссаріонѣ и Никифорѣ, представила свидѣтельство, что они точно дѣти покойнаго коллежскаго ассессора Григорія Никифоровича Бельнскаго; и сверхъ того о времени рожденія и крещенія ихъ узаконенныя метрическія свидѣтельства. По одному же прошенію, дворянское собраніе не можетъ постановить своего опредѣленія».

Въ виду этого постановленія, вѣроятно, и возникло дальнѣйшее дѣло о дворянствѣ В. Г. БѢлинскаго.

Въ «Дѣлѣ» находится довѣренность В. Г. БѢлинскаго отъ 6-го августа 1843 года, данная имъ своему родственнику отставному штабсъ-капитану Николаю Петровичу Иванову слѣдующаго содержанія:

«Родитель мой, Григорій Никифоровичъ БѢлинскій, продолжая служеніе уѣзднымъ лекаремъ Пензенской губерніи, въ г. Чембарѣ, за выслугу законныхъ лѣтъ произведенъ въ чинъ коллежскаго ассессора, со старшинствомъ 1826 года сентября 30-го числа и, не прерывая служенія, скончался 1835 года іюля 3-го числа, оставя послѣ себя дѣтей: меня, братьевъ Константина, Никанора и сестру Александру, изъ которыхъ первый по представленнымъ въ Пензенское дворянское депутатское собраніе доказательствамъ получилъ на право дворянства изъ онаго 1837 года генваря 30-го грамоту, а я еще въ дворянскую родословную книгу не внесенъ и на потомственное дворянство грамоты не имѣю, посему и на службѣ нигдѣ не состою, то—прилагая при семъ въ подлинникѣ отношеніе на имя отца моего, состоявшаго прежде лекаремъ 7-го учебнаго экипажа, отъ 9-го іюня 1811 года за № 315, о изъявленіи согласія на воспріятіе меня отъ купели его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича и засвидѣтельствованную копию съ формулярнаго списка о службѣ покойнаго родителя моего,—прошу васъ, милостивый го-

вѣдомства и назначенъ въ г. Чембарѣ уѣзднымъ врачомъ. 30-го сентября 1826 года онъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры и 3-го іюля 1835 года скончался.

сударь, представить оныя въ Пензенское дворянское депутатское собраніе и просить о внесеніи меня въ дворянскую родословную книгу Пензенской губерніи, о выдачѣ мнѣ съ протокола копии и на потомственное дворянство грамоты, въ принятіи коихъ росписаться и доставить ко мнѣ. При чемъ, если надобно будетъ по сему предмету ходатайство и по другимъ мѣстамъ, то подавайте и въ оныя отъ имени моего за вашимъ рукоприкладствомъ разнаго наименованія бумаги. Во всемъ томъ я вамъ вѣрю, и что по сему учините, впредь спорить и прекословить не буду.

«Неслужащій дворянинъ Виссаріонъ Григорьевъ сынъ БѢлинскій».

При довѣренности было приложено отношеніе чиновника Лагоды къ отцу В. Г. БѢлинскаго нижеслѣдующаго содержанія:

«Его императорское высочество государь цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, по письму вашему, отъ 31-го минувшаго мая, на воспріятіе отъ купели новорожденнаго сына вашего Виссаріона изволилъ изъявить свое согласіе и приказалъ мнѣ васъ о семъ увѣдомить съ тѣмъ, чтобы на мѣсто его высочества при святомъ крещеніи избрали кого заблагоразсудите».

Вмѣстѣ съ тѣмъ чембарскіе дворяне, въ числѣ 23 лицъ, свидѣтельствовали, что «здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря Григорія Никифорова БѢлинскаго сынъ Виссаріонъ дѣйствительно рожденъ отъ него прошлаго 1811 года мая 30-го числа, который нигдѣ въ службѣ еще не находился и опредѣленъ не былъ, и нынѣ ему отъ роду 19-й годъ, въ чемъ удостоверяю подписуемъ».

Удостовереніе это, вмѣстѣ съ приведеннымъ выше отношеніемъ чиновника Лагоды, такимъ образомъ точно указываетъ время рожденія знаменитаго критика: 30-го мая 1811 года. До сихъ поръ годъ рожденія БѢлинскаго въ біографіяхъ указывался обыкновенно 1810-й.

Дѣло, по обыкновенію, тянулось и В. Г. БѢлинскій 22-го ноября того же года просилъ: «по представленнымъ имъ о дворянскомъ его происхожденіи документамъ внести его въ дворянскую родословную книгу, выдать ему о томъ дворянскую грамоту, а съ опредѣленія на случай поступленія въ службу — копию, причемъ нужнымъ считаетъ объяснить, что метрическаго свидѣтельства о рожденіи его онъ не можетъ представить потому, что такъ какъ онъ рожденъ отъ отца его во время нахождения его въ походахъ на службѣ во флотѣ, а потому ему и неизвѣстно, откуда получить оное».

«1843 года декабря 23-го дня Пензенское дворянское депутатское собраніе приказало: внести его, Виссаріона БѢлинскаго, въ ту же третью часть родословной книги, въ которую внесенъ братъ его Константинъ БѢлинскій, о чемъ и выдать ему, Виссаріону, съ сего опредѣленія, на случай поступленія его на службу, копию, а по силѣ 1485 ст.

IX тома и дворянскую грамоту; и о исполненіи сего подлинное дѣло о Бѣлинскомъ съ копіею съ сего заключенія представить на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената».

Сенатъ не утвердилъ постановленія Пензенскаго депутатскаго собранія по непредставленію В. Г. Бѣлинскимъ о рожденіи его установленнаго метрическаго свидѣтельства духовной консисторіи. Тогда черезъ годъ въ Пензенское дворянское депутатское собраніе поступила новая просьба Иванова, въ которой послѣдній, на основаніи данной ему В. Г. Бѣлинскимъ довѣренности, ссылаясь на только что изданный передъ тѣмъ высочайшій указъ, по которому повелѣно: при внесеніи въ родословныя книги родившихся до изданія указа 31-го генваря 1831 года лицъ, не представившихъ о себѣ метрическихъ свидѣтельствъ, замѣнять послѣднія удостовѣреніями изъ духовныхъ росписей,—просилъ собраніе, дабы повелѣно было о выправкѣ по духовнымъ росписямъ, по которымъ Виссаріонъ Бѣлинскій значится съ 1816 по 1829 годъ при Николаевской церкви г. Чембара, снестись съ Пензенской духовной консисторіей и, по полученіи отъ оной увѣдомленія, представить на усмотрѣніе герольдіи. Недѣли черезъ двѣ консисторія доносила, что «штабъ-лекаря коллежскаго ассессора Григорія Никифорова Бѣлинскаго съ семействомъ, по исповѣднымъ вѣдомостямъ Чембарской Николаевской церкви, съ 1816 по 1829 годъ, не значится». Въ декабрѣ 1846 г. довѣритель В. Г. Бѣлинскаго, Ивановъ, вошелъ въ дворянское собраніе съ новой просьбой, въ которой писалъ: «Прошлаго 1845 года декабря 15-го просилъ я депутатское собраніе о выправкѣ, по исповѣднымъ г. Чембара Николаевской церкви росписямъ, о написаніи по онымъ бывшаго въ Чембарѣ штабъ-лекаря Григорія Никифорова сына, довѣрителя моего Виссаріона Бѣлинскаго, по поводу чего и было сношеніе съ Пензенскою духовною консисторіей, но по оной будто-бы не оказалось. По возвращеніи моемъ изъ г. Красноярска, увѣдомясь о семъ, я въ необходимости былъ произвести справку по духовнымъ росписямъ г. Чембара Николаевской приходской церкви и въ Нижеломовскомъ духовномъ правленіи, по которымъ за 1816 и 1817 годы его, Виссаріона Бѣлинскаго, не оказалось, а значится довѣритель мой, Виссаріонъ Бѣлинскій, въ семействѣ вышеупомянутаго отца его Григорія Никифорова въ 1818 году, за № 95—шести, въ 1819 г., за № 17—семи, въ 1820 г., за № 17—восьми, въ 1821 г., за № 8—девяти, въ 1822 г., за № 16—десяти, въ 1823 г., за № 8—одинадцати, въ 1824 г., за № 9—одинадцати (sic), въ 1825 г., за № 9—двѣнадцати, въ 1826 г., за № 9—двѣнадцати (sic), въ 1827 г., за № 11—четырнадцати, въ 1828 г., за № 9—пятнадцати, въ 1829 г., за № 7—семнадцати лѣтъ. Въ книгахъ сихъ отецъ довѣрителя моего Григорій Никифоровъ большею частію именованъ титулярнымъ совѣтникомъ и

самъ онъ, Виссаріонъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виссаліономъ. Это показаніе послѣдовало собственно по небрежности приходскаго священника или тѣхъ изъ причетниковъ, которымъ поручена была записка въ духовныя вѣдомости семейства ихъ, БѢлинскихъ, и въ г. Чембарѣ медицинскимъ чиновникомъ находился только Григорій Никифоровъ БѢлинскій, и у него сына Виссаліона никогда не было, а былъ единственно Виссаріонъ, довѣритель мой». Представляя о семъ, Ивановъ просить собраніе, «дабы повелѣно было о выправкѣ вновь, съ кѣмъ слѣдуетъ учинить сношеніе».

Въ февралѣ 1847 года консисторія подтвердила показаніе Иванова и въ іюлѣ Пензенскимъ дворянскимъ собраніемъ полученъ былъ указъ герольдіи, въ которомъ было сказано, что такъ какъ «сынъ коллежскаго ассессора Виссаріонъ Григорьевъ сынъ БѢлинскій представилъ при прошеніи метрическое свидѣтельство, выданное ему оберъ-священникомъ арміи и флота, изъ коего видно, что онъ родился въ 1811 году отъ отца Григорья БѢлинскаго, произведеннаго въ сей чинъ въ 1826 г., то — руководствуясь примѣч. къ ст. 19 и 39 ст. продолж. IX т. Св. Зак. изд. 1842 г.,—герольдія опредѣляетъ: дать знать Пензенскому дворянскому депутатскому собранію указомъ, что опредѣленіе онаго собранія 23-го декабря 1843 г. слѣдуетъ считать со стороны герольдіи утвержденнымъ 26-го іюля 1847 г.»

Въ декабрѣ 1847 г. Пензенское дворянское собраніе, сообщая С.-Петербургской Управѣ Благочинія о состоявшемся постановленіи герольдіи, просило управу «объявить БѢлинскому, по жительству его, о выше-прописанномъ». Петербургская управа безъ замедленія отвѣтила собранію, что присланное отношеніе она поручила къ надлежащему исполненію приставу исполнительныхъ дѣлъ Каретной части, донесеніе коего о исполненіи сего требованія при семъ препровождается, съ подпискою БѢлинскаго отъ 30-го января». Къ отвѣту управы приложена въ подлинникѣ слѣдующая собственноручная росписка В. Г. БѢлинскаго:

«1848 года января 30-го (написано первоначально 20-го, потомъ переправлено: 30-го) дня, я нижеподписавшійся далъ сію подписку полиціи Каретной части въ томъ, что присланное изъ перваго департамента Управы Благочинія предписаніе за № 1736 и приложенное изъ Пензенскаго дворянскаго депутатскаго собранія отъ 9-го декабря прошлаго 1847 года за № 1347, мнѣ объявлено въ чемъ и подписуюсь сынъ коллежскаго ассессора Григорья Никифорова БѢлинскаго Виссаріонъ Григорьевъ БѢлинскій».

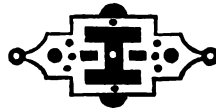
Такимъ образомъ, за четыре мѣсяца до смерти, В. Г. БѢлинскій былъ возведенъ въ дворянское достоинство.

30-го ноября 1848 года вдова В. Г. БѢлинскаго вошла въ Петер-

бургскую Иправу Благочинія съ просьбой о выдачѣ ей съ дѣтьми вдовьяго паспорта на жительство, при чемъ указывала, что въ Пензенскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи «производится дѣло о выдачѣ покойному мужу ея дворянской грамоты». Управа снеслась съ собраніемъ, — «дѣйствительно ли въ ономъ производится означенное дѣло и состоитъ ли Бѣлинскій съ дѣтьми въ числѣ дворянъ Пензенской губерніи?» Дворянское собраніе, отъ 24-го декабря 1848 года, увѣдомило управу, что «Виссаріонъ Бѣлинскій, по опредѣленію сего собранія 23-го декабря 1843 года внесенъ въ 3-ю часть дворянской родословной, книги Пензенской губерніи; жена же его, Виссаріона Бѣлинскаго, Марья Васильева и дѣти ихъ въ родословную книгу еще не внесены».

Тогда Н. П. Ивановъ писалъ Пензенскому депутатскому собранію: «Бѣлинская поручила мнѣ просить Пензенское дворянское депутатское собраніе о внесеніи ея, Марьи Бѣлинской, съ дочерью ея, Ольгою, въ дворянскую родословную книгу, въ которую внесенъ и покойный мужъ ея, съ которымъ она повѣнчана 12-го ноября 1843 года въ С.-Петербургской Семеновской церкви при Строительномъ училищѣ, а дочь ея, Ольга, рождена 13-го, а крещена 23-го іюня 1845 года въ приходѣ С.-Петербургской же Семеновской церкви, что въ Моховой улицѣ». Требуемая бумага Ивановъ проситъ отослать «для выдачи ей, Марьи Бѣлинской, по состоянію ея въ Московскомъ Александровскомъ институтѣ при должности кастелянши, въ Московскую Управу Благочинія». Января 12-го 1850 года Пензенское дворянское депутатское собраніе постановило: «жену умершаго неслужащаго дворянина Виссаріона Григорьева Бѣлинскаго, Марью Васильеву, и дочь ея, Ольгу Виссаріонову, согласно прошенію родственника ихъ, г. Иванова, внести въ ту же 3-ю часть дворянской родословной книги, въ которую внесенъ и мужъ первой, а послѣдней отецъ, Виссаріонъ Бѣлинскій».

Профес. А. Архангельскій.

Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ ¹⁾.

(1845—1851)

Н а двѣнадцатаго іюля 1845 года, саратовскій губернаторъ Фадѣевъ получилъ извѣщеніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, о томъ, что государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу выписки изъ слѣдствія о поступкахъ помѣщика Подольской губерніи, графа Мечислава Потоцкаго, который оказался виновнымъ въ безнравственныхъ и столь жестокихъ поступкахъ, что не дорожилъ даже жизнью жены и сына своего младенца, высочайше повелѣть соизволилъ: графа Мечислава Потоцкаго, не предавая уголовному суду, выслать на безвыѣздное жителство въ Саратовъ.

Двѣнадцать дней спустя послѣ полученія этого извѣщенія, а именно 27-го іюля, графъ Мечиславъ Потоцкій прибылъ въ Саратовъ, въ со-

¹⁾ Въ „Воспоминаніяхъ“ бывшаго саратовскаго губернатора А. М. Фадѣева („Р. Арх.“ май 1891 г.) и въ „Очеркахъ и воспоминаніяхъ“ Н. М. Колмакова („Р. Стар.“ іюнь 1899 г.), между прочимъ упоминается объ извѣстномъ польскомъ магнатѣ, графѣ Мечиславѣ Потоцкомъ, проживавшемъ въ 40-хъ годахъ, въ Саратовѣ, въ административной ссылкѣ. А. М. Фадѣевъ упоминаетъ о Потоцкомъ, какъ то вскользь, всего въ нѣсколькихъ словахъ, а именно, что ему, по должности губернатора, было не мало хлопотъ съ Потоцкимъ, ибо родная сестра послѣдняго, состоявшая въ замужествѣ за министромъ государственныхъ имуществъ графомъ П. Д. Киселевымъ, бомбардировала Фадѣева частыми письмами, ходатайствуя о всевозможныхъ послабленіяхъ для брата, да еще то, что Потоцкій отличался странностями и скупостью. Но за что былъ сосланъ графъ Потоцкій въ Саратовъ, въ чемъ проявлялись его странности и скупость и о какихъ послабленіяхъ брату ходатайствовала графиня Киселева, въ „Воспоминаніяхъ“ Фадѣева не говорится ни слова. Н. М. Колмаковымъ сообщаются о Потоцкомъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Причиною ссылки

провожденіи жандармскаго офицера, который съ рукъ на руки перedalъ его губернатору Фадѣеву, вручивъ ему и пакетъ съ отношеніемъ кievскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора, отъ 17-го іюля 1845 г. № 6240. Въ этомъ отношеніи значилось, что графъ Мечиславъ Потоцкій, высылается въ Саратовъ, по высочайшему повелѣнію, на безвыѣздное жительство и подъ строжайшій надзоръ мѣстнаго начальства, надъ имѣніями его учреждается опека, подчиненная непосредственному наблюденію кievскаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора; сынъ графа, Феликсъ, зачисляется въ Пажескій корпусъ и до возраста, опредѣленнаго для поступленія въ тотъ корпусъ, остается при матери. Относительно имущественныхъ правъ самого графа Потоцкаго, опекѣ, учрежденной надъ его имѣніями, вмѣняется въ обязанность составить изъ доходовъ съ имѣній, капиталъ въ суммѣ 180.000 р. с. для жены его, графини Эмили Потоцкой, а до того времени, пока не образуется означенный капиталъ, производить ей содержаніе по 7.500 р. с. въ годъ; на содержаніе же малолѣтняго Феликса

графа Потоцкаго въ Саратовъ, по словамъ Колмакова, послужило жестокое обращеніе его съ своею женою, Дельфиною, рожденною Свейковскою, о чемъ было доложено императору Николаю Павловичу, при проѣздѣ его чрезъ Тульчинъ (имѣніе Потоцкаго въ Подольской губерніи), начальникомъ кавалерійской дивизіи, квартировавшей въ той губерніи, генераломъ Скарятиннымъ, къ которому графиня Потоцкая явилась — „забитая мужемъ, растрепанная и оборванная“, и, что слѣдствіемъ административной ссылки Потоцкаго, было взятіе его имѣнія въ вѣдѣніе III отдѣленія Собственной е. и. в. канцеляріи, съ назначеніемъ надъ этимъ имѣніемъ особаго администратора. Затѣмъ Колмаковъ рассказываетъ, что графъ Потоцкій, проживая въ Саратовѣ, прибѣгалъ къ различнымъ ухищреніямъ, чтобы умилостивить императора Николая и снять съ себя скорое прощеніе. Съ этою цѣлью, онъ пожертвовалъ 3 тысячи руб. сер. ежегодной субсидіи, на содержаніе предполагавшагося къ открытію саратовскаго института для благородныхъ дѣвицъ; одну тысячу руб. сер. также ежегодной субсидіи саратовскому Маріинскому дѣтскому приюту, 12 тыс. руб. сер. на устройство и поддержку православныхъ церквей въ своихъ имѣніяхъ; обязался построить тамъ же, особо, 12 каменныхъ православныхъ церквей и самъ принялъ православіе съ именемъ Михаила, вмѣсто носимаго имъ имени Мечислава, присоединилъ къ православію своего единственнаго сына и отдалъ его на воспитаніе въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Но несмотря на все это, императоръ Николай, усматривая неискренность въ дѣйствіяхъ Потоцкаго, оставался непреклоннымъ, и Потоцкій былъ освобожденъ изъ ссылки и ему разрѣшенъ былъ выѣздъ за границу уже по восшествіи на престолъ императора Александра II, въ то время, когда онъ проживалъ въ Воронежѣ, куда онъ былъ переведенъ изъ Саратова.

Пользуясь официальными документами, относящимися къ времени пребыванія графа Потоцкаго въ Саратовѣ, мы имѣемъ возможность указать на нѣкоторыя неточности въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Колмаковымъ о графѣ Потоцкомъ, и кромѣ того значительно пополнить эти свѣдѣнія небезынтересными подробностями.

В. Д.

Потоцкаго, до поступленія его въ корпусъ, назначалось по 1.500 р. с. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма выдавалась на руки его матери, графинѣ Эмили. Графу Мечиславу Потоцкому, воспрещалось выдавать доходы съ его имѣній, кромѣ 150 р. с. въ мѣсяцъ на содержаніе, всѣ же остальные доходы отсылать въ государственннй банкъ для приращенія процентами, впредь до совершеннолѣтія Феликса Потоцкаго. Кромѣ того, графу Потоцкому воспрещалось совершеніе всякихъ актовъ и сдѣлокъ, клонящихся къ лишенію жены и сына его слѣдующихъ имъ частей изъ имѣній, хотя бы графъ Потоцкій, въ случаѣ развода съ женою, вступилъ въ новый бракъ.

Когда графу М. Потоцкому, по прибытіи его въ Саратовъ, было объявлено, старшимъ полиціймейстеромъ, упомянутое выше сообщеніе кievскаго генералъ-губернатора, ограничивающее его, между прочимъ, въ правахъ распоряженія имуществомъ, то графъ Потоцкій, давая требуемую отъ него подписку, включилъ въ нее, вѣроятно рассчитывая на скорое прощеніе и возможность возвращенія въ принадлежавшее ему имѣніе Тульчинъ, что «графиня Эмилиа Потоцкая, всегда можетъ рассчитывать, что онъ приметъ ее, какъ мать своего сына съ прощеніемъ въ сердцѣ и съ забвеніемъ всѣхъ ея противъ него проступковъ». Если же она чувствуетъ невозможнымъ возвратиться подъ кровъ супружескій, и рѣшится на разводъ, то графъ Потоцкій, съ истиннымъ сожалѣніемъ объ этой разлукѣ, назначаетъ женѣ 50.000 флориновъ или 7500 р. с. ежегоднаго дохода, доколѣ не уплатитъ ей капитала въ суммѣ 1.200.000 флориновъ или 180.000 р. с. Сына своего Феликса, Потоцкій соглашается оставить у матери до пятилѣтняго возраста, но съ тѣмъ, чтобы ежегодно, одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, онъ проживалъ у отца въ Тульчинѣ. На содержаніе сына, пока онъ будетъ находиться при матери, графъ Потоцкій обязуется выдавать по 1.500 р. с. въ годъ. Въ случаѣ же, если бы графиня Эмилиа отдала сына мужу, то послѣдній обязуется совершить актъ, въ силу котораго, Феликсъ будетъ единственнымъ наслѣдникомъ всего отцовскаго имущества, и графъ Потоцкій, если жена съ нимъ разведется, навсегда отказывается отъ вторичнаго брака.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1845 г., черезъ мѣсяцъ по прибытіи графа Потоцкаго въ Саратовъ, губернаторъ Фадѣевъ, для болѣе усиленнаго надзора за нимъ, предложилъ саратовскому губернскому почтмейстеру, относительно корреспонденціи, получаемой и отправляемой Потоцкимъ — «исполнять правила, кои существуютъ о корреспонденціи лицъ, подъ надзоромъ полиціи состоящихъ». На это губернскій почтмейстеръ Вукотичъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ въ виду особыхъ правилъ о корреспонденціи лицъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ, и что по кореннымъ почтовымъ правиламъ, корреспонденція

каждаго лица, ввѣряющаго оную почтѣ, должна быть неприкосновенна, исключая переписки банкротовъ, ссыльно-каторжныхъ и лишенныхъ чести людей и кромѣ того, еще въ 1827 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе, дабы мѣста и лица, управляющія разными частями, отнюдь не предъявляли требованій объ удержаніи чьей либо корреспонденціи или о непринятіи таковой отъ лицъ, находящихся подъ присмотромъ или арестомъ. Почему губернский почтмейстеръ и рекомендуетъ губернатору обратиться къ своему начальству для сношенія съ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ, и просить его снабдить саратовскую почтовую контору какимъ либо соотвѣтствующимъ предписаніемъ.

Фадѣевъ, по этому вопросу входилъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и получилъ отъ него увѣдомленіе, — что графу Потоцкому высочайше дозволяется непосредственно, самому отсылать и получать письма.

9-го января 1847 г. Іаковъ, епископъ саратовскій, сообщилъ смѣнившему Фадѣева губернатору Кожевникову, что 8-го января имъ присоединенъ къ православію проживающій въ Саратовѣ, римско-католическаго вѣроисповѣданія, графъ Мечиславъ Станиславовичъ Потоцкій, по собственному желанію и при этомъ присоединеніи дано имя графу— Михаилъ.

Со дня водворенія графа Потоцкаго на жительство въ Саратовѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, изъ Петербурга не справлялись о немъ. Въ 1847 году, въ іюль мѣсяцѣ, шефъ жандармовъ обратился къ саратовскому губернатору съ официальнымъ письмомъ, требуя, по высочайшему повелѣнію, доставить свѣдѣніе, о поведеніи, объ образѣ жизни и объ образѣ мыслей графа Михаила Потоцкаго.

Прежде чѣмъ отвѣчать на запросъ шефа жандармовъ, губернаторъ Кожевниковъ почему то счелъ нужнымъ официально запросить саратовскаго губернскаго почтмейстера, «дѣйствительно ли справедливы слухи, что будто бы графъ Потоцкій получаетъ черезъ мѣстную почтовую контору, деньги, когда, въ какомъ количествѣ, откуда и отъ кого именно?» На это требованіе, губернский почтмейстеръ Вукотичъ, категорически отказался дать какія либо свѣдѣнія, мотивируя свой отказъ, какъ и раньше въ перепискѣ съ губернаторомъ Фадѣевымъ въ 1845 г. неприкосновенностью тайны почтовой корреспонденціи.

Затѣмъ, уже въ августѣ, губернаторъ Кожевниковъ сообщилъ шефу жандармовъ, что графъ Михаилъ Потоцкій ведетъ себя, въ общественномъ смыслѣ, прилично и скромно, кругъ знакомства имѣетъ ограниченный, близкихъ отношеній между нимъ и жителями города незамѣтно, почему за основной образъ мыслей его, какъ необнаруженный, пору-

читься нельзя, и по вѣшности жизнь графа Потоцкаго не представляетъ ничего предосудительнаго. Въ заключеніе своего отвѣта, губернаторъ присовокупилъ, что извѣщенный, частными свидѣніями, оразновременныхъ полученіяхъ графомъ Потоцкимъ, чрезъ саратовскую почтовую контору, значительныхъ денежныхъ суммъ, и, имѣя въ виду, что по высочайшей волѣ доставленіе доходовъ съ его огромныхъ имѣній ограничено 150 рублями въ мѣсяцъ, и считая нужнымъ, относительно этаго предмета, имѣть точныя удостовѣренія, онъ, губернаторъ, предложилъ саратовскому губернскому почтмейстеру—доставить свидѣнія о полученныхъ графомъ Потоцкимъ денежныхъ суммахъ; но губернский почтмейстеръ отвѣтилъ, что будто бы онъ не можетъ удовлетворить этого требованія, на основаніи правилъ о почтовой тайнѣ и безъ особаго предписанія своего непосредственнаго начальства—главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ. Въ Петербургѣ, повидимому, удовлетворились донесеніемъ губернатора шефу жандармовъ, потому что по дѣлу графа Потоцкаго болѣе не было никакихъ запросовъ ни отъ шефа жандармовъ, ни отъ министра внутреннихъ дѣлъ, даже на то обстоятельство, что графъ Потоцкій будто бы получаетъ съ почты деньги, помимо опредѣленной суммы, назначаемой ему на содержаніе, подлежащія власти не обратили вниманіе и не нашли нужнымъ возбуждать по этому случаю какой-либо переписки. Такимъ образомъ, графъ Потоцкій оставался въ покоѣ до января 1848 года.

14-го января 1848 г. поваръ графа Потоцкаго, Ананій Сѣдларъ подалъ губернатору Кожевникову письменный доносъ, въ формѣ прошенія, о томъ, что будто бы графъ Потоцкій поддѣлываетъ фальшивые паспорта, съ которыми бы могъ убѣжать изъ Саратова въ Парижъ и что, если губернаторъ тихимъ образомъ пожалуетъ въ квартиру Потоцкаго, то Сѣдларъ укажетъ, гдѣ сохраняются у его барина фальшивые паспорта.

На основаніи этого доноса, губернаторъ поручилъ саратовскому старшему полиціймейстеру, маіору Фофанову, снять съ доносителя подробный допросъ, что и было исполнено въ присутствіи частнаго пристава Семынина 15-го января 1848 года. При допросѣ «дворовый человекъ графа Потоцкаго, служащій у него поваромъ» Ананій Сѣдларъ, показалъ слѣдующее: «мѣсяца два тому назадъ баринъ мой, призвавъ меня къ себѣ, для приказаній объ обѣдѣ, спросилъ, хочу ли идти на оброкъ, такъ какъ ему изъ Петербурга денегъ не присылаютъ и ему содержать всю прислугу, при немъ находящуюся, довольно тяжело. На согласіе мое, онъ тогда же далъ мнѣ денегъ, и я получилъ паспортъ изъ казначейства. Кто же замѣнитъ меня, графъ объ этомъ ничего не пояснилъ, только сказалъ, что оставить при себѣ Леонтія и Луку Лучковыхъ, а меня и Василю Букоемскаго отпустить

на оброкъ. Когда я возвратился изъ казначейства, то графъ первоначально спросилъ людей,—пришелъ ли я домой? На утвердительный отвѣтъ, приказалъ призвать меня. Когда я пришелъ къ нему, онъ спросилъ—получилъ ли я паспортъ и велѣлъ подать его себѣ. На мой вопросъ, на что ему паспортъ, отвѣчалъ, что ему надо взглянуть, а если я боюсь, чтобы онъ не отнял его у меня, то онъ посмотритъ его изъ моихъ рукъ. Когда я принесъ паспортъ и прочиталъ его графу, онъ вырвалъ его у меня и спряталъ въ шкатулку, сказавъ, чтобы я подождалъ до тѣхъ поръ, пока придетъ изъ Петербурга указъ о нашей волѣ ¹⁾, а теперь куда паспортъ останется у него. При этомъ свидѣтелями были лакей Леонтій и Лука Лучковы, которые, я полагаю, не откажутся все это подтвердить. Дня три спустя, я замѣтилъ, что графъ запирается часто въ кабинетъ и подсматрѣвъ въ щель дверей увидѣлъ, что онъ работаетъ что-то около моего паспорта, о чемъ тогда же переговорилъ я съ Лукою Лучковымъ, который подтвердилъ мою догадку, говоря, что графъ точно и ажетъ или чититъ что-то на моемъ паспортѣ. Въ это время часто бывалъ у графа г. Фадѣевъ ²⁾, и они оба вмѣстѣ безпрестанно смотрѣли на карту и говорили между собою, но о чемъ я понять не могъ, потому что они говорили по-французски. Дней пять спустя мы вдвоемъ съ графомъ отправились на охоту къ деревнѣ Елманкѣ. Дорогою, онъ сталъ меня уговаривать ѣхать съ нимъ на родину его, за что обѣщалъ дать мнѣ 300 р., но я не соглашался и просилъ отдать мнѣ паспортъ. На это онъ мнѣ сказалъ, что я могу ѣхать съ нимъ и безъ паспорта. На возраженіе мое, что если меня арестуютъ какъ безпаспортнаго, графъ отвѣчалъ, что выкупить меня деньгами, но такъ какъ съ моей стороны и на это согласія не было, то графъ прекратилъ объ этомъ разговоры. Послѣ этого, онъ началъ замѣтно приготавливаться къ отъѣзду, купилъ парикъ, бѣлый дубленый тулупъ, кожаные сапоги на мѣху и простыя, теплыя рукавицы. Надѣвалъ ли онъ парикъ—я не видѣлъ, а тулупъ, сапоги и рукавицы примѣрялъ. Дня три тому назадъ, узналъ я отъ бу-

¹⁾ Графъ Потоцкій, въ первый годъ по пріѣздѣ своемъ въ Саратовъ, подалъ всеподданнѣйшее прошеніе объ отпускѣ крестьянъ своего Тульчино-Ольховатскаго имѣнія въ числѣ 18.000 душъ на волю, но безъ земли. Императоръ Николай Павловичъ, не согласившись на безземельное освобожденіе такого значительнаго количества крестьянъ, приказалъ ввести въ имѣніи Потоцкаго временно обязанное положеніе съ переложеніемъ натуральныхъ повинностей на денежные и съ надѣломъ крестьянъ извѣстнымъ количествомъ земли. Потоцкій изъявилъ тогда желаніе пожертвовать ежегодныхъ взносовъ: для Саратовскаго института 3000 р., а для пріюта 1000 р. На это послѣдовало высочайшее соизволеніе 17-го января 1850 г., когда уже Потоцкаго въ Саратовѣ на жительство не было.

Прим. авт.

²⁾ Сынъ бывшаго губернатора. О немъ см. ниже.

фетчика Василія Ѳедорова, который слышалъ отъ проживающей у насъ женщины Татьяны Васильевой, что графъ разбудилъ ее во второмъ часу ночи, чтобы зашить подушку, въ которую, какъ сказывалъ Василій, графъ спряталъ деньги и мой паспортъ. Лишь только я узналъ объ этомъ, то тотчасъ же написалъ прошеніе, которое и подалъ губернатору».

На основаніи этихъ показаній губернаторъ Кожевниковъ доносилъ шефу жандармовъ отъ 20-го января 1848 г.

«На основаніи предписаній вашего сіятельства и господина министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Михаилъ Потоцкій состоитъ въ Саратовѣ, подъ строгимъ надзоромъ полиціи съ 27-го іюля 1845 года. 14-го сего января, поваръ Потоцкаго Ананій Сѣдларъ, явись ко мнѣ въ 11 часовъ утра, подалъ доносъ, что будто бы графъ Потоцкій, имѣя намѣреніе тайно уѣхать за границу, поддѣлалъ для того паспортъ, который скрываетъ зашитымъ въ своей подушкѣ, и вызвался указать мнѣ этотъ паспортъ въ тотъ же день. Соображая, что графъ Потоцкій, при ненадежныхъ нравственныхъ правилахъ, дѣйствительно можетъ рѣшиться на тайный отъѣздъ за границу, особенно послѣ того, какъ онъ самъ мнѣ признавался, въ чрезвычайномъ своемъ страхѣ, чтобы выведенныя на него подозрѣнія въ подкупѣ служащихъ чиновниковъ ¹⁾ значительными суммами не вызвали мѣръ строгости къ лишенію его, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на долгое время, возможности пользоваться принадлежащими ему въ заграничныхъ банкахъ огромными капиталами, я того же дня, пригласивъ съ собою корпуса жандармовъ подполковника Есипова съ его адъютантомъ и двумя жандармами въ 3 часа по полудни, пріѣхалъ въ занимаемую Потоцкимъ квартиру. Найдя его за обѣдомъ, я сказалъ ему, что одно обстоятельство, которое считаю несбыточнымъ и выдуманнымъ на него изъ мести, заставляетъ меня все-таки исполнить чего требуетъ дѣло. Припомнивъ графу, что при первомъ осмотрѣ его бумагъ ²⁾, когда я предлагалъ ему отдать мнѣ ихъ всѣ, какія у него есть письма, счета, документы и самую частную переписку, безъ малѣйшаго исключенія, онъ только указалъ мнѣ на два стола, заваленные газетами, журналами и самыми пустыми записками; потомъ, когда я объявилъ, что принужденъ буду сдѣлать во всемъ домѣ строгій обыскъ, онъ вынулъ изъ подъ постельника, нѣсколько

¹⁾ О подкупѣ какихъ чиновниковъ говорится въ представленіи губернатора и съ какою цѣлью и при какихъ обстоятельствахъ совершились эти подкупы, въ дѣлѣ о графѣ Потоцкомъ нѣтъ никакихъ указаній.

П р и м. а в т.

²⁾ Когда и по какому поводу былъ сдѣланъ у графа Потоцкаго первый обыскъ, о которомъ въ своемъ представленіи упоминаетъ губернаторъ Кожевниковъ, въ дѣлѣ о графѣ Потоцкомъ нѣтъ никакой переписки.

П р и м. а в т.

писемъ и счетовъ и долго отказывался выдать другія бумаги, пока самыя важныя изъ числа ихъ были найдены, противъ его воли, обыскомъ, завязанными въ узлѣ изъ салфетки въ такомъ мѣстѣ, которое свидѣтельствовало, что онѣ были скрыты намѣренно. Впослѣдствіи въ Петербургѣ выяснилось, что еще нѣкоторыя бумаги остались у него спрятанными и пять писемъ вытребованы у него послѣ. Такая неоткровенность при объявленіи имѣющихся у графа бумагъ должна была оставить сомнѣніе, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ еще сохраняетъ въ тайнѣ. Наконецъ, полученный мною нынѣ доносъ о томъ, что будто у него точно есть скрытыя имъ бумаги, которыя вызываю тся нѣкія лица указать мнѣ,—заставляетъ меня предложить ему вопросъ: не имѣетъ ли онъ дѣйствительно какихъ либо скрытыхъ документовъ, писемъ, паспортовъ и т. п. и гдѣ они находятся? При этомъ, я добавилъ, что лучше все отдать, нежели съ опасностью скрывать и быть такимъ образомъ безпрестанно въ зависимости отъ перваго доносчика. Графъ Потоцкій увѣрялъ меня рѣшительно, что у него нѣтъ никакихъ бумагъ, которыхъ бы мы не осматривали прежде, развѣ только за исключеніемъ одного письма его сестры графини Киселевой, насчетъ дѣла графа Ржевусскаго, которыхъ какъ совершенно постороннихъ онъ не желалъ бы обнаруживать, но что болѣе у него ничего нѣтъ скрытаго. Когда я сказалъ графу, что на возможность нахождения у него скрываемыхъ имъ бумагъ указываетъ поваръ его Сѣдларъ, то графъ отвѣчалъ, что поваръ лжетъ изъ желанія отомстить ему за то, что онъ вчера прибилъ его за грубости, при чемъ просилъ приказать повару, чтобы онъ указалъ, гдѣ и какія спрятаны бумаги. Я позвалъ Сѣдлара. Онъ повелъ насъ всѣхъ въ спальню графа, прямо подошелъ къ постели его, взялъ подушку, снялъ съ нея наволочку и указалъ на оной грубый и замѣтный шовъ, разрѣзавъ который вынулъ изъ середины пуха пачку кредитныхъ билетовъ на сумму въ пять тысячъ рублей серебромъ. При этомъ открытіи, графъ Потоцкій очень смѣшался. На мой вопросъ,—для чего онъ зашилъ въ подушку деньги, тогда какъ ему не запрещалось хранить ихъ въ шкапулкѣ? графъ отвѣчалъ, что будто бы онъ прячетъ такимъ способомъ деньги для того, чтобы прислуга не знала о нихъ. Потоцкій, пересчитавъ при насъ означенныя деньги вмѣстѣ съ камердиниромъ своимъ Лучковымъ, объявилъ, что въ подушкѣ было положено 5500 руб. и 500 руб. недостаетъ, въ чемъ сослался на Лучкова, который будто бы знаетъ, сколько было денегъ. Въ похищеніи недостающихъ денегъ графъ изъявилъ подозрѣніе на повара, но поваръ увѣрялъ, что это подозрѣніе несправедливо, что онъ сейчасъ найдетъ и представитъ бумаги, которыя дороже денегъ и, что если онъ бумагъ не тронуть, то конечно не дотрагивался и до денегъ. Однако въ подушкѣ не нашлось болѣе ничего, и Сѣдларъ, предпола-

гая, что бумаги перепрятаны, сталъ искать, не запиты ли онѣ въ обойкѣ кресель и другой мебели. Я замѣтилъ графу, что показаніе его, будто онъ прячетъ деньги въ подушку для того, чтобы не знали о нихъ дворовые люди, несообразно съ ссылкою на камердинера Лучкова, на котораго онъ сослался для подтвержденія и удостовѣренія о томъ, сколько именно было спрятано денегъ въ подушкѣ. Найдя на столѣ, возлѣ кровати графа—одинъ двуствольный большой и два одноствольныхъ карманныхъ пистоleta, всѣ заряженные пулями и съ надѣтыми капсюлями, я замѣтилъ графу, что заряженное оружіе въ городѣ держать запрещено, и напомнилъ, что я предупреждалъ объ этомъ во время перваго осмотра бумагъ графа, но Потоцкій возразилъ, что будто бы о запрещеніи имѣть заряженное оружіе онъ отъ меня никогда ничего не слышалъ. Между тѣмъ поваръ Ананій Сѣдларъ, подпоролъ чехлы двухъ кресель и не найдя ничего въ нихъ, продолжалъ ощупывать другую мебель, а графъ Потоцкій подсмѣивался надъ тщетными розысками повара. Но когда Ананій вытащилъ изъ за зеркала парикъ съ прическою на крестьянской русской манеръ, съ длинными волосами въ скобку, и въ глаза уличалъ графа, что этотъ парикъ сдѣланъ именно для побѣга, что тогда же куплены еще—тулупъ, сапоги простые, шапка и рукавицы, каковыя принадлежности одѣянія графъ примѣривалъ на себѣ и уже впоследствии подарилъ своему человѣку Лучкову, что въ октябрѣ мѣсяцѣ, на охотѣ, графъ уговаривалъ его, Ананія, уйти съ нимъ тайкомъ, при чемъ Ананій отказался, потому что графъ выправленный изъ казначейства паспортъ на имя Ананія переправилъ для себя, Ананія же общался, въ случаѣ неизмѣнія имъ письменнаго вида, откупить отъ отвѣтственности деньгами—то Потоцкій, заминая разговоръ, спрашивалъ повара: «какой паспортъ? Откуда у тебя былъ паспортъ?» Поваръ напомнилъ графу о паспортѣ, взятомъ изъ казначейства по его приказанію 4-го октября, и сказалъ: «мы, всѣ люди, видѣли, какъ вы его подчищали и переправляли». Графъ назвалъ все это выдумкою, бессмысленною клеветою, потомъ увѣрялъ повара, что паспортъ остался у него, Ананія, и теперь у него быть долженъ, но Ананій рассказалъ, какъ графъ вырвалъ у него паспортъ изъ рукъ. «Мы, говорилъ Ананій, знали, что вы хотите паспортъ поддѣлать по своимъ примѣтамъ, и я долго его пряталъ, пока вы не упросили дать вамъ только взглянуть на него и обманомъ его у меня вырвали». Этотъ споръ длился долго, мы съ подполковникомъ Есиповымъ нарочно оный продолжали, но когда вышедши съ графомъ въ другую комнату я замѣтилъ ему, что кажется неправдоподобнымъ, чтобы онъ, осторожный во всемъ, оставилъ слишкомъ три мѣсяца паспортъ для проживанія во всѣхъ городахъ имперіи въ рукахъ своего крѣпостнаго человѣка, имъ олороченнаго, то графъ отвѣтилъ, что будто паспортъ онъ изорвалъ и сжегъ, какъ ненужный. Тогда

я сказалъ графу, что онъ самъ себѣ противорѣчить,—сейчасъ спорилъ утвердительно, что паспортъ остался цѣль и долженъ быть въ рукахъ повара, и теперь, напротивъ, показываетъ, будто самъ уничтожилъ паспортъ. Графъ на это возразилъ мнѣ, что ему никто не можетъ запретить уѣхать, что онъ знаетъ ничтожность за такой отъѣздъ наказанія; онъ подлежалъ бы только трехдневному аресту за нарушеніе данной подписки, причѣмъ указалъ на ст. 342 улож. о наказ. и прочелъ мнѣ эту статью вслухъ. Я замѣтилъ графу, что ссылка на прочитанную имъ мнѣ статью можетъ только подтвердить, что онъ приготовился къ тайному отъѣзду, но что статью ту онъ примѣняетъ неправильно, потому что онъ остановленъ въ Саратовѣ не по слѣдственному или судейскому дѣлу, но присланъ сюда по высочайшему повелѣнію подъ строжайшій надзоръ мѣстнаго начальства, о чемъ ему съ подпискою объявлено, слѣдовательно за тайный отъѣздъ, какъ за преступленіе противъ высочайшаго распоряженія, онъ подвергнется строгому взысканію. Убѣдившись, что бумаги графомъ перепрятаны, тѣмъ болѣе, что наканунѣ графъ прибилъ своего повара и хотѣлъ выгнать его вонъ изъ дома, а поваръ въ азартѣ, при всей остальной прислугѣ, говорилъ, что онъ будетъ жаловаться, откроетъ все, что знаетъ и открыто при всѣхъ писалъ и переписывалъ поданный мнѣ доносъ, я приказалъ дальнѣйшіе розыски прекратить и на основаніи 1436 ст., XV т. Св. Зак. Уголовн. ¹⁾, повара Ананія, съ согласія графа Потоцкаго, приказалъ отправить для особаго содержанія въ полицію, а взятый парикъ и допросъ, снятый съ повара Ананія саратовскимъ старшимъ полиціимейстеромъ, имѣю честь вашему сіятельству представить, причѣмъ считаю нужнымъ присовокупить, что въ теченіе по вѣрки словъ доносителя, но не обыска, такъ какъ ни ключи отъ графа не были отобраны, ни шкапулки, ни письменнаго стола, ни шкафовъ, ни чемодановъ его не вскрывали, о чемъ я упоминалъ и графу, онъ былъ, въ особенности, когда поваръ сталъ приводить улики въ подтвержденіе своихъ словъ, очень встревоженъ, грозился жаловаться не только вашему сіятельству, но и его императорскому величеству, принималъ видъ обиженнаго и начиналъ быть даже очень дерзкимъ. При отобраніи парика графъ прекословилъ, хотя два парика еще на столѣ у него остались. Въ прилагаемомъ допросѣ Ананія ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что доноситель наводитъ подозрѣніе въ пособничествѣ графу въ тай-

¹⁾ Для заарестованія Ананія Сѣдлара примѣнена ст. 1436 по своду изд. 1842 г., относящаяся къ доносителямъ по преступленіямъ государственнымъ. Незавѣстно почему губернаторъ Кожевниковъ въ покушеніи графа Потоцкаго къ побѣгу усмотрѣлъ покушеніе на государственное преступленіе.

номъ отъѣздѣ за границу на отставного поручика Фадѣева ¹⁾, который дѣйствительно можетъ подлежать подозрѣнію по своимъ наклонностямъ. Все вышеназложенное, имѣя честь вашему сіятельству представить, покорнѣйше прошу предписаніемъ вашимъ разрѣшить меня, какъ угодно

¹⁾ Поручикъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, впоследствии генераль-майоръ, довольно извѣстный военный писатель и публицистъ, нынѣ умершій, по отъѣздѣ отца своего, Андрея Михайловича Фадѣева, бывшего саратовскимъ губернаторомъ съ 1841 по 1846 годъ, на должность члена совѣта намѣстника кавказскаго, въ Тифлисѣ, оставался на жительствѣ въ Саратовѣ. Онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи, но за что именно и съ какого времени, мы объ этомъ не могли добыть никакихъ свѣдѣній ни изъ официальныхъ документовъ, ни изъ разказовъ мѣстныхъ старожиловъ, сообщившихъ намъ только разказы о кое-какихъ эксцентрическихъ выходкахъ Р. А—ча, о чемъ и мы сообщаемъ въ концѣ настоящаго примѣчанія. О Р. А—чѣ упоминается только въ единственномъ архивномъ дѣлѣ, озаглавленномъ такъ: „Дѣло по предписанію графа Орлова о высылкѣ въ С.-Петербургъ отставного поручика Ростислава Фадѣева“. Дѣло это, судя по времени начала переписки, несомнѣнно возбуждено вследствие донесенія губернатора Кожевникова шефу жандармовъ о намѣреніи графа Потоцкаго будто-бы бѣжать за-границу и сущность его заключается въ нижеслѣдующемъ. Шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, официальнымъ письмомъ отъ 11-го марта 1848 г. сообщилъ саратовскому вице-губернатору Ардалиону Михайловичу Андрееву (управлявшему губерніею за нахожденіемъ въ отпуску губернатора Кожевникова), что государь императоръ высочайше повелѣтъ сонзволить: „находящагося въ Саратовѣ подъ надзоромъ полиціи отставного поручика Ростислава Фадѣева арестовать и со всѣми его бумагами доставить въ III отдѣленіе Собственной его императорскаго величества канцеляріи“. Арестъ Фадѣева и опечатаніе его бумагъ поручалось исправляющему должность губернатора прозвести совмѣстно съ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ, находящимся въ Саратовской губерніи подполковникомъ Есиповымъ, а затѣмъ, какъ Фадѣева, такъ и бумаги его передать для доставленія по принадлежности командированному шефомъ жандармовъ штабъ-капитану с.-петербургскаго жандармскаго дивизіона Миллеру.

Въ день полученія письма графа Орлова, 19-го марта, исправляющимъ должность губернатора Андреевымъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Есиповымъ и при саратовскомъ старшемъ полиціймейстерѣ, всѣ бумаги, оказавшіяся у Фадѣева, безъ осмотра ихъ, запечатаны въ пакетъ печатью канцеляріи губернатора и переданы штабъ-капитану Миллеру, принявшему подъ особую квантанцію и арестованнаго Фадѣева. 20-го марта Миллеръ съ Фадѣевымъ выѣхали въ С.-Петербургъ.

Но такъ какъ Фадѣевъ, по спискамъ поднадзорныхъ лицъ, числился въ Саратовѣ, то шефъ жандармовъ 6-го апрѣля 1848 года увѣдомилъ саратовскаго губернатора, что о переводѣ Фадѣева подъ строгій надзоръ полиціи въ Екатеринославъ послѣдовало высочайшее повелѣніе, почему Фадѣевъ и подлежитъ къ исключенію изъ списковъ лицъ, находящихся подъ надзоромъ полиціи въ Саратовѣ. При отправленіи изъ Саратова въ С.-Петербургъ, какъ видно, Р. А. Фадѣевъ очень нуждался въ деньгахъ, потому что въ перепискѣ о немъ имѣются отпуски съ трехъ писемъ саратовскаго губернатора къ отцу

будеть приказать поступить съ доносителемъ Ананіемъ, нужно ли допросить другихъ дворовыхъ людей графа Потоцкаго и сдѣлать въ его квартирѣ формальный обыскъ и вообще разрѣшить, какого рода строгій надзоръ должна имѣть за нимъ полиція».

12-го февраля 1848 года на представленіе губернатора Кожевникова былъ полученъ отъ шефа жандармовъ отвѣтъ о томъ, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: перевести графа Михаила Потоцкаго на жительство въ Воронежъ, подъ на истрожайшій надзоръ, для чего отправить его въ названный городъ, въ сопровожденіи надежнаго жандармскаго офицера; повара же Сддара.

Р. А.—ча, Андрею Михайловичу Фадѣеву объ уплатѣ денегъ 50 рублей, выданныхъ его сыну заимообразно изъ суммъ губернаторской канцеляріи—, на покупку зимняго платья, нужнаго для пути и на издержки въ дорогѣ». Письма эти были посланы 28-го апрѣля 1848 г., 14-го марта 1851 г. и 8-го января 1852 г., но были ли на нихъ какіе-либо отвѣты отъ А. М. Фадѣева, изъ дѣла не видно.

Будучи человѣкомъ достаточно образованнымъ и ума недужиннаго, Р. А. Фадѣевъ, во время проживанія своего въ Саратовѣ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, ударился въ какое-то своеобразное молодечество и позволялъ себѣ различныя выходки, вслѣдствіе которыхъ онъ являлся страннымъ въ глазахъ лицъ, его знавшихъ, а его зналъ почти каждый горожанинъ, какъ губернаторскаго сына. Такъ напримѣръ, обладая довольно незаурядною физическою силою, Фадѣевъ бывало, одѣвшись въ красную кумачевую рубашку и въ поддевку, выходилъ на театральную или на Михайло-Архангельскую площадь, гдѣ въ то время въ Саратовѣ преимущественно стояли ломовые извозчики и вызывалъ кого-нибудь изъ нихъ на единоборство и почти всегда оставался побѣдителемъ, что доставляло Фадѣеву большое удовольствіе. Онъ былъ очень искуснымъ стрѣльцомъ и разъ чрезвычайно напугалъ продавщицу дачи—хохлушку и свою сосѣдку, одну престарѣлую барыню. Эта барыня - старушка, проживавшая въ своемъ домикѣ, напротивъ дома, занимаемаго губернаторомъ, гдѣ жилъ и Р. А. Фадѣевъ, какъ-то, стоя на своемъ крылечкѣ, торговала у хохлушки дикую утку, которую послѣдняя держала въ рукахъ за голову, расхваливая свой товаръ. Въ это время Р. А., прицѣлившись изъ открытаго окна своей комнаты, во второмъ этажѣ, выстрѣломъ изъ винтовки вышибъ изъ руки хохлушки дикую утку, къ великому ужасу и торговки-хохлушки и покупательницы-барыни, не причинивъ ни той, ни другой никакого вреда, кромѣ страшнаго испуга. Эта потѣха конечно сошла съ рукъ искусному стрѣлку совершенно безнаказанно, какъ губернаторскому сыну. Не обращая вниманія на существовавшее тогда строгое запрещеніе курить на улицахъ, Р. А. зачастую развѣзжалъ верхомъ въ черкесскомъ бешметѣ, въ папахѣ и съ сигарою въ зубахъ, изумляя своимъ вольнодумствомъ мирныхъ саратовскихъ горожанъ. Вообще, въ Саратовѣ сложилось мнѣніе, что изъ молодого Фадѣева никогда не выйдетъ ничего путнаго, но это мнѣніе оказалось ошибочнымъ: съ лѣтами и съ перемѣною жизни, измѣнился и Р. А.—наплось поприще и для его дѣятельности.

Прим. авт.

который донесъ о приготовленіяхъ Потоцкаго къ побѣгу за границу, снабдить паспортомъ для работъ по оброку».

15-го февраля графъ Потоцкій былъ отправленъ по назначенію, въ сопровожденіи жандармскаго штабсъ-капитана фонъ-дербъ-Палена.

Въ маѣ 1851 года саратовскій губернаторъ получилъ отношеніе вятскаго губернатора ¹⁾, что переведенный изъ Воронежа въ Вятку графъ Потоцкій неизвѣстно куда отлучился, взявъ съ собою и проживавшаго при немъ сына ²⁾, имѣющаго повидимому около 9-ти лѣтъ отъ роду. А какъ графъ Потоцкій за сдѣланными распоряженіями въ предѣлахъ Вятской губерніи не отысканъ, то вятскій губернаторъ и проситъ сдѣлать розыски Потоцкаго въ Саратовской губерніи и, если Потоцкій будетъ розысканъ, то подъ надлежащимъ присмотромъ доставить его въ Вятку. При этомъ отношеніи было приложено слѣдующее описаніе примѣтъ графа Потоцкаго. «Лѣта около 60. Ростъ высокій, глаза каріе. Волосы на головѣ темнорусые, которые содержитъ небрежно. Борода отрошена довольно длинная, тоже темнорусая, имѣющая какой-то замѣчательный рыжеватый отливъ. Носъ продолговатый, съ небольшимъ горбомъ. Лицо нѣсколько продолговатое, блѣдное, истомленное, выражающее фізіономію угрюмаго. Корпусомъ довольно плотенъ. При разговорѣ на русскомъ языкѣ, графъ весьма заикается и выговариваетъ слова неясно».

По полученіи этого отношенія, саратовскимъ губернаторомъ было предписано городскимъ и земскимъ полиціямъ губерніи о розыскѣ графа Потоцкаго, но розыски оказались безуспѣшными, какъ донесли городническія управленія и земскіе суды. Этою перепискою и было закончено дѣло о графѣ Потоцкомъ, которымъ мы пользовались при составленіи настоящаго очерка.

Если свѣдѣнія, сообщаемыя Колмаковымъ объ отпускѣ изъ Воронежа графа Потоцкаго въ 1855 г. за границу, достовѣрны, то онъ вѣроятно былъ розысканъ послѣ побѣга изъ Вятки и снова водворенъ на жительство въ Воронежъ, гдѣ и застало его прощеніе государя и освобожденіе отъ административнаго надзора. По словамъ Колмакова, графъ Потоцкій умеръ за границею, а вскорѣ умеръ и сынъ его Феликсъ, и все состояніе графа, за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ, перешло къ родственникамъ, въ боковыя линіи.

Въ заключеніе нашего очерка сообщимъ кое-что о частной жизни графа Потоцкаго въ Саратовѣ, по разсказамъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ

¹⁾ Отношеніе вятскаго губернатора отъ 17-го мая, № 7973.

²⁾ Сынъ графа Потоцкаго, Феликсъ вѣроятно былъ вытребованъ къ себѣ отцомъ уже во время проживанія его въ Воронежѣ или въ Вяткѣ.

старожиловъ. Не было никакого сомнѣнія, что Потоцкій не ограничивался опредѣленными ему на содержаніе 150 рублями въ мѣсяцъ, а проживалъ гораздо болѣе этой суммы, потому что онъ занималъ большія квартиры, держалъ трехъ поваровъ и человекъ шесть лакеевъ изъ своихъ дворовыхъ людей, вытребованныхъ имъ въ Саратовъ. Потоцкій выѣзжалъ не иначе, какъ въ каретѣ или въ коляскѣ четвернею-цугомъ; экипажи у него были собственные, а лошади—извозчичьи, за пользованіе которыми онъ платилъ хозяину-извозчику 100 руб. въ мѣсяцъ,—сумма по тому времени весьма значительная. За обрядъ присоединенія къ православію Потоцкій заплатилъ соборному протоіерею Вязовскому 200 р., а протоіакону Траецкому—100 р. Представители тогдашняго саратовскаго общества изъ числа крупныхъ чиновниковъ и богатыхъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ городѣ, быть можетъ, считали графа Потоцкаго скупымъ потому собственно, что онъ жилъ очень замкнуто, не задавалъ обычныхъ пировъ, картежныхъ вечеровъ и уклонялся отъ всякихъ знакомствъ, хотя своею личностію интересовалъ очень многихъ, въ особенности дамъ, будучи, несмотря на свой уже зрѣлый возрастъ, красивымъ и элегантнымъ мужчиною. Замкнутость жизни графа Потоцкаго легко объяснялась тѣмъ, что въ Саратовѣ онъ проживалъ по неволѣ, и какъ человекъ съ западно-европейскимъ образованіемъ, съ великосвѣтскими привычками, гордый своимъ знатнымъ происхожденіемъ и родственными связями съ лицами высшаго петербургскаго круга,—рѣшительно не имѣлъ ничего общаго ни въ интересахъ, ни въ понятіяхъ съ мѣстными малообразованными и малоразвитыми чиновниками и помѣщиками. Проживавшій въ Саратовѣ, въ административной ссылкѣ, католическій прелатъ графъ Щитъ, воспитанникъ римскихъ іезуитовъ, человекъ очень умный и многосторонне образованный, и Ростиславъ Андреевичъ Фаддѣевъ были единственными личностями въ городѣ, съ которыми болѣе или менѣе близко сошелся Потоцкій. Съ богатыми помѣщиками и съ чиновниками, относившимися очень почтительно къ графу Потоцкому въ виду его петербургскихъ родственныхъ связей, онъ поддерживалъ знакомство, обмѣниваясь только официальными визитами. Между саратовскимъ губернаторомъ Кожевниковымъ и графомъ Потоцкимъ на первыхъ же порахъ образовались натянутыя отношенія.

Вѣроятно сожалѣя о разлукѣ съ малолѣтнимъ сыномъ и желая имѣть около себя живое напоминаніе о немъ, графъ Потоцкій, случайно встрѣтивъ гдѣ-то въ городѣ какую-то мѣщанскую дѣвочку, лѣтъ пяти или шести, лицомъ похожую на его Феликса, взялъ ее къ себѣ въ пріемыши, общаясь вполнѣ обезпечить ея будущность, чему конечно обрадовались бѣдняки-родители дѣвочки. Потоцкій окружилъ эту дѣвочку всевозможными удобствами, сталъ называть ее мужскимъ именемъ—Га-

бріель и одѣвать въ костюмъ мальчика. Около года времени Габріэль въ холѣ и въ нѣгѣ прожила у своего пріемнаго отца, но въ 1847 году умерла отъ холеры, свирѣпствовавшей въ Саратовѣ, несмотря на всѣ принятыя медицинскія средства. Графъ Потоцкій сильно горевалъ о потерѣ дѣвочки и на могилѣ ея поставилъ очень хорошій памятникъ, причеиъ гробикъ съ останками умершей не былъ зарытъ въ землю, а поставленъ въ устроенный въ памятникѣ родъ печки, съ заслонкою, которую графъ заперъ висячимъ замкомъ, взявъ къ себѣ ключъ. Въ первые дни послѣ погребенія пріемыша, Потоцкій раза по два, по три въ день пріѣзжалъ на кладбище, отпиралъ заслонку, вынималъ гробикъ и со слезами на глазахъ смотрѣлъ на трупъ «Габріэля». Но такъ какъ трупъ началъ разлагаться, то по распоряженію кладбищенскаго духовенства и полиціи велѣно было зарытъ гробикъ въ землю, а подобіе печи, устроенной въ памятникѣ, на-глухо заложить кирпичами,—впрочемъ, заслонка осталась на своемъ мѣстѣ и по-прежнему была заперта замкомъ. Нынѣ этотъ памятникъ полуразрушенъ временемъ, надпись на немъ стерлась и заслонка отломава.

Графъ Потоцкій былъ чрезвычайно мнителенъ въ отношеніи своего здоровья, и въ періодъ холерной эпидеміи въ Саратовѣ принималъ пищи менѣе обыкновеннаго, изъ боязни разстроить желудокъ, и на строгой діетѣ держалъ и своего пріемыша, оберегая его здоровье. По поводу этого въ городѣ ходила молва, конечно, со словъ прислуги Потоцкаго, что будто-бы онъ ежедневно взвѣшиваетъ себя и Габріэля, вѣроятно наблюдая, чтобы вѣсъ его и пріемыша не превышалъ опредѣленной, по его мнѣнію, нормы. Это взвѣшиваніе приписывалось скупости графа, лишающаго достаточной пищи не только самого себя, но и Габріэля.

Прошло болѣе сорока лѣтъ съ того времени, какъ проживалъ въ Саратовѣ графъ Потоцкій, но память о немъ сохранилась въ мѣстномъ обществѣ, благодаря субсидіямъ, назначеннымъ имъ институту благородныхъ дѣвицъ и Маріинскому дѣтскому пріюту. Эти субсидіи и до сего времени выплачиваются аккуратно наследниками Потоцкаго.

В. И. Дурасовъ.

Объ обезпеченіи жителей продовольствіемъ.

Рескриптъ императора Павла I тайн. сов. Селецкому.

23-го мая 1798 г. Изъ деревни Аказиной.

Господинъ тайный совѣтникъ и Новороссійскій губернаторъ Селецкій. На рапортъ вашъ отъ 2-го мая, коимъ доносите, что причиною открывшейся между жителей Тираспольскаго и Ольвиопольскаго уѣздовъ цынготной болѣзни, признаете вы бывшій чрезъ прошедшую зиму недостатокъ въ потребной пицѣ, я нахожу нужнымъ сдѣлать вамъ примѣчаніе, что если бѣ селеніи нужными припасами были заблаговременно снабдѣны изъ магазейновъ,—то совершающіяся нынѣ вредоносныя слѣдствія были бы тѣмъ предупреждены, а потому я оныя ни къ чему иному и не приписываю какъ къ упущенію съ вашей стороны сдѣланному.

По поводу статьи В. А. Шомпулева: «Во время реформъ Императора Александра II»¹⁾).

Находясь временно съ больною дочерью въ Мюнхенѣ, и только на дняхъ случайно прочелъ статью г. Шомпулева, въ которой онъ касается моей дѣятельности, по должности начальника Саратовской губерніи. Позволяю себѣ сказать здѣсь, что служебная моя дѣятельность, тотчасъ по увольненіи меня, согласно прошенію, отъ службы въ концѣ 1862 г. оцѣнена въ двухъ адресахъ ко мнѣ отъ саратовскаго дворянства, подписанныхъ, во главѣ съ тогдашнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Владиміромъ Алексѣвичемъ Щербатовымъ, г.г. членами губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣздными предводителями дворянства, мировыми посредниками и весьма многими дворянами-помѣщиками всѣхъ уѣздовъ Саратовской губерніи.

Я явился въ Саратовъ съ весьма неудобной для начальника губерніи репутаціей безусловнаго, пристрастнаго защитника, во что бы ни стало, одного крестьянскаго сословія, въ ущербъ дворянамъ-помѣщикамъ. Тогдашній добросовѣстный, во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный и въ высшей степени порядочный губернскій предводитель дворянства, неутомимый труженникъ князь Владиміръ Алексѣвичъ Щербатовъ, какъ я узналъ, нарочно уѣхалъ изъ Саратова, чтобы не встрѣчаться со мною при вступленіи моемъ въ должность. По возвращеніи князя Щербатова въ Саратовъ, я отправился къ нему, не ожидая его посѣщенія, чтобы съ нимъ познакомиться и представиться его супругѣ, милой и умной Маріи Аванасьевнѣ, рожденной Столыпиной. Во время моей службы въ Саратовѣ и впослѣдствіи, живя съ 1870 по 1889 г. въ Москвѣ, я пользовался ихъ расположеніемъ, а когда въ газетахъ появилась полемика,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1898 г. № 10 стр. 69—91.

по поводу тяжбы крестьянъ съ княземъ Щербатовымъ, ¹⁾ о которой упоминаетъ г. Шомпулевъ, я счелъ нравственно своею обязанностію печатно заявить основанное на положительныхъ данныхъ, извѣстныхъ мнѣ какъ бывшему Саратовскому губернатору, убѣжденіе, что князь Вл. Ал. Щербатовъ столь же безупречно дѣйствовалъ по устройству быта своихъ крестьянъ, какъ и по исполненію весьма трудныхъ и сложныхъ въ то время обязанностей губернскаго предводителя. Основанное на слухахъ нерасположеніе ко мнѣ саратовскаго дворянства усилилось еще тѣмъ, что я вынужденъ былъ подвергнуть уголовному слѣдствію и удаленію изъ имѣній князя Кочубея его управляющаго Витвицкаго, который, по постановленію слѣдователей, подвергнуть былъ тюремному заключенію; затѣмъ, надъ однимъ изъ саратовскихъ молодыхъ помѣщиковъ, изблеченныхъ слѣдствіемъ въ злоупотребленіи помѣщичьей власти, Запольскимъ, я удержалъ наложенную прежде опеку, несмотря на снятіе ея министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, III отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и вопреки благоприятнаго для обвиняемаго рѣшенія Сената. Разумѣется, сдѣлано было это мною не самовольно, а съ разрѣшенія тѣхъ же правительственныхъ учреждений и на законномъ основаніи. По поводу дѣла Запольскаго посѣтилъ меня самый вліятельный въ то время въ дворянской средѣ, тесть губернскаго предводителя князя Щербатова, Аванасій Алексѣевичъ Столыпинъ. Когда на угрозы его, что борьба съ дворянствомъ можетъ погубить меня въ служебномъ отношеніи, я отвѣчалъ, что честной борьбы, основанной съ моей стороны на законѣ и долгѣ, я не боюсь, то онъ понялъ, что я ни на какія сдѣлки не пойду, и самъ отступился отъ защиты Запольскаго. Даже тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, извѣщая о высочайшемъ назначеніи меня саратовскимъ губернаторомъ, выразилъ мнѣ о трудности предстоящей мнѣ дѣятельности и желалъ мнѣ успѣха на трудной, какъ онъ выразился, саратовской почвѣ. Какъ бы то ни было, но изъ труднаго моего положенія я вышелъ очень просто, служа дѣлу, а не исключительно какому-либо сословію. Какъ въ отношеніи помѣщиковъ, такъ и по отношенію къ устройству быта крестьянъ, я строго примѣнялъ положеніе 19-го февраля, несмотря на нападки въ то время людей сильныхъ каковыми были: князь Орловъ, Мих. Н. Муравьевъ и неожиданно появившій въ министры внутреннихъ дѣлъ Валуевъ.

Новый законъ, положившій конецъ рабству, по волѣ Царя-Освободителя, и установившій начала поземельныхъ отношеній двухъ сословій, конечно, не чуждъ былъ нѣкоторыхъ недостатковъ; отъ него нельзя

¹⁾ Веденіе дѣла со стороны крестьянъ принялъ на себя одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей адвокатуры въ Россіи, Владиміръ Николаевичъ Герардъ.

было ожидать немедленного и окончательного разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, обуславливаемыхъ крайнимъ разнообразіемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и поземельныхъ отношеній на всемъ огромномъ пространствѣ нашего отечества. Благодѣтельный и человѣколюбивый законъ этотъ заключалъ, однако же, въ себѣ твердыя начала для дальнѣйшаго развитія и успѣха дѣла. Положеніе 19-го февраля пережило всѣхъ порицателей и противниковъ и положило начало новой жизни, новому общественному и государственному развитію Россіи.

Обращаясь затѣмъ къ моей посильной въ Саратовской губерніи дѣятельности, могу съ полною увѣренностію сказать, что послѣ нѣсколькихъ засѣданій въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи и бесѣдѣ моихъ съ почтеннымъ и справедливымъ княземъ Вл. Ал. Щербатовымъ, онъ и члены присутствія, въ томъ числѣ и А. А. Столыпинъ, убѣдились въ томъ, что въ сущности я чуждъ пристрастія къ одной изъ сторонъ, основывая дѣятельность мою на строгой законности, а въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ Положеніемъ 19-го февраля,—на практическихъ требованіяхъ жизни и въ частности сельскаго быта, сложившагося въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Этого оказалось недостаточно. Дворянамъ, какъ призваннымъ къ дѣятельности по осуществленію Положенія, такъ и всѣмъ прочимъ, естественно желательно было ближе познакомиться со взглядами вновь назначеннаго губернатора. Съ этою цѣлью рѣшено было пригласить въ Саратовъ всѣхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу, а особенно мировыхъ посредниковъ, назначенныхъ предмѣстникомъ моимъ въ числѣ 44 лицъ. Я съ искреннимъ удовольствіемъ согласился присутствовать на этомъ сѣздѣ и изъявилъ готовность отвѣчать на всѣ вопросы, которые будутъ мнѣ предложены по этому жизненному, общественному и государственному дѣлу. Успѣшно-ли я выдержалъ это испытаніе, которому я весьма охотно подвергнулся—не мнѣ судить; но съ тѣхъ поръ я имѣлъ возможность спокойно заняться этимъ живымъ дѣломъ. Мнѣ пришлось три раза объѣхать Саратовскую губернію и по указанію предводителей дворянства и мировыхъ посредниковъ побывать во всѣхъ тѣхъ волостяхъ и сельскихъ обществахъ, гдѣ бытность моя признана была необходимою. Объ этомъ упоминаетъ и г. Шомпуплевъ въ статьѣ своей, говоря, что мнѣ приходилось отправляться въ имѣнія помѣщиковъ для увѣщанія крестьянъ, не соглашавшихся довольствоваться опредѣленнымъ надѣломъ и заявлявшихъ притязанія или на всю помѣщичью землю, или объявлявшихъ намѣреніе переселиться на Амуръ и въ другія, имъ самимъ невѣдомыя страны. Поѣздки мои въ волости, въ сельскія общества и въ имѣнія, изъ которыхъ нѣкоторые требовали особыхъ мѣръ, я совершалъ не одинъ: всюду, по моей просьбѣ, сопровождалъ меня членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Владиміръ

Никаноровичъ Топорнинъ. Во время этихъ поѣздокъ онъ принесъ огромную пользу спокойнымъ, безпристрастнымъ разъясненіемъ встрѣчавшихся затрудненій, миротворнымъ вліяніемъ на помѣщиковъ и на крестьянъ, основательнымъ знакомствомъ своимъ съ бытовыми условіями сельской жизни, наконецъ, умѣніемъ вразумлять народъ. Во всемъ этомъ дѣятельно помогали намъ работавшіе вмѣстѣ съ нами мѣстные уѣздные предводители и мировые посредники, постоянно участвовавшіе въ нашихъ поѣздкахъ. Дѣйствія наши, естественно, не вездѣ имѣли успѣхъ и намъ предъявляли крестьяне нелѣпныя требованія; но вездѣ приходилось считаться не съ бунтомъ, не съ дерзостію крестьянъ, а съ крайнею косностію, неразвитостію, недовѣріемъ къ начальству, особенно мѣстнымъ полицейскимъ властямъ. Къ нѣкоторой строгости, признанной единогласно крайне необходимой всѣми моими спутниками, пришлось прибѣгнуть въ одномъ только случаѣ, но могу увѣрить, что ничего подобнаго тѣмъ жестокостямъ, о которыхъ сообщается въ статьѣ г. Шомпулева, говоря о Чирчинѣ и Ключахъ, ни мною, ни моими спутниками не было допущено. Ни одна крестьянская борода отъ моихъ рукъ не пострадала; тѣлесное наказаніе, рукопашная и кулачная расправы возбуждали всегда во мнѣ омерзеніе. Разсказъ г. Шомпулева о томъ, что я вцѣпился въ бороду огромнѣйшаго мужика и повисъ на ней, очень юмористиченъ, но лишень всякаго основанія. Это подтверждаютъ, конечно, какъ неразлучный мой спутникъ, во время поѣздокъ моихъ по Саратовской губерніи Вл. Ник. Топорнинъ, такъ и всѣ прочіе участники въ моихъ посѣщеніяхъ волостей, сельскихъ обществъ и имѣній, если, спустя тридцать семь лѣтъ кто-либо еще, по милости Божіей, остался въ живыхъ. Юмористическій обо мнѣ разсказъ дошелъ до г. Шомпулева, конечно, по слухамъ, сочиненъ, вѣроятно, досужимъ человѣкомъ, едва ли близко меня знавшимъ, а всего вѣроятнѣе, вовсе меня не знавшимъ; въ этомъ разсказѣ справедливо только то, что я малъ ростомъ, но это не препятствовало мнѣ посильно и честно работать, стараясь исполнить возложенныя на меня служебныя и общественныя обязанности. Мнѣ остается въ заключеніе поблагодарить г. Шомпулева за удовольствіе, которое я испыталъ при чтеніи его живого разсказа о дѣлахъ давно минувшихъ, въ которыхъ я принималъ посильное участіе, пока не встрѣтилъ непреодолимыхъ нравственныхъ препятствій къ продолженію моей дѣятельности. Эти препятствія и заставили меня на 41-мъ году моей жизни просить объ увольненіи отъ службы.

Е. И. Барановскій.

Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу¹⁾.
(1806—1826).

60.

3-го августа 1824 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Жуковскій прѣхалъ, а со мною не видался. Я думаю, что вамъ лучше совсѣмъ не писать къ государю и не требовать отставки до зимы. Думаю такъ, не уступая никому въ искренней къ вамъ любви и въ уваженіи ко всѣмъ обязанностямъ чести. Проситесь въ отпускъ на 28 дней—и довольно. Вотъ лучшее по моему удостовѣренію; вотъ чего желаю и о чемъ даже прошу васъ. Зимю же увидите. И тогда не поздно будетъ идти въ отставку. Обнимаю васъ нѣжно. Вашъ Н. Карамзинъ. Ко мнѣ пришла было лихорадка.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 183.

61.

10-го сентября [1824 г. Царское Село].

Отъ сердца и души благодаримъ васъ, любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ. Вы умѣете любить и человѣчество, и друзей. Съ

¹⁾ См. «Русскую Старину» мартъ, 1899 г.

петербургскому ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣщеній. Я не очень здоровъ. Обнимаемъ васъ очень, очень нѣжно. Вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 188.

62.

20-го сентября 1824 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Сердечно благодарю за дружеское московское письмо. Мы какъ будто еще смотримъ другъ на друга, хотя и разстались. Мнѣ извѣстно все вокругъ васъ; вамъ извѣстно все вокругъ насъ. Понимаю ваше удовольствіе быть въ моей старой, доброй Москвѣ. Люблю ее, какъ душу, хотя и не смѣю сказать, чтобы я желалъ теперь возвратиться въ ея бѣлокаменные стѣны: лѣтъ пятидесяти восьми годовъ, а еще болѣе сыновья подроставшіе привязываютъ меня къ игрушкѣ Петра Великаго. Впрочемъ, знаете философію моего сердца: да будетъ воля Божія! Къ тому же кладбища московскія нравятся мнѣ болѣе петербургскихъ. Sat! Мнѣ странно, когда вы говорите о какой-то благодарности: можете благодарить развѣ только за доброе намѣреніе, а за любовь не благодарятъ. Это чувство независимое и между нами, какъ надѣюсь, взаимное. Если за него кланяться, то мы, подобно двумъ мандаринамъ, не кончимъ своихъ взаимныхъ поклоновъ. Поцѣлуйте за меня ручку у своей матушки, которая всегда была ко мнѣ милостива. Прошу Бога объ ея здоровьѣ. А теперь начну бранить васъ нешадно: какъ можно было взвести на меня небылицу? Сказать Ивану Ивановичу ¹⁾, будто бы вы, уже мѣсяца за три передъ симъ, отдали мнѣ «Маржерета» ²⁾ для пересылки къ нему. Не я ваше, а вы мое обыкновенно пересылали въ Москву. Вашъ «Маржеретъ» изъ моихъ рукъ былъ въ рукахъ у Лаваль ³⁾ и къ вамъ возвратился. Болѣе ничего не знаю и прошу примирить двухъ старыхъ друзей искреннею повинною въ шалости нашего воображенія. Мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы. Катенька ⁴⁾ страдала зубами, а я отъ времени до времени ими же страдаю, напимѣрь, теперь, но это не мѣшаетъ мнѣ къ вамъ писать.

Сейчасъ получены какія-то сласти: вѣрно отъ васъ, сладкаго люблю къ намъ. И за то спасибо. Не забудьте же возвратиться въ Петербургъ и при томъ—во-время. Обнимаю васъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г., ст. 656—657.

¹⁾ Дмитріеву

*) Jacques Margeret, французскій авантюристъ, авторъ любопытной книги о состояніи Россіи въ началѣ XVII вѣка: „Etat de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie“. Paris. 1607.

*) Графъ Иванъ Степановичъ Лаваль (ум. въ 1846 г.), камергеръ и членъ главнаго правленія училищъ, благодаря своему богатству, жилъ открыто, имѣлъ обширное знакомство и считалъ долгомъ интересоваться наукой и литературой, что однако не мѣшало ему быть союзникомъ Магницкаго и Рунича.

*) Екатерина Николаевна Карамзина (род. въ 1805 г., ум. въ 1867 г.), бывшая замужемъ за княземъ Петромъ Ивановичемъ Мещерскимъ.

63.

[Первая половина ноября 1824 г. Царское Село].

Здравствуйте, любезнѣйшій другъ! Писанное живетъ, только замѣчу: 1) литовскій статутъ писанъ просто русскимъ XIV вѣка языкомъ, котораго нельзя назвать дипломатическимъ въ отношеніи къ юго-западной Россіи; 2) уже съ XIV вѣка, съ избранія литовца Ягайла въ короли, языкъ польскій началъ входить въ употребленіе между литовскимъ дворянствомъ; 3) уже въ XV вѣкѣ Польша и Литва имѣли однихъ государей; 4) Литва не была присоединена къ Польшѣ, но соединилась съ Польшею. Обнимаю васъ. Думаемъ переѣхать къ вамъ во вторникъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитяинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 187, безъ даты.

64.

23-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій другъ! Обнимаю васъ съ глубокимъ чувствомъ скорби. Почтенная Катерина Семеновна скончалась такъ, какъ я умереть желаю. Сію минуту читали мы ваши милыя строки и благодаримъ за нихъ сердечно. Живемъ здѣсь уже шесть дней въ душевномъ безпокойствѣ о здоровьѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Ей лучше, однако жъ жду еще лучшаго, чтобы совершенно успокоиться. Я къ ней привязанъ искренно, какъ вы знаете. Здѣсь все печально. Вчера служили панихиду по утонувшихъ ¹⁾; былъ самъ государь въ Казанскомъ соборѣ. Объ Ѳ. П. Уваровѣ всѣ жалѣютъ ²⁾. Еще не могу заняться обыкновеннымъ своимъ дѣломъ и чувствую пустоту въ головѣ. Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитяинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 188—189, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Тургенева: „Я получилъ это письмо въ Москвѣ, по кончинѣ моей матери“.

1) Во время наводненія 7-го ноября.

2) Федоръ Петровичъ Уваровъ (род. въ 1769 г., ум. 20-го ноября 1824 г.), генералъ-адъютантъ, командиръ гвардейскаго корпуса и членъ Государственнаго совѣта, пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Александра.

65.

8-го декабря 1824 г. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій другъ! Императрица все еще сильно кашляетъ, и государь очень беспокоится, и мы съ нимъ: большая достойна всей нашей и вашей любви. Медики спокойнѣе.

Сердечно благодаримъ васъ, любезнѣйшій, за взглядъ на черную колонну 1). Давно, но еще живо въ сердцѣ. Наши ждутъ насъ за гробомъ.

Завтра погребаюгъ умнаго, добраго Михаила Ивановича Полетику 2). 5-го декабря, за обѣдомъ, всталъ и скончался. Такихъ людей не много въ Россіи. Жалѣю объ немъ вдвое: онъ былъ искренній мой благопріятель.

Обнимаю васъ нѣжно. Обнимите за меня и любезнаго Сергѣя Ивановича. Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

1) Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 190.

2) Я посѣтилъ въ Москвѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ, памятникъ младенца Наталіи, дочери Карамзина. А. Т.

3) Бывшій секретарь императрицы Маріи.

66.

11-го января 1825 г. С.-Петербургъ.

Любезный другъ! Хотя и за горестное извѣстіе 1), но изъявляемъ вамъ сердечную признательность. Мыслию и чувствомъ были мы съ вами, когда вы плакали съ несчастными родителями. Видя ихъ скорбь, вы живѣе чувствовали къ нимъ дружбу, а мы также чувствовали ее къ вамъ живѣе, читая ваши трогательныя, отъ сердца писанныя строки. Блаженъ, кто умѣетъ дѣлить печаль! Вы не остались въ долгу у князя, которому далъ Богъ не только умъ, но и умѣнье любить. Милый Николинъка теперь счастливѣе насъ. Не требуемъ, а ждемъ, что вы еще скажете намъ вѣскольکو словъ объ отцѣ и матери: по крайней мѣрѣ, здоровы ли они?

Не дозволяемъ себѣ желать теперь, чтобъ вы скорѣе къ намъ

пріѣхали, какъ ни желаемъ видѣть: потому что вашего мѣста никто не занимаетъ ни въ нашей скромной гостиной, ни въ нашемъ сердцѣ. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., № 23 и 23, стр. 189.

¹⁾ Я увѣдомилъ Карамзина о кончинѣ малолѣтняго сына П. А. Вяземскаго въ Москвѣ, гдѣ я тогда находился въ отпуску. А. Т.

67.

6-го сентября 1825 г. Царское Село ¹⁾.

Любезнѣйшій другъ! Сердечно благодаримъ васъ за три истинно дружескія письма, скоро одно за другимъ полученныя изъ Берлина, Дрездена и Карлсбада. Вы объ насъ думаете, а мы объ васъ, съ живѣйшимъ участіемъ, радуясь всѣмъ пріятностямъ вашего путешествія, которое должно освѣжить васъ для будущей, постоянной будничней жизни въ отечествѣ: вотъ польза, душа пріятностей! Все чужое есть для насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не забывай! Вы еще въ долгу у Россіи. То-есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи и даю срокъ не весьма дальній: годъ, полтора—не болѣе, или надобно идти въ отставку, чего крайне ни для государства, ни для васъ не желаю. «Въ дому отца моего многи обитатели суть»: ни тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется для васъ дѣятельность полезная. Чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя. Для насъ, русскихъ съ душою, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка: есть только двуножное животное съ брюхомъ и съ знакомъ пола, въ навозѣ, хотя и цвѣтами убранномъ. Такъ мы съ вами давно разсуждали: значить, что я не перемѣнилъ своихъ понятій въ ваше отсутствіе. Съ ними, вѣроятно, и закрою глаза, для здѣшняго свѣта *roug voir plus clair*.

Грустно намъ знать, что здоровье любезнаго Николая Ивановича все еще не окрѣпло; вмѣстѣ съ вами утѣшаемся надеждою на дальнѣйшее хорошее дѣйствіе карлсбадскихъ водъ. Я также все хилѣю; не знаю, прибавить ли: еще. Мы на сихъ дняхъ не безъ горести расстались съ императрицею Елизаветою Алексѣевной, которую медики отправили въ Таганрогъ. Мысль: увидимся ли?—естественно представилась ей и намъ, или мнѣ: въ восемь мѣсяцевъ много воды утечетъ! Блудовъ уже въ Петербургѣ, но мы еще не видались. Онъ не хвалится здоровьемемъ, ни блаженствомъ, какъ Таппе ²⁾; князь Петръ Андреевичъ

былъ у него. Желаетъ остаться въ глубокомъ уединеніи Царскаго Села до ноября, съ исторіею и съ романами. Послѣдніе мнѣ не измѣняютъ³⁾, а первая и такъ и сякъ: въ три съ половиною мѣсяца едва написалъ я тридцать страницъ.

Обнимаю васъ нѣжно. Свидѣтельствую душевное почтеніе Николаю Ивановичу и Сергѣю Ивановичу. Будьте вы здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Екатерины Николаевны Карамзиной.

Chaque jour vous éloigne de nous, notre bien cher monsieur Tourguéneff, mais nous vous suivons des yeux de notre imagination: ce sont ces mêmes yeux, qui croient vous voir devenu admirateur de la belle Nature, gravissant les monts et parcourant les plaines, nouvel amateur des beaux arts contemplant leurs chefs-d'oeuvres et visitant les artistes; quant aux yeux de notre coeur, ils sont plus sûrs de ne pas nous tromper lorsqu'ils nous représentent notre cher monsieur Tourguéneff pensant à nous et nous conservant sa bonne amitié que nous méritons bien par celle que nous lui avons voués. Catherine Karamzin.

Приписка Софьи Николаевны Карамзиной.

Si vous pensez à nous au milieu des distractions qui vous étourdissent, combien plus votre souvenir est présent aux coeurs d'amis qui, chaque jour, éprouvent, au sein de leur famille, le vide de votre absence! Au moins il leur est doux de voir que, malgré vos calomnies contre vous-même, vous trouvez encore dans le monde des jouissances, que votre imagination est encore active et souriante parfois. Continuez à goûter ces plaisirs, tout en y mêlant quelquefois un peu de peine à l'idée de ceux qui sont si loin de vous et en même temps si près par le coeur. Adieu, notre bien cher ami! Sophie Karamzin.

Приписка Екатерины Андреевны Карамзиной.

Je veux que la première lettre, partie de chez les Karamzin, vous apporte au moins quelques lignes de celle qui parmi eux vous est si parfaitement attachée, mon cher monsieur Tourguéneff, et quoique vos trois lettres, que nous avons lues avec tant d'intérêt, ne contiennent rien d'individuel, vous entendant parler de vous, de ce que vous faites, on oublie ce défaut de sentiment, car pour ma part j'aimerais assez à trou-

ver dans une épître amicale quelque chose qui m'appartienne en propre, qui ne soit que pour moi et non pour la masse. Je vous dirai, que nous pensons tous les jours à vous, que nous parlons de vous, que tous les jours nous vous regrettons et que rien ni personne ne peut remplacer le vide, que vous avez laissé parmi nous; je dis personne et rien, parceque quand même vous n'étiez pas auprès de nous, vos lettres, billets, paquets, adresses, tout annonçait encore votre présence peu éloignée et donnait du mouvement et de la vie autour de nous. Que je vous écrive ou non, que je fasse la paresseuse, vous devez toujours croire ou plutôt être intimement persuadé que vous avez dans les contrées boréales une amie qui vous est attachée de coeur et d'âme et que ce n'est pas une façon de parler, mais une façon de sentir, qu'elle vous exprime. Mille choses aimables à votre frère Serge et mille autre à votre frère Nicolas, si toute fois il se rappelle de moi? J'espère, que cette question ne vous sera jamais faite.

Приписка Александра Николаевича Карамзина.

Cher monsieur Tourguéneff! Je suis très reconnaissant de l'amitié que vous avez pour moi et de la bonté avec laquelle vous me traitez; je vous prie de me dire, si vous vous portez bien. Continuez s'il vous plait d'avoir des bontés pour moi, et je tacherai d'en être digne en vous aimant autant que vous le méritez, cher monsieur Tourguéneff. Votre très dévoué Alexandre K.

Приписка Андрея Николаевича Карамзина.

Cher monsieur Tourguéneff, je vous remercie beaucoup de la bonté que vous avez-de vous ressouvenir de moi dans vos lettres. Je pense souvent à vous, et je prie tous les jours le bon Dieu pour vous; je me rappelle avec beaucoup de reconnaissance de l'amour que vous me portez. Croyez en mes tendres sentiments pour vous et soyez sûr de trouver toujours en moi votre tout dévoué André K.

Приписка князя П. А. Вяземскаго.

8-го сентября.

И я припишу нѣсколько строкъ въ эту фамиліную грамоту. Я уже здѣсь, или еще здѣсь, но 13-го утромъ думаю пуститься въ Москву къ своей именинницѣ. Я своимъ ревельскимъ пребываніемъ былъ очень доволенъ и не прочь поселиться въ Ревель года на два, даже и вступить тамъ въ службу. Тамъ жить дешево, здорово; тамъ не деревня, но

и не столица, не Франція, но и не Россія. Общество образованное, служба благородная; есть свой бытъ, есть море, есть солнце, которое что-то освѣщаетъ. Возвратившись сюда, ступай въ ревельскіе губернаторы.

Когда будешь въ Парижѣ, отыщи и большого князя Василя Гагарина ⁴⁾ и въ случаѣ нужды пособи ему; а мы здѣсь настояимъ, чтобы Кологривовъ ⁵⁾ тотчасъ заплатилъ тебѣ. Дашковъ ⁶⁾—превосходительный съ старшинствомъ, Жуковский—въ 3-мъ Владимірѣ съ ребячествомъ. О себѣ сказать нечего, кромѣ того, что на дняхъ, вальсируя у Татищевой ⁷⁾, я потерялъ съ ноги башмакъ. Вотъ пѣсня тебѣ, моему Гримму ⁸⁾, на этотъ случай:

Разскажу я вамъ бль-сказку,
Какъ съ покорнаго слуги
Въ достопамятную пляску
Башмачекъ слетѣлъ съ ноги;
Какъ подъ арію Россини
Вальсируя наповалъ,
Вашъ заѣзжій принцъ Давдини
Въ Ченерентолы ⁹⁾ попалъ.

* * *

Зло смѣтется понемножку,
Говоря: „Ахъ, бѣдный князь!
Не подъ-стать на босу ножку
Онъ лицомъ ударилъ въ грязь“.
Нѣтъ, узнайте же загадку:
Красотѣ въ сердечный знакъ
Бросить не посмѣвъ перчатку,
Онъ швырнулъ въ нее башмакъ.

Жаль, что ты не читалъ моихъ писемъ изъ Ревеля: многія были въ твоемъ духѣ, особливо же когда, какъ приморскій житель, говорилъ я о суднѣ. Судно было моимъ пиеническимъ треножникомъ, и нѣсколько диопрамбовъ съ него слетѣло.

Обнимаю тебя. Не забывай, что я въ Москвѣ; напиши когда-нибудь и присылай книгъ, когда можно. Мой сердечный поклонъ братьямъ. Если вышелъ уже 2-й томъ о Вугон, раг m-lle Louise Belloc ¹⁰⁾, пришли мнѣ его сейчасъ и познакомься съ ней, да попроси ее указать на лучшіе источники, въ коихъ можно почерпнуть свѣдѣнія о его жизни. Свѣчиной мое сердечное почтеніе.

Напечатано въ „Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ“ на 1847 г., стр. 391—392, и въ „Москвитяинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 183—184.

¹⁾ Это письмо отъ Карамзина писано въ Парижѣ. А. Т.

²⁾ Таппе—авторъ „Русской грамматики для нѣмцевъ“. А. Т.—Дитрихъ-Августъ-Вильгельмъ Таппе (род. въ 1778 г., ум. въ 1830 г.), докторъ богословія и философін Гёттингенскаго университета, съ 1805 г. по 1819 г. находился

въ Россіи и былъ авторомъ не только грамматики, но и хрестоматіи, а также издалъ „Сокращеніе Россійской исторіи Н. М. Карамзина“. Спб. 1819.

³⁾ Карамзинъ любилъ въ послѣдніе годы читать вслухъ и слушать по вечерамъ романы, особливо В. Скотта. А. Т.

⁴⁾ Князь Василій Ѳеодоровичъ Гагаринъ (ум. въ 1829 г.) былъ родной братъ жены князя П. А. Вяземскаго.

⁵⁾ Петръ Александровичъ Кологривовъ приходился вотчимомъ кн. Вѣры Ѳеодоровны Вяземской, жены кн. Петра Андреевича.

⁶⁾ Дмитрій Васильевичъ Дашковъ (род. въ 1788 г., ум. въ 1839 г.) служилъ въ это время въ комиссіи составленія законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ числился въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи.

⁷⁾ Татищева — вѣроятно, Варвара Александровна, жена военнаго министра.

⁸⁾ И. И. Дмитриевъ прозвалъ Тургенева маленькимъ Гриммомъ за его обширную литературную переписку, уподоблявшуюся знаменитой „Корреспонденціи“ Фридриха-Мельхюра Гримма (см. Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 273).

⁹⁾ Ченерентола—опера Россіи, появившаяся на сценѣ въ 1817 году.

¹⁰⁾ Названная биографія Байрона была напечатана въ Парижѣ въ 1824—1825 гг.

68.

18-го декабря 1825 г. С.-Петербургъ ¹⁾).

Любезнѣйшій другъ! Вы уже все знаете—и нашу сердечную, глубокую горестъ. Мы здоровы, не забываемъ васъ и въ печали. Даю вамъ совѣтъ возвратиться въ Россію и тѣмъ доказать усердіе къ новому императору Николаю Павловичу. Не имѣю духа писать много; прибавлю только, что здоровье императрицы Елизаветы выдержало ударъ. Это—чудо! Но продолжится ли? Въ тревогу 14-го декабря я былъ во дворцѣ съ дочерьми; выходилъ и на Исаковскую площадь; видѣлъ императора на конѣ, среди войска; онъ былъ совершенно спокоенъ и хладнокровенъ.

Жена моя, нездоровая, прискакала къ намъ во дворецъ въ седьмомъ часу вечера: я только за нее боялся. Еще скажу вамъ искренно, что новый царь очень уменъ и твердъ; слѣдствіе зависитъ отъ Бога. Жуковскій, по его словамъ, пишетъ къ вамъ обстоятельно, какъ историкъ.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ васъ нѣжно, нашего семейственнаго друга, а вы обнимите за меня Николая Ивановича, если онъ съ вами. Простите! Желаю еще видѣть васъ въ здѣшней жизни. Жаль, что въ такое важное время вы не въ отечествѣ. Какія лица я видѣлъ. И мы, русскіе, не лучше другихъ! Какія слова слышалъ!.. Умремъ, однако жъ, за святую Русь! Еще разъ обнимаю. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 184—185.

‘) Второе письмо, такъ-же въ Парижѣ полученное. А. Т.

69.

[1826 г.]

Любезнѣйшій другъ! Благодарю за Евстафія¹⁾ и безпокоюсь о вашемъ здоровьѣ, тѣмъ болѣе, что вы живете Богъ знаетъ гдѣ, подъ землею. Обрадуемся душевно, если завтра васъ увидимъ. Обнимаю вѣжно. Карамзинъ²⁾.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 185.

‘) Историка. А. Т.—Евстафій, митрополитъ солунскій, жилъ въ XII в.

‘) Последняя записка незабвеннаго, полученная уже въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ туда изъ чужихъ краевъ въ 1826 году, и потому драгоценная для меня, несмотря на свою незначительность. А. Т.—Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ 1826 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Записка о печатаніи «Исторіи» безъ цензуры.

«Исторія» моя по высочайшему повелѣнію печаталась въ военной типографіи; но генералъ Закревскій на сихъ дняхъ остановилъ печатаніе, объявивъ именемъ князя П. М. Волконскаго, что эта книга должна быть еще разсмотрѣна цензурою, хотя онъ самъ сказалъ мнѣ прежде (22-го іюля, въ Петергофѣ), что для типографіи нѣтъ нужды въ одобреніи цензорскомъ, когда государь приказываетъ печатать. Ожидаю теперь высочайшаго рѣшенія. Академики и профессоры не отдають своихъ сочиненій въ публичную цензуру: государственный историографъ имѣеть, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что и какъ писать; собственная его отвѣтственность не уступаетъ цензорской. Надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, государя и нравственности; но быть можетъ, что цензоры не позволяютъ мнѣ, на примѣръ, говорить свободно о жестокости царя Ивана Васильевича. Въ такомъ случаѣ, что будетъ исторія?

14-го октября 1816 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Письмо Карамзина къ А. П. Протасову.

27-го марта 1810 г. Москва.

Любезный Александръ Павловичъ! Я зналъ васъ младенцемъ: тѣмъ пріятнѣе было узнать мнѣ васъ человѣкомъ ума зрѣлаго и любителемъ науки, столь полезной для гражданскихъ обществъ. Скажу искренно, что ваша книжка достойна одобренія и хвалы, какъ въ разсужденіи порядка мыслей, такъ и слога. Способъ быть счастливымъ въ жизни есть быть полезнымъ свѣту и въ особенности отечеству. Трудитесь: общее уваженіе и собственное внутреннее удовольствіе награждать васъ съ избыткомъ. Вѣрьте, что буду всегда принимать живѣйшее участіе въ вашихъ успѣхахъ.

Прошу васъ, любезный и почтенный мой племянникъ, изъяснить мое душевное почтеніе вашему дядюшкѣ, милостивому государю Николаю Николаевичу, и увѣрить его въ моей искренней преданности.

Съ неслышимъ чувствомъ добраго родственника остаюсь навсегда, любезный Александръ Павловичъ, вамъ преданный Н. Карамзинъ.

Письмо это адресовано къ А. П. Протасову, родному племяннику Елизаветы Ивановны Протасовой (ум. въ 1803 г.), первой жены Карамзина. Книжка, о которой говоритъ исторіографъ, — «Обозрѣніе исторіи римскаго права», вышедшая въ Петербургѣ въ 1809 г.

А. П. Протасовъ (род. 19-го апрѣля 1790 г., ум. 12-го февраля 1856 г.), впоследствии сенаторъ, былъ сынъ орловскаго вице-губернатора Павла Ивановича Протасова (род. въ 1760 г., ум. въ 1828 г.) и Маріи Николаевны, рожд. Новосильцовой (род. въ 1750 г., ум. въ 1830 г.), родной сестры Николая Николаевича Новосильцова.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Указатель статей въ сборникъ: «Извлеченіе изъ бібліотеки Ватикана», съ примѣчаніями исторіографа.

Index

matariarum, quae continentur in volumine sub titulo «Extraits de la Bibliothèque du Vatican, relativement à l'histoire de la Russie depuis l'année 1075 jusqu'en 1675».

Къ Изяславу, сыну Ярослава Великаго, изгнанному тогда братьями: Святославомъ и Всеволодомъ. Эта грамота напечатана въ «Райнальдъ».

Сей Матеей былъ знаменитый мужъ въ польской исторіи. Загляните въ «Кадубко».

Письма сего папы изданы въ 1680 года г. Балюзомъ. Крестоносцы въ 1204 г. завоевали Константинополь и выгнали патриарха. Иннокентій думалъ, что російское духовенство естественнымъ образомъ должно было въ такихъ обстоятельствахъ признать Римъ столицей вѣры христіанской.

Напримѣръ: мы знаемъ по лѣтописямъ, что многіе россияне жили въ Дерптѣ и тамъ имѣли свои церкви.

Въ сіе время псковитяне заключили союзъ съ Ливонскимъ орденомъ; папа, узнавъ о томъ, надѣялся преклонить къ себѣ и всю Россію.

Писано къ князю Ярославу Владиміровичу Псковскому, другу Ливонскаго ордена. Напечатано въ «Райнальдъ».

Ясно по содержанию.

Epistolae et alia documenta:

№ 1. 1075^{an.} Gregorii Papae VII Epistola Boleslao, Duci Polonorum, cujus extrema pars ad res Ruthenorum spectat.

№ 2. 1057^{an.} Gregorii Papae VII Epistola ad Demetrium, Regem Russorum. Demetrius hic idem est cum Isaslao, filio Jaroslai.

№ 3. 1130^{an.} Matthaei Cracoviensis Episcopi Epistola ad S. Bernardum, abbatem Clarevallensem, de suscipienda Ruthenorum conversione.

№ 4. 1208^{an.} Innocentii Papae III Litterae Archiepiscopis, Episcopis et universis tam clauicis, quam laicis per Rutheniam constitutis.

№ 5. 1222^{an.} Honorii Papae III Epistola ad iudices in Livonia de Ruthenis in Livonia demigrantibus.

№ 6. 1227^{an.} Honorii Papae III Epistola universis Regibus Russiae.

№ 7. 1231^{an.} Gregorii Papae IX Epistola ad Regem Russiae.

№ 8. 1233^{an.} Gregorii Papae IX Epistola provincialis Poloniae ordinis praedicatorum. De Ruthenis uxores catholicas rebaptisantibus.

Тогда князь Даниилъ Романовичъ, Волинскій, въ надеждѣ помощію Рима избавиться отъ ига Батыева, вошелъ въ тѣсную связь съ папою, принялъ отъ него достоинство королевское, обѣщалъ принять и вѣру латинскую, но обманулъ Иннокентія, вида, что Римъ не въ силахъ спасти Россію.

Къ Невскому. Папа присылалъ тогда двухъ кардиналовъ въ Россію: такъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

Писано тогда, когда папа былъ еще увѣренъ въ мнимомъ усердіи короля Даниила Романовича къ латинской вѣрѣ, желая, чтобы сіи народы вмѣстѣ съ россиянами ударили на татаръ.

Къ славному Миндовгу, который, подобно Даниилу Волинскому, обѣщалъ папѣ принять вѣру римскую и обманулъ его.

Мы знаемъ, что въ Кіевѣ, въ Смоленскѣ, въ Новѣ-городѣ были церкви латинскія въ XIII вѣкѣ.

№ 9. 1246^{an.}. Innocentii Papae IV Epistola ad Ruthenos. Ejusdem ad archiepiscopum Prussiae, Livoniae et Estoniae S. Sedis in Russia legatum. Ejusdem ad Regem Russiae.

№ 10. 1246^{an.}. Ejusdem Epistola ad Henricum, Archiepiscopum Prussiae, Livoniae et Estoniae S. Sedis in Russia legatum. Ejusdem ad Regem Russiae.

№ 11. 1246^{an.}. Innocentii Papae IV litterae Danieli Regi Russiae. Ejusdem ad eundem eodem anno.

№ 12. 1247^{an.}. Innocentii Papae IV Epistola Danieli Regi Russiae.

№ 13. 1247^{an.}. Ejusdem Epistolae ad Henricum Archiepiscopum Prussiae, Livoniae et Estoniae S. Sedis Apostolicae legatum. Ejusdem ad eundem eodem anno.

№ 14. 1248^{an.}. Innocentii Papae IV Epistola ad Alexandrum Susdaliensem Ducem Russiae.

№ 15. 1253^{an.}. Innocentii Papae IV Litterae encyclicae ad Polonos, Russos, Bohemos, Moravos, Serbios et Pomeranos.

№ 16. 1255^{an.}. Alexandri Papae IV Epistola Regi Lithuaniae; permittit ei Regnum Russorum bello invadere, suisque ditionibus adjungere.

№ 17. 1257^{an.}. Alexandri Papae IV Epistola Lubicensi Episcopo; confirmat illi jurisdictionem in Latinos, degentes in Russia.

Писано, когда уже открылось, что король Данилъ не мыслить сдѣлаться католикомъ.

Ясно по содержанію и согласно съ нашимъ Волынскимъ лѣтописцемъ.

См. Герберштейна. Въ постскриптѣ несправедливо сказано, что послы Карла V и Фердинанда Австрійскаго тайно возбуждали великаго князя объявить войну Сигизмунду.

См. Павла Ховія.

№ 18. 1257^{an.}. Eiusdem ad Daneliem Regem Russorum.

№ 19. 1260^{an.}. Ottocari, Regis Bohemiae Epistola ad Alexandrum Papam IV de sua victoria in Hungaros, Russos, Polonos etc.

№ 20. 1264^{an.}. Urbani Papae IV Litterae ad Ottocarum Regem Bohemiae, ut Polonos defendat adversus Russos, etc.

№ 21. 1351^{an.}. Clementis Papae IV Litterae Archiepiscopo Upsallensi, ut procuret defendi Ingros et Karelos adversus Russorum conatus.

№ 22. 1526^{an.}. Responsum a Sigismundo I Rege Poloniae datum oratoribus Achiducis Ferdinandi ad Ducem Moscoviae euntibus.

№ 23. 1526^{an.}. Instructio a Sigismundo I Rege Poloniae data legato.

Указъ князя А. Д. Меншикова.

26-го іюля 1718 г.

Мы Александръ Меншиковъ Римскаго и російскаго государствъ князь и герцокъ ижерскій наслѣдный господинъ Аранибурха и иныхъ Его Царскаго Величества Всероссийскаго верховный дѣйствительный тайный совѣтникъ и надъ войски командующій генераль-фельд-маршалъ отъ елота російскаго шаутбенахтъ и генераль-губернаторъ губерніи Санктъ-Петербурхской и многихъ провинцій Его Императорскаго Величества Кавалеръ Святаго Апостола Андрея и слона Бѣлого и чорного орловъ, Подполковникъ отъ преображенской лейбгвардіи и Полковникъ надъ тремя полками капитанъ компаніи бомбардирской и прочая и прочая.

Сего 1718 году іюля 24 дня Его Царскому Величеству бил челомъ государственный подканцлеръ и тайной совѣтникъ Баронъ Петръ Павловичъ Шаѳіровъ, что понеже онъ при Его Царскомъ Велиествѣ всегда бываетъ вревелѣ (въ Ревелѣ), а двора у него вономъ (въ ономъ) гдѣ бь ему съамилією ево жилище имѣть нѣтъ. А вревелѣ-де (въ Ревелѣ) выморочной дворъ на улице Минхестрасѣ бывшаго Ревельскаго Гражданина Эркенса никому не отданъ. И потому наслѣдниковъ оному никого нѣтъ. И дабы Его Царское Величество ево Барона онымъ дворомъ пожаловалъ, по которому ево челобитью Его Царское Величество Ево Государственнаго Подканцлера и тайнаго совѣтника Барона Шаѳірова вышечисаннымъ выморочнымъ Эркенсовымъ дворомъ со всѣмъ прочимъ къ тому принадлежащимъ, какъ то было во владѣніи прежняго владѣтеля помянутаго Эркенса всемилостивѣйше пожаловалъ ввѣчное потомственное владѣніе и на оной указалъ ему дать даную. По которому Его Царскаго Величества моего всемилостивѣйшаго Царя и Государя указу и данного мнѣ надъ симъ городомъ высокоповѣреннаго генералскаго губернаторскаго правленія помянутой Эркенсовъ выморочной дворъ со всякимъ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ, какъ выше объявлено, ему Государственному Подканцлеру и тайному совѣт-

нику Барону Петру Павловичю Шафирову и женѣ ево и дѣтямъ въ вѣчное потомственное владѣніе отдали. И сію даную дали. И для вящей силы нашею рукою подписали и нашею княжескою печатью утвердить повелѣли; еже учинено въ Ревеле іюля 26 дня 1718 году ¹⁾.

Александръ Меншиковъ.

Сообщилъ Ал. Марневичъ.

¹⁾ Документъ этотъ интересенъ какъ по своему содержанію, такъ еще болѣе по тому титулу, какой здѣсь придалъ себѣ князь А. Д. Меншиковъ, очевидно вообразившій себя какъ бы вассальнымъ государемъ въ силу того, что онъ былъ „римскаго и російскаго государства графъ и герцогъ ижерскій“. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что баронъ Шафировъ просилъ у царя о дворѣ 24-го іюля, а Меншиковъ по повелѣнію царя выдалъ настоящую данную 26-го іюля; болѣе чѣмъ вѣроятно, что при простотѣ тогдашняго дѣлопроизводства она была извѣстна царю, который не усмотрѣлъ въ ней ничего особеннаго.

Указъ князя Меншикова печатается съ подлинника, который написанъ на отдѣльномъ листѣ бумаги четкимъ почеркомъ; подпись „Александръ Меншиковъ“ собственноручная и представляетъ изъ себя каракули; небольшая печать краснаго сургуча вполне сохранилась. Документъ этотъ купленъ мною въ Одессѣ въ числѣ нѣсколькихъ бумагъ, причѣмъ на одной изъ нихъ есть помѣта, что она принадлежала барону Шафирову; конечно, въ его же бумагахъ хранился и настоящій указъ.

нѣшняго императора французовъ, ни самый фактъ нелегальнаго происхожденія его власти не даютъ мнѣ права смотрѣть на него, какъ на исключительнаго представителя революціи и какъ на исключительный объектъ борьбы съ нею. Вы говорите, многоуважаемый другъ мой, что онъ не будетъ въ состояніи удержаться у власти, если вокругъ него все не послѣдуетъ примѣру его страны; еслибы я призналъ это справедливымъ, то этого было бы достаточно, чтобы поколебать мой взглядъ. Но бонапартизмъ тѣмъ и отличается отъ республики, что ему нѣтъ надобности силою навязывать свои правительственные принципы. Даже Наполеонъ I не старался навязать свою правительственную систему тѣмъ странамъ, которыя прямо или косвенно были присоединены къ Франціи; всѣ сами соревновали въ желаніи подражать ему. Угрожать другимъ государствамъ, страшая ихъ революціей, стало за послѣдніе годы дѣломъ Англіи, и еслибы Людовикъ-Наполеонъ хотѣлъ того же, что Пальмерстонъ, то въ Неаполѣ уже давно вспыхнула бы революція. Пропагандируя революціонныя учрежденія у сосѣдей, императоръ французовъ создаетъ этимъ затрудненія самому себѣ; желая удержать власть и упрочить свою династію, и, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ недостатки современныхъ учреждений Франціи, онъ скорѣе постарается выработать болѣе прочныя основы для своей собственной страны. Иной вопросъ, удастся-ли ему это, но во всякомъ случаѣ онъ ясно понимаетъ недостатки бонапартистской правительственной системы и опасности, которыми она угрожаетъ, такъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ и жалуется на нихъ. Нынѣшняя форма правленія во Франціи не есть что-либо произвольное, установленное Наполеономъ III и которое онъ могъ бы измѣнить; онъ нашелъ ее готовой и по всей вѣроятности это единственная форма правленія, которая долго еще будетъ существовать во Франціи.

«Съ обще-человѣческой точки зрѣнія весьма понятно, что притѣсненія и позорное угнетеніе, испытанное нашею страной отъ Наполеона I, оставили неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ всѣхъ тѣхъ, кто пережилъ эту эпоху, и что принципъ зла, который мы стараемся побороть въ образѣ революціи, олицетворяется въ ихъ глазахъ въ лицѣ того чловѣка, котораго называли *l'heureux soldat héritier de la révolution* и въ его потомкахъ; но мнѣ кажется, что вы возводите на Наполеона III несправедливое обвиненіе, олицетворяя именно въ немъ и въ немъ одномъ революцію, противъ которой намъ слѣдуетъ бороться и, произнося противъ него такой приговоръ, какъ будто имѣть дѣло съ нимъ есть уже нѣчто безчестное.

«Я вовсе не хочу защищать личность и положеніе дѣлъ во Франціи; первой я не особенно сочувствую, а послѣднія я считаю несчастьемъ для страны; я хочу только объяснить вамъ, почему я не считаю грѣш-

нымъ или безчестнымъ войти въ болѣе близкія отношенія съ признаннымъ нами монархомъ великой державы, когда этого требуетъ ходъ политики. Я не говорю, что союзъ съ нимъ былъ бы особенно желателенъ, я говорю только, что всѣ прочія комбинаціи хуже и что желая улучшить наши шансы, мы должны сблизиться съ Франціей или хотя сдѣлать видъ, что мы съ нею сблизяемся. Только этимъ путемъ мы можемъ образумить Австрію и заставить ее поступиться своимъ честолюбіемъ настолько, чтобы подумать о соглашеніи съ нами, вмѣсто того, чтобы вредить намъ; только этимъ путемъ мы и можемъ прекратить дальнѣйшее развитіе непосредственныхъ сношеній нѣмецкихъ государствъ съ Франціей. Англія также пойметъ, какъ важенъ для нея союзъ съ Пруссіей, когда она увидитъ, что она можетъ потерять ее и что Пруссія можетъ сойтись съ Франціей. Слѣдовательно, становясь даже на вашу точку зрѣнія и преклоняясь передъ Англіей и Австріей, надобно начать дѣло съ Франціи, чтобы упрочить отношенія къ этимъ державамъ.

«Вы предсказываете въ своемъ письмѣ, многоуважаемый другъ мой, что мы будемъ играть въ прусско-франко-русскомъ союзѣ самую жалкую, ничтожную роль. Я никогда не смотрѣлъ на этотъ союзъ, какъ на нѣчто для насъ особенно желательное, я смотрю на него, какъ на фактъ, который рано или поздно долженъ произойти изъ нынѣшней неурядицы и которому мы не можемъ помѣшать, слѣдовательно мы должны съ нимъ считаться и заранѣе выяснить себѣ его послѣдствія. Я прибавлю, что такъ какъ Франція добивается нашей дружбы, то, исполнивъ ея желаніе, мы могли бы устранить этотъ фактъ или повліять на него во всякомъ случаѣ настолько, чтобы намъ не пришлось вступить въ этотъ союзъ въ качествѣ «третьей» державы. Сравнительно съ великими державами мы будемъ слабѣйшіе во всякой комбинаціи, пока мы не станемъ на самомъ дѣлѣ сильны. Если нашими союзниками будутъ Австрія и Англія, то онѣ не употребятъ, конечно, своего вліянія въ нашу пользу; мы уже могли въ этотъ убѣдиться на Вѣнскомъ конгрессѣ. Австрія не дастъ намъ значенія въ Германіи, Англія не будетъ содѣйствовать развитію нашего торговаго или военнаго флота и смотреть съ завистью на развитіе нашей промышленности.

«Вы проводите параллель между мною и Гаугвицомъ и тогдашней «оборонительной политикой». Но обстоятельства въ то время были совершенно иныя. Франція была тогда грозною силою, во главѣ ея стоялъ человѣкъ, опасный своими завоевательными стремленіями; на Англію, напротивъ того, можно было вполне разчитывать. Я имѣю мужество не порицать Базельскаго мира. Съ тогдашней Австріей, съ ея Тугутомъ, Лербахомъ и Кобенцелемъ нельзя было заключать союза точно такъ же, какъ нельзя заключать его и теперь, и если мы такъ мало

получили въ 1815 г., то, по моему мнѣнію, Базельскій миръ тутъ не при чемъ; мы никакъ не могли соперничать съ интересами Англии и Австріи, такъ какъ будучи физически слабѣе прочихъ великихъ державъ, мы никому не внушали страха. Государства Рейнскаго союза заключали гораздо «худшіе» договоры, однако ихъ дѣла на Вѣнскомъ конгрессѣ были очень хороши. Но съ нашей стороны было поразительной глупостью не воспользоваться случаемъ въ 1805 г. и не помочь другимъ державамъ сломить могущество Наполеона; намъ слѣдовало напасть на него быстро, энергично, и не отступать до послѣдней возможности. Бездѣйствовать было еще непонятнѣе, нежели принять сторону Франціи; но, упустивъ этотъ случай, намъ надобно было и въ 1806 г. во что бы то ни стало соблюдать миръ и выжидать другого благоприятнаго случая.

«Я вовсе не защитникъ «оборонительной политики», я говорю только, что мы не должны уклоняться отъ сближенія съ Франціей, котораго желаетъ эта держава, и что мы можемъ не имѣть при этомъ никакихъ наступательныхъ плановъ и не принимать на себя никакихъ обязательствъ; я утверждаю, что это дастъ намъ то преимущество, что у насъ будутъ развязаны руки и мы будемъ въ состояніи принять то или другое рѣшеніе, когда положеніе выяснится.

«Вы говорите: «Франція не сдѣлаетъ для насъ болѣе, нежели Австрія и нѣмецкія государства». Я думаю, что ни одна держава ничего не сдѣлаетъ для насъ, если это не будетъ соответствовать ея интересамъ. Но не слѣдуетъ забывать, что непосредственные интересы Австріи и нѣмецкихъ государствъ совершенно несовмѣстимы съ самыми жизненными вопросами Пруссіи и что между нами немыслима никакая общность въ политикѣ до тѣхъ поръ, пока Австрія не измѣнитъ свою тактику относительно насъ, чего въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшаго повода ожидать. Мы сходимся съ вами въ томъ, что Пруссія должна имѣть перевѣсъ надъ мелкими нѣмецкими государствами; но какимъ образомъ можемъ мы достигнуть этого, подчиняясь постановленіямъ союза? Имѣя всего одну семнадцатую голоса и имѣя противникомъ Австрію, многого не достигнешь.

«Посѣщеніе Берлина Людовикомъ-Наполеономъ могло бы придать нашему голосу огромное значеніе само по себѣ, помимо тѣхъ соображеній, на которыя я указывалъ въ иномъ мѣстѣ. Уваженіе и преданность къ намъ нѣмецкихъ государствъ будутъ въ прямой зависимости отъ страха, который мы имъ внушимъ; довѣріемъ ихъ мы никогда не будемъ пользоваться; одного взгляда на карту достаточно, чтобы уничтожить его; они понимаютъ, что ихъ собственные интересы и желанія не согласуются съ общимъ направленіемъ прусской политики, что она угрожаетъ имъ опасностью, которая устраняется въ настоящее время

только безкорыстіемъ нашего августѣйшаго монарха. Посѣщеніе Берлина императоромъ французомъ не увеличило бы недовѣрія, которое всѣ и безъ того питаютъ къ Пруссіи, а могло бы повліять на образъ мыслей и настроеніе короля, за которое никто ему не благодаренъ, но коимъ всѣ пользуются для своихъ цѣлей. Въ случаѣ нужды, нѣмецкія государства съ ихъ мнимымъ «довѣріемъ» къ намъ, не выставятъ намъ на помощь ни одного человѣка, если же мы съумѣемъ внушить имъ страхъ, то весь союзъ будетъ къ нашимъ услугамъ. Мы можемъ внушить этотъ страхъ, показавъ всѣмъ и каждому, что мы находимся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей. Если это не будетъ сдѣлано теперь же, то вѣроятно долго не представится случая стать къ Франціи въ тѣ благожелательныя отношенія, которыя вы сами признаете для насъ важными, ибо теперь въ насъ тамъ заискиваютъ, чувствуютъ потребность выставить на показъ наши добрыя отношенія, желаютъ съ нами свиданія; отказъ съ нашей стороны можетъ вызвать замѣтное охлажденіе и въ другихъ дворахъ, поразивъ «le рагвену» въ самое чувствительное мѣсто.

«Предложите мнѣ какую-нибудь иную систему политики—и я готовъ обсуждать ее съ вами самымъ добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ образомъ; но, находясь въ самомъ сердцѣ Европы, мы никакъ не можемъ держаться пассивной политики, не имѣющей ни опредѣленнаго плана, ни цѣли, обо она можетъ быть намъ такъ же опасна, какъ въ 1805 г.; мы будемъ наковальной, если мы не сдѣлаемъ ни шага къ тому, чтобы стать молотомъ.

«Если мои взгляды не заслуживаютъ вашего одобренія, не произнесите по крайней мѣрѣ, подъ этимъ впечатлѣніемъ, окончательнаго приговора недо мною, вспомните, что въ тяжелыя времена мы много лѣтъ трудились вмѣстѣ съ вами на одной почвѣ, насаждая на ней одни и тѣ же злаки, что со мною можно толковать и что я готовъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, если я сознаю, что они ложны.....» ¹⁾

Получивъ отвѣтъ Герлаха, въ которомъ тотъ настаивалъ на своихъ взглядахъ Бисмаркъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на его письмо и тѣмъ продолжать эту безцѣльную переписку.

¹⁾ Bismarcks Briefe an den general L. v. Gerlach. стр. 326.

VIII.

Предложеніе Бисмарку занять постъ министра финансовъ.—Желаніе Наполеона сблизиться съ Пруссіей на случай войны съ Австріей изъ-за Италіи.—Отвѣтъ Бисмарка на предложеніе Наполеона.—Аудіенція у короля датскаго.—Нежеланіе шлезвигъ-голштинцевъ образовать второстепенное государство.—Болѣзнь короля.—Разговоръ съ принцемъ прусскимъ.—Интриги противъ принца.—Учрежденіе регентства.—Увольненіе Мантейфеля.—Разговоръ съ принцемъ по поводу назначенія Бисмарка посланникомъ въ Петербургъ.—Письма короля Вильгельма къ Бисмарку.—Новое министерство.—Принцесса Августа.—Графъ Шверинъ.—Банкиръ Левинштейнъ въ роли австрійскаго агента.—Взяточничество въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ слѣдующемъ, 1856 г., король пожелалъ снова сблизиться со мною; Мантейфель, а быть можетъ и нѣкоторые другія лица боялись, чтобы мое вліяніе не повредило имъ, поэтому Мантейфель предложилъ мнѣ, не пожелаю ли я управлять министерствомъ финансовъ, съ тѣмъ что онъ останется пока президентомъ министровъ и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а со временемъ помѣняется со мною мѣстами и будетъ завѣдывать министерствомъ финансовъ, а я—министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Предложеніе это было сдѣлано имъ какъ бы отъ себя лично. Хотя оно показалось мнѣ довольно страннымъ, но я не отвѣчалъ сразу отказомъ, оставивъ вопросъ открытымъ, только напомнилъ Мантейфелю, что когда я былъ назначенъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ, то газеты отнесли ко мнѣ въ шутку слова, сказанныя остроумнымъ деканомъ вестминстерскаго аббатства о лордѣ Джонѣ Русселѣ, что этотъ человѣкъ готовъ на все; онъ не откажется произвести литотомію, точно также какъ командовать фрегатомъ.

— Если бы я былъ назначенъ министромъ финансовъ, сказалъ я, то они имѣли бы еще болѣе права сказать это обо мнѣ, хотя навѣрно я былъ бы министромъ финансовъ не хуже Бодельшвинга, вся дѣятельность котораго ограничивалась подписываніемъ бумагъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ долго продолжится это временное назначеніе.

На самомъ же дѣлѣ, это предложеніе было сдѣлано мнѣ по повелѣнію короля, и когда его величество спросилъ Мантейфеля какъ я отнесся къ нему, то онъ отвѣчалъ, что «я чуть не осмѣялъ его за это».

Хотя король неоднократно предлагалъ или, лучше сказать, приказывалъ мнѣ занять мѣсто Мантейфеля, говоря: «Какой толкъ вамъ пресмыкаться на землѣ, вы должны быть министромъ», но я чувствовалъ, что это говорилось только съ цѣлью заставить Мантейфеля «повиноваться», быть покорнымъ волѣ короля; впрочемъ, если бы даже его величество говорилъ это серьезно, то я все же остался бы при своемъ

убѣжденіи, что я не могъ занимать при немъ министерскій постъ продолжительное время.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1857 г. состоялась въ Парижѣ конференція для рѣшенія спора, возникшаго между Пруссіей и Швейцаріей ¹⁾. Императоръ Наполеонъ, имѣвшій всегда самыя точныя свѣдѣнія о томъ что происходило въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ Берлина, зналъ очевидно, что король былъ со мною въ болѣе короткихъ отношеніяхъ нежели съ прочими посланниками и имѣлъ меня неоднократно въ виду какъ кандидата на министерскій постъ. Императоръ держалъ себя во время переговоровъ со Швейцаріей весьма доброжелательно по отношенію къ Пруссіи, въ особенности по сравненію съ Австріей, и видимо считалъ себя въ правѣ разсчитывать на такое же отношеніе со стороны Пруссіи въ другихъ вопросахъ; онъ сказалъ мнѣ однажды между прочимъ, что его совершенно напрасно обвиняютъ въ томъ, будто онъ стремится къ Рейнской границѣ. Лѣвый, нѣмецкій берегъ Рейна съ его тремя милліонами жителей былъ бы, по его словамъ, не особенно надежной границей для Франціи; владѣя этимъ берегомъ, она была бы волей неволей вынуждена завоевать со временемъ также Люксембургъ, Бельгію и Голландію или по крайней мѣрѣ подчинить ихъ зависимости отъ Франціи. Такимъ образомъ приобрѣтеніе Рейнской границы увеличило бы, рано или поздно, населеніе Франціи 10 или 11 милліонами дѣятельнаго зажиточнаго народонаселенія. Подобное усиленіе французской державы врядъ ли могло быть пріятно Европѣ и могло бы повести къ коалиціи, это приобрѣтеніе труднѣе было бы поддержать нежели достигнуть—это было бы лишь временное приобрѣтеніе, которое европейскія державы общими силами отняли бы со временемъ у Франціи; подобныя претензіи, напоминающія времена Наполеона I, были бы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ неумѣстны; всякій сказалъ бы, что Франція посягаетъ противъ другихъ державъ и поэтому всѣ прочія державы вооружились бы противъ нея. Быть можетъ, сказалъ Наполеонъ, онъ и подумалъ бы при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, «о маленькомъ исправленіи границъ» для удовлетворенія національнаго самолюбія, но онъ проживетъ и безъ этого. Если бы ему понадобилось воевать, то онъ бросилъ бы скорѣе всего свои взоры на Италію. Съ одной стороны, эта страна все же имѣетъ большое сходство съ Франціей, а съ другой стороны—у Франціи достаточно сухопутныхъ силъ и она одерживала достаточно побѣдъ на сухомъ пути. Для французовъ было бы гораздо интереснѣе увеличеніе морскихъ силъ. Не мечтая сдѣлать Средиземное море французскимъ озеромъ, Наполеонъ находилъ, что было бы не дурно, если бы оно было таковымъ «приблизительно». Французы по природѣ не

¹⁾ Относительно Невштателя.

моряки, но хорошіе сухопутные солдаты, поэтому успѣхи на морѣ гораздо болѣе льстятъ имъ. Это была, по его словамъ, единственная причина, побудившая его помочь другимъ державамъ сокрушить русскій флотъ на Черномъ морѣ, ибо Россія, располагая такимъ прекраснымъ боевымъ матеріаломъ, какой представляютъ изъ себя греческіе матросы (?), была бы для него слишкомъ опаснымъ соперникомъ на Средиземномъ морѣ. Мнѣ показалось, что говоря это императоръ былъ не вполне искрененъ, что онъ сожалѣлъ объ уничтоженіи русскаго флота, старался чѣмъ нибудь оправдать результатъ этой войны, въ которую Англія была имъ вовлечена,—какъ выразился англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, подобно кораблю, не имѣющему кормчаго.

Результатомъ будущей войны могло бы быть, по мнѣнію императора, сближеніе съ Италіей и нѣкоторое подчиненіе ея Франціи, можетъ быть даже приобрѣтеніе нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктовъ. Для осуществленія этой программы необходимо, говорилъ онъ,—чтобы Пруссія не относилась къ Франціи враждебно; Франція и Пруссія должны помогать другъ другу. Онъ считалъ ошибкою, что въ 1806 г. Пруссія не была на сторонѣ Наполеона, какъ прочія нѣмецкія государства. Было бы желательно, сказалъ онъ,—чтобы мы (Пруссія) округлили свои владѣнія, приобрѣтеніемъ ГанOVERA и при-эльбскихъ герцогствъ, чтобы положить этимъ основаніе могуществу Пруссіи на морѣ, ибо чувствуется недостатокъ во второстепенныхъ морскихъ державахъ, которыя, соединивъ свои боевыя силы съ военнымъ флотомъ Франціи, могли бы составить противовѣсъ морскому могуществу Англіи. Это не угрожало бы опасностью этимъ государствамъ или прочимъ державамъ Европы, такъ какъ онѣ не стали бы, разумѣется, поддерживать Францію въ томъ случаѣ, если бы она вздумала преслѣдовать слишкомъ узкіе національные интересы, но принесло бы пользу въ томъ отношеніи, что могущество Англіи на морѣ было бы поколеблено. Наполеонъ желалъ обезпечить себѣ нейтралитетъ Пруссіи главнымъ образомъ на случай войны съ Австріей изъ за Италіи. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я узналъ по всѣмъ этимъ пунктамъ мнѣніе короля.

Я отвѣчалъ, что я чрезвычайно радъ, что императоръ высказалъ эти соображенія мнѣ, а не кому либо иному, во-первыхъ потому, что я вижу въ этомъ доказательство его довѣрія ко мнѣ, а во-вторыхъ потому, что изъ всѣхъ прусскихъ дипломатовъ, пожалуй я одинъ рѣшусь умолчать объ этомъ, не проронивъ о слышанномъ ни слова въ Германіи и даже самому королю ¹⁾. Я убѣдительно просилъ его отказаться

¹⁾ Дѣйствительно, въ донесеніяхъ къ Мантейфелю отъ 11-го и 24 апрѣля и отъ 1-го мая 1857 г. (Preussen am Bundestage IV 257, III 91, 94) не упоминается ни словомъ объ этомъ разговорѣ, точно также какъ и въ письмѣ къ

отъ этихъ мыслей, такъ какъ король Фридрихъ Вильгельмъ IV не можетъ согласиться на подобныя предложенія; если они будутъ ему переданы, то онъ несомнѣнно отвѣтитъ на нихъ отказомъ. При томъ угрожаетъ серьезная опасность, что король можетъ проговориться объ этомъ при личномъ свиданіи съ другими монархами или намекнетъ на то, передъ какимъ соблазномъ онъ устоялъ. Если бы которое нибудь изъ нѣмецкихъ государствъ сообщило неожиданно парижскому кабинету, что ему все это извѣстно, то этимъ было бы нарушено столь драгоцѣнное для Пруссіи доброе согласіе съ Франціей. «Но это была бы уже болѣе чѣмъ нескромность, это была бы измѣна!» прервалъ меня императоръ съ нѣкоторою тревогою.

— Вы поставите этимъ себя въ крайне непріятное положеніе,— замѣтилъ я.

Мои слова видимо произвели сильное впечатлѣніе на императора. Нашъ разговоръ кончился тѣмъ, что онъ поблагодарилъ меня за откровенность, а я обѣщалъ ему не передавать о томъ, что я слышалъ отъ него.

Въ томъ же (1857) году я воспользовался каникулярнымъ временемъ и перерывомъ засѣданій сейма, чтобы отправиться въ Данію и въ Швецію на охоту ¹⁾. Въ Копенгагенѣ, я имѣлъ 6-го августа аудіенцію у короля Фридриха VII. Онъ принялъ меня въ полной парадной формѣ, съ каской на головѣ, и занималъ меня преувеличенными описаніями разныхъ происшествій, пережитыхъ имъ въ сраженіяхъ и при осадѣ крѣпостей, въ которыхъ онъ вовсе не участвовалъ. На мой вопросъ, можетъ ли, по его мнѣнію, долго просуществовать конституція (вторая, общая конституція, подписанная 2-го октября 1855 г.) онъ отвѣчалъ, что онъ поклялся отцу на его смертномъ одрѣ соблюдать ее, позабывъ въ этотъ моментъ, что, въ годъ смерти его отца (1848 г.), этой конституціи и въ поминѣ не было. Во время нашего разговора, я замѣтилъ на стѣнѣ сосѣдней галлерей, которая была вся залита солнцемъ, тѣнь женской фигуры; оказалось, что говоря все это, король имѣлъ въ виду не меня, а графиню Даннеръ, объ отношеніяхъ которой къ его величеству рассказывали много странныхъ анекдотовъ.

Я имѣлъ тогда же случай бесѣдовать со многими уважаемыми дѣятелями Шлезвигъ-Голштейна; никто изъ нихъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы образовать отдѣльное маленькое государство; «имъ пріят-

Герлаху отъ 11-го апрѣля 1857 г. (Briefe Bismarck's и т. д. стр. 311); но изъ соч. Gerlach's Denkwürdigkeiten (II, 521) видно, что онъ говорилъ ему объ этомъ. Примѣч. издателя.

¹⁾ Срав. письмо отъ 6, 9, 16—19 августа въ Bismarck Briefe (7 изд.) стр. 222. Примѣч. издателя.

нѣ чувствовать себя хоть чуточку европейцами въ Копенгагенѣ», говорили они.

Охотясь въ Швеціи 17-го августа я упалъ и сильно зашибъ себѣ голень о скалу; къ сожалѣнію я не обратилъ на этотъ ушибъ должнаго вниманія, такъ какъ я спѣшилъ въ Курляндію охотиться на лося. Возвращаясь изъ Копенгагена я пріѣхалъ 26-го августа въ Берлинъ и участвовалъ 3-го сентября на большомъ смотрѣ, надѣвъ первый разъ бѣлый мундиръ, только что введенный тогда въ полкъ «тяжелой кавалеріи». Изъ Берлина я поѣхалъ въ Курляндію ¹⁾).

8-го іюля, король, бывшій въ то время въ Маріенбадѣ, отправился въ Шенбруннъ для свиданія съ австрійскимъ императоромъ.

На обратномъ пути онъ заѣхалъ 13-го іюля повидаться съ саксонскимъ королемъ въ Пильницѣ, гдѣ въ тотъ же день «почувствовалъ себя дурно»; придворные врачи объясняли, въ бюллетеняхъ, его болѣзнь поѣздкою, совершенной въ сильную жару; отъѣздъ изъ Пильницы былъ отложенъ на нѣсколько дней. Когда король возвратился 17-го іюля въ Санъ-Суси, то окружающіе и главнымъ образомъ Эдвинъ Мантейфель замѣтили въ немъ симптомы умственного переутомленія и Мантейфель всячески старался отвлекать короля отъ разговора съ посторонними лицами и прерывалъ его разговоръ. Политическія извѣстія, слышанныя королемъ отъ родныхъ въ Шенбруннѣ и Пильницѣ, подѣйствовали на него удручающимъ образомъ, а споры, возбужденные ими, крайне утомили его. Во время строевого ученія, 27-го іюля, я ѣхалъ верхомъ рядомъ съ его величествомъ и замѣтилъ во время нашего разговора, что память измѣняла ему и что онъ неполнѣ твердо управлялъ лошадыю.

Состояніе его ухудшилось послѣ того какъ, провожая 6-го октября русскаго императора, на станцію Нижнесилезской желѣзной дороги, онъ ѣхалъ съ императоромъ, который очень много курилъ въ закрытомъ царскомъ салонѣ-вагонѣ и пробылъ довольно долго въ атмосферѣ табачнаго дыма, который онъ не переносилъ точно такъ же какъ и запахъ сургуча ²⁾).

Вскорѣ, какъ извѣстно, его постигъ ударъ.

Въ высшихъ военныхъ кругахъ говорили, что подобный же случай былъ съ нимъ въ ночь съ 18-го на 19-е марта 1848 г. Врачи долго совѣщались о томъ, пустить ли ему кровь или нѣтъ, опасаясь что въ первомъ случаѣ это могло повліять на мозгъ, а во второмъ—могло угрожать опасностью жизни; по прошествіи нѣсколькихъ дней рѣшились наконецъ пустить кровь, и король пришелъ въ сознаніе.

¹⁾ Сравн. письмо изъ Кенигсберга отъ 12-го сентября 1857 г. (Bismarck-briefe, стр. 226). Примѣч. издателя.

²⁾ Даже собственноручныя письма короля запечатывались не въ его присутствіи, что не всегда было удобно. Примѣч. Висмарка.

Въ это время, когда ежеминутно можно было ожидать учрежденія регентства, принцъ прусскій совершилъ со мною, 19-го октября, большую прогулку по вновь разбитому парку и бесѣдовалъ со мною о томъ, какъ ему поступить относительно конституціи, если бы ему пришлось принять управленіе государствомъ: слѣдовало ли ему принять ее безъ измѣненій или же слѣдовало потребовать ея пересмотра. Я сказалъ, что непринятіе конституціи могло бы быть оправдано только въ томъ случаѣ, если бы было примѣнимо ленное право, въ силу котораго наслѣдникъ обязанъ исполнять постановленія отца, а не брата.

Я совѣтывалъ принцу, по соображеніямъ политическаго характера, не касаться вопроса о конституціи и не подвергать опасности внутренняго спокойствія государства, хотя бы самымъ малѣйшимъ уклоненіемъ отъ нея.— Не слѣдуетъ возбуждать опасеній, что при каждой переизмѣнѣ престолонаслѣдія можетъ измѣниться система правленія, сказалъ я. Несогласіе между правительствомъ и ландтагомъ уменьшить значеніе Пруссіи въ Германіи и ея вліяніе на европейскія дѣла; конечно вся либеральная Германія будетъ противъ этого.

Изображая послѣдствія, какія можно было ожидать отъ этого шага, и руководствовался тѣми же соображеніями, какія мнѣ пришлось высказать ему въ 1866 г., а именно, что вопросъ о конституціи имѣетъ для Германіи второстепенное значеніе сравнительно съ потребностями страны и съ ея политическимъ положеніемъ, и что въ данный моментъ не представлялось настоятельной необходимости касаться этого вопроса: важнѣе всего былъ вопросъ о могуществѣ государства и о нашей внутренней сплоченности.

Вернувшись въ Санъ Суси я замѣтилъ, что Эдвинъ Мантейфель былъ чрезвычайно встревоженъ моею продолжительной бесѣдой съ принцемъ и возможностью дальнѣйшаго моего вмѣшательства въ дѣла. Онъ спросилъ меня, почему я не возвращаюсь къ своему посту, гдѣ я могу быть весьма полезенъ при теперешнихъ обстоятельствахъ.

— Я здѣсь гораздо полезнѣе, возразилъ я ¹⁾.

23-го октября управленіе государствомъ было поручено по высочайшему повелѣнію на три мѣсяца принцу прусскому; этотъ срокъ былъ три раза продолженъ каждый разъ на три мѣсяца и истекъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1858 г. не будучи возобновленъ. Лѣтомъ 1858 г. была сдѣлана серьезная попытка убѣдить королеву, чтобы она уговорила его величество написать на имя его брата письмо, въ которомъ говорилось бы, что его здоровье возстановилось настолько, что онъ въ состояніи

¹⁾ Сравни. письма Бисмарка къ Герлаху отъ 19-го декабря 1857 г. (Изд. Н. Kohl'я стр. 337) и отвѣтъ Герлаха (Bismarck-Jahrbuch II. 250). Примѣч. издателя.

самъ управлять государствомъ, и благодарить принца за исполненіе обязанностей въ качествѣ его замѣстителя.

Принцу было дано уполномочіе управлять страню простымъ королевскимъ письмомъ, поэтому полагали, что будетъ достаточно простого письма и для того, чтобы уволить его отъ этихъ обязанностей. Предполагалось, что страню будетъ управлять, за королевской подписью, супруга его величества при содѣйствіи призванныхъ къ тому или предложившихъ свои услуги придворныхъ лицъ. Мнѣ также было словесно предложено содѣйствовать осуществленію этого плана, но я отклонилъ всякое участіе въ немъ, сказавъ что это напоминало бы гаремное управленіе. Будучи вызванъ однажды изъ Франкфурта въ Баденъ-Баденъ, я сообщилъ ¹⁾ принцу объ этомъ планѣ, не называя его инициаторовъ. «Въ такомъ случаѣ я подамъ въ отставку!» воскликнулъ принцъ. Я замѣтилъ, что если онъ откажется отъ должностей, занимаемыхъ имъ въ войскѣ, то это не поможетъ дѣлу, а только ухудшитъ положеніе. Предложенный планъ могъ быть осуществленъ только въ томъ случаѣ, если бы министерство было за него. Поэтому я совѣтовалъ вызвать телеграммою министра Мантейфеля, который выжидалъ въ своемъ имѣніи результата, такъ какъ планъ былъ ему извѣстенъ, и пресѣчь интригу соответствующими распоряженіями. Принцъ согласился на это. По возвращеніи во Франкфуртъ я получилъ отъ Мантейфеля слѣдующее письмо:

Берлявъ, 20-го іюля 1858 г.

«Честь имѣю увѣдомить ваше высочордіе, что я намѣренъ выѣхать въ четвергъ 22-го числа сего мѣсяца въ 7 часовъ утра отсюда во Франкфуртъ, съ тѣмъ чтобы отправиться на слѣдующій день какъ можно ранѣе въ Баденъ-Баденъ. Мнѣ было бы пріятно, если бы ваше высочордіе могли сопровождать меня. По всей вѣроятности со мною поѣдутъ моя жена и сынъ, которые находятся еще въ имѣніи, но которыхъ я ожидаю сюда завтра.

«Я не желаю, чтобы во Франкфуртѣ было извѣстно о моемъ приѣздѣ, но я счелъ долгомъ предупредить объ этомъ ваше высочордіе».

Дальнѣйшій ходъ дѣла объ учрежденіи регентства выясняется изъ слѣдующаго письма Мантейфеля:

Берлявъ, 12-го октября 1858 г.

«Наше важное государственное дѣло наполовину окончено. Оно доставило мнѣ массу хлопотъ, заботъ и неприятностей. Не далѣе, какъ вчера я получилъ отъ Герлаха чрезвычайно колкое письмо. Онъ находитъ, что этимъ будетъ, до нѣкоторой степени, подорвана верховная власть. При всемъ моемъ желаніи, я не могу съ нимъ согласиться; вотъ какъ я смотрю на это дѣло:

¹⁾ 15-го іюля 1858 г. Примѣч. издателя.

«У насъ есть король, но онъ не въ состояніи управлять государствомъ; онъ самъ понимаетъ это и долженъ сознаться, что онъ уже болѣе года не можетъ заниматься дѣлами и что врачи, точно также какъ и онъ самъ, не могутъ даже приблизительно указать время, когда онъ будетъ въ состояніи самостоятельно управлять страной; дальнѣйшее продолженіе полномочій, данныхъ принцу, было бы неумѣстно и государству необходимо имѣть главу, который былъ бы отвѣтственъ только передъ самимъ собою; руководствуясь всѣми этими соображеніями, король повелитъ тому, кто долженъ наследовать послѣ него престолу, исполнить то, что предписано конституціей въ подобномъ случаѣ. Тогда будутъ приведены въ исполненіе постановленія конституціи, относительно этого пункта изложенныя какъ нельзя болѣе точно и въ самомъ монархическомъ духѣ; затѣмъ регентство, по закону, должно быть утверждено ландтагомъ, что въ данномъ случаѣ можетъ быть излишне послѣ заявленія короля, но имѣетъ свое основаніе; при этомъ строго должно соблюдаться правило, чтобы опредѣленіе ландтага ограничивалось только отвѣтомъ на вопросъ: необходимо ли учрежденіе регентства? Иными словами: устраненъ ли король отъ управленія по причинамъ достаточно уважительнымъ? Не понимаю, какимъ образомъ хотять обойти этотъ вопросъ; во всякомъ случаѣ намъ предстоятъ еще нѣкоторыя затрудненія чисто формальнаго свойства. Такъ напр. въ конституціи не указаны дѣловой порядокъ предусмотреннаго ею общаго собранія. Его придется еще установить; надѣюсь однако, что все это будетъ окончено дней черезъ пять; тогда принцъ принесетъ присягу и закроетъ собраніе.

«Само собою разумѣется, что въ этомъ засѣданіи не будутъ подлежать рассмотрѣнію никакія постороннія предложенія, какъ напр. относительно ассигновки денегъ. Если дѣла вамъ поизволятъ, было бы очень пріятно, чтобы вы пріѣхали сюда къ ландтагу, притомъ, если возможно, до начала засѣданій. До моего свидѣнія дошли и зумительныя предложенія крайней правой, противъ которыхъ слѣдовало бы воздѣйствовать, не только въ видахъ общей пользы, но даже въ интересахъ этихъ же господъ».

Я пріѣхалъ до открытія ландтага и въ частномъ засѣданіи нашей партіи энергично опровергъ мнѣніе тѣхъ господъ, которые были противъ утвержденія регентства, и доказывалъ необходимость утвердить его.

Когда принцъ прусскій былъ объявленъ, 26-го октября, регентомъ, Мантейфель спросилъ меня, что ему дѣлать, чтобы не быть уволеннымъ въ отставку помимо его желанія; по моей просьбѣ онъ далъ мнѣ прочесть его переписку съ регентомъ по этому поводу.

Когда я сказалъ, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ

томъ, что принцъ намѣренъ уволить его въ отставку, то мой отвѣтъ показался ему неискреннимъ, быть можетъ даже честолюбивымъ. 6-го ноября онъ былъ на самомъ дѣлѣ уволенъ и на его мѣсто былъ назначенъ князь Гогенцоллернъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1859 г. на балу у Мустье или у Кароли, графъ Штильфридъ сдѣлалъ мнѣ шутливое замѣчаніе, изъ котораго я могъ заключить, что я буду перемѣщенъ изъ Франкфурта въ Петербургъ, о чемъ неоднократно уже заходила рѣчь; его намекъ сопровождался доброжелательнымъ пожеланіемъ: *Per aspera ad astra*. Графъ получилъ вѣроятно эти свѣдѣнія благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ католикамъ, составлявшимъ личный штатъ принцессы, начиная отъ камергера и кончая ея камердинеромъ. Мои отношенія къ іезуитамъ были въ то время безоблачны, и графъ Штильфридъ относился ко мнѣ доброжелательно. Я понималъ его довольно прозрачный намекъ, отправился на слѣдующій день (26-го января) къ регенту и сказалъ ему откровенно, что я слышалъ, будто меня прочтѣ посланникомъ въ Петербургъ, и что я позволю себѣ выразить по этому поводу мое искреннее сожалѣніе и надежду, что это назначеніе можетъ быть отмѣнено.

— Кто вамъ это сказалъ?—воскликнулъ принцъ въ отвѣтъ на мой вопросъ.

Я отвѣчалъ, что съ моей стороны было бы нескромностью назвать тѣхъ, отъ кого я это слышалъ; могу только сказать, что это извѣстіе получено мною отъ клерикальной партіи, съ которой я издавна нахожусь въ близкихъ отношеніяхъ. Я сожалѣю объ этомъ назначеніи потому, что, служа во Франкфуртѣ, я хорошо изучилъ всѣ ходы и выходы этой лисьей норы союзнаго сейма и полагаю, что могъ бы тамъ быть полезнѣе многихъ моихъ преемниковъ, которымъ придется вновь изучать крайне сложную машину, основанную на взаимныхъ отношеніяхъ ко многимъ дворамъ и министрамъ; я не въ состояніи передать имъ мою восьмилѣтнюю опытность, пріобрѣтенную при довольно затруднительныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Каждый нѣмецкій принцъ, каждый нѣмецкій министръ лично мнѣ знакомъ, точно такъ же, какъ мнѣ знакомы лично придворные круги союзныхъ резиденцій, и я пользуюсь въ союзномъ сеймѣ и при нѣмецкихъ дворахъ вліяніемъ насколько это возможно для прусскаго дипломата. Съ моимъ отъѣздомъ изъ Франкфурта этотъ благопріобрѣтенный мною и завоеванный прусскою дипломатіей капиталъ будетъ утраченъ безцѣльно. Назначеніе на мое мѣсто Узедома не встрѣтитъ довѣрія нѣмецкихъ дворовъ, такъ какъ его либерализмъ сомнителенъ; его можно скорѣе назвать человѣкомъ придворнымъ, любителемъ рассказывать анекдоты, нежели государственнымъ человѣкомъ; г-жа Узедомъ своею эксцентричностью произведетъ во Франк-

фуртъ нежелательное впечатлѣніе и поставить себя въ неловкое положеніе.

Регентъ сказалъ на это:

— Вотъ поэтому-то выдающіяся способности Узедома и не могутъ быть примѣнены ни въ какомъ иномъ мѣстѣ, такъ какъ его жена вездѣ поставитъ себя въ неловкое положеніе.

Что и случилось дѣйствительно не только при тѣхъ дворахъ, при которыхъ служилъ ея супругъ, но даже и въ снисходительномъ Франкфуртѣ; ея высокомѣрное отношеніе къ частнымъ лицамъ и неприятности, которыя она имъ дѣлала, кичась своимъ положеніемъ, какъ жена посланника, вызывали настоящіе скандалы. Но г-жа Узедомъ была по происхожденію англичанка и пользовалась поэтому при дворѣ, гдѣ все иностранное цѣнилось выше нѣмецкаго, такимъ вниманіемъ, какимъ не могла бы пользоваться ни одна дама-нѣмка.

Я отвѣтилъ регенту на его слова приблизительно слѣдующее:

— Слѣдовательно я сдѣлалъ ошибку, не взявъ въ жены особу столь же мало одаренную тактомъ, иначе я имѣлъ бы такъ же, какъ графъ Узедомъ, право занимать постъ, съ которымъ я свылся.

— Я не понимаю,—замѣтилъ регентъ,—почему это васъ такъ раздражаетъ; мѣсто посланника въ Петербургѣ считалось всегда однимъ изъ высшихъ въ прусской дипломатіи и вы должны считать знакомъ высокаго довѣрія съ моей стороны, что я назначаю васъ туда.

— Коль скоро ваше королевское высочество оказываете мнѣ это довѣріе, разумѣется я долженъ молчать, но я пользуюсь правомъ свободно выражать мое мнѣніе, которое ваше королевское высочество всегда давали мнѣ, и не могу умолчать, что меня крайне тревожитъ положеніе дѣлъ и вліяніе, которое онѣ могутъ имѣть на вопросъ о германскомъ единствѣ. Узедомъ человекъ не спокойнаго характера, это не дѣловой человекъ. Онъ будетъ руководствоваться во всемъ инструкціями изъ Берлина; если графъ Шлиффенъ-Децернентъ (Schliffen-Desernent) отнесется къ этому вопросу сочувственно, то инструкціи будутъ хороши, но я не думаю во всякомъ случаѣ, чтобы Узедомъ могъ исполнить ихъ добросовѣстно.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ назначенъ во Франкфуртъ. Впослѣдствіи его образъ дѣйствій въ Туринѣ и во Флоренціи доказалъ, что я былъ правъ, высказывая объ немъ это мнѣніе. Онъ разыгрывалъ тамъ роль стратега и завятаго заговорщика, имѣлъ сношенія съ Гарибальди и Мадзини, и гордился этимъ. Изъ страсти къ подпольнымъ интригамъ, онъ взялъ себѣ въ личные секретари человека, который выдавалъ себя за приверженца Мадзини, но который оказался агентомъ австрійской тайной полиціи. Узедомъ давалъ ему читать документы и далъ ему въ руки шифръ, отсутствовалъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ,

оставляя бланки, на которыхъ секретари посольства писали свои донесенія. Такимъ образомъ случалось, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ получали за его подписью донесенія о переговорахъ, которые онъ яко бы велъ съ итальянскими министрами, между тѣмъ какъ въ указанное время онъ этихъ господъ и въ глаза не видалъ. Но онъ былъ извѣстный масонъ, поэтому когда я потребовалъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 г., чтобы этотъ бесполезный и сомнительной репутаціи посланникъ былъ отозванъ, то король, возведшій свою преданность къ масонамъ въ какой-то культъ, отвѣтилъ мнѣ на это рѣшительнымъ отказомъ и упорно стоялъ на своемъ, несмотря на то, что я нѣсколько дней уклонялся отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, вслѣдствіе чего я рѣшилъ наконецъ просить объ отставкѣ ¹⁾. Перечитывая теперь, по прошествіи 20-ти слишкомъ лѣтъ, документы, относящіеся къ этому эпизоду, я невольно сожалею о томъ, что бывъ поставленъ въ необходимость выбирать между тѣмъ, что я считалъ полезнымъ для государства и моей любовью къ королю, я поступилъ и конечно долженъ былъ поступить такъ, какъ требовали государственные интересы. Мнѣ становится совѣстно, когда я вспомню, съ какою любезностью король отвѣтилъ на мое педантичное отношеніе къ обязанностямъ службы. Мнѣ слѣдовало принести постъ во Флоренціи въ жертву ему и его масонскимъ убѣжденіямъ. Его величество писалъ мнѣ 22-го февраля 1869 г.: «Податель сего письма (секретарь короля Верманъ) исполнилъ порученіе, возложенное вами на него. Какъ могли вы подумать, что я соглашусь на то, что вы предлагаете! Жить съ вами и сознавать, что мы вполне сходимся съ вами во мнѣніяхъ, составляетъ для меня величайшее счастье. Можно ли такъ жестоко хандрить, чтобы единственный случай, когда мы разошлись съ вами во взглядахъ, заставилъ васъ сдѣлать столь рѣшительный шагъ! Когда между нами оказалось разногласіе во взглядахъ относительно способа покрытія дефицита, то вы писали мнѣ изъ Варцины, что хотя вы и не раздѣляете моего мнѣнія, но что согласившись принять постъ министра, вы поставили себѣ долгомъ подчиняться моимъ рѣшеніямъ, высказавъ предварительно свой взглядъ, какъ повелѣваетъ вамъ долгъ. Что же могло измѣнить столь благородную рѣшимость, высказанную вами всего три мѣсяца тому назадъ?

«Повторяю, между нами существуетъ разногласіе только по одному пункту, относительно Ф. на М. (Франкфурта на Майнѣ ²⁾). Что же касается

¹⁾ Сравни. Bismark-Jahrbuch, I, 76.

²⁾ Правительство представило 1-го февраля 1869 года ландтагу законопроектъ относительно удовлетворенія денежныхъ претензій между государственной казною и городомъ Франкфуртомъ, который прошелъ чрезъ мини-

Узедомани, то я еще вчера высказалъ вамъ письменно свое рѣшеніе, совершенно сходное съ вашимъ желаніемъ; домашнія дѣла уладятся. Относительно замѣщенія должностей мы были съ вами вполнѣ согласны, но нѣкоторые лица сами на это не соглашаются. Что же заставляетъ васъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ?

«Ваше имя занимаетъ въ исторіи Пруссіи болѣе видное мѣсто, нежели имя какого бы то ни было прусскаго государственнаго дѣятеля. И я долженъ васъ лишиться? Да ни за что. Отдыхъ и молитва все уладятъ. Преданный вамъ другъ В.»

На слѣдующій день я получилъ слѣдующее письмо отъ Роона:

Берлинъ, 23-го февраля 1869 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались вчера вечеромъ, многоуважаемый другъ мой, я все время думаю о васъ и о вашемъ рѣшеніи. Оно не даетъ мнѣ покоя. Мнѣ хочется сказать вамъ еще разъ, чтобы вы написали письмо въ такомъ духѣ, чтобы имѣть возможность взять ваше рѣшеніе обратно. Быть можетъ вы его еще не отослали и можете кое-что измѣнить въ немъ. Примите во вниманіе, что полученная вчера почти нѣжная записка производитъ впечатлѣніе искренности, хотя ее и не особенно легко объяснить. Она написана въ такомъ духѣ очевидно съ намѣреніемъ, чтобы вы приняли ее не за фальшивую, а за настоящую, полновѣсную монету; примите также во вниманіе, что примѣшанная къ ней лигатура есть не что иное, какъ ложный стыдъ человѣка, который не хочетъ сознаться въ своей винѣ, а принявъ во вниманіе положеніе писавшаго записку, пожалуй и не можетъ сказать: «я поступилъ весьма несправедливо и намѣренъ исправиться».

«Вы не должны сжигать своихъ кораблей. Вы не имѣете на это права: Вы этимъ погубите себя во мнѣніи страны и Европа посмѣется надъ вами. Побужденія, руководившія вами, не будутъ поняты; всѣ скажутъ онъ отчаялся въ возможности довести дѣло до конца и поэтому ушелъ. Я не буду повторять то, что я уже говорилъ вамъ, но прошу васъ еще разъ вѣрить моей неизмѣнной и искренней преданности. Вашъ фонъ-Роонъ».

Послѣ того какъ я взялъ назадъ свою просьбу объ отставкѣ, я получилъ отъ короля слѣдующее письмо:

стерство и былъ одобренъ королемъ. Между тѣмъ франкфуртскій магистратъ добился того, что когда еще не были окончены переговоры по поводу этого законопроекта, король далъ уже свое согласіе на выдачу г. Франкфурту изъ государственнаго казначейства 2.000.000 гульденовъ въ счетъ уплаты предъявленнаго имъ иска. Сообразно съ этимъ пришлось измѣнить самый законопроектъ.

Примѣч. издателя.

Берлинъ, 26-го февраля 1869 г.

«Когда, до нельзя изумленный тѣмъ, что сообщилъ мнѣ Верманъ, я писалъ вамъ 22-го числа коротенькую, но убѣдительную записку, чтобы отклонить васъ отъ намѣренія, которое могло быть для васъ пагубнымъ, я надѣялся, что, принимая окончательное рѣшеніе, вы примете во вниманіе все сказанное мною—и я не ошибся. Спасибо, сердечное вамъ спасибо за то, что вы не обманули моихъ ожиданій!

«Что касается главныхъ причинъ, заставившихъ васъ столь неожиданно подумать объ отставкѣ, то я признаю вполне ихъ основательность; вы помните конечно, что предлагая вамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, вступить вновь въ управленіе дѣлами, я настоятельно просилъ васъ, чтобы вы облегчили себѣ, по мѣрѣ возможности, вашу трудъ, чтобы вамъ не приходилось снова изнемогать подъ бременемъ работы и той массы дѣлъ, которую можно было предвидѣть. Къ сожалѣнію, вы не нашли, повидимому, возможнымъ доставить себѣ это облегченіе и мои опасенія оправдались: сверхъ ожиданія, у васъ появились даже мрачныя мысли и намѣренія. Если ваша дѣятельность нынѣ еще болѣе осложнилась, какъ вы говорите, то повѣрьте, что я сочувствую вамъ въ этомъ случаѣ болѣе чѣмъ кто либо другой. Одною изъ причинъ этого является назначеніе Зульцера ¹⁾. Я, со своей стороны, давно уже хотѣлъ дать ему иное назначеніе и не виноватъ, если это до сихъ поръ не состоялось, тѣмъ болѣе, что Эйленбургъ наконецъ самъ въ этомъ убѣдился. Я не виноватъ также, что дѣло Узедома доставило вамъ лишнюю работу, такъ какъ его оправдательная записка, написанная не по моему желанію, требовала разъясненій съ вашей стороны. Если я не изъявилъ тотчасъ своего согласія на то, что вы мнѣ предлагали, то вѣроятно вы были къ этому подготовлены видя мое изумленіе, когда вы сообщили мнѣ о шагѣ, сдѣланномъ вами относительно Узедома. Вы сообщили мнѣ это въ половинѣ января, т. е. всего три мѣсяца спустя послѣ того какъ впечатлѣніе, произведенное эпизодомъ Ламармора ²⁾ нѣсколько улеглось; такъ что я не могъ еще измѣнить своего взгляда относительно пребыванія Узедома въ Туринѣ. Полученное мною, 14-го

¹⁾ Помощникъ секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Альфонсъ Ферреро, маркизъ де-Ламармора, италіанскій генералъ и государственный дѣятель, род. 1804 г. † 1878 г. Въ 1855 г. командовалъ вспомогательнымъ сардинскимъ отрядомъ, посланнымъ въ Крымъ. Въ войну 1866 г. былъ главнокомандующимъ. Послѣ потери сраженія при Кустоцѣ его ничѣмъ необъяснимое бездѣйствіе сильно возстановило противъ него общественное мнѣніе, которое обвиняло его въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ III, вслѣдствіе чего онъ отказался отъ своихъ должностей. Издавъ книгу, заключающую въ себѣ закулисную исторію войны 1866 г.

В. В.

февраля, увѣдомленіе о дѣйствіяхъ Узедома, требовавшее если не преданія его дисциплинарному взысканію, то по крайней мѣрѣ немедленнаго увольненія отъ должности, было оставлено мною нѣсколько дней безъ послѣдствій потому, что до меня дошелъ слухъ, будто Кейдель, съ вашего вѣдома, предложилъ Узедому проситься въ отставку. Однако, я спрашивалъ васъ 21-го февраля, слѣдовательно до полученія отвѣта изъ Турина, кого вы полагаете назначить туда посланникомъ, и тѣмъ самымъ далъ вамъ понять, что я предвижу, что его мѣсто будетъ вскорѣ вакантнымъ. Несмотря на это, вы сдѣлали 22-го числа рѣшительный шагъ, объясняя его тѣмъ, что онъ былъ вызванъ дѣломъ Узедома. Второю причиною вы называете то обстоятельство, что выслушавъ докладъ министра касательно Франкфурта на Майнѣ, я не пожелалъ еще разъ слышать ваше мнѣніе прежде, нежели подписать докладъ. Такъ какъ вашъ взглядъ на дѣло и мнѣніе министра были выражены какъ нельзя болѣе ясно въ законопроектѣ и пояснительной къ нему запискѣ; къ тому же мнѣ было необходимо тотчасъ сдѣлать подпись на докладѣ для представленія его палатѣ, то мнѣ казалось излишнимъ выслушивать вторично вашъ докладъ, для того чтобы выяснитъ мой взглядъ на дѣло. Если бы мнѣ было доложено объ этомъ прежде, нежели въ министерствѣ установился извѣстный взглядъ на вопросъ о Франкфуртѣ на Майнѣ, совершенно отличный отъ того, что мнѣ было извѣстно раньше, то при обмѣнѣ мыслей можно было бы согласовать эти противорѣчивые взгляды. Тогда явилась бы возможность избѣгнуть разногласія и недостатка единодушія, передѣлки законопроекта и т. п. на что вы совершенно справедливо сѣтуете. Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите по этому поводу о трудности не нарушать правильнаго хода конституціонной машины и т. д., я не могу только согласиться съ высказаннымъ вами мнѣніемъ, будто вы и прочіе мои совѣтники не пользуетесь необходимымъ довѣріемъ. Вы сами говорите, что это первое разногласіе, возникшее между нами съ 1862 г.; неужели это доказываетъ, что я не довѣряю моимъ правительственнымъ органамъ? Никто болѣе меня не цѣнитъ того счастья, что за всѣ шесть лѣтъ пережитаго нами тревожнаго времени между нами ни разу не возникало несогласій; но мы этимъ избалованы, поэтому настоящій фактъ взволновалъ насъ болѣе чѣмъ слѣдовало.

«Можетъ ли монархъ оказывать своему первому министру болѣе довѣрія нежели я, когда я многократно писалъ вамъ частныя письма, что дѣлаю и въ настоящую минуту, касаясь въ нихъ текущихъ вопросовъ съ тою цѣлью, чтобы вы были увѣрены, что я ничего не предпринимаю тайно отъ васъ. Пославъ вамъ для прочтенія письмо генерала Мантейфеля относительно Мемельскаго дѣла ¹⁾, такъ какъ онъ сообщилъ въ немъ

¹⁾ Дѣло касалось Мемель-Тильзитской желѣзной дороги.

кой какія новости и мнѣ было интересно знать ваше мнѣніе, сообщивъ вамъ письмо генерала фонъ-Бойена и газетныя вырѣзки, по поводу которыхъ я сдѣлалъ замѣчаніе, что въ нихъ дословно говорится все то, что давно уже говорю вездѣ официально—врядъ ли я могъ дать вамъ еще большій знакъ моего къ вамъ довѣрія. Конечно вы и сами не потребуете, чтобы я оставался глухъ къ тому, что мнѣ говорятъ съ полнымъ довѣріемъ въ извѣстные важные моменты.

«Остановливаясь на нѣкоторыхъ пунктахъ вашего письма, въ которыхъ вы указываете на причины, вызвавшія ваше теперешнее настроеніе, я оставляю другіе безо всякаго замѣчанія; остановлюсь только на вашемъ собственномъ заявленіи о томъ, что ваше теперешнее настроеніе можетъ быть названо болѣзненнымъ; вы чувствуете себя измученнымъ, утомленнымъ, вы жаждете покоя. Я понимаю это какъ нельзя лучше, ибо то же испытываю и я, но могу ли я вслѣдствіе этого отказаться отъ занимаемаго мною поста, имѣю ли я на это право? Точно также и вы не вправѣ сдѣлать это. Вы не принадлежите исключительно самому себѣ, ваша жизнь слишкомъ тѣсно связана съ исторіей Пруссіи и Германіи, съ исторіей всей Европы, чтобы вы имѣли право удалиться со сцены, которая созидалась при вашей помощи. Но чтобы имѣть возможность посвятить себя всецѣло дѣлу вами созданному, вы должны облегчить себѣ трудъ, и я настоятельно прошу васъ представить мнѣ по этому поводу ваши соображенія. Вамъ слѣдовало бы, напр. освободиться отъ засѣданій въ министерствѣ, когда въ нихъ не обсуждается особенно важныхъ вопросовъ. У васъ такой прекрасный помощникъ въ лицѣ Дельбрюка, что онъ могъ бы облегчить васъ въ многомъ.

«Сократите ваши доклады у меня, ограничьтесь лишь самыми необходимыми и т. д. Но главное, не сомнѣвайтесь въ моемъ неизмѣнномъ довѣрії и всегдашней признательности. Вашъ Вильгельмъ».

Возвращаюсь къ моему разговору съ регентомъ. Выказавъ ему свои соображенія относительно должности посланника при союзномъ сеймѣ, я перешелъ къ общему положенію дѣлъ и сказалъ:

— У вашего королевскаго высочества во всемъ министерствѣ нѣтъ ни одного способнаго государственнаго человѣка, это все посредственности, все люди ограниченные.

— Развѣ вы считаете Бонина также человѣкомъ ограниченнымъ? спросилъ регентъ.

— Я этого не скажу, но онъ не въ состояніи держать въ порядкѣ своего собственнаго письменнаго стола, а не то что министерство.

— Да что же, вы меня считаете колпакомъ что ли? сказалъ регентъ обиженно. Я самъ буду управлять министерствами иностранныхъ дѣлъ и военнымъ. Я въ этомъ кое что понимаю.

— Въ настоящее время, сказалъ Бисмаркъ,—способнѣйшій ландратъ

не можетъ управлять округомъ не имѣя интеллигентнаго секретаря, на котораго ему приходится вполнѣ полагаться; то же самое необходимо, но въ гораздо болѣе степени, прусской монархіи. Не имѣя дѣльныхъ министровъ, вы не будете довольны результатомъ своего управленія. Внутреннія дѣла интересуютъ меня гораздо менѣе, но когда я подумаю о Шверинѣ, то мною овладѣваетъ безпокойство. Онъ храбръ и честенъ, и служа въ войскѣ, отличился бы точно такъ же, какъ его предокъ, убитый подъ Прагою; надъ самыми бровями у него выдается шишка опрометчивыхъ рѣшеній, то что французы называютъ *primesautier* ¹⁾, но у него нѣтъ того, что френологи называютъ шишкою разсудительности. Какъ государственный человѣкъ, Шверинъ не одаренъ способностью взвѣшивать послѣдствія, онъ скорѣе способенъ дѣйствовать сгоряча нежели идти спокойно къ достиженію намѣченной имъ цѣли.

Относительно ограниченности прочихъ лицъ, принцъ вполнѣ со мною согласился. Какъ бы то ни было, онъ старался представить мое назначеніе въ Петербургъ въ видѣ какого-то отличія; мнѣ показалось даже, какъ будто онъ былъ доволенъ тѣмъ, что непріятный и для него вопросъ о моемъ перемѣщеніи былъ упрощенъ тѣмъ, что обсужденіе его было начато по моей инициативѣ. Регентъ простился со мною весьма милостиво, а я оставилъ его съ чувствомъ искренней преданности къ его высочеству и съ еще болѣе большимъ презрѣніемъ къ тѣмъ лицамъ, которыя, пользуясь покровительствомъ принцессы, добивались вліянія и которымъ онъ подчинялся.

Министерство, образовавшееся при учрежденіи регентства, было создано ея высочествомъ и пользовалось ея высокимъ покровительствомъ. Впрочемъ, она не долго имѣла на этотъ кабинетъ руководящее вліяніе и скорѣе покровительствовала тѣмъ министрамъ, которые оказались непригодны для роли высшихъ руководителей государственнымъ дѣлами. Ея покровительствомъ пользовался въ особенности графъ Шверинъ, подчинявшійся вліянію бывшаго вполнѣ оберъ-бургомистра г. Данцига, Винтера и другихъ сановниковъ либеральнаго лагеря. Будучи министромъ, онъ держалъ себя по отношенію къ регенту такъ независимо, что на письменныя приказанія его высочества отвѣчалъ письменно же, что онѣ не контрассигнованы. Когда регентъ былъ вынужденъ однажды министерствомъ подписать какую-то бумагу противъ своего желанія, то онъ сдѣлалъ подпись совершенно неразборчиво и расчеркнувшись сломалъ перо забрызгавъ ее. Графъ Шверинъ приказалъ перебѣлить документъ и настоялъ на томъ, чтобы подпись была сдѣлана четко. Тогда регентъ подписалъ бумагу своимъ обычнымъ почеркомъ, но скомкалъ ее и кинулъ въ уголъ; ее подняли, разгладили и присоединили къ актамъ.

¹⁾ Человѣкъ быстро рѣшающійся, опрометчивый.

Разсматривая мою просьбу объ отставкѣ, поданную въ 1877 г., я также могъ замѣтить, что его величество скомкалъ ее прежде нежели отвѣтить на нее.

Я былъ назначенъ 29-го января 1859 г. посланникомъ въ Петербургъ, но выѣхалъ изъ Франкфурта только 6-го марта и до 23-го марта пробылъ въ Берлинѣ. Въ это время я имѣлъ случай познакомиться на практикѣ со способомъ употребленія австрійскаго секретнаго фонда, о которомъ мнѣ было извѣстно ранѣе только по сообщеніямъ прессы. Банкиръ Левинштейнъ, который много лѣтъ имѣлъ дѣловыя сношенія съ моимъ начальникомъ и, исполняя секретныя порученія въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, былъ лично извѣстенъ руководителямъ иностранной политики и императору Наполеону, прислалъ мнѣ по-утру, въ самый день моего отъѣзда, слѣдующее письмо:

«Симъ позволяю себѣ почтительнѣйше пожелать вашему превосходительству счастливаго пути и благополучнаго исполненія возложенной на васъ миссіи, въ надеждѣ, что мы будемъ скоро имѣть удовольствіе привѣтствовать васъ здѣсь, такъ какъ ваша дѣятельность несомнѣнно можетъ быть полезнѣе въ отечествѣ нежели вдали отъ него.

«Въ наше время нужны люди, нужна энергія, въ этомъ убѣдятся здѣсь можетъ быть слишкомъ поздно. Но событія идутъ въ наше время стремительно, и я опасаясь, что едва ли миръ долго продержится какъ бы ни старались склеить его на нѣсколько мѣсяцевъ.

«Я совершилъ сегодня маленькую денежную операцію, которая принесетъ, надѣюсь, хорошіе плоды; я буду имѣть честь сообщить вамъ позднѣе въ чемъ дѣло.

«Въ Вѣнѣ очень встревожены вашей миссіей въ Петербургъ, такъ какъ васъ считаютъ тамъ принципиальнымъ противникомъ Австріи.

«Не дурно было бы поладить съ нею, ибо рано или поздно обѣ эти державы всетаки придутъ съ нами къ соглашенію.

«Если бы ваше превосходительство, въ какихъ бы то ни было выраженіяхъ удостовѣрили меня письменно, что вы лично не предубѣждены противъ Австріи, то это принесло бы большую пользу, послѣдствія которой не могутъ быть теперь исчислены. Г. фонъ-Мантейфель всегда говоритъ, что я настойчивъ въ проведеніи какой-нибудь идеи и не успокоиваюсь до тѣхъ поръ, пока не достигну цѣли—но онъ всегда прибавляетъ, что я не честолюбивъ и не скупъ на деньги. Благодаря Бога, я могу до сихъ поръ гордиться тѣмъ, что никто не понесъ убытка отъ сношеній со мною.

«На время вашего отсутствія, я съ удовольствіемъ предлагаю вамъ свои услуги для устройства вашихъ дѣлъ здѣсь или гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Врядъ ли кто-либо иной въ состояніи повести ихъ болѣе честно и безкорыстно.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Левинштейнъ».

Б 23/III 1859.

Я ничего не отвѣтить на это письмо, но самъ г. Левинштейнъ по-сѣтилъ меня въ тотъ же день, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ на желѣзную дорогу, въ Hôtel Royal, гдѣ я остановился. Предъявивъ мнѣ въ удостовѣреніе своей личности собственноручное письмо отъ графа Буоля, онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ одномъ денежномъ пред-пріятіи, которое «навѣрняка дастъ мнѣ 20.000 талеровъ ежегодно». Когда я возразилъ на это, что я не располагаю свободнымъ капиталомъ, то онъ отвѣтилъ, что это дѣло не потребуетъ отъ меня денежнаго вклада, и что мое участіе въ немъ будетъ заключаться лишь въ томъ, что, состоя при русскомъ дворѣ представителемъ прусской политики, я явлюсь вмѣстѣ съ тѣмъ ходатаемъ за интересы Австріи, ибо стоящіе на очереди вопросы только тогда могутъ быть рѣшены въ желаемомъ смыслѣ, если отношенія между Россіей и Австріей будутъ доброжела-тельные. Мнѣ очень хотѣлось имѣть какое-нибудь письменное удосто-вѣреніе относительно сдѣланнаго мнѣ предложенія, чтобы представить регенту наглядное доказательство того, какъ основательно было мое не-довѣріе къ политикѣ графа Буоля. Поэтому я заявилъ Левинштейну, что въ столь щекотливомъ дѣлѣ мнѣ необходимо имѣть болѣе вѣрное ручательство, нежели словесное обѣщаніе, сдѣланное имъ на основаніи нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ рукою графа Буоля, которыя онъ оставилъ при себѣ. Онъ не согласился дать мнѣ письменное обязатель-ство, но увеличилъ предлагаемую сумму до 30.000 талеровъ. Убѣдив-шись, что мнѣ не удастся получить отъ него никакого письменнаго до-кумента, я предложилъ Левинштейну оставить меня и самъ всталъ, чтобы выйти. Онъ послѣдовалъ за мною на лѣстницу, оживленно раз-говаривая на тему, что «не мѣшало бы вамъ одуматься; имѣть импе-раторское правительство своимъ врагомъ не особенно пріятно» и т. д., но когда я обратилъ его вниманіе на то, что лѣстница очень крута и что физически я сильнѣе его, то онъ поспѣшилъ спуститься съ лѣст-ницы и уѣхалъ.

Этотъ агентъ былъ мнѣ лично извѣстенъ потому, что онъ давно уже пользовался особымъ довѣріемъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и во времена Мантейфеля исполнялъ нѣкоторыя порученія его ко мнѣ. Низшихъ служащихъ въ министерствѣ онъ задобривалъ, раздавая имъ щедрой рукой на чай.

Когда я былъ назначенъ министромъ, и отношенія Левинштейна къ министерству иностранныхъ дѣлъ были прекращены, то нѣкоторыя лица, и между прочимъ консулъ Бамбергъ въ Парижѣ дѣлалъ попытки воз-

обновить эти отношенія; этотъ консулъ неоднократно заходилъ ко мнѣ и упрекалъ меня за то, что я такъ дурно поступаю съ столь «прекраснымъ человѣкомъ», какъ Левинштейнъ, который занимаетъ такое положеніе при европейскихъ дворахъ.

Я нашелъ нужнымъ отмѣнить также нѣкоторые обычаи, укоренившіеся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Служившій много лѣтъ при министерствѣ старикъ швейцаръ, горькій пьяница, не могъ быть уволенъ безъ причины, какъ человѣкъ, состоявшій на казенной службѣ. Я заставилъ его подать прошеніе объ отставкѣ, пригрозивъ, что я притяну его въ судъ за то, что онъ «показываетъ меня за деньги», такъ какъ получая на чай, онъ впускалъ ко мнѣ всякаго. Когда онъ сталъ возражать, то я заставилъ его замолчать, сказавъ:

— Когда я былъ посланникомъ, развѣ вы не впускали меня къ г. Мантейфелю, когда я хотѣлъ—за одинъ талеръ и за два талера въ тѣ дни, когда было особенно строго приказано никого не принимать.

Моя собственная прислуга докладывала мнѣ иной разъ какія сумасшедшія деньги давалъ ей на чай Левинштейнъ. Дѣятельными агентами и взяточниками были нѣкоторые канцелярскіе служителя, опредѣленные въ министерство Мантейфелемъ и Штейницемъ; между ними былъ одинъ масонъ, человѣкъ слишкомъ извѣстный для занимаемой имъ второстепенной должности. Графъ Бернсторфъ, бывшій министромъ весьма короткое время, не могъ искоренить этого взяточничества; впрочемъ онъ былъ слишкомъ занятъ высшими дѣлами и своимъ графскимъ достоинствомъ, чтобы интересоваться этими мелочами. Я передалъ въ послѣдствіи регенту со всѣми подробностями о моемъ свиданіи съ Левинштейномъ, высказалъ ему свое мнѣніе объ немъ и рассказалъ объ его отношеніяхъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ; но долженъ былъ выждать случая сдѣлать это устно, что представилось мнѣ только нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Я не рассчитывалъ, чтобы мое письменное сообщеніе объ Левинштейнѣ могло имѣть какой-либо успѣхъ, такъ какъ г. фонъ-Штейницъ покровительствовалъ ему не только у регента, но и у принцессы¹⁾, которая, передавая своему супругу слышанное, не имѣла обыкновенія отнестись къ дѣлу объективно, но всегда была готова взять сторону моихъ противниковъ.

¹⁾ Сравн. то, что обнаружилось при процессѣ гофрата Манхе, окт. 1891 г.
Примѣчаніе Бисмарка.

IX.

Услуги, оказанныя императоромъ Николаемъ I Австріи въ 1849 г. и Пруссіи въ Ольмюцѣ.—Петербургское общество въ 1859 г.—Значеніе, которое придаютъ орденамъ въ Петербургѣ и Парижѣ.—Недружелюбное отношеніе молодого поколѣнія дасть себя чувствовать въ политикѣ. Отношеніе князя Горчакова къ Бисмарку.—Причины охлажденія къ нему Горчакова.—Стойкость русскаго солдата.—Донесенія Бисмарка возбуждаютъ подозрѣніе регента.—Перлюстрація писемъ въ Австріи.—Странный обычай, практиковавшійся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ.—Воспоминанія о посѣщеніи Москвы.—Болезнь и печальныя послѣдствія пользованія у врача-шарлатана.

Въ исторіи европейскихъ государствъ едва ли найдется еще примѣръ, чтобы монархъ великой державы оказалъ сосѣдному государству услугу, подобную той, которую оказалъ Австріи императоръ Николай. Видя опасное положеніе, въ какомъ она находилась въ 1849 г., онъ пришелъ ей на помощь съ 150.000 войскомъ, усмирилъ Венгрію, возстановилъ въ ней королевскую власть и отозвалъ свое войско, не потребовавъ за это отъ Австріи никакихъ уступокъ, никакого вознагражденія, не затронувъ даже спорнаго Восточнаго или Польскаго вопроса. Подобная же безкорыстная, дружеская услуга была оказана императоромъ Николаемъ и Пруссіи во внѣшней политикѣ во время Ольмюцкой конференціи. Еслибы даже эта услуга была вызвана не однимъ дружескимъ расположеніемъ, но и соображеніями политическаго характера, все же она превосходила все то, что одинъ монархъ сдѣлаетъ когда-либо для другого и можетъ быть объяснена только властнымъ и въ высокой степени рыцарскимъ характеромъ самодержавнаго монарха. Императоръ Николай смотрѣлъ въ то время на императора Франца-Иосифа какъ на своего преемника въ роли руководителя консервативнымъ тройственнымъ союзомъ, который былъ призванъ, по его мнѣнію, бороться съ революціей во всѣхъ ея проявленіяхъ. Своего собственнаго наслѣдника и короля Фридриха-Вильгельма онъ не считалъ подходящими для этой роли. Въ Венгріи и въ Ольмюцѣ императоръ Николай дѣйствовалъ въ убѣжденіи, что онъ, какъ представитель монархическаго принципа, предназначенъ судьбою объявить борьбу революціи, которая надвигалась съ Запада. Онъ былъ идеалистъ, и остался вѣренъ самому себѣ во всѣ пережитые имъ историческіе моменты.

Въ мое время въ петербургскомъ обществѣ было три типа людей, принадлежавшихъ къ тремъ различнымъ поколѣніямъ. Типъ знатнаго, европейски и классически образованнаго вельможи временъ Александра I вымиралъ. Къ нему можно было еще отнести Меншикова, Воронцова, Блудова, Нессельроде и по уму и образованію Горчакова, который нѣсколько уступалъ названнымъ лицамъ вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго тщеславія. Всѣ они, получивъ классическое образованіе, говорили совершенно свободно не только на французскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ и по своему образованію принадлежали къ сливкамъ европейскаго общества.

Второе поколѣніе, однихъ лѣтъ съ императоромъ Николаемъ, старалось во всемъ ему подражать: но въ своихъ разговорахъ эти лица ограничивались исключительно придворными сплетнями, бесѣдою о театрѣ, производствахъ и разныхъ происшествіяхъ въ военномъ мірѣ. Къ числу немногихъ лицъ этой категоріи, которые по своему умственному развитію приближались къ прежнему поколѣнію, принадлежали: старикъ князь Орловъ, который отличался твердымъ характеромъ, изысканной вѣжливостью обхожденія и былъ расположенъ къ Германіи; графы Адлербергъ, отецъ и сынъ, бывшій впоследствии министромъ двора, и Петръ Шуваловъ, человѣкъ умный, которому не доставало только трудолюбія, чтобы играть видную роль; князь Суворовъ, болѣе другихъ симпатизировавшій намъ, нѣмцамъ. Къ типу генерала Николаевскихъ временъ, къ которому примѣшивались нѣкоторыя черты, свойственныя нѣмецкимъ буршамъ и усвоенныя имъ во время пребыванія въ нѣмецкихъ университетахъ; принадлежалъ главноуправляющій путями сообщеніями, генераль Чевкинъ, человѣкъ въ высшей степени проникательный и остроумный, обладавшій тѣмъ особеннымъ свойствомъ ума, которымъ отличаются нерѣдко горбатые люди, который вѣчно ссорился съ княземъ Суворовымъ, хотя и считался въ числѣ его друзей, и, наконецъ, баронъ Петръ фонъ-Мейендорфъ, для меня лично самый симпатичный изъ пожилыхъ дипломатовъ. Онъ былъ въ свое время посланникомъ въ Берлинъ и по своему образованію и утонченнымъ манерамъ принадлежалъ скорѣе къ людямъ Александровскихъ временъ. Служа въ молодости офицеромъ въ линейномъ полку, съ которымъ онъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ, Мейендорфъ обратилъ на себя вниманіе своимъ умомъ и личной храбростью и только благодаря своимъ способностямъ дошелъ до положенія государственнаго дѣятеля, мнѣніе котораго имѣло вѣсъ въ глазахъ императора Николая. Домъ Мейендорфа въ Берлинѣ и въ Петербургѣ отличался гостепримствомъ, чему не мало способствовала его супруга, женщина въ высшей степени умная, благородная, привѣтливая, которая была блестящимъ подтвержденіемъ того факта, что въ семействѣ Буоль качества ума наследственны въ женской линіи. Ея братъ, австрійскій министръ, графъ Буоль, не унаслѣдовалъ способностей, необходимыхъ для того, чтобы руководить политикой великой монархіи. Отношенія между братомъ и сестрою походили на отношенія, существовавшія между австрійской и русской политикой. Когда я былъ назначенъ въ 1852 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Вѣну, то ихъ отношенія были таковы, что г-жа Мейендорфъ, повинувшись вѣроятно инструкціямъ, полученнымъ ею отъ своего супруга, была готова облегчить мнѣ исполненіе моей миссіи, благожелательной для Австріи. Императоръ Николай хотѣлъ въ то время, чтобы между нами и Австріей установилось согласіе. Когда же, годъ или два спустя,

во время Крымской кампаніи, зашла рѣчь о моемъ назначеніи въ Вѣну, то г-жа Мейендорфъ выразила мнѣ надежду, что я буду въ Вѣнѣ и «разозлю Карла до того, что у него сдѣлается разлитіе желчи». Со стороны сестры желаніе довольно оригинальное. Какъ супруга русскаго генерала, г-жа Мейендорфъ была истой русской патриоткой; но я увѣренъ, что она и по своимъ собственнымъ взглядамъ не могла бы одобрить враждебной и неблагодарной политики, на которую графъ Буоль натолкнулъ Австрію.

Третье болѣе молодое поколѣніе петербургскаго общества значительно уступало первымъ двумъ относительно вѣжливости, манеръ и внѣшняго лоска и относилось гораздо менѣе сочувственно къ нѣмцамъ, въ особенности къ пруссакамъ.

Если кто-нибудь, не зная русскаго языка, обращался къ этимъ господамъ по-нѣмецки, то они отговаривались обыкновенно незнаніемъ этого языка и отвѣчали нелюбезно или вовсе отмалчивались и въ обращеніи со статскими не снисходили до той любезности, съ которой они относились другъ къ другу въ военномъ или чиновничьемъ кругу.

Въ Петербургѣ прислуга иностранныхъ посланниковъ носила, кромѣ присвоенной дипломатическому корпусу ливреи, въ видѣ отличія аксельбанты; это было весьма пріятно, такъ какъ иначе представители дипломатическаго корпуса, не имѣя обыкновенія носить на улицѣ мундира и орденовъ, могли имѣть весьма непріятныя столкновенія съ полиціей и съ лицами высшаго общества, подобно тому какъ зачастую подвергались на улицѣ непріятностямъ статскіе, если они не имѣли на шеѣ ордена или не были лично извѣстны полиціи, какъ лица, принадлежащія къ высшему обществу.

Въ Парижѣ, въ царствованіе Наполеона III, я наблюдалъ то же самое. Если бы мнѣ пришлось жить тамъ долѣе, то я ходилъ бы конечно по улицѣ не иначе какъ съ орденомъ въ петличкѣ, какъ французы. На одномъ изъ парижскихъ бульваровъ мнѣ пришлось однажды быть свидѣтелемъ такой сцены: во время какого-то праздника толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ не могла двинуться ни взадъ, ни впередъ вслѣдствіе того, что она попала между двумя отрядами войскъ, шедшими въ разныхъ направленіяхъ; полиція, не понимая причины этой остановки, стала усердно работать кулаками и награждать толпу столь излюбленными въ Парижѣ пинками, пока не наткнулась на господина, украшеннаго орденомъ. Красненькая ленточка, украшавшая его петлицу, подѣйствовала на полицейскихъ такъ магически, что они выслушали его возраженія и убѣдились, что толпа, которую они, не разобравъ дѣло, обвиняли въ упрямствѣ, была стиснута между двумя отрядами войскъ и слѣдовательно была не въ состояніи двинуться далѣе.

Старшій полицейскій вышелъ изъ затруднительнаго положенія, ска-

завъ шутя, указывая на отрядъ chasseurs de Vincennes, которые дефилировали ровнымъ шагомъ и на которыхъ онъ до сихъ поръ не обращалъ вниманія: «Eh bien! il faut enfoncer ça!» Публика, не исключая тѣхъ, кому досталось отъ полицейскихъ, расхохоталась; тѣ же, которые не пострадали въ свалкѣ, разошлись весьма признательные въ душѣ тому господину съ орденомъ, который спасъ ихъ своимъ присутствіемъ.

Если бы дальность разстояній не заставляла въ Петербургѣ постоянно ѣздить въ каретѣ съ лакеемъ при аксельбантѣ, то я точно такъ же считалъ бы необходимымъ выходить на улицу не иначе какъ имѣя русскій орденъ на шеѣ. Даже катаясь верхомъ въ статскомъ платьѣ, безъ конюха, и встрѣтивъ экипажъ какого-нибудь изъ высшихъ сановниковъ, которыхъ легко узнать по ливреѣ ихъ кучера, всегда могло случиться, что послѣдній окрикнетъ васъ или преградитъ вамъ путь. Кто хорошо правилъ лошадыю и имѣлъ въ рукахъ хлысть, тотъ имѣлъ, по моему мнѣнію, полное право, въ подобномъ случаѣ, самолично расправиться съ нахаломъ. Но такъ какъ въ числѣ весьма немногихъ лицъ, катавшихся верхомъ въ окрестностяхъ Петербурга, большинство составляли купцы, нѣмцы или англичане, то они въ силу своего общественнаго положенія избѣгали непріятныхъ столкновеній и скорѣе были готовы что-либо снести, нежели обращаться съ жалобою къ властямъ. Изъ военныхъ весьма немногіе пользовались для верховой ѣзды прекрасными дорогами на островахъ или въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы; изъ офицеровъ катались верхомъ также по большей части одни нѣмцы. Всѣ старанія высшаго начальства пріохотить офицерство къ верховой ѣздѣ были напрасны. Замѣчательно, что лучшими ѣздоками между военными считались два адмирала: великій князь Константинъ Николаевичъ и князь Меншиковъ.

Не говоря объ искусствѣ верховой ѣзды, молодое поколѣніе уступало предшествовавшему, т. е. людямъ Николаевскихъ временъ, также относительно манеръ и хорошаго тона; а относительно образованія и европейскаго лоска оба они уступали старикамъ временъ Александра I. Но все же въ придворныхъ кругахъ и въ такъ называемомъ «обществѣ», а также въ аристократическихъ домахъ, подъ вліяніемъ дамскаго пола, поддерживался безусловно хорошій тонъ. Но нельзя сказать, чтобы молодые люди отличались изысканной вѣжливостью, когда съ ними приходилось сталкиваться при такихъ обстоятельствахъ, когда они были внѣ контроля придворной сферы и высшаго дамскаго круга. Была ли это реакція со стороны молодого поколѣнія противъ вліянія нѣмецкаго общества, которое было прежде довольно сильно, или причиною этого былъ упадокъ образованія въ русскомъ обществѣ по сравненію съ эпохою императора Александра I — рѣшить не берусь; быть можетъ это объ-

ясняется также вліяніемъ на молодежь парижскихъ нравовъ. Хорошія манеры и безусловно вѣжливый тонъ не составляютъ въ настоящее время отличительной черты высшаго французскаго общества, исключая Сень-Жерменскаго предмѣстья; я имѣлъ неоднократно случай убѣдиться въ этомъ, бывая въ обществѣ болѣе пожилыхъ мужчинъ во Франціи и дамъ всѣхъ возрастовъ во французскомъ и русскомъ обществѣ. Впрочемъ, такъ какъ мнѣ, по моему положенію въ Петербургѣ, не приходилось особенно часто сходитьсѣ съ молодымъ поколѣніемъ, то я вынесъ изъ моего пребыванія въ Россіи самое пріятное воспоминаніе, чему я обязанъ любезности придворныхъ и болѣе пожилыхъ дамъ и кавалеровъ свѣтскаго круга.

Непріязненное отношеніе къ Германіи со стороны молодого поколѣнія проявилось на политическомъ поприщѣ по отношенію ко мнѣ и другимъ лицамъ особенно рѣзко съ тѣхъ поръ, какъ мой русскій коллега князь Горчаковъ сталъ относиться и ко мнѣ со свойственнымъ ему высокомеріемъ. Пока онъ видѣлъ во мнѣ только молодого сотоварища, въ политическомъ воспитаніи котораго онъ былъ готовъ принять участіе, до тѣхъ поръ онъ относился ко мнѣ въ высшей степени благосклонно. Желаніе оказать мнѣ довѣріе заставляло его нерѣдко переступать границы, допускаемыя дипломатами; можетъ быть онъ это дѣлалъ съ какой-либо предвзятой цѣлью, а можетъ быть имъ руководило въ этомъ случаѣ тщеславное желаніе похвастать передъ коллегой, въ преклоненіи коего передъ нимъ мнѣ удалось убѣдить его. Подобныя отношенія не могли продолжаться въ то время, когда, будучи уже прусскимъ министромъ, я не могъ долѣе поддерживать его иллюзіи насчетъ его превосходства какъ частнаго человѣка и какъ государственнаго дѣятеля; какъ только я выступилъ въ болѣе самостоятельной роли прусскаго и нѣмецкаго государственнаго дѣятеля и его соперника, такъ его благоволеніе ко мнѣ обратилось мало-по-малу въ непріязнь.

Не помню, наступила ли эта перемѣна послѣ 1870 г. или я ее ранѣе не замѣчалъ. Въ первомъ случаѣ это можно объяснить причиной весьма уважительной и вполне понятной со стороны русскаго канцлера, а именно несбывшимся ожиданіемъ по поводу того, что разладъ между нами и Австріей не прекратится и послѣ 1866 года. Мы охотно поддерживали въ 1870 году требованія русскои политики, желая освободить ее отъ стѣснительныхъ для нея условій Парижскаго трактата относительно Чернаго моря. Эти условія были противоестественны; запрещеніе свободнаго плаванія у своихъ собственныхъ береговъ не могло быть долго терпимо такой державою, какъ Россія, ибо оно было для нея унижительно. Къ тому же наши собственные интересы не требовали, чтобы мы мѣшали Россіи употреблять избытокъ своихъ силъ на Востокъ; мы должны радоваться тому, что на нашемъ пути и въ нашемъ историче-

скомъ развитіи находится въ Европѣ держава, съ которой наши политическіе интересы отнюдь не сталкиваются, какъ это было до сихъ поръ относительно Россіи. Съ Франціей мы никогда не можемъ жить въ мирѣ, съ Россіей у насъ никогда не будетъ повода воевать, если наши отношенія не будутъ испорчены либеральными мечтаніями или династическими недоразумѣніями.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ въ 1859 году слѣдующій случай далъ мнѣ понятіе объ одной отличительной чертѣ русскаго характера.

Ранней весною любимымъ мѣстомъ прогулокъ придворнаго общества былъ Лѣтній садъ. Императору бросилось однажды въ глаза, что на одной изъ лужаекъ стоялъ на часахъ солдатъ. На вопросъ, почему онъ тутъ стоитъ, солдатъ могъ только отвѣтить, что «такъ приказано», поэтому императоръ приказалъ своему адъютанту узнать у караульнаго офицера, почему тутъ именно поставленъ часовой, но офицеръ также не могъ этого объяснить; ему было извѣстно, что на этомъ посту зимою и лѣтомъ стоитъ часовой, но причины этого распоряженія онъ не зналъ. Это заинтересовало всѣхъ при дворѣ и объ этомъ часовомъ говорили во дворцѣ цѣлый день. Въ числѣ служителей нашелся одинъ старый слуга, состоявшій уже на пенсіи, который сообщилъ, услыхавъ этотъ разговоръ, что его отецъ, гуляя съ нимъ однажды въ Лѣтнемъ саду и проходя мимо этой лужайки, сказалъ ему:

— Посмотри, часовой все еще стоитъ и караулитъ цвѣтокъ. Императрица Екатерина увидѣла однажды на этомъ мѣстѣ раннею весною подсаженикъ и приказала слѣдить, чтобы его не сорвали. Для этого тутъ былъ поставленъ часовой, и съ тѣхъ поръ онъ стоитъ тутъ изъ года въ годъ.

Это кажется намъ на первый взглядъ смѣшно, но, по моему мнѣнію, въ этомъ фактѣ выражается та непосредственность, та стойкость и выносливость, которыя составляютъ отличительную черту характера русскаго человѣка по сравненію съ остальными европейцами. Невольно вспоминаешь при этомъ часовыхъ, которые утонули на своемъ посту во время наводненія въ Петербургѣ въ 1825 г. и замерзли на Шипкѣ въ 1877 г.

Занимая должность посланника въ Петербургѣ во время Италіанской войны, я думалъ, что мнѣ удастся имѣть вліяніе на рѣшенія берлинскаго кабинета, такъ, какъ мнѣ это удавалось съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ то время, когда я находился во Франкфуртѣ; я не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что огромный трудъ, потраченный мною съ этой цѣлью на составленіе моихъ донесеній, не приносилъ ровно никакой пользы, такъ какъ ни собственноручныя мои донесенія, ни сообщенія, которыя посылались мною въ видѣ собственноручныхъ писемъ,

не доходили до свѣдѣнія регента или доходили до него съ такими комментаріями, которыя уничтожали весь ихъ смыслъ. Единственнымъ результатомъ всѣхъ моихъ стараній было то, что болѣзнь, которою я страдалъ въ то время, ухудшилась и что безпристрастность моихъ донесеній, въ коихъ я излагалъ взгляды императора, возбудила подозрѣніе, и въ Петербургъ былъ посланъ графъ Мюнстеръ, бывшій нѣкогда военно уполномоченнымъ въ Россіи, чтобы провѣрить справедливость всего сообщаемого мною. Я имѣлъ возможность доказать графу, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что мои донесенія были основаны на собственноручныхъ замѣткахъ императора, дѣлаемыхъ имъ на поляхъ докладовъ, которые представляютъ ему русскіе дипломаты и которые были мнѣ показаны княземъ Горчаковымъ, и на словесныхъ сообщеніяхъ друзей, которыхъ я имѣлъ въ министерствѣ и при дворѣ. Можетъ быть собственноручныя замѣтки императора были показаны мнѣ съ умысломъ, чтобы ихъ содержаніе дошло неофициальнымъ путемъ до Берлина.

Весьма характеренъ, въ виду тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, самый способъ, коимъ мнѣ дѣлались нѣрѣдко весьма важныя сообщенія. Тотъ, кто дѣлалъ мнѣ эти сообщенія, уходя, оборачивался напимѣръ въ дверяхъ и говорилъ: «Первая откровенность вынуждаетъ меня ко второй. Вы навѣрно передадите все, что я вамъ сказалъ въ Берлинѣ, не пользуйтесь только для этого вашимъ шифромъ за № такимъ то, мы уже много лѣтъ имѣемъ къ нему ключъ и у насъ, разумѣется, сочли бы, что эти свѣдѣнія получены отъ меня. Прошу васъ также не бросать теперь же скомпрометированнаго шифра, но употреблять его еще въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ для самыхъ невинныхъ телеграммъ».

Для своего собственнаго успокоенія, я заключилъ тогда изъ этихъ словъ, что русскимъ былъ извѣстенъ одинъ только этотъ шифръ. Сохранить тайну шифра въ Петербургѣ было весьма трудно, такъ какъ у всякаго посольства въ числѣ низшихъ служащихъ и прислуги были русскіе люди, и тайная полиція легко могла вербовать себѣ агентовъ.

Во время войны Австріи съ Франціей, императоръ Александръ жаловался мнѣ однажды въ откровенной бесѣдѣ, на рѣзкій и даже оскорбительный тонъ, коимъ нѣмецкіе принцы критиковали русскую политику въ своихъ письмахъ къ особамъ императорскихъ фамилій.

— Всего обиднѣе, сказалъ императоръ, что господа нѣмецкіе кузены посылаютъ свои грубыя выходки по почтѣ, съ тою цѣлью, чтобы онѣ вѣрнѣе доходили до моего вѣдома.

Въ Вѣнѣ также существовалъ нѣкогда подобный обычай. Было время, до постройки желѣзныхъ дорогъ, когда лишь только прусскій курьеръ успѣвалъ переѣхать австрійскую границу, къ нему въ экипажѣ

тотчасъ садился австрійскій чиновникъ, который съ поразительной ловкостью вскрывалъ при его же помощи депеши и дѣлалъ изъ нихъ выписки прежде, нежели онѣ были доставлены въ посольство въ Вѣну. Даже когда этотъ обычай уже не существовалъ, кабинеты считали болѣе цѣлесообразнымъ, въ видахъ осторожности, сноситься между собою изъ Вѣны и Петербурга простыми письмами, которыя посылались на нѣя тамошнихъ прусскихъ посланниковъ.

Въ бытность мою посланникомъ въ Вѣнѣ, въ 1852 г., я былъ пораженъ существовавшимъ тамъ весьма страшнымъ обыкновениемъ, а именно: если посланнику надобно было что-либо сообщить вѣнскому кабинету, то онъ долженъ былъ предъявлять австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ въ оригиналѣ инструкцію, коей онъ былъ на это уполномоченъ изъ Берлина. Этотъ обычай во всякомъ случаѣ крайне неудобный въ дѣловомъ отношеніи и при которомъ дѣятельность посланника, какъ дипломатическаго посредника, оказывалась въ сущности излишнею,—укоренился такъ глубоко, что когда я возсталъ противъ него, то правитель канцеляріи, давно уже состоявшій при посольствѣ, началъ доказывать мнѣ, что если австрійцы измѣнять этотъ порядокъ, существовавшій въ теченіе многихъ лѣтъ, то это можетъ возбудить подозрѣніе императорскаго кабинета въ томъ, дѣйствительно ли все сказанное мною графу Буолу соответствуетъ смыслу присланныхъ мнѣ инструкцій и слѣдовательно намѣреніямъ берлинской политики.

Чтобы обезпечить себя отъ нескромности чиновниковъ, служащихъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Вѣнѣ прибѣгали иногда къ весьма энергичнымъ средствамъ. Я имѣлъ однажды въ рукахъ секретный документъ австрійскаго правительства, изъ котораго мнѣ запомнилась слѣдующая фраза:

«Kaunitz ne sachant pas démêler, le quel de ses quatre commis l'avait trahi, les fit noyer tous les quatre dans le Danube moyennant un bateau à souper».

Разговаривая однажды въ 1853 или 1854 г. съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, барономъ Будбергомъ, я сказалъ ему, между прочимъ, что я подозрѣваю одного чиновника въ томъ, что, исполняя возложенное на него порученіе, онъ дѣйствовалъ въ интересахъ посторонней державы. Будбергъ сказалъ мнѣ на это: «Если этотъ человѣкъ вамъ мѣшаетъ, пошлите его въ архипелагъ, мы имѣемъ тамъ вѣрное средство отдѣлаться отъ него»,—а когда я спросилъ его испуганно: «Надѣюсь, вы не хотите его утопить?» то онъ продолжалъ смѣясь: «Нѣтъ, онъ исчезнетъ въ нѣдрахъ Россіи, но такъ какъ это человѣкъ повидимому способный, то онъ появится со временемъ въ образѣ благоденствующаго русскаго чиновника».

Въ началѣ іюня 1859 г. я ѣздилъ на короткое время въ Москву. Это

было во время Италіанской войны. Въ этомъ городѣ я былъ свидѣтелемъ одного факта, который ясно показалъ мнѣ, какъ велика была въ то время ненависть русскихъ къ Австріи. Осматривая въ сопровожденіи московскаго генераль-губернатора князя Долгорукова одну бібліотеку, я увидѣлъ на груди у одного изъ служащихъ при этой бібліотекѣ желѣзный крестъ; на мой вопросъ, по какому случаю онъ получилъ его, унтеръ-офицеръ отвѣчалъ: «за Кульмское сраженіе». Дѣйствительно, послѣ этого сраженія Фридрихъ-Вильгельмъ III приказалъ изготовить довольно большое число желѣзныхъ крестовъ нѣсколько измѣненнаго образца, которые раздавались русскимъ солдатамъ и были названы Кульмскимъ крестомъ. Я поздравилъ стараго служаку, который по прошествіи 46 лѣтъ выглядѣлъ еще совершенно бодрымъ; онъ отвѣтилъ мнѣ на мое привѣтствіе, что онъ и сейчасъ готовъ идти на войну, если на это послѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе. Я спросилъ его, противъ кого же онъ хотѣлъ бы воевать, противъ Италіи или противъ Австріи; на это онъ отвѣчалъ весело и бодро, вытянувшись въ струнку: «конечно противъ Австріи», а когда я замѣтилъ, что подъ Кульмомъ Австрія была другомъ Пруссіи и Россіи, а Италія нашимъ врагомъ, то унтеръ-офицеръ, стоя все въ той же почтительной позѣ, сказалъ громко и отчетливо, какъ русскіе солдаты говорятъ съ офицерами: «честный врагъ лучше невѣрнаго друга». Этотъ отвѣтъ привелъ князя Долгорукова въ такой восторгъ, что онъ заключилъ унтеръ-офицера въ свои объятія и отъ души дважды облобызалъ его. Таково было въ то время настроеніе противъ Австріи въ русскомъ войскѣ, отъ генерала до солдата.

Воспоминаніемъ о моей поѣздкѣ въ Москву служатъ слѣдующія письма, коими я обмѣнялся съ княземъ Оболенскимъ.

Москва. 2-го іюня 1859 г.

«Посѣтивъ недавно Москву, ваше превосходительство обратили вниманіе на памятники нашей древней политической и общественной жизни. Старинныя зданія Кремля, домашняя утварь русскихъ царей, драгоценныя греческія рукописи патріаршей бібліотеки—обратили въ особенности ваше просвѣщенное вниманіе. Замѣчанія, сдѣланныя вашимъ превосходительствомъ по поводу этихъ историческихъ памятниковъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что обладая въ совершенствѣ познаніями дипломата вы обладаете также основательными свѣдѣніями по части археологіи. Вниманіе, съ коимъ вы отнеслись къ памятникамъ нашей отечественной старины, было для меня особенно пріятно, какъ русскому и какъ человѣку, посвящающему свои досуги археологіи. Позвольте поднести вашему превосходительству, въ воспоминаніе вашего кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ и моего пріятнаго знакомства съ вами, экземпляръ книги, содержащей описаніе «Избранія на царство и вступленія

отдѣлъ ея, имѣя во главѣ представителей высшихъ административныхъ учреждений края, учебнаго вѣдомства и прессы и захвативъ въ свои руки какъ мѣстную періодическую печать, такъ и всѣ учебныя заведенія края, съ народными школами включительно, готовится въ Финляндіи событія, вполнѣ аналогичныя съ событіями, происшедшими въ Польшѣ въ 1830 и 1863 г.г.— Для предупрежденія такихъ событій и противодѣйствія пропагандѣ политическихъ партій необходима полная реорганизация управленія края.— Однимъ изъ первыхъ и наиболее важныхъ преобразований должно быть изыятіе всѣхъ учебныхъ заведеній, не исключая и народныхъ школъ, изъ вѣдѣнія духовной экспедиціи финляндскаго сената и передача таковыхъ въ вѣдѣніе русскаго министерства народнаго просвѣщенія; слѣдуетъ замѣнить „особня“ военныя, административныя и судебныя учрежденія края учрежденіями, дѣйствующими въ Россіи, и ввести государственныя русскія языкъ въ дѣлопроизводство всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ установлений, дѣйствующихъ въ этой окраинѣ.— Подготовительной мѣрой къ означеннымъ реформамъ должно быть учрежденіе двухъ періодическихъ органовъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ, съ переводомъ русскаго текста на финскій языкъ. Одинъ изъ этихъ органовъ долженъ издаваться при управленіи генералъ-губернатора, а другой—финляндской православной епархіей. Главной задачей этихъ органовъ должно быть разъясненіе неосновательности финляндскихъ политическихъ ученій и необходимости, въ интересахъ населенія края, введенія общерусскихъ учреждений и скорѣйшаго слиянія края съ имперіей.

„Будемъ надѣяться,—говоритъ П. И. Мессарошъ въ своемъ заключеніи,—что недалеко то свѣтлое будущее, когда, благодаря неуслышаннымъ саботажамъ Верховнаго Вождя русскаго народа, отжившія, никому не нужныя шведо-финскія учрежденія уступятъ мѣсто учрежденіямъ болѣе современнымъ, болѣе жизненнымъ, общерусскимъ“.

Правительственнымъ распоряженіемъ послѣдняго времени доказываютъ, что для Финляндіи это „свѣтлое будущее“ мало-по-малу наступаетъ.

Н. К-ш-ъ.

П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. Изданіе Симбирской Губернской Ученой Архивной Комmissiи. Симбирскъ 1898 г.

Городъ Симбирскъ существуетъ 250 лѣтъ. Онъ основанъ по указанію царя и великаго князя, Алексѣя Михайловича въ 1648 году и существованіемъ своимъ обязанъ тому стремленію русской колонизации, которое вообще проявлялось уже съ давнихъ поръ въ мѣстностяхъ, заселенныхъ инородцами, и которое быстро стало развиваться въ Поволжѣ послѣ паденія Казанскаго царства.

Поводомъ къ составленію разсматриваемой нами книги послужилъ юбилей 250-лѣтія основанія Симбирска и отсутствіе исторіи этого города.

Книга г. Мартынова не можетъ быть названа трудомъ научнымъ, а заключаетъ въ себѣ различныя свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ этого города.

Историческія свѣдѣнія о Симбирскѣ не отличаются должною подробностью; это сознаетъ и самъ авторъ, заявляя въ своемъ предисловіи, что болѣшимъ пріятіемъ къ успешному приведенію въ исполненіе задуманнаго послужило уничтоженіе всѣхъ городскихъ архивовъ пожаромъ 1864 года, истребившимъ почти весь городъ. Описаніе же современнаго состоянія города вполнѣ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ, въ чемъ легко убѣдиться даже изъ простаго перечня отдѣловъ книги. Вотъ эти отдѣлы: I. Вѣтшій видъ города; II. Духовное управленіе; III. Народное образованіе; IV. Вспомогательныя средства къ народному образованію; V. Благотворительныя общества и заведенія; VI. Торгово-промышленное значеніе г. Симбирска, VII. Городское хозяйство, и VIII. Общественная жизнь.

Въ приложеніяхъ (числомъ 24) помѣщены нѣкоторые архивные документы; списки воеводъ, комендантовъ и намѣстниковъ, губернаторовъ, городскихъ головъ и другихъ лицъ администраціи; жалованныя грамоты, указы, указы и различныя свѣдѣнія, касающіяся общественной жизни за послѣднее время.

Книга снабжена множествомъ рисунковъ, прекрасно исполненныхъ А. И. Вильборгомъ, а въ концѣ ея приложены два герба Симбирской губерніи: прежній и поздаѣйшій (1878 г.) и прекрасно составленный планъ города Симбирска.

Н-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбаеникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Кавани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются.

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о пѣльнхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—VII. Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VIII. Народная словесность.—IX. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1898 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКИЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2** рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

М А Й.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе Псковской губерніи. Записка графа П. Капниста. Сообщ. Академ. Л. Н. Майковъ..... 241—245 II. А. С. Пушкинъ и А. Х. Бенкендорфъ. (Ихъ переписка). 247—256 III. А. С. Пушкинъ въ Назани. Александры Фуксъ 257—262 IV. Къ биографіи А. С. Пушкина: 1) Два письма С. Л. Пушкина по поводу смерти сына — поэта. Сообщилъ Л. Н. Майковъ. 2) И. А. Гончаровъ о Пушкинѣ. Сообщ. А. О. Копи. 3) Письмо С. С. Уварова Пушкину при посылкѣ французскаго перевода стиховъ „Клеветникамъ Россіи“. Сообщилъ А. П. Кирпичниковъ... 263—266 V. Могила Пушкина и село Михайловское. К. Тимоеева..... 267—276 VI. Мнѣнія современниковъ объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ: 1) Письмо В. Н. Каравина графу Е. П. Кочубевъ 4 іюня 1820 г.; 2) Письмо С. О. Бурачка къ Волконскому 19 декабря 1842 г. Сообщилъ Леад. А. О. Вычковъ. 277—285 VII. Литературно-критическія воззрѣнія А. С. Пушкина. А. Залдкийъ..... 287—309	↑ ↓	VIII. Татьяна, Ольгины и Лесскій. (Къ литературной исторіи Пушкинскихъ „типовъ“). В. В. Сиповскій. 311—329 IX. А. С. Пушкинъ — членъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, Науки и Художествъ. И. А. Кубасовъ..... 471—474 X. Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ. Сообщилъ проф. А. И. Кирпичниковъ и проф. П. О. Сумцовъ. 331—336 XI. Новые матеріалы для исторіи „Арзамаса“ Сообщилъ А. И. Кирпичниковъ. 337—351 XII. Павелъ Исааковичъ Ганибалъ дядя А. С. Пушкина. Сообщ. І. Блиновъ. 353—358 XIII. „О бывшемъ Пушкинѣ“. Сообщ. І. Блиновъ... 359—364 XIV. Академикъ А. А. Кунинъ. (Биографическая замѣтка къ его портрету)..... 365—370 XV. Изъ записокъ барона (впоследствии графа) М. А. Корфа..... 371—395 XVI. Изъ прошлаго. (Воспомин. офицера генеральн. штаба о войнѣ 1877—1878 гг.). П. Д. Паренсовъ..... 397—415 XVII. Изъ воспоминаній стараго педагога. А. Овсянниковъ..... 417—434

(Продолженіе см. на оборотѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.
2) Портретъ академика А. А. Кунина. Грав. И. Хельмицкій. 3) Дѣтскія карты.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 59.

1899.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1899 г.

- XVIII. Изъ прошлаго русской цензуры. В. В. Сиповскій. 435—453
- XIX. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ. Извлечен. В. В. Тихошукъ. 455—469
- XX. Волокита Старорусскаго магистрата А. Слезинскаго. 475—480
- XXI. Записная книжка „Русской Старины“: Приказъ по инженерному корпусу о секундантахъ А. С. Пушкина подполковникъ Давыаъ. 20 марта 1837 г. № 11. Сообщилъ С. М. Радкевичъ. (стр. 246).—Возобновленіе въ Москвѣ дома Влагороднаго собранія. Отношеніе графа Ф. В. Раствопчина слободско-украинскому губерискому предводителю дворянства. 14 апрѣля 1814 г. № 1092. (236).—Бумага „съ знаками французской вольности“. (Эпизодъ изъ царствованія Павла I-го). Сообщ. Г. Блиновъ. (310).—Къ биографіи Арсенія Маѣвича. Секрет-

ное отношеніе кн. А. Вяземскаго Архангельскому прокурору Нарышкину. 8-го октября 1767 г. (330).—Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову. 26 марта 1811 г. (352).—О поселеніи духоберцевъ въ Новороссійскомъ краѣ. Рескриптъ Александра I Новороссійск. гражданскому губернатору Николеву. 17 марта 1801 г. (396). Письмо И. И. Дмитриева—къ А. И. Тургеневу. 29 мая 1821 г. (416).—Переселеніе грековъ и болгаръ въ Россію. Рескриптъ Александра I Новороссійскому гражданск. губернат. Миклашевскому 23 окт. 1801 г. (454).—Ложныя справочныя цѣны. Рескриптъ Александра I—Новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому. 24 января 1802 г. (470).

XXII. Библиографическ. листокъ.

Библиографическій листокъ.

Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора Н. И. Барсова. С.-Петербургъ. 1899.

Изъ числа болѣе двухъ десятковъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ, нѣкоторыя имѣютъ спеціальныя характеръ, какъ, напримѣръ, статьи богословскія, и мы на нихъ останавливаться не будемъ, а познакомимъ читателей съ содержаніемъ тѣхъ статей, которыя имѣютъ общій интересъ.

Въ статьѣ „Декамеронъ“ и „Пиръ десяти дѣвъ“ профессоръ Барсовъ указываетъ на поразительное сходство „Декамерона“ Боккачю съ „Пиромъ десяти дѣвъ“ св. Меодія Тирскаго. Сходство это начинается съ самаго названія „Декамеронъ“ (десятодневіе); въ томъ и другомъ произведеніяхъ—по десяти дѣйствующихъ лицъ. Для подтвержденія своихъ словъ о необыкновенномъ сходствѣ въ изложеніи, тонѣ и складѣ рѣчи „Декамерона“ и „Пира“, Н. И. Барсовъ проводитъ нѣсколько выдержекъ изъ обохъ сочиненій. Слѣдуетъ замѣтить,—говорить, между прочимъ, авторъ,—что даже тотъ, слишкомъ откровенный цинизмъ многихъ описаній въ „Декамеронѣ“, тотъ порнографическій элементъ въ немъ, который такъ смущаетъ нравственное и эстетическое чувство современнаго человѣка,—своимъ источникомъ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ тотъ же „Пиръ“ Меодія и представляетъ не что иное, какъ свойственное каррикатурѣ преувеличеніе и злоупотребленіе нѣкоторыхъ мѣстъ сочненія Меодія.

Сущность статьи „Вольтеръ и Римскія Дѣянія“ сводится къ слѣдующему: вся 20-я глава романа Вольтера „Цадигъ“, по сличенію ея съ древне-французскимъ текстомъ VIII-й главы стараго латинскаго сочиненія „Gesta Romanorum“ представляетъ почти букввальное повтореніе этой VIII-й главы,—востоящій плагиатъ во всемъ значеніи этого слова. Ученіе о Провидѣніи, содержащееся въ 20-й главѣ „Цадига“, не есть собственное ученіе самого Вольтера, содержащее въ себѣ,—какъ утверждаютъ нѣкоторые биографы его,—самую сущность его личнаго теологическаго-философскаго мировоззрѣнія, составившаго его славу, и отнюдь не почерпнуто изъ кальвинизма или яansenизма,—какъ говорятъ другіе, а есть католическое церковное ученіе, издавна существовавшее въ римской церкви.

Въ сообщеніи подъ заглавіемъ „Кто былъ виновникомъ прекращенія опричины при царѣ Іоаннѣ IV“ Н. И. Барсовъ говоритъ, что причиною отміян опричины было „Посланіе къ царю Ивану Васильевичу“, сочиненіе котораго приписывается разнымъ лицамъ (Максиму Греку, троицкому игумену Артемью, епископу Вассіану Топоркову). Для того, чтобы рѣшиться на такой подвигъ, какъ обличеніе опричины и правоученіе Грозному въ эпоху опричины, нужно было,—заявляетъ профессоръ Барсовъ,—или быть человѣкомъ не отъ міра сего, лицомъ, которому нечего было терять, равно какъ нечего было и искать, человѣкомъ, для котораго благосостояніе отечества, государства и нравственный христіанскій идеалъ стояли выше всего въ мірѣ, или же быть человѣ-

АКАДЕМИКЪ

АРИСТЪ АРИСТОВИЧЪ

КУНИКЪ

(Род. 2 (14) октябрия 1814 г. † 18 января 1899 г.)

Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы

въ его имѣніе псковской губерніи.

Окойный дядя мой А. В. Капнистъ служилъ въ молодости своей въ военной службѣ и былъ адъютантомъ знаменитаго героя 12-го года, генерала Н. Н. Раевского. Весьма естественно поэтому, что онъ былъ очень друженъ съ семействомъ генерала и особенно — съ сыномъ его Александромъ Николаевичемъ Раевскимъ, котораго я видѣлъ часто, когда онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, въ домѣ у дяди моего и у моего отца. Одна наружность этого Раевского была такова, что невольно, съ перваго взгляда, легко могла привлечь вниманіе каждаго, кто даже не былъ съ нимъ лично знакомъ; высокій худой, даже костлявый, съ небольшою круглою и коротко обстриженою головою, съ лицомъ темно-желтаго цвѣта, съ множествомъ морщинъ и складокъ, — онъ всегда (я думаю даже когда спалъ) сохранялъ саркастическое выраженіе, чему, быть можетъ, не мало способствовалъ его очень широкой съ тонкими губами ротъ. Онъ, по обычаю двадцатыхъ годовъ, всегда былъ гладко выбритъ, и хотя носилъ очки, но они ничего не отнимали у его глазъ, которые были очень характеристичны. Маленькіе изжелто-каріе, они всегда блестяли наблюдательно живымъ и смѣлымъ взглядомъ, съ отѣнкомъ насмѣшливости и напоминали глаза Вольтера. Раевскій унаслѣдовалъ отъ отца своего рѣзкую морщину между бровей, которая никогда не исчезала. Вообще онъ былъ скорѣе безобразенъ; но это было безобразіе типичное, породистое, много лучше казенной и приторной красоты иныхъ безцвѣтныхъ эндиміоновъ, — безобразіе, которое

такъ мастерски создалъ Лермонтовъ, въ «Герои нашего времени», въ наружности доктора Вернера. Къ этому не лишнее еще присовокупить, что Раевскій одѣвался обыкновенно нѣсколько небрежно и даже въ молодости своей не былъ щеголемъ, что однако не мѣшало ему имѣть всегда замѣтное положеніе въ высшемъ обществѣ. Онъ же былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ сыновей славнаго генерала Раевского, которые, какъ всѣмъ извѣстно, въ нѣжной юности, почти въ дѣтствѣ, были выведены отцемъ своимъ въ самый громъ и пылъ сраженія. Независимо отъ этого Александръ Николаевичъ былъ человѣкъ замѣчательно тонкаго, острого ума и той образованности, которая такъ отличала въ свое время среду декабристовъ.

Я не разъ имѣлъ случай слышать о томъ впечатлѣніи, какое Раевскій производилъ въ обществѣ женщинъ и вообще на всѣхъ его окружающихшихъ; но меня особенно интересовало въ немъ другое. Я всегда былъ страстнымъ поклонникомъ поэзіи и зналъ, что Пушкинъ былъ въ самыхъ искреннихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ генерала Раевского, которое, какъ самъ поэтъ рассказываетъ въ запискахъ своихъ, любезно пріютило его въ то время, когда онъ, высланный изъ столицы, странствовалъ, больной лихорадкой, на югѣ Россіи. Я слышалъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей генерала Раевского и провелъ нѣсколько времени съ его семействомъ въ Крыму, въ Гурзуфѣ, когда писалъ свой «Бахчисарайскій фонтанъ». Мнѣ говорили, что впоследствии, создавая «Евгенія Онѣгина», Пушкинъ вдохновился этою любовью, которой онъ пламенѣлъ въ виду моря, лобзающаго прелестныя берега Тавриды, и что къ предмету именно этой любви относится художественная строфа, начинающаяся стихами:

Я помню море предъ грозой,
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ и проч.

Но что для меня по преимуществу было знаменательно въ Александрѣ Николаевичѣ Раевскомъ,—это то, что мнѣ передалъ мой дядя и что послѣ того не одинъ разъ слышалъ я отъ людей вполне компетентныхъ,—тотъ положительный фактъ, что Пушкинъ имѣлъ въ виду нравственную личность и направленіе ума Александра Николаевича Раевского въ извѣстномъ стихотвореніи своемъ «Демонъ».

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытъя... и проч.

Однажды, въ разговорѣ объ этомъ-то Раевскомъ, дядя мой мнѣ сказалъ, что Раевскій былъ невольной причиной высылки Пушкина, въ 1824 году, княземъ, въ то время еще графомъ Воронцовымъ, тогдашнимъ Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, изъ Одессы на жи-

тельство въ Псковскую губернію, въ село Михайловское. Понятно, какъ любопытство мое было этимъ возбуждено, и то, что по просьбѣ моей дядя мнѣ разсказалъ, заслуживаетъ, дѣйствительно, серьезнаго вниманія.

Князь М. С. Воронцовъ, какъ извѣстно, имѣлъ во многихъ отношеніяхъ качества, свойственныя вельможамъ того типа, который уже теперь не существуетъ. Замѣчательно богатый, блестяще образованный, внутренне-надменный, но съ самыми изящными внѣшними формами; пріятливый со всѣми низшими, и учиво-сдержанный съ равными себѣ и съ высшими, онъ, заключая въ себѣ многія черты англійской аристократіи, могъ еще считаться и нѣкоторымъ продолженіемъ такихъ вельможъ Екатерининскаго вѣка, какіе исчезли уже, сперва подъ давленіемъ Аракчеевщины, потомъ вслѣдствіе неразборчиваго предоставленія атрибутовъ вельможи людямъ, не имѣвшимъ ровно никакихъ для того данныхъ, а затѣмъ,—подъ дѣйствіемъ послѣдующаго новаго направленія. Конечно, такіе вельможи не чужды были и нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они, несмотря на всю благосклонность къ нимъ судьбы, не брезгали серьезнымъ, добросовѣстнымъ трудомъ, для пріобрѣтенія основательныхъ и даже глубокихъ познаній и для развитія своихъ талантовъ. Князь Воронцовъ можетъ служить въ этомъ отношеніи примѣромъ, такъ какъ, несмотря на многія, присущія ему черты барина, онъ выносливо несъ, когда это было нужно, бремя боевой, военной жизни, и самъ въ своей дѣятельности могъ считать такой свой день, какъ напримѣръ Краонъ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ такого знатока своего дѣла, каковымъ былъ Наполеонъ I. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что князь Воронцовъ любилъ окружать себя блескомъ представительства и общественныхъ удовольствій. Въ 1823 и 1824 годахъ всѣ слои одесскаго общества, среди непрерывныхъ увеселеній, равно соединялись въ домѣ своего генералъ-губернатора и его любезной супруги, которая не оставалась вполнѣ равнодушной къ блестящей молодежи, несшей съ увлеченіемъ къ ея ногамъ дань восторговъ и преданности. Александръ Николаевичъ Раевскій былъ отличенъ графиней въ окружавшей ее средѣ, и она относилась къ нему симпатичнѣе чѣмъ къ другимъ; но какъ это нерѣдко бывало и будетъ въ маневрахъ большого свѣта, прикрытіемъ Александру Николаевичу Раевскому служилъ другъ его, молодой, но уже гремѣвшій въ то время славою на всю Россію поэтъ Пушкинъ. На него-то и направился съ подозрѣніемъ взглядъ графа. И отсюда возникли своего рода преслѣдованія и усилія удалить какимъ-нибудь способомъ Пушкина изъ Одессы. Поэтъ, съ своей стороны, не оставался въ долгу и на разныя довольно вѣскія прижимки, отвѣчалъ жаломъ такой эпиграммы, какъ напримѣръ:

Полу-милордъ, полу-купецъ и проч.

Въ другой разъ, когда графъ, желая отдѣлаться отъ Пушкина, далъ ему вовсе не поэтическое порученіе, пославъ его истреблять гдѣ-то саранчу, Пушкинъ, какъ рассказываютъ, наскучивъ такимъ занятіемъ въ глуши, прислалъ своему принципалу довольно оригинальное донесеніе о ходѣ дѣла. Онъ въ заглавіи листа написалъ крупнымъ почеркомъ: «С а р а н ч а»; потомъ выставилъ столбцомъ мѣсяць и числа и противъ каждаго числа отмѣтилъ въ формѣ стиховъ:

Летѣла,
Летѣла
И сѣла.
Сидѣла
Сидѣла,
Все сѣла
И вновь улетѣла и т. д.

Затѣмъ, хотя Пушкинъ и возвратился въ Одессу, но уже не надолго, и графъ Воронцовъ, преслѣдуя свою цѣль, добился, наконецъ, высылки поэта на жительство въ село Михайловское, Псковской губерніи, въ іюль 1824 года. Забавнѣе же всего то, что Пушкинъ такимъ образомъ былъ удаленъ, а А. Н. Раевскій продолжалъ пребывать въ Одессѣ, постоянно посѣщая домъ графа Воронцова.

Такова неофициальная сторона этого событія. Думаю, что слово «событіе» здѣсь совершенно у мѣста, потому что продолжительное пребываніе гениальнаго поэта нашего въ уединеніи, лицомъ къ лицу съ жизнью народа, на лонѣ матери-природы, въ постоянномъ сообществѣ его староняни Родіоновны, отразилось для нашей литературы такими громадными послѣдствіями, которыя никогда изъ нея не изгладятся.

Судьбѣ угодно было, чтобы позднѣе я узналъ и официальную процедуру, могущую служить достойною подкладкой вышеизложенной неофициальной сторонѣ дѣла высылки Пушкина изъ Одессы. Въ 1852 году, окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, поѣхалъ я въ Одессу купаться въ морѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что я поступилъ на службу въ канцелярію новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора. И вотъ, однажды, сидя въ архивѣ канцеляріи и разговаривая съ архиваріусомъ о томъ, о семъ, услышалъ я отъ него, что въ архивѣ хранится, между прочимъ, дѣло о высылкѣ Пушкина въ Псковскую губернію. Извѣстно, что Пушкинъ, въ бытность свою въ Одессѣ, служилъ въ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора. Зная все то, о чемъ я рассказалъ выше, я съ особеннымъ интересомъ прочелъ выданное мнѣ архиваріусомъ «дѣло». Въ то время я не имѣлъ въ виду, что буду когда-либо писать мои воспоминанія, и потому не сдѣлалъ подробныхъ извлеченій изъ этого дѣла; но то, что всего существеннѣе, я выписалъ, и всё обстоятельства помню хорошо.

Было перехвачено письмо Пушкина къ кому-то изъ его друзей или родныхъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Читая Шекспира и Библию, Святой Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я дѣлаю: пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аэизма. Здѣсь англичанинъ глухой философъ, единственный умный аеѣй, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать: *qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur*,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души;—система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная»¹⁾).

Вслѣдъ за этимъ помѣщено въ «дѣлѣ» письмо графа Воронцова къ тогдашнему шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу. Письмо это очень характерно. Сперва графъ сообщаетъ въ письмѣ, что у него въ канцеляріи служить молодой человекъ—Пушкинъ, обладающій замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ, но что, къ сожалѣнію, въ произведеніяхъ своихъ онъ не беретъ въ примѣръ такихъ поэтовъ, какъ *Chapelle* и *Racine*, но слѣдуетъ непохвальному образцу—Байрону. Затѣмъ сказано, что талантъ Пушкина не можетъ благоприятно развиваться въ той средѣ, которая окружаетъ поэта въ Одессѣ, такъ какъ вся молодежь увлечена имъ, льститъ ему безмѣрно и тѣмъ самымъ способствуетъ къ укорененію вреднаго для таланта самолюбія и даже высокоомѣрія; а потому, чтобы сохранить для славы Россіи такого замѣчательнаго поэта, необходимо уединить его и удалить отъ одесскаго шумнаго общества. Въ заключеніе графъ считаетъ полезнымъ испросить высочайшее повелѣніе на высылку Пушкина въ Псковскую губернію, въ принадлежащее его матери село Михайловское на жительство.

Послѣдствія этого письма извѣстны. Нельзя однакоже, сказать, чтобы графъ Воронцовъ достигъ въ этомъ дѣлѣ того, что называется «*d'une rigueur de deux coeurs*».

Графъ Петръ Капнистъ.

Александровка,
21-го сентября 1833 года.

Сообщилъ Л. Н. Майковъ.

¹⁾ Выписка изъ дѣла канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора о высылкѣ Пушкина въ Псковскую губернію.

**Приказъ по инженерному корпусу о секундантахъ А. С. Пушкина
подполковникъ Данзасъ.**

20-го марта 1837 г. № 11. С.-Петербургъ.

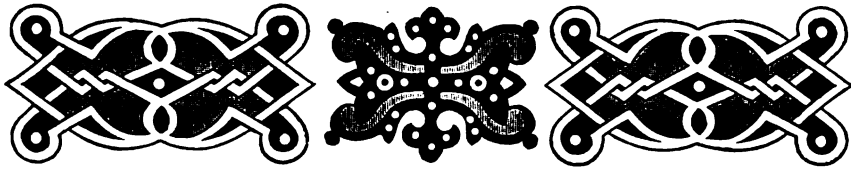
По военно-судному дѣлу, произведенному по высочайшему повелѣнію, при лейбъ-гвардіи Конномъ полку, состоящей по морской строительной части инженеръ-подполковникъ Данзасъ оказался виновнымъ въ противозаконномъ согласіи, по убѣжденію покойнаго камеръ-юнкера Пушкина, быть со стороны его секундантомъ при дуэли его съ поручикомъ Кавалергардскаго ея императорскаго величества полка барономъ Геккереномъ, и въ непріятіи всѣхъ зависящихъ мѣръ къ отвращенію сей дуэли; за что генераль-аудиторіатъ, на основаніи законовъ, хотя и находилъ подполковника Данзаса, какъ участника свершившагося преступленія, подлежащимъ лишенію чиновъ, но принимая въ уваженіе немаловременную и усердную его службу, равно отличную нравственность, засвидѣльствованную начальствомъ, бытность въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ, полученную при штурмѣ крѣпости Браилова рану пулею въ лѣвое плечо на вылетъ, съ раздробленіемъ кости, и заслуженные имъ храбростію знаки отличія, — полагалъ: вѣннивъ Данзасу въ наказаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца, и послѣ того обратитъ по-прежнему на службу. Таковое заключеніе генераль-аудиторіата удостоено въ 18-й день сего марта высочайшей конфирмаціи, и о приведеніи оной въ исполненіе распоряженіе сдѣлано.

О чемъ объявляется по инженерному корпусу.

За отсутствіемъ его императорскаго высочества,
начальникъ штаба генераль-адъютантъ Геруа.

Сообщилъ С. М. Радкевичъ.

А. С. Пушкинъ и А. Х. Бенкендорфъ.

(Ихъ переписка) ¹⁾.

1.

А. Х. Бенкендоръ—А. С. Пушкину.

30-го сентября 1826 года Москва.

Я ожидалъ прихода вашего, чтобы объявить высочайшую волю по просьбѣ вашей, но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть васъ здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ прїѣзда вамъ въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо.

Его величество остается совершенно увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на передаваніе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей довѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами и о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представлять ваши мысли и соображенія; предметъ сей долженъ представлять вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ—на нихъ нѣтъ никакой цензуры: государь императоръ самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ.

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаются письма, которыя или не были напечатаны или напечатаны не вполне и безъ датъ.

Объявляя вамъ сію монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши такъ и письма можете, для представленія его величеству, доставлять ко мнѣ; но впрочемъ отъ васъ зависѣть будетъ и прямо адресовать на высочайшее пмя ¹⁾.

2.

А. Х. Бенкендорфъ—А. С. Пушкину.

22-го ноября 1826 г. ²⁾.

При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, я обратился къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ посредство мое, или даже и прямо, его императорскому величеству.

Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однако же заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію.

Сіе меня побуждаетъ покорнѣйше просить васъ объ увѣдомленіи меня: справедливо ли таковое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣрешъ впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго.

3.

А. С. Пушкинъ—А. Х. Бенкендорфу.

3-го января 1827 года ³⁾.

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ

¹⁾ Выдержка изъ этого письма напечатана въ статьѣ „А. С. Пушкинъ“ „Русск. Старина“ 1874 г. т. X, № 8, стр. 695.

²⁾ Нѣсколько строкъ изъ этого письма напечатаны М. И. Сухоминовымъ въ его статьѣ: „Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина“ „Историч. Вѣст.“ 1884 г. № 1, стр. 64.—Ср. „Рус. Старину“ 1874 г. № 8, стр. 695, гдѣ письмо это ошибочно обозначено 26-го числа ноября.

³⁾ Письмо это напечатано въ VII томѣ сочиненій А. С. Пушкина изданія общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (подъ № 186), но отнесено къ 1826 году и не имѣетъ даты.

его величества касательно моей драматической поэмѣ ¹⁾. Согласенъ, что онъ болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное.

4.

А. Х. Бенкендорфъ—А. С. Пушкину.

22-го августа 1827 г. ²⁾.

Государь императоръ съ большимъ удовольствіемъ изволилъ прочесть графа Нулина и отмѣтить своеручно два мѣста, кои его величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно слѣдующіе два стиха:

Порою съ баряномъ шалить...
Коснутся хочеть одѣяла.

Фаустъ и Мефистофель позволено напечатать, за исключеніемъ слѣдующаго мѣста:

Да, модная болѣзнь, она
Недавно вамъ подарена.

5.

А. Х. Бенкендорфъ—А. С. Пушкину.

14-го октября 1829 г.

Государь императоръ, узнавъ, по публичнымъ извѣстіямъ, что вы странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, высочайше повелѣть мнѣ изволилъ спросить васъ, по чьему позволенію предприняли вы сіе путешествіе? Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержать даннаго мнѣ слова и отправились въ Закавказскія страны, не предъувѣдомивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе?» ³⁾.

6.

А. С. Пушкинъ—А. Х. Бенкендорфу.

10-го ноября 1829 г.

«Mon général. C'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa Majesté étoit mécontente de mon voyage à Arz-

¹⁾ Бориса Годунова.

²⁾ Объ этомъ письмѣ упоминается на стр. 700 и 701 „Русск. Старинны“ 1874 г., т. X, № 8.

³⁾ О самовольномъ отъѣздѣ А. С. Пушкина на Кавказъ см. „Русск. Старину“ 1874 г., т. X, № 8, стр. 703 и 704.

roum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'intérêt qu'elle a toujours daigné me témoigner, m'inspirent la confiance d'y recourir encore et de m'expliquer avec franchise.

Arrivé au Caucase, je ne pus résister au désir de voir mon frère, qui sert dans le régiment des dragons de Nigni Novgorod et dont j'étois séparé depuis 5 ans. Je crus avoir le droit d'aller à Tiflis. Arrivé là, je ne trouvois plus l'armée. J'écrivis à Н. Раевскиѣ, un ami d'enfance, afin qu'il obtint pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivai le jour du pa sage du Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarrassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devoient avoir lieu, et c'est ainsi, que j'assistoi à la campagne moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma position a été fausse et ma conduite étourdie, mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie. L'idée qu'on pourroit l'attribuer à tout autre motif me seroit insupportable. J'aimerois mieux éprouver la disgrâce la plus sevére que de passer pour ingrat aux yeux de celui auquel je dois tout, auquel je suis prêt à sacrifier mon existence, et ceci n'est pas une phrase.

Je supplie Votre Excellence d'être en cette occasion ma providence et suis avec la plus haute considération mon général de Votre Excellence le très-humble et très-obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

Переводъ. Генералъ! Съ большою скорбію я только что узналъ, что его величество былъ недоволенъ моею поѣзdkой въ Арзерумъ. Снисходительная и просвѣщенная доброта вашего превосходительства и участіе, которое вы мнѣ всегда выражали, дають мнѣ смѣлость еще разъ къ нимъ прибѣгнуть и высказаться откровенно.

Приѣхавъ на Кавказъ я не могъ воздержаться отъ желанія повидаться съ братомъ, который служить въ драгунскомъ полку и съ которымъ я былъ пять лѣтъ въ разлукѣ. Я думалъ, что имѣю право поѣхать въ Тифлисъ. Прибывъ туда я уже не засталъ армію. Я написалъ Н. Раевскому, другу дѣтства, чтобы онъ выхлопоталъ мнѣ разрѣшеніе побывать въ лагерѣ. Я приѣхалъ туда въ день перехода въ Саганъ-Лу. Очутясь уже тамъ мнѣ показалось неловкимъ избѣгать принимать участіе въ дѣлахъ, которыя должны были тамъ произойти, и такимъ образомъ я участвовалъ въ походѣ полу-солдатомъ, полу-путешественникомъ. Я сознаю насколько мое положеніе было фальшиво, а поведеніе легкомысленно, но по крайней мѣрѣ тутъ было только одно легкомысліе. Мысль, что можно было это приписать другой причинѣ, была бы для меня нестерпимой. Я бы скорѣе хотѣлъ подвергнуться самой строгой немилости, чѣмъ прослыть неблагодарнымъ въ глазахъ того, которому я всѣмъ обязанъ, которому я готовъ пожертвовать мою жизнь, и это не фраза.

Я умоляю ваше превосходительство быть въ этомъ случаѣ моимъ провидѣніемъ.

7.

А. Х. Бенкендорфъ—А. С. Пушкину.

28-го января 1830 г. ¹⁾.

Государь императоръ замѣтитъ изволилъ, что вы находились на балѣ у французскаго посла во фракѣ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе, приглашенные въ сіе общество, были въ мундирахъ. Какъ всему дворянскому сословію присвоенъ мундиръ тѣхъ губерній, въ коихъ они имѣютъ помѣстья, или откуда родомъ, то его величество полагать изволилъ приличнѣе русскому дворянину являться въ семъ нарядѣ въ подобныя собранія.

8.

А. Х. Бенкендорфъ—А. С. Пушкину.

17-го марта 1830 г. ²⁾

Къ крайнему моему удивленію услышалъ я, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, что вы внезапно разсудили уѣхать въ Москву, не предупредивъ меня, согласно съ сдѣланнымъ между нами условіемъ, о сей вашей поѣздкѣ. Поступокъ сей понуждаетъ меня просить васъ о увѣдомленіи меня, какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову? Мнѣ весьма пріятно будетъ, если причины, васъ побудившія къ сему поступку, будутъ довольно уважительны, чтобъ извинять оный; но я вмѣняю себѣ въ обязанность васъ предъувѣдомить, что всѣ непріятности, коимъ вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведенію.

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ 1874 г., т. X, № 8, стр. 704, дата этого письма не обозначена.

²⁾ Въ „Русской Старинѣ“ 1874 г., т. X, № 8, стр. 704, письмо это ошибочно обозначено отъ 30-го марта.

9.

А. С. Пушкинъ — А. Х. Бенкендорфу.

21-го марта 1830 г. Москва ¹⁾.

Въ 1826 г. получилъ я отъ государя императора дозволеніе жить въ Москвѣ, а на слѣдующій годъ отъ вашего высокопревосходительства дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ я каждую зиму проводилъ въ Москвѣ, осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительно дозволенія и не получая никакого замѣчанія. Это отчасти было причиною невольнаго моего поступка—поѣздки въ Арзерумъ, за которую имѣлъ я несчастіе заслужить неудовольствіе начальства.

Въ Москву я намѣревался пріѣхать еще въ началѣ зимы, и встрѣтивъ васъ однажды на гуляньи, на вопросъ вашего высокопревосходительства, что намѣренъ я дѣлать? имѣлъ я счастье о томъ васъ увѣдомить; вы даже изволили мнѣ замѣтить: *vous êtes toujours sur les grands chemins*.

Надѣюсь, что поведеніе мое не подало правительству повода быть мною недовольнымъ.

10.

А. С. Пушкинъ — А. Х. Бенкендорфу.

16 avril 1830. Moscou ²⁾.

Mon général. Je suis tout embarrassé de m'adresser à l'autorité dans une circonstance purement personnelle; mais ma position et l'intérêt que vous avez bien voulu me témoigner jusqu'à présent m'en font une obligation.

Je dois me marier à m-lle Gontcharoff que vous avez du voir à Moscou; j'ai son consentement et celui de sa mère; deux objections m'ont été faites: ma fortune et ma position, à l'égard du gouvernement. Quant à la fortune, j'ai pu répondre qu'elle étoit suffisante grâce à Sa Majesté qui m'a donné les moyens de vivre honorablement de mon travail. Quant à ma position, je n'ai pu cacher qu'elle étoit fautive et douteuse. Exclu du service en 1824, cette flétrissure me reste. Sorti du Lycée en 1817

¹⁾ Письмо это пересказано въ „Русской Старинѣ“ (т. X, № 8, 704) не вполне и число его не обозначено.

²⁾ Вторая половина этого письма напечатана М. И. Сухомлиновымъ. См. „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., № 1, стр. 74 и 75.

avec le rang de la 10-me classe, je n'ai jamais reçu les deux rangs, qui me revenoient de droit, mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler. Il me seroit maintenant pénible de rentrer au service, malgré toute ma bonne volonté. Une place toute subalterne, telle que mon rang me permet de l'occuper, ne peut me convenir. Elle me distrairoit de mes occupations littéraires qui me font vivre, et ne feroit que me donner des tracasseries (tracas?) sans but et sans utilité. Je n'y dois donc plus songer. M-me Gontcharoff est effrayée de donner sa fille à un homme qui auroit le malheur d'être mal vu de l'Empereur; mon bonheur dépend d'un mot de bienveillance de Celui pour lequel mon dévouement et ma reconnaissance sont déjà purs et sans bornes.

Encore une grâce: en 1826 j'apportoais à Moscou ma tragédie de «Годуновъ», écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'Empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres et, je dois l'avouer, Sa Majesté n'avoit que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parqu'ils sembloient présenter des allusions, aux circonstances alors récentes. En les relisant actuellement, je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent, l'auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une oeuvre de bonne foi et je ne puis, en conscience, supprimer ce qui me paroît essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prend de la contredire; je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étois heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent et je viens supplier Sa Majesté de me délier les mains et me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

Encore une fois je suis tout honteux de vous avoir entretenu si longuement de moi. Mais votre indulgence m'a gâté et j'ai beau n'avoir rien fait pour mériter les bienfaits de l'Empereur, j'espère et je crois toujours en lui. Je suis avec la considération la plus haute de votre Excellence le très-humble et obéissant serviteur. Alexandre Pouchkine.

Je vous supplie, mon général, de garder le secret.

Переводъ. Генераль. Меня крайней смущаетъ необходимость обратиться къ власти въ обстоятельствѣ чисто личномъ; но мое положеніе и участіе, которое вы принимали во мнѣ до сихъ поръ, побуждаютъ меня къ этому.

Я женюсь на м-ше Гончаровой, которую вы, вѣроятно, видѣли въ Москвѣ; я получилъ согласіе ея и ея матери, но два возраженія были мнѣ поставлены: мое состояніе и положеніе по отношенію къ правительству. Что касается до средствъ, то я могъ отвѣтить, что они достаточны, благодаря его величеству, который далъ мнѣ возможность жить честно своимъ трудомъ. Насчетъ же моего положенія, я не могъ скрыть, что оно фальшиво и сомнительно. Выключенный изъ службы въ 1824 г., это клеймо остается на мнѣ. Выйдя изъ Лицея въ 1817 г. съ чиномъ 10-го класса, я не получилъ впослѣдствіи двухъ чиновъ, которые принадлежали мнѣ по праву; начальство забывало меня представлять, а я не заботился напоминать объ этомъ. Теперь, несмотря на все мое желаніе, мнѣ было бы тяжело вернуться на службу. Мѣсто подчиненное, на которое я имѣю право по чину, не подходитъ мнѣ. Оно отвлекло бы меня отъ моихъ литературныхъ занятій, которыми я живу, и доставило бы мнѣ только безо всякой цѣли и пользы хлопоты и неприятности, такъ что нечего объ этомъ и думать. М-ше Гончарова боится отдать дочь за человѣка, который имѣлъ бы несчастье быть на дурномъ счету у государя; мое счастье зависитъ отъ одного благосклоннаго слова Того, для котораго моя преданность и благодарность чисты и безграничны.

Еще одну милость: въ 1826 году я привезъ въ Москву свою трагедію о Годуновѣ, писанную во время моей ссылки. Я послалъ вамъ ее въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда была только для того, чтобы оправдать себя. Императоръ, удостоивъ ее прочтенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній о мѣстахъ черезчуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что его величество былъ какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда еще недавнія. Но перечитывая ихъ въ настоящее время, я сомнѣваюсь, чтобы можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить сообразно съ ихъ характеромъ. Поэтому, надо обращать вниманіе только на духъ, въ которомъ написана вся пьеса, и на впечатлѣніе, которое она должна произвести. Моя трагедія есть произведеніе вполне искреннее, и я не могу по совѣсти уничтожить то, что мнѣ кажется существеннымъ. Умоляю его величество простить мнѣ смѣлость, съ которою я ему противорѣчу; я очень хорошо знаю, что это противорѣчіе поэта можетъ показаться смѣшнымъ, но до сихъ поръ я постоянно отклонялъ всѣ предложенія книгопродавцевъ: я былъ счастливъ, что могъ въ тишинѣ приносить эту жертву волѣ его величества. Въ настоящее же время, вынуждаемый обстоятельствами, я умоляю его величество развязать мнѣ

руки и позволить мнѣ напечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть.

Мнѣ очень совѣстно, что я еще разъ такъ долго говорилъ съ вами о себѣ. Но ваша снисходительность меня испортила, и, хотя я ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить благодаренія императора, я надѣюсь и всегда вѣрю въ него.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего превосходительства
покорный слуга
Александръ Пушкинъ.

Умоляю васъ, генераль, сохранить секретъ.

11.

А. Х. Бенкендорфъ — А. С. Пушкину.

28-го апрѣля 1830 г. ¹⁾.

J'ai eu le bonheur de soumettre à l'Empereur la lettre que vous avez bien voulu m'écrire en date du 16 de ce mois. Sa Majesté Impériale ayant appris avec une bienveillante satisfaction la nouvelle du mariage que vous allez contracter, a daigné observer à cette occasion qu'Elle se plait à croire que vous vous êtes certainement bien examiné vous même, avant de faire ce pas et que vous vous êtes trouvé les qualités de coeur et de caractère nécessaires pour faire le bonheur d'une femme, et surtout d'une femme aussi aimable et aussi intéressante que l'est m-lle Gontcharoff.

Quant à votre position individuelle vis-a-vis du gouvernement, je ne puis que vous répéter tout ce que je vous ai dit tant de fois: je la trouve parfaitement dans vos intérêts; il ne peut y avoir rien de faux ni de douteux, si toutefois vous ne voulez pas la rendre telle vous même. Sa Majesté l'Empereur par une sollicitude toute paternelle pour vous, Monsieur, a daigné me charger moi, le général Benkendorff, non le chef de la gendarmerie, mais l'homme dans lequel Il se plait à mettre sa confiance, de vous observer et de vous guider par ses conseils; jamais aucune police n'a eu ordre de vous surveiller. Les avis que je vous ai donnés de temps en temps comme ami, n'ont pu que vous être utiles, et j'espère que vous vous en convaincrez toujours davantage. Quel est donc l'ombrage qu'on peut trouver dans votre position sous ce rapport? Je vous autorise, Monsieur, de faire voir cette lettre à tous ceux à qui vous croirez devoir la montrer.

¹⁾ Пересказъ этого письма см. „Русск. Старину“ 1874 г., т. X, № 8, стр. 705.

Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounoff, Sa Majesté l'Empereur vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité.

Recevez, finalement, mes vœux les plus sincères, pour votre bonheur futur, et croyez moi toujours avec des sentiments distingués. Votre très dévoué A. Benkendorff.

Переводъ. Я имѣлъ счастье представить государю письмо, которое вы пожелали мнѣ написать отъ 16-го сего мѣсяца. Его величество, принявъ съ благосклоннымъ удовольствіемъ извѣстіе о вашей женитбѣ, удостоилъ замѣтить по этому случаю, что онъ надѣется, что вы конечно провѣрили себя раньше, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ и что вы нашли въ себѣ качества сердца и характера, необходимыя, чтобы составить счастье женщины и въ особенности столь достойной любви и такой привлекательной какъ m-He Гончарова. Что же касается до вашего личнаго положенія по отношенію къ правительству, я могу только повторить вамъ то, что я вамъ уже столько разъ говорилъ: я нахожу, что оно вполне согласуется съ вашими интересами; въ немъ ничего не можетъ быть ни фальшиваго, ни сомнительнаго, если конечно вы сами не захотите сдѣлать его таковымъ. Его императорское величество, съ чисто отеческимъ благоволеніемъ къ вамъ, удостоилъ поручить мнѣ, генералу Бенкендорфу, не какъ начальнику жандармовъ, но какъ чело-вѣку, которому онъ оказываетъ довѣріе, слѣдить за вами и руководить вами своими совѣтами; никогда никакая полиція не получала приказанія слѣдить за вами. Совѣты, которые я изрѣдка давалъ вамъ, какъ другъ, могли быть вамъ только полезны, и я надѣюсь, что вы убѣдитесь въ этомъ со-временемъ еще больше. Что же сомнительнаго можно найти въ вашемъ положеніи въ этомъ случаѣ? Я уполномочиваю васъ, милостивый государь, показать это письмо всѣмъ, кому вы найдете нужнымъ.

Что касается до вашей трагедіи «Годуновъ», то его императорское величество разрѣшаетъ вамъ напечатать ее, подъ вашей личною отвѣтственностью.

Примите, наконецъ, мои самыя искреннія пожеланія будущаго счастья и вѣрьте всегда въ чувство отличнаго уваженія преданнаго вамъ

А. Бенкендорфа.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Казани ¹⁾.

(Посвящается Еленѣ Николаевнѣ М.....кѣ).

Какъ трогательно ты описываешь свое сожалѣніе о смерти нашего незабвеннаго Пушкина! И кто же изъ русскихъ не уронилъ горячую слезу горести, услыхавъ о такой невозвратимой потерѣ?.. Тебѣ грустно, Елена, и потому ты можешь постигнуть, каково было мнѣ; ты только читала его творенія, а я знала его лично, имѣла съ нимъ переписку и успѣла обратить на себя его особенное вниманіе.

Ужасная вѣсть о его смерти ввергла меня въ какое-то безчувственное положеніе; уже черезъ нѣсколько часовъ чувство горести вывело меня изъ такого несноснаго оцѣпенѣнія, и уже тогда только я съ горькими слезами взглянула на его портретъ и сказала: «Тебя уже нѣтъ съ нами, пѣвецъ любимый и неподражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насъ? Неужели земной міръ не былъ тебя достоинъ?.. Правда, наша земная жизнь, холодная, единообразная, была темницею для твоего пламеннаго генія; предрасудки, принужденія и всѣ ничтожныя мелочи, необходимыя для нашего свѣта, тебя затомили; тебѣ было скучно, душно на землѣ, и возвышенная душа твоя рвалась какъ бы скорѣе сбросить съ себя эти тѣлесныя оковы и улетѣть далеко отъ насъ, въ другой священный міръ, гдѣ безъ сомнѣнія обитаютъ бессмертные геніи. Не знаю, была ли такъ свѣтла, такъ очаровательна, прекрасна

¹⁾ Перепечатаваемъ эту статью изъ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1844 года № 2. Статья принадлежитъ Александрѣ Андреевичѣ Фуксѣ, женѣ извѣстнаго казанскаго профессора, медика и литератора К. Ѳ. Фукса, рожденной Апехтиной. Она писала стихи и повѣсти и вообще считалась въ Казани литературною дамой.

Ред.

жизнь твоя, какъ неподражаемые звуки твоей сладкогласной лиры, или сопровождалась заботами и бѣдствіями, какъ жизнь многихъ людей великихъ; но я знаю, что ты самъ, своими высокими мечтами, забросалъ дорогу, проложенную для тебя къ почестямъ, чинамъ и богатству; ты самъ оттолкнулъ отъ себя кратковременную славу вельможи съ ея мишурнымъ, минутнымъ блескомъ. Ты былъ сынъ славы истинной; она лелѣяла тебя въ колыбели, она взростила тебя, какъ своего любимца, она, еще въ юныхъ лѣтахъ твоихъ, украсила тебя вѣнкомъ лавровымъ, громко звучала о тебѣ въ странахъ чужихъ и отдаленныхъ, и теперь, опершись на урну, разливаетъ лучи безсмертія окрестъ твоей могилы»...

Ты желаешь, чтобы я описала тебѣ короткое пребываніе Пушкина въ Казани. Съ удовольствіемъ исполняю твое желаніе и посвящаю тебѣ это описаніе. Я люблю тебя, Елена; ты одна пожелала разгадать и понять меня, ты долго раздѣляла со мною и радость, и горе, и пріятные часы, проведенные въ Пановѣ, и скучные дни въ Казани, и минуты поэтическаго вдохновенія и восторженнаго чувства къ нашимъ любимымъ поѣтамъ.

1833 года 6-го сентября, задумавшись сидѣла я въ своемъ кабинетѣ, ожидая къ себѣ нашего извѣстнаго поэта Боратынскаго, который обѣщался заѣхать проститься, и грустила о его отъѣздѣ. Боратынскій вошелъ ко мнѣ въ комнату съ такимъ веселымъ лицомъ, что мнѣ стало даже досадно. Я приготовилась было сдѣлать ему упрекъ за такой равнодушный прощальный визитъ, но онъ предупредилъ меня, обрадовавъ меня новостью о пріѣздѣ въ Казань Александра Сергѣевича Пушкина и о желаніи его видѣть насъ. Надобно признаться, что такая неожиданная и радостная вѣсть заставила меня проститься съ Боратынскимъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало прежде.

7-го сентября, въ 9 часовъ утра, мужъ мой ѣздилъ провожать Боратынскаго, видѣлъ тамъ Пушкина, и въ полчаса успѣлъ такъ хорошо съ нимъ познакомиться, какъ бы они уже долго жили вмѣстѣ.

Пушкинъ ѣхалъ въ Оренбургъ собирать свѣдѣнія для исторіи Пугачева и по той же причинѣ останавливался на одинъ сутки въ Казани. Онъ зналъ, что въ Казани мой мужъ, какъ старожилъ, постоянно занимавшійся изслѣдованіемъ здѣшняго края, всего болѣе могъ удовлетворить его желанію, и потому, можетъ быть, и желалъ очень съ нами познакомиться.

Въ этотъ же день, поутру, Пушкинъ ѣздилъ, тройкою на дрожкахъ, одинъ къ Троицкой мельницѣ, по Сибирскому тракту, за десять верстъ отъ города; здѣсь былъ лагерь Пугачева, когда онъ подступалъ къ Казани. Затѣмъ, объѣхавъ Арское поле, былъ въ крѣпости, обошелъ ее кругомъ и потомъ возвратился домой, гдѣ оставался цѣлое утро, до

двухъ часовъ, и писалъ. Обѣдалъ у Е. П. Перцова, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ; тамъ обѣдалъ и мужъ мой.

Въ шесть часовъ вечера мнѣ сказали о прїѣздѣ къ намъ Пушкина. Я встрѣтила его въ залѣ. Онъ взялъ дружески мою руку съ слѣдующими ласковыми словами: «Намъ не нужно съ вами рекомендоваться; музы насъ познакомили заочно, а Боратынскій еще болѣе». Съ Карломъ Ѳедоровичемъ они встрѣтились, какъ уже коротко знакомые.

Мы всѣ сѣли въ гостиной. Ты знаешь, что я не могу похвалиться ни ловкостью, ни любезностью, особенно при первомъ знакомствѣ, и потому долго не могла придти въ свою тарелку; да къ тому же и разговоръ былъ о Пугачевѣ; мнѣ казалось неловко въ него вмѣшаться.

Напившись чаю, Пушкинъ и Карлъ Ѳедоровичъ поѣхали къ казанскому первой гильдіи купцу Крупеникову, бывшему въ плѣну у Пугачева, и пробыли тамъ часа полтора; возвратясь къ намъ въ домъ, у подъезда, Пушкинъ благодарилъ моего мужа: «Какъ вы добры, Карлъ Ѳедоровичъ, сказалъ онъ; какъ дружелюбно и привѣтливо принимаете насъ, путешественниковъ!.. Для чего вы это дѣлаете? Вы теряете вашу привѣтливость по-напрасну: вамъ изъ насъ никто этимъ не заплатитъ; мы такъ не поступаемъ; мы въ Петербургѣ живемъ только для себя». Окончивъ говорить, онъ такъ сильно сжалъ руку моего мужа, что нѣсколько дней на ней были знаки отъ ногтей. Пушкинъ имѣлъ такіе большіе ногти, что мнѣ право они показались не менѣе полувершка.

По возвращеніи отъ Крупеникова, прислали за моимъ мужемъ отъ одного больного: онъ хотѣлъ было отказаться, но Пушкинъ принудилъ его ѣхать. Я осталась съ моимъ знаменитымъ гостемъ одна; и признаюсь, не была этимъ довольна. Онъ тотчасъ замѣтилъ мое смущеніе и своею привѣтливою любезностію заставилъ меня съ нимъ говорить, какъ съ короткимъ знакомымъ. Мы сѣли въ моемъ кабинетѣ. Онъ просилъ показать ему стихи, писанные ко мнѣ Боратынскимъ, Языковымъ и Ознобишинымъ, читалъ ихъ всѣ самъ вслухъ, и очень хвалилъ стихи Языкова. Потомъ просилъ меня непремѣнно прочитать стихи моего сочиненія. Я прочла сказку: Женихъ, и онъ, слушая меня, какъ бы въ самомъ дѣлѣ хорошаго поэта, вѣроятно, изъ любезности, нѣсколько разъ останавливалъ мое чтеніе похвалами, а иные стихи заставлялъ повторять и прочитывалъ самъ.

Послѣ чтенія онъ началъ меня спрашивать о нашемъ семействѣ, о томъ, гдѣ я училась, кто были мои учителя; рассказывалъ мнѣ о Петербургѣ, о тамошней разсѣянной жизни, и нѣсколько разъ звалъ меня туда прїѣхать: «Прїѣжайте, пожалуйста, прїѣжайте; я познакомлю съ вами жену мою; повѣрьте, мы будемъ умѣть отвѣчать вамъ за казанскую привѣтливость не петербургскою благодарностію».

Потомъ разговоры наши были гораздо откровеннѣе; онъ много го-

ворилъ о духѣ нынѣшняго времени, о его вліяніи на литературу, о нашихъ литераторахъ, о поэтахъ, о каждомъ изъ нихъ сказалъ мнѣ свое мнѣніе, и наконецъ прибавилъ: «Смотрите, сегодняшній вечеръ была моя исповѣдь; чтобы наши разговоры остались между нами».

Мой мужъ и Перцовъ пріѣхали уже въ десять часовъ, нашли насъ въ дружеской бесѣдѣ и поддержали нашъ литературный разговоръ. Пушкинъ, говоря о русскихъ поэтахъ, очень хвалилъ родного моего дядю, Гаврилу Петровича Каменева, возвратился опять въ мой кабинетъ, чтобы взглянуть на его портретъ, и, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ, сказалъ: «Этотъ человекъ достоинъ былъ уваженія; онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти: этотъ человекъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано». Онъ просилъ меня собрать всѣ свѣдѣнія о Каменевѣ и обѣщалъ написать его біографію.

Пушкинъ, безъ отговорокъ, несмотря на то, что располагалъ до свѣта ѣхать, остался у насъ ужинать и за столомъ сѣлъ подлѣ меня. Въ продолженіе ужина разговоръ былъ о магнетизмѣ. Карлъ Фёдоровичъ не вѣритъ ему, потому что очень ученъ, а я не вѣрю, потому что ничего тутъ не понимаю. Пушкинъ старался всевозможными доказательствами насъ увѣрить въ истинѣ магнетизма.

— Испытайте, говорилъ онъ мнѣ, когда вы будете въ большомъ обществѣ, выберите изъ нихъ одного человека, вовсе вамъ незнакомаго, который сидѣлъ бы къ вамъ даже спиною, устремите на него всѣ ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомецъ обратилъ на васъ вниманіе, но пожелайте сильно, всею вашею душою, и вы увидите, что незнакомый, какъ бы невольно, оборотится и будетъ на васъ смотрѣть.

— Это не можетъ быть, сказала я; какъ иногда я желала, чтобы на меня смотрѣли, желала и сердцемъ, и душою, но кто не хотѣлъ смотрѣть, не взглянулъ ни разу.

Мой отвѣтъ разсмѣшилъ его.

— Неужели это съ вами случилось? О нѣтъ, я этому не повѣрю; прошу васъ, пожалуйста, вѣрьте магнетизму и бойтесь его волшебной силы; вы еще не знаете, какія онъ чудеса дѣлаетъ надъ женщинами?

— Не вѣрю и не желаю знать, отвѣчала я.

— Но я васъ увѣряю, по чести, продолжалъ онъ. Я былъ очевидцемъ такихъ примѣровъ, что женщина, любивши самую страстную любовь, при такой же взаимной любви, остается добродѣтельною; но были случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любивши, какъ бы невольно, со страхомъ, исполняетъ всѣ желанія мужчины, даже до самоотверженія. Вотъ это-то и есть сила магнетизма.

Я была очень рада, когда кончился разговоръ о магнетизмѣ, хотя

заявляя его другой, еще менѣе интересный, — о посѣщеніи духовъ, о предсказаніяхъ и о многомъ, касающемся суевѣрія.

— Вамъ, можетъ быть, покажется удивительнымъ, началъ опять говорить Пушкинъ, что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому; быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ, пошелъ я съ Н. В. Всеволожскимъ ходить по Невскому проспекту, и изъ проказъ зашли къ кофейной гадалицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы, сказала она мнѣ, на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; и потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданнаго денеги; а третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертію». Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи, и о гадалицѣ. Но, спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и перешелъ служить въ Петербургъ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ, увѣряя меня, что цесаревичъ этого желаетъ. Вотъ первый разъ послѣ гаданья, когда я вспомнилъ о гадалицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами; и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ. Онъ, получа послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, который я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ...

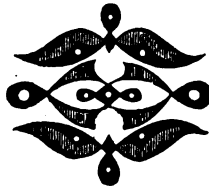
Суевѣріе такого образованнаго человѣка меня очень тогда удивило; я упомянула о томъ въ первомъ письмѣ изъ Чебоксарской поѣздки, напечатанной въ 1833 году.

Послѣ ужина Пушкинъ опять пошелъ ко мнѣ въ кабинетъ. Пересматривая книги, онъ раскрылъ сочиненія одного казанскаго профессора; увидавъ въ нихъ прозу и стихи, онъ опять закрылъ книгу и, какъ бы съ досадою, сказалъ: «О, это проза и стихи! Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой; признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернила»...

Онъ просидѣлъ у насъ до часу и простился съ нами, какъ со старыми знакомыми; нѣсколько разъ обнималъ моего мужа и, кажется, оставилъ насъ не съ притворнымъ сожалѣніемъ, сказавши при прощаніи: «Я никакъ не думалъ, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустнаго прощанія; но мы въ Петербургѣ увидимся».

На другой день я встала въ пять часовъ утра, написала на проѣздъ нашего знаменитаго гостя стихи и послала ихъ въ восемь часовъ къ Пушкину, но его не было въ Казани; онъ выѣхалъ на разсвѣтъ въ Оренбургъ, а ко мнѣ оставилъ письмо. Я, простившись съ нимъ, думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностію, но ошиблась. До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе; не писавъ почти ни къ кому, онъ писалъ ко мнѣ нѣсколько разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня лестнаго, что я, по приѣздѣ моемъ въ Москву и въ Петербургъ, была удостоена ихъ посѣщеніемъ.

Александра Фуксъ.

Къ біографіи А. С. Пушкина.

I.

Два письма С. Л. Пушкина по поводу смерти сына—поэта.

1.

Н. Н. Раевскому.

20 Avril. 1837 г. Moscou.

Ce n'est qu'à l'instant, monsieur, que j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 5 Mars. Aussi je pus. garder un si long silence avec un ami de mon malheureux fils, de l'amitié duquel il était fier, et qui a des droits à ma propre reconnaissance, et à mon véritable attachement. Vous me demandez des détails sur cet affreux événement. Je ne suis pas en état de vous les donner, mais j'ajoute ici une lettre de la princesse Мещерскій, née Карамзинъ, qui a été pour ainsi dire publiée. Tout le monde en a tiré des copies, et je ne crois pas commettre une indiscretion en vous la communiquant, à vous qui aimiez Alexandre, et qui, j'en suis persuadé, l'aimez encore; il existe dans le coeur et les souvenirs de ceux qui l'ont connu. J'ajouterai que Sa Majesté l'Empereur a adouci ses derniers moments, en lui écrivant au crayon un billet de sa propre main, pour le rassurer sur le sort de sa famille. Dix mille roubles une fois payés, une pension de onze mille roubles à sa veuve et à ses enfants, ses fils payés, et une édition complète de ses oeuvres aux frais de la couronne en faveur de la famille, ses dettes payées. Voilà ce que Sa Majesté lui avait accordé. Il a eu la consolation de le savoir, avant de rendre le dernier soupir... Je ne vous parlerai pas de moi, les regrets de la patrie, et même de plusieurs étrangers se concentrent

dans mon cœur. L'intérêt que vous me témoignez, votre souvenir, me sont bien précieux.—Ma belle-fille est à la campagne de son frère à Калуга. Elle m'écrit qu'elle viendra me voir ici au mois de Mai, mais j'ignore encore si je reste à Moscou. Je ne désire rien tant que d'aller saluer sa tombe et celle de ma femme, auprès de qui il a voulu être enterré. C'est au gouvernement de Псковъ, à trois verstes de la campagne où il avait passé deux ans et qu'il affectionnoit beaucoup. Adieu, cher Général, permettez moi cette familiarité, vous m'êtes et me serez toujours cher, et à tant de titres. Recevez des assurances de ma considération distinguée et de ma parfaite estime. Serge Pouchkine.

Переводъ: Только сейчасъ, милостивый государь, получилъ я, къ своему утѣшенію, письмо ваше отъ 5-го марта. Вотъ причина столь долгаго моего молчанія по отношенію къ другу моего несчастнаго сына, другу, чьею дружбою онъ гордился, и который имѣеть право на мою собственную благодарность и мою истинную привязанность. Вы спрашиваете меня о подробностяхъ этого ужаснаго происшествія. Я не въ состояніи сообщить ихъ вамъ, но я прилагаю письмо княгини Мещерской, рожденной Карамзиной, которое,—такъ сказать,—было опубликовано. Всѣ снимали съ него копии, и, мнѣ кажется, я не сдѣлаю нескромности, сообщая его вамъ, который любилъ Александра, и который, я увѣренъ, любить его и нынѣ; онъ живъ въ сердцахъ и воспоминаніяхъ тѣхъ, которые его знали. Прибавлю, что его величество государь императоръ облегчилъ его послѣднія минуты, написавъ ему карандашомъ собственноручную записку, чтобъ успокоить его насчетъ судьбы его семьи.

Десять тысячъ рублей единовременно, пенсія въ одиннадцать тысячъ его вдовѣ и дѣтямъ, воспитаніе его сыновой на казенный счетъ, полное изданіе его сочиненій на казенный счетъ, въ пользу семьи его, и уплата долговъ—вотъ, что даровано ему его величествомъ.

Онъ имѣлъ утѣшеніе узнать это, прежде чѣмъ испустилъ послѣдній вздохъ... Не буду говорить о себѣ, сожалѣнія родины и даже нѣсколькихъ иностранцевъ сливаются въ моемъ сердцѣ. Высоко цѣню участіе, которое мнѣ выказываете, и вашу память. Моя сноха въ деревнѣ своего брата, въ Калугѣ. Она пишетъ мнѣ, что навѣститъ меня здѣсь въ маѣ, но я не знаю еще, останусь-ли въ Москвѣ. Ничего такъ не желаю, какъ съѣздить поклониться его могилѣ и могилѣ моей жены, рядомъ съ которою онъ пожелалъ быть погребеннымъ. Это въ Псковской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ деревни, гдѣ онъ провелъ два года и которую онъ очень любилъ. Прощайте, дорогой генераль, позвольте мнѣ эту фамиллярность, вы дороги мнѣ и вѣчно будете дороги—и по множеству причинъ. Примите увѣреніе въ особенномъ моемъ почтеніи и полномъ уваженіи. Сергѣй Пушкинъ.

2.

А. И. Тургеневу.

1-го іюня 1837 г. Москва.

Я желалъ бы, чтобы въ заключеніи біографическихъ записокъ о покойномъ Александрѣ сказано было то, что сохранится въ сердцѣ и памяти моей до послѣдней минуты моей жизни: «Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ главнымъ единственнымъ орудіемъ помѣщенія его въ Царскосельскій императорскій лицей, и ровно черезъ 25 лѣтъ онъ же проводилъ тѣло его на вѣчное, послѣднее жилище».

Вотъ, почтеннѣйшій и любезный Александръ Ивановичъ, записка, которую я просилъ бы васъ передать князю П. А. Вяземскому, какъ одному изъ издателей собранія сочиненій Александра. Да узнаетъ Россія, что вамъ она обязана любимымъ ею поэтомъ, а я, какъ отецъ, поставляю за утѣшительную обязанность изъяснить вамъ все, чѣмъ исполнено мое сердце. Неблагодарность не была никогда моимъ порокомъ. Простите. Будьте вездѣ счастливы, какъ будете вездѣ любимы. Не знаю, увижу ли я васъ; но куда живъ, буду любить и вспоминать о васъ съ благодарностію. Искренно почитающій васъ Сергѣй Пушкинъ.

Сообщилъ Л. Н. Майковъ.

II.

И. А. Гончаровъ о Пушкинѣ.

(Изъ письма А. Ѳ. Кони отъ 24-го іюня 1880 года).

Вотъ вамъ отрывокъ изъ рассказовъ Гончарова во время нашихъ долгихъ прогулокъ по морскому берегу:

«Пушкина я увидалъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только что начиналъ читать его—и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, живя въ Петербургѣ, я встрѣтилъ его у Смирдина, книгопродавца. Онъ говорилъ съ нимъ серьезно, не улыбаясь, съ дѣловымъ видомъ. Лицо его—матовое, сѣуженное книзу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ—врѣзалось въ мою память—и доказало мнѣ впоследствии, какъ вѣрно изобразилъ его Алоренскій на извѣстномъ портретѣ. Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все, всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, «переводчикомъ» въ департаментъ виѣшней тор-

говли. Работы было немного—и я для себя,—безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всё́мъ господствовалъ онъ. И въ моей скромной чиновничьей комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ и горько, горячо, не владѣя собою, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска пожомъ рѣзала сердце и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его ужъ нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобъ тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна—лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это невѣрно,—по смерти матери, да, матери... Черезъ три дня появился портретъ Пушкина съ подписью «погасъ огонь на алтарѣ...» но цензура и полиція успѣли его запретить я уничтожить...»

Сообщилъ А. Ф. Кошк.

III.

Черновой отпущкъ письма С. С. Уварова Пушкину при посылкѣ французскаго перевода стиховъ «Клеветникамъ Россіи»¹⁾.

«Инвалидъ, давно забывшій путь къ Парнасу, но восхищенный прекрасными, истинно народными стихами вашими, попробовалъ и а дѣлѣ сдѣлать имъ подражаніе на французскомъ языкѣ. Онъ не скрывалъ отъ себя всю опасность борьбы съ вами, но вами вдохновенный, хотѣлъ еще разъ, вѣроятно въ послѣдній, завинтить свой европейскій штыкъ. Примите благосклонно сей опытъ и сообщите оной В. А. Ж.²⁾»

Изъ отвѣта Пушкина (по изд. литер. фонда № 311, т. VII, стр. 391—2) видно, что этотъ переводъ, или передѣлка, былъ посланъ С. С. Уваровымъ изъ Москвы черезъ князя Дундукова.

Сообщилъ А. Кирпичниковъ.

¹⁾ Изъ бумагъ Порѣческаго архива, доставленныхъ графиней П. С. Уваровой.

²⁾ Безъ сомнѣнія, Василю Андреевичу Жуковскому.

Могила Пушкина и село Михайловское ¹⁾.

(Письмо къ редактору Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія
А. В. Никитенко).

Утобы скрасить сколько-нибудь однообразіе дождливаго лѣта, я вздумалъ съ почтеннымъ собратомъ моимъ Влад. Оед. Эвальдомъ, съѣздить по желѣзной дорогѣ во Псковъ, а оттуда пробраться въ село Михайловское поклониться нашей литературной святынь: праху Пушкина и знаменитымъ Михайловскимъ роцамъ. Въ субботу 25-го іюля (1859 года), въ 8 часовъ утра, мы сѣли въ вагонъ и къ 4 часамъ вечера, къ самому обѣду, были во Псковѣ. Осмотрѣніе достопримѣчательностей Пскова не много отняло у насъ времени: городская стѣна, Троицкій соборъ въ Кремлѣ съ гробницами Всеволода и Довмонта, съ знаменитыми мечами, два древніе монастыря: женскій Ивановскій и мужской Мирожскій, Поганкины палаты, обращенныя со временъ Петра Великаго въ провіантскій магазинъ, старинный домъ какихъ-то Меншиковыхъ, развалины котораго очень живописны, обгорѣлый старинный домъ Трубинскихъ—вотъ и всѣ древности Пскова. Изучать ихъ подробнѣе у насъ не было досугу. Мы купили въ чайномъ магазинѣ (книжной лавки во Псковѣ нѣтъ), почти передъ выѣздомъ, двѣ брошюры инспектора Псковской семинаріи г. Князева, въ которыхъ довольно подробно указаны всѣ достопамятности Пскова: съ этимъ гидомъ на будущее время любитель старины можетъ пуститься во Псковъ, и даже не прибѣгая къ рѣдкой нынѣ книгѣ митрополита Евгенія: «Исторія Псковскаго княжества», изучить въ недѣ-

¹⁾ Перепечатываемъ эту статью изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1859 г., ч. СІІІ. Авторомъ статьи былъ одинъ изъ любимыхъ учениковъ профессора А. В. Никитенко К. А. Тимоѣевъ. Сельцо Михайловское принадлежало въ 1859 году старшему сыну поэта Александру Александровичу Пушкину, нынѣ же находится во владѣніи младшаго сына Григорія Александровича Пушкина. Статья К. А. Тимоѣева интересна тѣмъ именно, что описываетъ усадьбу Пушкина, въ томъ видѣ, въ какомъ она была во время жизни тамъ поэта, въ срединѣ двадцатыхъ годовъ. Нынѣ много тамъ передѣлано, и старый домъ перестроенъ.

Ред.

лю все, что нужно для его соображений. Насъ тянуло далѣе, къ Святогорскому монастырю, и 28 іюля, во вторникъ, въ теплое, слегка пасмурное утро, мы покатали на перекладныхъ по Варшавскому шоссе. Дорога прекрасная, задержки въ лошадяхъ нѣтъ, и къ 2 часамъ мы были въ Островѣ, сдѣлавъ 4 станціи: Кресты, Стремутку, Дуловку, Островъ. И во Псковѣ, и въ Островѣ проѣзжающій, если онъ не слишкомъ прихотливъ, можетъ легко убѣдить себя, что онъ сытъ и спокойно выспался. Во Псковѣ особенно можно рекомендовать нумера для пріѣзжихъ у Геймбергера, въ домѣ Кладта, противъ почтамта; чисто, покойно, безъ трактирной суеты и недорого.

За Островомъ мы свортели съ Варшавскаго тракта на Кіевскій. Тутъ шоссе нѣсколько уже Варшавскаго, но полотно его показалось намъ плотнѣе, глаже. Обстановка дороги пошла другая: на насъ повѣяло югомъ, вечеръ наступилъ теплый, ароматный отъ луговъ, стали попадаться чаще холмы, красивыя рощи, посѣвы льну, стада, деревни. Къ половинѣ 7-го мы сдѣлали двѣ станціи: Крюковскую, очень красиво расположенную надъ р. Великою, и Новгородки. Отсюда поворотъ налѣво, къ юго-востоку, на станцію Святыя горы, до которой предстояло сдѣлать 22 версты по красноватой глинѣ, позасыпанной пескомъ. Въ сухое время, впрочемъ, и эта дорога недурна, но теперь, чтобы засвѣтло добраться до ночлега, приходилось ѣхать на тройкѣ, особенно имѣя въ виду прошлые дожди и большую синюю тучу, которая подобралась къ намъ сбоку, пока мы, истые петербуржцы, выбравшіеся изъ своего болота, восхищались холмами и лугами. Поѣхали. Туча смиловалась, разсыпалась гдѣ-то въ сторонѣ, и мы имѣли возможность полюбоваться великолѣпнымъ видомъ на Великую рѣку въ шести верстахъ отъ Святогорской станціи. Какъ ни упоренъ вашъ скептицизмъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, касательно восторговъ петербургскаго жителя, рассказывающаго вамъ о красотахъ мѣстности, но вы ужъ повѣрьте на этотъ разъ, что дѣйствительно видъ на Великую подъ деревней Селихново—очень хорошъ. Мы сворачивали на мостъ: справа, крутымъ поворотомъ шла къ намъ Великая рѣка; при наступившихъ сумеркахъ вода чернѣла отъ густого высокаго лѣса по обоимъ берегамъ, которые отлогими, небольшими лугами сходятъ отъ лѣса къ водѣ и окаймлены, удивительно симметрично, нависшими въ воду ракетами. Несмотря на сумерки, крестьяне еще копошились на пашняхъ; но это трудъ свободный, какъ мы узнали: деревни, мимо которыхъ мы проѣзжали, нѣкогда были приписаны къ монастырю и свободны съ прошлаго столѣтія. Замѣчу кстати, что по всей дорогѣ мы встрѣчали крестьянъ въ очень красивыхъ соломенныхъ шляпахъ домашней работы: это лучше безобразной шапки на вагѣ, которую видишь иногда въ іюльскій день въ окрестностяхъ Петербурга. Но вотъ и Святогорская монастырская слобода! Спускаемся

съ горы и проваливаемся въ яму. Темно; тѣсная грязная улица; вотъ и домъ, рекомендованный намъ для ночлега: въ окнахъ тусклые огни, на лѣстницѣ какая-то суета; оказывается, что въ домѣ семейный праздникъ, пріютиться негдѣ; указываютъ намъ черезъ грязную улицу другой двухэтажный домъ—насилу взобрались туда впотѣмахъ съ дорожными мѣшками. Не совѣтую никому слишкомъ довѣрчиво, въ 9 часовъ вечера, вѣзжать на ночлегъ въ монастырскую слободу, не зная, какъ мы не знали, есть-ли гдѣ въ окрестностяхъ еще другое пристанище, кромѣ грязной станціонной избы. Ну, какъ-бы ни было переночевали, и—къ монастырю, къ могилѣ Пушкина. Дорога, отдѣляющая слободу отъ монастыря и прилежащихъ къ нему горъ, разграничиваетъ точно два разные міра: міръ тьмы, грязи, суматохи отъ міра свѣта, красоты и покоя. Что за прелесть эти Святыя горы, покрытыя рощами, пашнями, открывающія далекій видъ на холмистый Новоржевскій уѣздъ! Прахъ Пушкина покоится за алтаремъ главной каменной церкви Святогорскаго монастыря, возлѣ самой монастырской ограды, мимо которой идетъ почтовая дорога въ Новоржевъ. Старыя липы осѣняютъ бѣлый мраморный памятникъ. Онъ стоитъ высоко на пьедесталѣ и черезъ каменную ограду виденъ съ почтовой дороги. Желѣзная рѣшетка ограждаетъ памятникъ: отъ нея шага четыре до церкви и столько-же до стѣны. Лицевая сторона памятника обращена къ церкви. Если стоишь у церковной стѣны, прямо противъ памятника, то справа и слѣва, сквозь вѣтви липъ открывается очаровательная панорама горъ, засѣянныхъ гречихой и льномъ. Сбылось желаніе Пушкина:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа,
Красою вѣчною сіять!

Осмотрѣвъ немногочисленныя достопамятности Святогорскаго монастыря подъ руководствомъ отца настоятеля іеромонаха Гавріила, чело-вѣка въ высшей степени обходительнаго и радушнаго, мы взяли себѣ въ проводники крестьянскаго мальчика и пошли въ Михайловское. Черезъ монастырскія ворота вышли мы на почтовую дорогу и, проходя мимо ограды, изъ-за которой виднѣлся памятникъ, мы вздумали испытать, до какой степени свѣжа въ околоткѣ память о Михайловскомъ помѣщикѣ: «Павлуша, кто тутъ похоренъ за оградой, знаешь-ли?»— «Знаю. Пушкинъ». «А кто-жъ онъ такой былъ?» Мальчикъ замаялся, наконецъ проговорилъ: «Генераль».

Чтобы не дѣлать длиннаго обхода, мы свернули съ почтовой дороги на проселочную, сквозь лѣсокъ, и шли въ виду Тригорскаго и тѣхъ мѣстъ, по которымъ часто бродилъ Пушкинъ въ достопамятное свое двухлѣтнее пребываніе въ Михайловскомъ. Отсюда началось истинное

наше паломничество. При взглядѣ на эти озера, рощи, мельницы, невольно повторялись стихи Пушкина, «какъ-будто ихъ рождала не память робкая, но сердце». Такъ вотъ онѣ сами, живьемъ, тѣ восхищавшія его «прелестныя картины!»

Здѣсь вижу двухъ озеръ уснувшія равнины,
Гдѣ парусъ рыбаей бѣлѣть иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымныя и мельницы крылаты:
Вездѣ слѣды довольства и труда.

Вотъ намъ пересѣкаетъ путь дорога изъ Тригорскаго въ Михайловское. Невольно звуками Пушкина запоминаешь мѣстность:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять, по-одалъ—двѣ другія....

Дѣйствительно, вотъ онѣ тѣ красивыя старыя сосны: но тутъ только двѣ, гдѣ-жъ третья? гдѣ-же

Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ?

Онъ ужъ срубленъ, какъ объяснилъ намъ потомъ почтенный отецъ-настоятель: бревно было толстое, на мельницу понадобилось.

Наконецъ вотъ онъ

Огромный запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріалъ....

Длинная аллея старыхъ елей тянется отъ полуразрушенной бесѣдки до домика Пушкина.

Мы заранѣ навели справки, есть-ли въ усадьбѣ кто-нибудь изъ дворовыхъ, кто-бы помнилъ Пушкина. Оказалось, живъ еще одинъ старикъ Петръ, служившій кучеромъ у Александра Сергѣевича. Отъ-искали Петра. Старикъ онъ лѣтъ за 60, еще бодрый, говоритъ хорошо, толково, и, какъ видно, очень понимаетъ, что за генераль былъ его баринъ. «Увидѣть барскій домъ нельзя-ли?» сказалось само-собою, потому-что здѣсь какъ-то сами-собою наворачиваются стихи изъ «Онѣгина». Ну покажи намъ, Петръ, гдѣ тутъ больше проводилъ время твой покойный баринъ,

Гдѣ почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Приказчика доклады слушалъ?

— Э, батюшка, нашъ Александръ Сергѣичъ никогда этимъ не занимался: всёмъ староста завѣдывалъ; а ему, бывало, все равно, хошь мужикъ спи, хошь пей: онъ въ эти дѣла не входилъ. А жилъ онъ вотъ тутъ, пожалуйста.

Мы вошли въ прихожую, отворяемъ дверь въ залъ.... Нѣтъ, лучше-бы туда и не заглядывать! Къ чему въ нашемъ суровомъ, всеразрушающемъ климатѣ романтическія желанія—побывать въ той самой комнатѣ, отдохнуть на томъ самомъ креслѣ, гдѣ сиживалъ Пушкинъ, гдѣ шла оживленная бесѣда его съ друзьями, гдѣ онъ слушивалъ сказки своей няни. Мы не въ Англїи, Пушкинъ—не Борнсъ, чтобы его кресло хранилось какъ святыня, чтобы то оконное стекло, на которомъ нацарапано имъ четверостишіе, цѣнилось сотнями фунтовъ стерлинговъ и все-таки изъ поколѣнія въ поколѣніе оставалось собственностію домовладѣльца. Мы слишкомъ благовоспитаны, чтобы дорожить подобными пустяками; въ нашей натурѣ, кромѣ лѣни, есть еще и практичность: мебель намъ нужна въ городѣ, въ жиломъ домѣ, а не въ пустырьѣ, куда никто не заглянетъ; бревна нужны на мельницу, лѣсъ на дрова, а вовсе не на то, чтобы во время чинить историческую крышу. И вотъ черезъ 22 года послѣ смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолокъ обрушился, подъ стропилами, на перекресткѣ двухъ жердей, въ углу сидитъ сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность, которую мы нашли въ жилищѣ поэта.

— Гдѣ-же тутъ былъ кабинетъ Александра Сергѣича?

— А вотъ тутъ все у него было: и кабинетъ, и спальня, и столовая, и гостиная.

Смотримъ: кснната въ одно окно, сажени въ три, квадратная.

— Тутъ у него столикъ былъ подъ окномъ. Коли дома, такъ все онъ тутъ бывало книги читалъ, и по ночамъ читалъ: спать, спать, да и вскочить, сядетъ писать; огонь у него тутъ безпереводно горѣлъ.

— Такъ ты его, старикъ, хорошо помнишь?

— Какъ не помнить; я здѣсь у него кучеромъ служилъ, я его и въ Михайловское-то привезъ со станціи, какъ онъ сюда изъ Одессы былъ вытребованъ.

— А няню его помнишь? Правда-ли, что онъ ее очень любилъ?

— Арину-то Родионовну? Какъ-же еще любилъ-то, она у него вотъ тутъ и жила. И онъ все съ ней, коли дома. Чуть встанетъ утромъ, ужъ и бѣжить ее глядѣть: «здорова-ли, мама?»—онъ ее все м а м а называлъ. А она ему, бывало, эдакъ нараспѣвъ (она вѣдь изъ-за Гатчины была у нихъ взята, съ Суйды, тамъ эдакъ всё пѣвкомъ говорятъ) «батюшка ты, за-что меня все мамой зовешь, какая я тебѣ мать».

— Разумѣется ты мнѣ мать: не то мать, что родила, а то, что

своимъ молокомъ вскормила. — И уже чуть старуха занеможетъ тамъ что-ли, онъ ужъ все за ней.

Изъ развалинъ дома мы перешли въ уцѣлѣвшую баню, при которой есть чистая комната съ мебелью. Петръ промыслилъ намъ у дворовыхъ самоваръ, и за чаемъ продолжалась наша съ нимъ бесѣда.

— А правда-ли, Петръ, что Александръ Сергѣичъ читывалъ нянѣ свои стихи и самъ любилъ слушать ея сказки?

— Да, да, это бывало: сказки она ему рассказывала, а самъ онъ ей читалъ-ли что, не запомню: только точно, что онъ любилъ съ ней толковать. Днем-то онъ мало дома бывалъ; все больше въ Тригорскомъ, у Парасковьи Александровны у Осиповой-то, что вотъ прошлымъ годомъ померла. Тамъ онъ все больше время проводилъ: уйдетъ туда съ утра, тамъ и обѣдаетъ, ну а къ ночи ужъ всегда домой.

— Скучалъ онъ тутъ жить-то?

— Да, стало быть скучалъ; не поймешь его впрочемъ, мудреный онъ тутъ былъ, скажетъ иногда не вѣдь что, ходилъ эдакъ чудно: красная рубашка на немъ, кушакомъ подвязана, штаны широкіе, бѣлая шляпа на головѣ: волосъ не стригъ, ногтей не стригъ, бороды не брилъ—подстрижетъ эдакъ макушечку, да и ходитъ. Палка у него всегда желѣзная въ рукахъ, девять фунтовъ вѣсу; уйдетъ въ поля, палку кверху бросаетъ, ловить ее на-лету, словно тамбуръ-мажоръ. А не то дома вотъ съ утра изъ пистолетовъ жарить, въ погребъ, вотъ тутъ за баней, да разъ сто эдакъ и выпалить въ утро-то.

— А на охоту ходилъ онъ?

— Нѣтъ, охотиться не охотился: такъ все въ цѣль жарилъ.

— Пріѣзжалъ къ нему кто-нибудь въ Михайловское?

— Ъздили тутъ вотъ, опекуны къ нему были приставлены изъ помѣщиковъ: Рокотовъ, да Пещуровъ Иванъ. Ивана Пещурова-то онъ хорошо принималъ, ну а того—такъ, бывало, скажетъ: опять ко мнѣ тащится, я его когда-нибудь въ окошко выброшу.

— Ну, а слышно-ль было вамъ, за что его въ Михайловское-то вытребовали?

— Да говорили, что молъ Александръ Сергѣичъ на слова востеръ былъ, спуску это не любилъ давать. Да онъ и здѣсь тоже себя не выдавалъ. Ярмарка тутъ въ монастырѣ бываетъ въ девятую пятницу передъ Петровками; ну, народу много собирается; и онъ туда хаживалъ, какъ есть бывало, какъ дома: рубаха красная, не бритъ, не стриженъ, чудно такъ, палка желѣзная въ рукахъ; придетъ въ народъ, тутъ гулянье, а онъ сядетъ на земь, соберетъ къ себѣ нищихъ, слѣпцовъ, они ему пѣсни поютъ, стихи сказываютъ. Такъ вотъ было разъ, еще спервоначалу, пріѣхалъ туда капитанъ-исправникъ на ярмарку: ходить, смотреть, что за человекъ чудной въ красной рубахѣ съ нищими си-

дять? Посылаетъ старосту спросить: кто-моль такой? А Александръ-то Сергѣичъ тоже на него смотритъ, зло такъ, да и говоритъ эдакъ скоро (грубо-такъ онъ всегда говорилъ): «Скажи капитану-исправнику, что онъ меня не боится, и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, такъ я — Пушкинъ». Капитанъ ничто взяло, съ тѣмъ и уѣхалъ, а Александръ Сергѣичъ бросилъ слѣпцамъ бѣленькую, да тоже домой пошелъ.

Такъ вотъ онъ, измученный, невольный отшельникъ, въ чудномъ нарядѣ, съ мудреною и насильственно-грубою рѣчью! И эта Гамлетовская маска странностей скрывала подъ собою душу любящую, глубоко-скорбѣвшую о разладѣ жизни съ ея свѣтлымъ назначеніемъ! Вотъ какъ онъ самъ сознавалъ себя въ эту печальную эпоху своей жизни

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ тогда лишь къ жизни; годы
Промчались—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила:
Я былъ ожесточенъ. Въ ушнѣхъ, часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ урековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души, довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства....

Конечно, смѣшно въ наше время основывать характеристику поэта на рассказахъ его кучера; но согласитесь, что если сопоставить исповѣдь Пушкина: «я былъ ожесточенъ», «и горькія кипѣли въ сердцѣ чувства»— съ рассказомъ о чудномъ нарядѣ, грубой рѣчи, желѣзной палькѣ и о томъ, какъ онъ жарилъ изъ пистолетовъ, то выйдетъ, что на этотъ разъ психическое, не ежедневное, довольно вѣрно отразилось въ физиологическомъ, ежедневномъ.

— А ты помнишь-ли, Петръ, какъ Александра Сергѣича государь въ Москву вызвалъ на коронацію? Радъ онъ былъ, что уѣзжаетъ?

— Радъ-то радъ былъ, да только сначала всѣ у насъ перепугались. Да какъ-же? Пріѣхалъ вдругъ ночью жандармскій офицеръ изъ городу, велѣлъ сейчасъ въ дорогу собираться, а зачѣмъ—неизвѣстно. Арина Родионовна растужилась, навзрыдъ плачетъ. Александръ-то Сергѣичъ ее утѣшать: «Не плачь, мама», говоритъ, «сыты будемъ; Царь хоть куды ни по-

шлетъ, а все хлѣба дастъ». Жандармъ торопилъ въ дорогу, да мы все поза-мѣшкались: надо было въ Тригорское посылать за пистолетами, они тамъ были оставши; ну, Архипа-садовника и послали. Какъ привезъ онъ пистолеты-то, маленькіе такіе были въ ящичкѣ, жандармъ увидѣлъ и говоритъ: «Господинъ Пушкинъ, мнѣ очень ваши пистолеты опасны». «А мнѣ какое дѣло? мнѣ безъ нихъ никуда нельзя ѣхать; это моя утѣха».

— А въ городъ онъ иногда ѣздилъ, въ Новоржевъ-то?

— Не запомню, ѣздилъ-ли. Меня разъ туда посылалъ, какъ пришла вѣсть, что Царь умеръ. Онъ въ эвтомъ извѣстїи все сумнявался, очень беспокоенъ былъ, да прослышалъ, что въ городъ солдатъ пришелъ отпускнуой изъ Петербурга, такъ за эвтимъ солдатомъ посылалъ, чтобъ отъ него доподлинно узнать.

— Случалось-ли тебѣ видѣть Александра Сергѣича послѣ его отъ-ѣзда изъ Михайловскаго?

— Видѣлъ его еще разъ потомъ, какъ мы книги къ нему возили отсюда.

— Много книгъ было?

Много было. Помнится, мы на двѣнадцати подводахъ везли; двадцать четыре ящика было; тутъ и книги его, и бумаги были.

— Гдѣ-то теперь эта бібліотека? подумалъ я. Любопытно было-бы взглянуть на нее; вѣдь выборъ книгъ характеризуетъ человѣка. Простой каталогъ ихъ былъ-бы выразителенъ. Найдется-ли досужїй человѣкъ, который занялся-бы эвтимъ легкимъ, почти механическимъ дѣломъ? Если-бы перелистовать, хоть на-удачу, нѣсколько книгъ, бывшихъ въ рукахъ у Пушкина, можетъ быть, внимательный взглядъ и отыскалъ-бы еще какую-нибудь интересную черту для исторїи его внутренней жизни. Можетъ быть, и у Пушкина, какъ у его героя,—

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей,

и по эвтимъ отмѣткамъ и «чертамъ его карандаша» внимательный и опытный взглядъ могъ-бы услѣдить,

Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ и а ш ѣ П у ш к и н ѣ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ,

гдѣ онъ невольнo обнаруживалъ свою душу—

То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ дѣлѣ литературной критики подобное личное знакомство съ бібліотекой писателя

почти то-же, что для историка обозрѣніе того поля, на которомъ происходила описываемая имъ какая-либо великая битва.

— А при погребеніи Александра Сергѣича ты былъ? Кто провожалъ его тѣло?

— Провожалъ его изъ города генералъ Ѳомиинъ, да офицеръ, а еще кто былъ-ли тутъ, ужъ не помню...

Послѣ завтрака мы опять вышли къ дому на разрушенную террасу, отъ которой идетъ склонъ къ рѣчкѣ Сороти, и по тропинкѣ спустились къ купанью. Сороть не широка: сажень шесть не больше. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея справа и слѣва два озера: Малинецъ и Кучане, оба съ плоскими берегами. За озеромъ Кучане видны поля, мыза г. Кампіони у опушки лѣса: видъ очень хорошъ.

— Хорошо плавалъ Александръ Сергѣичъ?

— Плавать плавалъ, да не любилъ долго въ водѣ оставаться. Бросится, уйдетъ во глубь и—назадъ. Онъ и зимою тоже купался въ банѣ: всегда ему была вода въ ваннѣ приготовлена. Утромъ встанетъ, пойдетъ въ баню, прошибетъ кулакомъ ледъ въ ваннѣ, сядетъ, окатится да и назадъ; потомъ сейчасъ на лошадь и гоняетъ тутъ по-дугу: лошадь взмылитъ и пойдетъ къ себѣ.

Вотъ людскія, крытыя соломой. Живо представилась намъ зимняя обстановка Пушкина и тѣ впечатлѣнія, которыми вызваны были стихи:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя,
То какъ вѣбрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя;
То по кровлѣ обветшавой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко засгучитъ
Наша бѣдная лачужка
И печальна, и темна—
Что-же ты, моя старушка,
Пріумоляла у окна?

И соломенная крыша, и старушка у окна, и просторъ для вьюги со стороны озера — все тутъ. Мы поняли смыслъ выражений нашихъ паломниковъ: «Все то видѣхъ очима своимъ многогрѣшными и побродихъ по мѣстамъ симъ любовно».

Сорвавъ съ заросшихъ травой клумбъ два—три цвѣтка на память о Михайловскомъ, мы простились съ добродушнымъ старикомъ и часа черезъ полтора были въ кельѣ отца-настоятеля Святогорской обители.

Тригорскаго намъ не удалось осмотрѣть. Мы встрѣтили по дорогѣ большую кавальгаду мужчинъ и дамъ, какъ намъ сказали, хозяекъ Три-

горскаго съ ихъ гостями, и не рѣшились беспокоить ихъ своимъ приходомъ.

Отецъ-настоятель принялъ насъ какъ нельзя радушнѣе, очень жалѣлъ, что мы не знали, что можно остановиться на ночлегъ и въ монастырѣ; сказалъ намъ, что на этихъ дняхъ будетъ кончена отдѣлка новаго флигеля съ монастырской гостиницей для прїѣзжихъ. Тутъ-же мы познакомились съ тремя живописцами изъ Петербурга, которые заняты въ настоящее время поновленіемъ живописи на иконахъ одного изъ придѣловъ Святогорской обители. Мы просили ихъ въ свободное время набросать карандашемъ нѣсколько главныхъ мѣстностей въ окрестностяхъ монастыря, срисовать Михайловскую усадьбу, знаменитыя сосны, пока онѣ цѣлы. Все это можно-бы и должно-бы издать. Во Псковѣ, правда, мы купили потомъ литографированные рисунки: Святогорскаго монастыря, могилы Пушкина, когда на ней стоялъ еще деревянный крестъ, села Михайловскаго,—но эти рисунки довольно плохо сдѣланы въ 1837 г. какимъ-то псковскимъ литографомъ.

Вечеромъ мы уѣхали въ обратный путь, ночевали въ Новгородкахъ, въ опрятной станціи Кіевскаго тракта; на другой день къ обѣду были во Псковѣ, а въ 4 часа утра по желѣзной дорогѣ домчались до дому. Мы слышали, что въ половинѣ августа будетъ готова желѣзная дорога до Острова, а оттуда всего 52 версты до Михайловскаго.

7-го Августа 1859. С.-Петербургъ.

Мнѣнія современниковъ объ А. С. Пушкинѣ

И Е Г О

ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

I.

В. Н. Каразинъ и А. С. Пушкинъ.

Письмо В. Н. Каразина къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею относительно нѣкоторыхъ стихотвореній, явившихся въ журналахъ по случаю высылки А. С. Пушкина на югъ Россіи.

4-го іюня (1820?) г.

Сіятедьнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Я очень сожалѣлъ, что не могъ имѣть лестной для меня чести видѣть ваше сіятельство въ послѣдній разъ: я хотѣлъ было показать мѣста въ нѣсколькихъ нумерахъ нашихъ журналовъ, имѣющія отношеніе къ высылкѣ Пушкина: дабы болѣе увѣрить васъ, сіятельнѣйшій графъ, что я не сказалъ ничего лишняго въ бумагахъ моей 31-го марта. Безумная эта молодежь хочетъ бл е с н у т ь своимъ неуваженіемъ правительства.

Въ IV № «Соревнователя» на стр. 70-й Кюхельбекеръ, взявъ эпиграфомъ изъ Жуковскаго:

И имъ ') не разорвать вѣнка
Который вало дарованье!...

воскликаетъ къ своему лицейскому сверстнику:

О Дельвигъ, Дельвигъ! что награда
И дѣлъ высокнхъ и стиховъ?
Таланту что и гдѣ отрада
Среди злодѣевъ и глупцовъ?

') Т. е. государю, министру и такъ далѣе!

Хотя надпись сей пьесы просто: «Поэты», но цѣль ея очень видна изъ многихъ мѣстъ, на примѣръ:

Въ рукѣ суровой Ювенала
Злодѣямъ грозный бичъ свиститъ
И краску гонитъ съ ихъ ланитъ,
И власть тирановъ задрожала! (стр. 76).

О Дельвигъ, Дельвигъ! что гоненя?
Безсмертіе равно удѣлъ
И смѣлыхъ, вдохновенныхъ дѣлъ
И сладостнаго пѣснопѣнія! —
Такъ! не умрегъ и нашъ союзъ,
Свободный, радостный и гордый
И въ счастья и въ несчастья твёрдый,
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ музъ!
О вы, мой Дельвигъ, мой Евгений! (Баратынскій).
Съ разсвѣта вашихъ тихихъ дней
Гасъ полюбилъ небесный Геній!
И ты, нашъ юный Корифей
Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана! (Пушкинъ).
Что для тебя шипѣнье змѣй,
Что крикъ и филина и врана? ¹⁾ (въ концѣ 77-й и на 78 й стр.).

Поелику эта пьеса была читана въ обществѣ, непосредственно послѣ того, какъ высылка Пушкина сдѣлалась гласною, то и очевидно, что она по сему случаю написана ²⁾.

Въ № IV «Невскаго Зрителя», Пушкинъ прощается съ Кюхельбекеромъ. Между прочимъ...

„Прости... гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья
Святому братству вѣренъ я!“

Сія пьеса, которую ваше сіятельство найдете на стр. 66-й упомянутого журнала, чтобы отвратить вниманіе цензуры, подписана якобы 9-мъ іюня 1817-го года.

Нравственность этого святого братства и союза (о которомъ я предварялъ) вы изволите увидѣть изъ другихъ №№, при семъ приложенныхъ: какъ то изъ «Благомѣреннаго», страницы 142-й, въ пьесѣ Баратынскаго: «Прощанье»,

¹⁾ Кюхельбекеръ, изливая privately свое неудовольствіе, называлъ государя Тиберіемъ... Въ чертѣ наипосердѣйшей нашель Тиберія—безумецъ!

²⁾ Стихотвореніе Кюхельбекера, подъ заглавіемъ „Поэты“ помѣщено въ IV № „Соревнователя Просвѣщенія и благотворенія“ 1820 года, на стр. 71—78-й. Заключительные стихи были слѣдующіе:

Лети и вырвись изъ тумана;
Изъ тьмы завистливыхъ временъ.

изъ «Невскаго Зрителя» книжки III стр. 56-й «Посланіе».

» » » » IV « 63-й «Къ Прелестницѣ». Чтобы не утомлять ваше сіятельство болѣе сими вздорами, вообразите, что все это пишуть и печатають безстыдно не развратники, запечатлѣнные уже общимъ мнѣніемъ, но молодые люди, едва вышедшіе изъ царскихъ училищъ, и подумайте о слѣдствіяхъ такого воспитанія! Я на это, на это только ищю обратить вниманіе ваше.

При семь же письмѣ, сіятельнѣйшій графъ, прилагаю четвертую тетрадь мою. Сдѣлайте милость поднесите ее также, какъ и первыя (въ ожиданіи разрѣшенія по сему предмету). Осмѣливаюсь повторить, что сверхъ исполненія долга сына отечества, каковымъ я хочу жить и умереть вопреки общей трусости и разврата, единственная цѣль моя быть употребленнымъ по департаменту, который я предполагаю не обходимымъ, и которой порученіями Лавровымъ ¹⁾, Фонъ-Фокамъ ²⁾ и Германамъ никоимъ образомъ замѣненъ быть не можетъ!

Простите, ваше сіятельство, преданнѣйшаго вамъ вѣчно
Василія Каразина.

P. S. Книжки не мои: я ихъ взялъ на время. Почему не забудьте, сіятельнѣйшій графъ, мнѣ ихъ приказать доставить обратно за печатью.

II.

Цензоръ Фрейгангъ и Степ. О. Бурачекъ о сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

Письмо издателя журнала «Маякъ» С. О. Бурачка къ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа и председателю цензурнаго комитета князю Волконскому по поводу замѣчаній цензора Фрейганга на статью А. Мартынова: «Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, помѣщенныхъ въ полное собраніе сочиненій его», которая потомъ явилась въ «Маякъ».

19-го декабря 1842 г.

Ваша свѣтлость
Милостивый государь!

Я получилъ отъ г. Фрейганга прилагаемыя корректуры при слѣдующемъ письмѣ, которое, при неразборчивости его почерка, имѣю честь приложить въ копіи.

¹⁾ Иванъ Павловичъ Лавровъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ департамента исполнительнаго министерства внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Максимъ Яковлевичъ Фокъ, управлявшій цензурнымъ комитетомъ.

«Не желая вредить вашимъ матеріальнымъ выгодамъ и замедлить печатаніе вашего журнала, возвращаю вамъ статью о Пушкинѣ, отложенную мною до засѣданія комитета.

«Я старался оставить въ ней все то, что только можно, однакожь осталось не много, и я считаю нужнымъ сказать вамъ свое мнѣніе объ этой статьѣ, въ которой такъ хорошо отражается направленіе вашего журнала.

«Я полагаю, что гораздо вреднѣе мѣшать всюду, безъ всякой надобности и даже вовсе не кстати св. Писаніе, нежели сочинять поэмы, подобныя Евгенію Онѣгину. Скажите на милость, прилично ли разсуждать о Евангеліи и писаніяхъ святыхъ отцовъ, когда дѣло идетъ о литературныхъ дразгахъ и произведеніяхъ легкой литературы, отъ которыхъ и по уставу вовсе не требуется, чтобъ они имѣли релігіозное направленіе, а только того, чтобъ они были безвредны. Вамъ, строгому судѣ и обличителю русскихъ писателей въ преступленіяхъ ихъ противъ Бога и государства, не худо затвердить однажды и навсегда §§ 13, 14 и 15 Устава о цензурѣ. Сомнѣваюсь, чтобъ критикъ вашъ (г. Мартыновъ) имѣлъ право судить по законамъ Божіимъ жизнь и труды Пушкина. Онъ можетъ критиковать эти труды только въ литературномъ отношеніи, а касаться личности Пушкина, его совѣсти, его нравственности и общественныхъ отношеній критику не позволять. Труды Пушкина напечатаны съ дозволенія правительства и вновь изданы по высочайшему повелѣнію: превозглашать ихъ печатно безбожными, вольнодумными и развратными я не могу дозволить. Такъ какъ вы пишете мнѣ, что намѣрены снова беспокоить его свѣтлость, то прошу васъ псказать его свѣтлости, вмѣстѣ со статьєю и это письмо мое, такъ какъ въ немъ изложены причины, заставившія меня прибѣгнуть къ краснымъ черниламъ». 18-го декабря 1842.

Удостоите, ваша свѣтлость, выслушать обѣ тяжущіяся стороны. Это тяжба важная и любопытная. Сущность замѣчаній г. цензора выражается въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. «Маякъ» всюду, безъ всякой надобности, и даже вовсе не кстати, мѣшаетъ св. писаніе съ литературными дразгами».

Это несправедливо. Есть литература, и въ литературѣ бывають дразги. «Маякъ» до литературныхъ дразгъ не касается, а занимается исключительно самою литературою. И во-первыхъ, считаетъ ее предметомъ высокой важности, на служеніе которому посвящали себя во всѣ вѣки, во всѣхъ народахъ, именно лучшіе, величайшіе умы. Во-вторыхъ, въ литературѣ какой либо эпохи всегда выра-

жается вся эпоха, съ ея добромъ и зломъ, умомъ и заблужденіями, прекраснымъ и уродливымъ.

Изучать и обличать добро и зло, истину и ложь въ литературныхъ произведеніяхъ какой либо эпохи—это высокая обязанность благонамѣренной критики. «Маякъ» только этимъ и занимается.

Цѣль министерства народнаго просвѣщенія есть просвѣщать, т. е. вести умы своей эпохи отъ лжи, столь свойственной людямъ, къ истинѣ. Стало быть «Маякъ» не дрязгами занимается, не противъ правительстѣва дѣйствуетъ, а идетъ по слѣдамъ и по направленію правительства.

Если критики «Маяка» обличаютъ заблужденія того или другого писателя,—какъ быть: всѣ критики то же дѣлаютъ. Кто вызывается писать, тотъ смотри, не пиши лжи и заблужденій своихъ; потому что ложь прилипчива, противна цѣлямъ просвѣщенія, и стало быть вредна!

Но еще никого не брали и никого не возьмутъ въ Управу Благочинія, если критика докажетъ, что онъ заблуждается; что его ученіе ложное. Въ нашемъ законодательствѣ и закона такого нѣтъ, и быть его не можетъ: ибо всѣ науки безъ исключенія, тѣмъ наиболѣе и совершенствуются, что познаютъ прежнія свои ошибки и заблужденія, и исправляютъ ихъ.

Наука литературы одна изъ самыхъ необработанныхъ: ошибокъ и заблужденій въ ней бездна, и школъ ея нынче столько, сколько писателей; а другой своей стороною она прямо примыкаетъ къ жизни, т. е. дѣйствуетъ на общество, и дѣйствуетъ всеильно—увлеченіемъ, и ея ошибки наносятъ вредъ. Но все-таки этотъ вредъ исправляется критическимъ обличеніемъ и цензурнымъ устраненіемъ ошибокъ и лжей, а не Управой Благочинія. Цензура и критика идутъ объ руку.

Далѣе, «Маякъ» всюду примѣняетъ (примѣшиваетъ?) христіанство къ литературѣ—и прекрасно дѣлаетъ, еслибъ даже это была и частная школа. Но это не частная школа, а всеобщая потребность въ каждомъ христіанскомъ народѣ: литература есть жизнь народа, и христіанство есть жизнь народа—одна внѣшняя, другая внутренняя; ихъ раздѣлять нельзя.

Если у какаго народа литература отдѣлилась отъ религіи, то значить что она въ заблужденіи—она трупъ.

Осквернится ли свѣтъ лампы отъ того, что имъ освѣтять залу съ трупами или сорную яму? Евангеліе дано намъ не для того, чтобъ оно стояло на полкѣ, а для безпрестанной повѣрки нашихъ дѣлъ и жизни. Но литература есть живой портретъ нашихъ дѣлъ и жизни. Если «Маякъ» при свѣтѣ Евангелія открываетъ трупы и сорныя ямы въ литературѣ — за это его благодарить и поддерживать должно. За это не всякій возьмется. Прилично ли употреблять Евангеліе такимъ образомъ — это судить духовная цензура (ценз. уст. ст. 23, в. прим. 1 и 2).

Запрещать «Маяку» такъ дѣйствовать въ народѣ христіанскомъ, не значило ли бы гнать и запрещать самое христіанство, и дѣйствовать противъ духа и буквы цензурнаго устава, въ 47 § коего сказано:

«Отвѣтственность за произвольное запрещеніе того, что по правиламъ устава должно было быть одобрено, лежитъ на цензорѣ».

2. Г. цензоръ ссылается на § 13 устава:

«Цензура въ произведеніяхъ изящной словесности должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣреннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія, и не требовать въ вымыслахъ той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важнымъ».

Этотъ параграфъ, снисходя къ несовершенствамъ челоуѣка, даетъ свободу цензору (который не есть критикъ) пропускать все то, въ чемъ нѣтъ явной злонамѣренности и прямого оскорбленія нравственнаго приличія, не требуя въ вымыслахъ строгой точности; а критика, ни мало не подвергая цензора отвѣтственности, можетъ, въ тѣхъ же самыхъ вещахъ находить и указывать ошибки и заблужденія, которыя пишутся всегда не по злонамѣренности, а по лжеубѣжденію, прivityчкѣ или увлеченію. Положительный законъ преслѣдуетъ явную злонамѣренность, критика обличаетъ привычныя лжеубѣжденія и увлеченія, и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ положительному закону, который по § 6 повелѣваетъ цензору въ сужденіяхъ своихъ принимать за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Но критикъ можетъ находить во всемъ томъ и дурныя стороны, обличать и доказывать ихъ дурноту.

По § 15 «цензору не дозволяется входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только они безвредны». А критикѣ дозволено (§ 12) взвѣшивать всякія ошибки сужденій, потому что всякая ошибка и неосновательность уже вредна, если ее усвоить за истину, и полезна, если ее обличать и обезвредить.

Г. цензоръ приводитъ § 14 въ защиту личности Пушкина. Тамъ сказано:

«Охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, цензура не препятствуетъ однако.. обличать пороки и слабости подъ общими чертами».

Этотъ параграфъ нейдетъ къ дѣлу. Есть личность гражданская, объ ней и говорится тутъ—она неприкосновенна, есть личность литературная (см. «Маякъ» 1842, кн. II, гл. II, стр. 155)—она непремѣнно страдаетъ отъ всякой критики, и защищать ее нельзя. Критика,

обличая писателей въ незнаніи, ошибкахъ, развѣнчиваетъ личныя славы, знаменитости.

Вообще изъ приведенныхъ г. цензоромъ §§ устава, видно, что цензоръ не есть критикъ, и не долженъ имъ быть въ отношеніи цензуруемаго автора, и что критикъ благонамѣренный и знающій— добрый слуга цензуры и помощникъ ея въ достиженіи цѣли: водворенія въ народѣ истины и отгнанія лжи.

3. «По уставу вовсе не требуется, говорить г. цензоръ, чтобы легкое чтеніе имѣло религіозное направленіе, а только было бы безвредно.

По уставу не требуется относительно цензора, по снисхожденію къ несовершенствамъ человѣка; но критика справедливо можетъ этого требовать, хотя-бъ даже она принадлежала къ частной школѣ философіи и литературы. Лучшіе умы въ Германіи: Шелингъ, Баадеръ, Экштейнъ и множество другихъ, нынче уже положительно требуютъ, чтобы философія, литература, исторія, правовѣдѣніе и проч. были религіозныя науки. Но это, повторяю, не есть частная школа, а всеобщая, истинная потребность; потому что въ дѣлѣ нравственности и быть не можетъ нейтралитета: кто не за истину, тотъ противъ ея; кто не за добродѣтель, тотъ противъ ея, кто не за религію, тотъ противъ ея, кто не полезенъ, тотъ вреденъ. Это подтверждается и словомъ Спасителя: «Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; кто не со Мною собираетъ, тотъ расточаетъ»; а Спаситель, какъ Творецъ нашъ, ужъ конечно хорошо знаетъ нашу природу.

4. «Труды Пушкина, пишетъ г. цензоръ, напечатаны съ дозволенія правительства и изданы по высочайшему повелѣнію, поэтому нельзя указывать на то, что въ нихъ есть безбожнаго, вольнодумнаго»... т. е. на его заблужденія.

Возраженіе щекотливое, но невѣрное. Правительство довѣрилось цензору. Цензоръ, какъ человѣкъ и писатель или ученый, довѣрился духу своей эпохи, которому всѣ неминуемо платятъ дань увлеченія. Всѣ восхищались Пушкинымъ и цензоръ имъ восхищался, и не могъ требовать отъ него (какъ не критикъ) строгой точности въ вымыслѣ. Оправданіе—слишкомъ достаточное въ глазахъ просвѣщеннаго правительства, для цензора, какъ человѣка и писателя, который непременно принадлежитъ къ какой-либо господствующей школѣ своего времени и вмѣстѣ съ нею можетъ увлекаться и, по общему заблужденію, ложь признавать за истину и наоборотъ. Только тотъ можетъ за это осудить цензора и первый бросить въ него камень, кто самъ никогда не заблуждался!

Цензоръ, какъ и всякій человѣкъ, можетъ ошибиться и въ срочномъ,

спѣшномъ занятіи — иное просмотрѣть. Критика, обличающая ошибки автора, просмотрѣнныя цензоромъ, очищаетъ и цензора.

Цензоръ, дозволяющій печатать обличеніе на его собственные цензурные промахи, тѣмъ самымъ торжественно доказываетъ, что онъ просмотрѣлъ какъ человѣкъ, не злонамѣренно и—очищаетъ себя. Тѣмъ все и кончается. Много такихъ великодушныхъ, благородныхъ поступковъ цензорскихъ я могу указать въ самомъ «Маякѣ».

Сочиненія Пушкина напечатаны по высочайшему повелѣнію, но это свидѣтельствуется только о благотворномъ монаршемъ покровительствѣ таланту, всѣми признанному. Со всѣмъ тѣмъ, произведенія Пушкина, какъ дѣло ума человѣческаго, способнаго падать и заблуждаться, подлежатъ суду критики со всѣхъ сторонъ. И если бы въ нихъ были заблужденія даже безбожныя, вольнодумныя, то тѣмъ болѣе ихъ надо указать и обезвредить; потому что у многихъ и весьма многихъ вся философія ихъ жизни составлена изъ стиховъ Пушкина, вѣрившихся въ память. Самые важнѣйшіе вопросы жизни, вѣры и нравственности они рѣшаютъ стихами Пушкина какъ текстами; а между этими его текстами—бездна софизмовъ! Раскрытіе заблужденій великихъ писателей—сокровище для науки, несмотря, что эти сокровища добываются тяжкою, болѣзненною работою критики. «Маякъ» вышелъ на эту работу.

Наконецъ, вашей свѣтлости предстоитъ весьма важный подвигъ: вашимъ просвѣщеннымъ умомъ и властію успокоить г.г. цензоровъ насчетъ «Маяка» и вашею справедливостью изгладить въ умахъ ихъ несправедливое, и для самихъ для нихъ вредное мнѣніе, «что критика «Маяка»—доносъ на цензуру, на правительство».

Эту мысль пустилъ въ ходъ одинъ изъ журналистовъ, которому болѣе нечѣмъ было защитити себя отъ справедливыхъ и дѣльныхъ критикъ сотрудниковъ «Маяка». Мысль подхватили, и многіе усвоили даже въ цензурномъ комитетѣ, но не всѣ. Мнѣ тысячу разъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, въ глаза повторяли это общее мѣсто: «Маякъ» пишетъ доносы—не должно ихъ дозволять!» Не говорю уже, сколько это повредило и вредитъ издателю въ глазахъ людей, еще не коротко познакомившихся съ «Маякомъ».

Четвертый годъ уже «Маякъ» такимъ образомъ доноситъ на цензуру, и никого еще за это не потребовали ни въ Управу Благочинія, ни въ Уголовную палату, и никогда не потребуютъ. Большинство нашихъ журналовъ и романовъ такимъ же образомъ доносятъ на цензуру.

Смѣю повторить: единственное средство для цензора очищать свои просмотры, которыхъ избѣжать выше силъ человѣка, есть—дозволить критикѣ, свободно, только благонамѣренно, обличать ошибки мнѣній и сужденій въ процензурованныхъ книгахъ.

Если на это не согласятся, то всякимъ заблужденіямъ откроются двери настежь; а противъ нихъ не останется никакого оружія; ибо, смѣю повторить, каждый изъ цензоровъ есть непременно ученый или писатель, т. е. непременно принадлежитъ къ какой-либо философской и литературной школѣ; а въ каждой школѣ есть непременно заблужденія, принимаемая за истину. Эта мысль о д о н о с а хъ критики вредна для самихъ цензоровъ тѣмъ, что если безпристрастный человѣкъ повернетъ дѣло другой стороной, то выдетъ, что кто ищетъ убѣжища единственно лишь за словомъ д о н о с ъ, для всѣхъ презрительнымъ, тотъ уже явно сознается, что онъ не невиненъ и беззащитенъ на судѣ истины.

Наконецъ, если ваша свѣтлость удостоите взять на себя трудъ просмотрѣть приложенныя корректуры, на которыхъ вынесены помѣтки г. цензора, то надѣюсь, сами изволите согласиться, что критикъ, г. Мартыновъ, умно, дѣльно и справедливо указываетъ и дурное, и хорошее въ сочиненіяхъ Пушкина, не касаясь его гражданской личности, несмотря, что критикъ даже обязанъ, разбирая сочиненія умершихъ писателей, принимать на видъ ихъ біографію.

Поручаю эту важную для меня тяжбу просвѣщенному уму и справедливости вашей свѣтлости, милостивый государь, преданнѣйшій слуга
Степанъ Бурачекъ.

Сообщилъ академикъ А. Э. Бычковъ.

Возобновленіе въ Москвѣ дома Благороднаго собранія.

Отношеніе графа Ѳ. В. Ростопчина слободско-украинскому губернскому предводителю дворянства.

14-го апрѣля 1814 г. № 1092.

Во время нашествія врага на древнюю столицу Россіи, московскій домъ Благороднаго собранія купно съ прочими содѣлался жертвою пламени. Сумма, до сего событія собранная, обращена была въ прошломъ году старшинами собранія на нѣкоторыя нужнѣйшія въ томъ домѣ исправленія, но не могла быть достаточна къ удовлетворенію всѣхъ тѣхъ издержекъ, которыя бы требовались на приведеніе оного дома въ первобытное состояніе. Чтобъ споспѣшествовать болѣе сей цѣли, домъ Благороднаго собранія по учиненнымъ государынею императрицею Марією Ѳеодоровною распоряженіямъ заложенъ былъ въ Императорскомъ опекуномъ совѣтѣ въ 67 тыс. рублей, каковая сумма и была отпущена въ распоряженіе старшинъ. Но прежде нежели приступлено было ими къ надлежащему ея употребленію, государь императоръ, среди самаго важнѣйшихъ занятій для блага цѣлой Европы, пекущійся даже и о нашихъ удовольствіяхъ, высочайше соизволилъ по представленію моему, назначить на исправленіе означеннаго дома 150 тыс. рублей, изъ суммъ въ распоряженіи моемъ состоящихъ съ тѣмъ, чтобъ заимствованные изъ опекунскаго совѣта 67 тыс. рублей были возвращены въ оный, а остальные употреблены на извѣстное назначеніе. Съ помощію таковой щедроты монаршей, домъ Благороднаго собранія прежде наступленія зимы имѣеть быть во всѣхъ частяхъ отдѣлкою исправленъ и украшенъ по приличію.

Я поставляю долгомъ извѣстить васъ, милостиваго государя моего, какъ губернскаго предводителя, о возобновеніи дома, россійскому дворянству принадлежащаго, и остаюсь въ пріятной надеждѣ, что члены сего благороднаго сословія за особливую выннать себѣ честь быть членами такого собранія, которое не только было удостоено высочайшимъ присутствіемъ всемилостивѣйшаго государя нашего, но имѣеть даже счастье видѣть его величество въ числѣ своихъ членовъ.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ А. С. ПУШКИНА.

Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаниі общества.

Вѣлинскій, VI.

Да не замолкнетъ о пѣвцѣ молва, пока живетъ отчизна дорогая.

Ө. Миллеръ.

26-го мая Россія будетъ чествовать одно изъ свѣтлыхъ явленій нашей духовной жизни, величайшій шагъ къ развитію русской мысли, русскаго творчества, будетъ праздновать столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина. Исходя изъ того убѣжденія, что каждое слово, если оно проливаетъ хоть слабый свѣтъ на ту или другую сторону его творчества, далеко не лишне, постараемся, по мѣрѣ возможности, выяснить его отношеніе къ современной ему критикѣ, обществу, литературѣ и опредѣлить значеніе критическихъ воззрѣній его, носившихъ задатки будущаго развитія и являвшихъ собою прогрессивный ростъ русскаго критическаго сознанія.

I.

Исторія литературы требуетъ указанія на живую связь писателя съ современностью, съ окружающими его людьми, съ развитіемъ литературы и критики. Въ этомъ-то отношеніи прежде всего важны письма и замѣтки Пушкина. Чтобы оцѣнить вполне, чѣмъ обязано русское

общество незабвенному поэту, надо знать, при какихъ условіяхъ приходилось ему дѣйствовать. Разсмотримъ прежде всего отношеніе Пушкина къ современному ему обществу, какъ цѣнителю литературныхъ произведеній, или вѣрнѣе—посмотримъ, могло ли это общество оцѣнивать литературныя произведенія поэта.

Пушкинъ хорошо зналъ современное ему общество и имѣлъ очень неслестное о немъ мнѣніе. «Мужчины, говорить онъ въ одной изъ неоконченныхъ своихъ повѣстей,—боятся уронить свою важность, достоинство.... У нихъ нѣтъ ничего «похожаго на искренность, на благорасположеніе и близость сношеній, на все, что составляетъ прелесть общежитія»; разговоры ихъ пусты, безсодержательны; тѣмъ болѣе, конечно, литературныя новинки не прельщаютъ ихъ. Женщины не идутъ дальше мужчинъ въ этомъ отношеніи: «ихъ разговоръ несносный, хоть невинный вздоръ, одинъ видъ ихъ уже рождаетъ сплинъ; онѣ отличаются очень поверхностнымъ образованіемъ, ничто европейское не занимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуетъ. Остроуміе у нихъ въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія». Къ русской поэзіи онѣ совершенно равнодушны отчасти по незнанію русскаго языка, отчасти потому, что природа «отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не достигая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи»; стоятъ только вслушаться въ ихъ литературныя сужденія, чтобы сейчасъ же выступила положительная кривизна и даже грубость ихъ понятія. Писателю поэтому нечего бояться читательницъ, потому что «ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской землѣ».

Всѣ эти выводы, приводятъ Пушкина къ заключенію, что судомъ русскаго общества презирать вовсе не трудно. «Зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ; мы или сохнемъ или гниемъ». «Девизъ всякаго русскаго, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Заяскивать передъ такой «дѣтской» публикой онъ не намѣренъ. «Я очень хорошо знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики, пишетъ онъ Гнѣдичу; есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечо: этихъ она любить и почитаетъ». По его мнѣнію, холодность такой публики дѣлаетъ талантливому писателю честь (статья о Катенинѣ), такъ какъ эта холодность доказываетъ, во-первыхъ, отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ, его самостоятельность, нежеланіе угождать господствующему въ публикѣ вкусу: значить, поэтъ идетъ своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему угодно, не подчиняясь требованіямъ читателей. Какъ увидимъ ниже, такая точка зрѣнія служитъ основаніемъ воззрѣній Пушкина на задачу поэтическаго творчества.

Не выше во мнѣніи поэта стояла и современная ему критика.

Русская поэзія, до появленія Пушкина, по словамъ великаго критика, гремѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжные стишки къ «милой» и была совершенно счастлива этими идиллическими занятіями: «дѣйствительностью ея была мечта, а потому ея дѣйствительность была чисто аркадская, въ которой невинное блеяніе барашковъ, воркованіе голубковъ, поцѣлуи пастушковъ и пастушекъ и сладкія слезы чувствительной души прерывались только не менѣе невинными возгласами: «пою» или «о, ты, священна добродѣтель!» и т. п. Дикое, непочатое поле живого слова русскаго было засорено чужеземнымъ псевдоклассическимъ щебнемъ, пудрою, утыкано коленкоровыми цвѣтами, завалено битымъ фаянсомъ и старыми робронами послѣ разныхъ мадамъ де-Помпадуръ, Менденовъ и Людовиговъ (слова Н. А. Чаева). Воспитанная на такихъ произведеніяхъ, услаждавшаяся музою предшественниковъ Пушкина, критика отличалась крайней односторонностію взглядовъ, соединенной съ полнымъ непониманіемъ общественнаго значенія писателя. Для этой критики живая дѣйствительность, служившая почвою произведеній Пушкина, плодотворная идея, заключенная въ нихъ, являлась совершенной новостью; и потому одни изъ ея представителей (лучшіе) производили только эстетическій судъ надъ его твореніями; другіе наиболѣе даровитые изъ нихъ успѣли разсмотрѣть въ произведеніяхъ писателя идею народности, которую и отмѣтили, какъ существенную черту новаго романтическаго теченія литературы, но цивилизаторское значеніе Пушкина ускользнуло отъ нихъ (Трубачевъ).

Наконецъ, третьи, злобные, малоразвитые противники Пушкина, утверждали, что его стихотворство отодвинуло русскую поэзію лѣтъ на сорокъ назадъ, что его произведенія представляютъ идеализацію разврата и уголовныхъ преступленій. Вотъ къ этимъ-то критикамъ Пушкинъ и относился съ подавляющимъ презрѣніемъ. Онъ насмѣхался надъ этими строгими формалистами, которые, оставаясь въ тѣсномъ кругу отжившихъ теорій и обветшалыхъ понятій, ополчались на поэта за рѣшительное отступленіе отъ преданій школьной пѣнтяки, за сочувствіе романтизму. «Мы возмемся въ грязь, говоритъ Пушкинъ, торгуемся, бранимся такъ, что любо, кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи, кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо.... Другъ на друга словесники идутъ, другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ, и хоромъ про свои побѣды трубятъ». О такой критикѣ поэтъ совершенно справедливо замѣтилъ: «Все, что у насъ называется критикой, одинаково глупо и смѣшно».

Глубоко былъ правъ также поэтъ по отношенію къ тѣмъ изъ своихъ противниковъ въ журналахъ, которыхъ критика или ограничивалась простыми библиографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, бохѣ или менѣе остроумными дружескими похвалами, или просто превращалась въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками и съ

корректоромъ. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ, по поводу личныхъ отношеній, затрогиваемыхъ въ критическихъ статьяхъ, Пушкинъ пишетъ: «У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого-нибудь произведенія. Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ о мнѣніяхъ, господствующихъ въ публикѣ».

Въ 30-хъ годахъ мы читаемъ въ критическихъ замѣткахъ Пушкина, что «критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно, а это дурно потому, что скверно». Поэтъ жалуется, что «оскорбленія личныя и клеветы нынѣ, къ несчастью, слишкомъ обыкновенны». Въ письмѣ къ Бестужеву и въ замѣткѣ по поводу мнѣнія Лобанова о духѣ словесности мы, между прочимъ, читаемъ: «Именно критики у насъ недостаетъ... Критика находится у насъ въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены расчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабomyслия), къ несчастью, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удалствомъ». Слушать такую критику, по мнѣнію поэта то же, что «подслушивать у кабака, что говорятъ о насъ холопы».

Въ стихотвореніи «Совѣтъ» онъ такъ отзывается о критикѣ:

„Повѣрь, когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальный,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возрожай на пискъ и шумъ нахальный:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямый;
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворно эпиграммой“.

Итакъ, наличная критика ни со стороны оцѣнки произведеній ни въ отношеніи опредѣленія задачъ искусства не удовлетворяла Пушкина, вызвала пренебрежительные съ его стороны отзывы. Любопытно, конечно, узнать, противопоставлялъ ли поэтъ этой неудовлетворявшей его критикѣ свой положительный идеалъ. На это мы находимъ отвѣтъ въ его произведеніяхъ, замѣткахъ и письмахъ. Здѣсь, заключаются обильныя данныя для знакомства со взглядами Пушкина на задачи истинной критики.

Съ 1823 года возникаетъ переписка Пушкина съ Бестужевымъ, Рылѣвымъ, Дельвигомъ, княземъ Вяземскимъ, которая имѣетъ огромное литературное значеніе. Пушкинъ, опровергая нѣкоторыя положенія Бестужева, предлагаетъ свои опредѣленія людей и произведеній; онъ

пытается отыскать настоящія задачи критики и затронуть предметы, которыми она должна заниматься.

Критикъ, по мнѣнію поэта, долженъ быть представителемъ вкуса, вѣрнымъ стражемъ и покровителемъ словесности (письмо къ Бестужеву), но для этого ему нужны богатый запасъ знаній, развитой вкусъ, тактъ и особенно чистыя и благородныя стремленія и полная объективность, въ смыслѣ отсутствія личныхъ симпатій и антипатій.

«Покамысь мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критика у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать», пишетъ Пушкинъ Бестужеву въ апрѣлѣ 1825 года. Онъ допускаетъ остроуміе въ критикѣ и высоко цѣнитъ его, напримѣръ, въ статьяхъ князя Вяземскаго; но подъ остроуміемъ онъ разумѣетъ способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія, а не «шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ», нарушающія часто приличіе тона. Самъ Пушкинъ былъ расположенъ отомщать эпиграммой или пародіей безсильныя или отсталыя претензіи. Возражая Бестужеву на положеніе: «У насъ есть критика и нѣтъ литературы», Пушкинъ указываетъ, что задачей русской критики должна быть правильная оцѣнка такихъ писателей, какъ Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ, Княжнинъ, который «безмятежно пользуется своей славой», Богдановичъ, причисленный къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ, Крыловъ. «Произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненные по достоинству... Скажутъ что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимо достоинство—не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семъ отношеніи нравственное наблюденіе важнѣе наблюденій литературныхъ»...

Критика не должна распылять «высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія», которыя «не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ»—напротивъ, только устанавливая въ публикѣ правильное пониманіе лучшихъ писателей, критика такимъ образомъ даетъ лучшее понятіе о состояніи литературы; если сдѣлать критику занимательною для публики—а это могутъ сдѣлать только «писатели, заслуживающіе уваженія, довѣренности ея», то публика не станетъ уже обнаруживать равнодушія къ успѣхамъ словесности. При такихъ условіяхъ критика становится руководителемъ общаго мнѣнія, полезнымъ факторомъ въ дѣлѣ умственнаго развитія современнаго общества; она должна стремиться къ увеличенію круга полезныхъ знаній въ обществѣ, къ распространенію знакомства съ лучшими представителями науки и искусства, чѣмъ тѣ, какіе теперь владѣютъ умами. «Французская обмельчавшая словесность, пишетъ Пушкинъ, envahit tout; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ

Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Ришаръ, м-ше Жанлисъ овладѣвають русской словесностью».

Главнымъ образомъ критика должна стремиться къ возбужденію любви къ національному, къ искорененію или ослабленію въ обществѣ печальныхъ явленій невѣжества и необузданности стремленій, къ распространенію правильныхъ взглядовъ на жизнь. Словомъ, критика, никогда не закрывая своихъ страницъ для выраженія лучшихъ стремленій своего времени, должна стать, по мнѣнію Пушкина, скромной учительницей добра и разума.

II.

Съ 1827 по 1830 годъ Погодинъ издавалъ «Московскій Вѣстникъ». Этотъ журналъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ держать въ напряженіи пробуждающееся эстетическое чувство и поддерживать стремленіе къ изящному. Эстетическіе взгляды сотрудниковъ «Московского Вѣстника» сильно повліяли, по словамъ Анненкова, на выработку воззрѣній Пушкина на искусство. Онъ быстро усвоилъ себѣ теорію творчества: она только развивала и дополняла его собственные взгляды, высказанные нѣсколько ранѣе въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ».

Поэтический даръ, по воззрѣнію Пушкина, какъ и всякое другое проявленіе духа человѣческаго, конечно, прежде всего представляетъ частную собственность, которую поэтъ распоряжается, какъ ему угодно. «Поэзія бываетъ исключительно страстью немногихъ, говоритъ онъ, родившихся поэтами: она объемлетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія». Поэтъ «погруженъ въ заботы суетнаго свѣта», пока его не требуетъ къ священной жертвѣ Аполлонъ, но какъ только до его чуткаго слуха коснется «божественный глаголь» поэтъ «забываетъ міръ» и отдается чувствамъ, образамъ, лицамъ, возникающимъ въ его воображеніи. Въ этомъ, собственномъ его мірѣ ходъ явленій зависитъ отъ глубокаго внутренняго движенія души, называемаго вдохновеніемъ. По опредѣленію самого Пушкина, «вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи какъ и въ поэзіи». Вдохновеніе доставляетъ высокое наслажденіе прежде всего самому поэту: «Блаженъ, кто знаетъ сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ, кто наслажденіе прекраснымъ въ прекрасный получилъ удѣлъ». Толпа не имѣетъ права управлять вдохновеніемъ поэта («Египетскія ночи»): «вѣтру и орлу и сердцу дѣвы нѣтъ закона. Гордись! Таковъ и ты поэтъ, и для тебя закона нѣтъ... Съ толпой

не дѣлишь ты ни гнѣва, ни нужды, ни хохота, ни рева, ни удивленія, ни труда... Идешь, куда тебя влекутъ мечтанья тайныя. Твой трудъ тебѣ награда: имъ ты дышишь, а плодъ его бросаешь ты толпѣ, рабынѣ суеты» («Родословная моего героя»). Подъ вліяніемъ вдохновенія только, этого таинственнаго демона, повсюду летающаго за поэтомъ и нашептывающаго ему дивныя звуки, рождаются чудныя грезы, стекаются въ стройныя размѣры послушныя слова и замыкаются звонкой римой («Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»). Плоды своего вдохновенія поэтъ, какъ мы только что сказали словами Пушкина, можетъ бросать толпѣ, но эта послѣдняя не въ правѣ требовать, чтобы даръ его служилъ ей на пользу:

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“,

говорить поэтъ въ стихотвореніи «Чернь». Поэтъ не долженъ дорожить народною любовью: минутный шумъ восторженныхъ похвалъ часто смѣняется «смѣхомъ толпы холодной, судомъ глупцовъ, убогихъ собирателей чужихъ сужденій», для которыхъ «признакъ Бога—вдохновеніе и чуждо и смѣшно». Признавая поэзію святыней и выше всего цѣня свою свободу, поэтъ, какъ понималъ его Пушкинъ, не жертвуетъ своими убѣжденіями для житейскихъ выгодъ, не требуетъ награды за свой благородный подвигъ, ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ «не гнетъ ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи». Такой взглядъ Пушкина на поэта находится въ связи съ тѣми эстетическими воззрѣніями, которыя проводились во времена Пушкина въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Теоретики, создавая искусству высокую цѣль, независимую отъ требованій современности, приходили къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника: онъ былъ служителемъ изящнаго и въ силу этого не долженъ былъ принадлежать толпѣ, раздѣлять ея стремленія, признавать ея нужды. Создавая такое обособленное положеніе художника, теорія признавала вѣрнымъ цѣнителемъ произведеній искусства только его самого.

«Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, говоритъ Пушкинъ въ статьѣ о Баратынскомъ, нежели многообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ». Писатель, какъ бы ни относилась къ нему публика, не долженъ унижать себя исканіемъ популярности: онъ остается въ одиночествѣ на своей высотѣ, не смущаемый ни хвалами, ни бранью. «Ты царь, живи одинъ», говорилъ Пушкинъ, и въ этихъ словахъ сказалась не гордость, а скорѣе высокое чувство независимости мысли, непокорной ничему, кромѣ долга.

Конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ, Пушкинъ, побуждаемый дѣйствительностью, высказывается за назначеніе поэзіи быть дѣломъ общественнымъ, быть однимъ изъ средствъ, нравственно воспитывающихъ и укрѣпляющихъ человѣка въ идеалахъ правды и добра, но вообще онъ видѣлъ цѣль поэзіи въ ней самой, помимо всякаго служебнаго значенія. Такой взглядъ Пушкина явился въ силу историческаго прошлаго. У классиковъ поэзія состояла преимущественно въ величаніи разныхъ милостивцевъ, въ заказномъ восторгѣ, въ ограниченномъ фразерствѣ; новая же школа, въ лицѣ Пушкина, объявляетъ поэзію художественно свободною какъ въ отношеніи содержанія, такъ и формы. Этотъ манифестъ такъ называемаго «искусства для искусства» высоко поднялъ личность поэта, поставивъ его дѣятельность въ зависимость только отъ божественнаго вдохновенія, отъ внушенія высшей силы, освободивъ его отъ всего случайнаго, мелочнаго, житейскаго, что ранѣе такъ часто унижало и поэзію и поэта.

Изъ того нѣсколько пренебрежительнаго отношенія къ публикѣ со стороны Пушкина, которое мы пытались выяснитъ ранѣе, вытекаютъ взгляды Пушкина на взаимное отношеніе публики и поэта. Его возмущаютъ притязанія первой, такъ рѣзко осужденныя имъ въ стихотвореніи: «Червь». «Зло—самое нестерпимое для стихотворца—это его званіе и прозвище («Египетскія ночи»). Публика смотритъ на него какъ на свою собственность, считаетъ себя вправѣ требовать отъ него отчетъ въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольствія и дышитъ для того только, чтобы подбирать рѣчи. Пушкинъ энергично, какъ мы упоминали уже, ополчается противъ такихъ незаконныхъ притязаній. Говоря о полной независимости поэта отъ вкуса публики, какого бы сорта ни была она, онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что (письмо къ Бестужеву) «наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинимъ умоляюль голосъ лести». Въ «Мысляхъ на дорогѣ» и въ «Египетскихъ ночахъ» онъ говоритъ, что независимости нашей литературы много способствовало дворянское происхожденіе нашихъ писателей. «Это дало особенную фizioномію нашей литературѣ: у насъ писатели не могутъ изыскивать милости и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными»; между тѣмъ какъ на Западѣ существуютъ «оборванные аббаты, которыхъ музыканты берутъ съ улицы для сочиненія libretto», а поэты «ходятъ изъ дома въ домъ, выпрашивая себѣ подаваніе». Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ: они сами господа и не станутъ подносить свои сочиненія вельможѣ «въ надеждѣ получить отъ него 500 руб. или перстень, украшенный драгоценными камнями». По мнѣ-

нію Пушкина, настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, что независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

Такой скептицизмъ воззрѣній на положеніе писателя, скептицизмъ, составляющій вообще характеристическую черту личности Пушкина особенно въ эпоху его жизни въ Одессѣ, отражается и на его критическихъ взглядахъ на литературу. Въ Одессѣ поэтъ на ряду съ развлеченіями, часто сомнительнаго характера, а позднѣе и въ Михайловскомъ, сознавая недостатки своего школьнаго образованія, много занимается, читаетъ, думаетъ, интересуется исторіей, общественной жизнью и всячески старается пополнить недостатки своего «проклятаго воспитанія». Ближайшимъ результатомъ этого чтенія и размышленій явилась выработка въ его умѣ критическихъ воззрѣній. Приступаетъ онъ къ критикѣ во всеоружіи скептицизма, особенно въ отношеніи къ отечественной литературѣ, неудовлетворительное состояніе которой ярко выступало при сравненіи ея съ иностранной словесностью; но и къ этой послѣдней Пушкинъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, нерѣдко прилагаетъ свой скептический анализъ.

III.

Пушкина живо интересовала иностранная словесность, и многочисленныя его замѣтки о различныхъ ея представителяхъ доказываютъ его обширныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, читалъ въ подлинникъ произведенія, которыми гордится европейская литература, и поэты Европы имѣли, безъ сомнѣнія, великое вліяніе на развитіе его генія. Изъ замѣтокъ его видно, съ какою трезвостью ума, съ какимъ глубоко критическимъ смысломъ онъ всматривался въ изучаемыя имъ произведенія отечественной и иностранной, особенно англійской литературы. Трудясь самъ надъ своимъ образованіемъ, Пушкинъ обнаружилъ въ высшей степени вѣрное пониманіе литературныхъ эпохъ и дѣйствительнаго значенія писателей; и такимъ образомъ, изученіе отношеній нашего поэта къ корифеямъ западной литературы не только опредѣляетъ собою сферу его литературнаго созерцанія, но и бросаетъ свѣтъ на развитіе его художественнаго вкуса, его жизненныхъ воззрѣній, словомъ— на его авторскую физиономію.

Ранній періодъ поэтической дѣятельности Пушкина, заканчивающійся его ссылкой на югъ Россіи, характеризуется преобладаніемъ французскаго вліянія какъ въ его поэзіи, такъ и въ его нравственныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ. Подобно большинству своихъ со-

временниковъ, Пушкинъ былъ воспитанъ на произведеніяхъ французской литературы, и, находясь еще въ Лицеѣ, пополнялъ недостатокъ своего образованія чтеніемъ классическихъ писателей, преимущественно французскихъ. Воспитанный въ безусловномъ благоговѣніи къ корифеямъ французской литературы, Пушкинъ вначалѣ еще не дерзалъ относиться къ нимъ критически. Поэтическимъ кумиромъ его въ лицейскую пору былъ литературный диктаторъ XVIII вѣка Вольтеръ, котораго Пушкинъ считалъ величайшимъ изъ поэтовъ.

Но ссылкой Пушкина на югъ Россіи заключается періодъ исключительно французскаго вліянія, и съ этого времени онъ уже и къ оцѣнкѣ иностранной словесности прилагаетъ свой скептическій анализъ, составлявшій вообще характеристическую черту его личности въ эпоху жизни въ Одессѣ. Такъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу 27-го іюня 1822 года онъ пишетъ: «Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутятся Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ со своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве». Такое мнѣніе вытекаетъ изъ самаго представленія Пушкина о французахъ и ихъ литературѣ. Въ глубинѣ души его всегда лежало стремленіе къ правдѣ и естественности. Онъ прежде всѣхъ почувствовалъ фальшь своихъ собственныхъ произведеній, созданныхъ подъ вліяніемъ французскихъ писателей, а затѣмъ взгляды его, укрѣпленные изученіемъ Шекспира, сдѣлались главной основой его литературнаго кодекса. Теперь уже онъ относится отрицательно къ тому, что плѣняло его въ юности. «Французы, пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ, народъ антипоэтический, остроумный, положительный: Монтанъ былъ въ Итали и не упоминаетъ о Микель-Анджело и Рафаэлѣ, Монтескье смѣется надъ Гомеромъ, Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта. Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности». Пушкинъ нападалъ на неприличіе произведеній французской литературы и особенно «циника» Раблэ, со времени котораго французы усвоили себѣ такіе приемы, которые попираютъ всякое приличіе не только въ словахъ, но и по существу. Въ XVIII вѣкѣ французскій умъ дошелъ до своего высшаго расцвѣта и началъ вышучивать; но вышучиваніе чуждо народу, и вся французская литература, по словамъ Пушкина, не была народной въ истинномъ смыслѣ этого слова: ни Мольеръ, ни Вольтеръ, ни Скарронъ, ни Раблэ не проникли въ народъ. Это обстоятельство даетъ Пушкину право утверждать, что «французская литература родилась въ передней (разумѣется— короля) и далѣе гостинной не доходила, такъ какъ въ народныя массы она не проникла. Въ «Мысляхъ на до-

рогѣ» Пушкинъ замѣчаетъ, что словесность сосредоточилась около трона Людовика XIV, всѣ писатели получили придворныя должности, и тогда «возникла вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная», понятная только одному высшему обществу.

Но вотъ во Франціи развивается духъ изслѣдованія и порицанія, появляется философія, давшая XVIII вѣку свое имя. Эта философія ополчается противъ господствующей религіи, «вѣчнаго источника поэзій у всѣхъ народовъ»; любимымъ орудіемъ этой философіи была «иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. «Взглянувъ на произведенія Вольтера и другихъ прежнихъ своихъ кумировъ съ высоты Шекспировскаго творчества и Шекспировскаго реализма, Пушкинъ признаетъ ихъ дѣланьями и холодными. Въ Вольтерѣ, который въ ранней юности казался ему первымъ изъ поэтовъ, онъ отрицалъ теперь не только поэтическое вдохновеніе, но даже и поэтическое чутье. «Онъ («Мысли на дорогѣ») шестьдесятъ лѣтъ наполнялъ театр трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставлялъ свои лица, кстатѣ и не кстатѣ, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ перелетными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутивнымъ языкомъ, одною риемою и метромъ отличавшимся отъ прозы... Эта личность не владѣла верхомъ поэзій». Такимъ образомъ «первый поэтъ» обращается во мнѣніи Пушкина въ «старога врага» и «ругателя». Самъ «исполнитъ» Мольеръ казался ему далеко не исполиномъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. Онъ отдаетъ справедливость стихамъ Расина, «полнымъ смысла, точности и гармоніи»; но, по его мнѣнію, послѣдній только и держится этими стихами, такъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ стоитъ ниже всякой критики.

Испытывая отвращеніе ко всему тому, что носило отпечатокъ искусственности, напряженности, манерности, Пушкинъ холодно проходитъ мимо французскихъ романтиковъ. Альфреда-де-Виньи онъ называетъ «чопорнымъ и манернымъ», Ламартинъ, по его мнѣнію, сладкозвученъ, но однообразенъ. «Восточныя стихотворенія» Гюго Пушкинъ признавалъ блестящими, но натянутыми, въ общемъ же онъ считалъ его второстепеннымъ поэтомъ, неровнымъ, грубымъ, а драмы его признавалъ уродливыми. Зато къ Альфреду-де-Мюссе, который поразилъ Пушкина своею непосредственностью, «необыкновенною живостью» и глубиною чувства, нашъ поэтъ относится восторженно. Но особенно изъ французскихъ писателей Пушкинъ цѣнилъ Андре Шенье, принадлежавшаго къ сонму его вдохновителей; съ произведеніями этого поэта Пушкинъ впервые познакомилъ русскую публику. Симпатичная лич-

ность Шенье, его безстрашный характеръ, его восторженная любовь къ свободѣ, наконецъ его трагическая судьба—все это влекло къ нему Пушкина съ неотразимой силой. Пушкинъ остался вѣренъ Шенье даже и тогда, когда главный кумиръ его юности—Байронъ сталъ утрачивать надъ нимъ свое обаяніе.

Оцѣнка Шенье и высокое мнѣніе Пушкина о его талантѣ тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ самой Франціи до 1819 года имя его было предано забвенію. Пушкинъ прочелъ томикъ стихотвореній Шенье въ Одессѣ, съ энтузіазмомъ отнесся къ дарованію его и раньше, чѣмъ появилось посвященное Шенье стихотвореніе Альфреда Мюссе, написалъ свою Элегію на смерть его, опередивъ такимъ образомъ французскаго поэта. Пушкинъ понялъ значеніе того, что Шенье хотѣлъ выполнить (а частью и выполнялъ)—обновленіе поэтическаго языка; онъ повялъ, что Шенье былъ первымъ лирическимъ поэтомъ по идеалу греческаго лиризма. Такая дальновидность Пушкина, какъ критика, достойна замѣчанія и не была еще достаточно оцѣнена.

Мы уже сказали, что ссылкой Пушкина на югъ Россіи заключается періодъ исключительно французскаго на него вліянія. На югѣ Пушкинъ подпалъ подъ могучее вліяніе новаго литературнаго свѣтила, горѣвшаго тогда полнымъ блескомъ на литературномъ горизонтѣ Европы,—поэта, котораго самъ онъ называлъ властителемъ думъ современнаго ему поколѣнія, лорда Байрона. Вліяніе это обуславливается не только силой таланта англійскаго поэта, но и обстоятельствами жизни самого Пушкина. Остракизмъ постигнулъ Пушкина «среди оргій жизни шумной» («Посланіе къ Глинкѣ»), и онъ уѣхалъ изъ Петербурга, озлобленный противъ власти, полный презрѣнія къ обществу, которое эгоистически отвернулось отъ него въ годину невзгоды, пресыщенный грубыми эпикурейскими удовольствіями, которыя не могли наполнить собою его души. Понятно, что душевная пустота томила Пушкина, и онъ страстно начинаетъ искать серьезной и возвышенной цѣли въ жизни—и не находитъ ея. Такое настроеніе было какъ нельзя болѣе благоприятно для воспріятія байронизма. Поэтъ нашъ въ бытность въ Кишиневѣ, по его собственному признанію, бредитъ Байрономъ, «буквально сходитъ съ ума» отъ него и отрекается даже отъ собственной личности, перенимая многія мелочныя привычки жизни и характера его. Тѣмъ не менѣе вліяніе Байрона на Пушкина было несравненно слабѣе вліянія того же писателя на Лермонтова. Какъ отразилось вліяніе Байрона на произведеніяхъ Пушкина, мы скажемъ ниже, при опредѣленіи критическихъ воззрѣній Пушкина на свои собственные произведенія; теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что лирическія стихотворенія Пушкина и даже его поэмы, относящіяся къ эпохѣ его жизни на югѣ Россіи, доказываютъ, что байроническое настроеніе только по време-

намъ овладѣвало нашимъ поэтомъ, но не успѣло пустить глубокихъ корней въ его душѣ, раскрытой для всего живого и поэтического. Что онъ не былъ слѣпымъ поклонникомъ и «слабымъ подражателемъ» Байрона, вопреки отзыву о Пушкинѣ графа Воронцова («qu'il n'est encore qu'un faible imitateur d'un original très peu recommandable—Lord Byron»), доказываютъ такъ же и критическія замѣтки Александра Сергѣевича о Байронѣ. Пушкинъ признавалъ, что Байронъ, напримѣръ, при созданіи «Манфреда» не былъ вполне самостоятеленъ, а подчинялся влиянію Гете. «Гете, говоритъ Пушкинъ, имѣлъ большое влияніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ-Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ». По мнѣнію Пушкина, англійскіе критики были правы, оспаривая у Байрона драматическій талантъ (замѣтка 1827 года по поводу драмы Олина: «Корсаръ»): «Байронъ, пишетъ Пушкинъ, столь оригинальный въ Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Manfred—подражаніе Фаусту, который есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности»...

Поэзія Байрона, по словамъ профессора Стороженко, вошла обновляющимъ элементомъ въ поэзію Пушкина, она была необходимою ступенью, черезъ которую долженъ былъ пройти его гений на пути къ правдѣ и художественному совершенству. Такой взглядъ высказалъ, между прочимъ, и самъ Пушкинъ при разборѣ «Фракіійскихъ элегій» Теплякова. Пушкинъ, защищая здѣсь молодого поэта отъ упрековъ въ рабскомъ подражаніи Байрону, даетъ намъ ключъ къ правильному пониманію своихъ собственныхъ отношеній къ великому англійскому поэту: «Талантъ неволень, говоритъ онъ, и его подражаніе не есть безстыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія». Значить «надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія»—вотъ разгадка Байроновскаго періода поэтической дѣятельности Пушкина; вотъ та идея, которая одушевляла Пушкина, когда онъ, пробуя свои силы, создавалъ въ духѣ Байрона характеры своихъ героевъ въ поэмахъ: «Кавказскій плѣнникъ» (подъ влияніемъ 1 и 2 пѣсенъ «Чайльдъ-Гарольда»), «Бахчисарайскій фонтанъ» (подъ влияніемъ «Гяура»), «Братья-разбойники» (подъ влияніемъ «Шильонскаго узника»), «Цыганы» и наконецъ, въ романѣ: «Евгеній Онѣгинъ», идея котораго зародилась также на почвѣ байронизма. Изъ этихъ поэмъ мы ясно можемъ видѣть, какъ понималъ нашъ поэтъ мотивы творчества Байрона. Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» Пушкинъ пытается изобразить разочаро-

ваніе въ прошлой жизни и людяхъ, утомленіе жизненными бурями и исканіе «гордаго призрака свободы»; «Братья-Разбойники» есть выраженіе озлобленія на порочное общество, доходящее до идеализированія убійства и чувствъ убійцы; въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» изображается любовь, нарушающая законы гаремной жизни, измѣна, ревность, страданіе, убійство и мщеніе; въ «Цыганахъ» Пушкинъ затронулъ одну изъ сторонъ байронизма—вражду къ пропитанному матеріализмомъ и рабаки настроенному современному обществу. Но во всѣхъ этихъ поемахъ байронизмъ низведенъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ и во многомъ отступаетъ отъ своего источника. Увлекаясь Байрономъ, Пушкинъ, по замѣчанію Аполлона Григорьева, въ то же время, хотя сначала и бессознательно, борется съ байронизмомъ. Онъ сомнѣвается, напримѣръ, въ полной искренности разочарованія «Плѣнника»; въ противоположность Байрону, онъ увѣряетъ, что «не вдругъ восторги бросаютъ насъ, и неожиданную радость еще обнимемъ мы не разъ»; онъ создаетъ характеры Черкешенки дѣтски-чистой, добродушной, просвѣтленной поэзіей первой любви, и Маріи, чистой, кроткой, полной глубокой вѣры; такихъ характеровъ нѣтъ у Байрона.

Интересно, между прочимъ, отношеніе самого Пушкина къ своимъ произведеніямъ этой эпохи. Какъ извѣстно, онъ зачастую являлся лучшимъ критикомъ своихъ твореній, такъ какъ всѣ рецензіи на него были ниже его со времени выхода въ свѣтъ «Руслана и Людмилы». Онъ раньше всѣхъ, напримѣръ, понялъ, что поэма «Кавказскій плѣнникъ» была «первымъ неудачнымъ опытомъ» создать характеръ; самому поэту принадлежитъ лучшая критика изъ когда-либо написанныхъ на эту поему; за нимъ ужъ и другіе находили неопредѣленность, противорѣчіе въ характерѣ героя, безличіе его. Объ этой поэмѣ мы имѣемъ нѣсколько отзыовъ самого Пушкина, изъ которыхъ можно убѣдиться, какъ смѣло умѣлъ Пушкинъ относиться къ своимъ произведеніямъ. Въ 1821 г. онъ писалъ В. П. Горчакову: «Характеръ плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гоюсь въ герои романическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка. Конечно, поему приличнѣе было бы назвать Черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ. Черкесы, ихъ обычай и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана—хоть стихи въ ней зрѣлѣе». Въ другихъ замѣткахъ Пушкинъ признаетъ, что «Плѣнникъ зеленъ», и передъ поэзіей кавказской природы его «поэма—Голицовская проза» (письмо къ Бестужеву 1825 г.), что «все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено

вѣрно («Путешествіе въ Эрзерумъ»). Въ черновомъ наброскѣ письма къ Гнѣдичу 22-го апрѣля 1822 г. онъ такъ зорко опредѣляетъ недостатки своей поэмѣ, что позднѣйшей критикѣ оставалось только развивать его собственныя указанія (что и сдѣлалъ потомъ кн. Вяземскій въ «Сынѣ Отечества»). Въ этомъ наброскѣ мы читаемъ о «Кавказскомъ плѣнникѣ»: «простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что это за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-нибудь несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателямъ?... Легко было бы оживить рассказъ происшествіями, которыя сами собою истекали бы изъ предметовъ». Далѣе Пушкинъ указываетъ, какъ можно было бы оживить рассказъ, логически развивъ интересныя данныя сюжета, оставленныя поэтомъ въ общихъ намекахъ, и заключаетъ письмо признаніемъ, что онъ все-таки любитъ «Плѣнника»; «въ немъ есть стихи моего сердца», говоритъ онъ. Такъ же безпристрастно относится Пушкинъ и къ «Бахчисарайскому фонтану»: «Бахчисарайскій фонтанъ, писалъ онъ въ 30-хъ годахъ, слабѣе Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ». Онъ признаетъ за собой въ этой поэмѣ неумѣнье изобразить человѣка, находящагося подъ вліяніемъ страсти, и объясняетъ это такимъ образомъ: «Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно какъ мелодрама». Въ письмѣ къ Вяземскому 1823 г. Пушкинъ пишетъ: «Замѣчанія твои насчетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ. «Бахчисарайскій фонтанъ», между нами сказать, дрянъ». Въ письмѣ къ Дельвигу онъ пишетъ: «Бахчисарайскій фонтанъ»—это безсвязныя отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь». Въ другомъ письмѣ къ Вяземскому (въ ноябрѣ 1823 г.) онъ говоритъ, что истинное происшествіе подало ему поводъ написать «Разбойниковъ», и сознается, что нѣкоторые стихи этой поэмѣ напоминаютъ переводъ «Шильонскаго узника». Вообще, ко всѣмъ своимъ произведеніямъ, созданнымъ подъ вліяніемъ Байрона, Пушкинъ относится съ замѣчательно простодушною откровенностью, тонко подмѣчая ихъ недостатки; онъ не задумывается произносить надъ самимъ собой строгіе приговоры, открыто сознаваясь въ своей субъективности при изображеніи героев («Кавказскій плѣнникъ»), какъ бы подтрунивая уже надъ своимъ увлеченіемъ Байрономъ. Въ «Цыганахъ», послѣдней дани Пушкина Байрону, Алеко—уже оригинальное

созданіе Пушкина; но созданіе въ духѣ байронизма. Въ очеркѣ личности Алеко и въ «Цыганахъ» вообще видно яснѣе, чѣмъ въ критическихъ отзывахъ о поэмахъ, что свой скептицизмъ одесской эпохи поэтъ перенесъ и на Байрона и на его поэзію; онъ усомнился въ Байронѣ и путемъ сомнѣнія освободился отъ вліянія англійскаго поэта. Въ «Цыганахъ» Пушкинъ хотя и затрогиваетъ одну изъ самыхъ живыхъ сторонъ байронизма—именно вражду къ пропитанному матеріализмомъ и рабски настроенному современному обществу, но героя поэмы Алеко, презирающаго людей за то, что они «главы предъ идолами клоняты и просятъ денегъ, да цѣпей», онъ выставляетъ мелкимъ эгоистомъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего титаническаго, свойственнаго героямъ Байрона, и тѣмъ самымъ произноситъ судъ надъ героями Байрона; онъ борется здѣсь съ байронизмомъ и выходитъ изъ подъ его бывшей власти на полную свободу, самобытнаго творчества. Очевидно, «властитель думъ» дѣлался уже наравнѣ съ другими явленіями фанатизма подсуденъ опредѣленію, разбору, классификаціи. Освободившись отъ прямого вліянія личности Байрона, Пушкинъ долженъ былъ освободиться отъ направленія, даннаго этой личностью самой мысли подражателя, отъ его взглядовъ на людей и предметы нравственнаго свойства. Эта цѣль могла быть достигнута только посредствомъ самостоятельнаго труда, который начался у Пушкина съ «Евгенія Онѣгина». Этотъ романъ, задуманный первоначально въ подражаніе шуточной поэмі Байрона «Беппо», развивается совершенно самостоятельно, наполняется чисто-русскими характерами, обставляется чисто русскими бытовыми подробностями, пока не становится, наконецъ, невиданной дотошъ яркой картиной русскаго помѣщичьяго быта начала нынѣшняго столѣтія. Такимъ образомъ мы видимъ, что «надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія», не обманула поэта: на почвѣ байронизма зародилась идея «Онѣгина», которымъ Пушкинъ открылъ новый міръ правды и народности въ нашей поэзіи.

Это любимое дитя своей творческой мысли Пушкинъ приравнивалъ къ Донъ-Жуану Байрона. Такъ, 4-го ноября 1823 г., онъ писалъ Вяземскому: «Пишу романъ въ стихахъ въ родѣ Донъ-Жуана»; въ письмѣ къ Бестужеву въ февралѣ 1824 г. онъ, называя «Онѣгина» поэмой, говоритъ, что «она написана строфами едва ли не вольнѣе строфъ Донъ-Жуана». Но такой отзывъ долженъ быть признанъ за преувеличеніе, такъ какъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» нѣтъ ничего такого, что давало бы право сближать его съ злыми, а порой и циническими выходками въ «Донъ-Жуанѣ». Преувеличеніемъ же страдаетъ отзывъ Пушкина о томъ своего произведенія: въ письмѣ къ А. И. Тургеневу онъ говоритъ, что въ «Онѣгинѣ» онъ «захлебывается желчью»; но извѣстно, что одною изъ существенныхъ особенностей его творчества было то равновѣсіе

духа, при которомъ самое чувство негодованія силою этого творчества очищалось или особаго рода юморомъ, или высокимъ элегическимъ чувствомъ, или же находило свое выраженіе въ важномъ, серьезномъ словѣ, свободномъ отъ всякаго раздраженія; по собственному выраженію Пушкина, онъ «поэзією усыплялъ черныя мечты» свои... Но сближая свое произведеніе съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона, Пушкинъ не находилъ никакого сходства между героями ихъ: «Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ-Жуана (писаль онъ Бестужеву 21-го марта 1825 г.), во въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, моя душа, многого хочешь! Гдѣ у меня сатира? О ней и помина нѣтъ въ Евгеніи Онѣганѣ».

Защищая свое произведеніе отъ нападокъ Бестужева, Пушкинъ (въ письмѣ къ Рылѣву 25-го января 1825 г.) утверждаетъ, что изъ области поэзіи нельзя изгонять легкаго и веселаго, и что «критика свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи». Вотъ какъ поэтически охарактеризовалъ Александръ Сергѣевичъ въ посланіи къ Плетневу въ 1828 году, «свое лучшее произведеніе» (по его собственному выраженію въ письмѣ къ Бестужеву):

Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, мелкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Такимъ образомъ, этотъ «плодъ ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ» уже не подражаніе поэмамъ Байрона, но относится къ нимъ, «какъ самобытное поэтическое произведеніе къ своему эпиграфу»; въ немъ поэтъ знакомитъ насъ съ результатами своего анализа русской жизни, русской дѣятельности и этимъ произведеніемъ способствуетъ уже развитію нашего общественнаго самопознанія.

И такъ, отдавъ дань Байрону, не отвернувшись отъ новаго смысла жизненныхъ явленій, который открывался при свѣтѣ смѣлаго ума англійскаго поэта, для того, чтобы «въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ», Пушкинъ простился съ моремъ и съ лѣвцомъ его, Байрономъ.

За письмо къ своему знакомому, въ которомъ онъ сообщаетъ, что беретъ уроки чистаго атеизма, Пушкинъ былъ высланъ изъ Одессы въ Михайловское. Въ этомъ письмѣ уже заключается намекъ на новые литературные авторитеты, влиянію которыхъ подчиняется Пушкинъ: «Читаю Библию—Святой Духъ иногда мнѣ по сердцу,—но предпочитаю

Гёте и Шекспира». Гёте и Шекспиръ—вотъ тѣ гении Запада, идя по слѣдамъ которыхъ теперь Пушкинъ учится открывать новые міры. Высоко ставя «Фауста», о чемъ мы упоминали уже, Пушкинъ называлъ его творца «нашимъ германскимъ патриархомъ». Но остальнымъ нѣмецкимъ писателямъ онъ предпочитаетъ англійскихъ и въ особенности Вальтеръ-Скотта и Шекспира. Изученіе этихъ двухъ писателей главнымъ образомъ и повліяло на измѣненіе литературныхъ воззрѣній Пушкина, на перемѣну его отношеній къ кумирамъ своей юности. Вотъ какъ оцѣниваетъ онъ, напримѣръ, произведенія Вальтеръ-Скотта: «Главная прелесть романовъ W.-Scott состоитъ въ томъ (читаемъ мы въ одной изъ его критическихъ замѣтокъ), что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ *enflure* французской трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ *dignité* исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ *la dignité et la noblesse*. *Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familières*». Пушкинъ признавалъ, что Вальтеръ-Скоттъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на романистовъ западно-европейскихъ и русскихъ, утверждая, что «Вальтеръ-Скоттъ увлекъ цѣлую толпу подражателей». «Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя!» восклицаетъ онъ. «Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и слѣдвались жертвами своей дерзости». «Дѣйствіе Вальтеръ-Скотта,—замѣчаетъ Пушкинъ,—ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности. Новая школа французскихъ историковъ образовалась подъ вліяніемъ шотландскаго романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, не подозрѣваемые прежде, несмотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте...»

Подъ вліяніемъ изученія Шекспира, Пушкинъ измѣняетъ свои взгляды на задачи поэзіи вообще и драматическаго творчества въ особенности. Сопоставляя драмы Шекспира съ трагедіями Байрона, Пушкинъ видѣлъ, какъ его недавній кумиръ тускнѣлъ и меркнулъ въ лучахъ Шекспировскаго гевія. Сравненіе Шекспира съ Байрономъ привело его къ заключеніямъ, очень важнымъ и для него лично, и для русской литературы вообще. «Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги,—пишетъ Пушкинъ къ Раевскому въ сентябрѣ 1825 года,—но что за человекъ Шекспиръ! Я не могу придти въ себя. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ,—Байронъ, во всю жизнь понявшій только одинъ характеръ—именно свой собственный. И вотъ Байронъ одному изъ своихъ лицъ далъ гордость, другому—ненависть, третьему—меланхолю; такимъ образомъ, изъ одного полнаго, мрачнаго и энергическаго

характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія?..» Обвиняя далѣе Байрона за педантическое стремленіе «высказать задуманный характеръ даже въ самыхъ обыкновенныхъ формахъ», вслѣдствіе чего, по мнѣнію Пушкина, происходитъ неловкость и робость разговоровъ, поэтъ говоритъ потомъ: «Читайте Шекспира: нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соответствующій его характеру». Вообще Пушкинъ высоко ставилъ Шекспира за умѣніе его находить въ высшей степени удачный способъ выраженія мыслей; даже излишняя, можетъ быть, на взглядъ нѣкоторыхъ людей, смѣлость Шекспира при этомъ находить у Пушкина вѣское оправданіе: «Если иногда (замѣтка «О драмѣ») герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простые понятія, какъ простые люди». Нельзя не признать этой параллели между двумя великими поэтами—гениально-остроумной и удивительно-вѣрной. Тѣмъ же остроуміемъ и вѣрностью отличается и параллель между Шекспиромъ и Мольеромъ. Сопоставленіе ихъ между собою повело Пушкина къ замѣчательнымъ соображеніямъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ драматической манеры. «Лица, созданныя Шекспиромъ (пишетъ Пушкинъ), не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, смѣливъ, мстителевъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ водочится за женой своего благодѣтеля—лицемѣра, спрашиваетъ стаканъ воды—лицемѣра. У Шекспира лицемѣръ (Анжело въ драмѣ «Мѣра за мѣру») произноситъ судебный приговоръ съ тщательною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, а не спѣшной смѣсью набожности и волокитства. Анжело лицемѣръ, потому что его главныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!»

Трудно въ немногихъ словахъ выразить сильнѣе коренное различіе въ драматической манерѣ не только Мольера и Шекспира, но англійскихъ и французскихъ драматурговъ вообще.

Оцѣнивая отдѣльные типы и драмы великаго англійскаго поэта, Пушкинъ находилъ «Луcreцію» довольно слабымъ произведеніемъ и утверждалъ, что въ «Отелло» и «Гамлетѣ» Шекспиръ особенно народенъ. Отмѣчая въ характерѣ Фальстафа, героя «Виндзорскихъ кумушекъ»,

какъ главную черту—сластолюбіе, Пушкинъ, кромѣ того, тонко подмѣчаетъ въ немъ трусость, прикрываемую «уклончивой и насмѣшливой дерзостью», хвастливость, какъ слѣдствіе привычки и расчета, отсутствіе всякихъ нравственныхъ правилъ, «бабью» слабость, готовность ради денегъ на все, за исключеніемъ явной опасности, и утверждаетъ, что «нигдѣ, можетъ быть, многосторонній гений Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одиѣ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханалии». Съ свойственной ему чуткостью Пушкинъ въ своей критической замѣткѣ о драмѣ «Ромео и Джульета» высказываетъ убѣжденіе, что трагедія эта не приписана Шекспиру, а есть его произведеніе, потому что она «явно входитъ въ его драматическую систему» и носитъ на себѣ много «слѣдовъ вольной и широкой его кисти». Повѣтъ прекрасно, остроумно подмѣтилъ, что въ драмѣ отразилась современная Шекспиру Италія «съ ея климатомъ, страстями, праздниками, ябгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и сопsetti». Замѣчательнѣйшимъ лицомъ въ трагедіи, послѣ Ромео и Джульеты, Пушкинъ считалъ Меркутіо, «молодого кавалера того времени, пысканнаго, привязчиваго, благороднаго», избраннаго Шекспиромъ въ представители италянцевъ.

Словомъ, Пушкинъ пристально изучалъ великаго писателя и глубоко понималъ его. Нѣкоторыя произведенія Пушкина прямо навѣяны твореніями Шекспира. Изъ такихъ упомянемъ о граціозной шуткѣ «Графъ Нулинъ», созданной подъ влияніемъ «Лукреціи». Поэма эта была встрѣчена публикой и журналами очень благосклонно, за исключеніемъ «Вѣстника Европы», гдѣ критикъ Надеждинъ обвинялъ Пушкина въ безнравственности. Эти упреки подали Пушкину поводъ написать довольно длинную и суровую отвѣдь, въ которой онъ высказываетъ свой взглядъ на безнравственность въ литературѣ. Прежде всего онъ даетъ весьма основательное опредѣленіе безнравственнаго сочиненія. По его мнѣнію, такимъ произведеніемъ нужно считать то, «коего цѣлью и дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое; публика не пятнадцатилѣтняя дѣвица, и шутку, «вдохновенную сердечною веселостью и мнунтовою игрою воображенія» нельзя считать безнравственной; только произведеніе, наполненное любострастными описаніями, дѣйствительно унижаетъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отвратительную колдунью. Затѣмъ, справедливо доказывая критикамъ—моралистамъ дѣтскость и смѣшную чопорность ихъ воззрѣній, онъ мѣтко замѣчаетъ, что критики, если бы «Недоросль» явился въ его время, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранить Палашку «каналей

и собачьей дочерью», а себя сравниваетъ съ «сухой». «Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство», въ справедливомъ негодованіи восклицаетъ Пушкинъ,—эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки? Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ къ высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)? Въ этомъ отвѣтъ сказалось лежавшее въ глубинѣ души Пушкина отвращеніе къ фальши, стремленіе къ правдѣ и естественности въ литературѣ.

Но обратимся къ гораздо болѣе крупному произведенію Пушкина, навѣянному отчасти Шекспиромъ. Подъ вліяніемъ драматическихъ хроникъ послѣдняго, на основаніи изученія его творчества, историческихъ воззрѣній Карамзина и міросозерцанія нашихъ лѣтописцевъ, Пушкинъ создалъ трагедію изъ русской жизни—«Борисъ Годуновъ». Трагедія эта представляетъ настолько замѣчательное произведеніе по художественно-очерченнымъ характерамъ, по изображенію духа времени, духа древней Руси, что Мицкевичъ, этотъ, по выраженію Пушкина, «зоркій и тонкій критикъ», былъ пораженъ истинно-шекспировскимъ духомъ «Бориса Годунова» (въ особенности прологомъ); прослушавъ трагедію, онъ выразилъ надежду пріѣхать со временемъ въ Пушкинѣ второго Шекспира и невольно воскликнулъ: «Tu Shakespeare eris, si fata sinant!» Интересно, какъ смотрѣлъ на свой трудъ самъ Пушкинъ. Вопреки общему голосу критики, онъ высоко цѣнилъ свой трудъ. «Я перечелъ ее (трагедію), пишетъ онъ Вяземскому, вслухъ одинъ и билъ въ ладоши и кричалъ: «ай-да Пушкинъ!» Поэтъ горько сѣтуетъ на то, что одни критики обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ запоздалыми, другіе же сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ риемы назваться стихами. Поэтъ глубоко любилъ свою драму и совершенно сознавалъ и ея общее значеніе и ея значеніе субъективное, по отношенію къ его собственной личности, и потому, огорченный непониманіемъ критиковъ, самъ дѣлаетъ оцѣнку всей трагедіи, указывая при этомъ цѣль своего труда. Онъ говоритъ, что эта трагедія представляетъ «плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда». «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей, говоритъ онъ, дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богаты!» Какія именно лѣтописи были въ рукахъ поэта—неизвѣстно, но

насколько проникъ онъ въ духъ ихъ, это можно видѣть, напримѣръ, изъ его объясненія характера Пимена: «Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе (говоритъ поэтъ въ одномъ письмѣ). Въ немъ собраны и черты, плѣвившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, умилительная кротость, младенческое и вѣдѣть мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись князя Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ». «По примѣру Шекспира (пишетъ Пушкинъ въ письмѣ къ Раевскому 30-го января 1829 года) я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическимъ пафосомъ и проч. Стилъ ея—смѣшанный. Онъ пошелъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходится выводить грубыя и пошлыя лица». Неуспѣхъ трагедіи пугаетъ Пушкина потому, что «всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены»; а это преобразование и было цѣлью трагедіи, отъ успѣха или неудачи которой, по мнѣнію Пушкина, зависѣло «преобразование нашей драматической системы».

Какъ смотрѣлъ Пушкинъ на драму вообще видно изъ его замѣтки: «О драмѣ» (по поводу драмы Погодина: «Марса Посадница»). Прежде всего онъ замѣчаетъ, что воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрять на все, что не подходитъ подъ ея законы»; потому и трагедія у насъ нѣтъ. Въ трагедіи должны быть изображены, говоритъ онъ, человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная; философія, безпристрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, отсутствіе всякихъ предразсудковъ, любимыхъ мыслей, полная свобода—вотъ тотъ фондъ, съ которымъ долженъ драматическій писатель выступить на свое поприще.

Своего «Бориса Годунова» Пушкинъ назвалъ трагедіей «романтической», разумѣя подъ этимъ лишь свободу драматической формы отъ всѣхъ узъ лжеклассицизма: «Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ», замѣчаетъ онъ (письмо къ Бестужеву 25-го января 1825 г.). Приступивъ къ созданію «Бориса Годунова», вѣруя въ свое художественное чувство, Пушкинъ смѣло вѣряется собственному творчеству, наблюдая только, чтобы характеры были изображены съ непринужденностью жизни, положенія были бы правдоподобны и разговоръ былъ бы истиненъ: «Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить

сообразно съ ихъ характеромъ» (письмо къ Бенкендорфу 16-го апрѣля 1830 года).

Вообще нужно замѣтить, что изученіе Шекспира значительно повдвинуло впередъ поэтическое развитіе Пушкина. Міровой британскій драматургъ ускорилъ сближеніе Пушкина съ русскимъ народнымъ духомъ, съ народной исторіей, съ приѣмами народнаго творчества и мышленія. Шекспиръ черпалъ полной рукой изъ міра народныхъ пѣсенъ и сказаній, онъ заимствовалъ изъ историческихъ преданій европейскаго міра не только сюжеты для своихъ драмъ, но и многія подробности при осуществленіи ихъ. Подъ вліяніемъ Шекспира Пушкинъ тоже бросается на изученіе русской исторіи, на собраніе русскихъ пѣсенъ, пословицъ, преданій, и этотъ міръ неисчерпаемаго богатства поэзій былъ цѣлымъ откровеніемъ для Пушкина: «Преданія русскія, писалъ онъ Плетневу въ 1831 году, ничуть не уступаютъ въ поэзій преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все еще его (Жуковскаго) несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четью-Минею, особенно легенды о кievскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла». Съ этой поры отличительнымъ качествомъ его произведеній становится народность, которую (какъ это видно изъ его замѣтки: «О народности въ литературѣ») онъ самъ считалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно - замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ или выбравшій ложную почву дѣятельности не народенъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ. Пушкинъ же, по словамъ Гоголя, даже на сторонній міръ «глядитъ глазами своей національной стихіи, глазами своего народа, чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами». Теперь Пушкинъ уже неизменно сталъ на твердую почву русской народности и является благороднѣйшимъ выразителемъ ея въ искусствѣ, чѣмъ на вѣки и связываетъ свое имя съ судьбами русскаго слова и русскаго искусства.

Александръ Залдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бумага «съ знаками французской вольности».

(Эпизодъ изъ царствованія Павла I-го).

Въ 1797 году архангельскій Приказъ общественнаго призрѣнія выписалъ себѣ изъ Амстердама 15 стопъ писчей голландской бумаги черезъ комиссионную контору Беккера; стоила стопа Приказу по 8 руб. 50 коп., а продавалъ онъ ее присутственнымъ мѣстамъ и частнымъ лицамъ по 10 руб. 50 коп. Но вдругъ это мирное занятіе получило совершенно неожиданный оборотъ. Въ слѣдующемъ 1798 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были усмотрѣны на этой бумагѣ съ перваго взгляда непримѣтные водяные знаки «пагубной французской вольности». Военный губернаторъ Б. Б. Леццано распорядился всю бумагу въ присутственныхъ мѣстахъ и лавкахъ пересмотрѣть и, гдѣ найдется съ упомянутыми знаками, запечатать до распоряженія, а самъ сообщилъ объ этомъ генераль-прокурору кн. А. Б. Куракину, оговариваясь, что «нѣтъ и быть не можетъ ни въ комъ и никакого отъ того впечатлѣнія», и что получена она безъ всякаго наималѣйшаго умысла, по простому недосмотру. Объ этомъ же онъ доложилъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ за апрѣль мѣсяцъ государю. Въ обоихъ случаяхъ было приложено по листу бумаги «со знаками». Когда доложено было объ этомъ императору Павлу, онъ велѣлъ узнать сколько ввезено бумаги. А послѣ доклада, что ввезено 15 стопъ, изъ которыхъ десять слишкомъ собрано и запечатано, а четыре съ небольшимъ разошлись неизвѣстно куда, повелѣлъ всю бумагу «истребить огнемъ»; деньги на покупку ея употребленныя взыскать съ того, кто ее выписалъ.

2-го іюля 1798 года бумага была сожжена. Какіе на ней были знаки—изъ дѣла не видно.

Сообщ. І. Бл.

Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій.

(Къ литературной исторіи Пушкинскихъ „типовъ“).

Литературнымъ «типомъ» называется воплощеніе такого художественнаго образа, который созданъ въ творческомъ воображеніи писателя изъ соединенія однородныхъ чертъ, собранныхъ послѣ наблюденія цѣлаго ряда дѣйствительныхъ людей, близкихъ по духу одинъ къ другому. Такимъ образомъ, созданіе художественнаго литературнаго типа начинается работою аналитической, выражающейся въ томъ, что писатель хаотическую массу явленій, несущихся мимо него, дѣлитъ на разнородныя явленія по различію какихъ-нибудь основныхъ чертъ; затѣмъ начинается работа синтетическая: писатель собираетъ однородныя явленія въ группы и изъ массы образовъ, въ общемъ сходныхъ, создаетъ одинъ, объединяющій всѣ ¹⁾. Совершенно аналогичнымъ путемъ получается въ фотографіи «коллективный типъ»: снимокъ за снимкомъ ложится на одинъ и тотъ же негативъ,—и, въ концѣ-концовъ, получается образъ, правда, неясно очерченный, но типичный, характерный... Конечно, какъ художникъ-живописецъ не помѣститъ такого «коллективнаго образа» на своей картинѣ,—такъ и художникъ-писатель не удовольствуется имъ: для обоихъ нужна жизнь, нужна краска, а не схема ²⁾,—вотъ, почему, чтобы

¹⁾ Разумѣется, оба эти процесса—1) никогда не совершаются съ безусловной механической правильностью: въ зависимости отъ индивидуальности писателя и отъ различныхъ постороннихъ условій возможны различныя небольшія отклоненія,—и 2) чаще всего вся эта черновая работа художника производится имъ бессознательно.

²⁾ Впрочемъ, въ псевдоклассической литературѣ XVII—XVIII вв. такія „типы-схемы“ были въ большомъ ходу: всѣ добродѣтельные герои, злодѣи, любовники etc.—все это—отвлеченные образы, вѣрные съ психологической точки зрѣнія, но неудовлетворяющіе читателя XIX столѣтія, избалованнаго литературнымъ реализмомъ.

оживить этотъ «коллективный» типъ, какъ живописцу, такъ и художнику-писателю нуженъ подходящий «натурщикъ». Иногда такого натурщика писатель-художникъ находитъ среди дѣйствительныхъ людей, своихъ современниковъ (напримѣръ, Тургеневъ — для Базарова; несомнѣнно, Гоголь—для героевъ «Мертвыхъ Душъ»); иногда художественному воплощенію абстрактнаго типа поможетъ типичный герой литературнаго произведенія (такими образцами въ европейской литературѣ были, напримѣръ, Чайльдъ-Гарольдъ, Донъ-Жуанъ и др.),—или, наконецъ, писатель въ самомъ себѣ находитъ «натурщика», годнаго для своихъ цѣлей (такимъ «натурщикомъ» былъ для Вертера самъ Гёте; Лермонтовъ—для Печорина) ¹⁾.

Мелкіе писатели почти всегда довольствуются однимъ «натурщикомъ», — но зато дѣятельность ихъ часто и сравниваютъ съ работою фотографа: до художественнаго «творчества» они возвышаются рѣдко, и герои ихъ не «типы», а скорѣе, болѣе или менѣе, удачные портреты...

Обращаясь послѣ этого небольшого вступленія къ героямъ Пушкина—Татьянѣ, Онѣгину и Ленскому, мы постараемся прослѣдить процессъ творческой работы нашего великаго поэта надъ воплощеніемъ этихъ «типовъ». Такимъ образомъ, задачи, которыя предстоятъ нашему разрѣшенію, слѣдующія:

1) Доказать, что эти герои — «типы», т. е., что они отвѣчаютъ не единичнымъ фактамъ русской жизни, а цѣлому ряду явленій одного порядка ²⁾.

2) Доказать, что «коллективный типъ», соответствующій каждому изъ этихъ героевъ, нашель у Пушкина воплощеніе при помощи тѣхъ «натурщиковъ», о которыхъ мы говорили выше.

¹⁾ Работа съ «натурщикомъ», завершающая аналитическую и синтетическую, необходима только для писателя-художника, изображающаго современную ему жизнь въ ея типичныхъ представителяхъ,—для изображенія же какаго-нибудь «историческаго» лица или типа, воплощающаго какую-нибудь «общечеловѣческую» или «философскую» идею, процессъ творчества, конечно, измѣнится кореннымъ образомъ.

²⁾ Такъ какъ «типъ» соответствуетъ цѣлому ряду личностей одного характера, а массовое появленіе однородныхъ личностей есть уже явленіе общественное, подчиненное историческимъ законамъ, то, разумѣется, исторія такого «типа» въ литературѣ переживаетъ такую же эволюцію, какъ и соответствующіе имъ «типы» въ жизни: сперва и тѣ и другіе намѣчаются слабо, неясно; потомъ, съ теченіемъ времени, они проясняются все отчетливѣе, выдѣляются все рельефнѣе, рѣзче, принимаютъ своеобразное освѣщеніе, соответствующее интересамъ времени. Рядъ человѣческихъ поколѣній иногда трудится надъ выработкой одного культурнаго типа,—рядъ писателей, одинъ за другимъ, по преемству, работаютъ надъ художественной вырисовкой одного «литературнаго» типа.

1. Татьяна.

„Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все!“
(Пушкинъ, Соч. III, гл. 2, стр. XXIX).

Поэтическій образъ героини Пушкина, несомнѣнно, расцвѣлъ на русской почвѣ; онъ—блестящее, «типическое» завершеніе цѣлаго ряда задумчивыхъ женскихъ образовъ, мелькающихъ въ русской жизни въ теченіе цѣлаго полувѣка. Типъ такой дѣвушки-мечтательницы, живущей въ мірѣ идеальныхъ грезъ, далекихъ отъ будничной жизни, сталъ складываться у насъ съ тѣхъ поръ, какъ въ особый почетъ вошли у насъ «романы»...

Этотъ литературный жанръ съ середины XVIII вѣка былъ любимымъ чтеніемъ нашего общества; можно безъ преувеличенія сказать, что нѣсколько поколѣній воспитало свои чувства и мысли, главнымъ образомъ, на романахъ. Чуть не каждое десятилѣтіе приносило новыя произведенія этого вида, съ содержаніемъ, все болѣе усложняющимся: за многотомнымъ романомъ «приключеній», гдѣ страдаютъ и торжествуютъ добродѣтельные герои и героини, гонимыя злымъ рокомъ,—идутъ романы «психологическіе», интересъ которыхъ отъ фабулы переносится на душу героя, а герои и героини уже начинаютъ пріобрѣтать плоть и кровь. За этими произведеніями, въ которыхъ однако реальность иногда совсѣмъ затемнялась дидактизмомъ, на сцену появляется сентиментальная повѣсть, произведеніе, проникнутое живымъ чувствомъ, сердечнымъ идеализмомъ и проповѣдью гуманности; наконецъ, увлекаютъ русскаго читателя произведенія «идейныя», въ родѣ «Вертера», «Коринны» и «Дельфины»... Такимъ образомъ, рядомъ съ поколѣніями читателей проходятъ передъ нашими глазами поколѣнія романическихъ героевъ: за призрачными, безплотными Селимами, Мирамондами идутъ Ловласы, Грандисоны, Эрасты, за ними—уже рѣзче очерченные Вертеры, Рэнэ и другіе подобные герои, которые переходятъ за рубежъ XVIII вѣка и теряются въ толпѣ правдивыхъ, живыхъ образовъ новѣйшей реалистической литературы... Совершенно то же происходитъ и съ героинями романовъ: за Даирой и Дамасиной, идетъ уже довольно вѣрно обрисованная Кларисса, Памела, Лиза; за ними еще рельефнѣе выдвигается какая-нибудь Дельфина, Коринна, носительницы уже общественныхъ идей...

Вся эта живая струя романической литературы, мѣняющая свой характеръ съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, обращается, подъ конецъ, въ потокъ, который неудержимо стремится въ русскую жизнь и захватываетъ ее въ своемъ стремленіи. Немудрено, что герои этой литературы были хорошо знакомы всей читающей публикѣ, были общими любимцами и учителями. Оттого тогдашніе присяжные чтецы романовъ

жили въ какомъ-то своеобразномъ мірѣ: вездѣ мерещились имъ «интересные» герои, одаренные особенно высокими качествами души, далекіе отъ жизни, окруженные какимъ-то ореоломъ. Обыкновенный «гвардіи сержантъ» казался романически-настроенной дѣвицѣ «Грандисономъ», а нашъ общій знакомецъ П. И. Чичиковъ, неосторожно заѣхавшій къ Коробочкѣ, представился губернскимъ дамамъ, не болѣе не менѣе, какъ «Ринальдо-Ринальдини»...

Немудрено, что всѣ эти романическіе герои не только увлекали, но и учили русскаго читателя жизни; еще самъ Пушкинъ признался, что—

„Люби насъ не природа учить,
А Сталь или Шатобріанъ:
Мы жизнь слѣшимъ узнать заранѣ,—
И узнаемъ ее въ романѣ...“

Оттого-то героями романовъ русскіе модники наряжались не только въ маскарадахъ, но и въ самой жизни нерѣдко щеголяли въ «гарольдовыя плащахъ».

Справедливость нашихъ словъ доказать нетрудно: записки и мемуары XVIII—XIX вѣка помогутъ намъ въ этомъ отношеніи. Не только женщины, но и мужчины зачитывались романами до самозабвенія, жили ими, говорили и чувствовали то, что въ нихъ вычитывали ¹⁾. Изъ массы свидѣтельствъ, подтверждающихъ наши слова, остановимся пока на тѣхъ женскихъ образахъ, которые связаны духовнымъ родствомъ съ Пушкинскою Татьяной...

Вотъ, передъ нами, напримѣръ, мать Карамзина, молодая женщина, которая, оказывается, до того привязана къ романамъ, что «не выпускаетъ ихъ изъ рукъ» ²⁾; изъ романовъ у нея составляетъ даже цѣлая бібліотека ³⁾: «Даира, восточная повѣсть», «Селимъ и Дамасина», «Мирамондъ», «Исторія лорда N.»,—вотъ тѣ произведенія, которыя увлекали молодую женщину ⁴⁾ въ чудесный міръ сказочныхъ добродѣтель-

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ нашей работѣ: „Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“, стр. 7—10. О значеніи романа въ исторіи развитія русскаго общества; см. еще у Ключевскаго: „Воспоминанія о Новиковѣ“, „Р. М.“, 1895, № 1, 40—1; Бѣлозерской: „Вліяніе переводнаго романа и зап. цивилизаціи на русское общество XVIII вѣка“, „Р. Стар.“ 1895, № 1; ея же: „В. Н. Нарѣжнѣй“; Щепиной: „Популярная литература въ срединѣ XVIII в., „Журн. мин. нар. проsv.“, 1886, CCXLIV. Насколько хорошо были знакомы русской публикѣ временъ Пушкина романы, видно, хотя-бы, изъ того, что Пушкинъ часто пользуется именами популярныхъ героевъ этой литературы для характеристики дѣйствующихъ лицъ въ своихъ произведеніяхъ. Напр., словами: „Фобласа давній ученикъ“—онъ рисовалъ образъ, для всѣхъ своихъ современниковъ понятный; указаніемъ на то, что Татьяна вообразила себя „Клариссой, Юліей, Дельфиной“—тоже было сказано очень многое для людей 20-хъ годовъ. Имена этихъ „героевъ“ и „героинь“ часто употребляются у него просто въ видѣ именъ нарицательныхъ. ²⁾ Карамзинъ, Соч., III, 254. ³⁾ Ibid, 253. ⁴⁾ Ibid, 255.

ныхъ героевъ. Своею будничною жизнью она не удовлетворена,—не мудрено, что, какъ Татьяна, она томится, «не нуждается въ обществѣ» ¹⁾ и цѣлые дни просиживаетъ «въ глубокой задумчивости» ²⁾, выработавъ въ себѣ «удивительную склонность къ меланхоліи» ³⁾.

Кромѣ этого яркаго образа, мелькаетъ много другихъ, менѣе ясныхъ, въ родѣ, напримѣръ, сестры Второва, дѣвушки, принадлежащей къ этому же новому типу русскихъ женщинъ, увлекавшихся литературой, главнымъ образомъ, конечно, романами ⁴⁾.

Вотъ, мать С. Аксакова, большая охотница до книгъ и стиховъ, литературно хорошо образованная и вліяющая въ этомъ отношеніи на окружающихъ ⁵⁾; вотъ, напримѣръ, Е. А. Протасова, игравшая, какъ извѣстно, большую роль въ жизни Жуковского: у нея, оказывается, «въ Сибири было одно чтеніе: «*La Nouvelle Héloïse*», которую она знала почти наизусть, и кромѣ того, сентиментальная книга о воспитаніи: «*Adèle et Théodore*» ⁶⁾.

Родная сестра Пушкина также была любительницей подобнаго чтенія.

«Любезная сестра!—обращается къ ней еще въ 1814 году нашъ поэтъ:

„Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаетъ?
Жанлисъ ли предъ тобой?“ ⁷⁾.

Остановимъ еще наше вниманіе на дочери Карамзина, Пушкину хорошо знакомой: она—очень хорошій образчикъ русской любительницы романовъ,—это мы видимъ изъ записокъ Смирновой, гдѣ рассказанъ, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ: въ обществѣ однажды шла рѣчь о какомъ-то житейскомъ случаѣ—«*Sophie*, проводящая жизнь въ погложеніи англійскихъ романовъ, сказала: «это совсѣмъ то же положеніе, когда Артуръ пришелъ къ Мэри». Мы удивленно раскрыли глаза, а Полетика спросилъ ее: «какой Артуръ, какая Мэри?»... Лерма расхохотался: «ахъ, да это романъ въ 15-ти частяхъ, *m-lle Sophie* увлекается имъ въ настоящее время. Онъ длиннѣе и болѣе раздирателенъ, чѣмъ *Клариса Гарловъ*». *Sophie* такъ живетъ въ своихъ англійскихъ романахъ, что беретъ даже изъ нихъ всевозможныя прозвища своимъ знакомымъ» ⁸⁾.

Въ результатъ, отъ подобнаго отношенія къ книгѣ въ русской жизни создавались такія личности, которыя жили по рецептамъ, извлеченнымъ

¹⁾ Ibid, 242. ²⁾ Ibid. ³⁾ Ibid. ⁴⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1875, № 4, 503. ⁵⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 218, 267 и др. ⁶⁾ Зейдлицъ, „В. А. Жуковский“, 13. ⁷⁾ Пушкинъ, Соч., I, 6; еще о ней см. Павлицева: „Воспомин. о Пушкинѣ“, 18. Любопытны ея стихи (Ibid, 28—9). ⁸⁾ Записки Смирновой, II, 34—5; еще: I, 30, 130 и др.

изъ прочтенныхъ романовъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.—Въ запискахъ Вигеля мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ образовъ. Дѣвица Ступишина, напримѣръ, совсѣмъ годится въ героини любого изъ модныхъ тогда романовъ: она «отличалась скромностью, любезностью, знала иностранные языки», по-французски объяснялась прекрасно, много читала романовъ и чуждалась общества подругъ (ср. Татьяну); отличалась «чувствительностью, нѣжностью». Но пусть самъ Вигель расскажетъ намъ дальше о ней... «Дѣвочкѣ, восторженной отъ чтенія романовъ, довольно пріятно, въ тиши уединенія, на яву длить собственный романъ»,—началась переписка на французскомъ языкѣ. «Когда случилось мнѣ послѣ читать эти посланія молодой Ступишиной, то мнѣ казалось, что страсть и искусство выражать ее далѣе идти не могутъ; но еще позднѣе, когда я болѣе читался романовъ, нашелъ въ нихъ цѣлыя страницы, уже мною читанныя» ¹⁾. Вотъ еще дѣвица Кошѣва, созданіе не отъ міра сего, мечтательница, которой пришлось выстрадать несчастную любовь. «Она была тиха, скромна. Чтеніе французскихъ романовъ пуше воспламенило ея воображеніе...» Любовной страсти она «вся предалась»,—но не суждено было ей узнать радостей любви; она «прилѣпилась къ призраку», «...тѣшилась въ мечтахъ» ²⁾. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи записки Второва: самъ авторъ и женщины, его любившія, очень удачно и, по-видимому, вполне чистосердечно разыгрывали сцены изъ романовъ: тутъ и вѣчныя клятвы, ³⁾ и питье крови другъ у друга ⁴⁾, и страстные посланія, написанныя въ духѣ писемъ S.-Preux и Julie ⁵⁾, и слезами размытыя строки ⁶⁾, и, въ концѣ концовъ, монастырь, могила несчастной любви... ⁷⁾. Пошлыя, на нашъ взглядъ, фразы, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: «смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына»,—фраза, которою отецъ С. Аксакова запугалъ родителей, взята изъ романа ⁸⁾, но была въ свое время вполне искрення и передавала тѣ своеобразныя, приподнятыя романами чувства, которыя жили въ груди читателей того времени. И самоубійства отъ любви, и монастыри, и страстные переписки были тогда въ ходу и погубили, вѣроятно, не мало молодыхъ жизней,—не даромъ «романы» даже попадаютъ въ завѣщанія: умирающая мать проситъ свою дочь не читать безъ разбору романовъ ⁹⁾!..

¹⁾ Вигель, „Воспоминанія“, II, 80. (Изд. Бартечева). ²⁾ Ibid, IV, 13.
³⁾ „Русск. Вѣстн.“, 1875, № 6., 470 ⁴⁾ Ibid. ⁵⁾ Ibid, 471—2, 473—4, 476 и др.
⁶⁾ Второвъ, „сжегъ всѣ письма К., вырѣзалъ только тѣ мѣста, которыя были залиты слезами“... (Ibid, 471). ⁷⁾ „Изъ этихъ вырѣзанныхъ лоскутковъ, омоченныхъ слезами бѣдной жевщины, теперь ничего нельзя понять; только изъ одной сохранившейся приписки къ какому-то стихамъ на разлуку видно желаніе ея идти въ монастырь“ (Ibid, 471). ⁸⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 86. ⁹⁾ „Русск. Вѣстн.“, 1875, № 8, 590.

Вѣроятно, это чтеніе было страшной культурной силой, если несчастная женщина такъ боялась его...

Вотъ почему, почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ которыхъ Пушкинъ брался за изображеніе современной ему жизни, онъ вѣчно сталкивался съ героями и героинями, воспитанными на романахъ... Такъ, напримѣръ, Сильвіо («Выстрѣлъ»), зачитывается романами ¹⁾. Марья Гавриловна («Мятель»), «была воспитана на французскихъ романахъ и, слѣдственно, влюблена» ²⁾. Лиза («Отрывокъ изъ романа въ письмахъ»), читаетъ романы и воображаетъ себя Клариссой Гарловъ ³⁾. Маша Троекурова («Дубровскийъ»), «перерывъ сочиненія всякаго рода въ отцовской библіотекѣ, остановилась на романахъ» ⁴⁾; она «напитана таинственными ужасами Радклифа» ⁵⁾. Лиза («Пиковая дама»), увлекается Германомъ послѣ разговора съ Томскимъ, который Германа представилъ ей романическимъ героемъ ⁶⁾; Владиміръ («Отрывокъ изъ романа въ письмахъ») зачитывается романами ⁷⁾, то же и Алексѣй ⁸⁾ («Барышня-Крестьянка»); Полина («Рославлевъ») перечла всѣ романы: Руссо знала наизусть ⁹⁾; Маша «воспитана на романахъ», которыхъ у нея «цѣлый шкафъ» ¹⁰⁾ («Отрывокъ изъ романа въ письмахъ»); Вольская («Гости съѣзжались на дачу...») четырнадцати лѣтъ «читала романы и писала любовныя записки» ¹¹⁾; Валерьянъ («На углу маленькой площади...») читаетъ англійскіе романы ¹²⁾...

Какъ мы видѣли уже выше, самъ Пушкинъ признался, что романы учили русскаго человѣка «жизни», подсказывали ему и чувства, и поступки,—оказывается, они помогали ему и выяснить состояніе души, и выразить словами чувства. Такъ, Германъ («Пиковая дама»), написалъ Лизѣ письмо, которое было «нѣжно, почтительно и слово въ слово взято изъ нѣмецкаго романа» ¹³⁾. Такъ, Бурминъ («Мятель») свое признаніе въ любви сочинилъ при помощи Руссо, можетъ быть, самъ того не замѣчая: «Я васъ люблю, — сказалъ Бурминъ, — я васъ люблю страстно. Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо S.-Preux) ¹⁴⁾.

Изъ всего сказаннаго не трудно сдѣлать два заключенія: 1) что и до Пушкина и особенно при немъ въ русской жизни часто встрѣчались люди, пропитавшіеся романами до такой степени, что ихъ внутренняя жизнь часто была повтореніемъ жизни книжныхъ героевъ, и—2) литературныя попытки Пушкина воспроизвести современныхъ ему людей доказываютъ, что нашъ писатель прекрасно замѣтилъ, какое значеніе въ русской жизни имѣли романы.

¹⁾ Пушкинъ, Соч., IV, 36 (Изд. Лит. Фонда). ²⁾ Ibid, 47. ³⁾ Ibid, 350—1. ⁴⁾ Ibid, 143. ⁵⁾ Ibid, 150. ⁶⁾ Ibid, 300. ⁷⁾ Ibid, 353. ⁸⁾ Ibid, 77. ⁹⁾ Ibid, 111. ¹⁰⁾ Ibid, 350. ¹¹⁾ Ibid, IV, 369. ¹²⁾ Ibid, 379. ¹³⁾ Ibid, 294. ¹⁴⁾ Ibid, 54.

Обращаясь теперь къ интересующей насъ Татьянѣ, мы встрѣчаемъ въ ней повтореніе всего того, что не разъ попадалось намъ при встрѣчѣ съ аналогичными типами. Какъ большинство любительницъ такого чтенія, которое отвлекаетъ отъ будничной жизни въ волшебный міръ неземныхъ, добродѣтельныхъ героевъ, Татьяна «дика, печальна, молчалива» ¹⁾, чуждается непосредственнаго живого веселья ²⁾, одиноко мечтаетъ ³⁾, не спитъ по ночамъ ⁴⁾...

„Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо...“ ⁵⁾.

Немудрено, что она ждала «героя» очень давно:

„Давно ея воображеніе,
Сгорая вѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала кого-нибудь...“ ⁶⁾.

Является Онѣгинъ... Въ однообразной толпѣ дикарей-помѣщиковъ и пошленькихъ армейскихъ офицериковъ онъ слишкомъ оригинальное лицо, чтобы пройти незамѣченнымъ Татьяною,—вотъ почему она сразу и легко побѣждена:

„...открылись очи,
Она сказала: это онъ!“ ⁷⁾.

Что же дѣлаетъ героиня, найдя своего героя?.. Она прежде всего бросается къ своимъ романамъ: она перѣчитываетъ давно знакомыя произведенія, она опять бесѣдуетъ съ любимыми героями:

„Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежный,
И безподобный Грандисонъ,—
.....
Всѣ для мечтательницы вѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились...“ ⁸⁾

Итакъ, въ немъ Татьяна соединила всѣ черты книжныхъ героевъ: въ немъ полюбила мечтательная дѣвушка идеальный образъ, созданный ею самой.

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 273. ²⁾ Ibid, 274. ³⁾ Ibid. ⁴⁾ Ibid, 275. ⁵⁾ Ibid.
⁶⁾ Ibid, 283. ⁷⁾ Ibid, III, 283. ⁸⁾ Ibid, 284.

Мало того, она идеализировала и себя:

„Воображаясь героиней
Своихъ любимыхъ творцовъ,
Клариссой, Юліей, Дельфиной“ ¹⁾,

— она бродитъ по лѣсу, вооруженная книгою, въ которой

„...ищеть и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты“ ²⁾.

Слѣдовательно, и ей, какъ тысячамъ другихъ дѣвушекъ, романъ уясняетъ ея чувства, разжигаетъ ихъ, наконецъ, учитъ найти выраженіе для нихъ:

„...себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милого героя“ ³⁾.

Этими словами самъ Пушкинъ призналъ, что письмо Татьяны заимствовано ею все изъ тѣхъ же романовъ, — приемъ, какъ мы видѣли выше, часто практиковавшійся въ жизни. Перечитаемъ письмо Татьяны, — и мы безъ труда поймемъ, что «эта нѣжность и словъ любезная небрежность» ⁴⁾, этотъ «умильный вздоръ, безумный сердца разговоръ и увлекательный и нѣжный» ⁵⁾, — все это — присвоеніе «чужого восторга», «чужой грусти», что все это взято Татьяною изъ книги, т. е., есть — или простое заимствованіе Пушкинымъ изъ романа, или имитация, болѣе или менѣе, удачная, опять-таки роману.

Гдѣ-же намъ искать образецъ для письма Татьяны?

Пушкинъ выводитъ насъ изъ недоумѣнія указаніемъ, что его героиня воображала себя — «Клариссой, Юліей и Дельфиной»... Будемъ-же искать у этихъ трехъ общеизвѣстныхъ героинь что-нибудь похожее на письмо Татьяны... Нетрудно сразу опредѣлить, что Юлія Руссо больше двухъ другихъ была виновна въ письмѣ героини Пушкина...

Мы это утверждаемъ потому, что романъ Руссо «Новая Элоиза», лучшая часть котораго состоитъ, главнымъ образомъ, изъ любовныхъ писемъ С-Прё и Юліи, былъ такимъ восторженнымъ «гимномъ любви», что вся литературная Европа признала Руссо исключительнымъ «поэтомъ любви»; и онъ оставался таковымъ очень долго, т. е. въ произведеніяхъ его многочисленныхъ учениковъ любовь является подчиненной другимъ идеямъ, отойдя вслѣдствіе этого на второй планъ (Гете — «Вертеръ», Шатобрианъ — «Рэнэ», Сталь — «Дельфина»). Такимъ образомъ, «наукѣ страсти нѣжной» еще въ началѣ XIX столѣтія лучше всего училъ все-таки неувядаемый Руссо ⁶⁾. И мы видѣли выше, что этотъ писатель имѣлъ большое значеніе и для Второва, и для Е. А. Протасовой, и для сестры Пуш-

¹⁾ Пушкинъ, Соч. III, 284. ²⁾ Ibid, ³⁾ Ibid, 285. ⁴⁾ Ibid, 294. ⁵⁾ Ibid. ⁶⁾ Ср. напр. Байрова, Соч. I, 244. (Изд. 1874 г.).

кина, и, что особенно важно—для нѣкоторыхъ героевъ Пушкина: оказывается, Полина знаетъ Руссо наизусть ⁴⁾; прекрасно знаетъ его и Марья Гавриловна ⁵⁾; Бурминъ въ своемъ любовномъ объясненіи говоритъ языкомъ «перваго письма С-Прё ⁶⁾... Кромѣ того, сблизили мы Руссо съ Пушкинымъ и потому, что французскій писатель былъ прекрасно знакомъ нашему поэту: въ стихотвореніи «Городокъ» Руссо поставленъ имъ въ ряду любимыхъ писателей ⁷⁾; изъ посланія «Къ сестрѣ» видно, что Руссо хорошо былъ знакомъ Пушкину еще въ 1814 году ⁸⁾. Насколько хорошо помнилъ нашъ поэтъ письма героевъ «Новой Элоизы», видно изъ вышеприведеннаго факта, какъ даже въ 30-мъ году изблгичилъ онъ одного своего героя (Бурмина) въ заимствованіи у Руссо ⁹⁾...

Приведемъ нѣсколько сопоставленій изъ письма Татьяны и писемъ Юліи, особенно перваго, въ которомъ та открываетъ С.-Прё долго скрываему ю любовь:

„Я вамъ пишу—чего-же болѣ?
Что я могу еще сказать?“ ⁷⁾—

«Что я могу сказать?»—пишетъ Юлія: «какъ прервать тяжелое молчаніе, да развѣ я уже не сказала вамъ всего (тѣмъ, что написано письмомъ)? ⁸⁾

„Сначала я молчать хотѣла“—⁹⁾

«Сколько разъ клялась я, что эта тайна не выйдетъ изъ моего сердца» ¹⁰⁾.

Татьяна обращается съ мольбой къ Онъгину:

„Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣтъ васъ...“—¹¹⁾

«Я не могу жить безъ васъ... необходимо, чтобы я васъ видѣла»—пишетъ Юлія» ¹²⁾

„Зачѣмъ вы посѣтили насъ?

Я никогда не знала-бъ васъ,
Не знала-бы горькаго мученья“ ¹³⁾—

⁴⁾ Пушкинъ, Соч. IV, 111. ⁵⁾ Ibid, 54. ⁶⁾ Ibid. ⁷⁾ Ibid, 44. ⁸⁾ Ibid, I, 5. ⁹⁾ Объ удивительной памяти Пушкина сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ его современниковъ: „А. С. П-нъ.. особенно отличался необыкновенной памятью и превосходнымъ знаніемъ французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворенія, и онъ могъ уже повторить оное наизусть безъ всякой ошибки“. (Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи“. Зап. Комовскаго; 250); см. также Анненкова „Матеріалы...“, 44). Что забывалъ П-нъ изъ стихотвореній Жуковскаго, то послѣдній всегда исправлялъ. Такимъ образомъ, лучшіе образы и выраженія Руссо могли на всю жизнь удержаться въ памяти П-на. ⁷⁾ Пушкинъ, Соч., III, 294. ⁸⁾ J. J. Rousseau. „Julie ou la N. Héloïse“ partie I, lettre IV, 35. ⁹⁾ Пушкинъ, 294. ¹⁰⁾ J. J. Rousseau, 35. ¹¹⁾ Пушкинъ, 294. ¹²⁾ J. J. Rousseau, 53. ¹³⁾ Пушкинъ, 295.

«Не зная тебя, я никогда не знала бы невыносимаго контраста между возвышеннымъ настроеніемъ моей души и ничтожностью моей жизни» ¹⁾..

„Была-бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать“ ²⁾—

«Жизнь моя протекла-бы спокойно и счастливо» ³⁾.

„Нѣтъ никому на свѣтѣ
Не отдала-бы сердца я“! ⁴⁾ —

«...наши жизни связаны навсегда, и мы можемъ быть счастливы и несчастны только вмѣстѣ» ⁵⁾.

„То въ вышнемъ рѣшено совѣтѣ..
То воля неба—я твоя“! ⁶⁾—

«...небо глухо къ моимъ мольбамъ: все отдаетъ меня тебѣ»!! ⁷⁾.. «Вѣчный приговоръ неба предназначилъ насъ одинъ для другого!» ⁸⁾

„Я знаю: ты мнѣ посланъ Богомъ;
До гроба ты хранитель мой.“ ⁹⁾

«...я тебя хорошо знаю: ты поддержишь меня въ моихъ слабостяхъ, ты будешь моимъ хранителемъ» ¹⁰⁾.

„Ты чуть вошелъ —я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: „вотъ онъ!“ ¹¹⁾

«Какъ только, къ несчастью, я увидала тебя, я почувствовала ядъ въ моихъ чувствахъ и разсудкѣ... ¹²⁾ Чуть я тебя увидала—моя грудь задрожала» ¹³⁾.

„Кто ты: мой ангелъ-ли хранитель,
Или коварный искуситель?“ ¹⁴⁾

Юлія называетъ С.-Прё—то «коварнымъ человѣкомъ» и «обольстителемъ»,—то «единственнымъ защитникомъ», «великодушнымъ...» ¹⁵⁾

„ судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю“ ¹⁶⁾

«Мою честь я ввѣряю твоей..» ¹⁷⁾.

«Я вамъ подъ защиту отдаю заботу о нашей судьбѣ» ¹⁸⁾.

„Передъ тобою слезы лью“ ¹⁹⁾—

«Я обливаю слезами письмо..» ²⁰⁾

„Твоей защиты умоляю“ ²¹⁾ —

«Я къ тебѣ приношу свои мольбы, спасти меня отъ гибели; ты долженъ быть моимъ единственнымъ защитникомъ...» ²²⁾

¹⁾ J. J. Rousseau, 93. ²⁾ Пушкинъ, 295. ³⁾ J. J. Rousseau, 93. ⁴⁾ Пушкинъ, 295. ⁵⁾ J. J. Rousseau, 54. ⁶⁾ Пушкинъ, 295. ⁷⁾ J. J. Rousseau, 36. ⁸⁾ Ibid, 96. ⁹⁾ Пушкинъ, 295. ¹⁰⁾ J. J. Rousseau, 37. ¹¹⁾ Пушкинъ, 295. ¹²⁾ J. J. Rousseau, 36. ¹³⁾ Ibid, 64. ¹⁴⁾ Пушкинъ, 296. ¹⁵⁾ J. J. Rousseau, 36, 37. ¹⁶⁾ Пушкинъ, 296. ¹⁷⁾ J. J. Rousseau, 37. ¹⁸⁾ Ibid, 56. ¹⁹⁾ Пушкинъ, 296. ²⁰⁾ J. J. Rousseau, 37. ²¹⁾ Пушкинъ, 295. ²²⁾ J. J. Rousseau, 37.

„Вообрази: я адѣсь одна“⁴⁾—

«Мать моя слаба; я знаю непреклонную суровость отца; подруга моя уѣхала; брата нѣтъ въ живыхъ...»⁵⁾

„Мея никто не понимаетъ“⁶⁾—

«...они не могутъ понять, что происходитъ» (въ душѣ Юліи)⁴⁾.

„Разсудокъ мой немощуетъ

И молча гибнуть я должна!“⁶⁾—

«...все покидаетъ меня... мои всѣ усилія напрасны... я чувствую, что падаю въ пропасть...»⁶⁾.

„Я жду тебя: единымъ взоромъ

Надежды сердца оживи

Иль сонъ тяжелый перерви

Увы, заслуженнымъ укоромъ!“⁷⁾—

«...не предоставляйте меня только себѣ; рѣшите мою участь, скажите, какъ вы отнесетесь къ этому?»⁸⁾.

Кромѣ этихъ примѣровъ, заставляющихъ насъ указывать на связь романа «Новая Элоиза» съ «Евгеніемъ Онѣгинимъ»⁹⁾, мы можемъ привести еще одно основаніе: нѣкоторые мѣста изъ письма Татьяны дѣлаются понятными только послѣ сопоставленія ея письма съ письмомъ Юліи... Напримѣръ:

«Зачѣмъ Вы посѣтили насъ?—спрашиваетъ съ отчаяньемъ Татьяна:

„Въ глуши забытаго селенья

Я никогда-бъ не знала Васъ,

Не знала-бъ горькаго мученья“.

О какомъ «мученьи» говоритъ Татьяна? Для насъ это дѣлается яснымъ не сразу: нужно возстановить пропущенную Пушкинымъ мысль,—Руссо облегчаетъ этотъ трудъ: «не зная тебя,—говоритъ героиня его романа—я никогда не знала-бъ невыносимаго контраста между возвышеннымъ настроеніемъ моей души и ничтожностью моей жизни («grandeur au fond de mon âme et de bassesse dans ma fortune»), т. е. глубокая тоска потому мучаетъ Юлію, что она, ощутивъ въ душѣ возвышенную страсть,

⁴⁾ Пушкинъ, 296. ⁵⁾ J. J. Rousseau, 26. ⁶⁾ Il id, 296. ⁴⁾ J. J. Rousseau, 36. ⁵⁾ Пушкинъ, 296. ⁶⁾ J. J. Rousseau, 36—7. ⁷⁾ Пушкинъ, 296. ⁸⁾ J. J. Rousseau, 32. ⁹⁾ Спѣшимъ оговориться, что современный читатель можетъ усмотрѣть въ этихъ рѣчахъ С.-Прѣ и Юліи, Онѣгина и Татьяны не мало „общихъ мѣстъ“: иначе говорить любовники и не могли,—вѣдь они говорятъ общепринятымъ языкомъ. Но если мы станемъ на историческую точку зрѣнія, мы признаемъ, что многое, съ нашей точки зрѣнія, „пошлое“, когда-то было „откровеніемъ“. Напр., фраза совершенно банальная, съ современной точки зрѣнія: „я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычѣ видѣть и слышать васъ ежедневно“—была въ то время совершенной новостью, рѣзавшей ухо; такую же „новостью“ были многіе образы, обороты рѣчи и мысли, ваяты Пушкинымъ у Руссо для письма Татьяны.

поняла всю пошлость, всю мелочность окружающей ее жизни... Точно такъ же появленіе Онѣгина вноситъ разладъ въ душу Татьяны: она, по ея словамъ, могла бы быть «вѣрною супругою» и «добродѣтельной матерью», если-бы не явился онъ, внесшій въ ея жизнь мучительное сознаніе контраста между пошлостью провинціальной «глуши» и тѣми чувствами, которыя она сознала съ его появленіемъ...

«Твоей защиты умоляю!»—обращается Татьяна довольно неожиданно къ Онѣгину... О какой «защитѣ» идетъ рѣчь, догадаться безъ письма Юліи почти невозможно. Юлія проситъ, чтобы С.-Прё защитилъ ее отъ себя («tu dois être mon unique défenseur contre toi»). Это *contre toi*, пропущенное Пушкинымъ, сразу уясняетъ смыслъ непонятныхъ словъ: Татьяна, «вообразившая себя Юліей», рѣшила, что защитить ее можетъ только благородство ея героя, за собой-же она не признавала никакихъ силъ для борьбы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и мысли, и чувства, вложенныя Татьяной въ свое посланіе, очень близки къ тѣмъ, что волновали душу героини Руссо... Думается намъ, что Пушкинъ хотѣлъ подсказать читателю, что чувства Татьяны преувеличены благодаря ея воспитанію,— вотъ почему онъ счелъ нужнымъ рассказать, какъ сочиняла свое письмо его героиня: оказывается, что она, передъ сочиненіемъ письма къ Онѣгину, вооружается романами и въ нихъ:

„... ищеть и находить
Свой тайный жаръ, свои мечты
... себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя“...

И, она шептала это письмо «по-французски», такъ какъ по-русски плохо знала...

„И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
.....
Донинѣ дамская любовь
Не являлася по-русски* ‘)..

И письмо было написано «по-французски», какъ говоритъ самъ Пушкинъ,—конечно, это еще одно основаніе для признанія, что, главнымъ образомъ, у Руссо заимствовала Татьяна и свой восторгъ, и свою грусть...

Татьяна вообразила себя не только «Юліей», но и «Клариссой», т. е. несчастной героиней извѣстнаго романа Ричардсона: «Кларисса Гарлоу...»

*) Пушкинъ, Соч., III, 292.

Что же сходнаго въ обѣихъ этихъ героиняхъ? Думается намъ, что Татьяна только потому сблизила себя съ героиней Ричардсона, что Онѣгинъ напомнилъ ей Ловласа, удивительнаго побѣдителя женскихъ сердецъ. Припомнимъ, что Татьяна открылась Онѣгину въ любви, еще не зная навѣрно, кто онъ, «коварный-ли обольститель» или «ея ангель-хранитель»; допуская первое, она отождествляла его съ Ловласомъ, съ этимъ, дѣйствительно, типичнымъ «обольстителемъ», который даже въ наши дни не утратилъ своей художественной красоты... Если это такъ, то, очевидно, Татьяна могла видѣть въ себѣ будущую жертву намѣреннаго и холоднаго коварства. Внутренняго-же, духовнаго сродства между обѣими героинями не найти...

Зато поразительно близка къ Татьянѣ Дельфина г-жи Сталь—и по характеру, и по судьбѣ... Этотъ образъ положительно необходимъ для критика Пушкинской Татьяны, такъ какъ онъ уясняетъ многія стороны ея души, остающіяся безъ этого сближенія въ тѣни...

Романъ М-ше Сталь есть не что иное, какъ картина женской души, картина подробная, мелочная... Приключенія въ этомъ романѣ видной роли не играютъ,—такимъ образомъ, интересъ его не внѣшняго характера, какъ въ романахъ авантюрныхъ, а внутренняго, какъ въ романахъ чисто психологическихъ... Въ этомъ историческое значеніе романовъ: послѣ «Новой Элоизы» Руссо, «Вертера» Гете, Сталь дала произведеніе, въ которомъ выдвинула, однако, уже спеціально свое—«психологию женской души...»

Другая сторона въ этомъ произведеніи, «философская», не менѣе важна для насъ. Романъ посвященъ изображенію борьбы одинокой талантливой личности съ безличной, безформенной, но страшной силой,—«общественнымъ мнѣніемъ», состоящимся изъ разныхъ предрассудковъ, сплетень, мелкихъ интригъ.

Въ обѣихъ этихъ отношеніяхъ романъ Пушкина можетъ быть сопоставленъ съ романомъ Сталь, какъ романъ чисто «психологическій», въ которомъ сквозитъ очень ясная тенденція автора провести ту же идею, что вложена въ романъ г-жи Сталь. Въ лицѣ нашей Татьяны тоже изображена борьба личности со средой, борьба, уже извѣстная намъ изъ жизни Дельфины.. Жизнь Татьяны въ деревнѣ съ отрочества была нѣмымъ протестомъ противъ будничной, патріархальной жизни сытыхъ русскихъ помѣщиковъ,—Татьяна «дика, печальна, молчалива», она чувствуетъ беззаботнаго веселья сверстницъ, счастливыхъ и довольныхъ своею жизнью, она жалуется, что «ея никто не понимаетъ», что, не видя ни въ комъ поддержки, она «должна молча гибнуть». Жизнь Татьяны въ Москвѣ, а потомъ въ петербургскомъ свѣтѣ, является такимъ же «нѣмымъ» протестомъ противъ среды. Правда, царица баловъ и законодательница залъ, Татьяна не смотритъ уже испод-

любя на общество, которое ее окружаетъ, не забывается съ книгой въ садъ,—она расточаетъ величественныя улыбки,—но въ душѣ она протестуетъ противъ всей этой «ветоши маскарада», «постылой жизни мишуры» ¹⁾),—въ душѣ она—все та же «бѣдная Таня» ²⁾), съ встревоженнымъ сердцемъ и мечтательной головкой. Припомнимъ, наконецъ, тѣ жалобы на «общественное мнѣніе», которыя слышатся не разъ отъ самого Пушкина—и тогда, когда онъ говоритъ о воспитаніи Онѣгина ³⁾) и жизни его въ свѣтѣ, и, наконецъ, послѣ разсказа о вызовѣ на дуэль, вызовѣ, который былъ принятъ Онѣгинымъ, только потому, что юный «философъ» боялся «общественнаго мнѣнія» тѣхъ деревенскихъ русачковъ, которыхъ въ душѣ самъ презиралъ—

„... вотъ общественное мнѣніе!
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ, на чемъ вертится міръ!“ ⁴⁾—

—вырывается у Пушкина грустное восклицаніе, доказывающее, что и самъ поэтъ признавалъ нелѣпость этой силы, хотя склонялся передъ ея могуществомъ ⁵⁾)...

Конечно, это протесты все очень слабыя, но, несомнѣнно, первые, раздавшіяся въ русской литературѣ; въ европейской же впервые 3-ше Сталь сумѣла этотъ протестъ художественно воплотить въ лицѣ двухъ героинь своихъ — Коринны и Дельфины. Различіе между Татьяной и героинями Сталь такое же, какъ и между Пушкинымъ и Сталь: первый былъ рабомъ «общественнаго мнѣнія», рабомъ, носившимъ однако свое ярмо съ краскою на лицѣ,—вторая была борцомъ, много страдавшимъ, но непреклоннымъ и неутомимымъ, съ которымъ самъ Наполеонъ долженъ былъ считаться. Та же разница и между героинями: въ сознаніе Пушкинской героини уже прокралось недоувѣріе къ суду «общественнаго мнѣнія», но въ борьбу съ нимъ она не вступаетъ, какъ это дѣлаетъ Дельфина..

Сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій между обѣими героинями,—и мы поймемъ, почему Татьяна вообразила себя Дельфиной. На себя наша провинціальная дѣвица, несомнѣнно, смотрѣла, какъ на протестъ противъ среды.—Дельфина оказывается несчастной въ высшемъ обществѣ ⁶⁾), блескъ и суета свѣтской жизни не можетъ у нея загладить воспомина-

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 402—3. ²⁾ Ibid, 401. ³⁾ Ibid, 236, 252. ⁴⁾ Ibid, 345. ⁵⁾ Такое же отношеніе, быть можетъ, нѣсколько болѣе энергичное, слышится въ посланіи къ А. П. Кервъ (1829), въ которомъ поэтъ выступаетъ на защиту любимой женщины. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ Пушкинъ въ открытую борьбу не вступаетъ: онъ „молитъ кумиръ безчувственный“ о пощадѣ и, видя безплодность своей молебны, старается убѣдить молодую женщину съ презрѣніемъ отнестись къ „общественному мнѣнію“ и уклониться отъ безплодной борьбы съ нимъ..“ (II, 64). ⁶⁾ M-me Staël, „Delphine“, 5—6, 9.

ній ранней юности ¹⁾; она одинока ²⁾; страдает меланхоліей, такъ какъ у нея «чувствительная душа» ³⁾,—все это, какъ мы видимъ, повторяется буквально у нашей Татьяны. Далѣе: обѣ героини живутъ порывами ⁴⁾; exaltation romanesque ⁵⁾, sensibilité ⁶⁾,—ихъ отличительныя черты. Обѣ довѣрчивы ⁷⁾, откровенны; у обѣихъ bon coeur и mauvaise tête ⁸⁾, почему онѣ и живутъ иллюзіями ⁹⁾, воображеніемъ ¹⁰⁾, не интересуясь будничной жизнью ¹¹⁾; обѣ добры ¹²⁾ и честны ¹³⁾; обѣ, наконецъ, «естественны» ¹⁴⁾, т. е. голосъ сердца—для нихъ все: онѣ повинуются только Богу ¹⁵⁾ и сердцу ¹⁶⁾,—потому то безъ труда нарушаютъ «правила приличія» ¹⁷⁾ (письмо Татьяны).

Стремленія ихъ одинаковы: воспитанныя на романахъ ¹⁸⁾, онѣ стремятся къ идеальному счастью, ищутъ для этого идеальнаго героя. Конечно, такимъ долженъ быть какой-нибудь интересный молодой человекъ, который годится на роль héros de roman ¹⁹⁾. Какой же герой поразитъ героиню Сталь?—Несомнѣнно, человекъ, выдающійся изъ пошлой среды, «оригинальный»,—и, дѣйствительно, ее увлекаетъ «герой холодный» ²⁰⁾, повидимому, недоступный страстямъ и интересамъ мелкой пошлой жизни: это—юноша «sauvage, savant et philosophe» (Ср. Онѣгина—«нелюдимъ», «учень», «философъ въ восемнадцать лѣтъ»).

Дельфина увлекается Мондовилемъ совершенно такъ же, какъ Татьяна Онѣгинимъ: для первой ея герой дѣлается «судьей» ²¹⁾, для второй—«ангеломъ-хранителемъ».. Даже исторія любви складывается у нихъ одинаково: сначала онѣ являются искательницами счастья, потомъ роли мѣняются—любви помогаютъ ихъ герои. Но судьба немилосердна къ героямъ Сталь, какъ и къ героямъ Пушкина,—и отъ обѣихъ героинь, на прощанье, мы слышимъ сходныя рѣчи, полныя благородной чистоты ²²⁾, проникнутыя яснымъ сознаніемъ чувства долга ²³⁾.

Изъ всѣхъ этихъ сравненій видно, что героиня Пушкина—довольно удачный сколокъ съ героинь своихъ любимыхъ романовъ: она вообразила себя Юлей, Клариссой и Дельфиной ²⁴⁾ до того удачно, что сли-

¹⁾ M-me Staël, „Delphine“, 8, 272, 275—6. ²⁾ Ibid, 17. ³⁾ Ibid, 7. ⁴⁾ Ibid, 10. ⁵⁾ Ibid, 208. ⁶⁾ Ibid, 211. ⁷⁾ Ibid, 12. ⁸⁾ Ibid, 12. ⁹⁾ Ibid, 200. ¹⁰⁾ Ibid, 20. ¹¹⁾ Ibid, 99, ¹²⁾ 296, 88, 94. ¹³⁾ Ibid, 330. ¹⁴⁾ Ibid, 73. ¹⁵⁾ Ibid, 51. ¹⁶⁾ Ibid, 142. ¹⁷⁾ Ibid, ¹⁸⁾ Ibid, 63, 454. ¹⁹⁾ Ibid, 43. ²⁰⁾ Ibid, 23, 24, 25, ²¹⁾ Ibid, 87, 106. ²²⁾ M-me Staël, „Delphine“, 247. ²³⁾ Ibid, 330. ²⁴⁾ Что касается до героини романа „Коринна“, то въ ней мы найдемъ повтореніе Дельфины, съ прибавленіемъ гениальности артистической природы. Потому и между Татьяной и Коринной можно найти нѣсколько сближеній. Коринна, напримѣръ, какъ Татьяна, томится деревенской обстановкой, въ которой душно ея оригинальной натурѣ („Corinne“, 305, 306—7, 310). Герой, который попался ей на жизненномъ пути—Освальдъ—тотъ же Мондовиль

вается съ этими литературными образами: она говоритъ языкомъ Юліи, переживаетъ опасенія Клариссы, живетъ мечтами и думами Дельфины..

Что же въ ней русскаго, въ этой «идеальной русской женщинѣ»? Только то, что она была суевѣрна, любила русскія сказки, русскую природу, русскую тройку! Ея «русская душа» оказывается до того слабо связанною съ родною жизнью, что экзотическое вліяніе иностранной романической литературы опредѣляетъ всю ея жизнь. Правда, если бы судьба оставила Татьяну въ «глуши забытаго селенья»—она, вѣроятно, въ концѣ-концовъ обратилась бы въ добродушную, хлѣбосольную, русскую помѣщицу..

Вѣдь такова была судьба ея матери,—прошла пора поэтическихъ грѣзъ юности,—и забытъ былъ Грандисонъ, забыты были сердечныя муки—она—

„Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась.
Потомъ хозяйствомъ занялась
Привыкла, и довольна стала“¹⁾.

Судьба судила Татьянѣ иное: она попала въ высшій кругъ—въ полурусскую толпу людей, ломающихся, большею частью, копирующихъ все тѣхъ же Ловласовъ, Фобласовъ, Грандисоновъ, съ которыми Татьяна была знакома давно... Немудрено, что ея свѣтская жизнь была для нея продолженіемъ все того же романическаго бреда. Какъ иначе объяснить ея вторичное признаніе въ любви Онѣгину:

„Я васъ люблю... (Къ чему лукавить?)“²⁾

За что было любить Онѣгина этой «простой, искренней дѣвушкѣ, съ ея чистой серьезной любовью» (какъ представляютъ нѣкоторые критики Татьяну) послѣ того, какъ ей удалось открыть, что онъ—не что иное какъ—

„... подражанье
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ“³⁾.

Очевидно, причину этой неувыдаемой «любви» надо искать въ какомъ-нибудь постороннемъ вліяніи.. И, повторяемъ, думается намъ, что

(а, стало быть, и Онѣгинъ): онъ разочарованъ, холоденъ, грустенъ (Ibid, 1—2, 56—7). И заключеніе романовъ одинаково: герои развѣянаны героями (Ibid, 484), хотя, лишенные ореола, остаются имъ дороги. (Ibid, 490). Въ этомъ—оригинальность развязки романовъ Сталь: въ огромномъ большинствѣ романовъ XVIII вѣка герои, послѣ цѣлаго ряда испытаній обыкновенно достигаютъ полнаго счастья,—у Сталь, какъ мы видѣли, въ концѣ нѣтъ апогеоза любви, чего вѣтъ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“..

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 276. ²⁾ Ibid, 403. ³⁾ Ibid, 304, 367.

опять-таки романы подсказали ей и это лишнее признаніе, и эту отповѣдь Онъгину, за которую такъ высоко ее ставятъ русскіе критики. Иначе поступить «идеальная» героиня не могла: ея «любовь» должна была быть вѣчна, чиста и безупречна, героиня должна «страдать», должна быть самоотверженной и не сходить съ пьедестала.

Прибавимъ, въ заключеніе, еще одинъ фактъ, необходимый для пониманія Татьяны,—именно признаніе Пушкина, что онъ срисовалъ свою героиню съ живого лица ¹⁾...

Изъ всей этой группы фактовъ, собранныхъ нами для объясненія Татьяны, можно вполне ясно возстановить тотъ процессъ созданія, который пришлось пережить Пушкинской героинѣ прежде, чѣмъ получить окончательную художественную отдѣлку.

Собранные нами довольно многочисленные примѣры доказываютъ, что типъ дѣвушки-любительницы романовъ, живущей въ мірѣ идеальныхъ героевъ—типъ, характерный для русской жизни: въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій росъ онъ и развивался. Пушкинъ наблюдалъ ²⁾ этихъ любительницъ и въ старшемъ поколѣннн русскихъ женщинъ, и въ поколѣннн своего возраста, и въ поколѣннн подростающемъ. Несомнѣнно, онъ встрѣчалъ не одну поклонницу Дельфины, читалъ не одно письмо, написанное языкомъ Юліи. Такимъ образомъ, для коллективнаго типа матеріала у него было довольно ³⁾; но для художественнаго воплощенія ему нужна была натурщица, — такую оказалась, главнымъ образомъ, та женщина, о существованіи которой говоритъ онъ самъ,

¹⁾ Вопросъ о томъ, кто именно послужилъ оригиналомъ („натурщицомъ“) для типа Татьяны—рѣшить трудно. Съ одной стороны, г. Анненковъ („Пушк.“, 279) видитъ въ Татьянѣ и Ольгѣ отраженіе Анны и Евпраксіи Вульфъ, хотя тутъ же оговаривается, что созданія Пушкина „уже не носятъ на себѣ ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры“; съ другой стороны—А. Н. Раевскій, въ письмѣ къ Пушкину отъ 21-го августа 1824 (Сб. Бартенева, I, 77), сообщая ему разныя вѣсти объ одесской жизни, говоритъ, между прочимъ, и о Татьянѣ, которая приняла живое участіе въ постигшей Пушкина бѣдѣ, и о ея прелестной дочкѣ“. Кого слѣдуетъ видѣть въ этой одесской „Татьянѣ“—мы не знаемъ“. (Прим. издат. Соч. П-на, III, 405).

²⁾ Пушкинъ самъ рекомендовалъ читательницамъ свое произведеніе, говоря, что онѣ „найдутъ подъ легкимъ покрываломъ сатирической веселости наблюденія вѣрные и безпристрастныя“ (Соч., III, 420).

³⁾ „Коллективный типъ“, послужившій основаніемъ для Татьяны, несомнѣнно, намѣченъ Пушкинымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Тѣ изъ моихъ читателей, которые не жили въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсть“; онѣ очень впечатлительны, отличаются „самобытностью“ (Пушкинъ, Соч., IV, 76—7).

какъ объ оригиналъ Татьяны. Но онъ, очевидно, не удовольствовался одной этой натурщицей,—онъ подошелъ къ своему созданію съ любимыми романами того времени въ рукахъ: создавая свою Татьяну, онъ вызывалъ въ памяти или, можетъ быть, даже перечитывалъ романы Руссо, Сталь и др. ¹⁾—отчего въ его произведеніи сказались такіе слѣды литературныхъ воздѣйствій, которые необъяснимы при одномъ изображеніи русской дѣйствительности ²⁾. Такимъ образомъ, отчасти и литературныя натурщицы (Юлія, Дельфина) помогли ему обрисовать правдиво художественный обликъ своей героини...

Прибавимъ въ заключеніе, что, если Ленскаго назвать Пушкинъ «полурусскимъ», то такую же полурусскою была въ значительной степени и Татьяна, воспитанная на западной литературѣ, живущая ея идеалами. Велика заслуга Пушкина, что онъ сумѣлъ удивительно живо и художественно воплотить этотъ характерный типъ полурусской женщины, выросшей въ глуши русской деревни..

В. В. Сиповскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О чтеніи „Клариссы“ говоритъ самъ Пушкинъ (Соч., VII, 92, 212—3). ²⁾ Къ такимъ результатамъ литературнаго воздѣйствія можно отнести, повторяемъ, нѣкоторыя мѣста въ письмѣ Татьяны, мѣста, понятныя только при чтеніи Руссо: элементъ протеста въ жизни Татьяны, судьбу ея любви и нѣкоторыя другія совпаденія, подробнѣе указанные выше. Что возможно говорить даже о прямомъ заимствованіи Пушкинымъ сюжета, объ имитациі „писемъ“, etc — свидѣтельствуютъ опредѣленно, хотя бы, слѣдующія слова его о старухъ романахъ, вложенныя въ уста одного изъ своихъ героевъ: „большую часть эти романы не имѣютъ другого достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво Умный человекъ могъ бы ввать здѣсь готовые характеры, исправить слогъ и бессмыслицы, дополнить недомолвки—и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новыя узоры“ (Соч. А. Пушкина, IV, 353). О заимствованіи Пушкина у мелкаго писателя Боброва (см. Соч. Пушкина, VII, 57, 68), у Батюшкова, (I, 80) Жильбера (I, 131), Карамзина (I, 140), Шенье (I, 216) и мн. др. О такомъ характерѣ заимствованій, см. вашу работу „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“, стр. 16.

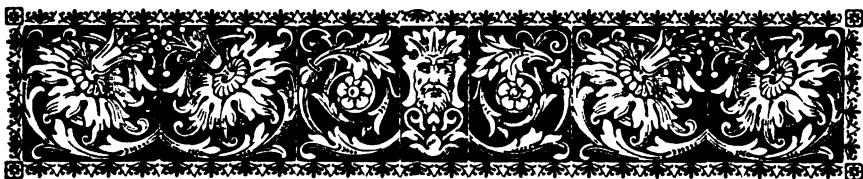
Къ біографіи Арсенія Мацѣвича.

Секретное отношеніе кн. А. Вяземскаго Архангельскому прокурору Нарышкину.

8-го октября 1767 г. Москва.

Изъ присланной отъ архангелогородской губернской канцеляріи къ ея императорскому величеству о дерзости монаха Арсенія, реляціи съ приложеніями видно, что и вы въ семъ дѣлѣ были употреблены, то я за должное почелъ вамъ чрезъ сіе дать знать, что хотя въ посланномъ отъ меня по сему дѣлу нынѣ оной губернской канцеляріи предложеніи и предписано, что съ монахомъ Арсеніемъ и капитаномъ Корсаковымъ, есть ли они истинной не покажутъ, поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Но какъ по безпримерному ея императорскаго величества великодушію и милосердію, никакіе истязаніи терпимы быть не могутъ, то вамъ симъ рекомандую, чтобъ по сему дѣлу отънюдь побоями никто истязаемъ не былъ, а только безвсякаго наказанія показать въ семъ дѣлѣ только словами строгость, сопряженную съ благоразуміемъ и вѣрностію къ ея императорскому величеству, и чрезъ тобъ одно описанныхъ въ предложеніи людей подвигнуть къ чистосердечному признанію, а не инаково. Сіе содержать вамъ наисекретнѣйше, и кромѣ присутствующихъ по сему дѣлу никому непоказывать.

Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

Всѣмъ извѣстны теплыя, дружескія отношенія Пушкина къ Баратынскому и высокое мнѣніе Пушкина о талантѣ послѣдняго, (онъ пишетъ, напримѣръ, Погодину о Шевыревѣ, 19-го февраля 1828 года: «Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья»). Извѣстно также и сильное вліяніе, какое оказывалъ Пушкинъ и какъ поэтъ, и даже какъ человѣкъ на своего младшаго и меньше подготовленнаго современника. Но, сколько помню, вопросъ объ обратномъ вліяніи Баратынскаго на Пушкина едва ли даже и затрогивался, хотя всѣ признаютъ замѣчательный природный умъ Евгенія Абрамовича, развитый не столько чтеніемъ, сколько долгими размышленіями.

Считаю не лишнимъ привести два факта, указывающіе на это вліяніе; одинъ общаго и потому нѣсколько спорнаго характера; другой мелочный, узко-филологическій, но зато безспорный.

Письмо Баратынскаго Пушкину, отъ 1826 года (по изд. И. Н. Божерянова, Спб., 1894 г., стр. 292—293), любопытно не только по тому, что оно рекомендуетъ Пушкину стихотвореніе юнаго Шевырева «Я есмь», чтеніемъ отрывка изъ котораго Пушкинъ наградила будущаго профессора, какъ «самымъ дорогимъ орденомъ» (Л. Н. Майковъ, «Историко-литературные очерки», Спб., 1895 г., стр. 164), но и потому, что мнѣніе, высказанное въ немъ Баратынскимъ о московскихъ трансцен-

дентальныхъ эстетикахъ ¹⁾, повидимому, было подтверждено личнымъ знакомствомъ съ ними Пушкина, и навсегда осталось его мнѣніемъ. Оттого Пушкинъ одновременно и «декламировалъ противъ философіи» (по выраженію Погодина) и считалъ ея поклонниковъ людьми развитыми и порядочными, съ которыми пріятно и полезно имѣть общеніе.

А вотъ фактъ мелкій, но несомнѣнный.

Въ 1827 году Пушкинъ, по выходѣ перваго изданія стихотвореній Баратынскаго, задумалъ написать объ немъ статью, программа которой сохранилась въ рукописи (см. изд. фонда V, 157); въ ней, послѣ небольшого вступленія о томъ, что такое истинный вкусъ, Пушкинъ намѣренъ былъ развить слѣдующія мысли:

«Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную.

«Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей, можетъ быть, зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ. Соперники Баратынскаго—Батюшковъ и Жуковскій; сравненіе».

Въ дальнѣйшемъ Пушкинъ долженъ былъ высказать свой взглядъ на элегію, на ея художественное и историческое значеніе.

Черезъ четыре года Пушкинъ снова взялся за статью о Баратынскомъ, вѣроятно для «Литературной Газеты» и сразу сталъ писать, очевидно, на-бѣло ²⁾, руководствуясь отчасти старой программой. Между прочимъ, въ ней мы находимъ очень оригинальную мысль о первыхъ произведеніяхъ Баратынскаго, которой нѣтъ и слѣда въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ программы:

«Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшей успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный

¹⁾ „Надо тебѣ сказать, что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо ли это или худо: а не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю нѣмецкихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ пиптку на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Прочитавъ въ ней собственная ея поэзія, но начало ея, мнѣ кажется, можно опровергнуть философически“, и пр.

²⁾ Для выписокъ онъ оставлялъ мѣсто (стр. 154 прим.).

поэтъ мужааетъ, талантъ его растеть, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его ужъ не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно», и т. д.

Сравнимъ это съ письмомъ Баратынскаго къ Пушкину отъ 1828 г. (черезъ годъ послѣ программы и за три года до статьи) ¹⁾. Сказавъ о томъ, что двѣ новыя пѣсни Онѣгина у насъ (т. е. въ Москвѣ) плохо поняты и потому плохо приняты, онъ продолжаетъ: «Я думаю, что у насъ въ Россіи поэтъ только въ первыхъ незрѣлыхъ своихъ опыта хъ можетъ надѣяться на большой успѣхъ: за него всѣ молодые люди, находящіе въ немъ почти свои чувства, почти свои мысли, облеченныя въ блистательныя краски. Поэтъ развивается, пишетъ съ большею обдуманностью, съ большимъ глубокомысліемъ: онъ скученъ офицерамъ, а бригадиры съ нимъ не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счетъ этихъ размышленій: они общія».

Пушкинъ и принялъ эти «размышленія», какъ общія, но съ полнымъ правомъ примѣнилъ ихъ и къ себѣ, и къ Баратынскому. Работая надъ статьей о послѣднемъ, онъ, конечно, не имѣлъ передъ собою его письма, но вышеприведенная мысль поразила его, врѣзалась ему въ сознаніе и память, и онъ превосходно развилъ ее, хотя она оказалась въ нѣкоторомъ (весьма, впрочемъ, не важномъ) противорѣчій съ фактами: 18-ти лѣтъ Баратынскій былъ совершенно неизвѣстенъ въ литературѣ—первое его стихотвореніе, всего въ шесть строкъ, напечатано когда ему шелъ двадцатый годъ, тогда какъ 18-ти-лѣтній Пушкинъ былъ уже въ большой славѣ въ кружкѣ любителей поэзіи; съ восторгомъ приняли юношескія произведенія Баратынскаго только развѣ два-три его пріятеля; самъ же Пушкинъ въ началѣ статьи говорить, что «Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностью журналовъ». Да и въ программѣ рѣчь идетъ только о зна-токахъ; восторгъ гораздо болѣе подходящее выраженіе къ произведеніямъ самого Пушкина.

А. Кирпичниковъ.

¹⁾ По изд. Божерянова, стр. 295.

I.

«Скупой Рыцарь».

Источникъ «Скупого Рыцаря» остается загадочнымъ. Анненковъ не могъ найти указываемаго Пушкинымъ Ченстона. Позднѣйшія мои попытки въ этомъ направленіи также не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. Профессоръ А. И. Кирпичниковъ, въ февральской книжкѣ «Русской Старины» 1899 года, высказываетъ мнѣніе, что въ основѣ «Скупого Рыцаря» лежитъ не литературное заимствованіе, а житейски-бытовой фактъ скупости самого Пушкина, сравнительно бѣльшей скупости его отца и ихъ личныхъ столкновеній на почвѣ денежныхъ обязательствъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого предположенія служить проявленная Пушкинымъ склонность къ изображенію ростовщика-скупца (во 2-мъ подражаніи Данту). При всемъ томъ біографическій элементъ мы считаемъ второстепеннымъ и довольно далекимъ. По общему характеру произведенія видно, что Пушкинъ пользовался какимъ-то иноземнымъ литературнымъ источникомъ. Въ «Скупомъ Рыцарѣ» нѣтъ ничего русскаго, національнаго, и въ этомъ отношеніи «Скупой Рыцарь» рѣзко отличается отъ Плюшкина. Трудно допустить такую отрѣшенность образа отъ національной почвы безъ прямого воздѣйствія иноземнаго источника. На литературный источникъ «Скупого Рыцаря», отчасти, указываетъ интересная южно-славянская литературная параллель, почти современная, именно сцена скупого въ комедіи Яндрича «*Lyubomirovich ili priatel pravi*», изд. Миклоушичемъ въ Загребѣ, въ 1821 году. Здѣсь выведенъ старый скупецъ Фабианъ, который, подобно Пушкинскому «Скупому Рыцарю», пересчитываетъ деньги въ сундукѣ и высказываетъ разныя опасенія, причемъ во всемъ строѣ сцены и даже въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ обнаруживается большое сходство съ Пушкинскими сценами. Особенно интересно слѣдующее мѣсто. Скряга Фабианъ обращается къ червонцамъ съ такой рѣчью: «*Dusha moja! ti vsze moje! daj, daj, puzti, da te vidim, da sze z tobom obradujem, nahranim y okrepm! ti szi kruh moj! ti szi moje vino, ti naj prestimanisha ieztvina! ti radost, frativozt y razveselenya moje! Naj idu drugi na Bale, pleszanya, na igrokaze, kafane, veshelya y drustva! ja pleshem, kada te vidim: jasze naszladujem y veselim, kada drage moje sutake gledim...* О zlato! ti krepost vsakoga, ti radost szyromaka» и т. д. Это обращеніе къ золоту съ восхваленіями сильно напоминаетъ ту часть монолога «Скупого Рыцаря», гдѣ онъ говоритъ: «Вотъ мое блаженство! Я царствую! Послушна мнѣ, сильна моя держава» и пр. Еще болѣе интересна дальнѣйшая сцена у Яндрича. Профессоръ П. Кула-

ковскій, въ изслѣдованіи объ иллиризмѣ (стр. 69), уже подмѣтилъ сходство этой сцены съ «Скупымъ Рыцаремъ» Пушкина. «Фабіанъ, говоритъ г. Кулаковскій,—подобно «Скупому Рыцарю» Пушкина, перебираетъ накопленные имъ червонцы и вспоминаетъ нечистые пути, которыми онъ ихъ собралъ: «О, если бы я могъ жить тысячу лѣтъ,—говоритъ Фабіанъ,—и каждый годъ наполнять подобный ящичекъ этой драгоценностью и утѣшеніемъ моего сердца! И все же придется умереть при такомъ блаженствѣ! Умереть? умереть? Ахъ, оставить васъ, мои боги! Ахъ, тяжело мнѣ... Вотъ этотъ душлонъ, который мнѣ дали спрятать! Но, слава Богу, утонулъ тотъ, кто мнѣ его далъ. Послѣ него осталось шестеро дѣтей; но они о немъ не знаютъ! поэтому *bona fide juris pgorrii*».

Какъ объяснить это удивительное сходство между сценами Яндрича и Пушкина. Пьеса Яндрича была написана въ 1821 году, пьеса Пушкина въ 1830 году. Нѣтъ, однако, основанія думать, что Пушкинъ заимствовалъ у Яндрича. Кругъ дѣятельности и вліянія хорватскаго писателя былъ не великъ, и весьма сомнительно, чтобы Пушкинъ какими-нибудь судьбами могъ попасть въ него. Скорѣе всего приходится предположить общій для обоихъ славянскихъ писателей иноземный литературный источникъ.

II.

Женская ножка въ стихотвореніяхъ Пушкина.

Любовь у Пушкина имѣетъ чувственный характеръ, болѣе чувственный, чѣмъ любовь, напримѣръ, Лермонтова или Тургенева. Чувственный характеръ выражается, между прочимъ, въ способахъ описанія женской красоты. У Пушкина женскія очи, чело, локонъ встрѣчаются очень рѣдко, часто встрѣчается грудь и въ особенности часто женскія ножки. Еще 15-ти-лѣтнимъ юношей Пушкинъ уже высказываетъ желаніе «разсѣяться у ногъ» красавицы. Почти въ томъ же возрастѣ (въ «Вишнѣ») онъ замѣчаетъ, что «ножка собою прельщать создана». Въ «Бова» того же времени у Зои, молодой дѣвицы, оказывается «нѣжная ножка». Въ «Фавнъ и Пастушка» (1816 г.)—стройная нога. Въ «Осеннее утро» (1816 г.)—«я не нашель слѣдовъ, оставленныхъ ногой ея прекрасной». Въ «Сиротка» (1820 г.)—«и ножка, и очи—задатокъ для ночи». Въ «Гробъ юноши» (1821 г.)—красавица «пугливо ногу опускаетъ» въ источникъ. Въ «Гречанкѣ» (1822 г.) красавица плѣняетъ «нескромной ножкой». Въ «Ненастный день» (1823 г.)—«никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ. Въ стихотвореніи «Къ именинницѣ» (1825 г.)—упо-

минаются рѣчь и нежка. Графъ Нулинъ (1825 г.)—«помнить кончикъ ножки нѣжной». Въ «Городъ пышный» (1828 г.)—«ходить маленькая ножка». Донъ-Жуанъ въ «Каменномъ Гостѣ» (1830 г.)—хочетъ умереть у ногъ красавицы. Особенно ярко женскія ножки обрисованы въ первой главѣ «Евгенія Онѣгина» (1823 г.). Здѣсь поэтъ откровенно сознается въ своей слабости къ этой части тѣла.

Люблю ихъ ножки—только врьдъ
Найдете вы въ Россіи дѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ..

Такое вниманіе къ женскимъ ножкамъ воспитано было въ Пушкинѣ отчасти господствовавшими въ началѣ нынѣшняго вѣка женскими костюмами, открывавшими ногу, отчасти вызвано той человѣческой слабостью, на которую указывалъ западно-русскій сатирикъ XVI вѣка (въ рѣчи Ивана Мелешка) въ замѣчаніи, что «дворянинъ въ ножку заглядаетъ, щобъ гдѣ ущипнуть солодкаго мяса».

Профессоръ Н. Сумцовъ.

Новые матеріалы для исторіи «Арзамаса.»

(По документамъ Порѣченскаго архива).

Графиня П. С. Уварова была такъ любезна, что предоставила въ мое распоряженіе бумаги, касающіяся исторіи «Арзамаскаго общества благородныхъ людей», которыя она отыскала въ портфеляхъ графа С. С. Уварова, бывшаго, какъ извѣстно, однимъ изъ основателей и наиболѣе видныхъ членовъ знаменитаго литературнаго кружка. Въ виду важнаго вліянія, которое оказалъ «Арзамасъ» на юнаго Пушкина, спѣшу опубликовать ихъ, тѣмъ болѣе, что, какъ увидятъ читатели, эти документы дадутъ совершенно новую окраску дѣлу и показываютъ, что установившійся взглядъ на «Арзамасъ» не полонъ и прямо невѣренъ именно относительно той эпохи его развитія, когда великій поэтъ сталъ его полноправнымъ членомъ.

Мы привыкли смотрѣть на «арзамасцевъ», какъ на людей, руководимыхъ очень свѣтлыми и прогрессивными идеями, но осуществлявшихъ эти идеи въ формахъ легкихъ, забавныхъ, почти шутовскихъ. Ихъ издѣвательства надъ членами Бесѣды и Академіи, ихъ стихотворные протоколы, пародированіе обрядовъ масонскихъ при приѣмѣ Василя Львовича Пушкина—все это давно извѣстные факты, свидѣтельствующіе, по видимому, объ отсутствіи серьезныхъ задачъ; все это проявленіе здоровой шутовскости умныхъ и талантливыхъ молодыхъ людей, еще только подготавливавшихся къ большому, важному дѣлу, которое каждый изъ нихъ и велъ потомъ на свой страхъ. Есть, правда, указаніе на попытку «арзамасцевъ» приняться за такое дѣло совмѣстно, начавъ его съ изда-

нія журнала; но современники, сообщившіе намъ объ этомъ ¹⁾, увѣряютъ, что тогда же немедленно и рѣзко между ними обнаружился явный расколъ, и выяснились два направленія, которыя не могли ужиться вмѣстѣ. Изъ нижепечатаемыхъ документовъ очевидно, что дѣло происходило совсѣмъ не такъ, что мысль о журналѣ и вообще о придачіи «Арзамасу» болѣе серьезнаго направленія шла не отъ «политиковъ», будущихъ декабристовъ, а напротивъ, скорѣй отъ тѣхъ, кому предстояло впоследствии играть важную охранительную роль, что всѣ остальные согласились съ ними и выработали, или точнѣе, набросали общую программу дѣйствій, указывающую юной русской литературѣ высокія общественныя и нравственныя задачи, разрѣшенныя въ послѣдующій пушкинскій періодъ. Программа не осуществилась отчасти по случайнымъ причинамъ (отъѣздъ нѣкоторыхъ дѣятелей изъ Петербурга, недостаточная обдуманность программы), главнымъ же образомъ потому, что для исполненія ея еще не настало время; но это не мѣшаетъ ей имѣть важное историко-литературное значеніе; ея основныя идеи связали надолго бывшихъ «арзамасцевъ» и людей, имъ сочувствовавшихъ, въ духовное братство, а постепенная разработка ихъ и распространеніе создали русское образованное общество.

Документы, отысканные графиней П. С. Уваровой, состоятъ, во-первыхъ, изъ переплетенной листовой тетради, на обложкѣ которой наклеенъ прямоугольникъ краснаго сафьяна, съ вытѣсненными словами: Законы арзамасскаго общ.; всѣхъ листовъ въ этой тетради десять, но два изъ нихъ остались чистыми; бумага Ватмановская, съ водянымъ знакомъ 1812 года. «Законы» написаны красивой и старательной писарской рукой; заголовки и первыя буквы параграфовъ писаны краснымъ чернилами и уставомъ, не особенно искуснымъ ²⁾, но тщательнымъ. Второй документъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ «Арзамасу»—полтора листа, исписанные рукою С. С. Уварова съ помарками и небольшими сокращеніями (очевидно, для собственнаго чтенія); бумажный знакъ: Dusautoy & (and) Rump 1808.

Начинаю со второго документа, какъ болѣе ранняго. Воспроизвожу его съ соблюденіемъ ореографіи подлинника ³⁾.

¹⁾ Главнымъ образомъ Вигель, „Воспоминанія“ V, 53 и слѣд. М. 1865. Его разсказъ противорѣчитъ протоколу Жуковскаго, напечатанному въ „Русс. Арх.“ 1868 г., стр. 831; но и послѣднія слова протокола („Журналъ состоянія“) противорѣчатъ дѣйствительности.

²⁾ Съ конца 3-ей страницы писарю надобно вырисовывать первыя буквы §§, и онъ удержалъ у с т а в ъ только для заглавій.

³⁾ Графиней П. С. Уваровой доставлены изъ того же Порѣчья еще два документа, одинъ отъ 1831 г., другой отъ 1851 г., но они къ „Арзамасу“ прямого отношенія не имѣютъ.

«Въ Арзамаское Общество 6: людей
отъ Члена Старушки
Донесеніе.

Не безызвѣстно почтенному Арзамасу что я показалъ главной цѣлью моего путешествія желаніе поклониться трактиру въ которомъ наше Общество приняло свое начало, посидѣть за тѣмъ ветхимъ столомъ вокругъ котораго мы собирались въ безпечные дни нашей молодости, и еще разъ увидѣть ту перегородку которая отдѣляла отъ насъ бѣсную, тучнаго Путешественника прокричавшаго нѣкогда намъ ту славную реляцію о которой и нынѣ сыны бесѣды съ трепетомъ между собою шепчуть. Но увы!—Мои предчувствія, почтенные арзамасцы (,) сбылись!—Нѣтъ болѣе Арзамаса въ Арзамасѣ! Мракъ Академической покрылъ любезную нашу родину: Трактиръ лежитъ въ развалинахъ...

....обрушенный заборъ
Растреснутые своды
Трапезы, стульевъ въ рядъ пустыхъ
И всюду по колѣни
Полынь....¹⁾

Съ трудомъ нашелъ я остатки стола не менѣе почтеннаго, не менѣе обиженнаго рукою времени какъ и тотъ славный на лой о которомъ красноречиво вѣщалъ законодатель французскаго Парнаса²⁾. Жители древняго Арзамаса въ глубокомъ невѣжествѣ не вѣдаютъ ни о нашихъ сраженіяхъ ни о нашей славѣ, и упрямо ссылаясь на Адресъ-Календарь утверждаютъ что Мѣшковъ управляетъ и государствомъ и Парнасомъ. Наконецъ единственный признакъ разума и вкуса, единственный Арзамасизмъ мною открытый состоитъ въ томъ что разбитое окно въ почтовой избѣ было заклеено обвертнымъ листкомъ С. вѣстника и что продавали сало на базарѣ въ послѣднѣ №: Сѣверной Почты.

Погруженный въ печальную Думу пошелъ я на берегъ Тѣшы и съ высокаго, деревяннаго моста глядѣлъ на ея тихія струи какъ вдругъ необыкновенное движеніе въ водѣ обратило на себя мое вниманіе: въ Двадцати шагахъ отъ меня стоялъ въ водѣ до поясицы статной старецъ, съ бѣлою, мохомъ увитою бородой. Онъ держалъ въ одной рукѣ жезло, другой рукою привѣтствовалъ мнѣ (sic). Быстрой взоръ, сардоническая улыбка, величественный видъ сказали мнѣ что это старецъ реки Тѣшы. Я съ умиленіемъ ему поклонился; онъ приближался ко мнѣ и опираясь на жезло, прожурчалъ слѣдующе:

¹⁾ Изъ Вадима, по 6-му изд. I, 127; у Жуковскаго вмѣсто стульевъ—келій.

²⁾ Авторъ разумѣетъ поэму Буало: „Le Lutrin“ (4 пѣсни 1672—1674, 5-ая 6-ая пѣсни 1681—1683).

«Гуси! Гуси! Кто васъ не любитъ?—да долго ли вамъ бѣситься? Царство Литературы почти въ вашихъ рукахъ—Когда перестанете Вы топить въ моихъ чистыхъ струяхъ Карликовъ Бесѣды и Академіи? — Давно уже не стало ихъ бумажныхъ троновъ, ихъ свинцовыхъ скипетровъ, ихъ мишурныхъ коронъ!—Перестаньте съ ними возиться!—Какой чортъ васъ съ ними связалъ—Похвально было показать свѣту что они глупцы но на сіе довольно собственнхъ ихъ сочиненій Похвально было согнать съ Парнаса нестерпимую толпу Лже-Геніевъ; но она давно уже разсѣялась подь вашими ударами.—Чего же вамъ болѣе?—Но должны ли Вы довольствоваться симп жалкими трофеями?—Отъ васъ я ожидаю болѣе; я ожидаю возобновленія отечественной литературы; я ожидаю торжества разума и вкуса. Спасайте ихъ какъ нѣкогда ваши предки спасали Капитолій; нынѣ не одинъ Бреннъ имъ угрожаетъ; полчища уродливыхъ Бренновъ съ гасильниками въ рукахъ, стремятся погасить ту бѣдную искру человѣчества ¹⁾ и разсудка которую я поручилъ въ ваше попеченіе. Хамы овладѣли и Парнасомъ и Губернскимъ Правленіемъ; они двигаются и на вахтъ парадъ, и въ переднихъ министерствъ; они подь часъ являются въ лубочной комедіи подь часъ и въ комитетахъ человѣколюбиваго общества.

Ч и с л а и м ѣ н ѣ т ь , д р у ж и н ы и х ѣ к р ы л а т ы ²⁾).

Пора имъ эти крылья обрѣзати! Пора пробить ихъ густой центръ! Пора испугати ихъ свѣтомъ Разума разогнати ихъ скопища торжественнымъ объявленіемъ войны продолжительной и смѣлой! Тогда я съ радостью буду изъ дали внимати кликамъ вашей побѣды, и съ гордостью признавати васъ за моихъ сыновъ, за истинныхъ Гусей Арзамаскихъ!....»

Послѣ сихъ словъ дивной Старецъ скрылся въ глубинѣ водъ при гармоническомъ плесканіи волнъ эхомъ повтореннаго (sic); съ тихимъ чувствомъ радости возвратился я домой и записалъ все слышанное.

Старушка»

Сопоставьте это донесеніе съ содержаніемъ рѣчи Кассандры (Блудова) на 20-мъ засѣданіи («Русск. Арх.» I. с.).

Полно тебѣ, Арзамасъ, слоняться бездѣльничкомъ! Полно Намъ, какъ портянмъ, сидѣти на катеѣ и шить на халдеевъ,
Сгорбась, дурацкія шапки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ, и пр.

Очевидно, идея реформировать «Арзамасъ» идетъ отъ Блудова и Уварова, причемъ послѣдній гораздо опредѣленнѣе выражаетъ намѣре-

¹⁾ Рукоп.—человѣства.

²⁾ „Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты“ Жуковскій, „Вождю Побѣдителей“ по 6-му изд. I, 222.

ніе начать борьбу именно съ гасителями просвѣщенія, которые на- двигались на русскую духовную жизнь въ 1817 году.

Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ такой ходъ дѣла: въ началѣ 1817 года «Старушка» представляеть настоящее донесеніе; оно принято сочувственно, и лѣтомъ состоялось 20-ое засѣданіе, на кото- ромъ постановили основать журналъ; а въ виду этого постановленія рѣшено реформировать общество, дать ему строго-опредѣленный уставъ и имъ обезпечить матеріаль для изданія.

Этотъ уставъ выработывался несомнѣнно при непосредственномъ участіи В. А. Жуковскаго, рукою котораго писанъ набросокъ его, прерывающійся на § 23 ¹⁾. Теперь же мы имѣемъ его полный текстъ, вы- правленный, переписанный и подписанный наличными членами. Вотъ этотъ текстъ, также съ соблюденіемъ ореографіи:

Г л а в а ѿ.

О Арзамасѣ вообще.

§ 1. Цѣль Арзамаса. Цѣль Арзамаса двоякая: польза отече- ства, состоящая въ образованіи общаго мнѣнія, то-есть, въ распростра- неніи познаній изящной словесности и вообще понятій ясныхъ и пра- вильныхъ; польза самихъ Членовъ, состоящая въ трудѣ постоянномъ.

§ 2. Составъ Арзамаса. Арзамасъ составленъ изъ *природныхъ* и *избранныхъ* Членовъ. Число *природныхъ* не ограничено; *избранныхъ* не болѣе двадцати пяти.

§ 3. Обязанности и занятія Арзамаса вообще. Обяза- нности и слѣдственно занятія Арзамаса раздѣляются на двѣ отрасли: первая въ отношеніи къ Публикѣ, вторая въ отношеніи къ Членамъ Общества.

§ 4. Обязанности въ отношеніи къ Публикѣ. Обязан- ности Арзамаса въ отношеніи къ Публикѣ суть слѣдующія:

а) Наблюдать политическое и нравственное состояніе Россіи и про- чихъ Государствъ.

б) Наблюдать состояніе, ходъ, успѣхи и измѣненіе наукъ, искусствъ и словесности, какъ отечественной, такъ и чужеземной.

в) Сообщать Публикѣ плоды сихъ наблюденій и въ особенности посредствомъ постояннаго Періодическаго Изданія.

¹⁾ См. И. А. Бычкова, Бумаги В. А. Жуковскаго. Спб. 1887, стр. 157.

d) Поощрять возникающіе таланты по усмотрѣнію Общества и по мѣрѣ средствъ онаго.

§ 5. Обязанности въ отношеніи къ членамъ. Въ отношеніи къ Членамъ обязанность Арзамаса состоятъ въ разсмотрѣніи сочиненій ихъ, какъ представляемыхъ для Арзамасскаго Журнала, такъ и сообщаемыхъ въ намѣреніи воспользоваться совѣтами Общества. Нѣтъ нужды говорить Арзамасцамъ, что при такомъ разсмотрѣніи Арзамасъ изъясняетъ свое мнѣніе съ совершенною свободою и что его единственное правило есть: *чистосердечіе и любезная строгость дру- жества.*

Г Л А В А Ъ.

О членахъ, выборѣ ихъ и обязанностяхъ.

§ 6. Члены могутъ быть *наличныя* и *отсутствующіе*.

§ 7. Отсутствующіе члены раздѣляются на *Заграничныя* и *находящіяся въ Россіи*.

§ 8. О членахъ природныхъ. *Члены природныя* назначаются всеобщимъ уваженіемъ Арзамаса ¹⁾.

§ 9. О членахъ избранныхъ. *Члены избранныя* назначаются единогласіемъ всѣхъ *находящихся въ Россіи избранныхъ Арзамасцевъ* по баллотированію. Одинъ черный шаръ уничтожаетъ выборъ и предложеніе. *Отсутствующій* по запросу отъ Арзамаса присылаетъ свое мнѣніе въ запечатанномъ пакетѣ на имя одного изъ *избранныхъ наличныхъ Членовъ*, который, не сообщая его другимъ, по его желанію кладетъ шаръ. Въ то же время *отсутствующій* увѣдомляетъ Общество, кому онъ повѣрилъ положить шаръ вмѣсто себя.

§ 10. Общія обязанности всѣхъ членовъ. *Члены природныя* приглашаются участвовать въ разсужденіяхъ и трудахъ Арзамаса.

§ 11. Члены избранныя обязаны:

a) Участвовать по мѣрѣ возможности и требованій въ разсужденіяхъ и вообще во всѣхъ дѣлахъ Арзамаса.

b) Принимать и отправлять возлагаемыя по назначенію Арзамаса должности и порученія.

¹⁾ Въ бумагахъ Жуковскаго (см. выше, тамъ же) въ числѣ природныхъ членовъ названы: М. А. Салтыковъ, князь А. М. Салтыковъ, Н. М. Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и графъ Каподистрія.

с) Трудиться вообще для пользы Арзамаса и Публики и въ особенности для Журнала, который Общество намѣревается издавать.

д) Представлять Арзамасу въ опредѣленное время сочиненія въ стихахъ и прозѣ для Журнала. Число сихъ оброчныхъ статей¹⁾ полагается съ *Арзамасцевъ находящихся въ Россіи* не менѣе 12-ти статей въ годъ,²⁾ съ *Арзамасцевъ заграничныхъ* не менѣе 6-ти статей, первые должны доставлять по 1-й статьѣ въ началѣ каждаго мѣсяца (;) послѣдніе присылаютъ свои статьи когда находятъ удобный случай. Нѣкоторые Арзамасцы могутъ быть освобождены отъ обязанности доставлять ежегодно по 12-ти статей въ Общество изъ уваженія къ слабости ихъ здоровья или къ многочисленнымъ занятіямъ по какой-нибудь другой части. Они заранѣе объявляютъ о сихъ препятствіяхъ Арзамасу по совѣсти и Арзамасъ рѣшить безъ потворства, должно ли принять оныя въ уваженіе.

е) Предлагать въ назначенное время программы для сочиненій.

ф) При вступленіи въ Арзамасъ говорить по обычаю рѣчь.

Г л а в а I.

О званіяхъ и должностяхъ въ Арзамасѣ.

§ 12. Должности отправляемыя въ Арзамасѣ. *Избранные Арзамасцы* могутъ отправлять въ Арзамасѣ слѣдующія особенныя должности:

- а) *Предсѣдателя.*
- б) *Секретаря и его помощника.*
- в) *Представителей Арзамаса.*

§ 13. О предсѣдателѣ. Предсѣдатель назначается по жеребью изъ всѣхъ *Наличныхъ Избранныхъ Арзамасцевъ*, кромѣ Секретаря, или исправляющаго его должность. Имяна ихъ запечатанныя брасаются въ урну; изъ нихъ вынимаетъ безъ выбора одно кто-нибудь изъ *природныхъ наличныхъ Членовъ*, или *Секретарь Арзамаса*. Предсѣдатель назначается такимъ образомъ въ концѣ каждаго засѣданія и сохраняетъ сіе званіе до конца засѣданія слѣдующаго.

§ 14. Обязанности Предсѣдателя суть нижеозначенныя:

- а) Объявлять начало и конецъ засѣданія.
- б) Наблюдать въ оныхъ установленный порядокъ.

¹⁾ Единственный въ уставѣ остатокъ прежней шутивости.

²⁾ Стало бытъ вмѣли въ виду 12 книжекъ въ годъ.

с) Предлагать и постановлять вопросы.

d) Объявлять рѣшенія Арзамаса.

e) Раздавать по своему выбору входящія статьи на разсмотрѣнiе *Представителямъ Арзамаса*.

f) Отвѣчать на рѣчи нововступающихъ Членовъ.

g) Назначать мѣсто засѣданія, въ случаѣ нужды перемѣнять день, или съ согласія Представителей назначать чрезвычайныя Засѣданія.

§ 15. О представителяхъ Арзамаса. *Представители*, или повѣренные *Арзамаса* составляютъ особенный *отрядъ* и замѣняютъ собою все общество въ промежутки Засѣданій.

§ 16. Число ихъ полагается не менѣе пяти и не болѣе семи.

§ 17. Они избираются наличными Арзамасцами по большинству голосовъ на семь лѣтъ. Всѣ Члены въ запечатанныхъ пакетахъ присылаютъ на имя Секретаря имена предлагаемыхъ ими пяти, шести или семи Кандидатовъ; голоса собираются посредствомъ баллотированія, начиная съ того Кандидата, который предлагается большимъ числомъ Членовъ, и въ случаѣ равенства по азбучному порядку именъ.

§ 18. Обязанности *Представителей* суть слѣдующія:

a) Разсматривать критически входящія статьи, вручаемыя имъ отъ Предсѣдателя.

b) Сообщать объ оныхъ свое мнѣнiе въ засѣданіяхъ Арзамаса изустно или письменно и не позднѣе, какъ черезъ три недѣли послѣ полученія статьи.

c) Избирать между собою главныхъ редакторовъ для Журнала.

d) Въ случаѣ нужды дѣлать до общаго Засѣданія нѣкоторыя предварительныя распоряженія и назначать вмѣстѣ съ Предсѣдателями (sic) чрезвычайныя Засѣданія.

§ 19. Получивъ отъ Предсѣдателя статьи для критическаго разсмотрѣнiя, каждый *Представитель* имѣетъ право передать сію обязанность другому *Представителю* съ его согласія.

§ 20. Если за отлучкою нѣкоторыхъ представителей въ отрядѣ ихъ останется менѣе пяти Членовъ, то Арзамасъ для наполненія вышеозначеннаго числа избираетъ сколько должно *Представителей временнохъ*, которые исправляютъ должность отсутствующихъ до ихъ возвращенія.

§ 21. О секретарѣ и его помощникѣ. *Секретарь и его помощникъ* избираются *наличными арзамасцами* по большинству голосовъ навсегда и всегда изъ *Представителей*. Порядокъ при выборѣ ихъ наблюдается тотъ же, который означенъ въ § 17 для Представителей.

§ 22. При смѣнѣ прочихъ *Представителей* чрезъ семь лѣтъ, Секретарь и его помощникъ поступаютъ безъ выбора въ новый отрядъ *Представителей*.

§ 23. Обязанности *Секретаря* суть слѣдующія:

- a) Хранить всѣ дѣла и бумаги Арзамаса.
 - b) Принимать и распечатывать всѣ пакеты на имя Общества.
 - c) Представлять ихъ Предсѣдателю и всѣмъ наличнымъ Членамъ въ слѣдующемъ Засѣданіи.
 - d) Въ случаѣ нужды представлять сіи бумаги до Засѣданія Предсѣдателю и Представителямъ.
 - e) Когда нужно, извѣщать письменно членовъ о днѣ и мѣстѣ, назначенномъ для Засѣданія по предписанію Предсѣдателя и Представителей.
 - f) Управлять канцелярію Общества.
 - g) Принимать въ сію канцелярію и отсылать изъ оной писцовъ и служителей по своему усмотрѣнію, также заключать съ ними договоры.
 - h) Хранить суммы, принадлежащія Арзамасу, вести счета приходамъ и расходамъ Общества.
 - s) Вести переписку съ отсутствующими членами и другими корреспондентами Общества. Сія послѣдняя обязанность раздѣляется между имъ и его помощникомъ по общему ихъ согласію. Въ отсутствіи помощника Секретарь завѣдываетъ сею частію.
 - k) Получать отъ Членовъ входящія статьи и доставлять ихъ предсѣдателю.
 - l) Записывать замѣчанія Членовъ-Представителей на рассмотрѣнные ими статьи.
 - m) Возвращать Членамъ сочиненія ихъ для поправокъ и снова отъ нихъ оныя требовать.
 - n) Сочинять протоколы Засѣданій.
 - o) Сбирать голоса и вмѣстѣ съ Предсѣдателемъ открывать шары.
- § 24. *Обязанности Помощника Секретаря* суть слѣдующія:
- a) Вести переписку Общества вмѣстѣ съ Секретаремъ.
 - b) Раздѣлять труды Секретаря, по мѣрѣ его требованій, возможности и приличія.
 - c) Въ отсутствіи Секретаря исправлять его должность и тогда называться *временнымъ Секретаремъ*.

Г л а в а ̄.

О засѣданіяхъ.

§ 25. Составъ засѣданія. Засѣданіе составляется изъ *Предсѣдателя, Секретаря, Наличныхъ Представителей* и прочихъ *нличныхъ Членовъ природныхъ и избранныхъ*.

§ 26. Роды засѣданій. Засѣданія бываютъ *обыкновенныя* и *чрезвычайныя*.

§ 27. *Обыкновенныя засѣданія* бываютъ каждую недѣлю по четвергамъ, если не случится непредвидимыхъ препятствій.

§ 28. *Чрезвычайныя засѣданія* бываютъ по особой повѣсткѣ Секретаря.

§ 29. Время засѣданій. Засѣданіе начинается не позднѣе 8-ми часовъ, кончается не ранѣе 11-ти. Члены съѣзжаются въ половинѣ 8-го.

§ 30. Открытіе засѣданій. Засѣданіе открывается по приглашенію и звонку Предсѣдателя.

§ 31. Порядокъ засѣданій. Всѣ члены садятся вокругъ стола въ слѣдующемъ порядкѣ: *Предсѣдатель* у верхняго конца, *Секретарь* напротивъ за другимъ концомъ. Возлѣ Предсѣдателя *Члены природные* по произволу. За ними *Члены избранные* по азбучному порядку именъ ихъ. Голоса подаются также по азбучному порядку, кромѣ *Предсѣдателя* и *Секретаря*, кои ихъ голоса всегда послѣдніе.

§ 32. Засѣданіе начинается чтеніемъ протокола предшедшаго засѣданія.

§ 33. За симъ Секретарь объявляетъ о вступившихъ на имя Общества письмахъ и другихъ вступившихъ бумагахъ. По приглашенію Предсѣдателя онъ читаетъ оныя въ слухъ.

§ 34. Потомъ Секретарь извѣщаетъ Общество о сочиненіяхъ, полученныхъ отъ Членовъ и постороннихъ, а тѣмъ изъ наличныхъ Членовъ, кои не доставили положенной статьи въ началѣ мѣсяца, напоминаетъ ихъ обязанность.

§ 35. Предсѣдатель раздаетъ полученные статьи на разсмотрѣніе Представителей по своему выбору, какъ означено въ § 14-мъ; онъ отмѣчаетъ своей рукою на статьѣ какого числа и какому Представителю она выдана.

§ 36. *Предсѣдатель* спрашиваетъ, которые изъ Членовъ Представителей принесли отданныя имъ статьи съ своими замѣчаніями; они отвѣчаютъ одни за другимъ по азбучному порядку. Секретарь записываетъ тѣмъ же порядкомъ имена Членовъ, кои принесли статьи и названія разсмотрѣнныхъ ими сочиненій.

§ 37. Предсѣдатель объявляетъ начало очередныхъ чтеній.

§ 38. *Представители* читаютъ статьи разсмотрѣнныя ими и сообщаютъ Обществу свои замѣчанія въ томъ порядкѣ, какъ имена ихъ записаны Секретаремъ; начинаютъ съ тѣхъ статей, кои не могли быть прочтены въ предшедшемъ Засѣданіи.

§ 39. По окончаніи своего чтенія, каждый *Представитель* объявляетъ рѣшительно, должна ли по его мнѣнію статья, имъ разсмотрѣн-

ная, быть помѣщена въ Журналѣ Арзамаса и въ какомъ видѣ. Секретарь записываетъ его мнѣніе.

§ 40. *Предсѣдатель* спрашиваетъ, кто изъ другихъ членовъ намѣренъ вступить въ разсужденія о читанной статьѣ и о мнѣніи *Представителя*. Всѣ члены, кромѣ автора разсматриваемой статьи, отвѣчаютъ по азбучному порядку. *Секретарь* записываетъ имена желающихъ говорить.

§ 41. *Предсѣдатель* объявляетъ начало прѣвій. Члены говорятъ по порядку, въ коемъ записаны *Секретаремъ*. Послѣ всѣхъ говоритъ *Представитель*, разсматривавшій статью. По окончаніи всѣхъ прѣвій самъ авторъ статьи приглашается Предсѣдателемъ объявить: согласенъ ли онъ съ замѣчаніями другихъ Членовъ, и желаетъ ли сдѣлать нѣкоторыя возраженія.

§ 42. *Предсѣдатель* наблюдаетъ за порядкомъ во время прѣвій, и когда почтетъ нужнымъ, объявляетъ, что прѣвія прекращаются.

§ 43. По окончаніи прѣвій Предсѣдатель постановляетъ вопросъ: напримѣръ: *Согласны ли съ мнѣніемъ такого-то Члена Представителя?* Секретарь собираетъ голоса, какъ означено въ § 31. Члены шарамы отвѣчаютъ да, или нѣтъ.

§ 44. *Предсѣдатель* объявляетъ рѣшеніе Арзамаса, и Секретарь записываетъ его. Такой же порядокъ наблюдается въ разсужденіяхъ всякаго рода.

§ 45. Начинается чтеніе слѣдующихъ очередныхъ статей въ томъ же порядкѣ и продолжается до половины 11-го.

§ 46. Въ половинѣ 11-го Предсѣдатель, прекращая чтеніе, спрашиваетъ членовъ, не намѣрены ли они Обществу сдѣлать какого-нибудь предложенія? Члены по азбучному порядку отвѣчаютъ да, или нѣтъ. Секретарь записываетъ имена ихъ.

§ 47. Члены, объявившіе, что хотятъ сдѣлать предложеніе, по тому же порядку сказываютъ объ оныхъ, или ихъ читаютъ. *Предсѣдатель* объявляетъ, въ какомъ засѣданіи и въ какое время будутъ разсуждать о сихъ предложеніяхъ, наблюдая порядокъ, установленный въ §§ 40, 41, 42, 43 и 44-мъ.

§ 48. Къ роду предложеній принадлежатъ программы для сочиненій. Всякой членъ обязанъ предложить одну такую программу въ мѣсяцъ.

§ 49. Третіе засѣданіе каждаго мѣсяца, особенно назначается для предложенія сихъ программъ.

§ 50. Когда послѣ довольныхъ разсужденій Арзамасъ рѣшитъ принять предложенную программу, то Предсѣдатель вызываетъ членовъ для сочиненія статьи по сей программѣ. Члены отвѣчаютъ по азбучному порядку да, или нѣтъ. Одна программа можетъ быть взята нѣсколькими членами.

§ 51. Если ни одинъ членъ не объявитъ желанія принять программу, то она отсылается въ отрядъ *Представителей*; ими послѣ совѣщанія предлагается имянно одному какому-нибудь члену, и буде онъ также откажется, то отдается Секретарю для храненія при дѣлахъ Арзамаса. По прошествіи нѣкотораго времени Секретарь можетъ напомнить о сей программѣ, и тогда она снова предлагается въ общемъ собраніи Арзамаса, такимъ же порядкомъ, какъ означено выше.

§ 52. Засимъ *Предсѣдатель* по донесенію Секретаря предлагаетъ на разсужденіе всѣ дѣла и обстоятельства, для коихъ нужно рѣшеніе Общества, наблюдая вышеустановленный порядокъ.

§ 53. По окончаніи сихъ разсужденій Предсѣдатель объявляетъ конецъ засѣданія.

§ 54. Въ случаѣ необходимой надобности Предсѣдатель можетъ и прежде вышеозначеннаго времени объявить, что засѣданіе окончено и такимъ образомъ потушить излишній жаръ въ разсужденіяхъ и спорахъ. Къ сему средству онъ прибѣгаетъ весьма рѣдко. Обыкновенно напоминаетъ онъ о порядкѣ посредствомъ звонка, а вставая съ мѣста на время прекращаетъ разсужденія. Онъ также встаетъ съ кресель, когда требуетъ слова. Всѣ Арзамасцы должны тогда въ молчаніи уступить ему; но кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, Предсѣдатель всегда говоритъ послѣдній.

§ 55. Всякій членъ имѣетъ право закричать: къ порядку, но только одинъ разъ, если не поддержанъ большинствомъ наличныхъ Арзамасцевъ.

§ 56. Когда разсуждаютъ о сдѣланныхъ членами предложеніяхъ, то Предсѣдатель прежде всего спрашиваетъ: *должно ли разсуждать о такомъ-то предложеніи такого-то Члена?* Если Арзамасъ рѣшитъ что нѣтъ, то предложеніе отвергается безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

§ 57. Всѣ дѣла рѣшаются наличными Арзамасцами по большинству голосовъ кромѣ слѣдующихъ случаевъ.

- a) Избранія новыхъ членовъ.
- b) Отмѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ сего Устава.
- c) Прибавленія новыхъ пунктовъ къ сему Уставу безъ противорѣчія съ настоящими.

Въ двухъ первыхъ случаяхъ необходимо единогласіе всѣхъ находящихся въ Россіи наличныхъ и отсутствующихъ членовъ. Въ третьемъ случаѣ нужны двѣ трети голосовъ всѣхъ находящихся въ Россіи наличныхъ и отсутствующихъ Арзамасцевъ.

§ 58. Въ случаѣ равенства, голосъ Предсѣдателя рѣшитъ дѣло.

Г Л А В А Ё.

О библіотекѣ Арзамаса.

§ 59. Всякой Арзамасецъ избранный дозволяетъ пользоваться своими книгами сколько будетъ нужно для успѣха занятій.

§ 60. Сверхъ того для исполненія обязанностей, принятыхъ Арзамасомъ по § 4-му, тѣ изъ достойныхъ отличнаго уваженія вновь выходящихъ книгъ и Журналовъ, кои не могутъ быть доставлены Обществу однимъ изъ Членовъ должны быть покупаемы, или выписываемы на счетъ всего Арзамаса, но не иначе какъ по предложенію отряда Представителей и съ согласія большинства наличныхъ членовъ.

Г Л А В А Ђ.

О изданіи трудовъ Арзамаса.

§ 61. Арзамасъ, какъ уже сказано въ § 4-мъ и § 11-мъ, будетъ издавать Журналъ: изданіе начнется не позднѣе какъ въ теченіи слѣдующаго 1818 года.

§ 62. Родъ сего Журнала въ главнѣйшихъ онаго отношеніяхъ уже означенъ въ § 4-мъ. Число издаваемыхъ книжекъ, форма и названіе Журнала будутъ опредѣлены отрядомъ Представителей, когда сдѣлаются всѣ нужныя предварительныя распоряженія и когда соберется достаточное число матеріаловъ.

§ 63. Исполнивъ обязанность, возлагаемую на нихъ предъидущимъ § 62 Представители на основаніи § 18 выбираютъ между собою четырехъ редакторовъ Журнала. Въ числѣ сихъ редакторовъ долженъ всегда быть Секретарь Арзамаса.

§ 64. Послѣ избранія редакторовъ Представители уже не вмѣшиваются ни во что исключительно принадлежащее къ составленію и изданію Журнала.

§ 65. Изъ редакторовъ Журнала 3-мъ поручается часть Литературная, то есть, составленіе книжекъ, а одному часть хозяйственная, то есть, все что касается до печатанія сихъ книжекъ, выдачи оныхъ, открытія подписки и прочаго.

§ 66. Редакторъ по части хозяйственной можетъ по желанію его быть освобожденъ отъ другихъ занятій по званію члена и Представителя.

§ 67. Редакторы по части Литературной помѣщаютъ въ Журналъ статьи, одобреннымъ (sic) Арзамасомъ на основаніи § 39, 40, 41, 42 и 43-го въ томъ порядкѣ, который найдутъ болѣе сообразнымъ съ родомъ, формою Журнала и вкусомъ публики просвѣщенной. Всякой недостатокъ матеріаловъ особливо въ томъ, что будетъ относиться къ современной Словесности и Политикѣ, они обязаны замѣнять собственными произведеніями. На нихъ возлагается отвѣтственность за порядокъ, исправность и изящность изданія, слѣдственно имъ поручается поддерживать честь Арзамаса.

§ 68. Если редакторы захотятъ принять на свой счетъ всѣ издержки касательно печатанія и раздачи книжекъ; то прибыль отъ Журнала будетъ принадлежать имъ.

Г л а в а 5.

О расходахъ Арзамаса.

§ 69. На издержки, означенныя §§ 23 и 60 то есть, на переписку Арзамаса, покушку нѣкоторыхъ книгъ и Журналовъ, жалованье переписчику и мѣлкіе канцелярскіе расходы, всѣ Избранныя Арзамасцы вносятъ ежегодно по 30 руб. Сіи деньги, какъ сказано въ § 23-мъ хранятся у Секретаря, остоя въ его распоряженіи и на его отчетѣ.

М. Орловъ.	<i>Рейнъ.</i>
Жуковский.	<i>Святлана.</i>
Воейковъ.	<i>Дѣтъ огромныя руки.</i>
Н. Тургеневъ.	<i>Варвикъ.</i>
Кавелинъ.	<i>Пустынникъ.</i>
А. Тургеневъ.	<i>Золова Арфа.</i>
Блудовъ.	<i>Кассиндра.</i>
М. А. Салтыковъ.	<i>Почетный Гусь Михаилъ.</i>
Вигель.	<i>Ивиковъ Журавль.</i>
Жихаревъ.	<i>Громбой.</i>
Батюшковъ.	<i>Ахиллъ.</i>
Сѣверинъ.	<i>Ръзвый Котъ.</i>
Плѣщевъ.	<i>Черный Вранъ.</i>
Уваровъ.	<i>Старушка.</i>

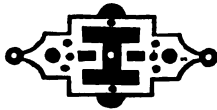
Подписи псевдонимами-автографы; подписи фамилій сдѣланы карандашемъ, одною рукою (повидимому гр. С. С. Уварова подъ старость).

Объ А. А. Плещевѣ въ Арзамасѣ см. у Вигеля стр. 45. Отсутствіе подписи А. С. Пушкина, повидимому, указываетъ на отсутствіе его изъ Петербурга; стало быть, составленіе устава надо отнести ко второй половинѣ лѣта 1817 года.

Настоящее сообщеніе было уже отослано въ редакцію, когда я получилъ отъ В. И. Сайтова 1-й томъ его образцоваго изданія: «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ», заключающій переписку князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ 1812—1819 (Примѣчанія отъ 385—676 стр.; за ними превосходный указатель). Напечатанный здѣсь впервые текстъ «Видѣнія» (стр. 409—413) далъ мнѣ во-первыхъ, возможность разобрать неясно написанное имя Мѣшкова въ «Донесеніи Старушки» (въ рукописи—Мѣшкосъ). Во-вторыхъ, въ 73-мъ письмѣ князя Вяземскаго (1817 г., отъ 29 іюля, стр. 77) упоминается объ «арзамасскихъ новыхъ положеніяхъ», подъ которыми, очевидно, разумѣется нынѣ печатаемый уставъ, а въ 76-мъ письмѣ (Тургенева Вяземскому, отъ 6-го августа 1817 г.), сказано: «Должностные Арзамасы должны тебѣ послать проектъ законовъ», изъ чего явствуетъ, что члены правленія были уже тогда намѣчены.

А въ-третьихъ, въ этой книгѣ, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, находится такъ много мелкихъ, но пѣнныхъ свѣдѣній объ Арзамасѣ и арзамасцахъ, что перепечатывать ихъ было бы неудобно: достаточно указать на интересную, прекрасно составленную книгу.

А. Кирпичниковъ.

Письмо М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову.¹⁾

26-го марта 1811 г. Киевъ.

Я получилъ твое дружеское письмо и кромѣ тебя никто не можетъ разрѣшить моего дѣла съ казенною лавкою. По послѣдней почтѣ просилъ я тебя взять на себя трудъ принять деньги по арендѣ, о чемъ и писалъ я къ министру финансовъ. Теперь же прошу тебя наиубѣдительнѣйше, выкупа брильянты мои изъ ломбарда, паки оныя въ ломбардѣ положить на шесть мѣсяцевъ, а деньги употребить на заплату въ казенной лавкѣ всѣхъ вещей, мною тамъ заказанныхъ и на доставку оныхъ ко мнѣ. Вещи заложены на шесть мѣсяцевъ. Между тѣмъ я, имѣвъ много горѣлки въ деревнѣ, буду стараться, дабы она была продана и тогда удовлетворю всѣхъ кредиторовъ, имѣя на душѣ и на сердцѣ должныя мною тебѣ деньги, коими ты меня дружески одолжалъ, самъ нуждаяся. Такимъ образомъ, кажется мнѣ, брильянты будутъ шесть мѣсяцевъ въ цѣлости, лавка удовлетворена и вещи ко мнѣ будутъ доставлены. Безъ твоего же содѣйствія брильянты мои пропадутъ и я буду имѣть больше неудовольствія, ибо не желалъ бы я, чтобъ вещи, однажды мною заказанныя, остались не взятыми, тѣмъ болѣе, что оныя по мѣсту моему для меня необходимы. Прости меня великодушно, что я симъ тебя утруждаю, но болѣе въ тягость тебѣ по подобнымъ предметамъ не буду. Ты меня чувствительнѣйше одолжишь исполненіемъ сей моей комиссіи. Хотя я знаю, что ты чрезвычайно занятъ, однако жъ прошу меня увѣдомлять почаще собственно о себѣ и вѣрить, что я съ непоколебимой дружбою и душевною преданностію пребываю навсегда. Цѣлую ручки почтеннѣйшей тіотушки, и прошу любить меня—весь твой.

Р. С. Билеты ломбардные на брильянты у Мерца, который живетъ на Морской въ собственномъ своемъ домѣ, супротивъ графа Заводовскаго. Прежде онъ имѣлъ магазинъ галантерейныхъ вещей, а нынѣ оцѣвщикъ брильянтовъ при Кабинетѣ.

¹⁾ Павелъ Андреевичъ Сафоновъ комендантъ С.-Петербургской крѣпости.

Павелъ Исааковичъ Ганнибалъ, дядя А. С. Пушкина ¹⁾.

Въ 1826 году, въ октябрѣ, по высочайшему повелѣнію, былъ присланъ къ Вологодскому губернатору подполковникъ Павелъ Исааковичъ Ганнибалъ для отправленія на жительство въ Сольвычегодскъ, подъ надзоръ полиціи, безъ означенія за что. Сольвычегодскому городничему, по прибытіи Ганнибала на мѣсто, предписывалось неослабно слѣдить за его поведеніемъ и обо всемъ доносить каждыя двѣ недѣли ген.-губер. Арханг., Вологод. и Олон. губ. Миницкому и Вологодскому гражд. губернатору Брусилову.

Въ это время, т. е. въ 1826-мъ году, Ганнибалу было 49 лѣтъ; у него еще жива была мать, проживавшая въ Псковской губерніи, въ

¹⁾ Въ статьѣ г. Колчина „Смыслныя и заточенныя въ Соловецкомъ монастырѣ“ («Русская Старина» 1887 г. № 1, стр. 42) между прочимъ сказано:

„Въ 1827 году, по высочайшему повелѣнію, присланъ былъ въ Соловецкую тюрьму подполковникъ Ганнибалъ за буйство и дерзкіе поступки. Въ 1832 году, по поводу просьбы жены его, о возвращеніи мужа ея къ семейству, потребованы были свѣдѣнія отъ соловецкаго настоятеля о поведеніи Ганнибала, и заслуживаетъ ли онъ испрашиваемое женою всемілостивѣйшее прощеніе. Отвѣтъ былъ утвердительный. Послѣ этого, по представленію графа Бенкендорфа, государь изъявилъ соизволеніе на совершенное прощеніе Ганнибала и дозволилъ назначить ему мѣстожительство ближе къ Петербургу. Ганнибалъ имѣлъ ордена св. Владиміра съ бантомъ, Анны 3-й степени и высочайшее благоволеніе за сраженіе при Даневцѣ“. Намъ удалось въ Архангельскомъ губернскомъ архивѣ найти дѣло объ этомъ „подполковникѣ Ганнибалѣ“. Благодаря ему, мы имѣемъ возможность ближе опредѣлить личность Ганнибала, рассказать о печальныхъ приключеніяхъ, доведшихъ его до Соловокъ.

Жена подполковника Ганнибала, Варвара Тихоновна, называетъ „сочинителя Пушкина“ племянникомъ своего мужа, слѣдовательно, Павелъ Исааковичъ былъ внукомъ „арана Петра Великаго“.

И. Б.

Порховскомъ уѣздѣ. Съ женою, Варварою Тихоновною жилъ онъ давно порознь; сынъ его Александръ служилъ въ артиллеріи, въ Петербургѣ. До ссылки П. И. въ теченіе 35 лѣтъ состоялъ въ военной службѣ.

Въ Сольвычегодскѣ Ганнибаль прожилъ 5 мѣсяцевъ. Въ первыя двѣ недѣли онъ уже познакомился съ нѣкоторыми жителями города, у которыхъ и бывалъ въ гостяхъ. «Всегда почти мраченъ и часто, особливо въ квартирахъ, задумывается до такой степени, что по нѣсколько минутъ какъ будто и не видитъ, и не слышитъ ничего; опомнясь же, быстро говоритъ о себѣ», писалъ о немъ городничій въ первомъ рапортѣ. Въ числѣ причинъ мрачнаго настроенія являлось, быть можетъ, безденежье. Чтобы раздобыть деньжонокъ, онъ мечталъ отправиться въ В. Устюгъ, куда назначенъ былъ, по его словамъ, полиціймейстеромъ давнишній его пріятель; поѣздку ему не разрѣшили, но возбудили дѣло о назначеніи ему содержанія отъ казны, ассигновка на которое пришла въ день выѣзда его изъ Сольвычегодска. Не имѣя чѣмъ жить Ганнибаль дѣлалъ, гдѣ только могъ, мелкіе займы, настоятельно требовалъ въ долгъ у городничаго. «Не голодомъ же морить прислалъ меня сюда государь», говорилъ онъ раздраженно градоначальнику. За пять мѣсяцевъ онъ перебралъ у городничаго 165 руб., по крайней мѣрѣ такъ доносилъ послѣдній по начальству. За все пребываніе Ганнибала въ Сольвычегодскѣ ему однажды прислала жена 25 р.

Черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ Ганнибала въ ссылку городничій доносилъ: «въ обращеніи иногда бываетъ хорошъ и веселье, но часто выраженія употребляетъ гордыя и дерзкія, за что немногіе желаютъ быть у него или чтобъ онъ былъ у нихъ. Я по узнаніи отъ многихъ, что не желаютъ съ нимъ видѣться, обязанностию счелъ напомнить подполк. Ганнибалу, дабы онъ безъ приглашенія ни къ кому не ѣздилъ и отъ отчаянныхъ рѣчей воздержался». Однако Ганнибаль не обращалъ вниманія на подобныя замѣчанія и вотъ на него мѣстнымъ купцомъ было подано городничачему «впредь для вѣдома объявленіе», что въ бытность его, купца Мамаева, въ гостяхъ у засѣдателя прибылъ туда безъ приглашенія Ганнибаль «и оказывалъ нѣкоторые знаки своего отвратительнаго нерасположенія» къ тестю Мамаева, купцу Пьянкову. По отѣздѣ Пьянкова Ганнибаль говорилъ, что разобьетъ ему рожу, называлъ мужикомъ и ничего незначащимъ человѣкомъ. Сидя за столомъ, съ большимъ азартомъ хватался за ножъ и пронзносилъ: «вотъ что для моего непріятеля», приставлялъ «оний въ примѣръ намѣреннаго своего умысла» къ груди протоіерея Кириллова, называлъ Мамаева мальчишкою.

Когда копія съ этого «объявленія» была представлена ген.-губернатору, то послѣдній положилъ резолюцію: «объявить Ганнибалу, дабы велъ жизнь смиренную и безъ приглашенія никуда не выходилъ, кромѣ

церкви. Въ оскорбленіяхъ извѣстному въ честности купцу Пьянкову и купцу Мамаеву долженъ онъ загладить извиненіемъ, испросивъ прощеніе; ежели же они будутъ просить за понесенныя оскорбленія, то онъ можетъ подвергнуть себя содержанію, какъ буйный и нетерпимый въ обществѣ человекъ. Жителямъ объявить, если кому случится оскорбленіе отъ Ганнибала, то хозяинъ онаго долженъ отвѣтствовать».

Но пока эта бумага дошла до Сольвычегодска, Ганнибалъ успѣлъ еще много набѣдокурить. Онъ сдружился съ почтовымъ экспедиторомъ Воронежскимъ, проводилъ съ нимъ все время и жилъ на его счетъ. Этотъ Воронежскій являлся неизмѣннымъ спутникомъ во всѣхъ походахъ Ганнибала. Въ рапортѣ городничаго отъ 15 января 1827 года читаемъ: «Продолжаетъ ѣздить безъ приглашенія съ Воронежскимъ, почему нѣкоторые вечера сидятъ въ одной комнатѣ, закрывъ ставни, имѣя хотя и многолюдную бесѣду, въ прочихъ же комнатахъ науличныхъ огня не ставятъ». А однажды даже протоіерей Кирилловъ просилъ заѣхавшаго къ нему городничаго удалить полицейскою властью забравшагося къ нему съ Воронежскимъ Ганнибала. Можно, пожалуй, подумать, что Ганнибалъ былъ въ нетрезвомъ видѣ; однако городничій, отмѣчая это относительно Воронежскаго, не пишетъ ничего подобнаго объ его товарищѣ какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Въ томъ же рапортѣ городничій доноситъ: «кромѣ того не долженъ и не смѣю умолчать, что г. Ганнибалъ, несмотря на многихъ свидѣтелей, весьма часто употребляетъ выраженія напохвальныя».

Когда городничій объявилъ Ганнибалу о резолюціи ген.-губернатора за оскорбленіе купцовъ, подполковникъ прашель въ неописуемую ярость: «Какъ смѣлъ ген.-губернаторъ обо мнѣ такъ писать! онъ мой не начальникъ; какъ смѣлъ писать, чтобы я испросилъ прощенія и у кого же, у купцовъ?!» кричалъ онъ въ изступленіи, а потомъ сталъ грозить городничему застрѣлить его за доносы. Начальникъ города струсился не на шутку тѣмъ болѣе, что у грозившаго была небольшая пушечка, которою онъ забавлялся, стрѣляя изъ окна. О происшедшемъ онъ донесъ по начальству, вслѣдствіе чего генералъ-губернаторъ писалъ Вологодскому губернатору: «не было ли бы полезно послать Ганнибала въ другое мѣсто, гдѣ бы можно было распорядиться съ нимъ такъ, какъ образъ его поступковъ требуетъ», и затѣмъ, извѣщая о поведеніи ссыльнаго, запрашиваетъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: «не благоугодно ли сослать Ганнибала въ Соловецкій монастырь». Управляющій министерствомъ вошелъ въ сношеніе объ этомъ предметѣ съ Бенкендорфомъ, который увѣдомилъ, что государь императоръ соизволилъ на отправленіе Ганнибала въ Соловки.

Самъ П. И. послѣ всѣхъ исторій и угрозъ городничему стихъ, а потомъ былъ все время боленъ вплоть до отъѣзда; можетъ быть и по-

везли его больнымъ. Кажется, одинъ только Воронежскій не покидалъ его въ болѣзни.

26-го апрѣля 1827 года Ганнибалъ утромъ пришелъ въ канцелярію городничаго, чтобы исполнить нѣкоторыя формальности для полученія ассигнованныхъ ему квартирныхъ денегъ. Тутъ было объявлено ему о переводѣ въ Соловки, и сейчасъ же передали его жандармскому унтеръ-офицеру, назначенному въ провожатые. Ганнибалъ отнесся съ неожиданнымъ равнодушіемъ къ такой крутой переиначкѣ въ своей судьбѣ. Онъ пожелалъ было проститься съ нѣкоторыми знакомыми, но это было отклонено. Пока шли сборы, ему позволили отправиться къ Воронежскому и позавтракать тамъ, но не дали ножа и вилки. Въ полдень этого же дня онъ выѣхалъ въ сопровожденіи жандарма и гарнизоннаго солдата. Предписано было везти его не черезъ Архангельскъ, а другимъ трактомъ.

Передъ отъѣздомъ Ганнибалъ выдалъ росписку Воронежскому на 50 р., вдовѣ подполковника, вѣроятно хозяйкѣ, на 70 р., оставилъ крѣпостному своему Никитѣ Дементьеву 7 р. и просилъ дать ему паспортъ въ Псковскую губернію. Ганнибалъ предлагалъ написать росписку городничему, но тотъ не счелъ это удобнымъ и удовольствовался признаніемъ долга при свидѣтеляхъ.

Послѣ отъѣзда всѣ бумаги Ганнибала были запечатаны и отосланы по начальству.

Въ Соловки Ганнибала привезли черезъ двѣ недѣли, 9-го мая. Содержаніе ему предписано производить по общему положенію объ арестованныхъ, а содержать «по секрету, подъ стражею». Бѣдняга, видно, не представлялъ, что его ожидаетъ въ Соловкахъ. Когда его заключили въ тѣсный «чуланъ», онъ пришелъ въ бѣшенство, бился въ безумной попыткѣ вырваться изъ этого чулана, «въ которомъ особо одинъ былъ запертымъ». Въ состояніи какого-то изступленія онъ пробылъ двѣ недѣли, а потомъ утихъ и съ тѣхъ поръ велъ себя смиренно въ чуланѣ. Недаромъ настоятель монастыря по дѣлу Ганнибала замѣчаетъ: «живущіе у насъ дѣлаются хорошими по неволѣ за неимѣніемъ средствъ къ поведенію противному сему».

Черезъ два года положеніе узника улучшилось. Жена его, съ которой онъ еще на свободѣ жилъ врозь, узнавъ, быть можетъ, отъ двороваго человѣка, пришедшаго изъ Сольвычегодска, о заточеніи мужа, забыла обиды и въ теченіе всей ссылки, длившейся пять слишкомъ лѣтъ, хлопотала съ удивительной энергіей объ освобожденіи мужа, пока не добилась своего. Въ 1829 году, когда ген.-губернаторъ Миницкій былъ въ Петербургѣ, она сумѣла выпросить согласіе на переписку съ мужемъ, хотя по инструкціямъ о соловецкихъ ссылныхъ не только переписка не дозволялась, но даже мѣсто заключенія должно было оставаться въ тайнѣ. Но по ходатайству такихъ особъ какъ ген.-губер-

наторъ, а затѣмъ военный губернаторъ адмиралъ Р. Р. Галль, архимандритъ охотно дѣлалъ подобное послабленіе. Итакъ, съ мая 1829-го года между супругами установилась правильная переписка, кромѣ того жена посылала заключенному деньги и вещи; все это шло черезъ посредство ген.-губернатора, а съ 1830-го года черезъ военнаго губернатора. Галль простиралъ свое расположеніе до того, что взялъ посылку отъ жены Ганнибала изъ Петербурга и везъ ее вмѣстѣ съ своими вещами.

Благодаря настойчивымъ просьбамъ и хлопотамъ Варвары Тихоновны, въ октябрѣ 1829-го года ген.-губернаторъ Миницкій писалъ Бенкендорфу, что Соловецкій архимандритъ Досиѣей лично ему свидѣтельствовалъ, что подполковникъ Ганнибалъ ведетъ себя смиренно и въ поведеніи своемъ совершенно исправился, а потому считаетъ возможнымъ ходатайствовать предъ нимъ о возвращеніи Ганнибала къ своему семейству. Однако Бенкендорфъ отвѣчалъ, что въ виду сомнѣнія, что онъ въ столь короткое время могъ исправиться, считаетъ нужнымъ отложить всеподданнѣйшее представленіе.

Послѣ этой неудачи бѣдная женщина, разыскавши документы о службѣ мужа, подаетъ прошеніе государю на парадѣ у Михайловскаго замка; просьбу принялъ дежурный генералъ Голицынъ. Но въ это время наступила неурядица съ поляками, потомъ холера, и прошеніе осталось безъ отвѣта. И тутъ Варвара Тихоновна не падаетъ духомъ; она избираетъ другой путь—просить черезъ Р. Р. Галла, чтобы настоятель Соловецкаго монастыря выдалъ мужу аттестацію для представленія по начальству; но архимандритъ, несмотря на ходатайство военнаго губернатора, не согласился на это, не считая себя въ правѣ выдавать какія-либо бумаги о заключенныхъ, безъ запроса начальства.

Но вотъ, послѣ столькихъ неудачъ, въ іюлѣ 1832 года дѣло приняло наконецъ благопріятный ходъ. Варвара Тихоновна, просила Бенкендорфа предстательствовать предъ государемъ за мужа. Бенкендорфъ сдѣлалъ запросъ о поведеніи Ганнибала, на что послѣдовала аттестація архимандрита Досиѣея, что онъ совершенно исправился, а потому, принимая во вниманіе старость лѣтъ и болѣе чѣмъ пятилѣтнее заключеніе, считаетъ его достойнымъ высочайшаго прощенія. Вслѣдъ за этимъ, 3-го октября 1832 года, государь, «не изъявивъ соизволеніе на совершенное прощеніе, дозволилъ Ганнибалу назначить жительство ближе (къ Петербургу) ¹⁾». 26-го октября узника освободили изъ Соловокъ съ приказомъ отправиться въ Архангельскъ, чтобы тамъ заявить о выборѣ мѣстожительства. По прибытіи Ганнибалъ собственною рукою написалъ слѣдующее заявленіе:

«Имѣя счастье получить монаршую милость освобожденіемъ меня

¹⁾ У г. Козчина ошибочно говорится о совершенномъ прощеніи.

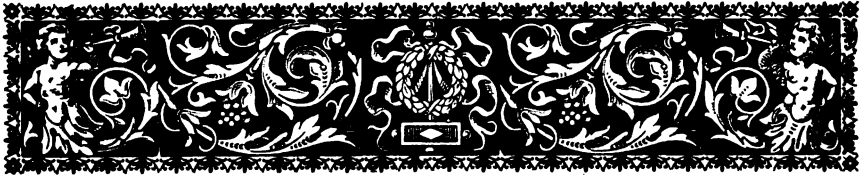
изъ Соловецкаго монастыря, объявляя мнѣ всесовершеннѣйшее прощеніе и высочайшую волю о назначеніи мнѣ жительства по волѣ моей, но близъ Петербурга, на что имѣю объяснить, что я имѣлъ Псковской губерніи въ Порховскомъ уѣздѣ 79 душъ, заложенныхъ въ ломбардъ, но безъ меня были проданы за неплатежъ процентовъ, и я лишился всѣхъ средствъ къ существованію моему, прося сообразовать мнѣ означить мѣсто моего пребыванія, есть ли правительство на оное благоволить, въ Софіи ⁽¹⁾ или городѣ Лугѣ».

Въ концѣ января 1833 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на жительства Ганнибала въ Лугѣ; 16-го февраля онъ выѣхалъ изъ Архангельска, получивъ прогонныя на двѣ лошади, причитавшіяся кормовыя со дня освобожденія изъ монастыря по 8-ое февраля, по 50 коп. въ сутки и квартирныя по 5 руб. въ мѣсяць.

І. Блиновъ.

¹⁾ „Въ Софіи“ написано надъ зачеркнутымъ, въ С(Царскомъ) Селѣ; быть можетъ Ганнибалу сказали, что нельзя надѣяться на столь близкое жительство отъ Петербурга.

„О БЫВШЕМЪ ПУШКИНѢ“¹⁾.

31-го октября 1772 г. былъ опубликованъ во всенародное извѣстіе указъ Сената, подписанный 25-го октября, слѣдующаго содержания:

«По произведенному здѣсь въ С.-Петербургѣ по именнымъ ея императорскаго величества указамъ слѣдствію, бывшіе капитанъ Сергѣй и мануфактуръ-коллегии членъ коллежскій совѣтникъ Михайла Пушкинъ съ ихъ сообщниками оказались и сами повинились въ воровскомъ умыслѣ къ поддѣлыванію подъ государственныя банковыя подложныхъ ассигнацій, изъ коихъ Сергѣй пойманъ съ приуготовленными къ тому же инструментами. И хотя въ самомъ дѣлѣ коварнаго сего умысла не исполнили, однакожь, по законамъ, присуждены за сіе воровское предпріятіе къ смертной казни, и о томъ поднесенъ былъ ея императорскому величеству отъ Сената всеподданнѣйшій докладъ. Состоявшееся на ономъ за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ минувшаго сентября 25-го дня высочайшею резолюціею, въ которой съ обык-

¹⁾ Въ Архангельскомъ губернскомъ архивѣ хранятся два дѣла „О бывшемъ Пушкинѣ“. Изъ нихъ видно, что членъ Мануфактуръ-коллегии коллежскій совѣтникъ Михайла Пушкинъ и его братъ капитанъ Сергѣй, въ 1772 г. были лишены правъ, дворянства, фамиліи и, по конфирмаціи, вмѣсто смертной казни приговорены къ ссылкѣ и заточенію.

Сопоставляя эти свѣдѣнія съ тѣми, что у бабушки А. С. Пушкина, Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, урожденной Пушкиной, дочери Тамбовскаго воеводы, былъ братъ М и х а и л ъ (отецъ переводчика Мольера Алексѣя Пушкина); что у Маріи Алексѣевны родилась дочь Надежда—мать поэта—въ 1775 году; что осужденный Михайла Пушкинъ, очевидно, принадлежалъ къ именитому дворянству, а потому и лишень фамиліи — слѣдуетъ предполагать, что осужденный въ 1772 г. коллежскій совѣтникъ Михайла Пушкинъ былъ двоюроднымъ дѣдомъ поэта.

новеннымъ своимъ милосердіемъ къ человѣчеству, взирая на показанное воровское преступленіе бывшихъ коллежскаго совѣтника Михайла и брата его, откинутого отъ службы, Сергѣя Пушкиныхъ, и находя, что оное еще не произвело того дѣйствительнаго вреда, на который строгость закона обращается, повелѣтъ соизволила ея величество, перваго, какъ преступника и человѣка, презрѣвшаго общую къ себѣ довѣренность, по знатности своего чина и мѣста, а втораго уже напредь своими безчестными дѣлами въ публикѣ оглашеннаго, не имѣвшаго потому и достоинства ея довѣренности, слѣдовательно, не какъ подвергающагося наказанію по такому воровскому дѣлу въ равной степени съ первымъ, по единому съ нимъ заговору и соглашенію, но какъ при томъ болѣе другихъ заботившагося о произведеніи въ дѣйство сего вреднаго государственному кредиту воровства, лиша дворянства и чиновъ, вывести на эшафотъ и переломить надъ головами ихъ шпаги, а потомъ сослать Михайлу Пушкина въ ссылку въ дальнія сибирскія мѣста, а Сергѣя Пушкина—на вѣчное заключеніе, какъ негоднаго и навсегда вреднаго въ обществѣ человѣка, въ какую ни есть отдаленную крѣпость и публиковать по всей имперіи, чтобъ обоихъ сихъ преступниковъ нигдѣ и ни въ какихъ дѣлахъ не называть Пушкиными, но бывшими Пушкиными; имѣніе жъ ихъ обоихъ отдать ближнимъ ихъ по законамъ наслѣдникамъ. И какъ по оному ея императорскаго величества высочайшему повелѣнію все описанное съ ними, бывшими Пушкиными, сего октября 5-го числа учинено, то чтобъ нигдѣ и ни въ какихъ дѣлахъ не называть ихъ Пушкиными, но бывшими Пушкиными, для должнаго исполненія всенародно симъ объявляется⁴⁾.

Нѣсколько ранѣ появленія этого указа, а именно: 24-го октября того же 1772 г. въ Архангельской губернской канцеляріи было получено сообщеніе Сената, разъяснявшее нѣкоторыя подробности преступленія. Въ немъ было сказано:

«Правительствующій сенатъ по именному ея императорскаго величества указу, писанному минувшаго сентября 25-го дня, за подписаніемъ ея величества собственной руки, на подносимомъ отъ Сената докладѣ, о преступленіяхъ капитана Сергѣя и сообщниковъ его присутствовавшаго въ мануфактуръ-коллегіи коллежскаго совѣтника Михайла Пушкиныхъ и также коллегіи вице-президента Федора Сукина, которые, по производимому объ нихъ, по именнымъ ея императорскаго величества указамъ, слѣдствію оказались и при томъ слѣдствіи сами повинились въ воровскомъ умыслѣ къ поддѣльванію подъ государственныя банковыя подложныхъ ассигнацій, изъ коихъ преступникъ Сергѣй Пушкинъ для исполненія того ихъ злодѣяства самымъ дѣломъ, по

⁴⁾ Указъ этотъ напечатанъ 31-го октября 1772 г.

общему ихъ согласію, подъ видомъ намѣренія къ цѣлительнымъ водамъ ѣздилъ изъ Россіи въ чужіе края, гдѣ, сдѣлавъ служащіе къ тому воровскому поддѣльванію инструменты, яко то литеры, нумеры и степенели, онъ, Сергѣй Пушкинъ, ввезъ въ Россію, кои при томъ его въѣздѣ, по осмотру въ Нейгаузинѣ на таможенной заставѣ, у него найдены, съ чѣмъ онъ и арестованъ. А для дѣланія потребной имъ на тѣ подложныя ассигнаціи бумаги, тамъ же была сдѣлана форма съ намѣреніемъ, изготовя по оной бумагу, ввезъ въ Россію тайно; а по ввозѣ бумаги намѣрены они были, напечатавъ на оной подложныя ассигнаціи, подъ руки тѣхъ, кто государственныя ассигнаціи подписываютъ, подписываться самимъ, и для своего злаго приобрѣтенія оныя отъ себя выпускать, обмѣнивая на деньги, и употребляя на покупку товаровъ и вещей;—чего однако въ самомъ дѣлѣ, не только не произошло, но и бумаги сдѣлано еще не было,—за которое воровство мѣсяцами опредѣленныхъ слѣдователей и заключенными въ юстицъ-конторѣ сентенціями, по силѣ законовъ, присуждено: оныхъ Сергѣя и Михаила Пушкиныхъ и Федора Сукина, лиша чиновъ и дворянскихъ достоинствъ, казнить смертію, а до воспослѣдованія о смертной казни указа, по содержанию указовъ же 1754 и 1769 годовъ, учинить имъ наказаніе публично кнутомъ, вырѣзавъ поздри и заклеяя указными литерами, сослать въ Нерчинскъ въ каторжную работу; имѣніе жъ ихъ конфисковать, съ чѣмъ и Сенатъ былъ согласенъ, присуждая только Федору Сукину нѣкоторое облегченіе отъ тѣлеснаго наказанія, въ разсужденіи, чрезъ объявленіе его о намѣреніи Пушкиныхъ, поданнаго случая и средства ко отвращенію вреда того ими приуготовляемаго.

«Въ предписанномъ же именномъ ея императорскаго величества указѣ написано, со обыкновеннымъ ея императорскаго величества милосердіемъ къ человѣчеству, взирая на воровское преступленіе бывшихъ коллежскаго совѣтника Михаила Пушкина, брата его, откинутаго отъ службы Сергѣя Пушкина и вице-президента Федора Сукина, и находя, что оное еще не произвело того дѣйствительнаго вреда, на который строгость законовъ обращается, ея императорское величество повелѣваетъ:

«Перваго, какъ преступника и человѣка презрѣвшаго общую къ себѣ довѣренность, по знатности своего чина и мѣста, а второго уже напередъ своими безчестными дѣлами въ публикѣ оглашеннаго, не имѣвшаго потому и достоинства ея довѣренности, слѣдственно не какъ подвергающагося наказанію по такому воровскому дѣлу въ равной степени съ первымъ по единому своему съ нимъ заговору и соглашенію; но какъ при томъ особенно себя употребившаго въ поѣздку въ чужіе края для поддѣльванія тамъ инструментовъ и бумаги на подложныя банковыя ассигнаціи, и тѣмъ самымъ болѣе другихъ заботившагося о произведеніи въ дѣйство сего вреднаго государственному кредиту воровства, лиша

дворянства и чиновъ, вывести на эшафотъ и преломить надъ головами ихъ шпаги, а потомъ Михаила Пушкина сослать въ ссылку въ дальнія сибирскія мѣста, а Сергѣя Пушкина сослать на вѣчное заключеніе, какъ негоднаго и навсегда вреднаго въ обществѣ человѣка, въ какую ни есть отдаленную крѣпость и публиковать во всей имперіи, чтобы обоихъ сихъ преступниковъ не называть Пушкиными, но бывшими Пушкиными; имѣнія жъ обоихъ отдать ближнимъ ихъ по законамъ наслѣдникамъ. А Федора Сукина, въ разсужденіи примѣченнаго въ немъ напередъ колебанія совѣсти, чрезъ что и все ихъ вредное предпріятіе открылось, а потому и Сергѣй Пушкинъ пойманъ, слѣдовательно, уважа болѣе его неокамѣнѣлость въ преступленіи, нежели дѣйствительную вину его, повелѣваетъ ея императорское величество, лиша чиновъ, сослать въ Оренбургскую губернію.

«И во исполненіе того ея императорскаго величества указа, приказали предписанное въ ономъ высочайшемъ указѣ исполненіе учинить юстицъ-конторѣ; и изъ нихъ преступниковъ разослать:

«Михайла Пушкина для ссылки въ Енисейскъ, къ сибирскому, Сергѣя Пушкина для вѣчнаго заключенія Архангелогородской губерніи въ Пустозерскомъ острогѣ, къ архангелогородскому, а Федора Сукина на вѣчное въ Оренбургской губерніи житье—къ оренбургскому губернаторамъ. Во время жъ содержанія Сергѣя Пушкина въ помянутомъ острогѣ въ заключеніи, кормовыхъ денегъ по 10 коп. на день производить ему отъ оной Архангелогородской губернской канцеляріи».

Далѣе мы имѣемъ свѣдѣнія только объ одномъ Сергѣѣ Пушкинѣ.

3-го ноября 1772 года онъ былъ уже привезенъ въ Архангельскъ и вскорѣ отправленъ въ Пустозерскъ, до котораго считалось отъ Архангельска 996 верстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-прокуроръ князь Вяземскій предписалъ архангельскому губернатору Головцыну принять строжайшія мѣры, чтобы С. Пушкинъ, какъ дерзкій и отважный человѣкъ, изъ Пустозерска уйти не могъ.

Архангельскій губернаторъ Головцынъ, съ своей стороны, дѣйствительно принялъ всѣ мѣры, чтобы заточенный «какого-либо зла или утечки учинить не могъ». Къ нему былъ приставленъ особый караулъ изъ сержанта и четырехъ солдатъ; составъ караула перемѣнялся по прошествіи года. Относительно содержанія заключеннаго составлены подробнѣйшія наставленія какъ комиссару Пустозерскаго острога, такъ и караулу. При этомъ были предусмотрѣны малѣйшія мелочи: какъ укрѣпить полы, окна, двери, трубу и т. п.; въ помѣщеніи заключеннаго поставленъ постоянный часовой съ ружьемъ; остальной караулъ долженъ былъ находиться тутъ же. Вести посторонніе разговоры, допускать кого-либо къ арестанту или выпускать его, а равно давать бумагу и чернила строжайше запрещалось. О состояніи караула и преступника комиссару

предписывалось рапортовать при каждой оказіи, а подъ конецъ пребыванія въ Пустозерскѣ—ежемѣсячно. Сержантъ, бывшій въ караулѣ, послѣ сдачи его долженъ былъ являться къ губернатору и доложить, какъ ведетъ и чувствуетъ себя арестантъ, а также о томъ, не были ли нарушены предписанія о содержаніи его комиссаромъ. Кромѣ того караульный сержантъ могъ посылать, черезъ комиссара, донесенія губернатору въ запечатанныхъ пакетахъ.

Хотя о преступленіи и наказаніи Пушкиныхъ было сдѣлано всенародное объявленіе, однако во все время пребыванія въ Пустозерскѣ до 1781 года, а потомъ въ Соловецкомъ монастырѣ до 1785 года, С. Пушкинъ числился секретнымъ арестантомъ, и вся переписка о немъ велась «секретно».

Помимо казенныхъ кормовыхъ денегъ Пушкинъ имѣлъ также свои; при пріѣздѣ у него было 60 руб.; въ январѣ 1774 г. было прислано 93 руб. за проданныя на аукціонѣ его пожитки; въ ноябрѣ 1778 года онъ получилъ еще 100 рублей. Деньги хранились у комиссара; выдавать ихъ предписано по очень небольшой суммѣ.

Головцынъ, будучи очень педантичнымъ въ предписаніяхъ строгаго смотрѣнія за преступникомъ, въ то же время въ каждомъ ордерѣ къ комиссару предписывалъ слѣдить, чтобы преступнику «никакихъ прищѣпокъ и изуренія не дѣлали и деньгами его не корыстовались».

Несмотря на строгость надзора за судьбою заточеннаго со стороны губернатора, ему приходилось терпѣть отъ злоупотребленій комиссара подпоручика Орѣховцова, который въ 1777 году былъ отрѣшенъ отъ должности, потому что оказался «въ разныхъ противныхъ законамъ поступкахъ».

Въ мартѣ 1773 года Головцынъ писалъ коменданту Орѣховцову:

...«Еще къ немалому моему сожалѣнію и удивленію дошло до меня свѣдѣніе, что тотъ покой, въ которомъ оный преступникъ сидитъ, очень холодный, и топятъ два раза въ сутки и болѣе, а на немъ только одежды—рубашка и чулки, и оный угараетъ безъ памяти, и хотя вамъ о томъ отъ караула рапортовано, но вы ничего не принимаете. И проговаривали, что то дѣлаютъ нарочно, и буде то правда, то, конечно, вашъ поступокъ не соотвѣтствуетъ не точію съ христіанскою должностію ниже съ человѣколюбіемъ и моими предписаніями, равно и съ оказанною ему, по высочайшей конфирмаціи, милостію; какъ же съ нимъ, преступникомъ, отсель платья не мало пошло, между которыми шуба, сюртукъ и душегрѣйка есть, а чтобъ оныя отъ него отбирать, того также отъ меня къ вамъ писано не было, и буде, паче чаянія, все то отправленное отъ него, Сергѣя, отобрано, то ему возвратитъ въ цѣлости, дабы онъ въ покоѣ шубами одѣваться и фуфайку на себѣ, при случаѣ холода, имѣть могъ; а два раза въ день не топить, а единожды, но и то съ умѣ-

ренностию, чтобы никакого зноу и угару не было; а ежели отъ неумѣреннаго топленія оный преступникъ угоритъ и умретъ, то подвергнете себя жесточайшему наказанію».

Незадолго до удаленія Орѣховцова отъ службы открылось еще злоупотребленіе по отношенію С. Пушкина. «На всѣ случающіяся поправленія того дому, въ коемъ преступникъ содержится, деньги употребляются изъ собственныхъ того преступника». Но какъ денегъ было уже мало, то караульный сержантъ рапортовалъ объ этомъ губернатору. Головцынъ распорядился, такъ какъ домъ мірской, то и чинить его на мірскія средства.

Въ началѣ 1781 года послѣдовало распоряженіе перевести С. Пушкина, по высочайшему соизволенію, изъ Пустозерскаго острога въ Соловецкій монастырь. Что было причиной перевода—изъ дѣла не видно. Быть можетъ низведеніе Архангельска изъ губернскаго въ областной городъ Вологодскаго намѣстничества ¹⁾. 18-го іюля онъ уже былъ тамъ. Передъ нами лежатъ 5 рапортовъ Соловецкаго архимандрита Іеронима, которые онъ посылалъ по два раза въ годъ въ Вологодское намѣстническое правленіе; послѣдній отъ 6-го октября 1783 года. Во всѣхъ этихъ рапортахъ онъ увѣдомляетъ, что «секретный колодникъ житіе препровождалъ смиренное, никакихъ отъ него продерзостей и никому безпокойствъ не происходило».

На этомъ кончаются наши свѣдѣнія о судьбѣ С. Пушкина ²⁾.

Сообщилъ І. Блиновъ.

¹⁾ Въ 1780 году Архангельскъ былъ лишенъ самостоятельнаго административнаго значенія и переименованъ изъ губернскаго въ областной городъ и присоединенъ вмѣстѣ съ Холмогорами къ новоучрежденному вологодскому намѣстничеству, подчиненному ярославско-вологодскому генералъ-губернатору Мельгунову.

²⁾ Въ статьѣ Колчина „Ссылные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ“ („Русская Старина“, 1887 г., № 12, 608 — 609) сказано, что бывшій Пушкинъ въ 1785 году былъ неизвѣстно куда увезенъ изъ Соловецкаго монастыря. Въ обозначеніи года очевидно вералась типографская ошибка, такъ какъ въ вѣдомостяхъ о соловецкихъ заключенныхъ, бывшій Пушкинъ значится включительно до 1794 года, а съ 1795 года его не встрѣчается. Поэтому напечатанный 1785 годъ надо считать за 1795 годъ.

Академикъ А. А. Куникъ.

(Биографическая замѣтка къ его портрету).

ристъ Аристовичъ (Эрнестъ-Эдуардъ) Куникъ, родился въ деревнѣ Грановицахъ (по-нѣмецки Gränvitz) въ Прусской Силезіи, близъ гор. Яуэра (по-польски Яворжъ), въ 1814 году, 2-го (14-го) октября. Отецъ его, Эрнестъ Фридрихъ Куникъ былъ помѣщикъ, и по кончинѣ его въ 1857 г., имѣніе его цѣнилось въ 20 тыс. талеровъ. Селеніе Грановицы состояло изъ 14 помѣщичьихъ дворовъ и было древне-протестантскимъ селомъ, устоявшимъ противъ натисковъ и махинацій со стороны австрійскихъ іезуитовъ. Первоначально, вѣроятно со времени татарскаго нашествія въ XIII вѣкѣ, Грановицы было польское селеніе потомковъ Грана. Такъ какъ тихая долина Грановицкая была опустошена татарами, то польскіе владѣльцы этого села призвали новыхъ поселенцевъ, болѣе искусныхъ земледѣльцевъ-нѣмцевъ, которые и передѣляли названіе Грановицы въ нынѣшнюю Греновиць и Грэнвиць.

Родиною своей покойный академикъ очень интересовался и въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни составлялъ для своихъ земляковъ исторію селенія и жертвовалъ нѣкоторыя суммы на церковь и школу въ Грановиць. Кромѣ того, онъ живо интересовался литературою о поэтѣ Гюнтерѣ, вліяніе котораго на Ломоносова онъ впервые указалъ при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи русскаго стихосложенія. Гюнтеръ, какъ извѣстно, также силезецъ, родился въ Стригау, недалеко отъ Грановиць. До конца своей жизни А. А. Куникъ оставался во многомъ силезцемъ: любилъ чистоту силезскаго холста, не ѣлъ никогда грибовъ и мало рыбу. Въ молодые годы Аристъ Аристовичъ писалъ стихи о тихой долинѣ Грановицкой, колыбели его дѣтства, съ которой связаны

были мечты его молодости. Здѣсь остались грустныя тѣни любимыхъ покойныхъ его отца и матери:

Du lieblich Thal, der Kindheit Wiege
Du freundlich Dorf, ich grüsse dich.

У Ариста Аристовича уже съ раннихъ лѣтъ, пробуждались склонности къ историческимъ занятіямъ. Съ десятилѣтняго возраста онъ съ увлеченіемъ слушалъ рассказы отца, что на ихъ полѣ находили иногда слезницы, а у сосѣдей черепки могильныхъ горшковъ или похоронныхъ урнъ.

Поступивъ въ гимназію въ Лигницѣ, А. А. Куникъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ лекціи Громатки (Hromatki), читавшаго исторію Силезіи по учебнику Зоргенбессера. Во время пасхальнаго экзамена, будучи первымъ ученикомъ въ классѣ, онъ поразилъ своего учителя подробнымъ отвѣтомъ на вопросы объ австрійскомъ періодѣ силезской исторіи. По собственному разсказу покойнаго, въ VIII классѣ (Prima) учитель г. Вернеръ задалъ ученикамъ тему «Описаніе города Лигница» и работа А. А. Куника, оказалась лучшею.

— Много умнаго, говорилъ Аристъ Аристовичъ впоследствии, въ моемъ сочиненіи врядъ ли заключалось, но я писалъ съ такимъ вдохновеніемъ, что увлекъ съ собой и своего учителя.

Дальнѣйшія историческія розысканія убѣдили Куника, что правильное изученіе исторіи Силезіи немыслимо безъ знанія польскаго языка и польской исторіи. Такимъ образомъ исторія Силезіи заставила его изучать вообще исторію Польши и польскаго народа, что служило мостомъ для перехода Куника къ изученію историческихъ судебъ славянскихъ народовъ.

Въ зимнемъ полугодіи 1835—1836 гг., онъ слушалъ лекціи у Штенцеля (Stenzel) въ Бреславлѣ, объ исторіи наполеоновскихъ войнъ 1811—1815 гг., исторію Силезіи и объясненіе юридическихъ памятниковъ саксовъ (Sachsenspiegel). Штенцеля Аристъ Аристовичъ уважалъ какъ основателя научнаго изслѣдованія исторіи Силезіи, но его незнаніе польскаго языка считалъ недостаткомъ.

Изъ Бреславля Куникъ перешелъ въ 1836 г. въ Берлинскій университетъ, гдѣ ему въ философіи Гегеля открылись новыя воззрѣнія на исторію человечества вообще и на нравственное значеніе государственной жизни.

Въ маѣ 1838 года университетское образованіе Ариста Аристовича окончилось. Черезъ годъ мы его находимъ уже въ Москвѣ, кажется въ качествѣ домашняго учителя, куда переселился онъ изъ Варшавы. Его рекомендовали какъ человѣка знающаго М. П. Погодину, въ то время издававшему «Москвитянинъ». По приглашенію издателя, въ

1841 году Куникъ напечаталъ первую свою статью ¹⁾ подъ заглавіемъ «Разборъ сочиненія: Энциклопедія законовѣдѣнія. К. Неволіна». Издатель «Москвитянина» сопровождаетъ эту статью слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Г. Куникъ, молодой прусскій ученый, изъ Берлина, посвятившій себя историческимъ занятіямъ, пріѣхалъ на время въ Москву для изученія русской исторіи и по просьбѣ нашей написалъ это извѣстіе по нѣмецки. Г. Куникъ перевелъ все сочиненіе г. Неволіна на нѣмецкій языкъ и оно вскорѣ будетъ напечатано въ Берлинѣ. Нельзя не удивляться геройской неустрашимости, съ коими онъ совершилъ этотъ подвигъ. Послушаемъ какой судъ произнесетъ Неволіну ученая Германія, а ученая Россія все еще молчитъ». Въ ч. II и III того же «Москвитянина» напечатана вторая статья Куника: «Литература исторіи въ Германіи за два послѣдніе года. Съ нѣмецкаго перевелъ П. Пятериковъ», вызванная полное одобреніе Погодина, такъ какъ въ примѣчаніи издателя говорится: «Помѣщая это обзорѣніе, написанное по моему вызову, именно для «Москвитянина» г. Куникомъ, надѣюсь угодить образованнымъ читателямъ. Кажется нѣтъ ему подобнаго ни въ одномъ иностранномъ журналѣ, ни въ одномъ языкѣ».

До сихъ поръ неизвѣстно, съ какого года русскіе знакомые и друзья Куника стали называть его Аристъ Аристовичемъ. Еще въ 1840 г. К. Неволінь, и кажется также Н. Надеждинъ и Вилярскій называютъ Куника Иваномъ Петровичемъ, другіе Александромъ Петровичемъ.

Всѣ свои сочиненія до 1850-хъ годовъ, Куникъ печаталъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но со своими русскими знакомыми старался говорить по славянски и самъ рассказывалъ, что съ Константиномъ Аксаковымъ онъ бесѣдовалъ во время своего перваго пріѣзда по польски.

Куникъ пріѣхалъ въ Россію не только съ обширными знаніями по современной исторіографіи, но и съ богатыми свѣдѣніями въ славянской исторіи и филологіи. Ему не чужды были интересы западныхъ славянъ, и будучи академикомъ, а затѣмъ, послѣ смерти Коркунова, въ 1858 г. директоромъ академической библіотеки, онъ заботился о выписываніи славянскихъ книгъ и журналовъ, составленіи систематическихъ и алфавитныхъ каталоговъ книгъ на сербскомъ, хорватскомъ, чешскомъ, болгарскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ. Благодаря его славянской симпатіи, при русскомъ отдѣленіи библіотеки Академіи основанъ былъ славянской отдѣлъ книгъ, написанныхъ на разныхъ славянскихъ языкахъ, отдѣлъ отличающійся нѣкоторой полнотой и такими экземплярами, которыхъ нѣтъ въ Императорской публичной библіотекѣ.

Послѣ краткаго пребыванія въ Москвѣ Аристъ Аристовичъ въ

¹⁾ См. „Москвитянинъ“ 1841 г., ч. I, стр. 582—587.

1841 г. возвратился въ Германію, но былъ встрѣченъ тамъ не особенно сочувственно: ни въ Берлинѣ, ни въ Лейпцигѣ онъ не могъ найти издателя для своихъ переводовъ и извлеченій изъ русскихъ сочиненій. Главная причина по его словамъ была та, что онъ хорошо отзывался о Россіи. Такимъ образомъ остался ненапечатаннымъ его переводъ «Энциклопедіи законовѣднія Неволіна». К. Неволінь въ письмѣ къ Кунику, отъ 22 октября 1840 года, не только сердечно благодарить за переводъ, но и изъявляетъ готовность давать нужныя поясненія. Относительно же 2-го тома проситъ Куника новую исторію положительнаго законовѣднія оставить до времени безъ перевода, потому что эта часть книги должна вскорѣ получить значительныя дополненія.

Свѣтлыхъ дней Аристъ Аристовичъ Куникъ не дождался въ своемъ отечествѣ и по совѣту М. П. Погодина въ ноябрѣ 1842 года пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и погрузился въ работы по славянскимъ древностямъ и русской исторіи. Потомъ онъ занялся изслѣдованіемъ вопроса о призваніи финнами и славянами шведскихъ Родзовъ, но вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи сильно беспокоилъ его. Между тѣмъ изслѣдованіе Куника обратило на себя вниманіе Аделунга и ему пришла мысль представить его къ избранію въ адъюнкты Академіи.

16-го февраля 1844 г. Куникъ былъ опредѣленъ въ сверхштатныя хранители русскихъ монетъ и древностей при Нумизматическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ, а 5-го октября послѣ смерти Круга онъ былъ избранъ въ адъюнкты Академіи по русской исторіи. Всѣмъ извѣстно, какъ много сдѣлалъ Аристъ Аристовичъ въ области древнерусской нумизматики, дающей положительныя данныя о древней русской торговлѣ и взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, посѣщавшихъ Россію и Азію въ разное время. Положительныя свѣдѣнія по нумизматикѣ доставили Кунику видное служебное положеніе. Въ Императорскомъ эрмитажѣ съ 1859 г. онъ былъ опредѣленъ хранителемъ русскихъ монетъ, а съ 1886 года старшимъ хранителемъ 5-го класса. Въ 1860 г. вышло историко-нумизматическое изслѣдованіе Куника «О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I-го Владиміровича съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца». Сочиненіе это, результатъ ученаго спора его г. Кѣне, написано въ самое краткое время и отличается свѣжестью изложенія и окончательностью выводовъ. Онъ самъ рассказывалъ, что это сочиненіе имъ написано съ научнымъ увлеченіемъ. Отличительная особенность этого труда заключается въ томъ, что Куникъ доказалъ возможность чеканки русско-византійскихъ монетъ въ кievской Руси X и XI вѣковъ.

22-го мая 1850 года Аристъ Аристовичъ Куникъ былъ избранъ въ экстраординарные академики и въ этомъ званіи оставался до дня своей кончины. Занимаясь исторіею Академіи, онъ пришелъ къ убѣжденію,

что Академія должна стоять ближе къ жизни русскаго народа, и съ этой цѣлю по его почину и подъ его редакторствомъ стали издаваться «Ученныя записки по 1-му и 3-му Отд. Император. Акад. Наукъ».

Мысли Ариста Аристовича Куника, изложенныя во введеніи къ Запискамъ, обратили на себя вниманіе новостью взглядовъ на историческую науку. Въ 1855 году онъ писалъ: «я теперь уже 4-й годъ редактирую «Ученныя записки I и III отдѣленій» и буду радъ передать главное управленіе непрѣмному секретарю. Мнѣ же, по существу дѣла, остается продолжать отдѣлъ «Историческіе матеріалы и разысканія», который пріобрѣлъ особую важность для представителей русской и византійской исторіи. Это вполне соотвѣтствуетъ моему желанію. При участіи другихъ литературныхъ силъ и при условіяхъ соотвѣтственнаго вознагражденія за труды, этотъ отдѣлъ превратился бы со временемъ въ сборникъ матеріаловъ для источниковѣдѣнія по славянской и византійской исторіи».

Предпринятому Куникомъ другому изданію подъ заглавіемъ «Русскій Архивъ» не суждено было явиться въ свѣтъ и остались только корректурные листы. Девизомъ этого изданія Аристъ Аристовичъ избралъ слова Туманскаго: «Не должно думать, что это мелочи; иногда самая краткая записка, самое маловажное обстоятельство разливааетъ великій свѣтъ въ бытописаніи особливо потому, что при таковыхъ краткихъ запискахъ выражаются ясно имена, мѣста, годъ, мѣсяць и число».

Ученые труды Куника все болѣе и болѣе обращали на себя вниманіе и 25-го января 1877 года Совѣтъ Императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ увѣдомилъ Академію наукъ, что во вниманіе ученыхъ заслугъ гг. академикомъ А. А. Куника, В. Я. Буныковского, А. Ѳ. Бычкова и К. С. Веселовскаго онъ, въ день юбилея Академіи, избралъ перваго въ доктора исторіи, а остальныхъ лицъ въ почетные члены университета ¹⁾. Аристъ Аристовичъ Куникъ усмотрѣлъ въ этомъ чуть-ли не интригу и сильно пенялъ Александру Александровичу Котляревскому, представившему его вмѣстѣ съ Иконниковымъ въ историко-филол. отдѣленіи. Послѣдній объяснилъ А. А., что возведеніе его въ доктора исторіи кіевскаго университета совершилось бы рано или поздно, а юбилей былъ только предлогомъ, чтобы достойно почтить Академію. Собственно же относительно его поступили вполне правильно и безобидно, такъ какъ на первомъ и главномъ планѣ должна быть русская исторія и достойные труды Куника по сей части.

«Я цѣню оказанную мнѣ честь, отвѣчалъ А. А., могу это сказать безъ притворства, тѣмъ болѣе, что этою честью я обязанъ ученому

¹⁾ Зап. И. А. Н. 1877 г. 29. протоколы, стр. 130.

собранію, засѣдающему въ градѣ, который съ тѣмъ же правомъ можетъ гордиться именемъ матери русскихъ лѣтописей какъ и именемъ матери русскихъ городовъ»...

Хотя Аристъ Аристовичъ мало писалъ для большой публики, но имя его было извѣстно почти всѣмъ ученымъ не исключая и молодыхъ. «Есть въ Петербургѣ какая-то таинственная личность, которой на портрета, ни изображенія нигдѣ не увидишь, которой толпа совсѣмъ не знаетъ, но знакомство съ которой человѣка, не чуждаго наукъ, поднимаетъ, возвышаетъ и воодушевляетъ на трудъ».

И дѣйствительно только послѣ его смерти удалось въ одномъ конвертѣ съ надписью «Grapovici» найти его фотографическую карточку, сдѣланную на жесте, вѣроятно много лѣтъ тому назадъ. Съ нею фотографъ Каминскій и переснялъ прилагаемый портретъ.

Для пріѣзжихъ иностранцевъ какъ средняго такъ и высшаго общества А. А. Куникъ былъ любимымъ «чичероне», особенно по Петровской галлерей Эрмитажа, и постоянно говаривалъ, что молодые ученые и хранители эрмитажныхъ коллекцій слишкомъ сухо объясняютъ исторію богатыхъ собраній нашей столицы.

Лучшей характеристикой личности Куника служатъ его письма къ Погодину и Строеву. Въ извѣстномъ сочиненіи «Жизнь Строева», изданномъ Барсуковымъ въ 1878 г., и въ многотомномъ его соч. «Жизнь Погодина» приведено не мало данныхъ о Куникѣ, его заслугахъ для русской хронологіи, исторіи и этнографіи. О покойномъ можно сказать то же самое, что Строевъ писалъ ему о себѣ: «Въ неоконченныхъ трудахъ моихъ вы увидите, разумѣется въ свое время, и, надѣюсь, удостовѣритесь, что я нѣкогда что-нибудь дѣлалъ, хлопоталъ, но къ сожалѣнію, не могъ кончить и выдать». Такъ и Аристъ Аристовичъ, всю жизнь свою посвятившій русской исторіи, былъ въ Археографической комиссіи—хронологомъ, въ Эрмитажѣ—нумизматомъ, въ Академіи—первымъ знатокомъ первоначальной исторіи Россіи, исторіи Академіи и русской образованности XVIII вѣка, въ Лингвистическомъ кружкѣ—представителемъ исторической филологіи. По всѣмъ этимъ спеціальностямъ много работалъ: вѣчно хлопоталъ и горячо сочувствовалъ всякому чисто научному предпріятію.

Въ концѣ декабря 1898 года Аристъ Аристовичъ заболѣлъ инфлюенцею и послѣ долгой борьбы жизни со смертью скончался 18-го января настоящаго года. Похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ 21-го числа.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

Баронъ (впослѣдствіи графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ окончилъ курсъ въ Царскосельскомъ лицей, служилъ сначала въ министерствѣ юстиціи и въ комиссіи составленія законовъ. Затѣмъ въ теченіе пяти лѣтъ состоялъ при графѣ Сперанскомъ во второмъ отдѣленіи Собственной его императорской величества канцеляріи. Съ 1831 года управлялъ дѣлами Комитета Министровъ, съ 1834 года былъ государственнымъ секретаремъ, а въ 1843 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ 1849 по 1861 гг. Модестъ Андреевичъ, будучи директоромъ Императорской публичной бібліотеки, совершенно обновилъ и преобразовалъ ее, испросивъ увеличеніе средствъ, облегчилъ доступъ въ бібліотеку и основалъ особый отдѣлъ иностранныхъ книгъ о Россіи (Rossica). Въ 1861 году баронъ Корфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ Собственной его императорскаго величества канцеляріи, а въ 1864 году предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта. Въ 1872 году онъ возведенъ въ графское достоинство¹⁾.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра II, и именно въ декабрѣ 1856 года на М. А. Корфа было возложено собраніе матеріаловъ для полной біографіи и исторіи царствованія императора Николая I и съ этою цѣлью подъ его предсѣдательствомъ была образована особая комиссія. Собранные комиссіею матеріалы по

¹⁾ Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о графѣ М. А. Корфѣ см. графъ М. А. Корфъ В. В. Стасова „Русская Старина“ 1876 г. т. XV стр. 402—421; Воспоминаніе о графѣ М. А. Корфѣ Я. К. Грота, тамъ же стр. 422; Графъ М. А. Корфъ А. Ф. Бычкова. Древняя и новая Россія 1876 г. № 4 стр. 324 и замѣтки, помѣщенныя въ разныхъ книжкахъ „Русск. Арх.“. Р е д .

повелѣнію въ Бозѣ почившаго императора Александра III переданы въ Императорское Русское Историческое общество. Въ числѣ этихъ матеріаловъ поступили въ распоряженіе правительства, для пользованія ученыхъ, переданныя М. А. Корфомъ и имъ самимъ составленныя выдержки изъ его записокъ, которыя съ соизволенія Государя Императора и печатаются на страницахъ «Русской Старины».

I.

Предисловіе барона М. А. Корфа.—Черты характера императора Николая I.—Дѣло Ѳ. Ѳ. Гежельнскаго.—Возвышеніе таможенныхъ сборовъ.—Недоразумѣніе, случившееся въ Государственномъ Совѣтѣ.—Собственноручный рескриптъ императора Николая графу В. П. Кочубею.

Настоящія тетради содержатъ въ себѣ выборку изъ дневника, веденаго мною съ 1838 по 1852 годъ, и нѣсколько немногихъ замѣтокъ моихъ за предшешіе ему годы.

Въ этотъ періодъ времени, протекшій для меня среди лицъ и дѣлъ высшаго нашего управленія и въ приближенности къ особѣ почившаго теперь въ Бозѣ незабвеннаго монарха, каждый день приносилъ съ собою обильную жатву для современныхъ записокъ. Многое изъ видѣннаго и слышаннаго, изъ прожитаго и прочувствованнаго, я тотчасъ клалъ на бумагу; но всепоглощающій водоворотъ жизни и службы не всегда оставлялъ мнѣ довольно досуга, или довольно сосредоточенности, чтобы записывать все: оттого въ дневникѣ моемъ являются не одинъ перерывъ общей нити разсказа, не одна бѣлая страница, оттого же и представляемая здѣсь извлеченія изъ него имѣютъ характеръ и форму лишь отрывковъ. Впрочемъ, они и не вполне передаютъ его содержанія. Для многаго не наступило еще время гласности и можетъ быть, что даже и въ томъ, что внесено теперь въ мою выборку, я иногда слишкомъ говорливъ или слишкомъ отваженъ. Въ полномъ своемъ составѣ завѣтныя мои тетради могутъ, по самому ихъ назначенію, развернуться тогда только, когда уже давно не будетъ ни меня, ни людей моей эпохи, съ двигавшими ихъ страстями. Я не хочу быть доносчикомъ и никогда не умѣлъ быть льстецомъ.

Первоначально я думалъ распредѣлить мои извлеченія по категориямъ и дать имъ нѣкоторый систематическій порядокъ, но потомъ нашелся принужденнымъ отказаться отъ такого плана по двумъ причинамъ: во 1-хъ, моего матеріала не стало бы для наполненія всѣхъ категорій и вообще для чего нибудь всесторонняго, въ особенности же за время до 1838 года, когда я записывалъ такъ мало, или почти ни-

чего не записывалъ; во 2-хъ, переливать позднѣйшія замѣтки (т. е. съ 1838 года) въ другую, методическую форму, значило бы отнять у нихъ тотъ характеръ перваго впечатлѣнія, ту свѣжесть современности, въ которыхъ, быть можетъ, заключается все ихъ достоинство. Это рѣшило меня размѣстить мои отрывки здѣсь, какъ и въ подлинникѣ, въ порядкѣ хронологическомъ, въ томъ самомъ порядкѣ какъ лился потокъ современной жизни. Отъ того они бѣгутъ одинъ за другимъ въ пестрой смѣси значительнѣйшаго съ маловажнымъ, мелкихъ приключеній, анекдотовъ, празднествъ, обиденныхъ словъ и пр., съ разказами о государственнѣхъ событіяхъ, съ изображеніемъ важнѣйшихъ дѣлъ эпохи и съ біографіями и характеристиками ея дѣятелей, какъ я зналъ и понималъ ихъ. Но каждый изъ этихъ отдѣльныхъ очерковъ самъ по себѣ всегда образуетъ нѣчто цѣлое и часто имѣетъ если не прямо внѣшнюю, то внутреннюю связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Читатель, перелистывая ихъ, будетъ какъ бы проходить галерею, въ которой развѣшены самыя разнородныя картины, изображающія то предметы внутренняго, домашняго быта, то высшіе историческіе сюжеты. Каждая изъ картинъ окаймлена своею особою рамкою, имѣетъ свой колоритъ, иногда мрачный, иногда улыбающійся; однѣ изъ нихъ отдѣланы съ болѣею тщательностію; другія—лишь слегка набросанные эскизы, смотря по досугу и расположенію духа живописца, или по степени важности самаго предмета.

Если принять въ соображеніе, изъ какихъ мутныхъ источниковъ часто принужденъ черпать историкъ; какъ трудно послѣдующимъ поколѣніямъ возсоздать изглаженные временемъ историческіе образы, со всѣми ихъ индивидуальными и характеристическими чертами; наконецъ какъ многозначительна была та эпоха и какъ велика та личность, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь,—то я могу казаться, безъ нескромности, ласкать себя надеждою, что замѣтки мои, несмотря на мелочность нѣкоторыхъ изъ нихъ, будутъ не совсѣмъ излишними для исторіи и для правильной оцѣнки императора Николая, съ окружавшею его сферою, придворною и правительственною. Эти замѣтки написаны, какъ я уже сказалъ, не по отдаленнымъ воспоминаніямъ, часто столь обманчивымъ, не годы спустя, а въ самый день, почти въ самую минуту событій, ихъ очевидцемъ и участникомъ, который могъ самъ иногда обманываться въ своемъ возрѣніи и въ своихъ приговорахъ, но никого не хотѣлъ преднамѣренно вводить въ обманъ.

Какъ нѣкогда было въ самой дѣйствительности, такъ и въ этихъ, отражающихъ ее листахъ, средоточіемъ всего является нашъ великій Николай, его духомъ, его личностію все здѣсь проникнуто; онъ всему придаетъ значеніе и цвѣтъ; къ нему одному сбѣгаются всѣ радіусы многосторонней общественной дѣятельности; во всякой эпизодической сценѣ проглядываетъ его величественный образъ; всѣ собранныя здѣсь очерки

нашей государственной, придворной и свѣтской жизни, въ длинной и разнообразной ихъ цѣпи, отъ него одного заимствуютъ свое единство!

Да сбудется пламенное мое желаніе: воздать этими листами хотя малѣйшую ленту благоговѣйной благодарности тому, которому я столькимъ, которому я всѣмъ былъ обязанъ, тому, которому нѣкогда исторія и потомство воздвигнутъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ памятниковъ сужденныхъ человѣку и монарху!

Дополненіемъ къ настоящимъ тетрадамъ могутъ служить: 1) историческое описаніе перваго дня царствованія императора Николая I, напечатанное въ 1854 году (въ 25-ти экземплярахъ), подъ заглавіемъ: «14 Декабря 1825 года», 2) описаніе болѣзни, кончины и погребенія великой княгини Александры Николаевны, и 3) Отдѣльное обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ¹⁾. Матеріалы перваго изъ сихъ трехъ сочиненій означены въ его предисловіи; оба послѣднія извлечены также изъ моего дневника.

Однимъ изъ пламеннѣйшихъ, весьма естественныхъ желаній императора Николая, по вступленіи его на престолъ, было—чтобы при коронаціи въ Москвѣ присутствовалъ и великій князь Константинъ Павловичъ; но давая только угадывать это желаніе, онъ не рѣшался облечь его въ форму просьбы и тѣмъ менѣе положительной воли. Князь Любецкій, въ то время министръ финансовъ Царства Польскаго, отважился сдѣлать это за него.

— Отъѣзжая тогда въ Варшаву, рассказывалъ онъ мнѣ впоследствии—я, при прощаніи съ государемъ и при выраженномъ имъ желаніи увидѣться скорѣе съ братомъ, осмѣлился сказать: *Sire, il faut qu'il arrive pour le couronnement à Moscou; il faut que celui qui Vous a cédé la couronne vienne aussi Vous la mettre à la face de la Russie et de l'Europe.*

— *La chose est infaisable et surtout improbable.*

— *Elle se fera, Sire!*

— *En tout cas, arrivé à Varsovie, allez baiser en mon nom les mains à la Princesse Lovicz ²⁾.*

¹⁾ Напечатано въ Сборникѣ „Императорскаго русскаго историческаго общества“, т. 98.

²⁾ Государь! Нужно чтобы онъ пріѣхалъ къ коронаціи въ Москву; надобно чтобы тотъ, кто уступилъ вамъ корону пріѣхалъ возложить ее на васъ въ глазахъ Россіи и Европы.

— Это вещь невозможная и невѣроятная.

— Она будетъ государь!

— Во всякомъ случаѣ, пріѣхавъ въ Варшаву, сходите поцѣловать отъ меня ручки княгини Ловичъ.

— Я понялъ этотъ намекъ, продолжалъ кн. Любецкій, и, по приѣздѣ въ Варшаву, обратился прямо къ княгинѣ Ловичъ. Сильное ея вліяніе убѣдило великаго князя неожиданнымъ своимъ приѣздомъ въ Москву обрадовать государя и успокоить Россію.

Однажды, въ первый годъ царствованія императора Николая, при откровенной бесѣдѣ, князь Любецкій выговорилъ ему множество истинъ относительно Россіи и его самого. Выслушавъ все благосклонно, государь вдругъ остановилъ своего собесѣдника вопросомъ:

— Да скажи, пожалуйста: откуда у тебя берется смѣлость высказывать мнѣ все это прямо въ глаза?

— Я вижу, государь, что кто хочетъ говорить вамъ правду, не въ васъ къ тому находить помѣху, и я дѣйствую по этому убѣжденію. Но власть—самая большая баловница въ мірѣ! Теперь вы милостиво позволяете мнѣ болтать и не гнѣваетесь, но лѣтъ черезъ десять, или и меньше, все перемѣнится и тогда, свыкнувшись съ всемогуществомъ, съ лестью и съ поклонничествомъ, вы за то, что теперь такъ легко мнѣ сходить, прикажете, можетъ быть, меня повѣсить.

— Никогда, сказалъ государь; я всегда буду радъ правдѣ и позволяю тебѣ тогда, какъ и теперь, если я стану говорить или дѣлать вздоръ, сказать мнѣ прямо: Николай, ты врешь.

— Года два послѣ того—продолжалъ Любецкій въ своемъ мнѣ объ этомъ разсказѣ—я опять приѣхалъ въ Петербургъ и явился къ государю. Въ этотъ разъ онъ принялъ меня чрезвычайно холодно, и даже не въ кабинетѣ, какъ прежде, а въ передней залѣ, и, оборотясь съ разсѣяннымъ лицомъ къ окошку, встрѣтилъ самыми сухими распросами о погодѣ, о дорогѣ и пр. Не было и тѣни прежней довѣрчивости, и я, разумѣется, сохранялъ съ моей стороны глубочайшій этикетъ, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ намековъ на прежнія бесѣды. Вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, государь оборотился ко мнѣ съ громкимъ хохотомъ и съ протянутою рукою:

— Что, хорошо ли я сыгралъ свою роль избалованнаго могуществомъ и лестью? сказалъ онъ.—Нѣтъ, я не перемѣнился и не перемѣнюсь никогда, и если ты въ чемъ не согласишься со мною, то можешь по-прежнему смѣло сказать: Николай, ты врешь!

Исторія управляющаго дѣлами Комитета Министровъ Гежелинскаго надѣлала въ свое время очень много шума ¹⁾. Въ публикѣ мало было

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ (1898 г. № 4 стр. 23—46) была напечатана статья „Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскимъ“.—Здѣсь же сообщаются нѣкоторыя подробности по этому дѣлу.

лицъ, которыя бы его любили; но тягость осужденія, постигшаго его при важности его поста; молва о невѣроятныхъ злоупотребленіяхъ въ Комитетѣ Министровъ, которыхъ онъ былъ виною; тайна, съ которою ведено было дѣло; наконецъ разные преувеличенныя, какъ всегда, слухи,—все это вмѣстѣ произвело родъ общаго сотрясенія, долго и послѣ отзывавшагося въ умахъ.

Вотъ очеркъ этого дѣла, по подлиннымъ актамъ.

Гежелинскій всю свою службу, отъ писца до званія управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, прошелъ въ канцеляріи этого Комитета. Безъ всякаго образованія, до такой степени, что онъ не зналъ ничего кромѣ русскаго языка, но съ большими природными дарованіями и необыкновенною тонкостію, владѣя притомъ даромъ слова и искуснымъ перомъ, онъ умѣлъ сперва, пока занималъ второстепенныя должности, входить въ милость къ своимъ начальникамъ, а потомъ, когда сдѣлался управляющимъ, приобрѣсть общее расположеніе членовъ Комитета, хотя очень часто шелъ имъ наперекоръ. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, бывъ уже управляющимъ, онъ пользовался особымъ довѣріемъ графа Аракчеева, столько же могущественнаго въ то время по дѣламъ Комитета, какъ и по всѣмъ другимъ частямъ. По удаленіи Аракчеева, съ восшествіемъ на престолъ императора Николая, отъ всѣхъ дѣлъ, Гежелинскій имѣлъ личный докладъ у государя, но только до коронаціи, т. е. до того времени когда личные доклады, за очень немногими изъятіями, вообще совсѣмъ прекратились. Въ два первые года этого царствованія дѣла Комитета имѣли самый быстрый ходъ. Множество его меморій, лежавшихъ неутвержденными въ кабинетѣ императора Александра, были очищены въ первые мѣсяцы и нельзя, по истинѣ, не удивляться дѣятельности и трудамъ канцеляріи Комитета въ продолженіе 1826 и 1827 годовъ.

Тутъ вдругъ все измѣнилось, Гежелинскій, увлеченный, какъ говорили, несчастною страстію къ распутной замужней женщинѣ, которая уносила у него и много времени и пропасть денегъ и съ которою онъ прижилъ нѣсколько дѣтей, сталъ видимо пренебрегать дѣлами, позволять себѣ несрочную отсылку къ государю меморій и другія упущенія. Главная ихъ причина, конечно, лежала въ этой страсти: ибо если задержаніе нѣкоторыхъ дѣлъ можно приписать корыстнымъ видамъ, въ которыхъ многіе подозрѣвали Гежелинскаго, то ничѣмъ другимъ нельзя объяснить остановку множества такихъ, гдѣ нисколько уже не могъ участвовать личный интересъ. Между тѣмъ государь тотчасъ обратилъ вниманіе на эти упущенія и съ 1828 года не проходило почти ни одной меморіи, ни одной бумаги, по которой не было бы дѣлаемо Гежелинскому собственноручныхъ высочайшихъ замѣчаній, сначала весьма умѣренныхъ, потомъ съ явными знаками неудовольствія и, наконецъ,

въ самыхъ уже сильныхъ выраженіяхъ справедливаго гнѣва. Въ 1829 г. замѣтивъ, что по бывшему въ Комитетѣ представленію Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова о наградахъ чиновниковъ справки брались три года, государь спросилъ о причинахъ сего, и когда Гежелинскій отвѣчалъ, что представленіе отложено было для совокупнаго разсмотрѣнія съ подобными же отъ министерствъ, но не могъ доказать, чтобы Комитетъ дѣйствительно это приказалъ, то государь на его докладѣ написалъ: «Изъ сего вы сами должны ясно видѣть, что не было никакой у в а ж и т е л ь н о й причины откладывать три года сряду разсмотрѣніе поступившаго дѣла, что я вамъ ставлю на видъ, строго подтверждая впредь отнюдь сего себѣ не позволять».

Вотъ нѣкоторыя изъ числа множества другихъ, гораздо еще сильнѣйшихъ замѣчаній:

1) Двѣ меморіи 30-го марта и 30-го іюля 1829 г. поднесены были въ октябрѣ. Государь написалъ: «Подобный безпорядокъ ничѣмъ не извинителенъ и я вынужденъ вамъ за сіе сдѣлать строгій выговоръ».

2) Четыре дѣла лежали очень долго безъ движенія; Гежелинскій оправдывался множествомъ другихъ занятій. Государь отмѣтилъ на его о томъ запискѣ: «Еслибъ вы лучше знали долгъ вашъ, то не вынуждали бы меня повторять вамъ столь часто мое неудовольствіе. Я предостерегаю васъ, что я на всякое терпѣніе есть мѣра».

3) При несвоевременномъ поднесеніи меморіи 24-го іюня 1830 г. послѣдовало замѣчаніе: «Вамъ не должно было задерживать меморіи 24-го числа, а прислать ее сей часъ по изготовленіи; тоже и меморію 28-го числа. Я вамъ сіе неоднократно приказывалъ и опять въ послѣдній разъ подтверждаю».

4) На донесеніе, отчего не было прислано въ свое время меморіи 23-го сентября 1830 года, государь выразилъ неудовольствіе свое слѣдующими словами: «Вамъ неоднократно приказывалъ я всегда увѣдомлять меня, при присылкѣ въ положенные дни меморій, будетъ ли представлена въ слѣдующій другой день меморія; но вы этого не соблюдаете; впередъ не забывайте, если вы не хотите, чтобы я другими способами вамъ оживилъ память и исправность; я до лѣнливыхъ не охотникъ: вы это должны знать».

Но убійственныя эти замѣчанія не дѣйствовали на Гежелинскаго; не дѣйствовали на него такъ же ни напоминанія предсѣдателя Комитета, князя (тогда еще графа) Кочубея, неоднократно официально ему выраженные, ни усиливавшіяся со-дня-на-день въ публикѣ жалобы. Онъ продолжалъ, оставаясь при своей должности, нисколько не заботиться объ исправленіи своихъ упущеній. Независимо отъ дѣлъ въ самомъ Комитетѣ, множество запросовъ отъ разныхъ министерствъ, иногда до десяти разъ по одному и тому же дѣлу повторенныхъ, лежали по

годамъ безъ отвѣтовъ, и съ каждымъ часомъ несчастный накоплялъ на себя болѣе и болѣе отвѣтственности. Въ дѣлахъ за 1830 годъ, когда все это постепенно еще усилилось, не видно и слѣда малѣйшаго съ его стороны стремленія выпутаться изъ этого лабиринта. Было ли то совершеннымъ самозабвеніемъ—плодомъ его страсти, или крайнею самонадѣянностію, внушавшею ему увѣренность, что онъ незамѣнимъ?—вотъ вопросы, которые остались нерѣшенными и на которые могъ бы отвѣчать только онъ самъ.

Между тѣмъ мѣра долготерпѣнія государя исполнилась. Меморія Комитета 12-го августа 1830 года о наградахъ по министерству юстиціи представлена была, вмѣсто установленнаго двухнедѣльнаго срока, черезъ два мѣсяца. Она выслана была обратно уже не къ самому Гежелинскому, какъ всегда дѣлалось, а къ князю Кочубею, съ слѣдующею собственноручною высочайшею резолюціею: «Сего дня—14-е октября. Меморія слушана 12-го августа, а мнѣ представлена 12-го октября. Какъ я неоднократно объявлялъ, что за подобныя непростительныя протѣжки строго взыщу и, несмотря на то, онѣ опять повторяются, то предписываю г. Гежелинскаго посадить подъ арестъ на сенатскую гауптвахту на трое сутокъ, съ занесеніемъ въ его формуляръ и съ опубликованіемъ въ сенатскихъ вѣдомостяхъ».

По особенному ходатайству князя Кочубея вторая часть этой резолюціи была отмѣнена, но первая приведена въ исполненіе и Гежелинскаго выдержали на гауптвахтѣ три дня. И это однако не подѣйствовало. Даже и послѣ такого позорнаго наказанія, Гежелинскій не подалъ въ отставку а, напротивъ, не постыдился явиться снова передъ министрами и передъ своими подчиненными. Онъ ждалъ послѣдняго удара гнѣвной судьбы!

25-го декабря 1830 года, въ день Рождества Христова, всѣ мы, по обыкновенію, явились во дворецъ къ выходу, и каждого пріѣзжавшаго встрѣчалъ вопросъ: «слышали ли вы, Гежелинскій посаженъ въ крѣпость?»

Разумѣется, что вѣсть эта въ одну минуту вездѣ разнеслась по всей столицѣ и притомъ сопровождаемая множествомъ вымышленныхъ разсказовъ. Говорили, что Гежелинскій обличенъ въ тайномъ участіи въ замыслахъ польскихъ бунтовщиковъ (польская революція только что передъ тѣмъ вспыхнула); что онъ продалъ бумаги Комитета полякамъ и проч. Словомъ, публика осуждала, по обыкновенію, и произносила приговоръ ничего не зная. А истинное дѣло было въ слѣдующемъ:

21-го декабря государь получилъ безымянный, мастерски составленный доносъ, надъ которымъ составитель и писецъ—если это были два разные лица—вѣрно долго трудились: составитель потому, что слогъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго характера и могъ принадлежать, одина-

ково, какъ государственному сановнику, такъ и низшему чиновнику, пишець потому, что на двухъ съ половиною листахъ почеркъ, на образецъ стариннаго, не только былъ совершенно однообразно выдержанъ, но и не представлялъ никакого слѣда особеннаго усилія, или даже вида поддѣлки.

Донось начинался такъ:

«Ваше императорское величество, принимая отеческія попеченія къ искорененію зла, существующаго въ дѣлахъ по гражданской части, изволите назначать частыя обревизованія губерній чрезъ г.г. сенаторовъ. Таковыя благодѣтельныя мѣры, если не вовсе искореняють зло по губерніямъ, то по крайней мѣрѣ уменьшаютъ оное. Напротивъ того зло, существующее подлѣ васъ, государь, и въ такомъ мѣстѣ, которое имѣетъ вліяніе на все государство, оставаясь многіе годы безнаказанно, превосходитъ нынѣ всякое вѣроятіе! Съ того времени, какъ поручено Гежелинскому управленіе дѣлами Комитета г.г. министровъ, злоупотребленіе и безпорядки водворились въ дѣлахъ Комитета».

За тѣмъ очень пространно исчислялись всѣ упущенія и злоупотребленія обвиняемаго. Вотъ, вкратцѣ, сущность главныхъ статей:

1) Дѣла отдѣляются во множествѣ изъ общихъ журналовъ въ особы, не для скорѣйшаго рѣшенія, а по небреженію заняться ихъ обработкою, чаще же для задержанія ихъ изъ корыстныхъ видовъ. Потомъ они лежатъ по нѣскольку лѣтъ и получаютъ по нѣскольку резолюцій. Докладывая ихъ повторительно, въ разныя засѣданія, при разныхъ членахъ, Гежелинскій выбираетъ любую ему резолюцію. Дѣла эти не показываются имъ ни въ какихъ отчетахъ и считаются въ видѣ оконченныхъ, какъ только разъ заслушаны въ Комитетѣ.

2) Когда, по дошедшимъ жалобамъ, государь потребовалъ вѣдомость всѣмъ неоконченнымъ дѣламъ, то Гежелинскій показалъ въ ней только тѣ, по которымъ надѣялся вывернуться изъ бѣды.

3) Гежелинскій «обманываетъ» государя и другими путями. По ходатайству цесаревича Константина Павловича, военный министръ представилъ, еще въ февралѣ 1829 года, о награжденіи чиномъ, при увольненіи отъ службы, 6-го класса Шаганова. Продержавъ это представленіе около полутора года и наконецъ доложивъ Комитету только 28-го іюня 1830 года, Гежелинскій отмѣтилъ его въ меморіи поступившимъ въ комитетъ 24-го того же іюня; по возвращеніи же меморіи отъ государя приказалъ писавшему ее чиновнику подчистить это ложное число и выставить настоящее, т. е. 12-е февраля 1829 года; причемъ подправленъ и собственноручный знакъ государя, сдѣланный, подъ положеніемъ Комитета, карандашомъ, въ означеніе высочайшаго согласія.

Почти въ каждомъ журналѣ, послѣ уже подписанія его членами, Гежелинскій мараетъ резолюціи въ желательномъ для него смыслѣ;

послѣ чего журналъ приказываетъ вновь переписать, пришивъ къ нему изъ прежняго только послѣдній листъ, на которомъ находятся подписи членовъ.

5) Отъ произвольнаго распредѣленія занятій, одни изъ чиновниковъ канцеляріи Комитета обременены дѣломъ, тогда какъ другіе, при большомъ жалованьи, совершенно праздно. Такъ чиновникъ, несущій съ 1826 года званіе хранителя архива и казначея, занятъ всегда или перепискою, или другимъ постороннимъ дѣломъ, а между тѣмъ архивъ и казначейская часть въ самомъ жалкомъ положеніи. Ордера на выдачу жалованья чиновникамъ Гежелинскій недавно подписалъ вдругъ за нѣсколько лѣтъ задними числами, послѣ чего всѣ чиновники за то же время очистили расходныя книги своими росписками.

6) Разныя требованія министровъ, накопившіяся за годъ, за два и даже за пять лѣтъ, лежатъ у Гежелинскаго безъ всякаго отвѣта и исполненія.

7) Гежелинскій, представя государю о необходимости, для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ, нанять домъ, въ которомъ онъ могъ бы помѣщаться съ нѣкоторыми чиновниками, испросилъ на это по 15.000 р. въ годъ; но вмѣсто того нанимаетъ квартиру только для себя и своихъ родственниковъ за 5.000 рублей.

8) Обезпечивъ себя достаточнымъ состояніемъ и покровительствуемый необыкновеннымъ счастіемъ, Гежелинскій почитаетъ себя полнымъ властелиномъ всѣхъ своихъ незаконныхъ дѣйствій и, не довольствуясь нанесеніемъ зла и притѣсненіями всякому, имѣющему надобность до Комитета, тѣхъ просителей, которые на него вопіютъ, увѣряетъ, что дѣла ихъ лежатъ у государя. Сверхъ того въ особенности представленіямъ цесаревича Константина Павловича онъ часто, подъ прикрытіемъ всего Комитета, даетъ другое направленіе или же, задерживая ихъ, наводитъ великому князю сомнѣніе, что они оставляются государемъ безъ вниманія. Кромѣ вышеприведеннаго примѣра о Шагановѣ, доказательствомъ тому можетъ служить другое дѣло, объ уменьшеніи расходовъ на земскія повинности по Волынской губерніи, по которому государь въ апрѣлѣ 1829 года приказалъ изъявить цесаревичу искреннюю благодарность; но Гежелинскій доселѣ (декабрь 1830 г.) сего не исполнилъ.

9) Подобно сему и по другимъ дѣламъ послѣдовавшія на положенія Комитета высочайшія повелѣнія лежатъ нѣсколько лѣтъ безъ исполненія.

10) Меморія Комитета 10-го мая 1830 года до сихъ поръ не поднесена къ подписанію членовъ, и дѣла, въ то засѣданіе выслушанныя, лежатъ безъ движенія, кромѣ нѣкоторыхъ, выпущенныхъ уже послѣ новыми числами, въ особыхъ журналахъ.

Доносчикъ заключалъ свою бумагу такъ:

«Картина толикихъ злоупотребленій изображаетъ вашему величе-

ству челоѣка, который столь неслыханно во зло употребляетъ вашу довѣренность! Извѣстно впрочемъ всѣмъ, что уже гнѣвъ вашего величества постигъ Гежелинскаго: онъ наказанъ арестомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, не выпускалъ даже и на гауптвахтѣ изъ своихъ рукъ дѣлъ Комитета. Онъ страшился, чтобы не поручена была должность его хотя на время другому; страшился, чтобы не потребовали безъ него отчета въ дѣлахъ Комитета; ибо тогда, если и не могло быть обнаружено все прошедшее зло, прикрытое уже различными изворотами, то по крайней мѣрѣ сдѣлались бы извѣстными всѣ настоящія его злоупотребленія и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрились бы ваше величество, что производство дѣлъ по Комитету не только не потерпѣло бы безъ Гежелинскаго, но напротивъ, дѣла приняли бы быстрый ходъ, сопровождаемый безкорыстіемъ, которымъ мѣсто сіе отличалось до вступленія Гежелинскаго въ управленіе дѣлами Комитета. Но безпримѣрное счастье Гежелинскаго, сопровождаемое покровительствами, коими онъ всегда умѣлъ себя окружать, оставило его на поприщѣ прежнихъ его злоупотребленій. Жертвуя, за свою вину, чиновниками канцеляріи Комитета, дабы чрезъ то избавить себя отъ бѣды, и выпустивъ нѣсколько изъ старыхъ, давно выслушанныхъ въ Комитетѣ дѣлъ, обращая всю вину на членовъ онаго въ нерѣшеніи проектовъ резолюцій, о коихъ онъ никогда и не думалъ имъ докладывать, прочія старыя дѣла, равно какъ и всѣ задержанныя высочайшія повелѣнія, оставилъ Гежелинскій въ прежнемъ бездѣйственномъ положеніи. Таковое преступное его противодѣйствіе высочайшей власти наводитъ ужасное изумленіе! Нельзя не подозрѣвать, чтобы въ поступкахъ его, столь дерзкихъ, не сокрывалась особая цѣль, къ которой онъ стремится. Долгъ присяги и чувство вѣрноподданнической преданности къ священной особѣ вашего величества побудили открыть предъ вами все сіе зло, ибо обязанность вѣрноподданнаго есть охранять своего государя».

Комитету министровъ сообщено было объ этомъ доносѣ только 30-го декабря, т. е. уже тогда, когда всѣ распоряженія были сдѣланы непосредственно самимъ государемъ. Открывая въ этотъ день засѣданіе Комитета, предсѣдатель его князь Кочубей изъяснилъ, что государь, «не жалуя безыменныхъ доносовъ и недостойная ихъ даже вообще и прочтенія, по вскрытіи 21-го декабря пакета съ такимъ доносомъ, усмотрѣвъ изъ первыхъ строкъ, что дѣло идетъ о Гежелинскомъ, и какъ многократно доходило до высочайшаго свѣдѣнія объ упущеніяхъ сего чиновника, непосредственно его величествомъ не только замѣченныхъ, но обратившихъ даже особенное монаршее негодованіе, въ собственноручныхъ его величества замѣчаніяхъ ему изъявленное» — то государь обратилъ вниманіе на означенный доносъ и вслѣдствіе того велѣлъ осмотрѣть на другой день бумаги въ бюро Гежелинскаго въ канцеля-

ріи Комитета, на которыя доносъ ссылался. Осмотръ этотъ, произведенный по высочайшему назначенію, государственнымъ секретаремъ Марченко и флигель-адъютантомъ графомъ Строгоновымъ (зятемъ князя Кочубея)¹⁾, открылъ, что главныя указанія доноса были вѣрны. Тогда государь, призвавъ Гежелинскаго въ свой кабинетъ, показалъ ему помянутыя бумаги, начавъ съ той меморіи, гдѣ подчищено число, выставленъ другой годъ и переправленъ собственноручный высочайшій знакъ. При предъявленіи этой меморіи, Гежелинскій, бросаясь на колѣни предъ его величествомъ, сознался въ преступномъ своемъ дѣйствіи. За симъ государь показалъ ему и другія бумаги, по которымъ онъ, опять павъ на колѣни, также принесъ сознание. Разказавъ все это, Кочубей продолжалъ, что государю угодно было велѣть посадить Гежелинскаго въ крѣпость, а дѣйствія его отдать на разсмотрѣніе Комитета министровъ, для представленія его величеству о тѣхъ распоряженіяхъ, какія, въ порядкѣ дѣлъ сего рода, сдѣланы быть могутъ для преданія Гежелинскаго суду по законамъ. Въ заключеніе предсѣдатель предложилъ Комитету и всѣ бумаги, въ доносѣ означенныя ²⁾).

Журналъ, состоявшійся вслѣдствіе сего въ Комитетѣ 30-го декабря 1830 года, любопытенъ и по содержанию, и по тѣмъ мѣрамъ, которыя Комитетъ, прикрываясь другими причинами, предлагалъ къ облегченію участи Гежелинскаго, наконецъ и по самому даже образу изложенія. Онъ былъ весь сочиненъ самимъ княземъ Кочубеемъ.

«По прочтеніи и разсмотрѣніи всѣхъ вышеупомянутыхъ бумагъ,—сказано въ этомъ журналѣ,—Комитетъ нашелъ не только запущеніе дѣлъ, небреженіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго допущенное, небреженіемъ, котораго не могли исправить ни многократно изъявленный гнѣвъ его величества, ни многократно всемилостивѣйше изъявленное ему снисхожденіе,—но и чрезмѣрную дерзость въ неправильныхъ представленіяхъ его величеству и въ тѣхъ мѣрахъ, кои принималъ онъ для сокрытія вины своей, рѣшась даже на преступное дѣйствіе подчистки числа и знака, собственноручно его величествомъ на меморіи сдѣланнаго. По симъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ, Комитетъ, признавая Гежелинскаго виновнымъ, полагаетъ, что онъ мо-

¹⁾ Ими же 23-го декабря осмотрѣны и запечатаны были и всѣ бумаги на квартирѣ Гежелинскаго.

²⁾ Въ томъ числѣ находилось и нѣсколько побужденій по дѣлу бывшаго совѣтника Подольской казенной палаты Соболевскаго, которое—какъ сказано въ журналѣ Комитета „еще въ 1826 г. было въ производствѣ по Комитету и на медленность въ производствѣ коего его величество изволилъ обратить вниманіе въ меморіи 1-го ноября 1830-го г., хотя въ ней означенное дѣло было показано поступившимъ только въ апрѣлѣ 1830-го г.“. Мы увидимъ ниже, что это неправильное показаніе послужило главнымъ основаніемъ къ произнесенному надъ Гежелинскимъ приговору.

жетъ быть преданъ суду и подвергнуться отвѣту по слѣдующимъ статьямъ: во 1-хъ, въ подчисткѣ, сдѣланной въ меморіи 28-го іюня 1830-го, при чемъ поврежденъ и переправленъ самый знакъ, выставленный его величествомъ въ изъявленіе утвержденія положенія Комитета; во 2-хъ, въ невыполненіи высочайшаго повелѣнія, въ апрѣлѣ 1829-го года на меморіи собственноручно его величествомъ даннаго (о благодарности великому князю Константину Павловичу) и въ неправильномъ показаніи его величеству времени поступленія дѣлъ въ Комитетъ; въ 3-хъ, въ задержаніи исполненія по дѣламъ, Комитету представленнымъ и по коимъ Комитетъ постановилъ заключенія свои, такъ что журналы долговременно не были представляемы къ подписанію членовъ; въ 4-хъ, въ допущеніи таковаго же безпорядка въ представленіи своевременно его величеству меморіи по журналамъ, въ Комитетѣ состоявшимся. Изложивъ таковое мнѣніе относительно тѣхъ дѣйствій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго, кои могутъ подлежать суду, Комитетъ нужнымъ находить его величеству донести: 1) что если его величеству благоугодно будетъ предать Гежелинскаго суду, то оный долженъ быть произведенъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, примѣняясь къ тому, какъ чиновники высшихъ степеней въ министерствахъ, оберъ-прокуроры и пр. суду въ Сенатѣ подлежатъ, и 2) что какъ обзорніе дѣйствій Гежелинскаго государственнымъ секретаремъ Марченко и флигель-адъютантомъ графомъ Строгоновымъ не составляетъ слѣдствія, закономъ установленнаго, которое необходимо для судебного производства и составленія приговора, то нужно будетъ учредить слѣдственную комиссію, которая бы, по обвиненіямъ, изъясненнымъ выше, произвела дальнѣйшее изслѣдованіе и допросы подсудимому. При таковыхъ заключеніяхъ своихъ Комитетъ не могъ потерять изъ виду слѣдующихъ уваженій: преданіе Гежелинскаго суду, оглашая чрезвычайныя упущенія и самыя злоупотребленія его, можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе насчетъ всего хода высшихъ правительственныхъ дѣлъ, даже и наведетъ нѣкоторое сомнѣніе на акты, отъ правительства чрезъ Комитетъ исходившіе, высочайше утвержденные и чрезъ чиновника сего, по званію его, сообщенные разнымъ мѣстамъ и лицамъ къ исполненію, а отъ оныхъ изданные чрезъ посредство Правительствующаго Сената во всеобщее извѣстіе: ибо за достовѣрность выписокъ изъ высочайше утвержденныхъ журналовъ Комитета Министровъ ручается единственно скрѣпа управляющаго дѣлами. Отъ предположенія, что были иногда подлоги, могутъ вновь возродиться дѣла, положеніями Комитета оконченныя. Сверхъ того, въ семь случаевъ представляются и другія неудобства, съ нашею формою суда не разлучныя, какъ то: требованіе дѣлъ изъ Комитета въ Сенатъ, очныя ставки и пр., кои полезно для правительства отклонить. Вслѣдствіе разсужденій сихъ, Комитетъ полагаетъ представить на бла-

гоусмотрѣніе его императорскаго величества, что по мнѣнію его, удобнѣе было бы наказать Гежелинскаго, какъ чиновника, достаточно въ злоупотребленіяхъ изобличеннаго, порядкомъ мѣръ правительственныхъ. Впрочемъ, какой бы видъ дѣло Гежелинскаго ни получило, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Комитета, должно обратить вниманіе и на самаго доносителя. Въ бумагахъ его есть показаніе, что Гежелинскимъ дѣлаемы были и другія злоупотребленія и даже что злоупотребленія сіи основываемы были на корыстныхъ видахъ; Комитетъ не могъ открыть онаго изъ всего того, что было имъ рассмотрѣно и тѣмъ менѣе имѣеть способъ къ раскрытію, что доноситель остался неизвѣстнымъ. Наконецъ нельзя обойти молчаніемъ и того, что, повидимому, доноситель былъ столь близокъ къ дѣламъ Комитета, что зналъ совершенно о ходѣ оныхъ, а потому въ непремѣнной обязанности его было тотчасъ же, какъ замѣтилъ онъ злоупотребленія управлявшаго, довести о семъ до свѣдѣнія начальства».

Разсужденія Комитета не убѣдили государя. Вышепрописанный журналъ возвратился съ слѣдующею собственноручною высочайшею резолюціею: «Г. Гежелинскаго судить въ Сенатѣ, на законномъ основаніи, по тѣмъ дѣламъ, по коимъ изобличенъ на самомъ дѣлѣ».

Отсюда дѣло раздѣлилось на три части.

Надлежало привести въ извѣстность личность доносчика.

Надлежало, исправя упущенія Гежелинскаго, возстановить порядокъ въ дѣлахъ Комитета.

Надлежало, наконецъ, судить Гежелинскаго.

1) Разысканіе о доносчикѣ. Первое подозрѣніе пало на одного изъ старшихъ чиновниковъ канцеляріи Комитета Министровъ, прежде очень близкаго къ Гежелинскому, но потомъ подвергшагося, по разнымъ личностямъ, его преслѣдованію. Воспользовавшись частыми его просьбами о перемѣщеніи его, по разстроенному здоровью, въ лучшей климатъ вице-губернаторомъ, Гежелинскій въ сентябрѣ 1830-го, т. е. мѣсяца за три до доноса, представилъ объ увольненіи его изъ канцеляріи Комитета, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ чтобы объ опредѣленіи вице-губернаторомъ онъ самъ просилъ подлежащаго министра. Тотчасъ по заключеніи Гежелинскаго въ крѣпость, этотъ чиновникъ обратился съ просьбою къ князю Кочубею о принятіи его опять въ канцелярію Комитета. По такой просьбѣ государь приказалъ предварительно потребовать отъ него объясненіе: не имъ ли былъ написанъ безымянный доносъ, а если не имъ, то не знаетъ ли онъ сочинителя, или по крайней мѣрѣ не подозрѣваетъ ли кого? На оба вопроса чиновникъ отвѣчалъ отрицательно и, вслѣдствіе того, снова былъ помѣщенъ въ канцелярію Комитета.

Другое подозрѣніе падало или, по крайней мѣрѣ, должно было пасть

на бывшаго архиваріуса и казначея Комитета—Кабанова, который прежде также былъ очень любимъ своимъ начальникомъ и даже жилъ у него въ домѣ, но потомъ, въ декабрѣ 1830 года, передъ самымъ доносомъ, по докладу Гежелинскаго, былъ отставленъ за нерадѣніе къ службѣ. Въ февралѣ 1831 года Кабановъ, по представленію князя Кочубея, хотя также снова былъ опредѣленъ къ прежней должности, но о доносѣ никогда спрашиваемъ не былъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ ¹⁾.

Прежде еще сего, государь велѣлъ отобрать отъ всѣхъ чиновниковъ канцеляріи Комитета показаніе, подѣ увѣреніемъ присяги ихъ и чести: не извѣстно ли имъ кѣмъ былъ писанъ доносъ, или не имѣютъ ли они на кого въ томъ подозрѣнія?

На это всѣ 22 чиновника, составлявшіе канцелярію Комитета, отвѣчали отрицательно; нѣкоторые же присовокупили только, что подробности доноса, очевидно, изложены или объяснены кѣмъ-либо изъ служившихъ или служащихъ еще въ канцеляріи, а о самомъ доносѣ заключить должно, что онъ написанъ, или, по крайней мѣрѣ, существенно переправленъ, лицомъ постороннимъ.

Показанія сіи князь Кочубей представилъ государю, прибавивъ, что единственнымъ дальнѣйшимъ средствомъ къ продолженію разысканія было бы употребить мѣры высшей полиціи. На это послѣдовала собственноручная резолюція: «Оставить нынѣ дѣло сіе безъ дальнѣйшаго изслѣдованія».

Этимъ окончилась первая часть дѣла, безъ открытія доносчика, который и впоследствии никогда обнаруженъ не былъ ²⁾.

2. Исправленіе упущеній Гежелинскаго. По неизвѣстности еще настоящей степени этихъ упущеній, представилось нужнымъ дѣла прежняго времени отдѣлить отъ дѣлъ, вновь поступавшихъ въ Комитетъ, вслѣдствіе чего для послѣднихъ были командированы временно два старшихъ чиновника изъ государственной канцеляріи, а разборъ и окончаніе всего оставшагося послѣ Гежелинскаго возложены на состоявшаго во II-мъ отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи статскаго совѣтника барона Корфа, то-есть на меня ³⁾.

¹⁾ Этотъ Кабановъ, негодаяй первой руки, впоследствии положительно уже обличенный въ разныхъ безпорядкахъ и даже злоупотребленіяхъ, былъ вторично отрѣшенъ, но на этотъ разъ съ преданіемъ суду, который кончился очень мягко—запрещеніемъ опредѣлять его впредь на службу. Я всегда имѣлъ моральное убѣжденіе, что доносъ былъ—его работою.

²⁾ Это не совсѣмъ точно, такъ какъ теперь извѣстно кто былъ доносчикомъ. См. „Русск. Старину“ 1898 г., № 4, стр. 37 и 38. Ред.

³⁾ Это промежуточное положеніе продолжалось четыре мѣсяца. 6-го мая 1831 года послѣдовалъ Указъ о назначеніи меня въ должность управлявшаго дѣлами Комитета.

Бумаги Гежелинскаго, найденныя въ бюро и на дому у него, числомъ свыше 5.000, не бывъ приготовлены къ формальной сдачѣ, представляли совершенный хаосъ, такъ что и по точнѣйшемъ пересмотрѣ ихъ не было возможности отличить дѣйствительно уже оконченное и исполненное отъ того, что требовало еще производства. Посему надлежало обратиться къ справкамъ съ реестрами, журналами и архивомъ Комитета; но, по крайнему разстройству и запутанности всѣхъ частей канцеляріи, по совершенному невѣдѣнію чиновниковъ о положеніи дѣлъ—ибо Гежелинскій, сосредоточивая окончательно все въ однѣ свои руки, не посвящалъ никого въ свои тайны—и этого было мало. Пришлось потребовать отъ самихъ министровъ вѣдомости о дѣлахъ, числившихся нерѣшенными за Комитетомъ. За всѣмъ тѣмъ, порученіе это было окончено менѣе, нежели въ два мѣсяца, и къ 24-му февраля 1831 года не оставалось въ Комитетѣ ни одного дѣла старѣе сего года. Въ общемъ результатѣ оказалось:

а) Что 20 высочайшихъ повелѣній, изъ которыхъ два еще 1826 г., были не только не исполнены, но даже и не предъявлены еще Комитету.

б) Что четыре другихъ высочайшихъ повелѣнія не были исполнены по предъявленіи уже ихъ Комитету.

в) Что недоложенныхъ и неоконченныхъ дѣлъ находилось вообще 65, одно еще съ 1813 года, а другія начиная съ 1822 года. Всѣ они были или очень важны или, по крайней мѣрѣ, очень многосложны, но изъ нихъ лишь самая меньшая часть давала поводъ подозрѣвать какіе-нибудь личные виды.

г) Что сверхъ того 46 дѣлъ, также недоложенныхъ или неоконченныхъ, за давно прошедшимъ временемъ не требовали уже дальнѣйшаго производства.

д) Что огромное множество министерскихъ запросовъ, на которые не было въ свое время отвѣтствовано, слѣдовало, по измѣнившимся обстоятельствамъ и надобности, только пріобщить къ дѣламъ, или, по обыкновенному нашему канцелярскому выраженію, принять къ свѣдѣнію.

3. Судъ надъ Гежелинскимъ. До начатія еще этого суда, Гежелинскій, содержавшійся все время въ крѣпости, прислалъ оттуда государю письмо, которое, по высочайшему повелѣнію, внесено было на разсмотрѣніе Комитета.

Гежелинскій писалъ, что, представъ предъ государя 22-го декабря, онъ съ чистосердечіемъ созналъ вину свою въ запущеніи нѣкоторыхъ дѣлъ по Комитету и что, чувствуя всю справедливость монаршаго гнѣва и не дерзая приносить оправданій, онъ предастъ участь свою милосердію государя, къ которому взываетъ какъ вѣрноподданный, посвятившій

всю жизнь свою на пользу службы его величества. Далѣе онъ представлялъ:

а) Что при вступленіи государя на престолъ, въ Комитетѣ находилось нерѣшенныхъ болѣе 1.600 дѣлъ и всѣ они были окончены не долѣе двухъ мѣсяцевъ.

б) Что ходъ меморій онъ, Гежелинскій, успѣлъ привести въ такой порядокъ, что съ 1826 года онѣ представляются государю, при одномъ засѣданіи въ недѣлю—черезъ 10, а при двухъ—черезъ 7 дней отъ времени выслушанія дѣлъ; исполненія же сообщаются министрамъ тотчасъ по объявленіи высочайшихъ повелѣній.

в) Что при такомъ быстромъ ходѣ дѣлъ, а главнѣйше по непомѣрному числу поступления ихъ въ Комитетъ, нѣкоторыя, отставъ отъ обыкновеннаго хода, остались неоконченными, и что изъ 15-ти слишкомъ тысячь дѣлъ, поступившихъ съ начала царствованія государя, неоконченныхъ не болѣе 50-ти, но и эти онъ надѣялся окончить въ томъ же 1830 году, такъ какъ большая ихъ часть была уже обработана и оставалась только переписанною, по недостатку писцовъ.

г) Что предсѣдатель Комитета, представивъ государю проектъ новаго образованія канцеляріи, повергалъ съ тѣмъ вмѣстѣ на высочайшее вниманіе, что всѣ замѣченныя по ней упущенія происходятъ отъ недостатка правилъ и отъ неопредѣлительности обязанностей и отвѣтственности каждаго чиновника.

Это письмо свое Гежелинскій заключалъ тѣмъ, что онъ болѣе 30-ти лѣтъ служилъ безпорочно, съ безпредѣльнымъ усердіемъ и непоколебимою вѣрностію, по мѣрѣ силъ, и что, повѣряя всѣ свои дѣйствія, всѣ помысленія, спокоенъ въ совѣсти и съ твердой надеждой на монаршее правосудіе умоляетъ о милосердіи и дарованіи ему свободы, дабы и остальные дни свои посвятить на службу съ вящимъ рвеніемъ.

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ это письмо 3-го января 1831 г., убѣдился, какъ сказано въ его журналѣ, что главный предметъ онаго есть сознаніе Гежелинскимъ вины его, принесеніе раскаянія и воззваніе къ монаршей милости; что же касается до обстоятельствъ, кои, по мнѣнію просителя, могутъ преклонять къ облегченію его участи, то въ нихъ нѣтъ ничего, чѣмъ измѣнялось бы мнѣніе Комитета о дѣйствіяхъ и виновности Гежелинскаго, изложенное въ прежнемъ журналѣ. Но какъ они заключаютъ въ себѣ прошеніе объ оказаніи милости, а сіе, относясь собственно къ высочайшей волѣ, не составляетъ предмета сужденія Комитета, то оный положилъ повергнуть все сіе на благоусмотрѣніе государя.

На сіе объявлено Комитету только, что государь изволилъ—журналъ онаго читать.

За симъ судъ воспріялъ свое начало въ 1-мъ отдѣленіи 5-го депар-

тамента Сената, которымъ вытребованы были изъ Комитета Министровъ всѣ подлинныя бумаги, составлявшія актъ обвиненія; но замѣчательно, что въ числѣ ихъ не было ни требовано, ни сообщено безъ именнаго доноса. Отъ сего судъ совѣмъ не коснулся разныхъ, содержащихся въ этой бумагѣ предметовъ и основался, во всемъ производствѣ дѣла, на тѣхъ лишь обвинительныхъ статьяхъ, которыя были выведены въ журналѣ Комитета 30-го декабря 1830 года. Гежелинскій, съ своей стороны, въ отвѣтахъ на составленные сообразно симъ статьямъ вопросные пункты, прописывая большею частью то же самое, что было въ его письмѣ къ государю, упиралъ главнѣйше на затруднительность его положенія по званію управлявшаго дѣлами Комитета Министровъ, происходившаго: а) отъ необыкновеннаго множества поступавшихъ въ Комитетъ дѣлъ; б) отъ неимѣнія положительныхъ на производство ихъ по канцеляріи Комитета правилъ; в) отъ неопредѣленія обязанностей и отвѣтственности чиновниковъ и г) отъ самаго ихъ недостатка—что все, писалъ онъ, было бы отвращено съ изданіемъ составленнаго уже для сей канцеляріи подробнаго положенія, которое открыло бы ему средства заслужить передъ государемъ нѣкоторыя безнамѣренныя его упущенія. Но важнѣе, можно сказать, невѣроятнѣе всего было одно обстоятельство: Гежелинскій въ отвѣтахъ своихъ отрицалъ то, въ чемъ сознался, наединѣ, государю, говоря положительно, что вмѣняемой ему въ вину подчистки въ числѣ и годѣ поступленія дѣла Шаганова онъ не дѣлалъ и дѣлать ее не имѣлъ никакого побужденія, а можетъ только статься, что при повѣрѣй меморіи замѣчена была въ помянутой статьѣ какая-нибудь канцелярская описка, которая поправлена прежде представленія меморіи государю, но и того онъ совершенно припомнить не можетъ. Къ сему онъ присовокуплялъ: а) что въ замедленіи исполненія высочайшей воли о объявленіи признательности цесаревичу Константину Павловичу, равно и по другимъ указаннымъ ему дѣламъ, остававшимся неоконченными, онъ не дерзаетъ приносить никакихъ оправданій и безмолвно предаеть участь свою благодати и милосердію его величества; б) что послѣднее представленіе по дѣлу Соболевскаго дѣйствительно поступило въ апрѣлѣ 1830 года (какъ и въ меморіи было показано); но самое дѣло сіе началось еще въ 1820 году и потомъ разрѣшаемо было Комитетомъ въ разные годы неоднократно.

Сенатъ, признавъ заpiresательство Гежелинскаго въ подчисткѣ на меморіи Комитета новымъ усугубленіемъ его преступленія, испрашивалъ по этому случаю особое высочайшее разрѣшеніе. Оно было объявлено ему въ такой силѣ, что государь хотя и видитъ въ семъ заpiresательствѣ дерзость подсудимаго въ отрицаніи преступнаго дѣйствія, несмотря на сдѣланное имъ прежде въ высочайшемъ присутствіи сознание; однако,

обращая преимущественное вниманіе на строгое охраненіе судебныхъ формъ, кои предписаны закономъ для улики обвиняемыхъ, повелѣваетъ Сенату, при сужденіи Гежелинскаго, обойти статью о подчисткѣ меморіи, а также и дерзкое его заpiresательство, и оставить оныя безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, но продолжать начатый надъ нимъ судъ по прочимъ пунктамъ обвиненія.

Отстранявъ, вслѣдствіе того, упомянутое обстоятельство—важнѣйшее во всемъ дѣлѣ—5-й департаментъ Сената къ осужденію Гежелинскаго принялъ слѣдующія главныя основанія:

а) Гежелинскій самъ сознался въ винѣ своей по неисполненію высочайшей воли о объявленіи признательности цесаревичу Константину Павловичу и по долговременному неподнесенію его величеству разныхъ комитетскихъ меморій.

б) Оправданіе по дѣлу Соболевскаго не можетъ быть уважено, ибо Комитетъ Министровъ, въ виду котораго былъ весь ходъ сего дѣла, призналъ уже Гежелинскаго виновнымъ въ неправильномъ показаніи времени поступленія онаго въ Комитетъ.

в) Число и обязанности чиновниковъ канцеляріи Комитета определены штатомъ 1826 года, который испрошенъ былъ самимъ же Гежелинскимъ послѣ нѣсколькихъ-лѣтънаго уже управленія дѣлами Комитета. Слѣдственно, Гежелинскій совершенно несправедливо показываетъ о нахожденіи его въ затруднительномъ положеніи и должно, напротивъ, признать, что или собственная его воля, или небреженіе, или же, быть можетъ, какія-либо намѣренія были причиною удерживанія имъ у себя дѣла и даже высочайшихъ повелѣній безъ исполненія и безъ предьявленія Комитету.

г) Какъ число вступавшихъ и рѣшенныхъ дѣлъ съ 1826 года не только не увеличивалось, но годъ отъ году уменьшалось, то ссылка Гежелинскаго, къ оправданію своему, на необычайное множество въ Комитетѣ дѣлъ есть также несправедливая.

д) На предьявленіе Комитету высочайшихъ повелѣній и на исполненіе ихъ, какъ равно и на своевременное поднесеніе государю меморій, продолжительныхъ занятій не требовалось; слѣдственно, медленность въ томъ показываетъ только явное и ничѣмъ не извинительное небреженіе Гежелинскаго къ службѣ, отъ котораго не могли его исправить ни монаршіи гнѣвъ, ни явленное ему снисхожденіе и многократныя напоминанія; приводимыя же имъ причины запусченія дѣлъ означаютъ одни извороты, придуманные къ мнимому оправданію въ поступкахъ, ничѣмъ не извинительныхъ.

Свода Законовъ въ то время еще не существовало и потому, приложивъ къ упомянутымъ своимъ доводамъ прежніе указы и другія постановленія, 5-й департаментъ положилъ: «Лиша Гежелинскаго чиновъ, дво-

раніи избѣгать всего, могущаго навлечь на него нареканіе третельности? 250-

«Къ сожалѣнію я долженъ замѣтить случай, въ коемъ сіе ливое ожиданіе не исполнилось. 9д-

«Указъ 11-го ноября сего года и приложенная къ оному коими возвышается привозная пошлина на нѣкоторые товары. новляется добавочный таможенный сборъ, были разсмотрѣны в тетѣ финансовъ, въ департаментѣ государственной экономіи и на въ общемъ собраніи Совѣта. Ни въ которомъ изъ сихъ мѣстъ ни членовъ не замѣтилъ, что по буквальному смыслу ст. 2-й примѣч. къ росписи, добавочный 12½ процентный сборъ распространяется на товары, привезенные прежде обнародованія сего указа, но еще на ценные пошлиною, на основаніи закономъ даруемой для сего 6-ти сячной отсрочки, и что чрезъ сіе постановленію новому дается обра дѣйствіе.

«Никто, конечно, не можетъ подумать, чтобы правительство, изв ное своимъ уваженіемъ къ справедливости и доброй вѣрѣ, имѣло н. реніе постановить что-либо противное присвоеннымъ законами прав и священнѣйшему изъ всѣхъ—праву собственности. Но не даетъ . поводъ къ сему ложному заключенію вкрапяшая въ приложеніи къ указу 11-го ноября ошибка? Она ускользнула и отъ моего вниманія, потому что я былъ вправѣ ожидать тщательнаго разсмотрѣнія проекта Со вѣтомъ. Препровожденіемъ онаго въ Государственный Совѣтъ я дока зывалъ, что въ семь дѣлъ не хотѣлъ совершенно довѣрить одному моему мнѣнію. Сія ошибка должна быть исправлена.

«Но не менѣе того я считаю себя обязаннымъ изъяснить чрезъ васъ всѣмъ участвовавшимъ въ сужденіи сего дѣла, особенно же засѣдаю щимъ въ комитетѣ финансовъ, возбужденное во мнѣ неосмотрительно стію ихъ чувство прискорбія и неудовольствія. Они сами, какъ мнѣ извѣстно, съ благородною откровенностію признали, что не совершенно вникнули въ смыслъ постановленія.

«Отдавая полную справедливость столь похвальному ихъ побужденію, я въ немъ вижу новое для себя удостовѣреніе, что никогда уже не буду вынужденъ поставлять на видъ Государственному Совѣту недостатокъ вниманія, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Члены онаго не престанутъ доказывать усердными трудами, сколь они достойны моего благоволенія.

«Пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Николай».

Рескриптъ этотъ былъ сочиненъ вчернѣ графомъ Дмитріемъ Нико лаевичемъ Блудовымъ, что я самъ отъ него неоднократно слышалъ, но подлинный, хранящійся въ архивѣ Совѣта, написанъ, какъ уже выше сказано, весь собственною рукою императора Николая и притомъ не на

окажется, а въ случаѣ неспособности сослать въ Сибирь на по-

заключеніе было конфирмовано государемъ, безъ всякаго
ненія, 26-го іюня 1831 года и потомъ распубликовано повсе-
о въ печатныхъ указахъ Сената 18-го іюля.

Извѣстно, что Гежелинскій, по освидѣтельствованію, оказался год-
ь въ солдаты и былъ отправленъ на службу въ войска, располо-
енныя въ Финляндіи, гдѣ нѣсколько времени занималъ писарскую долж-
сть. Вскорѣ, однако же, по докладу тогдашняго финляндскаго гене-
ль-губернатора князя Меншикова, императоръ Николай приказалъ уво-
ить его въ отставку, безъ возвращенія, впрочемъ, чиновъ и дворян-
ства, и отдать на попеченіе сестрѣ его, жившей въ деревнѣ, книгивѣ
Шаховской; а въ 1839 году ему былъ пожалованъ чинъ коллежскаго
регистратора, съ правомъ вступить на службу въ одно изъ губернскихъ
присутственныхъ мѣстъ, кромѣ обѣихъ столицъ.

19-го октября 1831 года получено было въ Государственномъ Со-
вѣтѣ представленіе министра финансовъ графа Канкрина, рассмотрѣнное
предварительно въ комитетѣ финансовъ и внесенное въ Совѣтъ по осо-
бому высочайшему повелѣнію, о необходимости, при стѣсненномъ поло-
женіи государственнаго казначейства, возвысить въ росписи на 1832 г.
нѣкоторые казенные сборы, въ томъ числѣ и таможенные пошлины на
разныя товары, съ временною прибавкою на всѣ вообще привоз-
ные по 12½ процентовъ.

Совѣтъ въ то время особенно занимался проектомъ новаго закона о
дворянскихъ выборахъ, который велѣно было представить къ 6-му де-
кабря, т. е. ко дню государева тезоименитства. Но Канкринъ настаи-
валъ, чтобы указъ о возвышеніи таможенныхъ сборовъ издать непре-
мѣнно въ ноябрѣ, потому что въ противномъ случаѣ нельзя было бы
успѣть сдѣлать до новаго года нужныя распоряженія по таможнякъ.
Для дѣла о выборахъ общее собраніе Совѣта имѣло засѣданія 19-го,
23-го, 26-го и 29-го октября, т. е. въ 10 дней четыре раза. При всемъ
томъ, департаментъ государственной экономіи въ сіе же самое время
разсмотрѣлъ помянутое представленіе министра финансовъ и 31-го октя-
бря оно было выслушано и въ общемъ собраніи Совѣта, а 7-го ноября
все дѣло отправлено къ государю, находившемуся тогда въ Москвѣ, гдѣ
онъ и подписалъ указъ 11-го числа. Указъ былъ простой, форменный, а
самыя правила и распорядокъ новыхъ сборовъ содержались въ концѣ
приложенной къ нему росписи, въ видѣ примѣчанія, и тутъ, между
прочимъ, о времени дѣйствія сей мѣры постановлено было, что сборъ
прибавочныхъ 12½ процентовъ долженъ начаться со дня получе-

О поселеніи духоборцевъ въ Новороссійскомъ краѣ.

Рескриптъ императора Александра I Новороссійскому гражданскому губернатору Николаеву.

17-го марта 1801 г. С.-Петербургъ.

Препровождаемыхъ къ вамъ изъ Екатеринбургa духоборцевъ Новороссійской губерніи крестьянъ тридцати одного человѣка мужеска и женскаго пола, о коихъ извѣстить васъ Пермской гражданской губернаторъ Модерахъ, повелѣваемъ отправить въ прежнія ихъ селенія, и наблюдать посредствомъ земской полиціи за ихъ поведеніемъ; къ чему наилучше послужить то, есть ли въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они имѣютъ жительство, волостной голова избранъ будетъ изъ правовѣрныхъ, и есть ли смотрѣть стануть прилежно, дабы они подъ видомъ богослуженія не дѣлали сборницъ въ домахъ своихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминаніе офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.г.)

(Съ двумя картами).

VIII ¹⁾.

Русское консульство въ Русукѣ.—В. О. Кожевниковъ.—Рекогносцировка укрѣпленія Левентъ-Табіи.—Возвращеніе въ Букарестъ.—Новая встрѣча съ корреспондентомъ.—Недостатокъ средствъ для собранія свѣдѣній о непріятелѣ.—Румыны узнають, что я русскій полковникъ.

Всѣмъ успокоенный относительно моей судьбы вошелъ я вслѣдъ за запіемъ во дворъ, увидѣлъ входъ, имѣвшій видъ параднаго, и хотѣлъ пойти туда, но жандармъ не пустилъ меня, а отвелъ въ канцелярію, отдалъ тамъ мой паспортъ писцу, взялъ съ него росписку и удалился.

Отсюда попалъ я уже на парадный подъѣздъ, въ помѣщеніе самого консула ²⁾. Василій Федоровичъ Кожевниковъ оказался любезнымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Брюнетъ съ просѣдью, росту ниже средняго, толстенькій, кругленькій, съ очень выдающимся брюшкомъ, на коротенькихъ ножкахъ, страдавшій одышкой, онъ напоминалъ скорѣе радушнаго помѣщика черноземной полосы Россіи, нежели представителя великой Сѣверной державы, готовый обрушиться, съ ме-

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ 1899 г. апрѣль.

²⁾ Я не могъ выяснитъ, что обозначали вынутыя сабли, очень можетъ быть, что это было по турецкому уставу, а сопровожденіе меня можно объяснить съ одной стороны осторожностью турокъ, моимъ несвѣдѣмъ обычнымъ появленіемъ въ бурю, на лодкѣ, а не на пароходѣ и не въ указанномъ мѣстѣ, т. е. не на городской пристани; съ другой же стороны, вынутіе сабель вызвано было можетъ быть охраной моей персоны отъ солдатъ-бродягъ, которыми наполнены были Русукъ и его окрестности.

чомъ въ рукахъ, на Турцію. Ни природный характеръ, ни здоровье не позволяли ему быть энергичнымъ помощникомъ кипучаго посла нашего въ Константинополь Н. П. Игнатъева, да еще въ такое горячее время, когда болѣе соответствовали дѣлу энергичные и неутомимые дѣятели, въ родѣ Павла Степановича Романенко, нашего Тульчинскаго консула. На другомъ болѣе спокойномъ поприщѣ онъ конечно былъ бы у мѣста, такъ какъ не былъ обдѣленъ природой ни умомъ, ни образованіемъ и знаніями. Воспитанникъ Московскаго университета, онъ несмотря на годы, не утратилъ живости ума и даже нѣкоторой игривости мысли, любилъ поговорить, но все это при условіи тихой жизни, вдали отъ тревогъ, гдѣ нибудь на покое; теперь же всѣ его разговоры кончались тѣмъ, что онъ вздыхалъ и повторялъ: «не повѣрите какъ трудно»... Не мнѣ конечно судить о его дѣятельности, я пишу только о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и добавлю, что въ Кожевниковѣ я не нашелъ того представителя Россіи на Востокѣ, высокодержащаго русское знамя, покровителя христіанъ и недремлющаго стража нашихъ интересовъ, образъ котораго сложился во мнѣ отчасти подъ вліяніемъ талантливыхъ произведеній К. Н. Леонтьева, автора: «Одиссей Полихроніадесъ» и др.

Разсказавъ Василію Федоровичу мое положеніе и жизнь въ Бухарестѣ, порѣшили мы, что и здѣсь буду жить я въ качествѣ родственника его жены, но не въ гостиницѣ, а у него въ домѣ; кажется я и тутъ очутился племянникомъ консульши. Мало утѣшительнаго сказалъ мнѣ Кожевниковъ относительно возможности производства рекогносцировокъ Русцукскихъ укрѣпленій, хотя онъ вполнѣ успокоилъ меня относительно: «зарѣжутъ» «повѣсятъ», а также и страшнаго «конака»; но подобно Бобрикову говорилъ, что нигде не удастся проникнуть, въ подтвержденіе чего приводилъ сдѣланную мнѣ въ Русцукѣ встрѣчу и шествіе по городу, подъ прикрытіемъ заплѣвъ. Въ довершеніе моего горя онъ сообщилъ, что Княжевскій, о которомъ говорилъ Хитрово и который, по словамъ Кожевникова, дѣйствительно могъ быть мнѣ весьма полезенъ, недавно умеръ.

Въ этотъ же день познакомился я съ членами консульства. Крыловъ, секретарь консульства, о которомъ я ничего не могу сказать, такъ какъ не пришлось имѣть съ нимъ дѣла; Кара-Михайловъ болгаринъ, очень приличный, скромный, довольно молчаливый и безотвѣтный, наконецъ Яни Карвонидесъ, о которомъ я слышалъ отъ Хитрово и съ которымъ уже былъ въ перепискѣ. Онъ былъ грекъ, левантинецъ, служившій кажется прежде при нашемъ посольствѣ въ Константинополь и лично извѣстный графу Игнатъеву. Высокаго роста, худой, неопредѣленнаго возраста, но приблизительно 40—50 лѣтъ, съ краснымъ, рябымъ отъ оспы лицомъ, сѣровато-зелеными, вѣчно бѣгаю-

щими и слезящимися глазами, Карвонидесъ говорилъ на всевозможныхъ восточныхъ языкахъ; по русски онъ не говорилъ, а изъ европейскихъ языковъ, кромѣ румынскаго, зналъ только французскій, на которомъ хорошо писалъ и говорилъ очень бѣгло, но съ невозможнымъ, ужасающимъ акцентомъ. Наблюденіемъ за турецкими приготовленіями онъ занимался съ увлеченіемъ, но не ради освобожденія болгаръ, на которыхъ смотрѣлъ очень съ высока и можетъ быть даже не особенно долюбивалъ, а ради мести туркамъ, которыхъ за что то ненавидѣлъ. Кромѣ того, обремененный семьей, онъ очень нуждался. Эти свойства, при отличныхъ природныхъ способностяхъ, ловкости, находчивости, предпримчивости и рѣшительности дѣлали изъ него дѣйствительно драгоцѣннаго человѣка. Въ консульствѣ его всѣ, кромѣ Кожевникова, кажется не любили и относились къ нему нѣсколько брюзгливо; съ Кара Михайловымъ онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ.

Погоревавъ о неудачно складывавшихся для меня обстоятельствахъ порѣшили мы, что я всетаки останусь на нѣсколько дней и въ хорошую погоду, т. е. когда не будетъ дождя, буду совершать прогулки по окрестностямъ Рушука въ коляскѣ съ консуломъ и кавасомъ на козлахъ.

На другой день Кожевниковъ пригласилъ меня въ кабинетъ, гдѣ я засталъ Крылова, и сообщилъ мнѣ, что имъ явилась (не знаю кому именно) слѣдующая мысль: Княжевскій умеръ недавно, похороненъ на болгарскомъ кладбищѣ, лежащемъ у самаго Разградскаго шоссе верстахъ $1\frac{1}{2}$ —2-хъ отъ города, по другую же сторону шоссе, почти на одной высотѣ съ кладбищемъ, высилось главное укрѣпленіе Левентъ-Табія, на которомъ шли усиленныя, дѣятельныя работы, для чего наряжались теперь только солдаты, а жителей уже не брали. Последнее объяснялось предложеніемъ объ устройствѣ контръ-минной системы. Кожевниковъ предложилъ мнѣ воспользоваться тѣмъ, что Княжевскій похороненъ на такомъ интересномъ мѣстѣ, и посвятить его могилу, что дастъ мнѣ возможность видѣть Левентъ-Табію вблизи. Съ радостью ухватившись за такую мысль, я призналъ себя не только родственникомъ жены Кожевникова, но и родственникомъ умершаго Княжевскаго, пріѣхавшимъ посѣтить его могилу. А такъ какъ по мѣстнымъ обычаямъ первое время послѣ смерти могилу посѣщаютъ часто, то я могъ нѣсколько разъ подрядъ совершить это паломничество. Тотчасъ послали за извозчикомъ-болгаринномъ и я поѣхалъ одинъ по Разградскому шоссе. Шоссе это поднималось въ гору; по лѣвую его сторону, т. е. къ востоку, въ $1\frac{1}{2}$ —2 верстахъ отъ Рушука, было кладбище, а по правую сторону, примѣрно въ полу-верстѣ отъ шоссе—огромное сомкнутое укрѣпленіе. Поравнявшись съ кладбищемъ я слѣзъ съ извозчика, велѣлъ ему стоять на шоссе нѣсколько по-одалъ, вошелъ на кладбище, отыскалъ могилу моего родственника и началъ—чертить и срисовывать Левентъ-Табію. Порабо-

тавъ до тѣхъ поръ пока наступившіе сумерки не помѣшали, благополучно вернулся я въ консульство, гдѣ толковали о томъ, что Княжевскій, всю жизнь служившій Россіи для освобожденія болгаръ, и по смерти своей послужилъ тому же дѣлу.

На другой день, знакомый уже нѣсколько съ очертаніями и приближительными размѣрами Левентъ-Табіи, срисовалъ я, рано утромъ, это же укрѣпленіе en face, что было сдѣлать легко, сидя на балконѣ консульства, приходившагося какъ разъ напротивъ укрѣпленія, въ 2 верстахъ отъ него, а затѣмъ, тотчасъ послѣ легкаго завтрака, поѣхалъ опять на кладбище повѣрить вчерашнюю работу, дополненную и нѣсколько измененную работой съ балкона. На этотъ разъ, по поговоркѣ *l'arretit vient en paigeant*, задумалъ я подойти поближе, рассмотреть лѣсной матеріалъ, сложенный вблизи укрѣпленія. Выйдя съ кладбища перешелъ я шоссе и пошелъ осторожно, не торопясь, какъ будто прогуливаясь, не прямо къ укрѣпленію, а немного впереди его; меня ободряло то, что около самаго форта не видно было ни души и у шоссе, сѣвернѣе Левентъ-Табіи, былъ небольшой холмъ, закрывавшій меня со стороны Рущука, а затѣмъ при дальнѣйшемъ приближеніи къ укрѣпленію и со стороны шоссе. Но этотъ то холмъ, закрывая меня, закрывалъ въ то же время и то, что было позади его, благодари чему надо мной чуть чуть не оправдалась поговорка: повадился кувшинъ по воду ходить...; только что я сталъ выходить изъ-за холма со стороны шоссе, какъ изъ за него же, но съ другой стороны, на встрѣчу мнѣ, показалась толпа солдатъ челоувѣкъ въ 200, шедшихъ съ лопатами и кирками, очевидно возвращавшихся съ работъ. Увидѣвъ меня они такъ сразу загадѣли, что мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ повернуть назадъ и хотя не бѣжать, но все же поторапливаться, тѣмъ болѣе, что не успѣлъ я вернуться и начать свое благородное отступленіе, какъ мнѣ въ догонку что то полетѣло тяжелое, лопата или кирка, а сзади раздался хохотъ толпы. Это случилось въ 2 часа дня.

Выйдя на шоссе, я вскочилъ въ коляску и, понукая на всевозможныхъ языкахъ моего биржара, поскакалъ въ городъ.

При разсказѣ о случившемся я узналъ отъ Карвонидеса, что въ 2 часа обыкновенно на всѣхъ укрѣпленіяхъ бываетъ перерывъ работъ и смѣна рабочихъ; всѣ очень жалѣли, что забыли меня объ этомъ предупредить. Бѣды, впрочемъ, въ этомъ не было, такъ какъ я къ тому времени настолько уже ознакомился съ Левентъ-Табіей, что могъ составить описаніе этого укрѣпленія въ томъ видѣ, въ какомъ оно тогда было, и вывести заключеніе о будущей его силѣ.

Не помню, въ который день пребыванія моего въ Рущукѣ пріѣхалъ къ Кожевникову бельгійскій консулъ, имѣвшій видъ чистокровнаго еврея, съ приглашеніемъ на вечеръ; онъ такъ скоро вошелъ, что

я не успѣлъ въ-время уйти, и разговоръ происходилъ при мнѣ. Кожевниковъ отговаривался, между прочимъ, тѣмъ, что вотъ къ нимъ пріѣхалъ родственникъ его жены, весьма ненадолго и т. д. Бельгіецъ этимъ не затрудился, пригласилъ и меня, но я отказался. Когда онъ ушелъ, то Кожевниковъ заволновался.

— Повѣрьте, что онъ пріѣзжалъ васъ высмотрѣть; этотъ жидъ (онъ вовсе не бельгіецъ) первый другъ турокъ и мнѣ часто вредитъ здѣсь. Онъ и вечеръ-то выдумалъ нарочно, какъ предлогъ, чтобы пріѣхать.

Я продолжалъ работать, разѣзжалъ по окрестностямъ, причемъ старался всегда возвращаться въ городъ не по тому пути, по которому началъ поѣздки и не черезъ тѣ ворота, изъ которыхъ выѣхалъ. Благодаря этому я объѣздилъ городъ и ближайшія окрестности съ разныхъ сторонъ, по разнымъ направленіямъ, записалъ и зачертилъ всѣ важныя укрѣпленія и въ то же время не возбуждалъ, какъ я думалъ по крайней мѣрѣ, любопытства и наблюденія карауловъ, стоявшихъ у воротъ. Мнѣ оставалось еще ознакомиться съ восточной окраиной города и съ укрѣпленіями, возведенными возлѣ бывшего городского сада. Кожевниковъ предложилъ поѣхать туда вмѣстѣ, какъ бы для прогулки. Въ хорошей коляскѣ, съ кавасомъ на козлахъ, поѣхали мы за городъ. Дорогой я выразилъ желаніе зайти внутрь одного большого укрѣпленія, около котораго кстатѣ не было видно солдатъ. Кожевниковъ придумалъ довольно оригинальный способъ помочь мнѣ: велѣлъ кучеру остановиться, остался самъ съ кавасомъ въ коляскѣ, а я пошелъ въ редутъ, вошелъ въ середину, пробылъ тамъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ достаточно ознакомиться съ его размѣрами, устройствомъ и благополучно вернулся къ коляскѣ. Василій Ѳеодоровичъ хотѣлъ уже послать за мной каваса, такъ какъ на встрѣчу намъ шла толпа челоуѣкъ въ 300 солдатъ, шедшихъ на работу или возвращавшихся. Мы немного продвинулись впередъ, но потомъ пришлось остановиться, такъ какъ вслѣдствіе узкаго шоссе толпа сгустилась и люди проходили у самыхъ колесъ. Какихъ только тутъ не было: въ фескахъ, въ чалмахъ и тюрбанахъ, совсѣмъ бѣлыхъ, уроженцевъ Европейской Турціи, бронзовыхъ арабистанцевъ и совсѣмъ черныхъ негровъ. Передніе прошли въ порядкѣ, но хвостъ растянулся, довольно недружелюбно на насъ посматривалъ и наконецъ одинъ молодецъ плюнулъ прямо на кожаный фартукъ нашей коляски. Кожевниковъ сказалъ, что въ подобныхъ случаяхъ самое лучшее дѣлать видъ, что не замѣчаешь. Скоро послѣ этой поѣздки Кожевниковъ сказалъ мнѣ, что какъ ему ни пріятно мое общество, но что пора уѣзжать, такъ какъ утромъ къ нему присылалъ Садыкъ-паша ¹⁾ узнать о здоровьи, поздравить съ при-

¹⁾ Валій, генераль-губернаторъ, назначенный вмѣсто Митхада-паши, бывшій прежде посланникомъ въ Парижѣ.

ѣдомъ родственника и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ спросить, долго ли этотъ родственникъ намѣренъ прожить въ Рушукѣ. Это, по словамъ Василя Федоровича, было равносильно намеку, что пора же и честь знать. Собственно говоря, мнѣ дѣлать было больше нечего и я рѣшилъ уѣхать на другой день. Кожевниковъ говорилъ мнѣ, что куда я въ стѣнахъ консульства или даже на улицѣ вмѣстѣ съ нимъ и кавасомъ, то беспокоиться нечего, но что если останусь одинъ, то могутъ случиться неприятности. Тогда я попросилъ нанять мнѣ для обратнаго переѣзда черезъ Дунай болгарскую, а не турецкую лодку съ гребцами-болгарами; это оказалось невозможнымъ, такъ какъ уже въ то время турецкое правительство распорядилось не только отобрать всѣ лодки у болгаръ, но даже запретить болгарамъ быть кайкчи, т. е. лодочниками, а потому мнѣ приходилось ѣхать съ турками ¹⁾. Кожевниковъ нашелъ нужнымъ, для поддержанія моей репутаціи родственника, лично проводить до лодки; это, по его словамъ, придастъ мнѣ нѣкоторый вѣсъ и значеніе въ глазахъ гребцовъ; онъ прибавилъ, что при прощаніи намъ необходимо, съ этою же цѣлью, поцѣловаться.

Распрощавшись съ членами консульства, я получилъ отъ Кожевникова въ память моего пребыванія въ Рушукѣ подарокъ—преспалье, отрубокъ оливковаго дерева изъ Іерусалима, съ еврейской надписью: Іерусалимъ ²⁾.

Пошли мы пѣшкомъ и на этотъ разъ шествіе мое отличалось отъ первоначальнаго: кавасъ консульства въ живописномъ костюмѣ, увѣшанный оружіемъ, шелъ впереди и съ чрезвычайно важнымъ видомъ постукивалъ какой-то булавою или тростью о тротуаръ, чтобы встрѣчные давали дорогу, Кожевниковъ и я шли сзади. У городской пристани насъ ждала большая лодка съ пятью гребцами, въ большихъ чалмахъ. Расцѣловавшись съ консуломъ, сѣлъ я въ лодку, и когда отчалили, занялся разсматриваніемъ моихъ кайкчи,—это были чистокровные турки, пожилые, но въ нихъ не было ничего суроваго. День былъ чудесный, теплый, тихо. Дунай какъ зеркало и Рушукъ представлялся при солнечномъ освѣщеніи довольно живописнымъ; за городомъ, на горѣ, возвышалась знакомая мнѣ Левентъ-Табія. Я сидѣлъ съ лѣвой стороны лодки, почти по срединѣ ея, спиной къ борту; ѣхали мы долго молча, но потомъ кайкчи разговорились и начали показывать на меня головой. «Фрэнгъ», сказалъ рулевой, бывший вправо отъ меня, но

¹⁾ Я теперь не помню, почему я не воспользовался пароходомъ, ходившимъ между Рушукомъ и Журжевымъ; можетъ быть онъ ходилъ только въ извѣстные дни или въ извѣстный часъ, почему-нибудь мнѣ неудобный, или былъ въ починкѣ—не помню.

²⁾ Кожевниковъ былъ консуломъ въ Іерусалимѣ два раза: до войны и послѣ войны.

остальные, помолчавъ разсматривая меня, отвѣчали «іокъ»; тогда первый вновь заговорилъ: «инглизъ», но опять получилъ тотъ же отрицательный отвѣтъ остальныхъ. Тогда рулевой, точно спохватившись и обрадовавшись, закричалъ: «московъ» и всѣ сразу хоромъ закричали: «московъ, московъ!..»

Мы исправно доѣхали до Журжева, я расплатился съ лодочниками и, закусивъ въ ресторани гостиницы «Belle vue», стоявшей на самомъ берегу, отправился на поѣздъ.

Въ запискахъ этихъ я всѣми силами старался относиться весьма щепетильно къ истинѣ; мнѣ хотѣлось изложить все съ соблюденіемъ самой строгой правды, а потому опускаю кое-какіе факты, неувѣренный въ моей памяти. Несмотря на это, можетъ случиться, что я изложилъ кое-что не такъ, какъ оно въ дѣйствительности было, потому ли, что я въ данномъ случаѣ не участвовалъ лично, или потому, что въ то время извѣстное событіе рисовалось мнѣ иначе, или наконецъ, потому, что забылъ подробности; но одно, въ чемъ я не ошибаюсь—это въ вѣрной передачѣ моихъ личныхъ ощущеній, вызванныхъ даннымъ случаемъ, а потому и теперь долженъ признаться, что усѣвшись на бархатной подушкѣ купе 1-го класса, когда поѣздъ тронулся, я почувствовалъ невыразимое блаженство, отрадное ощущеніе полной безопасности; это ощущеніе испытывалъ я не разъ и впоследствии, послѣ того, какъ я переживалъ какой-нибудь опасный или казавшійся мнѣ опаснымъ случай.

По пріѣздѣ въ Букарестъ, 2-го февраля, прямо съ желѣзной дороги проѣхалъ я въ консульство, гдѣ уже начинали обо мнѣ беспокоиться, такъ какъ я пробылъ въ Русукѣ долѣе, чѣмъ было предположено при отъѣздѣ. Понятно, что меня приняли съ распростертыми объятіями, требовали подробнаго разсказа моихъ походовъ, и такъ какъ тутъ были все свои, я, вечеромъ, въ кабинетѣ у барона, разсказалъ подробно мое путешествіе и не обратилъ вниманія, что тутъ же былъ и корреспондентъ X., прослушавшій часть моего разсказа. На слѣдующій день онъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что обязавшись ничего не писать обо мнѣ, конечно сдержитъ обѣщаніе, но что такъ какъ онъ состоитъ корреспондентомъ большой газеты и иллюстрированнаго журнала, то не буду ли я имѣть чего-нибудь противъ того, если онъ помѣститъ нѣсколько рисунковъ, основанныхъ на моемъ разсказѣ и при этомъ покажетъ рисунки, изъ коихъ я помню два: турокъ на конѣ, скачетъ по берегу рѣки, кажется съ подписью, что это башибузукъ на берегу Дуная, другая же изображала лодку съ парусомъ, турки-гребцы, а вдали турецкій городъ. Такъ какъ все это X. могъ и лично видѣть съ румынскаго берега, то я, конечно, ничего не могъ возражать и даже указалъ нѣкоторыя поправки, которыя нужно было

сдѣлать въ нарисованномъ городѣ, долженствовавшемъ изобразить Рущукъ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Букарестъ самъ Кожевниковъ, и когда возвращался домой, то взялъ съ собой X. это было въ субботу 5-го февраля, а 7-го въ понедѣльникъ X. вернулся и рассказывалъ, что туда и назадъ переѣзжалъ Дунай на пароходѣ, причѣмъ туда ѣхалъ съ консуломъ. Каково же было мое удивленіе, когда я впоследствии, въ Кишиневѣ, приблизительно въ началѣ или первой половинѣ марта прочиталъ довольно старые уже фельетоны въ №№ 366 и 375 газеты съ подробнымъ описаніемъ моеѣ поѣздки въ Рущукъ, только по фельетону ѣздилъ не я, а онъ—X. Въ газетѣ описывались двукратныя поѣздки, причѣмъ обѣ весьма искусно соединены въ одно общее описаніе.

И такъ «вся читающая Россія» недолго ожидала извѣстій отъ корреспондента «самой распространенной газеты въ Россіи» и получила описаніе Рущука, турокъ, лодки и бури на Дунаѣ, да еще съ пикантными прибавленіями о подозрительности турокъ и опасности, которой подвергается въ Рущукѣ русскій, о турецкихъ войскахъ, укрѣпленіяхъ и проч. Незабудь былъ даже плевокъ, направленный въ коляску, только по версіи корреспондента плюнула турецкая дама.

По его же рассказамъ турецкая армія вооружена дурно! Et voilà comme on écrit l'histoire!

Во время пребыванія этого корреспондента въ Букарестѣ произошелъ еще слѣдующій курьезъ. Какъ то вечеромъ послѣ обѣда вся наша компанія сидѣла въ кабинетѣ барона, и корреспондентъ весьма краснорѣчиво, а главное съ большимъ апломбомъ повѣствовалъ о составѣ нашего флота, свойствѣ судовъ и, какъ теперь помню, очень подробно описывалъ устройство броненосцевъ и тарановъ. Дошла очередь до фрегата «Адмиралъ Лазаревъ», который X. описывалъ весьма подробно. Вдругъ Михайлъ Павловичъ Новосельскій (Люба), настоящее имя и званіе котораго не было извѣстно корреспонденту, присутствовавшій при этомъ разговорѣ и все время весьма внимательно, но какъ то нервно слушавшій, сорвался съ своего кресла и убіжалъ въ cabinet poir; нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, послѣдовали за нимъ и увидѣли Новосельскаго, въ страшномъ гнѣвѣ, метавшагося по комнатѣ. На вопросы наши Михайлъ Павловичъ отвѣчалъ:

— Помилуйте господа, вамъ-то можетъ быть все-равно слушать, что онъ рассказываетъ, а каково мнѣ! Вѣдь я командовалъ «Лазаревымъ» и не узнаю моего фрегата!

Составивъ подробное описаніе Рущука, его окрестностей, укрѣпленій, его обороняющихъ, а также береговъ Дуная въ ближайшей къ этому городу полосѣ, донесъ я въ Кишиневъ, что работа эта и другія, мнѣ порученныя, исполнены, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ позволенія пріѣхать

въ главную квартиру для личнаго доклада, такъ какъ есть много подробностей, трудно излагаемыхъ на бумагѣ и требующихъ словесныхъ поясненій. Къ этому времени я уже окончательно убѣдился, что собраніе свѣдѣній тѣмъ способомъ, какимъ я поневолѣ, преимущественно, до сихъ поръ пользовался, т. е. посылка отдѣльныхъ личностей въ разные пункты для осмотра ихъ и въ нихъ совершающагося, не достигаетъ цѣли и пригодна въ исключительныхъ случаяхъ, когда нужно осмотрѣть на мѣстѣ что-нибудь уже существующее, неизмѣняемое и неперемѣняющееся, или когда нужно, не полагаясь на почту, передать что-либо черезъ довѣренное лицо другому лицу, въ данномъ пунктѣ находящемуся. Часто получалъ я приказанія изъ главной квартиры узнать что-нибудь, напр.: сколько войскъ въ Силистріи; приходилось отыскать лицъ, которыя согласятся туда поѣхать, при томъ такихъ, которыя по своему развитію или образованію способны узнать и высмотрѣть, на что требовалось время, затѣмъ имъ необходимо туда и обратно поѣхать, да сверхъ того надо прибавить еще время для осмотра или полученія свѣдѣній; къ тому же переѣздъ черезъ Дунай на турецкій берегъ былъ весьма затрудненъ, такъ какъ турецкіе кордоны никого не пропускали, приходилось обмануть ихъ бдительность и пробраться тайкомъ. Кончалось тѣмъ, что проходило нѣсколько недѣль и я, напрямѣръ въ концѣ января, узнавалъ, что въ Силистріи въ концѣ декабря или началѣ января было столько-то войскъ, такихъ-то таборовъ, орудій и т. п. Для сообщенія этихъ свѣдѣній, которыхъ нельзя было довѣрить почтѣ, надо было ждать пріѣзда курьера изъ Кишинева или Константинополя, такъ какъ консульство въ Бухарестѣ не имѣло своихъ курьеровъ, а вслѣдствіе этого мы не имѣли регулярныхъ сношеній съ главной квартирой¹⁾. Въ результатѣ, свѣдѣнія получались запоздалыя на цѣлый мѣсяць, а иногда и больше, когда они касались происходившаго внутри Турціи, за Балканами; о томъ же, что происходило въ данное время—ни я, ни главная квартира свѣдѣній не имѣли, а при существованіи принятой системы собранія ихъ и имѣть таковыхъ не могли. Кромѣ того были случаи, когда посланные мною люди не возвращались; можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ, забравъ часть денегъ впередъ, вовсе не отправлялись по назначенію, но былъ однажды случай, что двое посланныхъ болгаръ, именно въ Силистрію, были тамъ пойманы и, по слухамъ, повѣшены. Я понималъ необходимость установить постоянную агентуру черезъ постоянныхъ

¹⁾ Это между прочимъ казалось намъ весьма страннымъ; какъ не завести курьеровъ въ Бухарестѣ, который былъ узломъ и средоточіемъ извѣстій изъ Константинополя, Кишинева и Петербурга? Но курьеровъ по штату не полагалось и мы писали „съ оказіей“.

агентовъ и сдѣлалъ опыты, доставившіе прекрасные результаты. Такъ, въ Русчукѣ Карвонидесъ доставлялъ мнѣ еженедѣльно, а иногда и по нѣсколько разъ въ недѣлю, донесенія, въ родѣ срочныхъ вѣдомостей, о прибытіи и уходѣ войскъ, орудій, разнаго военного матеріала, о постройкѣ и вооруженіи фортовъ и о флотѣ. Къ этимъ вѣдомостямъ всегда и неизмѣнно прибавлялось: «des bruits circulent, que...»; въ этой рубрикѣ помѣщались всевозможные слухи, предположенія и т. п. Въ томъ же Русчукѣ, помощникъ начальника товарной станціи русчукско-варненской желѣзной дороги, болгаринъ, служа мнѣ и получая опредѣленное жалованье, самымъ аккуратнымъ образомъ сообщалъ въ опредѣленные сроки, черезъ Начовича, о прибытіи и отправкѣ по желѣзной дорогѣ войскъ, артиллеріи и грузовъ, при чемъ, благодаря его служебному положенію, точность была замѣчательная и служила мнѣ повѣркой сообщеній, дѣлаемыхъ Карвонидесомъ. Убѣдившись опытомъ въ цѣлесообразности и практичности этой системы, а также въ полной бесполезности полученія отрывочныхъ свѣдѣній однимъ только случайнымъ путемъ, я составилъ проектъ учрежденія постоянной агентуры и нашелъ для этого лицъ, жителей разныхъ мѣстностей Болгаріи, знакомыхъ Евлогію Георгіеву, Начовичу, Церковскому и другимъ, лично мнѣ извѣстнымъ болгарамъ, съ которыми я былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ.

Кромѣ постоянныхъ агентовъ изъ мѣстныхъ жителей были прискааны лица, бравшія на себя обязанность доставленія свѣдѣній, такъ сказать, курьеровъ или почтальоновъ причемъ какъ для безопасности, такъ и для скорѣйшаго полученія извѣстій таковыя не шли прямо изнутри края ко мнѣ, съ однимъ и тѣмъ же посланнымъ, а передавались постепенно изъ города въ городъ по пути ко мнѣ, сосредоточиваясь въ Тульчѣ, Вильковѣ, Силистріи, Русчукѣ, Систовѣ, Никополѣ и Виддинѣ. На востокъ, т. е. на нижнемъ Дуваѣ, въ Добруджѣ съ Варной должны были работать скопцы и липоване, въ остальной же части—болгары. Я былъ увѣренъ, что подобная сѣть агентовъ, непрерывно дѣйствующихъ, принесетъ большую пользу тѣмъ болѣе, что она не исключала возможности посылки, когда нужно, отдѣльныхъ лицъ, съ спеціальной цѣлью. Но порядокъ этотъ, всѣми одобряемый, требовалъ большихъ расходовъ; хотя болгары въ то время были проникнуты идеей освобожденія родины, по большей части брали только самыя необходимыя для путешествія деньги, тѣмъ болѣе, что въ число моихъ главныхъ агентовъ поступали преимущественно люди интеллигентные, одушевленные любовью къ отечеству, но и при этомъ условіи деньги требовались большія и должны были быть всегда подъ рукой. Я приведу нѣсколько примѣровъ денежныхъ потребностей; я узналъ о существованіи Филиппа Тотева (Филиппъ Тотю) и Панаіота Хитова, знаменитыхъ

болгарскихъ гайдуковъ, по-просту разбойниковъ, прославившихся во время различныхъ возстаній христіанъ противъ турокъ, которые своимъ знаніемъ Болгаріи и въ особенности горныхъ проходовъ могли быть весьма полезны для арміи. Дядя Тотю (какъ его называли болгары) не могъ явиться, будучи совсѣмъ уже неспособенъ къ службѣ вслѣдствіе полученныхъ въ разныя времена ранъ и увѣчій, а Панаіотъ Хитовъ съ радостью согласился, но сообщилъ, что послѣ послѣдней рѣзни христіанъ въ Карловѣ и Калоферѣ онъ бѣжалъ въ Сербію, гдѣ и проживаетъ съ семьей, а потому, изъявляя готовность немедленно явиться и служить, просилъ выслать ему денегъ на дорогу и обезпечить опредѣленнымъ ежемѣсячнымъ содержаніемъ его семью, на все время его отсутствія, такъ какъ она, не будучи въ состояніи изъ опасенія мести турокъ жить на родинѣ, въ Болгаріи, принуждена жить на чужбинѣ, съ весьма малыми средствами, которыхъ окончательно лишится по уходѣ его самого. Понятно, что для этого требовался расходъ не малый. Одинъ изъ моихъ лучшихъ помощниковъ, Церковскій, сидѣлъ въ турецкой тюрьмѣ и по освобожденіи изъ нея или бѣгствѣ, хорошенько не помню, явился ко мнѣ зимой буквально ни съ чѣмъ, въ легонькомъ пиджакѣ, и я долженъ былъ содержать его въ Букарестѣ на мой счетъ, т. е. на русскія деньги. Въ поѣздкахъ моихъ я бралъ всегда довольно много денегъ, такъ какъ никогда не зналъ, что будетъ со мной въ пути и какіе неожиданные расходы потребуются. Случалось дорогой, въ условленномъ мѣстѣ, а иногда и невзначай встрѣтить когонибудь изъ моихъ людей и тутъ же дать новую командировку, понятно съ отпускомъ денежнаго аванса. Я долженъ отдать справедливость болгарамъ: меня почти никто изъ нихъ не обманулъ; счетовъ я съ нихъ никогда не требовалъ, да это было совершенно невозможно, не могли же они записывать каждую чашку кофе, выпитую въ дорогѣ—и несмотря на такое довѣріе сплошь и рядомъ возвращали они мнѣ оставшіяся неизрасходованными, деньги¹⁾. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства и сдѣлавъ маленькій бюджетъ, я пришелъ къ заключенію, что для приведенія въ исполненіе задуманнаго мною плана необходимо было по самой дешевой расцѣнкѣ 10 тысячъ рублей золотомъ, т. е. около 15 тысячъ рублей кредитныхъ въ мѣсяцъ. Г. И. Бобриковъ находилъ мою цифру слишкомъ малою и совѣтовалъ просить 15 тысячъ золотомъ, т. е. около 22¹/₂ тысячъ кредитныхъ въ мѣсяцъ, весьма основательно доказывая, что по мѣрѣ приближенія войны, вслѣдствіе увеличенія опасности и трудностей

¹⁾ Мнѣ приходилось выдавать деньги и Кожевникову, у котораго не было суммъ для добыванія свѣдѣній, при чемъ требовалось всегда экстренно и въ довольно большихъ цифрахъ, такъ что я былъ вынужденъ занимать у барона Стурта.

при добываніи свѣдѣній, расходы возрастутъ, а въ то же время допускаемая, что война будетъ объявлена весной, положимъ въ апрѣлѣ, истраченные въ февралѣ и мартѣ 30 тысячъ золотомъ составятъ каплю въ морѣ расходовъ и вознаградятся сторицею.

Я остался при моей прежней цифрѣ, зная скупость Непокойчицкаго и опасаясь напугать его большимъ расходомъ. Написавъ въ Кишиневъ просьбу о разрѣшеніи пріѣхать, проживалъ я въ Букарестѣ въ ожиданіи отвѣта.

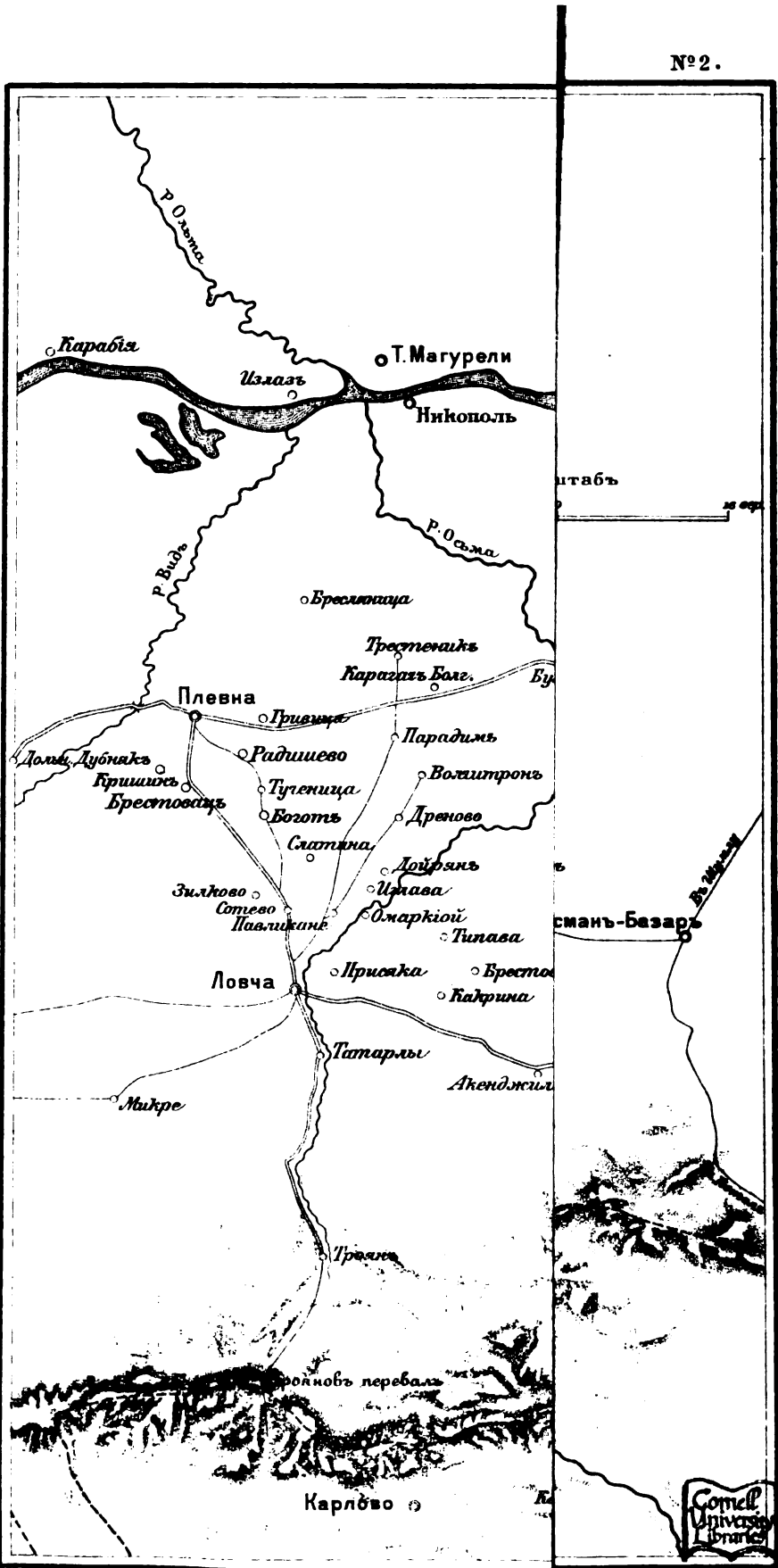
Приблизительно въ это время случилось одно обстоятельство, раскрывшее высшему румынскому правительству мое дѣйствительное званіе.

Въ началѣ этихъ записокъ, описывая мой выѣздъ изъ Кишинева, я упоминалъ, что въ вагонѣ напротивъ меня сидѣли два пассажира нерусскаго типа: одинъ молодой и красивый, другой гораздо старше перваго; я принялъ ихъ тогда за банкировъ, жидовъ или грековъ, ѣдущихъ въ Одессу. Запомнилъ я ихъ случайно, потому что они сидѣли со мной въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а также потому, что на станціи Раздѣльной они чуть было не прозѣвали поѣзда, идущаго въ Одессу. Я упоминалъ также, что въ Букарестѣ на Подъ-Могошой была одна изъ лучшихъ гостиницъ «Hôtel Browt», славившаяся своимъ рестораномъ, въ который часовъ около 12 собиралась масса румынской богатой публики, адвокаты, сенаторы, министры, въ числѣ коихъ частымъ посѣтителемъ ресторана былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Когальничано, большой любитель покушать и вообще пожить.

Зайдя однажды съ кѣмъ-то изъ консульства къ Бровту, я, въ общей залѣ, за отдѣльнымъ столикомъ, увидѣлъ одного изъ тѣхъ двухъ пассажировъ, которые ѣхали со мной отъ Кишинева до Раздѣльной, того, который былъ постарше, но не въ статскомъ, а въ мундирѣ маіора румынскаго генеральнаго штаба. Наведя справки я узналъ, что это маіоръ Пенковичъ, а его компаньонъ по путешествію оказался тоже офицеромъ румынскаго генеральнаго штаба — Гика. Пенковичъ очевидно меня узналъ.

Я рассказалъ этотъ эпизодъ барону Стурту, который сообщилъ мнѣ, что сестра Пенковича замужемъ за нашимъ консуломъ въ Яссахъ, Якобсономъ, что Пенковичъ и Гика дѣйствительно ѣздили въ Бессарабію и были высланы изъ Кишинева. Стуртъ былъ увѣренъ, что Пенковичъ сообщитъ румынскимъ властямъ о своемъ открытіи. Слѣдующій случай подтвердилъ справедливость его догадокъ. Какъ то разъ баронъ пригласилъ къ обѣду министра президента Братіано; весь персоналъ консульства, Бобриковъ и я были на лицѣ. Я уже прежде встрѣчалъ Братіано у Стурта и былъ давно ему представленъ

въ качествѣ родственника баронессы. Послѣ обѣда всѣ перешли пить кофе въ кабинетъ, зашелъ разговоръ о жизни холостой и семейной, о женитьбѣ, причемъ Братіано справлялся у присутствовавшихъ кто женатъ и кто нѣтъ, а затѣмъ круто повернувшись ко мнѣ спросилъ: «est vous mon colonel, êtes vous marié?» Скрываться болѣе было глупо въ виду очевидности раскрытія моего инкогнито, а также въ виду того, что моя дѣятельность и занятія не были направлены противъ румынъ, къ тому же Братіано былъ на сторонѣ союза съ Россіей, болѣе всѣхъ министровъ стоялъ за скорѣйшее заключеніе съ нами конвенціи, даже подписалъ предварительныя ея условія и если не представилъ еще ее парламенту и не ратификовалъ ее, то виною тому были въ значительной долѣ мы сами и отчасти обстоятельства.

Черезъ нѣсколько дней вновь встрѣтился я съ Братіано и онъ улыбаясь сказалъ мнѣ: «mon colonel, notre police est mauvaise, elle m'avait instruit que vous étiez partie». Въ то же время онъ разспрашивалъ обо мнѣ Бобрикова и понятнo получилъ отвѣты, вполне его успокоившіе.

IX.

Командированіе инженерныхъ офицеровъ въ Румынію для подготовки переправы и устройства мостовъ.—Скрытность и секретничаніе въ полевомъ штабѣ.—Затяжка въ заключеніи конвенціи съ Румыніею. Рекогносцировки дорогъ и береговъ Дуная.

Я упомянулъ уже о приѣздѣ въ Бухарестъ инженерныхъ офицеровъ: Кирпичева, Битнера и Мазюкевича. Первые двое были командированы начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи въ концѣ декабря 1876 г. или въ началѣ января 1877 г. съ цѣлью розысканія матеріаловъ для постройки моста. Они нашли въ верховьяхъ р. Ольты, верстахъ въ 30-ти отъ сѣверной границы Румыніи и примѣрно въ 50-ти отъ Германштадта, дѣсопильный заводъ какого-то венгерца Новака; заводъ былъ большой, и хозяинъ заявилъ, что можетъ поставить въ срокъ требуемое количество бревенъ, досокъ и построить сто деревянныхъ понтоновъ. Въ мартѣ 1877 года съ нимъ заключенъ былъ контрактъ, имѣя въ виду строить плотовый мостъ; но венгерецъ оказался несостоятельнымъ относительно выполненія контракта и въ мостъ былъ заготовленъ на Ольтѣ же, но у Слатины, полковникомъ Мазюкевичемъ, который тоже въ январѣ 1877 г. былъ командированъ въ Румынію для собранія свѣдѣній о средствахъ къ переправѣ и матеріалахъ для устройства мостовъ. Такимъ образомъ по одному и тому же дѣлу были

посланы изъ Кишинева, почти одновременно, три инженерныхъ офицера; разница была въ томъ, что первые двое были посланы исключительно инженернымъ управленіемъ, а въ посылкѣ послѣдняго принималъ участіе и полевой штабъ. По вопросу о матеріалахъ для мостовъ штабъ сносился съ барономъ Стуртомъ, а въ отсутствіе Г. И. Бобрикова и со мной; когда же пріѣхалъ Бобриковъ, то сношенія со штабомъ о лѣсномъ матеріалѣ перешли въ его руки и онъ доставилъ К. Левицкому въ февралѣ 1877 г. весьма подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о казенныхъ лѣсныхъ дачахъ въ Румыніи и условіяхъ заготовленія матеріаловъ. Инструкціи инженернаго вѣдомства предписывали командированнымъ офицерамъ избѣгать сношеній съ нашимъ консульствомъ и вести дѣло прямо отъ себя съ частными предпринимателями, а инструкціи полевого штаба рекомендовали обратное. Такая двойственность взглядовъ двухъ учрежденій одной и той же арміи весьма вредно отразилась на дѣла и, какъ увидимъ впоследствии, дѣло постройки моста окончилось благополучно только благодаря счастливымъ случайностямъ, энергіи и, скажу прямо, благодаря гражданскому мужеству полковника Мазюкевича ¹⁾. При командировкѣ этого штабъ-офицера произошелъ въ Кишиневѣ довольно оригинальный эпизодъ. Потребованный къ Левицкому, Мазюкевичъ увидѣлъ у него разложенную на столѣ огромную карту Дуная, и Левицкій просилъ Мазюкевича, чтобы онъ, во время своей командировки, опредѣлилъ и осмотрѣлъ наиболѣе удобные пункты для переправы. Мазюкевичъ, со времени пріѣзда въ Кишиневъ, усердно изучалъ сочиненіе генерала Шуберта ²⁾ «Статистическія свѣдѣнія о Молдаво-Валахіи», составленныя по повелѣнію императора Николая Павловича, послѣ войны 1828—1829 годовъ, которыя, несмотря на устарѣлость во многомъ, были вѣрны во всемъ, касавшемся топографіи страны. Нагруженный данными, почерпнутыми у Шуберта, Мазюкевичъ, по его же словамъ, «пропѣлъ Левицкому такую серенаду», что тотъ, изумленный обиліемъ свѣдѣній докладчика, спросилъ:

— Вы давно были на Дунаѣ?

— Никогда не былъ,—отвѣчалъ Мазюкевичъ и открылъ Левицкому секретъ своихъ знаній, а между тѣмъ сочиненіе Шуберта хранилось въ топографическомъ отдѣлѣ полевого штаба и не должно бы было, кажется, составлять недосыгаемый секретъ для генералъ-квартирмейстера.

По мнѣнію Мазюкевича, основанному на данныхъ Шуберта, удобнѣйшими пунктами для переправы можно была считать: Ольтеницу-

¹⁾ Подробности помѣщены въ статьѣ полковника Мазюкевича: „Подготовка инженерныхъ средствъ для переправы черезъ Дунай“. „Воен. Сбор.“ 1879 года № 11.

²⁾ Рукописное.

Туртукай и Турня-Маурели-Никополь ¹⁾, по слѣдующимъ причинамъ: 1) въ обоихъ мѣстахъ, при обыкновенной водѣ, Дунай имѣетъ отъ 400—500 сажень ширины; 2) къ Ольтеницѣ подходитъ р. Аржись, до ближайшей крѣпости Силистріи 50 верстъ, а до Рушука 60—65 верстъ; у Турня-Маурели впадаетъ въ Дунай р. Ольта, слѣдовательно заготовленіе моста и спускъ его въ Дунай въ обоихъ пунктахъ можно было произвести съ удобствомъ. Понятно, что эти разсужденія имѣли основаніемъ только топографическія данныя и существующія крѣпости. не принимая еще въ соображеніе группировку силъ противника.

При отправленіи Мазюкевича случился еще курьезъ, который стоить записать, такъ какъ то, что было съ нимъ, случилось и со многими лицами (а можетъ быть и со всѣми), командированными изъ Кишинева. Мазюкевича снабдили въ Кишиневѣ какимъ-то проходимцемъ, въ качествѣ переводчика, котораго, по прибытіи въ Бухарестъ, пришлось тотчасъ же прогнать по неблагонадежности. Встрѣтившись со мной, Мазюкевичъ впервые узналъ, что я живу въ Румыніи и съ какой именно цѣлью, а также узналъ, что занимаясь приготовленіемъ переводчиковъ и проводниковъ для арміи, я могу доставить ему изъ числа моихъ агентовъ или черезъ нихъ людей вполне благонадежныхъ. Прогнавъ своего грека, Мазюкевичъ получилъ отъ меня переводчика самого Евлогія Георгіева.

Давно уже извѣстно, что великое слагается часто изъ суммы мелочей; также давно извѣстно, что на войнѣ и мелочей-то нѣтъ: все важно. Одинъ только полевой штабъ нашъ не хотѣлъ этого признавать и дѣйствовалъ съ поразительной небрежностью и необдуманностью; мало того, разныя учрежденія дѣйствующей арміи не только чуждались, но какъ будто боялись другъ друга, скрытничали и распорядились безъ всякой связи. Мнѣ придется еще привести поразительный примѣръ небрежности полевого штаба, который могъ стоить жизни двумъ нашимъ выдающимся морякамъ: Модесту Дмитріевичу Новикову и Скрудлову и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, погубить или, по крайней мѣрѣ, затормозить важное дѣло, имъ порученное. Спасла счастливая случайность, но объ этомъ послѣ.

Дѣло о заключеніи конвенціи затягивалось иногда подъ самыми пустыми предлогами. Такъ, на примѣръ, безконечные споры и колебанія, а слѣдовательно и потерю во времени, вызвалъ вопросъ, какимъ словомъ назвать пребываніе нашихъ войскъ въ Румыніи. Въ началѣ предположено было назвать это оккупацией (occupation), что по смыслу вполне соответствовало сущности дѣла, такъ какъ пребываніе наше въ Румыніи естественно должно было быть продолжительнымъ, на все время

¹⁾ См. прилагаемыя при семъ карты за № 1 и № 2.

войны и притомъ съ извѣстными правами (напримѣръ, пользованіе квартирами, желѣзными дорогами, телеграфомъ и проч.). Но румынское правительство ни за что не соглашалось вставить это слово въ текстъ конвенціи, находя его унизительнымъ для національной гордости и предлагало написать «le passage des troupes Russes», т. е. проходъ. Это выраженіе мы не согласились принять, опасаясь усложненій отъ придирчивыхъ румынъ, такъ какъ подобная фраза подразумѣвала только кратковременныя остановки, ночлеги и дневки, необходимыя для отдыха войскъ, а между тѣмъ съ объявленіемъ войны и до окончанія ея, Румынія дѣлалась нашей временной базой. Послѣ долгихъ споровъ, предложеній и контръ-предложеній, остановились на словѣ séjour, пребываніе. Весьма продолжительные, подчасъ непріятные разговоры возникали изъ вопроса о проходѣ нашихъ войскъ черезъ столицу Румыніи. Дѣло въ томъ, что вокзалъ сѣверной желѣзной дороги, ведущей изъ Россіи, находился на сѣверной окраинѣ города и войска наши, высаживаясь на этой окраинѣ, должны были проходить черезъ весь городъ, направляясь на югъ къ Дунаю походнымъ порядкомъ, или къ вокзалу южной желѣзной дороги, такъ какъ обводнаго желѣзнаго пути съ сѣвера на югъ около города не существовало. Румыны ни за что не соглашались допустить проходъ нашихъ войскъ черезъ ихъ столицу, находя это почему-то оскорбительнымъ для націи, и требовали, чтобы войска наши, высадившись на сѣверномъ вокзалѣ, шли пѣшкомъ вокругъ города.

Такое движеніе мы находили неудобнымъ и обиднымъ; кромѣ того, на практикѣ было чрезвычайно трудно это выполнить, потому что Букарестъ, не имѣя специальной грунтовой объѣздной дороги, былъ окруженъ садами, огородами и полями частныхъ лицъ. Какъ ни бились, а по этому вопросу румыны одержали верхъ—и войска наши колесили кругомъ города, по вновь проложеннымъ путямъ, потребовавшимъ предварительныхъ работъ, устройства мостовъ, проѣздовъ и т. д. ¹⁾

Однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ вопросовъ въ сношеніяхъ нашего правительства съ румынскимъ были вопросы желѣзнодорожные. Румынскія желѣзныя дороги по большей части были построены частными и притомъ иностранными компаніями, которыя ихъ и эксплуатировали на основаніи условій, заключенныхъ съ мѣстнымъ правительствомъ. Теперь же являлся новый участникъ въ пользованіи дорогами—наша армія. Для веденія переговоровъ о желѣзныхъ дорогахъ былъ командированъ въ Букарестъ изъ Кишинева инженеръ путей сообщенія Александръ Николаевичъ Измайловъ. Чистокровный великороссъ, до-

¹⁾ Впоследствии румыны разрѣшили нашей гвардіи проходить черезъ городъ, но и это потому, что они сами приняли къ тому времени активное участіе въ войнѣ.

брѣйшій и милѣйшій человекъ, знатокъ своего дѣла, Измайловъ поселился въ «Hôtel Boulevard», скоро сошелся со мной и съ Г. И. Бобриковымъ, пропадавъ дѣлые дни, проводя ихъ то въ министерствѣ des travaux publiques, то въ управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ и вечеромъ возвращался къ намъ, и тутъ-то «матушка Москва», какъ прозвали мы Измайлова, изливалъ намъ свое горе, волненіе и неудовольствія, претерпѣнныя за день.

Я не буду описывать всѣхъ этихъ переговоровъ, такъ какъ они составляли отдѣльную спеціальную область, въ которой царилъ Измайловъ, скажу только вкратцѣ, что мы требовали отъ румынъ уступки въ полное наше распоряженіе извѣстное число поѣздовъ ежедневно, оставляя остальные поѣзда для потребностей пассажирскаго и товарнаго движенія страны; но такъ какъ дороги имѣли по нѣсколько хозяевъ, т. е. правительство Румыніи и частныя компаніи—собственники дорогъ, то и переговоры должны были быть ведены со многими лицами, причемъ по поговоркѣ: хвостъ вытянешь—носъ увязнетъ, случалось такъ, что одинъ согласится, а другой откажется: то администрація дороги согласна, то министерство упрямится и обратно. Большимъ тормазомъ быстрому ходу этихъ спеціальныхъ переговоровъ служило то, что главная администрація нѣкоторыхъ дорогъ находилась не въ Румыніи, а за границей, и мѣстные директоры дорогъ не были уполномочены для немедленнаго рѣшенія дѣла, а должны были сноситься съ главными конторами. Надо замѣтить, что главныя конторы, находившіяся въ Австріи и Венгріи и принадлежавшія австрійскимъ и венгерскимъ капиталистамъ, вовсе не были расположены помогать намъ дѣятельно, а наоборотъ. вмѣстѣ съ тѣмъ провозоспособность дорогъ была весьма мала, вагоновъ, а въ особенности платформъ, было мало, приспособленія для выгрузки и нагрузки были конечно до крайности недостаточны и не вездѣ устроены. На всѣ эти приготовления требовалось время, матеріалы и деньги, а между тѣмъ вопросъ о войнѣ или мирѣ еще висѣлъ на воздухѣ и ни къ чему приступать было нельзя. Всю эту кашу расхлебывалъ Измайловъ и понятна въ какомъ волненіи являлся онъ къ нашему вечернему чаю. Къ великому огорченію Измайлова и чайку-то попить нельзя было какъ слѣдуетъ: не было самовара. Однажды какъ-то Измайловъ явился торжествующимъ и объявилъ, что хозяинъ гостиницы Поль Зейдель обѣщавъ достать самоваръ, настоящій, новый. Мы были въ восторгѣ, но скоро разочаровались: постоянный нашъ прислужникъ, обрумынившійся австрійскій жидъ, кельнеръ Эдуардъ, торжественно внесъ огромный посеребренный чайникъ на подставкѣ и спиртовую лампочку.

Въ послѣднихъ числахъ декабря получилъ и изъ Кишинева запросъ, согласенъ ли я занять мѣсто начальника штаба Кавказской казачьей

дивизіи, сформированной при Дунайской арміи, причѣмъ мнѣ предстояло вступить фактически въ должность по объявленіи войны и приходѣ дивизіи въ Румынію, а до тѣхъ поръ я долженъ былъ оставаться въ командировкѣ за границей. Мнѣ сообщали, что дивизію эту предполагено направить къ Журжеву. Я съ удовольствіемъ согласился на это предложеніе тѣмъ болѣе, что назначеніе это должно было считаться временнымъ и я по-прежнему оставался въ моей должности для порученій при великомъ князѣ.

Въ послѣднихъ числахъ января получено было наконецъ столь долго ожидаемое письмо начальника полевого штаба Евлогію Георгіеву съ благодарностью. Оно было написано совершенно въ томъ духѣ, какъ о томъ просилъ баронъ Стуртъ, и Евлогіи ликоваль.

Пользуясь пріѣздомъ Бобрикова, предпринялъ я разныя поѣздки для рекогносцировокъ какъ по Дунаю, такъ и внутри Румыніи. Не имѣя возможности поспѣть вездѣ лично, я оставлялъ для себя важнѣйшія, въ томъ числѣ конечно Дунай, а менѣе важныя возлагалъ на моихъ помощниковъ, преимущественно на Наботкова, который, будучи воспитанникомъ нашего Технологическаго института, имѣлъ данныя для успѣшнаго производства рекогносцировокъ дорогъ ¹⁾.

Въ январѣ мнѣ представлялся чудесный случай произвести рекогносцировку Дуная отъ Журжева до Систова для опредѣленія конфигураціи береговъ, плавая по Дунаю. Дѣло въ томъ, что въ Русукѣ у одного грека Andréas, бѣднаго судопромышленника, была паровая лодка, mouche, которую онъ предлагалъ отдать мнѣ въ наймы. Лодка эта поднимала кромѣ трехъ человѣкъ прислуги, въ томъ числѣ и хозяина, еще 2—3 человѣкъ.

Обсуждая этотъ вопросъ Евлогіи Георгіевъ, черезъ котораго отчасти велось дѣло, энергично возставалъ противъ поѣздки заявляя: 1) грекъ, хозяинъ лодки, не то другъ, не то поставщикъ турокъ; онъ направитъ

¹⁾ Обрекогносцированы были дороги: изъ Зимницы въ Турнь-Магурели (двѣ вѣтви), изъ Слатины на Турнь-Магурели, изъ Излазъ на Турнь-Магурели, изъ Каракала на Излазъ, изъ Кораби на Илазъ, всѣ—не шоссевыя; изъ Журжева въ Зимницу, изъ Букареста на Журжево, на Александрію, Турнь-Магурели и на Зимницу, а затѣмъ всѣ не шоссевыя, но лучшія дороги изъ Галаца, Бранлова на Урвичени и Букарестъ и отъ Яссъ къ Букаресту. Шоссеыя дороги не рекогносцировались. Лѣвый берегъ Дуная обрекогносцированъ отъ Журжева къ западу до Турнь-Магурели и къ востоку до овера Гречилоръ. За Дунаемъ моими помощниками осмотрѣны въ январѣ и февралѣ дороги: изъ Систова на Сельви и Габрово, изъ Систова на Тырново, изъ Тырново и Габрова черезъ Шишкинскій перевалъ въ Казанлыкъ, изъ Казанлыка на Ески-Загру, на Сливенъ, изъ Шумлы на Чалыкъ-Авакъ и Карнабадъ, изъ Елены на Котль (Казанъ) и изъ Елены на Сливенъ; изъ Ловчи черезъ Траяновъ перевалъ, дороги въ окрестностяхъ Разграда и Бѣлы, Карлова и Калофера, и много другихъ, о которыхъ я уже забылъ.

подъ разными предлогами ходъ лодки ближе къ южному берегу Дуная или на мель у турецкаго берега и тогда дѣло плохо; 2) будь это лѣтомъ еще можно рискнуть, а зимой, при большой водѣ и вѣтрахъ, вѣхать на скорлупѣ, которая и названіе-то имѣетъ—муха, рискованно.

Начовичъ и Церковскій, которыхъ я хотѣлъ взять съ собой, возражали: 1) имѣя при себѣ оружіе можно заставить грека слушаться, а относительно втораго—авось не будетъ вѣтра. Главное же условіе успѣха—деньги, такъ какъ грекъ заломилъ неимовѣрную сумму, выставляя на видъ, что если поѣздка удастся, то по возвращеніи турки непременно узнаютъ о ней и отберутъ у него лодку.

Поѣздка эта была бы весьма полезна, такъ какъ проѣзжая сухопутьемъ по лѣвому (сѣверному) берегу Дуная верхомъ, приходилось, вслѣдствіе сильнаго разлива и затопленія береговъ, далеко отъѣзжать отъ дѣйствительной береговой полосы Румыніи и постоянно терять изъ виду возвышенный правый берегъ, тѣмъ болѣе, что всю зиму погода была сырая и господствовали туманы. Я написалъ въ Кишиневъ, прося денегъ и указавъ, на что именно.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О п е ч а т к а :

Въ статьѣ „Изъ прошлаго“, напечатанной въ № 3, „Русской Старины“, вкралась опечатка: на страницѣ 633, строка 12 сверху напечатано: исторіи Румыніи нѣтъ и не было (въ 1886 г.), должно быть (въ 1876 г.).

Письмо И. И. Дмитриева—къ А. И. Тургеневу.

29-го мая 1821 г. Москва ¹⁾.

Повторяя мою благодарность за доставленіе ко мнѣ Жуковскаго перевода англо-индѣйской поэмы, прошу васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, принять и отъ меня въ гостинецъ московскій переводъ Виргиліевыхъ Георгикъ. Онъ лишь только отпечатанъ и еще не объявленъ публикѣ. Николай Михайловичъ ²⁾ порадовалъ меня обща-ніемъ прислать 9-й томъ его Исторіи. Сдѣлайте одолженіе, постарай-тесь, чтобъ я скорѣе получилъ его. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ вы были спокойны насчетъ Сергѣя Ивановича ³⁾ и по-прежнему любили искренно почитающаго васъ и покорнѣйшаго слугу вашего превосход-тельства

Ивана Дмитриева.

¹⁾ Письмо это напечатано на стр. 1135 „Русск. Архива“ 1867 г., № 7, во безъ даты.

²⁾ Н. М. Карамзинъ.

³⁾ Брата А. И. Тургенева.

Изъ воспоминаній стараго педагога.

I.

Прикамское село Шуранъ и его легендарный замокъ.—Развалины болгарскаго городка Кошана.—Картина помѣщицѣй усадьбы.—Холера.—Безпомощность населенія.—Разбойничество по Волгѣ и Камѣ какъ продуктъ крепостного права.—Быковъ и Чайкинъ.—Воспитаніе и обученіе барчасть.—Крестьянскіе ребятишки и ихъ нравственный обликъ.—Безсистемное домашнее чтеніе.

„Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,—
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Веселье, игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнить!..

В. Жуковскій).

На живописномъ горномъ берегу Камы, верстахъ въ двадцати отъ уѣзднаго города Лаишева Казанской губерніи, высятся большой каменный домъ, окруженный со всѣхъ сторонъ каменною же стѣною. Этотъ домъ въ половинѣ прошлаго столѣтія принадлежалъ богатому помѣщику, капитану Андрею Нармацкому, который пріобрѣлъ себѣ самую печальную извѣстность. Село Шуранъ, гдѣ стоялъ его домъ, было разбойничьимъ гнѣздомъ въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія. Нармацкій отдалъ приказъ по селу—не пропускать по Камѣ ни одного паруснаго и гребного судна съ товарами и ни одного обоза въ зимнее время безъ взысканія налога въ пользу шуранскаго помѣщика, который образовалъ изъ своей многочисленной дворни отрядъ вооруженныхъ людей и въ Шуранѣ устроилъ настоящій разбойничій притонъ, мимо котораго не было ни прохода, ни проѣзда. Наконецъ, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія Нармацкій сосланъ былъ въ Тобольскъ, гдѣ и умеръ трагическою смертію. Суще-

ствуетъ преданіе, что сибирскій генераль-губернаторъ Чичеринъ приказалъ утопить его въ Иртышѣ за доносъ, перехваченный Чичеринымъ. Сынъ Нармацкаго, Петръ, былъ совершенною противоположностью своему отцу. Поселившись въ Шуранѣ, онъ велъ жизнь уединенную, не вмѣшивался въ хозяйство, словомъ, отличался тихимъ нравомъ. Онъ любилъ строить церкви, и прекрасная церковь въ самомъ Шуранѣ была построена имъ же. Его сестра, Марья Андреевна, была замужемъ за богатымъ помѣщикомъ, Яковомъ Нефедьевичемъ Кудрявцевымъ. У нея было двѣ дочери: Надежда Яковлевна, бабушка по матери пишущему эти строки, и Вѣра Яковлевна. По наслѣдству Шуранѣ перешелъ къ Надеждѣ Яковлевнѣ. Яковъ Кудрявцевъ былъ богатый помѣщикъ. Его отецъ, Нефедъ, и дѣдъ, Никита, были казанскими губернаторами, начиная съ 1714 года. Никита Кудрявцевъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Петра Великаго въ его заботахъ объ охраненіи лѣсовъ въ Поволжьѣ и непосредственнымъ исполнителемъ царскихъ предначертаній по кораблестроенію въ Казани и по устройству здѣсь адмиралтейства для Каспійскаго моря. Сынъ его, Нефедъ, во время нашествія Пугачева, былъ умерщвленъ мятежниками въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, будучи уже столѣтнимъ старцемъ.

Село Шуранѣ, почтовая станція по такъ называемому оренбургскому тракту, пріобрѣвшее такую печальную извѣстность, расположено въ красивой и живописной мѣстности. Оно принадлежало двумъ владѣльцамъ: меньшая часть—моей матери, а большая ея брату. Послѣ окончанія турецкой кампаніи 1829 года дядя поселился въ Шуранѣ, получивъ въ наслѣдство большой каменный домъ бывшихъ помѣщиковъ Нармацкихъ. Этотъ домъ представлялъ изъ себя въ то время руину: стѣны дома, толщиною въ нѣсколько аршинъ, оклеены были шелковыми и бархатными обоями, но все было попорчено, такъ какъ крыша давала издавна течь. Несмотря на столѣтнюю давность, домъ сохранилъ всѣ свои типическія особенности: въ нижнемъ этажѣ комнаты со сводами, восьмиаршинной вышины, окна съ толстыми желѣзными переплетами, съ цвѣтными стеклами, службы всѣ каменные. Стоило большихъ денегъ привести домъ въ порядокъ, такъ какъ онъ былъ построенъ съ башнями, тайниками и подземельями. Преданіе говорить, что въ домѣ находились подземныя тюрьмы съ цѣпами, кольцами, съ чугунными стульями, колодками, рогатками и прочими орудіями, устроенными А. П. Нармацкимъ. Я видѣлъ въ шуранской церкви тяжеловѣсный чугунный стулъ, къ которому, по преданію, Нармацкій приковывалъ попадавшихъ въ его когти. Этотъ стулъ обыкновенно подавали, послѣ окончанія свадьбы, невѣстѣ и тутъ же убирали ей голову.

Мѣстность, гдѣ находится Шуранѣ, пріобрѣла себѣ извѣстность и съ другой стороны. Не далѣе, какъ въ 3—4 верстахъ отъ него нахо-

дятся развалины древняго болгарскаго городка Кошана. До сихъ поръ еще сохранились земляные валы въ окрестностяхъ, на пашнѣ находятъ почти каждое лѣто серебряныя и мѣдныя монеты, разныя вещи и украшенія. Внутренность городка еще не распахана,—народъ боится разрушать татарскую вѣковую святыню. И что за чудный видъ открывается съ этого Кашана на луговой берегъ Камы, на окрестныя поля и береговыя долины! Странное дѣло, что казанское археологическое общество не произведетъ здѣсь фундаментальныхъ раскопокъ, а между тѣмъ, о Кашанѣ упоминается въ извѣстной книгѣ С. М. Шпилевскаго: Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи.

Мѣстное преданіе говоритъ, что на Кошанѣ запоздалымъ путникамъ являются разныя чудовища и женщины-татарки въ древне-азиатскихъ костюмахъ, и поѣтому здѣсь никогда нельзя встрѣтить пѣшехода.

Мѣстность, занимаемая Кошаномъ, распаханная подъ пашни, отличается невиданными въ Казанской губерніи урожаями самъ—18, самъ—20. Въ самое послѣднее время она перешла во владѣніе извѣстнаго чайнаго торговца, купца Молоткова. Онъ поставилъ сразу хозяйство на рациональную почву, и тишина кошанскаго поля, въ нѣдрахъ котораго скрыты смертныя останки обитателей Кошана, стала нарушаться свистками локобилей, шумомъ и стукомъ паровыхъ вѣялокъ, сѣялокъ и т. п. Можно надѣяться, что г. Молотковъ подберетъ подъ свою купеческую руку большинство окрестныхъ полей. Многочисленные овраги у с. Шурана мѣстными крестьянами были завалены навозомъ, который постепенно спускался къ р. Камѣ. Молотковъ понялъ всю цѣнность, какою представляло собою это удобреніе. За нѣсколько десятковъ ведеръ водки навозъ былъ извлеченъ крестьянами, и поля Молоткова получили прекрасное удобреніе, говорятъ, въ общей сложности, около 8000 возовъ. И это происходило въ началѣ 90-хъ годовъ, когда въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ и въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ происходили оживленныя пренія объ упадкѣ нашего сельскаго хозяйства и причинахъ его, и объ изысканіи и ввозовъ разныхъ удобрительныхъ туковъ, фосфоритахъ и пр.

Домъ моей покойной матушки въ с. Шуранѣ весело глядѣлъ на луговую сторону р. Камы и, какъ при каждомъ помѣщичьемъ домѣ, при немъ былъ фруктовый садъ, обычныя огороды и пр. Какъ всѣ помѣщичьи гнѣзда въ крѣпостное право, домъ былъ полонъ многочисленною домашнею прислугою: были, разумѣется, свои мастеровые, портные, сапожники, столяры, разныя Агашки, Оеньки, Палашки и т. п. Замѣчательно, что всѣ они постоянно находили себѣ дѣло, работу. Людей занимали такими пустяками, какъ щипанье перьевъ въ осеннее время, приготовленіемъ на зиму каленыхъ орѣховъ, калины на пироги, сло-

вомъ, это была печальная картина нашего общественнаго неуройства; а между тѣмъ, никто изъ господъ никогда не думалъ открыть школу, устроить больницу или хоть пріемный покой, вымостить улицу, словомъ, хоть немного культивировать безграмотное населеніе своей помѣщичьей усадьбы. Мы видимъ только одну грубую эксплуатацію народнаго труда, здоровья, картину повсемѣстной безграмотности, полной безпомощности народныхъ массъ. Я помню, какъ въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ Казанскую губернію посѣтила холера. Она производила страшныя опустошенія, находя себѣ готовую почву въ испорченной водѣ въ озерахъ и рѣчкахъ, а главное, силы крѣпостнаго населенія были надорваны скуднымъ питаніемъ, тяжелою барщиною, не было, словомъ, той жизненной энергіи и тѣхъ элементарныхъ медицинскихъ свѣдѣній, которыя могли бы оказать хоть какое нибудь сопротивленіе страшной азіатской гостѣ. Одинъ врачъ на обширный уѣздъ разумѣется не могъ оказать населенію помощи. Бѣдствіе еще болѣе увеличивалось оттого, что по берегамъ сплавныхъ рѣкъ: Камы, Волги и другихъ разбрасывались больные холерой бурлаки, нанятые на работы судохозяевами преимущественно изъ безпаспортныхъ или бѣглыхъ; съ ними не церемонились и безчеловѣчно оставляли умирать подъ открытымъ небомъ. На сельскомъ кладбищѣ въ Шуранѣ стояла деревянная часовня. Во время холеры покойниковъ свозили предварительно въ эту часовню и на ночь зажигали передъ ними восковыя свѣчи; покойники лежали въ бѣлыхъ саванахъ съ страшными лицами. Въ темные лѣтніе вечера эта освѣщенная часовня производила впечатлѣніе ужаса.

Спустя слишкомъ сорокъ лѣтъ, когда припоминаешь ужасную картину гибели безпомощнаго народа отъ холеры, проникаешься искреннимъ уваженіемъ, благодарностью къ полезной дѣятельности нашего земства, устроившаго и больницы, и пріемные покои и фельдшерскія школы и учредившаго стипендіи на медицинскихъ факультетахъ. Тутъ только и узнаешь цѣну толковаго самоуправленія, разумной инициативы, и въ наше время та же самая холера, по крайней мѣрѣ въ земскихъ губерніяхъ, встрѣтитъ сильный отпоръ.

Да, народъ дѣйствительно былъ безпомощенъ. Мелкіе помѣщики, сами люди полуневѣжественные, полуграмотные, составляли главный контингентъ дворянъ въ Казанской губерніи. Эта саранча, обремененная большими семьями, большею частью уже исчезла послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, перебралась въ губернскіе и уѣздные города дождать послѣднія крохи въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ и жалкихъ остатковъ отъ аукціонныхъ продажъ насиженныхъ гнѣздъ. Мелкопомѣстные дворяне были бѣльмомъ на глазу, были настоящимъ язвою, разѣдающею общественный организмъ. Ихъ самоуправство своими крестьянами служило причиною развитія въ Россіи разбойничества, разныхъ

Ивановъ, не помнящихъ родства, развитія пожаровъ, производимыхъ изъ мщенія. Я помню, то было въ началѣ 50-хъ годовъ, когда на Камѣ и на Волгѣ не возникло еще правильное пароходство, въ видахъ обезпеченія безопасности судоходства, правительство содержало вооруженныя малокалиберными ружьями суда, команда которыхъ вооружена была кремневыми ружьями: суда эти носили названіе «гардкоутовъ»; они находились въ вѣдѣніи Управленія путей сообщенія и только въ 1856 году состоялось ихъ полное упраздненіе.

Развитіе пароходства по рр. Волгѣ и Камѣ положило конецъ разбоямъ и сдѣлало ихъ отошедшими въ область преданій, но главнымъ образомъ этому содѣйствовала великая реформа 19 февраля 1861 года, сгладившая на Руси всѣ социальныя аномаліи, которыя создавали Разинныхъ, Пугачевыхъ и цѣлыя плеяды поволжскихъ «удалыхъ добрыхъ молодцевъ», память о которыхъ, какъ память о чемъ то давно пережитомъ и пережитомъ, долго будетъ еще жить въ эпическихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ русскаго народа. Покойный профессоръ русской исторіи Николай Яковлевичъ Аристовъ издалъ цѣлую коллекцію разбойничьихъ пѣсенъ, живо рисующихъ нашу социальную неурядицу—крѣпостничество, на почвѣ котораго главнымъ образомъ и выросло разбойничество, державшее постоянно въ страхѣ волжско-камское судоходство.

Въ анатомическомъ музеѣ Казанскаго университета сохраняются до настоящаго времени два скелета знаменитыхъ разбойниковъ: Бывкова и Чайкина, засѣченныхъ шпицрутенами въ 1847 году на Арскомъ полѣ въ Казани.

Жизнь моя въ деревнѣ, до поступленія въ гимназію, протекала точно такъ, какъ у огромнаго большинства дѣтей тогдашнихъ помещиковъ. О какой-либо правильной системѣ воспоминанія, о какомъ либо образованіи не могло быть и рѣчи. Еще къ величайшему моему счастью, я былъ очень впечатлителенъ къ окружающей природѣ. Съ раннихъ лѣтъ я развилъ въ себѣ большую отвагу, безбоязненно одинъ переплывалъ въ утломъ челнѣ широкую Каму, ходилъ на охоту въ прикамскіе луга, и природа поддерживала во мнѣ бодрость духа, веселое настроеніе, а, главное, здоровье. Я былъ очень близокъ къ міру крестьянскихъ дѣтей. Крестьянскія дѣти, однолѣтки со мною, всегда поражали меня своею нравственною чистоплотностью, порядочностью. Не барскія дѣти имъ, а они могли служить намъ во многихъ отношеніяхъ назидательнымъ примѣромъ, образцомъ для подражанія: они были лучше и нравственнѣе насъ, «барскихъ дѣтей». Прежде всего они были трудолюбивы. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ крестьянскій парнишка дѣлался помощникомъ своего отца: онъ боронилъ поле, возилъ на него навозъ, возилъ дрова изъ лѣсу, возилъ снопы съ отцовскаго поля на гумно,

ночью онъ сторожилъ лошадей въ глухихъ лѣсистыхъ оврагахъ, помогая своей матери въ уходѣ за домашнимъ скотомъ и птицею, а зачастую онъ оставался единственнымъ лицомъ въ домѣ, исполняя обязанности и сторожа, и няньки. Какъ ни бѣдна была обстановка его, но она выработывала въ немъ почтенную самостоятельность, выносливость, терпѣливость и замѣчательную правдивость. Нужно было только удивляться, какъ при такомъ скудномъ питаніи организмъ крестьянскаго мальчика переживалъ всѣ невзгоды и постепенно получалъ закалъ, который дѣлалъ его трудолюбивымъ и выносливымъ труженикомъ-земледѣльцемъ, постепенно выработывалась та производительная сила въ экономическомъ смыслѣ, которая своими трудами поддерживала весь строй государства. Повторяю, что дѣти крестьянъ, какъ я ихъ могъ узнать съ раннихъ лѣтъ моей жизни, были лучше насъ, были гораздо воспримчивѣе насъ ко всему хорошему, разумному и полезному.

Въ 70-хъ годахъ, когда я уже учительствовалъ въ Петербургѣ, я пріѣхалъ въ Шуранъ на каникулы. Одинъ разъ, возвращаясь въ бурную, дождливую погоду съ охоты, я вошелъ въ рыбацью землянку на обрывистомъ берегу Камы и увидѣлъ передъ костромъ двухъ крестьянскихъ мальчиковъ, лежавшихъ на полу и вслухъ читавшихъ «Дѣтскій міръ» Ушинскаго. Отъ времени до времени этимъ мальчуганамъ приходилось, несмотря на бурную, дождливую погоду, выѣзжать въ лодкѣ для осмотра рыболовныхъ снастей. Пора была сѣнокосная: отцы ушли на работу, оставивъ своихъ парнишекъ-дѣтей распоряжаться самостоятельно. Ужъ въ одномъ этомъ приведенномъ фактѣ проглядываетъ замѣчательное довѣріе къ способностямъ и силамъ дѣтей, увѣренность въ разумность ихъ поведенія. Подобныя нравственныя отношенія устанавливали взаимное уваженіе, выработывали правдивость, отсутствіемъ которой въ особенности страдаютъ культурные классы.

Съ учрежденіемъ земскихъ школъ, съ открытіемъ учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ мало-по-малу, постепенно, стала проникать грамотность въ темныя массы народа. Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ учителей сельскихъ школъ, что среди учениковъ нерѣдко попадаются мальчики, замѣчательные по своимъ дарованіямъ, но, къ крайнему сожалѣнію, жизненныя условія не открывали возможности къ дальнѣйшему ходу ихъ образованія, и они безслѣдно терялись въ массѣ сѣраго люда. Невольно по этому случаю приходитъ слѣдующее соображеніе: какъ были бы вполнѣ производительны расходы нашихъ земствъ, еслибы они наиболѣе даровитыхъ учениковъ своихъ школъ, по мѣрѣ возможности, проводили черезъ среднія и высшія учебныя заведенія; какую бы свѣжую струю земство тѣмъ самымъ влило бы въ запылявшую атмосферу большинства привилегированныхъ заведеній, уже не говоря про то, что подобныя зем-

скіе стипендіаты явились бы самыми желательными людьми, самыми полезными дѣятелями въ качествѣ ли врачей или другихъ дѣятелей на почвѣ родной нивы. Теперь же наши учебныя заведенія, и классическія, и реальныя, и гражданскія, и военныя, постоянно измышляютъ всевозможные способы и средства къ подтягиванію лѣнливыхъ, къ развѣтію мозговъ тупоголовыхъ.

У большинства помѣщиковъ въ мое дѣтство обученіе и образованіе дѣтей до-школьнаго возраста было крайне небрежно, подготовка давалась самая плохая, ученіе безсистемное. Частныя учебныя заведенія, такъ называемыя пансіоны, были только въ губернскихъ городахъ и по цѣнѣ недоступны были многимъ. Хорошо еще, если сельскій священникъ отдавалъ свое досужее время на ученіе барченка. Женскихъ гимназій въ то время еще не существовало. Родіоновскій институтъ, открытый въ 1842 году, наполнялся ученицами не только изъ Казанской, но и изъ сосѣднихъ губерній, а потому и попасть въ него было довольно трудно, и первое время, до 1862 года, онъ былъ заведеніемъ четырехкласснымъ. Какъ извѣстно, большинство нашихъ помѣщиковъ были изъ отставныхъ военныхъ, въ разныхъ капитанскихъ и маіорскихъ чинахъ, штабъ-ротмистры и т. п. Своихъ сыновей чаще всего они опредѣляли въ существовавшіе тогда въ Москвѣ и Петербургѣ кадетскіе корпуса, считая ихъ не столько учебными заведеніями, сколько исправительными, могущими обуздать саврасовъ безъ узды.

Въ Казани была бібліотека инспектора и послѣдствіи директора 1-й гимназіи, Ивана Александровича Сахарова; большинство помѣщиковъ абонировались въ ней. Книги были большею частью переводныя и, разумѣется, на первомъ планѣ стояли корифеи тогдашней французской литературы: Евгений Сю, Бальзакъ, Александръ Дюма, Жоржъ Зандъ и т. д. Отъ времени до времени мой дядя покупалъ книги духовнаго содержанія, изданія кievской и московской духовныхъ академій; тутъ были и творенія Василія Великаго и другихъ вселенскихъ учителей, и житія святыхъ Андрея Муравьева и пр. Я помню, совершенно случайно мнѣ попалась очень талантливо написанная книжонка: «Казнь герцога Энгіенскаго» въ переводѣ съ французскаго. Рассказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Уже въ срединѣ 50-хъ годовъ сталъ издаваться прекрасный дѣтскій журналъ: «Подснѣжникъ», статьи котораго до сихъ поръ не утратили своего воспитательнаго значенія, но, къ сожалѣнію, сдѣлался бібліографическою рѣдкостью. Кромѣ того, двѣ писательницы, Ишимова и Зонтагъ, дали цѣлую серію очень хорошихъ книгъ для дѣтскаго чтенія, совмѣстно съ книгами Михаила Борисовича Чистякова и съ только что появившимся знаменитымъ трудомъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова: «Дѣтскіе годы Багрова внука» и «Семейная хроника». Къ намъ, въ деревню, попали, кромѣ того, сказки Гофмана,

Робинзонъ Крузо, собраніе сочиненій Ломоносова и, къ довершенію всего, творенія Іосифа Флавія. Но все домашнее чтеніе было крайне безсистемно, безконтрольно, а между тѣмъ, наступало время (миѣ было уже 10 лѣтъ), когда меня, по примѣру моихъ двухъ старшихъ братьевъ, рѣшено было отдать въ пансіонъ 1-й казанской гимназіи.

II.

Поступленія мое въ 1-ю казанскую гимназію.—Отличительныя особенности этой гимназіи.—Разнокалиберность состава учащихся и учащихся.—Кантонисты, башкиры и казаки.—Четырнадцатилѣтняя дѣятельность Сахарова какъ инспектора и директора.—Еженедѣльные эзекуціи.—Основной принципъ Сахаровскаго воспитанія.—Министръ А. С. Норовъ.—Періодическіе отдыхи въ деревнѣ на Пасхѣ и въ каникулы.—Празднованіе въ Казани коронаціи императора Александра II-го.

Въ 1854 году матушка отвезла меня самолично въ августѣ мѣсяцѣ въ 1-ю казанскую гимназію, гдѣ уже раньше учились двое моихъ братьевъ.

Первая казанская гимназія въ 1868 году, какъ извѣстно, отпраздновала столѣтіе своего существованія. Въ то время, о которомъ я говорю, въ срединѣ 50-хъ годовъ, она представляла изъ себя до такой степени своеобразный, оригинальный видъ, что, безъ преувеличенія, была единственнымъ въ своемъ родѣ учебнымъ заведеніемъ.

Гимназія рѣзко выдѣлялась изъ ряда подобныхъ учебныхъ заведеній тѣмъ уже, что въ средѣ ея воспитанниковъ обучались сыновья знатныхъ юго-восточныхъ инородцевъ, башкиръ, киргизовъ и проч., высылаемые оренбургскимъ генераль-губернаторомъ въ выучку,—сыновья мѣстныхъ казанскихъ татаръ, дѣти казаковъ изъ разныхъ станицъ уральскаго войска и, наконецъ, къ довершенію всего, въ первыхъ четырехъ классахъ приходили слушать уроки кантонисты по ариметикѣ, русскому языку, закону Божію и географіи. Имъ отводилось обыкновенно мѣсто на заднихъ скамейкахъ. Инородцы были мальчики грубые, циничные, нравственно крайне испорченные, великовозрастные и большинство изъ нихъ, не кончая курса, отправлялись во-свои такіими же «Митрофанами», какими и пріѣзжали. Ихъ немедленно женили дома и они составляли уже мѣстную интеллигенцію въ кочевыхъ юртахъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли въ Казани историческую извѣстность своею невѣроятною геркулесовскою силой; таковъ былъ, напримѣръ, башкирецъ, по фамиліи Рѣзановъ. Онъ съ нѣсколькими другими голворѣзцами башкирами остановилъ у театральнаго подъѣзда карету

помѣщицы Мергасовой и не далъ ей возможности отъѣхать отъ театра. Этотъ почтенный мужъ совершилъ сей подвигъ въ бытность свою студентомъ университета и, разумѣется, приобрѣлъ оригинальную извѣстность. Какъ товарищи, башкиры-гимназисты были народъ никуда негодный, а, главное, опасный, такъ какъ не стѣснялись кулачной расправы. Я помню, въ моемъ классѣ былъ башкиръ, по фамиліи Бикташевъ, который умудрялся съѣдать двойную порцію казенныхъ булокъ за сбитнемъ и красть куски жареной говядины за обѣдомъ. Но это не единичные примѣры.

Не таковы были бѣдные кантониисты. Несмотря на свое безусловно несчастно-безвыходное положеніе, на забитость и униженность той среды, изъ которой они вышли, кантониисты отличались благовоспитанностью и скромностью. Они учились прекрасно и отъ гимназистовъ рѣдко выдѣлялись своею грамотностью, чистоплотностью и невольно внушали къ себѣ и сочувствіе, и симпатію. Таковы были учебные элементы 1-й казанской гимназіи. Къ этому еще прибавлю, что составъ преподавателей въ гимназіи былъ самый разнообразный: были преподаватели персы, какъ напр., Каземъ-бекъ, италіанцы (Больдани), поляки (Лукашевскій, Имшенецкій), нѣмцы изъ Курляндіи (Крелленбергъ), французы (Дютрессейль), швейцарцы, датчане, татары и проч. На уроки закона Божія приходили то нѣмецкіе пасторы (Бундани), то татарскіе муллы, то буддійскіе ламы для степныхъ инородцевъ и, разумѣется, также ксендзы. Весь этотъ муравейникъ, разноплеменный и разноязычный, былъ подъ непосредственнымъ начальствомъ съ 1851 года директора гимназіи, Андрея Александровича Ростовскаго, мѣстнаго казанскаго уроженца, аристократа, имѣвшаго прекрасный домъ на Грузинской улицѣ. До своего директорства Ростовскій служилъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку, былъ раненъ во время войны противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году и, лѣтъ двадцать спустя, получилъ мѣсто директора. Это былъ баринъ большой руки, но совершенно не на своемъ мѣстѣ. Въ зданіи гимназіи онъ не жилъ, предоставивъ свою квартиру инспектору, Ивану Александровичу Сахарову. Въ гимназію Ростовскій приходилъ довольно рѣдко, да и чаще всего въ канцелярію для подписи разныхъ бумагъ. Жена Ростовскаго, Марія Феодоровна была извѣстною дѣтскою писательницею и издательницею дѣтскаго журнала, если не ошибаюсь «Семейные вечера». Ростовскій былъ человекъ свѣтскій, жилъ открыто, располагая большими средствами, обладалъ чрезвычайно красивою наружностью, съ воспитанниками былъ утонченно-вѣжливъ, и, разумѣется, тогдашніе педагоги общаго съ такимъ баринномъ-директоромъ ничего не имѣли и смотрѣли на него, какъ на почетное лицо въ гимназіи.

Всѣми порядками внутренними и внѣшними, настоящимъ заправи-

люю въ гимназіи былъ инспекторъ Сахаровъ. Онъ, безъ преувеличенія, олицетворялъ собою власть не только инспекторскую, но и директорскую. Четырнадцатилѣтнее управленіе его, съ 1847 по 1861 годъ, какъ инспектора и какъ директора, поистинѣ оставило въ бывшихъ питомцахъ 1-й гимназіи самое тяжелое воспоминаніе. Онъ былъ учителемъ нѣсколькихъ поколѣній учащейся молодежи.

Между тѣмъ, одновременно во 2-й казанской гимназіи, бывшей подъ начальствомъ О. А. Имшенника, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи тотъ же составъ воспитанниковъ, кромѣ развѣ инородцевъ, никогда не было никакихъ тѣлесныхъ наказаній; напротивъ, директоръ Имшенникъ отличался всегда гуманностью и великодушіемъ. Сахаровъ кончилъ свою службу блестящимъ образомъ: въ генеральскомъ чинѣ, съ большимъ капиталомъ, съ двумя прекрасными каменными домами и съ солидной пенсіей. О его продѣлкахъ или, лучше сказать, гешефтахъ зналъ весь городъ. Столъ у воспитанниковъ всегда былъ отвратительный, въ спальняхъ зловоніе и холодъ, въ гардеробной непомерная сырость, покрывавшая плѣсенью въ особенности обувь. Своихъ многочисленныхъ нахлѣбниковъ, разумѣется, сыновей богатыхъ лицъ, Сахаровъ умудрялся кормить казеннымъ столомъ, для чего ежедневно оставались безъ обѣда разные провинившіеся казеннокоштные и пансіонеры, а порціи этихъ несчастныхъ шли во рты нахлѣбникамъ Сахарова. Нужно замѣтить, что однимъ изъ предшественниковъ Сахарова въ 1-й казанской гимназіи былъ нѣкій Скорняковъ, человекъ безусловно необразованный, невоспитанный, черствый; онъ вышелъ въ люди изъ ничтожныхъ учителей чистописанія какого то уѣзднаго училища. Будучи холостымъ, Скорняковъ проводилъ въ гимназіи время съ ранняго утра до поздней ночи. Онъ надоѣлъ всѣмъ, какъ учащимъ, такъ и учащимся, и недовольство воспитанниковъ-пансіонеровъ выразилось крупнымъ скандаломъ. 16-го ноября 1840 года, послѣ всенощной, воспитанники: VII класса Бѣляевъ, VI-го—Будаевъ и V-го—Бигловъ, напали въ одномъ изъ темныхъ корридоровъ на Скорнякова и страшно его избили. За это они жестоко заплатились: были отданы въ солдаты и наказаны розгами передъ всѣми воспитанниками. Сахаровъ разумѣется зналъ объ этомъ, такъ какъ слѣды были еще очень свѣжи, а потому держался иныхъ пріемовъ, чѣмъ Скорняковъ, ходилъ въ бархатныхъ рукавичкахъ, все дѣлалъ исподтишка, незамѣтно и во время вечернихъ занятій, никѣмъ незамѣченный, онъ, какъ грибокъ, выросъ посреди класса, войдя въ него какою-то кошачьею поступью. Это былъ человекъ очень опасный, тѣмъ болѣе, что онъ дирижировалъ всею учебною частью. Почти весь служебный персоналъ въ гимназіи были креатуры Сахарова: таковы были братья его жены, Поповы; одинъ изъ нихъ былъ учителемъ математики, другой—надзирателемъ при пансіонѣ гимназіи.

Перваго изъ нихъ, Николай Ивановичъ, Сахаровъ умѣлъ вытащить на должность правителя канцеляріи попечителя округа; другой его братъ, Василій, былъ такой ничтожный человѣкъ, что сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ надзиратель. Эта должность была трудная, обязанности крайне тяжелыя, къ тому же Сахаровъ не позволялъ надзирателямъ спать ночью. Въ одной изъ спаленъ стояло высокое кресло, обитое кожею, передъ небольшимъ столомъ,—тутъ то и возсѣдалъ надзиратель, время отъ времени дѣлая обходы и обзоры со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ угловъ. Съ своей стороны, Сахаровъ каждую ночь регулярно являлся въ спальни и провѣрялъ дежурство надзирателя. Въ числѣ этихъ ночныхъ дежурныхъ было два очень почтенныхъ человѣка, отъ которыхъ, кромѣ хорошаго воспитанника никогда ничего не видѣли, именно: Константинъ Федоровичъ Галстунскій, впоследствии профессоръ казачьяго языка на факультетѣ восточныхъ языковъ, и Николай Васильевичъ Гине, судьба котораго мнѣ неизвѣстна. Оба они были поистинѣ украшеніемъ корпораціи гимназіи. Изъ дневныхъ надзирателей мнѣ особенно памятенъ Карлъ Васильевичъ Девиць. Онъ былъ правою рукою у Сахарова. Уроженецъ какого-то маленькаго ничтожнаго остзейскаго городка, онъ получилъ образованіе въ мѣстномъ городскомъ училищѣ. Говорилъ онъ съ нѣмецкимъ акцентомъ: ви вмѣсто вы и т. п. и поражалъ, въ перваго взгляда на него, своею оригинальною наружностью: высокаго роста, съ орлинымъ носомъ, рыжеватый блондинъ, съ громадными сѣрыми пронзительными глазами; на пальцахъ съ длиннѣйшими ногтями, тщательно вычищенными, носилъ перстни въ своихъ вензеляхъ; голосъ имѣлъ надорванный, крикливый, и въ разговорѣ, если онъ стоялъ, имѣлъ обыкновение подниматься на носки, такъ что вся его фигура приобретала видъ какой то хищной птицы, болотной цапли, желавшей проглотить бѣдную лягушку. Въ послѣдствіи времени онъ получилъ въ этой же гимназіи уроки французскаго языка и умеръ въ холеру въ 1867 году. Получая ничтожное казенное содержаніе, всего съ чѣмъ то двѣсти рублей въ годъ, Девиць тѣмъ не менѣе отлично устроился, имѣя всегда свору нахлѣбниковъ, по примѣру инспектора.

Кромѣ Девица, былъ еще надзирателемъ преподаватель греческаго языка, Угяскій, съ которымъ мнѣ впоследствии пришлось встрѣтиться въ университетѣ, какъ съ профессоромъ. Какъ надзиратель, онъ былъ совершенно безгласенъ и базцвѣтенъ: большею частью онъ ходилъ или стоялъ, не отрывая глазъ отъ чтенія какого либо греческаго классика; это былъ то, что мы пазываемъ: «не отъ міра сего», и во время его дежурствъ жилось льготно.

Въ то время, о которомъ я веду рѣчь, былъ самый разгаръ Крымской кампаніи, 1854—55 годъ. На одной изъ казанскихъ площадей, нынѣ Николаевской, время отъ времени появлялись, въ сѣрыхъ зипу-

нахъ, съ крестами на бараньихъ шапкахъ, ополченцы. Среди площади устраивался помостъ, на которомъ размѣщалось духовенство, служило молебны, окропляло святою водою, — все это неизгладимо легло въ моей памяти. Извѣстіе о паденіи Севастополя получено было нами, гимназистами, ночью отъ дежурнаго надзирателя, Константина Федоровича Галстунскаго. Большинство изъ насъ имѣло въ рядахъ севастопольской арміи родныхъ или двоюродныхъ братьевъ, или просто хорошихъ знакомыхъ, а потому это извѣстіе особенно тяжело поразило дѣтскую душу. Мои двоюродные братья, Суворовы и родной братъ, Михайль, были въ рядахъ крымской арміи. Одинъ изъ Суворовыхъ былъ убитъ, а мой братъ, Мизаниль, попавшій въ армію изъ студентовъ восточнаго факультета Казанскаго университета, подъ впечатлѣніемъ ужасныхъ потрясающихъ событій, сдѣлался странникомъ — богомольцемъ и безслѣдно исчезъ.

Свѣдѣнія съ театра войны въ тогдашнее время доходили въ провинцію крайне поздно. Единственная газета «Сѣверная Пчела», получавшаяся большинствомъ помѣщиковъ, давала свѣдѣнія сжатые и неточныя. Намъ, воспитанниковъ-пансіонеровъ, время отъ времени водили въ церковь для благодарственныхъ молебновъ по случаю побѣдъ.

Инспекторъ Сахаровъ былъ неуклонно послѣдователенъ и безъ особенно уважительныхъ причинъ никогда не отступалъ отъ разъ заведеннаго порядка. Въ гимназическомъ корридорѣ, во второмъ этажѣ, гдѣ классы, стоялъ большой ларь; часть этого ларя была занята подсвѣчниками, складомъ сальныхъ свѣчей и щипцами для съема нагара; на нижнихъ же полкахъ этого ларя содержались, и всегда въ полной исправности, нѣсколько десятковъ пучковъ розогъ. Всѣмъ этимъ хозяйствомъ завѣдывалъ унтеръ-офицеръ Галкинъ, сильно контуженный въ обѣ ноги въ Бородинской битвѣ. Галкинъ имѣлъ «чело какъ черепъ голый», щетинистые усы, солдатъ былъ атлетическаго сложенія, и воспитанники очень его боялись; каждый считалъ своею обязанностью, при полученіи денегъ изъ дому отъ родителей, давать на чаекъ, на водку Галкину, который производилъ въ присутствіи инспектора еженедѣльные экзекуціи надъ лѣнливыми и шаловливыми по субботамъ. Послѣ большой перемѣны въ первые три класса являлся инспекторъ Сахаровъ и по списку вызывалъ въ корридоръ тѣхъ воспитанниковъ, которые за истекшую недѣлю имѣли несчастіе получить неудовлетворительные баллы или были записаны за дурное поведеніе въ штрафной журналъ. Они выводились въ гимназическій корридоръ, строились попарно въ шеренги, при чемъ Сахаровъ зычнымъ голосомъ выкрикивалъ: «Галкинъ!» Въ отвѣтъ раздавались звуки связки ключей, отпирался ларь, и мудрый Галкинъ бралъ соответствующее количество пучковъ розогъ, шестіе открывалось съ инспекторомъ во главѣ и замыкалось

Галкинымъ. Сахаровъ шелъ въ форменной фуражкѣ, въ широкой коричневой шинели съ бархатнымъ воротникомъ. Нужно отдать полную справедливость Галкину, что онъ при видимой своей суровости и черствости, былъ человекъ не безъ сердца и удары направлялъ преимущественно такъ, что концы розогъ ударили о полъ. Разумѣется, предварительно нужно было смягчить старика какимъ нибудь приношеніемъ: онъ на примѣръ, очень любилъ нюхательный табакъ и чай,— все это воспитанники отлично знали; но, какъ говорили, онъ безпощадно съѣлъ инородцевъ и не входилъ съ ними ни въ какія сдѣлки. Во время самой экзекуціи, продолжавшейся минутъ 20, Сахаровъ сидѣлъ на кровати и курилъ сигару, при этомъ каждому истязуемому читалъ длинную нотацию. Экзекуція происходила всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной изъ спаленъ; послѣ нея эти несчастные воспитанники направлялись тѣмъ же порядкомъ по классамъ, вытирая тщательно глаза рукавами загрязненныхъ куртокъ или носовыми платками и иногда окончательно завершая свой костюмъ уже въ классѣ. Сахаровъ былъ всегда въ этотъ день въ самомъ пріятномъ расположеніи духа: видимо центральнымъ пунктомъ всей своей инспекторской дѣятельности онъ считалъ экзекуцію; въ ней онъ видѣлъ залогъ преуспѣванія гимназіи, она ему служила рекомендаціей въ глазахъ высшаго начальства. Грустно было смотрѣть на товарищей, которые являлись съ этихъ экзекуцій, но чувство злобы главнымъ образомъ переносилось не на Сахарова, а на учителей, по винѣ которыхъ совершались онѣ. Большинство учителей были крайне грубы, прямо вызывали воспитанниковъ на дерзости. Ученіе состояло все въ зубрежкѣ тогдашнихъ учебниковъ. Нѣкоторые изъ педагоговъ отличались просто свирѣпостью; въ такомъ родѣ былъ Иванъ Васильевичъ Кротковъ, преподаватель славянскаго языка. Одинъ изъ моихъ товарищей имѣлъ неосторожность спросить Кроткова, какой урокъ будетъ заданъ въ слѣдующій разъ. Уже этого было достаточно, чтобъ Кротковъ вышелъ изъ себя и бросилъ въ лобъ любопытному книгу въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками. Наибольшею гуманностью выдѣлялся преподаватель исторіи Соколовъ Авдѣй Ивановичъ. Разказы его изъ начальнаго періода русской исторіи отличались такою задушевною простотою, талантивною, что съ нетерпѣніемъ ожидался тѣ дни, когда были уроки исторіи. Авдѣй Ивановичъ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго слависта, Виктора Ивановича Григоровича, и былъ поистинѣ европейцемъ посреди азіатовъ. Онъ умеръ сравнительно недавно въ г. Саратовѣ, какъ инспекторъ женскаго института.

Очень весело проходили уроки французскаго языка, вѣрнѣе сказать, не уроки, а времяпрепровожденіе на урокахъ. Преподавателемъ былъ семидесятилѣтній старецъ, французъ Дютрессейль. Онъ буквально

не зналъ ни одного слова по-русски, хотя въ Россіи жилъ со время войны 1812 года и былъ захваченъ въ плѣнъ какимъ то казанскимъ помѣщикомъ. Monsieur Дютрессейль извѣстенъ былъ у воспитанниковъ подъ именемъ «Тараски». Когда онъ входилъ въ классъ на урокъ, то часть воспитанниковъ становились передъ нимъ на колѣни, дѣлала земные поклоны, прикладывали руку къ сердцу и т. п. Но это было только въ началѣ, на самомъ же урокѣ царила тишина, такъ какъ Тараска былъ заведомо человѣкъ добрый и никогда никому не вредилъ ни дурными баллами, ни записями въ штрафныхъ журналахъ. Впослѣдствіи, лѣтъ десять спустя, я встрѣтилъ его на филологическомъ факультетѣ, какъ лектора французскаго языка.

Въ противовѣсъ свирѣпымъ преподавателямъ, въ родѣ Кроткова и К^о, кромѣ вышеупомянутаго Соколова, былъ Михаилъ Григорьевичъ Имшенецкій, впослѣдствіи профессоръ математики въ Казанскомъ и Харьковскомъ университетѣ, и не такъ давно скончавшійся уже какъ ординарный академикъ. Это была олицетворенная деликатность, и уже лишне говорить, что у него въ классѣ царствовалъ безусловный порядокъ. Но такихъ людей было мало въ тогдашнюю эпоху, и жизнь въ гимназіи была и скучною, и тяжелою. Ростовскій, любившій рисованіе и музыку, будучи вообще эстетикомъ, устроилъ въ гимназическомъ саду небольшія оранжереи и теплицы, ухаживать же за растеніями былъ порученъ нѣкоторымъ изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. Въ этомъ же саду была голубятня, а подъ нею помѣщеніе для кроликовъ. Лишне говорить, что воспитанники съ любовью отдавались уходу за птицами и растеніями. Хотя обученіе музыкѣ у преподавателя Мука было даровое, тѣмъ не менѣе учились, къ сожалѣнію, весьма немногіе, хотя инструменты были казенные.

Весною, во время разлива Волги, въ теплый, хорошій солнечный день гимназисты отправлялись въ лодкахъ къ какому либо гористому берегу Волги или Казанки. Поистинѣ, это былъ свѣтлый, радостный день въ жизни гимназистовъ. Брали съ собою самовары, разныя игры, въ родѣ мячей и рюхъ, и веселились отъ души. Все это устраивалось покойнымъ директоромъ Ростовскимъ.

Когда посѣтилъ гимназію Аврамій Сергѣевичъ Норовъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, то всѣ воспитанники гимназіи, въ соупствіи своего начальства, ходили къ памятнику взятія Казани, и тамъ, въ склепѣ, служилась торжественная панихида. Здѣсь я въ первый и послѣдній разъ видѣлъ знаменитаго математика Лобачевского, почти слѣпого; тогда онъ былъ помощникомъ попечителя округа и въ скоромъ времени послѣ того скончался.

Пріѣздъ министра произвелъ, какъ и слѣдовало ожидать, большой переполохъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Тогдашній заправила въ 1-й

гимназіи, инспекторъ Сахаровъ, зная полную бездѣятельность и безхарактерность директора Ростовскаго, принялъ самыя разнообразныя мѣры, чтобъ показать товаръ лицомъ, выставить внутренніе и вишіе порядки гимназіи вполне удовлетворительными. Отвратительная пища пансіонеровъ, а ихъ было чуть ни 300 человекъ, сдѣлалась болѣе удовлетворительной; всюду запахло свѣжею краскою, известью, мылись стекла рамъ, чистились полы,—словомъ, работа шла на славу. Грубыя, толстыя скатерти въ столовой замѣнены были бѣлыми и тонкими, на столахъ появилось старинное серебро, чистыя салфетки; кромѣ того, приняты были многочисленныя мѣры къ улучшенію одежды воспитанниковъ, а по учебной части заранѣе были намѣчены по каждому предмету темы для уроковъ во время визита министра. Такъ, въ моемъ классѣ (2-мъ), преподаватель русскаго языка А. И. Кунавинъ поручилъ намъ, воспитанникамъ, выучить наизусть отрывки изъ «Путешествія по Святой землѣ» министра Норова, совершеннаго имъ въ срединѣ 30-хъ годовъ. Когда министръ вошелъ въ нашъ классъ, то урокъ русскаго языка открылся громкимъ рассказомъ одного изъ учениковъ о вѣздѣ г. Норова въ Іерусалимъ и впечатлѣніи, которое путешественникъ испыталъ, съ окрестныхъ высотъ увидѣвъ впервые въ отдаленіи святой городъ. Разумѣется, министръ остался очень доволенъ, что такъ былъ польщенъ его литературный талантъ. На урокѣ закона Божія у законоучителя Лаврова, отвѣты воспитанниковъ привели министра уже въ восторгъ, и онъ, въ классномъ журналѣ законоучителя, написалъ ему многословную благодарность за прекрасное веденіе дѣла.

Я живо помню посѣщеніе Норовымъ гимназической столовой. Столовая помѣщается въ нижнемъ этажѣ гимназіи. Она была установлена длиннѣйшими столами, выкрашенными въ черную краску, и ей спеціально былъ присущъ какой-то особенный неприятный запахъ. Къ одной изъ ея стѣнъ примыкалъ небольшой столъ съ скамейкою и надъ столомъ, на стѣнѣ, была прибита черная доска, четверти двѣ шириною, съ крупною пунцоваго цвѣта надписью: «Лѣ н и в ы е и н е р а д и в ы е». Здѣсь всегда были «сидѣльцы» и, взявъ обѣда, имъ подавали кружку съ водой и кусокъ хлѣба. Конечно товарищи по мѣрѣ возможности кормили этихъ несчастныхъ.

Свѣтъ въ столовой былъ двойной; по вечерамъ зажигались небольшія мѣдныя лампы. Столъ былъ отвратительный, крайне однообразный: такъ, суповая говядина разрѣзывалась тонкими ломтиками и подавалась какъ второе блюдо, или подъ картофельнымъ или хрѣновымъ соусомъ. Было обидно то, что воспитанники знали, будучи дежурными ежедневно на кухнѣ, что пансіонеры инспектора пользовались казенными обѣдами, а главное, что экономя Санновъ, изъ татаръ, нещадно

крадетъ казенную провизію. Всѣ продѣлки этого Саинова казенные повара, во всѣхъ подробностяхъ, сообщали воспитанникамъ. Во всю мою жизнь я никогда не ѣлъ такого прѣснаго хлѣба, такихъ вкусныхъ булокъ, какими справедливо могла гордиться гимназія; квасъ былъ также отличнаго качества. Взамѣнъ чая тогда пили сбитень, который очень надоѣдалъ своею приторностью; по субботамъ обыкновенно полагалась гречневая каша,—на нее Саиновъ не скупился,—и воспитанники изъ инородцевъ съ жадностью набрасывались и съѣдали громадное количество каши.

Вечеромъ къ ужину пришелъ министръ, сѣлъ къ столу и къ концу ужина громко вызвалъ къ себѣ инспектора, поблагодаривъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за доброкачественность пищи. Все это были, конечно, Сахаровскія штуки, и, съ отъѣздомъ Норова, наступила снова сѣрая будничная жизнь.

Не могу здѣсь еще не упомянуть, что въ тогдашнее время гимназія нравственно портила своихъ питомцевъ, развивая въ нихъ искусственно тщеславіе, самолюбіе и тому подобныя нежелательныя страсти въ учебномъ заведеніи. Такъ, въ каждомъ классѣ висѣли другъ противъ друга, на противоположныхъ стѣнахъ, двѣ доски, размѣромъ въ одинъ квадратный аршинъ; одна была выкрашена пунцовымъ лакомъ, другая—чернымъ, первая въ золотой рамѣ, вторая въ темнокоричневой. Каждый мѣсяцъ на ту и другую доску учитель чистописанія записывалъ бѣлою краскою лѣнивыхъ и нерадивыхъ на черную доску, отличныхъ и благонаправныхъ—на пунцовую. При этомъ отличные дѣлились на нѣсколько степеней: получившіе круглыя пятерки по всѣмъ предметамъ на пунцовой доскѣ записывались съ андреевскою звѣздою или съ какими-либо крестами, сообразно своимъ успѣхамъ и поведенію, точь-въ-точь какъ въ Kollegіяхъ іезуитскихъ, гдѣ лучшіе ученики сидѣли на первыхъ скамейкахъ подъ названіемъ «императоровъ», на второй сидѣли «цезаря» и т. п. Таковы были порядки тогдашней гимназіи. Жизнь въ ней была скучная, монотонная, тяжелая, всюду былъ инквизиторскій надзоръ, соглядатайство и шпионство; даже въ храмѣ Божіемъ, въ гимназической церкви, гдѣ стояли шеренгами въ тѣсныхъ рядахъ, и тамъ дѣтская душа не отдыхала, какъ бы слѣдовало ожидать, такъ какъ все было парализовано у каждаго воспитанника наблюденіемъ вездѣсущаго Сахарова и его помощниковъ, въ родѣ Девица и другихъ. Особенно тяжело было неподвижное стояніе въ вытяжку въ шеренгахъ въ первые три дня Страстной недѣли. Въ душной церкви кадильный дымъ производилъ ошеломляющее впечатлѣніе, и нѣкоторымъ дѣлалось дурно, а къ тому же и самая пища окончательно подрывала силы. Но Сахаровъ и въ эти дни былъ неутомимъ: за малѣйшее нарушеніе дисциплины онъ ставилъ провинившихся на колѣни на все

время службы. Лично я съ нетерпѣніемъ, можно сказать, лихорадочнымъ, ожидалъ пріѣзда за мной изъ деревни кучера Андрея на пасхальные каникулы. Дѣйствительно, рано утромъ въ пятницу я былъ уже въ дорогѣ. Я ѣхалъ въ деревню подъ яркими лучами весенняго солнца. Трудно описать то чудное настроеніе, безконечное блаженство, которое могъ испытывать воспитанникъ гимназіи, не выдавшій свѣта чуть ни съ августа мѣсяца. Переѣздъ былъ семидесятиверстный, и только къ солнечному закату успѣвали въ деревню. А здѣсь, въ домѣ матери, шли самыя дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Всѣ комнаты были наполнены ароматомъ отъ только что испеченныхъ куличей, все говорило о приближеніи Пасхи.

Весна, имѣющая въ деревнѣ столько чарующей поэтической прелести, всегда оставляла и оставляетъ такое неизгладимое впечатлѣніе на людское сердце, что была постоянно сюжетомъ и прозаическихъ и поэтическихъ описаній.

Какъ душѣ моеѣ легко!
Сердце полно умиленья!
Всѣ заботы и сомнѣнья
Отлетѣли далеко!
Миръ мнѣ душу наполняетъ,
Радость свѣтлая въ очахъ,
И какъ будто въ небесахъ
Ярче солнышко сіяетъ!..
Люди братья! Наступилъ
День великій, день спасенья!
Свѣтлый праздникъ Воскресенья
Бога правды, Бога силъ!..
Прочь отъ насъ вражда и злоба,
Все забудемъ, все простимъ!

Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ народъ толпами, кто пѣшъ, кто на лошадяхъ, окружаетъ церковную ограду. Въ домахъ не спятъ. Въ особенности были чудны встрѣчи Пасхи во второй половинѣ апрѣля, въ теплыя весеннія ночи. Много красоты, много величія придавала разлившаяся на нѣсколько верстъ рѣка, мало тогда оживленная, такъ какъ пароходы были рѣдкимъ явленіемъ, бурлаки тянули бичевой по нагорному берегу всевозможныя суда по направленію къ Чистополю; а между тѣмъ, весь этотъ нагорный берегъ былъ изрѣзанъ глубокими оврагами. Если разливъ былъ очень высокъ, то бичевникъ заливало, и тогда людямъ приходилось подниматься и опускаться по оврагамъ съ лямкой на плечахъ,—работа была поистинѣ каторжная и вознаграждалась къ тому же мѣднымъ грошемъ.

Лѣтъ двадцать спустя, въ началѣ 70-хъ годовъ, я случайно попалъ въ мое родное пепелище какъ разъ весной и, несмотря на большое развитіе пароходства, тяга судовъ бурлацкой лямкой все еще продолжалась.

Унылый, сумрачный бурлакъ,
 Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
 Такимъ и нынѣ увидалъ:
 Все ту же пѣсню ты поешь,
 Все ту же ляжку ты несешь,
 Въ чертахъ усталого лица
 Все та жъ покорность безъ конца.

(Некрасовъ).

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ я мучился въ пансіонѣ 1-й гимназіи. Послѣ деревенскаго приволья тяжела была жизнь въ четырехъ стѣнахъ такого учебнаго заведенія, какимъ была тогдашняя гимназія. Подъ магнѣйшимъ предлогомъ я, по примѣру моихъ товарищей, стремился въ гимназическій лазаретъ, гдѣ добрый человекъ, докторъ Никольскій, на цѣлыя недѣли давалъ возможность отдохнуть нервно разстроенному гимназисту. Лазаретъ содержался въ образцовомъ порядкѣ, а тишина и покой, пища и сонъ были дѣйствительно цѣлебными средствами, поднимая упавшій духъ.

Не могу здѣсь не упомянуть о празднованіи коронаціи 26-го августа 1856 года въ г. Казани: это было такое оригинальное, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. На Арскомъ полѣ, какъ разъ параллельно куртину (городскому кладбищу), поставлены были въ нѣсколько рядовъ, длинною вереницею, столы; на нихъ были установлены жареные бараны съ позолоченными рогами, масса всевозможныхъ угощеній, состоящихъ изъ сластей, цѣлыя горы калачей и хлѣба, пирамиды изъ яблокъ. Въ проходахъ между столами врыты были громадныя бочки съ водкой, на бортахъ ихъ висѣли ковши. Все это было оцѣплено адоровенными канатами. Кой-гдѣ видны были столбы съ призами на верхушкѣ, тщательно смазанные жиромъ. Заранѣе было оповѣщено, что поднятіе флага у губернаторской дачи въ Русской Швейцаріи будетъ служить сигналомъ къ закускѣ. Но когда поднять былъ флагъ, тогда произошло нѣчто неописуемое. Я не знаю, какъ я и мои товарищи уцѣлѣли, можетъ статься, благодаря тому, что мы стояли подъ деревьями, но то, что было на открытомъ полѣ, не поддается описанію. Отъ натиска десятка тысячъ народа столы грохнули на землю вверхъ ногами; около нихъ образовались цѣлыя груды человѣческихъ тѣлъ, а между тѣмъ, задніе все еще напирали на переднихъ. Народъ падалъ и въ бочки съ водкой. Таково было угощеніе, устроенное городомъ народу. Сколько было въ общей сложности погибшихъ—я не знаю, но я видѣлъ тяжело раненныхъ, перевозимыхъ въ телѣгахъ къ городскимъ больницамъ. Это происшествіе оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Въ то время губернаторомъ въ Казани былъ генералъ Козляниновъ и, разумѣется, размѣры несчастія и количество жертвъ были уменьшены.

А. Овсянниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ прошлаго русской цензуры ¹⁾.

II.

Рижская цензура и ея политика.— Столкновенія ея съ мѣстными властями и съ книгопродавцами.—*Θ. Туманскій*—„идеальный“ работникъ павловской цензуры.— Число книгъ, разсмотрѣнныхъ въ цензурахъ.— Цензурные отзывы и мотивы запрета книгъ.— Исторія цензуры въ 1798—1800 г.г.— Русское общество подъ гнетомъ павловской цензуры.

Въ предыдущей главѣ мы говорили уже о той политикѣ, которую упорно проводила рижская цензура въ своей дѣятельности; тонъ ей задавалъ гражданскій цензоръ *Θ. Туманскій*, совершенно забравшій въ руки своихъ товарищей—академика *Иноходцева* и почтеннаго рижскаго протоіерея *Тихомірова*. Жажда власти заставляла *Θ. Туманскаго* неутомимо стремиться къ расширенію своихъ полномочій,—немудрено, что очень скоро ему пришлось встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ препятствій. Прежде всего, разумѣется, на пути его властолюбію стали мѣстныя власти, которымъ онъ, въ сущности, былъ подчиненъ въ силу узаконенія («подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ учредить цензуру»).

Такъ, столкнулся *Туманскій* съ лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ изъ-за купца *Голландера*, книги котораго были задержаны въ цензурѣ,—«... но лифляндское губернское правленіе, жаловался онъ въ Петербургъ, принявъ отъ купца *Голландера* прошеніе, якобы, по его мнѣнію, непропущенныя книги суть невредныя и дозволенныя, предписало, отъ 17-го іюля, присланнымъ въ цензуру указомъ: «всякій дальній поступокъ по сему дѣлу остановить», чѣмъ самымъ удержало испол-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1899 г. апрѣль.

неніе всевысочайшаго именнаго указа, и книги тѣ въ совѣтъ отправить воспрепятствовало».

«Хотя съ одной стороны, продолжаетъ Туманскій, цензура по долгу своему удостовѣрена, что она, какъ и всѣ вѣрноподданные, должна исполнять всевысочайшіе именныя указы ¹⁾ предпочтительнѣе указа губернскаго правленія; но, съ другой стороны, Правительствующаго Сената третьимъ департаментомъ будучи подчинена указамъ лифляндскаго губернскаго правленія, которое, продолжая свои цензурѣ предписанія, можетъ по таковымъ своимъ настояніямъ за неудовлетвореніе его желаніямъ приступить и къ општрафованію цензуры, прежде, нежели оная возможетъ принести начальству свою жалобу и оправданіе, то цензура въ семъ токмо уваженіи, что для представленія Совѣту есть еще другія книги, коихъ часть на сей почтѣ и представлена, съ отсылкою же книгъ купца Голландера до полученія на сей рапортъ высочайшей резолюціи удержалась и, по принужденію въ исполненіи всевысочайшаго именнаго отъ 4-го іюля указа, остановилась.

«Рижская цензура, въ покорности донося симъ рапортомъ вашему сіятельству вышеписанныя обстоятельства, всепокорнѣйше проситъ открыть ей путь: дабы она могла всевысочайшіе именныя указы исполнять въ безопасности и ревностное свое въ прохожденіи возложенной на нее должности усердіе оказывать безобоязненно».

Въ заключеніе, О. Туманскій указываетъ на громадное количество просмотрѣнныхъ имъ книгъ и «что между вскрытыми книгами цензура находила партикулярныя запечатанныя письма, товары и геригутерскихъ (масонскихъ?) иностранныхъ обществъ съ российскими письменныя корреспонденціи, изъ которыхъ послѣднія, яко цензурѣ показавшіяся сумнительными, съ описаніемъ сумнѣній, представлены будутъ Совѣту».

Результатомъ этой жалобы былъ строгій выговоръ лифляндскому губернатору: ему въ рѣзкой формѣ дали понять, чтобы не въ свое дѣло онъ не мѣшался...

«Рижская цензура, писалъ ему Куракинъ, рапортомъ отъ 24-го іюня, доносить, что рижское губернское правленіе, указомъ отъ 17-го іюля, запретило ей дѣлать всякій дальній поступокъ въ разсмотрѣніи книгъ купца Голландера, которыя найдены ею сумнительными. Для предупрежденія всякихъ неурядицъ, могущихъ отъ сего произойти, прошу васъ, милостивый государь мой, сдѣлать, дабы губернское правительство не мѣшалось въ дѣла, совсѣмъ къ нему непринлежащія, тѣмъ болѣе, что

¹⁾ Іюля 4-го, 1797 года, именнымъ указомъ приказано было „книги, цензурами признаваемыя сумнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣту“.

цензура должна состоять въ непосредственномъ вѣдѣніи Правительствующаго Сената, и что ей несравненно болѣе извѣстны дѣла, относящіяся къ сему предмету ¹⁾».

Однако столкновенія продолжались: черезъ нѣсколько времени Ѳ. Туманскій прислалъ въ Совѣтъ новую жалобу. «Рижское губернское правленіе, пишетъ онъ князю Куракину, въ теченіе двухмѣсячнаго нашего многодѣльнаго упражненія прислало нынѣ два конверта подъ названіемъ: *Безфеле* (подъ каковыми здѣсь разумѣются «указы»). Цензура почла оныя къ принятію не слѣдующими:

1) Поелику цензура не есть мѣсто, губернскому правленію подчиненное, ниже къ низшимъ Рижской губерніи мѣстамъ подлежащее, но есть мѣсто въ высокомонаршею волею для прегражденія пути разврату учрежденное для Россіи вообще.

2) Поелику цензура такъ, какъ и оное губернское правленіе, состоятъ наравнѣ подѣ апелляціею Правительствующаго Сената.

3) Поелику здѣшнее духовное правленіе (коего первоприсутствующій есть и сея цензуры членъ—протоіерей Спиридонъ Тихомировъ) переписывается съ губернскимъ правленіемъ сообщеніями; да такъ же и здѣшняя губернская почтовая контора, состоящая подѣ вѣдѣніемъ С.-Петербургскаго почтамта (а цензура состоитъ подѣ Правительствующимъ Сенатомъ), пишетъ въ губернское правленіе «сообщенія»,—и отъ онаго получаетъ таковое же.

4) Поелику цензура, состоя подѣ указами Правительствующаго Сената, не можетъ въ одно и то же время состоятъ подѣ таковыми же губернскаго правленія, бывъ въ нерѣшимости, который исполнить, да и губернское правленіе, кажется, въ дѣлахъ цензуры никакого не можетъ дать разрѣшенія, что есть дѣло того, кто указы или повелѣнія посылать и рапортовъ либо объясненій требовать правомъ себѣ считаетъ.

5) Рижское губернское правленіе, имѣя достаточную жалованьемъ монаршимъ снабденную экспедицію: совѣтника, секретаря, переводчика и множество разныхъ званій для переписки російской, требуетъ отъ насъ переписки съ нимъ на языкѣ нѣмецкомъ. Цензура, представляя Правительствующему Сенату свой штатъ, строжайше избѣгала всѣхъ ненужныхъ издержекъ и потому не положила для себя ни переводчика языка нѣмецкаго, ни письмоводителя юридическаго нѣмецкаго штиля, ибо таковыя безъ притѣсненія рижскаго губернскаго правленія и нужными не суть.

¹⁾ На одной изъ бумагъ, касающихся этого дѣла, встрѣчаемъ помѣтку: „написать, чтобы не въ совѣтъ, но ко мнѣ прямо все (присылалось?), что не подлежить въ выпускъ отъ цензуры зависящее, а губернатору сказать, чтобы не въ свое дѣло не мѣшался“.

6) Наконецъ, рижское губернское правленіе въ отмѣну всевысочайше утвержденнаго сему мѣсту названія цензуры, превратила оное въ низкое—цензурамта (Censuramt).

«Цензура отчуждена тщетнаго честолюбія и съ терпѣніемъ перенося неудовольствія, не упоминаетъ объ оныхъ, поставляя первымъ себѣ долгомъ исполнять въ сокомонаршую священную волю, не взирая на преграды, но, съ другой стороны, не имѣя власти уступить преимущества мѣсту, а не лицамъ присвоеннаго, и опасаясь за то подпасть въ сокомонаршему гнѣву, поставляетъ долгомъ обратиться съ покорностью къ вашему сіятельству, яко хранителю твердости законовъ, первому воли монаршей исполнителю его императорскаго величества установленій, а потому и своему покровителю.

«Вслѣдствіе чего и всепокорнѣйше вашего сіятельства цензура проситъ подносимые оныя при семъ вышеупомянутые бѣфелы, на конвертахъ подписанные, возвратитъ къ рижскому господину губернатору, предписавъ ему, чтобы онъ губернскому правленію приказалъ вмѣсто оныхъ присылать въ цензуру по законамъ сообщенія и тѣ писать, какъ и отъ цензуры принимать, на языкѣ россійскомъ...»

Благодаря этимъ «бѣфеламъ» Туманскому удалось окончательно уничтожить зависимость свою отъ мѣстныхъ властей: цензура была признана подчиненной непосредственно Совѣту Его Величества. Но Ѳ. Туманскому было мало и этого: очевидно, онъ сильно не взлюбилъ рижскаго губернатора и старался прямо и косвенно повредить ему. Между цензурными дѣлами сохранилось прелюбопытное донесеніе его въ Совѣтъ:

«Изъ рижской городской типографіи вступила подносимая при семъ книжка: «Reglament für den Unterstützungs-Verein zum Behüfe seiner Kranken und verarmten Mitglieder, ihrer Wittwen und Kinder», съ требованіемъ одобренія цензуры къ выпуску оной въ публику. Цензура отказалась отъ сего по той причинѣ, что книжка сія, составляя родъ закона или градскаго постановленія, одобрена уже рижскимъ магистратомъ, то цензурѣ въ постановленія магистрата входить нѣтъ причины, поелику всѣ онаго постановленія печатались и печатаются безъ одобренія цензуры; а при томъ, какъ сія книжка предписываетъ законы ново-заводимому обществу, то безъ верховнаго одобренія цензурѣ въ одобреніе оныхъ входить неприлично. И для того отъ цензуры объявлено просителямъ, дабы они позволенія на выпускъ сей книжки въ публику просили у господъ рижскаго военнаго и лифляндскаго гражданскаго губернаторовъ и губернскаго правленія, которымъ таковыя новыя заведенія вѣдомы, и которыя, ежели самое заведеніе и законы онаго одобрятъ, то и выпускъ книжки позволятъ».

Зная навѣрное, что губернаторъ не задержитъ книжки, Ѳ. Туман-

скій свое донесеніе скромно оканчиваетъ рядомъ «сумѣній», которыя дѣлали въ его глазахъ «регламентъ» книгой «опасной»—очевидно, въ расчетѣ на *запрещеніе* книжки Совѣтомъ *послѣ разрушенія* губернаторомъ. Какія же «сумѣнія» явились у рижскаго цензора?

1) Никакіе законы не могутъ быть въ публику выпускаемы безъ утвержденія монаршія воли; сія-же книга названа «Reglement», а регламенты суть законы.

2) На стр. 9 въ § 12 предполагается принимать въ общество разныя состоянія, но о дворянахъ и военныхъ выпущено. На стр. 13 § 18 ограничиваетъ пребываніе своихъ членовъ, не позволяя выѣзда изъ границъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній, а какъ въ члены пріемлются и служащіе по гражданской части, то симъ сіе состояніе, долженствующее служить тамъ, гдѣ повелѣно будетъ, стѣняется.

3) На стр. 19 въ § 29 предполагается старшинамъ воля созывать все изъ ста одного человѣка состоящее общество по надобности. По законамъ же таковое многочленное общество, кажется, не можетъ быть созвано инако, какъ съ позволенія и подъ призоромъ губернскаго начальства: ибо сіе наблюдается и при собраніяхъ дворянства.

4) На стр. 21 въ § 32 предоставляется ежегодно въ день установленія имѣть обѣденный столъ; сей-же, какъ бы ни былъ умѣренъ, требуетъ издержекъ, которыя лучше бы употребить на помощь бѣднымъ.

5) Всѣ заведенія богоугодныя состоятъ подъ вѣдѣніемъ приказовъ общественнаго призрѣнія, то кажется и сему не должно ли быть въ вѣдомствѣ онаго. А, наконецъ:

6) Какъ симъ своимъ учрежденіемъ частные люди распространяютъ себя на три губерніи: Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую, то тѣмъ и больше безъ точнаго высочайшаго позволенія оному существовать едва ли можно».

Но эта хитрая уловка подсказать Совѣту запрещеніе брошюры, а, можетъ быть, и закрытіе общества, уловка, сдѣланная съ тѣмъ, чтобы позлорадствовать, когда губернаторъ рижскій попадетъ въ просакъ, Ѳ. Туманскому не удалась. Сверхъ ожиданія, онъ за свою ревность получилъ 15-го іюля 1798 года отъ Совѣта выговоръ:

«Цензура, уклонившись, какъ и надлежало, отъ одобренія постановленія сего, которое апробовано рижскимъ магистратомъ и зависить отъ позволенія тамошняго начальства, не долженствовала и дѣлать своихъ замѣчаній, кои тѣмъ болѣе странны, что оная книжка не содержитъ ничего соблазнительнаго или развратнаго».

Такимъ образомъ, на этотъ разъ Ѳ. Туманскій, въ роли полицейскаго сыщика, потерпѣлъ полное фіаско, но этотъ отдѣльный случай не помѣшалъ ему, въ концѣ концовъ, забрать въ Ригѣ въ свои руки надзоръ за политическою благонадежностью жителей. Онъ ходилъ инко-

гнуто по книжнымъ лавкамъ и улавливалъ запрещенныя сочиненія; онъ забралъ въ руки всѣ мѣстныя изданія, подчинилъ себѣ мѣстный театръ, даже музыку (по его предложенію ноты съ текстомъ тоже проходили черезъ руки цензоровъ); онъ добился того, что книги иностранныя попадали моремъ только черезъ Ригу (закрѣта Полангенская таможня, запрещенъ ввозъ черезъ Ревель и Митаву), контролировалъ дѣйствія почтамта, заподозривъ его въ распространеніи книгъ помимо цензуры.

Естественно, онъ скоро сдѣлался ненавистнымъ лицомъ въ Ригѣ ¹⁾ и, столкнувшись съ властями, конечно, столкнулся и со всѣмъ обществомъ; книжные издатели и торговцы, разумѣется, были неизбежными врагами его. Цѣлый рядъ любопытныхъ документовъ сохранился по этому вопросу.

Прежде всего нѣсколько дѣлъ возникло по поводу мошенничествъ, къ которымъ прибѣгали довѣренныя лица рижскихъ издателей и торговцевъ, желая, хотя обманомъ, спасти книгу отъ зоркаго и суроваго взора Туманскаго. Въ ноябрѣ 1797 года приказчикъ Гарткноха, Гартманъ, былъ изловленъ въ утайкѣ одной книги, которую онъ хотѣлъ скрыть отъ цензоровъ въ карманѣ. Уличенный на мѣстѣ преступленія, онъ принужденъ былъ дать подписку впредь не дѣлать ничего подобнаго.

Но Ѳ. Туманскому этотъ Гартманъ далъ еще разъ случай торжествовать. 8-го іюля 1798 года Туманскій торжественно извѣщалъ Совѣтъ, что Гартманъ изловленъ имъ еще разъ: при вторичномъ пересмотрѣ дозволенныхъ книгъ оказалось, что были въ ихъ кипу подсунуты сочиненія запрещенныя. «Упомянутый Гартманъ, разбиравшій книги съ товарищемъ своимъ Шмидтомъ, между дозволенными, переплетенными, подложилъ такого же по величинѣ разбора другія, недозволенные; а въ переплетенныхъ въ иныхъ цѣлыми книгами подложилъ другія, въ томъ числѣ давно уже запрещенныя, въ другихъ расположилъ книгу по частямъ, а въ иныхъ листами книгъ переложилъ». Очевидно, мошенничество было хорошо организованнымъ и открылось случайно. Гартманъ былъ напуганъ случившимся и «пришедъ въ квартиру бібліотекаря, искалъ его обласкать о утайкѣ всего сего и, думая успѣть, прикинулъ ему двѣ двадцатипятирублевныя ассигнаціи лихводательно, о чемъ всемъ отъ бібліотекаря поданъ того же числа цензурѣ рапортъ».

Того-же 8-го іюля 1798 года лифляндскій губернаторъ увѣдомилъ Совѣтъ, что Гартманъ и Шмидтъ, приказчики Гарткноха, «взяты подъ стражу и отданы для сужденія и поступленія по законамъ».

Кромѣ приказчиковъ Гарткноха, изловленъ былъ нѣсколько разъ и книгопродавецъ Миллеръ:

¹⁾ Исторія съ пасторомъ Вейдеромъ особенно возмутила всѣхъ. См. о ней „Р. Стар.“ 1878 г., т. XXII, стр. 119; приведена она и у Скабичевского, стр. 76.

«У здѣшняго книгопродавца Миллера, доносилъ Ѳ. Туманскій Совѣту 12-го августа 1798 года, найдена, въ числѣ отложенныхъ къ отдачѣ книгъ, подложенная въ реестръ невнесенная; но по извиненію его, что сіе учинилось ошибкою, цензоры ему снисхожденіе сдѣлали. Затѣмъ, получивъ въ ученоемъ періодическомъ сочиненіи извѣстіе, что онъ, Миллеръ, къ старымъ книгамъ перепечатываетъ новые титулы (въ томъ періодическомъ листѣ названные Pseudopene), предупредили цензоры его, Миллера, чтобы онъ таковыхъ книгъ ввозить остерегался, ибо сіе есть обманъ. Учинилъ онъ покушеніе внесеніемъ между строкъ послѣ резолюціи цензуры двухъ книгъ, и цензоры, вымаравъ оныя, ему за сіе выговорили. Но и за всѣмъ тѣмъ сего августа 4-го дня по внесеніи имъ, Миллеромъ, въ реестръ токмо тринадцати книгъ, дозволенныхъ цензоромъ къ отдачѣ, представилъ для осмотра, и при осмотрѣ цензорами наплась тутъ же одного и того же формата, подложенная подъ дозволенную, книга, уже Совѣтомъ запрещенная, такъ что, не перебирая книги со всею строгою прилежностью, почти примѣтити нельзя. Почему цензоры не могли уже далѣе снисходить, но всѣ сіи тринадцать книгъ остановили».

Эти старанія обойти строгость и придирчивость цензуры ¹⁾ создали такія отношенія между цензорами и мѣстными книгопродавцами, что открытыя столкновенія были неизбежны,—и вотъ начинаются на цензуру жалобы прямо въ Совѣтъ. Съ одной изъ такихъ жалобъ мы познакомимся обстоятельнѣе, такъ какъ она даетъ намъ ясное понятіе о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя сопровождали введеніе цензуры у насъ; кромѣ того, и съ бытовой точки зрѣнія эта жалоба представляетъ большой интересъ.

25-го августа 1797 года извѣстный уже намъ Гарткнохъ жаловался рижскому военному губернатору, а потомъ и Совѣту на крайнюю медлительность рижскихъ цензоровъ; письмо его, написанное по-французски, приводимъ въ русскомъ переводѣ:

«Крайняя медлительность рижской цензуры, задерживающей уже много мѣсяцевъ выписанныя мною еще прошлой зимой книги, не только новыя, но даже старыя, грозитъ совершеннымъ разореніемъ моей торговлѣ, смѣю сказать, одной изъ самыхъ обширныхъ въ Имперіи.

«34 кипы книгъ, прибывшія за мой счетъ (съ начала навигаціи этого года до конца іюня), стоимостью больше 25.000 рублей, мною до сихъ поръ не получены: за исключеніемъ трехъ кипъ ученыхъ сочиненій, всѣ остальные лежатъ въ углу, и вотъ уже два мѣсяца, несмотря на всѣ мои требованія, никто къ нимъ не прикасается. Три другія кипы, откры-

¹⁾ Въ Радзивилловѣ особенно успѣшно мошенничали съ книгами евреи.

тыя 20-го іюля, еще до сихъ поръ не осмотрѣны, и мнѣ не отдали даже сочиненій ученыхъ, по искусствамъ и школьныхъ.

«Остальные мои кипы, числомъ до 28-ми, все лежатъ въ таможнѣ, съ 27-го мая, 1-го и 25-го іюня, и до сихъ поръ цензурой не приняты. Между этими кипами есть одна большая, съ еврейскими книгами (прибыла 3-го іюня), въ которыхъ не можетъ заключаться ничего противнаго закону, такъ какъ все это старыя сочиненія по религіи, давно уже введенныя евреями въ употребленіе. Напрасно прилагалъ я всѣ усилія, чтобы получить эти книги, которыя тѣмъ болѣе были мнѣ необходимы, что тогда было именно время, когда въ Ригу съѣзжаются евреи по торговымъ дѣламъ, а также для покупки необходимыхъ книгъ. Время это, столь благопріятное для торговли, прошло, и я на цѣлый годъ теряю значительную сумму...

«Цензура назначила два дня въ недѣлю для присутствія. Въ понедѣльникъ она принимаетъ и открываетъ кипы, въ среду—выдаетъ владѣльцамъ книги, прошедшія цензуру; но эти дни проходятъ, а для меня ничего не дѣлается. Такимъ образомъ, цензура меня задерживаетъ не днями, а недѣлями, часто подъ самыми странными предлогами.

«Отсутствіе всякаго знанія нѣмецкой литературы и иностранной вообще—главная причина этой поразительной медлительности и нерѣшительности при оцѣнкѣ книгъ. Если господа цензоры пожелаютъ читать съ начала до конца всѣ книги, которыя заключаются въ этихъ 34 кипахъ, они не кончатъ своей работы и въ нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ, какъ я буду находиться въ самомъ печальномъ положеніи, теряя единственные средства къ существованію и не имѣя другихъ доходовъ. У меня нѣтъ въ магазинѣ книгъ самыхъ необходимыхъ, даже учебниковъ, и я оказываюсь совершенно не въ силахъ удовлетворить требованіямъ публики. Если цензура не измѣнитъ совсѣмъ своихъ порядковъ, я принужденъ буду или прекратить платежи, что совсѣмъ уничтожить мой кредитъ и торговлю, или оставить предѣлы государства монарха милостиваго и гуманнаго (*doux et humain*), стремящагося основать свое собственное счастье на счастіи своихъ подданныхъ, изъ которыхъ я имѣю честь быть однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ и усердныхъ».

Изъ этой жалобы видно, до какой степени обостренія дошло столкновеніе книгопродавцевъ и цензоровъ ¹⁾. Новое учрежденіе наносило сильный ударъ книжному рынку: сухимъ путемъ черезъ Полаугенъ книга не попадала въ Россію, — такъ что въ теченіе зимы подвоза книгъ не было, а то, что шло черезъ Ригу, по цѣлымъ мѣсяцамъ лежало въ таможнѣ, дожидаясь своей очереди. Конечно, въ этомъ виновать былъ и Туманскій, придирчиво относящійся къ каждой книгѣ, но

¹⁾ На петербургскую цензуру также были нареканія за ея медлительность.

виновато было и правительство, введившее новыя учрежденія, не обставивъ ихъ существованія благоприятными условіями.

Совѣтъ, получивъ посланіе Гарткноха ¹⁾, запросилъ рижскую цензуру о причинахъ, вызвавшихъ эту жалобу. 1-го октября 1797 года Туманскій прислалъ «объясненіе». Причины медлительности онъ объясняетъ отсутствіемъ хорошаго, просторнаго помѣщенія и продолжительнымъ невступленіемъ въ должность духовнаго цензора. Оказывается, что, за неимѣніемъ помѣщенія, цензорамъ приходилось работать дома; много времени ушло на составленіе штатовъ, что требовалось Совѣтомъ; первая кипа книгъ поступила лишь 18-го апрѣля—и съ того же числа цензора «начали упражняться сами, безъ сторожа, безъ помощи, безъ нужной на мелочныя издержки суммы»; книги приходилось таскать по квартирамъ, но и тамъ скоро не хватило мѣста; только въ половинѣ мая отведены были три комнаты въ замкѣ, и то «до времени»; до половины іюля «не имѣли штата»,—не было денегъ и людей: «цензоры однакоже отправляли сколько ихъ силъ доставало свою должность, положивъ на издержки и расходы свои деньги и нанявъ сторожей»; въ концѣ іюля отведенныя комнаты были отобраны,—цензурѣ приходилось переѣзжать въ третій разъ; книгопродавцы подаютъ книги даже безъ списка, кромѣ того разными мошенничествами затрудняютъ работу цензоровъ; наконецъ, часто представляются книги безъ переплета, что затрудняетъ чтеніе,—«почему цензоры и избираютъ къ чтенію, по большей части книги тѣхъ хозяевъ, у которыхъ оныя переплетены или которые позволяютъ связывать оныя на ихъ счетъ, а посему и натурально, что книги упрямыхъ книгопродавцевъ остаются назади».

Не довольствуясь этимъ объясненіемъ, О. Туманскій прислалъ еще частное письмо, въ которомъ энергично защищалъ себя отъ «несправедливыхъ» обвиненій:

«Въ теченіе 166 дней существованія цензуры предоставленныя на разсмотрѣніе Совѣта 140 книгъ ²⁾, кромѣ всѣхъ прочихъ въ вѣдомости показанныхъ упражненій и причинъ, препятствующихъ успѣшности... оправдываютъ отъ клеветниковъ въ недѣятельности.

«Въ теченіе сихъ 166 дней собственно я на свой пай по существующей запискѣ прочиталъ со вниманіемъ и прилежностію 295 книжекъ, не включая въ сіе число прочтенныхъ слегка, а, тѣмъ менѣе, чтенія ученыхъ журналовъ и вѣдомостей; чѣмъ болѣе будетъ прочтено, тѣмъ болѣе будетъ легче намъ или преемникамъ нашимъ, ибо стоитъ

¹⁾ О судьбѣ его въ Петербургѣ послѣ подачи жалобы см. „Geschichte der Gefangenschaft des Buchhändlers Hartknoch unter der Regierung Kaiser Pauls I, von ihm selbst erzählt“, Hartknoch (Leipzig, 1803) — пересказъ у Скабичевскаго „Очерки по исторіи цензуры“, 74—75.

²⁾ Т. е., значить, „сомнительныхъ“.

только справиться съ реестромъ, пропускать или останавливать. Не знаю, могу ли спросить милостиваго уваженія и къ тому, что квартира, мною нанимаемая, три версты отъ камеры цензуры отстоятъ, что еще ни дождь, ни громъ не удерживалъ меня отъ хожденія всегда въ назначенное время въ цензуру, и предстоящая грязь и стужа не удержатъ; а слабости другой не уважаю, какъ развѣ ноги не понесутъ. Дай Богъ, чтобъ я нашелъ милость передъ вашимъ сіятельствомъ!

«Цензура сочла стыдомъ въ рапортѣ своемъ упомянуть между причинами разныя помѣшательства въ ея упражненіяхъ бывшія и, можетъ быть, еще не преставшія, дабы не быть жалобницею. Она почтетъ долгомъ и счастьемъ для себя каждый мѣсяцъ представлять вашему сіятельству вѣдомость о томъ, что она дѣлала, но предварительно всенижайше проситъ возымѣть милостивое къ тому уваженіе, что мѣсяцъ мѣсяцу ровень никакъ быть не можетъ, ибо кромѣ прочаго успѣхъ зависитъ отъ величины кипъ, отъ качества книгъ и отъ того, переплетены ли онѣ или въ листахъ; но истинно въ дѣятельности и въ совѣсти не поколеблется.

«Поелику же угрозы—ниже посулы, ниже ласкательства не подвинули цензоровъ (въ чемъ и впредь ни цѣлый соборъ не успѣетъ) къ отклоненію отъ должности, на нихъ возложенной, отъ нихъ свято почитаемой и о которой они, яко люди не молодые, семейственные и россіяне, увѣрены, что пользу принесутъ ихъ потомству, то хитрымъ не остается другого средства, какъ обременять ваше сіятельство клеветами на медленность цензоровъ. Токмо безъ вниманія можетъ быть скорость, а сего-то, по крайней мѣрѣ, и хотятъ, ежели уже цензурѣ существовать.

«Сіятельнѣйшій князь! простите милосердно мое многоглаголаніе; нѣкоторую часть жизни проведши въ гоненіяхъ и девять лѣтъ службы, ей-ей усердной, потерявъ и за то пятнадцать лѣтъ въ одномъ чинѣ влачивъ, я долженъ уже плакать, ежели и нынѣшніе мои деннонощные труды (чему Богъ свидѣтель и всѣ, кто видитъ) клеветниками очернены будутъ.

«Милостивый государь! простите мнѣ, я мыслилъ хоть однимъ случаемъ воспользоваться исповѣсти истину. Примите меня въ ваше милостивое покровительство и не лишите вашего благоволенія того человѣка, который рвется въ сіи, токмо усердной службѣ благопріятствующіе, дни службою заслужить похвалу».

Такимъ образомъ, ловкій Туманскій хотѣлъ съ выгодой для себя вышутаться изъ тѣхъ непріятностей, которыя были ему причинены жалобой Гарткноха. До нѣкоторой степени онъ добился своего: если на 15-лѣтнее пребываніе его въ одномъ чинѣ тогда не было обращено вниманія, то все-таки онъ получилъ милостивое письмо, съ просьбой не смущаться, а «усилить вниманіе къ книгѣ».

Впрочемъ, масса непріятностей заставила Туманскаго въ началѣ 1799 г. просить отставки, но онъ былъ удержанъ на службѣ по повелѣнію императора Павла, который въ награду за его усердную службу въ званіи цензора,—указомъ 28-го мая 1799 года въ Павловскѣ,—произвелъ его въ статскіе совѣтники, съ жалованьемъ по двѣ тысячи рублей въ годъ, включая ему уже производимое. «По просьбѣ вашей, писалъ Туманскому по этому поводу князь Лопухинъ, объ увольненіи отъ должности съ пенсіономъ, я имѣлъ счастье докладывать государю императору. Его императорское величество, зная ваше усердіе и способности и желая, чтобы вы остались въ службѣ, во изъявленіе къ вамъ монаршаго своего благоволенія, пожаловалъ васъ въ статскіе совѣтники» ¹⁾).

Такимъ образомъ, направленіе Туманскаго, вполне отвѣчало намѣреніямъ правительства, и потому, слѣдовательно, можетъ служить вѣрнымъ выраженіемъ правительственныхъ взглядовъ на книгу.

Гарткноху его жалобы Туманскій не простилъ: именно съ этихъ поръ начались его вышеприведенныя нами донесенія на мошенничества приказчиковъ Гарткноха, а 25-го сентября 1797 года онъ сдѣлалъ доносъ и на самого Гарткноха: «здѣшній купецъ и книгопродавецъ Гарткнохъ, писалъ Туманскій въ Петербургъ, представилъ при прошеніи книгу безъ заглавія: «Revolutions Almanach auf das Jahr 1798», изъявляя, что онъ мимо цензуры выписывалъ оную листами по-одиночкѣ и просилъ, разсмотря оную въ цензурѣ, объявить ему: будетъ ли она, когда выпишетъ потребное количество, цензурой пропущена? Цензура, нашедъ сію книгу сомнительною, объявила ему, что на выписываніе позволенія дать не можетъ, а затѣмъ, представя оную въ числѣ прочихъ нынѣ представляемыхъ книгъ подъ № 130 на высокое разсмотрѣніе, сочла долгомъ не сокрыть и того, что таковымъ образомъ книги мимо цензуры входятъ».

Гарткнохъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что на такое выписываніе по листамъ онъ получилъ предварительное согласіе Туманскаго ²⁾), такимъ образомъ, повѣря словамъ цензора, попалъ въ ловушку и чуть-было не заплатилъ довольно сильно: 5-го ноября 1797 года, 10 дней спустя по возвращеніи изъ Петербурга ³⁾), онъ былъ вытребованъ къ рижскому губернатору и, арестованный по приказу тайной канцеляріи, отправленъ опять въ Петербургъ съ фельдъегеремъ. Безъ отдыха пришлось ему скакать 568 верстъ и лишь заплатить путевыми издержками и отсидѣть 14 дней при полиціи: связи спасли Гарткноха отъ болѣе сильной кары.

¹⁾ „Р. Стар.“, XIV, 469.

²⁾ Скабичевскій, 75.

³⁾ Куда онъ ѣздилъ подавать вышеприведенную жалобу на Туманскаго.

Вѣдомости, доставляемыя цензурами въ совѣтъ, даютъ наглядное представленіе о количествѣ произведенной ими работы; цифры, сообщенныя въ этихъ вѣдомостяхъ, очень любопытны, какъ показатели ввоза книгъ въ Россію изъ-заграницы.

Изъ сравненія вѣдомостей за два года существованія рижской цензуры оказывается: 1) что во второй годъ ея существованія ввозъ книгъ сократился (въ 1797—98 гг.—49.036; въ 1798—99 гг.—30.219), причѣмъ—2) несмотря на значительное сокращеніе привоза, строгость цензуры увеличилась (въ 1797—98 гг. задержано книгъ 6.730; въ 1798—99 гг.—6.950), 3) цензура подчинила своему надзору даже частную переписку.

Гораздо болѣе скромными оказались результаты дѣятельности петербургской цензуры.

Туда въ 1797—98 гг. поступило книгъ на разсмотрѣніе 10.915 томовъ (т. е., почти въ три раза меньше, чѣмъ въ рижскую), изъ нихъ задержано немного болѣе 200 ¹⁾ (т. е. въ 30 разъ меньше, чѣмъ въ рижской).

Въ 1798 году число книгъ, доставленныхъ изъ Петербургской таможни въ цензуру, почти удваивается (18.985), а число задержанныхъ книгъ (198) остается почти то же, что и въ первомъ году, т. е. въ процентномъ отношеніи уменьшается вдвое.

Кромѣ того, для статистики русской литературы за 1798 годъ любопытно указаніе, что напечатано въ Петербургѣ различныхъ сочиненій—218, изъ нихъ одобрено и выпущено—211, задержано—7.

Дѣятельность другихъ цензуръ была еще менѣе значительна; такимъ образомъ, главный книжный рынокъ для иностранной книги былъ въ Ригѣ. Вотъ почему исторія рижской цензуры любопытна для насъ даже своими мелкими эпизодами. Мы видѣли, какой ударъ былъ нанесенъ ею для книжной торговли: письмо Гарткноха краснорѣчиво говоритъ намъ объ этомъ, а цифры подтверждаютъ его слова; сравнительная мягкость петербургской цензуры вызвала къ Петербургу отливъ книги отъ Риги.

Цензурные отзывы, представленные въ Совѣтъ, даютъ намъ полное понятіе о тѣхъ книгахъ, которыя казались опасными правительству Павла. Дѣло въ томъ, что отзывы эти представляютъ часто подборъ самыхъ пристрастныхъ цитатъ изъ «сумнительной» книги, иногда, болѣе или менѣе, подробную характеристику ея, переходящую порой въ безпощадную критику. Въ виду того, что опасенія, «сумнѣнія» цензуръ

¹⁾ Точнаго числа задержанныхъ книгъ не устанавливаетъ даже вѣдомость, такъ какъ о многихъ книгахъ не было рѣшено ко времени составленія ея.

почти всегда встрѣчали одобреніе свыше, мы въ правѣ считать цензуровъ, поставленныхъ на стражѣ «для борьбы съ книжнымъ развратомъ», вѣрными истолкователями взглядовъ правительства: и, дѣйствительно, на ихъ донесеніяхъ пестрятъ резолюціи: «сжечь», «сжечь безъ огласки», а позднѣе и—«съ лицами выписывающими поступить по законамъ». Что-же казалось правительству нежелательнымъ къ распространенію въ Россіи?

Въ своемъ краткомъ введеніи къ настоящему очерку, мы сдѣлали небольшую характеристику «дореволюціонной литературы». Говорить, конечно, нечего, что цензура, и появившаяся-то изъ страха передъ революціей, была неумолима къ произведеніямъ, въ которыхъ проповѣдовались идеи революціи. Но опасенія правительства были такъ велики, и реакція либерализму сказалась настолько сильно, что гоненія были открыты на всякое произведеніе, въ которомъ блистала хоть искорка либерализма; въ пылу борьбы съ книгой запрещались сочиненія совсѣмъ невинныя, усматривался вредъ въ такихъ книгахъ, которыя неповинны были въ якобинизмъ...

Чтобы оправдать свою придирчивость, цензорамъ приходилось изобрѣтать такія основанія для запрещенія, что ихъ отзывы часто вызываютъ смѣхъ у современнаго читателя. Особеннымъ талантомъ читать между строкъ и отыскивать «опасныя» идеи отличался Ѳ. Туманскій. Ниже мы увидимъ образчики его цензорскаго остроумія.

Для курьеза укажемъ, что между «опасными» писателями оказался Виландъ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, Гердеръ, Клопштокъ, конечно, Вольтеръ и Руссо; изъ менѣе замѣтныхъ именъ—Николай, Музеусъ, Энгель, Левекъ, Лафатеръ...

Теперь обратимся къ тѣмъ идеямъ, которыя показались «опасными» для русской цензуры и правительства.

Нѣсколько книгъ, оказывается, пострадало за указаніе на тяжелое положеніе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Напримѣръ, сочиненіе Merkel'я «Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhundert» (Leipzig, 1797), найдено не подходящимъ для Россіи, такъ какъ въ немъ сказано, что «латыши въ Лифляндіи и чухонцы въ Эстляндіи, голодомъ томимые, трудятся въ хлѣбопашествѣ для чуждыхъ помѣщиковъ». «Pittoresken aus Norden» (St.-Petersbourg (фальшивое обозначеніе мѣста печати), 1 Th.—1795, 2 Th.—1796) запрещены за то-же: цензоръ усмотрѣлъ «обиду и опороченіе лифляндскихъ дворянъ», напримѣръ, въ словахъ: «дворяне эстляндскіе плохо кормятъ крѣпостныхъ». За указаніе на плачевное положеніе лифляндцевъ и отзывъ объ ихъ просвѣщеніи «съ худой стороны» пострадали еще сочиненія: Merkel'я «Die Vorzeit Lieflands» (Berlin, 1798) и «Reise eines Liefländers von Riga nach Warschau u. w.» (Berlin, 1795), авторъ, ко-

того, говоря по поводу лифляндцевъ, допустилъ «разсужденіе объ отношеніи крестьянина къ господину и о свободѣ его».

Много иностранныхъ книгъ было запрещено за нападки на *католическихъ* монаховъ и анекдоты изъ ихъ жизни, за это пострадалъ, напр., Боккаччіо. Недовольствуясь защитой монаховъ, русская цензура ополчилась вообще за католичество, на папу, на католическіе обряды и святыни. Нельзя было, напримѣръ, критиковать «новоутвержденные властію римско-католическія церкви требники, въ разныхъ молитвахъ состоящіе»; нельзя было хвалить Лютера и утверждать, что «реформація нужна была»... Кромѣ всего этого, запрещалось говорить объ «иконахъ» и «образѣхъ» съ художественной точки зрѣнія, — за это оставлена книга: «*Erzählungen von einer Reise durch einen grossen Theil Deutschlands und Schweiz*» (Berlin, 1798).

Разумѣется, энергично заступилась цензура и за французскую монархію, на которую такъ много было нападковъ въ то время, а къ французскимъ принципамъ рекомендовала полное и безусловное почтеніе.

Запрещала цензура и сочиненія, въ которыхъ были анекдоты о властителяхъ, даже умершихъ давно, — напримѣръ, «за насмѣшливое памятованіе о императорѣ Карлѣ Пятомъ»; «за насмѣшливое описаніе о императорѣ Карлѣ Великомъ»; задерживались всѣ книги, въ которыхъ встрѣчались рассказы о любовныхъ похожденияхъ «разныхъ королей и принцевъ»...

Въ отношеніи къ современнымъ «вѣяніямъ» цензура была придирчива до крайности. Книги запрещались даже за то только, что въ нихъ попадались «разныя нынѣшнихъ временъ о вольности и политикѣ разсужденія»: нельзя было, напр., хвалить «просвѣщеніе вѣка», нельзя было не довольно энергично (съ точки зрѣнія цензуры) нападать на революцію: такъ, задержано было одно сочиненіе, направленное противъ революціи, за то, что авторъ «слабыми доводами больше вредилъ»...

Запрещались мечты о «золотомъ вѣкѣ», мечты о возвращеніи челоуѣка къ патріархальной жизни среди пастуховъ на лонѣ природы, такъ какъ такая жизнь, по мнѣнію цензоровъ, «отвергаетъ благоденствіе въ состояніи общественномъ». Конечно, цензура явилась рѣшительной защитницей «рабства»: насколько самое слово «свобода» пріятно ласкало слухъ многихъ людей XVIII вѣка, — настолько ово ненавистно было цензурѣ и правительству. Самыя невинныя идеи о «равенствѣ» казались тогда тоже неприличными: одна книга запрещена была за то, что авторъ, желая «доказать надобность челоуѣколюбія,

восходить нарочито высоко и на стр. 10 доказываетъ, что всѣ люди, и государь и нищій—братья».

Насколько легко находила цензура опасный либерализмъ въ книгѣ, видно, хотя бы, изъ слѣдующаго курьезнаго отзыва, который приводимъ цѣликомъ:

«Feuerstunden. Ein Geschenk für Kinder zur angenehmen und nützlichen Unterhaltung», Altenburg, 1795, 168 s.

«На стр. 61 сказка, якобы король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I, совокупно съ княземъ Дессавскимъ изъ своеволия, видѣвъ бѣднаго спящаго пастуха, отрубили хвостъ коровѣ—неблагопристойна для показанія нрава великихъ особъ, а тѣмъ паче при показаніи сего въ примѣрѣ дѣтямъ малолѣтнимъ кажется относится къ равенству (!), при семь и страница 60 кажется сомнительна, — также кажется не весьма прилично, что писатель, предпославъ увѣдомленіе, что король Гишпанскій и фамилія королевская и вельможи назначили игрище быковъ, на стр. 123 называетъ сіе игрище подлымъ и безчеловѣчнымъ, что не иначе какъ на щетъ двора королевскаго относится»¹⁾.

Кромѣ «политическихъ» причинъ, помѣшавшихъ очень многимъ книгамъ попасть въ руки русской публики, задерживались также книги: 1) въ которыхъ «духовные» цензора встрѣчали что-нибудь «опасное» для православной религіи, и, 2) въ которыхъ говорилось о Россіи, о ея порядкахъ или правителяхъ что-нибудь, съ точки зрѣнія цензуры, неподходящее.

Послѣ обзора дѣятельности павловской цензуры, обратимся опять къ ея исторіи. Съ каждымъ годомъ эта исторія принимаетъ все болѣе суровый характеръ²⁾. Въ 1798 г. февраля 11-го была учреждена цензура при радзивилловской таможенѣ «для губерній Волынской, Подольской и Минской»: черезъ эту радзивилловскую цензуру «единственно провозъ книгъ по тому краю дозволенъ быть долженствуетъ».

Въ томъ же году 24-го апрѣля, снисходя на просьбы дерптскаго магистрата и тамошняго дворянства, государь позволилъ дерптской типографіи продолжать свое существованіе, но подчинилъ ея дѣятельность надзору рижской цензуры, что равнялось, конечно, ея уничтоженію. Наконецъ, 17-го мая, 1798 года послѣдовалъ извѣстный указъ объ учрежденіи цензуры при всѣхъ портахъ: очевидно, несмотря на строгость и бдительность правительства, книга все-таки проникала въ предѣлы Россійской имперіи и попрежнему сѣяла смуту въ головы вѣрнопоподанныхъ его величества.

¹⁾ См. подробнѣе нашу работу: „Н. М. Карамзинъ“, стр. 551—8.

²⁾ Дѣло дошло до того, что всѣ (даже невиннаго содержанія) книги, помѣченныя республиканскимъ лѣтосчисленіемъ запрещались, по желанію императора (Постановленіе Совѣта, 28-го марта 1799 г.).

«Правительство, нынѣ во Франціи существующее, сказано въ указѣ, желая распространить безбожныя свои правила во всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣивать въ общества, наполняя даже оными газеты свои. Подтверждая нынѣ прежде сего состоявшіеся указы о сочиненіяхъ французскихъ, подъ именемъ «Монитера» извѣстныхъ, да и другихъ такого рода издаваемыхъ вообще въ областяхъ, подъ обладаніемъ французскимъ состоящихъ, видя также, что многіе газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей, а ищутъ, по подущенію же французовъ, или же по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ подражать имъ, и что, къ сожалѣнію, власти нѣкоторыя взираютъ на сіе спокойнымъ духомъ—за нужное признаемъ повелѣть Сенату нашему: 1) устроить во всѣхъ портахъ цензуру, составленную изъ одного или двухъ членовъ, которые бы имѣли наблюденіе, чтобъ на корабляхъ привозимыя сочиненія, какъ газеты, такъ и другія, не были пропускаемы безъ прочтенія тѣми цензорами и согласія оныхъ, а таможенные начальники при входѣ въ портъ всякаго судна, имѣютъ объявлять какъ капитану онаго, такъ и пассажирамъ сіе повелѣніе».

2) (Почты то же предписано директору почтъ).

3) Сенатъ нашъ имѣетъ обнародовать во всей имперіи, что, если кто получитъ газету, какую бы то ни было, или иное періодическое сочиненіе посредствомъ вояжировъ, курьеровъ, или же почты, и оное передастъ изъ рукъ своихъ въ другія, не представя предварительно оныя цензорамъ, то подвергнетъ себя неминуемо суду, яко ослушникъ законовъ; и 4) что начальствующіе въ почтамтахъ и цензоры, установленные въ портахъ, подвергаются подобному же наказанію, коль скоро пропустятъ вообще сочиненія, въ мѣстахъ подъ обладаніемъ французскимъ составленныя, или же другія, въ коихъ найдется что-либо оскорбляющее Законъ Божій, верховную власть и общее устройство».

Новый указъ, какъ мы уже сказали, создалъ массу затрудненій: главное—не было лицъ, годныхъ въ цензора и желающихъ занять эту должность,—вотъ почему выполнить указа даже въ Кронштадтѣ долго не было физической возможности; когда же наблюденіе за кораблями, приходящими въ Кронштадтъ, было поручено петербургской цензурѣ, она отказалась за недостаткомъ времени. Архангельскій губернаторъ тоже долго мучился надъ выполненіемъ указа,—наконецъ, съ горя взялъ цензуру на себя; въ Астрахани тоже не могли найти цензора. Если въ такихъ крупныхъ центрахъ былъ недостатокъ въ подходящихъ людяхъ, то, очевидно, въ мелкихъ портахъ высочайшій указъ совсѣмъ не выполнялся.

Со времени обнародованія этого указа начались энергичныя преслѣдованія лицъ, выписывающихъ запрещенныя книги: 28-го сентября

1798 г. Совѣтъ потребовалъ отъ цензуръ наименованія этихъ лицъ. И петербургская, и рижская цензура не замедлили исполненіемъ приказанія, и въ рукахъ Совѣта оказался цѣлый списокъ разныхъ книгопродавцевъ и частныхъ лицъ, преступившихъ законъ 17-го мая 1798 года. Совѣтъ потребовалъ, чтобы съ ними было поступлено «по законамъ», и въ Петербургѣ многіе заплатились довольно серьезно, но въ Ригѣ тамошній губернаторъ, быть можетъ, въ пику Ѳ. Туманскому, выступилъ на защиту всѣхъ имъ обвиненныхъ: онъ прислалъ рапортъ, въ которомъ заявилъ, что всѣ лица, названныя Туманскимъ, невинны: 1) никто не знаетъ, какая книга запрещена, такъ какъ списка запрещенныхъ книгъ нѣтъ, 2) книги выписаны нѣкоторыми еще до основанія цензуры, 3) нѣкоторыя книги не выписаны, а присланы, помимо всякой просьбы, друзьямъ или книгопродавцами.

Вѣроятно, невозможность выполнить указъ 1798 г. по недостатку лицъ вызвала исправленіе его: 16-го апрѣля 1799 года цензура была учреждена ужъ не «во всѣхъ портахъ», а лишь при Кронштадскомъ, Ревельскомъ, Выборгскомъ, Фридрихсгамскомъ и Архангельскомъ,—въ другіе порты книгамъ, газетамъ и всякаго рода сочиненіямъ доступъ былъ совсѣмъ запрещенъ.

22-го іюня того же 1799 года была учреждена еще цензура въ Вильнѣ, для разсмотрѣнія книгъ, ввозимыхъ чрезъ сухопутную Бѣлорусскую границу. Наконецъ, 18-го апрѣля 1800 г. совершенно былъ запрещенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ,—и этою мѣрою оканчивается исторія цензуры при Павлѣ I. Вступившій на престолъ Александръ I отмѣнилъ запрещеніе ввозить изъ-заграницы книги, чѣмъ и заключается короткая эпоха той «книгобоязни», которою страдало русское правительство въ тяжелую эпоху политическаго броженія во Франціи...

Вмѣстѣ съ окончаніемъ исторіи павловской цензуры пресѣклась и дѣятельность типичнаго работника ея—Ѳ. Туманскаго. Въ сочиненіи Коцебу—«*Une année mémorable de ma vie*» (Berlin, 1802), рассказано о послѣднемъ подвигѣ Туманскаго, свидѣтельствующемъ ясно, до какихъ размѣровъ разрослось то постепенное расширеніе цензорскихъ правъ, котораго онъ упорно добивался съ пріѣзда въ Ригу. «Г-нъ Туманскій, столько времени бывшій страшилищемъ города Риги, окончилъ самымъ печальнымъ образомъ свою роль. Съ бѣшенствомъ относясь къ презрѣнію, ему повсюду выражаемому, онъ вознамѣрился погубить всѣхъ жителей этого добраго города и съ этою цѣлью сдѣлалъ на нихъ на всѣхъ чюносъ императору, какъ на якобинцевъ, препроводивъ ко двору длинный листъ, на которомъ находились имена главныхъ гражданъ и должностныхъ. официальныхъ лицъ города, а во главѣ всѣхъ ихъ имя достойнаго, ста

раго генераль-губернатора Нагеля»¹⁾... Но времена перемѣнились— Александръ I, прочтя доносъ, сказалъ, что Туманскій сошелъ съ ума, и смѣстилъ его съ занимаемой должности.

Павловскій режимъ, съ его строгостями по отношенію къ книгѣ, былъ для передового русскаго общества тяжелымъ кошмаромъ. Мы видѣли уже, что притокъ иностранной книги сразу уменьшился, крупнымъ книгопродавцамъ грозилъ крахъ, книжные рынки пустовали²⁾... Русская же книга находилась тоже не въ лучшемъ положеніи. Самый видный писатель того времени — Карамзинъ, бойко начавшій свою литературную карьеру, напумѣвшій своими первыми произведеніями и изданіями, вдругъ ступевывается, замолкаетъ, вплоть до вступленія на престолъ Александра. Судя по письмамъ Карамзина къ Дмитріеву, въ тяжелое павловское время писателю не хватало воздуха, не было покоя въ душѣ, не было желанія работать... Насколько придирчива была внутренняя цензура къ русской книгѣ, видно, хотя бы, изъ слѣдующихъ словъ Карамзина: «Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосоена, которыя могли бы украсить Пантеонъ; но цензоры говорятъ, что Демосоевъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно и Цицерона также, и Саллюстія также. Grand Dieu! Что же выдетъ изъ моего Пантеона? Есть ли бы экономическія обстоятельства не заставляли меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на олтаре Музъ и заплакавъ горько, поглялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами»³⁾. «Цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придираются...»⁴⁾,—и вотъ Карамзинъ изъ вынужденнаго молчанія находитъ исходъ въ сочиненіи пошленькихъ, но зато невинныхъ impromptu, а изъ бездѣйствія — въ ухаживаньи за московскими дамами и въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. «...Я, какъ авторъ, восклицаетъ онъ, могу исчезнуть заживо. Здѣшніе цензоры при новой эдиціи Аэкидъ поставили ✕ на моемъ посланіи къ женщинамъ. Такая же участь ожидаетъ и Аглаю и мои бездѣлки, и «Письма Русск. Путеш.», то есть, вѣроятно, что цензоры при новыхъ изданіяхъ захотятъ вымарывать и поправлять, а я лучше в се брошу, нежели соглашусь на такую гнусную операцію; и, такимъ образомъ, черезъ годъ не останется въ продажѣ можетъ быть ни одного изъ моихъ сочиненій. Умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ російская литература!»⁵⁾...

Но стоило перемѣниться режиму, стоило вступить на престолъ Але-

¹⁾ „Русская Старина“, VIII, 593.

²⁾ Карамзинъ, „Письма къ Дмитріеву“, 79.

³⁾ Ibid., 97.

⁴⁾ Ibid., 99.

⁵⁾ Ibid., 103—4.

ксандру I,—какъ Карамзинъ, судя по его письмамъ къ Дмитріеву, ушедшій почти цѣликомъ въ свѣтскую жизнь съ ея флиртомъ, вдругъ выступаетъ на сцену съ «Вѣстникомъ Европы!» И, конечно, не одинъ Карамзинъ, а очень многіе передовые люди того времени развернулись при новомъ императорѣ, открывъ въ себѣ и способности, и интересы, и богатый запасъ энергіи...

В. В. Сиповскій.

Переселеніе грековъ и болгаръ въ Россію.

Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому.

23-го октября 1801 г.

Разсмотрѣвъ рапортъ вашъ отъ 3-го сего мѣсяца о прибывшихъ въ Одессу на купеческомъ суднѣ изъ Румеліи болгарахъ и грекахъ съ ихъ священникомъ 19-ти семействъ, составляющихъ обоюга пола 148 душъ, ищущихъ спасенія отъ бѣдствій, постигшихъ страну ихъ разореніемъ и истребленіемъ, которые причиняютъ тамъ разбойники, я апробую мѣры вами принятые о призрѣніи и пропитаніи сихъ единовѣрныхъ намъ выходцевъ, такъ, какъ и мнѣніе ваше о ихъ прочномъ водвореніи; на каковой конецъ и дано надлежащее повелѣніе экспедиціи государственнаго хозяйства; что же касается до оставшихся въ Адрианопольской округѣ болгаровъ и грековъ, подобнымъ несчастіемъ гонимыхъ и у насъ защиты и покровительства ищущихъ, ихъ отнюдь не вызывать и съ ними никакого сношенія и пересылки не дѣлать; а ежели кто изъ нихъ сами собою безъ всякаго съ нашей стороны побужденія перейдутъ въ границы наши, таковыхъ принимать на томъ же основаніи, какъ поступлено и съ вышепомянутыми выходцами. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ.

XI 4).

Отношенія Самозванца къ его бывшимъ покровителямъ въ Польшѣ.—Димитрій просить руки Марины Мнишекъ.—Обрученіе.—Переговоры, веденныя Власьевымъ.—Недовольство поляковъ Сигизмундомъ.—Недовольные вступаютъ въ тайныя сношенія съ Димитріемъ.—Засѣданіе севата въ Варшавѣ.

Многія личности, покровительствовавшія Самозванцу въ Польшѣ, подобно Сигизмунду, ожидали отъ него щедрой награды за оказанныя услуги, но ихъ ожиданія и требованія были такъ велики, что Димитрій не хотѣлъ, да и не могъ ихъ исполнить; считая себя обиженными, эти лица сдѣлались его непримиримыми врагами. Къ числу таковыхъ принадлежалъ, на примѣръ, князь Адамъ Вишневецкій, первый изъ магнатовъ оказавшій ему пріютъ въ Польшѣ и признавшій его сыномъ Іоанна Грознаго. Онъ пріѣхалъ въ началѣ августа 1605 года въ Москву, съ цѣлю поздравить Димитрія съ вступленіемъ на престоль и съ благополучно совершившимся коронованіемъ ²⁾, и былъ принятъ новымъ царемъ не только весьма ласково и привѣтливо, но получилъ отъ него въ подарокъ значительную часть имущества, конфискованнаго у Годуновыхъ ³⁾. Но это его не удовлетворило; онъ ожидалъ болѣе щедрой благодарности, не скрывалъ своего неудовольствія и говорилъ открыто, что, помогая Димитрію, онъ истратилъ большую сумму денегъ и не получилъ за это никакой награды. Его поведеніе до того

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1899 г.

²⁾ Пирлингъ. Тамъ же. Pièces justif. ч. III, стр. 211.

³⁾ Rps. Bibl. Ossol. 168, к. 505.

разсердило Самозванца, что онъ приказалъ Вишневецкому немедленно выѣхать изъ столицы.

Весьма нагло поступили также польскіе солдаты, прибывшіе съ Самозванцемъ въ Москву; получивъ слѣдующее имъ жалованье, они пропили и проиграли его въ кости, а вернувшись въ Польшу обвиняли царя въ неблагодарности и говорили, что не получили обѣщаннаго ¹⁾.

Также возникли непріятности между Димитріемъ и Львомъ Сапѣгою, который былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ его покровителей и пособниковъ; недоразумѣнія между ними дошли до того, что за него счелъ нужнымъ вступиться папскій нунцій ²⁾.

Вполнѣ дружескія отношенія существовали неизмѣнно только съ семействомъ Мнишекъ. Самозванецъ довольно часто переписывался съ Юріемъ Мнишекъ, съ его сыномъ и съ женой послѣдняго; и добросовѣстно сдержалъ по отношенію ихъ всѣ обѣщанія. 25-го мая 1604 года онъ обѣщалъ дать воеводѣ миллионъ золотыхъ на уплату его долговъ, и по вступленіи на престолъ посылалъ ему столь значительныя суммы, что Мнишекъ уплатилъ королю всѣ недоимки, которыя числились за нимъ по самборскому староству ³⁾.

По вступленіи на престолъ, Димитрій обѣщалъ также жениться на Маринѣ и отправить къ королю особое посольство—просить ея руки. И дѣйствительно, въ сентябрѣ 1605 года былъ посланъ съ этой цѣлью въ Польшу его подскарбій и канцлеръ Аѳанасій Власевъ, который торжественно въѣхалъ, 9-го ноября того же года, въ Краковъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, состоявшей изъ 300 всадниковъ. На встрѣчу ему выѣхалъ весь дворъ.

Два дня спустя, Власевъ отправился къ сендомірскому воеводѣ, который, по просьбѣ Самозванца, прибылъ въ Краковъ и, привѣтствуя его, вручилъ ему, отъ имени царя, 500.000 рублей и богатые подарки: роскошную шубу и шапку изъ чернубурой лисицы, золотой кубокъ, осыпанный жемчугомъ и драгоценными камнями, такую же булаву, чубарую лошадь съ роскошнымъ татарскимъ сѣдломъ и сбруей прекрасной работы; часы съ золотой цѣпочкой, два ножа, осыпанные драгоценными камнями, два персидскихъ ковра, затканыхъ золотомъ, и шесть сороковъ великолѣпныхъ соболей; наконецъ, живого соболя, куницу и три кречета въ клубучкахъ, осыпанныхъ жемчугомъ и съ золотыми колокольчиками.

14-го ноября Власеву дана была аудіенція у короля, во время которой онъ упомянулъ о желаніи Димитрія начать, въ союзѣ съ коро-

¹⁾ Собр. гос. грам. и дог., ч. II, № 121.

²⁾ Собр. гос. грам. и дог., ч. II, № 124.

³⁾ Рps. Muz. XX Czartor. 101. (№ 5) и 342 (стр. 198).

лемъ польскимъ и прочими монархами, войну противъ турокъ, которые въ послѣднее время снова «овладѣли нѣсколькими крѣпостями въ Венгріи».

На слѣдующій день, Мнишекъ далъ въ честь посла роскошный обѣдъ, на которомъ присутствовало нѣсколько сенаторовъ и всѣ члены московскаго посольства, кромѣ самого Власьева, который занемогъ.

18-го числа посолъ вновь былъ принятъ королемъ, выразилъ ему желаніе царя жениться на дочери сендомірскаго воеводы и просилъ разрѣшить Маринѣ и ея отцу отправиться въ Москву, а его самого просилъ прибыть на свадьбу царя ¹⁾.

На слѣдующій день пріѣхала въ Краковъ нарѣченная невѣста Самозванца, а 22-го ноября было совершено съ большою торжественностью заочное обрученіе ея съ Димитріемъ.

Торжество это происходило въ трехъ каменныхъ домахъ, принадлежавшихъ Фирлею, Мнишеку и Монтелупи, между которыми нарочно для этой цѣли были пробиты стѣны. Въ первомъ изъ этихъ домовъ одна комната была обращена въ домовую церковь, гдѣ кардиналъ Мацѣевскій, въ сослуженіи съ двумя прелатами, совершилъ обрядъ обрученія. За часъ передъ тѣмъ прибылъ Власьевъ, одѣтый въ богатое платье и въ сопровожденіи двухсотъ всадниковъ.

Въ церковь первымъ вошелъ Сигизмундъ со своимъ сыномъ Владиславомъ и съ своей сестрою Анною, шведской королевой. Вслѣдъ за ними вошелъ московскій посолъ, который «билъ королю челомъ» и поцѣловалъ у него руку. Вскорѣ послѣ этого двое сенаторовъ ввели Марину Мнишекъ; за нею вошли прочіе гости.

Роскошный уборъ Марины обратилъ на себя всеобщее вниманіе. На ней было великолѣпное вышитое бѣлое шелковое платье, а на головѣ была изящной работы корона, отъ которой ниспадали на ея черныя косы подвѣски изъ жемчуга и драгоценныхъ камней.

Передъ началомъ обрученія посолъ обратился къ Мнишеку и въ короткихъ словахъ, отъ имени царя, просилъ руки его дочери и его благословенія на бракъ. На его рѣчь отвѣчалъ литовскій канцлеръ: послѣ него говорилъ кардиналъ Мацѣевскій, разъяснившій духовное значеніе обрученія.

По произнесеніи этихъ рѣчей, двое служителей постлали передъ алтаремъ великолѣпный коверъ, на который встали Власьевъ и Марина. Началась служба.

Когда кардиналъ предложилъ Власьеву вопросъ, не общалъ ли Димитрій жениться кому-нибудь другому, то Власьевъ отвѣчалъ:

¹⁾ Rps. Муз. XX. Czartor. 2101, стр. 7—9. Тамъ же, „Русск. Историч. Библіотека“, т. I, стр. 42—50.

— Почему я знаю? Относительно этого онъ мнѣ ничего не на-
казывалъ.

Этотъ отвѣтъ насмѣшилъ всѣхъ присутствующихъ, которые поспѣ-
шили объяснить послу, что это только извѣстный обрядъ, установленный
католической церковью, тогда онъ сказалъ:

— Если бы онъ далъ слово кому-нибудь другому, то навѣрно онъ
не прислалъ бы меня сюда.

Власевъ не хотѣлъ также произнести по-латыни брачную клятву,
а когда кардиналъ предложилъ ему повторить за нимъ слова этой клятвы,
то онъ сначала также отказался, говоря:

— Я долженъ отвѣчать невѣстѣ, а не вашему святѣйшеству. Панна
Марина должна клясться въ вѣрности царю, а я за царя — паннѣ
Маринѣ.

Когда надобно было обмѣняться кольцами, онъ вынулъ изъ малень-
кой коробочки великолѣпный перстень съ огромнымъ брильянтомъ и
передалъ его Мацѣевскому, который надѣлъ его Маринѣ на палецъ;
получивъ же отъ нея кольцо, посоль не надѣлъ его на руку, а спряталъ
тотчасъ въ ту же коробочку.

Когда кардиналъ долженъ былъ связать имъ руки эпитрахилью, то
Власевъ подавъ руку, обернувъ ее предварительно платкомъ, который
онъ взялъ у стоявшей тутъ жены смоленскаго воеводы, полагая, что въ
качествѣ подданнаго онъ не могъ коснуться руки своей будущей ца-
рицы. Но кардиналъ не позволилъ этого, объяснивъ ему, что онъ обя-
занъ подать руку не обернутой, такъ какъ является въ этомъ слу-
чаѣ не простымъ посломъ, а представителемъ самого Дмитрія.

По окончаніи обряда, Власевъ съ своимъ сыномъ тотчасъ «били
челомъ» Маринѣ, признавъ ее этимъ царицей и законной супругой сво-
его государя.

Изъ церкви всѣ отправились въ столовую; впереди всѣхъ шла Ма-
рина, за нею слѣдовала шведская королева, а позади шелъ посоль. Си-
гизмундъ пришелъ нѣсколько времени спустя. Въ этотъ моментъ 40 чело-
вѣкъ внесли подарки, присланные Дмитріемъ и его «матерью» Мареою;
ихъ принимала бабка молодой, заступавшая мѣсто ея матери, которая
была больна.

Подарки возбудили восторгъ присутствующихъ. Кромѣ множества
драгоценностей, дорогихъ мѣховъ и разнаго рода матерій, всеобщее
любопытство возбудила вылитая изъ золота статуетка Діаны, сидящей
на оленѣ, таковой же пеликанъ, «выклевывающийъ себѣ сердце» и пав-
линъ съ распушеннымъ хвостомъ, въ особенности же большіе часы, на
которыхъ стоялъ вызолоченный слонъ съ башней. Эти часы не только
били время, но въ нихъ играла музыка, слышались звуки бубенъ,
флейтъ и двѣнадцати трубъ.

Одинъ изъ сановниковъ въ краткой рѣчи благодарилъ отъ имени Марины за присланные подарки; затѣмъ всѣ пошли къ столу. На первомъ мѣстѣ сѣлъ король, по правую руку отъ него Марина и посолъ, по лѣвую—сестра Сигизмунда и королевичъ Владиславъ; противъ короля помѣстились кардиналъ и папскій нунцій. За двумя другими столами сидѣло нѣсколько сенаторовъ, сынъ посла и двѣнадцать человекъ изъ свиты Власьева. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали придворные.

Сигизмунду, его сестрѣ и королевичу были поданы золотыя тарелки, а Маринѣ, послу, нунцію и кардиналу серебряныя. Власьевъ ничего не ѣлъ и все время слѣдилъ за тѣмъ, чтобы нечаянно не коснуться платья Марины. Сначала онъ не хотѣлъ даже сѣсть воалѣ нея, боясь этимъ прогнѣвить своего царя; Мнишеку едва удалось успокоить его на этотъ счетъ.

Король, замѣтивъ, что посолъ только смотрѣлъ на присутствующихъ, а самъ ни до чего не дотрогивался, велѣлъ спросить его, почему онъ ничего не ѣстъ. Власьевъ отвѣчалъ:

— Подданному не годится ѣсть вмѣстѣ съ монархами, а когда Сигизмундъ объяснилъ ему, что на этомъ обѣдѣ онъ является представителемъ самого царя, то онъ сказалъ:

— Благодарю ваше королевское величество, что вы угощаете меня за моего государя, но я прошу позволенія только смотрѣть. Съ меня и того довольно, что я могу сидѣть за столомъ такого великаго монарха, какъ король польскій.

За обѣдомъ, по обыкновенію, приносились здравицы. Первымъ всталъ Сигизмундъ и пилъ за здоровье Марины. За ея здоровье пила также королева шведская. Потомъ Марина пила за королевича, а королевичъ за посла. Власьевъ опорожнилъ кубокъ за здоровье кардинала. Наконецъ Марина, по желанію отца, пила за здоровье Димитрія.

Когда подымали кубки за здоровье царя и царицы, то посолъ тотчасъ вставалъ и, «какъ подобало», кланялся ей въ ноги.

Пиръ затянулся до поздней ночи. По окончаніи его Власьевъ поднесъ отъ себя подарки царицѣ, а Мнишекъ королю, его сестрѣ и королевичу.

Въ это время вынесли столы, заиграла музыка и начались танцы. Ихъ открылъ Сигизмундъ съ Мариною. Власьевъ, котораго король уговаривалъ танцевать съ молодой, отъ этого уклонился, заявивъ, что подданному не приличествуетъ прикасаться къ своей царицѣ.

Когда окончились танцы, Мнишекъ подошелъ съ дочерью къ королю и сказалъ:

— Марина! поклонись въ ноги его королевскому величеству, нашему все милостивѣйшему государю в благодѣтелю и поблагодари его за его великія милости.

Они упали королю въ ноги. Сигизмундъ поднялъ Марину и долго съ нею бесѣдовалъ; поздравивъ ее съ обрученіемъ и съ ея будущимъ высокимъ саномъ, онъ напомнилъ ей, что она должна склонять своего супруга къ союзу и къ поддержанію добрыхъ отношеній съ Рѣчью Посполитой, чтобы этимъ отплатить за услуги, оказанныя ему поляками. Онъ совѣтовалъ ей строго соблюдать польскіе обычаи, а равно слѣдовать указаніямъ и наставленіямъ, которыя ей дѣлали родители, и внушать такія же правила своимъ дѣтямъ; подъ конецъ, снявъ шапку, онъ благословилъ ее.

Этотъ разговоръ тронулъ Марину до слезъ; она снова упала вмѣстѣ съ отцомъ въ ноги королю.

Когда она простилась съ королевичемъ и королевой шведской, то Олесницкій и Ветовскій отвели ее къ матери.

Послѣ того, какъ король уѣхалъ во дворецъ, посоль счелъ долгомъ удалиться. Миншекъ проводилъ его до кареты, а пріятели воеводы провожали его до самаго дома.

Власевъ былъ доволенъ почестями, оказанными ему, какъ представителю Димитрія, но его огорчало, что Марина кланялась королю въ ноги, а поляковъ весьма удивило его униженное, почти рабское отношеніе къ царю и царицѣ. Они осуждали также поведеніе его свиты, изъ коей многіе напились за столомъ и ѣли очень нечистоплотно, бера подаваемыхъ кушанья съ блюда руками ¹⁾.

Послѣ обрученія Марина пробыла въ Краковѣ дней десять; въ это время Власевъ велъ съ поляками переговоры относительно участія короля въ предполагаемой коалиціи державъ противъ турокъ. Когда приблизился день бракосочетанія Сигизмунда съ эрцгерцогиней австрійской Констанціей, то Марина уѣхала изъ столицы, опасаясь, что во время празднествъ ей не будетъ оказано должныхъ почестей какъ московской царицѣ.

3-го декабря она уѣхала въ Прадникъ, гдѣ провела около двухъ мѣсяцевъ во дворцѣ, принадлежавшемъ краковскимъ епископамъ. Марину торжественно провожали ея родные, друзья и Власевъ со всей свитой.

Возвратившись въ Краковъ посоль провелъ тамъ еще нѣкоторое время, чтобы присутствовать на свадьбѣ короля, какъ представитель Димитрія ²⁾.

Во время этихъ празднествъ и тотчасъ по окончаніи ихъ, Власевъ велъ съ нѣкоторыми лицами въ тайнѣ переговоры по весьма важному

¹⁾ Rps. Bibl. Ossol. 1388 (стр. 107—108), 1453 (стр. 175—177) и др. — Rps. Muz. XX Czartor. 100 № 10 и 101.

²⁾ Rps. Bibl. Ossol. 1388 (стр. 108) и 2284 (стр. 176—177).

вопросу. Сигизмундъ давно уже не пользовался любовью поляковъ; какъ потомокъ Вазовъ, онъ считалъ главной цѣлью своей жизни—возвратить шведскій престолъ, а на Польшу смотрѣлъ только какъ на средство къ достиженію этой цѣли. Онъ окружилъ себя иностранцами, обращался съ поляками свысока, совершенно поддался вліянію іезуитовъ; диссидентовъ, которыхъ было множество въ Рѣчи Посполитой, онъ ненавидѣлъ и притѣснялъ; особенное неудовольствіе поляковъ возбудила его пріязнь къ австрійскому императорскому дому и его женитьба на дочери эрцгерцога Карла. Когда овдовѣвъ, онъ рѣшилъ вступить въ бракъ съ ея сестрою Констанціей, то шляхта была до того раздражена этимъ, что нѣкоторые лица уже въ половинѣ 1605 г. подумывали объ избраніи новаго короля.

Въ это время Самозванецъ вступилъ въ Москву и короновался на царство. Извѣстіе объ этихъ событіяхъ произвело въ Польшѣ сильнѣйшее впечатлѣніе; мужество и личныя качества Самозванца и его необыкновенная удача сдѣлали его имя весьма популярнымъ въ Польшѣ; предводители послѣдняго возстанія давно уже находились съ нимъ въ сношеніяхъ; диссидентовъ, весьма многочисленныхъ въ Польшѣ, привлекала его вѣротерпимость и свободомысліе, усвоенныя имъ въ Гощѣ; въ ихъ средѣ возникла мысль свергнуть съ престола Сигизмунда и предложить польскую корону Димитрію.

Переговоры объ этомъ были начаты вѣроятно въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ 1605 г., ибо Самозванецъ уже 13-го сентября послалъ въ Польшу своего секретаря Станислава Слонскаго съ порученіемъ переговорить о многомъ отъ его имени съ нѣкоторыми сенаторами ¹⁾ и съ воеводою сендомірскимъ, который впрочемъ не особенно сочувствовалъ этимъ проискамъ, опасаясь, чтобы они не нарушили пріязненныхъ отношеній, существовавшихъ между Димитріемъ и королемъ польскимъ. Онъ предостерегалъ даже по этому поводу Самозванца въ своихъ письмахъ, совѣтуя ему не увлекаться и дѣйствовать съ величайшей осторожностью ²⁾.

Слонскій прибылъ въ Краковъ одновременно съ Власьевымъ и вошелъ въ сношенія съ партіей враждебной королю; 3-го января 1606 г. пріѣхалъ съ этой же цѣлью въ столицу другой секретарь Димитрія Янъ Бучинскій. Хотя ихъ переговоры съ поляками велись съ величайшей осторожностью, но ихъ не удалось сохранить въ совершенной тайнѣ.

Когда въ началѣ марта 1606 г. въ Варшавѣ собрался сеймъ, на которомъ обсуждался между прочимъ вопросъ о предложенномъ Ди-

¹⁾ „Собр. гос. грам. и дог.“, т. II, № 99.

²⁾ „Собр. гос. грам. и дог.“, т. II, № 112.

митріемъ союзѣ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ, то присутствовавшій на засѣданіи Левъ Сапѣга, высказавшись за союзъ съ Димитріемъ, счелъ долгомъ заявить собравшимся, что враги короля находятся съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ и даже предлагаютъ ему польскую корону, а литовскій канцлеръ высказалъ, съ своей стороны, что на Димитрія нельзя особенно полагаться и что въ сношеніяхъ съ нимъ слѣдуетъ соблюдать величайшую осторожность ¹⁾.

И такъ, недалековидная и двуличная политика Сигизмунда, принявшаго участіе въ судьбѣ Самозванца, вопреки совѣтамъ и настояніямъ наиболѣе благоразумныхъ и уважаемыхъ его сановниковъ, не только не принесла Рѣчи Посполитой тѣхъ выгодъ, которыхъ ожидалъ король, но онъ нажилъ себѣ въ лицѣ Димитрія не союзника, а ловкаго и неразборчиваго на средства соперника.

XII.

Помилованіе Шуйскихъ.—Димитрій вооружаетъ противъ себя народъ и духовенство.—Покушеніе на жизнь Самозванца.—Кровавая расправа стрѣльцовъ.—Отличительныя черты характера Самозванца.—Его честолюбивые замыслы.—Сношенія съ папскимъ правительствомъ.—Посольство ксендза Лавицкаго.—Пріемъ, оказанный Ронгони.—Дипломатія Самозванца.

Шуйскіе не долго были въ изгнаніи. Димитрій помиловалъ ихъ въ надеждѣ снискать ихъ расположеніе своимъ великодушіемъ; къ осени они уже были въ Москвѣ. Не зная тогдашнихъ московскихъ бояръ, Самозванецъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Василий Шуйскій не отказался отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, но наученный опытомъ сталъ дѣйствовать осторожнѣе. Къ тому же Димитрій много повредилъ себѣ во мнѣніи подданныхъ тѣмъ, что онъ не соблюдалъ старинныхъ обычаевъ, выказывалъ большое свободомысліе въ вопросахъ вѣры и замѣтно отличалъ иностранцевъ; при его дворѣ главную роль играли поляки. Кромѣ Басманова, ближайшими его совѣтниками и довѣренными лицами были двое Бучинскихъ и Станиславъ Слонскій. Многія придворныя должности также были замѣнены поляками. Димитрій раздавалъ имъ мѣста и награды, «любилъ бесѣдовать съ ними и проводить время, даже позволялъ имъ шутки и фамиллярное съ собою обращеніе» ²⁾. Это возстановило противъ него русскихъ, къ которымъ

¹⁾ Rps. Bibl. Hr. Krasins. 453 к. 18.—Также Костомаровъ, „Историч. монографія“, т. IV, стр. 303.

²⁾ Масса. Т. I, стр. 140, т. II, стр. 152.—Dyaryusz и т. д. Rps. Bibl. Hr. Baworowskiego, 14, к. 16.

поляки относились чрезвычайно высокомерно и позволяли себѣ всячески оскорблять ихъ.

Самозванецъ вооружилъ также противъ себя духовенство тѣмъ, что онъ не соблюдалъ постовъ, употреблялъ въ пищу, вопреки существовавшему предразсудку, телятину, не ходилъ каждый день въ баню, не клалъ земныхъ поклоновъ передъ иконами, даже водилъ въ церковь своихъ любимыхъ собакъ ¹⁾, и укоряя русскихъ въ невѣжествѣ, доказывалъ имъ, что католики и протестанты, которыхъ они считали еретиками, такіе же христіане какъ и православные.

Когда онъ объявилъ о своемъ намѣреніи жениться на Маринѣ Мнишекъ и просилъ на это разрѣшенія духовнаго собора, то противъ этого энергично возстали Казанскій митрополитъ Гермогенъ и Коломенскій епископъ Іосифъ и требовали, чтобы Марина приняла передъ свадьбою православную вѣру и была окрещена по православному обряду; хотя остальное духовенство, подъ давленіемъ патріарха, не настаивало на этомъ, но оно было глубоко возмущено поступкомъ Димитрія ²⁾.

Народъ не одобрялъ также военныхъ приготовленій Самозванца, опасаясь что въ случаѣ войны онъ будетъ обремененъ новыми налогами.

Осенью 1606 г. Димитрій отправилъ къ крымскому хану гонца съ требованіемъ возвратитъ ему всѣ деньги, которыя были получены имъ отъ его предковъ подъ видомъ дани; при этомъ посланному велѣно было передать хану тулупъ, на которомъ не осталось ни одного волоса, и сказать, что ежели ханъ не исполнитъ требованій царя, то его владѣнія вскорѣ будутъ походить на этотъ голый кожухъ ³⁾.

Такъ же рѣзко Димитрій поступилъ и съ Карломъ, герцогомъ Зюдерманландскимъ, потребовавъ, чтобы онъ возвратилъ Сигизмунду престолъ, угрожая въ противномъ случаѣ придти на помощь королю польскому со всѣмъ своимъ войскомъ.

Осенью того же года, подъ Нарвою дѣйствительно стали сосредоточивать войска, какъ будто Самозванецъ зимою же собирался объявить войну Швеціи; его отговорили отъ этого намѣренія Мнишекъ и бояре.

Неудовольствіемъ народа ловко съумѣли воспользоваться Шуйскіе; они составили противъ Димитрія заговоръ, въ которомъ приняли участіе многіе знатнѣйшіе бояре, какъ то: князь Куракинъ, Василій Голицынъ и Михаилъ Татищевъ и нѣкоторые другія свѣтскія и духовныя лица, у которыхъ были агенты не только въ столицѣ, но и по всей

¹⁾ Стадницкій, тамъ же.—Буссовъ, тамъ же, стр. 46.

²⁾ Н. Левитскій Игнатій „названный“ патріархъ московскій („Странникъ“ 1881, октябрь, стр. 212). Также Пирлингъ, тамъ-же стр. 116.

³⁾ Масса, тамъ же, т. I, стр. 145.

Россіи, какъ это видно по слѣдующему факту. Когда Станиславъ Боржа, одинъ изъ ротмистровъ Самозванца, отправился въ январѣ 1606 года въ Польшу, то онъ встрѣтилъ въ Смоленскѣ нѣкоего Хрипунова, который былъ вѣроятно однимъ изъ агитаторовъ разосланныхъ Шуйскими. Заставивъ Боржу поклясться, что онъ сохранить въ тайнѣ все то, что онъ сообщитъ ему, Хрипуновъ сказалъ, «что въ Москвѣ всѣ уже окончательно убѣдились въ томъ, что Дмитрій не есть законный царь», что онъ не сынъ Іоанна Грознаго.

— Вотъ увидишь, сказалъ онъ, что ему скоро не сдобровать! ¹⁾

Заговорщики хотѣли заручиться содѣйствіемъ Сигизмунда и вошли съ нимъ съ этою цѣлю въ тайные переговоры, обѣщая въ случаѣ сверженія Дмитрія избрать на престолъ королевича Владислава, но король польскій рѣшительно отказался принять какое бы то ни было участіе въ этомъ дѣлѣ, предоставивъ его «волѣ Божіей» ²⁾.

Имъ не удалось отдѣлаться отъ Самозванца и инымъ болѣе короткимъ путемъ. 18-го января 1606 года подговоренные заговорщиками убійцы проникли въ Кремль, но были замѣчены тѣлохранителями Дмитрія; нѣкоторымъ изъ нихъ удалось бѣжать, но трое были схвачены и подвергнуты пыткѣ; по всей вѣроятности они выдали другихъ участниковъ заговора, такъ какъ вскорѣ послѣ этого нѣсколько поповъ и чернецовъ были арестованы и подвергнуты допросу.

Въ то же время обнаружилось участіе въ заговорѣ стрѣльцовъ, обстоятельство, которое должно было крайне встревожить всѣхъ искреннихъ друзей и приверженцевъ Самозванца. Слѣдствіе, произведенное по этому поводу Басмановымъ, обнаружило, что въ заговорѣ было замѣшано семеро стрѣльцовъ, которые и были арестованы; всѣмъ прочимъ велѣно было на слѣдующій день собраться въ Кремль.

Когда царь вышелъ къ собравшимся, окруженный толпою знатнѣйшихъ бояръ и придворныхъ, то стрѣльцы, снявъ шапки поклонились ему, по тогдашнему обычаю, въ землю. Видя ихъ покорность, Самозванецъ не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ:

— Кажется Господь вразумилъ ихъ!

Затѣмъ онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой, основываясь на примѣрахъ изъ священнаго писанія онъ распространился о немсповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія, укорялъ ихъ въ недовѣрїи и неповиновенїи и доказывалъ, что, возбуждая смуты, они ввергнутъ народъ въ еще большее бѣдствіе. Припомнивъ злодѣянія, учиненныя Годуновымъ, который измѣнническимъ образомъ захватилъ престолъ и преслѣдовалъ потомковъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ, онъ продолжалъ:

¹⁾ Собр. гос. грам. и дог. Ч. II, № 263.

²⁾ Тургеневъ, Hist. Russ. Monum. т. II, стр. 158.—Такъ же Rps. Mus. XX. Czartor. 2101, стр. 10 и 22.

— Вотъ истинная причина, вслѣдствіе которой наша страна такъ много выстрадала! Теперь же, когда Господь спасъ меня отъ всѣхъ бѣдъ, вы еще недовольны, вы хотите избавиться отъ меня и рѣшаетесь на новое преступленіе! Въ чемъ можете вы упрекнуть меня? Кто изъ васъ можетъ доказать, что я не истинный Димитрій? Если таковыя между вами найдутся, пусть они выступаютъ, я позволю имъ убить себя. Моя мать и всѣ бояре могутъ засвидѣтельствовать, что я вашъ законный царь. Неужели вы думаете, что кому нибудь удалось бы, почти безъ войска, завоевать столь могущественное государство, если бы его не поддерживала увѣренность въ законности его правъ? Допустилъ ли бы это Господь? Я рисковалъ жизнію не для того, чтобы достигнуть власти, а изъ состраданія къ вамъ, изъ желанія вырвать васъ изъ бѣдственнаго положенія, въ какое повергли страну эти злодѣи. Это было внушено мнѣ свыше; только съ Божіей помощью я могъ вернуть престолъ, который принадлежитъ мнѣ по праву. Для чего же вы составляете заговоръ? Я передъ вами! скажите прямо, что заставляетъ васъ недоувѣрять мнѣ?

Эти слова произвели на стрѣльцовъ огромное впечатлѣніе. Всѣ пали передъ нимъ на колѣна и клялись въ своей невинности. Многіе со слезами на глазахъ просили сказать кто взвелъ на нихъ такую напраслину. Тогда Басмановъ, по приказанію царя, вывелъ семерыхъ стрѣльцовъ, уличенныхъ въ измѣнѣ. Когда они вышли, Димитрій сказалъ:

— Вотъ тѣ, которіе говорятъ, что вы составили заговоръ и злоумышляете противъ своего законнаго царя!

Услыхавъ это, стрѣльцы бросились на виновныхъ и въ мигъ растерзали ихъ. «Это было такъ ужасно, рассказываетъ Масса, что трудно повѣрить нашимъ словамъ. У этой толпы не было ни оружія, ни палокъ; бросившись на своихъ жертвъ стрѣльцы растерзали ихъ руками. Они были такъ забрызганы кровью въ этой свалкѣ, какъ мясники на бойнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, подобно псамъ, съ остервенѣніемъ вырывали у своихъ жертвъ зубами куски мяса изъ тѣла. Голодные львы не тѣшились бы такъ надъ беззащитными ягнятами, какъ эти люди надругались надъ своими ближними. Окончивъ эту кровавую расправу, они закричали:

— Да погибнуть всѣ враги государевы, такъ точно какъ эти злодѣи!»

Самозванецъ не присутствовалъ при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Онъ удалился въ свои покои. Когда все было кончено, онъ вышелъ къ стрѣльцамъ, повторилъ имъ еще разъ, что онъ ихъ истинный, законный царь—и позволилъ имъ разойтись.

На дворѣ остались одни обрванленные останки семи жертвъ, которые были вывезены за городъ на телегѣ¹⁾.

Это трагическое происшествіе навело ужасъ на враговъ Дмитрія, которые притихли на время; но главные заговорщики не оставили своихъ замысловъ.

Покушеніе, произведенное на его жизнь, и постоянные козни враговъ заставили Дмитрія подумать о мѣрахъ для своей безопасности. Въ концѣ января 1606 г., онъ увеличилъ число своихъ тѣлохранителей, сформировавъ изъ нихъ три отряда, которые состояли почти исключительно изъ однихъ иностранцевъ. Начальникомъ перваго отряда былъ французъ Маржереть, авторъ извѣстныхъ записокъ, вторымъ отрядомъ командовалъ курляндецъ Мацѣй Кнульстенъ, третьимъ—шотландецъ Альбертъ Вондтманъ.

Жажда славы, желаніе отличиться и достигнуть извѣстности были выдающимися чертами характера Самозванца. Въ высшей степени дѣятельный, подвижной, смѣлый и рѣшительный, онъ мечталъ прославиться такими подвигами, которые принесли бы пользу не только его государству, но и всему христіанскому міру и превзошли бы подвиги извѣстнѣйшихъ полководцевъ; онъ не любилъ, когда ихъ хвалили при немъ, и отзывался съ уваженіемъ объ одномъ только Александрѣ Македонскомъ, сожалѣя вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не былъ его современникомъ, ибо онъ могъ бы тогда «помѣриться съ нимъ силами»²⁾.

Вѣрнымъ средствомъ для достиженія той славы, о которой онъ мечталъ, казалась ему война съ турками; но онъ понималъ, что эту войну нельзя было вести иначе, какъ въ союзѣ съ прочими монархами, и что для подготовленія коалиціи ему могла быть весьма полезна апостольская столица; поэтому онъ рѣшилъ поддерживать съ нею дружескія отношенія.

Для достиженія этой цѣли, Дмитрій не ограничился перепиской съ нунціемъ Ронгони, а написалъ въ концѣ ноября 1605 г. папѣ собственноручное пространное письмо, въ которомъ изложилъ ему свои желанія и просилъ его посредничества для того, чтобы войти въ сношеніе съ римскимъ императоромъ и начать вмѣстѣ съ нимъ войну съ невѣрными. Въ концѣ письма Дмитрій обѣщалъ въ скоромъ времени послать въ Римъ ксендза Андрея Лавицкаго, который объяснитъ папѣ болѣе подробно его планы и намѣренія³⁾.

Ксендзъ дѣйствительно былъ посланъ къ папѣ мѣсяцъ спустя, и прибывъ 31-го января 1606 г. въ Краковъ, поразилъ всѣхъ своимъ

¹⁾ Масса. Тамъ же, т. I, стр. 142, т. II, стр. 154.—Собр. гос. грам. и дог. ч. II, 140.

²⁾ Маржереть, тамъ же.

³⁾ Собр. гос. грам. и дог. ч. II, 107.

внѣшнимъ обликомъ. На немъ былъ одѣтъ подрясникъ, какой носятъ православные священники, на груди у него висѣлъ православный крестъ, у него была отрошена борода и волосы ниспадали до плечъ. Оказывается, что іезуиты, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, нарочно подражали въ одеждѣ православному духовенству, чтобы не обращать на себя вниманіе толпы.

Въ Римѣ о Лавицкаго ожидали съ нетерпѣніемъ; онъ получилъ аудіенцію у папы на другой же день послѣ своего пріѣзда въ апостольскую столицу (19-го марта). Передавъ св. отцу о желаніи Самованца заключить союзъ съ римскимъ императоромъ и съ королемъ польскимъ, и воевать вмѣстѣ съ ними противъ турокъ, онъ просилъ его, отъ имени Димитрія, помочь царю въ этомъ дѣлѣ и приказать своимъ посланникамъ дѣйствовать во всемъ согласно съ московскими послами, которые должны были въ скоромъ времени прибыть въ Польшу и къ нѣмецкому императору.

Папа Павелъ V отнесся къ планамъ Димитрія весьма сочувственно, и «не могъ даже удержаться отъ слезъ, слушая посла» ¹⁾, которому въ тотъ же день былъ врученъ отвѣтъ, написанный въ самыхъ лестныхъ для Димитрія и сердечныхъ выраженіяхъ. Св. отецъ не только одобрилъ его намѣреніе вести войну съ невѣрными, но совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе начать войну, обѣщая оказать ему дѣятельную поддержку.

Несмотря на странное и нѣсколько загадочное поведеніе Самованца, папа съ своей стороны, такъ же желалъ поддержать съ нимъ добрыя отношенія. По полученіи извѣстія объ обрученіи его съ Мариной Мишекъ, онъ послалъ ему еще въ началѣ декабря 1605 г. поздравленіе и въ то же время въ письмахъ къ нему, къ Маринѣ и къ ея отцу напоминалъ объ обѣщаніи Димитрія распространить въ Россіи католическую вѣру и старался поддержать его въ этомъ намѣреніи ²⁾.

Во время пребыванія Марины въ Прадникѣ, по приказанію нунція къ ней неоднократно пріѣзжалъ изъ Кракова ксендзъ Каспаръ Савицкій; онъ говорилъ ей проповѣди и, конечно, старался укрѣпить въ ней ревность къ католической вѣрѣ и къ ея пропагандѣ ³⁾. Съ этой же цѣлью, папа писалъ Самованцу вторично 11-го февраля 1606 г. и даже рѣшилъ послать къ нему посла, Александра Ронгони, племянника нунція, который прибылъ въ Москву въ половинѣ февраля и 19-го числа того же мѣсяца получилъ аудіенцію у царя, которая была обставлена въ высшей степени торжественно.

¹⁾ Hist. Russiae Monum. т. II, стр. 89.

²⁾ Hist. Russiae Monum. т. II, стр. 73—76.

³⁾ Тамъ же, стр. 84.—Велевицкій, стр. 104 и 109.

Когда посолъ отправился изъ своей квартиры въ Кремль, то впереди его ѣхало тридцать всадниковъ и нѣсколько царскихъ конюховъ верхами. За ними, въ роскошныхъ саяхъ, обитыхъ бархатомъ и устланныхъ дорогими мѣхами, ѣхалъ Ронгони. На площадяхъ и улицахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, стояли толпы народа. У входа во дворецъ, стрѣльцы, выстроенные въ двѣ шеренги, отдали ему воинскія почести.

Во дворцѣ, въ первой залѣ стояли придворные въ богатыхъ одѣяніяхъ, во второй сидѣли бояре, а въ третьей залѣ, на высокомъ возвышенномъ тронѣ ожидалъ посла самъ царь, въ богатой одеждѣ съ короной на головѣ. Влѣво отъ царя стояли члены Боярской Думы и прочіе сановники, а по правую руку отъ него—вышшія духовныя лица и самъ патріархъ Игнатій.

Ронгони, подойдя къ трону, почтительно поцѣловалъ царю руку, на что Димитрій отвѣчалъ ласковой улыбкой и небольшимъ поклономъ. Отойдя нѣсколько шаговъ, посолъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой отъ имени папы поздравилъ его съ вступленіемъ на прародительскій престолъ. Станиславъ Бучинскій переводилъ его рѣчь на русскій языкъ и отвѣчалъ на нее отъ имени Димитрія.

Затѣмъ царь спросилъ Ронгони, не имѣетъ ли онъ къ нему письма отъ папы, и когда посолъ вручилъ ему свою вѣрительную грамоту, то Самозванецъ всталъ и спросилъ о здоровьи св. отца и его родныхъ. Обмѣнявшись съ посломъ нѣсколькими вопросами, которые полагались по обычаю, Димитрій просилъ его принять угощеніе, которое онъ пришлетъ ему со своего стола. На этомъ аудіенція кончилась.

Несмотря на всю торжественность, которою она была обставлена, аудіенція эта не имѣла сердечнаго характера; это было сдѣлано съ умысломъ, чтобы не возбудить неудовольствія русскихъ; но опасаясь, чтобы столь холодный приемъ папскаго посла не повредилъ его планамъ, Димитрій старался по мѣрѣ возможности загладить произведенное этимъ невыгодное впечатлѣніе; нѣсколько часовъ спустя онъ послалъ къ Ронгони Бучинскаго, приказавъ ему увѣрить посла въ его благосклонности и въ томъ, что онъ попрежнему «покорный и преданный сынъ и слуга его святѣйшества».

Въ тотъ же день вечеромъ Димитрій призвалъ къ себѣ ксендза Чижевскаго, освѣдомился у него, доволенъ ли Ронгони аудіенціей и снова подтвердилъ свою преданность апостольской столицѣ и ея представителю въ Польшѣ. Чижевскому было поручено передать все это Ронгони и сказать ему, что царь желалъ бы пригласить его къ обѣду, но не можетъ этого сдѣлать изъ опасенія возбудить неудовольствіе среди бояръ, которые относились къ нему недружелюбно ¹⁾.

¹⁾ Цирлингъ, стр. 121—125.

Для выполненія своихъ воинственныхъ плановъ, Самозванцу нужны были ловкіе дипломаты, которые могли бы вести переговоры съ прочими монархамъ; ему нужны были также опытные военные и инженеры, и онъ просилъ папу черезъ Ронгои прислать ему таковыхъ, обѣщая щедро вознаградить ихъ за службу.

Передъ отъѣздомъ посла Димитрій вручилъ ему письмо къ папѣ, въ которомъ снова подтверждалъ «свою покорность и сыновнюю преданность папѣ и обѣщалъ всегда быть признательнымъ за покровительство, оказанное ему апостольской столицей» ¹⁾

Ронгои былъ такъ подкупленъ всѣмъ этимъ, что вполне повѣрилъ искренней преданности Димитрія католической вѣрѣ. Также заблуждались въ этомъ отношеніи и въ Римѣ, несмотря на то, что нѣкоторые факты ясно изобличали истинныя мысли и намѣренія Самозванца.

Такъ напримѣръ въ Москву прибыли въ то время, проѣздомъ въ Персію, четыре кармелита; Димитрій принялъ ихъ весьма ласково, но когда они захотѣли остаться въ Москвѣ долѣе, то онъ велѣлъ имъ въ самую страстную субботу немедленно выѣхать изъ столицы ²⁾.

Вотъ еще одинъ фактъ: въ концѣ января или въ февралѣ 1606 г. въ Москву пріѣхалъ нѣкто Иванъ Красовскій, купецъ изъ Львова, посланный къ царю тамошними диссидентами, съ просьбою пожертвовать нѣкоторую сумму денегъ на сооруженіе церкви Успенія Божіей Матери, которая строилась во Львовѣ. Димитрій не только принялъ ихъ милостиво, но приказалъ выдать имъ изъ царской сокровищницы соболей стоимостью на 300 рублей «для утвержденія, какъ онъ выразился, на вѣчныя времена нашей пресвятой и единой истинной православной вѣры» ³⁾.

Особенно характерна просьба, съ которою Самозванецъ обратился къ апостольской столицѣ въ виду приближавшагося дня своей свадьбы и коронаціи Марины Мишекъ. Зная, что его подданные недовольны тѣмъ, что его нарѣченная невѣста католичка, онъ просилъ нунція разрѣшить ей принять «для вида» православную вѣру, причаститься изъ рукъ патріарха и исполнять «наружно» обряды православной церкви. Такъ какъ нунцій не могъ разрѣшить этого своею властью, то Мишекъ собственноручно писалъ папѣ, убѣдительно прося его исполнить просьбу его зятя. Эта просьба должна была окончательно открыть глаза папѣ и убѣдить его въ томъ, что Димитрій не только не думалъ вводить католицизмъ въ Россію, но всячески старался оградить себя отъ малѣйшаго въ этомъ подозрѣнія.

В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Пирингъ, Pièces justif. ч. I, стр. 169—170

²⁾ A. Guépin Zywoł. sw. Jozafata Kuncewicza. и т. д. стр. 102.

³⁾ Собр. гос. грам. и дог. ч. II, 130.

Ложныя справочныя цѣны.

Рескриптъ императора Александра I—Новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому.

24-го января 1802 г. С.-Петербургъ.

Съ крайнимъ неудовольствіемъ извѣстился я, что злоупотребленія нѣкоторыми изъ провіантскихъ комиссіонеровъ и полковыхъ шефовъ въ закупкѣ потребностей высокими и обременительными казнѣ цѣнами, столь давно оглашенными и толико очевидными, приемятъ начало свое единственно въ ложномъ показаніи справочныхъ цѣнъ по послабленію, а можетъ быть и соучастію и вредной стачкѣ со стороны гражданскихъ начальствъ, и что земскіе исправники и суды нерѣдко дозволяли себѣ изъ сей казенной обязанности дѣлать постыдный торгъ и полагать условія и цѣну въ нарушеніе ихъ должности и присяги. Признавая всѣхъ таковыхъ за истинныхъ казны похитителей, тѣмъ горшихъ, чѣмъ болѣе правительство въ предметѣ семъ полагается на добрую ихъ вѣру, я считаю нужнымъ предварить васъ симъ, что при малѣйшемъ открытіи таковыхъ злоупотребленій со стороны гражданскихъ начальствъ, на будущее время всѣ виновные въ ономъ, не только преданы будутъ всеобщему поношенію, но какъ сами подпадутъ суду по всей строгости законовъ, такъ и начальниковъ губерній оному подвергнуть, если по слабости ихъ смотрѣнія, а паче по сноровкѣ и участію (чего по важности ихъ званія и существу довѣрія моего къ нимъ я предположить въ нихъ безъ крайняго отвращенія я не могу) зло сіе допущено, терпимо или сокрываемо ими будетъ. Подтвердивъ о строгомъ за сямъ наблюденіи всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ и вамъ о томъ же предписываю; пребывая впрочемъ вамъ благосклонный.

А. С. Пушкинъ—членъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.

Въ 1814 году на страницахъ «Вѣстника Европы» появилось первое печатное произведение пятнадцатилѣтняго Пушкина за подписью: «Александръ Н. к. ш. п.»¹⁾; а въ слѣдующемъ, 1815 г. въ «Россійскомъ Музеумъ» поэтъ помѣстилъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» уже за полною подписью: «Александръ Пушкинъ»²⁾. Черезъ годъ Пушкинъ становится уже извѣстнымъ поэтомъ: литературныя общества приглашаютъ его въ число своихъ членовъ. Такъ, въ 1817 году онъ уже говоритъ рѣчь по случаю избранія его въ составъ «Арзамаса», и въ томъ же году молодой поэтъ является сотрудникомъ «Общества Любителей Словесности при Московскомъ Университетѣ»; въ 1818 году ему гостепрѣмно открываютъ свои двери «Вольное Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ». Какъ извѣстно, общество это, основавшееся въ 1801 г., въ 1803 г. получившее высочайшее утверждение³⁾ и въ 1813 г. принужденное—въ виду военныхъ событій, отвлекшихъ его членовъ отъ «мирнаго служенія музамъ»,—прекратить засѣданія, въ 1816 году возобновило свою дѣятельность, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ А. Е. Измайлова, А. Х. Востокова и Н. И. Греча. Измайловъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ вновь избранный предсѣдателемъ, а также и дру-

¹⁾ «Къ другу стихотворцу» «Вѣст. Евр.» 1814, № 13, 9—12.

²⁾ «Россійскій Музеумъ» 1815, № 4, 3—9.

³⁾ Въ началѣ оно называлось «Общество Любителей Ивячнаго», затѣмъ «Общество Наукъ, Словесности и Художествъ» и только по выработкѣ устава, получило послѣднее названіе.

гіе члены-возобновители горячо принялись за дѣло привлеченія въ свое общество новыхъ членовъ. Такъ, въ 1817 году изъ извѣстныхъ писателей были приглашены: И. А. Крыловъ, В. А. Жуковскій, баронъ Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Батюшковъ, Глинка, Плетневъ и др., въ 1818 г., между прочими, Баратынскій, А. И. Тургеневъ и А. С. Пушкинъ. Вотъ какія данныя о послѣднемъ извлечены нами изъ архива этого общества ¹⁾.

Въ засѣданіи 25-го іюля 1818 года предсѣдателемъ А. Е. Измайловымъ было сдѣлано слѣдующее предложеніе: «Имѣю честь предложить въ дѣйствительные члены сего Общества извѣстнаго публикѣ по своимъ прекраснымъ стихотвореніямъ Александра Сергѣевича Пушкина, сотрудника «Общества Любителей Словесности», учрежденнаго при императорскомъ московскомъ университетѣ». Члены единогласно высказались принять Пушкина, и на слѣдующій же день ему было послано слѣдующее извѣщеніе:

«Милостивый государь мой, Александръ Сергѣевичъ! С.-Петербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ въ засѣданіи своемъ вчерашняго числа, избравъ единогласно васъ въ свои члены, возложило на меня пріятную обязанность увѣдомить васъ, милостивый государь, объ ономъ. Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ такое порученіе общества, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ всегда вашимъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою Александръ Измайловъ».

Обычнаго отвѣтнаго письма Александра Сергѣевича, по поводу его избранія, въ бумагахъ общества нами не найдено; вѣроятно, его и не было, и благодарность, очевидно, была высказана имъ устно, такъ какъ въ числѣ присутствовавшихъ въ слѣдующемъ засѣданіи, 8-го августа, значится и Пушкинъ. Второй и послѣдній разъ онъ былъ въ томъ же году въ засѣданіи 19-го сентября, и далѣе его въ числѣ присутствовавшихъ не значится, хотя Пушкину, какъ извѣстно, пришлось оставить Петербургъ лишь 20-го мая 1820 года. Впрочемъ, общество продолжало считать его своимъ членомъ и на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ читались произведенія нашего поэта. Такъ, въ засѣданіи 21-го августа 1819 года Дельвигъ читалъ экспромптъ Пушкина подъ названіемъ «Исторія бѣднаго поэта». Очевидно, это была эпиграмма его «Исторія стихотворца», время написанія которой Анненковъ относитъ къ 1817 г. Затѣмъ, въ засѣданіи 25-го сентября того же года Дельвигъ читалъ стихотвореніе Пушкина «Государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ». Въ всякихъ сомнѣніи, это былъ «Отвѣтъ на вызовъ написать

¹⁾ Архивъ этотъ хранится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

стихи въ память государыни императрицы Елизаветы Алексѣвны», напечатанный вскорѣ въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» ¹⁾).

Послѣ 1819 года имени Пушкина въ бумагахъ общества не встрѣчается вплоть до 1822 года, когда въ засѣданіи 7-го сентября председатель Измайловъ читалъ новую поэмѣ его «Кавказскій Плѣнникъ». Принимая во вниманіе, что поэма эта появилась въ печати въ концѣ августа того же года, приходится заключить, что «Кавказскій Плѣнникъ» читался въ обществѣ по печатному экземпляру. Затѣмъ изъ бумагъ общества видно, что въ слѣдующемъ 1823 году, въ засѣданіи 1-го ноября, К. О. Рылѣвъ читалъ «отрывокъ изъ новой поэмы Пушкина: «Бахчисарайскій Фонтанъ». Такъ какъ первое изданіе этой поэмы вышло въ Москвѣ въ 1824 году, то слѣдуетъ заключить, что у Рылѣва находилась рукопись Пушкина, и, слѣдственно, члены общества познакомились съ новымъ произведеніемъ поэта до его напечатанія ²⁾). Кромѣ того, эта же поэма была прочитана въ обществѣ цѣликомъ и послѣ ея напечатанія въ засѣданіи 7-го февраля 1824 года ³⁾). Въ послѣдній разъ имя Пушкина встрѣчается въ бумагахъ общества, относящихся къ 1825 году. Въ этомъ году былъ составленъ списокъ членовъ и противъ фамиліи каждаго выставлены: годъ его поступленія и сумма долга обществу. Противъ фамиліи нашего поэта выставленъ годъ 1818 и долгъ въ 75 руб., что составляетъ сумму членскихъ взносовъ за пять лѣтъ (членскій ежегодный взносъ былъ въ размѣрѣ 15 р.).

Далѣе этого года бумагъ общества не сохранилось, и есть основаніе думать, что въ 1826 году оно прекратило свои засѣданія. Декабрскія событія 1824 года лишили общество многихъ весьма видныхъ его членовъ, настроеніе общества и обстоятельства послѣ того заставили еще болѣе сократить свою дѣятельность тѣмъ болѣе, что и безъ того оно приходило въ упадокъ; ряды его членовъ быстро рѣдѣли, засѣданія происходили въ присутствіи двухъ-трехъ членовъ, и наконецъ, самъ председатель А. Е. Измайловъ выѣхалъ изъ Петербурга на мѣсто новаго служенія, и общество, по выраженію Греча, умерло тихой смертью...

На основаніи бумагъ общества, слѣдуетъ заключить, что А. С. Пушкинъ хотя и числился членомъ его слишкомъ пять лѣтъ, но близко къ нему не стоялъ и участія въ немъ почти не принималъ. Съ большою вѣроятностью можно однако предположить, что Дельвигъ читалъ въ обществѣ стихи Пушкина не безъ вѣдома автора, такъ какъ по-

¹⁾ 1819 г., ч. VIII, № 10, стр. 70—71. Подписано А. П. . . . нъ.

²⁾ Извѣстно, что поэма эта ходила по рукамъ въ рукописи. Такъ, въ 1823 г. она читалась въ кружкѣ Раича и др.

³⁾ См. „Благонамѣренный“ 1824 г., ч. 25, № 4, стр. 300.

слѣдній если и не посѣщалъ засѣданій, то по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ ничего не имѣлъ ни противъ общества вообще, ни противъ его предсѣдателя въ частности; извѣстно, что онъ даже отдавалъ въ «Благонамѣренный»—этотъ, въ нѣкоторомъ родѣ, официальный органъ общества свои произведенія ¹⁾). Но такъ шло дѣло лишь до начала 20-хъ годовъ... Чѣмъ яснѣе и рѣзче обозначался талантъ и направленіе поэта, тѣмъ далѣе онъ уходилъ отъ общества и даже долженъ былъ придти съ его представителями въ столкновеніе ²⁾). Можно предполагать, что Пушкинъ врядъ-ли считалъ для себя за честь числиться членомъ этого умиравшаго общества, на засѣданіяхъ и въ официальномъ органѣ котораго начали раздаваться голоса противъ «ново-романтизма», который—кстати скажемъ—смутно понимался въ то время вообще, а Измайловымъ, его обществомъ и редакціей «Благонамѣреннаго» въ особенности. Извѣстно, какимъ далеко несочувственнымъ отзывомъ Пушкинъ обезсмертилъ въ своемъ романѣ ³⁾ этотъ журналъ, открывшій въ послѣдніе годы своего существованія походъ противъ «баловней поэтовъ», въ которомъ иногда попутно, хотя и сдержано, но дѣлались набѣги на произведенія поэта, и какой злой эпиграммой обрушился Пушкинъ на самого издателя въ 1825 году ⁴⁾).

Ив. Кубасовъ

¹⁾ Имъ помѣщены были въ немъ: „Къ портрету Жуковскаго“ (1818, VII, 24) и „Молдавская пѣсня“ (1821 г., № 5, 142). Хотя послѣдняя была раньше напечатана въ „Сынѣ Отечества“ (№ 15), но Пушкинъ, разсердившись на поправку, которая позволилъ себѣ издатель, отослалъ пѣсню въ первоначальной редакціи къ Измайлову. (См. также у Бартенева „Пушкинъ на югѣ“ стр. 50).

²⁾ Впрочемъ, отчужденіе Пушкина отъ Общества Измайлова и предпочтеніе этому обществу другого, именно „Вольнаго общества Любителей Словесности“ замѣтно еще въ 1819 году, когда онъ счелъ за лучшее печататься въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“, а не въ „Благонамѣренномъ“.

³⁾ См. XXVII строфа III-й главы.

⁴⁾ См. „Ex ungue leonem“. (Собр. соч. т. I, 349 и VII, 135).

Волокита старорусскаго магистрата.

(По подлинному дѣлу).

Мѣтомъ 1779 года по улицѣ г. Старой Руссы шелъ переводчикъ мѣстныхъ соляныхъ заводовъ Петръ Ратеніусъ и видитъ, какъ ратманъ старорусскаго городского магистрата Григорій Захаровъ бьетъ тростью градирщика заводовъ Серебряникова. Ратеніусъ попробовалъ вступить за рабочаго, но въ свою очередь самъ былъ оскорбленъ со стороны Захарова словами и едва не получилъ бы болѣе серьезнаго возмездія за свое заступничество, если-бы не успѣлъ въ-время удалиться отъ расхваливаемаго ратмана.

Глубоко обиженный переводчикъ подалъ въ правленіе соляныхъ заводовъ «доношеніе», въ которомъ подробно объяснялъ обстоятельства уличнаго скандала. Ратеніусъ писалъ, что, живя при заводахъ въ казенномъ домѣ, стоявшемъ на окраинѣ, онъ 9-го мая направлялся въ городъ за съѣстными припасами и нечаянно наткнулся на такую картину: ратманъ Захаровъ билъ градирщика Серебряникова тростью, «изъ своихъ рукъ немилосердно». Несчастный кричалъ, защищался какъ могъ и звалъ на помощь прохожихъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался Ратеніусъ, который, изъ чувства состраданія, думалъ остановить грубую расправу и обратился къ Захарову со словами: «зачѣмъ вы его бьете? что онъ вамъ сдѣлалъ?» Въ отвѣтъ ратманъ обдалъ переводчика «всякою непристойною ругатнею» и приказалъ ему идти своей дорогой, добавивъ «у меня съ тобой некрещенымъ рѣчей нѣтъ». Однако Ратеніусъ не пошелъ мимо, а сталъ упрекать Захарова, что ему, какъ городскому правителю, стыдно бить въ публичномъ мѣстѣ простаго человѣка и притомъ беззащитнаго. Раздраженный упреками ратманъ оставилъ

свою жертву и перенесъ ярость на переводчика. «Вы мошенники! васъ нѣмцевъ всѣхъ можно какъ свиней перестрѣлять и ничего не стоитъ!»—вопиль онъ, наступая на новаго противника и потрясая въ воздухѣ тростью. Ратеніусъ испугался и бросился бѣжать, но Захаровъ сначала погнался за нимъ, а потомъ остановился и, пока не скрылся бѣжавшій, посылалъ ему вслѣдъ «великую отборную руганю».

Въ концѣ «доношенія» Ратеніусъ ссылается на свидѣтелей—потерпѣвшаго Серебряникова, Плотникова и Кузнецова и говоритъ: «чего ради правленіе соляныхъ заводовъ симъ покорно прошу, дабы благоволено было вышеписанныхъ свидѣтелей допросить о упомянутой обидѣ, которая и до господъ присутствующихъ правленія касается, а потомъ представить куда надлежитъ».

Тяжелый и неблагодарный трудъ на старорусскихъ солеваренныхъ заводахъ несли исключительно русскіе рабочіе, а болѣе легкія и теплыя мѣста, начиная съ мастера и кончая самымъ управляющимъ заводами, занимали поголовно выходцы-нѣмцы ¹⁾.

Вотъ почему Ратеніусъ и писалъ въ жалобѣ, что «обида касается и присутствующихъ».

Нѣмцы приняли обиду близко къ сердцу, когда прочитали «доношеніе» Ратеніуса.—Насъ обзываютъ мошенниками! насъ можно перестрѣлять какъ свиней,—говорило онѣмеченное правленіе и тутъ-же затаило злобу противъ ратмана Захарова и даже всего магистрата.

Нѣмцы—правители казенныхъ заводовъ немедленно пригласили свидѣтелей и приступили къ допросу.

Первый давалъ показанія потерпѣвшій Серебряниковъ.

— Какъ ты видѣлъ это дѣло?—спросилъ его предсѣдатель.

— Чего-жъ видѣть, коли самого били тростью.

— Это для насъ ничего не значить. Ты показывай, какъ Захаровъ ругалъ нѣмцевъ и переводчика Ратеніуса.

— Да брелъ я повечеру изъ градиры домой. Попадается мнѣ ратманъ Захаровъ и сталъ меня звать съ собой. Я отправился съ нимъ. Долго мы шли и добрали до старой караулки ²⁾. Тутъ я началъ говорить ему, что мнѣ пора попадать опять обратно на градиру, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «ты почему знаешь, что пора? У тебя часы, говоритъ, есть съ собой?» Я ему сказалъ, что часовъ у меня никогда не бывало, а время свое и безъ нихъ знаю. Онъ меня по сплнѣ тростью разъ, другой и пошелъ возить по чему попало.

¹⁾ Управляющій (онъ-же предсѣдатель правленія) О. Стакельбергъ, 1-й совѣтникъ правленія И. Рампфъ, 2-й совѣтникъ П. Ронбергъ.

²⁾ Караулка стояла на самомъ берегу р. Полисти.

— Этого намъ не надо знать, я тебѣ говорилъ,—возразилъ председатель.—Ты давай намъ показательства насчетъ ругани нѣмцевъ.

— Извольте. Проходить тогда Ратеніусъ и говорить: «какъ вы смѣете человѣка бить?» А ратманъ ему:—«некрещенныхъ не касается, проходи». Нашъ переводчикъ разсердился и сталъ срамить всячески его. Ратманъ къ нему:—«Вы, говорить, мошенники; нѣмецъ ничего не стоитъ перестрѣлять какъ свиней». Потомъ бросился на него съ разными ругательствами, а тотъ бѣжать, я тоже побѣжалъ въ другую сторону.

Свидѣтели Плотниковъ и Кузнецовъ подтвердили слова Серебряникова въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ показывалъ о побояхъ и оскорбленіи словами. Эти показанія присутствующіе правленія записали въ подлинникъ и къ нимъ, за неграмотностью свидѣтелей, «новгородскаго нутреняго баталіона сержантъ Я. Артемьевъ руку приложилъ.

Слѣдственное производство, съ заключеніемъ соляного правленія, было отослано на разсмотрѣніе генераль-поручика Я. Е. Сиверса, правившаго тогда должность псковскаго, новгородскаго и тверскаго намѣстника. Въ заключеніе присутствующіе постарались отгвѣнить преступныя дѣяствія ратмана Захарова и просили намѣстника отъ обидъ, нанесенныхъ ратманомъ Захаровымъ Ратеніусу и вообще нѣмцамъ соляныхъ заводовъ, милостиво защитить и доставить справедливое доказательство.

Я. Е. Сиверсъ посмотрѣлъ на это дѣло далеко не въ пользу Захарова. Онъ послалъ лично отъ себя старорусскому городовому магистрату строгое предложеніе, чтобы магистратъ «ратмана Захарова въ похвальбахъ и руганіи переводчика Ратеніуса разными скверными и поносительными рѣчами надлежащимъ порядкомъ изслѣдовалъ» и далъ бы свое заключеніе въ томъ, какому по обстоятельствамъ дѣла Захаровъ долженъ быть подвергнутъ наказанію.

Причемъ поручалось произвести и окончить «изслѣдованіе» не позже одной недѣли со дня полученія предложенія. Наблюдать же за этимъ срокомъ было предписано мѣстному городничему секундъ-маіору Бровцыну, и если въ теченіе недѣли дѣло не будетъ окончено законнымъ порядкомъ, то съ восьмого дня городничій обязывался «магистраторскихъ присутствующихъ содержать въ магистратѣ безъ выпуска до конечности изслѣдованія».

Курьезно въ этомъ предложеніи то, что въ немъ говорилось о possibility исполненія «изслѣдованія» подъ страхомъ ареста, между тѣмъ, самое предложеніе, подписанное намѣстникомъ 9-го іюня, получено въ магистратѣ 4-го сентября, т. е. шло оно изъ Новгорода въ Руссу около трехъ мѣсяцевъ.

Получивъ срочное предложеніе, магистратъ собрался въ составѣ

бургомистровъ К. Звѣрева, С. Кузнецова и ратмановъ О. Ершова и М. Солерова. Начали обсуждать: какъ это они будутъ отъ своего собрата требовать объясненія, да еще чего добраго по этому «исслѣдованію» придется своего товарища отослать куда-нибудь подальше, а изъ-за чего? На «нѣмчуру» сругнулся; экая важная птица! Съ другой стороны, висѣло надъ головой предложеніе грознаго намѣстника, которое не только нельзя затереть какъ-нибудь въ дѣлахъ канцеляріи или спрятать «подъ сукно», а надо исполнить въ недѣлю, въ противномъ случаѣ, придется себя посадить подъ арестъ. Подумали, потолковали и послали за ратманомъ Захаровымъ, но послѣдній, подъ благовиднымъ предлогомъ, не явился въ магистратъ. Тогда совѣтъ рѣшилъ иначе: съ прописаніемъ содержанія предложенія потребовать отъ Захарова немедленнаго объясненія.

Захаровъ не призналъ себя виновнымъ въ оскорбленіи Ратеніуса и прислалъ магистрату требуемое объясненіе, которое не безъинтересно привести здѣсь въ подлинникѣ.

«По силѣ предъявленнаго его высокопревосходительства предложенія старорусскому городовому магистрату отъ ратмана Григорія Захарова во всемъ писанномъ повелѣно взять надлежащее справедливое изъясненіе, и, что покажетъ магистрату, доложить немедленно. И на сіе ратманъ Захаровъ изъясняетъ, что предписанныхъ непристойныхъ, какъ рѣчимой переводчикъ Ратеніусъ въ несправедливой жалобѣ приносить, обстоятельствъ никогда не чинилъ и чинить Захарову по некасательству какъ до него, Ратеніуса, такъ и до прочихъ въ похвальныхъ словахъ, не доходило и ничего онъ, Захаровъ, не знаетъ, почему и въ отвѣтъ изъяснить не имѣетъ. А если оному Ратеніусу по несправедливой своей жалобѣ происходила была какая обида, то-бъ онъ въ претензіи своей на него, Захарова, по законамъ билъ челомъ гдѣ надлежитъ формально, по которой и отвѣтнымъ будетъ находиться».

Такимъ образомъ ратманъ Захаровъ самъ съумѣлъ уклониться отъ наказанія и далъ магистрату ясно понять, что Ратеніусъ обратился съ «доношеніемъ» не по принадлежности, т. е. долженъ былъ подать жалобу не въ соляное правленіе, а въ городовой магистратъ, по мѣсту служенія обидчика.

Конечно, съ подобнымъ доводомъ магистратъ вполне согласился и никакого наказанія не опредѣлялъ виновному, а составилъ «промеморію», въ которой подробно изложилъ весь ходъ дѣла и постановилъ такое опредѣленіе: переводчикъ Ратеніусъ долженъ «формально» искать свою обиду, «ибо городовой магистратъ, за силою указовъ 1723 и 1725 г.г. о формѣ суда, къ тому слѣдствію приступить смѣлости не имѣетъ».

Прежде всего эта «промеморія» была въ «репортѣ» представлена

генераль-поручику Я. Е. Сиверсу и сообщена соляному правленію для объявленія Ратеніусу, затѣмъ, на основаніи ея, магистратъ, во избѣжаніе ареста присутствующихъ, увѣдомилъ мѣстнаго городничаго, что вопросъ о наказаніи Захарова предрѣшенъ отказомъ Ратеніусу, такъ какъ послѣдній далъ «буйному дѣлу» незаконное направленіе.

Съ челобитной Ратеніусъ не торопился, хорошо зная, что въ магистратѣ сидятъ «свои люди» и Захарову окажутъ непремѣнное послабленіе, если не полное оправданіе. Поэтому и соляному правленію было не по вкусу новое судебное слѣдствіе магистрата. Правленіе снова писало Я. Е. Сиверсу, что свидѣтели ясно доказали виновность Захарова и что для опредѣленія наказанія ему достаточно того слѣдствія, которое было произведено солянымъ правленіемъ. Если-же Захаровъ требуетъ отъ Ратеніуса жалобы по «формѣ суда», то значить, что Захаровъ, «будучи виновенъ, не желаетъ видѣть сіе дѣло изслѣдованіемъ произведеннымъ единственно для одного провокаторства и чтобъ оно оставлено было».

Опровергая такимъ образомъ объясненіе ратмана, соляное правленіе проситъ намѣстника «подтвердить городовому магистрату исполненіе прежняго повелѣнія и чтобъ доставить правленію справедливое удовольствіе, дабы, какъ Захарову, такъ и прочимъ таковымъ неповадно было примѣрные сему поступки чинить, ибо въ противномъ случаѣ и не получа по симъ обстоятельствамъ удовольствія правленіе остается впредь безъ всякой защиты и не предвидитъ средствъ, какимъ образомъ въ таковыхъ нечаянныхъ нападкахъ и обидахъ поступить».

Намѣстникъ внялъ моленію солянаго правленія и подтвердилъ магистрату, подъ прежней отвѣтственностью, исполнить первое его предложеніе, но магистратъ и тутъ нашелъ уловку; онъ въ довольно краткихъ словахъ просилъ генераль-поручика, «чтобы въ силу прежняго повелѣнія приказать учинить исполненіе завѣдомо указовъ 1723 и 1725 годовъ».

Этимъ отвѣтомъ бургомистры и ратманы говорили, что они молъ напустятъ на себя смѣлость исполнить предложеніе, установить Захарову мѣру наказанія, если Я. Е. Сиверсъ откажется отъ дѣйствующихъ указовъ, опредѣляющихъ точную «форму суда». Поэтому, если Захаровъ обжалуетъ приговоръ магистрата и окажутся какія-либо дурныя послѣдствія, то послѣдній за нихъ не отвѣчаетъ, а во всемъ виновникомъ будетъ намѣстникъ, какъ предложившій поступить вопреки закона.

Намѣстникъ сдался на такую изворотливость магистратскихъ присутствующихъ и предложилъ соляному правленію объявить Ратеніусу, чтобы онъ на ратмана Захарова подалъ въ магистратъ «исковую челобитную», по которой судъ будетъ произведенъ не далѣе какъ

через двѣ недѣли; магистратъ-же обязалъ, по подачѣ жалобы, исполнить ее въ указанный срокъ.

Но соляное правленіе не унималось и настаивало на своемъ, еще разъ прося генераль-поручика оказать защиту и предложить магистрату опредѣлить Захарову наказаніе безъ всякой «челобитной». При этомъ правленіе убѣдительно оспаривало дѣйствія магистрата и опять указывало на то, что городскіе дѣятели «производятъ одну волокиту», съ исключительной цѣлью затушевать дѣло и своего собрата избавить отъ наказанія.

На это ходатайство Я. Е. Сиверсъ отвѣтилъ нѣсколько раздраженно: «Уже писано было, чтобъ рѣчимый Ратеніусъ на Захарова просилъ формальнымъ челобитьемъ, которое судопроизводство въ томъ магистратѣ, по подачѣ челобитной, велѣно рѣшать конечно черезъ двѣ недѣли, почему и могу я правленіе сіе увѣрить, что Ратеніусъ непременно по тому сдѣланному отъ меня магистрату предписанію получить справедливое удовольствіе, а сверхъ того нынѣ я еще уѣздному казначею предписалъ, чтобъ до окончанія того дѣла онаго магистрата присутствующимъ жалованья не выдавать».

Затѣмъ, въ концѣ ноября въ магистратѣ была составлена вторая «промеморія», на основаніи которой сообщалось солянному правленію, чтобы оно объявило Ратеніусу о подачѣ жалобы въ магистратѣ и послѣдній обѣщалъ приложить все свое стараніе къ рассмотрѣнію ея, но Ратеніусъ никакой «челобитной» не подавалъ. Этимъ дѣло и окончилось.

Слѣдовательно, виновникъ вышелъ сухимъ изъ воды, и обиженные не получили «удовольствія», даже не получили его тотъ, который имѣлъ на него больше права—это Серебряниковъ, избитый Захаровымъ «изъ своихъ рукъ тростью немилосердно».

А. Слезскинскій.

на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича». На рисункахъ, приложенныхъ къ этому изданію, которые, не отличаясь особенно художественнымъ исполненіемъ, интересны по ихъ древности, вы увидите изображеніе тѣхъ же зданій и предметовъ, которые такъ заинтересовали васъ въ Кремлѣ. Примите и пр. кн. М. Оболенскій».

Петербургъ (іюль, 1859 г.)

«Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, еслибы, послѣ любезнаго приѣма, оказаннаго мнѣ вами въ Москвѣ, я не отвѣчалъ вашему превосходительству безъ особенно уважительныхъ причинъ цѣлыхъ четыре недѣли на письмо, коимъ вы меня удостоили. Вернувшись изъ Москвы я серьезно заболѣлъ чѣмъ-то въ родѣ подагры; сильныя боли пригвоздили меня на цѣлый мѣсяцъ къ постели; а рѣдкіе просвѣты, которые оставляла мнѣ болѣзнь, были поглощены текущими дѣлами, запущенными во время моей болѣзни. Еще сегодня я не въ состояніи ходить, хотя въ общемъ чувствую себя лучше, такъ что я постараюсь исполнить приказаніе моего правительства, которое отзываетъ меня въ Берлинъ. Простите меня за эти подробности, князь, но онѣ были необходимы, чтобы объяснить вамъ мое молчаніе.

«Я надѣялся, что промедливъ отвѣтомъ, я буду имѣть возможность присоединить къ моему письму отвѣтъ, ожидаемый мною изъ Берлина, по поводу посылки, которую вы поручили мнѣ доставить его королевскому величеству. Я еще не получилъ его, но я не могу ухачать отсюда не высказавъ вашему превосходительству, какъ я пораженъ любезностью и рѣдкимъ достоинствомъ, съ коимъ вы исполняете обязанности начальника вѣреннаго вамъ учрежденія ¹⁾ и представителя первопрестольной столицы, являя иностранцу примѣръ истинно русскаго гостепріимства. Роскошная книга, присланная вами, всегда будетъ драгоценнымъ украшеніемъ моей библіотеки; съ нею всегда будетъ связано воспоминаніе о рускомъ дворянинѣ, который умѣетъ такъ хорошо сочетать извѣстность ученаго съ достоинствами истиннаго вельможи. Примите и пр. фонъ-Бисмаркъ».

Въ іюнѣ 1859 г., не успѣвъ еще свыкнуться съ петербургскимъ климатомъ, я сдѣлалъ одну неосторожность: я отправился однажды, послѣ продолжительной ѣзды въ сильно натопленномъ манежѣ, домой безъ верхняго платья и по дорогѣ смотрѣлъ нѣкоторое время на ученье рекрутъ. На слѣдующій день у меня появился ревматизмъ во всѣхъ суставахъ, отъ котораго мнѣ пришлось долго лечиться. Однако я успѣлъ оправиться къ тому времени, когда мнѣ надобно было ѣхать въ Германію за женою; я чувствовалъ только нѣкоторую боль въ лѣвой ногѣ,

¹⁾ Главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

которую я повредилъ на охотѣ въ Швеціи въ 1857 г., отъ чего я не вылечился тогда окончательно. Докторъ Вальцъ, рекомендованный мнѣ передъ отъѣздомъ великой герцогиней Баденской, предложилъ прописать мнѣ противъ этой боли какое-то средство, а когда я сказалъ ему, что я не чувствую въ этомъ надобности, такъ какъ боль въ ногѣ незначительная, то онъ сталъ убѣждать меня, говоря, что она можетъ ухудшиться въ дорогѣ и что средство, которое онъ мнѣ пропишетъ, самое невинное:—это не что иное какъ пластырь, который надобно приложить на подкожную чашку и который, пролежавъ нѣсколько дней, самъ отвалится, оставивъ только маленькую красноту. Ничего не зная о предыдущей практикѣ этого врача, который окончилъ курсъ въ Гейдельбергѣ, я имѣлъ неосторожность послѣдовать его совѣту. Четыре часа спустя послѣ того, какъ былъ приложенъ на ночь этотъ пластырь, я проснулся отъ страшной боли и послѣпшино сорвалъ его, но не могъ вполне удалить липкое вещество отъ растравленнаго колѣна. Нѣсколько часовъ спустя пріѣхалъ Вальцъ и попробовалъ удалить черную липкую массу, выскребывая ее ножичкомъ изъ раны, величиною съ ладонь. Боль была нестерпимая; удаленіе пластыря не достигло цѣли, ибо развѣдающее дѣйствіе ядовитаго состава не прекратилось. И несмотря на рекомендацію высочайшей особы, я убѣдился въ крайнемъ невѣжествѣ и недобросовѣстности доктора Вальца. Онъ самъ сознался съ улыбкой, что въ мази было немного переложено лекарственнаго снадобья, что это ошибка аптекаря. Тогда я велѣлъ попросить изъ аптеки рецептъ, но получилъ отвѣтъ, что Вальцъ взялъ его обратно; а докторъ сказалъ мнѣ, что онъ уже его уничтожилъ. Такимъ образомъ никакъ нельзя было доказать, кто тутъ виноватъ; аптекарь объяснилъ мнѣ, что главною составною частью мази было то самое вещество, которое употребляется для приготовленія, такъ называемыхъ, обыкновенныхъ испанскихъ мушекъ и что вещество это, насколько онъ помнитъ, было положено въ необычайно большой дозѣ. Нѣкоторые лица спрашивали меня впоследствии, не было ли это сдѣлано съ умысломъ; но я приписываю этотъ фактъ просто невѣжеству и неосторожности врача-шарлатана.

Онъ былъ назначенъ, по рекомендаціи вдовствующей великой герцогини Баденской, директоромъ всѣхъ дѣтскихъ больницъ въ Петербургѣ. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что это былъ сынъ кондитера въ Гейдельбергѣ; будучи студентомъ, онъ ничего не дѣлалъ и не выдержалъ выпускнаго экзамена. Его мазью была повреждена у меня вена, отъ чего я страдалъ много лѣтъ.

Желая посоветоваться съ германскими врачами, я поѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ моремъ изъ Штеттина въ Берлинъ; жестокія боли вынудили меня прибѣгнуть за совѣтомъ къ извѣстному хирургу Пирогову, который ѣхалъ на пароходѣ вмѣстѣ со мною; онъ хотѣлъ ампутировать мнѣ

ногу и на мой вопросъ ниже или выше колѣна, указалъ на одно мѣсто гораздо выше колѣна. Я не согласился на операцію; безуспѣшно испробовавъ въ Берлинѣ разные способы леченія, я отправился на купанье въ Наугеймъ, гдѣ пользовался подъ наблюденіемъ профессора Бенеке изъ Марбурга и поправился настолько, что могъ ходить, ѣздить верхомъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ могъ даже сопровождать принца-регента въ Варшаву, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ царемъ. Когда, на обратномъ пути въ Петербургъ, я заѣхалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ г. Бѣлову въ Гогендорфъ, то сгустокъ крови, образовавшійся въ поврежденной венѣ и закупорившій ее, прорвался и, какъ говорили врачи, попалъ въ кровообращеніе, вызвавъ воспаленіе въ легкихъ; доктора считали мою болѣзнь смертельной, но я выздоровѣлъ, проболѣвъ весьма серьезно цѣлый мѣсяць. Въ началѣ марта 1860 г. я уже настолько поправился, что могъ поѣхать въ Берлинъ, гдѣ въ ожиданіи окончательнаго выздоровленія, принималъ участіе въ засѣданіяхъ палаты господъ.

Я пробылъ въ Берлинѣ весь май.

X.

Обсужденіе вопроса о назначеніи Бисмарка министромъ иностранныхъ дѣлъ.— Перемиѣна въ отношеніи къ Бисмарку королевы.— Назначеніе князя Гогенлоэ временнымъ главою кабинета.— Отозваніе Бисмарка изъ Петербурга и назначеніе его въ Парижъ.— Переписка съ Роономъ.— Разговоръ съ Наполеономъ III; онъ предлагаетъ заключить союзъ съ Пруссіей.— Предложенія, сдѣланныя Наполеону Австріей.— Поѣздка на югъ Франціи.— Бисмарка вызываютъ въ Берлинъ.— Аудиенція у кронпринца.— Аудиенція въ Бабельсбергъ.— Назначеніе Бисмарка главою кабинета.

Въ это время князь Гогенцоллернъ и Рудольфъ фонъ-Ауерсвальдъ подняли вопросъ о моемъ назначеніи министромъ иностранныхъ дѣлъ. По этому поводу во дворцѣ собрался яко бы совѣтъ, въ которомъ участвовали князь Гогенцоллернъ, Ауерсвальдъ, Шлейницъ и я. Регентъ открылъ засѣданіе, предложивъ мнѣ изложить мою политическую программу. Я изложилъ ее въ томъ духѣ, какого я держался впоследствии, въ бытность мою министромъ, и сказалъ, что самымъ большимъ мѣстомъ нашей политики я считаю ее слабость по отношенію къ Австріи, составляющую ее отличительную черту со времени Ольмюцкой конференціи и въ особенности въ послѣдніе годы, во время италіанскаго кризиса.

Если бы явилась возможность рѣшить нашъ національный вопросъ

совмѣстно съ Австріей, тѣмъ лучше. Но это возможно только тогда, если бы въ Вѣнѣ были увѣрены, что мы не побоимся въ противномъ случаѣ разрыва съ нею и войны. Будучи противникомъ Австріи, намъ легче сохранить желательное для насъ согласіе съ Россіей, нежели когда мы будемъ ея союзниками; впрочемъ, насколько я знаю петербургскій дворъ и руководящіе имъ взгляды, я и въ этомъ случаѣ не считаю это совершенно невозможнымъ. Со времени Крымской кампаніи и возстанія въ Польшѣ, Россія имѣетъ по отношенію къ намъ обязательства, которыя, если мы съумѣемъ ими воспользоваться, дадутъ намъ возможность войти въ соглашеніе съ Австріей, не нарушая этимъ дружественныхъ отношеній къ Россіи; но я боюсь, что соглашеніе съ Австріей немислимо потому, что въ Вѣнѣ слишкомъ преувеличиваютъ свою власть и имѣютъ слишкомъ жалкое понятіе о могуществѣ Пруссіи; во всякомъ случаѣ соглашеніе это не можетъ быть достигнуто до тѣхъ поръ, пока въ Австріи не убѣдятся совершенно серьезно въ нашей готовности къ разрыву и къ войнѣ. Видя какой политики мы держались послѣдніе десять лѣтъ, въ Вѣнѣ перестали вѣрить въ возможность подобнаго исхода; тамъ свиклись съ основными пунктами Ольмюцкой конференціи, считаютъ ихъ неизмѣнными и забываютъ или не принимаютъ во вниманіе, что результатъ Ольмюцкой конвенціи объясняется главнымъ образомъ неблагоприятнымъ положеніемъ, въ какомъ мы находились во время этой конференціи вслѣдствіе разрозненія нашихъ кадровъ и того обстоятельства, что вліяніе Россіи заставило въ то время чашу вѣсовъ склониться въ пользу Австріи, тогда какъ послѣ Крымской войны ея отношеніе къ Австріи совершенно измѣнилось. Между тѣмъ австрійская политика предъявляетъ намъ и послѣ 1856 г. такія же требованія, какъ въ то время, когда императоръ Николай былъ за нее, но противъ Пруссіи. Наше безпрекословное подчиненіе австрійскимъ иллюзіямъ напоминаетъ извѣстный опытъ съ курицей, которая не двигается съ мѣста, когда вокругъ нея начертятъ кругъ мѣломъ. Увѣренность Австріи въ томъ, что графъ Буоль, пользуясь услугами прессы и располагая значительными суммами секретнаго фонда, будетъ въ состояніи поддержать фантастическія мечты австрійскаго правительства и игнорировать прочное положеніе, какое займетъ Пруссія какъ только она рѣшится пересилить боязнь, внушаемую ей чертою, очерченною мѣломъ. Для какихъ цѣлей предназначался австрійскій секретный фондъ, регенту было уже извѣстно.

Когда я изложилъ свой взглядъ, то Шлейницу было предложено сдѣлать на него возраженія. Онъ сослался при этомъ на завѣщаніе Фридриха-Вильгельма III, т. е. ловко затронулъ струну, которая всегда могла найти отголосокъ въ душѣ регента; онъ обратилъ вниманіе на недоразумѣнія и опасности, которыя могли угрожать съ Запада (изъ

Парижа) и внутри государства, если бы мы не старались поддержать добрыхъ отношеній къ Австріи, хотя и имѣли полнѣйшее основаніе претендовать на нее. Онъ выяснилъ опасность франко-русскаго союза, о которомъ уже говорили тогда въ прессѣ, и указалъ на то, что союзъ Пруссіи съ Россіей не встрѣтитъ одобренія общественнаго мнѣнія.

Весьма характерно, что едва Шлейницъ договорилъ послѣднія слова своей рѣчи, которая была произнесена имъ безъ запинки и очевидно подготовлена заранее, регентъ сказалъ, что въ уваженіе къ традиціямъ предковъ онъ соглашается съ мнѣніемъ министра Шлейница; на этомъ совѣщаніе безъ дальнѣйшихъ преній было окончено.

Послѣдность, съ какою регентъ произнесъ свое рѣшеніе послѣ того, какъ министръ сказалъ свое послѣднее слово, возбудила во мнѣ подозрѣніе, что вся эта *mise en scène* была подготовлена и разыграна по желанію принцессы, чтобы придать для вида взглядамъ князя Гогенцоллерна и Ауерсвальда нѣкоторое значеніе, хотя въ то время она уже не сходилась съ ними и не одобряла намѣренія усилить кабинетъ моимъ присутствіемъ.

Въ политическихъ взглядахъ принцессы, которые имѣли большой вѣсъ въ глазахъ ея супруга и министра, гораздо большую роль играли ея антипатіи, нежели какая-либо опредѣленная, ясная цѣль. Предметомъ ея антипатій была Россія, Людовикъ-Наполеонъ, съ которымъ меня подозрѣвали въ сношеніяхъ, наконецъ я самъ, за мою любовь къ независимости во мнѣніяхъ и за неоднократный отказъ защищать взгляды ея высочества у ея супруга какъ мои собственные. Лица, пользовавшіяся ея благоволеніемъ, дѣйствовали въ томъ же духѣ. Шлейницъ въ политическомъ отношеніи былъ ея креатурою; это былъ царедворецъ, вполне подчиненный ей и не имѣвшій своихъ собственныхъ убѣжденій.

Князь Гогенцоллернъ, убѣдясь въ томъ, что принцесса и Шлейницъ, при ея покровительствѣ, были сильнѣе его, въ скоромъ времени фактически удалился отъ дѣлъ, хотя номинально оставался въ званіи президента министровъ до сентября мѣсяца 1862 г. Дѣлами руководилъ въ это время Ауерсвальдъ, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ все время, пока я былъ въ Берлинѣ. Онъ былъ человѣкъ весьма любезный въ обхожденіи и, какъ политическій дѣятель, обладалъ выдающимися способностями; когда я былъ назначенъ два мѣсяца спустя первымъ министромъ, то онъ много помогъ мнѣ разсѣвая сомнѣнія и опасенія насчетъ будущаго нашей страны, которыя внушались кронпринцу Англіей противъ меня, какъ приверженца Россіи и которыя привели къ Данцигскому прононціаменто. На смертномъ одрѣ ¹⁾ Ауерсвальдъ просилъ кронпринца посѣтить его, предостерегалъ его отъ опасности,

¹⁾ Ауерсвальдъ скончался 15-го января 1866 г.

которую могла причинить монархіи его оппозиція, и просилъ принца держаться за меня ¹⁾).

Лѣтомъ 1861 г. въ министерствѣ происходила ожесточенная борьба, по поводу вопроса о присягѣ новому королю, которая едва не повела къ отставкѣ кабинета.

3-го іюля король издалъ манифестъ, въ которомъ было заявлено, что не отмѣняя освященной обычасмъ присяги, но, принимая во вниманіе перемѣны, внесенныя въ конституцію въ правленіе его брата, онъ рѣшилъ замѣнить присягу торжественнымъ обрядомъ коронаванія, коимъ положено начало наслѣдственной королевской власти.

По желанію министра фонъ-Шлейница я отправился 10-го іюля въ Баденъ-Баденъ, чтобы представиться королю. Онъ видимо былъ неприятно пораженъ моимъ появленіемъ, полагая вѣроятно, что я пріѣхалъ говорить съ нимъ по поводу министерскаго кризиса. Я сказалъ, что насколько мнѣ извѣстно, кризисъ разрѣшился благополучно и я пріѣхалъ только просить у него дозволенія продлить мой отпускъ до осени и присутствовать на предстоявшей коронаціи, т. е. пробыть въ Берлинѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Король любезно изъявилъ на это свое согласіе и пригласилъ меня къ обѣду.

Пробывъ августъ и сентябрь въ Рейнфельдѣ и Столпмюндѣ, я пріѣхалъ, 13-го октября, въ Кенигсбергъ, гдѣ 18-го числа совершилась коронація.

Во время коронаціонныхъ празднествъ я замѣтилъ нѣкоторую перемѣну въ отношеніи ко мнѣ королевы. Она сама пожелала говорить со мной о нѣмецкой національной политикѣ. Въ Кенигсбергѣ я видѣлъ впервые Бернсторфа министромъ; онъ, очевидно, не выработалъ еще опредѣленной политической программы, и произвелъ на меня впечатлѣніе, какъ-будто онъ хотѣлъ слышать мое мнѣніе. Королева уже много лѣтъ не была со мной такъ любезна; она, видимо, хотѣла выказать мнѣ свое благоволеніе даже въ болѣе высокой степени, нежели это соответствовало желанію короля. Однажды, въ такой моментъ, когда, въ виду церемоніала, совершенно неудобно было вести разговоръ, увидавъ меня въ толпѣ, она остановилась передо мной и завела со мной разговоръ о нѣмецкой политикѣ, и король, который велъ ее подъ руку, довольно долго не могъ прекратить этого разговора.

Король и королева держали себя въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ такъ, что можно было предположить, что они не сходятся во взглядахъ на задачи нѣмецкой національной политики; мнѣ кажется, ея

¹⁾ Сравн. Aus dem Leben Theodor von Bernhardis, VI, 227—324.

Примѣч. издателя.

величество не симпатизировала графу Бернсторфу. Король избѣгалъ говорить со мною о политикѣ, опасаясь, вѣроятно, прослыть, вслѣдствіе близкихъ отношеній ко мнѣ, реакціонеромъ. Онъ опасался этого еще въ маѣ и даже въ сентябрѣ 1862 года и считалъ меня болѣе непримиримымъ, нежели я былъ на самомъ дѣлѣ. На это вліяло, вѣроятно, воспоминаніе о критической оцѣнкѣ дарованій новаго кабинета, сдѣланной мною передъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

Назначеніе, въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года, князя Адольфа Гогенлоэ-Ингельфингена первымъ министромъ на мѣсто князя Гогенцоллерна, было своего рода министерскою уловкой, сдѣланной въ расчетъ, что это назначеніе продлится не долго. Князь былъ человекъ не глупый, обходительный и безусловно преданный королю; хотя онъ принималъ довольно поверхностное участіе въ дѣлахъ нашей внутренней политики, но, во всякомъ случаѣ, онъ интересовался ею болѣе, чѣмъ большинство его современниковъ, изъ числа помѣстнаго дворянства; но все же онъ ни физически, ни умственно не доросъ до того, чтобы занять постъ перваго министра въ столь тревожное время; я въ этомъ вполне убѣдился, увидѣвъ его, въ маѣ 1862 года, когда онъ умолялъ меня стать какъ можно скорѣе во главѣ министерства и тѣмъ избавить его отъ мучительной обязанности, подъ бременемъ которой онъ изнемогалъ.

Я не могъ тогда исполнить его желаніе и не чувствовалъ къ тому надобности. Слѣдя за нашей парламентскою политикой, я предвидѣлъ, что мнѣ будетъ сдѣлано подобнаго рода предложеніе, когда я былъ вызванъ изъ Петербурга въ Берлинъ. Не скажу, чтобы эта мысль была мнѣ пріятна или чтобы она настроила меня особенно радостно; я не былъ увѣренъ, что его величество будетъ въ состояніи противостоять, съ достаточной твердостью, вліянію, которое на него оказывали въ семьѣ; мнѣ помнится, что я переступилъ границу моего отечества въ Эйдкуненѣ далеко не съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, какъ обыкновенно. Меня тревожила мысль, что мнѣ предстоитъ трудная и отвѣтственная обязанность, и что мнѣ придется отказаться отъ пріятной, не особенно отвѣтственной, но видной должности посланника. При этомъ я не могъ знать какого рода поддержку я встрѣчу въ борьбѣ съ возраставшимъ потокомъ парламентаризма со стороны короля, его супруги, моихъ коллегъ и вообще всей страны, и какъ далеко оно будетъ простираться. Жить въ гостиницѣ, въ Берлинѣ, безъ всякаго дѣла, въ чайніи мѣста, подобно тѣмъ посланникамъ, которые интриговали тамъ во времена Мантейфеля, не соответствовало чувству собственнаго моего достоинства. Я просилъ графа Бернсторфа выхлопотать мнѣ какое-либо назначеніе или просить объ увольненіи меня въ отставку. Графъ еще не потерялъ тогда надежду удержаться на своемъ посту; онъ предложилъ послать меня въ Парижъ и въ нѣсколько часовъ устроилъ мое назначеніе. Оно состоялось 22-го

мая, а 1-го іюня я уже вручилъ въ Тюильерійскомъ дворцѣ свои вѣрительныя грамоты. На слѣдующій день я писалъ Роону ¹⁾).

«Я прибылъ сюда благополучно, живу здѣсь какъ крыса въ пустомъ амбарѣ и вынужденъ, холодной и дождливой погодой, сидѣть дома. Вчера состоялась моя торжественная аудіенція, съ поѣздкой въ императорскихъ каретахъ и обычнымъ церемоніаломъ. Аудіенція была непродолжительна и пріятна, обошлась безъ разговоровъ о политикѣ, который отложенъ на *un de ses jours*, впредь до частной аудіенціи. Императрица очень хороша собою, какъ всегда. Вчера вечеромъ прибылъ фельдъегерь, но не привезъ мнѣ ничего изъ Берлина, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ депешъ изъ Даніи. Я ожидалъ письма отъ васъ. Изъ письма, полученнаго Рейссомъ отъ Бернсторфа, я вижу, что послѣдній разсчитываетъ, навѣрняка, на мое продолжительное пребываніе въ Парижѣ и на свое въ Берлинѣ, и что король ошибается, полагая, что Рейссъ готовъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше отправиться въ Лондонъ. Я не понимаю его: почему онъ не скажетъ честнымъ образомъ,—хочетъ ли онъ остаться или хочетъ уѣхать; въ томъ и въ другомъ вѣдь нѣтъ ничего постыднаго. Занимать оба поста одновременно болѣе предосудительно. Какъ только у меня будетъ что-либо сообщить, то-есть какъ только я увижу императора съ глаза на глаза, я напишу королю собственноручно. Я все еще льщу себя надеждою, что король сочтетъ меня менѣе необходимымъ, когда онъ не будетъ видѣть меня нѣкоторое время, и что найдется какой-нибудь непризнанный до сихъ поръ государственный дѣятель, который перебьетъ у меня мѣсто, чтобы я могъ набраться здѣсь еще немного опытности. Я спокойно ожидаю, что будетъ рѣшено относительно меня. Если, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, ничего не выяснится, то я попрошу уволить меня въ отпускъ, чтобы привезти сюда жену; но въ такомъ случаѣ я долженъ быть увѣренъ, какъ долго я тутъ проживу. Ожидая каждую недѣлю, что я буду отозванъ, я не могу окончательно устроиться.

«Надѣюсь, король не вздумаетъ назначить меня министромъ безъ портфеля; на послѣдней аудіенціи объ этомъ не было рѣчи; такое положеніе не практично: ничего не говорить и все сносить, во все вмѣшиваться самовольно и всѣми быть облаяннымъ, когда захочешь высказать свое мнѣніе. Я болѣе дорожу портфелемъ, нежели званіемъ перваго министра; къ тому же мнѣ не особенно хотѣлось бы имѣть коллегу, который живетъ наполовину въ Лондонѣ. Если онъ не хочетъ совсѣмъ переселиться туда, то я согласенъ съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ, гдѣ онъ находится, и считаю не по товарищески понуждать его.

«Сердечный поклонъ вашимъ. Преданный вамъ другъ и готовый къ

¹⁾ Bismarckbriefe (7 изд.) 337.

услугамъ, хотя не вполне добровольно, сотоварищъ въ борьбѣ, если это окажется нужно».

4-го іюня Ронъ писалъ мнѣ изъ Берлина ¹⁾:

«... Въ воскресенье Шлейницъ говорилъ со мною о замѣщеніи Гогенлоэ и сказалъ, между прочимъ, что для васъ еще не настало время дѣйствовать. На мой вопросъ, кто же будетъ стоять во главѣ министерства, онъ пожалъ плечами, и когда я прѣсовокупилъ, что ему остается, въ такомъ случаѣ, только пожалѣть себя, то онъ промолчалъ, не сказавъ ничего ни утвердительно, ни отрицательно. Васъ, конечно, не удивить, что это меня беспокоитъ. Поэтому я воспользовался вчера случаемъ возбудить, въ разговорѣ съ кѣмъ слѣдуетъ, вопросъ о назначеніи главы министерства и встрѣтилъ всегдашнее расположеніе къ вамъ и обычную нерѣшительность. Что прикажете дѣлать? И чѣмъ это кончится?»

«У насъ нѣтъ способной правительственной партіи! Демократы, само собою разумѣется, въ счетъ не идутъ, но вѣдь огромное большинство публики состоитъ изъ демократовъ и лицъ, которые не сегодня завтра станутъ таковыми, несмотря на то, что проектъ адреса королю преисполненъ увѣреніями въ вѣрнопопданническихъ чувствахъ. Кромѣ нихъ существуютъ приверженцы конституціи; это небольшая группа, состоящая изъ двадцати съ чѣмъ-то человекъ, съ Финке во главѣ, около пятнадцати консерваторовъ, тридцать католиковъ и до двадцати поляковъ. Гдѣ же правительство найдетъ необходимую поддержку? Какая партія, кромѣ демократовъ, можетъ управлять при подобной группировкѣ, а они не могутъ, да и не смѣютъ стать во главѣ правленія. При этихъ обстоятельствахъ логика вещей требуетъ, чтобы теперешнее правительство осталось у власти, какъ бы это ни было трудно; поэтому оно должно непременно усилиться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. По моему мнѣнію, съ интересами Пруссіи не особенно согласуется, чтобы графъ Бернсторфъ занималъ по прежнему два столь крупные поста. Поэтому, я буду очень доволенъ, если вы будете скоро назначены первымъ министромъ; я увѣренъ, что Бернсторфъ выйдетъ тогда вскорѣ изъ своего двойственного положенія и перестанетъ изображать колосса, стоящаго одной ногою въ Берлинѣ, а другою въ Лондонѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы твердо прониклись убѣжденіемъ, что вамъ слѣдуетъ принять это назначеніе, такъ какъ иначе король попадетъ въ объятія демократовъ. 11-го числа сего мѣсяца истекаетъ отпускъ Гогенлоэ. Онъ не вернется, а подастъ въ отставку. И тогда, надѣюсь, васъ вызовутъ по телеграфу. Всѣ патриоты желаютъ этого. Какъ же вы можете колебаться и маневрировать».

¹⁾ Это письмо напечатано полностью въ „Bismarck-Jahrbuch“ III, 233 и въ Roon's Denkwürdigkeiten II, 93.

Примѣч. издателя.

Я отвѣчалъ:

«Парижъ, Троица ¹⁾, 1862 года.

«Любезный Ронъ, Штейнъ (бывшій въ то время военно-уполномоченнымъ) аккуратно доставилъ мнѣ ваше письмо, которое видимо не было распечатано, такъ какъ вскрывая его, мнѣ пришлось надорвать его. Можете быть увѣрены, что я не дѣлаю никакихъ проволочекъ и увертокъ; если бы я не видѣлъ, по всѣмъ признакамъ, что Бернсторфъ не помышляетъ объ отставкѣ, то я былъ бы почти увѣренъ что мнѣ придется черезъ нѣсколько дней уѣхать изъ Парижа и отправиться черезъ Лондонъ въ Берлинъ; я и пальцемъ не пошевелилъ бы, чтобы помѣшать этому. Да и теперь я ничего для этого не предпринимаю; не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, посовѣтывать королю назначить меня на мѣсто Бернсторфа; если бы я былъ назначенъ министромъ безъ портфеля, то, считая Шлейница, у насъ было бы три министра иностранныхъ дѣлъ, изъ коихъ одинъ, въ случаѣ отвѣтственности, былъ бы всегда готовъ уйти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а другой въ Лондонъ... Впрочемъ неизвѣстность не можетъ конечно продолжаться особенно долго,—я подожду до 11 числа, тогда будетъ видно, остается ли король при рѣшеніи, принятомъ 26-го мая ²⁾, или же онъ намѣтилъ кого либо другого. Если до этого числа ничего не выяснится, то я напишу его величеству, что я считаю свое теперешнее назначеніе окончательнымъ и сообразно съ этимъ устрою свои домашнія дѣла въ предположеніи, что я останусь здѣсь до зимы и долѣе. Мои вещи и экипажи находятся еще въ Петербургѣ и я долженъ ¹ куда нибудь перевезти ихъ; кромѣ того у меня есть привычки добраго отца семейства и между прочимъ потребность имѣть опредѣленное мѣсто жительства, а я не имѣю его, собственно говоря, съ іюля прошлаго года, когда Шлейницъ впервые сказалъ мнѣ, что я получу другое назначеніе.

« . . . Я нашелъ нашего любезнаго сосѣда очень спокойнымъ и веселымъ; весьма доброжелательнымъ къ намъ и готовымъ обсуждать затрудненія, которыя представляетъ вопросъ о національномъ нѣмецкомъ движеніи; онъ сочувствуетъ существующимъ династіямъ, но надѣется, однако, что Пруссія успѣшно разрѣшитъ предстоящую ей великую національную задачу, чѣмъ правительство приобрететъ довѣріе и внутри государства. Красивыя слова—и только. Когда меня спрашиваютъ, почему я не устроиваюсь болѣе комфортабельно, я отвѣчаю, что въ скоромъ времени я попрошусь на нѣкоторое время въ отпускъ, чтобы съѣздить за женою.

¹⁾ 8-го или 9-го іюня Bismarck-briefe (7 изд.) 339, Roon's Denkwürdigkeiten II⁴, 95.

²⁾ Въ этотъ день состоялась послѣдняя аудіенція въ Бабельсбергскомъ замкѣ передъ отъѣздомъ Бисмарка въ Парижъ. П р и м ѣ ч . и з д а т е л я .

«10-го іюня. Отвѣтъ его величества на адресъ производитъ прекрасное впечатлѣніе своею сдержанностью, хладнокровіемъ и отсутствіемъ раздражительности.

«Я отправляю настоящее письмо завтра утромъ съ фельдъегеремъ, который пробудетъ въ Аахенѣ до тѣхъ поръ, пока ему поручатъ доставить что нибудь изъ Берлина. Мой привѣтъ вашимъ дамамъ; мои всѣ здоровы. Искренно преданный вамъ ф. Б.»

26-го іюня императоръ пригласилъ меня въ Фонтенебло и долго гулялъ со мною. Бесѣдая о вопросахъ, которые волновали политическій міръ въ тотъ моментъ и въ послѣдніе годы, онъ спросилъ меня неожиданно, какъ я думаю, согласился ли бы король заключить съ нимъ союзъ. Я отвѣчалъ, что король питаетъ къ нему самыя дружескія чувства и что предубѣжденіе, существовавшее нѣкогда въ нашемъ обществѣ противъ Франціи, значительно уменьшилось, но что союзы вызываются обстоятельствами, которыя опредѣляютъ ихъ польза и необходимость.

Заключеніе союза заставляетъ предполагать извѣстную причину или опредѣленную цѣль. Императоръ не соглашался съ этимъ. Нѣкоторыя державы относятся другъ къ другу дружественно, сказалъ онъ, а другія нѣтъ. Въ виду неизвѣстнаго будущаго надобно относиться къ кому нибудь съ довѣріемъ. Онъ не имѣетъ въ виду союза съ какими либо завоевательными цѣлями, но онъ находитъ, что между Пруссіей и Франціей существуетъ общность интересовъ и въ нихъ онъ видитъ залогъ дружественнаго и прочнаго согласія. Желаніе создавать событія было бы большою ошибкою; нельзя опредѣлить заранее какой они примутъ оборотъ и какъ велико будетъ ихъ значеніе, но въ ожиданіи ихъ можно принять нѣкоторыя мѣры, *se prémunir, en avisant aux moyens pour y faire face et en profiter* ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, императоръ еще болѣе развилъ мысль о «дипломатическомъ союзѣ», основанномъ на взаимномъ довѣріи и дающемъ возможность разсчитывать другъ на друга въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Затѣмъ, остановившись онъ сказалъ:

— Вы не можете себѣ представить, какія странныя предложенія сдѣланы мнѣ нѣсколько дней тому назадъ Австріей. Кажется совпаденіе вашего назначенія сюда и пріѣзда въ Парижъ г. Будберга вызвало въ Вѣнѣ паническій страхъ. Князь Меттернихъ сказалъ мнѣ, что имъ получены инструкціи такого рода, что онѣ его положительно напугали; ему даны обширнѣйшія полномочія, какія давались когда либо представителю какого нибудь монарха, для того чтобы придти со мною, во что бы то ни стало, къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ, какія могли бы

¹⁾ Предостеречь себя, подумавъ о мѣрахъ какія слѣдуетъ принять въ виду этихъ событій, чтобы воспользоваться ими.

быть мною затронуты. Я былъ поставленъ этимъ сообщеніемъ въ затруднительное положеніе, ибо, не говоря уже о несовмѣстимости интересовъ обоихъ государствъ, я испытываю почти суевѣрный страхъ при мысли о вмѣшательствѣ въ судьбы Австріи ¹⁾.

Само собою разумѣется, что императоръ не могъ сказать всего этого безо всякаго основанія, хотя онъ и не предполагаетъ, конечно, что я воспользуюсь моими отношеніями къ Меттерниху, чтобы употребить во зло оказанное имъ мнѣ довѣріе. Какъ бы то ни было, согласовалось ли сказанное съ истиной или оно было преувеличено, во всякомъ случаѣ, подобное сообщеніе, сдѣланное прусскому посланнику, было неосторожностью. Еще во время моего пребыванія во Франкфуртѣ я убѣдился въ томъ, что вѣнская политика не останавливается въ нѣкоторыхъ случаяхъ ни передъ какими комбинаціями, и что она готова пожертвовать Венеціей или лѣвымъ берегомъ Рейна, если за это можно получить на правомъ его берегу союзную конституцію, съ преобладающимъ вліяніемъ Австріи надъ Пруссіей. Если противъ насъ не составила еще въ настоящую минуту Австро-франкская коалиція, то мы обязаны этимъ не Австріи, а Франціи и не какой либо особенной любви къ намъ Наполеона, а его недоувѣрію къ тому, будетъ ли Австрія въ состояніи плыть по теченію весьма сильныхъ въ то время національныхъ стремленій.

Сообщая объ этомъ королю, я не вывелъ изъ этихъ словъ въ своемъ донесеніи заключенія, что намъ слѣдуетъ искать союза съ Франціей, но что намъ нельзя полагаться на Австрію какъ на надежнаго союзника противъ Франціи и что мы не можемъ разсчитывать, чтобы она добровольно изъявила свое согласіе на улучшеніе нашего положенія въ Германіи.

Не получая никакихъ служебныхъ порученій и будучи совершенно свободенъ отъ дѣлъ, я уѣхалъ на короткое время въ Англію, а 25-го іюля предпринялъ болѣе продолжительную поѣздку на югъ Франціи. Къ этому времени относится нижеслѣдующая переписка.

«Парижъ. 15-го іюля 1862 года ²⁾).

«Любезный Роонъ, я сильно недоумѣваю, почему вы освѣдомлялись по телеграфу, получилъ ли я ваше письмо отъ 26-го мая. Я ничего не отвѣчалъ на него потому, что я не могъ сообщить по существу дѣла ничего новаго, а могъ только ожидать новостей отъ васъ. Съ тѣхъ поръ ко мнѣ прибылъ курьеръ, о посылкѣ коего меня извѣстили за двѣ недѣли телеграммою и въ ожиданіи котораго я вернулся

¹⁾ Сравн. чуть не буквально сходное съ этимъ сообщеніе, сдѣланное 28-го іюня 1862 г. Бернсторфу, которое князь Бисмаркъ не имѣлъ передъ глазами, когда онъ писалъ эти воспоминанія. (Bismarck Jahrbuch VI, 152).

²⁾ Bismarck briefe (7 вѣд.) 347; Koon's Denkwürdigkeiten II⁴ 102.

изъ Англіи на 8 дней ранѣе чѣмъ слѣдовало. Онъ привезъ письмо Бернсторфа, въ отвѣтъ на мою просьбу объ отпускѣ. Въ настоящее время я здѣсь лишній, такъ какъ здѣсь вѣтъ ни императора, ни одного изъ министровъ и посланниковъ. Я не совсѣмъ здоровъ; эта неопредѣленная жизнь, вѣчно на чеку не можетъ дѣйствовать особенно успокоительно на нервы. Я ѣхалъ сюда, какъ я полагалъ, дней на 10 или на 14, и вотъ уже 7 недѣль какъ я тутъ, и совершенно не знаю буду ли я здѣсь черезъ 24 часа. Я не хочу навязываться королю, живя въ какомъ то ожиданіи въ Берлинѣ; я не ѣду домой потому, что я боюсь застрять проѣздомъ черезъ Берлинъ въ отелѣ на неопредѣленное время. Я вижу изъ письма Бернсторфа ¹⁾, что король не желаетъ до поры до времени назначить меня министромъ иностранныхъ дѣлъ и что его величество еще не рѣшилъ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли назначить меня на мѣсто Гогенлоэ; но онъ не хочетъ рѣшить этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, дозволивъ мнѣ шестинедѣльный отпускъ. Король сомнѣвается, какъ пишетъ мнѣ Бернсторфъ, могу ли я быть полезенъ въ настоящую сессію и не слѣдуетъ ли вызвать меня къ зимѣ, ежели это окажется вообще нужнымъ. Въ виду этого я возобновляю сегодня просьбу о шестинедѣльномъ отпускѣ ²⁾, мотивируя ее слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, я дѣйствительно нуждаюсь въ подкрѣпленіи силъ горнымъ и морскимъ воздухомъ; мнѣ необходимо запастись здоровьемъ, въ виду предстоящей мнѣ каторжной работы, а въ Парижѣ я не чувствую себя особенно хорошо при той собачьей шалопайнической жизни холостяка, которую мнѣ приходится вести. Во-вторыхъ, королю надобно дать время спокойно принять какое либо рѣшеніе, иначе его величество возложитъ отвѣтственность за послѣдствія на тѣхъ, которые будутъ понуждать его. Въ-третьихъ, Бернсторфъ не хочетъ теперь уходить въ отставку; король неоднократно просилъ его остаться и сказалъ ему, что онъ со мною вовсе не говорилъ о назначеніи меня министромъ иностранныхъ дѣлъ; а быть министромъ безъ портфеля я считаю прямо невысказаннымъ. Въ-четвертыхъ, мое вступленіе въ министерство, которое могло бы показаться въ настоящее время безцѣльнымъ и преждевременнымъ, можетъ быть употреблено со временемъ какъ ловкій маневръ для того чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе.

«Мнѣ кажется, министерство возражаетъ очень твердо и спокойно на всѣ поправки къ военному бюджету, не угрожая вызвать этимъ кризиса и предоставляя палатѣ полную возможность всесторонне обсудить бюджетъ. Это будетъ окончено, я думаю, въ сентябрѣ. Затѣмъ бюджетъ,

¹⁾ Отъ 12-го іюля. Bismarck-Jahrbuch, VI, 155.

²⁾ Письмо Бернсторфа отъ 15-го іюля. Bismarck-Jahrbuch, VI, 156.

который правительство, по моему мнѣнію, врядъ ли будетъ въ состояніи принять, будетъ переданъ на разсмотрѣніе въ палату господъ, если правительство будетъ увѣрено, что искаженный бюджетъ будетъ ею отклоненъ. Тогда, или же до обсужденія бюджета въ палатѣ господъ, можно будетъ препроводить его для вторичнаго пересмотра въ палату депутатовъ, предпославъ ему королевское посланіе, въ которомъ будутъ изложены причины, на основаніи коихъ правительство отказывается утвердить этотъ бюджетъ. Тогда, или нѣсколько ранѣе придется можетъ быть отложить ландтагъ дней на 30. Чѣмъ болѣе затянется это дѣло, тѣмъ болѣе потеряетъ палата въ мнѣніи общества, такъ какъ сдѣлавъ ошибку и вдавшись въ мелочи она не сумѣетъ отъ нея отрѣшиться и такъ какъ у нее нѣтъ оратора, который не нагонялъ бы на публику тоски.

«Она утомится, будетъ разсчитывать на то, что правительство измучается, а уѣздные судьи начнутъ волноваться по поводу возрастающихъ расходовъ по представительству. Когда она будетъ нѣсколько укрощена, почувствуетъ, что она наскучила странѣ, и будетъ усиленно разсчитывать на уступки со стороны правительства, чтобы выпутаться изъ своего ложнаго положенія, тогда, по моему мнѣнію, настанетъ моментъ показать ей, назначивъ меня министромъ, что правительство отнюдь не думаетъ отказаться отъ борьбы, но принимается за нее съ новыми силами. Увеличеніе боевыхъ силъ кабинета произведетъ можетъ быть тогда такое впечатлѣніе, на которое теперь нельзя разсчитывать.

«Все это болѣе чувствуется, чѣмъ можетъ быть доказано, и я не рискую отвѣчать, на этомъ основаніи, отказомъ на то, что повелитъ мнѣ король, но если спросить мое мнѣніе, то я скажу, что меня слѣдуетъ поддержать еще нѣсколько мѣсяцевъ въ запасѣ.

«Быть можетъ я говорю все это впусъ, быть можетъ его величество никогда не рѣшится назначить меня, ибо я не вижу, почему бы онъ могъ это сдѣлать теперь, не сдѣлавъ шесть недѣль тому назадъ.

«Но я не вижу повода глотать раскаленную пыль на мостовыхъ Парижа, зѣвать въ кафе и въ театрахъ, или снова поселиться въ Берлинѣ въ Hôtel Royal въ качествѣ политическаго диллетанта; лучше употребить это время на купанье.

«Я удивляюсь политической неспособности нашихъ палатъ; а мы вѣдь страна образованная; должно быть ужъ черезчуръ образованная. Другіе навѣрно не умнѣе нашихъ выдающихся сословныхъ представителей, но у нихъ нѣтъ этой дѣтской самоувѣренности, съ какою наши депутаты выказываютъ свою неумѣлость во всей ея наготѣ какъ нѣчто достойное подражанія. Какимъ путемъ создалась наша репутація людей робкихъ и скромныхъ? Между нѣмцами не найдется человѣка, отъ полководца до послѣдней собаки, который не считалъ бы, что онъ понц-

маеть все лучше, нежели всѣ ученые вмѣстѣ взятые, тогда какъ въ другихъ странахъ есть не мало людей, допускающихъ мысль, что они понимаютъ въ нѣкоторыхъ вещахъ менѣе другихъ и которые держатъ себя поэтому скромно и молчатъ.

«16-ое. Я долженъ скорѣе закончить это письмо, такъ какъ мнѣ предстоитъ заняться дѣлами. Сердечный поклонъ вашимъ. Преданный вамъ ф-Б.»

Роонъ отвѣчалъ 31 августа 1862 г.:

«Любезный Бисмаркъ,

«Вѣроятно вы понимаете отчасти почему я до сихъ поръ вамъ не отвѣчалъ; я все еще не терялъ надежды, что будетъ принято наконецъ такое рѣшеніе или что наступятъ такія обстоятельства, благодаря которымъ вопросъ рѣшится быстро. Къ сожалѣнію наша болѣзнь приняла хроническій характеръ... Я удалился на нѣсколько дней отъ *misère générale*, воспользовавшись отъѣздомъ короля въ Д.(оберанъ) чтобы уѣхать сюда (въ Циммергаузенъ) и поохотиться на куропатокъ. Бернсторфъ, недѣли 3—4 тому назадъ твердо рѣшившійся оставить свой постъ, который становится для него слишкомъ труднымъ и доставляетъ ему много неприятностей, сказалъ мнѣ съ недѣлю тому назадъ, что быть можетъ ему придется, по окончаніи парламентской сессіи, уступить желанію короля (если онъ его выразитъ) и остаться, хотя онъ по прежнему жаждетъ покоя, т. е. переводя эти слова на человѣческій языкъ, сессія затянудась такъ долго, что окончаніе ея совпадетъ приблизительно съ разрѣшеніемъ графини отъ бремени, и поэтому путешествіе по случаю перемѣны мѣста будетъ еще менѣе удобно нежели теперь. Онъ говорилъ мнѣ еще ранѣе, что онъ можетъ согласиться на перемѣщеніе въ Лондонъ не иначе какъ ежели оно состоитъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Этотъ, непохвальный эгоизмъ съ одной стороны, и нерѣшительность короля съ другой, въ связи съ мнѣніемъ высказаннымъ фонъ-деръ Гейтомъ, что онъ согласенъ на назначеніе главы кабинета, но только отнюдь не изъ числа молодыхъ коллегъ, заставляеть меня вернуться къ прежней мысли, что вамъ придется быть министромъ но безъ портфеля: послѣдній придетъ со временемъ самъ собою. Начать зимнюю сессію парламента въ прежнемъ неполномъ и недостаточномъ составѣ я считаю совершенно невозможнымъ и несогласнымъ съ здравымъ смысломъ; съ этимъ соглашается король и многіе другія лица. Мы должны и мы будемъ бороться.

«Объ уступкахъ и компромиссахъ нечего и думать, менѣе всего къ этому склоненъ самъ король. Поэтому навѣрно можно ожидать столкновеній, не говоря уже о запутанности въ дѣлахъ нашей внѣшней политики, въ которой и теперь замѣтны большія осложненія.—Я могу себѣ представить, любезный другъ, что все это вамъ чрезвычайно опроти-

вѣло; я сужу объ этомъ по тому, насколько мнѣ самому все это надоѣло. Но все таки я надѣюсь, что вы не сердитесь, и не забыли, что долгъ обязываетъ дворянина выручить короля, хотя бы онъ и подвергнулъ себя, какъ въ данномъ случаѣ, добровольно опасности. Но вы человѣкъ, и болѣе того, вы мужъ и отецъ семейства. Вы хотите, помимо работы, имѣть домъ и жить съ семьей. Вы имѣете на это право, *c'est son veni!* Поэтому вамъ необходимо какъ можно скорѣе имѣть свою собственную постель и свой письменный столъ, вамъ надобно знать гдѣ вы будете жить, въ Парижѣ или Берлинѣ, а король, насколько мнѣ извѣстно, еще не отмѣнилъ сказаннаго, что вы не должны окончательно устраиваться въ Берлинѣ. Вамъ необходимо знать, что васъ ожидаетъ впереди. Я постарался сдѣлать со своей стороны все возможное, чтобы вывести васъ изъ этой неизвѣстности—не только изъ эгоистическихъ цѣлей, но изъ патриотизма. И такъ я начинаю дѣйствовать и буду дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ не запретите частнымъ образомъ дѣлать все возможное, чтобы вывести васъ изъ неизвѣстности. Послѣ моей послѣдней бесѣды съ *Serenissimo*, я лично заинтересованъ дѣйствовать въ вашу пользу. Я могу распространиться о вашемъ невыносимомъ положеніи, которое вызвано тѣмъ, что вы не можете окончательно устроиться въ Парижѣ. Подобные мотивы легко могутъ быть поняты и дѣйствуютъ вѣрнѣе нежели соображеніе политическаго характера. Поэтому я сдѣлаю видъ, будто я дѣйствую съ вашего согласія, и посоветую временно назначить васъ министромъ безъ порфеля, о чемъ я до сихъ поръ не заикался; иначе нельзя. Если вы этого рѣшительно не желаете, то я прошу васъ высказать мнѣ это или прикажите мнѣ молчать.

«Его величество назначилъ мнѣ аудіенцію 7 числа, проѣздомъ на крестины въ Карлсруэ. Слѣдовательно, вы успѣете еще высказать мнѣ свое неодобреніе.

«Я не намѣренъ говорить сегодня объ общемъ положеніи дѣлъ. По моему мнѣнію, катастрофы въ государствѣ до весны не предвидятся, а весною вы должны непременно быть тутъ. Она будетъ имѣть рѣшающее значеніе для нашей будущности... Вашъ фонъ-Роонъ» ¹⁾.

Я отвѣтилъ:

„Тулуза, 12 сентября 1862 г.

«Мои поѣздки по Пиринеямъ были причиною, что я только сегодня получилъ ваше письмо, помѣченное 31-го августа. Я ожидалъ также письма отъ Бернсторфа, который писалъ мнѣ четыре недѣли тому на-

¹⁾ Онъ писалъ объ этомъ Бернсторфу изъ Монпелье въ тотъ же день. *Bismarsk-jahrbuch*, VI 162.

задѣ, что вопросъ объ измѣненіи въ личномъ составѣ министерства будетъ рѣшенъ во всякомъ случаѣ не позже сентября. Ваше письмо убѣждаетъ меня въ томъ, что неизвѣстность не кончится и къ Рождеству. Мои вещи находятся еще въ Петербургѣ и тамъ замерзнуть, мои экипажи въ Штеттинѣ, лошади въ имѣніи близъ Берлина, моя семья въ Помераніи, а я самъ на большой дорогѣ. Я возвращаюсь теперь въ Парижъ, хотя дѣла тамъ теперь менѣе чѣмъ когда либо, но срокъ моего отпуска истекаетъ. Я хочу предложить Бернсторфу, что я съѣзжу въ Берлинъ, чтобы переговорить объ остальномъ устно. Я чувствую потребность провести нѣсколько дней въ Рейнфельдѣ, такъ какъ я не видалъ своихъ съ 8-го мая. Я долженъ непременно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выяснитъ въ какомъ положеніи находятся дѣла. Я ничего такъ не желаю, какъ остаться въ Парижѣ, но я долженъ быть увѣренъ, что мнѣ не придется переѣзжать и устраиваться на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ; для этого мое домашнее хозяйство слишкомъ велико.

«Я не отказывался быть министромъ безъ портфеля, ежели король прикажетъ это; я говорилъ только, что считаю это нецѣлесообразнымъ. Я и теперь готовъ принять это назначеніе, но не вижу къ тому серьезнаго повода. Если бы его величество сказалъ мнѣ, что я буду назначенъ 1-го ноября, или 1-го января, или 1-го апрѣля—то я бы зналъ что дѣлать, и не сталъ бы создавать никакихъ затрудненій; я требую только, чтобы мнѣ была оказана $\frac{1}{100}$ того вниманія, которое такъ щедро оказываютъ Бернсторфу. Находясь въ такой неизвѣстности, я теряю всякую охоту къ дѣламъ и буду вамъ отъ всей души благодаренъ за каждую дружескую услугу, которую вы мнѣ окажете, чтобы покончить съ этой неизвѣстностью.

«Если это вскорѣ не удастся, то придется помириться съ существующимъ фактомъ и сказать себѣ, что я посланникъ короля въ Парижѣ, перевезти туда къ 1-му октября всѣхъ домочадцевъ и устроиться окончательно. Если это случится, то его величество будетъ въ правѣ уволить меня въ отставку, но не можетъ заставить меня сн о ва переѣхать куда либо въ скоромъ времени; тогда я лучше уѣду домой въ деревню; по крайней я буду тогда знать гдѣ я живу. Живя въ одиночествѣ я возстановилъ, съ Божьей помощью, здоровье и чувствую себя несравненно лучше нежели за послѣдніе 10 лѣтъ; но о томъ что дѣлается въ нашемъ политическомъ мірѣ я ничего не слыхалъ; изъ полученнаго мною сегодня письма жены я вижу, что король былъ въ Доберанѣ, иначе я не могъ бы понять что означаетъ буква Д. въ вашемъ письмѣ. Я не слыхалъ также, что онъ ѣдетъ къ 13-му числу въ Карлсруэ. Мнѣ не удалось бы во всякомъ случаѣ застать тамъ его величество, хотя бы я туда и поѣхалъ; къ тому же я знаю по опыту, что онъ не долюбиваетъ не-

ожиданныхъ появленій: заключаая изъ этого, что я дѣйствую изъ честолюбивыхъ цѣлей, отъ коихъ я весьма далекъ. Я такъ доволенъ быть посланникомъ его величества въ Парижъ, что желалъ бы только знать навѣрно, что я сохраняю этотъ постъ до 1875 года. Дайте мнѣ возможность быть увѣреннымъ въ ближайшемъ будущемъ и я назову васъ своимъ ангеломъ хранителемъ.

«Что вы подразумѣваете подъ окончаніемъ этой сессіи? Можно ли опредѣлить вполне точно, не перейдетъ ли она безъ перерыва въ зимнюю сессію? возможно ли закрыть засѣданія палаты не добившись никакого результата относительно бюджета? Я не отрицаю этой возможности, это будетъ зависѣть отъ того какъ будетъ вестись кампанія.

«Я ѣду теперь же въ Монпелье, оттуда въ Лионъ и Парижъ. Прошу васъ писать мнѣ туда, передайте мой сердечный привѣтъ вашимъ. Преданный вамъ ф. Б.»¹⁾

Въ Парижѣ я получилъ слѣдующую телеграмму, съ условною подписью:

Берлинъ, 18-го сентября.

Periculum in mora. Спѣшите.

Дядя Маврикія Геннинга.

Геннингъ было второе имя Маврикія Бланкенбурга, племянника фонъ-Роона. Хотя по смыслу телеграммы нельзя было рѣшить, вызывали ли меня по инициативѣ Роона или по желанію короля, однако, я выѣхалъ не колеблясь.

Прибывъ въ Берлинъ 20-го сентября утромъ, я былъ приглашенъ къ кронпринцу. На его вопросъ, какого я мнѣнія о дѣлахъ, я отвѣчалъ весьма сдержанно, такъ какъ я не читалъ послѣднія недѣли нѣмецкихъ газетъ и будучи нѣсколько озлобленъ, никого не разспрашивалъ о нѣмецкихъ дѣлахъ. Я былъ не въ духѣ, потому что король обѣщалъ, что не далѣе какъ черезъ 6 недѣль мнѣ будетъ въ точности извѣстна моя будущая судьба, т. е. гдѣ именно будетъ мое постоянное мѣстожителство: въ Берлинѣ, Парижѣ или Лондонѣ; между тѣмъ прошло уже четверть года и съ наступленіемъ осени я все еще не зналъ, гдѣ я проведу зиму. Мнѣ не были такъ хорошо извѣстны обстоятельства дѣла, чтобы я могъ изложить кронпринцу свое мнѣніе въ видѣ программы моихъ будущихъ дѣйствій; кромѣ того я не считалъ себя вправѣ высказать ему свое мнѣніе прежде нежели я увижу короля. Я узналъ вскорѣ отъ Роона, какое впечатлѣніе произвела моя аудіенція на короля; онъ сказалъ ему говоря обо мнѣ: «Отъ него тоже не будетъ толку, онъ уже былъ у моего сына». Я не понималъ въ то время всего значенія этихъ словъ, такъ какъ мнѣ не было извѣстно, что король носился съ

¹⁾ Bismarck briefe (7 изд.) стр. 359.

Примѣч. издателя.

мыслию объ отреченіи отъ престола; его величество предполагалъ, что мнѣ это извѣстно или, по крайней мѣрѣ, что я подозрѣвалъ это и поэтому старался заручиться благоволеніемъ наслѣдника престола.

На самомъ же дѣлѣ, явись 22-го сентября на аудіенцію въ Бабельс-бергъ, я былъ далекъ отъ мысли объ его отреченіи; его намѣреніе выяснилось мнѣ только тогда, когда его величество сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Я не хочу царствовать, если я не могу дѣйствовать такъ, какъ требуетъ мой долгъ передъ Богомъ, передъ моею совѣстью и моими подданными. Если же я долженъ управлять по волѣ нынѣшняго большинства ландтага и не нахожу болѣе министровъ, которые были бы согласны руководить дѣлами, не заставляя меня подчиняться и не подчиняясь сами парламентскому большинству, то я не могу царствовать, поэтому я рѣшилъ отречься отъ престола и изложилъ причины, побудившія меня къ тому въ актѣ объ отреченіи».

Король показалъ мнѣ лежавшій на его столѣ актъ отреченія, написанный имъ собственноручно; былъ ли онъ уже предъявленъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно. Его величество закончилъ разговоръ, повторивъ еще разъ, что, не имѣя надлежащихъ министровъ, онъ не можетъ управлять странюю.

Я возразилъ, что его величеству извѣстно съ мая мѣсяца, что я готовъ вступить въ министерство; я увѣренъ, что Роонъ останется со мною, и не сомнѣваюсь, что намъ удастся составить кабинетъ, хотя бы прочіе члены и подали въ отставку. при моемъ назначеніи. Поговоривъ еще немного о томъ, о семъ, король спросилъ, согласенъ ли я, въ случаѣ назначенія министромъ, защищать проектъ военной реорганизаціи, и когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ спросилъ еще готовъ ли я защищать его противъ большинства и его рѣшеній. Когда я и на это отвѣчалъ согласіемъ, то онъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ долгъ повелѣваетъ мнѣ попробовать продолжать борьбу вмѣстѣ съ вами, не отрекаясь отъ престола». Не знаю, уничтожилъ ли король лежавшій на столѣ актъ отреченія или сохранилъ его *in rei memorem*.

Король предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ по парку. Во время этой прогулки, онъ далъ мнѣ прочесть программу, въ восемь страницъ; исписанныхъ его мелкимъ, убористымъ почеркомъ; въ ней были затронуты всѣ вопросы тогдашней правительственной политики и даже такія подробности, какъ преобразование окружныхъ сеймовъ. Не знаю, обсуждалась ли уже эта программа съ моимъ предшественникомъ или она была написана только съ цѣлью служить противовѣсомъ моимъ предполагаемымъ консервативнымъ наклонностямъ. Въ то время, какъ король собирался назначить меня министромъ, подобнаго рода опасенія навѣрно внушались ему его супругою, о политической проицательности которой онъ составилъ себѣ высокое мнѣніе въ то время, когда его

величество, будучи еще кронпринцемъ, критиковалъ правительственныя дѣйствія своего брата, но когда ему не приходилось еще дѣйствовать самому. Способность къ критикѣ была болѣе развита у принцессы нежели у ея супруга. Онъ впервые усомнился въ умственномъ превосходствѣ ея высочества въ то время, когда ему пришлось не критиковать, а дѣйствовать самостоятельно и нести отвѣтственность за свои поступки. Когда обѣимъ высочайшимъ особамъ пришлось показать себя на дѣлѣ, здравый смыслъ подсказалъ королю необходимость освободиться мало-по-малу отъ вліянія воинствующаго женскаго краснорѣчія.

Мнѣ удалось убѣдить его величество въ томъ, что тутъ дѣло шло не о консервативномъ или либеральномъ принципѣ того или другого отгѣнка, а о королевской или парламентской власти и что противодѣйствіе послѣдней надобно сломать. Я сказалъ: «при настоящемъ положеніи, если ваше величество прикажете мнѣ сдѣлать что-либо не согласное съ моимъ убѣжденіемъ, то я выскажу это откровенно, если же вы будете настаивать на своемъ, то я скорѣе погибну вмѣстѣ съ королемъ, нежели покину ваше величество въ борьбѣ съ парламентаризмомъ». Я былъ твердо убѣжденъ, что такъ именно слѣдовало поступать, ибо я считалъ въ то время отрицаніе и витійство оппозиціи пагубнымъ въ интересахъ національныхъ задачъ Пруссіи и питалъ къ Вильгельму I лично столь глубокое чувство любви и преданности, что мысль погибнуть вмѣстѣ съ нимъ казалась мнѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ исполнѣ естественнымъ и пріятнымъ концомъ жизни.

Король разорвалъ программу и хотѣлъ бросить клочки въ обрывѣ, но я замѣтилъ, что исписанныя всѣмъ извѣстнымъ почеркомъ, онѣ могли попасть не въ надлежащія руки. Онъ съ этимъ согласился и сунулъ ихъ въ карманъ, сказавъ, что онъ ихъ сожжетъ. Въ тотъ же день послѣдовало мое назначеніе министромъ государственныхъ и иностранныхъ дѣлъ и временно предсѣдательствующимъ въ засѣданіяхъ кабинета, о чемъ было объявлено 23-го числа. Назначеніе меня первымъ министромъ было отложено до окончанія переписки съ княземъ Гогенцоллерномъ, который продолжалъ офиціально занимать этотъ постъ ¹⁾.

¹⁾ Сравни. Kaiser Wilhelm I und Fürst Bismarck, Münchener Allg. Zeitung, 7-го окт. 1890 г.

Бисмаркъ былъ утвержденъ въ званіи перваго министра и министра иностранныхъ дѣлъ 8-го октября. П р и м ѣ ч. и з д а т е л я.

XI.

Отсутствие самостоятельности и энергіи въ прусской политикѣ со времянъ Фридриха Великаго.—Значеніе, которое имѣлъ польскій вопросъ.—Подчиненное положеніе Пруссіи въ царствованіе Николая I.—Услуги, оказанныя Пруссіей Россіи во время Крымской войны и польскаго возстанія.—Записки Пруссіи на Парижскомъ конгрессѣ.— Кто отвѣтственъ за направленіе прусской политики въ царствованіе Фридриха Вильгельма IV? — Почему Бисмаркъ не могъ быть при немъ министромъ?

Авторитетъ королевской власти страдалъ у насъ вслѣдствіе отсутствія самостоятельности и энергіи во внѣшней и главнымъ образомъ въ нашей національной политикѣ; это же было причиною укоренившагося превратнаго взгляда на армію и служащихъ въ ней и нежеланія ассигновать нужныя суммы на военныя надобности и издержки. Честолюбіе главарей парламентскихъ партій, ихъ ораторовъ и кандидатовъ на министерскіе посты поддерживалось и прикрывалось неудовольствіемъ народа. Въ нашей политикѣ, съ самой кончины Фридриха Великаго, не было опредѣленной программы, или она была плохо выбрана и еще того хуже выполнена, послѣднее относится въ особенности къ періоду съ 1786 по 1806 г., когда мы стали дѣйствовать рѣшительно безъ всякаго плана и кончили весьма печально. Въ нашей политикѣ, вплоть до французской революціи, не было ни малѣйшаго намека на какое-либо національное направленіе. Первые проблески такового, выразившіеся въ союзѣ князей ¹⁾, въ идеѣ прусскаго королевства, въ завоеваніи и присоединеніи нѣмецкихъ земель, были строго говоря плодомъ не національныхъ, а прусскихъ партикуляристическихъ стремленій.

Въ 1786 г. всеобщій интересъ былъ сосредоточенъ не на національномъ нѣмецкомъ вопросѣ, а на приобрѣтеніи польскихъ земель; довѣріе, существовавшее между Пруссіей и Австріей вплоть до 1792 г., поддерживалось не столько ихъ соперничествомъ на національно-нѣмецкой почвѣ, сколько польскимъ вопросомъ. Споръ изъ-за обладанія польскихъ земель, т. е. собственно Кракова, во времена Тугута ²⁾ и Лербаха, привлекалъ всеобщее вниманіе болѣе нежели соперничество, возникшее во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія между Пруссіей и Австріей за преобладающую роль въ Германіи.

Национальный вопросъ былъ въ то время на второмъ планѣ; Пруссія приобрѣтала польскихъ подданныхъ, если ихъ можно считать тако-

¹⁾ Заключенномъ въ 1785 г. Фридрихомъ II противъ Австріи. В. В.

²⁾ Тугутъ—австрійскій государственный дѣятель, посланникъ въ Варшавѣ въ 1787 г., род. 1734 г. † 1818 г. В. В.

выми, съ такимъ же, если даже не съ большимъ удовольствіемъ нежели нѣмцевъ. Австрія со своей стороны не колеблясь поставила вопросъ о томъ, какой результатъ будутъ имѣть совмѣстныя военныя дѣйствія противъ Франціи (лишь только у нея зародилось опасеніе, что она не будетъ имѣть прусскихъ войскъ для защиты ея польскихъ интересовъ) ежели Пруссія пошлетъ ихъ на границу Франціи. Принимая во вниманіе взгляды и способности лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ австрійской и русской политики, трудно рѣшить, могла ли Пруссія, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, принять болѣе рациональныя мѣры какъ произнести veto противъ восточной политики своихъ сосѣдей, какъ это было сдѣлано на Рейхенбахской конвенціи, заключенной 27-го іюня 1790 г. ¹⁾. Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что это veto было не болѣе какъ вспышкой безплоднаго самолюбія, нѣчто въ родѣ французскаго prestige или желанія чѣмъ-либо проявить власть, приобретенную Фридрихомъ Великимъ; Пруссія не извлекла изъ этого акта никакой существенной пользы, а вынесла только чувство удовлетвореннаго самолюбія, что ей удалось проявить свою власть, какъ великой державы, относительно обихъ императорскихъ правительствъ, show of power.

Если бы Австрія и Россія нашли себѣ дѣло на востокѣ, то мнѣ кажется, прямой интересъ ихъ болѣе слабago, въ то время, сосѣда требовалъ не мѣшать имъ, а напротивъ поддерживать и поощрять ихъ стремленія, ослабляя этимъ ихъ давленіе на наши границы. Въ военномъ отношеніи Пруссія была болѣе готова къ войнѣ нежели ея сосѣди и могла бы воспользоваться этимъ, какъ она дѣлала это неоднократно впоследствии, если бы, не претендуя на роль судьи между Австріей, Россіей и Портой и не принимая раньше времени сторону той или другой державы, она оставалась на сторожѣ, en vedette, какъ подобало при ея слабыхъ силахъ.

Въ подобнаго рода случаяхъ ошибка состоитъ обыкновенно въ безцѣльности и нерѣшительности, съ какою пользуются обстоятельствами. Великій курфирстъ и Фридрихъ Великій вполне понимали, насколько пагубны были полумѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было взять чью-либо сторону или кому-нибудь пригрозить. До тѣхъ поръ, пока Пруссія принадлежала, по выраженію князя Меттерниха, къ числу государствъ «не насыщенныхъ» (saturirte staaten), т. е. пока она не приняла, какъ государство, такого облика, который подходилъ довольно близко къ идеѣ о нѣмецкомъ національномъ единствѣ, до тѣхъ поръ ей слѣдовало—какъ говорилъ Фридрихъ Великій,—только «быть на сторожѣ» своихъ интересовъ, а для этого, необходимо было имѣть готовое къ бою

¹⁾ Въ силу которой Пруссія, Польша, Англія, Голландія и Австрія согласились охранять неприкосновенность Турціи. В. В.

войско; не имѣя такового и не рѣшаясь активно принять сторону той или другой изъ воюющихъ сторонъ, а только заявляя при случаѣ, что она имѣетъ такъ же значеніе европейской державы, какъ напримѣръ въ Рейхенбахѣ, Пруссія не могла извлечь изъ этого никакой существенной выгоды ни въ Польшѣ, ни въ Германіи, а могла только возбудить неудовольствіе и недовѣріе къ себѣ своихъ сосѣдей.

Прислушиваясь къ сужденіямъ о той эпохѣ нѣмецкихъ шовинистовъ, и теперь еще замѣтно, какъ было польщено самолюбіе пруссаковъ ролью третейскаго судьи, которую Берлину удалось играть въ восточномъ вопросѣ; эти господа считаютъ Рейхенбахскую конвенцію кульминаціоннымъ пунктомъ политики Фридриха Великаго, съ котораго начинается упадокъ, выразившійся въ переговорахъ, происходившихъ въ Пильницѣ, въ Базельскомъ мирѣ и въ Тильзитскомъ договорѣ.

Если бы я былъ министромъ въ царствованіе Фридриха Вильгельма II, то я посовѣтовалъ бы поддержать честолюбивые виды Австріи и Россіи относительно Востока, потребовавъ въ вознагражденіе за это какія-либо матеріальныя уступки, хотя бы въ области польскаго вопроса, коимъ всѣ въ то время интересовались, и не безъ причины, до тѣхъ поръ пока мы не владѣли Данцигомъ и Торнемъ, и не думали еще о національномъ объединеніи. Имѣя въ своемъ распоряженіи 100.000, или даже болѣе готоваго къ бою войска и угрожая въ случаѣ надобности привести его въ дѣйствіе и предоставить Австрію въ войнѣ съ Франціей ея собственнымъ силамъ, прусская политика могла бы при тогдашнихъ обстоятельствахъ достигнуть во всякомъ случаѣ большаго, чѣмъ дипломатическая побѣда, одержанная ею въ Рейхенбахѣ.

Многіе находятъ, что исторія Габсбургскаго дома, послѣ Карла V, представляетъ рядъ промаховъ, въ которыхъ обвиняютъ обыкновенно духовниковъ австрійскихъ императоровъ; но исторія Пруссіи за послѣдніе сто лѣтъ такъ же богата подобными промахами. Если бы Пруссія воспользовалась какъ слѣдуетъ обстоятельствами, при коихъ была заключена Рейхенбахская конвенція, то это доставило бы ей нѣкоторыя, хотя и не особенно большія выгоды для ея дальнѣйшаго государственнаго развитія; тогда она могла бы дѣйствовать въ 1805 г. болѣе энергично въ пользу Австріи и Россіи силою оружія, нежели путемъ дипломатическихъ переговоровъ, но разумѣется не безвозмездно. Условія, на коихъ Пруссія могла бы и должна была бы оказать имъ поддержку, разумѣется, не могли быть продиктованы такимъ министромъ какимъ былъ Гаугевицъ, но полководцемъ, который располагалъ бы 150.000 человекъ войска въ Богеміи или въ Баваріи. То что случилось въ 1806 г. *post festum*, могло имѣть рѣшающее значеніе въ 1805 г. Въ чемъ были виноваты въ Австріи духовные отцы, то сдѣлали въ Пруссіи личные секретари короля и честные, но ограниченные генераль-адъютанты.

Оказывать безвозмездно такія услуги, какія прусская политика оказала Россіи при заключеніи Адрианопольскаго мира въ 1829 г. и при усмиреніи польскаго мятежа въ 1831 г., не было повода еще и потому, что берлинскому кабинету были извѣстны недоброжелательные по отношенію къ Пруссіи переговоры, происходившіе незадолго передъ тѣмъ между императоромъ Николаемъ и королемъ Карломъ X. Родственные узы, существовавшіе между царствующими домами, были достаточно сильны, чтобы прикрывать грѣхи Россіи, но они не встрѣчали взаимности. Россія приобрѣла безспорно, въ 1813 г., права на признательность Пруссіи; Александръ I, съ февраля мѣсяца 1813 г. вплоть до Вѣнскаго конгресса, былъ вѣренъ своему обѣщанію возстановить Пруссію въ ея *status quo ante*, разумѣется не забывая при этомъ русскихъ интересовъ, впрочемъ настолько, что Фридрихъ-Вильгельмъ III сохранилъ къ нему самое признательное воспоминаніе. Подобное же воспоминаніе существовало и среди нашей публики, во время моего дѣтства и до самой кончины Александра I въ 1825 г.; русскихъ великихъ князей, генераловъ и солдатъ, появившихся случайно въ Берлинѣ, встрѣчали съ тѣмъ же восторгомъ, съ какомъ у насъ были приняты въ 1813 г. первые казаки.

Черная неблагодарность не только не похвальна, но и не выгодна въ политикѣ точно такъ же, какъ въ частной жизни. Но вѣдь мы расквитались съ Россіей въ то время, когда она находилась въ затруднительномъ положеніи въ Адрианопольѣ, въ 1829 г. и въ Польшѣ въ 1831 г., и во все царствованіе Николая I, который относился къ нѣмецкому романтизму и сентиментальности далеко не такъ благодушно какъ Александръ I, хотя онъ и поддерживалъ дружескія отношенія къ своимъ родственникамъ въ Пруссіи и былъ любезенъ съ прусскими офицерами. Въ его царствованіе мы были вассалами Россіи; въ 1831 г., когда Россія безъ насъ врядъ ли справилась бы съ Польшею, и во всѣхъ европейскихъ столкновеніяхъ, начиная съ 1831 г. и кончая 1850 г., мы всегда были готовы платить за Россію, но въ 1848 г. государь почувствовалъ болѣе расположенія къ молодому австрійскому императору, нежели къ королю прусскому, и Россія въ качествѣ третейскаго судьи произнесла, холодно и жестко, свой приговоръ противъ Пруссіи и нѣмецкихъ національныхъ стремленій и заставила насъ расплатиться полностью за дружескія услуги, оказанныя намъ въ 1813 г., принудивъ насъ согласиться на униженіе, приготовленное намъ въ Ольмюцѣ. Во время Крымской кампаніи и польскаго возстанія 1863 г. мы много сдѣлали для Россіи, но когда въ томъ же году мы не пзъявили согласія на собственноручно предъявленное намъ Александромъ II требованіе начать войну, то онъ выказалъ свое раздраженіе по этому поводу при обсужденіи Датскаго вопроса; это доказываетъ до какой степени воз-

росла требовательность Россіи, сравнительно съ тѣмъ, на что она имѣла право претендовать, и какого подчиненія она требовала отъ насъ.

Невыгода нашего положенія заключалась, во-первыхъ, въ родственныхъ чувствахъ, въ привычкѣ подчиняться, усвоенной человѣкомъ болѣе слабого характера относительно человѣка съ твердою волею, въ ошибочномъ взглядѣ, будто императоръ Николай питалъ къ намъ тѣ же чувства какъ Александръ I и имѣлъ тѣ же права на нашу благодарность, какія Александръ I пріобрѣлъ во время войнъ за освобожденіе. Съ нравственной точки зрѣнія Пруссія не имѣла въ царствованіе императора Николая никакого повода поддерживать прежнія дружескія отношенія къ Россіи и намъ слѣдовало извлекать изъ нея такія же выгоды, какія Россія извлекала изъ оказанныхъ нами ей услугъ.

Если бы мы имѣли немного болѣе чувства собственного достоинства и сознанія своей силы, то въ Петербургѣ признали бы наше право на взаимныя услуги, тѣмъ болѣе, что Пруссія, несмотря на все несовершенство ея ландвера, была послѣ іюльской революціи (1830 г.) едва ли не единственною изъ европейскихъ державъ, которая могла бы вступить въ борьбу съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ. Медленность, съ какою вооружалась огромная армія Россійской имперіи для борьбы съ маленькимъ возстаніемъ въ Варшавѣ, доказываетъ какъ мало заботились во время 15-лѣтняго міра объ организаціи войска не только въ Австріи, но и въ Россіи, за исключеніемъ одной лишь гвардіи и польскаго войска великаго князя Константина Павловича.

Въ подобномъ же состояніи находилась въ то время и французская, а тѣмъ болѣе австрійская армія. Послѣ іюльской революціи Австріи понадобилось болѣе года, чтобы усовершенствовать организацію войска настолько, чтобы имѣть возможность защищать свои интересы въ Италіи. Австрійская политика, руководимая Меттернихомъ, ловко сѣмѣла затянуть переговоры трехъ великихъ восточныхъ державъ, до тѣхъ поръ, пока ея вооруженіе не подвинулось настолько, что она могла вставить въ нихъ свое слово. Военная машина функционировала только въ Пруссіи вполне правильно, несмотря на всю ея тяжеловѣсность, и если бы прусская политика могла дѣйствовать самостоятельно, то она имѣла бы полную возможность рѣшить вопросы, возникшіе въ Германіи и Нидерландахъ въ 1830 г. по своему собственному усмотрѣнію. Но у насъ не было самостоятельной политики начиная съ 1806 г. и до сороковыхъ годовъ; наша политика стряпалась тогда въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ. Слабыя попытки къ самостоятельности берлинскаго правительства съ 1786 по 1806 г. и съ 1842 по 1862 г. едва ли заслуживаютъ какого либо вниманія, съ точки зрѣнія прусскихъ государственныхъ интересовъ.

До 1866 г. мы могли претендовать на званіе великой державы толь-

ко *cum grano salis*; тѣмъ не менѣе, послѣ крымской войны мы считали нужнымъ добиваться признанія въ этомъ, низкопоклонничая на Парижскомъ конгрессѣ. Для того чтобы сознать себя великой державой, мы считали нужнымъ получить на это аттестатъ отъ прочихъ державъ, находя, что мы еще не доросли до мѣрила, указаннаго для этого княземъ Горчаковымъ, который, говоря однажды объ Италіи сказалъ: «*une grande puissance ne se reconnait pas, elle se révèle*». Было время когда Европа временами признавала Пруссію великой державою, но нѣсколько лѣтъ малодушной политики низвели ее до этой жалкой роли, какую Мантейфель игралъ въ Парижѣ. Запоздалое допущеніе Пруссіи къ участію въ конференціяхъ все таки не могло поколебать ту истину, что государство, желающее быть признаннымъ великой державой, должно прежде всего само убѣдиться въ этомъ и имѣть мужество быть великой державою.

Послѣ всѣхъ униженій, которыя намъ пришлось перенести со стороны Австріи и западныхъ державъ, я считаю наше желаніе участвовать въ конгрессѣ и скрѣпить его рѣшенія своею подписью прискорбнымъ доказательствомъ отсутствія въ насъ чувства собственнаго достоинства. Положеніе, которое мы могли бы занять на Лондонской конференціи 1870 г., по вопросу о Черномъ морѣ, доказало бы справедливость этого мнѣнія, если бы Пруссія не втерлась самымъ постыднымъ образомъ на Парижскій конгрессъ. Когда Мантейфель вернулся изъ Парижа и былъ у меня 20-го и 21-го апрѣля во Франкфуртѣ, то я позволилъ себѣ выразить ему свое сожалѣніе по поводу того, что онъ не руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ *victa catoni* и не положилъ начала нашему независимому положенію, которое могло быть намъ весьма полезно въ виду вѣроятнаго сближенія Россіи съ Франціей, которое можно было предвидѣть по ходу событій. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ должны были знать, что императоръ Наполеонъ дѣлалъ уже тогда мысль о сближеніи съ Россіей и что въ руководящихъ кругахъ Англіи считали заключеніе мира преждевременнымъ.

Наше положеніе, было бы въ высшей степени достойно и независимо, если бы мы не старались такъ смиренно примкнуть къ Парижскому конгрессу, а отказались бы отъ всякаго участія въ немъ, не получивъ своевременно приглашенія. Если бы мы дѣйствовали сдержанно и съ чувствомъ собственнаго достоинства, то при новой группировкѣ державъ въ насъ стали бы заискивать; даже съ внѣшней стороны наше положеніе было бы достойнѣе, если бы мы не ставили вопроса о признаніи насъ великой европейской державой въ зависимость отъ нашихъ дипломатическихъ противниковъ, а руководствовались бы въ этомъ случаѣ исключительно нашимъ собственнымъ сознаніемъ, не претендуя на участіе въ переговорахъ европейскихъ державъ, которые не представ-

ляли для Пруссіи ни малѣйшаго интереса, кромѣ удовлетворенія тщеславія и участія въ дѣлахъ, ни мало не касавшихся Пруссіи, какъ это было при заключеніи Рейхенбахской конвенціи.

Современники не понимали, въ чемъ состояли промахи прусской политики въ періодъ съ 1786 по 1806 г. и съ 1842 по 1862 г. и не обвиняли въ нихъ тѣхъ, кого слѣдовало. Только съ обнародованіемъ архивныхъ документовъ и воспоминаній лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ или знавшихъ обстоятельно весь ходъ дѣлъ, общественное мнѣніе получило возможность рѣшить лѣтъ 50—100 спустя, кто былъ виновникъ сдѣланныхъ промаховъ и въ чемъ состояло уклоненіе виновныхъ отъ пути истиннаго. Фридрихъ Великій оставилъ богатое наслѣдіе: сильную власть и вѣру въ прусскую политику и въ могущество Пруссіи. Его преемники, подобно людямъ нынѣшняго новаго курса, пользовались этимъ наслѣдіемъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, не давая себѣ отчета въ недостаткахъ и ошибкахъ своей дѣятельности, являясь только эпигонами своихъ талантливыхъ предшественниковъ. Передъ Іенскимъ сраженіемъ они имѣли еще преувеличенное мнѣніе о своихъ военныхъ и политическихъ дарованіяхъ. Только послѣдовавшій за этимъ разгромъ довелъ дворъ и народъ до сознанія, что управленіе государствомъ было исполнено промаховъ и ошибокъ. Но кто въ этомъ былъ виноватъ, чьи это были ошибки, на кого падала отвѣтственность за этотъ грандіозный и неожиданный погромъ, этого до сихъ поръ нельзя установить съ точностью.

Въ неограниченной монархіи, какова была въ то время Пруссія, за ходъ политики фактически отвѣтственъ только одинъ монархъ, если онъ принимаетъ или одобряетъ какія-либо мѣропріятія, имѣющія роковыя послѣдствія; никто не можетъ сказать, сдѣлалъ ли онъ это по своей собственной инициативѣ или подъ давленіемъ извнѣ, подъ вліяніемъ окружающихъ особъ мужскаго и женскаго пола, адъютантовъ, придворныхъ льстецовъ, политическихъ интригановъ, болтуновъ и наушниковъ. Высочайшая подпись все покрываетъ; какъ она получена—этого никто не знаетъ.

Единственнымъ исходомъ для монарха является возможность возложить отвѣтственность на министровъ, но даже въ томъ случаѣ, когда неограниченная форма правленія смѣняется конституціонною, такъ называемая отвѣтственность министровъ не есть ничто совершенно независимое отъ воли неотвѣтственнаго въ этомъ случаѣ монарха. Разумѣется, министръ можетъ выйти въ отставку, ежели король откажется подписать то, что онъ считаетъ нужнымъ; но, выходя въ отставку, онъ принимаетъ этимъ на себя отвѣтственность за послѣдствія, какія этотъ поступокъ можетъ имѣть относительно другихъ вопросовъ, быть можетъ гораздо болѣе серьезныхъ, нежели данный вопросъ.

Кромѣ того, такъ какъ кабинетъ является учрежденіемъ коллегіальнымъ, то дѣла рѣшаются въ немъ большинствомъ голосовъ, и министру приходится постоянно дѣлать уступки своимъ коллегамъ и входить съ ними въ компромиссы. Въ дѣлахъ же международной политики отвѣтственнымъ является въ дѣйствительности только одинъ министръ, а не анонимная коллегія, въ которой вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ. На рѣшеніе дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ нерѣдко имѣетъ вліяніе ничтожная причина, которая можетъ однако имѣть рѣшающее значеніе, зачастую оно зависитъ отъ тона или отдѣльнаго выраженія, употребленнаго въ какомъ-нибудь актѣ международной политики. При малѣйшемъ уклоненіи отъ прямой линіи, можно удалиться отъ нея настолько, что трудно будетъ попасть на прежнюю колею и вернуться къ исходной точкѣ. Соблюдаемая вездѣ служебная тайна скрываетъ отъ насъ обстоятельства, при которыхъ совершилось подобное уклоненіе отъ прямого пути; невозможность установить прагматическую связь событій бываетъ причиною, что какъ только формальная сторона дѣла обезпечена королевскою подписью или утвержденіемъ парламента, глава кабинета, какъ это случалось съ моими предшественниками, начинаетъ относиться совершенно равнодушно къ самой сущности дѣла. Борьба честолюбія и запутанность дѣлъ разныхъ вѣдомствъ вызываетъ у нихъ иной разъ нервныя припадки, какъ это было съ графомъ Бранденбургомъ, или ведетъ къ умственному разстройству, что также случалось.

Трудно сказать, кто отвѣтственъ за нашу политику въ царствованіе Фридриха-Вильгельма IV. Строго говоря, отвѣтственность падаетъ все же на короля, такъ какъ у него не было дѣльныхъ совѣтниковъ, которые могли бы руководить имъ и дѣлами. Онъ принималъ то или другое рѣшеніе, выслушавъ предварительно совѣты не только своихъ министровъ, но и разныхъ другихъ, болѣе или менѣе умныхъ людей, какъ-то своихъ адъютантовъ, личныхъ секретарей и другихъ царедворцевъ. Иной разъ онъ долго обдумывалъ свое рѣшеніе. Часто хуже ничего не дѣлать, нежели дѣлать плохо. У меня никогда не хватало рѣшимости воспользоваться случаемъ, чтобы сдѣлаться министромъ, хотя это представлялось мнѣ неоднократно съ 1852 по 1856 г., когда этотъ монархъ, относившійся ко мнѣ всегда очень любезно, дѣлалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ предложенія, подчасъ въ довольно рѣзкой формѣ, иной разъ даже чуть не принуждалъ меня къ тому; но я не рѣшался настаивать на томъ, чтобы онъ осуществилъ свое обѣщаніе. При его тогдашнемъ взглядѣ на меня, я не имѣлъ бы въ его глазахъ ни малѣйшаго авторитета, а его богатая фантазія оказывалась безсильною, когда ей приходилось перейти въ область практическихъ рѣшеній. Я не былъ достаточно уступчивъ, чтобы вести дѣла въ томъ духѣ, которому я не сочувствовалъ, не имѣя надежды, что у короля хватитъ выдержки и рѣшимости на-

стоять на своемъ. Онъ поддерживалъ и даже поощрялъ несогласія между своими министрами; столкновения, происходившія между Мантейфельемъ, Бодельшвингомъ и Гейдтомъ, которые постоянно враждовали между собою, были пріятны королю и служили какъ бы вспомогательнымъ средствомъ въ той мелкой партизанской войнѣ, въ которой сталкивались вліяніе короля съ вліяніемъ его министровъ. Мантейфель совершенно сознательно терпѣлъ вмѣшательство въ дѣла королевскихъ любимцевъ: Герлаха, Рауха, Нибура, Бунзена, Эдвина Мантейфеля; его политика имѣла скорѣе оборонительный характеръ, онъ не преслѣдовалъ какой-нибудь определенной цѣли; заручившись королевской подписью, онъ тотчасъ успокоивался. Однако же абсолютизмъ имѣетъ то преимущество, что монархъ сохраняетъ при немъ сознаніе ответственности за свои поступки. Гораздо опаснѣе конституціонная система правленія, если она опирается на услужливый парламентъ, такъ какъ королевская власть не нуждается тогда ни въ какомъ оправданіи кромѣ указанія, что всѣ ея дѣйствія утверждены большинствомъ голосовъ.

Послѣ Крымской войны, слѣдующимъ благопріятнымъ для нашей политики моментомъ могла быть италіанская война. Я не думаю конечно, чтобы король Вильгельмъ, будучи въ 1859 году еще регентомъ, рѣшился внезапно перейти отъ своей тогдашней политикѣ къ той, которой онъ слѣдовалъ при возстановленіи Германской имперіи. Если судить о тогдашнемъ положеніи дѣлъ по тому, какъ держалъ себя министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шлейницъ при заключеніи договора съ Австріей въ Теплицѣ и когда Пруссія отказалась признать самостоятельность Италіи, то естественно можетъ возникнуть сомнѣніе, можно ли было заставить регента дѣйствовать такъ, чтобы прочія державы могли разсчитывать на помощь Пруссіи не иначе, какъ за уступки съ ихъ стороны по отношенію къ политикѣ нѣмецкаго союза.

Въ 1859 г. регентъ, подъ вліяніемъ своей супруги и прессы былъ готовъ принять участіе въ италіанской войнѣ. Случись это, война, начатая между Франціей и Австріей, превратилась бы въ франко-прусскую войну на Рейнѣ. Россія, горѣвшая еще въ то время ненавистью къ Австріи, сдѣлала бы противъ насъ только демонстрацію, Австрія же, увидавъ, что мы заняты войною съ Франціей, имѣя всѣ преимущества на своей сторонѣ, взвѣсила бы, до какихъ поръ намъ можно разрѣшить побѣду.

На шахматной доскѣ Европы Германія была въ то время тѣмъ же самымъ, чѣмъ была Польша во времена Тугута. По моему мнѣнію, намъ слѣдовало продолжать вооруженіе арміи и предъявить Австріи ультиматумъ, заявивъ что она должна либо согласиться на наши требованія въ національномъ вопросѣ, либо ожидать нападенія. Фикція вѣчной преданности «Германіи» на словахъ, а не на дѣлѣ, вліяніе

принцессы и ея министра Шлейница, преданнаго Австріи, и обычное фразерство парламента, союзовъ и прессы мѣшали регенту обсудить положеніе дѣлъ его яснымъ, здравымъ умомъ, а среди окружающихъ и ближайшихъ къ нему политическихъ дѣятелей не нашлось человѣка, который разъяснилъ бы ему всю пустоту этихъ словоизверженій и выяснилъ бы ему требованія здоровой нѣмецкой политики. Регентъ и его тогдашній министръ вѣрили въ справедливость изреченія: *il y a quelqu'un, qui a plus d'esprit que Monsieur de Talleyrand, c'est tout le monde. Tout le monde* у нужно однако слишкомъ много времени, чтобы стать на настоящую точку зрѣнія; обыкновенно бываетъ такъ, что моментъ, въ который это сознаніе могло бы принести пользу—упущенъ, когда *tout le monde* догадается, что слѣдовало сдѣлать въ данномъ случаѣ.

Вильгельму I, сначала какъ регенту, а затѣмъ какъ королю, надобно было испытать всю внутреннюю борьбу партій, надобно было убѣдиться въ томъ, что его министры не только не были въ состояніи сдѣлать его подданныхъ довольными и счастливыми, но даже не были способны повиноваться ему и осуществить тѣ цѣли, которыхъ онъ добивался при выборахъ и въ парламентахъ, ему надобно было пережить всѣ тревоженія, которыя едва не заставили его отречься отъ престола въ 1862 г., ему надобно было наконецъ пережить датскій вопросъ, чтобы онъ измѣнилъ, благодаря своему здравому смыслу, тѣ взгляды которые онъ имѣлъ на монархію въ 1859 г., и сталъ бы на точку зрѣнія, какой онъ держался въ 1866 г., и чтобы онъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу.

Положеніе министра, руководившаго внѣшней политикой при тогдѣшнемъ крайне затруднительномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, который захотѣлъ бы вести политику холодную и расчетливую, чуждую династической сантиментальности и придворнаго византизма, чрезвычайно осложнялось побочными вліяніями; всего дѣятельнѣе и энергичнѣе сказывалось это вліяніе со стороны королевы Августы и ея министра Шлейница, затѣмъ другихъ особъ королевской фамиліи; имѣла значеніе также и родственная корреспонденція, не говоря уже объ инсинуаціяхъ со стороны враждебныхъ элементовъ при дворѣ, іезуитскихъ органовъ (Нессельроде, Штильфридъ и т. д.), разныхъ интригановъ и вліятельныхъ соперниковъ, каковыми были Гольцъ и Арнимъ, а также со стороны лицъ, не имѣвшихъ особеннаго вліянія, какъ напр. бывшихъ министровъ и членовъ парламента, жаждавшихъ пройти въ министры. Довѣріе короля не было поколеблено ко мнѣ только благодаря особому и вполнѣ искреннему расположенію его къ своему первому министру. Король отправился ко дню рожденія своей супруги (30-го сентября) въ Баденъ-Баденъ, а я поѣхалъ, въ первыхъ числахъ октября, ему на

встрѣчу въ Ютербогкѣ, гдѣ я ожидалъ его въ недостроенномъ и переполненномъ пассажирами третьяго класса и мастеровыми вокзалѣ, въ потемкахъ, сидя на воздухѣ, на опрокинутой тачкѣ. Я искалъ случая увидѣть его величество, желая какъ можно скорѣе успокоить его насчетъ одного выраженія, сказаннаго мною 30-го сентября въ бюджетной комиссіи, которое надѣлало много шума и было передано въ газетахъ хотя не со стенографической точностью, но все же приблизительно вѣрно.

Для людей менѣе озлобленныхъ и не столь ослѣпленныхъ честолюбіемъ, мои желанія были высказаны довольно ясно.

Пруссія, — таково было смыслъ сказаннаго мною, — не можетъ, при ея растянутомъ положеніи, какъ показываетъ бѣглый взглядъ на карту, выносить долѣе одна всю тягость вооруженія, необходимаго для спокойствія Германіи; оно должно быть распредѣлено равномерно на всѣхъ гѣмцевъ. Мы не достигнемъ этой цѣли рѣчами, союзами, рѣшеніями большинствомъ голосовъ, намъ не избѣгнуть серьезной борьбы, которая можетъ быть ведена только кровью и желѣзомъ. Для того чтобы обезпечить намъ въ этомъ случаѣ побѣду, депутаты должны дать королю прусскому наибольшее количество желѣза и крови, чтобы онъ могъ по своему усмотрѣнію положить ихъ на ту или другую чашу вѣсовъ. Я еще ранѣе рѣшительно высказалъ эту мысль съ трибуны въ палатѣ депутатовъ въ 1849 г. по случаю дебатовъ объ амнистіи ¹⁾.

Роонъ, слышавшій мою рѣчь, выразилъ мнѣ на обратномъ пути изъ палаты свое неодобреніе по поводу сказаннаго мною и замѣтилъ, что онъ «не считаетъ подобныя экскурсіи въ область ума» особенно полезными для нашего національнаго дѣла.

Мною руководило желаніе добиться сочувствія депутатовъ къ энергической національной политикѣ и опасеніе возбудить въ королѣ недобріе ко мнѣ и къ моимъ намѣреніямъ, такъ какъ онъ всегда предпочиталъ дѣйствовать осторожно и не былъ поклонникомъ рѣшительныхъ мѣръ. Желая предупредить непріятное впечатлѣніе, которое должны были, по моимъ соображеніямъ, произвести на него отзывы прессы о моей рѣчи, я и отправился ему на встрѣчу въ Ютербогкѣ.

Не малаго труда стоило мнѣ узнать у только что смѣнившейся поѣздной прислуги въ какомъ вагонѣ ѣхалъ король; онъ сидѣлъ совершенно одинъ въ простомъ купѣ перваго класса. Подъ вліяніемъ свиданія съ супругою, онъ былъ мрачно настроенъ, и когда я попросилъ у него позволенія изложить событія, совершившіяся въ его отсутствіе, то онъ прервалъ меня сказавъ:

— Я отлично предвижу, чѣмъ все это кончится. Васъ обезглавятъ

¹⁾ Сравн. рѣчь, произнесенную 22 марта 1849 г. Politische Reden, I, 76.

на Оперной площади, въ Берлинѣ, подъ окнами моего дворца, а вслѣдъ за вами обезглавятъ меня.

Я догадался (и это подтвердили мнѣ впоследствии очевидцы), что во время его восьмидневнаго пребывания въ Баденѣ съ нимъ говорили, съ разными вариациями, на тему: Полиньякъ, Страффордъ, Людовикъ XVI. Когда онъ умолкъ, я отвѣчалъ коротко:

— Et après, sire?

— Да, après, тогда насъ уже не будетъ въ живыхъ! — возразилъ король.

— Да, продолжалъ я, тогда насъ не будетъ въ живыхъ, но мы вѣдь все равно рано или поздно умремъ; можетъ ли быть болѣе достойная смерть? Защищая ваше величество и права моего монарха я готовъ умереть на эшафотѣ или на полѣ битвы, если и вы, ваше величество, запечатлѣте своею кровью Богомъ данныя вамъ высочайшія права. Ваше величество не должны вспоминать Людовика XVI; онъ былъ слабъ духомъ при жизни и до самой смерти, и какъ историческая личность не достоинъ подражанія. Но возьмите Карла I, онъ будетъ вѣчно достойнымъ примѣромъ; обнаживъ мечъ въ защиту своихъ правъ и проигравъ сраженіе, онъ не колебался запечатлѣть своею кровью свои королевскія права. Ваше величество не должны отступать передъ борьбою, вы не можете капитулировать, вы должны дѣйствовать рѣшительно, хотя бы это было сопряжено съ опасностью жизни.

Чѣмъ долѣе я говорилъ въ этомъ духѣ, тѣмъ болѣе король оживлялся и входилъ въ роль военнаго, готоваго защищать оружіемъ королевскую власть и отечество. Вильгельмъ былъ всегда удивительно храбръ при видѣ какой-либо внѣшней опасности, угрожавшей ему лично какъ на примѣръ на полѣ битвы или когда на его жизнь были произведены покушенія; во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ держалъ себя такъ доблестно и достойно, что воодушевлялъ своимъ примѣромъ другихъ. Это былъ идеальный типъ прусскаго офицера, который въ виду неминуемой опасности безбоязненно и самоотверженно идетъ на вѣрную смерть по первому приказанію, когда же ему приходится дѣйствовать на свой страхъ, то онъ боится порицанія со стороны начальства и другихъ людей болѣе, нежели смерти, и боязнь получить выговоръ или выслушать порицаніе парализуетъ его энергію и рѣшимость; король былъ яркимъ представителемъ этого типа. До встрѣчи со мною на желѣзной дорогѣ, сидя въ вагонѣ онъ задавалъ себѣ вопросы, въ состояніи ли онъ будетъ удержаться на томъ пути, на который онъ вступилъ со мною, въ состояніи ли онъ будетъ устоять передъ критикой супруги и передъ нападками общественнаго мнѣнія. Эти опасенія разсѣялись подъ вліяніемъ нашего разговора, и онъ взглянулъ на роль, которую ему предстояло играть при тогдашнихъ обстоятельствахъ, съ точки зрѣнія воен-

комъ близкимъ къ царю, уполномоченнымъ до пѣкоторой степени отъ него на вмѣшательство въ его внутренней мѣръ и въ его государственную дѣятельность, или же, наконецъ, совмѣщать въ себѣ и тѣ, и другія качества. Послѣ дѣлаго ряда доказательствъ г. Барсовъ приходитъ къ заключенію, что авторомъ этого посланія былъ епископъ Вассіанъ.

Интересна статья „Существовала ли въ Россіи инквизиція“; въ этой статьѣ авторъ, на основаніи подлинныхъ дѣлъ архива Святѣйшаго Синода, доказываетъ, что инквизиція, въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, въ Россіи никогда не существовало. Что же касается „приказа инквизиторскихъ дѣлъ“ при Петрѣ I, то между западной инквизиціей и этимъ приказомъ „не было ни единой черты сходства ни въ дѣлахъ учрежденія, ни въ размѣрахъ власти, ни въ способахъ дѣйствованія“.

Въ статьѣ „Элементы западничества въ русской народной словесности“ авторъ заявляетъ, что, благодаря изслѣдованіямъ памятниконъ русской словесности, все больше и больше сокращается количество продуктовъ само бытія нашего народнаго русскаго творчества. Одна часть этого количества оказывается непосредственнымъ наслѣдіемъ отдаленной эпохи первоначальныхъ арійцевъ, другая находится въ генетическомъ соотношеніи съ умственнымъ достояніемъ то Византии, то народовъ финскихъ или тюркскихъ; третья — представляетъ много параллелизма и даже тождества съ произведеніями народной словесности современныхъ западныхъ народовъ, не только славянскихъ, но также германскихъ и даже романскихъ. Безусловно самобытными г. Барсовъ признаетъ наши народныя заклинанія.

Не мало очень дѣльныхъ замѣчаній о ненормальной постановкѣ преподаванія въ духовныхъ академіяхъ мы находимъ въ статьѣ „Наша высшая профессиональная духовная школа“, а въ статьѣ „По вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ“ г. Барсовъ высказываетъ мнѣніе, что древніе языки должно изучать не по однимъ только языческимъ, латинскимъ и греческимъ писателямъ, но также — по твореніямъ св. отцовъ древней церкви. Въ гимназіяхъ, какъ извѣстно, читаются Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, Гомеръ, Демосеенъ и т. д. Тѣ же языческіе классики изучаются болѣе подробно и спеціально въ университетахъ и филологическихъ институтахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ учащіеся знакомятся съ античнымъ греческимъ міровоззрѣніемъ, которое въ существенныхъ своихъ чертахъ является прямою противоположностью догматическому и нравственному ученію христіанства.

„Справедливо ли и правильно ли мы поступаемъ, — спрашиваетъ Н. И. Барсовъ, — когда обществу христіанскому предлагаемъ изученіе первоисточниконъ міросозерданія античнаго языческаго и пренебрегаемъ первоисточниками того міросозерданія, которымъ живетъ и которое, по крайней мѣрѣ на словахъ, всѣ признаютъ лучшимъ и истиннымъ? Какая была бы бѣда, если бы ученикамъ на классѣ греческаго языка прочли въ замѣнъ одного или нѣ-

сколькихъ отрывковъ изъ Фукидиды и Геродота соответственное число эпизодовъ изъ Евсевія Кесарійскаго или Феодорита, а вмѣсто одной изъ рѣчей Демосеена — одну или нѣсколько не менѣе ораторскихъ и истинно-ораторскихъ рѣчей Василія Великаго, Златоуста или Григорія Богослова?“

Противъ существующаго мнѣнія, что съ литературной точки зрѣнія, въ отношеніи художественности рѣчи, произведенія авторовъ христіанской древности не могутъ равняться съ античными произведеніями, въ особенности съ произведеніями золотого вѣка греческой литературы, — г. Барсовъ высказывается такъ: „по нашему мнѣнію, это — не болѣе, какъ предразсудокъ. Сочиненія Климента Александрійскаго, Василія Великаго, двухъ Григоріевъ (Богослова и Ниссваго), Астерія Амазійскаго и многихъ другихъ превозносятъ вслѣдствіемъ похвалами именно за ихъ художественно-литературныя достоинства и за изящество греческой рѣчи не только критики христіанскіе, какъ блаж. Геронимъ (въ своемъ „Каталогѣ“) и патриархъ Фотій (въ своей „Библіотекѣ“), но и сами творцы возрожденія классицизма, Эразмъ и Рейхлинъ. То, что мы говоримъ здѣсь о греческихъ христіанскихъ писателяхъ, — продолжаетъ авторъ, — мы вполне относимъ и къ церковнымъ писателямъ латинскимъ. Отчего на-ряду съ Салластіемъ, Корнелиемъ Непотомъ, Цицерономъ и т. д. въ классѣ латинскаго языка не прочитаютъ тѣ или другіе отрывки изъ Лактанція (сравнительно названнаго христіанскимъ Цицерономъ), Ариобія, Амвросія, Августина („О градѣ Божіемъ“), Иеронима, Гавденція, Хромація?“

Статья „Какъ ивогда пишется критика“ — есть возраженіе рецензенту журнала „Православное Обозрѣніе“, который, разбирая сочиненіе Н. И. Барсова „Исторія первобытной христіанской проповѣди“, не постыдился прибѣгнуть къ безпримѣрной доселѣ въ нашей духовной журналистикѣ брани и пѣкоторымъ, несомнѣннымъ съ истинною критикою, пріемамъ.

Въ воспоминаніи о И. А. Гончаровѣ г. Барсовъ, между прочимъ, приводитъ его мнѣніе о нѣкоторыхъ писателяхъ. Некрасова, казалось мнѣ, — говоритъ профессоръ Барсовъ, — онъ (Гончаровъ) прямо не долюбилъ, о Тургеневѣ высказываться отказывался, критику Бѣлянскаго уважалъ, Л. Толстого любилъ, повидимому, болѣе другихъ писателей и рекомендовалъ мнѣ для классныхъ занятій въ гимназіи эпизоды изъ его „Дѣтства и отрочества“. О Достоевскомъ говорилъ, что онъ мало обрабатываетъ свои сочиненія съ вѣшной стороны, почему въ нихъ мало вѣншей художественности, что онъ слишкомъ спѣшно пишетъ, словно по заказу... Объ Островскомъ Гончаровъ говорилъ, что каждое новое его произведеніе прочитывается немедленно, какъ только оно подвѣситъ, и ждетъ его комедій съ петербургскимъ.

По приведеннымъ статьямъ можно судить, насколько интересна книга г. Барсова; жаль только, что въ ней слишкомъ много опечатокъ, и ихъ одна изъ нихъ не оговорена.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ руб.** — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Медье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки въ разсказѣ о пѣвкахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Живеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; призванныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а ватѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8 рублей**; и съ 1888—1898 по **9 рублей**.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКИЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3 рубля**. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2 рубля**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

І Ю Н Ъ.

1899 годъ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская низинъ въ началѣ XIX в. (Продолж.) Н. О. Дубровинъ..... 481—508 II. О связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ. Сообщ. П. В. Петровъ..... 509—510 III. Изъ записокъ барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. (Продолж.)..... 511—542 IV. Литературно-критическія воззрѣнія А. С. Пушкина (Оконч.) Александръ Залдкнъ..... 543—557 V. Татьяна, Оягинъ и Лейсий. (Къ литературной исторіи Пушкинскихъ типовъ). (Окончан.) В. В. Сиповскій..... 559—580 VI. Памяти В. Г. Васильевского. Акад. Л. Н. Майковъ..... 581—585 VII. Передъ Тильзитомъ. (Всеподданнѣйшія дописанія Е. С. Попова и князя Лобанова-Ростовскаго 1807 г.) (Сообщ. Н. О. Дубровинъ.) 587—596 VIII. Изъ прошлаго. (Воспомин. офицера генералън. штаба о войнѣ 1877—1878 гг.) П. Д. Паренцовъ..... 597—618 IX. Къ біографіи архіепископа Манарія. А. Слезскипскій..... 619—626 X. Представители Россіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ въ 1815 году. (Изъ воспомин.	A. И. Михайловскаго-Данилевскаго). Сообщилъ Н. К. Шильдеръ..... 627—650 XI. Императоръ Александръ I. (Его характеристика по сочин. Н. К. Шильдера). П. 651—670 XII. Изъ воспоминаній стараго педагога. Алечеандръ Овсянниковъ..... 671—693 XIII. Россія и Франція въ 1870 году. (По бумагамъ генерала Флѣри). Перев. В. В. Тимошукъ..... 695—711 XIV. Дѣло объ оскорбленіи Г. Р. Державина почтъ-содержателемъ станціи Лопасни. Сообщ. С. К. Шамбинаго..... 713—715 XV. Записная книжка „Русской Старинѣ“: На 26-е мая. 1899 года. (Стихотвореніе). Ал. Ив. С.—въ. (стр. 558) — Отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ архангельск. губернатору. 11-го февр. 1826 г. Сообщ. І. Блиновъ. (586). — Два письма М. А. Милорадовича — П. А. Сафонову. (694). — Письмо И. И. Дмитриева — къ А. И. Тургеневу. 16 марта 1820 г. Москва (712). Объявленіе о преміи Л. Ф. Пантелѣва (716). XVI. Библиографическ. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ архіепископа Манарія. Грав. И. Хельмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1899.

VI-я книжка „Русской Старинѣ“ вышла 1-го іюня 1899 г.

Библиографическій листокъ.

Къ биографіи А. С. Пушкина. Матеріалы изъ архивовъ и другихъ малоизвѣстныхъ источниковъ. Н. Невзорова, директора С.-Петербургской 7-й гимназіи. Спб. 1899 г. Цѣна 40 к. съ пересылк.

Передъ нами небольшая по объему, но очень интересная по содержанию книга Н. К. Невзорова, содержащая въ себѣ свѣдѣнія о А. С. Пушкинѣ, почерпнутые изъ архивовъ и другихъ источниковъ и впервые появляющіяся въ печати.

На первомъ планѣ напечатана «копія съ брачнаго обыска о желающихъ вступить въ бракъ женихъ X-го класса Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, и о невѣстѣ г-на Николая Афанасіевича Гончарова дочери его дѣвицѣ Наталіи Николаевнѣ Гончаровой».

Эта копія во всѣхъ отношеніяхъ съ точностію снята съ подлиннаго документа (изъ метрической книги), хранящагося въ Москвѣ при Вознесенской, что на Царицынойулицѣ, церкви, гдѣ вѣчались А. С. Пушкинъ и Н. Н. Гончарова. Этотъ брачный обыскъ имѣетъ значеніе, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что указываетъ на рядъ лицъ, участвовавшихъ при заключеніи обыска и совершеніи бракосочетанія; во-вторыхъ, не будучи лишены интереса со стороны формы брачныхъ обысковъ прежняго времени, представляетъ подписи нѣкоторыхъ лицъ въ обыскѣ, отличающіяся своеобразною орфографіей. Женихъ, какъ видно изъ воспроизведеннаго факсимиле брачавшихся и поручителей, подписанъ: «къ сему обыску во всемъ вышеописаномъ ¹⁾ вышеозначенный X-го класса ²⁾ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ». Отецъ невѣсты подписался такъ: «къ сему обыску по невѣстѣ Отецъ ея, Коллегскій Ассессоръ, Николай Афанасіевъ сынъ Гончаровъ, руку приложилъ».

О смерти А. С. Пушкина г. Невзорова, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее: въ метрической книгѣ с.-петербургской церкви Спаса Нерукотвореннаго Образа, что при главныхъ конюшняхъ (нынѣ церковь придворной конюшенной части), за 1837 годъ, въ третьей части объ умершихъ, подъ статьей № 7, въ графѣ: «когда и кто именно померъ» записано слѣдующее: перваго числа февраля ³⁾ скончался Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Титулярный Советникъ Александръ Сергѣевъ Пушкинъ, 36-ти лѣтъ.

Далѣе Н. К. Невзоровъ, привелъ выдержку

¹⁾ Надъ буквою *н* поставлена черточка — знакъ удвоенія.

²⁾ Надъ буквою *с* — такая же черточка.

³⁾ Это число неправильно значится днемъ смерти Пушкина: 1-го февраля происходило отпѣваніе, умеръ же онъ 29-го января.

изъ письма В. А. Жуковскаго на имя С. Д. Пушкина, гдѣ Жуковский, между прочимъ, писалъ: «мы на рукахъ отнесли Пушкина въ гробу въ подвалъ, гдѣ надлежало ему оставаться до отпавленія изъ города», — замѣчаетъ, что, по словамъ старожиловъ, нынѣ служащихъ при церкви, — тѣло Пушкина на время, до перевезенія въ Святые Горы, поставлено было не въ подвалъ, а при входѣ въ церковь, внизу, къ сѣверу, въ особо устроенной комнатѣ, гдѣ въ ту пору хранилась погребальная колесница, на которой привезено было изъ Таганрога тѣло покойнаго императора Александра I; радомъ съ этой погребальной колесницей поставленъ былъ и гробъ Пушкина.

Извѣстно, что тогдашній с.-петербургскій митрополитъ Серафимъ, согласно уставамъ православной церкви, осуждающей соединки, проистекающіе изъ личнаго самолюбія, воспротивился отдаванію при погребеніи Пушкина торжественныхъ почестей, какъ напр.: архіерейскому служенію при отпѣваніи, вынесенію тѣла поэта для отпѣванія въ Исаакіевскій соборъ. Объясненіе этого нежеланія отдать погребальную почесть Пушкину заключается въ господствовавшихъ въ то время взглядахъ на дуэли и самоубійства. Выразителемъ взглядовъ православной церкви на самоубійства и дуэли былъ митрополитъ московскій Филаретъ. Для разъясненія этихъ взглядовъ, г. Невзоровъ приводитъ въ подлинникѣ очень интересное письмо митрополита Филарета по поводу представленія ректора московской духовной академіи съ ходатайствомъ разрѣшить отпѣваніе по обычному православному обряду самоубійцы-студента этой академіи, а также и самое просительное письмо ректора съ резолюціей митрополита Филарета.

Далѣе изъ книги Н. К. Невзорова мы узнаемъ, что въ газетахъ за январь и февраль 1837 года не было никакихъ свѣдѣній о дуэли, болѣзни, отпѣваніи и похоровахъ А. С. Пушкина. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» № 24, отъ 31-го января, въ отдѣлѣ «внутреннія извѣстія» было напечатано: «Вчера, 29-го января, въ 5-мъ часу пополудни скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Русская литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина». Эта краткая замѣтка была перепечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 11, отъ 6-го февраля. Въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду» было напечатано: «Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во двѣтъ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силъ, да и не нужно: всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Неужли въ самомъ дѣлѣ

АРХІЕПИСКОПЪ
МАКАРІЙ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

VII ¹⁾.

Администрація: губернскія учрежденія и отношенія ихъ къ судамъ. — Медленность въ рѣшеніи дѣлъ. — Множество колодниковъ. — Обиліе ничего недѣлающихъ чиновниковъ и недостатокъ работниковъ. — Неудовольствіе, выраженное императоромъ Сенату и мѣры къ искорененію беспорядковъ. — Губернаторы, ихъ злоупотребленія, самоуправство и своеволія. — Стражчіе и прокуроры.

Ближайшее наблюденіе за дѣйствіями ниже-земскихъ и уѣздныхъ судовъ принадлежало губернскимъ правленіямъ, съ губернаторами во главѣ. «Это были почти повсемѣстно просто помойныя ямы. Губернаторъ направлялъ дѣла какъ хотѣлъ; второстепенными дѣлами заправлялъ одинъ совѣтникъ, который въ этомъ же (губернскомъ) правленіи и службу началъ; а мы, всѣ прочіе, подписывали то, что намъ давали подписывать» ²⁾.

Ни губернскій предводитель, ни дворянское собраніе не получало отъ губернскаго правленія не только издаваемыхъ во всенародное извѣстіе указовъ, но даже и тѣхъ, которые входили въ законъ, а между тѣмъ требовали по нимъ исполненія ³⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1899 г.

²⁾ Воспоминанія А. М. Фадѣева. „Русскій Арх.“ 1891 г. № 2, стр. 310.

³⁾ Записка ярославскаго губернскаго предводителя Николая Майкова, 9-го марта 1808 г. Арх. министерства внутреннихъ дѣлъ, департ. Полиціи, дѣло, 1808 г., № 348.

Въ то время служащіе въ губерніяхъ не ставили цѣлью добросовѣстное и честное исполненіе своихъ обязанностей, не выражали стремленія къ общему благу, а заботились лишь о соблюденіи бумажнаго порядка и извлеченіи матеріальныхъ выгодъ. Поэтому суды могли смѣло слѣдовать законопротивнымъ дѣйствіямъ, съ нѣкоторою лишь осторожностью и уступкою части своихъ доходовъ губернскому правленію.

Послѣднее въ такихъ случаяхъ прикрывало всѣ дѣйствія суда и если проситель былъ человѣкъ бѣдный, не имѣвшій возможности подать жалобу въ одну изъ высшихъ инстанцій, то дѣло оставалось многіе годы безъ изслѣдованія и даже прекращалось. Губернское правленіе часто не знало, что дѣлается въ судахъ, такъ какъ суды не заносили многихъ дѣлъ въ списокъ, представляемый въ правленіе. Если же дѣло было важно, по лицамъ въ немъ участвовавшимъ, то, для собственной безопасности, губернское правленіе посылало въ судъ понудительный указъ, цѣль котораго была единственно «торговая». Указъ этотъ заносился въ журналъ губернскаго правленія, приносилъ ему взятку и оставался безъ исполненія, ибо земскій судъ, въ обезпеченіе себя, велъ второй «ложный журналъ своихъ ежедневныхъ по уѣзду дѣйствій, никѣмъ не засвидѣтельствованный и изъ котораго усмотрѣть можно, что ему будто бы некогда было немедленно заняться исполненіемъ предписаннаго». Такихъ понудительно-торговыхъ указовъ посылалось губернскимъ правленіемъ по одному и тому же дѣлу отъ трехъ до четырехъ и всѣ они вознаграждались подарками. Случалось, что губернское правленіе штрафовало членовъ земскаго суда вычетомъ изъ жалованья по 15 или 20 рублей, но судьи возмѣщали эти деньги съ подсудимыхъ.

«Въ образѣ управленія губерніи (Курской), доносилъ кн. Куракинъ¹⁾, не нашелъ я достоюлжной заботливости управляющихъ о народномъ благосостояніи, съ одной стороны по малому вниманію къ дѣламъ просителевымъ, а съ другой—по самоуправію въ отправленіи и рѣшеніи дѣлъ». Въ губернскихъ правленіяхъ по одному и тому же дѣлу составлялись разныя опредѣленія и притомъ одно другому противорѣчившія. Войдя въ стачку съ губернскимъ правленіемъ суды производили денежные взысканія въ свою пользу; употребляли по нарядамъ людей казнѣ принадлежащихъ по хозяйственнымъ своимъ заведеніямъ; брали на свои надобности хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ, не платили за него денегъ и не возвращали его, распоряжались по своему произволу рекрутскими очередями и проч.

«Земскій судъ, писалъ М. Н. Муравьевъ, вмѣсто высокаго и почтеннаго назначенія своего—блюстителя порядка и благочинія въ уѣздѣ—

¹⁾ 20-го февраля 1806 г. Сборникъ собствен. его величество канцелярн, вып. VIII, 155 и 156.

сдѣлался по большей части хозяинъ дерзкій и наглый въ своихъ поборахъ, особенно гдѣ мало помѣщиковъ и болѣе казенныхъ имѣній и оброчныхъ крестьянъ; низкій, подлый и искательный передъ помѣщиками съ уважительнымъ голосомъ, напротивъ того дерзкій передъ бѣднѣйшими и всегда неукротимый и жадный въ своихъ поборахъ.

«Тотъ, который самъ сего не видѣлъ, конечно не повѣритъ сей подлой торговлѣ двухъ исполнительныхъ важнѣйшихъ инстанцій въ губерніи, но не менѣе того, по несчастію, сіе есть истина, которая часто доказывается на опытѣ».

Полнѣйшая безнаказанность чиновничества въ этомъ направленіи разжигала алчность и усиливала страсть къ лихоимству. Изыскивали способы какъ бы сорвать съ кого было можно, изобрѣтались дѣла и привлекались къ отвѣтственности люди ни въ чемъ неповинные. Конечно, эта доля падала преимущественно на людей беззащитныхъ и простой народъ. Таковы, напримѣръ, были всѣ дѣла, извѣстныя тогда подъ названіемъ «п о м е р т в о м у т ѣ л у». По полученіи извѣстія о найденномъ мертвомъ тѣлѣ, судъ тотчасъ же являлся въ ближайшее селеніе и объявлялъ покойника умершимъ насильственной смертью. Начиналось слѣдствіе—и поселяне, для избавленія себя отъ тасканія по судамъ, подносили значительную дань—и тогда давалось ложное показаніе врача, что смерть послѣдовала отъ апоплексіи или перепоя. Судъ разрѣшалъ похоронить тѣло и удалялся къ производству новыхъ злоупотребленій. Если же крестьяне не давали взятки, то ихъ таскали по судамъ и нерѣдко томили въ тюрьмахъ и острогахъ по нѣскольку лѣтъ.

Другою и притомъ постоянною доходною статьею для судовъ, губернскихъ правленій, губернаторовъ и вообще для мѣстныхъ властей была починка дорогъ,—эта тягчайшая повинность для населенія. На починку дорогъ дѣлался нарядъ рабочихъ, часто не соответственный величинѣ имѣнія помѣщика и не разбирая времени года. Распоряженія о починкѣ дорогъ, нарочно, производились въ самую рабочую пору и неисполненіе распоряженій губернскаго начальства могло быть прикрито только взяткою, составлявшею значительный доходъ мѣстныхъ властей.

«Необозримыя пространства, писалъ А. Якубовичъ ¹⁾, малое народонаселеніе, семь мѣсяцевъ слякоти или зимы, глинистая почва (не говоря о злоупотребленіяхъ)—суть уже непреодолимые препятствія. За пятьдесятъ и болѣе верстъ, во время пахоты, собираютъ на работы. Сколько рукъ отнимаютъ отъ сохи затѣмъ, чтобы труды осенью истребила весна, а весенніе—осень. Съ тѣхъ поръ, какъ введенъ новый

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ императору Николаю 28-го декабря 1825 г. Госуд. Арх. I.

образъ разрабатыванія дорогъ, сообщенія стали затруднительнѣе и Россія въ общемъ итогѣ потеряла десятую часть всего рабочаго скота, не говоря о капиталѣ и трудахъ».

Не было никакой справедливости и порядка въ распредѣленіи дорожной повинности между помѣщиками и поселянами; ближайшія къ мѣсту починокъ несли тяготу, а отдаленнѣйшіе и тѣ, которые были въ силахъ откупиться, оставались покойными. Никто не слѣдилъ за правильностію нарядовъ, и губернаторы, «безпечные во всемъ, что касается исполненія своихъ настоящихъ обязанностей», часто дозволяли себѣ самоуправство, «исполняемое только слабѣйшими и бѣдными»; исправники слѣдовали ихъ примѣру, отчего и происходило совершенное неуваженіе приказаній исполнительской власти ¹⁾.

Въ разговорѣ съ арестованнымъ П. Коховскимъ, императоръ Николай I спросилъ, отчего онъ не писалъ императору Александру I объ извѣстныхъ ему неурядицахъ?

— Многие, очень многие писали, отвѣчалъ онъ, но не внимали имъ.

«Хорошо не упомяну, говорилъ П. Коховскій ²⁾, кажется въ Ярославлѣ, дворяне, отягощенные губернаторомъ частыми перемѣнами, вводимыми имъ для исправленія дорогъ, въ проѣздъ государя, прийдя представляться его величеству, хотѣли подать просьбу, отъ всего сословія, на притѣсненія, сдѣланныя губернаторомъ. Губернаторъ зная то, предупредилъ государя, что дворяне будутъ на него жаловаться за усилія, сдѣланныя имъ для исправленія дорогъ. Императоръ выйдя къ дворянамъ изволилъ сказать: «Я благодарилъ вашего губернатора за примѣрную исправность дорогъ; онъ сказалъ мнѣ, что вы ему въ томъ много содѣйствовали и мнѣ пріятно изъявить вамъ мою благодарность».

«Что оставалось дворянамъ? молчать, терпѣть и кланяться! Сіе происшествіе довольно вездѣ извѣстно. Генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ былъ тогда въ вояжѣ съ его величествомъ и долженъ хорошо знать сей случай».

Дорожная повинность была одною изъ самыхъ тяжелыхъ и давала всѣ способы земскому начальству къ притѣсненію какъ дворянъ, такъ и казенныхъ крестьянъ. Губернаторы часто давали новое направленіе дорогамъ, по ихъ мнѣнію болѣе удобное, но приводить ихъ проекты въ исполненіе было крайне разорительно для населенія. Сколько тысячъ верстъ было изрыто и перерыто въ Россіи, и часто въ лѣтніе мѣсяцы

¹⁾ Записка М. Н. Муравьева императору Николаю. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 111.

²⁾ Въ письмѣ генераль-адъютанту Левашеву 24-го февраля 1826 г. Государств. Арх. I.

земледѣльцы отрывались отъ полевыхъ работъ для проложенія и починки дорогъ, а нивы ихъ въ это время пустѣли.

Такое нерадѣніе къ общему благу и безпечная жизнь чиновничества были причиной того, что вообще всѣ дѣла рѣшались очень медленно и десятки лѣтъ лежали неисполненными.

— Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію, — говорилъ преосвященный Амвросій, приводя къ присягѣ судей ¹⁾, — тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величіями, кои поражаютъ воображеніе; мечтами величія, вежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели. Что слышимъ мы? Чтобы поддержать свое мѣсто, чтобы содѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобы гремѣть своимъ именемъ, чтобы быть чиновначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облекаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои бы непрестанно воскурятъ кадило самоугодію, надлежитъ обиловать серебромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться! А добродѣтель?—О! вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею?—Когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта, быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдатель за всѣми столами, не опускать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ (знакомымъ) посѣщеніе. А дѣла служенія общественнаго?—Ихъ можно утверждать именемъ власти и не читавши. А творить судъ и милость?—Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни или уваженія свѣта. Но обиженные вопіютъ о правосудіи?—Пусть вопіютъ они; вопли ихъ можно заглушить силою власти. Но притѣсенные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія, слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять яко воскъ?—Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бѣ намъ было весело, говорятъ, въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство объиметь, наконецъ, неправды твои и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея?—Пусть требуетъ оно; можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ краскахъ, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣтами правды. Но совѣсть, яко стражъ не дремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою?—О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ! Но Богъ, передъ очами котораго в с я н а г а и откровенна? — Онъ милосердъ!

¹⁾ 17-го января 1815 г. „Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія“. Изд. 1856 г. стр. 270—272.

На милосердіе Божіе рассчитывали тѣ, которые были гораздо виновнѣе и преступнѣе многихъ томившихся въ тюрьмахъ и ожидавшихъ ихъ рѣшенія. Проходили многіе годы, заключенные старились, теряли здоровье, прежде чѣмъ выходили изъ тюремъ оправданными или оставленными въ подозрѣніи. Виновниковъ въ ихъ горькой участи никогда не оказывалось. Дворянство, послѣ трехъ лѣтъ службы, уходило не сдавая дѣлъ вновь выбраннымъ, и нерѣшенные дѣла оставались забытыми, даже и высочайшіе указы неисполненными.

«Всемиловѣйшій государь! писала въ 1823 году вдова генераль-маіора Чесменскаго. Два года искала я правосудія отъ всюду, отъ нижней инстанціи до высшаго правительства въ государствѣ, но нигдѣ не обрѣла его. Вездѣ знатность и богатство возвышаютъ голосъ, а законы молчатъ... Два года я ищу правосудія и, съ высочайшимъ твоимъ указомъ въ рукѣ, взываю объ исполненіи онаго! Меня влекутъ отъ одной инстанціи къ другой, даже до Правительствующаго Сената. Здѣсь ожидала я конца моимъ страданіямъ, но тщетно! Послѣ двухъ-лѣтнихъ притѣсненій, прошедши длинную лѣстницу мытарствъ судебныхъ и достигши высшей степени, меня опять свергаютъ внизъ, чтобы снова начать мое несчастье...

«Но если вашему императорскому величеству угодно будетъ дѣло сіе, по существу своему никакимъ спорамъ не подверженное, подвергнуть еще разбирательству, то дерзаю просить единственной милости, — зная силу и богатство враговъ моихъ, — предоставь оное разсмотрѣнію такой довѣренной особы, къ какой вліяніе знатности и богатства приступить не смѣютъ. Таковымъ весь свѣтъ чтитъ тайнаго совѣтника М. М. Сперанскаго, друга истины, вельможу правосуднаго, судію нелицемѣрнаго, защитника притѣсняемыхъ и преданнѣйшаго своему всемиловѣйшему монарху».

Такія блестящія единицы были рѣдки въ составѣ тогдашней административной машины. Большинство же было, если не преступно, то лѣнливо и нерадиво. «У насъ весьма мало людей, писалъ графъ С. Р. Воронцовъ гр. Ростопчину ¹⁾, и едва-ли найдется челоуѣка три на всемъ протяженіи громаднаго царства, чтобы приносить пользу и постановить преграду тѣмъ безпорядкамъ, которые проникли во всѣ отрасли управленія и въ особенности въ область правосудія. Когда остановишься на этой послѣдней мысли, то просто содрогаешься».

Виленскій губернаторъ (впослѣдствіи графъ) Л. Л. Беннигсенъ по нѣскольку мѣсяцевъ не давалъ рѣшенія по дѣламъ, уже оконченнымъ и требовавшимъ лишь нѣсколькихъ словъ резолюціи. «Онъ, какъ иностранецъ, доносилъ П. Искрицкій ²⁾, — не совсѣмъ знаетъ русскій языкъ и

¹⁾ Русскій Арх. 1872 г. Т. II, стр. 2195.

²⁾ Виленскій губернской уголовныхъ дѣлъ страпчій въ письмѣ къ министру юстиціи отъ 28-го октября 1805 г.

производство дѣлъ по гражданской части. Дѣла, у него производимыя, остаются на отвѣтственности правителя канцеляріи, отъ способности и честности котораго зависитъ и успѣхъ оныхъ».

Пользуясь этимъ, первый департаментъ главнаго виленскаго суда дѣйствовалъ по произволу, присвоивалъ непринадлежація ему дѣла по частнымъ просьбамъ, останавливалъ рѣшенія низшихъ инстанцій и нерѣдко оставялъ безъ наказанія убійцъ. Дѣла 1801—1803 гг., по которымъ содержалось множество заключенныхъ, онъ оставилъ вовсе безъ разсмотрѣнія, а занялся новѣйшими, неважными, но доходными.

Такой же порядокъ былъ и въ другихъ губерніяхъ, и заключенные въ тюрьмѣ за простое бродяжничество или за неимѣніе письменнаго вида, сидѣли въ ней нѣсколько лѣтъ, не получая никакого опредѣленія дальнѣйшей ихъ судьбы. Тюрьмы были переполнены повсюду, арестанты содержались въ ужасномъ видѣ и городничіе, не отпуская имъ положенныхъ денегъ на содержаніе, посылали въ міръ просить милостыню¹⁾.

«Въ московскомъ острогѣ, писалъ гр. Ѳ. В. Ростопчинъ императору Александру I²⁾),—нашелъ я много доказательствъ, что правосудіе мало занимается бѣдными. Тутъ есть по два и по три года забытые люди. Заточеніе оговоренныхъ и свидѣтелей сопрягается съ участіемъ преступниковъ, доколь законное наказаніе сихъ (преступниковъ) не постигнетъ. Нельзя довольно соболѣзновать объ участи человѣческой увѣрять, что лѣнь, корысть и плутовство, по волѣ останавливаютъ, даже уничтожаютъ, силу законовъ и дѣйствіе милосердія вашего и, вмѣсто терпѣнія, надежды и раскаянія, вселяютъ въ души сихъ (несчастливыхъ уже заточеніемъ) отчаяніе, ужасъ, увѣреніе въ неизбежной гибели отъ несправедливости и долговременнаго забытія въ острогѣ. Графъ Гудовичъ³⁾ въ немъ съ пріѣзда своего въ Москву не былъ и, наполня первые дни нѣсколько присутственныхъ мѣстъ бранью и шумнымъ увѣреніемъ, что онъ плутовъ не терпитъ, оставилъ ихъ въ покоѣ...»

По милости этихъ плутовъ тысячи забытыхъ людей томились въ тяжелой неволѣ. При этомъ, на примѣръ, въ Курской губерніи заключенные помѣщались безъ раздѣленія дворянъ отъ простолюдиновъ, больныхъ отъ здоровыхъ, мужчинъ отъ женщинъ. «Преступники содержатся въ самомъ тѣсномъ, темномъ и почти подземельномъ погребѣ съ сильною и нетерпимою тяжестію воздуха». Въ 1803 году, въ Петербургской губерніи, было заключенныхъ въ тюрьмахъ 4845 человѣкъ, изъ которыхъ графъ А. С. Строгановъ, во время ревизіи присутственныхъ мѣстъ, на-

¹⁾ Рапортъ кievскаго прокурора Иличевскаго 7-го октября 1808 г. № 38 Арх. министерства юстиціи, дѣло № 3181.

²⁾ „Русскій Арх.“ 1881 г. Кн. III (1). стр. 216.

³⁾ Генералъ-фельдмаршалъ, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, тогдашній главнокомандующій въ Москвѣ.

шелъ возможнымъ выпустить 4607 человекъ, а оставилъ только 238 человекъ. Императоръ Александръ благодарилъ его за такой человеклюбивый подвигъ ¹⁾. Въ 1804 году въ Вятской губерніи было нерѣшенныхъ дѣлъ 1082 и колодниковъ 781 человекъ ²⁾; въ 1806 году въ Курской губерніи было въ одной палатѣ уголовного суда 609 нерѣшенныхъ дѣлъ, въ числѣ коихъ были дѣла возбужденныя съ 1799 г. «Судя по количеству дѣлъ нерѣшенныхъ, доносилъ кн. Куракинъ ³⁾, и соображая оное съ временемъ поступления ихъ, долженъ сказать, что не нашель я тутъ желаемой дѣятельности и должнаго попеченія въ исполненіи указовъ Правительствующаго Сената». Въ Херсонской губерніи въ 1810 году были нерѣшенные дѣла, начатыя съ основанія губерніи, число которыхъ доходило до 6000 и колодниковъ болѣе 600 человекъ.

«Какъ же къ таковой запущенности дѣлъ, доносилъ прокуроръ ⁴⁾, поступаетъ оныхъ въ нижнія (присутственные) мѣста вновь непрерывно и ежедневно во многомъ количествѣ, и арестантовъ, чему я самъ былъ очевидцемъ, приводилось въ губернской городъ вдругъ въ одинъ день по сто и болѣе человекъ, то судя по безопасности присутственныхъ мѣстъ въ рѣшеніи оныхъ, достовѣрно полагать можно, что число нерѣшенныхъ дѣлъ годъ отъ году будетъ усугубляться и тѣмъ успокоеніе тяжущихся, подсудимыхъ и содержащихся встрѣтитъ не токмо затрудненіе, но и самую невозможность». Херсонская палата уголовного суда доносила въ свое оправданіе, что для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ она собирается даже по субботамъ, хотя день этотъ по генеральному регламенту означенъ свободнымъ. Она говорила, что не успѣваетъ въ рѣшеніи дѣлъ потому, что писать некому, что нѣтъ приказныхъ, которые часто «въ здѣшнемъ краю болѣютъ». Тѣ же, «кои сколько-нибудь получаютъ навыкъ въ письмоводствѣ, по малому жалованью уходятъ, опредѣляясь на выгоднѣйшія мѣста» ⁵⁾.

Лица, не относившіяся безучастно къ такому положенію дѣлъ, должны были принимать суровыя и строгія мѣры. «Губернское правленіе, писалъ М. М. Сперанскій ⁶⁾, къ маю мѣсяцу будетъ очищено отъ несмѣтнаго количества дѣлъ—несмѣтнаго потому, что въ самомъ дѣлѣ и числа ихъ не знали. Земскіе суды вымету и вычищу при себѣ въ каждомъ городѣ и такимъ образомъ надѣюсь все поставить au courant».

¹⁾ Рескриптъ графу Строганову 11-го августа 1803 г. Арх. Сената.

²⁾ Арх. мин. юстиціи, дѣло 1808 г. № 4271.

³⁾ 20-го февраля 1806 г. Сборникъ собствен. его величества канцеляріи, вып. VIII, 158.

⁴⁾ Отъ 22-го марта 1811 г. Тамъ же, дѣло № 2963.

⁵⁾ Представленіе херсонской палаты министру юстиціи отъ 10-го іюня 1811 г. № 1366. Арх. мин. юст., дѣло № 2963.

⁶⁾ Въ письмѣ А. А. Столыпину 20-го марта 1817 г. изъ Пензы. „Русскій Арх.“ 1870 г. Т. II, стр. 1130.

На сколько велико было небреженіе къ службѣ и обязанностямъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: 28-го іюня 1811 года министръ полиціи объявилъ высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ опредѣленія владимірскаго губернскаго правленія по просьбѣ крестьянъ помѣщицы Балакиревой, на неправильное рѣшеніе. Высочайшая воля объявлена была Сенату 4-го іюля; вѣдѣніе въ московскій Сенатъ отправлено только 20-го іюля и получено тамъ 1-го августа. Въ общемъ собраніи московскаго Сената оно доложено 9-го августа, передано въ VI департаментъ 28-го августа, заслушано тамъ 31-го августа; указы владимірскому губернатору и губернскому правленію посланы только 21-го сентября и получены 11-го октября. До 20-го октября крестьяне не знали еще о результатахъ своего прошенія и такимъ образомъ четыре мѣсяца было употреблено только на то, чтобы высочайшее повелѣніе могло изъ Петербурга достигнуть до Владимира ¹⁾.

Такое небреженіе къ дѣламъ въ высшемъ учрежденіи, какимъ былъ Сенатъ, обращало на себя вниманіе императора. «Просматривая вѣдомости, доставленныя мнѣ изъ губерній о состояніи дѣлъ, писалъ онъ генераль-прокурору Беклешеву ²⁾, о числѣ колодниковъ и количествѣ недоимокъ, нахожу, что во многихъ изъ нихъ (губерніяхъ) содержатся долговременно колодники по дѣламъ, давно уже внесеннымъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената; что недоимки отъ многихъ лѣтъ остаются безъ взысканія, потому что на представленія присутственныхъ мѣстъ нѣтъ отъ него (Сената) разрѣшенія. Сіе коснѣніе высшаго мѣста даетъ примѣръ и предлогъ къ медленности судамъ ему подвластнымъ, а потому и поручаю вамъ обратить на дѣла сіи особое ваше вниманіе, и, приказавъ ихъ поспѣшнѣе приготовить, предложить къ разсмотрѣнію и рѣшенію Правительствующаго Сената».

Для насъ, потомковъ, рескриптъ этотъ остался свидѣтелемъ какъ не исполнялась воля императора, который принужденъ былъ и послѣ того неоднократно повторять свои требованія о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ. Въ 1808 году Александръ объявилъ Московскому Сенату свое неудовольствіе и повелѣлъ общему собранію собираться по средамъ для рѣшенія дѣлъ и послѣ обѣда. Двумъ же департаментамъ VII и VIII приказано было рѣшать непремѣнно отъ 8-ми до 10-ти апелляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю ³⁾.

Если обвиненіе Сената въ медленности рѣшеній и можно считать справедливымъ, то въ оправданіе низшихъ инстанцій можно сказать, что онѣ были обременены перепиской часто ненужной и бесполезной.

¹⁾ Арх. министерства юстиціи, дѣло № 3639.

²⁾ Отъ 9-го октября 1801 г. Арх. Сената.

³⁾ Записки И. В. Лопухина. „Русскій Арх.“ 1884 г., № 1, стр. 143.

Напримѣръ, земскій судъ, кромѣ сношеній съ равными себѣ мѣстами, получалъ предписанія и указы: отъ уѣзднаго суда, губернскаго правленія, гражданской, казенной и уголовной палатъ; отъ генераль-губернатора, гражданскаго губернатора и изъ Сената. Чтобы только отвѣчать на всѣ полученныя имъ требованія, надо было много времени, а исполнять ихъ и свои текущія дѣла было почти невозможно. Поэтому въ каждомъ судѣ изъ-года-въ-годъ оставалось нѣсколько сотъ дѣлъ не рѣшенныхъ. Все это побудило императора Александра предложить Сенату ¹⁾ принять мѣры къ сокращенію и облегченію дѣлопроизводства, но предложеніе это долгое время оставалось безъ всякаго исполненія и дѣла по-прежнему тянулись до безконечности.

Въ апрѣлѣ 1802 года московскій военный губернаторъ генераль-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ донесъ императору, что въ одной московской гражданской палатѣ накопилось болѣе 800 дѣлъ и что дѣла, поступившія въ 1797 году, далеки еще отъ очереди. Онъ просилъ объ усиленіи состава гражданской палаты ²⁾. Это было въ то время, когда въ большей части присутственныхъ мѣстъ было непомѣрное число чиновниковъ, которые, впрочемъ, только числились, но ничего не дѣлали. Для такихъ лицъ было изобрѣтено особое названіе «состоящихъ при разныхъ должностяхъ».

— Какъ при разныхъ должностяхъ, когда я ничего не дѣлаю?— спрашивалъ удивленный этимъ названіемъ С. П. Жихаревъ своего сослуживца по иностранной коллегіи В. А. Полѣнова.

— Да и другіе тоже ничего не дѣлаютъ,—отвѣчалъ спокойно Полѣновъ,—и есть между нами тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, а камеръ-юнкеровъ и много.

«Принялъ я въ 1808 году мѣсто, пишетъ В. Н. Геттунъ ³⁾, предложенное мнѣ министромъ удѣловъ графомъ Гурьевымъ, секретаря по общему присутствію департамента удѣловъ. Но, находясь въ сей должности около году времени, я почти ничего не дѣлалъ: ибо помощникъ мой все, безъ всякаго труда, успѣвалъ одинъ обработывать, а я только, гдѣ нужно, руку свою прикладывалъ и отъ нечего дѣлать рано выходилъ изъ департамента бродить на бульварахъ».

Въ канцеляріи попечителя Московскаго университета Кутузова было четыре чиновника, изъ которыхъ правитель канцеляріи Облеуховъ и помощникъ его Волоцкой, сыновья богатыхъ родителей, приходили къ Кутузову когда имъ было угодно и, поговоривъ съ нимъ, расходились

¹⁾ Указъ Сенату 24-го іюля 1801 г.

²⁾ Указъ Сенату 12-го апрѣля 1802 г.

³⁾ „Историческій Вѣстн.“ 1880 г., № 3, стр. 482.

въ разныя стороны. Все дѣло лежало на двухъ чиновникахъ—М. П. Третьяковѣ и Матвѣевѣ ¹⁾).

«Я все еще числюсь, писалъ графъ Рибопьеръ ²⁾, въ канцеляріи (князя Чарторыжскаго), но вмѣсто того, чтобы работать, едва нахожу себѣ мѣстечко среди 34-хъ лицъ, состоящихъ при его сіятельствѣ». Многие изъ нихъ не знали какъ открываются двери въ иностранную коллегію; исключая дежурства весь этотъ народъ не зналъ никакой другой службы ³⁾. Эти лица, сами ничего не дѣлая, мѣшала и другимъ. Они причислялись къ разнымъ канцеляріямъ, чтобы получать чины, но въ сущности были люди неспособные, которые, оставаясь безъ всякихъ занятій, проводили праздную жизнь и въ большинствѣ случаевъ были коноводами въ разныхъ беспорядкахъ по городамъ. По произведенной ревизіи, въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи, сверхъ штатныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, было приписано 26 оберъ-офицерскихъ дѣтей и 190 дворянъ изъ недорослей ⁴⁾ и 123 человекъ разночинцевъ — всего 339 человекъ ⁵⁾.

— Сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ,—говорилъ Н. М. Карамзинъ,—сколько чиновниковъ ненужныхъ! ⁶⁾

А между тѣмъ дѣла оставались нерѣшенными за недостаткомъ знающихъ и добросовѣстныхъ исполнителей. «Опредѣленное число приказныхъ по присутственнымъ мѣстамъ, доносилъ П. Обресковъ ⁷⁾, а наипаче (по) губернскому правленію, въ соображеніи множества дѣлъ, крайне недостаточно, и жалованіе, по возвысившимся цѣнамъ на всѣ необхо-

¹⁾ Воспоминанія М. П. Третьякова. „Русская Старина“ 1892 г., № 7 стр. 128.

²⁾ 2-го (14-го) апрѣля 1802 г. „Рус. Арх.“ 1877 г., т. I, стр. 496

³⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля ч. II, 16.

⁴⁾ Объ одномъ изъ такихъ недорослей сохранилось интересное рекомендательное письмо И. П. Архарова, писанное къ пріятелю: „Любезный другъ Петръ Степановичъ! Добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дурачкѣ; запиши его въ свою канцелярію и при случаѣ не оставь наградить чинкомъ или двумя, если захочешь—мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стоитъ; да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей“. Вслѣдствіе такой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина („Русскій Арх.“ 1891 г., № 1, стр. 179, Приложение).

⁵⁾ Всеподд. рапортъ сенатора Рунча 11-го марта 1806 г. Арх. минист. юстиціи, д. № 4110.

⁶⁾ „Русск. Арх.“ 1870 г., т. II, стр. 2306.

⁷⁾ 24-го іюня 1810 г. Сборникъ собствен. Его Величества канцеляріи, выш. VIII, 173.

димые къ существованію запасы, такъ мало, что нѣтъ возможности имѣть людей съ достаточною въ дѣлахъ способностью».

По словамъ того же П. Обрескова, по недостаточности содержанія, не было чиновниковъ, желавшихъ служить въ Пермской и Вятской губерніяхъ. «Отчего происходитъ, что чиновника неспособнаго или подозрительнаго, начальство довольствуется переводомъ только въ другой уѣздъ, вмѣсто отрѣшенія, или просто увольненія отъ службы ¹⁾».

Въ 1808 году, въ теченіе долгаго времени въ Псковской губерніи не было предсѣдателя уголовной палаты, а въ губернскомъ правленіи недоставало многихъ членовъ, отчего, доносилъ А. Поликарповъ ²⁾, «дѣлается великое затрудненіе въ теченіи дѣлъ, а особливо въ уголовной палатѣ; я нигдѣ такого числа подсудимыхъ не видалъ».

Поликарповъ ошибался: въ Новгородской, Тверской и Ярославской губерніяхъ было то же самое. По заявленію генералъ-губернатора этихъ трехъ губерній, принца Георгія Ольденбургскаго, запущенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ было столько, что, при наличномъ составѣ судовъ, онъ не видѣлъ возможности искоренить существующее зло.

«Я сужу, писалъ принцъ ³⁾, что не только настоящіе члены нижнихъ въ Новгородской губерніи судовъ не могутъ окончить запущенныхъ дѣлъ, но и отъ тѣхъ, которые заступаютъ ихъ, при новыхъ выборахъ, не болѣе ожидать можно успѣха. Достоверно полагать можно, что число нерѣшенныхъ дѣлъ будетъ годъ-отъ-году усугубляться».

Чтобы установить хотя нѣкоторый порядокъ и отвѣтственность за небреженіе, принцъ Ольденбургскій предлагалъ:

1) При новыхъ выборахъ удерживать прежнихъ членовъ уѣздныхъ и земскихъ судовъ для окончанія старыхъ и запущенныхъ дѣлъ. Такою мѣрою «накажутся тѣ самые, кои, должнымъ усердіемъ и дѣятельностью, довѣренности къ нимъ дворянства не оправдали, и самое справедливое имъ наказаніе будетъ то, чтобы они окончили дѣла свои и принятыя на свою отвѣтственность отъ ихъ предмѣстниковъ».

2) Оставляемые для окончанія дѣлъ члены суда должны составлять временные суды, и тѣмъ послѣднимъ который изъ нихъ окончить запущенныя дѣла, тѣмъ скорѣе будетъ освобожденъ.

3) Такъ какъ положенное по штатамъ жалованье должны получать вновь избранные чиновники, то назначеніе жалованья членамъ временныхъ судовъ предоставить на усмотрѣніе дворянства.

«Сей примѣръ, добавлялъ принцъ Ольденбургскій, справедливаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 184.

²⁾ Отъ 30-го мая 1808 г. Арх. минист. внутрен. дѣлъ, департ. полиціи, д. № 359.

³⁾ Во всепод. донесеніи 2-го ноября 1809 г. Арх. Сената, копія высочайшихъ повелѣній, кн. 303, листъ 388.

наказанія каждаго тѣмъ, отъ чего кто бѣгаетъ, вѣроятно послужить всѣмъ въ наставленіе».

Императоръ Александръ одобрилъ такое мнѣніе и приказалъ привести его въ исполненіе. «Приложеніе сихъ мѣръ, сказано въ указѣ принцу ¹⁾, не только къ Новгородской но и къ другимъ управляемымъ вами губерніямъ, если признаете вы то нужнымъ, можетъ принести истинную пользу. Я предполагаю распорядокъ сей обратить даже въ общее для всѣхъ губерній правило, на подобныя сему случаи».

Конечно, при дѣятельности и энергичности губернаторовъ, распоряженіе это могло значительно подвинуть рѣшеніе дѣлъ и ихъ упорядоченіе, но къ сожалѣнію тогдашніе губернаторы сами во многихъ случаяхъ злоупотребляли властью и по своимъ нравственнымъ качествамъ не выдѣлялись изъ толпы.

— Званіе губернатора,—говорилъ П. Сумароковъ ²⁾,—важнѣе министра, имъ повелѣвающаго. До послѣдняго можно не имѣть дѣла, никогда съ нимъ не встрѣчаться; напротивъ того, отъ губернатора зависитъ спокойствіе населенія, удовольствіе или неудовольствіе его. Губернаторъ довѣренное лицо вѣщеносца, и милліонъ народа движется по его мановенію.

Въ рукахъ губернатора были судъ и расправа. Отдача подъ судъ зависѣла отъ губернатора, и такъ какъ по недостатку положительныхъ постановленій всегда можно было приискать къ тому поводъ, то большинство чиновниковъ находились въ полной власти губернаторовъ. Неудовольствіе имъ, они подвергались неминуемой гибели, ибо если ихъ и нельзя было обвинить, то временное отрѣшеніе отъ должности и медленность въ производствѣ суда лишало ихъ и семейства дневного пропитанія. Курскій губернаторъ отрѣшалъ чиновниковъ безъ всякаго слѣдствія и даже не требуя отъ нихъ объясненій, многіе губернаторы сажали совѣтниковъ губернскаго правленія на гауптвахты за то, что они не соглашались съ ихъ мнѣніемъ въ рѣшеніи дѣлъ. Это заставляло чиновниковъ быть слѣпыми орудіями губернаторовъ и не только потакать, но и стараться угодить имъ.

«Прочитавъ рапортъ Правительствующаго Сената, писалъ императоръ Александръ ³⁾, по дѣлу произведенному въ первомъ департаментѣ Тамбовской палаты суда и расправы о чиновникахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ той губерніи, преданныхъ суду бывшимъ губернаторомъ дѣйств. ст. сов. Бахметевымъ за взятки, упущенія и разныя зло-

¹⁾ Отъ 14-го ноября 1809 г. Тамъ же, листъ 390.

²⁾ Въ своей запискѣ. Тамъ же, дѣло № 84.

³⁾ Въ указѣ Сенату 1-го августа 1801 г. Архивъ Сената, именныя указы, кн. 241.

употребленія, съ удивленіемъ усмотрѣли мы, что тотъ самый губернаторъ, который, чиновниковъ сихъ отрѣша отъ должностей, подвергъ сему осужденію, согласился съ рѣшеніемъ палаты, по произведенному изслѣдованію, не нашедшей ихъ виновными въ доносимыхъ преступленіяхъ. Поступокъ таковой, обнаруживая злоупотребленіе власти и прихотливое ея обращеніе на выслугу себѣ, съ отягощеніемъ судьбы людей, по званію губернатора особенному вниманію и попеченію его вѣранныхъ, хотя бы и заслуживаль надлежащее по законамъ взыскаііе, но какъ Бахметевъ отъ службы уже отставленъ, то мы и ограничиваемся только тѣмъ, чтобъ поставить сіе дѣяііе его на замѣчаніе Правительствующаго Сената, для предостереженія и другихъ отъ подобныхъ поступковъ».

Такимъ образомъ соединеніе въ губерніи власти исполнительной вмѣстѣ съ судною порождало большое зло, и у честнаго человѣка часто отнималась всякая возможность не слѣдовать общепринятой въ губерніи порочной службы.

Злоупотребленія въ губерніяхъ были такъ велики, что, по словамъ М. Н. Муравьева ¹⁾, могли показаться неимовѣрными, и сдѣленіе зла было такъ сильно, «что и самыя ясныя дѣла, не могуція, какъ кажется, подвергнуться лицепріятію, служатъ довольно часто самыми богатыми источниками дохода нижнимъ и верхнимъ властямъ въ губерніи».

По свидѣтельству Н. М. Карамзина, большая часть губернаторовъ были люди безъ способностей или грабители, безъ совѣсти наживавшіеся и дававшие наживаться своимъ секретарямъ. «Не выѣзжая изъ Москвы, говоритъ онъ ²⁾, мы знаемъ, что въ такой-то губерніи начальникъ глупецъ и весьма давно; въ такой-то—грабитель и весьма давно. Слухомъ земля полнится, а министры не знаютъ того, или знать не хотятъ».

Министры знали, но при всеобщемъ пороѣ, отсутствіи нравственности и воспитанія откуда было взять людей?

«Вашему величеству, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей ³⁾, извѣстны тѣ трудности, кои представляются каждый разъ, когда дѣло идетъ о выборѣ губернаторовъ, и трудности сіи, если люди не поставлены будутъ въ надлежащій вѣсъ, отъ времени до времени болѣе будутъ умножаться и вяще правительство озаботятъ».

Происходило это оттого, что на должности губернаторовъ назначались лица «ни наукой, ни опытностію вовсе не приготовленные»

¹⁾ Записка М. Н. Муравьева отъ 23-го января 1827 г. Арх. Государств. Совѣта, дѣла комитета 1826 г., № 111.

²⁾ Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“. „Русскій Архивъ“, 1870 г. т. II, 2336.

³⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ 28-го марта 1806 г. Арх. Государственнаго Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 14.

къ тѣмъ важнымъ государственнымъ должностямъ, которыя они на себя принимали. Случалось нерѣдко, что губернаторами назначались канцелярскіе чиновники изъ министерствъ,—люди безъ всякихъ знаній, безъ воспитанія, безъ способностей, опытности и часто дурной нравственности; губернаторами назначались родственники вельможъ, люди завѣдомо порочные, «коихъ безчестіе служило о нихъ предисловіемъ».

Такіе люди, руководствуясь поговоркою, что не боги горшки лѣпятъ, смотрѣли на жизнь просто, а еще проще и храбрѣе на принимаемыя ими на себя обязанности. Одинъ изъ такихъ прямо говорилъ, что ѣдетъ на губернаторство для уплаты своихъ долговъ; «это слышали министры, но завсѣмъ тѣмъ его опредѣлили и онъ сдержалъ свое слово» ¹⁾. Для такихъ лицъ губернаторство было прекраснымъ источникомъ дохода, ежегодною арендою, которою они и пользовались въ самихъ широкихъ размѣрахъ, живя на счетъ губернскаго населенія.

— Ты утопаешь въ утѣхахъ, говорилъ преосвященный Амвросій обращаясь къ властямъ ²⁾,—мы утопаемъ въ слезахъ, ты пресыщаешься—мы гибнемъ голодомъ; вѣтръ разсѣянія восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ, и сей вѣтръ разсѣянія твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣдъ и страданій. У тебя то столы, то собранія, то веселіе, то праздность; а намъ столы твои стѣяютъ послѣднихъ крупницъ нашихъ; а веселія твои наполняютъ чашу жизни нашей и плачемъ и стenanіемъ! Ты празденъ, а приставники поставленные тобою или тобою управляемые не праздно; они бдятъ, неуспшно бдятъ еже восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои корыстію неправедною.

Эти слова производили впечатлѣніе, пока ихъ слушали, и при всеобщемъ порокѣ скоро забывались.

Несомнѣнно, что и тогда среди губернаторовъ были люди выдающіеся, желавшіе принести посильную пользу и заслужившіе уваженіе и благодарность современниковъ. Къ числу таковыхъ, въ десятыхъ годахъ столѣтія принадлежали, напримѣръ, губернаторы: пермскій—Гермесъ, вятскій—фонъ-Брадке, казанскій—Мансуровъ, нижегородскій—Руновскій и нѣкоторые другіе. Большинство же слѣдовало общему теченію жизни, предано было самоуправству и своеволію.

Кіевскій военный губернаторъ Феньшъ задумалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими гражданами поставить памятникъ св. Владиміру и не спра-

¹⁾ Записки графа Ф. П. Толстого „Русская Старина“ 1873 г., № 2, стр. 125. Записка П. Сумарокова, Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 84.

²⁾ Слова и рѣчи Амвросія. Изданіе Терскова 1856 г., стр. 273.

шивая разрѣшенія, привелъ это въ исполненіе. 15-го сентября 1802 г., въ день коронаціи императора Александра I, памятникъ былъ открытъ, и описаніе торжества открытія было отправлено въ Академію наукъ, для напечатанія въ издаваемыхъ ею «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Препровождая, неизвѣстно почему, министру юстиціи, а не другому кому-нибудь, чертежъ памятника, Феньшъ просилъ его только о томъ, чтобы онъ доложилъ объ этомъ происшествіи императору ранѣе, чѣмъ подробности открытія памятника появятся въ газетахъ. Свидѣтельствуя объ усердіи и преданности всѣхъ жителей къ государю, кievскій военный губернаторъ просилъ о награжденіи нѣсколькихъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ устройству памятника ¹⁾.

«Сколь пріятно мнѣ было видѣть, отвѣчалъ ему императоръ Александръ I ²⁾, знакъ усердія, изъявленнаго кievскими согражданами въ сооруженіи памятника святому и равноапостольному великому князю Владимиру, особенно по уваженію моему къ главной и благочестивой мысли сего памятника,—столько крайне я былъ удивленъ, что о предположеніи семъ отъ васъ предувѣдомленъ не былъ.

«Зданія сего рода, столько сами по себѣ важны, что не могутъ быть начинаемы съ одинаго вѣдома мѣстнаго начальства, и долгъ онаго, весьма, по мнѣнію моему, ясный, есть доносить о нихъ высшему правительству. Я узналъ о семъ единственно изъ отношенія вашего къ бывшему генераль-прокурору ³⁾, на сихъ только дняхъ къ свѣдѣнію моему дошедшаго.

«Поставляя сіе особенно вамъ въ замѣчаніе, я тѣмъ не менѣе отдаю справедливость добродѣтели кievскихъ гражданъ и особливо за назначеніе построить богадѣльню въ пользу страждущаго человечества. Поручаю вамъ изъяснить за сіе мою имъ признательность».

Такимъ легкимъ замѣчаніемъ императоръ ограничилъ своеволие губернатора, несмотря на то, что 12-го августа того же 1802 года послѣдовалъ указъ «о не преступленіи губернаторами предѣловъ власти, назначенныхъ имъ закономъ».

— Чиновники, говорилъ П. Коховскій, облеченные довѣренностію монарха, должны быть неусыпными стражами закона. Одно строгое наблюденіе онаго миритъ гражданъ и водворяетъ спокойствіе. Отсутствие закона и справедливости всегда и вездѣ было причиною бѣдствій народовъ. Ничто столь сильно не оскорбляетъ и не раздражаетъ гражданъ,

¹⁾ Письмо Феньша министру юстиціи 18-го сентября 1802 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ, дѣло № 485

²⁾ Въ рескриптѣ отъ 21-го октября 1802 г. Тамъ-же.

³⁾ Съ образованіемъ министерствъ должность генераль-прокурора перешла къ министру юстиціи.

какъ нарушеніе правъ, данныхъ монархомъ и освѣщенныхъ временемъ. Въ государствѣ подѣ властью самодержавною, часто дѣлыя области страдаютъ не отъ злонамѣренія правителей, въ нихъ поставленныхъ, но отъ неопытности и неблагоуразумія оныхъ.

«Къ намъ опредѣленъ губернаторомъ камергеръ Васильчиковъ, писалъ изъ Новгорода преосвященный Евгений ¹⁾,—человѣкъ 28 лѣтъ отъ роду и ни въ какой статской службѣ не служившій. Таково счастье нашей губерніи: что ни годъ, то губернаторъ, и при мнѣ уже четвертый, но ни одинъ не былъ дѣятельнъ. Думаю, нѣтъ губерніи, которая бы столько запущена была и запутана, какъ наша. Всѣ дѣла чуть-чуть валяются, какъ черезъ колоду...»

Многіе губернаторы «вышли изъ предѣловъ почтенія къ законамъ, оставляя безъ исполненія какъ оныя, такъ и указы Правительствующаго Сената вновь насылаемые», и губернскія правленія были въ совершенной неизвѣстности о распоряженіяхъ правительства. Не радѣя о существенномъ, губернаторы замѣняли дѣло одною формою; главная забота была о томъ, чтобы очистить одну бумагу другою, а не войти въ сущность дѣла.

«Губернаторы, писалъ сенаторъ Ключаревъ ²⁾, съ намѣреніемъ возбуждаютъ доносы, сами дѣлаются доносителями для пристрастныхъ пользъ и тѣснятъ хладнокровно несчастныхъ, погружаясь въ распутство и неблагопристойныя празднества съ пальбою и иллюминаціями, изъ чего ясно обнаруживаютъ народу, что они живутъ и веселятся на счетъ тайныхъ, а часто и явныхъ взятокъ».

По ненависти и мщенію губернаторы возбуждали дѣла черезъ своихъ угодниковъ, тянули ихъ нѣсколько лѣтъ и во все это время держали обвиняемаго въ заключеніи. Если уголовная палата рѣшала дѣло не по желанію губернатора, то онъ не стѣсняясь давалъ предложеніе перерѣшить его. Это вело къ тому, что многіе предсѣдатели палатъ, какъ гражданской, такъ и уголовной, предпочитали составленныя ими по дѣламъ резолюціи приносить губернатору на предварительное разсмотрѣніе и рѣшать по его указанію ³⁾.

Господня гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошпиной карманы начинилъ,

¹⁾ Впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, въ письмѣ къ В. И. Македонцу 3-го апрѣля 1807 г. „Русскій Архивъ“ 1870 г., т. I, 855.

²⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ 15-го апрѣля 1818 г. — „Сборникъ Собственной Е. И. В. канцеляріи“ т. VII, 256.

³⁾ „Сборникъ Собственной Е. И. В. канцеляріи“ вып. VII, стр. 258.

Что онъ законами лишь беззаконье удить;
И безъ наличнаго довода дѣлъ не судить.
Однако хотъ и самъ всей пятерней беретъ
Но вѣщую его супруга дань деретъ ¹⁾.

Эта дань львиною долею поступала къ губернаторамъ не только отъ предсѣдателей палатъ, но отъ судей, полиціймейстеровъ, исправниковъ и вообще отъ всѣхъ уѣздныхъ и земскихъ властей.

Поэтому честные дворяне всѣми средствами уклонялись отъ выборовъ въ судьи и исправники, зная, что они должны платить ежегодно подати губернаторамъ, ихъ секретарямъ, предсѣдателямъ и совѣтникамъ правленій, а для этого обирать народъ, гдѣ можно и гдѣ случай дозволить. Если выбранныя дворянствомъ лица пытались поступать по совѣсти, то не избѣгали гоненій губернаторовъ и даже были предаваемы суду, подъ какимъ-либо предлогомъ. Ихъ мѣста замѣняли люди алчные, безстыдные, не имѣющіе понятіе о чести,—становившіеся всегда самыми близкими людьми губернатора. При содѣйствіи и участіи такихъ лицъ губернаторы заключали незаконные подряды, собирали значительныя суммы и покрывали мракомъ свои незаконныя дѣла.

Пермскій и Вятскій генераль-губернаторъ Модерахъ, былъ человѣкъ опытный и весьма дѣятельный, но при ревизіи губерній въ 1810 году, оказался нелюбимымъ жителями. «Мнѣніе о немъ, доносилъ П. Обресковъ ²⁾, не въ выгоду его относительно собственныхъ расчетовъ, а особливо по связямъ яко бы съ заводчиками. Многолюдное его семейство можетъ быть отчасти причиною нѣкоторыхъ предубѣжденій».

«Орловскій губернаторъ, писалъ графъ Растончинъ ³⁾—бывшій нѣкогда во времена князя Алексѣя Куракина, офицеромъ сенатской ротной команды, есть величайшій негодяй. Коммисары у продажи соли, городничіе и исправники должны ему доставлять каждый по тысячи рублей въ годъ. Негодяямъ дозволяется воровать, потому что никто не наказываетъ».

Нижегородскій губернаторъ Быховецъ, по всеобщей молвѣ, былъ большой взяточникъ. Иркутскій губернаторъ Трескинъ, отданный М. М. Сперанскимъ подъ судъ и лишенный впослѣдствіи чиновъ и дворянства, былъ величайшій грабитель. Супруга его поставила себѣ задачею для каждаго изъ восьми человѣкъ дѣтей собрать по пуду ассигнацій. Бѣлорусскій губернаторъ Сѣверинъ приобрѣлъ «трудами губернатор-

¹⁾ Полное собр. соч. Капниста, изд. 1849 г., стр. 19 п. 20.

²⁾ 31-го іюня 1810 г. Сборникъ собственной его величество канцелярн вып. VIII, 180.

³⁾ Графу Воронцову 7-го сентября 1802 г. „Русск. Арх.“ 1887 г. № 2 стр. 173.

скими» имѣніе въ 400 душъ крестьянъ и былъ впоследствии за вѣрность отставленъ отъ службы ¹⁾).

Гродненскій губернаторъ Кошелевъ, въ 1803 году, былъ удаленъ отъ должности за то, что вмѣстѣ съ таможенными чиновниками покровительствовалъ контрабандѣ. Когда злоупотребленіе это было открыто сотникомъ Алексѣевымъ, то послѣдній былъ отравленъ ²⁾).

Харьковскій губернаторъ Артаковъ подговаривалъ городского голову Урюпина принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ городскихъ поборахъ. Когда Урюпинъ отказался, то Артаковъ, при содѣйствіи двухъ чиновниковъ врачебной управы, объявилъ Урюпина сумасшедшимъ, заключилъ его въ домъ умалишенныхъ, не спрашивая его родственниковъ, отдалъ имѣніе въ опеку посторонняго лица и велѣлъ выбрать другого голову. За такой противозаконный поступокъ Артаковъ 3-го ноября 1803 г. былъ уволенъ отъ службы ³⁾).

Дѣло костромского губернатора Пасынкова имѣло совершенно обратный характеръ. Здѣсь городской голова повиновался губернатору и попалъ подъ судъ за то, что согласился на покупку для купечества дома и на продажу части земли отъ этого дома губернаторской свояченицѣ, которая намѣрена была на украшенномъ окрестными видами мѣстѣ построить увеселительное заведеніе.

Новгородскій губернаторъ Жеребцовъ, въ восьмилѣтнее управленіе губерніею, облагалъ денежнымъ штрафомъ чиновниковъ и оставилъ 11.000 нерѣшенныхъ дѣлъ ⁴⁾).

Курскій губернаторъ Протасовъ открыто хвалился покровительствомъ Н. Н. Новосильцова и въ полномъ смыслѣ безчинствовалъ въ губерніи. Войдя въ соглашеніе съ предсѣдателемъ гражданской палаты Пузановымъ, онъ обиралъ губернію и продавалъ правду за деньги. Откупщики вина были обложены губернаторомъ ежегоднымъ окладомъ по 2.500 руб. съ каждаго города, которыхъ въ губерніи было пятнадцать. Исправники, выбираемые дворянствомъ, какъ люди честные, были смѣняемы и замѣняемы другими, обязанными платить губернатору по 500 рублей ежегодно. Лица эти, выручая деньги для уплаты начальству, не забывали и себя, притѣсняли жителей многочисленными поборами, покровительствовали ворами и грабителямъ. Грабежи въ домахъ и лавкахъ, конокрадство и уводъ лошадей силою, среди бѣла-дня, были дѣломъ обыкновеннымъ, и земская полиція, будучи сама участницею во всѣхъ противозаконныхъ поступкахъ, никогда не задерживала воровъ

¹⁾ „Записки Г. И. Добрынина“ изд. 1872 г. стр. 330.

²⁾ Арх. министер. внутр. дѣлъ.

³⁾ Арх. министер. внутр. дѣлъ.

⁴⁾ „Московскія Вѣдомости“ 1827 г., сентябрь.

и не находила украденнаго. Въ 1804 и 1805 гг. Протасовъ потребовавъ и получилъ отъ Курской городской думы по 3.000 руб. изъ доходовъ ярмарки и въ томъ числѣ 1.000 руб. золотомъ. Осматривая присутственныя мѣста въ г. Рыльскѣ и Обояни, онъ взялъ съ каждаго изъ городскихъ обществъ по 500 руб. и неизвѣстно сколько съ губернскихъ правленій за неправильное производство дѣлъ. Общество города Фатежа просило свести казенныхъ крестьянъ съ прилегающихъ къ городу земель и на удовлетвореніе переселяемыхъ ассигновало 5.000 р. Протасовъ взялъ впередъ 2.000 руб. и не принялъ никакихъ мѣръ къ удовлетворенію просьбы просителей. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ исправникъ Пузановъ, родной братъ предсѣдателя гражданской палаты, соумышленника губернатора, собиралъ съ крестьянъ по 5 коп. съ души на свою свадьбу ¹⁾).

Калужскій губернаторъ Дмитрій Ардалионовичъ Лопухинъ отличался наибольшими безобразіями, это былъ второй Левъ Измайловъ, рассчитывавшій на безнаказанность своихъ поступковъ. Женатый на дочери Шереметева и приходившійся родственникомъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта князю Петру Васильевичу Лопухину, калужскій губернаторъ считалъ себя настолько гарантированнымъ отъ законной кары, что въ злоупотребленіяхъ своею властью положительно не зналъ предѣловъ. Считая себя выше всѣхъ онъ презрительно относился ко всему калужскому обществу и позволялъ себѣ непристойныя выходки. Занявъ у помѣщика и извѣстнаго фабриканта Гончарова 30.000 руб., Лопухинъ обвинилъ его въ запрещенной карточной игрѣ и грозилъ сослать въ Сибирь. Черезъ секретаря же своего Гужева приказалъ сказать, что если Гончаровъ возвратитъ ему вексель, то онъ не назначитъ слѣдствія и не отдастъ его подъ судъ. Когда вексель былъ возвращенъ, то Лопухинъ у того же Гончарова взялъ еще 3.000 рублей.

Съ помѣщика Хитрова за убійство родного брата Лопухинъ взялъ 75.000 руб. и скрылъ преступленіе. Вскорѣ послѣ того онъ призвалъ къ себѣ опять Хитрова, подъ предлогомъ увѣщанія къ добропорядочной жизни, и взялъ съ него 5.000 руб.; по просьбѣ дѣвицы Баберовой приказалъ нижнеземскому суду отобрать у гвардіи прапорщика Гурьева жену, дѣтей и имѣніе. Присутствуя на дворянскихъ выборахъ вмѣшивался въ нихъ и грозилъ, что если будутъ выбраны не тѣ лица, которыхъ онъ желаетъ, то на мѣстахъ долго не останутся. Недовольный городскимъ головою Борисовымъ, отстаивавшимъ интересы города, онъ самовольно лишилъ его званія именитаго гражданина и приказалъ гу-

¹⁾ Записка объ изслѣдованіи вв. Куракинымъ Курской губерніи. Арх. министер. внутр. дѣлъ.

бернскому правленію предать его уголовному суду ¹⁾). Самопроизвольно, безъ суда, отнялъ у помѣщицы Хвостовой имѣніе и отдалъ его своему городничему Батурину; разорилъ чугунный заводъ купца Засыпкина за то, что тотъ не далъ ему взятки; кутилъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ архіереемъ извѣстнымъ Теофилактомъ Русановымъ, выбивалъ окна въ домахъ, мучилъ и жестоко наказывалъ крестьянъ, мѣщанъ и проч. Такихъ уголовныхъ и притѣснительныхъ дѣлъ насчитывалось до 34; но этимъ продѣлкѣ Лопухина не ограничивались. Онъ ѣздилъ въ губернскомъ правленіи верхомъ на раздьяконѣ, приводилъ въ дворянское собраніе публичную женщину, распутствовалъ и такихъ поступковъ неприличныхъ губернатору оказалось болѣе 12. Все это дѣлалось съ полною увѣренностію въ безнаказанности.

Лопухинъ зналъ, что деньги, протекція и покровительство знатныхъ лицъ ²⁾ сильнѣе правительственной власти, сильнѣе закона, что и оказалось на дѣлѣ. Безпрерывные доносы и жалобы на калужскаго губернатора заставили однакоже императора Александра отправить въ Калугу сначала В. Н. Каразина ³⁾, а потомъ Г. Р. Державина. Эта послѣдняя командировка настолько характерна, что необходимо на ней остановиться, какъ на образчикѣ тогдашней администраціи и правосудія.

23-го ноября 1801 года Г. Р. Державинъ былъ потребованъ императоромъ, который поручилъ ему произвести слѣдствіе въ Калужской губерніи и передалъ ему множество доносовъ на Лопухина. Зная, что у послѣдняго есть сильные покровители, и увѣренный, что изъ слѣдствія ничего не выйдетъ, Державинъ прямо высказалъ Александру, что труды его пропадутъ даромъ, онъ наживетъ себѣ новыхъ враговъ и возбудитъ ненависть людей сильныхъ, отъ клеветы которыхъ онъ и такъ страдаетъ.

— Какъ, развѣ ты не хочешь мнѣ повиноваться? спросилъ государь.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Державинъ, я готовъ исполнить волю вашу, хотя бы мнѣ жизни стоило—и правда передъ вами на столѣ семь будеть. Только благоволите умѣть ее защищать; ибо

¹⁾ О послѣдствіяхъ ревизіи въ Калугѣ въ 1802 г. Г. Р. Державиннымъ, статья И. Четыркина. „Извѣстія Калужской ученой архивн. комисіи“ 1895 г. № 4, стр. 23 и 24.

²⁾ Насколько сильны были тогда протекція и покровительство — видно изъ слѣдующаго. Сынъ фельдмаршала князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, бывший въ то время членомъ Государственнаго Совѣта сказалъ однажды А. М. Фадѣеву, „что у тогдашнихъ министровъ скорѣе можетъ добиться опредѣленія къ должности какой либо негодяй, посредствомъ камердинеровъ черезъ подкупъ, нежели порядочный человѣкъ по рекомендаціи отца его“. „Русск. Арх.“ 1891 г. № 2, стр. 305.

³⁾ „Извѣстія Калужской ученой Арх. Комис.“ 1893 г., выпускъ III, 8.

всѣ дѣла дѣлаются черезъ бояръ. Екатерина и родитель вашъ бывали ими безпрестанно обмануты, такъ что я, по многимъ порученіямъ отъ нихъ, хотя все, что честь и вѣрность требовали, дѣлалъ, но правда всегда оставалась въ затменіи, и я презираемъ.

— Нѣтъ! съ увѣрительнымъ тономъ возразилъ императоръ, — я тебѣ клянусь, поступлю какъ должно.

Государь поручилъ Державину самому написать себѣ указы, одинъ секретный, а другой открытый. Въ первомъ было сказано ¹⁾: «Вы отправляетесь подъ видомъ отпуска въ Калужскую губернію; но въ самомъ дѣлѣ поручаются вамъ отъ меня извѣты, частію отъ безымяннаго извѣстителя, а частію отъ такихъ людей, которые открытыми быть не желаютъ: вы усмотрите изъ нихъ весьма важныя злоупотребленія, чинимыя той губерніи губернаторомъ Лопухинымъ и его соучастниками. Поелику же, съ одной стороны, нѣтъ о нихъ ни отъ кого формальныхъ жалобъ и доносовъ, безъ коихъ слѣдствія производить законы запрещаютъ; а съ другой—не могу я безъ содраганія сердца слышать о такихъ зловредныхъ происшествіяхъ, какъ то: издомствѣ, тиранствѣ невинныхъ и вообще о такихъ преступленіяхъ, которыя никакъ попускаемы быть не должны».

Державину было повелѣно узнать «скрытымъ образомъ» ²⁾ общественное мнѣніе о поступкахъ губернатора, и если доносы и жалобы подтвердятся, то объявить официально второй указъ, въ которомъ было сказано: ³⁾ «Въ проѣздъ вашъ черезъ Калужскую губернію, поручаю вамъ въ губернскомъ и уѣздномъ городахъ, въ которомъ вы разсудите, по присутственнымъ мѣстамъ обозрѣть порядокъ дѣлъ и производство правосудія; и ежели найдутся обиженные и притѣсненные, то принявъ отъ нихъ жалобы и доносы, удостовѣриться, по данному вамъ особому наставленію, о истинѣ оныхъ и донести мнѣ немедленно».

5-го января 1802 года Г. Р. Державинъ выѣхалъ изъ Петербурга, прибывъ въ Калугу, остановился въ домѣ городского головы купца Бороздина, человѣка пользующагося всеобщою довѣренностью. Изъ разспросовъ какъ его, такъ и другихъ лицъ Державинъ убѣдился, что всѣ

¹⁾ Отъ 25-го декабря 1801 г. „Полн. собр. сочин. Державина“ изданіе Я. К. Грота, т. VI, стр. 131.

²⁾ Насколько подобныя дѣла опасались производить открыто, видно изъ того, что въ указѣ Державину было сказано: „Для производства при васъ письменныхъ дѣлъ, дабы сокрыть теперь прямую цѣль вашего отсюда отъѣзда, возьмите вы съ собою извѣстнаго вамъ, служащаго въ канцеляріи Сената, секретаря Соломку, и еще одного изъ находящихся не у дѣлъ, кого вы благо-разсудите. Изъ конхъ о первомъ послѣ дадите знать начальству, а послѣд-нему обѣщайте пристойное жалованье“.

³⁾ Отъ 25-го декабря 1801 года.

доносы справедливы, и тогда, прибывъ въ губернское правленіе, онъ потребовалъ туда губернатора и предъявилъ ему указъ объ осмотрѣ присутственныхъ мѣстъ въ губерніи. Начались допросы и слѣдствіе, но такъ какъ Лопухина всѣ боялись и показывали неохотно, то Державинъ просилъ его удалить, что и было исполнено указомъ отъ 8-го февраля 1802 года.

Между тѣмъ Лопухинъ отправилъ въ Петербургъ нарочнаго курьера къ своимъ покровителямъ—къ генераль-прокурору Беклешову, князю П. В. Лопухину, Д. П. Троицкому, оберъ-гофмейстеру Торсукову и къ другимъ покровителямъ. Онъ писалъ имъ, что Державинъ завелъ у себя тайную канцелярію и при помощи жестокихъ пытокъ вымогаетъ обвиненія на губернатора. Державинъ въ то время еще пользовался довѣріемъ императора, который по полученіи извѣта Лопухина, препроводилъ его къ Гаврилу Романовичу. «Здѣсь прилагаю, писалъ ему государь ¹⁾, просьбу губернатора на васъ, чего бы мнѣ и не должно было дѣлать, но зная вашу честность и что у васъ личностей нѣту, я увѣренъ, что оное не послужитъ ни къ какой перемѣнѣ въ вашемъ поведеніи съ Лопухинымъ. Увѣренъ также, что умѣренностію вашею вы отнимите способы у него на столь нелѣпныя притязанія на вашъ счетъ. Пребываю навсегда съ искреннимъ уваженіемъ вамъ доброжелательный».

Не желая возражать лично на обвиненія Лопухина, Г. Р. Державинъ поручилъ вице-губернатору собрать въ губернское правленіе всѣхъ допрошенныхъ и, въ присутствіи предсѣдателей гражданской и уголовной палатъ, спросить ихъ, чѣмъ они были при допросахъ изнуряемы и мучимы Державинымъ и показанія ихъ, записавъ въ журналъ, представить прямо государю. Такъ и было сдѣлано, а самъ Державинъ, собравъ данныя о поведеніи Лопухина, отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ апрѣля 1802 года.

Положеніе свое въ столицѣ онъ нашелъ значительно измѣнившимся. Государь нѣкоторое время уклонялся отъ встрѣчи съ Державинымъ, но наконецъ принялъ его весьма сурово.

— На васъ есть жалобы, сказалъ Александръ сердито.

— Я знаю, государь, отвѣчалъ Державинъ; вы мнѣ изволили прислать ихъ подлинникомъ.

— Отчего же это?

— Я васъ теперь пространнымъ объясненіемъ не обезпкою, которое изволите прочесть со временемъ, не торопясь, а теперь смѣю только представить подлинный рапортъ губернатора, въ которомъ онъ вамъ

¹⁾ Въ рескриптѣ отъ 8-го февраля 1802 г. Полн. собр. соч. Державина, изд. Я. К. Грота, т. VI, 133.

доносить, что жестокими моими поступками въ заведенной мною тайной канцеляріи губернія вся встревожена и что онъ ожидаетъ дурныхъ послѣдствій отъ народа.

— Такъ, сказалъ государь,—я этотъ рапортъ видѣлъ и послалъ его къ вамъ. Что вы мнѣ на него скажете?

— Я ничего не скажу, отвѣчалъ Державинъ,—а вотъ другой рапортъ того же губернатора ко мнѣ отъ того же самаго мѣсяца и числа, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что въ губерніи все обстоитъ благополучно.

— Какъ! вскрикнулъ государь, взглянувъ на тотъ и другой рапорты: такъ онъ бездѣльникъ! Напиши указъ, чтобы судить его.

— Нѣтъ, государь, позвольте мнѣ теперь не повиноваться.

— Какъ?

— Такъ: когда вы изволили во мнѣ усумниться, то неужели ли будетъ вамъ лично удостовѣриться во мнѣ и приказать пересмотрѣть мое слѣдствіе, нѣтъ-ли въ немъ какихъ натяжекъ къ обвиненію невинности.

— Хорошо, отвѣчалъ государь и приказалъ составить комитетъ.

Комитетъ ¹⁾ занимался болѣе четырехъ мѣсяцевъ и наконецъ представилъ докладъ, по которому Лопухинъ былъ преданъ суду ²⁾.

Подъ давленіемъ сильныхъ родственниковъ и покровителей Лопухина дѣло его тянулось долго. Въ маѣ 1803 года графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ кн. Циціанову: «Калужской исторіи конца до сихъ поръ нѣтъ. Лопухинъ, бывший губернаторъ, живетъ очень весело въ Петербургѣ... и мнѣ кажется, что весьма пріятное мѣсто быть атаманомъ разбойниковъ» ³⁾.

Протянувъ дѣло три года, Сенатъ призналъ Лопухина невиннымъ, и такимъ образомъ обѣщаніе, данное императоромъ Г. Р. Державину, осталось неисполненнымъ.

При такомъ состояніи администраціи и при такомъ правосудіи сколько было соблазна подражать Лопухину—и губернаторы своевольничали.

Иркутскій губернаторъ Трескинъ, сынъ смоленскаго священника, не признавалъ ни закона, ни общественныхъ приличій. По праздникамъ онъ устраивалъ торжественные выходы и заставлялъ присутствовавшихъ дамъ цѣловать свою руку, а изъ мужчинъ онъ допускалъ къ рукѣ только старшихъ чиновниковъ и купцовъ первой гильдіи. Онъ прика-

¹⁾ Въ составъ комитета были назначены: графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ и Г. Р. Державинъ. Комитету поручено было подробно рассмотреть всѣ бумаги и войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ.

²⁾ 16-го августа 1802. Сочиненія Державина, т. VI, 772.

³⁾ „Деятельный вѣкъ“ изд. П. И. Бартенева, кн. II, стр. 11 и 78.

зываютъ мѣстному архіерею являться на свои вечера, а вице-губернатору—подавать себѣ шубу. Въ торжественные дни архіерей могъ говорить проповѣдь не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, передаваемого черезъ полиціймейстера.

Смоленскій генераль-губернаторъ князь Хованскій самовольно арестовывалъ не только чиновниковъ, но и дворянъ, мирно жившихъ въ своихъ имѣніяхъ.

На одной изъ почтовыхъ станцій въ губерніи отставной маіоръ Гриневъ содержалъ лошадей. На эту станцію пріѣхалъ адъютантъ кн. Хованскаго и, имѣя подорожную на двѣ лошади, взялъ три и за третью не заплатилъ прогоновъ. Требуя очень скорой ѣзды, онъ наскочилъ на камень, не удержался въ телѣгѣ, вывалился изъ нея и расшибся, но телѣга не была опрокинута. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, адъютантъ пожаловался генераль-губернатору, что на станціи, содержимой Гриневымъ, ямщики не умѣютъ править. Кн. Хованскій приказалъ вытребовать Гринева въ Смоленскъ и посадить его на гауптвахту. Губернаторъ не рѣшился исполнить приказанія и просилъ Хованскаго, чтобы онъ или самъ, или черезъ своего чиновника арестовалъ маіора. Князь опомнился, сдѣлалъ выговоръ Гриневу и приказалъ ему ѣхать домой. Впрочемъ, Хованскій и не то еще дѣлалъ: онъ отправлялъ чиновниковъ изъ Смоленской губерніи на гауптвахту въ Калугу, арестовывалъ дворянъ за то, что встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, не снимали шапку, и хвалился тѣмъ, что при встрѣчѣ Александра I въ г. Бѣломъ, онъ докладывалъ императору, что сажаетъ дворянъ на гауптвахту и государь будто-бы одобрилъ его дѣйствія.

«Дворянство російское, писалъ П. Коховскій ¹⁾, высочайше дарованной ему грамотой, чиновники гражданскіе, многими постановленіями и между прочимъ учрежденіемъ о губерніяхъ, освобождены отъ всякаго ареста. Только по уголовному преступленію дворянинъ арестованъ быть можетъ. Несмотря на сіи узаконенія, господа генераль-губернаторы и гражданскіе губернаторы присваиваютъ себѣ власть арестовать дворянъ, говоря въ оправданіе свое: «Почему дворянъ не арестовать, (когда) въ полкахъ офицеры арестуются; неужели лучше отдать подъ судъ, чѣмъ посадить на гауптвахту». Они забываютъ, что сила не въ арестѣ, а въ нарушеніи права. Отдать подъ судъ еще не значитъ осудить, но быть наказываему прихотью лица равнаго,—ибо передъ закономъ мы всѣ равны,—вопреки данныхъ правъ, есть обида нестерпимая, хотя бы и одному лицу нанесенная, но въ немъ все общество оскорблено ею.

«Дворяне съ стѣсненнымъ сердцемъ переносятъ обиды, имъ дѣлае-

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ генераль-адъютанту Левашеву отъ 24 февраля 1826 года.

мыя, но чтобы они не чувствовали оныхъ, кто можетъ это подумать? Клянусь!—я отъ многихъ дворянъ слышалъ и они мнѣ говорили со слезами: «вотъ до какихъ временъ мы дожили, что и губернаторы въ силахъ отнимать у насъ права наши и располагать нами по произволу своему. Пусть лучше государь отниметъ отъ насъ права, намъ данныя, пусть издастъ указъ, что онъ даетъ власть генераль-губернаторамъ насъ арестовать, намъ легче будетъ повиноваться, чѣмъ терпѣть насиліе отъ равныхъ себѣ». Это ропотъ убитыхъ горестію, глубоко прочувствовавшихъ всю тягость своего положенія. Куда прибѣгнуть, гдѣ искать защиты бѣдному дворянину, не имѣющему никакихъ связей, никакихъ способствъ? Если законы не ограждаютъ отъ насилій сильнаго, то естественно человѣку самоуправленіе (т. е. самоуправство); но какія ужасныя могутъ произойти отъ того послѣдствія».

Эти слова лучше всего характеризуютъ тогдашнюю администрацію: съ одной стороны своеволие правителей, съ другой—отсутствіе правительственной власти и въ общемъ беззащитность общества.

Хотя для защиты населенія было поставлено око государево въ лицѣ стряпчаго въ уѣздѣ и прокурора—въ губерніи, но это мало помогало дѣлу. Какъ стряпчій такъ и прокуроръ обязаны были наблюдать за правосудіемъ, за порядкомъ дѣлъ въ правленіяхъ, палатахъ и судахъ, но въ большинствѣ случаевъ, они приносили не пользу, а вредъ. Сознавая, что при общепринятомъ отправленіи службы одно лицо, особенно подчиненное, не въ состояніи прекратить зла, ибо въ противномъ случаѣ будетъ угнетено всѣми властями въ губерніи—стряпчїе были просто членами земскаго суда и «участниками во всѣхъ лицепрїятіяхъ и безпорядкахъ равно и выгодъ его» ¹⁾).

Начальники ихъ, прокуроры присвоили себѣ преобладающее право въ губерніяхъ: заводили распри съ губернаторомъ ²⁾), давали обидныя предложенія, своевольствовали, ябедничали и вмѣсто пользы порождали несогласія и разстройство въ правленіи. Если къ тогдашнимъ отношеніямъ губернаторовъ и прокуроровъ между собою и нельзя примѣнить слово «мѣстничество», то можно примѣнить слова И. Ф. Горбунова, что прокуроры «сами себя выше понимать хотѣли». Они старались обезличить власть губернатора, опорочить его дѣйствія, заводили рѣзкую переписку, требовали отъ губернаторовъ объясненій, посылали протесты генераль-прокурору, даже въ Сенатъ—и губернаторы совершенно неожиданно получали выговоры.

¹⁾ Записка М. Н. Муравьева. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 111.

²⁾ Объ этихъ распрахъ см. „Русск. Арх.“ 1865 г., № 3, стр. 358.

«Можетъ быть, писалъ графъ Кочубей ¹⁾, неудобства сіи меньше бы ошутительны были, если бы, по крайней мѣрѣ, опредѣлены были точныя границы дѣйствія губернскихъ прокуроровъ, но какъ кромѣ нѣкоторыхъ общихъ правилъ, о должности ихъ ничего не положено, то и выходитъ, что чиновники сіи поставляютъ почти повсемѣстно обязанностію своею быть въ непремѣнныхъ пререканіяхъ и противоположности съ дѣйствіемъ губернской власти, и власть сія, управляющая именемъ императорскаго величества, которая установлена къ охраненію порядка и подчиненности, такимъ образомъ подвергается униженію. Трудно, конечно, изъяснить какъ такое мѣсто (губернаторское) находится можетъ подъ цензурою совсѣмъ посторонняго лица и на какихъ правилахъ само лицо сіе, одно только въ губерніи, поставлено безъ всякой надъ собою цензуры и отчета.

«Послѣ сего можетъ ли быть удивительно, что званіе начальниковъ губерній столь мало нынѣ уважается и что люди благонамѣренные и способные не только не ищутъ сихъ мѣстъ, но даже и тѣ, кои теперь ихъ занимаютъ, часто покушаются ихъ оставить и можетъ быть многіе изъ нихъ оставили бы, если бы разными личными убѣжденіями и надеждою лучшею не были отъ сего отвлекаемы».

Никто изъ порядочныхъ людей не желалъ, конечно, нести на себѣ тяжесть голословнаго и единоличнаго обвиненія прокурора, тѣмъ болѣе, что сами блюстители порядка и законности были не безупречны въ своемъ поведеніи:

О! Прокуроръ,

Чтобъ въ рѣшѣ мнѣ сказать,—существеннѣйшій воръ.

Вотъ прямо въ точности всевидащее о х о:

Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко.

Не даветъ лишь того, чего не досягнетъ.

За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;

Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,

За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,

За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ

И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ ²⁾.

Виленскій губернский прокуроръ Высочинъ не доносилъ о происшествіяхъ и злоупотребленіяхъ въ губерніи, никогда не бывалъ въ присутствіи, проводилъ время на охотѣ и жилъ въ свое удовольствіе ³⁾. Курскій прокуроръ велъ себя еще болѣе предосудительно. Говоря, что родственникъ министра, онъ грабилъ населеніе и преслѣдовалъ тѣхъ,

¹⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ 28-го марта 1806 г., Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 14.

²⁾ „Ябеда“ комедія В. Капниста. Полн. собр. соч. изданія 1849 г., стр. 21.

³⁾ Арх. минист. юстиціи, дѣло 1805 г., № 1429.

которые въ томъ ему не содѣйствовали. Онъ изнурялъ колодниковъ губернскаго острога, заставляя ихъ строить себѣ домъ въ Курскѣ, не платя имъ денегъ и принуждая кормиться подаяніемъ. Разъѣзжая по губерніи на обывательскихъ подводахъ, никогда не платилъ прогоновъ, въ присутственные часы не являлся на службу, своего лакея, ѣздившаго у него на запяткахъ, опредѣлил въ число приказныхъ и исходатайствовалъ ему чинъ. По неудовольствію на дворянъ заключалъ ихъ въ тюрьму и содержалъ подъ изнурительнымъ карауломъ. Прикрывая злоупотребленія всякаго рода, прокуроръ смѣщалъ секретарей судовъ, не платившихъ ему оброковъ, и сажалъ на ихъ мѣста новыхъ, не имѣвшихъ никакого понятія о своей должности. «Отъ сего, — писалъ неизвѣстный графу В. П. Кочубею ¹⁾, — въ уѣздныхъ городахъ присутственными мѣстами и прочими причиняются разныя послабленія, отягощеніи и прочія беззаконія, оставаясь въ забвеніи по недоносамъ спрячкихъ».

Многіе прокуроры получали значительныя выгоды отъ своей умышленной недѣятельности и наживали тѣмъ состоянія. Вообще губернская администрація, будучи сама порочна, не въ состояніи была защитить населеніе отъ неправосудія, злоупотребленія власти, лихоимства, и для искорененія такого зла правительству приходилось прибѣгать къ частымъ ревизіямъ губерній.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Письмо уединеннаго деревенскаго жителя 24-го февраля 1805 г. Арх. минист. внутр. дѣлъ № 166.

О связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ ¹⁾.

1.

Секретная записка начальника главнаго штаба его императорскаго величества П. В. Голенищеву-Кутузову ²⁾.

9-го апрѣля 1826 г. № 28. Царское Село.

«Начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, препроводя при семъ къ его превосходительству Павлу Васильевичу записку о сочиненіяхъ Пушкина и о комиссіонерѣ его, надворномъ совѣтникѣ Плетневѣ, покорнѣйше проситъ объясниться съ нимъ начальникомъ главнаго штаба о семъ Плетневѣ, при свиданіи».

На этой запискѣ сдѣлана, вѣроятно Голенищевымъ-Кутузовымъ отмѣтка слѣдующаго содержанія:

«Запискою объяснено, что Плетневъ знаетъ Пушкина какъ литератора; смотритъ за печатаніемъ его сочиненій и вырученныя за продажу оныхъ деньги пересылаетъ къ нему по просьбѣ и препорученію г. Жуковскаго.

«Поведенія примѣрнаго, жизни тихой и уединенной; характера скромнаго и даже болѣе робкаго. Въ прочемъ изустно объявлено генерал-маіору Арсеньеву имѣть за нимъ надзоръ».

¹⁾ Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ Плетневу, см. у Я. К. Грота: „Пушкинъ и его лицейскіе товарищи“. Р е д.

²⁾ С.-Петербургскій генераль-губернаторъ.

2.

Секретное письмо барона И. И. Дибича П. В. Голенищеву-Кутузову.

23-го апрѣля 1826 г. № 34.

Полковой штабъ гренадерскаго короля
Прусскаго полка

По докладу моему отношенія вашего превосходительства, что надворный совѣтникъ Плетневъ, особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣеть, а знакомъ съ нимъ только какъ литераторъ, государю императору угодно было повелѣть мнѣ, за всѣмъ тѣмъ, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, усугубить всевозможное стараніе узнать достоверно, по какимъ точно связямъ знакомъ Плетневъ съ Пушкинымъ и беретъ на себя ходатайство по сочиненіямъ его, и чтобы ваше превосходительство изволили приказать имѣть за нимъ ближайшій надзоръ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю быть, и проч.

3.

Письмо П. В. Голенищева-Кутузова—барону И. И. Дибичу.

29-го мая 1826 г. № 8.

На секретное отношеніе вашего превосходительства отъ 23-го сего апрѣля № 34 имѣю честь увѣдомить, что надворный совѣтникъ Плетневъ дѣйствительно не имѣеть особенныхъ связей съ Пушкинымъ, а только по просьбѣ г. Жуковскаго смотрѣлъ за печатаніемъ сочиненій Пушкина и вырученныя за продажу оныхъ деньги пересылалъ къ нему, но и сего онъ нынѣ не дѣлаеть и совершенно прекратилъ всякую съ нимъ переписку.

При семъ долгомъ поставляю присовокупить, что высочайшая воля относительно имѣнія ближайшаго надзора за г. Плетневымъ исполнена.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и проч.

Приписка: «Черезъ дежурнаго штабъ-офицера объявлено г. генералъ-маіору Арсеневу имѣть за г. Плетневымъ секретное и неослабное наблюденіе».

Собщилъ П. В. Петровъ.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

II 1).

Вопросъ о составленіи и печатаніи во всеобщее свѣдѣніе Свода изъ отчетовъ министерствъ.—Противодѣйствіе тому графа Чернышева, князя Меншикова и графа Канкринна.—Императоръ Николай и докторъ Енохинъ.—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Основаніе имъ училища Правовѣдѣнія.—Докторъ Мандтъ.—Отъѣздъ барона Корфа за границу.—А. Д. Боровковъ въ должности государственнаго секретаря.—Взглядъ императора на службу и обязанности.—Встрѣча архимандрита Фотія съ государемъ.—Петербургскій комендантъ Мартыновъ.—Обворожительныя черты характера Николая I.—Кончина графа Новосильцева и назначеніе графа И. В. Васильчикова председателемъ Государственнаго Совѣта.—Выговоръ императора Николая барону Корфу.—Графъ Н. С. Мордвиновъ.—Возвращеніе государя изъ за границы въ 1838 году.—Путешествіе на перекладной.—Императоръ Николай на гѣсахъ Исаакіевскаго собора.—Сватовство герцога Лейхтенбергскаго.—Возобновленіе Фельдмаршальской залы въ Зимнемъ дворцѣ.

тчеты почти всѣхъ министерствъ печатаются у насъ теперь въ общее свѣдѣніе. Косвенною тому причиною былъ я, или, точнѣе сказать, работа, сдѣланная мною и имѣвшая первоначально другое предназначеніе. Подробности всего этого дѣла едва ли кому-либо, даже изъ современниковъ памятна, представляютъ довольно любопытную страницу для исторіи царствованія императора Николая и тогдашней нашей администраціи.

При первомъ образованіи министерствъ, въ 1802 году, каждому

1) См. „Русск. Стар.“ 1899 г., май.

министру велѣно было отдавать Сенату ежегодный отчетъ какъ въ управленіи частью, такъ и въ ассигнованныхъ на нее суммахъ. Сенатъ, съ своей стороны, долженъ былъ, изслѣдовавъ (подлинныя слова закона) отчетъ въ присутствіи министра, требовать отъ него нужныхъ поясненій, сличать его показанія съ донесеніями разныхъ мѣстъ и разсматривать всѣ высочайшіе указы и повелѣнія, послѣдовавшія по его части въ теченіе года, и затѣмъ подносить отчетъ государю съ своимъ мнѣніемъ.

Этотъ, нѣкоторымъ образомъ конституціонный порядокъ, въ первые два или три года дѣйствительно соблюдался, хотя, впрочемъ, и не по всѣмъ министерствамъ; но потомъ разсмотрѣніе отчетовъ Сенатомъ превратилось въ одинъ письменный обрядъ, а наконецъ и самый этотъ обрядъ временемъ и силою обстоятельствъ пресѣкся.

Въ 1811 году, при новомъ образованіи министерствъ (дѣйствующемъ, какъ извѣстно, еще и теперь), отчеты раздѣлены на три части: 1) отчеты въ суммахъ, которые велѣно отдавать государственному контролю, 2) отчеты въ дѣлахъ, которые предназначено вносить для разсмотрѣнія въ Государственный Совѣтъ и потомъ печатать, и 3) отчеты о видахъ и предположеніяхъ къ усовершенію каждой части, которые велѣно министрамъ подносить непосредственно на высочайшее возвращеніе, съ тѣмъ, чтобы они оставались у государя.

Оба послѣднія постановленія никогда вполнѣ выполняемы не были. Опала и удаленіе отъ дѣлъ творца министерскаго образованія 1811 г., Сперанскаго, отозвались и на этомъ предметѣ. Въ 1812 году поступило въ Совѣтъ только самое малое число отчетовъ, а съ 1813 года доставленіе ихъ совсѣмъ прекратилось. Одинъ графъ Канкринъ, принявъ министерство финансовъ въ 1823 году, внесъ, вдругъ за десять лѣтъ, отчеты, остававшіеся отъ его предшественника и съ тѣхъ поръ постоянно продолжалъ представлять въ Совѣтъ такіе же по своему управленію. Печатаемо не было рѣшительно ничего ¹⁾.

Третья эпоха въ порядкѣ министерскихъ отчетовъ началась съ царствованія императора Николая.

Рескриптомъ 30-го сентября 1826 года, на имя тогдашняго предсѣдателя комитета министровъ князя Лопухина, повелѣно было, чтобы къ 1-му января 1827 года каждый министръ представилъ его величеству, черезъ сей комитетъ, отчетъ о своей части за 1826 годъ, съ приложеніемъ и счетовъ денежныхъ суммъ. Потомъ, въ февралѣ 1828 года велѣно, чтобы министры послѣдили представленіемъ своихъ отчетовъ.

¹⁾ Печатаніе извѣстныхъ отчетовъ графа Кочубея по министерству внутреннихъ дѣлъ относится къ эпохѣ предыдущей и съ 1808 года тоже прекратилось.

тѣмъ же порядкомъ и за 1827 годъ, соблюдая сей порядокъ и на будущее время ¹⁾.

Такимъ образомъ, средоточіемъ отчетовъ (кромѣ по министерству финансовъ) сдѣлался, вмѣсто Совѣта, комитетъ министровъ. Но какъ сей послѣдній, ни по составу его, ни по множеству текущихъ занятій, ни по самому порядку производства въ немъ дѣлъ, не могъ разсматривать отчетовъ, то все ограничилось одною формою: министры (не всѣ, однако же, какъ ниже видно будетъ) присылали свои отчеты при самыхъ краткихъ запискахъ, а комитетъ, не читая отчетовъ и, слѣдственно, не постановляя по нимъ и заключенія, подносилъ государю въ подлинникѣхъ. Потомъ, если были какія-нибудь замѣчанія или приказанія отъ самого государя, они приводились въ дѣйствіе черезъ комитетъ, а въ противномъ случаѣ, по возвращеніи отъ его величества, сдавались въ комитетскій архивъ.

Между тѣмъ, еще въ 1827 году государь собственноручною резолюціею указалъ, чтобы въ канцеляріи комитета ежегодно составляемъ былъ изъ всѣхъ министерскихъ отчетовъ общій Сводъ, по формѣ, въ какой представлялись тогда отчеты отъ управленія Царства Польскаго. Но впослѣдствіи это высочайшее повелѣніе, кажется, было забыто и какъ дальнѣйшихъ подтвержденій не послѣдовало, то управлявшій дѣлами комитета Гежелинскій, отъ обыкновенной ли его небрежности или по недостатку средствъ и времени, ни самъ за сказанное дѣло не принимался, ни другимъ его не поручалъ, такъ что ни тогда, ни послѣ не было сдѣлано и приступа къ исполненію высочайшей воли.

Въ началѣ 1831 года, съ отрѣшеніемъ Гежелинскаго отъ должности, возложено было на меня привести въ порядокъ все имъ запущенное, въ бумагахъ его отыскалось и упомянутое высочайшее повелѣніе. По докладу моему о немъ, высочайше утвержденнымъ журналомъ комитета 7-го февраля 1831 года опредѣлено: «Поступившіе отъ нѣкоторыхъ министерствъ отчеты до 1830 года, какъ покрывающіеся уже отчетами, собственно, за сей годъ, оставить при дѣлахъ комитета безъ дальнѣйшаго производства; по поступленіи же всѣхъ отчетовъ за 1830 годъ составить изъ нихъ въ канцеляріи комитета, для представленія его величеству, одинъ общій». Но хотя съ 6-го мая 1831 года

¹⁾ Сроки представленія отчетовъ неоднократно измѣнялись. Вмѣсто 1-го января, какъ велѣно было представить ихъ за 1826 годъ, потомъ установлено подносить ихъ къ 1-му марта. Но какъ и тутъ опытъ показывалъ невозможность общаго исполненія, то въ 1834 году комитетъ признавалъ за необходимое, для полноты и большаго совершенства отчетовъ, продлить срокъ представленія по 1-е іюня. Государь, однако же, не изъявилъ на это согласія и, въ собственноручной резолюціи, приказалъ, чтобы отчеты представлялись не позже 1-го мая.

должность управляющаго дѣлами комитета была окончательно замѣщена мною, однако сіе положеніе также осталось безъ исполненія и не могло даже и быть исполнено, токь какъ за 1830 годъ поступило въ комитетъ чрезвычайно мало отчетовъ.

Въ началѣ 1832 года я счелъ долгомъ снова напомнить объ этомъ дѣлѣ, и въ февралѣ предсѣдатель комитета министровъ, князь Кочубей, объявилъ, «что государю императору благоутодно было возобновить высочайшее повелѣніе, въ 1827 году данное, чтобы изъ всѣхъ отчетовъ, его величеству за 1831 годъ представляемыхъ, составленъ былъ въ комитетѣ министровъ одинъ общій отчетъ, возложивъ таковую работу въ особенности на управляющаго дѣлами комитета». вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было этотъ Сводъ отчетовъ «составить съ возможнымъ раченіемъ, на случай высочайшаго соизволенія предать оный тисненію». Наконецъ въ другомъ, тогда же состоявшемся объяснительномъ высочайшемъ повелѣніи, прибавлено, что «его величество, изъявляя высочайшую волю о составленіи и напечатаніи такового Свода, имѣть изволить двоякую цѣль: во-первыхъ, дабы собственно самому имѣть въ общемъ обзорѣ точное свѣдѣніе о дѣйствіяхъ и состояніи каждой части управленія, въ томъ наипаче отношеніи, что таковыя своды доставятъ его величеству болѣе удобства обращать вниманіе на тѣ предметы, кои требуютъ могутъ особыхъ распоряженій или поспрешій, такъ какъ министры имѣютъ обязанность въ отчетахъ своихъ не только излагать положеніе частей, имъ ввѣренныхъ, но и представлять о видахъ къ улучшенію оныхъ; во-вторыхъ, чтобы не оставлять безъ общей извѣстности той дѣятельности и того усерднаго старанія, которыя начальствующими разныхъ частей государственнаго управленія къ усовершенствованію оныхъ прилагаются, согласно волѣ его величества и постояннымъ его стараніямъ, дабы государство процвѣтало и подданные удостовѣрялись, что таково есть искреннее и непремѣнное желаніе его величества». Проектъ этого повелѣнія написалъ самъ князь Кочубей, со словъ государя, а прежде объявленія комитету еще разъ представлялъ эту бумагу на его утвержденіе.

Такое изъявленіе воли государя показало всю важность въ его глазахъ предположеннаго начинанія, и я принялся за работу съ пламеннымъ усердіемъ, со всѣмъ энтузіазмомъ молодого человѣка, съ полнымъ желаніемъ произвести что-нибудь не рядовое, а по возможности хорошее и отчетливое. Способы, которыхъ я потребовалъ для приведенія въ исполненіе высочайшей воли, были очень ограничены: испрашивалось всего только прибавки трехъ писцовъ къ штату комитетской канцеляріи, въ чемъ миѣ, разумѣется, и не отказали. Но первое обозрѣніе матеріаловъ, имѣвшихся въ комитетѣ для общаго за 1831 годъ свода, тотчасъ обнаружало, что ихъ очень мало или совсѣмъ почти нѣтъ. От-

четы были получены лишь отъ почтоваго департамента, министерства просвѣщенія, государственнаго контроля и главнаго управленія путей сообщенія. Не доставало, слѣдственно, всего важнѣйшаго: отчетовъ обоихъ военныхъ управленій, министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, императорскаго двора, синодальнаго, жандармской части и множества разныхъ установленій, подъ особыми начальствами состоящихъ. Я немедленно представилъ объ этой скудости матеріаловъ, недозволявшей помышлять даже о первомъ приступѣ къ работѣ, и государь—доказательство сколько это дѣло привлекало его вниманіе—въ поднесенномъ мною реестрѣ сдѣлалъ собственноручно всѣ нужныя разрѣшительныя отмѣтки. Такимъ образомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ было имъ совсѣмъ исключено; противъ министерства финансовъ отмѣчено, чтобы объясниться съ министромъ; противъ жандармской части: «кромѣ секретной»; къ установленіямъ особыхъ вѣдомствъ прибавлены учрежденія императрицъ Маріи и Александры. Сверхъ того, разослано было ко всѣмъ начальствамъ циркулярное повелѣніе: 1) чтобы, для составленія предположеннаго Свода, они не замедлили поднести его величеству свои отчеты, и 2) что, для успѣшнѣйшаго совершенія сей работы, мнѣ предоставляется требовать отовсюду всѣ нужныя дополнительныя свѣдѣнія.

Симъ положено было рѣшительное начало если еще не самой работѣ, то, по крайней мѣрѣ, собранію матеріаловъ. Но и это первое дѣйствіе должно было встрѣтить огромныя, казавшіяся почти неодолимыми, затрудненія и препятствія. Нѣкоторыя министерства (напримѣръ оба военныя и юстиціи) и разныя отдѣльныя начальства до тѣхъ поръ не представляли никогда никакихъ отчетовъ (кромѣ денежныхъ въ контроль); другія ограничивали всю свою отчетность однѣми перечневыми вѣдомостями о нерѣшенныхъ дѣлахъ. Составленіе настоящаго, систематическаго отчета о дѣйствіяхъ представлялось, слѣдственно, для тѣхъ и другихъ, трудомъ совершенно новымъ, къ которому не было ни руководства, ни готовыхъ матеріаловъ, ни людей. Все это крайне замедляло присылку въ комитетъ частныхъ отчетовъ и нѣкоторые были получены уже въ позднюю осень, частью даже въ ноябрѣ. Сверхъ того, самъ я по крайне разстроенному здоровью, принужденъ былъ провести лѣтнее время на водахъ въ Ревелѣ. Оттого моя личная работа могла начаться не прежде августа и, за всѣмъ тѣмъ, этотъ, смѣю сказать, исполинскій трудъ совершенъ былъ въ четыре мѣсяца, ибо 5-го декабря онъ лежалъ уже готовый въ государевомъ кабинетѣ. Единственнымъ, но весьма полезнымъ мнѣ помощникомъ былъ нѣкто Теубель, въ то время начальникъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ, а впоследствии правившій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ, человекъ очень умный, просвѣщенный и трудолюбивый. Большая часть

предварительной работы была подготовляема имъ по моему плану и безъ его трудовъ, не ослабѣвавшихъ при встрѣчѣ со всевозможными препятствіями, я едва ли бы успѣлъ сдѣлать то, чего мы вмѣстѣ достигли.

При томъ разнообразіи, какое являлось въ министерскихъ отчетахъ касательно бѣльшей или меньшей подробности содержавшихся въ нихъ свѣдѣній и самаго воззрѣнія на предметы, прежде всего надобно было заняться пополненіемъ матеріаловъ. Дополнительные свѣдѣнія сего рода, во многомъ, впрочемъ, не удовлетворявшія требованіямъ и ожиданіямъ, получались изъ министерствъ въ продолженіе самой работы, частью же собраны были мною непосредственно въ подлежащихъ департаментахъ. Этотъ мелочный трудъ былъ крайне обременителенъ. Незнаніе и недостатокъ доброй воли въ тѣхъ чиновникахъ, отъ которыхъ требовались данныя, заставляли меня рыться лично въ подлинныхъ дѣлахъ. Множество любопытнаго отыскано было также въ актахъ Государственнаго Совѣта, самаго комитета министровъ, разныхъ комитетовъ временныхъ, архивовъ старыхъ и новыхъ. Все мнѣ было открыто и я всѣмъ пользовался съ жадностью, не одинъ разъ проходя, по алфавитамъ, и всѣ 50 томовъ «Полнаго Собранія Законовъ», чтобы обнять послѣдовательную цѣль всѣхъ измѣненій нашего законодательства и отыскать связь прошедшаго съ настоящимъ. Между тѣмъ и текуція дѣла комитета должны были идти своимъ порядкомъ. Разумѣется, что въ эти четыре мѣсяца я не жилъ уже ни для семейства, ни для свѣта: работа брала у меня ежедневно по 15—16 и болѣе часовъ.

Вторая часть труда состояла въ совокупленіи собранныхъ матеріаловъ въ одно цѣлое, съ возможнымъ единствомъ плана и редакціи. Образцомъ, какъ выше сказано, данъ былъ отчетъ Царства Польскаго ⁴⁾. Но это значило втѣснить великана въ платѣ карлика! Сверхъ того, польскій отчетъ, которому предшествовали многіе за предыдущіе годы, обнималъ событія и распоряженія, собственно, одного года, а прежнее состояніе каждой части и всѣ постепенныя ея улучшенія предполагались уже извѣстными. У насъ, напротивъ, гдѣ никогда подобныхъ общихъ отчетовъ не бывало, представлялось необходимымъ, для общей связи и даже для самой вразумительности Свода, на случай его напечатанія, обращаться постоянно назадъ и указывать сперва начало и переходы каждаго предмета до настоящаго его положенія. Это было необходимымъ условіемъ перваго въ своемъ родѣ отчета, условіемъ, которое еще болѣе меня обременяло, но котораго исполненіе я самъ на себя добросовѣстно наложилъ, чтобы дать моей работѣ характеръ не

⁴⁾ Мнѣ присланъ былъ отчетъ за 1828 годъ, поданный въ 1830 году: онъ былъ послѣдній при конституціонномъ правленіи Польши.

только современной статистики, но и послѣдовательной исторіи. Затѣмъ, для удобства въ размѣщеніи предметовъ и въ дополненіи частныхъ отчетовъ какъ взаимно между собою, такъ и изъ другихъ источниковъ, я далъ главнымъ частямъ заглавія, заимствованныя не отъ названій и раздѣленій министерствъ, а отъ рода предметовъ. Подраздѣленія истекли сами собою отъ естественной связи частей и отъ большаго или меньшаго обилія собранныхъ матеріаловъ. Ученые выводы, сравненія, умозаключенія, всѣ вообще формы, чисто-ученымъ твореніямъ свойственныя, казались мнѣ въ работѣ такого рода совершенно неумѣстными, и потому я принялъ образъ редакціи чисто-повѣствовательный. Тутъ не было ни критики существующаго, ни желаній лучшаго, ни видовъ и надеждъ для переду: изображалось одно только настоящее и, по связи съ нимъ, прошедшее, безъ указаній на будущее. Такъ какъ Сводъ предназначался къ напечатанію, а въ отношеніи къ публикѣ не могло быть ни отчета, ни свода отчетовъ, то мы съ княземъ Кочубеемъ долго также размышляли о приличнѣйшемъ для этой работы наименованіи. Наконецъ, по общему совѣту, рѣшено было назвать ее: «Обозрѣніе всѣхъ частей государственнаго управленія въ 1831 году».

«Обозрѣніе» состояло изъ текста и изъ таблицъ ¹⁾.

Таблицъ было приложено 108; нѣкоторыя въ колоссальныхъ размѣрахъ. При министерскихъ отчетахъ не было и третьей ихъ части, но и тѣ всѣ пришлось передѣлать и приспособить къ общему плану.

¹⁾ Содержаніе и раздѣленіе текста:

I. Духовныя дѣла. 1) Управленіе церкви грекороссійской. 2) Управленіе иновѣрныхъ исповѣданій.

II. Народное просвѣщеніе.

III. Полиція и внутреннія дѣла (въ обширнѣйшемъ смыслѣ). 1) Общественное благочыніе. 2) Повинности. 3) Народное продовольствіе. 4) Колоніи. 5) Разныя отрасли земледѣлія и домоводства. 6) Пути сообщенія. 7) Почты. 8) Медицинская полиція. 9) Общественное призрѣніе (со включеніемъ и всѣхъ благотворительныхъ заведеній разныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ). 10) Государственное благоустройство: а) Устройство мѣстныхъ управленій. б) Народосчисленіе. в) Составъ народонаселенія. г) Дворянскія общества. д) Города. е) Столицы. ж) Строительная часть въ губерніяхъ. з) Селенія. і) Ссылные. и) Россійско-американскія колоніи.

IV. Судъ. (Движеніе судебныхъ дѣлъ; новые законы 1831 года; судопроизводство).

V. Военныя силы. (Состояніе арміи и флота; исторія и состояніе военныхъ поселеній; военно-учебныя заведенія).

VI. Государственные доходы и расходы: 1) Разныя вѣтви и движеніе государственныхъ доходовъ. 2) Государственный кредитъ. 3) Казначейство или движеніе и оборотъ поступившихъ суммъ. 4) Ревизія счетовъ (контроль).

VII. Удѣлы.

Наружность работы соответствовала внутреннему богатству собранныхъ въ ней и частью никому дотогѣ недоступныхъ свѣдѣній. Все было переписано и переплетено съ невиданною у насъ прежде роскошью и даже украшено виньетками, работы одного изъ моихъ же чиновниковъ (Обыденнаго, вскорѣ послѣ умершаго). Въ такомъ видѣ я вручилъ мое произведеніе, 3-го декабря 1832 года, князю Кочубею, съ докладною отъ меня запискою государю, въ которой подробно описывалъ ходъ работы, ея расположеніе и матеріалы. Въ этотъ день я впервые, послѣ четырехъ мѣсяцевъ, наслаждался безцѣннымъ отдыхомъ!

5-го декабря, т. е. наканунѣ именинъ государя, трудъ мой поднесенъ былъ Кочубею, при особомъ и отъ него докладѣ, въ которомъ: «свидѣтельствуя объ усердіи и особенномъ прилежаніи, съ коими дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Корфъ исполнилъ возложенное на него порученіе, съ толикими трудностями по новости и сложности своей сопряженное», онъ представлялъ: не угодно ли будетъ государю повелѣть, чтобы отчеты министровъ военнаго, морского и финансовъ въ томъ видѣ, какъ они введены въ Сводъ, «были предварительно сообщены имъ, министрамъ, съ тѣмъ чтобы они могли еще ближе вникнуть, не нужно ли чего либо изъ оныхъ при печатаніи исключить, или представить иное въ другомъ видѣ». Онъ прибавлялъ далѣе, что «можно равнымъ образомъ и къ другимъ министрамъ отчеты ихъ препроводить, хотя впрочемъ въ сихъ послѣднихъ, какъ кажется, не находится ничего, что не могло бы имѣть полной гласности».

На сей докладъ имъ же, Кочубею, объявлено было высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

- 1) Сводъ отчетовъ—напечатать.
 - 2) Отчеты министровъ военнаго, морского и финансовъ препроводить предварительно къ нимъ, для разсмотрѣнія въ вышеозначенномъ смыслѣ.
 - 3) О напечатаніи Свода отчетовъ свестись съ начальствомъ типографіи II-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи.
- Симъ, казалось, окончательно была опредѣлена участь этого важнаго дѣла. Но ему предстоялъ другой, тогда, конечно, совсѣмъ непредвидѣнный исходъ.

Министры военный (графъ Чернышевъ) и начальникъ главнаго морского штаба (князь Меншиковъ) отвѣчали, что доставленная имъ работа совершенно удовлетворительна, но напечатать, въ общемъ ея составѣ, отчеты ихъ частей вовсе неудобно. Первый, т. е. Чернышевъ, причиною къ тому приводилъ, что сколько ни полезно въ отчетахъ самому государю откровенное показаніе всѣхъ свѣдѣній о личномъ составѣ войскъ и о военномъ хозяйствѣ, столько же обнародованіе ихъ можетъ вести къ разнымъ неблагопріятнымъ сужденіямъ и заключеніямъ, внѣ

и внутри государства; если же исключить сіи свѣдѣнія изъ отчета, то онъ потеряетъ всю занимательность и всякое значеніе. Послѣдній, т. е. Меншиковъ, изъявлялъ опасеніе, чтобы ежегодное обнародованіе нашихъ морскихъ силъ и способовъ къ увеличенію ихъ по видамъ правительства, особенно въ Черномъ морѣ, не дало повода къ разнымъ вопросамъ со стороны иностранныхъ державъ.

Но всего любопытнѣе и сильнѣе былъ отвѣтъ министра финансовъ (графа Канкринъ). Обращаясь отъ своего отчета и къ прочимъ, онъ доказывалъ неудобство изданія въ свѣтъ общаго ихъ Свода главнѣйше слѣдующими доводами:

1) Не малая часть Свода состоитъ изъ статистическихъ свѣдѣній, которыя для общаго понятія о дѣлѣ могутъ быть необходимы, но иногда слишкомъ дробны, иногда неудовлетворительны, и вообще могутъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ.

2) Нельзя ожидать, чтобы публика судила о сихъ отчетахъ хотя съ нѣкоторою справедливостію, а скорѣе должно предвидѣть критику и толки о томъ, что дѣйствія правительства были малозначительны. Это свойственно духу нашего времени, а притомъ, если отдѣлить отъ отчетовъ побочную часть статистики и дѣйствія текуція, то, собственно въ разрядѣ высшихъ административныхъ мѣръ, они и въ самомъ дѣлѣ едва ли представляютъ довольно улучшеній, чтобы удовлетворить увеличеннымъ требованіямъ умовъ. Посему напечатаніе отчетовъ скорѣе можетъ обратиться къ порицанію, нежели къ похвалѣ дѣйствій правительства. Если же напечатанное сообщить только не многимъ, то и тогда оно не останется тайною для большей части публики и многія несправедливыя сужденія распространятся по одной наслышкѣ.

3) Обращаясь въ частности къ отчету министерства финансовъ, нельзя не замѣтить, что много сказано о частяхъ подчиненныхъ, между тѣмъ какъ о главныхъ должно было выговариваться съ осторожностію; почему всякъ догадается, что сказано не все, а подобныя умолчанія непременно возбуждаютъ и неправильныя догадки и неудовольствіе.

Вслѣдствіе того Канкринъ полагалъ, что если въ другихъ государствахъ сдѣлалось уже неизбѣжнымъ публиковать отчеты о дѣйствіяхъ правительства, то въ нашемъ монархическомъ правленіи обнародованіе ихъ, такъ сказать, въ массѣ едва ли еще не преждевременно. Можно, продолжалъ онъ, принять, напротивъ, гораздо полезнѣйшій видъ откровенности, печатая отдѣльно, въ полуофициальномъ видѣ и въ разное время, отчеты по частнымъ предметамъ, по которымъ нельзя ни подозрѣвать умолчаній, ни видѣть общую связь управленія. Такимъ образомъ можно будетъ обходить цѣлыя департаменты, не возбуждая въ публикѣ неудовольствій.

Въ заключеніе министръ присовокуплялъ нѣчто въ родѣ извиненія

или очистки передо мною въ томъ, что сказано имъ было болѣе по случаю, нежели на счетъ моей работы.

«Впрочемъ—писалъ онъ—такое мнѣніе мое отнюдь не относится къ порицанію самаго составленія Свода, которому я отдаю всю справедливость: трудъ, подъятый при семъ случаѣ составителемъ, будучи притомъ для него постороннимъ, заслуживаетъ вполне уваженія».

Всѣ эти отвѣты князь Кочубей представилъ государю и отсюда сдѣланъ былъ первый шагъ къ отмѣнѣ прежняго повелѣнія. Комитету объявлено, что государь, по разсмотрѣніи сказанныхъ отзывовъ, «не отвергая что въ отчетахъ, собственно лицу его представляемыхъ и служившихъ главными къ Своду матеріалами, конечно быть могутъ предметы, которые неудобно обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, высочайше повелѣть изволилъ: какъ самый Сводъ, такъ и отзывы министровъ, внести въ комитетъ министровъ, съ тѣмъ чтобы, разсмотрѣвъ оныя немедленно, комитетъ представилъ его величеству заключенія свои о томъ, какія изъ частей помянутаго Свода могутъ быть напечатаны, и всѣ ли вмѣстѣ, или отдѣльно по каждой части?»

Для исполненія сего комитетъ тотчасъ собрался въ чрезвычайномъ засѣданіи. Заключение его уже нѣкоторымъ образомъ предопредѣлялось вышеизложенными отзывами министровъ и особенно министра финансовъ, который и въ самомъ этомъ засѣданіи былъ душою всѣхъ сужденій. Чернышевъ и Меншиковъ не пріѣхали, а для прочихъ членовъ это дѣло было совсѣмъ новое. Кочубей съ своей стороны, прежде сильно настаивавшій на напечатаніи Свода, прочитавъ отвѣты министровъ, тотчасъ заколебался, а послѣ личныхъ съ ними объясненій и совсѣмъ уже переимѣнилъ свои мысли. Такимъ образомъ вышелъ примѣчательный журналъ 6-го мая 1833 года.

Комитетъ начиналъ его замѣчаніемъ, что дѣло сіе сопряжено въ послѣдствіяхъ своихъ съ важнѣйшими государственными интересами; почему и необходимо вникнуть въ оное со всею внимательностію.

За тѣмъ вопросъ обсуживаемъ былъ съ двухъ сторонъ: 1) вообще касательно отчетовъ министерскихъ, 2) въ частности, касательно составленнаго мною изъ нихъ Свода.

Въ отношеніи къ первому предмету комитетъ находилъ, что воля государя,—чтобы движеніе разныхъ частей государственнаго управленія не оставалось безъ общей извѣстности и чтобы, черезъ гласность ихъ, подданные удостовѣрялись въ желаніи правительства о возможномъ ихъ усовершеніи, въ большей части министерствъ можетъ быть исполнена, безъ всякихъ неудобствъ, печатаніемъ частныхъ ихъ отчетовъ; причемъ умолчаніе о нѣкоторыхъ предметахъ не нарушитъ общей связи и самый отчетъ не утратитъ черезъ то существеннаго своего достоинства. Но распространить ту же мѣру на оба министерства воен-

ныя и на министерство финансовъ крайне затруднительно и даже едва ли не совершенно невозможно, ибо составъ военныхъ силъ, или все то, чѣмъ государство можетъ располагать для внѣшней обороны и охраненія внутренняго спокойствія, всегда составляло у насъ одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ тайнъ, а ограничиться здѣсь одними частными умолчаніями, какъ въ отчетахъ прочихъ министерствъ—нельзя. Съ другой стороны, если въ кругу министерства финансовъ есть, конечно, цѣлыя части, не требующія тайны, и если въ немъ сосредоточиваются такія свѣдѣнія, которыхъ гласность даже весьма полезна, то все сіе и теперь уже печатается въ издаваемыхъ при разныхъ департаментахъ журналахъ, слѣдственно съ тою степенью официальности, которая достаточно обезпечиваетъ вѣрность сихъ свѣдѣній. Но есть, напротивъ, другіе предметы, и именно, подобно отчетамъ военнымъ, самые важнѣйшіе, которыхъ обнародованіе невозможно. Таковы, на примѣръ, государственная роспись, обороты казначейства, состояніе недоимокъ, дефициты, ресурсы правительства и пр. Нѣкоторые и изъ этихъ предметовъ, правда, болѣе или менѣе извѣстны публикѣ, по частнымъ слухамъ и соображеніямъ, но самый сей способъ извѣстности отнимаетъ у нихъ всякую достовѣрность и всѣ сужденія обращаетъ въ однѣ лишь догадки.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ:

1) Годичные по каждой части отчеты вносить на высочайшее воззрѣніе, по прежнему, черезъ сей комитетъ.

2) Отчеты военныхъ управленій, по возвращеніи отъ его величества, хранить въ архивѣ комитета, безъ дальнѣйшей огласки.

3) Изъ отчетовъ министерства финансовъ предоставить министру печатать, какъ и прежде, въ издаваемыхъ при его департаментахъ журналахъ, тѣ части или статьи, которыхъ обнародованіе не можетъ, по его смотрѣнію, сопряжено быть ни съ какими неудобствами.

4) Затѣмъ отчеты всѣхъ прочихъ министровъ, по возвращеніи отъ его величества, обращать къ нимъ, дабы, за исключеніемъ неподлежащаго гласности и собственныхъ ихъ предположеній къ улучшенію части, все прочее было печатаемо въ общее извѣстіе.

Въ отношеніи ко второму предмету, то-есть къ составленному мною Своду, комитетъ противопоставлялъ обнародованію его въ общемъ составѣ два особенно важныя препятствія.

Во-первыхъ, въ Сводѣ изображены состояніе и дѣйствія всѣхъ частей управленія; слѣдственно, къ нему прилагается то, что сказано выше о невозможности печатанія отчетовъ военныхъ и финансоваго въ частности.

Во-вторыхъ, частные отчеты порознь по каждому министерству, хотя бы они и были напечатаны, всегда сохранять видъ и форму

отчета, представленнаго государю его министромъ. Но въ какомъ видѣ и въ какой формѣ могъ бы быть изданъ, не для государя уже, а въ общее свѣдѣніе, слѣдственно для публики, Сводъ, составленный изъ совокупности всѣхъ отчетовъ и изъ многихъ другихъ актовъ?

Неудобствъ сихъ комитетъ считалъ возможнымъ избѣжать, обратясь къ указанной въ высочайшемъ повелѣніи другой мысли, именно, чтобы разныя статьи Свода напечатать по каждой части отдѣльно. Въ этомъ онъ находилъ ту выгоду, что обнародованныя, такимъ образомъ, съ нужными пропусками, выписки изъ работы, собственно для государя составленной, не раскроютъ того, что должно оставаться въ тайнѣ и вмѣстѣ не возродятъ и никакихъ неумѣстныхъ ожиданій на будущее время.

Посему комитетъ полагалъ:

1) Изъ составныхъ частей Свода напечатать: а) Управленіе духовныхъ дѣлъ; б) Народное просвѣщеніе; в) Полицію и внутреннія дѣла; г) Судъ; д) Изъ части о военныхъ силахъ—военно-учебныя заведенія; е) Удѣлы.

2) Вмѣстѣ съ текстомъ этихъ статей напечатать и ихъ таблицы.

3) Все это издать не въ общей массѣ, а порознь, по статьямъ, соображаясь со сродствомъ предметовъ, озаглавливая каждую статью такъ: «О состояніи такихъ-то частей государственнаго управленія, или такихъ-то заведеній и т. п. въ 1831 г.»

4) Печатаніе произвести по распоряженію и усмотрѣнію каждаго министра, передавъ для сего каждому же списокъ съ его части изъ общаго Свода.

5) Прежде напечатанія каждой части, повѣрить въ подлежащемъ министерствѣ содержащіяся въ ней свѣдѣнія и, буде нужно, дополнить оныя, такъ какъ нѣкоторыя статьи, за неизмѣнимъ еще позднѣйшихъ отчетовъ, представлены были въ Сводѣ по актамъ не 1831, а 1830 года; вмѣстѣ же съ тѣмъ выключить все неподлежащее гласности, если бы, за сдѣланными уже умолчаніями, еще гдѣ-нибудь такіе предметы оказались.

6) Такъ какъ планъ, составныя части и подробности Свода отчетовъ ближе всего извѣстны его редактору, то всѣ помянутыя дополненія и исключенія производить въ министерствахъ не иначе, какъ по предварительному съ нимъ сношенію.

Тяжко мнѣ было, въ качествѣ управляющаго дѣлами комитета, писать самому этотъ смертный приговоръ работѣ, стоившей мнѣ столькихъ трудовъ и усилій; но какъ я тогда, во внутреннемъ сознаніи, самъ раздѣлялъ убѣжденіе членовъ комитета, противъ высочайшаго повелѣнія выговоренное, такъ и теперь остаюсь неизмѣнно при тѣхъ же мысляхъ. Къ тому, что сказано и можно еще было сказать въ журналѣ

комитета, прибавлю здѣсь два уваженія, на которыя тамъ только косвенно намекалось: 1) Въ министрѣ, печатающемъ свой отчетъ отдѣльно, можно предполагать побужденіемъ къ тому желаніе, основанное на благородномъ самолюбіи показать, что ввѣренная ему часть не бездѣйствуетъ, а идетъ впередъ. Онъ сообщаетъ публикѣ то, въ чемъ далъ отчетъ государю; слѣдственно, судъ публики можетъ упасть только на него лично. Но что значило бы печатанье отчета о государственномъ управленіи въ цѣломъ его составѣ, котораго главою есть одинъ монархъ? Не было ли бы это, нѣкоторымъ образомъ, отчетомъ самого государя своему народу и на кого тутъ обратился бы судъ публики? Ясно, что такой отчетъ возбудилъ бы сперва ожиданіе, а потомъ, можетъ быть, и требованіе, чтобы за нимъ слѣдовали ежегодно такіе же: понятія, не свойственныя образу нашего правленія, новизна, во всякомъ случаѣ болѣе опасная, чѣмъ полезная. Довольно здѣсь сослаться на примѣръ извѣстнаго *Compte-rendu* Неккера. 2) Каждому мыслящему наблюдателю извѣстно, что въ русскомъ народѣ, особливо въ полуобразованныхъ сословіяхъ и въ многочисленномъ классѣ чиновниковъ средняго и низшаго разряда, таится много, если не прямо оппозиціонныхъ началъ, то духа мелочной критики и порицанія правительственныхъ мѣръ. Каждое новое постановленіе, какая бы ни была его цѣль, тотчасъ подвергается въ канцеляріяхъ столько же строгимъ, сколько часто и неосновательнымъ пересудамъ, а посредствомъ многолюднаго сонма чиновниковъ они находятъ свой отголосокъ и въ другихъ сословіяхъ. Какъ отдать на жертву этому придирчивому разбору картину всѣхъ жизненныхъ силъ государства, всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ общемъ составѣ и ходѣ его управленія, всѣхъ сокровенныхъ пружинъ его движенія!

Сколько родилось бы тутъ нареканій не только противъ исполнителей, не только противъ матеріаловъ, но, повторяю, и противъ той власти, которую можетъ судить одинъ Богъ, и какая, наконецъ, была бы польза, еслибъ, сорвавъ вдругъ завѣсу съ организма нашей государственной жизни, Россію, грозную, могущественную Россію, сильную именно преданностью народа, подвергнуть, на неприванномъ судѣ, мелочному анализу и разложенію во внутреннихъ, не всегда благовидныхъ ея тайнахъ?

Какъ бы то ни было, но и императоръ Николай уступилъ благоразумнымъ и патріотическимъ убѣжденіямъ его совѣтниковъ. Заключение комитета удостоилось безусловнаго высочайшаго утвержденія и Сводъ отчетовъ 1831 года былъ—первымъ и послѣднимъ. Согласно сказанному заключенію, нѣкоторыя части его были напечатаны въ газетахъ и журналахъ, другія отдѣльно; но всѣ, будучи выпущены въ свѣтъ спу-

стя долгое время, отрывочно и безъ общей связи, прошли почти незамѣченныя публикою.

Въ государственномъ отношеніи эта работа осталась, однако же, не совсѣмъ безплодною. Съ одной стороны въ министерствахъ, изъ примѣра Свода 1831 года, увидѣли, какъ надобно составлять отчеты. Послѣ истекшихъ съ тѣхъ поръ двадцати пяти лѣтъ, въ такую эпоху, гдѣ я смотрю на свой молодой трудъ съ хладнокровнымъ безпристрастіемъ посторонняго наблюдателя, смѣю сказать это безъ смѣшного самопоклоненія, ибо множество послѣдующихъ отчетовъ представляли, и въ системѣ и въ образѣ изложенія, одни живые сколки съ сообщенныхъ имъ выписокъ изъ моего Свода. Министерство юстиціи, которое, во время собранія мною матеріаловъ, не могло удовлетворить ни одного изъ моихъ вопросовъ, дало, за 1833 годъ, первый правильный отчетъ, содержащій въ себѣ тѣ же самые вопросы, но на этотъ разъ уже и съ отвѣтами на нихъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, представлявшемъ дотогдѣ, подъ именемъ отчета, одинъ исходящій реестръ своихъ предписаній и отношеній, возобновилась, по крайней мѣрѣ, по вышней формѣ, блистательная эпоха отчетовъ 1803 и 1804 годовъ. Наконецъ, военное министерство и многія отдѣльныя вѣдомства, которыя прежде не давали совсѣмъ никакихъ отчетовъ, съ тѣхъ поръ стали подносить ихъ государю постоянно, за каждый годъ. Другимъ полезнымъ послѣдствіемъ было—печатаніе съ этого времени годовыхъ министерскихъ отчетовъ, вполне, или въ пространныхъ извлеченіяхъ по всѣмъ частямъ, не требующимъ особенной тайны; распространяя массу статистическихъ и историческихъ свѣдѣній, это не могло не оживить нѣкоторымъ образомъ и самого хода администраціи.

Въ поѣздку государя, въ 1834 году, по разнымъ губерніямъ, при немъ находились только генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, управлявшій въ то время корпусомъ жандармовъ и III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, статсъ-секретарь Позень и врачъ Енохинъ ¹⁾. Вотъ что, на одномъ изъ остановочныхъ пунктовъ, Позень слышалъ изъ сосѣдней съ государевымъ кабинетомъ комнаты.

Въ кабинетѣ съ государемъ одинъ Енохинъ. Государь веселъ и разговорчивъ.

— Ты, Енохинъ,—говорилъ онъ,—изъ духовнаго званія и слѣдственно вѣрно знаешь духовное пѣніе.

— Не только знаю, государь, но въ молодости часто я самъ пѣвалъ на клиросѣ.

¹⁾ Между гр. Бенкендорфомъ и Позеномъ прибавлено графъ В. Адлербергъ.

— Такъ спой же что-нибудь, а я буду припѣвать.

И вотъ они поютъ вдвоемъ церковныя стихиры.

— Каково, Енохинъ?

— Прекрасно, государь, вамъ бы хотъ самимъ на клиросѣ пѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ, у меня голосъ не дуренъ и еслибъ я былъ тоже изъ духовнаго званія, то, вѣроятно, попалъ бы въ придворныя пѣвчіе. Тутъ пѣлъ бы покамѣстъ не спалъ съ голоса, а потомъ... ну потомъ выпускаютъ меня, по порядку, съ офицерскимъ чиномъ хотъ бы въ почтовое вѣдомство. Я, разумѣется, стараюсь подбиться къ почтъ-директору и онъ назначаетъ меня на тепленькое мѣстечко, напримѣръ, почтъ-экспедиторомъ въ Лугу. На мою бѣду, у лужскаго городничаго хорошенькая дочка. Я по уши въ нее влюбляюсь, но отецъ никакъ не хочетъ ее за меня выдать. Отсюда начинаются всѣ мои несчастія. Въ страсти моей, я уговариваю дѣвочку бѣжать со мною и похищаю ее. Объ этомъ доносить моему начальству, которое отнимаетъ у меня любовницу, мѣсто, хлѣбъ и напоследокъ отдаетъ меня подъ судъ. Что тутъ дѣлать, безъ связей и безъ протекціи?

Въ эту минуту вошелъ въ кабинетъ Бенкендорфъ.

— Слава Богу, я спасенъ: нахожу путь къ Бенкендорфу, подаю ему просьбу и онъ высвобождаетъ меня изъ бѣды!

Можно представить себѣ, какой неистощимый смѣхъ произвелъ въ слушателяхъ этотъ романъ ex abrupto, доказывающій, вмѣстѣ со многими другими анекдотами, веселую, обыкновенно, настроенность покойнаго государя и игривое его воображеніе.

Сынъ великой княгини, потомъ королевы Виртембергской Екатерины Павловны, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, родившійся въ 1812 году и пожалованный, при самомъ крещеніи (22-го октября) въ полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и Андреевскимъ кавалеромъ, прибылъ въ Россію, по окончаніи воспитанія своего за границею, еще очень молодымъ человѣкомъ, и именно въ 1830 году. Сначала служба его была военная, то-есть фронтовая и онъ былъ назначенъ баталіоннымъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, при которомъ оставался и послѣ производства его, въ 1832 году, въ генераль-маіоры и въ 1834 году въ генераль-лейтенанты. Потомъ онъ хотъ и былъ назначенъ (6-го декабря 1835 года) шефомъ Стародубовскаго кирасирскаго полка, которому впослѣдствіи (14-го апрѣля 1840 года) повелѣно именоваться «Кирасирскимъ Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго» ¹⁾, но это назначеніе было только по-

¹⁾ Титулъ императорскаго высочества пожалованъ принцу, вмѣстѣ съ его супругою (принцессою Терезією Нассаускою) уже позже, и именно въ 1845 году.

четнымъ, и дѣятельность принца была исключительно обращена къ гражданской службѣ, такъ что военнаго остался при немъ только мундиръ и чинъ (съ 16-го апрѣля 1841 года генераль-отъ-инфантеріи). Въ концѣ царствованія императора Николая главные титулы и обязанности принца были: предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, предсѣдатель опекунскаго совѣта и главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и сенаторъ. Примѣчательнѣйшую страницу въ биографіи принца, принадлежащую вмѣстѣ и исторіи Россіи, составляло, конечно, учрежденіе, по его мысли и съ значительнымъ отъ него пожертвованіемъ, Императорскаго училища Правовѣдѣнія.

26-го октября 1834 года принцъ писалъ государю: «Всемилоствѣннѣйшее назначеніе присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, принимаемое драгоцѣннымъ знакомъ отеческаго обо мнѣ попеченія вашего, постоянно доставляетъ мнѣ случай вникать ближайшимъ образомъ въ порядокъ и ходъ гражданского судопроизводства. Недостатокъ образованныхъ и свѣдущихъ чиновниковъ въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ составляетъ неоспоримо одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ, препятствующихъ возвести часть сію на ту степень благоустройства, на которой ваше императорское величество желаете поставить всѣ отрасли управленія. Учебныя заведенія, нынѣ существующія, не удовлетворяютъ сей потребности государства. Молодые люди, получивъ въ оныхъ образованіе на собственный счетъ и потому пользуясь свободою избирать родъ гражданской службы, обыкновенно стремятся въ министерскіе департаменты, гдѣ и виды честолюбія, и способы содержанія болѣе льстятъ ихъ надеждамъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они перемѣщаются въ высшія званія по судебнымъ и исполнительнымъ мѣстамъ, и такимъ образомъ минуютъ канцелярскія должности, не получивъ надлежащаго свѣдѣнія о порядкѣ дѣлопроизводства. Для устройства канцелярій, давно озабочивающаго правительство, полагаю необходимымъ, чтобы улучшеніе содержанія согласовано было съ образованіемъ людей, къ гражданской службѣ назначаемыхъ, и чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ учреждена была правильная для нихъ постепенность въ повышеніяхъ. Убѣжденіе въ сихъ истинахъ возродило во мнѣ мысль о пользѣ учрежденія особеннаго училища Правовѣдѣнія. Многіе изъ опытнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ вашихъ помышляли и прежде меня о такомъ учрежденіи, но значительныя издержки, необходимыя для первоначальнаго устройства подобнаго заведенія, могли исполненію сей мысли препятствовать. Вамъ, государь, принадлежитъ все, что я имѣю, и самая жизнь моя! И еслибъ удѣленіемъ моего избытка могъ я содѣйствовать пользѣ службы вашего императорскаго величества, могъ быть полезенъ роднѣ, къ коей привязанъ душою, то почелъ бы себя безмѣрно счастливымъ. Побуждаемый

сими чувствами, я желалъ бы пожертвовать сумму, потребную на приобрѣтеніе дома и на первоначальное обзаведеніе училища «Правовѣдѣнія».

Затѣмъ слѣдовало краткое изложеніе основаній, на которыхъ принцъ полагалъ учредить сіе училище и опредѣлить обязательную службу оканчивающихъ въ немъ курсъ; въ заключеніе же онъ предлагалъ, если мысль его будетъ принята, приступить къ составленію проекта положенія и штата.

Письмо это государь передалъ Сперанскому, съ слѣдующею надписью: «Благородныя чувства принца достойны уваженія. Прошу, прочитавъ, переговорить съ нимъ и мнѣ сообщить какъ ваши замѣчанія, такъ и то что съ принцемъ вами условлено будетъ». Составленные, вслѣдствіе того, по обоюдному ихъ соглашенію, проекты устава и штата внесены были въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подверглись, однако, подробному разбору и многимъ перемѣнамъ, пока были, наконецъ, утверждены 29-го мая 1835 года и изданы при указѣ, въ которомъ сказано было, что государь вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность воздать справедливость побужденіямъ, на коихъ основано предположеніе принца, пріемля оныя доказательствомъ примѣрнаго его усердія къ общему благу и наслѣдственнаго ему глубокаго чувства любви къ отечеству». Принцъ на покупку и перестройку дома (на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, бывшій Неплюева), съ нужнымъ обзаведеніемъ, пожертвовалъ болѣе милліона (ассигнаціями) рублей. За все это, черезъ два дня послѣ подписанія указа (31-го мая) ему данъ былъ рескриптъ, въ которомъ государь говорилъ, сколь много цѣнить и достоинство мысли принца и образъ ея исполненія — мысли, въ именной наслѣдственной любви къ отечеству, тогда какъ предложенный образъ исполненія означаетъ готовность содѣйствовать его пользамъ, не щадя достоянія»¹⁾.

Въ февралѣ 1837 года, послѣ болѣзни, едва не положившей меня въ гробъ и въ продолженіе которой императоръ Николай безпрестанно присылалъ навѣдываться о моемъ здоровьи и наконецъ, поручилъ меня искусству доктора Арндта, бывшаго въ то время его врачомъ, я явился благодарить государя за его милостивое участіе. Принявъ меня съ распростертыми объятіями и съ вопросомъ: «Ну что, оправился немножко, любезный мой Корфъ?» онъ велѣлъ рассказать себѣ весь ходъ моей болѣзни подробно, отъ начала до конца. Когда я коснулся разстроеннаго состоянія моихъ нервовъ, государь съ усмѣшкою возразилъ:

— Полно тебѣ въ наши дѣта такъ бабиться!

¹⁾ Указъ былъ написанъ мною, а рескриптъ Сперанскимъ, и я не безъ нѣкотораго самодовольствія увидѣлъ, что подчеркнуты здѣсь слова были заимствованы имъ изъ моей редакціи.

Но потомъ опять съ участіемъ соблаговолилъ спрашивать, не болитъ ли у меня грудь, правда ли что пострадала моя память и пр., изъявляя надежду, что «все это поправится, на новую, такую же полезную службу мнѣ, какъ и до сихъ поръ». Далѣе онъ обратилъ рѣчь къ плану заграничнаго путешествія, которое врачи признавали необходимымъ для полнаго моего выздоровленія.

— Куда же ты ѣдешь: на Рейнъ или въ Богемію?

На отвѣтъ мой, что я думаю еще посоветоваться съ Мандтомъ, который, не задолго передъ тѣмъ пріѣхавъ изъ за границы, пользовалъ императрицу Александру Ѳеодоровну, онъ сказалъ:

— И прекрасно сдѣлаешь: Мандтъ очень искусный человекъ и тѣмъ больше искусный, что умѣетъ дѣйствовать не только на физика, но и на воображеніе. Съ моею женою онъ сдѣлалъ, просто, чудеса и мы оба отъ него въ восхищеніи. Не вѣрь здѣшнимъ докторамъ, если они его бранятъ: это оттого что онъ въ тысячу разъ умнѣе и ученѣе ихъ. Советуйся съ нимъ однимъ и одному ему довѣрай.

Поговоривъ за тѣмъ о недовѣріи своемъ вообще къ врачамъ и къ медицинѣ и о томъ, что протавъ болѣзней хроническихъ, онъ считаетъ самыми вѣрными средствами: воды, климатъ, и развлеченіе, сопряженное съ заграничнымъ путешествіемъ государь вдругъ спросилъ:

— Но кто же заступитъ тебя на такое долгое время (на шесть мѣсяцевъ) по Совету?

— Государь, мнѣ объявлена уже ваша воля по этому предмету. Вамъ угодно было приказать, чтобы мою должность исправлять старшій по мнѣ въ государственной канцеляріи.

— Да, да, чтобъ не пускать чужого козла въ огородъ. Но довольно ли надеженъ Боровковъ? Можно ли повѣрить ему такія важныя обязанности?

— Онъ — человекъ надежный и по правиламъ и по знанію дѣла, хотя и не совсѣмъ отличный редакторъ, въ чемъ прошу ваше величество имѣть къ нему милостивое снисхожденіе. Дѣла при немъ, смѣю надѣяться, пойдутъ къ удовольствію вашего величества. Я вообще очень счастливъ товарищами: всѣ они люди благородные, знающіе, пользующіеся довѣріемъ членовъ Совета и публики. Получивъ уже единожды должное направленіе, каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое дѣло.

Тутъ государь удивилъ меня своимъ знакомствомъ съ личнымъ составомъ государственной канцеляріи. Спрашивая порознь о каждомъ изъ высшихъ ея чиновниковъ, онъ называлъ ихъ по фамліямъ и входилъ въ подробности объ ихъ способностяхъ, свѣдѣніяхъ и надежности. Я отвѣчалъ, отдавая каждому заслуженную справедливость.

— У тебя такой нагѣвъ, какой я рѣдко слышу отъ другихъ; каждый

какъ бы похвалить себя, а другихъ по-ниже. Но полно: я знаю, что все это и держится и идетъ тобою и очень боюсь твоего отсутствія, а между тѣмъ еще разъ благодарю за то, что ты такъ поднялъ и облагородилъ, сперва канцелярію комитета министровъ, а теперь государственную канцелярію. Мы съ тобою еще не сосчитались!

Когда, между прочими отзывами насчетъ чиновниковъ, я въ особенности рекомендовалъ Башуцкаго (правившаго тогда должность статсъ-секретаря въ гражданскомъ департаментѣ, послѣ сенатора) за благородство правилъ и высокое безкорыстіе, государь возразилъ:

— Сначала, я никакъ не могъ вразумить себя, чтобы можно было хвалить кого нибудь за честность и меня всегда взрывало, когда ставили это кому въ заслугу; но послѣ пришлось, по неволѣ, свыкнуться съ этою мыслию. Горько подумать, что у насъ бываетъ еще противное, когда я и я и всё мы употребляемъ столько усилій, чтобы искоренить это зло!

— Государь, отвѣчалъ я,—въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Россія, въ ваше царствованіе, все таки далеко ушла противъ прежняго. Служивъ около десяти лѣтъ при императорѣ Александрѣ, я могу судить по сравненію. Теперь хоть въ высшихъ по крайней мѣрѣ степеняхъ, все чисто какъ ваши намѣренія, и если кто изъ насъ когда грѣшитъ, то по ошибкамъ, а конечно уже не по злой волѣ.

— О васъ и я такъ думаю. Но что еще дѣлается внизу, что въ серединѣ! Тамъ точно надо еще хвалить за безкорыстіе и виѣнять въ достоинство то, что слѣдовало бы считать только за отсутствіе зла. Но объ этомъ можно бы толковать еще цѣлый часъ, а я и такъ замучилъ тебя, полубольного, этимъ длиннымъ разговоромъ.

Остальная часть бесѣды относилась уже ко мнѣ, къ моей женѣ, къ нашимъ домашнимъ дѣламъ и потому могла бы принадлежать скорѣе къ личной моей біографіи, чѣмъ къ предмету настоящихъ записокъ.

Въ нашей духовной іерархіи въ первой четверти настоящаго столѣтія явилось лицо, чрезвычайно примѣчательное въ разныхъ отношеніяхъ, именно архимандритъ Юрьева Новгородскаго монастыря Фотій. Сынъ простаго дьячка, обязанный всѣмъ самому себѣ, Фотій умѣлъ приобрести не простую пріязнь, а полную дружбу графа Аракчеева, свергнуть (въ 1824 г.), при помощи митрополита Серафима, генералъ-адъютанта Ѳедора Петровича Уварова и того же Аракчеева,—князя Александра Николаевича Голицына съ поста министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; внушить слѣпое, рабское къ себѣ повиновеніе графини Орловой, дочери знаменитаго героя Чесменскаго; наконецъ

возвести на высшую степень благолѣпія и богатства древнюю Юрьевскую обитель, столь славную въ нашихъ лѣтописяхъ, но пришедшую, отъ разныхъ причинъ, въ заустѣніе и совершенную нищету. Жизнь его была всегда жизнью истиннаго отшельника, преисполненною всѣхъ возможныхъ лишеній для самого себя и щедрыхъ даяній бѣднымъ новгородскимъ монастырямъ и церквамъ, равно какъ множеству частныхъ лицъ. Несмотря однако же на все это, онъ былъ почти ненавидимъ въ обществѣ, которое называло его іезуитомъ, Тартюфомъ, волкомъ въ овечьей шкурѣ и пр. Этому нерасположенію способствовали, конечно, съ одной стороны, общая ненависть къ другу его Аракчееву, а съ другой—и то несоотвѣтственное иноческому званію дерзкое высокомеріе, которое Фотій ко всѣмъ оказывалъ, встрѣчая каждаго, безъ различія пола, лѣтъ и званія, хотя бы то былъ и высшій сановникъ, грубымъ «ты». Императоръ Николай, вѣроятно по нерасположенію къ Аракчееву, можетъ быть отчасти и по наговорамъ приближенныхъ лицъ, никогда не благоволилъ къ юрьевскому архимандриту. Въ 1835 году, когда государь впервые посѣтилъ его монастырь, Фотій лично самъ еще болѣе усилилъ это нерасположеніе. Онъ вышелъ на встрѣчу государя безъ облаченія и протянулъ неспрошено руку свою для цѣлованія. Государь обернулся къ провожавшему его графу Бенкендорфу и сказалъ по-французски:

— Vous conviendrez que je sais me maîtriser,—потомъ поцѣловалъ протянутую ему руку и пошелъ осматривать монастырь.

Но на другой день велѣно было вытребовать Фотія въ Петербургъ и здѣсь наставить его, какимъ образомъ должно встрѣчать императора. Его въ то время продержали и промучили въ Александро-Невской лаврѣ три недѣли и сказываютъ, что кромѣ смертельной раны, нанесенной его самолюбію, этотъ урокъ и разрѣшеніе возвратиться въ свою обитель, стоили ему до 30.000 рублей ассигнаціями.

Несмотря на то, въ февралѣ 1838 г., узнавъ о тяжелой болѣзни Фотія, государь явилъ заносчивому архимандриту особенный знакъ вниманія, тотчасъ отправивъ къ нему изъ Петербурга лейбъ-медика Маркуса, на рукахъ котораго онъ и умеръ.

Въ февралѣ 1838 года, скоростпжно, послѣ бала въ Аничкиномъ дворцѣ, умеръ петербургскій комендантъ, нѣкогда командиръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Мартыновъ, человекъ безъ образованія, безъ высокаго ума, но правдивый, честный и добрый. Государь очень былъ огорченъ смертью этого преданнаго и вѣрнаго слуги.

— Мы были съ нимъ знакомы тридцать лѣтъ,—сказалъ онъ,—и я у него бралъ первые уроки военной службы.

На мѣсто умершаго Мартынова назначенъ былъ петербургскимъ комендантомъ генералъ Захаржевскій, человекъ до безобразности туч-

ный. На замѣчаніе, что такой толстякъ едва ли пригоденъ для должности, требующей безпрестанной дѣятельности, даже и физической, государь отвѣчалъ:

— Напротивъ, отъ такого неповоротливаго меньше будетъ дразгъ чѣмъ отъ другого проворнаго, который сталъ бы бѣгать ко мнѣ за всякою бездѣлицею, вмѣсто того, чтобы самому расправляться. Мнѣ не нужно знать всѣхъ мелочныхъ шалостей молодыхъ офицеровъ и не мое, а коменданта дѣло d'y mettre le holà.

Царствованіе императора Николая было богато безчисленными чертами, то гениальными и потрясавшими душу какъ электрическая искра, то трогательными и умилительными, но всегда проявлявшими высокую, свѣтлую, поэтическую его душу. И тѣломъ и духомъ онъ былъ рожденъ повелѣвать, но кромѣ того и быть любимымъ и едва ли, не говоря уже о монархахъ, была когда-либо и обворожительная женщина, которая имѣла бы такое множество фанатическихъ, иступленныхъ обожателей. Но зато какъ и умѣлъ онъ владѣть умами и сердцами!

Въ февралѣ 1838 г. государь посѣтилъ, какъ дѣлывалъ часто и прежде и послѣ, Пажескій корпусъ, гдѣ, подобно прочимъ военно-учебнымъ заведеніямъ, выставляются всегда, на одной доскѣ, имена воспитанниковъ, отличившихся добрымъ поведеніемъ, а на другой имена впавшихъ въ какую-нибудь погрѣшность. Подозвавъ прежде отличившихся пажей, онъ хвалилъ и благодарилъ ихъ и заключилъ словами: «Будьте увѣрены, что я и впередъ вашихъ именъ не забуду». — Потомъ дошла очередь до провинившихся. Пожуривъ ихъ отечески, онъ вдругъ беретъ губку и стираетъ имена ихъ съ черной доски.

— На этотъ разъ, — говоритъ онъ, — я отношу ваши шалости къ легкомыслію и, въ надеждѣ, что впередъ будете лучше, всю вину вашу беру на себя; но помните же, что ужъ теперь я за васъ отвѣчаю и не выдайте меня.

Слова и анекдоты въ подобномъ родѣ повторялись въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія ежедневно.

8-го апрѣля, въ 6 часовъ послѣ обѣда, мнѣ, по званію моему государственнаго секретаря, дали знать о кончинѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Новосильцева, которую, при тяжелой его болѣзни, мы уже нѣсколько дней ожидали. Я тотчасъ поскакалъ къ нему въ домъ, гдѣ, пригласивъ ближайшаго изъ родныхъ и наследника его сенатора Огарева, запечаталъ вмѣстѣ съ нимъ двери кабинета покойнаго, а оттуда поѣхалъ съ донесеніемъ о моихъ распоряженіяхъ къ государю, который въ то время, по случаю возобновленія сгорѣвшаго Зимняго дворца, жилъ въ Анничкиномъ дворцѣ. Почти у воротъ послѣдняго нагналъ

меня фельдъегеръ съ запискою, собственноручно написанною государемъ: «Статсъ-секретарю барону Корфу». Вскрываю и нахожу, что я предварилъ высочайшую волю. «По случаю кончины Николая Николаевича Новосильцева,—писалъ государь,—нужнымъ считаю приказать вамъ ¹⁾ немедленно опечатать бумаги, у него хранившіяся, что вы учините сейчасъ, вмѣстѣ съ тѣми изъ родныхъ, которые при немъ; по исполненіи мнѣ донести. Н.» 8-го апрѣля 1838 года.

По докладѣ государю о моемъ пріѣздѣ онъ принялъ меня въ ту же минуту и сказалъ:

— Я счелъ нужнымъ запечатать бумаги покойнаго графа, не потому что между ними могутъ быть дѣла Совѣта или комитета министровъ, а болѣе потому, что тутъ должна находиться переписка его съ братьями Александромъ и Константиномъ, которыхъ довѣренностію онъ долго пользовался и, можетъ статься, другія еще бумаги въ такомъ же родѣ. Разбери все это хорошенько и потомъ представь мнѣ подробныя описи по категоріямъ, а я назначу куда что передать.

Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ словъ о послѣднихъ минутахъ графа, о находившихся при немъ родственникахъ и пр., я спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній относительно погребенія, въ тайной надеждѣ, что можетъ быть это поведетъ къ вопросу о положеніи, въ какомъ остались дѣла покойнаго и родственниковъ его (у нихъ почти ничего не было), а вслѣдствіе того будетъ приказано похоронить его на казенный счетъ. Но государь отвѣчалъ равнодушно и почти холодно:

— Ну, что-жъ, братецъ, вѣдь намъ въ это не мѣшаться; пусть родные дѣлаютъ какъ хотятъ; впрочемъ, разумѣется, что по наружному церемоніалу должно быть соблюдено все приличіе, и по нарядамъ и пр. ты сдѣлаешь какъ было при похоронахъ прежняго предсѣдателя Совѣта князя Лопухина, потому что князь Кочубей умеръ въ Москвѣ и слѣдовательно не можетъ тутъ служить примѣромъ ²⁾.

Вообще я предполагалъ найти болѣе сочувствія, или по крайней мѣрѣ вида сочувствія, къ смерти графа, хотя и зналъ, что прямого, искренняго расположенія къ нему не было, а особеннаго уваженія, при гласности въ цѣломъ Петербургѣ довольно безнравственной частной жизни покойнаго, также быть не могло ³⁾. Но всего замѣчательнѣе было за-

¹⁾ Говоря всѣмъ, не только приближеннымъ, но и вообще извѣстнымъ ему „ты“, императоръ Николай на бумагахъ никогда не называлъ никого иначе, какъ „вы“.

²⁾ Государь потомъ лично присутствовалъ при погребеніи Новосильцева въ Невскомъ монастырѣ.

³⁾ Новосильцевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, послѣ смерти князя Кочубея, лѣтомъ 1834 года и первая мысль о семъ назначеніи его была подана государю великимъ княземъ Михаиломъ Павло-

ключеніе этой бесѣды, при которомъ государь выразилъ откровенное свое мнѣніе насчетъ окружавшихъ его въ ту эпоху людей.

— Богѣ всего,—сказалъ онъ,—озабочиваетъ меня теперь вопросъ о преемникѣ графу. Есть человекъ, душевно преданный мнѣ и Россіи, высокихъ чувствъ, всѣми любимый и уважаемый, но отъ котораго по слабости здоровья, почти совѣстно потребовать такой жертвы, да едва ли и самъ онъ согласится,—это графъ (послѣ князь) Илларионъ Васильевичъ (Васильчиковъ); бѣда еще и въ томъ, что онъ глухъ, смертельно глухъ! Всѣхъ способнѣе къ этой должности былъ бы, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ Михайло Михайловичъ (Сперанскій); но боюсь, что къ нему не имѣли бы полной довѣренности: онъ мой редакторъ ¹⁾ и потому его стали бы подозрѣвать въ пристрастіи ко мнѣ. Графъ Литта тоже человекъ съ высокими достоинствами, которымъ я отдаю полную и душевную справедливость, но у него не русское имя и притомъ онъ католикъ. Князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ) не годится ни по способностямъ, ни по лѣтамъ. Оставался бы еще графъ Петръ Александровичъ (Толстой); но этотъ тяжелъ, лѣнивъ и тоже не годится. Вообще надо еще хорошенько подумать, а вѣдь между тѣмъ дѣла не останутся у васъ и въ теперешнемъ промежуточномъ порядкѣ.

Когда государь кончилъ свою рѣчь, я осмѣлился замѣтить, что обязанности предсѣдателя становятся съ каждымъ днемъ обременительнѣе, по множеству и безпрестанно увеличивающейся важности вновь поступающихъ дѣлъ.

— О, подожди только до будущей зимы — возразилъ государь — тогда мы внесемъ къ вамъ работы самыя важныя: поясненія и дополненія къ Своду, которыя надо будетъ разсматривать съ особенною внимательностію, можетъ быть даже въ экстренныхъ засѣданіяхъ.

Въ тотъ же день, вслѣдъ за моею аудіенціею былъ вечеръ у вдовы предшественника Новосильцова, княгини Кочубей, на которомъ присутствовала и вся царская фамилія. Увидя тутъ Васильчикова, государь отвелъ его въ сторону и, послѣ многихъ убѣжденій, согласилъ принять упразднившуюся должность Новосильцова ²⁾. Такимъ образомъ, по особенному стеченію обстоятельствъ, въ самый день смерти предсѣ-

вичемъ, какъ я самъ отъ него неоднократно слышалъ. Новосильцевъ, долго состоявъ при цесаревичѣ Константиѣ Павловичѣ, пользовался полною его довѣренностію, а извѣстно, что мнѣніе и взглядъ цесаревича были всегда закономъ для младшаго изъ его братьевъ.

¹⁾ Сперанскій управлялъ въ то время II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, въ которомъ не задолго передъ тѣмъ окончено было, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ государя, бессмертное созданіе «Свода» и изготовлялись разные законодательные проекты.

²⁾ Указъ о семъ былъ подписанъ на другой день, 9-го апрѣля.

дателя Государственнаго Совѣта былъ у вдовы его предшественника вечеръ, на которомъ назначенъ ему преемникъ.

— Я принялъ это званіе — говорилъ мнѣ потомъ графъ Васильчиковъ — съ тяжкимъ сознаниемъ своей малоспособности, съ увѣренностію даже, что оно разрушить послѣдніе остатки слабаго моего здоровья; но принялъ и счелъ противнымъ долгу совѣсти отказаться отъ него собственно въ виду тѣхъ ничтожностей, которыя находилъ вокругъ себя въ числѣ кандидатовъ.

Изъ этого заключаю, что въ разговорѣ съ нимъ государь не называлъ, какъ мнѣ, Сперанскаго, потому что Васильчиковъ принадлежалъ къ числу ревностѣйшихъ почитателей его ума и государственныхъ достоинствъ.

Разборъ бумагъ графа Новосильцова былъ оконченъ мною въ нѣсколько недѣль, но по своимъ результатамъ не оправдалъ предвидѣній государя. Переписка съ императоромъ Александромъ I и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и всѣ важнѣйшія изъ другихъ бумагъ, которыя могли бы представить особенный интересъ, были расхищены въ Варшавѣ, во время мятежа 1830 года. Затѣмъ между оставшимися послѣ его смерти (бумагами) найдено было очень мало: большею частію беспорядочные отрывки, копии, незначущія подлинныя дѣла. Въ представленной мною подробной описи государь сдѣлалъ отмѣтки противъ каждой статьи: иное велѣно было сжечь, другое разослать, по роду дѣлъ, въ министерства, и только три вещи представить ему самому: 1) разные отрывочные матеріалы, по-русски и по-французски, для «конституціонной хартіи Россіи» плодъ одного изъ филантропическихъ мечтаній императора Александра въ первой половинѣ его царствованія, 2) собственноручную записку покойнаго графа съ разборомъ статьи: «L'Empereur Nicolas», появившейся не задолго передъ тѣмъ въ «Revue de Paris», статьи, которая въ то время у насъ почти всѣхъ восхищала, но въ которой Новосильцовъ видѣлъ не иное что какъ самый ѣдкій пасквиль, прикрытый личиною похвалы и простосердечія, 3) копию съ польскаго письма, которымъ великій князь Константинъ Павловичъ въ 1824 году спрашивалъ кого то въ Берлинѣ о здоровьи своего брата—но котораго? по содержанію письма не было видно.

Я имѣлъ счастье сдѣлаться лично извѣстнымъ императору Николаю по законодательнымъ работамъ во II отдѣленіи собственной Его канцеляріи, на которыя онъ обращалъ въ первое время такое заботливое вниманіе, что ему подавались еженедѣльно подробности вѣдомости о занятіяхъ каждаго изъ чиновниковъ отдѣленія поименно. Бывъ пожалованъ за сіи работы, въ одинъ и тотъ же день, въ коллежскіе

совѣтники, въ званіе камергера и значительнымъ денежнымъ награжденіемъ, я впервые представлялся его величеству на Елагиномъ острову, въ іюль 1827 года, и могу сказать, что съ самой этой минуты, при каждомъ свиданіи, при каждомъ случаѣ къ наградѣ, государь не переставалъ осыпать меня милостями и ласками, а позже счастливить меня и частыми знаками высокоаго, особаго довѣрія. Въ длинный рядъ слѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ его царствованія, состоявъ съ 1831 года управляющимъ дѣлами Комитета министровъ и съ 1834 года государственнымъ секретаремъ, слѣдственно въ должностяхъ самыхъ приближенныхъ къ особѣ монарха, я только одинъ разъ имѣлъ несчастіе подпасть его гнѣву, и вотъ по какому случаю:

Въ первыхъ дняхъ мая 1838 года государь предполагалъ отправиться за границу, а между тѣмъ 22-го апрѣля окончено было въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣніе огромнаго проекта учрежденій мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ, внесеннаго министромъ (тогда еще не графомъ) Киселевымъ. Какъ при поступленіи этого дѣла, а именно 25-го марта, предсѣдатель графъ Новосильцовъ объявилъ мнѣ высочайшую волю о разсмотрѣніи его въ Совѣтѣ сколь можно поспѣшнѣе, то оно и было окончено, при всей его обширности, менѣе, нежели въ мѣсяцъ, и всѣ эти обстоятельства, представляя 26-го апрѣля государю проектъ, я изложилъ въ приложенной отъ меня докладной запискѣ. Но вмѣсто ожиданнаго изъявленія удовольствія за такую быстроту, на другой день возвратилась отъ государя одна моя докладная записка, съ слѣдующею собственноручною его надписью: «вы забыли, кажется, что я привыкъ читать, а не просматривать присылаемыя бумаги, и для того приказалъ, чтобъ всѣ вѣдомства прислали мнѣ всѣ важныя бумаги не позже 15-го апрѣля, дабы успѣть прочесть; вамъ слѣдовало тоже исполнить, ежели же сего невозможно было, то испросить повелѣніе, что дѣлать съ симъ положеніемъ, когда оно будетъ готово: ибо мнѣ нѣтъ никакой возможности его читать, за близкимъ отъѣздомъ».

Упрекъ обожаемаго государя поразилъ меня тѣмъ болѣе, что я въ глазахъ его являлся тутъ какъ бы неисполнившимъ его волю и за тѣмъ, хотя съ увѣренностію въ своей безвинности, но съ стѣсненнымъ сердцемъ, я тотчасъ отвѣчалъ слѣдующею запискою.

«Вслѣдствіе сей часъ полученнаго мною высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести:

1) Высочайшая воля, чтобы всѣ важныя бумаги поднесены были вашему величеству не позже 15-го апрѣля, никѣмъ мнѣ объявлена не была и я узналъ о ней впервые изъ послѣдовавшей сегодня на всеподданнѣйшей моей запискѣ высочайшей резолюціи.

2) Генералъ Киселевъ въ подносимомъ у сего письмѣ отъ 25-го апрѣля ¹⁾ увѣдомилъ меня, напротивъ, что ваше величество ожидать изволите представленія его проекта, для сколь можно скорого прочтенія до отъѣзда. Посему, поднеся тотъ проектъ тотчасъ на другой день, я думалъ въ точности исполнить священную волю вашего величества».

И что же? Тотъ самый Николай, котораго невѣжественныя иностранцы и злонамѣренные крикуны старались всегда изображать такимъ непогрѣшимымъ и неподвижнымъ въ изъявленіяхъ своей воли, возвратилъ мнѣ эту объяснительную записку въ ту же минуту, съ слѣдующею новою надписью:

«Ежели такъ, то вы не виноваты, ибо приказаніе до васъ не дошло, видно, по ошибкѣ. Положеніе сіе, по огромности, требуетъ много времени для прочтенія и я никакъ не надѣюсь прочесть до отъѣзда, ибо и безъ того дѣлъ много, и возьму съ собой и приплю когда будетъ можно». При этомъ еще замѣчу одинъ знакъ нѣжной внимательности государя: записки мои съ его надписями, и первая и вторая, были высланы мнѣ не черезъ I-е отдѣленіе Собственной канцеляріи, какъ въ дѣлахъ Совѣта всегда и безъ изъятія дѣлалось, а прямо въ собственные руки, съ его фальдъегеремъ. Государь явно изъявилъ этимъ волю свою оставить дѣло, такъ сказать, домашнимъ и тайною между нами двумя. Подобныя черты драгоцѣнны для историка!

За всѣмъ тѣмъ это дѣло, начавшееся такъ для меня худо, хотя и безъ моей вины, должно было окончиться еще хуже, и на этотъ разъ, къ несчастію, уже прямо по моей винѣ.

Упомянутый выше проектъ, или, лучше сказать, цѣлое собраніе проектовъ, содержалъ въ себѣ около 800 листовъ, и не видя, при страшной поспѣшности, никакого средства переписать ихъ, по сдѣланнымъ со стороны Совѣта поправкамъ и перемѣнамъ, въ маленькой государственной канцеляріи, я просилъ Киселева возложить это на многочисленныхъ его чиновниковъ, но съ тѣмъ, чтобы они приняли уже на себя и всю отвѣтственность за вѣрность переписки и: ибо даже перечитать и провѣрить всѣ эти огромные фоліанты мнѣ, среди множества другихъ, тоже слѣшныхъ занятій, не было никакой возможности. Киселевъ обѣщалъ исполнить это со всею точностію, а правителю его канцеляріи, при отдачѣ ему бумагъ, я повторилъ еще разъ, что вѣрность переписки обратится на личную и непосредственную его отвѣтственность. Такимъ образомъ, будучи успокоенъ въ этомъ отношеніи и получивъ переписанные проекты обратно лишь за два дня до поднесенія ихъ государю, когда нельзя уже было и помышлять о какой нибудь повѣркѣ съ моей стороны, я отправилъ

¹⁾ Слѣдственно наганунѣ отсылки мною проекта къ государю.

ихъ не читавши. Но государь, еще до своего отъѣзда, успѣлъ прочесть все и высылалъ мнѣ тетради постепенно, съ собственноручными поправками замѣченныхъ описокъ, которыхъ было не мало; наконецъ 1-мая, наканунѣ выѣзда изъ Петербурга, онъ возвратилъ мнѣ и послѣднюю тетрадь, съ надписью: «Много описокъ; кто повѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту».

Что было мнѣ дѣлать по этой резолюціи, мнѣ, который, въ званіи государственнаго секретаря, отвѣтственнаго за все, что происходитъ и дѣлается въ канцеляріи Совѣта, хотя бы и другими, чувствовалъ и сознавалъ вполнѣ свою вину въ этомъ случаѣ? Я поѣхалъ къ графу Васильчикову, только за три недѣли передъ тѣмъ, по смерти Новосильцова, назначенному предсѣдателемъ Совѣта; объяснилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ довести до свѣдѣнія государя, что въ государственной канцеляріи нѣтъ и не можетъ быть никого виноватаго кромѣ одного меня; почему я и ожидаю дальнѣйшихъ повелѣній его величества на мой счетъ. Графъ въ ту же минуту самъ отправился къ государю и вотъ что потомъ мнѣ передалъ:

Государь крайне разгнѣванъ. Онъ не хотѣлъ принять никакихъ оправданій спѣшностію дѣла и множествомъ другихъ проектовъ, также важныхъ, которые были поднесены ему на этой же недѣлѣ и гдѣ не нашлось и одной описки.

— Если Корфъ—сказалъ онъ—не успѣлъ приготовить и прочесть бумагъ какъ слѣдовало, то долженъ былъ мнѣ донести, и я далъ бы ему отсрочку, а въ такомъ видѣ бумагъ мнѣ не представляютъ. Я люблю Корфа безъ души и самъ его вывелъ, съ нимъ никогда этого не случилось, а видно онъ теперь подумалъ, что, за скорымъ отъѣздомъ, я только прогляжу бумага и не стану ихъ читать. Я доказалъ ему противное. Но именно потому, что этого никогда съ нимъ не случилось, надо принять мѣры, чтобъ это было и въ первый и въ послѣдній разъ.

— Je vous assure—продолжалъ Васильчиковъ—que j'ai dû fortement batailler pour votre défense et que ce n'est qu'après bien des objections de ma part qu'il a voulu s'arrêter à une mesure plus douce. Онъ приказалъ мнѣ сдѣлать вамъ завтра (это было въ воскресенье, а день общаго собранія Совѣта—въ понедѣльникъ) замѣчаніе въ присутствіи Государственнаго Совѣта, но велѣлъ вмѣстѣ пожурить и Киселева.

Все это было высказано почтеннымъ старцемъ почти со слезами и онъ истинно тронулъ меня своимъ участіемъ.

— Что для меня всего тутъ больнѣе—отвѣчалъ я—это то, что такой случай, первый со мною въ восьмой годъ, что я состою при государѣ, долженъ былъ встрѣтиться именно на первыхъ порахъ моего съ вами сослуженія и я такъ худо вамъ рекомендую. Впрочемъ и

несчастіе имѣть свою хорошую сторону; это мнѣ урокъ на цѣлую жизнь: не полагаться никогда на другихъ, а чужою опытностію уменѣе не будешь: надо все испытать самому!

Въ это время явился приглашенный графомъ (Васильчиковымъ) Киселевъ. Побывъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, графъ позвалъ меня опять въ кабинетъ. Тутъ я нашелъ Киселева обратившимся всего въ сочувствіе. Блѣдный какъ полотно, онъ почти плакалъ о наведенной на меня непріятности; говорилъ, что если я могу казаться виноватымъ передъ государемъ, то передо мною истинно виноватъ одинъ онъ, Киселевъ; проклиналъ свою канцелярію, прибавляя, что если бы меня послали на гауптвахту, то онъ самъ отдалъ бы свою шпагу и пришелъ бы сидѣть со мною; превозносилъ какое то мнимое мое благородство въ томъ, что я принялъ всю вину на себя, тогда какъ такъ легко могъ сложить ее на другихъ; увѣрялъ, что если только увидить еще государя передъ его отъѣздомъ, то совершенно меня очистить и пр. Всѣ мы трое были крайне смущены и взволнованы.

Въ понедѣльникъ я явился въ Совѣтъ совсѣмъ уже приготовленный къ предстоявшей мнѣ непріятной сценѣ и, вмѣстѣ, къ отвѣту, когда сдѣлано мнѣ будетъ замѣчаніе: «что вижу въ немъ одно особенное монаршее снисхожденіе къ непростительной моей винѣ». Но пріѣхавшій въ слѣдъ за мною графъ Васильчиковъ, отозвавъ меня въ другую комнату, объявилъ наединѣ, «что беретъ на свою отвѣтственность не дѣлать мнѣ указаннаго замѣчанія, ибо не видитъ моей вины; что Киселевъ поступилъ благородно и вчера же въ письмѣ къ государю принялъ всю вину на себя; что вслѣдъ за этимъ и онъ, Васильчиковъ, собирается сей часъ послать къ государю (который, простясь со всѣми передъ отъѣздомъ, былъ уже въ Царскомъ Селѣ) нарочнаго съ донесеніемъ, что если виноватъ я, то виноватъ я онъ, подписавшій проекты безъ прочтенія ихъ; наконецъ, что онъ не сомнѣвается въ снисхожденіи государя ко всѣмъ этимъ совокупнымъ объясненіямъ». Такъ и сдѣлалось и я счастливо миновалъ перваго наказанія, которое должно было постигнуть меня послѣ двадцати одного года службы.

Записка къ государю Киселева, который имѣлъ любезность сообщить мнѣ съ нея копію, написана была очень правдиво, но вмѣстѣ и довольно искусно. Изъяснивъ ходъ составленія и потомъ переписки проектовъ въ министерствѣ, онъ прибавлялъ, что, по данному ему отъ его чиновниковъ завѣренію о исправности корректуры, онъ объявилъ тоже самое и мнѣ, прося не задерживать болѣе сихъ проектовъ, дабы государь, до отбытія въ дальній путь, удостовѣрился въ окончаніи дѣла, высочайшею довѣренностію на него, Киселева, возложеннаго; что, при обращеніи вниманія на редакцію передѣланныхъ по указаніямъ Совѣта статей, описки ускользнули отъ корректоровъ, на которыхъ окончательно возло-

жено было это дѣло, и что я, основываясь на его завѣреніи, представилъ государю проекты, совѣтомъ уже одобренные, но въ которые, къ прискорбію, вкрались погрѣшности въ перепискѣ, единственно до его министерства относящіяся. Всю бумагу эту, довольно пространную, Киселевъ заключалъ такъ: «какъ министерство сіе высочайше ввѣрено моему вѣдѣнію, то, не изъемя себя отъ отвѣтственности за упущенія по оному и сдѣлавъ надлежащее съ кого слѣдуетъ взысканіе, я повергаю сіе всеподданнѣйшее мое объясненіе на всемилостивѣйшее воззрѣніе, осмѣливаясь надѣяться, что ваше величество, во вниманіи къ сему откровенному объясненію, не поставитъ въ вину барона Корфа упущенія, происшедшаго по довѣрію его къ моему завѣренію».

Записки графа Васильчикова я не видалъ; но на другой день онъ объявилъ мнѣ, что государь отмѣнилъ повелѣніе о сдѣланіи мнѣ замѣчанія и что такимъ образомъ все это останется между нами одними. И дѣйствительно, въ городѣ никто о томъ не узналъ.

Престарѣлый графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, переставъ уже нѣсколько лѣтъ, за дряхлостію и болѣзнями, участвовать въ собраніяхъ Государственнаго Совѣта, въ 1838 году сталъ наконецъ просить объ увольненіи его отъ званія предсѣдателя гражданскаго департамента. Онъ состоялъ въ службѣ съ 1766 года, полнымъ адмираломъ съ 1797 года, членомъ Совѣта съ 1801 года и въ этотъ промежутокъ времени занималъ еще нѣсколько лѣтъ постъ морского министра. Не входя въ разсмотрѣніе, всегда ли онъ дѣйствовалъ правильно, безпристрастно и даже благоразумно, нельзя, однако же, было не отдать справедливости многимъ, отличавшимъ его высокимъ качествамъ, главное же не имѣть въ виду, что ему былъ 87-й годъ и что изъ нихъ 72 протекло на службѣ. Владѣя увлекательнымъ перомъ, онъ писалъ очень много въ своей жизни, особенно мнѣній по дѣламъ Совѣта, болшею частью въ либеральномъ направленіи и въ оппозиціонномъ духѣ противъ министровъ, послѣ чего самъ распространялъ эти мнѣнія въ публикѣ и успѣлъ приобрѣсти черезъ нихъ чрезвычайную популярность, какъ никто другой въ Россіи. Но правительство съ своей точки зрѣнія всегда смотрѣло на Мордвинова, можетъ быть и не безъ основанія, какъ на опаснаго болтуна и если иногда его и отличало, то единственно изъ уваженія къ его сану и, можно сказать, безконечной службѣ. Вообще, не говоря о массѣ, въ высшемъ нашемъ административномъ слоѣ мнѣнія о немъ были очень раздѣлены. Тогда какъ одни видѣли въ старомъ адмиралѣ челоуѣка вышшаго ума и просвѣщенія, дѣйствовавшаго, если иногда и ошибочно, то по крайней мѣрѣ всегда добросовѣстно и съ желаніемъ общаго блага, съ истинною любовію къ Россіи, другіе, не признавая въ немъ никакихъ государственныхъ достоинствъ, считали его за тщеславнаго крикуна, дорожившаго лишь собственными интересами,

и возбуждали даже подозрѣнія относительно его безкорыстія за время, когда онъ управлялъ морскимъ министерствомъ. Какъ бы то ни было, государь тотчасъ согласился на его просьбу объ увольненіи; но согласился, вмѣстѣ, и на представленіе Васильчикова, чтобы угасающему сановнику дать, при этомъ случаѣ, для утѣхи и оживленія его, милостивый рескриптъ. Написать его было поручено мнѣ. Имѣя въ виду богатую фактами служебную дѣятельность графа, а равно высокое мнѣніе о немъ огромнаго большинства публики, я думалъ, что тутъ нужно нѣчто необыкновенное, нѣсколько разительное,—такой актъ, въ которомъ Мордвиновъ являлся бы болѣе лицомъ идеальнымъ, выражающимъ собою образъ почти столѣтняго слуги царя и отечества и поставленнымъ въ разнообразныхъ о немъ сужденій. Въ этомъ смыслѣ я почти съ плеча написалъ слѣдующій проектъ: «Графъ Николай Семеновичъ! Съ истиннымъ прискорбіемъ узналъ я о желаніи вашемъ сложить съ себя должность предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта,—должность, столь давно вами носимую и въ которой вы явили столько новыхъ доказательствъ вашего высокаго усердія къ престолу и отечеству и вашей нелицеприятной правоты. Но желая и съ моей стороны, при преклонныхъ лѣтахъ вашихъ, доставить вамъ успокоеніе послѣ многолѣтняго служебнаго поприща, всегдашнимъ неизмѣннымъ моимъ и моихъ предшественниковъ довѣріемъ ознаменованнаго, я не могъ не удовлетворить вашей просьбѣ. Вы сохраняете званія члена Государственнаго Совѣта, съ самаго учрежденія его на васъ возложенное, члена комитета финансовъ и наконецъ особаго комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, по мысли вашей воспріявшаго свое начало. Мнѣ же остается желать, да продлитъ благое Провидѣніе маститую и прекрасную старость вашу, на пользу и честь нашей любезной Россіи, привыкшей болѣе сему и десяти лѣтъ считать васъ среди самыхъ ревностныхъ и доблестныхъ сыновъ своихъ».

Васильчиковъ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ проектомъ, который и отправилъ тотчасъ къ государю. Но государь продержалъ его у себя до личнаго свиданія съ графомъ.

— Я не могу одобрить этого проекта—сказалъ онъ тогда:—и поведение и служба Мордвинова были всегда двусмысленны, а послѣ такихъ великолѣпныхъ фразъ, что же осталось бы мнѣ сказать, въ подобномъ случаѣ, какому нибудь знаменитому фельдмаршалу? Я велѣлъ рескриптъ передѣлать.

И точно, рескриптъ былъ пересочиненъ, вѣроятно въ I-мъ отдѣленіи Собственной канцеляріи, и вышелъ самымъ обыкновеннымъ.

Императоръ Николай чрезвычайно любилъ море и морскія путешествія, хотя они почти никогда не сходили для него благополучно. Такъ, въ турецкую кампанію 1828 года, на переѣздѣ его изъ Варны въ Одессу, отъ жестокой бури корабль «Императрица Марія» едва не погибъ со всѣми бывшими на немъ. Другой разъ, въ 1838 году, при возвращеніи изъ за-границы съ императрицею и великими князьями, на везшемъ ихъ изъ Штетина пароходѣ «Геркулесъ» сломалось колесо, и они должны были пристать къ Ревелю, откуда прибыли въ Петербургъ уже сухимъ путемъ. Такихъ случаевъ бывало съ государемъ множество и не даромъ онъ говаривалъ «qu'il était amoureux de la mer, mais qu'elle ne lui payait de retour».

Упомянутое возвращеніе изъ Ревеля совершилось довольно оригинальнымъ образомъ. На пароходѣ находилось только три царскихъ экипажа: двѣ кареты и коляска. Одну карету государь назначилъ подъ императрицу, другую подъ великихъ княженъ, а коляску предоставилъ камеръ-юнгферамъ. Въ чемъ же ѣхать самому? Рѣшено—на перекладныхъ. Но государь непременно требуетъ, чтобы съ нимъ ѣхалъ такимъ же образомъ и графъ Орловъ. Въ 7-мъ часу вечера—это было въ послѣднихъ дняхъ сентября—подъѣхала къ Екатерининтальскому дворцу телѣжка, въ которую они усѣлись вдвоемъ. Если вспомнить колоссальность этихъ двухъ лицъ, не широкія эстляндскія почтовые телѣжки и бугроватую каменистую станцію отъ Ревеля до Иегелехта, то легко представить себѣ всю прелесть ихъ поѣздки. Рисковавъ нѣсколько разъ выпасть, они должны были, наконецъ, сидѣть рука объ руку и въ Иегелехтѣ порѣшили взять каждому по особой телѣжкѣ. Такъ они ѣхали всю ночь—мрачную, холодную сентябрьскую ночь, вдоль берега моря или вблизи отъ него, въ повозкахъ, которыя ничѣмъ не защищали ихъ отъ пронзительнаго вѣтра! Только къ разсвѣту, въ Іеве, на соединеніи большого заграничнаго тракта съ Ревельскимъ, въ 172-хъ верстахъ отъ Ревеля, они пересѣли въ коляску Орлова, возвращавшуюся изъ Берлина и остановленную тутъ передовымъ фельдъегеремъ государя.

26-го октября государь поднялся на гѣса новостроющагося Исаакіевскаго собора, для личнаго обзорѣнія работъ, и остался всѣмъ вполне доволенъ. Онъ долго любовался открывавшимися съ этой высоты видами на цѣлый Петербургъ и сожалѣлъ только объ одномъ, именно, что памятникъ Петра Великаго стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ церкви, чѣмъ нарушается симметрія.

— *Malgré cela*—сказалъ онъ окружавшимъ его членамъ комисіи о построеніи собора—*jamais je n'oserai toucher à ce monument sacré et je me flatte que tout de même aucun de mes successeurs n'y mettra la main. Il m'est arrivé ces jours ci un jeune homme, un tout jeune homme de*

21 ans ¹⁾, auquel, en lui montrant la ville, j'ai fait observer cette irrégularité. J'espère pourtant, me répondit il, que jamais personne ne s'avisera de faire reculer Pierre le Grand. A ce mot seul déjà je me suis convaincu que le jeune homme était digne d'entrer dans ma famille.

По случаю обрученія герцога Лейхтенбергскаго съ великою княжною Марією Николаевною появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» статья объ этомъ союзѣ, въ которой доказывалось, что онъ основанъ не на политическихъ соображеніяхъ и не на видахъ увеличенія и усиленія Россіи, въ чемъ она, при могуществѣ своемъ, не нуждается, а единственно на обоюдныхъ чувствахъ и на произвольномъ сердечномъ выборѣ. Статья, разумѣется, поднесена была на предварительный просмотръ государя и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ сказано было: «нашъ великій и добрый государь», онъ вымаралъ оба эпитета.

Въ ночь съ 9-го на 10-е ноября государь уѣхалъ съ нареченнымъ своимъ зятемъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ въ Москву. Оттуда они воротились 18-го числа, совершивъ путь частію въ саняхъ, частію на колесахъ. Государь пріѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни, въ тотъ же день передъ обѣдомъ катался въ саняхъ съ великою княжною Марією Николаевною, а вечеромъ былъ въ театрѣ, хотя двѣ ночи провелъ въ дорогѣ и наконецъ, несмотря на все это, на слѣдующее утро выслалъ мнѣ огромные фоліанты совѣтскихъ дѣлъ, отправленные въ Москву, но тамъ его уже не заставшіе. Дѣятельность его, и физическая и моральная, всегда превосходила, казалось, силы обыкновенныхъ людей.

17-го декабря 1838 года государь имѣлъ удовольствіе отпраздновать годовщину бѣдственнаго пожара Зимняго дворца особеннымъ образомъ. Пожаръ начался въ Фельдмаршальской залѣ и потому, среди изумительной быстроты, съ которою вообще нашъ фениксъ возрождался изъ своего пепла, велѣно было къ 17-му числу возобновить именно эту залу непременно въ прежнемъ видѣ. Въ исполненіе царской воли, она воскресла опять какъ была годъ передъ тѣмъ и не доставало только люстръ и окончательной политуры на стѣнахъ. Въ день годовщины собрались туда вся царская фамилія, съ небольшою свитою, строительная комиссія и отрядъ конной гвардіи, занимавшій тутъ караулъ въ роковой день, при томъ же офицерѣ (моемъ племянникѣ Мирбахѣ).

— Прошлаго года, ребята, — сказалъ государь пріивѣтствуя солдатъ, — вы въ этотъ день были первыми свидѣтелями начавшагося здѣсь пожара. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы же были и первыми свидѣтелями возобновленія этой залы въ Зимнемъ дворцѣ.

Потомъ былъ совершенъ тутъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, за нѣсколько дней передъ тѣмъ помолвленннй съ великою княжною Марією Николаевною.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

IV¹⁾.

бращаясь къ русской народной словесности, Пушкинъ говорить, что «нѣсколько сказокъ и пѣсень («Мысли въ дорогѣ»), безпрестанно подновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности...» Старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь—и въ этой пустынѣ нашей литературы возвышается единственный памятникъ «Пѣснь о полку Игоревѣ». Послѣдующія словесныя произведенія все-таки, несмотря на большое количество ихъ, не создали у насъ литературы. Что же служить причиной этого отсутствія? «У насъ нѣтъ, пишетъ Пушкинъ, ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія мы всегда черпаемъ въ иностранныхъ книгахъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; русскій языкъ не для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ». Поэтъ ясно понималъ, что, при господствовавшей въ то время галломаніи и при бѣдности русской литературы сравнительно съ литературами западныхъ европейскихъ народовъ, богатые средства русскаго языка не находили соотвѣтственнаго себѣ употребленія подъ перомъ русскихъ писателей въ томъ или другомъ родѣ произведеній, и потому пребывали по нѣкоторымъ отдѣламъ еще въ грубомъ состояніи. Обвиняя въ этомъ пренебреженіи къ родному языку самихъ же русскихъ литераторовъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май, 1899 г.

Пушкинъ замѣчаетъ: «Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виновать, какъ не они сами?.. Ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснились. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣнность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны». Писатели наши нисколько не заботятся о выработкѣ литературнаго языка, «который находится у насъ еще въ дикомъ состояніи» (письмо къ Вяземскому 13-го іюня 1825 г.); но и легкая проза, описательная и повѣствовательная, даже поэзія не могутъ привлекать къ себѣ вслѣдствіе несовершенства языка. «Наши писатели, (замѣтка «О слогѣ»), считая низостью изъяснять просто вещи обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами», не догадываясь, что «точность, опрятность, простота—первыя достоинства прозы, что она требуетъ мыслей, а не блестящихъ выраженій». Будучи самъ строгъ въ точности даже поэтическаго языка своего, задумываясь надъ точнымъ значеніемъ каждаго слова и строго критикуя съ этой стороны чужія произведенія, Пушкинъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ успѣхъ въ этомъ отношеніи, напр., Дельвига: «Дельвигъ! поздравляю тебя—добился ты, наконецъ, до точности языка, единственной вещи, которой у тебя недоставало». Стихи тоже требуютъ суммы идей гораздо значительнѣе, чѣмъ это бываетъ у нашихъ писателей, которые думаютъ привлекать публику и двигать литературу «воспоминаніями о протекшей юности». Словомъ, прежде всего Пушкинъ требуетъ отъ слога простоты, качества, положеннаго имъ въ основу слога собственныхъ произведеній, и осуждаетъ грубыя неправильности въ слогѣ и языкѣ. Очень довольный, напр., «Марей-Посадницей» Погодина со стороны содержанія, онъ прибавляетъ: «Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности—и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымъ Городомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его, усѣченій, сокращеній—тъма. Но знаете-ли? И эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, согласно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность» (декабрь 1830 г.). Сопоставляя эти слова съ слѣдующими стихами изъ III главы «Евгенія Онѣгина»:

„Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
 Безъ грамматической ошибки
 Я русской рѣчи не люблю“...

мы видимъ, что Пушкинъ различалъ грамматическія ошибки, противныя духу языка, отъ ошибокъ, не противныхъ ему; первыхъ онъ не терпѣлъ, хотя и самъ дѣлалъ ихъ въ прозѣ, а вторыя даже любилъ.

Нападая на пристрастіе къ избыткамъ, изысканнымъ длиннотамъ

слога, онъ въ то же время утверждаетъ, что простота вовсе не исключаетъ «цвѣтушаго» слога: говоря объ авторѣ 15-ти томной «Естественной исторіи» Бюффонъ, онъ ставитъ образцомъ описательной прозы «его слогъ, цвѣтушій, полный», разумѣя подъ этимъ нѣчто противоположное слогу писателей старой школы, видѣвшихъ это свойство «въ вялыхъ метафорахъ». Но «цвѣтушій» слогъ и «блескъ» его Пушкинъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ ставилъ въ непрерывную связь съ содержаніемъ. Въ поэтическомъ слогѣ цѣнили Пушкинъ то, что называлъ «размашкою слога». Такъ (въ письмѣ 25-го мая 1825 г. къ Вяземскому) онъ отдаетъ слогу Рылѣва (поэма: «Войнаровскийъ») предпочтеніе передъ слогомъ Козлова (поэма: «Чернецъ»), имѣя въ виду эту живость его: «въ Рылѣвѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ». Но достаточно было замѣтить ему риторичность — и провозвѣденіе болѣе не встрѣчало съ его стороны пощады: за эту риторичность онъ осудилъ «Думы» того же Рылѣва, назвавъ ихъ «дрянью».

Желая русскому языку успѣшнаго развитія въ литературѣ, Пушкинъ признавалъ необходимымъ дать ему болѣе свободы, т. е. избавить его отъ ига теорій, вносящихъ въ его формы утомительное однообразіе и допустить болѣе широкое пользованіе тѣми средствами, которыя могутъ быть заимствованы какъ изъ славянской книжной, такъ и изъ живой, устной, простонародной, даже иностранной рѣчи; но при этомъ онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы все заимствованное было сообразно съ духомъ русскаго языка, и указывалъ на пользу изученія языка простаго народа, представляющаго неисчерпаемый источникъ богатствъ, алмазъ для умѣющаго гранить. Литераторы должны обратиться къ изученію старинныхъ пѣсенъ, сказокъ для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка, и «прислушиваться къ московскимъ просвириямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

Народная словесность наша представляетъ много истинной поэзіи въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности, по мнѣнію Пушкина, есть цѣлая поэма. Но народная словесность, по его же опредѣленію, есть стволъ, корень—только одно изъ развѣтвленій, только почва, на которой возникаетъ литература (записки Смирновой, ч. I, ст. 146), но сама она не можетъ составлять и не составляетъ всей литературы; древніе же наши памятники представляются Пушкину совершенно ничтожными. Новая русская словесность явилась при Елизаветѣ и была отголоскомъ новообразованнаго общества. Литература XVIII и начала XIX вѣка находятъ въ Пушкинѣ строгаго судью: въ Ломоносовѣ онъ уважалъ великаго человѣка, но «конечно» не великаго поэта; «онъ понялъ истинно источникъ русскаго языка и красоты онога», въ чемъ и заключается главная его

заслуга въ отношеніи словесности. «Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія», составляющихъ отличительныя качества истиннаго лирическаго поэта.—По мнѣнію Пушкина, В. К. Тредьяковскій имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшія понятія нежели Ломоносовъ и Сумароковъ; но несмотря на чувство изящнаго, присущее Тредьяковскому, Пушкинъ признавалъ его въ высшей степени бездарнымъ поэтомъ. — Сумароковъ въ глазахъ Пушкина былъ ничтожнѣйшій изъ подражателей, слабое дитя чужихъ уроковъ, завистливый гордецъ, безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ, поправшій своею риемою и вкусомъ и умъ.

Державина Пушкинъ ставилъ ниже Ломоносова. «Этотъ чудакъ, писалъ онъ, не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка; онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія.—Вотъ почему онъ и долженъ бѣснѣть всякое разборчивое ухо.—Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы.—Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого то чуднаго подлинника.—Ей Богу, его гевій думалъ по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ... У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а прочіе сжечь».—

Называя И. И. Дмитріева старымъ врадемъ, Пушкинъ спрашиваетъ, что такое Дмитріевъ? «Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ (кн. П. Вяземскаго) посланій, а все прочее—одного стихотворенія Жуковскаго.—«Ермакъ» такая дрянь, что мочи нѣтъ.—По мнѣ Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина».

Такимъ образомъ мы находимъ у Пушкина уже совершенно определенное представленіе о писателяхъ прошлаго вѣка, и Пушкинъ уже не колеблется признать за ними только историческое значеніе или совершенно отвергнуть всякое литературное достоинство (какъ, наприм., у Сумарокова). Въ сущности это были первые зачатки историко-художественной критики, которую уже вскорѣ послѣ этого предпринялъ Бѣлинскій.

Переходя къ рѣчи объ отношеніяхъ поэта къ современнымъ ему писателямъ, мы должны прежде всего замѣтить, что въ сужденіяхъ Пушкина о нихъ играла любовь его къ родной словесности, которая часто бывала причиной снисходительности его сужденій. Онъ, напр., сочувственно встрѣтилъ произведенія барона Розена за усилія этого писателя выучиться русскому языку; Пушкинъ призналъ даже присутствіе въ немъ драматическаго таланта въ болѣеи степени, чѣмъ у Кукольника и Хомякова. Всякая литературная попытка, въ которой сказывалась живая мысль или чувство, вызывала симпатію великаго

поэта. Такъ, живымъ одобреніемъ встрѣтилъ онъ сказку Ершова: «Конецъ-Горбунокъ», съ сочувствіемъ отнесся онъ къ повѣту-самоучкѣ Слѣпушкину и убѣждалъ послѣдняго не подражать ему, а итти своей дорогой! Особенныя симпатіи Пушкина возбуждали поэзія Козлова и судьба его: растроганный присылкой поэмы «Чернецъ» и собственноручной подписью слѣпого пѣвца, Александръ Сергѣевичъ, оцѣнивая поэму, отвѣтилъ ему прекраснымъ стихотвореніемъ, заканчивающимся такимъ образомъ:

„О милый братъ! Какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земные звуки.“

По выходѣ въ свѣтъ извѣстныхъ романовъ Загоскина и Лажечникова, Пушкинъ привѣтствуетъ ихъ появленіе. Въ письмѣ къ Лажечникову онъ, отдавая предпочтеніе въ художественномъ отношеніи «Ледяному дому» сравнительно съ «Послѣднимъ Новикомъ», справедливо отмѣчаетъ въ первомъ романѣ несоблюденіе исторической истины, но тѣмъ не менѣе предсказываетъ автору, что многія страницы его романа «будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ». «Юрія Милославскаго» онъ противопоставляетъ романамъ, изобилующимъ несообразностями, мелочами, упущеніями, отсутствіемъ жизненности, и говоритъ, что этотъ романъ «переноситъ насъ въ 1612 г.», что живость и занимательность и соблюденіе исторической истины доказываютъ несомнѣнное дарованіе автора. Съ какимъ восторгомъ, наконецъ, отнесся Пушкинъ къ появленію «Иліады» Гнѣдича, знакомитъ насъ слѣдующая замѣтка: «Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частью устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а люди пренебрегаютъ образцами древности, когда поэзія не есть благоговѣнное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе—съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посветившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніемъ и совершенію единаго, высокаго подвига». Какъ подѣйствовало на Пушкина чтеніе «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича, лучше всего видно изъ словъ его: когда корабль Гнѣдича, по выраженію Пушкина, вошелъ въ пристань, нагруженный сокровищами Греціи (1825 г.), онъ написалъ:

„Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой“. (1830 г.).

Пушкинъ утверждалъ, что этотъ знаменитый трудъ Гнѣдича долженъ имѣть «важное вліяніе на отечественную словесность». Высоко цѣня талантъ Гнѣдича, онъ побуждаетъ его къ созданію эпической поэмы на сюжетъ изъ русской исторіи: «Тѣнь Святослава, писалъ Пуш-

кинъ Гидичу въ 1825 г., скитается невоспѣтая... А Владимиръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поѣту».

Словомъ, каждое незаурядное явленіе въ области родной литературы встрѣчало восторженный привѣтъ со стороны Пушкина, находило въ немъ тонкаго и благожелательнаго цѣнителя.

Но не всегда, конечно, привѣтствовалъ Пушкинъ благосклоннымъ отзывомъ и современныхъ ему писателей. Рылѣевъ, на котораго онъ возлагалъ большія надежды и которому онъ обѣщалъ министерство на Парнасѣ (письмо къ брату Льву въ февралѣ 1825 г.), удостоился искреннихъ похвалъ строгаго критика за поѣму «Войнаровскій»: «Войнаровскій полонъ жизни; это несравненно лучше всѣхъ его думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ» (письмо къ Л. С. Пушкину). Самому Рылѣеву о томъ же «Войнаровскомъ» онъ писалъ: «Думаю, что ты уже получалъ мои замѣчанія на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать знаки восхищенія, прекрасно и проч.» Но живое эстетическое чувство подсказало Пушкину мысль о художественной слабости «Думъ» Рылѣева. Въ томъ же письмѣ къ послѣднему (1825 г.) онъ говоритъ, что «Думы», хотя въ нихъ и встрѣчаются стихи живые, «вообще слабы изображеніемъ и изложеніемъ, всѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ; національнаго русскаго нѣтъ ничего, кромѣ именъ, исключая «Ивана Сусанина», первой думы, по которой Пушкинъ сталъ подозрѣвать въ Рылѣевѣ истинный талантъ. Чрезвычайно рѣзко высказывается Пушкинъ объ этихъ «Думахъ» въ письмѣ къ Вяземскому (25-го мая 1828 г.): «Думы дрянъ, пишетъ онъ, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm (т. е. глупый), а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда». «Думы Рылѣева и цѣлать, а все не впадать», прибавляетъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому.

«Россійскаго Парни, философа рѣзваго, пѣвца радости, пѣвца забавы», Батюшкова, Пушкинъ очень цѣнилъ за стихъ и за усовершенствованіе русскаго поэтическаго языка, для котораго «Батюшковъ сдѣлалъ то же самое, что Петрарка для итальянцевъ». Но когда талантъ Пушкина созрѣлъ и содержаніе литературы расширилось, измѣнилось и мнѣніе Пушкина о «наперсникѣ Аѳинъ». Свидѣтельствомъ этого позднѣйшаго мнѣнія остались сообщенныя недавно замѣтки Пушкина на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова. Замѣтки эти очень любопытны, и подробность ихъ свидѣлствуетъ, что самому Пушкину какъ хотѣлось провѣрить старыя впечатлѣнія и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что остается дѣйствительно прекраснаго и прочнаго въ произведеніяхъ его прежняго любимца и учителя. Эта историческая по-

вѣрка оказывалась часто не въ пользу Батюшкова. Такъ, Пушкина непріятно поражаетъ излишество подражанія, «смѣшеніе древнихъ обычаевъ съ обычаями жителя подмосковной деревни» (по поводу «моихъ пенатовъ»); онъ отмѣчаетъ у Батюшкова разныя неловкости, излишества, неудачныя подробности, холодную напыщенность и бѣдность мысли, и не разъ въ его замѣткахъ стоитъ: «дурно», «вяло», «слабо», даже «пошло», «дрянь». Но въ другихъ случаяхъ Пушкинъ отмѣчаетъ истинно поэтическія мѣста, красивые обороты, удачныя стихи. Напримѣръ, о посланіи къ Жуковскому онъ пишетъ: «Прекрасно, достойно блестящихъ и небрежныхъ шалостей французскаго остроумія,—и вездѣ языкъ поэзіи». Крылова прозорливый поэтъ ставилъ очень высоко и утверждалъ (совершенно справедливо), что онъ превзошелъ всѣхъ баснописцевъ и былъ выразителемъ духа русскаго народа («О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ Крылова»). Передъ Жуковскимъ онъ благоговѣетъ и какъ передъ поэтомъ и какъ передъ человѣкомъ. Пушкинъ сознается, что самъ онъ «не слѣдствіе, а только ученикъ его» (письмо къ Вяземскому) и только тѣмъ и беретъ, что «не смѣетъ сунуться на дорогу его». Этотъ «въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный» имѣлъ рѣшающее вліяніе на духъ нашей словесности (письмо къ Бестужеву); «никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его» (письмо къ Вяземскому); его перевели бы на всѣ европейскіе языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ. Между прочимъ, это обстоятельство отчасти и печалитъ Пушкина: «Переводы (замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому 1825 г.) избаловали его, онъ не хочетъ самъ создавать; онъ, какъ Voss, гений перевода». Творя «для немногихъ» Жуковскій даетъ, по мнѣнію Пушкина, блаженство тому, кто его «восторгъ уразумѣлъ восторгомъ пламеннымъ и яснымъ». Какъ цѣнилъ Пушкинъ поэзію Жуковскаго, лучше всего видно изъ надписи его «Къ портрету Жуковскаго»:

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль,
 И рѣвая задумается радости!

Эти стихи какъ нельзя лучше характеризуютъ и форму, и содержаніе поэзіи Жуковскаго, и то нравственное дѣйствіе, которое она производила на молодыхъ читателей, въ томъ числѣ и на самого Пушкина. Но высоко ставя стихотворенія своего бывшаго наставника въ поэзіи, Пушкинъ однако судилъ бозпристрастно, видѣлъ и слабыя его стороны. Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому онъ выражаетъ негодованіе, что поэтъ поручилъ выборъ стихотвореній своихъ для изданія гр. Блудову,

и, между прочимъ, говорить: «Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ (Блудовъ) не исключилъ изъ собранія посланія къ нему, произведенія, конечно слабаго». Указывая здѣсь же истинно поэтическія, но пропущенныя Блудовымъ произведенія Жуковского, Пушкинъ обнаруживаетъ то живое эстетическое чувство, которое такъ часто руководило имъ при оцѣнкѣ своихъ и чужихъ произведеній.

Воздастъ должное Пушкинъ и другому выдающемуся явленію въ области литературы своего времени. Изъ современныхъ писателей старшаго поколѣнія Н. М. Карамзинъ нашелъ въ немъ глубокаго цѣнителя и горячаго поклонника своего труда. Прежде всего Пушкинъ высоко цѣнилъ Карамзина за то, что послѣдній «освободилъ русскій языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова». Не цѣня въ немъ стихотворца, Александръ Сергѣевичъ восторженно относился къ его историческому труду. «Исторія Государства Россійскаго, говоритъ Пушкинъ, есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка». Передъ тѣмъ, когда Пушкинъ доканчивалъ «Бориса Годунова» и читалъ послѣдніе томы Карамзина, онъ писалъ Жуковскому въ 1825 г.: «Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! *C'est palpitant comme la gazette d'hier!*» Такъ глубоко цѣнилъ Пушкинъ этотъ великій трудъ, вліяніе котораго онъ признавалъ для себя благотворнымъ.

Тутъ кстати будетъ упомянуть, что иногда, но далеко не часто, у Пушкина къ оцѣнкѣ критика примѣшивалось расположеніе друга, хотя и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ оговориться: это дружеское расположеніе играло роль въ небольшомъ преувеличеніи только истинныхъ талантовъ. Съ такимъ дружескимъ расположеніемъ онъ относился, напр., къ Дельвигу, Баратынскому и Языкову, къ писателямъ, произведенія которыхъ не сята на себѣ печать несомнѣнной талантливости. Пушкинъ, ставя высоко ихъ поэзію, не допускалъ даже возможности осуждать ее. Въ письмѣ къ Дельвигу 1821 г. Пушкинъ высказываетъ свое мнѣніе о характерѣ таланта своего «парнасскаго брата» и побуждаетъ Дельвига, отличавшагося лѣнью, къ творчеству: «Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ размѣнивать твой геній на серебряные четвертаки? Напиши поэму славную, только не «4 части дня» и не «4 времени года». Напиши своего «Монаха». Поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая—твой истинный удѣлъ». Вообще Пушкинъ, еще въ стѣнахъ лицея замѣтившій, по его словамъ, «ранніе отпрыски прекраснаго таланта» Дельвига, и впоследствии всегда и справедливо высоко цѣнилъ его меланхолическую музу. Столь же высоко цѣнилъ Пушкинъ поэтическій даръ другого своего друга, поэта Языкова, съ которымъ онъ сошелся на почвѣ Тригорскаго, воспѣтаго впоследствии Языковымъ; тамъ друзья проводили вдохновенныя и поэти-

ческія ночи и долгіе дни. Въ его произведеніяхъ Пушкинъ находитъ «избытокъ чувствъ и силъ и буйство молодое»; 14 августа 1826 г. онъ пишетъ Вяземскому объ Языковѣ: «Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ».

Пушкинъ былъ прельщенъ виртуозностью стиха Языкова, ни у кого не достигавшаго ни прежде ни послѣ такихъ мастерскихъ, поражающихъ и ослѣпляющихъ оборотовъ, хотя запасъ поэтическихъ мотивовъ былъ у него и однообразенъ и скуденъ. Эта виртуозность дала право Пушкину писать Языкову: «Ваши стихи—вода живая, наши—вода мертвая, мы ея окатимъ «Современника»; опрысните его вашими каплями» (14 апрѣля 1836 г.).

Особенно же высоко ставилъ Пушкинъ «непорочную музу» Баратынскаго (письмо къ Дельвигу въ 1823 г.). По мнѣнію Пушкина, это одинъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ; въ раннихъ поэтическихъ опытахъ его уже проглядывали «зрѣлость и стройность необыкновенная, что предрекало намъ то, что впоследствии было выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ». Еще въ 1822 году Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Какое Баратынскій! Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова, если впередъ зашагаетъ, какъ шагаль до сихъ поръ...» Позднѣе Пушкинъ, говоря о Баратынскомъ, неоднократно восклицаетъ: «Баратынскій—чудо! Баратынскій—предѣсть!» и въ концѣ концовъ пришелъ къ тому выводу, что «Баратынскій выше Батюшкова и равенъ Жуковскому» (см. «Программу статьи о Баратынскомъ»). Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога и точность выраженія, по словамъ нашего критика, поражаютъ читателя, обладающаго вкусомъ и чувствомъ: «Стихъ каждый повѣсти твоей звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ», замѣчаетъ Пушкинъ въ «Посланіи къ Баратынскому». Всѣ произведенія Баратынскаго носятъ отпечатокъ вѣрности ума и истиннаго вкуса, состоящаго, по мнѣнію Пушкина, «не въ томъ, что въ безотчетномъ отверженіи *dédaigne* такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей»; вотъ почему все написанное имъ обращаетъ на себя особенное вниманіе ясностью и стройностью». Словомъ, Пушкинъ не допускаетъ и возможности осуждать поэзію Баратынскаго; напротивъ, его произведеніямъ онъ искренно отдаетъ предпочтеніе передъ своими: «Послѣ него, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ къ Бестужеву, никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе... Баратынскій чудо; мои шесы плохи». Глубоко задѣтый холодною публикой къ Баратынскому, Пушкинъ пытается дать объясненіе такому странному, на его взглядъ, явленію и приходитъ къ

тому заключенію, что, во-первыхъ, въ этомъ случаѣ играетъ роль все то же отсутствіе критики и общаго мнѣнія, о чемъ онъ такъ много скорбѣлъ: «Литература у насъ, говоритъ онъ съ горечью, не есть народная потребность, публика мало занимается писателями, журналисты судятъ о нихъ по наслышкѣ, безъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній». Во-вторыхъ, читатели остаются все тѣ же «и развѣ только сдѣлались холоднѣе и равнодушнѣе къ поэзіи жизни»; между тѣмъ какъ поэтъ совершенствуется, талантъ его зрѣетъ, и произведенія его становятся недоступными пониманію публики: публика охладѣваетъ къ нему, а поэтъ тогда творитъ только для самого себя, совершенно игнорируя публику. Если бы не эти двѣ причины и эпиграммы Баратынскаго, не падившія «правителей русскаго Парнаса», то Баратынскій долженъ былъ бы, по мнѣнію Пушкина, «занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца пенатовъ и Тавриды» (Батюшкова).

Глубокаго цѣнителя въ Пушкинѣ нашли Гоголь и Грибоѣдовъ. Пушкинъ не только первый похвалилъ Гоголя, но и вообще былъ первымъ изъ всѣхъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, заговорившимъ нашей публикѣ о Гоголѣ. Вотъ что писалъ онъ о Гоголѣ въ 1831 г. А. О. Воейкову, редактору Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду»: «Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les gracieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало въ высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго». Позднѣе Пушкинъ писалъ по поводу же «Вечеровъ на хуторѣ»: «Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставила насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина... Съ жадностью всѣ прочли и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умилевія, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтеръ-Скотта». Вотъ первыя замѣтки о Гоголѣ въ русской критической литературѣ. Эти замѣтки коротки, но какою задушевною радостью о новомъ не-

обыкновенномъ талантѣ проникнуты онѣ! Какъ много въ нихъ сказано, несмотря на ихъ краткость, какъ вѣрно и мѣтко все въ нихъ сказанное! Не укрылась отъ Пушкина и та грусть, которая стала послѣ существеннѣйшею чертою Гоголевскихъ созданій, не укрылись за «видимымъ міру смѣхомъ» эти «незримыя, невѣдомыя ему слезы», которыя такъ немногими замѣчаются въ первыхъ, еще столь озаренныхъ радостью жизни, произведеніяхъ Гоголя.

11-го января 1825 г. Пушкинъ привезъ въ Михайловское и прочиталъ Пушкину «Горе отъ ума», и вскорѣ же послѣ этого поэтъ въ письмѣ къ Бестужеву даетъ полный отчетъ о безсмертной комедіи Грибоѣдова. Онъ уклоняется въ этомъ отзывѣ отъ критики плана и завязки комедіи на томъ основаніи, что «драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ»; но считая комедію превосходнымъ изображеніемъ «характеровъ и рѣзкою критикою нравовъ», Пушкинъ высказываетъ мнѣніе только о характерахъ, выведенныхъ Грибоѣдовымъ. Признавая высокое достоинство стиховъ Грибоѣдова, «половина которыхъ должна войти въ пословицу», признавая также тотъ несомнѣнный фактъ, что, въ обрисовкѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, Грибоѣдовъ обнаружилъ «черты истинно-комическаго генія», Пушкинъ указываетъ нѣкоторые недочеты произведенія. Такъ онъ высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что «Софья начертана неясно»; тонко подмѣчаетъ одну замѣчательную черту пьесы—недовѣрчивость Чацкаго къ тому, что Софья любитъ Молчалина; но тутъ же обвиняетъ Грибоѣдова въ томъ, что онъ не захотѣлъ, чтобы его комедія вертѣлась на этомъ, между тѣмъ какъ авторъ «Горя отъ ума» эту недовѣрчивость Чацкаго и сдѣлалъ одною изъ главныхъ пружинъ своей комедіи. Точно такъ же, высказывая совершенно вѣрное по существу свое замѣчаніе, что Молчалинъ долженъ быть трусомъ, чего, будто бы, нѣтъ у Грибоѣдова, Пушкинъ упускаетъ изъ виду, что Молчалинъ, дѣйствительно, и является трусомъ, когда въ четвертомъ актѣ прячется въ свою комнату, увидя Чацкаго и предугадывая появленіе Фамусова. Особенный интересъ представляетъ взглядъ Пушкина на Чацкаго. По мнѣнію Пушкина, умное дѣйствующее лицо въ комедіи—самъ Грибоѣдовъ, а Чацкій «пылкій, благородный и добрый малый, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остроуміемъ и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п.»

Полагаемъ, что сказаннаго совершенно достаточно для выясненія

отношеній нашего поэта къ представителямъ иностранной и русской литературы.

V.

Мы нарочно приводила, гдѣ требовалось, большія цитаты изъ писемъ и замѣтокъ Пушкина, чтобы передъ читателями нашими ярче выступалъ этотъ фейерверкъ, эти взрывы остроумія, которыми такъ изобилуютъ его критическіе отзывы.

Людей, близко стоявшихъ къ Пушкину, особенно привлекало къ нему полное отсутствіе чего-либо похожего на мелочное тщесловіе при постоянныхъ проблескахъ гениальнаго таланта и ума. Отсутствіе тщеславія въ его характерѣ мы уже не разъ могли наблюдать: оно обнаруживается и въ критическихъ отзывахъ его о собственныхъ произведеніяхъ и въ сопоставленіи ихъ съ произведеніями, напримѣръ, Баратынскаго, Языкова, Дельвига. Въ этомъ случаѣ его собственный отзывъ о себѣ какъ нельзя болѣе соответствуетъ дѣйствительности: «Надѣюсь, говорилъ Пушкинъ, что я никогда не буду достаточно мелочнымъ, чтобы завидовать славѣ другого поэта. Этого порока во мнѣ нѣтъ! Въ качествѣ добраго патріота я счастливъ, когда нахожу талантъ и предвижу будущность у начинающаго собрата» (Записки Смирновой, части I, стр. 299).

Лесингъ не даромъ говоритъ, что всякій поэтъ есть прирожденный критикъ, но, конечно, не всякій изъ нихъ способенъ понимать художество съ такою глубиной, какъ Пушкинъ. Онъ поражалъ своимъ обязательнымъ умомъ, тонкостью эстетическихъ сужденій, разнообразіемъ и обширностью познаній. Основная черта его натуры — чуткость, восприимчивость чувства — ярко сказывается въ его сужденіяхъ. Не даромъ же въ мартѣ 1837 года Гоголь, въ то время находившійся въ Римѣ, писалъ къ пріятелю подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Пушкина: «Все наслажденіе моею жизнью, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы». Безконечное эстетическое чувство и вѣрность литературныхъ сужденій Пушкина признавались и другими современниками, которые не даромъ называли его Протеемъ за способность ловить поэтическіе оттѣнки чувства, образа и мысли во всѣхъ предметахъ, подпадавшихъ его наблюденію.

Друзья Пушкина, привыкшіе считать его человекомъ безсознательнаго, непосредственнаго творчества, не призваннымъ къ роли литературнаго судьи, долго относили критическія замашки Пушкина къ капризу поэта, вздумавшаго попробовать себя на несвойственномъ ему поприщѣ; но потомъ онъ заставилъ ихъ признать за нимъ способность чувствовать всякую литературную фальшь и усматривать промахи въ логикѣ, языкѣ и сознаниіи у современныхъ и старыхъ писателей; онъ обнаружилъ, какъ мы видѣли, въ своихъ замѣткахъ бездну тонкаго вкуса и какъ критикъ стоялъ несомнѣнно выше, не только заурядныхъ журнальных рецензентовъ своего времени, но и такихъ корифеевъ литературной критики, какъ А. Бестужевъ, князь Вяземскій и другіе. Его журнальныя статьи носятъ отпечатокъ яснаго ума, наполнены здравыми мыслями, отличаются строгостью сужденій, знаніемъ дѣла, тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ. Иначе и быть не могло: поэтъ, создавшій величайшія произведенія, при самомъ сильномъ дарѣ безсознательнаго творчества, не создалъ бы ничего великаго, если бы не былъ одаренъ также замѣчательнымъ умомъ, сильнымъ здравымъ смысломъ и тонкимъ вкусомъ.

Тѣмъ болѣе страннымъ кажется мнѣніе нѣкоторыхъ цѣнителей Пушкина, отмѣчающихъ слабость мыслительныхъ способностей, присущую, будто бы, нашему великому поэту. Правда, онъ не любилъ отвлеченныхъ формулъ, не былъ выдающимся теоретикомъ, но отвлеченная работа мысли была очень сильна у этого непосредственнаго, часто увлекаемаго инстинктомъ, художника. Его черновые наброски, записки, программы и планы литературныхъ произведеній доказываютъ, что, исходя изъ непосредственнаго ощущенія, дѣйствовавшаго на его душу, онъ подвергалъ его строжайшей провѣркѣ разума, уравнивалъ стихійность перваго порыва мѣрною гармоніей мысли, и только это пережитое въ умѣ ощущеніе становилось основой его художественной работы. При знакомствѣ съ закулисной стороной его творчества, нельзя отказать ему въ способности и склонности къ отвлеченному мышленію, напротивъ, тутъ все указываетъ не только на развитіе художественной фантазіи, но и на сильную работу отвлеченной мысли Пушкина. Можно, пожалуй, допустить только, что чуткость и воспримчивость преобладали у него надъ аналитической способностью; но говорить, что онъ не былъ вовсе мыслителемъ, по меньшей мѣрѣ—смѣло. Если Пушкинъ не былъ выдающимся теоретикомъ, то его сужденія объ отдѣльных писателяхъ и произведеніяхъ литературы удивительно вѣрны и мѣтки, такъ какъ у него не было недостатка, ни въ здоровомъ умѣ ни въ эстетическомъ вкусѣ. Чтобы вѣрно дѣлать общіе выводы или вѣрно прилагать къ фактамъ общіе принципы, нужны и особенная привычка и специальная способность къ тому. Но чтобы отличить одного писателя

отъ другого вовсе не требуется быть мыслителемъ. Благодаря своему уму и вкусу, онъ называетъ хорошими лучшахъ, дѣйствительно, писателей, восхищается именно тѣмъ, что было у этихъ писателей лучшаго.

Въ перепискѣ же своей онъ является мыслителемъ—новаторомъ, который имѣетъ свое умное никѣмъ еще не сказанное и часто очень мѣткое слово относительно людей и явленій русской и иностранной литературы. Онъ былъ недоволенъ состояніемъ русской критики, онъ стоялъ выше ея современнаго положенія.

Пушкинъ какъ будто ждалъ человѣка, который дастъ критицѣ твердое основаніе и направленіе, и призывалъ къ этому попеременно то Вяземскаго, то Бестужева, то Катенина, то Гоголя. Но основанія для дѣльнаго и серьезнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго литературы еще не были нажаты.

Своею дѣятельностью Пушкинъ открылъ новый періодъ въ нашей журналистикѣ—періодъ выработки нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ и эстетическихъ теорій. Высказывая свои мысли объ искусствѣ вообще, очерчивая удивительно мѣтко въ общихъ чертахъ различныя литературныя фізіономіи, онъ, можетъ быть, не далъ исполнѣ законченныхъ критическихъ приговоровъ надъ писателями, но довольно ясно обнаружилъ основы своей критики, которыя, на нашъ взглядъ, можно свести къ такимъ положеніямъ. Истинный поэтъ весь предается своему вдохновенію и слушается только его голоса, разъ оно посѣщаетъ поэта; но искать вдохновенія, по мнѣнію Пушкина, есть «смѣшная и нелѣпая причуда: вдохновенія не сыщешь, оно само должно найти поэта» («путешествіе въ Эрзерумъ»). Въ самой внѣшней жизни истинный поэтъ долженъ быть самобытенъ и независимъ отъ всѣхъ условій общественнаго быта, и требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было бы то же, что «требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житія и образованности». Мнѣніе, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, есть выдумка мелочныхъ и ложныхъ теоретиковъ: «цѣль художества есть идеаль, а не правоученіе». Вотъ что нужно, по мнѣнію Пушкина, для созданія истинно художественнаго произведенія. Выше всего Пушкинъ цѣнилъ планъ, т. е. построеніе цѣлаго, стройный распорядокъ частей его; вдохновеніе онъ видѣлъ въ полномъ обладаніи душевными способностями. Противопологая вдохновеніе восторгу или лирическому порыву, онъ главнымъ признакомъ перваго считалъ спокойствіе, которое, по словамъ поэта, «есть необходимое условіе прекраснаго». «Восторгъ, говоритъ онъ, продолжая то же сопоставленіе,—непродолжителенъ, непостояненъ слѣдовательно, не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство». Условіемъ истинно-великаго, онъ считаетъ «постоянный трудъ».

которому онъ въ другомъ мѣстѣ даетъ эпитетъ «упорнаго». Итакъ постоянный и упорный трудъ, безпрестанное усовершенствованіе «любимыхъ думъ», спокойное обладаніе душевными силами въ минуты вдохновенія, «сила ума, располагающаго частями въ отношеніи цѣлаго» — вотъ, по мнѣнію Пушкина, условія для созданія истинно великаго, вотъ на что должны быть устремлены главныя заботы поэта. Послѣ же этого ему слѣдуетъ озаботиться о характерѣ изображаемыхъ лицъ. Отмѣчая, напр., недостатки упоминавшейся нами драмы Погодина, онъ ставитъ писателю въ непремѣнную обязанность вѣрное изображеніе дѣйствительности, согласное съ исторической эпохой, съ законами природы и душевной жизни человѣка, спокойное, безпристрастное отношеніе автора къ изображаемой имъ дѣйствительности; въ изображеніи историческихъ моментовъ онъ выше всего ставитъ «глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій» (отзывъ о сочиненіяхъ Георгія Конисскаго). Высказывая свое мнѣніе о творчествѣ Шекспира, Пушкинъ главнымъ образомъ указалъ на незамѣтность, скрытность личныхъ чувствъ автора и его взглядовъ, на отсутствіе явнаго намѣренія что-нибудь доказать, какъ на несомнѣнные принципы художественнаго творчества. Говоря о Баратынскомъ, поэтъ прежде всего цѣнитъ въ немъ стремленіе къ гармоніи частей, утверждая, что истинный вкусъ и состоитъ «въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей». Что касается художественнаго способа выраженія мыслей, литературнаго языка, то о требованіяхъ Пушкина въ этомъ отношеніи мы уже много въ свое время говорили.

Показавъ намъ примѣры самостоятельнаго творчества, возродивъ въ людяхъ идею свободнаго и глубокаго созерцанія жизни, возведя литературу на высокое, подобающее ей мѣсто, «вельможа русской словесности» (по выраженію Сенковскаго) установилъ въ нашей литературѣ права и требованія художественной поэзіи, уничтожилъ всѣ старыя и узкія понятія и предразсудки, создалъ поэтическій языкъ, свободный отъ риторика и натянутости ¹⁾. Завѣщавъ грядущимъ поколѣніямъ истолкованіе литературы, онъ передалъ имъ и другой драгоцѣнный завѣтъ, въ которомъ сказалось сознаніе высокаго нравственнаго долга литературы, какъ силы образовательной: «дружина писателей и ученыхъ, говорилъ онъ, — стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла». Этотъ завѣтъ, кстати сказать, былъ руководящимъ началомъ всей дѣятельности самого Пушкина.

Александръ Залдкинъ.

¹⁾ Пынинъ. — „Характеристики литературныхъ мнѣній“, 50.

На 26-е мая 1899 года.

Замолкъ пѣвецъ—забыта лира,
И дивный звукъ ея затихъ,
Исчезъ отъ насъ любимецъ міра,
Но живъ его блестящій стихъ.
Увы, теперь того ужъ нѣтъ,
Чѣмъ увлекать насъ всѣхъ поэтъ:
Исчезъ отъ насъ и голосъ чудный,
И тотъ языкъ, что зналъ весь свѣтъ:
Блещащій, яркій, изумрудный,
Всегда живой, всегда игривый,
Всегда звучитъ въ немъ чудный тонъ,
И въ гибкихъ формахъ переливы,
То слышенъ въ немъ печальный стонъ,
То громъ грозы, ея порывы,
То легкій плескъ о берегъ волнъ,
Пріятныхъ грѣзъ и вѣгнъ полнъ...

Теперь прошла ужъ сотня лѣтъ,
Какъ онъ взглянулъ на Божій свѣтъ,
Нашъ рѣдкій геній, нашъ поэтъ...
Теперь вездѣ кишмя кишать,
Вѣнки лавровые сплетаютъ,
Идутъ отвсюду: изъ палатъ,
Угловъ убогихъ, скромныхъ хатъ,—
И бюсты поэта украшаютъ,
И съ чувствомъ теплымъ говорятъ:
„Живи безсмертно сотни лѣтъ,
„Живи въ сердцахъ людей, поэтъ,
„Пока кипитъ въ ихъ жилахъ кровь,
„А въ русскомъ теплится любовь...

Ал. Ив. С—въ.

Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій.¹⁾

(Къ литературной исторіи Пушкинскихъ „типовъ“).

2. Онѣгинъ.

„Что-жь онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужь не пародія-ли онъ?“

(„Евг. Онѣг.“, гл. VII, стр. XXIV).

Литературная исторія Онѣгина сложилась совершенно такъ же, какъ и исторія типа Татьяны: изъ ряда однородныхъ явленій сначала созданъ лишь «коллективный типъ», который затѣмъ, благодаря работѣ автора съ «натурщикомъ», получилъ живое, художественное воплощеніе.

Къ сожалѣнію, для доказательства реальности Онѣгинскаго облика въ нашемъ распоряженіи не окажется такого числа историческихъ фактовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни, сколько было, когда мы говорили выше о Татьянѣ. Это вполне понятно: Онѣгинъ—типъ болѣе скоропреходящій, чѣмъ типъ Татьяны: даже поколѣніе, близкое къ нему по времени, уже не узнавало въ немъ живого чело-вѣка²⁾.—неумудрено, что «специфическія» черты этого образа исчезли изъ русской жизни довольно быстро: увлеченіе имъ было, такъ сказать,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май, 1899 г.

²⁾ Ключевскій, „Евгеній Онѣгинъ и его предки“, „Р. М.“, 1887, № 2, 293. (Цитуемая статья почтеннаго ученаго, повидимому, близкая къ нашей работѣ по заглавію, однако совершенно расходится по своимъ задачамъ: для проф. Ключевскаго Пушкинскій герой—лишь предлогъ для того, чтобы бросить широкій взглядъ на всю прошлую жизнь русской земли,—мы ставимъ свою задачу гораздо уже).

«минутнымъ»,— а потому, вслѣдъ за преклоненіемъ передъ Байрономъ, перевелись у насъ и байронисты—Онѣгины и Печорины, не успѣвъ оставить рѣзкаго слѣда въ современныя мемуарахъ...

Но если мемуары и записки почти не помогутъ намъ доказать, что во время появленія въ свѣтъ романа Пушкина въ тогдашнемъ обществѣ было не мало Онѣгиныхъ, — то поможетъ намъ въ этомъ отношеніи тогдашняя критика..

Князь Вяземскій, напримѣръ, даже въ слабыхъ, неясныхъ очертаніяхъ героев «Кавказскаго плѣнника» и «Цыганъ» узналъ современнаго человека: «подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества»—говоритъ онъ о «Кавказскомъ Плѣнникѣ»¹⁾; Алеко, у него—«прототипъ поколѣнія нашего; лицо не условное—нѣтъ, перенесенное изъ общества»²⁾. Разумѣется поэтому, и Онѣгинъ казался ему живымъ лицомъ.. Булгаринъ даже прямо заявилъ, что Онѣгиныхъ онъ встрѣчалъ въ Петербургѣ «дюжинами»³⁾; Полевой призналъ въ героѣ Пушкинскаго романа «знакомаго» человека, внутреннюю жизнь котораго онъ уже самъ «чувствовалъ», хотя безъ помощи Пушкина «не умѣлъ объяснить»⁴⁾. Критикъ «Благонамѣреннаго» увидалъ въ Онѣгинѣ «портретъ воспитаннаго по модѣ русскаго дворянина»⁵⁾; критикъ «Московскаго Вѣстника» нашелъ въ Пушкинскомъ героѣ «много русской правды»⁶⁾. Кирѣевскій по поводу Онѣгина замѣтилъ, что «нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей»,—поэтъ «цѣлый классъ людей представилъ въ его портретѣ»⁷⁾. Шевыревъ назвалъ Онѣгина «ходячимъ типомъ западнаго вліянія на всѣхъ нашихъ свѣтскихъ людяхъ»⁸⁾. Заклучимъ свои примѣры указаніемъ на то, что проф. Ключевскій въ своей рѣчи о Пушкинѣ, произнесенной въ день открытія памятника поэту, замѣтилъ, что «въ поэмахъ и романахъ Пушкина выставлены многіе типы XVIII и начала XIX вѣка, которые наглядно знакомятъ насъ съ характеромъ эпохи»⁹⁾,—дальше идетъ перечисленіе такихъ типовъ, и среди нихъ Онѣгину отведено свое мѣсто. Это признаніе за героемъ Пушкина исторической вѣрности, признаніе, идущее отъ такого компетентнаго судьи, какъ проф. Ключевскій, должно вполнѣ увѣрить насъ въ томъ, что для «коллективнаго типа» Пушкинъ могъ въ изобиліи найти матеріала въ русской жизни.

Что же такое этотъ Онѣгинъ, черты котораго настолько заинтересовали Пушкина, что онъ занимался ихъ проясненіемъ чуть не въ теченіе всей своей литературной жизни?—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и «Кавказскій

¹⁾ Вяземскій, Соч., I, 76. ²⁾ Ibid., 316. ³⁾ «Сѣверная Пчела», 1826, № 132.

⁴⁾ «Моск. Телеграфъ», 1825 г., ч. 2, № 5, 48. ⁵⁾ «Благонамѣренный», 1825, ч. 29, № 9, 326. ⁶⁾ «Московскій Вѣстникъ», 1828, ч. 7, № 4, 465. (статья N.N.). ⁷⁾ «Московск. Вѣстн.», 1828, ч. 8, № 6, 192. (статья 9. 11). ⁸⁾ Трубачевъ, «Пушкинъ въ русской критикѣ», 287. ⁹⁾ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкина», 32—3.

плѣнникъ», и Алеко изъ «Цыганъ», и, отчасти, нѣкоторые герои его повѣстей ¹⁾—несомнѣнные родственники Евгенія по духу... Думается намъ, что для объясненія пушкинскаго героя мы должны опять-таки обратиться прежде всего къ его библиотекѣ: излюбленныя книги Онъгина раскроютъ передъ нами его душу, а, кромѣ того, выяснятъ, какъ самъ творецъ смотрѣлъ на свое созданіе.

Припомнимъ строфы пушкинскаго романа, въ которыхъ говорится о томъ, какъ Татьяна забралась въ деревенскую библиотечку Онъгина и стала перерывать его книги. Что же оказалось?—

„Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безвѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Книжница въ дѣйствіи пустою“ ²⁾.

Эти романы не только «читаются» Онъгинымъ: они имъ изучаются,—
«на ихъ поляхъ» Татьяна—

„ ..встрѣчаетъ
Черты его карандаша:
Вездѣ Онъгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ“ ³⁾.

И далѣе слѣдуютъ знаменательныя слова:

„И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада или небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье.

¹⁾ Таковы, напримѣръ, Сильвіо („Выстрѣлъ“, Соч. И—на, IV, стр. 35, 37), Алексѣй („Барышня-крестьянка“, Ibid. 77, 86) и др. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 366—7. ³⁾ Ibid., 367.

Ничтожный призракъ, иль еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Словъ модныхъ полный лексиконъ?
 Ужъ не пародія ли онъ?“ ¹⁾

Слово найдено. Да, онъ—пародія на литературныхъ героевъ, и притомъ пародія не такая поэтическая и невинная, какъ мечтательница-Таня, а болѣе опасная и неприятная, такъ какъ это—пародія на героевъ, проникнутыхъ безпросвѣтнымъ эгоизмомъ, скептицизмомъ, лишенныхъ и тѣни идеализма...

Припомнимъ жизнь Онѣгина въ Петербургѣ, когда онъ весь отдавался «наукѣ страсти вѣжной»... У кого научился 18-ти лѣтній «философъ», только-что вступившій въ жизнь, «лицемѣрить, таить надежду, ревновать, разувѣрять, заставить вѣрять, казаться мрачнымъ, изнывать, являться гордымъ и послушнымъ, внимательнымъ иль равнодушнымъ» и пр.? ²⁾... Кто выучилъ его—

„Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
 Умомъ и страстью побѣждать...“

Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь...

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда жъ хотѣлось уничтожить
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ!
 Какія сѣти пизъ готовилъ!“ ³⁾

Изъ всего этого мы видимъ въ юношѣ-Онѣгинѣ уже ловкаго «спеціалиста по любовнымъ дѣламъ», умудреннаго «наукѣ»... Пушкинъ помогаетъ намъ понять, откуда получилъ Онѣгинъ свои знанія,—

„Любви насъ не природа учить.

Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,—
 И узнаемъ ее въ романѣ...
 ...Онѣгивъ это испыталъ“ ⁴⁾.

Какой же «романъ» научилъ Онѣгина «жизни», послужилъ для него школой любви? Пушкинъ опять самъ рѣшаетъ наше недоумѣніе: его герой, оказывается, въ ранней юности увлекался «славою Ловласа» ⁵⁾.

Ловласъ, герой ричардсоновскаго романа «Кларисса Гарлоу», дѣйствительно, обольстительный образчикъ «покорителя женскихъ сердецъ», до

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 238. ²⁾ Ibid. 367. ³⁾ Ibid., 239. ⁴⁾ Ibid, 238. ⁵⁾ Ibid, 304.

сихъ поръ не увядшій, а въ свое время, къ великому горю добродѣтельнаго автора, очаровавшій массу читателей и читательницъ... Этотъ неотразимый прелестникъ выработалъ въ себѣ искусство «покорять» женщинъ ¹⁾; онъ изучилъ «психологію женскаго сердца» ²⁾, и побѣды ему легки, но за легкими побѣдами онъ не гоняется ³⁾: «борьба» увлекаетъ его ⁴⁾, трудная «охота» ⁵⁾ ему особенно пріятна. Однимъ словомъ, это — образцовый оболъститель, которому, повидимому, очень удачно подражалъ 18-ти лѣтній Онъгинъ ⁶⁾.

Но, какъ извѣстно, чувства нашего Онъгина рано остыли: «слава Ловласова въ его глазахъ обветшала» ⁷⁾,—явилось разочарованіе, овладѣла имъ хандра, и на смѣну Ловласу другіе герои сдѣлались его образцами,—

„Какъ Child Harold, угрюмый,—томный,
Въ гостинныхъ появился онъ;
Ни слетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его
Не замѣчалъ онъ ничего...“ ⁸⁾—

Неутомимый «охотникъ»-Ловласъ поднадѣлъ ему—и, вотъ, нашъ Онъгинъ красиво драпировался въ плащъ Чайльдъ-Гарольда и другихъ родственныхъ ему по духу «скорбниковъ».

Когда на его пути встала дѣвушка, съ которой ему не предстояло никакой «борьбы», онъ оттолкнулъ ее, прикрываясь изъ вѣжливости холодомъ своей души... Не такъ ли и учитель его, Чайльдъ-Гарольдъ, отнесся къ Флорансъ?—

„Флоранса! если бь сердце это
Я для любви не скоронилъ,
Тогда бь, повѣрь, любовь поэта

¹⁾ Richardson, „Clarisse“, I, 423, 426, 430, 435, 440, II, 22, 27, VI, 212, IV, 54, 63. ²⁾ Ibid., IV, 298. ³⁾ Ibid., V, 249. ⁴⁾ Ibid, V, 249. ⁵⁾ Ibid, IV, 221. ⁶⁾ Пушкинъ хорошо зналъ романъ Ричардсона. Хотя онъ и случалъ за нимъ, но, тѣмъ не менѣе, даже въ 1834 г. признавалъ за нимъ „необыкновенное достоинство“ (Соч., V, 216; еще: 249). Герои и героини Пушкина тоже хорошо знаютъ это произведение (Соч., III, 275, 303, IV, 350—1). Кромѣ Ловласа, хорошимъ учителемъ въ любовныхъ дѣлахъ былъ у насъ еще одинъ романтический герой—Фобласъ (Соч., III, 239, 303; IV, 358). Что касается до Онъгина, то не потому-ли, между прочимъ, онъ пренебрегъ Татьяной, что ему легкая побѣда, какъ Ловласу, была слишкомъ неинтересна: „скучно было лицемѣрить“, „уничтожать предразсужденія, которыхъ не было и нѣтъ у дѣвочки въ тринадцать лѣтъ“ (Соч., III, 304). ⁷⁾ Пушкинъ, Соч., III, 303. ⁸⁾ Ibid., 250. Интересно, что самъ Пушкинъ, прежде обѣщавшій друзьямъ произведение въ родѣ „Донъ-Жуана“ (Соч., VII, 56, 72), потомъ круто измѣнилъ свои первоначальные планы (Ibid., 117),—и его молодой вѣтреникъ, подъ вліяніемъ Чайльдъ-Гарольда, получилъ совсѣмъ другое освѣщеніе.

Къ твоимъ ногамъ я положилъ.
Но ты не можешь быть моею:
У насъ различныя пути . . .¹⁾

Впрочемъ, пушкинскій герой не прочь пародировать иногда и модныхъ героевъ совсѣмъ иного пошиба. Напримѣръ, вся «проповѣдь» Онѣгина по адресу Татьяны, проповѣдь, которая оканчивается наставленіемъ:

„Учитесь властвовать собой!
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ,—
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ“²⁾—

—въ его устахъ звучитъ какою-то непроходимую фальшью³⁾,— и намъ невольно припоминается идеальный Грандисонъ⁴⁾, который любилъ читать подобныя правоученія «неопытнымъ» дѣвицамъ, предлагавшимъ ему свою любовь...

Если мы обратимся теперь къ письму Онѣгина, то и тутъ мы встрѣтимся съ тѣмъ же вліяніемъ романовъ: на сцену появляется Руссо, съ извѣстнымъ уже намъ романомъ: «Новая Элоиза».

Сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій:

„Предвижу все: васъ оскорбитъ“⁵⁾—

«Предвижу впередъ всю силу вашего негодованія⁶⁾...»

„Чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я!“⁷⁾—

«Я долженъ видѣть тебя каждый день... Я не могу жить безъ тебя; я это чувствую!»⁸⁾

„Желать обнять у васъ колѣни
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Илить мольбы, признанья, слезы“⁹⁾...—

«Сто разъ на день порывался я кинуться къ вашимъ ногамъ, облисть ихъ моими слезами...»¹⁰⁾

...притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Гладѣть на васъ спокойнымъ взглядомъ...“¹¹⁾

¹⁾ Байронъ, Соч., I, 214. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 303. ³⁾ Самъ Пушкинъ подчеркиваетъ эту фальшь ироническимъ: „...такъ проповѣдовалъ Евгений“ (Ibid.). ⁴⁾ Герой другого романа Ричардсона. ⁵⁾ Пушкинъ, Соч., III, 395. ⁶⁾ J. J. Rousseau, „Nouv. Héloïse“, 32. ⁷⁾ Пушкинъ, Соч., III, 396. — ⁸⁾ J. J. Rousseau, 122. ⁹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 397. ¹⁰⁾ J. J. Rousseau, 32. ¹¹⁾ Пушкинъ, 397.

«Какъ сохранить спокойствіе при такомъ волненіи?.. Какъ думать о разныхъ вещахъ, когда занять только однимъ?.. Нужно сдерживать рыданія; надо улыбаться, умирая...» ¹⁾ и т. д.

Прибавимъ къ этимъ примѣрамъ указаніе, что Онъгинъ передъ сочиненіемъ своего письма такъ же бросился къ книгамъ, какъ раньше Татьяна; правда, онъ читалъ самыя разнообразныя произведенія, но фигурируютъ тутъ, между другими авторами, и Руссо, и М-ше Сталь ²⁾)..

Какъ и типъ Татьяны, типъ Онъгина, разочарованнаго, скучающаго юноши, для котораго изсякли живыя радости юности, намѣчается въ русской жизни со второй половины XVIII вѣка. Опять Карамзинъ поможетъ намъ въ нашихъ поискахъ: онъ и въ жизни столкнулся съ такимъ человѣкомъ, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ не разъ намѣчалъ черты героя, уже смахивающаго немного на Онъгина..

Мы говоримъ о другѣ его А. А. Петровѣ, юношѣ, который рано извѣрлся въ жизни, рано замкнулся въ себѣ и для всѣхъ непосвященныхъ казался «мизантропомъ», нелюдимомъ, чудачкомъ, если и не опаснымъ, то «непріятнымъ» ³⁾.. Только въ присутствіи юнаго Карамзина открывалась его усталая душа, и въ ней увидѣлъ нашъ писатель много такого, что было сокрыто отъ взора другихъ ⁴⁾. Мы знаемъ, что и Онъгинъ могъ оттаивать иногда,—для этого ему тоже нуженъ былъ подходящій слушатель: Пушкинъ вспоминалъ, какъ они сентиментальничали по ночамъ съ Онъгинымъ, какъ,—

„Вспомни прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомни прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы! ⁵⁾

.....
Такъ уносились мы мечтой ⁶⁾
Къ началу жизни молодой!“

Конечно, основанія для тоски у Петрова были болѣе важныя: его мучили вопросы: «что я есть и что я буду?» ⁶⁾.—Въ вопросахъ любви онъ былъ, вѣроятно, настоящимъ ребенкомъ, но, въ сущности, складъ души у обоихъ одинаковъ. Прибавимъ къ этому живому образу литературный, вымышленный, «Людора» ⁷⁾—героя одной неоконченной Карамзинимъ повѣсти. Передъ нами опять разочарованный, холодный, ко всему равнодушный юноша, которому нѣтъ дѣла до человѣчества, который живетъ вдали отъ людей, чуждается ихъ... Глядя на него, невольно припо-

¹⁾ J. J. Rousseau, 110. ²⁾ Пушкинъ, 398. ³⁾ Карамзинъ, Письма къ Дмитріеву, 27. ⁴⁾ Ibid, 34; см. еще: „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ (Соч. Карамзина, III т.). ⁵⁾ Пушкинъ, Соч., III, 253—4. ⁶⁾ См. нашу работу: „Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ Русскаго Путешественника“, 50 и др. ⁷⁾ „Моск. Журн.“, V, 305—335.

минаемъ мы и Рэнэ, и героевъ Сталь (Освальда и Мондовиля), и нашего Онъгина, какимъ онъ былъ, когда переѣхалъ въ деревню... Стоитъ только прибавить къ этимъ двумъ образамъ эгоизмъ, выраженный рѣзко, какъ у Онъгина и Печорина,—и мы невольно признаемъ преемственность типа «разочарованнаго» юноши, начиная съ карамзинской эпохи ¹⁾.

Позднѣе, Батюшковъ переживалъ минуты такой же рѣзкой и глубокой разочарованности; не даромъ онъ зачитывался «Рэнэ» Шатобриана, не даромъ почтенный биографъ поэта академикъ Л. Н. Майковъ объяснял настроеніе своего героя, опять-таки, при помощи Рэнэ..

Изъ современниковъ Пушкина остановимъ наше вниманіе на А. Раевскомъ, хорошемъ знакомомъ нашего поэта; душа этого юноши была отмѣчена чертами, очень близкими къ онъгинскимъ. Впрочемъ, у Раевского эти черты значительно рѣзче, глубже, чѣмъ у Онъгина; не даромъ его образъ вдохновилъ Пушкина на созданіе такого сильнаго произведенія, какъ «Демонъ» ²⁾—

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу холодный ядъ.
Неустойчивой клеветой
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновеніе презиралъ...
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ! ³⁾

¹⁾ Если въ сентиментальной литературѣ (Юнгъ, Оссианъ) намѣчаются уже мотивы этой душевной тоски, а въ „Вертерѣ“ мы имѣемъ уже типичнаго „скорбника“; то послѣ французской революціи „разочарованіе“, „хандра“, вырождается у Шатобриана въ пассивный эгоизмъ, а у Байрона—въ эгоизмъ боевой, граничащій порой съ человѣконенавистничествомъ. (Объ отношеніи Пушкина къ Байрону и Шатобриану см. нашу работу: „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“). ²⁾ То обстоятельство, что самъ Пушкинъ намѣревался печатно утверждать, будто „Демонъ“ вовсе не портретъ Раевского (Соч. I, 292),—ничего не доказываетъ: 1) своего объясненія, очень, къ тому же, нерѣшительнаго, онъ не напечаталъ,—стало быть, отказался отъ мысли опровергать общее мнѣніе о томъ, что А. Раевскій—оригиналъ „Демона“.—2) подобныя „объясненія“ Пушкина, сами по себѣ, цѣны особой не имѣютъ, такъ какъ онъ иногда пытался маскировать этимъ способомъ свои художественные замыслы: напримѣръ, онъ рѣшительно отвергъ всякое сходство между Онъгинскимъ и собою, хотя въ то же время въ частныхъ письмахъ прямо говоритъ, что жизнь героя въ деревнѣ срисовалъ со своей собственной,—3) самъ Раевскій призналъ себя въ „Демонѣ“; многіе знавшіе его (Вигель, Е. Н. Раевская), тоже подтверждаютъ это... ³⁾ Пушкинъ, Соч., I, 292.

Конечно, здѣсь передъ нами оригиналъ идеализированъ,—въ красивой позѣ поставленъ онъ на пьедесталъ, освѣщенъ искусственно и облеченъ въ приличное демону одѣяніе,—но, стоитъ свести этого демона съ пьедестала, одѣтъ на него широкій боливаръ, модный костюмъ и лакированные ботфорты,—и передъ нами, какъ живой, встаетъ Раевскій-Онѣгинъ...

Вигель, знавшій Раевского близко, рисуетъ его человѣкомъ гордымъ, независимымъ, «съ непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству...» «Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ»¹⁾. Наружность его сохранила еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлесные и душевные недуги уже изсушили его и наморщили его чело. Въ умѣ его была твердость, но безъ всякаго благородства. Поэзія была ему дѣло вовсе чуждое (ср. Онѣгина), равномѣрно и нѣжные чувства²⁾ (ср. Онѣгина), въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство³⁾. Съ женщинами онъ обращался «умѣло» и побѣды одерживалъ надъ ними легко, почему скоро и прослылъ опаснымъ человѣкомъ, и всѣ старались учтиво уклоняться отъ него⁴⁾. Сестра Раевского, Екатерина Николаевна, утверждаетъ, будто «разочарованіе» брата было напускнымъ, будто ему хотѣлось «потрунить» надъ Пушкинымъ, и потому онъ сталъ корчить ничѣмъ недовольнаго, разочарованнаго, надо всѣмъ глумящагося человѣка; поэтъ поддался искусной мистификаціи и написалъ своего «Демона»⁵⁾. Но едва ли эта «мистификація», обманувшая не одного Пушкина, а многихъ, была только шалостью,—слишкомъ ужъ она продолжительна и серьезна, если слѣды ея сказались не только на одномъ лирическомъ произведеніи, но и на письмѣ Пушкина, писанномъ, какъ думаютъ, все къ тому же Демону-Раевскому. Въ одномъ изъ такихъ писемъ мы видимъ обращеніе поэта къ какому-то «учителю», который совѣтовалъ ему въ жизни быть «*férocé, tûgan, vindicatif*», который училъ его презирать людей, проповѣдывалъ эгоизмъ, рѣшительный, жестокий⁶⁾...

Этотъ образъ настолько близокъ къ Онѣгину, что мы рѣшаемся видѣть въ А. Раевскомъ главнаго «натурщика» для героя пушкинскаго романа. Это подтверждается, между прочимъ, сличеніемъ двухъ отрывковъ: одного, относящагося къ «Демону», другого—къ «Онѣгину».

«Демонъ», какъ извѣстно, начинается съ повѣствованія о томъ, какъ безмятежная жизнерадостность поэта была сначала омрачена скептицизмомъ «Демона», а потомъ была имъ побѣждена.

¹⁾ Вигель, Воспоминанія, VI, 169. ²⁾ Ibid, 170. ³⁾ Ibid, 171. ⁴⁾ Вигель, Воспоминанія, 171. ⁵⁾ Складчина, 373. ⁶⁾ Пушкинъ, Соч., VII, 25—6. Какъ увидимъ ниже, подобныя же совѣты въ 1822 г. подавалъ своему брату самъ Пушкинъ (Ibid., 43—4).

То же находимъ мы и въ «Евгеніи Онъгинѣ»:

„Сперва Онъгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ“⁴⁾.

Въ черновыхъ наброскахъ мы найдемъ болѣе подробное объясненіе того, какъ овладѣвалъ Онъгинъ-Демонъ душою поэта, уже подготовленнаго жизнью къ подобнымъ вліяніямъ:

Черновые наброски „Демона“.

„Таковъ онъ былъ...
Мое спокойное незнанье
Страстями возмущалъ,
И я его существованье
Съ своимъ, невиннымъ сочеталъ.
Я видѣлъ міръ его глазами...
Онъ общалъ...
Истоковать мнѣ все творенье,
И разгадать добро и зло...
Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
.....
Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ“⁵⁾...

Варианты къ XLV строфѣ 1-й главы Онъгина.

.....
Мнѣ было грустно, тяжело, больно,
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ,
Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ,
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ,
Я сталъ взирать его очами; .
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ“⁶⁾...

Если мы къ этому сближенію прибавимъ еще бѣглую характеристику, которую далъ Пушкинъ Онъгину, назвавъ его «надменнымъ бѣсомъ», и хронологическую близость обоихъ произведеній (1823 г.),—то мы должны будемъ признать, что А. Раевскій, послужившій оригиналомъ для «Демона», въ такой же мѣрѣ близокъ и къ Онъгину.

Кромѣ этого живого лица, очевидно, былъ у Пушкина «натурщикъ», взятый изъ литературы: поэтъ самъ указывалъ не разъ на Чайльдъ-Гарольда, какъ на образчикъ, которому подражалъ Онъгинъ, распростиившись съ Ловласомъ: объ этомъ Пушкинъ говоритъ то въ подстрочномъ примѣчаніи: «черта охлажденнаго чувства, достойная Чайльдъ-Гарольда»⁴⁾, то не разъ прямо сравниваетъ своего героя съ Child Harold'омъ...⁵⁾ Наконецъ, кое-какія мелочи для своего Онъгина списалъ Пушкинъ съ себя: многія мелкія черты его жизни въ Михайловскомъ повторены въ романѣ съ буквальною точностью,—объ этомъ

⁴⁾ Пушкинъ, Соч., III, 252—3 ⁵⁾ Пушкинъ, Соч., I, 293. ⁶⁾ Ibid, III, 253.
⁴⁾ Ibid, 243. ⁵⁾ Ibid, 250, 319.

свидѣтельствуемъ, между прочимъ, Анненковъ: альбомъ Онѣгина, его костюмъ, времяпрепровожденіе въ деревнѣ, отношеніе къ сосѣдямъ-помѣщикамъ—все это взято изъ жизни самого поэта ¹⁾). Самъ Пушкинъ признавалъ это: «въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь» ²⁾),—писалъ онъ Вяземскому; у сосѣдей своихъ деревенскихъ онъ, оказывается, «пользовался репутациею Онѣгина» ³⁾), жизнь свою онъ проводилъ, какъ «совершенный Онѣгинъ» ⁴⁾). Интересно, что это сходство не было только внѣшнимъ. Письмо Пушкина къ брату говоритъ намъ, что между нимъ и его героемъ было и духовное сродство. Въ самомъ дѣлѣ, насыщенный уроками Раевскаго, А. С. Пушкинъ, въ свою очередь, совершенно серьезно совѣтуетъ брату «презирать людей», относиться ко всѣмъ холодно, не увлекаться дружбой, не выказывать своей любви къ женщинамъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обладать ими... Всѣ эти уроки, по словамъ Пушкина, были результатомъ его «*doulougeuse experience*» ⁵⁾)..

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, собранныхъ нами для объясненія исторіи Онѣгина, видно, какимъ сложнымъ путемъ шло художественное воплощеніе того образа, въ которомъ современники Пушкина почти единогласно признали знакомыя черты моднаго молодого человека. Съ необыкновеннымъ искусствомъ сохранилъ Пушкинъ въ теченіе многихъ лѣтъ основныя черты своего героя и, мѣняя много разъ «натурщиковъ», тѣмъ не менѣе, не искажилъ его сущности. Въ самомъ дѣлѣ, и Ловласъ, и Чайльдъ-Гарольдъ, и Раевскій, и самъ поэтъ, отчасти С.-Прё и Грандисонъ удѣлили, каждый кое-что, въ болѣе или меньшей мѣрѣ, Онѣгину,—а въ результатѣ, изъ всѣхъ этихъ мозаичныхъ кусочковъ созданъ образъ, всегда вѣрный себѣ.

Въ чемъ же «сущность» этого образа? Думается намъ, главное въ Онѣгинѣ, это именно то, что онъ—«пародія», что это существо, ломающееся, копирующее «чужую» жизнь ⁶⁾). За это судьба и покарала его: когда живое, искреннее чувство овладѣло имъ, когда онъ забылъ свои ужимки и снялъ съ себя маскарадныя украшенія,—было уже поздно. Между тѣмъ, можно думать, что любовь къ Татьянѣ проснулась въ его сердцѣ гораздо раньше вторичнаго свиданья: вѣдь въ Петербургѣ онъ съ первой встрѣчи обратилъ на нее особое вниманіе; онъ, получивъ ея посланіе,—

¹⁾ Анненковъ, „Матеріалы...“, 43, 67, 111: «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 235, 270. См. объ этомъ еще „Русск. Стар.“, 1899, № 5, 273—5. ²⁾ Пушкинъ, Соч., VII, 182. ³⁾ Ibid, 94. ⁴⁾ Ibid, 96. ⁵⁾ Ibid, 43—4. ⁶⁾ Другіе герои Пушкинскихъ произведеній тоже грѣшатъ этимъ же: Сильвіо, по натурѣ добродушный (IV, 37) человекъ, корчитъ изъ себя какого-то „рокового героя“ (IV, 35); Чайльдъ-Гарольдомъ представился Алексѣй (Ibid, 77),—онъ овазывается даже „размышлялъ о томъ, какую роль играть ему“ въ присутствіи героини,—и рѣшилъ, что холодная разсѣянность „всего приличнѣе“ (Ibid, 86). Влади-

„... живо тронуть былъ:
 Языкѣ дѣвическихъ мечтаній
 Въ немъ думы роемъ возмутилъ
 И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
 Душою погрузился онъ“ ¹⁾.

Ея письмо онъ бережно сохранилъ ²⁾, и въ своей «холодной» проповѣди не сумѣлъ скрыть искорокъ любви:

„Я, сколько ни любилъ бы васъ,
 Я васъ люблю любовью брата
 И, можетъ быть, еще нѣжнѣй“ ³⁾.

Прибавимъ къ этому пропущенную строфу (VI, гл. III), въ которой Пушкинъ изобразилъ своего героя сразу влюбившимся въ Татьяну:

Въ постелѣ лежа, нашъ Евгений
 Глазами Байрона читалъ,
 Но дѣнь невольныхъ размышленій
 Татьянѣ милой посвящалъ.
 Проснулся онъ сегодня ранѣ —
 И мысль была все о Татьянѣ.
 „Вотъ новое!“ — подумалъ онъ:
 „Неужто я въ нее влюбленъ?
 „Посмотримъ!“ — И тотчасъ рѣшилъ
 Сосѣдокъ навѣщать исправно.
 Какъ можно чаще, всякій день:
 „Вѣдь имъ досугъ, а мнѣ не лѣнь!“
 Рѣшилъ, и скоро сталъ Евгений,
 Какъ Ленскій“ ⁴⁾...

Такая легкая покорность чувству и простое, правдивое отношеніе къ любви было, конечно, не въ духѣ Онъгина, — и эта интересная строфа выпущена была, какъ искажающая образъ героя, полного фальши и лжи даже передъ самимъ собою. Объ этой лжи говоритъ самъ поэтъ, когда, представляя читателю, вторично, послѣ долгой разлуки, своего героя, лукаво спрашиваетъ:

„Все тотъ же ль онъ, или усмирися?
 Или корчитъ такъ же чудака?“

міръ Z., чтобы произвести большее впечатлѣніе, напускаетъ на себя „fatuité insolente“. (Ibid, 357), „корчитъ г-на Фобласа“ (Ibid, 358). Такимъ образомъ, начиная съ „Кавказскаго плѣнника“ и кончая героями повѣстей, Пушкинъ нѣсколько разъ рисовалъ человѣка, играющаго роль, — но, если создавая своего Плѣнника, поэтъ вѣрилъ еще тому, что рисуетъ дѣйствительно страдающаго героя, то съ каждымъ новымъ типомъ онъ все правдивѣе смотрѣлъ на своихъ героев. — и въ послѣднихъ произведеніяхъ, совершенно объективныхъ, прямо и рѣшительно изобличаетъ въ ихъ лицѣ обезьянчанье русскаго общества.

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 262. ²⁾ Ibid., 305. ³⁾ Ibid., 390. ⁴⁾ Ibid., 307—8.

Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
 Что намъ представитъ онъ пока?
 Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
 Космополитомъ, патриотомъ,
 Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
 Иль маской щегольнетъ иной?
 Иль просто будетъ добрый малый,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
 По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
 Отстать отъ моды обветшалою.

 Довольно онъ морочилъ свѣтъ“¹⁾.

Эти слова еще разъ подтверждаютъ сказанное нами, что Пушкинъ хотѣлъ въ своемъ героѣ изобразить одну изъ тѣхъ многочисленныхъ «пародій», которыми кишѣлъ тогдашній «свѣтъ». Многіе изъ этихъ мельмотовъ, космополитовъ, патриотовъ, гарольдовъ etc. были часто «добрые малые»; но они старательно «морочили» себя и другихъ, волочася за модой, «корчили изъ себя чудаковъ», «носили маски»... Самъ Пушкинъ сильно грѣшилъ этимъ въ юности,—очень грѣшилъ и его герой. Съ лѣтами у обоихъ проснулась жажда правды, искренности...

Правда, Онѣгинъ и при вторичномъ свиданіи немного попробовалъ еще поломаться передъ Татьяной, но какъ легко онъ бросилъ все это, побѣжденный правдой своего чувства!.. Любовь овладѣваетъ имъ,—и холодные, «разочарованные герои» романовъ забываются, — «надменный бѣсъ» обращается въ несчастнаго человѣка²⁾...

Что въ лицѣ Онѣгина Пушкинъ рисовалъ «русскую пародію», видно, наконецъ, изъ того, что настоящая душа его героя не разъ себя обнаруживала въ теченіе всего романа. Припомнимъ въ первой главѣ бесѣды Онѣгина съ поэтомъ, когда они,—

„Вспомни прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспомни прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благословной
 Безмолвно упивались...“³⁾

Они тогда «уносились мечтой къ началу жизни молодой⁴⁾»,—и душа Онѣгина была тогда «полна сожалѣній»⁵⁾... Дружба его съ Ленскимъ тоже показываетъ, что не всегда онъ корчилъ мизантропа, что порою свое холодное презрѣніе ко всѣмъ людямъ, безъ изъятія, смѣнялось у него добродушной, снисходительной «улыбкой», въ которой сквозитъ живое

¹⁾ Ibid., 282—3. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 385. ³⁾ Пушкинъ, Соч., III, 391, 393, 394—5, 395—7, 399. ⁴⁾ Ibid., 254. ⁵⁾ Ibid., 253.

чувство симпатіи¹⁾. Для «человѣконенавистника» онъ слишкомъ большое значеніе предавалъ смерти Ленскаго, «окровавленная тѣнь» котораго—

„Ему являлась каждый день“²⁾.

Для человѣка, въ которомъ умерли всѣ чувства, онъ слишкомъ легко отдается сердечному волненію; вѣдь онъ—

„...чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ...“³⁾

3. Ленскій.

„Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечь“...

(„Евг. Онѣг.“, гл. II, стр. VI).

Поэтический образъ юнаго Ленскаго, рано унесеннаго могилою, обрисованъ Пушкинымъ очень бѣгло: передъ нами, въ сущности, только характеристика юноши и затѣмъ, какъ бы иллюстрація къ ней, стихи, сочиненные имъ передъ дуэлью. Но и этого немногаго, даннаго Пушкинымъ, вполне достаточно для вѣрнаго пониманія внутренней жизни Ленскаго.

Кромѣ этой существенной поддержки, идущей отъ самого Пушкина, данныя, почерпнутыя непосредственно изъ русской дѣйствительности той эпохи, помогутъ намъ доказать: 1) что, подобно Татьянѣ и Онѣгину, этотъ второстепенный герой пушкинскаго романа не вымысленъ великимъ художникомъ, а взятъ изъ русской жизни,—и 2) что художественное воплощеніе этого типа шло тѣмъ же порядкомъ, какой былъ указанъ нами выше, когда рѣчь шла о главныхъ герояхъ романа.

Что касается до Ленскаго, то выяснить его внутренній міръ можно легко изъ той прекрасной характеристики его, которую далъ самъ Пушкинъ въ строфахъ: VI—XII, XIII, XVI, XX, XXII второй главы: передъ нами обрисовывается очень яркими чертами образъ юноши-«die schöne Seele», «прекраснодушнаго» мечтателя-идеалиста, вѣрящаго утопіямъ, политическимъ и моральнымъ, сентиментальнаго, романтическаго ..

Этотъ типъ сложился во второй половинѣ XVIII вѣка, въ «туманной Германіи» и нѣсколько позднѣе, къ концу того же вѣка, ярко обрисовался и у насъ⁴⁾.

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 267—8. ²⁾ Ibid., 387, 399. ³⁾ Ibid., 399. ⁴⁾ См. нашу работу „Н. М. Карамзинъ“, стр. 115, 40, Кожевниковъ, „Философія чувства“, ч. I, 636—8.

Съ его появленіемъ у насъ начинается переломъ русской литературы отъ французскаго псевдоклассицизма къ нѣмецкому романтизму. Карамзинъ стоитъ во главѣ этого новаго періода русской литературы; онъ же былъ несомнѣннымъ прародителемъ огромной толпы всѣхъ этихъ Ленскихъ, «полурусскихъ» юношей-идеалистовъ, пѣвцовъ своей «прекрасной» души.

Хотя между Карамзинымъ и Ленскимъ разстояніе въ тридцать лѣтъ, однако черты ихъ до того поразительно близки, что характеристика Ленскаго, сдѣланная Пушкинымъ, почти безъ измѣненія можетъ быть приложена къ Карамзину, какимъ онъ былъ передъ путешествіемъ за границу: оба были поклонниками «туманной Германіи», оба увлекались и Кантомъ, и вольнолюбивыми мечтами, у обоихъ былъ «духъ пылкій и довольно странный», «всегда восторженная рѣчь и кудри черныя до плечъ»...

Когда Карамзинъ сблизился съ Петровымъ, онъ горѣлъ «пламеннымъ усердіемъ къ добру» ¹⁾, какъ у Ленскаго,—

„Негодованье, ссжалѣнье,
Ко благу чистая любовь—

Въ немъ рано волновали кровь“ ²⁾.

Карамзинскую «искренность, живость, нѣкоторый жаръ чувства» ³⁾ узнаемъ мы въ «пылкихъ» ⁴⁾, «восторженныхъ рѣчахъ» ⁵⁾ Ленскаго, въ его «юномъ жарѣ, юномъ бредѣ» ⁶⁾, въ его «пламенной младости» ⁷⁾...

«Милыя надежды» Карамзина, его «тайныя сомнѣнія» ⁸⁾ волновали и Ленскаго,—

„...Мира новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чуда подозрѣвалъ“ ⁹⁾.

У обоихъ «душа воспламенилась» поэтическимъ огнемъ поэтовъ Германіи; разница лишь въ томъ, что Карамзинъ зачитывался Клопштокомъ, Клейстомъ, а Ленскій—Шиллеромъ и Гёте... Оба въ своихъ произведеніяхъ гордо сохранили всегда возвышенныя чувства, порывы «дѣвственной мечты» ¹⁰⁾. Оба проливали «живыя» слезы при разлукѣ, оба знали

¹⁾ Карамзинъ, Соч., III, 360. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 263. ³⁾ Карамзинъ, Соч., III, 360. ⁴⁾ Пушкинъ, III, 267. ⁵⁾ Ibid., 262. ⁶⁾ Ibid., 267. ⁷⁾ Ibid, 270. ⁸⁾ Карамзинъ, Соч., III, 360. ⁹⁾ Пушкинъ, III, 263. ¹⁰⁾ Ibid., 263—4.

припадки «меланхоліи», «пѣли поблеклой жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осмнадцать лѣтъ» ¹⁾).

Любопытно, что сходство простирается до того, что захватываетъ даже отношенія обоихъ къ ихъ друзьямъ, Онѣгину и Петрову: «гдѣ онъ (Петровъ) одобрялъ съ спокойной улыбкой, тамъ я (Карамзинъ) восхищался; огненной пылкости моей противопологалъ онъ холодную свою разсудительность» ²⁾. Онѣгинъ тоже—

„...слушалъ Ленскаго съ улыбкой
И охладительное слово
Въ устахъ старался удержать...» ³⁾

О чемъ же бесѣдовали друзья,—Онѣгинъ съ Ленскимъ и Петровъ съ Карамзинимъ?—Да буквально о томъ же: «разсуждали мы о происшествіяхъ міра, угадывали будущую судьбу человѣчества» ⁴⁾, «разсуждали о нравственномъ мірѣ» ⁵⁾, славили «преимущества осьмагонадесять вѣка», «распространеніе духа общественности», «гѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь ⁶⁾ народовъ», вопрошали натуру о великихъ тайнахъ ея ⁷⁾,—

„Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племень мнѹвшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковыя
И гроба тайны роковыя“ ⁸⁾.

Сходство простирается даже до такой мелочи, какъ чтеніе Оссіана, которымъ и Карамзинъ, и Ленскій угощали своихъ друзей ⁹⁾...

Припомнимъ нѣсколько писемъ, отправленныхъ Карамзинимъ къ Лафатеру,—и опять Ленскій, съ его душой, съ его чувствами, мыслями и интересами, ярко обрисуетъ передъ нами...

Сдѣланное нами сопоставленіе, конечно, не приведетъ насъ къ заключенію, что Ленскій срисованъ съ Карамзина, но мы должны будемъ признать, что типъ юноши-идеалиста, типъ, занесенный къ намъ Карамзинимъ прочно привился къ русской жизни: онъ не умиралъ въ теченіе 30—40 лѣтъ и ко времени Пушкина сохранилъ свои яркія краски и духовные интересы.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно бѣлаго взгляда, чтобы убѣдиться, что послѣ Карамзина у насъ развелось не мало «прекраснодушныхъ» юношей, сентиментальныхъ мечтателей, живущихъ идеальными чувствами ¹⁰⁾,— всѣ

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 265. Если мы къ этому прибавимъ „сентиментальничанье“ Ленскаго (III, 312), то сходство обоихъ образовъ еще увеличится. ²⁾ Карамзинъ, Соч., III, 362; ³⁾ Пушкинъ, Соч., III, 267. ⁴⁾ Карамзинъ, 366. ⁵⁾ Ibid., 437. ⁶⁾ Ibid., 438. ⁷⁾ Ibid., 366. ⁸⁾ Пушкинъ, Соч., 267—8. ⁹⁾ Карамзинъ Соч., III, 361,—Пушкинъ, III, 268. ¹⁰⁾ См. 3-ю главу нашего изслѣдованія: „Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“.

они въ значительной степени люди «полурусскіе», очи ихъ направлены на любезную имъ Германію. Оставимъ мелкихъ представителей этого сорта людей, болѣею частью учениковъ и поклонниковъ Карамзина ¹⁾, и перейдемъ къ болѣе крупнымъ представителямъ этого типа.

Прежде всего бросается намъ въ глаза образъ Андрея Тургенева, юнаго поэта, съ чистымъ сердцемъ, «исполненнымъ любви къ прекрасному» ¹⁾—друга Жуковского. Нѣкоторые стихи его, стихи, проникнутые чувствомъ свѣтлой грусти, но въ то же время любви и вѣры ²⁾, показываютъ намъ, что поэтическія грезы Ленскаго ему очень сродни,—онъ тоже—

„...пѣлъ разлуку и печаль,
И вѣчто, и туману даль,
И романтическія розы...
Онъ пѣлъ поблеклой жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“ ³⁾..

Безмятежный идеализмъ, находившій утѣшеніе въ воспоминаніи «минувшихъ дней блаженныхъ» ⁴⁾ и въ надеждѣ на свѣтлое будущее ⁵⁾, преклоненіе передъ вѣчнымъ царствомъ любви ⁶⁾,—все это довольно характерныя черты и для пушкинскаго Ленскаго.. «Тѣнь веселая и мирная!»—взывалъ Жуковский къ своему покойному другу: «тѣнь твоя надо мною, она—собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца!» ⁷⁾. Къ этому прибавимъ увлеченіе А. Тургенева нѣмецкой литературой, за что его даже звали «нѣмцемъ» ⁸⁾, прибавимъ его восторженность и «пѣсни пламенны и музамъ, и свободѣ» въ «священномъ» кругу такихъ же «прекраснодушныхъ» юношей ⁹⁾—и опять обрисуются передъ нами свѣтлыя, ясныя черты Ленскаго..

Обратимся теперь къ Жуковскому. Опять полное совпаденіе съ Ленскимъ: весь первый періодъ поэтической дѣятельности «прекраснодушнаго» Жуковского, въ сущности, есть не что иное, какъ варіаціи на тѣ же темы, которыя разрабатывались Ленскимъ.—

„Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье въ даль, любви тоска,
Томленіе разлуки“ ¹⁰⁾..

Развѣ не о такой поэзии говорить Пушкинъ въ словахъ:

„Онъ пѣлъ любовь...
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И вѣчто, и туману даль,

¹⁾ Загаринъ, „В. А. Жуковский“, 28. ²⁾ Напр. Ibid., 46—7, Тихонравовъ, Соч., ч. I, 416. ³⁾ Пушкинъ, соч., III, 265. ⁴⁾ Тихонравовъ, соч., III, ч. I, 416. ⁵⁾ Ibid. ⁶⁾ Ibid. ⁷⁾ Ibid. ⁸⁾ Ibid., 416—7, 433—4. ⁹⁾ Тихонравовъ, Соч. III, ч. I, 416; ¹⁰⁾ Жуковский, Соч. I, 109.

Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ...“¹⁾

Правда, Ленскій былъ также и поклонникомъ нѣмецкой философіи; кромѣ того, довольно рѣзко подчеркнуты Пушкинымъ его «вольнoлюбивыя» мечты. Но и эти черты отыщемъ мы въ русской жизни той эпохи: намъ поможетъ въ этомъ, хотя бы—князь А. И. Одоевскій, юноша-поэтъ, поплатившійся за свои вольнолюбивыя мечты Сибирью. Стоитъ намъ слегка ознакомиться съ этимъ образомъ,—и опять передъ нами станетъ тотъ же Ленскій: тотъ же—

„...блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живая“²⁾.

«Мысли его, рассказываетъ М. Бестужевъ, витали въ областяхъ фантазій. Это былъ молодой пылкій человекъ и поэтъ въ душѣ»³⁾. Огаревъ, встрѣтившійся съ нимъ на Кавказѣ, рассказываетъ слѣдующій эпизодъ, характерный для Одоевскаго: «ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ рассказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся»⁴⁾. Развѣ не тѣ же видѣнія посѣщали Ленскаго, когда онъ писалъ свою лебединую пѣсню передъ дуэлью: тотъ же воздушный, женскій образъ, легкій, полупрозрачный, проносящійся легкой тѣнью передъ чистыми глазами юноши-поэта, умиленнаго, восхищеннаго.. Обратимся ли мы къ стихамъ Одоевскаго,—мы опять услышимъ музыкальные мотивы трогательной элегіи Ленскаго:

„Куда, куда вы удалились?..“

Мы услышимъ въ этихъ стихахъ ту же возвышенную, чистую грусть, освященную тою же вдохновенной любовью ко всему міру и безоблачнымъ оптимизмомъ.

Стоитъ сравнить, хотя бы, его элегію: «Умирающій художникъ» съ стихами Ленскаго,—и мы еще разъ убѣдимся, до какой степени могъ Пушкинъ проникаться чужимъ настроеніемъ: стихи его Ленскаго совершенно въ тонѣ этой элегіи,—

„..едва лучи денницы
Моей коснулись зѣницы,—
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ;
Плодъ жизни свѣтъ недоспѣлый!
Нѣтъ! Сновь небесныхъ вѣстью смѣлой

¹⁾ Пушкинъ, Соч. III, 265; ²⁾ Одоевскій, Соч. (изд. подъ редакціей г. Мазева), IX. ³⁾ Одоевскій, Соч., VII; ⁴⁾ Ibid, VIII.

Одушевить я не успѣлъ;
 Гласъ пѣсни, мною не допѣтой,
 Не дозвучить въ земныхъ струнахъ.
 И я, въ нетлѣнне одѣтый,
 Ее дослышу въ небесахъ ¹⁾).

Развѣ не эти же думы роились въ головѣ Ленскаго, когда онъ думалъ о возможной смерти? Когда мысли его перенеслись къ Ольгѣ,— развѣ его поэтическія грезы не совпали съ грезами Одоевского:

„Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
 Лучезарный хороводъ,
 Лишь одна изъ дѣвъ воздушныхъ
 Запоздала. Сладкій взоръ,
 Легкій шопотъ устъ послушныхъ,
 Твой небесный разговоръ
 Выяты мнѣ. Тебѣ охотно
 Я ввѣряюсь всей душой...
 Тихо плавай надо мной,
 Плавай, другъ мой неотлетный!
 Всѣ исчезли. Ты одна
 На яву, во время сна,
 Навѣваешь утѣшенье ²⁾).

Поэтъ, живущій въ «мірѣ мечтаній», преклоняющійся передъ «святыней чувства» ³⁾, Одоевскій, задаетъ себѣ томительный вопросъ, который, конечно, мучилъ и Ленскаго:

„Зачѣмъ мучительно тайной
 Непостижимый жизни путь
 Волнуетъ трепетную грудь?
 Какъ званый гость, или случайный,
 Пришелъ онъ въ этотъ чуждый міръ,
 Гдѣ скудно сердца наслажденье
 И скорби съ радостью смѣшенье
 Томить, какъ похоронный ниръ?—
 Гдѣ насъ объемлетъ разрушенье,
 Гдѣ колыбель—могилы дань,
 Развалины дѣвъ—поля и горы ⁴⁾!..

Если мы обратимся къ мемуарамъ того времени, — опять передъ нами пронесется нѣсколько чистыхъ юношескихъ образовъ, просвѣтленыхъ тѣмъ же идеализмомъ, которымъ пылала душа Ленскаго. С. Аксаковъ, напримѣръ, вспоминаетъ свою юность въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ: «Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!» ⁵⁾... Тутъ, конечно, есть и

¹⁾ Одоевскій, Соч., 5; ²⁾ Ibid, 7; ³⁾ Ibid, 10. ⁴⁾ Одоевскій, Соч., 10; ⁵⁾ Г. Поливановъ указываетъ также на Кюхельбекера, какъ образчикъ поэта-идеалиста, воспитаннаго на нѣмецкой поэзіи и потому близкаго къ Ленскому (Пушкинъ, Соч., изд. Поливанова, IV, 467);

идеальная дружба и любовь, и преклоненіе передъ природой, и увлеченіе идеалистической литературой: Аксаковъ зачитывался романами Коцебу и Лафонтена, «читалъ ихъ по ночамъ—въ пустыхъ антресоляхъ—читалъ съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ! Смѣшно сказать, но и теперь слова: «люби меня, я добръ, Фанни!» или: «мѣсяцы, блаженные мѣсяцы пролетали надъ этими счастливыми смертными», слова, сами по себѣ ничтожныя и пошлыя, заставляютъ сердце мое биться скорѣе по одному воспоминанію того восторга, того упоенія, въ которое приводили они пятнадцатилѣтняго юношу!»¹⁾... Прощаясь со своею университетскою жизнью, Аксаковъ раздражается цѣлымъ рядомъ восторженныхъ восклицаній: «прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые, невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной!.. Стѣны гимназіи и университета, товарищи—вотъ, что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрешались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства! Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости—и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному!»²⁾ Эти вдохновенныя строки говорятъ намъ о настроеніи цѣлаго поколѣнія молодежи и находятъ подтвержденіе въ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. Изъ записокъ Жихарева мы узнаемъ, наприимѣръ, что молодежь тогдашняя увлекалась музыкой, «исполненною чувства и нѣмецкой мечтательности»³⁾, что трогательные стихи, отъ которыхъ «такъ и вѣетъ Маттисономъ», приводили въ умленіе.

„На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
 Всюду разливаешь онъ благоуханье.
 Онъ—цвѣтокъ завѣтный, онъ—цвѣтокъ любимый.
 Онъ—в о с п о м и н а н ь е!
 И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
 Не боится бури, не ваетъ отъ вноя,
 Сторожить сохранно имя преселенной
 Къ вѣчному покою!⁴⁾

Слушая соловья на могилѣ своей милой, идеальный юноша того времени обливался слезами и сочинялъ чувствительную элегію:

„... Пѣсня сладостна твоя;
 Но стократъ нѣжнѣе
 Раздавалась пѣснь ея
 Сладше и милѣе!

¹⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 322. ²⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 338. ³⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 360; ⁴⁾ Жихаревъ, Записки, 42.

Пѣсня дѣвы молодой
 Въ сердце западала,
 Какъ воздушной арфы строй,
 Душу проникала.
 Много, много васъ пѣвцовъ
 Съ весною придутъ,
 Но весна почившей вновь
 Къ пѣснямъ не разбудитъ!
 Голосъ смолкъ, погаснулъ взоръ,
 Здѣсь она отлѣла,
 И къ пѣвцамъ безплотнымъ въ хоръ,
 Въ небо улетѣла! ¹⁾

Вотъ, передъ нами еще одинъ юноша—Телешовъ, о которомъ его ученица, графиня А. Д. Блудова, отзывается съ самымъ живымъ сочувствіемъ: у него, оказывается, «была душа самая пылкая, нѣжная, жекственная и, какъ у Ленскаго,

Всегда восторженная рѣчь...“ ²⁾

Это былъ идеалистъ-*pur sang*, чистый образчикъ юноши-«*die schöne Seele*». Такимъ же былъ, повидимому, и С. Глинка, который, по собственному признанію, «лелѣялъ сердце жизнію мечтательною», былъ «платонически влюбленъ», воспѣвалъ свою милую въ элегическихъ стихахъ ³⁾... Немудрено, что его записки переходятъ порой въ поэтическія импровизаціи, мечтательныя, сентиментальныя... Читая ихъ, мы опять вспоминаемъ все того же Ленскаго. «Былъ очаровательный іюльскій вечеръ. На голубомъ небѣ солнце въ безмятежномъ великолѣпнн спускалось на покой въ волны озеръ и золотило отражавшіяся въ нихъ вершины лѣсовъ. Остановя почтовую повозку, я бросился къ прелестямъ живописной природы. Мечты заронились въ головѣ моей. «По наукѣ, думалъ я, земной нашъ пріютъ кружится около солнца; по глазамъ — оно уклоняется отъ насъ. Да вѣдь надобно же отдохнуть когда-нибудь и этому солнцу, которое всѣмъ безъ разбору и приличій даритъ и свой блескъ, и красоту полей и луговъ, и золотыя жатвы нивъ!» Такъ мечталъ я, и всплывала луна, и солнце дружелюбно уступало ей владычество свое. Какой миръ въ мірѣ небесномъ! Какой миръ въ области безчисленныхъ свѣтилъ и свѣтовъ! А у насъ за клочки земли какія кипяты и ссоры, и вражды, и бури военныя!» ⁴⁾... Вспоминая подъ старость свои юные «поэтическіе и мечтательные годы» жизни, Глинка рассказываетъ: «въ молодости моей, мечтая съ Юнгомъ, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ; нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ, мечтая подъ дождемъ проливнымъ, пересочиня въ мысляхъ Юнговы ночи;

¹⁾ Жихаревъ, Записки, 70; ²⁾ „Русск. Арх.“, 1872, 1222; ³⁾ С. Глинка. Записки, 193. ⁴⁾ С. Глинка, 245.

возвращаясь домой, передавалъ бумагѣ сумрачныя мечты свои. Отчего западало это раннее томленіе въ мою душу? Было ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ жизнію труженической? И отчего слезы, уныніе и въ юности моей сладостнѣ были для сердца моего утѣхъ, кружащихся въ вихрѣ большого свѣта?»¹⁾

Кромѣ этихъ приведенныхъ нами примѣровъ, мы для объясненія Ленскаго можемъ безъ труда набрать цѣлыя десятки, болѣе и менѣе, сходныхъ образовъ: въ любимыхъ запискахъ той эпохи, пѣтъ-нѣтъ, и мелькнетъ образъ какого-нибудь «нѣжнаго» юноши-мечтателя, съ идеальными порывами, съ кристальной душой... Но, думаемъ, и приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства нашего мнѣнія, что пушкинскій Ленскій выхваченъ изъ русской дѣйствительности, что типъ этотъ имѣетъ свою исторію до Пушкина и, прибавимъ въ заключеніе, не умеръ и послѣ нашего великаго художника,—въ самомъ дѣлѣ, развѣ московскій кружокъ поклонниковъ нѣмецкой философіи, собравшійся около Станкевича, не есть собраніе юношей, во многомъ сходныхъ съ Ленскимъ?...

Переходимъ теперь ко второму вопросу: «какимъ путемъ шло художественное воплощеніе этого типа?» При разрѣшеніи этого вопроса мы наталкиваемся на интересную частность. Мы видѣли уже, что характеристика Ленскаго, сдѣланная Пушкинымъ, замѣчательно вѣрно рисуетъ типъ юноши-«die schöne Seele»,—но то обстоятельство, что она одинаково приложима и къ Карамзину, и къ Жуковскому, и къ Одоевскому, и къ Аксакову и ко многимъ другимъ,—доказываетъ, что она чрезчуръ обща, что Пушкинъ собралъ для своего Ленскаго все существенное, характерное для юноши-идеалиста, и съ этимъ пустилъ его въ свѣтъ... Вотъ почему, передъ нами только коллективный типъ, нѣсколько туманный и отвлеченный... Этого, конечно, нельзя сказать, напримѣръ, объ Онѣгинѣ и Татьянѣ: тамъ чувствуется живопись съ «натурщика»,—здѣсь же этого нѣтъ: нѣтъ рѣзкаго штриха, который, копируя натуру, оживляетъ образъ, вноситъ въ него живыя черты случайности...

Такими же «коллективными» типами въ романѣ можно назвать отца Онѣгина, Лариныхъ,—въ старушкѣ же Филиппевнѣ опять чувствуется «жизнь»: незабвенная Арина Родионовна припоминается каждому.

В. В. Сиповскій.

¹⁾ С. Глянка, 363.

Памяти В. Г. Васильевского.

(† 13-го мая 1899 г.).

Въ четвергъ, 13 го мая, телеграфъ принесъ въ Петербургъ глубоко прискорбное извѣстiе о кончинѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей современной русской науки, знаменитаго основателя школы русскихъ византистовъ, профессора и академика Василя Григорьевича Васильевскаго. Она послѣдовала въ тотъ же день, въ шесть часовъ утра, и послужила исходомъ тяжелой, почти десяти тысячной болѣзни, которой въ свою очередь предшествовало давнее, многолѣтнее расстройство организма. Послѣ трудно проведенной зимы Василій Григорьевичъ настойчиво желалъ покинуть Петербургъ въ надеждѣ исцѣленія, но климатъ Италіи, куда онъ уѣхалъ въ первыхъ числахъ марта текущаго года, не принесъ ему облегченія, и Васильевскій скончался на рукахъ своей жены, дочери и стараго друга, профессора В. И. Модестова.

Люди, по предмету своихъ занятій ближе меня знакомые съ ученою спеціальною покойнаго, безъ сомнѣнія, не замедлятъ представить оцѣнку его ученыхъ трудовъ и его преподавательской дѣятельности; но болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя короткая связь моя съ нимъ даетъ и мнѣ право сказать нѣсколько словъ объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ; я даже считаю это своимъ долгомъ, такъ какъ покойный другъ мой, по своей чрезмѣрной скромности и по нашему легкомыслию, пользовался гораздо меньшею извѣстностью, чѣмъ того заслуживалъ. Да, скромность по истинѣ феноменальная, и полнѣйшее желаніе не выставлять свою личность на показъ служили отличительною чертою его характера; а между тѣмъ, въ ряду учено-литературныхъ дѣятелей того литературнаго поколѣнія, къ которому онъ принадлежитъ, мало можно назвать людей,

столь же богато одаренныхъ и умѣвшихъ также плодотворно употребить свои дарованія на пользу русской науки и просвѣщенія.

Я назвалъ Васильевскаго основателемъ русской школы византинистовъ и настаиваю на этомъ выраженіи. Правда, занятія Византіей и ея отношеніями къ Россіи начались у насъ давно; но до Васильевскаго эти занятія велись непослѣдовательно, несистематично и по большей части безъ надлежащихъ научныхъ пріемовъ; именно ему посчастливилось водворить въ этой области извѣстный порядокъ и прочно утвердить въ русской наукѣ интересъ къ византизму. Такими результатами она обязана, безъ сомнѣнія, той общей даровитости, которая такъ поражала въ Васильевскомъ, его обширному уму, равно способному и къ анализу, и къ синтезу, его тонкой пытливости и неустанной энергіи въ трудѣ, обогатившимъ его глубокими и разнообразными познаніями, наконецъ его художественному чутью, которое воспитало въ немъ, на ряду съ крупнымъ талантомъ ученаго критика и изслѣдователя, и чисто литературныя способности.

Но работая самъ преимущественно въ области византійскихъ изученій и увлекая въ нее другихъ, Васильевскій избиралъ его предметомъ специальныхъ занятій не только потому, что исторія Византіи все еще остается до сихъ поръ малоизслѣдованною. Взглядъ его проникалъ гораздо глубже: съ истинною широтой возрѣнія онъ представлялъ себѣ важное, но далеко не всѣми еще признаваемое значеніе Ромейской имперіи въ общемъ ходѣ средневѣковой исторіи и даже въ тѣхъ своихъ работахъ, которыя имѣли болѣе частный характеръ, никогда не терялъ изъ виду общаго смысла историческихъ явленій, какъ въ кругу политическихъ отношеній между Византійскимъ государствомъ и западною Европой, такъ и въ сферѣ культурнаго воздѣйствія Константинополя на романо-германскій міръ. У насъ существуетъ обычай упрекать даже лучшихъ нашихъ ученыхъ за то, что они занимаются изслѣдованіемъ лишь специальныхъ вопросовъ и уклоняются отъ трудовъ болѣе общаго содержанія, которые могли бы интересовать такъ-называемую большую публику. Васильевскій вовсе не занимался популяризаціей науки, но и помянутый упрекъ (основательность котораго притомъ подлежитъ большому сомнѣнію) не примѣнимъ къ нему: въ его трудахъ такъ много новаго, самостоятельно имъ выясненнаго, и все это такъ полно разработано и такъ прекрасно изложено, что всякій болѣе или менѣе образованный человѣкъ, который за нихъ возьмется, найдетъ въ ихъ чтеніи и интересъ, и поученіе. Это—опять-таки преимущество таланта, который—какъ я сказалъ выше—блещетъ во всемъ, что вышло изъ-подъ пера Васильевскаго.

Несомнѣнно, что нашему славному византинисту не суждено было выполнить всѣ тѣ многочисленныя задачи по главному предмету его

ученыхъ занятій, которыя онъ себѣ ставилъ; обращенная къ нимъ мысль его кипѣла непрерывно; новые матеріалы и подготовительныя замѣтки накопились у него въ огромномъ количествѣ, ожидая очереди для окончательной обработки; но осуществить ее онъ успѣлъ только отчасти. Тѣмъ не менѣе, въ тѣхъ слишкомъ тридцати большихъ и малыхъ монографіяхъ и статьяхъ, которыя подъ заглавіями: «Русско-византійскіе отрывки», «Русско-византійскія изслѣдованія», «Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства» и т. п. составляютъ его вкладъ въ изученіе византійскаго міра, содержится—думается мнѣ—такой богатый запасъ научныхъ открытій, изысканій, наблюденій и указаній, что, съ одной стороны, онъ неизбежно долженъ вызвать молодое поколѣніе ученыхъ къ новымъ соображеніямъ и изслѣдованіямъ, а съ другой—можетъ служить драгоценнымъ пособіемъ и превосходнымъ образцомъ для ученыхъ работъ. Если прибавить къ этому, что какъ сочиненіями своими, такъ и своимъ преподаваніемъ, Васильевскій дѣйствительно успѣлъ подготовить рядъ дѣльныхъ учениковъ, то должно согласиться, что призваніе свое онъ выполнялъ достойнымъ образомъ, и что заслуга его передъ русскимъ обществомъ должна быть оцѣнена очень высоко. На западѣ, въ Германіи и во Франціи, труды его давно извѣстны и очень уважаются въ ученomъ мірѣ. Недостатокъ вниманія къ нимъ среди представителей русской науки (а онъ, къ сожалѣнію, замѣтенъ въ одной ихъ группѣ, именно въ той, которая всего болѣе должна бы присматриваться къ трудамъ Васильевскаго) послужилъ бы печальнымъ, но слишкомъ явнымъ свидѣтельствомъ о нашей некультурности.

Я не буду говорить о Василии Григорьевичѣ, какъ о человѣкѣ—объ одномъ изъ лучшихъ людей, какихъ мнѣ случалось встрѣчать на своемъ вѣку; но въ заключеніе позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ его письма, помѣченнаго 20-мъ мая новаго стиля и полученнаго мною на канунѣ того дня, когда пришло извѣстіе объ его кончинѣ. Васильевскій былъ вообще большой мастеръ писать письма; начертанное слабою рукой, его послѣднее письмо, противъ обычая, отличается нѣкоторою нескладностью,—но оно характерно во многихъ отношеніяхъ, и свидѣтельствуя о томъ, какъ еще много было внутренней жизни въ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ на порогѣ могилы, даетъ между прочимъ понятіе о неисчерпаемомъ благодушіи и о высокомъ благородствѣ, какими онъ отличался. Я писалъ ему о своихъ занятіяхъ по печатанію книгъ о Пушкинѣ и этимъ оправдывалъ замедленіе въ моей корреспонденціи. Онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующими строками:

«Дорогой, милый Л. Н.! Писать мнѣ очень трудно, особенно теперь: дочь отпустилъ къ Модестову въ Римъ и Неаполь, опасаясь, что самому, пожалуй, и не придется побывать тамъ, а жена писать не можетъ. Притомъ несомнѣнно, мнѣ слѣдовало бы за васъ сказать:

Noli tangere circulos meos! Вы дѣлали дѣло большое, вѣковое, и какъ я за васъ радуюсь!—Болезни мои приняла какое-то странное направленіе; я перестаю что-нибудь понимать и думалъ было прекратить сообщенія о нихъ въ письмахъ. Отъ воды, которая у меня въ ногахъ—достигла безобразной вздутой массы, и отъ крайней слабости силъ я совсѣмъ потерялъ возможность самопроизвольныхъ движеній: меня вынимаютъ изъ постели. Между тѣмъ по утрамъ хорошій воздухъ, обиліе свѣта и пр. меня радуютъ. Есть охота почитать, когда усадятъ за столъ, но преслѣдуетъ какая-то тяжесть и одышка. Читаю Виллари «Исторію Савонаролы», немножко Данта и под.; сталъ даже нѣчто соображать на счетъ одной греческой рукописи въ Генуѣ; завожу или завелъ болѣе тѣсныя сношенія съ братомъ нѣжинскаго Бережкова, состоящемъ при здѣшнемъ храмѣ; онъ кончилъ курсъ въ духовной академіи, очень способный человѣкъ... охотно слетаетъ хоть каждый день и въ книжную лавку, и въ читальню, и въ городскую національную бібліотеку, откуда я черезъ его посредство могу брать книги на домъ. Вотъ, дорогой Л. Н., кстати: я забылъ послать вамъ телеграмму по случаю десятилѣтія вашего въ званіи вице-президента, да наконецъ, это и не такъ важно: не службою мы связаны ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, я сталъ размышлять о томъ, какъ мнѣ заявить о своемъ участіи въ Пушкинскомъ торжествѣ, о своемъ сердечномъ единеніи съ нашимъ отдѣленіемъ въ отношеніи къ вашему и вамъ. Гдѣ вы будете пировать? Кому, куда и какую направить телеграмму? Надѣюсь, что доживу; получу и ваши книги... Я хочу обратиться къ непремѣнному секретарю о высылкѣ въ здѣшнюю національную бібліотеку нѣкоторыхъ изданій, для перваго раза—Ломоносова, Державина, и что еще? А Пушкина, можетъ быть, вы предпочтете взять на себя. Я думаю, что пока нужно имѣть въ виду преимущественно русскихъ читателей, хотя сами италянцы бібліотеки, конечно, интересуются всякою русскою диковинкою, и съ своей стороны очень любезны...

«Во всякомъ случаѣ я остаюсь на своей виллѣ до конца іюня по новому стилю (продолженъ наемъ ровно по 15-е стараго); сюда пріѣдетъ и привезетъ свою и мою дочерей Модестовъ изъ Неаполя и М. П. Долго ли они здѣсь проживутъ—не знаю... О Хорошевскомъ съ женою, который здѣсь съ декабря устроился на жительство, я вамъ—полагаю—писалъ... Затѣмъ протоіерей Левицкій, настоятель, его сынъ псаломщикъ въ іерейскомъ санѣ (кончилъ года три тому назадъ курсъ въ петербургской академіи), юный Бережковъ, не имѣющій священства, но то же псаломщикъ, фонъ-Фрикенъ, свойственникъ Форстена, бывший гусарь, флорентійскій старожилъ, усердно занимавшійся исторіей живо-

¹⁾ Здѣсь Василій Григорьевичъ впадаетъ въ нѣкоторое недоразумѣніе: на должность вице-президента Академіи наукъ я назначенъ лишь съ ноября 1893 г.

писи (напечаталъ три тома), составляютъ мое общество, то-есть, посѣщаютъ меня, и довольно часто... Самыя задушевныя пожеланія всей вашей тѣсной семьѣ. Позвольте поддержать вашу руку въ своей. Всецѣло преданный В. В.».

Не прошло сутокъ по полученіи этого удивительнаго письма, какъ стало извѣстно о кончинѣ Василія Григорьевича, а спустя три дня мнѣ принесли письмо В. И. Модестова, отъ 12-го мая, въ которомъ находились слѣдующія строка: «Нашъ другъ Василій Григорьевичъ находится при смерти. Не знаю, придетъ ли это письмо къ вамъ до его смерти. Во всякомъ случаѣ это дѣло нѣсколькихъ дней. Я былъ внезапно вызванъ изъ Неаполя телеграммой и радъ, что по крайней мѣрѣ засталъ В. Гр. въ живыхъ... Пишу вамъ подъ давленіемъ очень тяжелаго впечатлѣнія. В. Гр. бредитъ и едва узнаетъ людей».

На другой день нашего друга не стало. Да будетъ ему вѣчная память! Да сохранится его свѣтлый образъ въ душѣ всѣхъ, кто его зналъ, и да будетъ памятенъ друзьямъ русскаго просвѣщенія его великій подвигъ на пользу науки!

Л. Майковъ.

17-го мая.

**Отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ
архангельскому гражданскому губернатору.**

11-го февраля 1826 г., № 139.

Г. начальникъ главнаго штаба! Е. И. В. сообщаетъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ строжайше подтвердить всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ объ отысканіи и отправленіи, за строжайшимъ карауломъ, въ ближайшую воинскую команду бѣжавшихъ, изъ мятежной шайки Муравьева-Апостола, нижнихъ чиновъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, въ прилагаемомъ у сего списокѣ показанныхъ, а также бывшаго въ той шайкѣ и неизвѣстно куда скрывшагося переведеннаго изъ Черниговскаго пѣхотнаго полка въ Александровскій гусарскій поручика Сухинова.

Списокъ Черниговскаго пѣхотнаго полка нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ шайкѣ Муравьева-Апостола, кои неизвѣстно гдѣ нынѣ находятся.

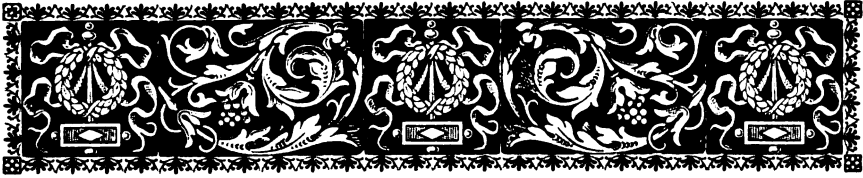
1-й. Гренадерской роты: 1) Плотникъ Павелъ Юрьевъ, 2) Фурлейтъ Михаилъ Молчанъ. 4-й мушкатерской роты рядовые: 3) Григорій Литвиненко, 4) Иванъ Константиновъ. 5-й мушкатерской роты: 5) Унтеръ-офицеръ Иванъ Харитоновъ; рядовые: 6) Павелъ Прокофьевъ, 7) Алексѣй Ѳедоровъ, 8) Акимъ Сафоновъ. 6-й мушкатерской роты рядовые: 9) Яковъ Михайловъ, 10) Максимъ Андреевъ, 11) Антонъ Чернухинъ.

Сверхъ того, былъ въ той же шайкѣ, переведенный изъ Черниговскаго полка въ Александровскій, гусарскій поручикъ Сухиновъ, который также неизвѣстно гдѣ находится. Примѣты сего Сухинова слѣдующія: росту 2-хъ аршинъ около 8 вершковъ, лица смуглаго, худощаваго, чистаго; волосы на головѣ и усахъ черные; говоритъ спланнымъ (!) голосомъ. Лѣтъ около 35; на лѣвой рукѣ между кистью и локтемъ знакъ отъ раны пулею на вылетъ.

Подписалъ дежурный генералъ Потаповъ.

Сообщилъ І. Блиновъ.

ПЕРЕДЪ ТИЛЬЗИТОМЪ.

Всеподданнѣйшія донесенія В. С. Попова и князя Лобанова-Ростовскаго 1807 года.

Собственноручныя всеподданнѣйшія донесенія В. Попова.

1.

4-го іюня 1807 года. Тильзитъ.

Всеимлостивѣйшій государь. Отправляясь по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію въ армію, я остановленъ былъ разломанными мостами при Таплакенѣ и съ трудомъ могъ перенестись черезъ рѣку. Изъ Таплакена поѣхалъ я верхомъ до Вейлау, дорога покрыта была войсками и обозами, и я въ Вейлау нашелъ главную квартиру.

Слухи о Фринландскомъ (Фридландскомъ) сраженіи произвели повсемѣстное безпокойство и тревогу. Множество каретъ и колясокъ встрѣчались мнѣ по всей дорогѣ наполненныхъ жителями обоюдоудалющихся къ Мемелю. Попадающіеся раненые офицеры увеличивали потерю войскъ російскихъ и превосходство силъ непріятельскихъ.

Но главнокомандующій, котораго я нашелъ въ добромъ и спокойномъ духѣ, сказалъ мнѣ, что онъ самъ считалъ обстоятельства хуже, нежели каковы онныя въ самомъ дѣлѣ; что сраженіе сіе было наупорнѣйшее, что до самаго конца преимущество на нашей было сторонѣ, но при окончаніи, когда приведены Бонапартіемъ свѣжія колонны, должно было уступить. Не могъ я узнать число потери, но какъ слышно то она простирается до двадцати тысячъ человѣкъ; боялись много потерять артиллеріи, но послѣ оказалось, что нѣтъ только четырехъ пушекъ.

Главнoкомандующій полагаетъ: удерживая по возможности стремленіе непріятельское, когорому протпвоборствовать находить себя не въ состояніи, подвигаться понемногу назадъ, пользуясь магазинами, позади учрежденными, и закрывая мѣста, гдѣ паркъ артиллеріи и прочія военныя тягости тоже и больныя находятся.

Генераль Рихель писалъ ему, что войска французскія тянутся къ Кёнигсбергу и сіе главнoкомандующій приписываетъ намѣренію Бонапартія сколь можно болѣе его тѣснить. Онъ вслѣдствіе того приказалъ подвинуться къ себѣ генералу Лестоку, а на лѣвомъ флангѣ графу Толстому приказалъ, держась Нарева, сближаться съ ожидаемымъ подкрѣпленіемъ, тѣмъ паче что у Масены войска прибываютъ.

Войска вашего величества отъ безпрестанныхъ сраженій и тягости переходовъ нѣсколько утомлены. Они очень обрадовались свѣжимъ и теплымъ хлѣбамъ въ Вейлау.

Большая потеря, что генераль-лейтенантъ Эссенъ получалъ жестокую контузію вмѣстѣ съ генераль-квартирмейстеромъ Штейнгелемъ отъ ядра между ихъ головъ пролетѣвшаго.

Я былъ въ великой горести увидя маленькія кучки солдатъ семеновскихъ и измайловскихъ. Мнѣ сказали, что только и осталось отъ тѣхъ полковъ, но послѣ начали собираться и увѣряютъ, что по нѣскольбу сотъ человекъ потерялъ каждый полкъ, но въ Преображенскомъ уронъ самый малый.

Крайне жаль, что людямъ счету нѣтъ. Князь Лобановъ-Ростовскій могъ-бы (это ?) исправить бывъ дежурнымъ генераломъ по своей аккуратности, особливо, естли изволите сіе ему приказать.

Я пробылъ въ Вейлау часа четыре и располагалъ остаться при арміи дни на два, хотя и не имѣлъ ничего съ собою кромѣ кафтана съ шивелью, да верховой почтовой лошади и фельегера верхового; но принужденъ былъ перемѣнить сіе намѣреніе.

Вскорѣ по приѣздѣ моемъ рапортовали князю Багратиону, что непріятель показывается, и по мѣрѣ приближенія его учащались сіи рапорты. Вдругъ все въ городѣ пришло въ движеніе, улицы покрылись войсками и повозками, зажгли мосты и всѣ поѣхали. Главнoкомандующій же при выѣздѣ поручилъ мнѣ словесное обо всемъ учинить вашему величеству донесеніе.

Будучи оставленъ самому себѣ рѣшилъ я возвратиться къ вашему императорскому величеству съ донесеніемъ обо всемъ томъ, что мною было видимо и слышано. Но какъ надобно и здѣсь нѣкоторые сдѣлать распоряженія по высочайше возложенному на меня препорученію, то остался я на нѣсколько только часовъ, а вслѣдъ за симъ отправлюсь, чтобы повергнуться къ освѣщеннымъ вашимъ стопамъ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

2.

7-го іюня 1807 года.

Всемилюбовѣйшій государь! Проѣхавши весь вечеръ и всю ночь прибылъ я съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, въ два часа по полуночи, къ мосту Тильзитскому, покрытому переправляющеюся арміею. Мы перешли пѣшкомъ чрезъ мостъ и нашли главнокомандующаго при концѣ онаго на другомъ берегу. Возвратясь же на правую сторону узнали отъ него, что парламентаромъ посланъ въ непріятельскую армію майоръ Шеппингъ, коего возвращенія точно опредѣлить нельзя по неизвѣстности, гдѣ самъ Бонапарте и главная квартира арміи находится, хотя и считаютъ, что онъ и Мюратъ должны быть близко.

Между тѣмъ какъ уже стало разсвѣтать, приняты предосторожности къ обезпеченію переправы арьергарда. По обѣ стороны моста на правомъ берегу учреждены батареи, но непріятель ни малаго не дѣлалъ припятства, и князь Багратионъ уже съ своими на здѣшной сторонѣ. Остался только г. Платовъ съ казаками, которымъ приказалъ держаться впредь до повелѣнія, дабы не показывать виду бѣгства и что мы бросимъ городъ; а въ случаѣ же непріятельскаго наступленія приказано ему ретироваться и переходить по мосту, который послѣ сего сожженъ будетъ.

Главная квартира противъ Тильзита верстахъ въ пяти. Дежурнаго генерала генераль-лейтенанта Уварова важнѣйшая забота—пропитаніе. Писалъ я въ имѣніе къ генераль-майору Арбузову объ отправленіи отсюда провіанту, если возможно сухимъ путемъ и водою. Французскіе генералы, какъ изъ приложенной копіи ¹⁾ ваше императорское величество изволите усмотрѣть, берутъ мѣры къ удержанію транспортовъ. Еще бы можно успѣть привезти нѣсколько хлѣба правымъ рукавомъ Нѣмана, пока французы не заняли острововъ между рукавами лежащихъ. Прошу главнокомандующаго сколько нибудь обезопасить сію перевозку.

Генераль-кригскоммисаръ Обрѣзковъ успѣлъ выѣхать изъ Кенігсберга 2-го числа сего мѣсяца для выпровада до семи тысячъ больныхъ и оставленныхъ до пяти тысячъ человекъ. Гофхирургъ Линцъ остался при оныхъ. Капитуляція о несчитаніи больныхъ и раненыхъ, состоящихъ въ Кенігсбергѣ военнопленными ему неизвѣстна и о точности ея онъ не удостовѣряетъ.

Крайне беспокоясь о великомъ числѣ обозовъ, прошедшихъ противъ Юрбурга и не перевезенныхъ за недостаткомъ паромовъ, я подтвердилъ господину Мериловскому и сегодня еще ему писано, чтобъ сколь

¹⁾ Копія этой при письмѣ не оказалась.

можно болѣе набрать судовъ. Весьма будетъ жаль если противъ своего берега и въ самыхъ глазахъ множество не только обозовъ, но и людей попадутся въ руки непріятелю.

Благоразумная предосторожность требуетъ, чтобы никакихъ судовъ по Нѣману у прусскаго берега не было: я о семъ сказалъ главнокомандующему. Сего должно опасаться отъ непріятеля предприимчиваго.

Коль скоро изъ непріятельскаго лагеря парламентаръ вернется, и князь Лобановъ-Ростовскій предприметь путь свой, желалъ бы я послѣшить отправленіемъ всеподданнѣйшаго донесенія моего, но считаю, что его императорское высочество изволитъ меня предупредить, намѣревъ будучи тотчасъ ѣхать къ вашему величеству съ симъ извѣстіемъ.

Повергаю себя къ освѣщеннѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

P. S. Въ 11 часовъ утра г. Платовъ переправился послѣ небольшой перепалки и мостъ зажженъ.

3.

7-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣннѣйшій государь! Въ одиннадцать часовъ утра сегодня возвратился посланный въ непріятельскую армію парламентаръ майоръ Шешингъ со увѣдомленіемъ, что о прибытіи его во французскую армію донесено было отъ принца Мюрата Бонапарте и что вскорѣ французскій парламентаръ присланъ будетъ. Въ первомъ часу пополудни дѣйствительно явился гусарскій капитанъ Перигоръ, племянникъ Телеграфановъ, который за три предъ симъ года былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и знакомъ тамъ со многими молодыми людьми. Онъ, по представленіи главнокомандующему, донесъ, что къ трактованію о перемиріи съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ назначенъ отъ Бонапарте господинъ Бертье, нынѣшній принцъ Мейшатель.

По замѣчанію, войска французскія весьма рады пронесшемуся слуху о прекращеніи военныхъ дѣйствій, обходились ласково съ казаками, изъ Тильзита выѣзжавшими и ихъ подчивали.

Послѣ обѣда отправленъ обратно г. Перигоръ къ непріятельской арміи и съ нимъ же поѣхалъ и князь Лобановъ-Ростовскій, котораго напутствовали мы самыми усерднѣйшими желаніями о восстановленіи честнаго и прочнаго мира.

Князь Лобановъ скоро возвратился. Положено съ Бертье сдѣлать перемиріе на мѣсяцъ и въ случаѣ прерванія онаго еще мѣсячный срокъ. Рѣка Нѣманъ граница для войскъ. Но впрочемъ поручено еще князю

Лобанову настоять, чтобъ французы не двигались далѣе нонѣшнихъ мѣстъ. Для будущаго мира о неприкосновенности границъ Россійскихъ нѣтъ сумлѣнія. Я спѣшу донести о семъ вашему императорскому величеству, а по подписаніи статьи непримену и самъ явиться.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

4.

8-го іюня 1807 г.

Всемиловѣйшій государь! Дѣло перемирія еще не окончилось. Одна статья сему воспрепятствовала, которою французы, вмѣсто гарантіи, потребовали отдачи крѣпостей Кольберга, Грауденца и Пилау. Господинъ Бертье не осмѣлился самъ отмѣнить сей кондиціи, а поѣхалъ за полторы мили доложить о семъ Бонапарте. Князь Лобановъ-Ростовскій оставилъ офицера въ Тильзитѣ дожидаться отвѣта Бонапартіева. Мы всю ночь ожидали нетерпѣливо сего офицера. Наконецъ онъ явился и сказалъ, что пріѣзжалъ съ нимъ отъ Бонапарте къ главнокомандующему Дюрокъ, который и отправился тотчасъ обратно. Мы пошли къ барону Беннигсену и узнали отъ него, что Дюрокъ пріѣзжалъ съ предложеніемъ о заключеніи мира, о чемъ главнокомандующій самъ доноситъ вашему императорскому величеству. Дюроку же онъ сказалъ, что отдачу крѣпостей при заключеніи перемирія считаетъ предосудительною для оружія россійскаго.

Теперь все зависить отъ высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія. Минуты дороги, шаги скользки, миръ или перемиріе по многимъ обстоятельствамъ нужно заключить скорѣе.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

5.

9-го іюня 1807 года.

Всемиловѣйшій государь! По отправленіи вчера всеподданнѣйшаго моего донесенія къ вашему императорскому величеству, занимался я съ генераломъ-провіантмейстеромъ княземъ Шаховскимъ изысканіемъ и употребленіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ доставленію войскамъ пропитанія. Во многіе полки болѣе нуждающіеся приказано раздать вмѣсто полуфунта по фунту говядины на человѣка, въ другіе отпущена рожь или ячмень, и что только можно было достать покупкою во всей

окрестности разнаго хлѣба, соли, скота,—все то обращается на войска. Надѣюсь, что сегодня непременно придутъ ожидаемые транспорты отъ Юрбурга и отъ Мемеля. Теперь слышу, что легкіе суда изъ Мемеля съ мукою отправлены и находятся уже въ правомъ рукавѣ Нѣмана.

Въ Мемель отправилъ я генераль-крюгъ-комисара Обрѣзкова, какъ для понужденія оттуда транспортовъ такъ и для выпровоженія оттуда собравшихся во множествѣ больныхъ, частію на судахъ въ Санктпетербургскій госпиталь, частію же сухимъ путемъ въ Митаву, давъ о семъ знать какъ военному министру, такъ и военному губернатору рижскому, для благовременнаго къ принятію ихъ распоряженія.

Здѣсь слава Богу все благополучно; войска отдыхаютъ. Бонапарте со вчерашняго дня въ Тильзитѣ. Подношу при семъ записку, врученную отъ меня главнокомандующему и князю Лобанову Ростовскому. Сей былъ вчера въ городѣ у Бертье и получилъ новое увѣреніе о искреннемъ ихъ желаніи къ скорому окончанію мирнаго дѣла. Бертье отзывался сколь бы желательно, чтобы для пользы обѣихъ имперій оба монарха сблизились и тогда бы дѣла скорѣе воспріяли окончаніе. Все же теперь остановилось въ ожиданіи высочайшаго вашего императорскаго величества отзыва на предложенія Бонапартіевы.

Не угодно ли вашему императорскому величеству приказать изъ мушкетерскихъ полковъ 17-й дивизіи отрядить пристойный караулъ въ Таурогенъ или гдѣ высочайшее пребываніе назначить изволите, по близости къ арміи.

Повергаю себя къ освѣщеннымъ вашимъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданѣйшій Василій Поповъ.

Записка В. С. Попова.

Положеніе дѣлъ между россійскою императорскою и французскою арміею весьма странно.

Военные дѣйствія остановлены.

Перемиріе еще не заключено, мира еще нѣтъ.

Сія неувѣстность обращается въ единственную пользу французовъ.

Они могутъ продолжать движенія свои впередъ, могутъ даже дѣлать поиски по разнымъ мѣстамъ и занимать тѣ позиціи, кои имъ для военныхъ видовъ нужны.

Могутъ овладѣть нашими обозами, припасами и людьми, переправляющимися у Юрбурга.

Могутъ задерживать наши транспорты, идущіе по Нѣману.

Ничто не обязываетъ ихъ быть въ той недѣятельности, въ которой мы находимся.

Нужно выйти изъ этой вредной неизвѣстности посредствомъ объясненій между уполномоченными. Надобно истребовать по крайней мѣрѣ подтвердительное увѣреніе, что войска ихъ далѣе впередъ не будутъ двигаться, что никакихъ противъ нашихъ отрядовъ поисковъ чинить не станутъ и что останутся въ своемъ настоящемъ положеніи или какъ назначено будетъ.

Отдать имъ на руки нашего фельдъегеря для скорѣйшаго доставленія въ корпусъ графа Толстаго о прекращеніи военныхъ дѣйствій и для полученія надлежащаго о немъ свѣдѣнія.

Таковыя условія хотя на недѣлю или на двѣ подписать можно князю Лобанову, пока миръ или прелиминарные онаго пункты будутъ подписаны.

6.

10-го іюня 1807 года.

Всемиловѣйшій государь! Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ. Имѣю счастье принести вашему императорскому величеству всесердѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ бѣдствій рода человѣческаго. Я внѣ себя отъ радости воображая, сколько восхищается ангельская душа ваша симъ благотвореніемъ, оказаннымъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ.

Вашего императорскаго величества всеподданѣйшій Василій Поповъ.

7.

11-го іюня 1807 года.

Всемиловѣйшій государь! Все здѣсь спокойно и благополучно. Вчера князь Лобановъ-Ростовскій былъ въ Тильзитѣ и посредствомъ объясненія съ Бертье, а потомъ и съ самимъ Бонапарте положена линія, коей французскія войска переходить не могутъ: отъ Вислы по Нареву до Новогрода и оттуда прямо на Нуръ, такимъ образомъ французы удалены отъ границъ Россійскихъ.

Дюрокъ вчера послѣ обѣда пріѣзжалъ съ ратификаціею и ждалъ до 11 часовъ вечера. Думаю, что и сегодня онъ явится.

Нетерпѣливо ожидаю и я минуты повергнуться къ освященнымъ вашимъ стопамъ. Вашего императорскаго величества, всеподданѣйшій Василій Поповъ.

8.

12-го іюня 1807 года.

Всемиловѣйшій государь! Въ десять часовъ возвратились мы, князь Лобановъ-Ростовскій и я, изъ Таурогена въ Амть Баубелкъ и тотчасъ посланъ офицеръ въ Тильзитъ увѣдомить маршала Бертье и г. Дюрока о высочайшей отъ вашего императорскаго величества ратификаціи перемирія. Господинъ Дюрокъ въ часъ за полночь прискакалъ верхомъ въ російскую главную квартиру арміи и ратификаціи размѣнены.

Повергаю себя къ освѣщеннымъ вашимъ стопамъ. Вашего императорскаго величества, всеподданѣйшій Василій Поповъ.

Собственноручныя всеподданнѣйшія донесенія князя Д. Лобанова-Ростовскаго.

1.

7-го іюня 1807 года.

Всемиловѣйшій государь! Сего числа въ полдень отъ фельдмаршала Бертье прибылъ въ нашу главную квартиру адъютантъ съ отвѣтомъ о предложеніи перемирія, послѣ котораго отправился я самъ въ Тильзитъ, гдѣ принять былъ съ видимымъ удовольствіемъ и большою вѣжливостью, съ объявленіемъ взаимности ихъ желанія положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ; послѣ чего началъ съ нимъ говорить по предмету перемирія отъ имени главнокомандующаго арміею. При первой встрѣчи упредилъ его, что, при всемъ желаніи положить конецъ кровопролитію, Россія оскорбительнаго ея достоинству мира не приметъ, тѣмъ менѣе еще потерпѣть, чтобъ какая ни есть перемирна коснулась могла до границъ ея. На что тотъ же Бертье отвѣтствовалъ, что онъ обижається и предположеніемъ таковымъ, тѣмъ паче что содержаніе трактата изъ прежнихъ вашему императорскому величеству извѣстно. Успокоенъ отчасти будучи симъ свѣдѣніемъ, начали говорить о постановленіяхъ перемирія, полагая границею на время онаго обѣимъ арміямъ берега рѣки Нѣмана, и отъ Бреста по Вугу. Военныя дѣйствія прекращаются на одинъ мѣсяць, а въ случаѣ возобновленія оныхъ, той и другой сторонѣ за мѣсяць упредить о томъ;—крѣпости Грауденць Кольбергъ, и Пилау отдать французамъ до окончательныхъ мирныхъ постановленій, тѣмъ паче, что они долго противустоятъ не

могутъ.—При семь случаѣ я замѣтилъ ему, что теперь дѣло еще идетъ о перемпріи, а отдача и возвращеніе крѣпостей есть дѣло уже мирныхъ переговоровъ и потому условій таковыхъ подписывать не могу, о которыхъ однако же извѣщу главнокомандующаго армію. Черезъ два часа условились объ отвѣтѣ и наконецъ въ тотъ же день разошлись, какъ вещь требующая особеннаго благоразсмотрѣнія вашего императорскаго величества, на которое нужно нѣсколько дней.—Сперва Бертье находилъ тотъ срокъ долгимъ; но увидя что я готовъ съ нимъ разстаться, предложилъ мнѣ истребовать отъ Бонапарта соглашеніе на нужное къ тому время. Какъ же самъ Бонапартъ находился, по рѣчамъ Бертье, въ полторѣ мили отъ Тильзита, то тотъ Бертье, отправясь самъ къ нему, предлагалъ мнѣ обождать у него въ домѣ того отвѣта; что нашедъ непристойнымъ, а пачѣ по сближенію ночи, отказался, оставя тамъ за тѣмъ офицера со мною бывшаго, который хотя не возвратился еще, но чтобъ не пропустить двухъ-суточного времени, предпочелъ ускорить всеподданѣйшимъ увѣдомленіемъ о всемъ томъ ваше императорское величество.

Вашего императорскаго величества всенижайшій вѣрноподданный князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

2.

9-го іюня 1807 года.

Всемиловѣйшій государь! По отправленіи послѣдняго моего всеподданѣйшаго донесенія вашему императорскому величеству, былъ я въ Тильзитѣ и, увѣдомя Бертье, что послано ихъ предложеніе на высочайшее благоразсмотрѣніе, получилъ новыя увѣренія въ искренности желанія Бонапарта не только все привести къ концу, особеннымъ миромъ, но и сближится союзомъ, присовокупя къ тому, что еслибъ главы обоихъ государствъ имѣли возможность объясниться, тогда бы въ самое короткое время и миръ послѣдовалъ по существеннымъ выгодамъ обѣихъ державъ. Англія же, сказалъ онъ, въ своихъ союзахъ всегда занята одними своими выгодами. Теперь все остановилось до воспослѣдованія высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія по предмету дѣла сего.

Вашего императорскаго величества всенижайшій вѣрноподданный, князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

3.

11-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! По отправленіи послѣдняго моего всеподданѣйшаго донесенія вашему императорскому величеству нужнымъ почелъ я для отдаленія французовъ на время отъ російской сухой границы, возобновить настоянія мои о томъ, вслѣдствіе чего на взаимномъ честномъ словѣ съ согласія Бонапартѣ положено: de Visla en descendant la rive droite du Narew jusqu'a Nowogorod, et de Novogorod en suivant le chemin qui mène directement à Nure il n'y sera mis aucune troupe française. О чемъ всеподданѣйше доносить повергающійся къ стопамъ вашего императорскаго величества всеижайшій вѣрноподанный князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

4.

12-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! Возвратясь отъ вашего императорскаго величества въ десять часовъ, тотчасъ далъ я знать фельдмаршалу Бертье о сдѣланной вашимъ императорскимъ величествомъ ратификаціи, вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ главную квартиру російскихъ войскъ генералъ Дюрокъ, съ которымъ и учиненъ размѣнъ ратификацій въ часъ за полночь. О чемъ всеподданѣйше донося имѣю счастье ратификацію поднести вашему императорскому величеству.

Генералъ Дюрокъ спрашивалъ меня, не имѣю ли я какихъ приказаній вашего императорскаго величества въ разсужденіи подлежащей negociation, и когда я отвѣчалъ, что взаимное объясненіе монарховъ много можетъ облегчить оную и ускорить окончаніе ея, то симъ отзывомъ весьма казался онъ быть довольнымъ и обѣщалъ самъ утромъ предъувѣдомить меня о часѣ аудіенціи у Бонапартѣ.

Повергаю себя къ освѣщеннымъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеижайшій вѣрноподанный князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

Сообщилъ Н. Дубровинъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.г.)

X ¹⁾.

Отъѣздъ въ Кишиневъ.—Два письма Д. С. Нагловскаго.—Остановка въ Лесахъ.—Встрѣча съ товарищами въ Кишиневъ.—Поѣздка въ Одессу для представленія великому князю главнокомандующему.—Возвращеніе въ Кишиневъ.—Кавказская казачья дивизія и начальникъ ея Д. И. Скобелевъ (отецъ).—Командиры казачьихъ полковъ.—Осетины и ингуши.—Военныя приготовленія.—Табачный вопросъ въ Румыніи.—Отъѣздъ въ Бухарестъ.

Кончивъ рекогносцировки Дуная²⁾ и приведя въ порядокъ всѣ донесенія, выѣхалъ я 25-го февраля въ Кишиневъ. Передъ самымъ отъѣздомъ получилъ письмо отъ жены съ приложеніемъ двухъ писемъ къ ней Нагловскаго. Одно было старое, 4-го января 1877 года, изъ Кишинева, другое оттуда же безъ числа, но очевидно относящееся къ началу февраля. Въ первомъ изъ нихъ было написано: «Мы здѣсь немного скучаемъ. Сидимъ у моря и ждемъ войны, которая все болѣе и болѣе отдалается и, какъ кажется, все кончится миромъ. Злые языки говорятъ, что въ Петербургѣ уже чеканится медаль, въ память нашего Кишиневскаго сидѣнья съ надписью: «туда и обратно».

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1899 г., май.

²⁾ Къ востоку отъ Журжева до озера Гречилоръ. См. карты, приложенныя къ № 5 „Русск. Старины“.

Во второмъ письмѣ скука сказывалась болѣе опредѣленно и вылилась въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наше Кишиневское сидѣнье становится все тяжелѣе и несноснѣе. Но что еще ужаснѣе это то, что вѣра въ войну понемногу исчезаетъ и говорятъ, что мы пробудемъ въ Кишиневѣ все лѣто и что здѣсь будетъ устроенъ большой лагерь. Не правда ли что это ужасно неприятно?»

Изъ этихъ писемъ я понялъ, что въ Кишиневѣ царствуетъ уныніе, плодъ неизвѣстности.

Движеніе поѣздовъ нашихъ и румынскихъ было согласовано, такъ что букарестскій поѣздъ долженъ былъ приходиться въ Яссы около 3-хъ часовъ пополудни, не задолго до отхода поѣзда изъ Яссъ на Унгени и далѣе въ Россію; такъ же должны были поступать поѣзда, шедшіе изъ Унгени въ Яссы, гдѣ была пересадка. Тѣмъ не менѣе мнѣ ни разу не случилось пріѣхать вѣ-время, а такъ какъ почтовые поѣзда прямого сообщенія отправлялись только одинъ разъ въ день, то приходилось пробывать цѣлыя сутки въ Яссахъ. То же случалось и съ другими моими знакомыми и сослуживцами, такъ что можетъ быть не безъ основанія говорили, что румынскія желѣзныя дороги находились въ соглашеніи съ яскими гостиницами.

Опоздавъ на поѣздъ отправился я въ лучшую рекомендованную мнѣ гостиницу Биндеръ. Думаю, что многіе русскіе военные того времени знакомы съ *Hôtel Binder*, гдѣ комнаты были хорошія, но холодныя, ѣда отвратительная, вино мѣстное хорошее, а цѣны ужасныя. Воспользовавшись невольной остановкой, съѣздивъ я къ нашему консулу Якобсону, женатому на сестрѣ румынскаго маіора Пенковича, моего знакомаго незнакомца, переговорить объ одномъ дѣлѣ, а затѣмъ вернулся къ Биндеру и на другой день выѣхалъ въ Россію.

Подѣхали къ румынской пограничной станціи Унгени на берегу Прута; на другой сторонѣ рѣки были русскія Унгени. На румынской станціи поѣздъ нашъ стоялъ почему то очень долго и на платформѣ произошелъ шумъ. Оказалось, что одинъ изъ пассажировъ 1-го класса, сѣвшій въ Яссахъ въ то же отдѣленіе, гдѣ и я сидѣлъ, былъ арестованъ румынской полиціей. Это былъ еще не старый рыжеватый блондинъ, тучный и упитанный, котораго по наружному виду я принялъ за богатаго комерсанта изъ евреевъ. Онъ кричалъ и бранился на ломаномъ французскомъ языкѣ, перемеживая его италянскими словами, требовалъ свой багажъ, который и былъ ему выданъ; онъ остался на станціи, а мы поѣхали далѣе. Справившись я узналъ, что это извѣстный Менотти Гарибальди, старшій сынъ знаменитаго италянскаго патріота, ѣхавшій въ Кишиневъ и которому почему то нашимъ правительствомъ запрещенъ былъ въѣздъ въ Россію, о чемъ и было сдѣлано сношеніе съ румынскими властями. Въ русскихъ Унгеняхъ познакомился я съ на-

чальникомъ нашей таможи г. Колодяжнымъ, котораго, благодаря войнѣ, узнали многіе изъ нашихъ и были всегда довольны его любезностью и услужливостью.

Наконецъ добрался я до Кишинева и очутился въ кругу дорогихъ моихъ товарищей и друзей. Можно себѣ представить сколько было разговоровъ, смѣху и остротъ. По поводу моего разсказа о поѣздѣ въ Русуку всѣ друзья мои рѣшили, что я только хвастаюсь утверждая, что все сошло благополучно, и что въ дѣйствительности я побывалъ таки въ конакѣ *ou j'ai passé un mauvais quart d'heure*¹⁾. Фрезе же увѣрялъ всѣхъ, что воротничкомъ рубашки скрываю я слѣдъ отъ турецкой веревки, на которой немножко повисѣлъ. Онъ придумалъ мнѣ тогда названіе «молодца» не въ смыслѣ молодечества, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ русскіе лавочники называютъ своихъ мелкихъ приказчиковъ и разсылныхъ, говоря «позвать молодца», «послать молодца» и т. д.

Меня онъ называлъ старшимъ молодцомъ, имѣющимъ подъ собой другихъ молодцовъ—моихъ агентовъ.

Отъ товарищей я узналъ, что великій князь хотя и поправился но живетъ въ Одессѣ, а что Непокойчицкій и Левицкій живутъ въ Кишиневѣ. Отъ нихъ же узналъ я много весьма интересныхъ подробностей о нашей арміи и приготовленіяхъ къ войнѣ.

Явившись на другой день начальству, я былъ встрѣченъ очень любезно даже Казиміромъ (Левицкимъ), представилъ всѣ мои работы и получилъ приказаніе ѣхать въ Одессу къ великому князю. Непокойчицкій прибавлялъ, что его высочество доволенъ моими донесеніями и будетъ радъ меня видѣть.

У меня была въ глубинѣ души затаенная мысль: попроситься хотя бы на нѣсколько дней съѣздить въ Петербургъ; я былъ женатъ всего 4-ый годъ и уже 5-ый мѣсяцъ не видалъ жены и дочки. Я мечталъ, что мнѣ дадутъ возможность замѣнить очередного курьера; къ сожалѣнію мнѣ отвѣтили, что хотя курьеры дѣйствительно посылаются ежедневно, кажется по воскресеньямъ, но что всѣ очереди давно уже разобраны чинами главной квартиры.

2-го марта пріѣхалъ я въ Одессу и остановился въ Сѣверной гостиницѣ куда черезъ нѣсколько дней должны были пріѣхать Нагловскій, Фрезе и другіе вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ и Левицкимъ.

На пути въ Одессу я убѣдился, что живя въ Букарестѣ, поглощенный мыслью о предстоящей войнѣ, не видя обстановки нашей бездѣйствующей и скучающей арміи, а въ особенности отвыкнувъ отъ среды лицъ многочисленныхъ учрежденій главной квартиры, я очутился *débrausé* (какъ бы на чужбинѣ); интересы, разговоры и заботы лицъ,

¹⁾ Гдѣ я провелъ плохіе четверть часа.

ѣхавшихъ со мной въ вагонѣ, болѣе или менѣе мнѣ знакомыхъ, были для меня совсѣмъ чужды. Всѣ они съ жаромъ толковали о вчерашнемъ спектаклѣ въ Кишиневѣ, о бывшемъ балѣ въ клубѣ и предстоящемъ вечерѣ у губернаторши, а о войнѣ никто ни слова. Особенно всѣ оживились когда въ Бендерахъ (кажется) въ вагонѣ вошла довольно красивая дама, блондинка въ золотомъ рѣссе-пез, съ смѣлыми манерами и задорнымъ взглядомъ, которую величали графиней. Это была весьма извѣстная ѣхавшимъ одновременно со мной, а мнѣ совсѣмъ неизвѣстная пѣвица, графиня Садовская. Съ нею была ея сестра или компаньонка, брUNETKA, болѣе скромная и менѣе красивая.

Должень прибавить впрочемъ, что графиню эту окружали преимущественно чиновники военнаго вѣдомства, а не офицеры. Я никогда не слыхалъ ея голоса, хотя она была и въ Букарестѣ, гдѣ весьма плѣнила одного изъ членовъ нашего консульства, только кажется не голосомъ.

Пріѣхавши въ Одессу поздно вечеромъ увидѣлъ я снѣгъ и сани, которыхъ не было ни въ Букарестѣ, ни въ Яссахъ.

На другой день поѣхалъ являться великому князю. Приемная полна была народу и въ томъ числѣ много статскихъ въ вицъ-мундирахъ, съ портфелями, явившихся слѣдовательно по службѣ къ главнокомандующему; очевидный признакъ, что край объявленъ на военномъ положеніи. Двери отворились, вошелъ великій князь, и я положительно затрудняюсь описать, что произошло, когда онъ меня увидѣлъ. Не обращая вниманія на остальную публику его высочество сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ, стоявшему поодаль, обнял меня и началъ цѣловать въ щеки, въ губы, приговаривая:

— Ты здѣсь... вернулся... «маленькій мой!»

Я блаженствовалъ.

Затѣмъ, обратясь къ остальнымъ лицамъ, его высочество сказалъ, что онъ извиняется, что ему теперь некогда, такъ какъ нужно поговорить со мной, и мы ушли въ другую комнату.

Главнокомандующаго я нашелъ очень похудѣвшимъ послѣ тяжелой болѣзни, имъ перенесенной, но поправляющимся и даже молодцомъ. Думаю, что на немъ какъ и надъ всѣми, принимавшими близко къ сердцу вопросъ о войнѣ, а вѣроятно и болѣе чѣмъ на другихъ, тяготѣло удручающее положеніе неизвѣстности.

Усѣвшись у окна, выходящаго на набережную, и приказавъ мнѣ сѣсть великій князь долго и подробно разспрашивалъ о моихъ странствованіяхъ. Прослушавъ докладъ о Рущукѣ великій князь спросилъ меня: «скажи правду: страшно было?»

Я отвѣчалъ вполнѣ откровенно, что страшно. Подъ конецъ разговора вошелъ его высочество Евгенийъ Максимиліановичъ Лейхтенбергскій и мы бѣсѣдовали втроемъ. Послѣ завтрака я удалился и по приказанію

его высочества подалъ ему на другой день краткую записку для памяти по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ представилъ подробный докладъ Непокойчицкому въ Кишиневѣ. Получивъ замѣчаніе, зачѣмъ я не пришелъ наканунѣ обѣдать, что означало приглашеніе приходить постоянно, я былъ очень польщенъ, такъ какъ въ это время за столомъ его высочества завтракало человекъ 10—15 и обѣдало около 8.

Послѣ одного изъ этихъ завтраковъ или обѣдовъ я занялся было о поѣздкѣ въ Петербургъ, но получилъ въ отвѣтъ слѣдующее:

— А я развѣ ѣду? а тоже хочется и нужно. Тебѣ надо опять ѣхать за границу; кого же я пошлю другого, ты тамъ уже всѣхъ знаешь и все знаешь. Скобелевъ¹⁾ просилъ сегодня, чтобы тебя оставить при дивизіи и не отсылать, но я долженъ былъ ему отказать въ этомъ. Ты мнѣ тамъ нуженъ.

Такимъ образомъ мечты о поѣздкѣ въ Питеръ окончательно рушились; вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно предстояло опять уѣхать въ Бухарестъ, изъ котораго я стремился въ Кишиневъ, но теперь эта перспектива меня не только не огорчала, но была даже пріятна, потому что вся обстановка, условія жизни и время препровожденія бездѣйствующей арміи, которыя я увидѣлъ, были весьма непривлекательны.

4-го марта въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ Нагловскій и сказалъ мнѣ, что Левицкій и Непокойчицкій прочитали мои донесенія, остались весьма довольны и находятъ, что именно мнѣ слѣдуетъ ѣхать назадъ въ Бухарестъ продолжать начатое. Возбужденные же мною вопросы будутъ доложены великому князю и рѣшены здѣсь въ Одессѣ.

Великій князь долженъ былъ съ Непокойчицкимъ, Левицкимъ, Нагловскимъ и свитой ѣхать на двѣ недѣли осматривать войска дѣйствующей арміи, раскинутой на громадномъ пространствѣ, но отъѣздъ почему то откладывался, меня никто къ себѣ не требовалъ и мы съ Нагловскимъ, Фрезе и другими жуировали.

Отъѣздъ главнокомандующаго былъ назначенъ и меня потребовали къ Непокойчицкому. Выразивъ одобреніе работамъ, мною исполненнымъ, и предположеніямъ моимъ о дальнѣйшемъ ихъ направленіи и развитіи, Непокойчицкій съ непритворнымъ ужасомъ заговорилъ о деньгахъ. Онъ не оспаривалъ цифру, мною представленную, а больше говорилъ въ томъ смыслѣ, что денегъ нѣтъ и гдѣ же ихъ взять; къ этому прибавлялъ онъ, правда очень поверхностно и вскользь, что если бы знать навѣрное, что война будетъ, то можно было бы и похлопотать о деньгахъ, а такъ какъ о войнѣ ничего не извѣстно, то и поднимать денежныхъ вопросовъ неудобно. Кончили тѣмъ, что мнѣ приказано было ѣхать въ Киши-

¹⁾ Дмитрій Ивановичъ (отецъ), командовавшій сводной Кавказской казачьей дивизіей, въ которой я числился начальникомъ штаба.

невѣ, тамъ ожидать возвращенія великаго князя и рѣшенія вопроса о моей поѣздкѣ. Главнокомандующій долженъ былъ возвратиться изъ поѣздки 18-го марта.

Шла 5-ая недѣля великаго поста, и я воспользовался временной свободой, чтобы отговѣть. Въ одной изъ комнатъ дома Катарджи, гдѣ жилъ главнокомандующій, былъ поставленъ походный иконостасъ и устроена временная церковь. Служилъ священникъ великаго князя, который въ Петербургѣ занималъ мѣсто втораго священника въ дворцѣ его высочества; пѣвчіе привезены были тоже изъ Петербурга.

Не имѣя опредѣленныхъ занятій я интересовался узнать о состояніи и готовности нашей арміи.

Всѣ добытыя мною свѣдѣнія сводились къ слѣдующему: духъ, дисциплина, боевая подготовка войскъ въ отличномъ видѣ, хозяйственная часть, т. е. всевозможныя снабженія и обозъ весьма неудовлетворительны. Административная часть, свѣдѣнія о дорогахъ, желѣзныхъ и простыхъ, рѣкахъ, переправахъ, силахъ турокъ, средствахъ странъ, въ которыя мы готовились вступать—были тоже недостаточны и во многомъ гадательны.

19-го марта возвратился великій князь, доѣзжавшій до Елизаветграда, и я получилъ приказаніе ѣхать съ генераломъ Скобелевымъ 1-мъ въ расположеніе Кавказской казачьей дивизіи въ д. Гуру-Галбину; при этомъ мнѣ было сказано, что въ непродолжительномъ времени я долженъ буду опять ѣхать въ Букарестъ. Кавказская казачья дивизія состояла изъ 4-хъ полковъ: Кубанскаго, Владикавказскаго (Терскаго), Терско-горскаго (изъ охотниковъ осетинъ и ингушей) и 30-го донскаго казачьяго. Ее называли иногда «гулевой» дивизіей, такъ какъ предполагали, что послѣ переправы она пойдетъ впереди арміи въ набѣгъ и будетъ «гулять» по Болгаріи, наводя страхъ и ужасъ на турокъ, которыми, какъ противникомъ, въ то время у насъ пренебрегали; нѣкоторые въ шутку называли ее «дикой» дивизіей, составленной изъ дикихъ народовъ.

Несмотря на довольно далекое разстояніе, отдѣлявшее Гуру-Галбину отъ Кишинева, мы выѣхали верхами; я находилъ это отличнымъ и вполне соответствующимъ будущему назначенію дивизіи. День былъ чудесный, весна вступила въ свои права, рѣчки и ручейки уже вскрылись, грязь была жестокая, вполне оправдывавшая избранный способъ передвиженія. Тучный и массивный Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ возсѣдалъ на высокомъ буромъ текинцѣ, принадлежавшемъ его сыну, котораго ожидали въ Кишиневѣ, а я былъ на лучшей своей лошади, желая представиться дивизіи въ лучшемъ видѣ. Скобелевъ былъ, можетъ быть, прежде лихимъ наѣздникомъ, но въ описываемое мною время старость и въ особенности чрезмѣрная полнота дѣлали свое дѣло и онъ

ѣхалъ болѣе чѣмъ осторожно, браня текинца, который, по его словамъ, спотыкается, всего боится и не умѣетъ ходить. Ѣхали шагомъ, еле плелись, предусмотрительно объѣзжая канавки и выбоины, такъ что я началъ уже сомнѣваться, будетъ ли въ состояніи начальникъ дивизіи исполнить тѣ назначенія, которыя на него возлагаются. Дмитрія Ивановича уже тогда въ шутку называли «пашой».

Закравшееся въ мою душу сомнѣніе, касавшееся лихости Скобелева, получило скоро подтвержденіе, потому что, выѣхавъ довольно далеко за городъ, мы нагнали легкую, удобную телѣжку или бричку, заранѣе высланную, и преспокойно въ нее усѣлись, при чемъ Дмитрій Ивановичъ занялъ конечно болѣе трехъ четвертей сидѣнья, а я еле-еле ютился на краюшкѣ, пѣтушкомъ. Ѣздить съ Дмитріемъ Ивановичемъ было чистѣйшимъ наказаніемъ; онъ все время боялся, что повозка опрокинется и ворчалъ на своего кучера Мишку, распекая его за то, что онъ не умѣетъ править, что лошади неровно везутъ и что онъ непременно насъ вывалитъ. Мишка, мужикъ съ бородой, вѣроятно уже привыкъ къ ворчанію своего барина, потому что не оставался въ долгу и по временамъ давалъ ему очень энергичный отпоръ. Я смѣялся говоря Скобелеву, что у него и сынъ Михайлъ и кучеръ Михайлъ, а старикъ ворчалъ, совсѣмъ впрочемъ не злясь, а по привычкѣ:

— Да я и сына зову Мишка, — говорилъ онъ; для васъ онъ Михайлъ Дмитріевичъ, а для меня Мишка.

Далеко не доѣзжая Гуры-Галбины насъ встрѣтили всадники Терскогорскаго полка и конвоировали до мѣста. Любо было смотрѣть на этихъ лихихъ, изящныхъ наѣздниковъ, для которыхъ ѣзда удовольствіе, нормальное состояніе, а не обязанность какъ въ нашей регулярной кавалеріи. Они щеголяли другъ передъ другомъ и конечно передъ нами, перепрыгивая канавки по сторонамъ дороги, то отставая отъ насъ, то догоняя въ карьеръ и круто останавливаясь возлѣ брички. Уже вечеромъ добрались мы до нашей резиденціи, гдѣ встрѣтилъ я исправлявшаго должность начальника штаба капитана генеральнаго штаба Виктора Викторовича Сахарова и адъютанта дивизіи Лукашева. Тутъ же познакомился я съ командиромъ Терскогорскаго полка полковникомъ Панкратовымъ, который былъ кажется на Кавказѣ начальникомъ округа ингушей и съ ними пришелъ въ дѣйствующую армію.

На другой день отправились мы объѣзжать дивизію и кажется въ д. Чимишлии Скобелевъ произвелъ тактическое ученіе дивизіи, которое не только вышло не удачно, но кончилось полнымъ скандаломъ: всѣ полки, послѣ какой то команды или сигнала Скобелева, распозлились въ разныя стороны. Дмитрій Ивановичъ сердился на всѣхъ, въ томъ числѣ и на меня.

— Да что-же вы ничего не помогаете, говорилъ онъ; пошлите собрать дивизию.

Поскакали и собрали. Надо было повернуть колонну, и Скобелевъ кричалъ трубачу: «труби чтобы заѣхали плечомъ».

— Что прикажете играть? спросилъ трубачъ.

— Болванъ, труби... «ну какъ тамъ» и прогѣлъ: «саашинька-маашинька...» и трубачъ затрубилъ «лѣвое плечо впередъ».

Попробовали пустить въ атаку; казаки пошли хорошо; послушные командѣ и сигналу они остановились по приказанію, но осетины съ ингушами не признавали сигнала «стой»; пустившись въ карьеръ они съ дикими криками ускакали отъ насъ совсѣмъ. Удивляться было впрочемъ нечему: только Владикавказскій полкъ былъ взятъ прямо со службы, Донской и Кубанскій взяты со льготы, а Терско-горскій набранъ изъ охотниковъ; дивизионныхъ ученыхъ естественно еще не дѣлали, а Дмитрій Ивановичъ давно забылъ уставъ, команды и сигналы.

На ученыхъ многіе казаки осматривали мою лошадь, всѣ очень хвалили и даже говорили, что это «рѣдкостный конь».

Послѣ ученья свелъ я знакомство съ командирами полковъ. Давыда Ивановича Орлова, командовавшаго 30-мъ донскимъ полкомъ, зналъ я еще раньше, когда онъ былъ адъютантомъ у великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Съ Панкратовымъ познакомился въ Гуръ-Галбинѣ. Оставались двое: Степанъ Яковлевичъ Кухаренко, командиръ Кубанскаго полка, и Оскаръ Александровичъ Левизъ-офъ-Менаръ. Оба они были старые кавказцы, а первый—природный казакъ, добрыйшій, хороший человекъ, еще не старыи, съ русой бородой, носившій и въ комнатѣ, слѣдуя горскому обычаю, папаху. Левизъ служилъ прежде, кажется, въ кавказскихъ драгунахъ, но давно уже перешелъ въ казаки. Необычайно симпатичный, сѣдой, съ коротко остриженными волосами, довольно длинными сѣдыми усами и такой же, но маленькой, бородкой, роста выше средняго, полный, Левизъ былъ при первомъ знакомствѣ очень сдержанъ, даже молчаливъ; но сблизившись, становился общительнѣе и внушалъ къ себѣ любовь у всѣхъ его знавшихъ.

Возвращаясь изъ Чимишліи мы ѣхали опять въ той же повозкѣ, которая доставила насъ въ Гуру-Галбину. Дорога шла все время по кособогу, я сидѣлъ со стороны ската, а Дмитрій Ивановичъ, сползая, все время, выпихивалъ меня вонъ; когда же я начиналъ поправляться, то онъ обрушивался на Мишку, не остававшимся по обычаю въ долгу,— и опять всю дорогу шли пререканія между бариниомъ и кучеромъ. Я попробовалъ отвести мысли Дмитрія Ивановича въ другую сторону, хотѣлъ заговорить о сынѣ его, котораго зналъ еще въ академіи генеральнаго штаба, и началъ было:

— Вотъ если прійдетъ Михаилъ Дмитриевичъ... но меня оборвали:

— Отстаньте вы съ вашимъ Михаиломъ Дмитріевичемъ; я никакого Михаила Дмитріевича не знаю. Для васъ есть Михаилъ Дмитріевичъ, а для меня есть Мишка.

Такъ какъ послѣднее слово было произнесено громко, даже крикливо, то кучеръ оглянулся и откликнулся: «чего-съ».

— Не тябя, дуракъ; знай свое дѣло, а то еще вывалишь.

Многіе говорили, что Дмитрій Ивановичъ завидовалъ успѣхамъ своего сына, носившаго уже Георгія 4-й и 3-й степени. Рассказывали, что будто на выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, который совпалъ съ извѣстіемъ о подвигахъ Скобелева 2-го въ Туркестанѣ, государь, проходя мимо старика Скобелева и желая сдѣлать ему удовольствие, сказалъ:

— Ты сынъ и отецъ «знаменитыхъ Скобелевыхъ».

Конечно, государь и не думалъ, что его привѣтствіе будетъ перетолковано остряками не въ пользу Дмитрія Ивановича. Когда его спрашивали, за что онъ получилъ Георгія въ прошлую турецкую войну на Кавказѣ, то Скобелевъ очень добродушно всегда повторялъ съ пунктуальной точностью одинъ и тотъ же рассказъ, который по своей оригинальности приведу здѣсь.

— Я былъ тогда молодымъ флигель-адъютантомъ, говорилъ Дмитрій Ивановичъ, и командовалъ своднымъ казачьимъ полкомъ; въ сраженіи при N¹) стоялъ на флангѣ, слѣзъ съ лошади и присѣлъ на камень. Вдругъ вижу мои казачки поднялись и поскакали впередъ. Я кричу: «куда, стой!» не тутъ то было; только одинъ изъ заднихъ приостановился и отвѣтилъ: «за стой баринъ деньги берутъ» и тоже исчезъ. Нечего дѣлать и я поскакалъ; вижу они лупятъ прямо на турецкую батарею. Тогда я припустилъ пошибче и кричу ближайшимъ: «ребята дарю вамъ эту батарею», на что и получилъ отвѣтъ: «не безпокойтесь батюшко, Георгія вамъ заработаемъ». Вотъ,—продолжалъ Дмитрій Ивановичъ,—они взяли батарею, а я получилъ Георгія.

Въ Гурѣ-Галбинѣ поинтересовался я поближе познакомиться съ осетинами и ингушами и совершенно въ нихъ влюбился. Это была настоящая кавалерія, центавры. Колодезь былъ очень близокъ отъ нашей квартиры, и я любовался какими молодцами они ѣздили на водопой: безъ сѣдель, на недоуздкахъ, скачутъ и гарцуютъ, джигитуютъ при возвращеніи отъ колодца. Говоря о ихъ лихости въ наѣздничествѣ слѣдуетъ для полноты упомянуть, что регулярности, знанія внутренняго, гарнизоннаго и другихъ уставовъ помину не было. Пошелъ я какъ то на гауптвахту, возлѣ которой стоялъ унтеръ-офицерскій караулъ; караулъ былъ вызванъ, но конечно произвелъ всѣ необходимыя при этомъ по уставу манипуляціи совсѣмъ по своему, т. е. какъ кому пришло въ голову. Войдя въ

1) Я забылъ въ какомъ сраженіи: Башъ-Бадкляръ или Кюрюкъ-Дара.

караульный домъ я увидѣлъ арестованнаго офицера и указалъ Панкратову, тутъ бывшему, что нельзя же держать унтеръ-офицерскій карауль при арестованномъ офицерѣ, на что получилъ отвѣтъ, что это не бѣда, что офицеръ не обижается, такъ какъ онъ бѣдный, а унтеръ-офицеръ богатый и что только на службѣ офицеръ этотъ старше своего караульнаго, вернувшись же домой очень можетъ быть, въ силу своей бѣдности, попадетъ къ стерегущему его теперь унтеру.

— У насъ это ничего, они не обижаются... прибавилъ Панкратовъ.

Когда же я все таки настаивалъ нарядить офицера, то произошла слѣдующая сцена: на площади гуляло пѣшкомъ и ѣхало верхомъ нѣсколько офицеровъ полка; Панкратовъ обратился къ одному изъ нихъ:

— Пойдите, станьте въ карауль.

— Да мнѣ некогда, зачѣмъ же непременно меня посылаете, слышалось въ отвѣтъ.

— Ну такъ вы, обращался Панкратовъ къ другому, но и другой не желалъ скучать въ карауль.

Тоже произошло и съ остальными, къ которымъ обращался командиръ полка; надо впрочемъ прибавить, что всѣ эти разговоры производились съ обѣихъ сторонъ въ очень добродушной формѣ, такъ что вовсе не похожи были на явное ослушаніе подчиненнаго начальнику, и я заблагоразсудилъ удалиться.

Скобелевъ попробовалъ водворять порядокъ, но кажется брался не за то, что слѣдовало; онъ болѣе всего приналегалъ на однообразіе формы одежды и потребовалъ, чтобы всѣ собственныя щегольскія черкески казаковъ и всадниковъ Терско-горскаго полка, между которыми встрѣчались бѣлыя, сѣрыя, коричневыя—были непременно перекрашены въ черную краску. Это распоряженіе возбудило ропотъ, тѣмъ болѣе, что перекрашиваніе было сопряжено съ большими неудобствами: краска была дорога, нехороша и перекрашенные черкески были очень некрасивы и пачкали.

23-го марта Скобелевъ получилъ телеграмму Левицкаго, предписывавшую отправить меня немедленно въ главную квартиру для посылки въ Букарестъ. Въ Кишиневѣ, куда вслѣдъ за мной прикатилъ и Дмитрій Ивановичъ, за обѣдомъ въ страстной четвергъ великій князь сказалъ мнѣ: «тебѣ надо поскорѣй ѣхать»; послѣ обѣда Непокойчицкій спросилъ меня, готовъ ли я, на что я отвѣчалъ, что лично готовъ, но не получилъ еще никакихъ приказаній; Непокойчицкій прибавилъ: «вамъ надо поскорѣй ѣхать». Черезъ нѣсколько времени и Левицкій говорить: «надо поскорѣй ѣхать», но никакихъ инструкцій, ни бумагъ не дали, а потому я ждалъ.

Въ пятницу за завтракомъ великій князь даже удивился, увидѣвъ

меня въ столовой, предполагая меня уѣхавшимъ. Я доложилъ его высочеству, что не готовы еще какія то бумаги и что я ихъ жду.

При выносѣ плащаницы я былъ удивленъ, увидѣвъ на великомъ князѣ и Дмитріи Ивановичѣ Скобелевѣ какія то широкія ярко-красныя ленты, надѣтыя поверхъ воротника мундира и спускавшіяся до середины груди; мнѣ сказали, что это ленты кавалеровъ ордена Гроба Господня, полученныя его высочествомъ и нѣкоторыми изъ его свиты, бывшей съ нимъ въ Іерусалимѣ¹⁾. Послѣ выноса плащаницы они сняли эти ленты.

Въ то время у насъ было довольно возбужденное состояніе; всѣ говорили, что война уже на носу и что объявленіе ея послѣдуетъ не позже какъ на Оминой недѣлѣ. Скептики говорили впрочемъ, что войны все-таки не будетъ, но что на Оминой рѣшится вопросъ о нашемъ возвращеніи. Я лично все еще вѣрилъ въ войну, приготовленія къ которой, повидимому, велись нѣсколько энергичнѣе, разрабатывались уже детали, хотя кажется и теперь проглядывало въ нихъ недостаточное знакомство съ предстоящей обстановкой; сужу по слѣдующему примѣру. Ожидая какъ то разъ великаго князя у дверей его кабинета я увидѣлъ выходящаго оттуда полевого интенданта. Онъ былъ съ портфелемъ, а это указывало на то, что онъ имѣлъ докладъ; видъ его былъ очень довольный, какой то торжествующій, и онъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ и другимъ, кто тутъ былъ:

— Ну-съ, господа, сегодня главнокомандующій утвердилъ очень важный проектъ мой. На этотъ разъ у насъ не будетъ того, что повторялось во всѣ наши кампаніи; великій князь утвердилъ мой докладъ о махоркѣ.

Загѣмъ онъ рассказалъ намъ, что части войскъ въ числѣ прочаго довольствія будутъ получать русскій табакъ въ натурѣ, и нашъ солдатъ, какъ выразился полевой интендантъ, «не будетъ лишень своей махорки». Я спросилъ его, сдѣлано ли по этому вопросу сношеніе съ румынскимъ правительствомъ, на что онъ отвѣчалъ, что никакихъ переговоровъ по этому дѣлу не было, да и не нужно, потому что какое же дѣло румынскому правительству до нашей махорки. Я ему началъ рассказывать о существующей въ Румыніи Regia, по которой ввозъ иностраннаго табаку, въ какой бы формѣ онъ ни былъ, строго воспрещенъ. Интендантъ находилъ, что это пустяки, что румыны не будутъ возражать, и изъ его словъ я увидѣлъ, что онъ понятія не имѣетъ о положеніи табачнаго вопроса въ Румыніи, и потому рассказалъ ему, что румынское правительство, даже при желаніи, не въ силахъ непосредственно отъ себя

¹⁾ Кажется на лентѣ висѣлъ овальный плоскій образъ съ ликомъ Спасителя, или крестъ, но навѣрное не помню.

войти по этому предмету въ соглашеніе съ нами, такъ какъ табачная монополія въ Молдавіи и Валахіи принадлежала частной компаніи, да вдобавокъ не румынской, а иностранной, венгерской. Вслѣдствіе этого на всѣхъ таможняхъ Румыніи, рядомъ съ правительственными таможенными чиновниками, находились частные агенты компаніи Regia, дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, такъ что напримѣръ тюки и т. п. съ надписью *expédition officielle* и съ печатами нашего министерства иностранныхъ дѣлъ пропускаясь правительственной таможней безпрепятственно и безъ досмотра, а агенты Regia всегда придирались, требовали вскрытія тюка, а если и пропускали, то послѣ многихъ пререканій, уступая настойчивымъ требованіямъ. Румынское правительство было связано съ этой компаніей государственнымъ актомъ, а потому было безсильно въ этомъ вопросѣ. Впослѣдствіи войска наши встрѣтили большія препятствія при ввозѣ русскаго табаку и сколько помню требовались дополнительныя статьи въ конвенціи и сепаратныя соглашенія. Въ концѣ концовъ во время войны дѣло уладилось, но какъ же полевой интендантъ, долженствовавшій знать условія довольствія войскъ въ предстоящей войнѣ, не зналъ порядковъ сосѣдняго государства, лежавшаго, какъ говорится, не за тридевять земель и вдобавокъ входившаго съ нами въ соглашеніе о пропускѣ нашихъ войскъ черезъ свою территорію?

Часовъ въ 10 веч. страстной пятницы, 25-го марта, былъ я потребованъ къ начальнику штаба. Обстановка была та же: длинное пальто, туфли и очень любезный пріемъ.

— Завтра въ 6 часовъ утра съ почтовымъ поѣздомъ, началъ Непокойчицкій, отправляйтесь въ Букарестъ. Скажите Братіано...

Я не удержался и привскочилъ отъ удивленія, но Непокойчицкій не слушая продолжалъ:

— Скажите Братіано, что лошадей, которыхъ они просятъ, мы теперь еще дать не можемъ, орудій обѣзанныхъ тоже. Что касается до денегъ, то они готовы, но въ настоящее время признается еще несвоевременнымъ ихъ посылать¹⁾.

Все это было сказано спокойнымъ, безстрастнымъ тономъ, собственнымъ Непокойчицкому. Я совершенно растерялся и просто не понималъ въ чемъ дѣло. Оправившись я попробовалъ доложить начальнику штаба, что по всѣмъ вопросамъ, которые онъ затронулъ, специально для нихъ живетъ въ Букарестѣ полковникъ Бобриковъ, а что я съ этимъ дѣломъ совершенно не знакомъ; я не боялся того, что Непокойчицкій со мной согласится, обо всемъ сказанномъ имъ прикажетъ написать Бобрикову, а я останусь въ Кишиневѣ, такъ какъ былъ увѣренъ,

¹⁾ Объ этихъ просьбахъ румынъ упомянуто выше.

что меня посылають для продолженія работъ, мною начатыхъ и веденныхъ. Несмотря на всѣ мои возраженія, Непокойчицкій остался при своемъ и приказалъ ѣхать съ порученіемъ къ Братіано. Когда же я спросилъ инструкцій относительно моей работы т. е. собиранія свѣдѣній, Непокойчицкій сказалъ, что время еще терпитъ, что денегъ нѣтъ, а потому выполнить мои предположенія теперь нельзя и чтобы я, живя въ Букарестѣ, продолжалъ бы, между прочимъ, прежнюю работу, поддерживая завязанныя и установившіяся сношенія, отнюдь не расширяя круга дѣйствій. Я былъ совершенно пораженъ; изъ словъ начальника штаба приходилось заключить, что война—миѣъ. Я не удержался и спросилъ:

— Какъ же, развѣ войны не будетъ?

— Полноте, полноте,—сказалъ Непокойчицкій снисходительно, но благодушно улыбаясь. Никакой войны не будетъ.

Эти знаменательныя слова, которыя я отлично помню, сказаны были мнѣ въ ночь съ 25-го на 26-ое марта, а 12-го апрѣля появился манифестъ о войнѣ. Аудіенція у Непокойчицкаго кончилась въ часъ ночи; поѣздъ отходилъ въ 6 часовъ утра, и мнѣ было приказано до отхода поѣзда и пораньше явиться великому князю, который долженъ былъ тоже ѣхать на вокзалъ встрѣчать старшаго сына своего, возвращавшагося изъ Петербурга.

Вернувшись домой я передалъ Нагловскому сущность разговора моего съ начальникомъ штаба и умолялъ его при первомъ удобномъ случаѣ еще поговорить съ Непокойчицкимъ о необходимости организовать развѣдку въ широкихъ размѣрахъ. Нагловскому было вполне возможно исполнить это, такъ какъ онъ въ то время часто работалъ по указаніямъ самого начальника штаба и имѣлъ къ нему свободный доступъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ Нагловскаго отправить по моему отѣздѣ заготовленныя мною депеши къ женѣ и матушкѣ моей о моемъ выѣздѣ, такъ какъ ночью не могъ ихъ отправить, да и некогда было: надо было улечься. Милѣйшій Дмитрій Станиславовичъ обѣщалъ все исполнить, но исполнилъ только первую половину моихъ порученій—переговорилъ съ Непокойчицкимъ, депеши же такъ и остались неотправленными. Правда, что была ночь и Нагловскій почти уже спалъ.

Мнѣ спать не пришлось. Въ 4 часа утра, въ статскомъ костюмѣ, отправился я къ главнокомандующему, который ужасно смѣялся видя меня въ такомъ нарядѣ; заставилъ надѣть мой пальмерстонъ, шапку и хохоталъ поворачивая меня во всѣ стороны; затѣмъ благословилъ, поцѣловалъ и увидя, что я сажусь на извозчика, приказалъ сѣсть къ нему на запятки дорожной коляски, въ которой было устроено сзади отличное сидѣнье. На вокзалѣ встрѣтили мы великаго князя Николая Николаевича Младшаго, который, не узнавъ меня, не обратилъ вниманія, такъ

что главнокомандующій обратился къ нему со словами: «а вотъ поздоровайся еще съ этимъ статскимъ».

Распроцавшись усѣлся я въ вагонѣ и ѣхалъ уже не секретно, а съ паспортомъ на мое имя, но не помню почему все еще былъ прописанъ не полковникомъ, а вологодскимъ помѣщикомъ. Въ Унгеняхъ агенты Regia чуть-чуть не распечатали маленькаго сакъ-вояжа моего, несмотря на печати и официальные надписи; много было хлопотъ и ругатни, покуда отъ нихъ отдѣлался, и я вспомнилъ интенданта съ его махоркой.

Въ Яссахъ повторилась обычная исторія съ поѣздами: они не встрѣтились. Кондукторъ пришедшаго поѣзда изъ Унгенъ увѣрялъ, что мы пріѣхали во-время, но что бухарестскій поѣздъ ушелъ раньше, а начальникъ станціи доказывалъ, что мы опоздали. Какъ бы то ни было, но мнѣ не удалось миновать Hôtel Binder и тамъ, въ полномъ одиночествѣ, встрѣтилъ я Пасху 1877 года.

XI.

Возвращеніе въ Бухарестъ.—Свиданіе съ Братіано.—Порученіе продолжать рекогносцировки.—Недостатокъ средствъ.—Состояніе нашей арміи.—Казиміръ Левицкій.—Предположенія объ организаціи развѣдочной службы.—Объявленіе войны.—Англійскіе агенты въ Болгаріи.—Опасеніе румынъ, что турки переправятся черезъ Дунай.—Паника въ Бухарестѣ.—Присканіе переводчиковъ и проводниковъ.

Пріѣхавъ въ Hôtel Boulevard я нашелъ мой излюбленный номеръ занятымъ Бобриковымъ, а потому поселился въ сосѣднемъ. Меня безпокоила мысль, чтобы Георгій Ивановичъ не обидѣлся на меня за то что я, вполне невольно, явился на этотъ разъ въ Бухарестъ въ роли, принадлежавшей ему — Бобрикову, а поэтому предложилъ ему ѣхать къ Братіано вмѣстѣ со мной и присутствовать при моемъ разговорѣ. На сдѣланный запросъ, Братіано, всегда осторожный, увѣдомилъ барона Стурта, что онъ приметъ меня и Бобрикова, въ 9 часовъ вечера, въ среду 30-го марта, не у себя дома, а у Фалькояно, вступившаго въ должность министра путей сообщенія. Предстоявшая бесѣда съ Братіано меня и Бобрикова очень смущала; какъ передамъ я румынскому премьеру слова Непокойчицкаго, которыя въ сущности сводились къ одному: отказъ, отказъ и отказъ. А мы же, т. е. баронъ Стуртъ, Бобриковъ и пріѣхавшій въ январѣ князь Кантакузенъ—все время напирали на того-же Братіано, настаивая на скорѣйшемъ заключеніи конвенціи. Въ виду щекотливости положенія мы порѣшили, что во избѣжаніе всякихъ разговоровъ, объясненій и т. п. я передамъ буквально

то, что мнѣ приказано, воздерживаясь отъ всякихъ комментарій при дальнѣйшемъ разговорѣ.

Свиданіе состоялось вечеромъ на частной квартирѣ Фалькояно. Мы пріѣхали нѣсколько раньше и въ ожиданіи Братіано сидѣли втроемъ съ хозяиномъ въ слабо освѣщенной комнатѣ разговаривая о погодѣ. Наконецъ явился Братіано довольно веселый, какъ и всегда подвижной, живой. Усѣлись—и я повторилъ ему, какъ заученный урокъ, слова Непокойчицкаго. Братіано сидѣлъ какъ въ столбнякѣ, глазомъ не моргнулъ. Когда я кончилъ, то наступило то убійственное молчаніе, которое вѣроятно каждому приходилось испытать когда нибудь, когда всемъ сдѣлается отчего нибудь неловко. Комната была маленькая, было жарко, или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось жарко. Наконецъ Братіано нарушилъ общее молчаніе и вздохнувъ сказалъ:

—Eh bien, si on ne peut rien faire—il n'y a rien à faire,—всталъ и аудіенція кончилась, а съ нею кончилось и мое весьма краткое дипломатическое поприще.

Вернувшись домой я написалъ Непокойчицкому рапортъ 3-го апрѣля, посланный съ курьеромъ.

«Доношу вашему высокопревосходительству, что въ среду 30-го марта, на квартирѣ у г-на Фалькояно, имѣлъ я, совмѣстно съ полковникомъ Бобриковымъ, свиданіе съ г-номъ Братіано, на которомъ я передалъ все то, что вашему высокопревосходительству было угодно на меня возложить. Къ сему имѣю честь присовокупить, что на основаніи вчерашней телеграммы вашего высокопревосходительства, я приступаю къ собранію свѣдѣній и производству рекогносцировокъ, при чемъ считаю долгомъ донести:

1) вслѣдствіи ожиданія войны грабежи и насилія на правомъ берегу Дуная приняли бѣльшіе размѣры, а потому я сомнѣваюсь въ возможности произвести рекогносцировки Никополя. 2) Для производства работъ мнѣ необходимъ кредитъ въ русскомъ консульствѣ въ Бухарестѣ. Смѣю думать, что прежнія мои работы могутъ служить ручательствомъ, что расходы будутъ производимы съ соблюденіемъ экономіи и благоразумія, соответствующимъ обстоятельствамъ и заботѣ о соблюденіи интересовъ казны. По послѣднему вопросу прошу ваше высокопревосходительство меня увѣдомить если можно телеграммою».

На рапортѣ этомъ я впоследствии видѣлъ помѣтку полевого штаба: «получено 25-го апрѣля». Гдѣ гулялъ сей злополучный рапортъ съ 3-го по 25-ое апрѣля?...

Какъ бы то ни было, но изъ рапорта моего видно, что:

1) незадолго до 3-го апрѣля я получилъ телеграмму, предписывающую мнѣ вновь приступить къ работамъ, что не было разрѣшено мнѣ 25-го марта, при послѣднемъ моемъ разговорѣ съ Непокойчицкимъ, въ

Кишиневѣ. Очевидно, что между 25-мъ марта и 3-мъ апрѣля (день отправки рапорта) произошли въ политикѣ событія, приблизившія насъ къ войнѣ.

2) изъ этого-же рапорта видно, что у меня денегъ не было, а въ Кишиневѣ какъ и всегда, прежде и потомъ, о нихъ забыли. Въ рапортѣ моемъ я, говоря объ экономіи и благоразуміи, нарочно вставилъ фразу «соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ», такъ какъ хорошо зналъ по опыту скупость полевого штаба съ одной стороны, а съ другой—что работы мои, для успѣшнаго ихъ веденія, требовали того-же, что требуетъ война: денегъ, денегъ и еще денегъ.

3) изъ этого-же рапорта видно, что въ полевоѣмъ штабѣ въ то время было тяготѣніе къ Никополю съ цѣлю устройства тамъ переправы, тяготѣніе, которое продолжалось и по прибытіи главной квартиры въ Плоешты вплоть до поѣздки великаго князя главнокомандующаго для личной рекогносцировки Дуная, которая и привела къ переправѣ у Систова, энергично проповѣдуемой Нагловскимъ.

Ко времени моего свиданія съ Братіано и вообще ко времени моего вторичнаго пріѣзда въ Букарестъ относится письмо мое отъ 30-го марта къ одному довѣренному и вполне благонадежному лицу. Такъ какъ оно касается нашей арміи, то я привожу его здѣсь цѣликомъ:

«Свидѣвшись съ товарищами и по разпросамъ ихъ, а также по свидѣтельству всѣхъ вполне безпристрастныхъ людей состояніе арміи превосходно, духъ необыкновенный! Всѣ, видѣвшіе войска, не могутъ достаточно нахвалиться ими. Полковникъ Клейнмихель ⁴⁾, пріѣхавшій курьеромъ отъ государя, говорилъ, что хотя онъ и хвастается своимъ баталіономъ, но что всѣ войска дѣйствующей арміи ничуть не хуже его баталіона, а съ нѣкоторыми полками онъ бы не рѣшился потягаться. Во всемъ этомъ есть одно горе и горе большое—одинъ человекъ, который къ несчастію такъ высоко поставленъ, что можетъ портить все хорошее: это Казиміръ Левицкій. По положенію своему онъ вліяетъ на все, такъ какъ онъ помощникъ начальника штаба арміи. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени сѣмъль онъ возбудить общую къ себѣ нелюбовь, а въ нѣкоторыхъ даже ненависть.

«Суета, разсѣянность, забывчивость, почти отсутствіе образованія, самонадѣянность, хватанье за все, мелочность—страшно отзываются на порядкахъ и дѣлахъ штаба, который все же есть главный двигатель, душа арміи, а жадность, пронырливость, забота только о себѣ, оттираніе другихъ лицъ—заставляютъ всѣхъ отшатнуться. Представь себѣ

⁴⁾ Графъ Владиміръ Клейнмихель, въ то время командиръ 1-гв. 3-го Стрѣльковаго баталіона Императорской фамиліи, впоследствии командиръ 1-гв. Семеновскаго полка.

что много весьма важныхъ донесеній Бобрикова, моихъ и другихъ лицъ—потерины имъ, потому что онъ, вмѣсто того чтобы распредѣлять ихъ по соотвѣтствующимъ отдѣламъ, все беретъ себѣ, а когда нужно, то ничего не могутъ найти и если находятъ то иногда на полу, на окнѣ, на диванѣ — секретныя донесенія! Что многихъ нѣтъ—свидѣтельствуешь между прочимъ то, что, отправляя меня теперь, онъ давалъ порученіе, которое уже было мною исполнено и сообщено въ общихъ чертахъ въ январѣ, а потомъ подробно разработано и донесено Бобриковымъ въ концѣ февраля ¹⁾. Въ то же время онъ себя не забываетъ и вмѣсто 5 или 6 тысячъ содержанія, слѣдуемаго ему въ годъ по положенію, онъ, по расчетамъ Нагловскаго, Фрезе и другихъ лицъ, получаетъ 13,700 рублей, т. е. на 300 только рублей менѣ Непокойчицкаго, который получаетъ 14,000».

Почти съ самаго прибытія нашего въ Кишиневъ организація собранія свѣдѣній о непріятелѣ и все къ этому соприкасающееся сосредоточивалось въ лицѣ штабъ-офицера надъ вожатыми, полковникѣ Артамоновѣ и его помощникѣ подполковникѣ Фрезе, дѣйствовавшихъ въ Кишиневѣ, я же былъ только случайно и при томъ временно пристегнуть къ этому дѣлу, работая за границей. Мнѣ, какъ начальнику штаба Кавказской казачьей дивизіи, предстояло, по прибытіи арміи въ Румынію, оставить свои развѣдочныя занятія для присоединенія къ дивизіи, бросить всѣхъ своихъ агентовъ, проводниковъ, переводчиковъ, однимъ словомъ бросить дѣло, въ которое я окунулся по уши, съ которымъ вполнѣ практически ознакомился, и при томъ бросить его въ самое горячее время. Передать дѣло я долженъ былъ лицамъ, вполнѣ почтеннымъ, но просидѣвшимъ всю зиму въ Кишиневѣ и знакомымъ съ результатами, а не съ порядкомъ веденія моихъ работъ и знакомыми ни съ однимъ изъ многочисленныхъ моихъ помощниковъ. Мнѣ казалось это неправильнымъ и даже опаснымъ. Въ виду изложеннаго я подалъ 5-го апрѣля слѣдующій рапортъ начальнику штаба арміи.

«Представляю вашему высокопревосходительству записку о вооруженіи города Силистріи, доставленную г-мъ Братіано барону Стурарту. Вмѣстѣ съ симъ представляю на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства: не найдено-ли будетъ удобнымъ отправить сюда, въ помощь мнѣ, генеральнаго штаба подполковника Фрезе, на основаніи слѣдующихъ соображеній:

1) При занятіи Румыніи нашими войсками сборъ всѣхъ свѣдѣній вѣроятно сосредоточится у штабъ-офицера надъ вожатыми, т. е. у полковника Артамонова и подполковника Фрезе, а такъ какъ, надо думать, вступленіе нашихъ войскъ въ предѣлы Румыніи не заставитъ

¹⁾ О лѣсѣ для наводки моста черезъ Дунай.

себя долго ждать, то мы имѣемъ только самое необходимое время для того, чтобы подполковникъ Фрезе могъ вполне освоиться съ предстоящей задачей, познакомиться съ агентами и различными условіями собиранія свѣдѣній.

2) Въ настоящее время отлучки мои изъ Бухареста для производства рекогносцировокъ нарушаютъ безостановочный пріемъ получаемыхъ свѣдѣній и передачу новыхъ инструкцій; полковникъ Бобриковъ такъ занятъ постоянными переговорами съ румынскими властями, что не имѣетъ времени замѣщать меня. Присутствіе подполковника Фрезе устранить это неудобство.

«Кромѣ изложеннаго выше рѣшаюсь высказать вашему высокопревосходительству мысль, хотя она и не входитъ въ кругъ моихъ занятій. Для установленія единства въ дѣйствіяхъ между офицерами и чиновниками, пріѣзжающими въ Румынію, и устраненія крайне вреднаго разъединенія, необходимо, чтобы всѣ пріѣзжающіе въ Румынію офицеры и чиновники пріѣзжали сначала въ Бухарестъ, являлись-бы, послѣ представленія консулу,—къ полковнику Бобрикову, какъ лицу болѣе всѣхъ другихъ знакомому съ современнымъ положеніемъ дѣлъ, а затѣмъ уже приступали къ порученію на нихъ возложенному.

«Въ настоящее время, при отсутствіи единства въ дѣйствіяхъ, часто являются противорѣчія».

Этотъ рапортъ полученъ въ полевомъ штабѣ тоже 25-го апрѣля.

Фрезе мнѣ не прислали, остальное, о чемъ я писалъ въ обоихъ приведенныхъ мною рапортахъ, тоже прошло безслѣдно, да въ данномъ случаѣ оно и понятно: я писалъ 3-го и 5-го апрѣля, получены эти рапорты въ полевомъ штабѣ 25-го апрѣля; между тѣмъ 12-го апрѣля случилось нѣчто, не только близость чего, но даже самую возможность энергично отрицалъ 25-го марта самъ начальникъ полевого штаба дѣйствующей арміи. 12-го апрѣля была объявлена война.

Свѣдѣнія о неприятелѣ, которыя я имѣлъ въ то время, указывали на энергичную дѣятельность Турціи при помощи иностранныхъ офицеровъ, преимущественно англичанъ. Англійскій консулъ въ Русукѣ ѣздилъ по Болгаріи и между прочимъ въ Сливнѣ говорилъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія:

— Вы видите, что Россія не хочетъ и не можетъ вамъ помочь... Вамъ остается одно: обратиться къ Англіи, которая, какъ вы сами знаете, сильна. Англія дастъ вамъ все, но подъ условіемъ: теперь-же, разъ навсегда, отречься отъ Россіи, слабость которой ясна каждому.

Рѣчь эта была сказана собраннымъ предварительно болгарамъ на площади Сливно. Болгары донесли объ этомъ Кожевникову немедленно.

Въ Бухарестѣ постоянно ходили слухи о томъ, что турки намѣрены переправиться на правый берегъ Дуная и опустошить Румынію. Опа-

сались и за Букарестъ, отстоящій на 60 верстъ отъ Журжева; переправы турокъ ожидали со стороны Силистріи, Рущука и Виддина. Слухи одинъ другого недѣлѣе ходили по городу. Правительство Румыніи просило о присылкѣ русскихъ инженеровъ.

5-го апрѣля прибылъ нашъ инженеръ полковникъ Мазюкевичъ, уже бывшій ранѣе въ Букарестѣ, съ письмомъ отъ великаго князя главнокомандующаго къ князю Карлу. Бобриковъ представилъ Мазюкевича генералу Чернату, замѣнившему Сланичано въ должности военного министра. По предложенію Черната Мазюкевичъ, вмѣстѣ съ командиромъ румынской пѣхотной бригады полковникомъ Черкесомъ, немедленно выѣхалъ въ Калафатъ для осмотра оборонительныхъ позицій, избранныхъ румынами на случай перехода турокъ черезъ Дунай изъ Виддина и выстроенныхъ въ Калафатѣ укрѣпленій.

4-го апрѣля выѣхалъ изъ Букареста въ Петербургъ румынскій генералъ Гика съ порученіемъ отъ князя Карла къ государю ⁴⁾, но скоро мы узнали, что Гика вернули съ дороги, такъ какъ государь выѣхалъ въ Кишиневъ. Очевидно дѣло приближалось къ развязкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ усиливалась въ Букарестѣ паника какъ въ правительствѣ такъ и въ публикѣ. Зловѣщіе слухи о движеніи шаекъ башибузукъ на Букарестъ ходили по городу. Изъ Букареста начался выѣздъ людей состоятельныхъ; нашъ консулъ баронъ Стюартъ тоже отправилъ свою семью въ Россію. Семейство барона уѣзжало еще засвѣтло, и громадная толпа народа собралась на улицѣ, противъ консульства. Когда отъѣздъ семьи русскаго консула сталъ извѣстенъ, то бѣгство изъ Букареста сдѣлалось повальнымъ; я поѣхалъ на станцію Сѣверной желѣзной дороги и видѣлъ самъ, какъ осаждались вагоны поѣзда и какъ мѣста брались съ бою.

8-го апрѣля выѣхалъ и баронъ Стюартъ въ Кишиневъ для представленія государю.

11-го апрѣля полковникъ Мазюкевичъ официально представился князю Карлу въ качествѣ русскаго инженернаго офицера, откомандированнаго въ распоряженіе князя.

Такъ какъ событія въ это время чередовались съ особенной быстротой, то мнѣ становится трудно описывать все въ надлежащей послѣдовательности, а потому я вынужденъ дополнять описаніе копіями документовъ, относящихся къ тому времени.

Меня очень беспокоилъ вопросъ о проводникахъ и переводчикахъ для арміи. Необходимо было запастись ими заблаговременно. Всѣ вообще греки, проживавшіе въ Румыніи и Болгаріи, были скорѣе на сторонѣ ту-

⁴⁾ Насколько помню, порученіе, возложенное на Гика, заключалось въ просьбѣ князя Карла обождать объявленіемъ войны по неготовности къ ней Румыніи.

рокъ, а не болгаръ, тѣмъ болѣе, что рознь, всегда существовавшая между греками и болгарами, усилилась послѣ дарованія самостоятельности болгарской церкви и учрежденія болгарскаго экзархата; румыны же знали только Румынію да и вообще не были надежны.

Я находилъ крайне необходимымъ набрать возможно больше проводниковъ и переводчиковъ изъ болгаръ, дать правильную организацію этому дѣлу, такъ чтобы части войскъ нашихъ, вступая въ Болгарію, имѣли бы не только переводчиковъ на болгарскій и турецкій языки, но и проводниковъ, а это требовало снабженіе нашихъ колоннъ проводниками по возможности именно изъ той мѣстности, куда колонны направлялись. Понятно, что этого сразу сдѣлать было нельзя, надо было вести дѣло исподволь и требовались деньги, чтобы помѣстить и продовольствовать набранныхъ лицъ.

8-го апрѣля писалъ я полковнику Артамонову.

«Сегодня ѣдетъ въ Кишиневъ баронъ Стурартъ и везетъ много интересныхъ данныхъ: рапортъ Бобрикова начальнику штаба № 17 съ приложеніями и мой рапортъ ему-же № 7 тоже съ приложеніями.

«Я взялъ на себя смѣлость, не получивъ ни разрѣшенія формальнаго, ни кредита, на сколько возможно устроить сѣтъ наблюденій, такую, о которой говорилъ мнѣ Нагловскій. Просилъ, чтобы мнѣ прислали Фрезе на помощь, но кажется это въ трубѣ. Безъ помощника я не могу отлучаться изъ Букареста для рекогносцировокъ, потому что ежедневно являются агенты, отъ которыхъ надо принимать донесенія и снова отправлять.

«Бобриковъ сильно занятъ разными переговорами съ румынскими властями и не можетъ меня замѣщать.

«Вода въ Дунаѣ очень велика; примѣръ: вся полоса до деревень Слободзея, Малу, Парапанъ, Балярія—залита; лощина гдѣ д. Мечка, на турецкомъ берегу, залита; вода продолжаетъ еще прибывать.

«Здѣсь паника,—ждутъ прихода черкесовъ и башибузуковъ. Много семействъ выѣхало въ горы, а про Журжево и говорятъ нечего.

«Сегодня пріѣхали къ князю Карлу адъютантъ Абдуль-Керима¹⁾ требовать объясненій по поводу укрѣпленій, возводимыхъ въ Калафатъ. Чѣмъ это кончится не знаю.

«Кожевниковъ сообщаетъ, что Юліусъ²⁾ отдалъ свою карту на продажу въ Вѣну за 150 наполеоновъ. Мы телеграфировали Фельдману³⁾ прося взглянуть и, если хороша—купить.

¹⁾ Въ газетахъ того времени сообщалось неправильно, что пріѣзжалъ самъ Абдуль-Керимъ.

²⁾ Инженеръ, предлагавшій намъ купить его съемки Болгаріи.

³⁾ Полковникъ Ѡ. А. Фельдманъ нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ.

«Наблюденіе требуетъ денегъ, которыхъ у насъ нѣтъ; тѣ 5000 фр., которые я рискнулъ занять въ консульствѣ, составляютъ каплю въ морѣ. Въ депешѣ барону Стурту, отвѣтной на мою¹⁾ было сказано только: «сборъ свѣдѣній и рекогносцировки возлагаются на П.». Непокойчицкій²⁾».

«Безъ Фрезе не могу бросить Букареста и поѣхать въ Корабію, Челею или Турнъ-Магурели».

«Курьеры отсюда были каждый день и мнѣ приходится сидѣть. Левицкому не послать еще ничего (по вторичномъ приѣздѣ въ Букарестъ), а пишу рапорты начальнику штаба. Авось будетъ лучше».

«Я бы могъ проѣхаться на пароходѣ «Mouche» по Дунаю куда угодно. Пароходикъ имѣетъ 5 чел. команды просить 6 лиръ³⁾ въ день, чтобы быть въ полномъ моемъ распоряженіи; но я не могу отлучаться изъ Букареста, а потомъ пожалуй будетъ и поздно».

«Пароходикъ можно и купить; за него дадутъ уже 8000 франковъ. Прилагаю письмо Кожевникова по этому поводу».

«Вмѣстѣ съ этой экспедиціей идетъ и донесеніе Кожевникова, подробное, гдѣ упоминается наконецъ о «Сейфи» и должно быть о «Хезеръ»⁴⁾. Неужели Левицкій поѣдетъ на царскіе смотры наканунѣ выступленія?⁵⁾ Ко мнѣ ежедневно прибываютъ люди съ того берега то въ переводчики, то въ жоаки. Между прочимъ довольно извѣстный гайдукъ Панайотъ Хитовъ; еще другой мой знакомый по Русуку⁶⁾, еле удравшій оттуда; я началъ организовать изъ нихъ команды жоаковъ и переводчиковъ; но боюсь: ихъ надо кормить—а деньги? Напишите мнѣ объ этомъ непременно».

Къ этому письму приложены были:

1) Мнѣніе инженера Юліуса о предстоящихъ дѣйствіяхъ.

«Генеральный консулъ въ Болгаріи, д. с. с. Кожевниковъ сообщаетъ изъ Русука, что въ разговорѣ съ нимъ г. Юліусъ выразился такъ: «въ Дунайскомъ вилайетѣ находится теперь (начало апрѣля) не болѣе 150,000 челов. (по свѣдѣніямъ г-на Кожевникова, посылаемымъ вмѣстѣ съ симъ въ штабъ арміи—162,400 челов.), но турки могутъ сосредоточить до 200,000 челов., и такъ какъ они будутъ вести войну подъ прикрытіемъ своихъ укрѣпленій, то будутъ имѣть значительный перевѣсъ надъ непріателемъ».

Необходимо «по мнѣнію г-на Юліуса» имѣть по крайней мѣрѣ 300,000 челов., чтобы одержать верхъ надъ турецкой арміей».

¹⁾ О присылкѣ денегъ или о кредитѣ.

²⁾ Деша адресована барону Стурту.

³⁾ Турецкая лира=22 франка.

⁴⁾ Турецкіе броненосцы.

⁵⁾ Товарищи писали мнѣ, что Левицкій бросилъ дѣла штаба и желаетъ сопровождать великаго князя на царскіе смотры.

⁶⁾ Церковскій.

Это мнѣніе раздѣлялось всѣми.

Также приложено было подлинное письмо ко мнѣ Кожевникова.

Рушукъ, 5-го апрѣля.

«Не имѣя долгое время положительнаго отвѣта по вопросу о маленькомъ пароходѣ, я долженъ былъ дожидаться прибытія въ Рушукъ хозяина парохода, а также съ другой стороны провѣрить то, что мнѣ было доставлено, т. е. сообщено по этому дѣлу г. Карвонида. Оказывается нынѣ, что хозяинъ парохода «Mouche» можетъ принять сдѣланное ему предложеніе и согласиться сдѣлать плаваніе до Флорентины, не приставая нигдѣ къ берегу въ продолженіе 5—10 дней съ платой по 6 турецкихъ золотыхъ въ день¹⁾. Если-же понадобится совершить нѣсколько продолжительныхъ плаваній, то онъ желаетъ, чтобы пароходъ его былъ купленъ на другое имя (ему предлагаютъ теперь за него 8000 франковъ) или же хоть по крайней мѣрѣ застраховать въ эту сумму, во избѣжаніе всякихъ случайностей. Самъ же онъ беретъ управлять пароходомъ за условленную по взаимному соглашенію, плату.»

«Вотъ всѣ условія, при которыхъ капитанъ Andrѣаз можетъ быть въ вашемъ распоряженіи. Какъ видно, событія двигаютъ насъ къ окончательной развязкѣ... Грабежи, насилія, убійства и разнаго рода нестерпимые безпорядки усиливаются, и каждый новый день приноситъ намъ какую нибудь печальную новость. Всеобщее настроеніе умовъ воинственное. Турки, по крайней мѣрѣ молодые, дѣлаютъ видъ, что радуются приближенію войны, что-же касается болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ стариковъ, то они потряхиваютъ какъ то сомнительно головами и думаютъ, что едва-ли Турціи удастся одолѣть сильнаго «Москова» и хорошо приготовившагося. Я невиноватъ, что мои свѣдѣнія по военной части опаздываютъ. Пакеты мои часто лежатъ по цѣлымъ недѣлямъ въ Букарестѣ, гдѣ кажется мало обращаютъ вниманія на скорое отправленіе пакетовъ».

Жалобы Кожевникова на лежаніе его пакетовъ въ Букарестѣ были справедливы въ томъ отношеніи, что пакеты дѣйствительно лежали долго, но и Букарестъ не былъ виноватъ: не было курьеровъ, ни денегъ для ихъ найма и вся корреспонденція ожидала «оказіи».

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ 132 франка.

Къ біографіи архіепископа Макарія ¹⁾.

Знакомство Макарія съ Лерхе завязалось въ началѣ 60-хъ годовъ, когда первый былъ ректоромъ Новгородской духовной семинаріи, а второй управлялъ Новгородской губерніей.

Казалось бы трудно найти что-нибудь общее между православнымъ монахомъ и губернаторомъ изъ лютеранъ, но тѣмъ не менѣе послѣдняго что-то связывало даже и съ митрополитомъ Исидоромъ, съ которымъ Лерхе находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Эти отношенія дали возможность Макарію, при содѣйствіи Э. В. Лерхе, быть назначеннымъ сначала нижегородскимъ викаріемъ, потомъ получить епископство въ Архангельскѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Орлѣ.

Служа вдали отъ Новгорода, Макарій не прерывалъ нити знакомства съ Лерхе и велъ съ нимъ переписку, которая заключалась въ частныхъ письмахъ, всегда задушевныхъ и переполненныхъ всевозможными благопожеланіями. Но когда въ Орель проникъ достовѣрный слухъ о перемѣщеніи Макарія въ Архангельскъ, онъ сталъ жаловаться Лерхе на свою несчастную судьбу.

«Истекающій годъ, писалъ онъ, былъ тяжелъ для всѣхъ, особенно для меня. Онъ приготовилъ мнѣ по разнымъ тайнымъ доносамъ перемѣщеніе въ Архангельскъ. Хотя тамъ и знакомый губернаторъ ²⁾, но я не рѣшаюсь второе тридцатипятилѣтіе службы начинать съ Бѣлаго моря и потому прошусь на покой въ ближайшій въ г. Мценскѣ монастырь. Повидимому, наказываюсь я за доброту и благодаренія, а можетъ

¹⁾ Матеріаломъ для статьи послужили письма Макарія и митрополита Исидора къ Э. В. Лерхе.

²⁾ Николай Павловичъ Игнатьевъ.

быть и за грѣхи вѣдомые и невѣдомые. Теперь для меня болѣе всего нужны смиреніе и терпѣніе. Ихъ и пожелайте мнѣ для моего спасенія» ¹⁾).

Макарій былъ огорченъ этимъ перемѣщеніемъ и въ немъ видѣлъ для себя постыдное пониженіе. Чтобы смыть такое пятно, онъ задумалъ удалиться на покой и въ письмѣ даже подписался: «Епископъ Макарій, ожидающій избавленія отъ епархіальной службы».

Лерхе не совѣтовалъ Макарію покидать службу, такъ какъ заслуги его для людей и церкви настолько значительны, что могутъ выдвинуть его на видную каѳедру. «Удаленіе на покой, писалъ Лерхе, обнаруживаетъ въ васъ, владыко, одно лишь малодушіе, безсиліе, уступку подпольнымъ навѣтамъ. Пройдетъ время, все перемелется и вы, вѣроятно, попадете въ центральную епархію».

На это Макарій отвѣчалъ:

«Любвеобильное ваше письмо меня воскресило. Я теперь ставлю на одну линію и покой и Архангельскъ. Въ письмахъ я изъявлялъ желаніе успокоиться, но формальнаго отзыва отъ меня не было. Согласно вашему указанію, я рѣшусь посмотрѣть Бѣлое море, если не уволютъ по письмамъ. Рѣшимость свою я высказывалъ не потому только, что стыдно послѣ Орла ѣхать къ чайкамъ морскимъ, но болѣе потому, что остаются въ живыхъ устроившіе мнѣ стоянку приморскую. Если главнаго устроителя ²⁾ не можетъ побѣдить вся Россія, ратующая противъ его классицизма, то гдѣ преодолѣтъ людямъ частнымъ. Владыко вашъ сильно ратовалъ за меня съ другими (вѣчная ему благодарность), но не могъ взять перевѣсъ. Вѣдь и при морѣ могутъ допихать. Во всякомъ случаѣ, по полученіи указа, могу отправиться не столько для управленія, сколько для освѣдомленія. Если надѣяться на скорое оттуда перемѣщеніе, то я уже былъ обманутъ разъ Нижнимъ. Не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки. Таковая ближайшая епархіа можетъ открыться послѣ смерти моего товарища Леонида. Примите это все къ свѣдѣнію и пособиите въ чемъ можете. Скоро услышите о моемъ покоѣ или отправленіи въ Архангельскъ. Знаю, что онъ городъ приморскій и торговый, но тѣмъ не менѣе ссыльный. Орловцы ратуютъ за меня, но не найдутъ средствъ къ удержанію меня въ Орлѣ. Неожиданный подкопъ изумилъ всѣхъ» ³⁾).

Обстоятельства, при которыхъ Макарій былъ перемѣщенъ на крайній сѣверъ, чрезвычайно интересовали Лерхе; онъ спрашивалъ о нихъ митрополита Исидора и просилъ, если не поздно, облегчить епископу

¹⁾ Изъ письма 23-го декабря 1876 г.

²⁾ Тогдашній министръ, графъ Д. А. Толстой.

³⁾ 1-го января 1877 г.

ссылку. Но Исидоръ оказался слишкомъ осторожнымъ въ этомъ дѣлѣ и отвѣчалъ довольно уклончиво:

«Нерадостную память оставилъ по себѣ минувшій годъ преосвященному Макарію. Много получилъ я и писемъ и телеграммъ въ защиту его, но, за состоявшимся 25-го декабря высочайшимъ указомъ о перемѣщеніи его въ Архангельскъ, онѣ не могли измѣнить дѣла. Не мало было прецедентовъ, по которымъ я едва могъ отклонить настояніе о совершенномъ удаленіи его отъ управленія епархіею. Въ немъ много задатковъ добра, но часто не достаесть ровнаго и спокойнаго характера, а скорость и порывистыя распоряженія не обходятся безъ ошибокъ, которыми пользуются неблагожелатели. Хорошо, если урокъ научить его быть осмотрительнѣе. Переимѣна епархіи — еще не бѣда. Въ служебной жизни не все бываетъ по нашему желанію. Тѣмъ болѣе неприлично малодушествовать монаху, который долженъ быть готовымъ на службу повсюду, гдѣ укажетъ ему Промыселъ Божій и начальство. Въ Архангельскѣ служили многіе прежде него и не роптали. Послужить и онъ — и примирится съ жребіемъ, а по времени положеніе его можетъ быть и уллучшится. Во всякомъ случаѣ благоразуміе требуетъ не противиться власти и не осуждать себя на бездѣйственный покой, на которомъ привыкшій къ дѣятельности можетъ найти одно безпокойствѣ»¹⁾.

Былъ ли Макарій на самомъ дѣлѣ доволенъ Архангельскомъ — неизвѣстно, но по крайней мѣрѣ онъ писалъ новгородскому губернатору слѣдующее²⁾:

«Вотъ наконецъ пришлось мнѣ писать вамъ съ Сѣверной Двины. Впрочемъ, Архангельскъ не чужой Новгороду. Здѣсь большею частью выходцы или переселенцы новгородскіе. Я настоятельно въ монастырѣ, основанномъ новгородскою Марѳою Посадницею, и пользуюсь отъ онаго немалыми крупницами. Вы удержали меня отъ покоя — сердечное вамъ спасибо, да и здѣсь въ сравненіи съ орловскимъ управленіемъ покой. Городомъ и своею обстановкою я доволенъ. Соборъ и обезпеченіе лучше орловскихъ. Жаль, что нѣтъ своихъ пѣвчихъ, плоха и мала крестовая церковь въ архіерейскомъ домѣ и плоховать протодіаконъ. Но успокаиваю себя тѣмъ, что и во всякомъ городѣ есть свои преимущества и свои недостатки».

О «довольности» Макарій писалъ и митрополиту Исидору, который въ свою очередь сообщалъ Лерхе:

«Преосвященный Макарій пишетъ, что въ Архангельскѣ онъ нашель болѣе спокойствія, нежели въ Орлѣ, и доволенъ настоящимъ своимъ

¹⁾ 10-го января 1877 г.

²⁾ 19-го марта 1877 г.

положеніемъ и окружающими его. Архіерейскій домъ, купленный у частнаго лица, требуетъ нѣкоторыхъ приспособленій, но это не важное дѣло» ¹⁾).

Затѣмъ, въ письмахъ къ Лерхе Макарій переходитъ какъ бы къ обратной мысли о своемъ положеніи и сѣтуетъ на то, что его долго не убираютъ изъ Архангельска:

«Лѣтомъ былъ въ Соловецкомъ и Сійскомъ монастыряхъ. Видѣлся здѣсь съ оберъ-прокуроромъ разъ до пяти говорилъ съ нимъ о ссыльныхъ прошлаго столѣтія, по поводу ссыльныхъ его предковъ въ Соловкахъ, а о ссыльныхъ настоящаго времени не начиналъ говорить, чтобы не растрогать его. Губернаторомъ я очень доволенъ, равно и всѣми. Да позвольте къ этому прибавить, что я доволенъ былъ и вездѣ, гдѣ служилъ, и мною были довольны, кромѣ вошедшей въ преклословія и противленія орловской консисторіи, нашедшей протекцію въ родныхъ около Синода. Если переведутъ меня въ лучшую епархію, скажу спасибо. А если не переведутъ, запишу въ памятной книжкѣ, что было время, въ которое давали силу и значеніе анонимнымъ пасквилямъ и противленіямъ подчиненныхъ. Съ этою записью и отоиду мирно отъ мятущагося міра» ²⁾).

«Скоро два года моему перемѣщенію, но движенія не видно. Должно быть, крѣпко привязали меня къ Архангельску. Хотѣлъ перейти во Владиміръ и все около Москвы говорило въ мою пользу. Но вѣрно не всегда голосъ народа оправдывается подобно гласу Божію. Въ Орлѣ не перестаютъ роптать обо мнѣ и не вѣдаютъ причинъ моему перемѣщенію» ³⁾).

«Вотъ уже третья Пасха приближается моему проживанью въ Архангельскѣ, а надежды пока не видно къ возвращенію моему въ предѣлы московскіе. Вѣрно такъ Богу угодно. Но до конца жизни не буду забывать васъ и дряхлѣющаго вашего Новгорода. Не думайте, чтобы я духомъ унывалъ. Я всегда равенъ себѣ и вездѣ пользуюсь благорасположеніемъ. Вакансія теперь для меня есть, но время не приспѣло и не охладило вражды. Подождемъ и попросимъ: просящему рано или поздно дается» ⁴⁾).

Черезъ два мѣсяца послѣ этого письма, Макарія перевели опять въ нижегородскую епархію, изъ которой онъ не безъ удовольствія писалъ Лерхе:

«Выѣхалъ я изъ Архангельска 15-го іюня и со всѣми плаваніями и остановками путешествовалъ 17 дней. Въ Нижній пріѣхалъ 3-го іюля.

¹⁾ 9-го апрѣля 1877 г.

²⁾ 14-го декабря 1877 г.

³⁾ 18-го декабря 1878 г.

⁴⁾ 24-го марта 1879 г.

Здѣсь не Архангельскѣ. Дѣлъ такъ много, что не остается свободной минуты, особенно на первый разъ. Впрочемъ, все пока вокругъ меня хорошо, а дальнѣйшую судьбу свою предоставляю волѣ Божьей. 15-го іюля ожидаемъ къ себѣ графа Игнатѣева. Тогда начнется и ярмарка. Архангельскому губернатору пришлось во второй разъ ¹⁾ провозжать меня въ Нижній чрезъ 13 лѣтъ ²⁾.

Чрезъ 6 лѣтъ въ Петербургѣ стали носиться слухи о новомъ перемѣщеніи Макарія. Объ этомъ увѣдомилъ его Лерхе, занимавшій тогда уже постъ сенатора, причемъ указывалось на такую епархію, которая не считалась выше нижегородской. Макарій взволновался и снова задумалъ проситься на покой. Онъ писалъ Лерхе:

«Приношу вамъ величайшую благодарность за письмо и сообщенныя въ немъ свѣдѣнія. На дняхъ напечатано даже въ «Свѣтѣ», что я перемѣщенъ на мѣсто Аполлоса въ Вятку. Если это правда, то, кажется, выберу покой въ одномъ изъ нижегородскихъ монастырей. Всѣхъ епархій не переѣздишь. Изъ Нижняго не хотѣлось бы двигаться. Здѣсь у меня не конченъ еще пріютъ, устроаемый на мой счетъ, и не совсѣмъ упрочена богадѣльня, устроенная моими трудами. Мнѣ уже двигается подъ 70 лѣтъ. Отъ нынѣшнихъ заботъ и хлопотъ епархіальныхъ можетъ поневолѣ сократиться жизнь. Одобрите-ли мое желаніе покоя въ случаѣ перемѣщенія въ Вятку? Другое дѣло бы Воронежъ. А Вятка въ родѣ ссылки, каковою она и была для новгородцевъ при Іоаннѣ III и IV ³⁾»).

Дѣйствительно, Макарій былъ переведенъ епископомъ вятскимъ и слободскимъ. Лерхе послалъ ему письмо, проникнутое глубокимъ сожалѣніемъ о томъ, что ему, на старости лѣтъ, приходится дѣлать служебные переѣзды, а главнымъ образомъ, какъ самъ чуткій къ нуждамъ ближняго, сожалѣлъ, что Макарій оставляетъ въ Нижнемъ незаконченными благотворительныя дѣла. Епископъ искренне благодарилъ сенатора за сочувствіе къ его перемѣнѣ, и писалъ:

«Откуда произошелъ внезапно разразившійся надъ моею головою ударъ—неизвѣстно. Послѣ, можетъ быть, узнаютъ и скажутъ во услышаніе. Во всякомъ случаѣ, теперь повсюду, при каждой встрѣчѣ, вопль и рыданіе, особенно между гражданами, не понимающими причины перевода. Начинаю собираться въ Вятку и нужно поскорѣе, иначе не допывешь до новой епархіи, за обмелѣніемъ рѣки Вятки. А тутъ еще горе съ Казанью. Велѣно ѣхать на съѣздъ архіереевъ. Но у меня отъ потрясенія и голова не работаетъ. Да отъ кого я буду говорить—отъ Нижняго или отъ Вятки? Послѣдней не знаю, а первый оставляю.

¹⁾ Въ первый разъ Макарій служилъ въ Архангельскѣ по педагогической части.

²⁾ 13-го іюля 1879 г.

³⁾ 8-го іюня 1885 г.

Хоть бы милость мнѣ пораженному сдѣлали отъ Святѣйшаго Синода въ освобожденіи меня отъ казанскаго сѣзда. Да и некогда. Я долженъ собраться и явиться въ свой епархіальный городъ, а потомъ въ Казань. Но я вѣдь не желѣзный. Попросите за меня объ этомъ владыку, чтобы онъ предложилъ Синоду объ избавленіи меня отъ казанскаго сѣзда по случаю перемѣщенія моего въ другую епархію» ¹⁾).

Лерхе ходатайствовалъ предъ митрополитомъ Исидоромъ, чтобы не беспокоили Макарія сѣздомъ, и при этомъ спрашивалъ о причинахъ перемѣщенія его въ Вятку, которое состоялось вопреки его, Макарія, желанію. Митрополитъ отвѣчалъ:

«Желаніе преосвященнаго Макарія объ освобожденіи его отъ поѣздки въ Казань, для совѣщанія съ прочими епископами, по дѣламъ епархіальнымъ, исполнено въ сегодняшнемъ засѣданіи Святѣйшаго Синода—отъ поѣздки въ Казань освободили его. Перемѣщеніе въ Вятку дѣйствительно принято имъ неравнодушно. По свойственной ему живости характера, онъ тотчасъ написалъ мнѣ, можно ли ему проситься на покой? Я отвѣчалъ ему: кто идетъ по своей волѣ, а не по указанію Промысла Божія, тотъ нигдѣ покоя обрѣсти не можетъ. Совѣтъ мой принять имъ—и онъ рѣшился ѣхать въ Вятку. Въ переводѣ его нѣтъ никакого униженія. Въ Вяткѣ служили Серафимъ, бывшій митрополитъ петербургскій, Кириллъ, бывшій ректоръ Московской Академіи и архіепископъ подольскій, и Нилъ ярославскій, которые всегда отзывались о сей епархіи съ особою похвалою.

«Конфиденціально прибавлю, что этому перемѣщенію много содѣйствовалъ одинъ изъ нижегородскихъ администраторовъ, который, бывши въ Петербургѣ, характеризовалъ его неблагопріятно, находя обращеніе его съ народомъ не совсѣмъ приличнымъ для архіерейскаго сана и слишкомъ популярнымъ, а потому не назидательнымъ. Нельзя не согласиться, что по свойственнымъ ему порывистымъ въ разговорахъ приемамъ, не всякому можетъ нравиться такое обращеніе архіерея. Охота ѣздить по купеческимъ домамъ, даже раскольническимъ, доставила администратору случай лично удостовѣриться въ неприличіи, унижающемъ санъ, именно на обѣдѣ богача-раскольника. Жалкая привычка!» ²⁾

Настоящее письмо дало полную возможность Лерхе сообщить Макарію, «откуда произошелъ разразившійся ударъ». Макарій благодарилъ за извѣстія и въ свое оправданіе приводилъ слѣдующее:

«Если еще будетъ рѣчь о расколѣ, то говорите прямо, что я съ ума еще не сходилъ и не намѣренъ сходить. Это одна выдумка администратора съ подручнымъ Губинымъ, чтобы поразить и убить меня жизнен-

¹⁾ 18-го іюня 1885 г.

²⁾ 26-го іюня 1885 г.

нымъ вопросомъ о расколѣ. Напротивъ, первые тузы нижегородскіе, по карману и расколу, Блиновъ съ женою и Бугровъ, убѣждены были мною отправиться въ Кіево-Печерскую лавру. Я просилъ намѣстника показать имъ святыню кіевскую, а намѣстникъ представлялъ ихъ, какъ именитыхъ лицъ, владыкѣ Платону. Онъ долго бесѣдовалъ съ ними и, можетъ быть, помнитъ объ этомъ посѣщеніи. Въ послѣднее время я надѣялся богача Бугрова съ городецкою часовнею обратити въ единовѣріе. Раскольники любили меня за доброту души и искреннее благожелательство. Только тѣ не видятъ во мнѣ добра, кои сами его не имѣютъ. Хотѣлъ бы я вернуться въ Нижній и не только потому, что я съ нимъ знакомъ 43 года, но и потому, что тамъ не приведены къ окончанію начатыя мною благотворительныя заведенія. Возвращенія моего желаютъ всѣ благомыслящіе, но желанія своего не выражаютъ начальству, находясь подъ ближайшею властью» ¹⁾).

Затѣмъ, на перемѣщеніе въ третій разъ на нижегородскую кафедру Макарій потерялъ всякіе шансы, но перейти въ иную епархію онъ не пыталъ надежды, что новая епархіа будетъ дана ему лучше вятской. Словомъ, Макарій очутился въ томъ положеніи, когда всѣ средства на перемѣщеніе израсходованы и выбраться изъ Вятки въ лучшую епархію не представлялось возможности. Онъ писалъ Лерхе:

«О движеніи своемъ стыдно и совѣстно поминать владыкѣ, равно и вамъ. Да и какое движеніе? Какъ бы не перемѣнить кукушку на ястреба? Нижній сдѣлался для меня какъ бы своимъ, а другіе города будутъ чужіе, къ коимъ нужно привыкать. Полагаюсь на судьбу Божію и на волю начальства, перемѣстившаго меня въ глухую страну» ²⁾).

Не прошло и года, какъ неуживчивый епископъ снова принялся хлопотать о перемѣщеніи. На этотъ разъ онъ просилъ Лерхе замолвить словечко митрополиту Исидору насчетъ Курска, а предъ владыкой повелъ въ нѣкоторомъ родѣ политику; Макарій заявлялъ послѣднему, что, по переводѣ его въ Курскъ, онъ вскорѣ уйдетъ на покой. Однако, ничто не помогло. Митрополитъ Исидоръ писалъ Лерхе:

«По докладу Святѣйшаго Синода, утвержденному государемъ императоромъ, въ Курскъ перемѣщенъ подольскій епископъ Іустинъ, на его мѣсто, въ Подольскъ, рижскій епископъ Донатъ, а на мѣсто послѣдняго мой викарій Арсеній, епископъ ладожскій, ректоръ здѣшней академіи. Поводомъ къ такому передвиженію служили условія мѣстныхъ епархій.

«Жаль, что преосвященный Макарій исполнитъ свое намѣреніе и удалится на покой. Я не понимаю, для какой цѣли онъ желалъ быть перемѣщеннымъ въ Курскъ, если предполагалъ вскорѣ, по перемѣщеніи,

¹⁾ 7-го января 1886 г.

²⁾ 5-го сентября 1886 г.

удалиться на покой. Если не хочет больше нести архіерейское иго, для чего-жъ перемѣщаться на другую кафедру?»¹⁾

Этимъ письмомъ переписка оканчивается. Какую епархію получилъ Макарій послѣ вятской—у насъ свѣдѣній нѣтъ, но извѣстно, что онъ не оставлялъ архіерейской службы до самой смерти и умеръ въ 1895 году архіепископомъ донскимъ и новочеркасскимъ, собираясь, такимъ образомъ, на покой около 20-ти лѣтъ и особенно тогда, когда его перевели въ худшую епархію.

А. Слезкинскій.

¹⁾ 1-го апрѣля 1887 г.

Представители Россіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ въ 1815 году.

(Изъ воспоминаній А. И. Михайловскаго-Данилевскаго).

Характеристика императора Александра.—Пристрастіе его къ иностранцамъ.—Ближайшіе совѣтники на конгрессѣ.—Личное веденіе переговоровъ императоромъ.—Любовь его къ дамскому обществу.—Великій князь Константинъ Павловичъ.—Свита государя: генераль-адъютантъ Уваровъ, Лагарпъ, Кн. Волконскій, Жюмини, Кутузовъ, Чернышевъ и статсъ-секретарь Марченко.

Вѣна 1-го Генваря.

Я начинаю новый годъ настоящимъ наблюдателемъ, и думаю: можетъ быть пожелаютъ когда нибудь знать имена особъ, которыя въ важное для Россіи время Вѣнскаго конгресса окружали государя, можетъ-быть скажутъ, что я, который свободное время въ походахъ и въ конгрессѣ посвящалъ размышленію, наукамъ, и иногда возносился мыслию къ безсмертію, долженъ былъ смотрѣть со вниманіемъ историка на людей, съ которыми судьба меня сблизила.

Я счелъ по сему долгомъ изобразить черты нѣкоторыхъ изъ современнаковъ моихъ и раздѣлю сіе описаніе на двѣ части, помѣстивъ въ первой нѣсколько очерковъ о государѣ и особахъ, принадлежащихъ непосредственно къ лицу его величества по тому списку, какъ онъ напечатанъ при Вѣнскомъ дворѣ. Въ немъ помѣщены имена по слѣдующему старшинству, котораго я и я намѣренъ придерживаться: генераль Уваровъ, Лагарпъ, генераль-адъютанты: князь Волконскій, Жюмини, графъ Ожаровскій, князь Трубецкой, Кутузовъ и Чернышевъ, статсъ-секретарь Марченко и еще нѣкоторые другіе.

*

Во второй части представляю я нашъ дипломатическій корпусъ, какъ занимающій важнѣйшее мѣсто въ теперешнихъ происшествіяхъ. Безпристрастіе будетъ водить перомъ моимъ, зависти въ словахъ моихъ быть не можетъ, потому что всѣ описываемыя мною лица богатѣе меня, старѣе лѣтами, службою и чинами, и я слишкомъ молодъ, чтобы заступитъ мѣста ихъ, да и не имѣю къ тому желанія. Я съ ними почти со всѣми въ связи, они меня знаютъ и повидимому всѣ оказываютъ уваженіе и благосклонность.

I.

Я не знаю, бывалъ ли кто отъ природы толь щедро одаренъ какъ государь; она надѣлила его умомъ, красотою, твердостію духа въ злополучіи, смиреніемъ въ счастіи, обширною памятію, даромъ слова, крѣпкимъ здоровьемъ; она вручила ему пространнѣйшую на свѣтѣ имперію, народъ храбрый и его боготворящій; онъ исполнялъ подвиги, въ которыхъ вселенная сомнѣвалась и имѣла толь блистательныя минуты въ своей жизни, каковыхъ прежде его не видано было. Онъ достигнулъ до возможнаго человѣческаго величія, ибо онъ есть первый изъ своихъ современниковъ.

До царствованія государя въ Россіи не было общаго мнѣнія; прежде его опасались у насъ произносить слова правительство и отечество, тѣмъ менѣе еще разсуждать объ оныхъ, равно и о своемъ монархѣ. Предшественники его были заключены, такъ сказать, въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ дворцовъ, подобно азіатскимъ царямъ; народъ видалъ ихъ только въ торжественные дни, окруженныхъ пышностію и величіемъ верховной власти; прежде его наши императоры принадлежали одной столицѣ, или лучше сказать, одному своему двору; ихъ знали одни только паредворцы. Александръ послѣ Петра Великаго, первый, который, отбросивъ этикетъ, какъ обветшалый обычай, явился посреди народа въ видѣ частнаго человѣка. Онъ посѣщалъ съ супругою своею неожиданно и безъ приглашенія балы и вечеринки, бывавшіе у нѣкоторыхъ вельможъ, какъ напримѣръ, у князя Салтыкова, ѣздили въ самомъ простомъ экипажѣ, отличавшемся отъ другихъ только необыкновенною своею опрятностію и чистотою, гулялъ одинъ по городу, дѣлялъ съ войсками всѣ трудности походовъ. Подданные его впервые могли узнать и любить въ немъ человѣка.

Вступая на престолъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, и не имѣя опытности въ государственныхъ дѣлахъ, онъ не могъ дѣйствовать самъ, но принужденъ былъ призвать къ себѣ первоначально людей пожилыхъ, которые сдѣлались извѣстны въ царствованіе родителя его и бабки. Выборъ его палъ на Беклешова и на Трошинскаго, людей умныхъ и знавшихъ совершенно Россію. Къ несчастію, оба они руководствовались личностями и, находясь въ враждѣ между собою, не имѣли столько патриотизма и возвышенности души, чтобы совокупно споспѣшествовать благу Россіи и соответствовать тѣмъ довѣрію юнаго монарха своего. Сперва императоръ принималъ ихъ порознь, но видя, что тотъ изъ нихъ, кто бывалъ у его величества послѣдній, вѣрно—оспорить сказанное его предмѣстникомъ, сталъ потомъ приглашать ихъ вмѣстѣ и изъ преній ихъ извлекалъ то мнѣніе, которое казалось ему сообразнѣйшимъ обстоятельствамъ. Беклешовъ былъ отмѣнно красно-рѣчивъ.

— Еслибы онъ жилъ въ Англіи, сказалъ однажды императоръ, то его поставили бы на ряду съ первыми ораторами.

Сколь ни велики были способности сихъ двухъ особъ, но онѣ не были согласны съ просвѣщеніемъ XIX-го вѣка и съ тѣми предположеніями для блага Россіи, которыя уже съ юности запечатлѣны были въ душѣ монарха. Посему, отпустивъ ихъ отъ себя, онъ обружилъ себя молодыми людьми: графомъ Кочубеемъ, княземъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ и графомъ Строгановымъ, напитанными правилами новѣйшей философіи и раздѣлявшими съ государемъ поселенныя въ немъ Лагарпомъ мысли. Я имѣлъ случай видѣть вблизи нѣкоторыхъ изъ нихъ, о другихъ же, которыхъ я не знавалъ, я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія отъ людей, бывшихъ съ ними въ короткихъ связяхъ, и могу увѣрить, что трудно найти особъ, которыя бы въ подобной имъ степени соединяли образованность, свѣдѣнія, безкорыстіе и благородство характера. За исключеніемъ Новосильцова они были богатѣйшіе люди и всѣ четверо были соединены съ императоромъ узами тѣсной дружбы, каковой рѣдко находимъ примѣръ... Можно сказать, что они совокупно съ государемъ были ревностѣйшіе патриоты своего времени, желавшіе поставить отечество свое на равную чреду съ просвѣщенными державами Европы. Но имъ недоставало одного изъ главныхъ достоинствъ государственныхъ людей—опытности и сверхъ того они нашли въ закоснѣлыхъ предрасудкахъ высшаго дворянства тѣмъ большую преграду въ своихъ предпріятіяхъ, что въ то время легко было предугадать, что Россія не замедлитъ войти въ страшную борьбу съ Наполеономъ, а потому надобно было въ ожиданіи того, какъ минетъ сія гроза, нависшая на прекрасномъ горизонтѣ первыхъ лѣтъ царствованія Александра, не производить сильныхъ пережѣвъ въ старинныхъ

нашихъ законахъ и учрежденіяхъ, дабы не вооружить противъ себя тѣ сословія, къ помощи коихъ надобно было скоро прибѣгнуть. Послѣдствіемъ благородной связи, существовавшей тогда между государемъ и вышеупомянутыми четырьмя особами, было только направленіе, данное новому поколѣнію къ либеральнымъ идеямъ; въ имперіи же не произошло великихъ измѣненій, кромѣ учрежденія министерствъ, равно и въ коренныхъ постановленіяхъ. Но ежели бы Европа тогда наслаждалась миромъ и Россія не надлежало бы готовиться къ великой войнѣ, сперва за независимость сосѣднихъ земель, а послѣ за собственное свое достояніе, то царствованіе Александра оживило бы для насъ вѣкъ Траяновъ и Антониновъ.

Императоръ въ сіе время имѣлъ также дружественныя связи съ нѣкоторыми изъ военныхъ; иные изъ нихъ употребляли во зло довѣренность его, были дерзки и даже въ присутствіи императора позволяли себѣ нескромныя и надменные рѣчи, какъ напримѣръ, Чичаговъ и князь Долгорукой.

Въ семъ положеніи, происходившемъ отъ доброты и неопытности, застигла его буря, носившаяся надъ Европою и надъ стечествомъ нашимъ. Неудачныя первые два похода противъ французовъ дали новую силу оскорбленному самолюбію. Государь, принужденный устранить предположенія, наполнившія душу его, занялся день и ночь приготовленіями къ оборонѣ, привелъ въ лучшій порядокъ армію, устроилъ рекрутскіе депо и резервы, самъ вникнулъ во всѣ отрасли правленія, и твердостью своею при первоначальныхъ успѣхахъ непріятелей въ Россіи доказалъ, что онъ родился царствовать, и что настало время принять самому въ свои руки бразды правленія. По изгнаніи Наполеона изъ Россіи онъ поспѣшилъ въ армію, оставляя съ радостію столицу, напоминавшую ему, что онъ провелъ въ ней первые годы не совсѣмъ удачныя своего правленія, во время которыхъ онъ дѣйствовалъ болѣе по совѣтамъ другихъ, нежели по собственному убѣжденію. Съ сей минуты, то-есть отъ истребленія непріятельскихъ силъ въ Россіи, и отъ прибытія его величества въ декабрѣ мѣсяцѣ 1812-го года въ Вильну, онъ началъ царствовать самъ, а послѣ смерти князя Кутузова принялъ на себя и управленіе военныхъ дѣйствій. Государь обязалъ себѣ лично всею славою, которую онъ приобрѣлъ. Его величество самъ во время послѣднихъ походовъ дѣлалъ важнѣйшія распоряженія и присутствовалъ, когда приводили оныя въ исполненіе.

Извлеченная имъ великая польза изъ необыкновенныхъ военныхъ и политическихъ переворотовъ, которые совершились подъ главнымъ его руководствомъ, состоитъ въ томъ, что образъ мыслей его и жизни измѣнился до такой степени, что самые близкіе люди, издавна его окружавшіе, увѣряли меня, что, по возвращеніи его изъ Париза, они съ тру-

домъ могли его узнать. Отбросивъ прежнюю нерѣшительность и робость онъ сдѣлался самонадѣянъ, твердъ и предпримчивъ и не допускаетъ никого брать надъ собою верха. Послѣ Феръ-Шампенуазскаго сраженія, столь лестнаго для самолюбія императора, потому что, предводительствуя лично войсками, онъ взялъ въ плѣвъ 8.000 непріятелей и двухъ генераловъ, его величество сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ:

— По сихъ поръ почитали меня обыкновеннымъ человѣкомъ, а теперь? отъ какихъ бездѣлицъ зависятъ величіе и мнѣніе вселенной?

Въ первые годы царствованія вообще отдавали справедливость кротости его и мягкосердію, но оспаривали политическія его дарованія, не подозрѣвали въ немъ военныхъ способностей и не полагали силы въ его характеръ. Опытъ убѣдилъ его, что употребляли во зло расположеніе его къ добру, язвительная улыбка равнодушія явилась на устахъ его, скрытность заступила мѣсто откровенности и любовь къ уединенію сдѣлалась господствующею его чертою; онъ обращаетъ теперь врожденную ему пронизательность преимущественно къ тому, чтобы въ другихъ людяхъ открывать пороки и слабости, предугадывать пагубныя намѣренія ихъ и изыскивать средства отъ оныхъ уклоняться. Перестали довѣрять его ласкамъ, если онъ кому-либо ихъ оказываетъ, и простонародное слово «надувать» сдѣлалось при дворѣ общимъ; можетъ быть оно не для всѣхъ будетъ внятно, но кто знаетъ хорошо нашу эпоху, согласится, что оно есть лучшая характеристика оной.

Онъ употребляетъ теперь своихъ генераловъ и дипломатовъ не какъ совѣтниковъ своихъ, но какъ исполнителей своей воли; они боятся его какъ слуги своего господина. Не взирая на сіе, уваженіе близкихъ къ нему особъ отъ ежедневнаго съ ними обращенія не только не уменьшается, но увеличивается, и сіе происходитъ отъ того, что государь, какъ человѣкъ, по природнымъ способностямъ своимъ, по образованію своему, по опытности, по знанію свѣта, дѣлъ и людей несравненно выше всѣхъ его окружающихъ и имѣетъ отъ того неоспоримую надъ ними поверхность, за которую онъ обязанъ не сану своему, но личнымъ своимъ достоинствамъ. Для тѣхъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ находятся при немъ, такое измѣненіе характера не очень пріятно. Они иногда жалуются, особенно когда видятъ, что императоръ поступаетъ съ ними не столь учтиво, какъ съ австрійскими офицерами, даже малыхъ самыхъ чиновъ. Если государь не видитъ кого либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адъютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашиваетъ о причинѣ, почему такой то чиновникъ не явился при дворѣ, болѣнъ ли онъ и тому подобное; но когда случается, что какой нибудь изъ знакомыхъ его величеству австрійцевъ занеможетъ, то не-

медленно отправляетъ къ нему чиновника узнавать о его здоровьѣ. Съ другой стороны, должно сознаться, что и генералы, находящіеся съ императоромъ въ Вѣнѣ, заслуживаютъ холодное обращеніе съ ними государя. Хотя они всѣ люди честные, хорошіе военные, старые служивые, но на конгрессѣ, гдѣ соединены просвѣщеннѣйшія особы Европы, они кажутся совсѣмъ ничтожными. Когда пріѣзжаетъ къ намъ какой либо иностранецъ, отличный умомъ своимъ или свѣдѣніями, то они почти всѣ стараются его избѣгать, обнаруживая тѣмъ сколь они чувствуютъ превосходство его надъ собою: я не встрѣтилъ на конгрессѣ ни одного русскаго, котораго бы способности соответствовали тѣмъ важнымъ обстоятельствамъ, въ коихъ отечество наше находится. Сіе обстоятельство обнаруживаетъ, почему императоръ преимущественно употребляетъ иностранцевъ и къ нимъ имѣетъ довѣріе, а съ другой стороны можетъ быть политика его заставляетъ окружать себя посредственными людьми, дабы потомство всю славу воздало ему одному.

Не взирая на великое число чиновниковъ россійскаго дипломатическаго корпуса, находящихся въ Вѣнѣ, государь самъ занимается безпрестанно дѣлами, относящимися до конгресса. Въ затруднительныхъ случаяхъ, гдѣ уполномоченные его встрѣчаютъ противурѣчія, онъ лично ведетъ переговоры не только съ монархами, но даже съ министрами ихъ, которые проводятъ съ нимъ наединѣ по нѣсколькимъ часамъ въ его кабинетѣ въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ часто случается приглашать къ его величеству Метерниха, Веллингтона, Кастельре, Талейрана и другихъ и слышать изъ другой комнаты весьма продолжительные и громкіе ихъ разговоры и споры, изъ коихъ господа снѣ выходили съ столь пламенными лицами, что принуждены бывали отирать съ нихъ потъ. Россія всегда должна будетъ сохранить въ памяти, что она въ важнѣйшее для Европы время имѣла такого государя, который, показавъ великія дарованія въ ратномъ дѣлѣ, на общемъ примиреніи державъ лично велъ переговоры съ иностранными дворами, не страшился возраженій умнѣйшихъ государственныхъ людей ихъ, и торжествовалъ надъ ними не силою, потому что она здѣсь была не у мѣста, но убѣжденіемъ и превосходствомъ умственныхъ своихъ способностей.

Свободное время отъ дѣлъ, а особенно вечера, императоръ любилъ проводить въ кругу женщинъ.

Однажды часомъ въ девять вечера, проходя по темному корридолу вѣнскаго дворца, близъ той комнаты гдѣ я жилъ, я увидѣлъ государя стоявшимъ возлѣ окна. Его величество не могъ примѣтить меня по темнотѣ, но я его узналъ, потому что онъ стоялъ къ свѣту. Я любопытствовалъ о причинѣ, зачѣмъ онъ пришелъ въ сей корридолъ, находящійся въ четвертомъ этажѣ, и услышалъ послѣ, что онъ намѣренъ

былъ идти пить чай къ нашимъ фрелинамъ Стурдзѣ и Валуевой, но напередъ послалъ спросить, дома ли онѣ. Эти госпожи такъ собою непригожи, что посѣщеніе сіе не могло подать никакого подозрѣнія.

Иногда императоръ проводитъ вечера у княгини Волковской и у разныхъ вельможъ вѣнскаго двора. Преимущественно онъ отличалъ молодую княгиню вдову Габриеллу Ауерсбергъ и двухъ графинь Зичи. Съ первою онъ даже сядѣлъ въ однѣхъ саняхъ во время большого придворнаго катанія, а сколь его величество съ двумя послѣдними обращался на короткой ногѣ, можно судить по слѣдующему случаю. Однажды зашелъ у нихъ разговоръ о томъ, кто въ состояніи скорѣе одѣться, мужчина или женщина. Ударились объ закладъ и положили сдѣлать испытаніе въ домѣ одной изъ графинь Зичи, куда отправленъ былъ камердинеръ его величества съ платьемъ. Въ назначенное время для перодѣванія государъ вышелъ въ одну комнату, а графиня въ другую, чтобы переодѣнуть одежду: императоръ выигралъ закладъ.

Въ доказательство того съ какою необыкновенною вѣжливостію императоръ обращается съ иностранцами, прилагаю здѣсь три письма, сочиненныя мною по повелѣнію его величества и которыя потомъ государъ подписалъ; всѣ три къ пруссакамъ: одно къ маіору Шахмейстеру, другое къ маіору Квадту, а третье къ полковнику Нацмеру.

1-е къ маіору Шахмейстеру: «Извѣщаю васъ, что я съ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, въ коемъ приложенъ строевой рапортъ полка, который ввѣренъ мнѣ королемъ. Мнѣ отмѣнно пріятно изъяснить вамъ при семъ случаѣ, сколько сей лестный доводъ дружбы его величества для меня драгоцененъ. Сіе обстоятельство увеличило мою привязанность къ прусской арміи. Я никогда не забуду отличной ея храбрости, которой я толь часто былъ свидѣтель; пріобрѣтенная ею слава безсмертна. Я поручаю вамъ объявить господамъ офицерамъ и храбрымъ гренадерамъ моего полка сіи мои чувствованія, и желаніе мое познакомиться съ ними лично».

2. Маіору Квадту. «Я усмотрѣлъ изъ письма вашего, что его величество король назначилъ васъ начальникомъ 28-го пѣхотнаго полка. Я поздравляю васъ съ симъ, потому что для васъ открывается пространнѣйшее поле обнаружить способности ваши и признанную всѣми вашу любовь къ отечеству. Но въ то же время я жалѣю о потерѣ сей для ввѣреннаго мнѣ полка и я желаю, чтобы вы, оставляя оный, были увѣрены въ моемъ сочувствіи и въ отличномъ моемъ почтеніи».

3. Полковнику Нацмеру: «Я получилъ письмо ваше и поспѣшаю изъяснить вамъ мое удовольствіе узнавъ, что полкъ мой будетъ состоять подъ вашимъ начальствомъ. Король не могъ назначить пріятнѣйшаго

мнѣ бригаднаго начальника, и я не сомнѣваюся, что баталіоны, составляющіе вашу бригаду, предводимы будучи къ славѣ толь отличнымъ офицеромъ, часто будутъ имѣть случай поддерживать славу, пріобрѣтенную ими въ послѣднюю войну».

Цесаревичъ Константиѣ Павловичъ, котораго я довольно часто имѣлъ случай видѣть въ Вѣнѣ, воспитывался вмѣстѣ съ государемъ и раздѣлялъ съ нимъ неудачные походы 1805-го, 1806-го и 1807-го годовъ. Сколь характеры ихъ ни различны, но ихъ соединяють узы тѣснѣйшей дружбы. Цесаревичъ вспыльчивъ, особенно въ молодости былъ горячъ до изступленія, но добръ и откровененъ, а государь ласковъ, но скрытенъ. Первый сохраняетъ въ присутствіи постороннихъ въ обращеніи своемъ съ императоромъ всѣ наружныя знаки подданническаго почтенія; онъ во всемъ подражаетъ государю, его можно назвать первымъ царедворцемъ его величества. Напримѣръ, онъ навѣрное не скажетъ ни слова тому, котораго императоръ не удостоилъ своего разговора, или мимо кого онъ прошелъ не поклонившись и не сказавъ какого привѣтствія.

По приказанію цесаревича Константина Павловича начальникъ штаба его, генералъ Курута написалъ къ князю Волконскому слѣдующее письмо, полученное княземъ сего дня, и которое я здѣсь помѣщаю слово въ слово. Изъ онаго можно видѣть, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находятся оба августѣйшіе брата. «Его императорское высочество цесаревичъ повелѣтъ изволилъ донести вашему сіятельству, что при всевозможномъ строгомъ соблюденіи экономіи въ распорядкѣ домашнихъ издержекъ сталъ безъ гроша, и сіе частію отъ чрезмѣрной дороговизны въ Варшавѣ и частію отъ курса; собственныхъ средствъ въ пособіе не имѣется и одво только есть упованіе на всевысочайшія щедроты и благодѣтели! Его высочество не дерзаетъ трудить государя, но надѣется, что ваше сіятельство изберете счастливую минуту довести до всевысочайшаго свѣдѣнія, и на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорское высочество основываетъ свое упованіе».

Вслѣдствіи сего письма, по которому князь немедленно доложилъ государю, велѣно отправить къ его высочеству пять тысячъ червонныхъ.

Уваровъ есть старшій генералъ-адъютантъ государя, и неоставлявшій его ни на шагъ, во все время царствованія его. Будучи съ начала своей службы извѣстенъ за хорошаго кавалериста, его взяли въ домъ графа Зубова, чтобы имѣть смотрѣніе за лошадьми. При смерти императрицы Екатерины онъ былъ вызванъ изъ Москвы вмѣстѣ съ фамиліей Лопухиныхъ, которыхъ императоръ Павелъ замѣтилъ тамъ во время своей коронаціи. Исправное исполненіе мелочныхъ порученій, на него возлагаемыхъ, какъ напримѣръ, формированіе Кавалергард-

скаго полка, счастье въ женщинахъ, а особливо интрига его съ княгинею Лопухиною, мачихою любимицы государя, княгини Анны Петровны Гагаряной, ознакомили его съ императоромъ Павломъ, который въ самое скорое время произвелъ его въ генераль-лейтенанты. Въ царствованіе Александра онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, пріобрѣлъ всѣ воинскія знаки отличія и чины, но не заслужилъ никакой славы, потому что онъ одаренъ отъ природы менѣе нежели посредственными свойствами и не получилъ никакого образованія; онъ ничего не знаетъ и съ трудомъ умѣетъ писать. Для образа (примѣра) сохраняю я нѣсколько записокъ, которыя онъ ко мнѣ писалъ. Но какъ по чину его и по занимаемому имъ мѣсту часто, особенно на войнѣ, спрашиваютъ его мнѣнія, то отвѣты его бывають самыя ничтожныя и невразумительныя: онъ говоритъ обыкновенно сіи слова:.. «конечно можно, однакожь... надобно подумать... подождать, посовѣтываться, посмотрѣть».

Впрочемъ всѣ отдають справедливость его честности и готовности помогать ближнимъ, и особенно искусству вести себя при дворѣ, пріобрѣтенному двадцатипяти-лѣтнимъ навыкомъ.

Лагарпъ образовался въ школѣ Вольтера и Руссо, Даламбера и Дидеро и посредствомъ ихъ познакомился съ императрицею Екатериною. Правила философовъ твердо начертаны въ чистой душѣ его. По окончаніи воспитанія государя оставалось ему удалиться въ прекрасное отечество свое, слѣдить въ тишинѣ кабинета за поступками питомца своего, и въ важнѣйшихъ случаяхъ подавать ему совѣты. Тогда бы Европа признала въ немъ мудреца, но онъ увлеченъ былъ французскою революціею; его избрали однимъ изъ директоровъ гельветической республики, въ такое время, когда нужны были мѣры жестокости, противу тѣхъ, которые привержены были къ понятіямъ и обыкновеніямъ, освященнымъ такъ сказать вѣками, и которыя не согласовались съ ученіями философовъ. Послѣ сего Лагарпъ жилъ въ Парижѣ, а въ походѣ 1814-го года былъ въ нашей главной квартирѣ и участвовалъ въ политическихъ совѣщаніяхъ.

Онъ одаренъ даромъ слова, и хотя не имѣетъ краснорѣчія, которымъ можно убѣждать въ народныхъ собраніяхъ, но рассказываетъ пріятно. Къ сему способствуютъ ему много привлекательныя черты лица его и благородная и простая его наружность. Онъ имѣетъ болѣе вліянія на государя, нежели кто другой; онъ не объявляетъ его величеству мнѣнія своего прежде, какъ, когда онъ его спроситъ: онъ ему необходимъ, ибо онъ съ нимъ однимъ можетъ говорить откровенно о свободныхъ мысляхъ, которыя поселилъ въ питомцѣ своемъ. Они часто обѣдаютъ двое вмѣстѣ, и тутъ уже никого болѣе не бываетъ. Нѣсколько разъ, когда его приглашали къ столу, государь меня посылалъ къ

нему поутру сказать, что его величество желаетъ непремѣнно, чтобы онъ былъ въ сапогахъ; это ничтожное обстоятельство доказываетъ, что они обращаются совершенно по-дружески: ихъ переписки тоже сіе свидѣтельствуютъ. Мнѣ случалось видѣть нѣсколько записокъ, писанныхъ Лагарпомъ къ государю, на самыхъ маленькихъ лоскуточкахъ бумаги, какъ между искренними пріятелями.

Надобно полагать, что Лагарпъ занимается теперь дѣлами Швейцаріи; я сужу это по перепискѣ его съ разными лицами, которая недавно напечатана, и съ которой князь Волконскій велѣлъ мнѣ по секрету сдѣлать выписки; не трудно догадаться было, что онѣ назначены были для государя. Если его обвиняютъ за то, что онъ республиканецъ, то въ оправданіе его можно сказать, что онъ родился въ республикѣ, и спросить—кого бы не плѣнили тѣ правила, которыя излагаемы были при началѣ французской революціи. Государь всегда былъ съ нимъ въ перепискѣ и сохранилъ къ нему чувство истинной привязанности. Онъ имѣлъ въ жизни своей такія минуты, каковыми еще никто не наслаждался, напримѣръ: когда императоръ вступилъ въ Парижъ, когда вся Европа признала его своимъ спасителемъ, когда всѣ были въ изумленіи отъ его великодушія, тогда онъ сказалъ посреди неслыханнаго до того торжества: «Еслибы не было Лагарпа, то не было бы и Александра».

Императоръ пожаловалъ ему въ Парижѣ орденъ святого Андрея Первозваннаго и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; Лагарпъ сказалъ при семъ случаѣ: «Я принимаю сіи награды, потому что это пріятно государю». Не смотря на то, что онъ находится въ самомъ завидномъ положеніи для частнаго человѣка, пользуясь величайшимъ уваженіемъ за воспитаніе перваго монарха своего вѣка, онъ такъ скромнень въ рѣчахъ и такъ простъ въ обращеніи своемъ, какъ будто бы онъ не выходилъ изъ чреды обыкновенныхъ людей и не принадлежалъ исторіи. Онъ всегда одинаковъ и не забываетъ того разстоянія, которое, по принятымъ правиламъ или существующимъ предрассудкамъ, порою положила между нимъ и окружающими государя особами. Въ придворныхъ собраніяхъ, гдѣ монархи и вельможи всей Европы являются въ возможномъ блескѣ, Лагарпъ становится въ углу залы и обращается одинаковымъ образомъ съ монархами и повелителями народовъ.

Мнѣ рассказывали слѣдующіе анекдоты о Лагарпѣ, во время воспитанія государя случившіеся. Когда онъ началъ преподавать великимъ князьямъ геометрію, то потребовалъ кусокъ мѣла; слуга принесъ ему мѣлъ, обернутый въ позолоченую бумагу, чтобы ихъ величества не замарали себѣ рукъ, но Лагарпъ снялъ позолоченую бумагу и, отдавъ оную слугѣ, сказалъ что это излишне.

Правительство Бернского кантона перехватило въ сіе же время письма, писанныя Лагарпомъ къ соотечественникамъ его, жителямъ кантоновъ, которымъ онъ совѣтовалъ воспользоваться французскою революціею, чтобы отложиться отъ верховной власти Бернского кантона. Правительство сего послѣдняго препроводило сіи письма къ императрицѣ Екатеринѣ, которая, велѣвъ призвать къ себѣ Лагарпа, привѣтствовала его слѣдующими словами. «Здраствуйте господинъ якобинецъ!» и показавъ ему перехваченныя его письма, спросила его, знаетъ ли онъ ихъ?

— Государыня, отвѣчалъ онъ, эти письма писаны мною.

— Какъ же послѣ сего, сказала Екатерина, вы можете воспитывать великихъ князей, которые будутъ напитаны вашими республиканскими правилами?

Я полагаю, отвѣчалъ Лагарпъ, что въ монархическомъ правленіи государь долженъ быть демократомъ, а народъ исполненъ монархическихъ правилъ, посему то я намѣренъ изъ внуковъ вашихъ сдѣлать демократовъ.

Сказываютъ, что отзывъ сей понравился императрицѣ.

Императоръ Павелъ, войдя однажды въ комнату наслѣдника своего, нашель на его столѣ трагедію «Брутъ» Вольтера. Призвавъ его къ себѣ и показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ цесаревичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, «знаетъ ли онъ его?» Конечно Лагарпъ глубоко впечатлѣлъ свои наставленія въ сердцѣ своего питомца, чтобы подобныя угрозы остались безуспѣшными.

Князь Волконскій займетъ, конечно, мѣсто въ исторіи, какъ довѣренная особа императора Александра, неразлучная съ нимъ въ походахъ и въ путешествіяхъ. Онъ находится при государѣ болѣе двадцати лѣтъ и былъ первымъ его адъютантомъ еще при жизни Павла I. Съ тѣхъ поръ онъ состоялъ безпрестанно при его величествѣ и при вступленіи его на престолъ назначенъ его генераль-адъютантомъ. Въ 1808-мъ и 1809-мъ годахъ онъ путешествовалъ по Швейцаріи, Германіи и Франціи, гдѣ особенно обращалъ вниманіе на образованіе главнаго штаба. По возвращеніи въ Россію въ 1810-мъ году, ему поручена была квартирмейстерская часть, устройство которой дѣлаетъ ему большую честь. Въ 1812-мъ году онъ командовалъ небольшимъ отдѣльнымъ отрядомъ въ Псковской и Витебской губерніяхъ, но не имѣлъ случая сдѣлать ничего отличнаго, а только поймалъ нѣсколькихъ французскихъ мародеровъ. Въ октябрѣ того же года былъ онъ посланъ въ Тарутино къ князю Кутузову и находился при разговорѣ сего послѣдняго съ Лористономъ, а въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ былъ начальникомъ штаба государева, въ каковое время гибкость его характера не была совсѣмъ бесполезна въ сношеніяхъ нашихъ съ союзными генералами. Онъ пер-

вый въ замѣкъ Соменью, подалъ предложеніе идти на Парижъ, и это есть единственный подвигъ въ его жизни. Теперь онъ занимаетъ очень важное мѣсто, соединяя въ себѣ званіе начальника штаба и оберъ-гофмаршала.

Природа не одарила его блистательными качествами, онъ не воинъ и не государственный человѣкъ, но способенъ на все, ревностный исполнитель и охотно слушаетъ мнѣніе тѣхъ, которые свѣдущѣ его. Онъ не большого роста, имѣетъ довольно выразительное лицо, быстрый взоръ, крѣпкое сложеніе, умѣренъ въ пищѣ и питіи, но любострастенъ; онъ очень скромнъ, молчаливъ и имѣетъ большое терпѣніе. Онъ недоувѣрчивъ къ людямъ, мало ему извѣстнымъ, но довѣріе его безпредѣльно къ тѣмъ, которыхъ онъ испыталъ или которые умѣютъ взять надъ нимъ поверхность. Характеръ императора ему совершенно извѣстенъ и онъ угадываетъ его мысли; обращеніе его съ его величествомъ вольно, но зато и государь говоритъ ему такія слова, которыя бы можетъ быть не всякій согласился перенести. Онъ до такой степени боится государя, что даже благоговѣетъ къ самимъ погрѣшностямъ его: онъ мнѣ часто даетъ переписывать собственноручныя бумаги императора, который дѣлаетъ много ошибокъ противъ правописанія, и когда я хочу ихъ исправлять, то онъ ни подъ какимъ видомъ на сіе не соглашается, опасаясь получить за сіе выговоръ, или можетъ быть думаетъ симъ сдѣлать оскорбленіе его величеству. Сіе подобострастіе есть лучшая мѣра безхарактерности его и свидѣтельство, что онъ для императора не что иное есть какъ орудіе, слѣпо и безпрекословно повинующееся.

Онъ избѣгаетъ новыхъ знакомствъ по врожденной ему робости, и отъ того, что боится показать недостатокъ своего воспитанія, который онъ старается заглаживать чтеніемъ, особенно таковыхъ сочиненій, которыя описываютъ происшествія нашего времени. Онъ получилъ въ молодости своей столь недостаточное образованіе, что будучи уже въ званіи генераль-адъютанта, нанялъ себѣ учителя русской грамматики. Нельзя отдать довольно справедливости безкорыстію его, любви къ порядку и прилежанію его къ работѣ, которымъ онъ болѣе нежели притворною своею строгостію ободряетъ подчиненныхъ и заставляетъ ихъ неусыпно заниматься тѣмъ, что имъ поручено. Онъ любитъ, чтобы ему такъ же угождали, какъ онъ угождаетъ государю, и чтобы въ такой же степени предупреждали его желанія; но однакоже низости въ окружающихъ его онъ не терпитъ, и самъ имѣетъ отвращеніе къ порокамъ. Въ свободное время онъ занимается охотою и рисованіемъ; ласки любимой его собаки его восхищаютъ; если ему случится купить хорошую географическую карту, то сіе дѣлаетъ его счастливымъ на нѣкоторое время. Онъ набоженъ, не столько потому, что это мода при дворѣ, но болѣе по той причинѣ, что онъ не имѣетъ ни времени, ни

достаточныхъ понятій, ни духа возвышаться мыслию за предѣлы принятыхъ мнѣній. Вотъ человекъ, съ которымъ я живу безпрестанно вмѣстѣ два года, котораго видалъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни, въ горѣ и счастіи, въ радости и въ скукѣ; и не постигаю, какъ съ столь ограниченными способностями онъ могъ сдѣлаться любимцемъ перваго монарха нашего времени.

Достоинство вниманія видѣть между русскими генералами Жюмани. Онъ извлекъ изъ походовъ великихъ полководцевъ начала, по коимъ должно располагать движеніями войскъ, и основалъ на неизблемыхъ правилахъ военную науку, которая до него была въ такомъ же состояніи какъ государственное хозяйство прежде Адама Смита.

Современники признали его классическимъ писателемъ, но нигдѣ не имѣютъ къ нему болѣе уваженія какъ въ русской арміи; у насъ всѣ офицеры, занимающіеся своимъ ремесломъ, напитаны его твореніями. Когда вступили въ лагерь при Дриссѣ, то напечатали, по высочайшему повелѣнію, въ переводѣ и раздавали въ арміи главу изъ его книги объ операціонныхъ линіяхъ. Генералъ квартирмейстеръ Толь говорилъ мнѣ неоднократно въ Тарутинскомъ лагерѣ въ 1812-мъ году, что еслибы онъ не читалъ его сочиненія, то не подалъ бы мысли произвести бокового движенія съ Рязанской дороги на Калужскую.

Жюмани за нѣсколько лѣтъ намѣренъ былъ перейти въ русскую службу, о чемъ вели съ нимъ переговоры тайно посредствомъ нашего посольства въ Мюнхенѣ, но Наполеонъ, провѣдавъ о семъ, велѣлъ ему немедленно явиться въ дѣйствующую армію, отъ чего сношенія его съ нами прекратились. Они возобновлены были во время перемирія въ 1813-мъ году, когда онъ былъ начальникомъ штаба корпуса маршала Нея и такъ какъ не существовало благовиднаго предлога, подъ которымъ бы ему можно было передаться къ намъ, то рѣшились на то, чтобы онъ тайно оставилъ французскую армію. Онъ приводитъ въ оправданіе своего поступка, что онъ не французъ, а швейцарецъ, и слѣдственно могъ по произволу отказаться служить Наполеону, что онъ подавалъ неоднократно просьбы объ отставкѣ, въ чемъ ему отказывали, и наконецъ, что маршалъ Бертъ былъ на него сердитъ и препятствовалъ производству его изъ бригадныхъ генераловъ въ дивизионные. Князь Волконскій руководствовалъ побѣгомъ его въ началѣ августа того года; полковникъ Брозинъ ѣздилъ по сему предмету неоднократно въ непріятельскую армію подъ разными предлогами, а особенно подъ видомъ, будто бы ходатайствовать въ пользу прусскаго партизана Людова, взятаго въ плѣнъ.

Жюмани привезъ намъ тогда важнѣйшее извѣстіе, что Наполеонъ при прекращеніи перемирія не имѣетъ никакого плана наступательнымъ дѣйствіямъ, и что онъ намѣренъ выжидать наше нападеніе и соорозо-

ваться по нашимъ движеніямъ. Его приняли къ намъ въ службу генералъ-лейтенантомъ, назначили чрезъ нѣсколько дней генералъ-адъютантомъ и наградили деньгами, но онъ симъ не былъ доволенъ. Во время пребыванія государя въ Прагъ и похода къ Дрездену въ половинѣ августа того же года, онъ вздумалъ управлять всѣми дѣлами. Обращеніе его съ нашими генералами сдѣлалось дерзко, онъ началъ поступать грубо съ офицерами, отъ чего на него всѣ возроптали, но никто не хотѣлъ, или лучше, не смѣлъ обнаружить ему своего негодованія, ибо онъ въ то время пользовался въ большой степени довѣренностію государя. Генералъ Толь сталъ противорѣчить ему первый въ Теплицѣ послѣ Кульмскаго сраженія; у нихъ произошелъ при мнѣ жаркій споръ по поводу похода 1812-го года, который едва не кончился поединкомъ. Вскорѣ потомъ начались сраженія, во время которыхъ Жюмини подавалъ совѣты, основанные на истинныхъ правилахъ военной науки, но фельдмаршалъ князь Шварцербергъ ихъ отвергалъ почти всегда. 14-го августа, когда мы приближались къ Дрездену и увидѣли находившіяся передъ онымъ французскія войска, то онъ былъ того мнѣнія, чтобы на оныя немедленно напасть и съ ними вмѣстѣ ворваться въ городъ; ему не послѣдовали, хотя по полученнымъ впослѣдствіи извѣстіямъ успѣхъ былъ бы несомнѣнный. На другой день онъ предлагалъ атаковать центръ непріятелей, но сего не исполнили по ничтожному опасенію фельдмаршала Барклая-де-Толли потерять артиллерію, если она, спустясь съ горъ, будетъ потомъ принуждена отступить. Безпрестанныя противорѣчія со стороны австрійцевъ, которые его ненавидѣли, и можетъ быть оскорбленное самолюбіе, заставили его при переходѣ нашемъ чрезъ Рейнъ сказаться больнымъ, и онъ не участвовалъ въ походѣ 1814-го года. Теперь, находясь въ Вѣнѣ, онъ напоминаетъ о себѣ ежеминутными требованіями денегъ, и сдѣлался столь же вѣжливъ, сколь прежде былъ надмененъ. Онъ стоитъ по цѣлымъ утрамъ въ пріемной залѣ у государя. Я сказалъ ему на сихъ дняхъ: «что подумаетъ потомство, когда узнаетъ, что Жюмини въ переднихъ комнатахъ убиваетъ время?»

Графъ О..... сынъ польскаго генерала, повѣшеннаго патриотами въ Варшавѣ 1794-го года, былъ хорошимъ офицеромъ и щеголемъ; онъ обязанъ возвышеніемъ своимъ смерти двухъ своихъ братьевъ, которыхъ убили подъ Фридландомъ, за что назначенъ генералъ-адъютантомъ и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Онъ не имѣетъ никакихъ отличныхъ свойствъ и не приобрѣлъ ни въ арміи, ни между товарищами своими военнаго имени; малую репутацію, которую онъ имѣлъ, потерялъ онъ въ походѣ 1812-го года, гдѣ во время преслѣдованія непріятелей, сіи вырѣзали близъ Краснаго почти весь малый отрядъ имъ предводительствуемый. Не взирая на то государь его до-

вольно жалуется; и онъ въ числѣ самыхъ близкихъ особъ къ его величеству.

Князь Т..... былъ тайнымъ совѣтникомъ, потомъ опредѣлился майоромъ въ военную службу и находился во всѣхъ походахъ сего царствованія, во нгдѣ не отличился. Онъ не имѣетъ никакого вѣса при дворѣ.

Кутузовъ почитался издавна хорошимъ офицеромъ, и поныи слыветъ образцомъ честнаго человѣка; фамилія, которую онъ носитъ, гигантскій ростъ, важность лица его, вѣсъ, который онъ придаетъ русскому имени, все это вселяетъ къ нему съ перваго взгляда уваженіе; но слабость здоровья, преклонность лѣтъ, разстроенное состояніе, недостатокъ въ образованіи не подаетъ надежды, чтобы отечество могло отъ него ожидать услугъ. Честолюбіе его угасло, и онъ не желаетъ болѣе ничего, какъ воспитать прилично дѣтей своихъ и оставить имъ насущный хлѣбъ.

Чернышева можно назвать любимцемъ счастья; ему удалось исполнить самымъ блистательнымъ образомъ всѣ порученія, которыя на него были возлагаемы, какъ во время мира, такъ и войны. Достигнувъ въ двѣнадцать лѣтъ службы до чина генераль-лейтенанта, имя его сдѣлалось извѣстнымъ Россіи и Европѣ. Онъ былъ сперва адъютантомъ Уварова; расторопность, острота ума и пріятная наружность ознакомили его съ государемъ, который началъ его употреблять для дипломатическихъ посылокъ въ разныя земли. Между прочимъ онъ находился два раза и довольно долгое время при Наполеонѣ; сперва въ 1808-мъ году въ Баюнии и въ слѣдующемъ году въ походѣ противъ австрійцевъ. Послѣ Аспернскаго сраженія онъ перѣзжалъ съ императоромъ французскимъ на одной лодкѣ черезъ Дунай. Наполеонъ его отличалъ, и я самъ видѣлъ, въ донесеніяхъ его къ государю, пространные разговоры ихъ, продолжавшіеся болѣе часа. Такъ какъ онъ былъ очень молодъ, то Наполеонъ съ нимъ шутилъ и дралъ его не рѣдко по своему обыкновенію за ухо. Въ походахъ 1812-го, 1813-го и 1814 годовъ онъ не служилъ почти «въ линіи», а начальствовалъ отрядами, коихъ дѣйствія имѣли, по крайней мѣрѣ по рапортамъ его, довольно счастливыя послѣдствія. Занятіе Берлина, Касселя, сраженія при Люнебургѣ, Гальберштатѣ, походъ въ Нидерландахъ, и всѣ его военныя предпріятія свидѣтельствуютъ о его предпримчивости. Онъ храбръ, въ войнѣ дальновиденъ, рѣшительнъ, но заботливъ и отъ сего непріятенъ для своихъ подчиненныхъ. Государь, который къ нему всегда былъ отлично хорошо расположенъ, началъ оказывать ему особенныя милости во время пребыванія нашего въ Парижѣ нынѣшней весной. Онъ одинъ сопровождалъ императора во время посѣщенія его величества императрицы Жозефины, у которой государь проводилъ по цѣлымъ днямъ. Будучи

избалованъ счастіемъ онъ очень самонадѣянъ и посему никто изъ окружающихъ государя не любитъ столь, какъ онъ, разсуждать; онъ охотно говоритъ съ людьми старѣе и опытнѣе его; онъ пишетъ на французскомъ языкѣ со вкусомъ, но плодovито. Завистники его говорили во время похода, что онъ обязанъ нѣкоторою частію свой славы иностраннымъ донесеніямъ своимъ. Государь отличаетъ его болѣе прочихъ генераль-адъютантовъ; за исключеніемъ князя Волконскаго, никто чаще его не входитъ къ императору въ кабинетъ, и онъ одинъ проводитъ съ его величествомъ вечера у здѣшнихъ вельможъ. Что касается до свѣтскаго обращенія, то онъ можетъ служить образцомъ.

Описавъ такимъ образомъ генераль-адъютантовъ, упомяну о находящихся здѣсь генераль-маіорахъ: графъ Потоцкомъ и князь Никитъ Волконскомъ, о флигель-адъютантахъ Брозинъ, Панкратьевъ и Киселевъ; они употребляются только для посылокъ; послѣдніе трое еще молоды, и общають современемъ быть способными людьми. Вотъ подробное описаніе военныхъ, окружающихъ государя въ Вѣнѣ; мнѣ остается теперь сказать только о себѣ, что во время пятимѣсячнаго пребыванія нашего на конгрессѣ я одинъ изъ нихъ занимался работою съ утра до вечера. Находясь въ теченіе послѣднихъ походовъ въ центрѣ всѣхъ операцій я пользовался пріязнью, и что еще болѣе—довѣренностію всѣхъ людей, управлявшихъ ходомъ дѣлъ; одно любопытство удерживаетъ меня въ службѣ и заставляетъ для оной пренебрегать даже своимъ здоровьемъ. Предоставляю судить другимъ, съ успѣхомъ ли я исполнялъ обязанности, возлагаемыя на меня; совѣсть моя чиста—и я доволенъ.

Статсъ-секретарь Марченко находится при государѣ для гражданскихъ дѣлъ, которыми его величество занимается весьма мало, отвѣчаетъ только на самыя нужныя донесенія, и разсматриваетъ такъ называемыя меморіи Комитета министровъ, который въ отсутствіи императора управляетъ государствомъ. Графъ Аракчеевъ покровительствуетъ Марченкѣ, который въ полной мѣрѣ оправдываетъ его выборъ. Онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, но имѣетъ глубокія свѣдѣнія во всемъ, что касается до Россіи. Онъ находился въ многихъ должностяхъ, объѣздивъ почти все наше отечество, и наконецъ былъ губернаторомъ въ Томскѣ. Природа одарила его обширною памятію и плѣнительнымъ краснорѣчіемъ. Онъ пишетъ съ такою же ясностію какъ и говоритъ, объясняется съ государемъ съ смѣлостію, которою подаетъ увѣренность въ себѣ, и какъ истинно дѣловой человѣкъ не ищетъ свисать посредствомъ лесты и угожденій знакомства вельможъ. Ему около тридцати пяти лѣтъ, наружность его столь же благородна, сколь и чувства его, о которыхъ я потому такъ отзываюсь, что знаю ихъ, ибо я провожу съ нимъ почти всѣ свободныя минуты отъ должности.

II.

Иностранцы подъ названіемъ русскаго дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ.— Причины отсутствія русскыхъ въ составѣ дипломатовъ.— Уполномоченные на конгрессѣ: графъ Нессельроде, графъ Разумовскій и Штапельбергъ.— Дѣлопроизводители: Авштетъ, графъ Капо-д'Истрія и Поцо-ди-Борго.— Баронъ Штейнъ и князь Козловскій.

Россия являетъ единственный примѣръ въ мірѣ, что дипломатическій корпусъ ея состоитъ большею частію изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ, и немногіе изъ нихъ бывали въ Россіи—далѣе Петербурга. Сосчитавъ по адресъ-календарю нынѣшняго года всѣхъ чиновниковъ, употребленныхъ Россіею въ различныхъ посольствахъ, я нашелъ, что ихъ семьдесятъ три человѣка, между которыми только шестнадцать русскыхъ именъ. Фуль, Поцо, Капо, Тейль, вотъ странный подборъ именъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ посланниковъ; Фуль—въ Голландіи, Поцо-ди-Борго—въ Парижѣ, Капо-д'Истрія—въ Швейцаріи, а Тейль-фонъ-Сераскеркенъ—въ Неаполѣ. Но сіе обстоятельство, которому нѣтъ примѣровъ въ другихъ государствахъ, не доказываетъ ли истиннаго величія Россіи, которой могущество таково, что для нея равно, кто бы ни былъ ея представителемъ, ибо всему свѣту извѣстно, сколь Россія непоколебима. Даже нѣтъ надежды, чтобы въ нашъ вѣкъ мѣста русскыхъ министровъ при чужестранныхъ дворахъ были заняты настоящими русскими, по той причинѣ что молодые люди, служащіе при различныхъ посольствахъ, и слѣдственно готовящіеся со временемъ заступить высшія дипломатическія степени, происходятъ изъ фамилій иностранныхъ, частію изъ Остзейскихъ губерній, частію изъ поселившихся въ Петербургѣ въ теченіе XVIII-го столѣтія. Этотъ классъ людей получаетъ обыкновенно хорошее воспитаніе, но оно основано на космополитическихъ правилахъ. Они много знаютъ, но ничего не чувствуютъ къ Россіи. Умъ ихъ и память обогащены познаніями, но душа ихъ и сердце не напитаны истинною любовію къ отечеству, привязанностію къ престолу и уваженіемъ къ русскимъ нравамъ и обычаямъ. Петръ Великій положилъ къ тому начало, основавъ столицу въ Петербургской губерніи, гдѣ нѣтъ почти кореннаго русскаго дворянства, которое бы тамъ поселилось, ибо страна сія принадлежитъ Россіи не съ большимъ сто лѣтъ; суровый климатъ ея не привлекаетъ къ себѣ никого; въ сѣверную столицу пріѣзжаютъ только для чиновъ, для мѣстъ, для двора, по дѣламъ, и рано или поздно оттуда удаляются во внутренность имперіи, тѣмъ охотнѣе, что надобно имѣть огромное состояніе, чтобы постоянно жить въ Петербургѣ, въ такъ называемомъ лучшемъ кругѣ. Живя въ отдаленныхъ губерніяхъ дворянство не имѣетъ въ сто-

лицѣ сѣй ни связей, ни родства, слѣдовательно лишено покровителей, которые бы старались о помѣщеніи въ дипломатическій корпусъ дѣтей ихъ, а сіи, съ другой стороны, получаютъ слишкомъ поверхностное воспитаніе, чтобы быть съ пользою и со славою употребленными въ ономъ. Сверхъ того любимая страсть къ военному ремеслу привлекаетъ все русское юношество подъ знамена Марса, слѣдовательно всѣ сіи обстоятельства препятствуютъ тому, чтобы видѣть въ скоромъ времени настоящихъ русскихъ представителями Россіи при чужестранныхъ дворахъ.

Живя долго въ Вѣнѣ я былъ въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ нашими чиновниками, употребленными по иностранной части, и находилъ, что ни одного изъ нихъ нельзя сравнить съ первыми министрами прочихъ европейскихъ державъ, какъ то: съ Метернихомъ, съ Талейраномъ и подобными, что же касается до обращенія ихъ, то они столь ловки и непринужденны, каждое слово ихъ и поступокъ кажутся толь хорошо обдуманъ и расчитаны, что они никому не уступаютъ.

Меня всегда поражало, до какой степени русскіе дипломаты пренебрегаютъ нашимъ языкомъ. Имъ не можетъ служить извиненіемъ то обстоятельство, что они иностранцы, ибо выучаться по-русски не трудно, а знать языкъ величайшей державы въ свѣтѣ, соприсяжующей ихъ къ сынамъ своимъ и довѣряющей имъ тайны своя, есть непремѣнная обязанность. Безпечность ихъ въ семъ отношеніи невѣроятна, и даже не всѣ природные русскіе, служащіе по дипломатической части, знаютъ твердо по-русски, напримѣръ графъ Головкинъ съ затрудненіемъ объясняется по-русски, и что удивительнѣе, сего имъ не приписываютъ къ стыду. Не знаю, бывалъ ли подобный примѣръ въ мірѣ.

Отъ неуваженія къ отечественному языку происходитъ небреженіе отечественныхъ нравовъ и ко всему русскому. Между прочимъ я пошелъ однажды въ Вѣнѣ въ нашу посольскую церковь; меня повели по темной лѣстницѣ во второе жилье дома, стоящаго въ узкой и тѣсной улицѣ, и сказали: здѣсь ваша церковь. Неужели, подумалъ я, нельзя условиться съ австрійскимъ правительствомъ, чтобы для исповѣдыванія вѣры обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи соорудить въ Вѣнѣ храмъ, въ которомъ бы соотечественники наши могли всенародно возсылать мольбы свои ко Всевышнему? Единовѣрцы наши, тутъ находившіеся, принадлежали къ фамиліямъ князей Долгорукихъ, Прозоровскихъ, Голицыныхъ, Волконскихъ, Оболенскихъ, Гагариныхъ, Италійскихъ, Смоленскихъ, и не менѣе знатнаго рода Нарышкиныхъ, но когда я началъ вслушиваться въ разговоры ихъ и до меня доходили только одни французскія слова, то я легко понялъ, отчего не представлялась имъ, и слѣдственно еще менѣе дипломатамъ нашимъ, вовсе или мало знающимъ по-русски, мысль подобная той, которая меня тогда занимала.

Три особы уполномочены съ нашей стороны на конгрессѣ: графы Нессельроде, Разумовскій и Штакельбергъ.

Первый изъ нихъ сначала былъ офицеромъ Конной гвардіи и адъютантомъ императора Павла, служилъ потомъ при посольствахъ въ Голландіи и во Франціи, а теперь находится три года безотлучно при государѣ. Онъ роста малаго, худощавъ, близорукъ и черты лица его непріятны, потому что на нихъ изображено всегда какое то неудовольствіе. Отъ сихъ недостатковъ и отъ того, что онъ лишень дара слова, столь необходимаго въ занимаемомъ имъ мѣстѣ, происходитъ у него робость въ обращеніи, даже въ самыхъ разговорахъ. Онъ мало учился, ибо рано вступилъ въ службу, и не знаетъ основательно ни одного языка, но мелкія дѣловыя бумаги пишетъ довольно хорошо на французскомъ. Возвышеніе его удивляетъ и русскихъ и иностранцевъ, и оному полагаютъ главною причиною, что государь, имѣя столь посредственнаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, желаетъ тѣмъ обнаружить, что онъ самъ управляетъ сею частію. Нессельроде не имѣетъ своего собственнаго мнѣнія и слѣпо исполняетъ повелѣнія государя; рассказываютъ, что въ одномъ бывшемъ недавно засѣданіи конгресса Костельре, Талейранъ и Метернихъ начали съ нимъ спорить, противились какому то предложенію имъ сдѣланному и просили его объяснить имъ причины въ защиту мнѣнія его.

— Господа, отвѣчалъ онъ, я нахожу справедливыми ваши возраженія и совершенно согласенъ съ вами, но государю моему угодно противное.

За справедливость сего происшествія я не могу ручаться, но полагаю что оно и ложно, то уже тѣмъ самымъ, что его разглашаютъ доказывається, сколь мало уважаютъ Нессельроде. Думаютъ, что женитьба его на дочери министра финансовъ Гурьева способствовала къ его возвышенію. Онъ неразлученъ съ княземъ Волконскимъ, съ которымъ отиѣнно друженъ; кажется, что обоюдная ихъ посредственность соединяетъ ихъ. Въ Петербургѣ на ихъ сторонѣ кромѣ тестя его, Гурьева, министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ и оберъ гофъ-маршалъ графъ Толстой, которой находился двадцать лѣтъ при императорѣ, но съ нынѣшняго года не значить болѣе ничего.

Если природа была къ нему (Нессельроде) не щедра, то съ другой стороны счастье ему улыбнулось въ полной мѣрѣ; ни одинъ изъ министровъ не находился въ подобномъ ему выгодномъ положеніи. Онъ поступилъ въ 1812-мъ году въ званіе статсъ-секретаря по иностранной части, и пріѣхалъ по истребленіи непріятелей въ Россіи съ государемъ въ главную квартиру, находившуюся въ Вильнѣ и перешедшую потомъ въ Калишъ. Тогда Пруссія и прочія державы искали союза съ Россією и желаніе ихъ потрести съ нашею помощію иго, ихъ угнетавшее, возра-

стало по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ. Въ семъ пріязненномъ расположеніи державъ Нессельроде велъ съ ними переговоры, и чѣмъ успѣхи нашего оружія далѣе распространялись, тѣмъ удобнѣе было заключать съ ними союзы. Съ сего времени вѣдомости наполнялись именемъ его, иностранцы осыпали его орденами и подарками и онъ началъ дѣлаться извѣстнымъ. Но во многихъ договорахъ онъ несоблюдалъ выгоды Россіи, какъ напримѣръ въ условіяхъ о продовольствіи нашихъ войскъ во время прохода ихъ чрезъ чужестранныя владѣнія и въ трактатѣ съ Англіею о денежныхъ пособіяхъ; читая оный нельзя не вспомнить, какъ благоразумно поступилъ государь Павелъ Петровичъ въ подобномъ случаѣ, дѣлая высадку въ Голландію въ 1799-мъ году. Въ 1813-мъ году къ сожалѣнію не токмо русскихъ, но и многихъ другихъ державъ, въ общемъ европейскомъ союзѣ уступлено намъ первенствующее лицо Австріи, отъ чего война едва не сдѣлалась для вселенной столь же пагубною, сколь она, благодаря мудрости государя принесла пользы. Но при вступленіи въ Парижъ Россія опять восторжествовала, и государя нашего признали диктаторомъ Европы. Не находилось человѣка въ мірѣ, котораго бы положеніе уподоблялось тому, чѣмъ Александръ былъ въ Парижѣ. Покоривъ силою неприятелей своихъ, онъ сдѣлался посредникомъ между нихъ и между державъ, съ ними воевавшихъ; всѣ просили его быть рѣшителемъ многолѣтнихъ распрей ихъ, справедливость его была признана даже врагами его, а за безкорыстіе его ручались самыя выгоды безпредѣльной и могущественной имперіи его, которую всякое распространеніе могло только ослабить. Дома Бурбоновъ, Бонапарте и нѣмецкихъ владѣтелей видѣли въ немъ одномъ своего покровителя, но въ Вѣнѣ, какъ о семъ упомянуто уже было прежде, мы снова лишили его первенства, чего бы не допустилъ вѣроятно другой министръ на мѣстѣ Нессельроде.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, славившійся искуснымъ дипломатомъ въ царствованіе Екатерины и Павла, былъ нѣкогда достойнымъ посломъ Россіи въ Неаполѣ, въ Стокгольмѣ и въ Вѣнѣ. Онъ человѣкъ надменный и умный, росту высокаго, имѣетъ выразительныя черты лица, обращеніе его самое свѣтское, и онъ слылъ въ свое время красавцемъ; увѣряютъ, что онъ пользовался особенною благосклонностію королевъ неаполитанской и шведской. Онъ сохранилъ по сихъ поръ важную наружность и сказываютъ, что ни одинъ посолъ лучше его не поддерживалъ знаменитости двора имъ представляемаго блескомъ своего дома и приличнымъ обращеніемъ съ иностранцами. Онъ удалился отъ службы въ началѣ царствованія нынѣшняго государя, и появился вновь на дипломатическомъ поприщѣ на Шатильонскомъ конгрессѣ. Жаль, что онъ отрекся, такъ сказать, отъ Россіи, потому что поселился навсегда въ Вѣнѣ, женился на нѣмкѣ, вступилъ въ родъ

ственные связи въ австрійцами, выстроилъ великолѣпный домъ въ Вѣнѣ, мостъ на Дунаѣ, купилъ въ Австрійи помѣстья и окружень единственно иностранцами, ибо при немъ нѣтъ ни одного русскаго.

Ужели отечество наше обѣднѣло до того искусными людьми, что надлежитъ прибѣгать къ помощи тѣхъ, которые отъ него отказались?

Графъ Штакельбергъ, котораго родитель былъ при императрицѣ Екатеринѣ славнымъ министромъ и довершилъ покореніе Польши, образовался при отцѣ своемъ, получилъ отмѣнное воспитаніе и былъ много употребленъ въ дѣлахъ. Ему лѣтъ около пятидесяти, видъ его не важенъ, онъ росту малаго, но лицо его показываетъ человѣка умнаго; онъ имѣетъ благородную душу, но характера подозрительнаго; онъ хорошій отецъ семейства, и во все время конгресса у него былъ лучшій домъ. Въ обращеніи своемъ съ императоромъ онъ не имѣетъ робости Нессельроде, но зато рѣдко бываетъ у его величества.

Сверхъ сихъ трехъ членовъ конгресса, находятся трое занимающіеся дѣлами, а именно Анштетъ, графъ Капо-д'Истрія и Поцо-ди-Борго.

Анштетъ хотя и равнаго чина съ Нессельродомъ, но состоитъ подъ его начальствомъ. Онъ уроженецъ изъ Страсбурга, имѣетъ помѣстья въ Польшѣ и не знаетъ нашего языка. Служа болѣе двадцати лѣтъ по дипломатической части, онъ приобрѣлъ обширныя познанія въ дѣлахъ и почитается весьма способнымъ человѣкомъ; отдають особенную справедливость его перу. Онъ презираетъ Нессельроде и не скрываетъ сего чувства, особенно когда разгорячится крѣпкими напитками, что съ нимъ случается нерѣдко. Его любятъ въ бесѣдахъ за остроту его шутокъ, но боятся колкости его отвѣтовъ. Самъ Метернихъ опасается его насмѣшекъ. Недавно Анштетъ былъ боленъ и началъ выздаравливать, чего Метернихъ не зналъ, и встрѣтясь на улицѣ съ однимъ изъ русскихъ, спросилъ «каковъ Анштетъ?»

— Нѣтъ надежды, сказалъ русскій.

— Что же такое, спросилъ Метернихъ?

— Онъ выздоровѣлъ, отвѣчалъ нашъ землякъ.

Въ помощь графу Разумовскому данъ графъ Капо-д'Истрія, родомъ изъ Ионическихъ острововъ, который вступилъ въ нашу службу во время похода адмирала Сенявина; до 1813-го года онъ былъ въ неизвѣстности, во время Отечественной войны онъ состоялъ при арміи Чичагова, и когда войска адмирала поступили подъ начальство Барклая де-Толли, то и Капо-д'Истрія перешелъ къ нему. Во время Рейхенбахскаго перемирія занятія его состояли въ томъ, чтобы играть въ бостонъ съ супругою фельдмаршала Барклая-де-Толли, которая какъ женщина низкаго происхожденія и безъ всякаго воспитанія, была часто предметомъ насмѣшекъ. Онъ умѣлъ воспользоваться неспособностію Нессельроде, и его по сей причинѣ начали употреблять, особенно во время

пробыванія нашего въ Парижѣ, откуда онъ былъ посланъ министромъ въ Швейцарію и по открытіи конгресса вызванъ въ Вѣну. Всѣ соглашались, что онъ глубокомысленъ и дальновиденъ; довѣренность къ нему государя, кажется, возрастаетъ ежедневно. Онъ получилъ въ молодости изрядное образованіе, готовился быть докторомъ медицины, судить логически и имѣть даръ слова, наружность его привлекательна. Неоспоримымъ доказательствомъ его дарованій служить то, что онъ былъ въ отечествѣ своимъ лѣкаремъ, а теперь русскимъ министромъ.

Посланникъ нашъ при парижскомъ дворѣ Поцо-ди-Борго родомъ корсиканецъ. Онъ перешелъ въ російскую службу вмѣстѣ съ графомъ Капо-д'Истрія во время похода Сенавина въ Средиземномъ морѣ и до 1813-го года не былъ употребленъ въ важныхъ порученіяхъ. Я помню какъ въ сіе время, будучи полковникомъ и находясь въ нашей главной квартирѣ, на него никто не обращалъ вниманія. Въ 1813-мъ году онъ состоялъ при особѣ шведскаго наслѣднаго принца, но когда мы вступили въ Парижъ, то онъ былъ уполномоченъ при учрежденномъ тамъ временномъ правительствѣ. Государь произвелъ его въ генераль-адъютанты и съ тѣхъ поръ всѣ заговорили о необыкновенномъ умѣ его и способностямъ, чѣмъ онъ обязанъ, равно и возвышеніемъ своимъ, дипломатической нотѣ, поданной имъ въ Шомонѣ во время Шатильонскаго конгресса, въ которой онъ старался доказать, что ежели желаютъ имѣть прочный миръ, то оный долженъ быть основанъ на изгнаніи съ престоловъ фамиліи Наполеона, и на возведеніи на оныя Бурбоновъ и другихъ домовъ, царствовавшихъ прежде революцій (*les souverains légitimes*). Онъ дѣятеленъ, имѣетъ пылкое воображеніе, хитръ и проныцателенъ, какъ всѣ иностранцы, достигшіе сами собою до возвышенныхъ мѣстъ. Говорятъ, что онъ получаетъ жалованье отъ англичанъ и по сему долженъ быть имъ преданъ; усумниться въ послѣднемъ значить полагать, что десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ менѣе нежели десять тысячъ рублей ассигнаціями.

Сии шесть особъ занимаютъ на конгрессѣ дѣлами Россіи; къ нимъ должно присовокупить барона Штейна, отмѣнно уважаемаго всѣми, который хотя и не находится въ службѣ ни одной державы, но пользуется большимъ довѣріемъ императора. Онъ носитъ мундиръ прусскій, ордена на немъ русскіе, домъ у него въ Прагѣ, а помѣстья на Рейнѣ и въ Польшѣ. Онъ сдѣлался извѣстенъ управленіемъ финансовъ въ Берлинѣ; а наиболѣе тѣмъ, что послѣ паденія монархіи Фридриха Великаго и пораженія Германія, былъ начальникомъ тайныхъ обществъ, образовавшихся тамъ для низложенія владычества французовъ. Наполеонъ обнаружилъ тогда, что Штейнъ есть врагъ всеобщаго спокойствія, присвоилъ себѣ его помѣстья и объявлялъ, чтобы его предали суду и казнили, гдѣ только его поймутъ. Онъ скрылся первоначально въ

Австрію, а въ 1811-мъ или 1812-мъ годахъ прибылъ въ Россію, гдѣ государь принялъ его самымъ отличнымъ образомъ. Онъ отправился съ его величествомъ въ Вильну, а по изгнаніи непріятелей изъ Россіи находился при нашей главной квартирѣ. Во время походовъ 1813-го и 1814-го годовъ ему поручено было управленіе земель, занятыхъ союзными войсками. Онъ сильно противился возстановленію Бурбоновъ. Окружающіе государя почитаютъ его оракуломъ, и во время походовъ въ сомнительныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ обращались къ его ссвѣтамъ. Онъ имѣетъ необыкновенныя познанія, обширную память, говоритъ много и очень скоро, откровенно дѣятеленъ и предприимчивъ.

Я бы могъ описать еще и другихъ нашихъ дипломатовъ, находящихся въ Вѣнѣ, но никто изъ нихъ кромѣ приведенныхъ выше не имѣетъ вліянія на дѣла конгресса. Я не могу однако же пропустить въ молчаніи посланника нашего при Туринскомъ дворѣ князя Козловскаго, одного изъ ученѣйшихъ и самыхъ оригинальныхъ нашихъ соотечественниковъ. Онъ теперь министромъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника, чему у насъ, гдѣ нѣрѣдко достоинства измѣряются по табели о рангахъ, не бывало примѣра, кромѣ посольства въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ министромъ былъ надворный совѣтникъ Дашковъ. Государь обратилъ на него свое вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Сардиніи. Донесенія его были столь хорошо написаны, размышленія его и основанныя на нихъ догадки на будущее время, касательно особенно Испанской войны, столь справедливы, что императоръ пожелалъ его лично узнать и онъ былъ передъ Отечественною войною высланъ въ Россію. Съ глубокими познаніями въ исторіи, политикѣ и словесности, ибо онъ читаетъ въ оригиналѣ и Гоція, и Данте, и Адама Смита, и Клопштока, чему у насъ примѣры рѣдки, съ необыкновенною обширною памятью, которая дѣлала бесѣды его для меня очаровательными, соединяетъ онъ обжорство, неопрятность и почти дѣтскую безпечность. Краснорѣчіе его составляло предметъ удивленія англичанъ, когда онъ по принятому у нихъ обыкновенію говорилъ рѣчи за продолжительными ихъ обѣдами, а либерализмъ его простирался до того, что онъ въ Англіи дружилъ только съ членами оппозиціонной партіи и неоднократно отъ нашего двора получалъ замѣчанія быть въ рѣчахъ своихъ осторожнѣе и скромнѣе.

— Часто ли обѣдалъ ты у принца-регента, спросилъ я его однажды?

— Я избѣгалъ его общества, отвѣчалъ онъ, и стыдился быть за его столомъ, parce que sa société était de mauvais ton.

Онъ часто меня навѣщалъ, просиживалъ у меня до глубокой ночи и плѣнял меня своею бесѣдою; онъ сказалъ мнѣ однажды, что англичане до такой степени уважаютъ государя, что увѣряли, что выбрали

бы его величество въ король, еслибы англійскій престолъ былъ избира-
 тельный. Слѣдующія слова, сказанныя княземъ Козловскимъ англича-
 намъ, должны остаться для насъ незабвенными: «Господа, ваши коро-
 ли стремились всегда къ умноженію своей власти и къ присвоиванію
 себѣ правъ, которыя принадлежать народу, но у насъ совершается
 совсѣмъ противное: императоръ даруетъ свободу, но народъ ее отвер-
 гаетъ».

Однимъ изъ отличныхъ людей нашего дипломатическаго корпуса по-
 читаютъ посланника нашего при шведскомъ дворѣ, графа Сухтелена.
 Государь сказалъ про него: «Этотъ человѣкъ хочетъ быть другомъ и
 Бога и чорта», но онъ не находится въ Вѣнѣ, а живетъ въ Стокгольмѣ.

Заключаю здѣсь описаніе нашихъ дипломатовъ: я бы могъ болѣе
 распространиться о семъ предметѣ, но изъ всего сказаннаго мною
 удобно можно имѣть понятіе о семъ сословіи. Повторю только, что изъ
 шести чиновниковъ нашихъ, занимающихся на конгрессѣ, одинъ толь-
 ко природный русскій, то есть графъ Разумовскій, да и тотъ отъ Рос-
 сіи, какъ мы видѣли, почти отрекся; двое лифляндцевъ: графы Нессель-
 роде и Штакельбергъ, одинъ эльзасецъ—Анштетъ, одинъ корсиканецъ—
 Поццо-да-Борго и одинъ корфіотъ—Капо-д'Истрія.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

Императоръ Александръ I.

(Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера).

Ein jeder sucht sich endlich selbst was aus,
Wer vietes bringt, wird manchem etwas bringen.

Goethe (Faust).

е такъ давно вышелъ четвертый и послѣдній томъ обширнаго труда Н. К. Шильдера: «Императоръ Александръ первый, его жизнь и царствованіе». Само заглавіе этого труда показываетъ, что онъ посвященъ ближайшимъ образомъ исторіи собственно самого императора Александра. И, дѣйствительно, онъ представляетъ собою богатый, разнообразный, подчасъ, совершенно новый матеріалъ для характеристики остававшейся до нынѣ загадочною личности императора Александра, къ которому относятся слѣдующіе стихи князя П. А. Вяземскаго:

Сфинксъ, неразгаданный до гроба!
О немъ и нынѣ спорятъ вновь:
Въ его любви таилась злоба,
А въ злобѣ слышалась любовь.
Дитя, осьмнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ:
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ.

Пользуясь даннымъ труда Н. К. Шильдера постараемся очертить характеръ Александра I такимъ, какимъ онъ вырисовывается на основаніи историческихъ фактовъ.

I.

Дѣтство и ранняя юность Александра Павловича протекали въ рѣдко счастливыхъ условіяхъ: его нянькой, товарищемъ игръ, портнымъ, гувернанткой и учителемъ была его бабка, Великая Екатерина. Какими заботами окружала она его, какъ гордилась своимъ «господиномъ Александромъ», объ этомъ свидѣлствуютъ ея письма къ Гримму. Но заботы императрицы о своемъ внугѣ были чужды безсмысленнаго баловства и были направлены исключительно на разумное развитіе его физическихъ и духовныхъ силъ. Она писала, что не желаетъ, чтобы изъ него сдѣлали хорошенькую куклу. Разказы Екатерины о воспитаніи Александра являются цѣлымъ курсомъ педагоги, проникнутымъ трезвостью взгляда. Особенно она заботилась о развитіи его природенныхъ качествъ. «Что касается Александра, писала она, предоставьте его самому себѣ; зачѣмъ хотите вы, чтобы онъ размышлялъ и зналъ все именно такъ, какъ размышляли и знали до него. Учиться не трудно; но, по моему, нужно, чтобы голова ребенка была развита прежде, чѣмъ станутъ набивать ее хламомъ прошедшаго, и изъ этого хлама надо строго разбирать то, что ему сообщать. Боже мой, чего не сдѣлала природа, того не дастъ никакое ученіе, но ученіе часто заглушаетъ природную остроту, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди, натертые умомъ и знаніемъ, какъ говорила покойная г-жа Жофрень».

«Естественности, немножко естественности, писала она Гримму на третій день послѣ рожденія старшаго внука,—а ужъ опытность додѣлаетъ почти все остальное».

Письма Екатерины къ Гримму объ Александрѣ проникнуты такою горячею любовью, что она всѣ свои помыслы, всю страсть своей натуры сосредоточивала на этомъ младенцѣ, въ которомъ рано привыкла видѣть залогъ благоденствія Россіи. Весь свой умъ она вкладывала въ дѣло воспитанія своего внука, снисходя даже до составленія ему азбуки, сказокъ, учебниковъ.

Азбука, сочиненная Екатериной для Александра, показываетъ, въ какомъ духѣ она предполагала вести воспитаніе будущаго самодержца Россіи, и откуда творецъ Священнаго союза почерпнулъ начала туманнаго либерализма, которымъ онъ руководился въ первое время по восшествіи своемъ на престоль. «Вотъ уже два мѣсяца сообщала Екатерина Гримму въ маѣ 1780 года, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять, для моего развлеченія, предназначенную для господина Александра маленькую азбуку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ, видѣвшіе ее, отзываются о ней очень хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для

взрослыхъ. Сначала ему говорится безъ обиняковъ, что онъ, малютка, родился на свѣтъ голый, какъ ладонь, что всѣ такъ рождаются, что по рожденію всѣ люди равны, что только познанія производятъ между ними безконечное различіе, и потомъ, нанизывая одно изреченіе за другимъ, какъ бисеръ, мы переходимъ отъ предмета къ предмету. У меня только двѣ цѣли въ виду; одна—раскрыть умъ для внѣшнихъ впечатлѣній, другая—возвысить душу, образуя сердце. Моя азбука начинена картинками, но все это наглядно и ведетъ къ цѣли».

Неудивительно поэтому, что подъ вліяніемъ заботъ Екатерины объ Александрѣ онъ сталъ развиваться очень рано, сталъ обнаруживать удивительное воображеніе, рѣдкія любознательность и жадность къ познаніямъ, соединенныя съ природною привѣтливостью. Уже черезъ двадцать мѣсяцевъ Александръ проявлялъ стараніе нравиться,—черта составлявшая его особенность въ продолженіе всей его жизни.

Но заботясь объ умственномъ и нравственномъ развитіи своего любимца, Екатерина старалась, чтобы оно не шло въ ущербъ физическому развитію, чтобы умственный трудъ уравнивался физическимъ, и мальчикъ—великій князь—занимался различными ремеслами: копалъ землю, сѣялъ горохъ, капусту, пахалъ, боронилъ, грѣбъ.

Какъ извѣстно, окружающій дѣтей женскій персоналъ оказываетъ большое вліяніе на ихъ воспитаніе: слова, согрѣтыя женскою ласкою, легче западаютъ въ душу дитяти. Няня Александра Павловича, англичанка родомъ, Геслеръ, осталась не безъ вліянія на характеръ своего питомца; она передала ему первыя хорошія привычки и наклонности, и отъ нея онъ усвоилъ любовь къ порядку, простотѣ и опрятности.

Нравственный идеалъ, къ которому Екатерина хотѣла приблизить какъ Александра, такъ и Константина, воспитывавшихся вмѣстѣ, вылился у нея въ слѣдующей собственноручной замѣткѣ.

«Изучайте людей, писала Екатерина,—старайтесь пользоваться ими, не вѣряясь имъ безъ разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя-бы оно было на краю свѣта; по большей части, оно скромно и прячется въ отдаленіи; добродѣтель не выказывается изъ толпы, она не отличается ни жадностью, ни желаніемъ выказаться, о ней забываютъ.—Никогда не окружайте себя льстецами; дайте почувствовать, что вамъ противны восхваленія и самоуничиженія. Оказывайте довѣренность лишь тѣмъ людямъ, у которыхъ хватить храбрости въ случаѣ надобности вамъ возражать, и которые отдадутъ предпочтеніе вашему добродушію имени предъ вашею милостію.—Будьте мягки, челоуколюбивы, доступны, сострадательны и либеральны; ваше величіе да не препятствуетъ вамъ добродушно снисходить къ малымъ людямъ и ставить себя въ ихъ положеніе, такъ, чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни ихъ почтенія; выслушайте все, что хоть сколько нибудь за-

служиваетъ вниманія; пусть видятъ, что вы мыслите и чувствуете такъ, какъ вы должны мыслить и чувствовать; поступайте такъ, чтобы люди добрые васъ любили, злые боялись и всѣ васъ уважали. Храните въ себѣ тѣ великія душевныя качества, которыя составляютъ отличительную принадлежность человѣка честнаго, человѣка великаго и героя; страшитесь всякаго коварства, прикосновеніе со свѣтомъ да не помрачить въ васъ античнаго вкуса къ чести и добродѣтели. Недостойные принципы и злое лукавство не должны имѣть доступа къ вашему сердцу. Великіе люди чужды двоедушія; они презираютъ связанныя съ этимъ низости».

Но какъ ни высокъ былъ нравственный идеалъ, который великая государыня хотѣла воплотить въ своемъ любимомъ внуку, какими заботами ни обставляла она его младенчество и раннюю юность, въ воспитаніи Александра недоставало одного элемента—отца и матери. Умная проникательная Екатерина, при всей своей любви къ внуку, упустила изъ виду одно, что нельзя безнаказанно идти противъ природы, нельзя отчуждать дѣтей отъ родителей. Подрастая, Александръ сталъ понимать всю ложность своего положенія между бабукою, съ одной стороны, и отцомъ и матерью—съ другой. Къ тому-же, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна представились ему въ видѣ обиженныхъ и оскорбленныхъ... Инстинктивно онъ сталъ становиться на сторону отца и матери и обвинять свою великую бабуку... Къ сожалѣнію, постепенно усиливавшееся нерасположеніе къ ней лично онъ перенесъ и на ея дѣянія, не понявъ того дѣла, которое она творила для Россіи, не усвоивъ ея широкихъ политическихъ горизонтовъ. Впослѣдствіи, сдѣлавшись императоромъ, онъ даже отказывалъ въ уваженіи ея памяти.

Съ переходомъ въ 1783 году великаго князя Александра въ мужскія руки, къ нему былъ представленъ для занятій французскимъ языкомъ швейцарецъ Лагарпъ, республиканецъ по убѣжденіямъ, преисполненный гуманными идеями XVIII вѣка, человѣкъ неподкупной честности и независимаго характера. Но Лагарпъ не могъ удовольствоваться подобной скромной ролью. Вскорѣ по своемъ опредѣленіи къ великимъ князьямъ онъ представилъ императрицѣ записку, «какъ-бы педагогическую исповѣдь», въ которой высказалъ свое настоящее призваніе быть наставникомъ и изложилъ въ подробности, какіе предметы и при помощи какихъ пособій онъ можетъ и долженъ, по его мнѣнію, преподавать великимъ князьямъ. Въ своей запискѣ Лагарпъ остановился между прочимъ съ особеннымъ вниманіемъ на томъ значеніи, которое представляетъ изученіе исторіи.

«Будущій правитель, писалъ Лагарпъ, не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ, ни юристомъ и т. д. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ».

и просвѣщеннымъ гражданиномъ и знать преподаваемые ему предметы настолькоъ, чтобы понимать ихъ настоящую цѣну и имѣть ясное сознание обязанностей, лежащихъ на монархѣ, въ рукахъ котораго счастье и несчастье многихъ милліоновъ. А какая же наука можетъ развить гражданское чувство болѣе, нежели исторія? Всякій гражданинъ, желающій приносить пользу своей странѣ своимъ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, обязанъ изучить исторію. Тѣмъ болѣе обязанность эта лежитъ на будущемъ правителѣ. Но надобно направить ея изученіе такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ почерпнуть въ немъ вредныя начала. Не слѣдуетъ никогда забывать, что Александръ Македонскій, одаренный прекраснымъ геніемъ и блестящими качествами, опустошилъ Азію и совершилъ столько ужасовъ единственно изъ желанія подражать героямъ Гомера, подобно тому, какъ Юлій Цезарь изъ подражанія этому самому Александру Македонскому совершилъ преступленіе, сокрушивъ свободу своего отечества. И въ наше время неблагоразумное чтеніе Квинта Курція обратило одного сѣвернаго государя, одареннаго впрочемъ геройскими качествами, въ тирана своихъ подданныхъ и въ бича многихъ милліоновъ людей».

Касаясь въ своей запискѣ познанія тѣхъ началъ, на которыхъ основаны правильно устроенныя человѣческія общества, Лагарпъ говоритъ: «Всякому доброму гражданину необходимо ознакомиться съ этими началами, а тѣмъ болѣе будущему правителю слѣдуетъ своевременно проникнуться ими. Онъ увидитъ, что когда-то, по крайней мѣрѣ, существовало между людьми равенство, и если обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, то это отнюдь не случилось съ цѣлью предоставить человечество со связанными ногами и руками прихотямъ одного человѣка, и что существовали самодержавные государи, настолькоъ великодушные и правдивые, чтобы всенародно объявить своимъ подданнымъ: «Мы за славу себѣ почитаемъ сказать, что мы сотворены для нашихъ народовъ».

Высказанныя Лагарпомъ въ запискѣ мысли, отвѣчавшія собственнымъ взглядомъ Екатерины, плѣнили ее. Она написала на ней: «Дѣйствительно, кто сочинилъ подобную записку, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ». Этимъ была рѣшена дальнѣйшая судьба Лагарпа.

Назначеніе Лагарпа не было встрѣчено сочувственно при дворѣ, такъ какъ въ немъ видѣли якобинца, республиканца. Вполнѣ естественно, что былъ недоволенъ этимъ и Павелъ Петровичъ. Онъ три года сряду не разговаривалъ съ Лагарпомъ, отворачивался отъ него при встрѣчахъ, и упоминая о немъ въ разговорѣ съ дѣтьми, спрашивалъ: «Что, этотъ якобинецъ все еще при васъ?» Но Лагарпъ могъ чувствовать себя совершенно спокойно подъ защитой Екатерины, которая го-

ворила ему: «Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно. Я вижу, что вы честный человѣкъ и этого мнѣ довольно».

Назначеніе Лагарпа имѣло рѣшающее значеніе на мировоззрѣніе и характеръ Александра, а слѣдовательно и на судьбу Россіи въ царствованіе послѣдняго.

Преклоняясь передъ высоко-нравственнымъ обликомъ Лагарпа, въ то же время нельзя не признать на основаніи всей жизни императора Александра, что вліяніе и роль его, при всей ихъ такъ сказать теоретической возвышенности и безупречности, способствовали развитію въ Александрѣ такихъ сторонъ характера, которыя наложили неизгладимую печать на все его царствованіе и помѣшали ему занять въ ряду русскихъ государей то мѣсто, которое готовила ему въ своихъ помыслахъ его великая бабка.

Овладевъ сердцемъ Александра, Лагарпъ говорилъ ему о правахъ и обязанностяхъ человѣка и государя, будилъ въ немъ благородныя стремленія, проповѣдывалъ ему о всеобщемъ равенствѣ и любви, о благѣ человѣчества, о началахъ правды и справедливости. Но онъ не зналъ Россіи, не могъ понимать поэтому ни ея роли среди этого человѣчества, ни ближайшихъ нуждъ русскаго народа, а поэтому не могъ уяснить ихъ своему питомцу. Ежедневно унося его воображеніе въ область возвышенныхъ отвлеченностей, онъ при вліяніи на Александра, такъ сказать, становился между нимъ и русскою дѣйствительностью. Конечно, совершенно помимо своей воли, Лагарпъ воспитывалъ въ немъ не только космополита, но и человѣка, привыкавшаго пренебрежительно относиться ко всему русскому, такъ какъ, по мѣрѣ ознакомленія съ русскою жизнью, онъ не находилъ въ ней того, о чемъ ему внушала Лагарпъ. Съ другой стороны, пренебреженіе ко всему русскому естественно порождало пристрастіе ко всему нерусскому. И, сдѣлавшись императоромъ, Александръ сражался за интересы Пруссіи, боролся за чуждое Россіи дѣло, благодѣтельствовалъ Польшѣ, отдавалъ Финляндіи коренныя русскія области и мечталъ о созданіи великаго княжества Литовскаго. До какой степени впоследствии онъ былъ способенъ отдѣлять себя отъ Россіи, доказываютъ слова, сказанныя имъ въ 1814 году княгинѣ Чарторыжской: «У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ—это я».

Подъ вліяніемъ рѣчей Лагарпа Александръ «человѣчество любилъ», но, сталкиваясь съ людьми, «человѣка презиралъ». И эта любовь къ отвлеченному человѣчеству и презрѣніе къ живому человѣку жили въ немъ во всю жизнь, причемъ послѣднее чувство съ теченіемъ времени лишь усиливалось и укрупнялось.

Тотъ же Лагарпъ способствовалъ развитію въ характерѣ Александра одной особенноти, производящей крайне непріятное впечатлѣніе—недо-

вѣрія къ людямъ, дѣлавшаго Александра крайне подозрительнымъ, при чемъ эта подозрительность еще усиливалась его глуховатостью на одно ухо.

Въ одномъ мѣстѣ читаннаго имъ Александру курса исторіи Лагарпъ говоритъ: «лучшій и, можетъ быть, единственный другъ правителя— сила его собственной разсудительности, помощью которой онъ взвѣшиваетъ доводы своихъ министровъ, совѣты друзей и похвалы царедворцевъ». Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, Лагарпъ старался вселить въ Александра мысль, что онъ истинныхъ друзей имѣть не можетъ.

Къ сожалѣнію, это недоувѣріе Александра къ окружающимъ его людямъ получило такое развитіе, что Лагарпъ ужаснулся бы, если бы только могъ подозрѣвать это. Можно съ полною увѣренностью сказать, что при его характерѣ, открытомъ и благородномъ, онъ отшатнулся бы отъ своего питомца.

Забросить въ душу Александра сѣмя недоувѣрчивости къ людямъ или способствовать проростанію его, если оно было закинуто туда природою, было тѣмъ болѣе неосторожно со стороны Лагарпа, что Александръ съ дѣтства отличался скрытностью. Эту черту подмѣтилъ въ немъ воспитатель великаго князя Константина Павловича Остенъ-Сакенъ: «Онъ тихъ, робокъ, скрытенъ», записалъ онъ о немъ въ 1786 г.

Совѣты Лагарпа о недоувѣрїи къ окружающимъ должны были по дѣйствовать на Александра тѣмъ болѣе могущественнымъ образомъ, что вся обстановка, среди которой онъ росъ и воспитывался, способствовала развитію въ немъ скрытности и двойственности. «Хотя Екатерина и была, повидимому, полновластной распорядительницею воспитанія великаго князя Александра, пишетъ Н. К. Шильдеръ, но она не имѣла возможности совершенно отстранить отъ него вліяніе родителя. Для вѣрной оцѣнки характера Александра, какимъ онъ проявился впоследствии, во время его самодержавства, нельзя упустить изъ виду это обстоятельство; историку его времени не слѣдуетъ забывать, что ему суждено было провести дѣтство и юность между двумя противоположными полюсами: гениальной бабкой и гатчинской кордегардіей. Привязанности Александра съ раннихъ лѣтъ мучительнымъ образомъ дѣлились между Екатериною и его родителями; ему приходилось угождать то одной, то другой сторонѣ и безпрестанно согласовать несхожіе вкусы, взгляды, скрывая вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости свои чувства. Все способствовало къ тому, чтобы поставить его съ дѣтства между молотомъ и наковальней. Ему никогда не удалось отрѣшиться во всѣхъ своихъ начинаніяхъ отъ нѣкоторой присущей ему двуличности и скрытности, соединенныхъ съ недоувѣріемъ вообще къ людямъ—недостатки, развивавшіеся подъ вліяніемъ совершенно исключительной обстановки, среди которой онъ возмужалъ. Такимъ образомъ въ умѣ Александра вполне

естественнымъ образомъ постепенно вкоренялась неизбѣжная двойственность въ дѣлахъ и мысляхъ, которая преслѣдовала его затѣмъ въ продолженіе всей его жизни. Обстоятельства постепенно вытѣснили изъ его дѣтскаго сердца откровенность и искренность, замѣнивъ ихъ скрытностью и притворствомъ. Явилось самообладаніе, соединенное съ извѣстной долей притворства, умѣніе владѣть собою и способность удовлетворять противоположныя требованія, заявляемыя окружавшей его средою. Проявляемый Александромъ въ этихъ случаяхъ «тактъ», который онъ усвоилъ себѣ съ дѣтства, вызывалъ всеобщія похвалы и одобренія. Алкивиадъ умѣлъ быть изнѣженнымъ афиняниномъ въ Афинахъ и суровымъ спартацемъ въ Спартѣ; это же умѣніе съ юныхъ лѣтъ усвоилъ и великій князь. Екатерина, восхищаясь своимъ любимцемъ, при свойственной ей наблюдательности, должна была замѣтить нѣкоторую уклончивость въ его характерѣ — объ этомъ свидѣтельствуетъ ея переписка, но она старалась давать этой уклончивости благопріятное объясненіе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ императрица писала между прочимъ:

«Мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего чрезвычайно любимъ окружающими... Когда я съ нимъ заговорю о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ; заставляю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны и я также».

Помимо того, все, что Александру приходилось выслушивать отъ Павла Петровича, старавшагося искоренить въ умѣ своихъ дѣтей внушенія Лагарпа, «весьма мало согласовалось или, лучше сказать, совершенно расходилось съ наставленіями Екатерины и невольно водворяло смуту въ неустановившемся еще міросозерцаніи Александра». Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ при полученіи какихъ-либо извѣстій о новыхъ ужасахъ, сопровождавшихъ французскую революцію, цесаревичъ говорилъ сыновьямъ: «вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками», Екатерина рассуждала съ внукомъ о правахъ человѣка и читала съ нимъ французскую конституцію, разъясняя ему всѣ статьи ея и причины, приведшія къ революціи.

Будь Александръ натура цѣльная, прямая, онъ открыто высказалъ бы свои истинныя симпатіи, сталъ бы на ту или другую сторону. Но этому препятствовало его постоянное желаніе нравиться всѣмъ. Уже его дѣтскія письма обнаруживаютъ въ его характерѣ ласковую вкрадчивость. Подъ вліяніемъ всего этого онъ приучался лавировать, приспособляться. Еще въ 1792 году Протасовъ писалъ о немъ, что «замѣчаетъ въ его высочествѣ лишнее самолюбіе, и оттого упорство въ мнѣніяхъ своихъ, и что онъ во всемъ будто увѣрять и преувѣрять человѣка, когда захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая хитрость, ибо въ затмеваніи

истивы и въ желаніи быть всегда правымъ, неминуемо нужно присту-
пать къ подлогамъ».

Двойственность характера Александра съ особенной яркостью вы-
ступила когда, 16-го сентября 1796 года, Екатерина высказала ему
свои предположенія о престолонаслѣдіи, имѣя въ виду устранить Павла
Петровича. Въ отвѣтъ на это, письмомъ отъ 24-го сентября, Александръ
разсыпался въ благодарностяхъ, писалъ, что даже своею кровью будетъ
не въ состояніи отплатить за все то, что императрица уже соблагово-
лила и еще желаетъ сдѣлать для него. Между тѣмъ, пишетъ Н. К.
Шильдеръ, «достоверно, что Александръ не сочувствовалъ планамъ Ека-
терины, и что мечты, занимавшія въ то время умъ великаго князя, увле-
кали его совершенно на другой путь, чѣмъ тотъ, который предначер-
тала и готовила державная бабка своему любимцу. Одно лицо слышало
отъ него по этому поводу слѣдующія достопамятныя слова: «Если вѣрно,
что хотятъ посягнуть на права отца моего, то я съумѣю уклониться отъ
такой несправедливости. Мы съ женою спасемся въ Америку, будемъ
тамъ свободны и счастливы, и про насъ больше не услышатъ».

Старанія Лагарпа сблизить Александра съ отцомъ принесли для
Россіи горькіе плоды: гатчинскій дворъ и его войска, «устроенныя по
прусскому образцу и походившія на живую карикатуру уже отжившихъ
свое время фридриховскихъ порядковъ», развивали въ Александрѣ ме-
лочной милитаризмъ, превращали военную службу въ какую-то дѣтскую
забаву. По этому поводу авторъ пишетъ: «Гатчинская кордегардія при-
вила Александру еще другое зло: увлеченіе фронтомъ, солдатской вы-
правкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ
въ выправкѣ существенную сторону военного дѣла и свыкнувшись съ
подобнымъ взглядомъ, онъ перешеголялъ, впоследствии, въ этомъ искус-
ствѣ даже своего брата Константина и довелъ выправку до небывалаго
совершенства».

Такимъ образомъ, міровоззрѣніе и характеръ Александра складыва-
лись подъ вліяніемъ столь противоположныхъ элементовъ, какъ гумани-
тарныя, возвышенныя воззрѣнія Екатерины и Лагарпа—съ одной сто-
роны и гатчинская кардегардія цесаревича—съ другой. Помимо того,
враждебность дворовъ—петербургскаго и гатчинскаго, особенно способ-
ствовала развитію разныхъ интригъ, происковъ, низкопоклонства. Маль-
чикъ, чуткій и наблюдательный отъ природы, не могъ не замѣчать
этого, и почувствовалъ отвращеніе къ окружавшей его обстановкѣ. От-
вращеніе это доходило до того, что въ немъ зародилось даже желаніе
совсѣмъ отказаться отъ той будущности, которую предназначало ему его
рожденіе. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ В. П. Кочубею: «Мое поло-
женіе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для
моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокой-

♦

ствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ на каждомъ шагу для полученія вышнихъ отличій, не стоящихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ, наприиѣръ, князь Зубовъ, Пассекъ, князь Барятинскій, оба Салтыковы, Мятлевъ и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже и называть, и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ.

«Вотъ, дорогой другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, что это нѣчто такое, за что я могъ бы дорого заплатить... Я обсудилъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ придти къ рѣшенію, на которомъ остановился.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимоверный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человеку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія? Это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого непригляднаго поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отреченія) поселиться, съ женою, на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человекомъ, полагая свое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы».

Юность, способная проникаться подобными взглядами и мечтами, требуетъ сочувственнаго отклика, ощущаетъ потребность дѣлиться своими чувствами и мыслями. На этой-то почвѣ произошло сближеніе Александра съ Чарторыжскими, Новосильцовымъ, Кочубеемъ. Въ частности съ Чарторыжскими сближалъ его взглядъ на польскій вопросъ, приписаніе образа дѣйствій Екатерины. Онъ прямо высказывалъ князю Адаму, что всѣ его желанія были на сторонѣ Польши и имѣли предметомъ успѣхъ ея славной борьбы; что онъ оплакивалъ ея паденіе, что

Костюшко, въ его глазахъ, былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости. «Онъ сознался мнѣ,—пишетъ Чарторыжскій,—что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Ему онъ былъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ; въ особенности онъ обязанъ ему тѣми началами правды и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастье носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ г. Лагарпъ».

Однако, при всей привязанности Чарторыжскаго къ Александру, онъ вскорѣ сталъ критически относиться къ мечтательному либерализму юнаго великаго князя, который «подъ обаяніемъ едва начинавшейся молодости создавалъ себѣ образы, угѣшалъ себя ими, не затрудняясь препятствіями, и строилъ безконечные планы для будущаго». По свидѣтельству Чарторыжскаго, мнѣнія его соответствовали взглядамъ воспитанника 89-го года, который желалъ бы всюду видѣть республику и признаетъ эту форму правленія единственною, сообразною съ желаніями и правилами человѣчества».

Подобнаго рода бесѣды, смѣнявшіяся мечтами о сельскихъ занятіяхъ, жизни простой и тихой на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и живописной, заслужили со стороны Чарторыжскаго названіе «политическихъ бредней», неприличныхъ для великаго князя, котораго ожидало отвѣтственное бремя правленія. Къ тому же эти «политическія бредни» совмѣщались у Александра съ несомнѣннымъ увлеченіемъ гатчинскою кордегардіею, придерживавшеюся совершенно противоположныхъ взглядовъ, и это обстоятельство невольно ослабляетъ въ глазахъ потомства значеніе его юношескихъ грезъ.

Тѣмъ временемъ, почти неожиданно скончалась великая Екатерина, и четыре года павловскаго царствованія произвели коренной переворотъ въ намѣреніяхъ Александра.

Съ воцареніемъ императора Павла, Александръ, по собственному его призванію, сталъ «терять все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера». Помимо того, онъ не могъ не сознавать положенія, въ которомъ очутилась Россія послѣ кончины императрицы Екатерины. Вотъ что онъ писалъ Лагарпу уже въ сентябрѣ 1797 года, когда не прошло даже года со времени восшествія на престолъ Павла Петровича:

«Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покой-

ной императрицѣ; они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здорově и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть. Наконецъ, въ минувшемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною, и которыя, къ несчастью, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ, по вступленіи на престолъ, захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящими; но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

«Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ—благо-состояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами; существуетъ только неограниченная власть, которая все говоритъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, не малую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ—заслуги здѣсь не причемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи».

Такимъ образомъ, положеніе Россіи, «не поддающееся описанію», страхъ, которымъ Александръ сталъ проникаться передъ своимъ отцомъ, опасенія за собственную безопасность, пристрастіе Павла къ вызванному имъ въ Россію принцу Евгенію Виртембергскому, несомнѣнное намѣреніе Павла объявить его своимъ наслѣдникомъ,—все это, вмѣстѣ взятое, не только подготовило почву для согласія Александра на предложенія графа Панина о мѣрахъ къ измѣненію установившагося порядка, но и произвело извѣстный переворотъ въ намѣреніяхъ самого великаго князя. Подъ вліяніемъ заботъ о благѣ Россіи онъ пересталъ мечтать объ отказѣ отъ будущности, когда его собственная личность стояла бы внѣ всякихъ посягательствъ на нее. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ только что упомянутомъ нами письмѣ его къ Лагарпу: «Вамъ уже давно извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, а затѣмъ и несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда либо при-

детъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ либо безумцевъ».

Отрѣшившись отъ своей мысли отказаться отъ престола, Александръ сплотилъ вокругъ себя тѣсный кружокъ друзей—Адама Чарторыжскаго, Строгонова и Новосильцова, задававшійся конечною цѣлью—«даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тирани». Прежде всего они занялись изданіемъ переведенныхъ на русскій языкъ различныхъ «полезныхъ» книгъ, которыя положили бы «начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ». Нетерпѣливая молодость клала свой отпечатокъ на всѣ ихъ начинанія: такъ, еще во время торжествъ по случаю коронаціи Павла, Александръ поручилъ князю Адаму Чарторыжскому составить проектъ манифеста на случай своего вступленія на престолъ съ возвѣщеніемъ его намѣреній въ моментъ принятія имъ верховной власти. Чарторыжскій послѣ долгихъ отказовъ исполнилъ волю Александра и написалъ требуемый манифестъ. По его собственнымъ словамъ, «то былъ рядъ разсужденій, въ коихъ я говорилъ о неудобствахъ образа правленія, существовавшего дотолѣ въ Россіи, и о всѣхъ выгодахъ другого, который Александръ намѣревался ей даровать, о благодѣяніяхъ свободы и справедливости, которыми ей предстояло пользоваться по устраненіи стѣсненій, препятствовавшихъ ей благоденствію, и, наконецъ, о рѣшимости его, по совершеніи сего высокаго подвига, сложить съ себя власть, дабы тотъ, кто будетъ признанъ наиболѣе ея достойнымъ, могъ упрочить и усовершенствовать начатое имъ великое дѣло».

Проектъ Чарторыжскаго привелъ въ восторгъ Александра, но самъ Чарторыжскій не обманывался на счетъ истиннаго значенія своего сочиненія. «Мнѣ незачѣмъ объяснять, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—въ какой степени всѣ эти прекрасныя разсужденія, эти фразы, которыя я старался, по мѣрѣ возможности, связать одну съ другою, были мало пригодны для примѣненія къ дѣйствительности».

Чарторыжскому пришлось убѣдиться въ справедливости своихъ словъ ранѣе, чѣмъ, навѣрное, онъ могъ разсчитывать.

Взаимныя отношенія Александра и Павла быстро портились. Александръ испытывалъ передъ отцомъ какую-то робость, смѣшанную со страхомъ, блѣднѣлъ и дрожалъ какъ только Павелъ взглядывалъ на него сердито. Однажды Павелъ прямо напомнилъ ему объ участи цесаревича Алексѣя, когда, внезапно войдя въ его комнату, нашель на его столѣ трагедію Вольтера «Брутъ», оканчивающуюся, какъ извѣстно, словами Брута:

„Rome est libre: il suffit
Rendons grâces aux dieux!“

Положеніе Александра, какъ уже упомянуто выше, сдѣлалось особенно затруднительно послѣ пріѣзда въ Россію герцога Евгенія Виртембергскаго и несмотря на то, что онъ прилагалъ всѣ усилія не возбуждать неудовольствія со стороны отца. Аббатъ Жоржелъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Александръ жилъ съ женою очень уединенно; ему служили только преданныя императору лица. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ никого и съ иностранными министрами и вельможами не разговаривалъ иначе, какъ въ присутствіи отца. Но ничто не помогало. Недовѣріе и подозрительность Павла Петровича къ своимъ старшимъ сыновьямъ дошли наконецъ до того, что 11-го марта 1801 года ихъ водили въ церковь присягать въ вѣрности, а затѣмъ оба они были посажены подъ домашній арестъ.

На слѣдующій день Александръ уже сталъ императоромъ Россіи.

Когда въ первомъ часу пополудни съ 11-го на 12-е марта 1801 г. графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла, горестъ Александра Павловича была неописанная. Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ Михайловскомъ замкѣ войскамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. «Довольно разыгрывать ребенка! сказалъ Паленъ. Ступайте царствовать, покажитесь гвардіи». Исполнивъ желаніе военнаго губернатора, новый государь въ сопровожденіи Константина Павловича перѣхалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа пополудни.

II.

Міровое значеніе какого-нибудь историческаго лица часто опредѣляется однимъ отдѣльнымъ дѣломъ, какъ-бы составляющимъ его историческое призваніе. Такимъ дѣломъ для Александра, главною цѣлью, наполнявшею его жизнь—явилась его борьба съ Наполеономъ. Въ этой борьбѣ, веденной имъ съ рѣдкими настойчивостью и упорствомъ, онъ проявилъ всю гибкость своей природы, всѣ отличавшія его особенности. Прослѣдить за нимъ во всѣхъ фазисахъ этой болѣе чѣмъ десятилѣтней борьбы, потребовавшей высшаго напряженія всѣхъ его душевныхъ силъ,—лучшее средство ознакомиться съ истиннымъ характеромъ «царя-сфинкса».

Исходной точкой борьбы Александра съ Наполеономъ слѣдуетъ счи-

татъ 1805 годъ, но первоначальное нерасположеніе Александра къ Наполеону относится къ болѣ раннему времени. Оно кроется въ юношескихъ воззрѣніяхъ государя, привитыхъ ему Лагарпомъ и побуждавшихъ его видѣть въ немъ «знаменитѣйшаго изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи». Одно дѣтски-наивное разочарованіе еще болѣе усилило это нерасположеніе. По восшествіи Александра на престолъ Наполеонъ поспѣшилъ прислать въ Петербургъ миссію съ Дюрокомъ во главѣ, чтобы привѣтствовать новаго императора. По разсказу князя Чарторыжскаго, Александръ былъ въ восторгѣ увидѣть наконецъ французовъ пресловутой революціи, которыхъ онъ считалъ еще республиканцами; государь взиралъ на нихъ съ любопытствомъ и участіемъ: онъ столько слышался про нихъ, такъ часто о нихъ думалъ! И онъ, и великій князь Константинъ испытывали живѣйшее удовольствіе, именуя ихъ въ разговорѣ «citoyen», названіе, которымъ—какъ полагалъ Александръ—они гордились. Но это привѣтствіе оказалось вовсе не по вкусу посланцамъ Бонапарта; они были вынуждены нѣсколько разъ протестовать, что во Франціи не принято болѣе именоваться гражданами,—и это обстоятельство должно было неприятно подѣйствовать на юныхъ мечтателей. Не могло остаться неизвѣстнымъ Александру и убѣжденіе Лагарпа, составившееся у него къ 1802 году—что искреннія сношенія между нимъ, Александромъ и Наполеономъ невозможны, такъ какъ со стороны перваго—законность, справедливость, либеральныя идеи и человѣколюбіе, а со стороны втораго—двуличіе, непомѣрное властолюбіе и преслѣдованіе либеральныхъ идей. Съ особенною искренностью Александръ выразился въ одномъ изъ своихъ разговоровъ съ графомъ Кочубеемъ (еще въ 1801 году), когда, говоря о первомъ консулѣ и Талейранѣ, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: «какіе мошенники!» Нерасположеніе къ Наполеону не поддавалось даже обѣщаніямъ выгодъ, которыя сулилъ онъ Россіи. На предложенія въ этомъ смыслѣ, сдѣланныя Дюрокомъ, Александръ отвѣчалъ, что ему лично ничего не нужно, что онъ желаетъ только содѣйствовать спокойствію Европы.

Съ особенной наглядностью истинное отношеніе Александра къ Наполеону сказалось въ назначеніи въ Парижъ представителемъ Россіи Моркова, который по своимъ характеру и убѣжденіямъ могъ довести дѣло лишь до разрыва съ Франціей, какъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Все изложенное указываетъ, какое значеніе могли имѣть всѣ любезности и дружественныя завѣренія, которыя Александръ расточалъ передъ Дюрокомъ по адресу Наполеона и Франціи. Причины побуждавшія его дѣйствовать подобнымъ образомъ, съ полной откровенностью высказаны имъ въ письмѣ къ Моркову отъ 4-го ноября 1801 года, въ

которомъ онъ, одобряя въ общемъ характеръ его отношеній къ Наполеону, совѣтовалъ ему тѣмъ не менѣе избѣгать всего, что могло-бы «дать поводъ къ какимъ либо неприятнымъ раздробленіямъ съ правленіемъ столь заносчивымъ, каково есть французское, и съ коимъ тѣмъ осторожнѣе поступать должно, что въ настоящемъ положеніи вещей не существуетъ способовъ укротить оное... Вы легко ощутите, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и пока обстоятельства настоящія продолжатся, не остается ничего другого дѣлать».

Когда наконецъ къ исходу 1803 года, Морковъ до такой степени обострилъ свои отношенія къ Наполеону, что нельзя было не отозвать его, Александръ и здѣсь не упустилъ случая сдѣлать неприятное Наполеону: Морковъ, въ прощальной аудіенціи, откланивался Наполеону въ только-что полученной имъ лентѣ св. Андрея Первозваннаго.

Послѣ отозванія Моркова разрывъ съ Франціей становился неизбежнымъ. Въ особенности къ войнѣ съ Наполеономъ побуждало Александра желаніе выступить на міровой сценѣ въ какой-либо грандіозной роли, отвѣчавшей тому, чѣмъ онъ начитался, и что было внушено ему Лагарпомъ. Желаніе это искусно поддерживалось и разжигалось въ немъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, хорошо знавшимъ всѣ слабости своего царственнаго друга. Въ то время этому пылкому поляку-патріоту было поручено руководство русской внѣшней политикой, и онъ задался цѣлью, втянувъ Россію въ войну съ Наполеономъ, возстановить польское королевство. Преслѣдуя подобныя намѣренія, Чарторыжскій указывалъ Александру, что единственная политика въ грандіозномъ стилѣ, достойная такого монарха, заключается въ томъ, чтобы пробудить въ Европѣ чувство солидарности и уваженія къ международному праву, и, ставъ во главѣ коалиціи, поднять знамя во имя высшихъ принциповъ; что для того, чтобы низвергнуть колосса, недостаточно присутствія одной военной силы, а необходимо противопоставить политикѣ завоеванія принципы справедливости и законности. При этомъ Чарторыжскій доказывалъ, что ключемъ положенія, первымъ укрѣпленіемъ, которымъ необходимо заблаговременно овладѣть въ этой борьбѣ идеи и принциповъ, является Польша. По этому, по мнѣнію Чарторыжскаго, прежде всего надо было предупредить въ польскомъ вопросѣ инициативу Наполеона и провозгласить возстановленіе польскаго королевства. Такимъ образомъ Россія сдѣлалась бы охранительницею международного права, порядка и свободы и внесла бы въ область міровой политики справедливость и евангельскія начала.

Поводомъ къ окончательному разрыву съ Франціей послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ 1804 году отрядъ французскихъ войскъ увезъ изъ баденскихъ владѣній герцога Энгіенскаго, а 9-го марта 1804 года, послѣ произведен

наго для формы суда, послѣдній потомокъ Конде былъ разстрѣлянъ во рву Венсенскаго замка. Возмущенный подобнымъ образомъ дѣйствій Наполеона, Александръ пригласилъ всѣ нѣмецкія державы протестовать по поводу нарушенія неприкосновенности предѣловъ Германіи. Положеніе, занятое Россіей въ данномъ вопросѣ, вызвало со стороны Талейрана ноту, наносившую личное оскорбленіе Александру и затрогивавшую его самое больное мѣсто. Въ этой нотѣ какъ бы проводилась параллель, между событіемъ 9-го марта 1804 года и событіемъ 11-го марта 1801 года и образомъ дѣйствій въ соотвѣтственномъ случаѣ Наполеона и Александра. Подобнаго оскорбленія Александръ, всю жизнь преслѣдуемый призракомъ 11-го марта 1801 года, не могъ забыть, и оно послужило зародышемъ непримиримой ненависти Александра къ Наполеону.

Хотя причинами подготовлявшейся войны въ указѣ, данномъ Сенату 1-го сентября 1805 года по случаю объявленнаго рекрутскаго набора, выставялись «безопасность имперіи», «святость союзовъ», и «желаніе», составлявшее «единственную и непремѣнную цѣль» государя—«водворить въ Европѣ на прочнымъ основаніяхъ миръ»,—но зародившаяся въ Александрѣ ненависть къ Наполеону не могла удовлетворяться долго подобными отвлеченостями и для своего воплощенія естественно искала болѣе реальной цѣли. Здѣсь Александру представились два пути: война съ Наполеономъ при содѣйствіи поляковъ (осуществленіе плана Чарторыжскаго) и война съ Наполеономъ при содѣйствіи Пруссіи. Въ концѣ-концовъ Александръ совершенно неожиданно рѣшился на послѣднее, принявъ на себя защиту интересовъ Пруссіи и придавъ такимъ образомъ реальный смыслъ своей ненависти къ Наполеону.

Роль защитника интересовъ Пруссіи являлась для Александра тѣмъ болѣе естественной, что онъ съ давнихъ поръ былъ расположенъ къ Пруссіи. Причины этого расположенія несомнѣнно кроются въ пристрастіи Александра къ «мелочамъ военной службы» на фридриховскій образецъ, привитомъ увлеченіями Павла Петровича. При первой же возможности послѣ своего вступленія на престолъ Александръ поспѣшилъ на свиданіе съ королемъ прусскимъ. Свиданіе это, произошедшее въ Мемелѣ, имѣло для Россіи роковыя послѣдствія: оно обусловило направленіе внѣшней политики Александра вплоть до исчезновенія съ политической арены Наполеона.—«Именно въ Мемелѣ, говоритъ Н. К. Шильдеръ, положено было прочное основаніе личной дружбѣ Александра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, дружбѣ, которой король впослѣдствіи былъ обязанъ сохраненіемъ своей монархіи; но, къ сожалѣнію, для достиженія этой великодушной цѣли сохраненія, а потомъ и возстановленія прусскаго могущества, потребовались потоки русской крови.

Нельзя не замѣтить, что въ роковыхъ послѣдствіяхъ мемельскаго свиданія можно прослѣдить такъ же, какъ и во многомъ другомъ, вредное вліяніе, обнаруженное гатчинскимъ воспитаніемъ на возрѣнія императора Александра; именно оно, и ничто другое, привило государю нѣкоторое предпочтеніе къ Пруссіи и къ ея королю, воплѣтѣ согласовавшееся съ унаслѣдованными имъ отцовскими политическими преданіями. Поэтому нельзя удивляться, если современники повѣствуютъ намъ о томъ, что Александръ заранѣе восторгался предстоявшимъ ему счастьемъ увидѣть наконецъ славныя прусскія войска, о коихъ былъ издавна самаго высокаго мнѣнія: намѣченная же въ 1802 году поѣздка представляла ему, сверхъ того, удобный случай расширить пріобрѣтенныя уже обширныя свѣдѣнія въ дѣлѣ строевого обученія, выправки и парадовъ, въ которыхъ онъ усматривалъ существенную сторону военнаго дѣла.

«Кромѣ того, по мнѣнію князя Чарторыжскаго, Александръ радовался также знакомству съ прекрасною королевою и возможности познакомиться передъ нею и иностраннымъ дворомъ».

Расположеніе къ Пруссіи было настолько сильно, что даже Чарторыжскому, въ планы котораго входила война Россіи съ Пруссіей, не удалось поколебать его; напротивъ того, Александръ приложилъ всѣ усилія, чтобы дорогою цѣною купить ея содѣйствіе цѣлямъ коалиціи противъ Наполеона; для достиженія этого, онъ нарочно заѣзжалъ въ Берлинъ въ октябрѣ 1805 года. И вотъ, во время этого посѣщенія одно обстоятельство, обусловленное ненавистью Александра къ Наполеону, окончательно опредѣлило дальнѣйшее направленіе русской политики. Во время послѣдняго ужина у короля Фридриха-Вильгельма Александръ выразилъ сожалѣніе, что оставляетъ Потсдамъ, не воздавши дани уваженія останкамъ Фридриха Великаго. «На это еще хватитъ времени», отвѣтилъ король. Вставши изъ-за стола, оба монарха и королева Луиза въ полночь спустились въ склепъ, освѣщенный свѣчами. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія Александръ прикоснулся устами къ гробу, поцѣловалъ его, протянулъ руку королю и королевѣ и поклялся имъ и королевскому дому въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой будетъ освобожденіе Германіи.

Александръ сдержалъ клятву, данную при столь необычайной обстановкѣ и въ присутствіи красавицы королевы: онъ окончательно сложилъ оружіе лишь тогда, когда съ устраненіемъ Наполеона съ политической арены, самостоятельности Пруссіи перестала грозить какая бы то ни было опасность.

Увы! Аустерлицкое сраженіе страшнымъ ударомъ рѣшило исходъ только-что начавшейся войны. вмѣстѣ съ тѣмъ оно окончательно закрѣпило ненависть Александра къ Наполеону и сдѣлало ее непримиримой, потому что при Аустерлицѣ Наполеонъ побѣдилъ собственно самого

Александра, такъ какъ, фактически, Кутузовъ былъ отстраненъ отъ командованія арміею. Въ высшей степени самолюбивый Александръ не былъ способенъ забыть подобнаго посрамленія, и только этимъ объясняются все упорство, вся неумолимость, съ которыми онъ преслѣдовалъ цѣль, ставшую главною задачею его жизни—уничтоженіе Наполеона. Этимъ же объясняется и вся неразборчивость въ средствахъ, къ которымъ прибѣгали для достиженія этой цѣли.

Аустерлицкое пораженіе произвело на государя потрясающее впечатлѣніе. Переходъ отъ побѣдоносныхъ надеждъ къ пораженію былъ слишкомъ быстръ, слишкомъ неожиданенъ. Когда исходъ сраженія окончательно выяснился, Александръ испыталъ внезапный упадокъ силъ; онъ опустился на землю, сѣлъ подъ деревомъ, закрылъ лицо платкомъ и залился слезами... Недѣлю спустя онъ уѣхалъ изъ арміи въ Россію, поручивъ веденіе переговоровъ съ Наполеономъ австрійскому императору Францу, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи и требуя лишь одного, чтобы въ переговоры не впутывали Россію.

Когда послѣ аустерлицкаго пораженія Александръ вернулся въ отечество, современники не замедлили замѣтить произошедшую въ немъ рѣзкую перемѣну. По отъѣзду одного изъ нихъ (Л. Н. Энгельгардта), аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строго до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который, по жестокому своему свойству, приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію».

Съ своей стороны Н. К. Шильдеръ, характеризуя значеніе для Александра событій 1805 года, пишетъ:

«Итакъ, 1805 годъ принесъ императору Александру чувствительныя огорченія. Онъ, который мечталъ о политическихъ и военныхъ подвигахъ—при первомъ же появленіи на аренѣ великихъ европейскихъ событій отступился отъ явно покровительствуемаго имъ польскаго дѣла, которое вскорѣ перешло въ руки Наполеона, и позволилъ Пруссіи обмануть себя, не добившись отъ нея никакихъ уступокъ и существенной помощи. Стремясь къ военной славѣ и жертвуя собою на полѣ сраженія, онъ, во главѣ русской арміи, испыталъ небывалое въ лѣтописяхъ ея ужасающее пораженіе, покинулъ союзника, не сблизился съ противникомъ и добровольно устранилъ себя отъ участія въ новомъ переустройствѣ Европы».

Послѣ приведенныхъ отзывовъ станетъ понятно, что Александръ по возвращеніи въ Россію счелъ необходимымъ покарать нѣкоторыхъ

изъ участниковъ сраженія 20-го ноября. Графу Ланжерону государь разрѣшилъ просить увольненія отъ службы. Генераль Прибышевскій, взятый въ плѣнъ, былъ по возвращеніи въ Россію отданъ подъ судъ и разжалованъ въ солдаты. Та же участь постигла генерала Лошакова. Штабъ и оберъ-офицерамъ Новгородскаго мушкетерскаго полка было приказано носить шпаги безъ темляковъ, нижнимъ чинамъ тесаковъ не имѣть, а къ сроку службы ихъ было прибавлено по пяти лѣтъ. Имена солдатъ и офицеровъ, найденныхъ въ вагенбургѣ, были обнародованы, и, сверхъ того, они лишились нѣкоторыхъ служебныхъ правъ.

Хотя Кутузовъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра первой степени и назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, но Аустерлицкое сраженіе окончательно лишило его расположенія къ нему государя. Въ послѣдовавшихъ за 1805 годомъ ближайшихъ войнахъ, онъ долго оставался безучастнымъ зрителемъ; пребываніе въ Кіевѣ служило для него какъ бы почетной ссылкой.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній стараго педагога.

III ¹⁾.

Мои гимназическіе годы.—Черты гимназическаго режима той эпохи.—Учебная администрація, учащіе и учащіяся.—Чѣмъ духовно „живы“ были мы.—Окончаніе курса и выборъ факультета. — Мое рѣшеніе. — Прибытіе въ Казань.

„Я вспомнилъ все... однимъ воспоминаемъ,
Однимъ прошедшимъ я живу—
И то, что въ немъ казалось намъ страдаемъ,
И то теперь я счастьемъ зову“.

(Некрасовъ)

окончилъ курсъ въ одной изъ поволжскихъ гимназій.

Гимназія эта была крайне запущена, съ нетрезвыми учителями, и только въ послѣдній годъ моего пребыванія начала нравственно очищаться, благодаря гуманному и просвѣщенному новому директору Александру Васильевичу Тимоѣеву,—впослѣдствіи окружному инспектору казанскаго учебнаго округа.

Покойному Тимоѣеву стоило большихъ трудовъ и многихъ хлопотъ очистить «авгіеву конюшню» отъ укоренившихся въ ней и тайныхъ, и явныхъ злоупотребленій, господствовавшихъ цѣлую четверть вѣка, если не болѣе. Распущенность учителей была поистинѣ невѣроятна: такъ, преподаватель словесности приходилъ въ нетрезвомъ видѣ на уроки, въ крайне неряшливомъ костюмѣ, въ полусонномъ видѣ клевалъ носомъ въ одну изъ классныхъ картъ, а взамѣнъ урока одинъ изъ учениковъ читалъ извѣстную сказку Гете: «Рейнике-лисъ» въ переводѣ Достоевскаго. Это чтеніе растягивалось уроковъ на десять. Большинство не слушало чтеца и занималось своимъ постороннимъ дѣломъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1899 г.

Когда, въ 1866 году, по окончаніи курса въ университетѣ, я поступилъ на педагогическіе курсы, существовавшіе тогда при университетахъ, то, къ удивленію моему, на лекціяхъ педагогики г. Левандовскаго встрѣтилъ, въ числѣ слушателей, моего бывшаго преподавателя словесности. Ему было отказано отъ мѣста въ нашей гимназіи и дозволено поступить на педагогическіе курсы съ тѣмъ, чтобы занять потомъ должность преподавателя латинскаго языка. Это было сдѣлано по распоряженію тогдашняго попечителя учебнаго округа. Бѣдный педагогъ, чтобы удержать за собою право на пенсію, согласился на это унижительное предложеніе и сѣлъ на одну скамью съ нами, кандидатами-педагогами, своими бывшими учениками.

До какой степени была деморализована гимназія, въ которой я учился, видно изъ того, что какой-нибудь нигуда не годный учитель терпѣлся цѣлыя десятки лѣтъ, исполняя учительскія обязанности по крайне важному предмету. Ясное дѣло, что его терпѣли благодаря какимъ-то постороннимъ соображеніямъ, благодаря, можетъ быть, его добротѣ, податливости и возможности для гимназическаго начальства дѣлать съ его баллами что угодно, по личному усмотрѣнію.

Учительская корпорація гимназіи состояла изъ лицъ двухъ категорій. Съ одной стороны, большинство самыхъ важныхъ предметовъ, какъ классическіе языки и математика съ физикой, были въ рукахъ поляковъ, тѣсно сплоченныхъ между собою и національными, и родственными узами. Это были люди крайне нервныя, раздражительныя, вспыльчивыя. Квартиры ихъ въ зданіи гимназіи были биткомъ набиты нахлѣбниками-гимназистами, сыновьями мѣстныхъ помѣщиковъ. Подобнымъ нахлѣбникамъ жилось очень льготно: они безъ затрудненій переводились изъ класса въ классъ, ихъ рѣдко спрашивали уроки,—видимо, въ ихъ отношенія къ учебной администраціи замѣшивались денежные расчеты. Другая категория учителей, начиная съ инспектора, была большею частью изъ лицъ духовнаго званія, питомцевъ мѣстной семинаріи. Это были люди раболѣпныя, безгласныя, дѣлавшіе все удобное началству гимназіи.

Инспекторъ гимназіи, полный мужчина, съ огромной головою на плечахъ, съ лицомъ, испещреннымъ оспой, съ большими сѣрыми глазами, производилъ отъ времени до времени въ гимназическомъ корридорѣ страшный шумъ: онъ или кашлялъ, что сопровождалъ какими-то дикими звуками со свистомъ и визгомъ, или же чихалъ, причемъ онъ всѣмъ корпусомъ откидывался назадъ, раздвигалъ ноги, держа въ одной рукѣ красный фуляровый платокъ, а въ другой серебряную табакерку. Онъ извѣстенъ былъ у учениковъ подъ именемъ «Терки» или «Егора». Нашъ романистъ Боборыкинъ, ученикъ этой же гимназіи, вспоминаетъ его въ своемъ романѣ: «Въ путь-дорогу».

Съ закрытіемъ навигаціи и съ наступленіемъ осенней распутицы нашъ городъ становился совершенно пустыннымъ, изолированнымъ, отрѣзаннымъ какъ отъ Москвы, такъ и отъ Казани пятисотверстнымъ разстояніемъ, и центральная учебная администрація лишена была, такимъ образомъ, возможности контролировать гимназическіе порядки, а они были вполнѣ патриархальны.

Когда я перешелъ въ эту гимназію изъ первой казанской (въ октябрѣ 1856 года), то я увидалъ рѣзкое отличіе одной гимназіи отъ другой. Такъ, напримѣръ, директоръ нашей гимназіи позволялъ себѣ ходить по корридору въ халатѣ и туфляхъ, покачивая годовую дурно сидящимъ ученикамъ. У инспектора на квартирѣ жила цѣлая куча нахлѣбниковъ-учениковъ, которые буквально ничего не дѣлали и, тѣмъ не менѣе, благополучно переходили изъ класса въ классъ и кончали курсъ. Такіе порядки тѣмъ болѣе оскорбляли нравственное чувство, что воспитанники бѣдные, не имѣющіе ни связей, ни протекціи, подвергались постоянно грубому обращенію учителей, всевозможнымъ надругательствамъ и издѣвательствамъ.

Такова была безотрадная картина внутренней самобытной жизни гимназіи до назначенія А. В. Тимоеева ея директоромъ. Да и минуя это, съ наступленіемъ 60-хъ годовъ, въ эпоху введенія великихъ реформъ, многое какъ въ центральной, такъ и въ мѣстной учебной администраціи измѣнилось къ лучшему. Отъ времени до времени стали устраиваться въ стѣнахъ нашей гимназіи литературные вечера, заведены были ученическія библіотеки, расширены физическіе и другіе кабинеты,—словомъ, свѣжая струя воздуха проникала и въ учебную сферу.

Къ счастью, въ городѣ открылась прекрасная общественная библіотека, пожертвованная кѣпцомъ Милединымъ. Благодаря ей, я и мои товарищи имѣли возможность познакомиться со многими европейскими классиками, а главное, восполнить пробѣлы гимназическаго курса русской словесности. Въ особенности чтеніе сочиненій Бѣлинскаго, только что тогда разрѣшенное, и Добролюбова—имѣло огромное образовательное значеніе въ нашей жизни, внося сознательное къ ней отношеніе и пониманіе окружающей насъ среды. Мы просиживали цѣлые вечера за чтеніемъ книгъ въ читальной библіотекѣ, терпѣливо ожидая ея открытія въ воскресенье.

Подготовку къ университету мы получили, тѣмъ не менѣе, очень слабую, въ особенности по новымъ языкамъ, что, разумѣется, должно было печально отразиться уже на первомъ курсѣ университета. Волею-неволею пришлось разбивать свои силы, съ одной стороны—на занятія новыми языками, въ особенности нѣмецкимъ, съ другой стороны—на пополненіе свѣдѣній по исторіи и словесности и, наконецъ, слѣдить за

университетскими лекціями, составляя изъ нихъ конспекты, доставая къ нимъ необходимыя пособія... Словомъ, плохое гимназическое преподаваніе создавало крайне трудное положеніе новичка-студента: работа казалась весьма сложною, нужна была энергія къ непосильному, тяжелому умственному труду.

Въ особенности жаль было потери времени на урокахъ учителей словесности и исторіи. Въ нашей гимназіи оба эти важные какъ въ образовательномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи предмета—находились въ печальномъ положеніи.

Въ третьемъ классѣ я засталъ преподавателя исторіи, который во время урока читалъ про себя французскіе романы, тщательно прикрывая книгу обложкою класснаго журнала отъ пытливыхъ взоровъ гимназическаго начальства. Большинство изъ насъ пользовались этимъ, выбѣгали зимой на гимназическій дворъ играть въ снѣжки и, затѣмъ, возвратясь въ классъ, обкладывали снѣгомъ и каеэдру, и историка. Словомъ, въ классѣ господствовалъ полнѣйшій беспорядокъ, а начальство гимназіи обыкновенно послѣ завтрака ложилось спать. Преподаваніе исторіи сводилось къ дословному зубренію сквернѣйшаго учебника Николая Зуева, гдѣ заурядными выраженіями были такія: «Вальтассарова корона возсіяла на челѣ Кира», «взялъ въ руки кормило правленія» и т. п. Русскую исторію учили по самому сжатому краткому руководству Николая Устрялова, причемъ учитель исторіи требовалъ графическое изображеніе на классной доскѣ похода Батты: это былъ его любимый конекъ, и такой пріемъ пріурочивался къ каждому уроку.

Къ счастью, была назначена ревизія гимназіи. Знаменитый профессор исторіи, Степанъ Васильевичъ Ешевскій, самъ бывший питомецъ нашей же гимназіи и ученикъ Павла Ивановича Мельникова (Печерскаго), содѣйствовалъ немедленному удаленію отъ должности историка-психопата. Но, къ сожалѣнію, дѣло преподаванія исторіи попало въ руки учителя латинскаго языка, человѣка неряшливаго, вѣчно запачканнаго нюхательнымъ табакомъ, съ испитымъ, помятымъ лицомъ и съ объѣденными ногтями. У него все дѣло преподаванія сводилось къ тому, что онъ клалъ передъ своими глазами на каеэдру учебникъ и, оперевъ голову на ладони, тщательно слѣдилъ изъ строчки въ строчку за вѣрностію и соответствіемъ отвѣта съ текстомъ учебника, причемъ малѣйшее уклоненіе отъ печатнаго текста вызывало восклицаніе: «Что ты, братъ, куда заѣхалъ? Выше книги не будешь!» Вызовъ отвѣчать урокъ всегда сопровождался обычными словами: «Ну-съ, откалывайте!» А въ заключеніе, послѣ вопроса, слѣдовалъ возгласъ: «Ну-съ, достаточно! Возсядьте!» Все это было, разумѣется, крайне курьезно. Ни устныхъ рассказовъ, ни чтеній какихъ-либо отрывковъ—у подобнаго учителя не полагалось и все сводилось или къ зубренію, или же къ отвѣту урока по

открытой книгѣ, что особенно практиковали ученики заднихъ скамеекъ, гдѣ сидѣли наиболѣе лѣнныя. Здѣсь происходили всегда шумныя сцены, ругань, а иногда и драки. Словомъ, это были веселые и великовозрастные ребята, вышедшіе всѣ изъ среднихъ классовъ гимназіи въ мѣстные присутственныя мѣста. Въ этомъ ряду фабриковались надписи на ладоняхъ и на классныхъ стѣнахъ, практиковалось залязанье подъ скамейки и спанье тамъ и т. п.

Между тѣмъ, въ ту пору переводная историческая литература уже значительно оживилась и вмѣстѣ съ тѣмъ стали выходить историческія монографіи Костомарова, какъ-то: «Богданъ Хмѣльницкій», «Бунтъ Степки Разина», «Сѣверно-русскія народоправства» и пр. Все это не доходило до гимназистовъ. На счастье, я могъ пользоваться книгами у моего брата, учителя исторіи, а также городская общественная бібліотека давала возможность знакомства съ хорошими историческими книгами.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что изъ всей учительской корпораціи выдѣлялся гуманнымъ обращеніемъ съ учениками и благородствомъ лишь незабвенный преподаватель географіи, Александръ Ѳеодоровичъ Мартыновъ и преподаватель нѣмецкаго языка, Ю. Ф. Гюбнеръ.

Въ 1862 году я кончилъ курсъ гимназіи, причемъ покойный А. В. Тимошеевъ, тогдашній директоръ, на экзаменѣ словесности пришелъ въ удивленіе отъ моего отвѣта, который въ сущности былъ только изложеніемъ идей Бѣлинскаго о Пушкинѣ и статей Добролюбова о сочиненіяхъ Островскаго — «Темное царство» и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ».

Пришло время разстаться съ гимназіей. Пора было серьезно подумать о выборѣ факультета.

Знаменитый докторъ-педагогъ Н. И. Пироговъ, въ своей извѣстной статьѣ: «Вопросы жизни», говоритъ, что только два рода людей не задаютъ себѣ вопроса при вступленіи въ жизнь: это, во-первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привилегію на идиотизмъ, и, во-вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчокъ, двигаются по силѣ энергіи въ данномъ имъ направленіи. Тотъ же Пироговъ сообщаетъ, что кто-то спросилъ его: «Къ чему вы готовите вашего сына?» и, на предложенный вопросъ, отвѣчалъ: «Быть человѣкомъ». — «Развѣ вы не знаете, — сказалъ спросившій, — что людей, собственно, нѣтъ на свѣтѣ: это — одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества; намъ необходимы купцы, солдаты, врачи, юристы, а не люди»...

Личныя мои склонности направляли меня на факультетъ историко-филологическій. Къ тому же, старшій братъ мой былъ преподавателемъ

исторіи и, разумѣется, его рассказы производили впечатлѣніе, а его бібліотека давала много хорошихъ книгъ для внѣ класснаго чтенія.

Когда я пріѣхалъ въ Казань, то одинъ изъ знакомыхъ моего семейства, талантливый адъюнктъ Чебышевъ-Дмитріевъ, совѣтовалъ мнѣ подавать прошеніе на юридическій факультетъ. Онъ говорилъ, что въ непродолжительномъ времени откроется гласный судъ, введется судъ присяжныхъ, что запросъ на юристовъ будетъ очень значителенъ, и что, наконецъ, на самомъ юридическомъ факультетѣ,—ужь если я чувствую такую любовь къ исторіи,—преподается русская исторія и тѣмъ же самымъ преподавателемъ, а что лекціи по общей литературѣ ничто не мѣшаетъ мнѣ слушать.

Однако, совѣты Чебышева-Дмитріева на меня не подѣйствовали. Мнѣ очень не нравилось то общее направленіе студентовъ-юристовъ, о которомъ я и прежде слышалъ. Мало было между ними работниковъ-труженниковъ; большинство ихъ ограничивало кругъ своихъ познаній однимъ только поверхностнымъ изученіемъ лекцій для перехода изъ курса въ курсъ, между тѣмъ какъ настоящіе работники, дѣйствительно занимающіеся наукой, были на факультетахъ физико-математическомъ, медицинскомъ и филологическомъ.

Итакъ, жребій брошенъ—я студентъ Казанскаго университета, историко-филологическаго факультета!..

Съ чувствомъ неизъяснимой радости, сознавая себя свободнымъ человекомъ, сѣлъ я на пароходъ и уже на другой день утромъ, верстъ за двадцать, увидалъ безформенную массу казанскаго кремля,—словомъ, подѣвжалъ къ обители моей юности.

IV.

Переходное время въ жизни университета.—Казанскія ученныя силы.—Университетскія знаменитости.—Условія тогдашней студенческой жизни.—Научныя занятія университетской молодежи.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Казанскій университетъ, какъ и другіе университеты, переживалъ переходное время. Его ожидалъ новый университетскій уставъ, словомъ, новые порядки...

Измѣненія эти совпали съ назначеніемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія Головнина. Новый министръ, занявшій постъ послѣ извѣстныхъ беспорядковъ и временнаго закрытія Петербургскаго университета, былъ человекъ съ широкимъ европейскимъ образованіемъ и прежде чѣмъ приступить къ реформамъ крайне радикальнымъ и основатель-

нымъ, онъ сдѣлажъ запросъ къ извѣстнымъ европейскимъ профессорамъ, а также къ русскимъ университетамъ относительно недостатковъ и пробѣловъ въ жизни тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Заграничные профессора и русскіе охотно откликнулись на призывъ министра и указали средства и способы къ улучшенію внутренней и внѣшней организаціи университета, къ поднятію уровня университетскаго образованія посредствомъ учрежденія новыхъ кафедръ, расширенія программъ и посылкою молодыхъ ученыхъ за границу, для подготовки къ профессорскому званію. Между послѣдними приобрѣли себѣ впоследствии извѣстность своими научными трудами г. Васильевскій, нынѣ академикъ, г. Модестовъ, авторъ капитальнаго труда «Исторія римской литературы» и превосходный переводчикъ Тацита, этики Спинозы, покойный Владиславлевъ, бывший въ 80-хъ годахъ, въ бурное время, ректоромъ Петербургскаго университета, Новоселовъ и др. Общее наблюденіе, руководство ихъ занятіями въ заграничныхъ университетахъ было возложено на Н. И. Пирогова, знаменитаго хирурга, такъ много потрудившагося въ севастопольскихъ лазаретахъ и блестящимъ образомъ доказавшаго свою гуманность цѣлымъ рядомъ педагогическихъ трактатовъ.

Головинъ даровалъ университетамъ большую автономію. Въ основу университетской жизни положено было выборное начало. Университетскій совѣтъ всталъ во главѣ администраціи, и ректоръ и его помощникъ, проректоръ, стали выбираться университетскимъ совѣтомъ; замѣщеніе кафедръ возложено было также на обязанности совѣта; профессорамъ чуть ни втрое увеличено содержаніе. Въ то же время отмѣнена была форма для студентовъ, что было, впрочемъ, большою ошибкою, принимаемая во вниманіе тогдашнія условія русской жизни; отмѣна формы сдѣлала внѣшній видъ студентовъ очень непривлекательнымъ: рваные, засаленные сюртуки, съ обычной красной, кумачной рубашкой, встрѣчались сплошь да рядомъ; неряшливость и небрежность въ костюмѣ были обычнымъ явленіемъ. Къ тому же, сыновья богатыхъ помѣщиковъ или купцовъ ходили шикарно одѣтые, что производило еще большій диссонансъ въ студенческой средѣ, еще рельефнѣе бѣдность и необеспеченность большинства студентовъ выдвигались наружу. Старикъ Зоммеръ, помощникъ инспектора студентовъ, привыкшій видѣть студентовъ гладко подстриженными, застегнутыми на всѣ пуговицы, былъ въ большомъ недоумѣніи, глядя на студентовъ послѣ отмѣны формы. Старичокъ на цыпочкахъ, въ университетскихъ корридорахъ, подбѣгалъ то къ одному, то къ другому студенту съ замѣчаніями относительно костюма, но все было тщетно, и отмѣна форменнаго платья, смѣшавъ студентовъ съ толпою, понизила ихъ нравственный уровень.

Казанскій университетъ, въ шестидесятыхъ годахъ, въ средѣ своихъ

профессоровъ имѣлъ выдающихся ученыхъ, труды которыхъ получили европейскую извѣстность. Такъ, на математическомъ факультетѣ былъ рядъ ученыхъ, учениковъ знаменитаго Лобачевского: профессоръ Поповъ, Янишевскій, Эрастъ Петровичъ, профессоръ механики П. И. Котельниковъ, В. Г. Имшенецкій; но въ особенности выдавался Н. А. Ковальскій: онъ рѣзко выдѣлялся своею важностью и савитостью. Какъ профессоръ астрономіи, онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность своею блестящею диссертациею: «Теорія движенія Нептуна». Въ концѣ сороковыхъ годовъ Ковальскій принималъ участіе въ экспедиціи на Сѣверный Уралъ горнаго инженера Гофмана. Здѣсь онъ сдѣлалъ массу астрономическихъ наблюденій, положившихъ основаніе научной географіи всего Урала. Съ тѣмъ вмѣстѣ, экспедиція горнаго инженера Гофмана и Ковальскаго рѣшила окончательно вопросъ о самостоятельномъ протяженіи хребта Пай-Хой и обозначила Константиновскій камень, какъ крайній пунктъ въ Сѣверномъ Уралѣ.

Естественный факультетъ могъ похвалиться химикомъ А. И. Бутлеровымъ, впоследствии академикомъ и авторомъ превосходныхъ сочиненій по органической химіи. Одновременно профессорствовалъ Н. П. Вагнеръ, благодаря поддержкѣ котораго вышли въ люди такіе извѣстные ученые, какъ Модестъ Богдановъ и др.

Медицинскій факультетъ тоже имѣлъ нѣсколько свѣтилъ. Таковъ былъ хирургъ, профессоръ Елатичъ, профессоръ анатоміи Евгеній Аристовъ, акушеръ Козловъ и Н. А. Виноградовъ. Докторъ Виноградовъ впоследствии приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность по всему Поволжью, какъ врачъ-практикъ. Это былъ человекъ идеальной доброты, съ блестящими дарованіями, оставившій послѣ себя пѣлюю школу учениковъ. Въ 1897 году скончалась вдова покойнаго Н. А. Виноградова. По ея завѣщанію, какъ каменный домъ, такъ и капиталъ до семидесяти тысячъ рублей душеприказчики г. Янишевскій и др. передали Казанскому университету въ даръ, на учрежденіе стипендій. Домъ рѣшено обратить въ общежитіе для студентовъ, а капиталъ—на стипендіи.

Историко-филологическій факультетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Большинство кафедръ не было занято. Профессору русской словесности Буличу одновременно приходилось читать нѣсколько наукъ, какъ-то: исторію, философію, исторію европейскихъ литературъ, русскую литературу и проч. Но факультетъ филологическій въ то время могъ, по справедливости, гордиться такою крупною научною величиною, какимъ былъ знаменитый славистъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ и профессоръ русской исторіи Николай Алексѣевичъ Өирсовъ.

Во главѣ университетской администраціи стояли люди высоко образованные и гуманные. Обязанности ректора несли профессора: извѣстный химикъ Бутлеровъ и профессоръ финансоваго права Е. Г. Осо-

кинъ; проректорское мѣсто занимали профессора: Янишевскій и Чугуновъ. Всѣ эти лица отличались утонченною деликатностью, вѣжливостью и тѣмъ административнымъ тактомъ, который давалъ возможность устранять своевременно разныя недоразумѣнія во внутренней жизни университета и его студенчества. Университетская администрація шестидесятихъ годовъ оставила по себѣ самыя отрадныя впечатлѣнія; она была вполне продуктомъ новаго университетскаго устава, отраженіемъ новыхъ жизненныхъ прогрессивныхъ условий, созданныхъ эпохою освобожденія крестьянъ, введеніемъ гласнаго судопроизводства и проч.

Жизнь въ Казани, въ тогдашнее время, была очень дешева. За 5—6 рублей въ мѣсяцъ можно было имѣть порядочную комнату съ прислугой и самоваромъ, недалеко отъ университета. Кромѣ того, въ городѣ существовали въ нѣсколькихъ мѣстахъ такъ-называемые «скиты»; такъ, на примѣръ, «Ооминъ скитъ», «Львовскій скитъ» и др., рассчитанные каждый жильцовъ на 20—30. Наружный видъ ихъ былъ чудовищно-безобразенъ: это были старыя, почернѣвшія отъ времени, двухъ-этажные дома, съ мезонинами, съ провалившимися крыльцами, съ покосившимися дверями и рамами. Ничтожная плата, рубля два-три въ мѣсяцъ, привлекала сюда жильцовъ, несмотря на холодъ и сырость въ зимнее время.

До открытія студенческой столовой въ домѣ Апакова на Воскресенской, съ шестирублевой мѣсячной платой, студенты обѣдали въ частныхъ кухмистерскихъ, гдѣ кормили большею частью сытно и свѣжей, хорошей провизіей. Большою извѣстностью пользовалась кухмистерская, помѣщавшаяся на Рыбнорядской улицѣ, Варвары Самсоновны или, попросту, «Самсоновны». За 4 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ она давала обѣдъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ и при этомъ еще открывала широкій кредитъ для студентовъ-бѣдняковъ, переживающихъ денежный кризисъ въ ожиданіи стипендій или пособій отъ университета, или уроковъ и т. п. Студенты относились къ Самсоновнѣ съ большимъ уваженіемъ за ея вполне человѣческое отношеніе къ нимъ. Мужъ ея, «Карпычъ», по профессіи поваръ, былъ постоянно пьянъ, и Самсоновна жаловалась на свою судьбу нахлѣбникамъ, такъ какъ всѣ хлопоты по кухмистерской лежали на ней одной. Послѣ обѣда Варвара Самсоновна завертывала недоѣденное жаркое въ бумагу и клала въ карманъ студенту на ужинъ. Таковы были симпатичныя отношенія между этой доброй женщиной и студенческой молодежью. Тутъ не могло быть и мѣста какой-нибудь наживѣ: старушка умерла въ большой бѣдности, почти ослѣпшая отъ постоянного кухоннаго жара и отъ слезъ, вызываемымъ безобразнымъ поведеніемъ ея мужа.

Въ то время большое значеніе въ жизни студентовъ, какъ подспорье въ ихъ научныхъ занятіяхъ, имѣли факультетскія библіотеки. За одинъ

рубль въ мѣсяцъ мы, филологи, имѣли право пользоваться книгами весьма цѣнными.

Собственно, университетская библіотека, находившаяся въ завѣдываніи библіотекаря Готвальда, бывшаго профессора арабской словесности, содержалась въ образцовомъ порядкѣ и всегда удовлетворяла всѣмъ требованіямъ студентовъ. Она была своевременно пополняема научными новостями и благодаря какъ Готвальду, такъ и его помощнику, Александру Андреевичу Виганту, студенты имѣли полную возможность не отставать отъ научнаго уровня.

Считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о бытовыхъ условіяхъ студенчества. Жили вообще дружно и хорошо и доброе время добромъ и воспоминаемъ. Въ мое время на Воскресенской улицѣ былъ нѣмецкій ресторанъ Германа; это было любимое мѣсто для весьма многихъ изъ насъ, гдѣ можно было вполне отдохнуть. Германъ былъ человѣкъ необыкновенно добрый и честный. Въ его ресторанѣ можно было всегда получить превосходный кофе; здѣсь не было обычнаго трактирнаго гама и шума и кухоннаго чада; газетная читальня въ угловой комнатѣ обильно была снабжена всевозможными газетами и иллюстраціями. Обычная тишина нарушалась въ ресторанѣ трескотнею канареекъ да музыкальными трелями старинныхъ часовъ.

Казань въ то время славилась знаменитыми пельменями. Ъсть пельмени студенты ходили обыкновенно группами по пяти-шести человѣкъ въ трактиры, гдѣ специально приготавливали это кушанье; сотня такихъ пельменей стоила 30 коп., и поѣдали ихъ въ невѣроятномъ количествѣ.

Большое оживленіе вносила въ студенческую жизнь италянская опера. Она помѣщалась въ большомъ деревянномъ театрѣ на Арскомъ полѣ. Это обширное поле уже съ ранней весны, съ апрѣля мѣсяца, служило мѣстомъ народныхъ гуляній; здѣсь, начиная съ Оминой недѣли, обыкновенно устраивались хоробы, привлекавшіе массу участниковъ.

Большинство студентовъ на такіе праздники, какъ Рождество Христово или Пасха, разѣзжались по роднымъ усадьбамъ. Въ то время студенты имѣли въ университетѣ свою собственную кассу; можно было легко занять деньжонокъ подъ залогъ стипендіи и обратиться на праздники въ деревню изъ душной и пыльной Казани. Эта касса была истиннымъ благодѣяніемъ для студентовъ; во главѣ ея стоялъ предсѣдатель; каждый факультетъ посылалъ четырехъ депутатовъ, по одному отъ cadaго курса. Находили возможность не только давать деньги подъ залогъ стипендій или вещей, но и ежемѣсячно выдавать денежныя пособія наиболѣе нуждающимся. Никогда не было никакихъ пререканій, неудовольствій, дрягъ, жалобъ и т. п., словомъ дѣло велось весьма складно и дружно, а главное,—умѣло. Подробныя ежемѣсячныя отчеты по дѣ-

ламъ кассы и еженедѣльные собранія въ квартирѣ кассира депутатовъ отъ каждаго курса открывали возможность, благодаря такой гласности, всестороннему контролю надъ операціями кассы.

Весною, въ теплые вечера, студенты дѣлали экскурсіи или на лодкахъ по обширному озеру Кабану, или гурьбою отправлялись въ живописныя окрестности Казани, расположенныя на берегу р. Казанки, въ такъ называемую «Русскую Швейцарію» или «Нѣмецкую». Вся мѣстность овражистая, съ крутыми склонами, вся сплошь покрыта вѣковыми деревьями, липою и березою и густою, сочною травою. Такихъ чудныхъ поэтическихъ уголковъ, нетронутыхъ еще хищническою рукою, мало осталось въ нашихъ провинціальныхъ городахъ. Вотъ тутъ-то студенчество располагалось съ дешевой закуской, отдавая искреннему веселью, спутнику молодости и здоровья. Кто либо изъ любителей малороссійскихъ пѣсень (такимъ былъ студентъ Павелъ Навалихинъ, обладавшій чуднымъ баритономъ) утѣшалъ товарищей пѣснями:

„Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся;
Ой, какъ болятъ мое сердце,
Сами слезы льются!“ и т. д.

Или еще:

„Доле моя, доле, дежь ты ся подила?
Цы ты, моя доле, въ мори утонула;
Цысь, доле, въ огни згорела?
Еслись въ мори втонула, приплынь къ береженьку,
Але еслись, доле, въ огци погорела,
Жаль бы моему серденьку“.

V.

Состояніе историко-филологическаго факультета въ началѣ 60-хъ годовъ: его безлюдіе; его корифей.—В. И. Григоровичъ и его всеславянская извѣстность.—Буличъ, его лекціи и труды.—Н. А. Осовинъ какъ профессоръ и какъ членъ.—Печальное положеніе кафедры всеобщей исторіи въ Казанскомъ университетѣ.—Временное ея замѣщеніе.—Ешевскій, Славянскій и Ведровъ.—А. О. Угянскій какъ представитель классической филологіи и греческаго языка въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.—Его идеалы.—Мой визитъ къ нему.—Неудачный дебютъ г. Лукашевскаго.—Ордынскій и Благовѣщенскій—былые дѣятели филологическаго факультета.—Профессоръ Микшевичъ и его курсъ политической экономіи.

Историко-филологическій факультетъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ по численности студентовъ былъ крайне малолюдень: на всѣхъ

четырехъ курсахъ насчитывалось съ небольшимъ человекъ сорокъ студентовъ. Важнѣйшія факультетскія кафедры, логика и психологія, исторія философіи, всеобщая исторія, сравнительная филологія или были незамѣнены или читались временно профессорами, специалистами по другимъ предметамъ: такъ, профессоръ русской литературы, Н. Н. Буличъ, читалъ общую литературу и исторію философіи; профессоръ русской исторіи Н. А. Ойрсовъ читалъ лекціи и по всеобщей исторіи, профессоръ богословія о. Владимірскій прочитывалъ курсъ логики и психологіи; на профессора греческаго языка Угянскаго возложено было преподаваніе латинскаго языка и римской литературы, а также греческихъ древностей. Словомъ, учебная неурядица была полная.

Во главѣ всей профессорской корпораціи историко-филологическаго факультета неоспоримо долженъ быть поставленъ знаменитый славистъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.

Трудна была задача Григоровича научить чему нибудь тогдашнихъ филологовъ. Къ славянству, къ исторіи его и литературѣ—чувствовали полнѣйшее равнодушіе. Въ гимназіяхъ славянскій языкъ былъ въ полномъ пренебреженіи. Изъ моихъ товарищей однокурсниковъ ни одинъ не проявилъ склонности къ изученію славянскихъ языковъ, несмотря на весь научный авторитетъ Григоровича, да и на другихъ курсахъ специалисты были явленіемъ единичнымъ.

Положеніе Григоровича было поистинѣ трагикомическое. Онъ съ необыкновеннымъ жаромъ и пыломъ рассказывалъ что-нибудь о «глаголицѣ», сравнивалъ ее съ «кириллицей», показывалъ древнѣйшія рукописи изъ собственной своей библіотеки,—чуть ли не XI или XII столѣтія,—съ жаромъ толковалъ о «юсахъ» и о трудахъ Востокова въ этой сферѣ—и все это при полнѣйшемъ равнодушіи студентовъ.

Въ теченіе перваго курса В. И. Григоровичъ успѣвалъ познакомить слушателей съ фонетикою языковъ: болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго. Все это было составлено крайне сжато, сообщено было только самое необходимое, существенное, собственноручно писалось имъ на классной доскѣ въ аудиторіи, и нужно отдать полную справедливость покойному слависту, что его необыкновенный талантъ, громадныя знанія—раскрывались во всей своей красѣ и полнотѣ при изложеніи фонетики славянскихъ нарѣчій. Такова была опытная рука ученаго, таково было громадное умѣнье его отмѣтить существенныя признаки, грамматическія особенности, какъ этимологическія, такъ и синтаксическія каждаго изъ означенныхъ четырехъ языковъ. Онъ явился, въ своемъ родѣ, единственнымъ виртуозомъ-преподавателемъ.

Григоровичъ былъ человекъ безпредѣльнаго великодушія, гуманности и доброты. Онъ дѣлился съ любимымъ просителемъ-студентомъ не только деньгами, но и носильнымъ бѣльемъ. Рассказывали, что въ его квар-

тирѣ, въ Адмиралтейской слободѣ, кромѣ двухъ-трехъ стульевъ, кровати, да грубаго стола ничего не было; все было завалено книгами и рукописями. Его лучшими друзьями-собесѣдниками были специалисты, а ихъ въ то время было очень немного по славянскимъ нарѣчіямъ. Григоровича больше знали и цѣнили за границей, въ особенности богемскіе ученые, братья-чехи. Знаменитые Палацкій и Шафарикъ были личными друзьями Григоровича, а также Вячеславъ Ганка, содѣйствовавшіе, какъ извѣстно, національному возрожденію Богеміи.

До гробовой доски Григоровичъ оставался ребенкомъ. Находились проходимцы изъ братьевъ-славянъ, которые нагло втирались въ знакомство съ профессоромъ и жестоко его обирали. Въ мое время на лекціяхъ Григоровича сидѣлъ какой-то болгаринъ въ бѣломъ холщевомъ костюмѣ; фамилія его, если не ошибаюсь, была Михалевскій или Михайловскій. Отъ времени до времени В. И. Григоровичъ перекидывался съ нимъ нѣсколькими болгарскими фразами; видимо, Григоровичъ рассчитывалъ сдѣлать изъ Михалевскаго хорошаго народнаго учителя для Болгаріи, но—не тутъ было: болгаринъ обобралъ профессора, продалъ за безцѣнокъ часть его рѣдкихъ книгъ на «толкучемъ рынкѣ» и—безслѣдно исчезъ. Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на насъ, студентовъ, и немало поохладилъ симпатіи къ славянству, особенно къ болгарамъ, которыхъ мы считали въ корень нравственно испорченными турецкимъ рабствомъ.

Добрѣйшій В. И. Григоровичъ не долго оставался въ Казани: онъ перешелъ въ Одесскій университетъ. Все, чѣмъ онъ дорожилъ, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ — всѣ свои коллекціи, книги и рукописи — этотъ добрый старецъ еще при жизни своей пожертвовалъ Одесскому университету. Казань поставила бюстъ Лобачевскому. Такимъ же памятникомъ слѣдовало бы увѣковѣчить въ Одессѣ или въ Казани и знаменитаго слависта, добрѣйшаго В. И. Григоровича, такъ много сдѣлавшаго для національнаго сближенія нашей родины съ славянскими народностями какъ въ предѣлахъ Австріи, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ.

Люди, подобные Григоровичу, въ Казанскомъ университетѣ, къ сожалѣнію, были не на своемъ мѣстѣ. Его дѣятельность здѣсь была стѣснена во всѣхъ отношеніяхъ. Въ кругу профессоровъ онъ не могъ находить себѣ поддержку и сочувствіе уже по самому роду своей узкой, крайне специальной дѣятельности. Университетская молодежь тогдашняго времени всего менѣе сочувствовала славяновѣдѣнію, не видя въ немъ ничего привлекательнаго, отраднаго; студенты увлекались болѣе публицистикой, соціальными науками, чтеніемъ журналовъ и газетъ. Таково было общее направленіе большинства, и мало кого могли увлечь, заинтересовать вопросы о «глаголицѣ» или «кириллицѣ», о времени

ихъ происхожденія и т. п. Окружающая жизнь, дѣйствительность— сильно стучала въ ту пору въ двери, мѣшая учащейся молодежи посвящать свои силы чистой наукѣ. Свѣжая книжка журнала «Современникъ», сочиненія Огюста Конта, брошюры Бюхнера, статьи извѣстныхъ критиковъ Джона Стюарта Милля и т. п.,— вотъ чѣмъ увлекалась университетская молодежь начала 60-хъ годовъ. Отсюда естественно, что покойный профессоръ Григоровичъ, несмотря на всю свою высокоталантливость, универсальность своихъ знаній, несмотря на всю свою симпатичность и доброту, находилъ всего трехъ-четырехъ специалистовъ въ своемъ распоряженіи изъ 50—60 человекъ тогдашняго филологическаго факультета и сидѣлъ на кафедрѣ, какъ печальная сова на развалинахъ средневѣковаго замка.

Эта осиротѣлость Григоровича вызывала искреннее соболѣзнованіе всѣхъ, понимавшихъ его положеніе. Люди, подобные Григоровичу, рѣдко встрѣчаются въ нашемъ обществѣ, и только уже заднимъ числомъ потомство вспоминаетъ съ благодарностью имена такихъ идеалистовъ науки.

Поставленный въ самое невыгодное положеніе и какъ профессоръ, и какъ ученый, безъ поддержки и нравственнаго содѣйствія въ своихъ научныхъ занятіяхъ, В. И. Григоровичъ вынужденъ былъ свои замѣчательныя изслѣдованія по славянской филологіи и по исторіи славянъ печатать въ такихъ изданіяхъ, какъ «Казанскія губернскія вѣдомости», которыя едва ли находили себѣ читателей въ 40-хъ годахъ, кромѣ чиновниковъ губернскаго правленія да казенной палаты, такъ какъ въ нихъ сплошь печатались публикаціи къ отысканію бѣглыхъ съ извѣстными примѣтами, да извѣстія о вызовѣ на разные торги, начиная съ откуповъ и т. п. И вотъ въ такихъ-то захлудистыхъ вѣдомостяхъ первоклассный русскій ученый помѣщаетъ собраніе болгарскихъ пѣсенъ, статьи, касающіяся древняго славянскаго языка; даже его очеркъ: «Путешествіе по европейской Турціи», вышедшій въ Казани въ 1848 г., дѣлается библиографическою рѣдкостью, мало кому извѣстною, какъ равнымъ образомъ и его статьи о Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ въ XIV и XV вѣкахъ, появившіяся въ той же Казани въ 1859 году.

Скорбный ликъ этого симпатичнаго великаго слависта всегда будетъ нѣмымъ укоромъ печальной русской дѣйствительности, державшей въ черномъ тѣлѣ нашего величайшаго ученаго, не получившаго даже возможности помѣщать свои филологическія изслѣдованія въ биллетеняхъ академіи наукъ, что открыло бы ему возможность большаго общенія съ западно-европейскими учеными-славистами. Но В. И. Григоровичъ не унывалъ: онъ бодро и устойчиво шелъ впередъ; онъ до гробовой доски продолжалъ неустанно работать и, сходя въ могилу (онъ умеръ

въ Елизаветградѣ), принесъ въ даръ всё свои научныя сокровища Одесскому университету. Рано или поздно личность Григоровича и какъ ученаго, и какъ человѣка, воспринетъ изъ забвенія и займетъ блестящее мѣсто въ плеядѣ русскихъ ученыхъ.

Настоящимъ заправилой на филологическомъ факультетѣ былъ профессоръ Николай Никитичъ Буличъ. Вся его сорокалѣтняя ученая дѣятельность непрерывно прошла и какъ профессора, и какъ декана, и какъ проректора, а затѣмъ и ректора въ стѣнахъ Казанскаго университета. Уже въ 1854 году Петербургскій университетъ удостоилъ Н. Н. Булича докторскаго диплома за его превосходную диссертацию: «О Сумароковѣ и современной ему критикѣ». Эта книга остается единственною въ своемъ родѣ и до нашихъ дней. Кромѣ біографическихъ свѣдѣній о Сумароковѣ и подробнаго разбора его произведеній задачею Булича было показать начало нашей критики, а такъ какъ критическая струя пробѣгала по всемъ произведеніямъ Сумарокова, то Буличъ признаетъ, что критика Сумарокова не пропала даромъ, а имѣла вліяніе на современность.

Буличъ былъ вообще всестороннимъ знатокомъ русской литературы XVIII вѣка, а между тѣмъ, несмотря на свои громадныя познанія, онъ писалъ очень мало. Изъ его печатныхъ трудовъ извѣстны: «Юбилейныя рѣчи о Ломоносовѣ и Карамзинѣ». Только въ самое послѣднее время, въ 80-хъ годахъ, онъ отдался кропотливой работѣ: «Исторіи Казанскаго университета», которую успѣлъ довести до 20-хъ годовъ, почти до времени Магницкаго. Эта исторія написана съ рѣдкою добросовѣстностью, съ большимъ талантомъ и рельефно изображаетъ университетскіе порядки, картинно рисуетъ жизнь и учащихся и учащихся, но, къ сожалѣнію, преждевременная кончина прервала трудъ Булича, который долженъ послужить краеугольнымъ камнемъ для будущихъ историковъ университета. Превосходная бібліотека покойнаго профессора, составленная изъ отборныхъ сочиненій, пожертвована имъ Казанскому университету. Принимая во вниманіе бібліографическую рѣдкость большинства книгъ этой бібліотеки, цѣнность ея очень велика. Весьма характерный фактъ, что эта бібліотека сперва предполагалась въ даръ городу Казани, но городскія власти распорядились помѣстить ее въ какихъ-то сырыхъ и темныхъ подвалахъ за недостаткомъ мѣста въ помѣщеніи общественной бібліотеки. Справедливо возмущенный дикимъ отношеніемъ къ такому цѣнному книгохранилищу, покойный профессоръ измѣнилъ свое намѣреніе и пожертвовалъ бібліотеку университету.

Какъ профессоръ, Буличъ принесъ всестороннюю пользу и всегда стоялъ на высотѣ современнаго научнаго положенія. Онъ обладалъ знаніемъ всехъ европейскихъ языковъ и слѣдилъ за всеми научными и

журнальными заграничными новостями. Еще въ концѣ 40-хъ годовъ Н. Н. Буличъ назначался на каѳедру исторіи философіи, но въ 1848 году въ русскихъ университетахъ эта каѳедра была закрыта и только въ срединѣ 60-хъ годовъ снова было разрѣшено чтеніе исторіи философіи.

Нашему курсу Буличъ прочелъ исторію философіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, начиная съ Фалеса и кончая школами стоиковъ и эпикурейцевъ. Несмотря на нашу слабую подготовку къ слушанію подобныхъ премудростей, Буличъ сумѣлъ сдѣлать изъ курса своихъ лекцій интереснѣйшій предметъ, и даже такія трудныя страницы, какъ изложеніе ученія Аристотеля, были переданы имъ вполне общедоступно. Самыя интересныя страницы въ курсѣ философіи были софисты, а затѣмъ — Платонъ и Аристотель. На лекціи Булича ходили буквально всѣ, даже и тѣ, которымъ не было обязательно, да и самъ профессоръ былъ человѣкъ настолько любознательный, за всѣмъ слѣдившій, что посѣщалъ лекціи профессора духовной академіи, извѣстнаго знатока русской церковной исторіи, Знаменскаго.

Уже въ самомъ началѣ университетскаго курса я имѣлъ счастье слушать лекціи незабвеннаго профессора Булича по исторіи французской литературы, а также и англійской XVIII столѣтія. О громадномъ научномъ значеніи подобнаго курса говорить лишнее. Студентъ, ограниченный однѣми книгами отечественнаго производства, плохо знающій новѣйшіе языки и мало подготовленный къ чтенію философскихъ книгъ, въ курсѣ Булича, изложенномъ просто и общедоступно, находилъ цѣльное изложеніе западно-европейской литературы XVIII вѣка. Знаменитыя личности французской литературы прошлаго столѣтія знакомы намъ всѣмъ со школьной скамьи, но съ этими именами соединяется обыкновенно только смутное представленіе для большинства, которое образовалось по русскимъ книгамъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ на русскомъ языкѣ не было ни одного цѣльнаго курса по исторіи общей литературы. Время отъ времени въ томъ или другомъ журналѣ появлялись статьи о томъ или другомъ французскомъ писателѣ XVIII столѣтія, но все это было отрывками, урывками, эпизодически, лишено было всякой научной системы, и такой пробѣлъ еще больше увеличивалъ громадное образовательное значеніе курсовъ французской и англійской литературы профессора Булича.

Уже прошло болѣе 30-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, но я убѣжденъ, что въ памяти слушателей курса Булича крѣпко вѣзались высоко-талантливыя чтенія, державшія аудиторію всегда въ напряженномъ вниманіи. Буличъ стоялъ вполне на высотѣ своей задачи, отлично владея всѣми новыми языками, получая всѣ научныя и литературныя послѣднія новости изъ-за границы, онъ въ полу-азиатскомъ городѣ, отброшенномъ отъ столицъ на тысячеверстномъ разстояніи, въ гнѣздѣ поволжскаго

крѣпостничества, умѣлъ вполне быть европейцемъ и ученымъ, въ обширномъ значеніи этого слова.

Буличу очень много вредила обычная его склонность къ фразеологіи. Ходилъ анекдотъ, что относительно русской литературы профессоръ будто бы выразился такъ, что «русская литературы есть цвѣтокъ, запахъ котораго не услышишь, если подойдешь къ нему съ рациональнымъ анализомъ»; словомъ, дѣйствительно Буличъ выѣзжалъ иногда на громкихъ фразахъ, но при всемъ томъ, какъ профессоръ, онъ принесъ университетской молодежи много пользы, такъ какъ былъ серьезно подготовленный, европейски образованный человекъ, внушавшій искреннее уваженіе къ наукѣ и къ знаніямъ и не позволявшій себѣ вести дѣло спустя рукава.

Можно сказать безъ преувеличенія, что Буличъ служилъ украшеніемъ историко-филологическаго факультета. Между нимъ и студентами не было никогда никакихъ пререканій, неудовольствій, а между тѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ ходѣ факультетскихъ дѣлъ и какъ деканъ, а потомъ и какъ проректоръ. Никогда не было случая, чтобы на экзаменѣ у Булича кто либо срѣзлся, провалился. Какъ человекъ, Буличъ относился съ необыкновенною деликатностію, вѣжливостію, и всегда съ искреннимъ доброжелательствомъ.

Недавно скончавшійся Николай Алексѣевичъ Осокинъ, ординарный профессоръ всеобщей исторіи, былъ, какъ извѣстно, выдвинутъ покойнымъ Буличемъ.

Осокинъ былъ курсомъ старше меня по университету. Не лишнимъ считаю сказать о немъ нѣсколько словъ съ своей стороны. Онъ оставилъ послѣ своей смерти въ Казани, съ одной стороны, громкую и всестороннюю извѣстность, какъ общественный дѣятель. Послѣ его кончины, въ тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ участвовалъ, какъ напримѣръ въ обществѣ св. Гурія, въ женской гимназіи св. Ксенія, а также въ вспомогательной кассѣ казанскихъ городскихъ школъ, оказалась крупная растрата денегъ. Не знаю, какъ деньги были пополнены въ обществѣ св. Гурія, но казанскій городской голова г. Дьяченко и купецъ Щетинкинъ растроченныя Осокинымъ деньги въ Ксеніинской гимназіи самолично внесли. Вся эта растрата, почти полсотни тысячъ рублей, произведенная такимъ лицомъ, какъ профессоръ университета, и вдобавокъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, производитъ удручающее впечатлѣніе. Какимъ образомъ такія суммы могли незамѣтно имѣ тратиться—это осталось тайной. Имѣя собственный домъ въ Казани и получая солидное содержаніе, не ведя азартныхъ игръ, по крайней мѣрѣ публично, тѣмъ не менѣе Осокинъ умудрился растратить громадную сумму и трагически покончить съ собой.

Живя въ провинціальномъ городѣ, хотя и въ университетскомъ,

Осокину, видимо, было не по себѣ: научныя занятія его не удовлетворяли, и онъ, можно сказать растерялся, разбросался въ круговоротѣ общественной жизни Казани. Осокина мы видимъ и гласнымъ въ думѣ, и страховымъ агентомъ, и дѣятельнымъ членомъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, и ходатаемъ передъ высшей администраціей объ открытіи въ Казани высшихъ женскихъ курсовъ—словомъ всюду и вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ общественной дѣятельности встрѣчалось имя покойнаго Николая Алексѣевича. А между тѣмъ, профессора по такому серьезному предмету, какъ всеобщая исторія, ускользала изъ-подъ ногъ Осокина; онъ, видимо, отсталъ отъ современнаго научнаго уровня.

Въ императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ я имѣлъ случай познакомиться съ литографированными лекціями Осокина: это были только компиляціи, лишенные всякой научной оригинальности. Осокинъ не имѣлъ никакой выдержки: скромная и почтенная роль профессора была не по немъ, и онъ окончательно запутался въ сѣтяхъ общественной провинціальной жизни, билъ на популярность и, въ данномъ случаѣ, являлся рѣзкою противоположностью своему учителю, знаменитому слависту В. И. Григоровичу и покойному профессору Н. А. Ойрсову.

Осокинъ безъ перерыва занималъ кафедру въ теченіе свыше 25 лѣтъ. Кафедра всеобщей исторіи временно была занята, не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, въ началѣ 60-хъ годовъ незабвеннымъ Н. А. Ойрсовымъ, о замѣчательной профессорской дѣятельности котораго и, вообще, о научномъ значеніи трудовъ котораго будетъ рѣчь впереди.

Предмету всеобщей исторіи, какъ и общей литературы вообще не везло въ Казанскомъ университетѣ. Читенія лекцій поручались или случайнымъ преподавателямъ, временнымъ замѣстителямъ, или лицамъ, за вѣдомо неподготовленнымъ. Въ срединѣ 50-хъ годовъ яркимъ метеоромъ блеснулъ на университетскомъ горизонтѣ высоко-талантливый ученый, Степанъ Васильевичъ Ешевскій. Уже первый его печатный трудъ—это магистерская диссертация: «Апполинарій Сидоній», основанная вся на первоисточникахъ, сразу поставила его имя въ одномъ ряду съ первоклассными европейскими учеными. Посмертные его труды были изданы въ 2-хъ томахъ и наглядно показали всю великость потери, понесенную нашими университетами отъ преждевременной кончины Ешевскаго. Даровитый ученый перешелъ изъ Казани въ Москву и здѣсь злая, безжалостная чахотка скосила его молодую жизнь.

Послѣ выхода Ешевскаго, вплоть до 70-хъ годовъ кафедра всеобщей исторіи оставалась вакантной, и нужно удивляться тому, что филологическій факультетъ не позаботился, о своевременномъ замѣщеніи ея, несмотря на все громадное значеніе, и научное и воспитательное, предметовъ всеобщей исторіи.

Въ 50-хъ годахъ эта каѳедра была занята кратковременно двумя преподавателями: М. И. Славянскимъ и г. Ведровымъ, но оба они добровольно удалились на службу въ Петербургъ. Славянскій въ женскія гимназіи, гдѣ онъ былъ инспекторомъ, а Ведровъ сдѣлался цензоромъ при главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Положеніе студентовъ-филологовъ было очень печально, такъ какъ большинство очень важныхъ каѳедръ не было замѣщено да и не посылались за границу молодые люди для подготовки къ профессорскому званію. Явленіе это было тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что большинство филологовъ мало были знакомы съ новыми языками и поэтому знанія, пріобрѣтенныя безъ надлежащаго руководства, были лишь жалкими заплатами, и непріятіе мѣръ къ замѣщенію вышеупомянутыхъ каѳедръ легло пятномъ на совѣсти факультета. Приходилось одному и тому же лицу читать 2—3 предмета. Такъ, преподаватель русской исторіи Опрсовъ одновременно читалъ и всеобщую, года два подрядъ. Профессоръ Буличъ несъ на своихъ плечахъ преподавательское бремя по тремъ наукамъ: по исторіи философіи общей и русской литературы. Профессоръ Угянскій совмѣщалъ въ своей личности цѣлыхъ четыре каѳедры: греческой и римской литературы и каѳедры греческаго и латинскаго языковъ. Такова была неприглядная сторона въ тогдашней университетской жизни на почвѣ историко-филологическаго факультета и это тѣмъ болѣе рѣзко выдѣлялось, что другіе факультеты освѣжались молодыми научными силами, такъ напримѣръ юридическій факультетъ пріобрѣлъ въ лицѣ покойнаго А. П. Чебышева-Дмитріева превосходнаго знатока по теоріи практики уголовного права. На каѳедру русскаго права приглашенъ былъ С. М. Шпилевскій, нынѣшній директоръ Демидовскаго ярославскаго лицея. Каѳедру римскаго права занялъ молодой даровитый ученый Н. А. Кремлевъ. Другіе факультеты, какъ я уже говорилъ объ этомъ, могли тоже похвалиться удачнымъ составомъ профессорскаго персонала, оставившимъ послѣ себя цѣлую плеяду учениковъ, таковы напримѣръ были Бутлеровъ, Вагнеръ, Виноградовъ, Имшенецкій, Ковальскій и т. п. Зато историко-филологическій факультетъ имѣлъ преподавателемъ греческаго языка и греческой литературы нѣкогого Андрея Онуфриевича Угянскаго. Это до такой степени оригинальная личность, что позволяю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. По наружности это былъ человѣкъ худой, нѣсколько кривобокій, гладко подстриженный, постоянно кашлявшій и харкавшій. Ходилъ онъ въ длиннополомъ сюртукѣ, доходившемъ до щиколодокъ, шею тщательно обматывалъ чуть не до ушей чернымъ платкомъ и вообще по наружному своему виду менѣе всего былъ похожъ на нормальнаго человѣка.

Угянскій долго служилъ преподавателемъ греческаго языка въ I-й казанской гимназіи и въ то же время занималъ мѣсто надзирателя въ

пансіонѣ гимназіи. Будучи старымъ холостякомъ, онъ не отрывалъ своихъ глазъ отъ чтенія классиковъ, которыхъ онъ усердно читалъ и дома и на службѣ въ дни своихъ дежурствъ. Репутація хорошаго преподавателя греческаго языка и магистерскій дипломъ дали Угянскому возможность сдѣлаться экстраординарнымъ профессоромъ въ университетѣ.

Лекціи Угянскаго по исторіи греческой литературы привлекали не однихъ только филологовъ всѣхъ 4-хъ курсовъ, но и студентовъ другихъ факультетовъ. Здѣсь, на этихъ лекціяхъ, происходило нѣчто невѣроятное, и пишущій эти строки былъ очевидцемъ представленій, какія давались г. Угянскимъ. Во 1-хъ, въ аудиторіи профессора постоянно происходили ожесточенные диспуты со студентами разныхъ факультетовъ. Темы были самыя разнообразныя и неизмѣнныя никакого соотношенія съ предметами классической филологіи.

Въ теченіе 4-хъ лѣтъ я не помню, чтобы состоялась хоть одна лекція по исторіи греческой литературы: время тратилось на одну только болтовню; видимо, Угянскому дома было крайне скучно и онъ отводилъ душу въ болтовнѣ на лекціяхъ. Его оппоненты съ нимъ не стѣснялись. Когда Угянскій разразился рѣзкой критикою знаменитой книгѣ Бокля: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», то одинъ изъ студентовъ, покойный Фелицынъ, бывшій впоследствии директоромъ витебской гимназіи, громогласно заявилъ въ аудиторіи, что вѣроятно г. профессоръ и въ глаза не видалъ Бокля, а говоритъ про учебникъ исторіи временъ Екатерины II какого то Шрека. На замѣчаніе Фелицына Угянскій сталъ клятвенно увѣрять, что Бокля онъ дѣйствительно читалъ и что получилъ его отъ студента Василя Ларіонова. При этомъ тутъ же въ аудиторіи былъ вызванъ Ларіоновъ и подтвердилъ, что дѣйствительно онъ давалъ эту книгу профессору, но что прочелъ ли эту книгу г. Угянскій онъ, Ларіоновъ, этого подтвердить не можетъ. Угянскій вообще не стѣснялся и въ разгарѣ полемики говорилъ своимъ оппонентамъ—ты; при этомъ общее выраженіе лица Угянскаго, покрытаго болѣзненнымъ румянцемъ, было странно. Иногда словоизверженія направлялись по адресу лицъ университетской администраціи, что производило огромную сенсацію. Тогдашній попечитель казанскаго учебнаго округа Шестаковъ, знатокъ классической филологіи, передалъ въ редакцію «Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета» свой переводъ трагедіи Эврипида. Угянскій, не предупрежденный относительно личности автора перевода, обругалъ его, что было, разумѣется, курьезно, когда Угянскій узналъ, что авторъ есть самъ попечитель.

Греческій языкъ Угянскій преподавалъ съ азавъ, такъ какъ во всемъ казанскомъ округѣ только I-ая казанская гимназія обучала питомцевъ этому языку. Если преподаваніе литературы проходило, какъ я сказалъ, въ болтовнѣ, то надо отдать полную справедливость Угян-

скому въ его умѣлости, какъ преподавателю греческаго языка. Уже въ IV курсѣ большинство изъ насъ понимало Софокла и Гомера. Грамматику проходили по самому сжатому конспекту и отъ переводовъ греческой хрестоматіи Якобса переходили къ Одиссеѣ Гомера, къ рѣчамъ Демосоена и пр.

Приемы преподаванія греческаго языка у Угянскаго были чисто-учительскіе, а не профессорскіе; грамматика, разумѣется, была на первомъ планѣ.

У профессора Угянскаго была одна, рѣзко-выдающаяся черта, характеризующая его, какъ ученаго: это его пламенная, искренняя ненависть ко всему спартаанскому или дорійскому, а также къ исторіи и литературѣ Рима.

Онъ былъ поклонникомъ греческой цивилизаціи до эпохи знаменитой Пелопонесской войны и, разумѣется, въ главномъ гнѣздѣ ея, въ Аѳинахъ. Величайшими врагами аѳинской культуры Угянскій считалъ вѣкъ Перикла, какъ, равнымъ образомъ, величайшаго представителя въ сферѣ мысли онъ видѣлъ въ лицѣ знаменитаго идеалиста-философа Платона. Римской литературѣ Угянскій не придавалъ никакого значенія: даже самый историческій ходъ ея, начавшійся драмою и кончившійся лирикою—Угянскій считалъ неестественнымъ, нелогичнымъ, и главнѣйшихъ представителей римской литературы, какъ поэтовъ, такъ и прозаиковъ, находилъ пережевывающими чужую жвачку, признавалъ ихъ компиляторами греческихъ идей, пустыми эклектиками. Въ этомъ отношеніи профессоръ былъ очень послѣдователенъ и положителенъ и это было у него руководящимъ взглядомъ. Новѣйшихъ историковъ по греческой исторіи и литературѣ Угянскій, повидимому, не признавалъ. Какъ курьезъ, передамъ такой фактъ: при переходѣ со II курса я долженъ былъ представить въ факультетъ письменную работу по одному изъ главныхъ предметовъ. Темою я избралъ «законы или формы Ликурга въ Спартѣ». Я узналъ, что въ университетской библіотекѣ имѣется превосходное сочиненіе Грота въ нѣмецкомъ переводѣ Мейснера. Въ библіотекѣ мнѣ сказали, что книги эти взяты Угянскимъ. Скрѣпя сердце я рѣшился обратиться къ нему съ просьбой дать мнѣ на короткое время одинъ изъ томовъ Грота. Профессоръ просилъ меня зайти къ нему на квартиру, что было для меня крайне нежелательно. Угянскій жилъ какъ разъ противъ университета, въ домѣ Егорова. Я просилъ его указать мнѣ какъ источники, такъ и пособія по вопросу о реформахъ Ликурга. На мою просьбу профессоръ желчно отвѣтилъ, что первый капитальный источникъ—это есть шаръ земной, а главнѣйшимъ пособіемъ должна служить моя собственная голова. Когда же я просилъ дать мнѣ Грота, то онъ, злобно смѣясь, сказалъ, что считаетъ всѣхъ историковъ Греціи,

начиная съ Оукидида и кончая г. Гротомъ, величайшими плутами, мошенниками, мистификаторами и что давать подобныя книги въ руки студентовъ онъ считаетъ смертельнымъ грѣхомъ. Я молча откланялся и ушелъ съ пустыми руками.

Наконецъ на факультетѣ разнеслась вѣсть, что на кафедре римской литературы приглашенъ глубокій знатокъ, нѣкій Лукашевскій.

Дѣйствительно, наши ожиданія оправдались. Какъ теперь помню, въ аудиторію вошелъ маленькаго роста человекъ, рѣзкій брюнетъ,— блѣдный, худой,—промаршировалъ прямо къ кафедрѣ, не отвѣтивъ даже на поклонъ студентовъ; затѣмъ крѣпко сѣлъ, недружелюбно, исподлобья посматривая на окружающихъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ вынулъ изъ кармана громадную тетрадь, открылъ ее и началось чтеніе лекціи, или, вѣрнѣе, перечня всѣхъ существующихъ изданій римскаго поэта Горация—мы насчитали ихъ что-то болѣе ста. Проблѣ звонокъ, пошли мы въ студенческій буфетъ немного освѣжить свои затуманенныя головы. На слѣдующій разъ повторилось буквально тоже самое; единодушно и единогласно рѣшено было не посѣщать болѣе лекцій Лукашевскаго. Латинистъ-оригиналъ счелъ за нужное добровольно удалиться изъ университета. Дальнѣйшая судьба этого «ученаго»—мнѣ неизвѣстна.

Такимъ образомъ попытка замѣнить кафедру латинскаго языка и литературы кончилась полнѣйшею неудачею. Въ стѣнахъ той самой аудиторіи, гдѣ происходили неумѣстныя разглагольствованія г. Угянскаго и неудачные дебюты г. Лукашевскаго, еще незадолго передъ моимъ вступленіемъ въ университетъ читались лекціи двумя превосходными знатоками античнаго міра: Б. И. Ордынскимъ и Н. М. Благовѣщенскимъ. Ордынский оставилъ послѣ себя рядъ замѣчательныхъ работъ, совершенно самостоятельныхъ, до сихъ поръ сохранившихъ свою научную цѣнность. Всѣ свои труды Ордынский печаталъ въ лучшихъ тогдашнихъ журналахъ: «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» и въ извѣстномъ Сборникѣ Леонтьева «Пропаиен». И вотъ, такой то ученый, по волѣ судьбы, замѣненъ былъ оригиналомъ г. Угянскимъ. Ордынский перешелъ въ Москву, а Н. М. Благовѣщенскій, глубокій знатокъ римской литературы, оставилъ тоже Казань, промѣнявъ ее на Петербургъ и потомъ Варшаву, гдѣ онъ сдѣлался ректоромъ вновь открытаго университета. Монографія Благовѣщенскаго о Горации выдержала нѣсколько изданій. На смѣну такимъ двумъ замѣчательнымъ ученымъ, даровитымъ профессорамъ факультетъ пригласилъ г.г. Угянскаго и Лукашевскаго. Подобный порядокъ вещей тѣмъ болѣе былъ непонятенъ, что университетъ, по новому уставу, давалъ ординарнымъ профессорамъ трехтысячный окладъ жалованья и, слѣдовательно, даже и съ этой стороны значительно облегчалась возможность замѣщенія вакантныхъ кафедръ.

Намъ приходилось у профессора Микшевича слушать курсъ поли-

тической экономіи. Этотъ профессоръ, заявившій себя только одною работою: «О продажѣ государственныхъ имуществъ», всегда свирѣпствовалъ на экзаменахъ и былъ злѣйшимъ противникомъ экономической школы Джона Стюарта Милля.

Г. Микшевичъ замѣнилъ собою И. К. Бабста ¹⁾, перешедшаго въ Москву. Словомъ, историко-филологическій факультетъ ѣхалъ по наклонной плоскости, постепенно терялъ замѣчательныхъ преподавателей. По лекціямъ профессора Микшевича никто никогда не готовился, а къ экзамену брали книгу Вильгельма Рошера, въ переводѣ Бабста.

Вотъ весь научный контингентъ тѣхъ научныхъ силъ, въ рукахъ которыхъ былъ филологическій факультетъ, представлявшій изъ себя какую то разсыпанную зрамину.

А. Овсянниковъ.

•

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Извѣстенъ въ ученomъ мѣрѣ двумя превосходными монографіями: „О Джонѣ Ло“ и „Государственные люди Греціи въ эпоху ея распада“.

Письмо М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову ¹⁾.

17-го іюля 1810 (?) г. Кіевъ.

Я къ тебѣ мало пишу, чтобы не наскучить. Въ Кіевѣ нашель я ссоры, сплетни—и такъ моя судьба только разбирать неприятности; много сіе стоятъ мнѣ чувствительности. Прощай, пожелай другу твоему покоя и вѣрь въ вѣчной дружбѣ твоего Милорадовича.

Письмо М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову.

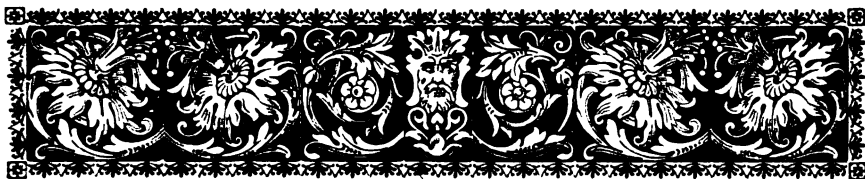
1810 г. (?)

Я теперь въ Кіевѣ могу по всѣмъ обстоятельствамъ на опытѣ доказать усердіе и ревность. Дѣлъ много—стараться буду исполнять, но не могу забыть моей тоски, почему мнѣ въ столицу не позволяютъ пріѣхать? Пришли, душа моя, мнѣ четырехмѣстную и двухмѣстную карету лучшей моды. Прости. Люби вѣрнаго друга Милорадовича.

Р. S. Своихъ денегъ мало, суммы никакой нѣтъ, прощай экономія.

¹⁾ Впослѣдствіи комендантъ С.-Петербургской крѣпости.

Россія и Франція въ 1870 г.

(По бумагамъ генерала Флэри ¹⁾).

I.

Назначеніе генерала Флери посломъ въ Петербургъ и инструкція ему данная.—Желаніе Наполеона III сблизиться съ Россією.—Прибытіе Флэри въ Петербургъ.—Пріемъ ему сдѣланный.—Переговоры Флэри съ княземъ Горчаковымъ.—Аудіенція у императора Александра II.—Шлезвигскій вопросъ.—Письмо императора Александра королю Вильгельму.—Посылка ему св. Георгія 1-й степени.—Впечатлѣніе, произведенное этимъ въ Парижѣ.—Вопросъ о разоруженіи.—Участіе Франціи въ Польскомъ возстаніи 1863 года.—Переговоры въ защиту Даніи.— Столкновеніе Турціи съ Черногорією.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. императоръ Наполеонъ III назначилъ посланникомъ въ Петербургъ генерала Флэри на мѣсто Талейрана, назначеннаго сенаторомъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ выборъ посланника имѣлъ большое значеніе.

Отношенія между петербургскимъ и парижскимъ кабинетами, послѣ Крымской войны, были весьма холодныя, несмотря на попытку къ сближенію, сдѣланную въ 1857 г. графомъ Морни,

¹⁾ Генералъ Флэри родился въ Парижѣ 23-го декабря 1815 г. и двадцати двухъ лѣтъ поступилъ въ полкъ сипаевъ, дѣйствовавшихъ въ Африкѣ. Это была эпоха самыхъ блестящихъ подвиговъ французскихъ войскъ въ Алжирѣ. Молодой Флэри, сражаясь со своимъ полкомъ, выказалъ замѣчательную храбрость, былъ нѣсколько разъ раненъ, заслужилъ на полѣ битвы всѣ чины до капитана включительно, орденъ почетнаго легіона и былъ назначенъ въ 1848 г. эскадроннымъ командиромъ.

Этимъ закончился первый, боевой періодъ его жизни. Какъ человѣкъ въ

который присутствовалъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника при коронаціи императора Александра II, и на свиданіи монарховъ въ Штутгартѣ, гдѣ Наполеонъ очаровалъ русскаго царя. Россія была обижена нѣкоторыми статьями Парижскаго трактата, была недовольна

высшей степени честолюбивый, онъ постарался приблизиться къ Людовику Наполеону и предвидя его блестящую будущность, сдѣлался его ревностнымъ сторонникомъ; послѣ избранія принца президентомъ республики Флѣри, въ награду за его преданность и безупречную военную репутацію, былъ назначенъ (26-го декабря 1848 г.) ординарцемъ президента. Это было началомъ его новой блестящей карьеры. Въ 1851 г., во время экспедиціи французовъ въ Кабилию подъ начальствомъ генерала Сентъ-Арно, онъ получилъ разрѣшеніе принять участіе въ походѣ и вернулся изъ Африки подполковникомъ. Во все время президентства Людовика Наполеона, онъ былъ частымъ посетителемъ Елисейскаго дворца и на него, какъ на довѣренное лицо, возлагались особые порученія.

Принявъ дѣятельное участіе въ переворотѣ 2-го декабря онъ былъ назначенъ, нѣсколько дней спустя послѣ провозглашенія имперіи, шталмейстеромъ. Съ этого момента онъ сталъ быстро повышаться по службѣ. Въ 1856 г. онъ былъ уже бригаднымъ генераломъ; въ 1860 г. назначенъ главнымъ начальникомъ государственнаго коннозаводства, а нѣсколько лѣтъ спустя—оберъ-шталмейстеромъ. Завѣдуя своей частью онъ ввелъ въ администрацію конскихъ заводовъ много улучшеній и лично достигъ того, что немногіе монархи имѣли конюшни, которыя могли бы сравняться съ конюшнями Наполеона III.

Пользуясь особымъ довѣріемъ императора Наполеона, которому онъ былъ дѣйствительно вполне преданъ, генераль Флѣри исполнялъ неоднократно весьма важныя порученія, между прочимъ съ 1861—1866 г. былъ посылаемъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ Туринъ, Копенгагенъ, Флоренцію, а въ 1869 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ до сентября мѣсяца 1870 г.

Съ паденіемъ имперіи окончилась и его карьера; живя впоследствии вмѣстѣ съ Наполеономъ III въ Чайльсгерстѣ, генераль Флѣри часто бывалъ въ Парижѣ и сообщалъ бывшему императору свѣдѣнія о проискахъ бонапартистовъ.

Находясь въ отставкѣ съ 1879 г. онъ велъ подъ конецъ жизни († 11-го декабря 1884 г.) записки, которыя изданы въ Парижѣ въ 1898 г. Изложить нѣкоторые эпизоды военныхъ дѣйствій въ Алжирѣ, въ которыхъ онъ лично принималъ участіе, исправить ошибки лицъ, писавшихъ о событіяхъ 1851—1852 г.г., очертить наиболѣе выдающіяся событія второй имперіи и защитить отъ клеветы память Наполеона III—такова была цѣль этихъ записокъ, доведенныхъ до 1867 г. и которыя представляютъ поэтому интересъ исключительно для французской публики.

Но генераль Флѣри оставилъ кромѣ того массу замѣтокъ и дипломатическихъ документовъ, относящихся до его посольства въ Россію въ 1869—1870 г.г. На основаніи этихъ весьма любопытныхъ бумагъ составлена, появившаяся въ журналѣ „Revue de Paris“ (декабрь 1898 и январь 1899 г.) статья о пребываніи его въ Россію, которую мы и предлагаемъ вниманію нашихъ читателей.

союзомъ Франціи съ Англіей и въ особенности была озлоблена неполитичнымъ поведеніемъ Франціи въ польскомъ вопросѣ.

Въ виду общности интересовъ Пруссіи и Россіи, событія 1863 г. въ Польшѣ укрѣпила еще болѣе тѣсныя узы дружбы, существовавшія между ихъ царствующими домами.

Въ 1866 г. Россія не только не побоялась завоеваній Пруссіи и ея расширенія, но была довольна пораженіемъ Австріи, которая поощрала польское возстаніе своей политикой въ Галиціи и какъ будто хотѣла возстановить Польшу въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Принявъ въ слѣдующемъ, 1867 г., приглашеніе Наполеона III посѣтить всемірную выставку въ Парижѣ, императоръ Александръ II хотѣлъ этимъ загладить свое расположеніе къ Пруссіи, но эта поѣздка омрачилась покушеніемъ на его жизнь; отношенія къ Франціи попрежнему были неособенно искренни. Императоръ Наполеонъ попытался измѣнить ихъ къ лучшему.

Не довѣряя дружбѣ Англіи, которая, получивъ на Парижскомъ конгрессѣ, благодаря Франціи болѣе нежели она могла ожидать, смотрѣла безучастно на событія, происходившія въ континентальной Европѣ, Наполеонъ хотѣлъ сблизиться съ Россіей и, заключивъ съ нею союзъ, положить предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Пруссіи. Назначеніе въ Петербургъ посланникомъ чловѣка военнаго, заслуженнаго генерала, который неоднократно былъ облеченъ его довѣріемъ, издавна пользовался его дружбою и, главное, уваженіемъ императора Александра, достаточно указывало на миролюбивые виды Наполеона III относительно Россіи.

Помимо официальныхъ инструкцій, данныхъ Флѣри при его отъѣздѣ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ получилъ отъ императорскаго кабинета записку, въ которой говорилось:

«Генералъ Флѣри долженъ высказать императору Александру, что императоръ Наполеонъ, желая скрѣпить узы, связующія обоихъ монарховъ, избралъ для этого посланникомъ генерала, состоящаго лично при его особѣ.

«Съ княземъ Горчаковымъ ему слѣдуетъ быть сдержаннымъ, онъ долженъ подтвердить ему, что французское правительство желаетъ мира и слѣдовательно соблюденія *status quo*.

«Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ, генералъ Флѣри дастъ ему понятъ опасность, которою угрожаетъ Европѣ идея объ объединеніи Германіи, имѣющая конечной цѣлью включить въ сферу германскаго вліянія всѣ земли, начиная съ Курляндіи и кончая Эльзасомъ, населеніе коихъ говорить на нѣмецкомъ языкѣ.

«Польскій вопросъ будетъ погребенъ, ежели Австрія сохранитъ свои нѣмецкія провинціи и приобрѣтетъ снова вліяніе на южную Германію.

Если же она будетъ отгѣснена на востокъ, и увлечена страстями, волнуемыми Венгрію, то вмѣстѣ съ этимъ воскреснетъ и польскій вопросъ.

«Поэтому интересы Россіи требуютъ, чтобы она помогла Австріи утвердить ея преобладающее вліяніе на южную Германію.

«Франція ничего не желаетъ кромѣ сохраненія *statu quo* и соблюденія трактатовъ. Поэтому она хочетъ, чтобы были окончательно рѣшены всѣ вопросы, могущіе вызвать раздраженіе въ Европѣ; въ Парижѣ весьма сожалѣютъ о томъ, что берлинскій кабинетъ не соблюдаетъ постановленій Пражскаго договора относительно Даніи.

«Поддержаніе *statu quo* желательно также на Востокѣ, но это не мѣшаетъ говорить о будущемъ. Было бы весьма важно знать, какъ смотритъ Россія на будущую судьбу Турціи и какъ бы ей хотѣлось, въ случаѣ всеобщаго потрясенія, чтобы были организованы страны Востока.

«Если бы Франціи были вполнѣ извѣстны намѣренія Россіи, то она могла бы взвѣсить, въ чемъ заключаются ея интересы въ близкомъ будущемъ».

Французскому посланику былъ оказанъ въ Россіи самый милостивый пріемъ; ему удалось быстро завоевать симпатіи петербургскаго двора и занять при немъ весьма видное положеніе. Какъ военный генералъ, Флѣри пользовался нѣкоторыми преимуществами, которыя не оказывались прочимъ посланникамъ, такъ напримѣръ онъ присутствовалъ, въ свитѣ императора, каждое воскресеніе на парадахъ и смотрахъ въ манежѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, кромѣ различныхъ аудіенцій, официальныхъ пріемовъ и охоты, на которую генерала Флѣри нерѣдко приглашали, онъ видѣлъ императора и великихъ князей почти каждую недѣлю.

Онъ былъ также весьма милостиво принятъ въ Анничковскомъ дворцѣ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великой княгиней Маріей Николаевной, расположенной къ Наполеону III. Прочіе члены царской фамиліи, лица императорской свиты и служащіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ относились болѣе сочувственно къ Германіи. Впрочемъ, несмотря на различіе взглядовъ, всѣ соперничали другъ передъ другомъ въ любезности съ посланникомъ Наполеона III.

«Я нахожусь, писалъ Флѣри въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ наилучшихъ отношеніяхъ съ самыми выдающимися дипломатами и воен-

¹⁾ Принцъ de la Tour d'Auvergne, писалъ генералу Флѣри по этому поводу въ декабрѣ мѣсяцѣ 1869 г.:

„Я нахожу, что вы хорошо дѣлаете, не упуская случая показываться въ военномъ мундирѣ. Графъ Штакельбергъ уже сообщилъ мнѣ, что вамъ за это очень благодарны въ Петербургѣ, гдѣ генераловъ дѣнять гораздо болѣе нежели посланниковъ; когда же человѣку посчастливится, какъ вамъ, быть тѣмъ и другимъ одновременно, то онъ занимаетъ самое выгодное положеніе, чтобы успѣшно вести дѣла своей страны“.

ными лицами и, хотя я держу себя весьма осторожно, однако, я надѣюсь достигнуть въ скоромъ времени столь прочнаго положенія, которое дастъ мнѣ возможность успѣшно довести до конца возложенное на меня важное порученіе».

Вотъ какъ описывалъ посланникъ свое свиданіе съ княземъ Горчаковымъ и официальный приемъ у императора Александра II.

«Мое свиданіе съ министромъ было самое сердечное, писалъ онъ принцу de la Tour d'Auvergne, 13-го ноября н. ст.; уже судя по поспѣшности, съ какою онъ меня принялъ на другой же день послѣ того, какъ я просилъ его о томъ, и что онъ отдалъ мнѣ визитъ часъ спустя послѣ того, какъ я былъ у него, очевидно онъ хотѣлъ этимъ оказать мнѣ особенную любезность».

Обмѣнявшись первыми привѣтствіями, генералъ затронулъ важный вопросъ о Шлезвигъ-Гольштиніи и о той статьѣ Пражскаго договора, отъ исполненія которой Пруссія упорно уклонялась¹⁾.

«Такъ какъ князь Горчаковъ, вспоминая о прошломъ, заговорилъ между прочимъ о Люксембургѣ, и утверждалъ, что Россія всегда поступала относительно Франціи умѣренно и дружелюбно, то я поспѣшилъ сказать, что, согласившись по совѣту Англіи и Россіи признать независимость Люксембурга, Франція также заслужила одобреніе Европы. Императоръ Наполеонъ и въ настоящее время желаетъ мира; онъ ничего не требуетъ кромѣ соблюденія *statu quo* и выполненія договоровъ. Поэтому было бы желательно, чтобы всѣ вопросы, могущіе вызвать раздраженіе державъ, были рѣшены окончательно, и въ Парижѣ весьма сожалѣютъ о томъ, что берлинскій кабинетъ до сихъ поръ не далъ населенію Шлезвига возможности рѣшить свою судьбу свободной подачею голосовъ. Чѣмъ миролюбивѣе настроено правительство, тѣмъ необходимѣе, чтобы оно предъявило палатѣ и странѣ ясную и определенную программу внѣшней политики. Только при этомъ условіи миръ можетъ быть проченъ, такъ какъ этимъ будетъ удовлетворена справедливая гордость Франціи...

«Это дѣло заслуживаетъ серьезнаго вниманія вашего правительства. Императоръ Александръ можетъ имѣть большое вліяніе на своего дядю; пусть онъ имъ воспользуется, чтобы убѣдить короля въ томъ, что война была бы одинаково страшна для Пруссіи, какъ и для Франціи, и что Франція хочетъ избѣжать ее, но что она въ правѣ требовать соблюденія договоровъ.

— Я понимаю болѣе чѣмъ кто-либо, какъ необходимо дать Франціи это справедливое удовлетвореніе,—отвѣчалъ канцлеръ,—и могу васъ увѣрить, что я недавно говорилъ объ этомъ съ королемъ, въ Баденѣ;

¹⁾ Оккупация герцогства предполагалась, какъ извѣстно, лишь временная.

вамъ подтвердить это самъ государь; но король прикидывается глухимъ въ этомъ случаѣ и указываетъ на затрудненія, могущія возникнуть при разграниченіи, которыя, впрочемъ, всѣмъ извѣстны. Онъ говоритъ, что этотъ вопросъ затрогиваетъ его воинскую честь, и что онъ не можетъ обидѣть армію, отказавшись отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она сражалась и одерживала побѣды. Нѣсколько дней тому назадъ король не пожелалъ принять датскую депутацію, пріѣхавшую просить о соблюденіи постановленій договора. Онъ увѣряетъ, что датскій король также не одобряетъ ихъ поступка, и что у послѣдняго одно желаніе — сохранить добрыя отношенія къ Пруссіи.

— Но Бисмаркъ смотритъ на дѣло иначе, — прибавилъ канцлеръ, онъ смотритъ на него съ той же точки зрѣнія, какъ Франція; поэтому это составляетъ только вопросъ времени; я позабочусь о немъ.

Вотъ какъ описываетъ генераль Флѣри аудіенцію у императора:

«Аудіенція, которую императоръ соблаговолилъ назначить мнѣ въ Царскомъ Селѣ, имѣла характеръ совершенно исключительный и чрезвычайно лестный для посланника Франціи. Мнѣ былъ оказанъ самый благосклонный, простой и сердечный приемъ, которому я не могу достаточно нарадоваться. Вопреки обычаю, установившемуся для подобнаго рода представленій, и къ великому изумленію тѣхъ лицъ, которыя меня ввели, его величество продержалъ меня въ своемъ кабинетѣ три четверти часа. Разговоръ былъ въ высокой степени интересенъ и общается въ будущемъ частыя и искреннія бесѣды съ императоромъ, если только постороннее и недружелюбное вліяніе не измѣнитъ настроеніе императора.

«Въ противоположность князю Горчакову, который хотѣлъ, вѣроятно, предоставить въ этомъ случаѣ инициативу императору, его величество коснулся всѣхъ вопросовъ, всѣхъ предметовъ. Но такъ какъ было необходимо обратить его вниманіе на вопросъ, который наиболее интересуется насъ въ данный моментъ, то я горячо просилъ его повліять, въ качествѣ родственника, на короля Вильгельма. Я имѣлъ возможность сказать императору многое, что не имѣло бы никакого значенія, будучи сказано канцлеру. Видя, что императоръ готовъ сдѣлать шагъ, который могъ бы быть пріятенъ Франціи, я позволилъ себѣ настаивать на томъ, чтобы онъ далъ мнѣ въ этомъ какое-нибудь ручательство. Государь общалъ мнѣ, дѣйствительно, серьезно заняться этимъ дѣломъ и начать о немъ секретную переписку съ королемъ, но прибавилъ, что надобно пощадить воинскую щепетливость его дяди, хотя онъ самъ находитъ его не мною жко честолюбивымъ и полагаетъ, что ему слѣдовало бы «переварить то, что онъ поглотилъ» прежде, нежели думать о новыхъ завоеваніяхъ «на сушѣ и на морѣ»; онъ сожа-

лѣтъ о его чрезмѣрномъ увлеченіи милитаризмомъ, который побудилъ его недавно произнести прискорбную рѣчь въ Кёнигсбергѣ, и наконецъ, что онъ попробуетъ замолвить слово, хотя родственныя узы не имѣютъ особеннаго значенія въ политикѣ».

Сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно затрудненій, «которые переживаетъ, повидимому, французская имперія» и относительно революціоннаго духа, который вѣетъ «не въ одной только Франціи, но и въ Россіи и въ Германіи», императоръ сказалъ многозначительно, что назначеніе генерала Флѣри въ Петербургъ возбудило всеобщее любопытство, и спросилъ:

— Видѣли ли вы короля проѣздомъ чрезъ Берлинъ?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Это меня не удивляетъ. Я знаю отъ князя Рейсса ¹⁾, что моего дядю очень я тригуетъ ваша миссія ко мнѣ.

Подъ конецъ бесѣды критиковали дѣйствія Австріи. Государь сказалъ, что онъ не понимаетъ, для чего императоръ Францъ-Иосифъ поѣхалъ въ Константинополь, откуда «онъ вернется еще большаго поклонникомъ Востока, чѣмъ когда-либо? Говоря о графѣ Бейстѣ, царь выразился:

— Онъ будетъ только всегда сѣять смуту.

«Вообще, императоръ Александръ, видимо, не желаетъ поощрять германскихъ стремленій и въ этомъ вполне сходится съ политикой тюльерійскаго кабинета. Онъ хочетъ, чтобы Австрія сохранила перевѣсъ надъ южно-германскими государствами, но считаетъ нужнымъ помѣшать ея расширенію на Востокѣ, гдѣ она могла бы быть помѣхою планамъ Россіи въ настоящемъ и въ будущемъ».

Благосклонность, съ какою императоромъ были приняты предложенія тюльерійскаго кабинета относительно Даніи, была причиною, что министерство иностранныхъ дѣлъ дѣятельно занялось этимъ вопросомъ. Уже 22-го ноября (н. ст.) 1869 г. принцъ de la Tour d'Auvergne выразилъ, въ частномъ письмѣ французскому посланнику, свое одобреніе по поводу того, что онъ коснулся этого вопроса въ разговорѣ съ самимъ императоромъ.

«Мы вполне одобряемъ все сказанное вами въ пользу Шлезвига, писалъ онъ,—и искренно поздравляемъ васъ по поводу доброжелательнаго настроенія, которое вамъ удалось вызвать въ вашемъ августѣйшемъ собесѣдникѣ... Рѣшеніе датскаго вопроса успокоило бы общественное мнѣніе и послужило бы залогомъ миролюбиваго настроенія Пруссіи въ будущемъ, а дружеское вмѣшательство въ это дѣло Россіи поставило бы петербургскій кабинетъ, по отношенію къ Пруссіи и Франціи,

¹⁾ Прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

въ такое положеніе, при которомъ онъ могъ бы съ бѣльшею пользою служить интересамъ мара».

Нѣсколько дней спустя, именно 30-го ноября (н. ст.), генераль Флѣри сообщилъ своему министерству:

«Императоръ Александръ, согласно своему обѣщанію, написалъ королю прусскому убѣдительное письмо, въ которомъ онъ доказывалъ, что въ настоящій моментъ было бы своевременно прекратить вопросъ о Шлезвигѣ, исполнявъ пятую статью Пражскаго договора. Сообщая мнѣ вчера это пріятное извѣстіе, свидѣтельствующее о добрыхъ намѣреніяхъ государя, князь Горчаковъ повторилъ то, что онъ уже равнѣ говорилъ мнѣ:

— Я понимаю, что необходимо разсѣять эту черную точку,—сказалъ онъ,—ибо миръ не будетъ обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока она не исчезнетъ.

«Этотъ тонъ былъ новостью со стороны князя и противорѣчилъ его безучастному до тѣхъ поръ отношенію къ временной оккупации герцогствъ. Поддерживая императора Александра въ его намѣреніи, замолвить слово за Данію, онъ видитъ въ этомъ, вѣроятно, средство откликнуться на предложеніе Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ подобный образъ дѣйствій соотвѣтствующимъ интересамъ Россіи, такъ какъ ея нѣмецкія Прибалтійскія губерніи, населеніе которыхъ говоритъ на бѣлье чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, нежели жители Шлезвига, также могутъ сдѣлаться со временемъ предметомъ вождельнѣи со стороны поборниковъ идеи германскаго объединенія».

Въ Парижѣ прусскій посланникъ Вердеръ потребовалъ у министерства иностранныхъ дѣлъ объясненій по поводу разговора, который императоръ Александръ имѣлъ съ генераломъ Флѣри, и о которомъ государь самъ передалъ князю Рейссу:

«Баронъ Вердеръ произнесъ даже слово разруженіе,—писалъ принцъ de la Tour d'Auvergne 7-го декабря ¹⁾). Копенгагенскій дворъ въ восторгѣ отъ сдѣланнаго вами шага и желаетъ высказать свое мнѣніе, если къ тому представится случай. Я успокоилъ графа Мольтке и старался разъяснить ему, что въ настоящій моментъ его правительству лучше всего воздержаться отъ этого».

Совѣтуя Мольтке не горячиться, министръ, одновременно, указывалъ своему посланнику дѣйствовать какъ можно осторожно, на что послѣдній отвѣчалъ 15-го декабря:

«Предупрежденный газетными статьями и частными извѣстіями,

¹⁾ Этотъ слухъ былъ ложный, какъ увидимъ далѣе. Въ то время не было рѣши объ осуществленіи проекта о разруженіи, предложеннаго Наполеономъ III.

которыя получилъ изъ Парижа, я самъ рѣшилъ дѣйствовать въ томъ духѣ, какъ вы мнѣ совѣтуете. Я понялъ тотчасъ по прїѣздѣ сюда, что благосклонный прїемъ, оказанный мнѣ, какъ французскому посланнику, долженъ былъ вызвать сильное неудовольствіе въ Берлинѣ. Моя продолжительная бесѣда съ императоромъ Александромъ въ Царскомъ Селѣ возбудила зависть прусскаго военнаго уполномоченнаго, генерала фонъ-Швейница. Назначенный посланникомъ въ Вѣну, онъ повезъ изъ Петербурга письмо императора къ королю прусскому; не подлежитъ сомнѣнію, что когда Бисмаркъ узнаетъ объ этомъ отъ самого Швейница, котораго называютъ его креатурою, то онъ постарается разстроить это дѣло, начатое столь успѣшно.

«Поэтому, хотя канцлеръ и говорилъ, двѣ недѣли тому назадъ, что онъ сообщитъ мнѣ отвѣтъ короля прусскаго, лишь только онъ будетъ полученъ, я не предлагалъ ему по этому поводу до сихъ поръ никакихъ вопросовъ. Во время моего свиданія съ княземъ Горчаковымъ третьяго дня, разговоръ касался исключительно текущихъ дѣлъ¹⁾...

«Канцлеръ самъ намекнулъ на дѣло, которое насъ интересуетъ, въ тотъ моментъ, когда я прощался съ нимъ:

— Не отъ насъ будетъ зависѣть,—сказалъ онъ,—чтобы исчезли всѣ черныя точки... Только... это сдѣлается не такъ скоро; наши противники сильны, надобно потерпѣть, но будьте увѣрены, миръ нарушенъ не будетъ».

Генералъ Флѣри рѣшилъ спокойно ожидать обѣщаннаго отвѣта и каковъ бы онъ ни былъ, принять его, не выказывая досады.

«Франціи не слѣдуетъ показывать, что она придаетъ слишкомъ большое значеніе устройству шлезвигскаго дѣла, писалъ онъ. Неудача, если она насъ постигнетъ, будетъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе мы покажемъ, на сколько мы дорожимъ рѣшеніемъ этого вопроса въ благопріятномъ смыслѣ. Съ другой стороны, преувеличивая значеніе оказанной намъ услуги, мы рискуемъ, что отъ насъ потребуютъ въ другой разъ болѣе, нежели мы желали бы дать. Мы подняли вопросъ о соблюденіи Пражскаго договора только въ интересахъ справедливости и мира; императоръ Александръ присоединился къ нашему заявленію отъ всего сердца и съ полной увѣренностью въ его справедливости; несмотря на всѣ признаки, я увѣжденъ, что его чувства до сихъ поръ не измѣнились».

Генералъ намекалъ этими словами на одно обстоятельство, взволновавшее французское общество, а именно на то, что императоръ Александръ послалъ, по случаю столѣтняго юбилея Георгіевскаго ордена,

¹⁾ Греческаго займа и турецко-египетской распри.

королю прусскому Георгіа 1-ой степени. Графъ Шуваловъ ⁴⁾, успокоивая генерала Флѣри, говорилъ, что этому факту не слѣдовало придавать никакого политическаго значенія, что государь послалъ королю этотъ знакъ отличія ни съ кѣмъ не посовѣтывавшись, по своему собственному побужденію, руководствуясь исключительно чувствомъ искренней любви, которую онъ питалъ къ своему дядѣ. Обязанный, по статуту, возложить на себя знаки этого ордена, онъ хотѣлъ раздѣлить эту честь съ побѣдителемъ при Садовой, который уже былъ Георгіевскимъ кавалеромъ съ 1814 года.

Но этотъ фактъ имѣлъ такіа послѣдствія, которыя императоръ въ началѣ не достаточно взвѣсилъ. Монархи обмѣнялись по этому случаю телеграммами, въ которыхъ они вспоминали о побѣдахъ, покрывшихъ славою войска бывшихъ союзниковъ, но которыя были весьма печальны для Франціи. Такъ какъ эти воспоминанія въ данный моментъ ничѣмъ не оправдывались, то онѣ произвели, конечно, непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ. Что въ этомъ фактѣ не было ничего предумышленнаго и демонстративнаго, доказываетъ лучше всего то обстоятельство, что когда государю замѣтили, что отличіе, пожалованное королю Вильгельму, можетъ быть весьма непріятно Франціи, то одно время были намѣрены послать Георгіа 1-ой степени также императору Наполеону III, побѣдителю при Сольферино; но опасеніе сдѣлать непріятное Австріи заставило отказаться отъ этого намѣренія.

Желая загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на французское правительство воспоминаніемъ о побѣдахъ, одержанныхъ союзниками, императоръ удвоилъ любезность къ представителю Наполеона III и оказывалъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ особое благоволеніе.

«Третьяго дня, писалъ генералъ Флѣри 15-го декабря (н. ст.) вопреки этикету и всѣмъ бывшимъ доселѣ примѣрамъ, государь пріѣхалъ неожиданно въ посольство съ визитомъ, а наканунѣ посольство посѣтили наследникъ цесаревичъ и великіе князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, а также Владиміръ Александровичъ и герцогъ Мекленбургскій».

Въ Берлиніѣ приняли совѣтъ, данный императоромъ Александромъ по поводу Шлезвигъ-Гольштиніи, съ должнымъ вниманіемъ къ лицу, коимъ былъ поданъ этотъ совѣтъ, но берлинское правительство, не отвѣчая на него отказомъ, который могъ бы показаться оскорбительнымъ, прибѣгло къ проволочкѣ.

Нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ генерала Флѣри на балу, государь оказалъ ему столь милостивое вниманіе, что посланникъ рѣшился

⁴⁾ Шефъ жандармовъ, впоследствии посланникъ въ Англій.

спросить его, полученъ ли отвѣтъ короля прусскаго на его письмо по поводу Шлезвига.

— Отвѣтъ короля Вильгельма уклончивъ,—сказалъ императоръ;— онъ общаетъ серьезно обсудить данный ему совѣтъ, но говорить, что, сознавая всю его важность, онъ не можетъ тотчасъ принять окончательнаго рѣшенія.

Нѣсколько времени спустя, Флѣри бесѣдовалъ съ княземъ Горчаковымъ.

«Канцлеръ выразилъ мнѣ прежде всего свое искреннее сожалѣніе по поводу того, что мое имя такъ часто упоминалось послѣднія двѣ недѣли по поводу проекта о разоруженіи, котораго я никогда не предлагалъ и о которомъ мы даже никогда не говорили.

— Можно было ожидать,—сказалъ князь,—что ваше назначеніе въ Россію произведетъ нѣкоторую сенсацію. Не говоря уже о томъ, что вступленіе ваше на дипломатическое поприще должно было возбудить зависть во Франціи, но въ Германіи и въ Англіи должны были обсуждать мотивы, коими руководствовался при этомъ выборѣ императоръ Наполеонъ. Доискиваясь причинъ, легко могли подыскать ихъ цѣлыхъ двѣ. Одна—пріятная лорду Кларендону, была мысль о разоруженіи, другая, интересующая Францію,—былъ шлезвигскій вопросъ.

— Я не могъ ни въ какомъ случаѣ говорить о разоруженіи,—отвѣчалъ я,—во-первыхъ потому, что я не получалъ на это приказаній отъ своего правительства, и что съ моей личной точки зрѣнія, я не считаю разоруженіе возможнымъ и практичнымъ въ примѣненіи къ войскамъ, которыя служатъ подъ знаменами столь короткое время, какъ войска во Франціи и въ Пруссіи. Прежде, нежели думать о разоруженіи, необходимо устранить съ горизонта всѣ черныя точки, а у насъ есть одинъ пунктъ, о которомъ было уже много говорено и устранить который, судя по отвѣту короля прусскаго, будетъ довольно трудно.

— Я объясняю этотъ отвѣтъ, сказалъ князь Горчаковъ,—въ томъ же смыслѣ какъ императоръ. Онъ не означаетъ отказа, онъ только дѣлаетъ возможнымъ нѣкоторую проволочку, болѣе ничего.

И князь, позабывъ о предложеніяхъ, которыя онъ дѣлалъ своему бывшему коллегѣ во Франкфуртѣ въ 1864 г., присовокупилъ:

— Скажу вамъ по секрету, я бы очень желалъ, чтобы Шлезвигскій вопросъ былъ оконченъ; увѣрю васъ. Я энергично настаивалъ на этомъ нынче осенью, разговаривая съ королемъ прусскимъ. Удерживать такія ничтожныя крохи недостойно столь великой державы... Причины, коими объясняетъ это обстоятельство король Вильгельмъ, не выдерживаютъ критики. Желаніе сохранить во славу арміи всякую деревушку, гдѣ происходило какое нибудь сраженіе или какая нибудь стычка, сущее ребячество.

— Къ тому же, продолжалъ онъ, — датчане, узнавъ о томъ, что здѣсь поднять этотъ вопросъ, какъ будто вышли изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ они находились послѣдніе два года. Мнѣ извѣстно также черезъ Штакельберга, что Мольтке заволновался въ Парижѣ. Тѣмъ лучше, пусть хлопочать. Это самое лучшее средство, чтобы подѣйствовать на Пруссію, лишь бы только не было замѣтно, что въ этомъ замѣшана Франція.

Генераль Флѣри, соглашаясь съ сказаннымъ, настаивалъ однако на томъ, что императоръ Александръ могъ оказать хотя бы нравственное давленіе на дѣло, которое такъ близко касалось интересовъ его семейства, и обѣщалъ не возвращаться болѣе къ этому вопросу до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено какое нибудь благоприятное извѣстіе.

«Такимъ образомъ, писалъ по этому поводу посланникъ, переговоры вступаютъ, по моему мнѣнію, въ новый фазисъ. Данія рѣшительно заявить свои права; Россія, высказавшая уже свой взглядъ на это дѣло, будетъ защищать права угнетеннаго, въ которомъ она принимаетъ участіе; Франція останется безмолвной и безучастной зрительницей, тѣмъ болѣе, что ея вмѣшательство можетъ только помѣшать успѣху дѣла и сдѣлать неудачу болѣе прискорбной.

Во время этой бесѣды разговоръ коснулся весьма естественно того факта, коимъ ознаменовался столѣтній юбилей Георгіевскаго ордена; князь Горчаковъ повторилъ при этомъ сказанное нѣсколько дней передъ тѣмъ на официальномъ обѣдѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, «что ему весьма прискорбно видѣть недоразумѣніе, вызванное въ Европѣ дружескимъ изъявленіемъ чувствъ со стороны царственнаго племянника къ дядѣ, котораго онъ глубоко уважаетъ, и что государь вовсе не имѣлъ при этомъ желанія воскрешать недавнія воспоминанія, слѣдовательно Франціи и Австріи не было повода обижаться, такъ какъ въ телеграммѣ не было даже упомянуто о Садовой; тоска и телеграмма относились къ славному прошлому, освященному пятидесяти-четырехлѣтнею давностью, и которое наступило послѣ столькихъ превратностей судьбы, что монарху, стоящему во главѣ великой военной державы, вполнѣ естественно было вспомнить о немъ въ столь торжественный день».

— Если мы гордимся Березиной, Лейпцигомъ и Ватерлоо, развѣ вы со своей стороны не гордитесь Аустерлицомъ, Іеной, Эйлау, Москвою? присовокупилъ канцлеръ. Развѣ въ Парижѣ нѣтъ Севастопольскаго бульвара, который напоминаетъ наше пораженіе хотя и не постыдное, но все же растрavляющее едва зажившую рану. Какъ видите, вы не остаетесь у насъ въ долгу.

Выразивъ генералу Флѣри свое удовольствіе по поводу того, что онъ отнесся къ этому факту такъ спокойно, князь Горчаковъ заключилъ разговоръ словами:

— Впрочемъ, мнѣ не къ чему убѣждать васъ въ томъ, въ чемъ вы и безъ того со мною согласны... Будьте увѣрены, что государь вполне цѣнитъ вашъ тактъ, вашу сдержанность. Что касается меня, то я всегда проповѣдывалъ мысль о союзѣ съ Франціей, который былъ бы въ настоящее время весьма тѣсенъ, если бы вы не возъимѣли злополучную мысль принять сторону Польши. Поэтому меня нельзя ни въ чемъ заподозрѣть, если я скажу, что все случившееся, все сказанное не можетъ и не должно измѣнить нашихъ добрыхъ отношеній или повліять на ихъ продолжительность. Если случившееся произвело во Франціи нѣсколько тягостное впечатлѣніе, какъ пишетъ нашъ посланникъ изъ Парижа, то это относится вѣроятно къ тому времени, когда стъ васъ еще не было получено разъясненій. Надѣюсь, что въ настоящее время всѣ тучи окончательно разсѣялись; если же какая нибудь тучка еще носится на горизонтѣ, то я полагаю, что письмо, посылаемое мною Штакельбергу окончательно разсѣетъ ее; по крайней мѣрѣ я искренно желаю этого. Россія ни съ кѣмъ не связана обязательствами—вы можете подтвердить это—и намѣрена сохранить свободу дѣйствій впредь.

Разумѣется, говорить по этому поводу генераль Флѣри, канцлеръ будетъ по прежнему искать сближенія съ Франціей, падя въ то же время Пруссію. Несмотря на свое преклоненіе передъ Бисмаркомъ и на свое пристрастіе къ странѣ, чрезмѣрное увеличеніе которой онъ безмолвно поощрялъ изъ ненависти къ Австріи и по злобѣ къ Франціи, несмотря на его «охи и ахи» по поводу того, что онъ называетъ ошибкою императора Наполеона, т. е. по поводу нашего вмѣшательства въ дѣла Польши, князь Горчаковъ видимо считаетъ союзъ съ Франціей отвѣчающимъ интересамъ обоихъ государствъ.

Не поддаваясь чувствамъ въ вопросѣ, въ которомъ главную роль играли интересы державъ, генераль Флѣри говорилъ въ своемъ письмѣ въ заключеніе:

«Каково бы ни было инстинктивное недовѣріе, которое я питаю къ канцлеру, я не имѣю никакого повода сомнѣваться въ искренности, съ какою все это было имъ сказано. Семейныя узы и любовь, связывающая императора Александра съ королемъ Вильгельмомъ, не могутъ имѣть рѣшающаго вліянія на политику; царь все таки вынужденъ подчинять свои поступки желаніямъ страны...

Что касалось собственно Шлезвигскаго вопроса, то, хотя онъ не былъ окончательно погребенъ уклончивымъ отвѣтомъ короля прусскаго, во всякомъ случаѣ его рѣшеніе было отложено на неопредѣленное время. Впрочемъ либеральное министерство, вступившее во Франціи во власть 2-го января 1870 г., намѣрено было дѣйствовать еще съ большей осторожностью и осмотрительностью.

5-го января императоръ Наполеонъ III подтвердилъ генералу Флѣри въ собственноручномъ письмѣ все то, что писалъ ему ранѣе принцъ de la Tour d'Auvergne.

«Я вижу изъ вашихъ послѣднихъ донесеній, писалъ императоръ, что вы вполнѣ поняли необходимость дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью, поэтому я выжидалъ совершенно спокойно сформированія новаго министерства, чтобы подтвердить вамъ то, что уже писалъ вамъ принцъ de La Tour d'Auvergne. Не забывайте, что все, что вы говорите государю или князю Горчакову, становится извѣстнымъ въ Берлинѣ. Что касается Шлезвигскаго вопроса, то о немъ, какъ вы сами понимаете, не слѣдуетъ болѣе упоминать; если же объ этомъ снова зайдетъ рѣчь, то надобно будетъ дать понять, что, настаивая на точномъ соблюденіи 5-й статьи Пражскаго договора, я имѣю цѣлью только уничтожить поводъ къ раздраженію, который можетъ со временемъ создать намъ большія затрудненія. Державы, желающія сохранить миръ, должны слѣдовательно стараться уничтожить эти затрудненія и устранить воспоминанія, способныя вызвать раздраженіе; заговоривъ о Шлезвигѣ, я не думалъ просить императора Александра оказать мнѣ этимъ услугу, я обратилъ только его вниманіе на вопросъ, который ему точно также было бы пріятно видѣть оконченнымъ».

Въ депешѣ отъ 12-го января н. ст. 1870 г. генералъ Флѣри передаетъ взглядъ князя Горчакова на внутреннюю политику Франціи.

Канцлеръ заѣхалъ въ посольство, чтобы обмѣняться взглядами относительно перемѣны, происшедшей во внутреннемъ управленіи Франціи.

«Онъ высказалъ мнѣ, пишетъ генералъ Флѣри, свое удовольствіе по поводу того, что власть находится теперь въ рукахъ людей, пользующихся репутаціей лицъ честныхъ и независимыхъ, и согласился со мною, что подобный составъ кабинета даетъ имперіи большую силу, ибо правительству удалось соединить, подъ знаменемъ либерализма, всѣхъ тѣхъ, кто относился къ нему до сихъ поръ враждебно. Канцлеръ превозносилъ величіе души и проницательность императора Наполеона, счумѣвшаго стать во главѣ мирнаго переворота, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго будетъ поддержаніе мира».

Князь Горчаковъ пользовался всякимъ случаемъ выразить свою симпатію къ либеральному министерству. Въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ генералъ Флѣри нарочно не заѣзжалъ нѣсколько дней въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ; но встрѣтись съ канцлеромъ случайно, онъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, которому князь старался придать видъ самой непринужденной и откровенной бесѣды; распространяясь о «своей дружеской политикѣ по отношенію къ Франціи» и о томъ, что онъ «искренно желалъ бы установить согласіе между петербургскимъ и парижскимъ кабинетами относительно

Восточнаго вопроса», онъ повторилъ все то, что говорилось имъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда о немъ заходила рѣчь, а именно: что «Россія ничего не добивается отъ Турціи», что она не требуетъ «ни пяди земли», такъ какъ она желаетъ, чтобы «больной прожилъ какъ можно долѣе для блага міра»; но что въ интересахъ религіи она настаиваетъ на томъ, чтобы ей была предоставлена та доля вліянія, на которую она имѣетъ право. Канцлеръ жаловался между прочимъ на консуловъ, которые подъ предлогомъ покровительства христіанамъ дѣйствуютъ во вредъ Россіи, сводятъ всѣ вопросы на религіозную почву и сѣять раздоръ, вмѣсто того чтобы поддерживать согласіе; точно также смотритъ на это и государь, сказалъ онъ. Князь жаловался также на высокомеріе Турціи, которая «ограждается своей слабостью», и выразилъ большое сожалѣніе по поводу того, что султанъ выставилъ войско на границѣ Черногоріи. Напомнивъ какъ благоразумно поступила Россія въ томъ отношеніи, что она не вмѣшалась въ турецко-египетскую распрю, и выразивъ сожалѣніе по поводу строгихъ требованій, предъявленныхъ Турціей къ Египту, князь Горчаковъ высказалъ желаніе, чтобы Франція совѣтывала Турціи дѣйствовать болѣе спокойно и умѣренно.

— Все несчастіе заключается въ томъ, сказалъ канцлеръ, что представители державъ, пріѣхавъ на Востокъ, начинаютъ завидовать другъ другу. Эта борьба личныхъ вліяній вредатъ общей пользѣ и интересамъ политики, которую они призваны защищать.

Этотъ разговоръ, во время котораго было затронуто такъ много важныхъ вопросовъ, происходилъ черезъ пятное въ десятое, однако было очевидно, что, заводя его, князь Горчаковъ имѣлъ при этомъ опредѣленную цѣль.

«Канцлеру давно уже хотѣлось коснуться Восточнаго вопроса, писалъ генераль Флѣри. Я съ своей стороны говорилъ мало, только изрѣдка вставляя слово, но князь говорилъ очень оживленно, и я чувствовалъ, что только моя сдержанность удержала его отъ намека на трактатъ 1856 г. Вынужденный отвѣтить на его замѣчаніе относительно консуловъ на Востокѣ, я посоветовалъ ему поручить графу Штапельбергу передать объ этомъ записку министру иностранныхъ дѣлъ.

— Я уже сдѣлалъ это, возразилъ канцлеръ, поэтому я и не вхожу въ подробности. Никого не обвиняя, я хочу только поставить на видъ, что за нашими отношеніями на Востокѣ надобно зорко слѣдить.

«Черезъ день послѣ нашего свиданія, я убѣдился въ томъ, что канцлеръ сдѣлалъ мнѣ это сообщеніе дѣйствительно съ вѣдома императора Александра.

«Я имѣю случай часто бесѣдовать съ императоромъ, который относится ко мнѣ чрезвычайно благосклонно. Въ теченіе двухъ недѣль я былъ дважды приглашенъ на охоту; на прогулкахъ, на воскресныхъ

разводахъ, куда я сопровождаю императора верхомъ, я также нерѣдко имѣю случай бесѣдовать съ его величествомъ.

«Послѣдній разъ, когда я ѣздилъ съ императоромъ въ Гатчино, его величество самъ заговорилъ со мною о шлезвигскомъ вопросѣ и объявилъ мнѣ, что король прусскій увѣдомилъ его о томъ, что, желая покончить этотъ споръ, онъ намѣренъ возобновить прерванные переговоры съ датскимъ королемъ, но что, признавая своевременнымъ исполнить 5-ю статью Пражскаго договора, онъ потребуетъ гарантій для нѣмцевъ, которые останутся въ спорной части Шлезвига.

— Это вызоветъ разумѣется мимолетное осложненіе, сказалъ государь, но его можно будетъ вѣроятно устроить. Я похлопочу объ этомъ, какъ я уже вамъ общалъ. Впрочемъ, я и теперь могу поручиться вамъ въ томъ, что Пруссія не сдѣластъ ничего такого, что могло бы нарушить миръ; передайте это императору Наполеону и вашему правительству.

«Въ добрыхъ намѣреніяхъ императора нельзя сомнѣваться, но очевидно онъ поддается обманчивымъ надеждамъ. Впрочемъ, можетъ ли онъ предполагать, что вторичное письмо прусскаго короля написано съ недобросовѣстнымъ намѣреніемъ выиграть время? Когда онъ въ этомъ убѣдится, будетъ уже поздно взяться за дѣло съ надеждою на успѣхъ, и Франція, которая, во имя международнаго права, первая вступилась за поправныя права Даніи и побудила Россію повліять на Пруссію, не будетъ имѣть возможности настаивать на своемъ требованіи мирнымъ путемъ».

Генералъ Флѣри писалъ это въ началѣ 1870 г., когда вниманіе европейскихъ державъ и въ особенности Россіи было отвлечено на короткое время другимъ вопросомъ, а именно сосредоточеніемъ турецкихъ войскъ на границѣ Черногоріи, которое было впрочемъ преувеличено въ донесеніяхъ русскихъ консуловъ и въ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ Австріи. Въ Петербургѣ на это дѣло взглянули настолько серьезно, что на раутѣ, предшествовавшемъ большому балу, 2-го февраля, государь потребовалъ по этому поводу въ довольно рѣзкой формѣ объясненія у повѣреннаго въ дѣлахъ Порты. Кономинось-бей немедленно телеграфировалъ своему правительству; объясненія, полученные имъ, вполнѣ согласовались съ свѣдѣніями, доставленными французскимъ посланникомъ въ Константинополь, г. Буре.

Канцлеру оставалось только согласиться съ очевидностью и выразить свое удовольствіе по поводу того, что «разсѣялись опасенія, которыя могли бы быть вызваны положеніемъ дѣлъ, если бы все произошло такъ, какъ это было ему описано». Онъ обратилъ вниманіе генерала Флѣри на то обстоятельство, что пока великія державы собирались общими силами дать Портѣ совѣтъ дѣйствовать умѣреннѣе и найти

исходъ, который могъ бы удовлетворить обѣ стороны, русское правительство сдѣлало рѣшительное представленіе маленькому черногорскому двору, совѣтуя ему быть сдержаннымъ и осторожнымъ, и князь Николай поспѣшилъ самымъ торжественнымъ образомъ дать обѣщаніе дѣйствовать миролюбиво; канцлеръ увѣрялъ, что на благоразуміе черногорцевъ можно вполнѣ положиться.

— Пусть Турція дѣйствуетъ осторожно и умѣренно, сказалъ онъ, и намъ не придется бояться, что миръ будетъ нарушенъ, такъ какъ державы дѣйствуютъ согласно и наблюдаютъ за этимъ.

Мѣсяцъ спустя послѣ этого случилось, какъ увидимъ далѣе, еще одно событіе, вызвавшее въ первый моментъ большую тревогу въ Петербургѣ, хотя она разсѣялась весьма быстро.

Перевелъ В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо И. И. Дмитриева—къ А. И. Тургеневу.

16-го марта 1820 г. Москва.

Благодарю васъ покорнѣйше за два послѣднія письма. Препровождаю при семъ къ вамъ письмо къ князю Вяземскому, увѣренъ, что вы не откажетесь при случаѣ къ нему отправить. Добрый Жихаревъ обрадовалъ меня, сказавъ, что вы намѣрены пріѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Какъ бы я желалъ, чтобъ это скорѣе сбылось. Сегодня получено извѣстіе, что братъ мой Иванъ Петровичъ Бекетовъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ въ М. Архивъ И. К. сотрудникомъ Малиновскому. Не знаете ли вы, кто за него ходатайствовалъ, самъ ли Алексѣй Ѳедоровичъ или другіе, не участвовалъ ли въ томъ и Николай Михайловичъ? Еслибъ онъ и не братъ мой былъ, такъ и тогда я сказалъ, что въ выборѣ не ошиблись. Онъ страстенъ къ русской древности и очень скромнъ.

Вѣчная память доброму Каткарту и долгая жизнь всѣмъ оставшимся добрымъ. Затѣмъ съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда
вашего превосходительства
покорнѣйшамъ слугою И. Дмитриевъ.

Дѣло объ оскорбленіи Г. Р. Державина почтъ содержателемъ станціи Лопасни.

Въ отношеніи, присланномъ 2-го августа 1813 года изъ Московскаго почтамта въ Московское губернское правленіе, значилось: «Его высокопревосходительство дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Гаврило Романовичъ Державинъ, письмомъ къ управляющему симъ почтамтомъ, приноситъ жалобу на безпорядки почтъ содержателя Лисовскаго, что онъ, въ проѣздъ свой, былъ удержанъ на Лопаснинской станціи болѣе сутокъ нечаяно лошадей приказчикомъ Лисовскаго, который, сверхъ оказанныхъ его высокопревосходительству грубостей и буйства, былъ причиною возмущенія ямщиковъ, скрывавшихся во время требованія лошадей и вышедшихъ совершенно изъ повинненія станціонному смотрителю. Московскій почтамтъ долгомъ почитаетъ, въ дополненіе къ посланной при сообщеніи его отъ 1-го сего августа выпискѣ о неисправностяхъ, происходящихъ на станціяхъ здѣшней губерніи, присовокупить и сей безпорядокъ Лисовскаго, препровождая при томъ въ Московское губернское правленіе копію съ письма его высокопревосходительства, изъясняющаго жалобу его на приказчика Лисовскаго, и проситъ оное правленіе о принятіи зависящихъ отъ него мѣръ къ скорѣйшему прекращенію тѣхъ безпорядковъ, и о послѣдующемъ почтамтъ увѣдомить». Копія съ письма, излагающаго жалобу Г. Р. Державина, приложена къ дѣлу. Письмо помѣчено 30-го іюля 1813 года. Содержаніе его слѣдующее:

«Благодарю ваше превосходительство за немедленное доставленіе мнѣ лошадей въ Москвѣ изъ почтамта. Но сею благосклонностью вашею я недолго воспользовался: доѣхавъ до второй станціи, въ село Лопасню, встрѣтилъ я опять крайнюю непріятность въ пути моемъ. Станціонный смотритель Осетровъ объявилъ мнѣ, что изъ 24-хъ станціонныхъ лошадей, за отправленными до меня проѣзжающими и почтами, нѣтъ ни одной. Я, повѣря ему, имѣлъ терпѣніе дожидаться,

28 числа, съ самаго утра до 10-ти часовъ вечера. Наконецъ, стали возвращаться помалу лошади. Въ ожиданіи достальныхъ, приказаль я повозки мазать, но, къ удивленію моему, приказчикъ содержателя почты, г. Лисовскаго—крестьянинъ Лебедевъ съ грубостью сказалъ, что онъ ни одной лошади не дастъ и не велитъ ямщикамъ ѣхать, говоря, что они надобны для курьеровъ. Я было хотѣлъ его задержать и отослать къ вамъ съ нарочнымъ, но онъ ушелъ. Я обратился къ смотрителю и требовалъ отъ него помощи, но онъ отвѣтствовалъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать, ибо де ямщики вышли у него изъ повинovenія, хотя и онъ жаловался начальству, и было слѣдствіе и браковка въ недостаткѣ и негодности лошадей, но ничто не помогаетъ. Я убѣжденъ былъ его увѣреніемъ, тѣмъ болѣе, когда онъ лошадей дозволилъ взять, но когда ихъ мои люди взяли, то смотритель объявилъ, что ямщиковъ будто нѣтъ, что всѣ разбѣжались. Я хотѣлъ ѣхать съ одними своими людьми, но нашлось, что конскія сбруи унесены ямщиками, и изорваны вожжи, гужи и прочее. Я хотѣлъ было нанять вольныхъ, но ниже полутора ста рублей не ѣхали до Серпухова; разсудя же, что таковая сговорчивость была бы потачкою бездѣльникамъ на дальнѣйшее злоупотребленіе и совершенный грабежъ проѣзжающихъ, рѣшился ночевать и послать за сельскою полиціею, чтобъ она освидѣтельствовала какъ бѣгство ямщиковъ, такъ и умышленную порчу сбруи, и дала бы мнѣ, въ такомъ неожиданномъ случаѣ, свою помощь: тогда ямщики почувствовали свое буйство, привели лошадей и согласились ѣхать; тогда я, отмѣня призывъ земскаго начальства, заявилъ только все происшествіе сотнику и отправился въ путь; но сіе уже было 29-го числа по утру. Такъ я продержанъ былъ на сей станціи болѣе сутокъ. Я не доводилъ бы до вашего превосходительства таковыхъ неприяностей, ежели бы не думалъ, что неунятіе таковыхъ дерзостей можетъ произвести весьма дурныя послѣдствія, ибо приказчикъ Лисовскаго—крестьянинъ Лебедевъ—оказалъ крайнее буйство и былъ болѣе—возмутитель ямщиковъ, нежели смотритель за ними. Пріѣхавъ въ Серпуховъ, узналъ я, что такое неустройство происходитъ отъ самаго содержателя Лисовскаго, ибо, сдавъ почту своему повѣренному, не даетъ онъ на содержаніе полного числа лошадей, договорныхъ по контракту денегъ, отчего не бываетъ полного числа лошадей на станціи, и происходитъ въ нихъ недостатокъ, слѣдственно, и притѣсненіе проѣзжающимъ. Пребывая и прочъ».

Губернское правленіе предписало Серпуховскому земскому исправнику произвести по этому дѣлу слѣдствіе, на мѣстѣ, съ указаніемъ, чтобы онъ «за исправностью почтовыхъ лошадей имѣлъ неослабное смотрѣніе и подобныя неустройства отвращалъ благовременно».

Отъ Серпуховскаго земскаго суда былъ отправленъ дворянскій засѣдатель, нѣкто поручикъ Жилинъ.

По слѣдствію, обстоятельства дѣла выяснились нѣсколько въ другомъ видѣ. Оказывалось что Г. Р. Державинъ требовалъ, вмѣсто должныхъ десяти,—тринадцать лошадей, но такого числа на станціи не оказалось. Часть была въ разгонѣ, часть должна была отойти подъ курьеровъ. На просьбы, со стороны приказчика (не Лебедева, какъ оказалось по слѣдствію, а Леонова), потерпѣть до возвращенія лошадей изъ разгона Г. Р. Державинъ приказалъ запрягать въ свои экипажи тѣхъ 9 лошадей, которыя предназначались для курьеровъ, причемъ громоздкія кареты и линейки «на 9 лошадахъ везть очень тяжело и возможности не было». Дальнѣйшія упрощенія пообождаютъ «его высокопревосходительство почель за грубость, приказалъ своимъ людямъ его, Леонова, бить, отчего онъ ушелъ». Затѣмъ оказывалось, что ночевка поэта въ избѣ была добровольной, что на другое утро, по возвратѣ лошадей, онъ уѣхалъ, причемъ «прогоны изволилъ заплатить только за 10 лошадей». Въ томъ, что совершены были «грубости и буйство»—виновными ни ямщики, ни приказчикъ себя не признали.

Въ концѣ этого донесенія, упомянутый дворянскій засѣдатель Жилинъ изъяснилъ, что «хотя со стороны почтамта депутатъ, титулярный совѣтникъ Портевъ, находился, но только слѣдствія не подписалъ, по причинѣ той, что онъ начальства своего не имѣетъ предписанія».

И такъ, на заявленіе Г. Р. Державина, ему же было представлено встрѣчное обвиненіе. Такимъ образомъ осталось нерѣшеннымъ, какая сторона—права. На подлинномъ дѣлѣ написана резолюція, потомъ зачеркнута, въ которой говорится, что разсматриваемое дѣло, за отсутствіемъ уликъ въ грубости и притѣсненіяхъ, нанесенныхъ Гаврилу Романовичу Державину, слѣдуетъ считать рѣшеннымъ и сдать въ архивъ.

Сообщ. С. К. Шамбинаго.

Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣва за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ.

- 1) Капиталь преміи—1,500 р., съ нарощими до дня выдачи процентами.
 - 2) Срокъ представленія черезъ 5 лѣтъ послѣ распубликованія положенія о преміи, т. е. 10-го апрѣля 1904 года.
 - 3) Если ни одно изъ представленныхъ черезъ 5 лѣтъ сочиненій не будетъ удостоено преміи,—назначается новое соисканіе черезъ три года и т. д.
 - 4) Комитетъ Литературнаго Фонда, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, избираетъ особую комиссію изъ 3-хъ лицъ, коими могутъ быть и не члены Комитета, но окончательный рѣшающій голосъ остается за Комитетомъ.
 - 5) Премія присуждается одному лицу.
 - 6) Если комиссія признаетъ достойными преміи два или нѣсколько сочиненій, таковыя передаются на разсмотрѣніе новой комиссіи; если же и она, равно какъ и Комитетъ, признаетъ ихъ одинаково удовлетворяющими требованіямъ востоящаго положенія—выборъ опредѣляется жребіемъ.
 - 7) Премированное сочиненіе должно заключить въ себѣ: а) полный біографическій очеркъ, какъ съ виѣшней, такъ и съ внутренней, психологической, стороны, на основаніи всѣхъ доступныхъ матеріаловъ; б) изложеніе хода развитія идей Бѣлинскаго, въ связи съ современными ему и непосредственно предшествующими умственными теченіями, какъ русскими, такъ и европейскими. При этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на исторію русской критики и журналистики въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ; в) всестороннюю оцѣнку значенія дѣятельности Бѣлинскаго для русской жизни вообще и для послѣдующаго развитія русской критики въ особенности; д) характеристику ближайшихъ друзей и недруговъ Бѣлинскаго.
 - 8) При полученіи преміи авторъ выдаетъ Литературному Фонду обязательство, по которому передается Литературному Фонду права собственности по изданію 5,000 экземпляровъ.
 - 9) Литературный Фондъ издаетъ премированное сочиненіе на свои средства или на деньги, могущія поступить для этой цѣли.
 - 10) Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ капиталъ имени Бѣлинскаго при Литературномъ Фондѣ.
 - 11) До присужденія преміи капиталъ долженъ находиться въ % бумагахъ.
 - 12) Если по обстоятельствамъ, не зависящимъ Литературнаго Фонда, присужденіе преміи настолько замедлится, что капиталъ преміи вмѣстѣ съ % превыситъ 2,000 р. то въ премію выдается 2,000 р., избытокъ же—на покрытіе расходовъ по изданію.
 - 13) Такъ какъ цѣль преміи вызвать появленіе новаго труда о В. Г. Бѣлинскомъ, то всѣ труды, появившіеся до опубликованія положенія о преміи, не могутъ быть допущены, къ соисканію, хотя бы и были представлены въ новомъ изданіи.
 - 14) Принимая также во вниманіе, что премированное сочиненіе, въ первыхъ пяти тысячахъ экземпляровъ, должно поступать въ собственность Литературнаго Фонда, премія не можетъ быть присуждена за трудъ, выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, хотя бы и послѣ опубликованія положенія о конкурсѣ; но не можетъ быть препятствіемъ къ присужденію преміи, если часть труда, не болѣе одной половины его, была напечатана въ періодическихъ изданіяхъ.
-

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1899 г.
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ.
А П Р Ъ Л Ъ , М А Й , І Ю Н Ъ .

Записки и Воспоминанія.

СТРАН

I. Императрица Екатерина II въ началѣ царствованія Петра III. (Ея автобіографическая записка). Евгеній Шумигорскій.	25—37
II. Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милутиной. (Окончаніе)	105—127
III. Изъ Прошлаго. (Воспом. оф. ген. штаба о войнѣ 1877—78 гг.). П. Д. Паренсовъ.	131—159; 397—415; 597—618
IV. А. С. Пушкинъ въ Казани. Александры Фуксъ.	257—262
V. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.	371—395; 511—542
VI. Изъ воспоминаній стараго педагога. А. Овсянниковъ.	417—434; 671—693
VII. Представители Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 году. (Изъ воспоминаній А. М. Михайловско-Данилевскаго). Сообщ. Н. И. Шильдеръ	627—650

П о р т р е т ы .

- I. Портретъ Палладія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 4-ой книгѣ).
- II. Портретъ академика А. А. Куника. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 5-ой книгѣ).
- III. Портретъ архіепископа Макарія. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 6-ей книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Наканунѣ Эрфрутскаго свиданія 1808 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	3—24

II.	Характеристика Н. М. Языкова.	38
III.	А. Н. Вульфъ и его дневникъ. (Окончаніе). Сообщ. Л. Н. Майковъ.	39—52
IV.	Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Ѳ. Дубровианъ.	53—75; 481—508
V.	Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову 7-го августа 1810 г.	76
VI.	Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладож- скій. П. Ѳ. Вышеславцевъ.	77—103
VII.	О поселеніи бѣглыхъ солдатъ въ Новороссійской губерніи. Отвѣтственность губернатора за про- довольствіе войскъ. (Рескрипты императора Па- вла I—тайн. сов. Селецкому отъ 25-го октября 1797 и 20-го января 1898 гг.).	104
VIII.	Пріемъ графомъ В. Н. Панинымъ депутатовъ второго призыва въ 1860 г.	128—130
IX.	По поводу возведенія на престолъ Людовика XVIII.	160
X.	Изъ прошлаго русской цензуры. В. В. Сипов- скій.	161—175; 435—453
XI.	О невмѣшательствѣ губернаторовъ въ чужія дѣла. (Рескриптъ импер. Павла I тайн. сов. Селецкому отъ 14-го мая 1798 г.	176
XII.	Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ. Извлеч. В. В. Тимошукъ.	177—197; 455—469
XIII.	О памятникѣ князю Потемкину въ Херсонѣ. (Рескриптъ императора Александра I Новороссій- скому губернатору Миклашевскому отъ 7-го сен- тября 1801 г.)	198
XIV.	Объ утвержденіи В. Г. Бѣлинскаго въ дворян- скомъ достоинствѣ. Професс. А. Архангель- скій.	199—204
XV.	Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ (1845— 1851 гг.). В. И. Дурасовъ.	205—219
XVI.	Объ обезпеченіи жителей продовольствіемъ. (Ре- скриптъ императора Павла I тайному совѣтнику Селецкому отъ 23-го мая 1783 г.).	220
XVII.	По поводу статьи В. А. Шомпулева. Е. И. Ба- рановскій.	221—224
XVIII.	Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу (1806—1826 гг.). (Окончаніе).	225—238
XIX.	Указъ князя А. Д. Меньшикова 24-го іюля 1718 г. Сообщ. Ал. Маркевичъ.	239—240
XX.	Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе Псковской губерніи. Записка графа П. Капниста. Сообщ. акад. Л. Н. Майковъ.	241—245
XXI.	Приказъ по инженерному корпусу о секундантахъ А. С. Пушкина подполковн. Данзасъ 20-го марта 1837 г. Сообщ. С. М. Радкевичъ	246
XXII.	К. С. Пушкинъ и А. Х. Бенкендорфъ. (Ихъ пе- реписка).	247—256
XXIII.	Къ біографіи А. С. Пушкина: 1) Два письма	

	С. Л. Пушкина по поводу смерти сына-поэта. Сообщ. Л. Н. Майковъ. 2) И. А. Гончаровъ о Пушкинѣ. Сообщ. Л. Э. Кони. 3) Письмо С. С. Уварова—Пушкину, при посылкѣ французскаго перевода стиховъ «Клеветникамъ Россіи». Сообщ. А. И. Кирпичниковъ.	263—266
XXIV.	Могила Пушкина и село Михайловское. К. Тимоеевъ.	267—276
XXV.	Мнѣнія современниковъ объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ: 1) Письмо В. Н. Каразина—графу В. П. Кочубею 4-го іюня 1820 г. 2) Письмо С. О. Бурачка—князю Волконскому 19-го декабря 1842 г. Сообщ. акад. А. Э. Бычковъ	277—285
XXVI.	Возобновленіе въ Москвѣ дома Благороднаго Собранія. (Отношеніе графа Э. В. Растропчина—слободско-украинскому губернскому предвод. дворянства 14-го апрѣля 1814 г., № 1092).	286
XXVII.	Литературно-критическія воззрѣнія А. С. Пушкина. А. Залдкинъ.	287—309; 543—557
XXVIII.	Бумага «съ знаками французской вольности». (Эпизодъ изъ царствованія Павла I). Сообщ. І. Блиновъ.	310
XXIX.	Къ біографіи Арсенія Мацѣвича. (Секретное отношеніе князя А. Вяземскаго архангельскому прокурору Нарышкину 8-го октября 1767 г.).	330
XXX.	Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ. Сообщили проф. А. И. Кирпичниковъ и проф. Н. Э. Сумцовъ.	331—336
XXXI.	Новые матеріалы для исторіи «Арзамаса». Сообщ. А. И. Кирпичниковъ.	337—351
XXXII.	Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову 26-го марта 1811 г.	352
XXXIII.	Павель Исааковичъ Ганнибаль, дядя А. С. Пушкина. Сообщ. І. Блиновъ.	353—358
XXXIV.	«О бывшемъ Пушкинѣ». Сообщ. І. Блиновъ.	359—364
XXXV.	Академикъ А. А. Куникъ. (Біографическая замѣтка къ его портрету).	365—370
XXXVI.	О поселеніи духоборцевъ въ Новороссійскомъ краѣ. (Рескриптъ Александра I новороссійскому гражданск. губернату Николаеву 17 марта 1801 г.	396
XXXVII.	Письмо И. И. Дмитріева—А. И. Тургеневу 29-го мая 1821 г.	416
XXXVIII.	Переселеніе грековъ и болгаръ въ Россію. (Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому 23-го октября 1801 г.	454
XXXIX.	Ложныя справочныя цѣны. (Рескриптъ императ. Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому 24-го января 1802 г.	470
XLX.	А. С. Пушкинъ—членъ С.-Петербургскаго вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. И. А. Кубасовъ.	471—474

XLI.	Волокита старорусскаго магистрата. А. Слезскійскій	475—480
XLII.	О связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ. Сообщ. П. В. Петровъ	509—510
XLIII.	Памяти В. Г. Васильевскаго. Л. Н. Майковъ	581—584
XLIV.	Передъ Тильзитомъ (всеподаннѣйшія донесенія В. С. Попова и князя Лобанова - Ростовскаго 1807 г.). Сообщ. Н. Θ. Дубровинъ	585—596
XLV.	Къ біографіи архіепископа Макарія	619—626
XLVI.	Императоръ Александръ I. (Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера). П.	651—670
XLVII.	Два письма М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову	694
XLVIII.	Россія и Франція въ 1870 г. (по бумагамъ генерала Флѣри)	695—711
XLIX.	Письмо И. И. Дмитріева — А. Н. Тургеневу 16 марта 1820 года	712
	L. Дѣло объ оскорбленіи Г. Р. Державина почтъ содержателемъ станціи Лопасни. Сообщ. С. К. Шамбинаго	713—715
	LI. Положеніе о преміи Л. Ф. Пявтелѣва за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ	716

Исторія русской литературы.

- I. Татьяна Онѣгинъ и Ленскій (къ литературной исторіи Пушкинскихъ «типовъ»). В. В. Сиповскій 311—329; 559—580
- II. На 26-е мая. А. л. И в. С-въ 558

Библиографическій листокъ.

- 1) П. И. Мессарошъ. „Финляндія—государство или русская окраина?“ Значеніе особыхъ учреждений финляндской окраины Россійской Имперіи. Спб., 1897 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ апрѣльской книги).
- 2) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о городѣ Симбирскѣ. Изданіе Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Симбирскъ, 1898 г. Н. И. Кашкадамовъ. (Тамъ же).
- 3) Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора Н. И. Барсова. С.-Петербургъ. 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ майской книги).
- 4) Къ біографіи А. С. Пушкина. Матеріалы изъ архивовъ и другихъ малозвѣстныхъ источниковъ. Н. Невзорова, директора С.-Петербургской 7-й гимназіи. Сиб. 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ июньской книги).
- 5) Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть седьмая. Собралъ и издалъ В. Зелинскій. Москва, 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (Тамъ-же).
- 6) А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ изъ альбома Пушкинской выставки 1880 г. Составилъ А. А. Венкстеръ. Москва. 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (Тамъ-же.)

Приложеніе.

Мысли и воспоминавія князя Оттона Бисмарка 97—192

наго. Онъ почувствовалъ себя въ положеніи офицера, который долженъ защищать свой постъ не взирая на то, погибнетъ ли онъ при этомъ или нѣтъ. Это навело его на мысли, вполнѣ соответствовавшія ихъ обычному строю, и нѣсколько минутъ спустя онъ уже чувствовалъ ту увѣренность, которую онъ утратилъ въ Баденѣ, и вскорѣ даже развеселился. Жертвовать жизнью за короля и отечество—обязанность каждого прусскаго офицера, тѣмъ болѣе короля, перваго слуги своей страны. Какъ только онъ взглянулъ на свое положеніе съ точки зрѣнія военной чести, оно представилось ему столь же яснымъ, какъ ясна для каждого прусскаго офицера необходимость защищать ввѣренный ему, хотя, можетъ быть, потерянный постъ.

Его не угнетала болѣе мысль о возможной критикѣ его дѣйствій со стороны общественнаго мнѣнія, будущей исторіи и его супруги. Онъ почувствовалъ себя на высотѣ своего положенія, какъ первый офицеръ Прусской монархіи, который считаетъ доблестнымъ умереть при исполненіи своей служебной обязанности.

Справедливость моихъ словъ доказывается тѣмъ, что король, который былъ въ Ютербогѣ утомленъ, раздражителенъ и не въ духѣ, подвѣзая къ Берлину сдѣлался веселъ, пришелъ, можно сказать, въ радостное боевое настроеніе, которое выразилось вполнѣ ясно при приемѣ министровъ и служащихъ.

Хотя примѣнять къ нашимъ дѣламъ, какъ это было сдѣлано въ Баденѣ, устрашающія историческія воспоминанія было, по моему мнѣнію, не особенно честно и даже довольно фантастично, тѣмъ не менѣе наше положеніе было весьма серьезно. Нѣкоторыя передовыя газеты выражали надежду, что мнѣ придется заняться пряденіемъ шерсти на пользу государства, а 17-го февраля 1863 г. палата депутатовъ приняла большинствомъ 274 голосовъ противъ 45 проектъ личной имущественной отвѣтственности министровъ за расходы, произведенные несогласно съ основными положеніями конституціи. Мнѣ подали мысль, для спасенія моего родового имѣнія, передать его брату; эта передача въ виду возможной при перемѣнѣ престолонаслѣдія конфискаціи моего имущества, могла произвести впечатлѣніе алчности и боязни за деньги, что мнѣ было противно. Мое положеніе въ палатѣ господъ висѣло на волоскѣ.

XII.

Отношеніе династій къ національному нѣмецкому вопросу.—Перемѣна во взглядахъ Бисмарка, вызванная депешю Шварценберга.—Нѣмецкій патриотизмъ проявляется подъ видомъ преданности къ существующимъ династіямъ.—Нѣмецкій партикуляризмъ.—Составъ кабинета съ Бисмаркомъ во главѣ.—Характеристика министровъ.

Я всегда былъ увѣренъ въ томъ, что ключъ къ нѣмецкой политикѣ находится въ рукахъ нѣмецкихъ князей и представителей нѣмецкихъ

династій, а не парламента и прессы и не въ насильственныхъ дѣйствіяхъ; я остался вѣренъ этому взгляду и во время моего пребыванія во Франкфуртѣ. Общественное мнѣніе образованнаго класса, высказываясь въ парламентѣ и въ прессѣ, могло вліять на представителей этихъ династій, сдерживая или поощряя ихъ стремленія, но надобно сознаться, что оно гораздо чаще побуждало ихъ къ противодѣйствію, нежели вліяло на нихъ въ смыслѣ желательномъ для національнаго дѣла. Примкнувъ къ національному движенію, болѣе слабыя династіи думали найти въ этомъ свое спасеніе, тѣ же монархи и владѣтельные дома, которые чувствовали себя способными къ противодѣйствію, относились къ этому движенію съ недоувѣріемъ, ибо стремленіе къ нѣмецкому объединенію угрожало имъ потерю независимости и усиленіемъ центральной власти или народнаго представительства. Династія, царствовавшая въ Пруссіи, могла предвидѣть, что ей придется въ концѣ концовъ играть первенствующую роль въ германской политикѣ и пріобрѣсти болѣе значительную власть и вліяніе. Можно было также предсказать, что *capitis deminutio*, котораго такъ опасались прочія династіи, послужитъ ей на пользу, если только эта династія не будетъ поглощена національнымъ парламентаризмомъ. Когда мои взгляды на равноправность Австріи и Пруссіи, съ коими я пріѣхалъ въ Франкфуртъ, смѣнились подъ вліяніемъ союзнаго сейма сознаніемъ необходимости ограждать Пруссію отъ нападокъ и отъ поползновеній предсѣдательствовавшей на сеймѣ державы, когда я убѣдился окончательно, что взаимныя симпатіи Австріи и Пруссіи не болѣе какъ юношеская мечта, возникшая подъ вліяніемъ школы и войнъ за освобожденіе, когда я убѣдился наконецъ, что Австрія, на содѣйствіе которой я до тѣхъ поръ разчитывалъ, для Пруссіи не существуетъ, то во мнѣ созрѣло убѣжденіе, что, опираясь исключительно на власть союзнаго сейма, Пруссія не будетъ въ состояніи вернуть то положеніе, которое она занимала въ союзѣ до марта мѣсяца 1849 г., и что не будетъ никакой возможности преобразовать союзную конституцію, при помощи которой нѣмецкій народъ могъ бы добиться признанія за нимъ права на существованіе въ качествѣ великой европейской державы.

Въ моихъ взглядахъ совершился рѣзкій переворотъ, когда я прочиталъ въ Франкфуртѣ депешу князя Шварценберга отъ 7-го декабря 1850 г., которая до тѣхъ поръ была мнѣ неизвѣстна и въ которой онъ излагалъ обстоятельства Ольмюцкой конференціи въ такомъ видѣ, какъ будто отъ него зависѣло «унизить» Пруссію или великодушно простить ее. Мекленбургскій посланникъ фонъ-Эрценъ (*von Oertzen*), человекъ честныхъ, консервативныхъ убѣжденій, раздѣлявшій мои взгляды на дуалистическую политику, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу Шварценберговской депеши, старался успокоить меня, видя до какой степени она задѣла мой прусскій патриотизмъ. Несмотря на второстепенную и

унизительную для пруссака роль, которую мы играли въ Ольмюцѣ и Дрезденѣ, пріѣхавъ въ Франкфуртъ, я былъ еще вполне на сторонѣ Австріи, но мои юношескія мечты разлетѣлись въ пухъ и прахъ, когда, ознакомившись съ официальными документами, я убѣдился въ томъ, что вся сущность Шварценберговской политики сводилась къ тому, чтобы «*avilir puis dépolir*» (унизить и уничтожить). Гордіевъ узелъ нашихъ нѣмецкихъ дѣлъ не могъ быть распутанъ обѣими державами полюбовно, его можно было только разсѣчь мечемъ; надобно было во что бы то ни стало склонить прусскаго короля, а слѣдовательно и прусское войско къ тому, чтобы послужить національному дѣлу сознательно или бессознательно, независимо отъ того что мы ставили бы при этомъ на первый планъ: первенствующую ли роль Пруссіи, съ точки зрѣнія прусскаго патріотизма, или же вопросъ о германскомъ единствѣ, съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ; то и другое вело къ одной цѣли, это было для меня совершенно ясно, что я и указалъ въ засѣданіи союзнаго сейма (30-го сентября 1862 г.), употребивъ впервые выраженіе о желѣзѣ и крови, которое было впоследствии такъ много разъ истолковано превратно.

Пруссія была номинально великой державою, по крайней мѣрѣ пятою изъ нихъ, достигнувъ этого положенія благодаря умственному превосходству Фридриха Великаго и утвердивъ его за собою благодаря подъему народнаго духа въ Пруссіи въ 1813 г. Трудно сказать, сдумѣла ли бы дипломатія, въ лицѣ Гумбольдта и Гарденберга, и робкаго Вильгельма III воспользоваться вспыхнувшимъ во время Тильзитскаго мира національнымъ воодушевленіемъ четырехъ милліоновъ пруссаковъ и такового же, пожалуй, числа «сочувствовавшихъ» имъ лицъ въ старопрусскихъ или нѣмецкихъ земляхъ, чтобы явилась возможность осуществить хотя то искусственное переустройство Пруссіи, которое совершилось въ 1815 г., если бы этому не помогъ благородный образъ дѣйствій, коему слѣдовалъ императоръ Александръ I съ 1812 г. и до Вѣнскаго конгресса, подъ влияніемъ Штейна и Германіи. Территориальныя размѣры Пруссіи не соответствовали въ то время ея умственному значенію и тому участию, которое она принимала въ войнахъ съ Наполеономъ.

Нѣмецкій патріотизмъ можетъ проявиться дѣятельно и энергично только тогда, когда онъ выражается подъ видомъ преданности къ существующей династіи; хотя въ теоріи онъ и проявляется ежедневно въ парламентѣ, въ прессѣ и на разныхъ собраніяхъ, нѣмцу нужна династія, которой онъ могъ бы быть преданъ, или какойнибудь внѣшній стимулъ, который возбудилъ бы его гнѣвъ и этимъ заставилъ бы его дѣйствовать. Но дѣйствіе гнѣва, по самому существу, не можетъ быть продолжительно. У насъ всякій готовъ скорѣе доказать своей

патріотизмъ какъ пруссакъ, гановерець, виртембергець, баварець, гессенець нежели какъ нѣмецъ; въ низшемъ классѣ и въ парламентскихъ партіяхъ это будетъ долго еще такъ продолжаться. Нельзя сказать чтобы гановерская, гессенская или какая либо иная династія дѣлала что либо особенное для того чтобы снискать расположеніе своихъ подданныхъ, однако ихъ нѣмецкій патріотизмъ обусловливается въ значительной степени преданностью династіи, стоящей во главѣ ихъ. Тутъ дѣло не въ племенномъ различіи, а исключительно въ династическомъ вопросѣ.

Для того чтобы нѣмцы могли проявить любовь къ отечеству, имъ нужно имѣть монарха, на которомъ они могли бы сосредоточить свою привязанность. Если бы мы могли представить себѣ такой случай, что всѣ существующія въ Германіи династіи внезапно исчезли съ лица земли, то нельзя было бы поручиться, что при всѣхъ перипетіяхъ европейской политики, чувство нѣмецкаго національнаго единства удержало бы нѣмцевъ сплоченными хотя бы въ видѣ союзовъ какихъ либо городовъ и т. п. Утративъ то связующее звено, которое выражается въ преданности къ общему монарху, нѣмцы сдѣлались бы добычею болѣе сплоченной націи.

Изъ числа всѣхъ, исторически сложившихся національностей Германіи, наиболѣе опредѣленно выработался несомнѣнно типъ прусской національности, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, могла ли бы Пруссія существовать долгое время, какъ отдѣльное государство, если представить себѣ, что династія Гогенцоллерновъ, или какая либо иная, законно ей наслѣдовавшая династія исчезла съ лица земли. Возможно ли утверждать, что восточная и западная часть Пруссіи, т. е. жители Помераніи, Гановера, Голштиніи и Шлезвига, или жители Аахена и Кенигсберга остались бы попрежнему сплоченными и продолжали бы составлять одно цѣлое прусское государство, если бы они лишились своей царствующей династіи? Могла ли бы на примѣръ Баварія, отдѣльно взятая, существовать какъ нѣчто цѣлое, если бы Виттельбахская династія исчезла безслѣдно? Прошлое нѣкоторыхъ династій совершенно не можетъ возбудить преданности тѣхъ разнородныхъ частей, изъ коихъ сложилось ихъ государство въ историческомъ ходѣ своего развитія. У Шлезвигъ-Голштиніи на примѣръ совершенно нѣтъ династическихъ воспоминаній въ анти-готторпскомъ смыслѣ, между тѣмъ одна мысль о возможности создать вновь самостоятельный маленькій дворъ съ министрами, гофмаршалами, орденами и вести жизнь маленькаго самостоятельнаго государства за счетъ союза, вызвало въ приэльбскихъ герцогствахъ сильное партикуляристическое движеніе.

Прочія европейскія націи не нуждаются въ подобномъ объектѣ для проявленія своего патріотизма и своихъ національныхъ чувствъ. По-

ляки, венгерцы, итальянцы, испанцы, французы сохранили бы единство и сплоченность при всякой династїи и даже при отсутствїи таковой. Сѣверо-германскіе народы, шведы и датчане довольно далеки отъ династической сентиментальности; въ Англіи вѣщніе знаки почтенія, оказываемые царствующей особѣ, составляютъ признакъ хорошаго тона, и всѣ партїи, принимавшія доселѣ участіе въ управленїи страны, признають необходимымъ фактическое сохраненіе королевской власти, но я не думаю, чтобы англійская нація распалась или чтобы въ ней могли проявиться какія-либо стремленія якобинскаго свойства, если бы историческій ходъ событїй привелъ къ перемѣнѣ династїи или если бы британскій народъ счелъ нужнымъ или полезнымъ перейти къ республиканской формѣ правленія.

Наличность династической преданности и необходимость имѣть династїю, которая сплотила бы своимъ именемъ извѣстную часть націи, составляетъ специфическую особенность нѣмецкаго государства. Различныя національности, выработавшіяся у насъ на почвѣ наслѣдственныхъ династическихъ владѣній, состоятъ по большей части изъ разнородныхъ элементовъ, коихъ сплоченность обусловливается отнюдь не единообразіемъ племенного происхожденія, не одинакими условїями историческаго развитія, а исключительно тѣмъ фактомъ, что они достались той или другой династїи, нерѣдко по весьма спорному праву сильнаго или по наслѣдству, въ силу родственныхъ отношеній и т. д. Каково бы ни было происхожденіе этой особенности нѣмецкаго народа, она имѣетъ результатомъ тотъ неоспоримый фактъ, что нѣмецъ всегда готовъ сражаться со своимъ же сосѣдомъ и единомышленникомъ нѣмцемъ и даже убить его, если это нужно въ силу какихъ-либо возникшихъ споровъ и недоразумѣній, ему даже вовсе непонятныхъ, и если это приказано царствующей династїей. Рѣшать вопросъ о правильности и разумности этой особенности не входитъ въ задачу германскаго государственнаго дѣятеля до тѣхъ поръ, пока она настолько сильна, что на нее можно полагаться. Трудность побороть эту особенность или игнорировать ее и проводить теоретически вопросъ о нѣмецкомъ объединенїи, не обращая вниманія на эту практическую помѣху, была нерѣдко непреодолимымъ препятствїемъ для тѣхъ, кому приходилось отстаивать, въ качествѣ первыхъ застрѣльщиковъ, мысль о нѣмецкомъ объединенїи и когда имъ пришлось воспользоваться для этого національнымъ движеніемъ 1849 и 1850 гг.

Династическіе интересы могутъ быть полезны Германїи настолько, насколько они приспособляются къ общимъ національнымъ интересамъ имперїи, съ коими они могутъ прекрасно идти рука объ руку; при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть даже гораздо удобнѣе имѣть дѣло непосредственно съ самимъ, преданнымъ имперїи, владѣтельнымъ гер-

цогомъ, нежели съ его мелкопомѣстными подданными. Но, коль скоро интересы какой-либо династіи угрожаютъ намъ новымъ раздробленіемъ и обезсиленіемъ, то этой династіи должно быть указано надлежащее мѣсто. Нѣмецкій народъ съ его національной жизнью не можетъ быть раздробленъ какъ частная собственность отдѣльныхъ княжескихъ родовъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что сказанное относится точно такъ же къ бранденбургской курфиршеской династіи, какъ къ баварской, вельфской и прочимъ династіямъ; я былъ бы безсиленъ противъ бранденбургскаго царствующаго дома, если бы мнѣ пришлось отстаивать мои національныя нѣмецкія убѣжденія насильственно, идя въ разрѣзъ со взглядами короля, но въ скрижаляхъ исторіи было начертано, что моего придворнаго таланта хватить на то, чтобы заручиться содѣйствіемъ его величества, а слѣдовательно и его арміей для нѣмецкаго дѣла. Мнѣ пришлось быть можетъ даже энергичнѣе бороться противъ прусскаго партикуляризма, нежели противъ партикуляризма прочихъ государствъ и династій, и эта борьба была для меня еще труднѣе, вслѣдствіе моихъ давнихъ личныхъ отношеній къ императору Вильгельму I. Но несмотря на твердость его династическихъ убѣжденій, мнѣ всегда удавалось въ концѣ концовъ добиться его согласія на такія мѣры, которыя способствовали нашему національному нѣмецкому развитію, благодаря тому, что въ рѣшительный моментъ національныя стремленія брали въ немъ верхъ, хотя при этомъ затрогивались его самыя сокровенныя династическія и партикуляристическія воззрѣнія.

Вліяніе династій всегда было сильнѣе прессы и парламента; это доказывается тѣмъ фактомъ, что съ 1866 г. всѣ союзныя государства, которыя находились въ сферѣ австрійскаго вліянія, дѣйствовали за одно съ Австріей, не взирая на національныя стремленія ихъ подданныхъ, и только тѣ изъ нихъ были за Пруссію, которымъ угрожала опасность отъ «прусскихъ пушекъ».

Среди послѣднихъ составляли исключеніе только Ганноверъ, Гессенъ и Нассау, такъ какъ они считали Австрію достаточно сильной, чтобы отразить побѣдоносно всѣ требованія Пруссіи. Имъ пришлось за это поплатиться, такъ какъ имъ не удалось доказать королю Вильгельму, что Пруссія, стоя во главѣ Сѣверо-Германскаго союза, вовсе не нуждалась въ увеличеніи своей территоріи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и въ 1866 г. матеріальная сила союзныхъ государствъ подчинялась династіямъ, а не парламентамъ, и что саксонцы, ганноверцы и гессенцы проливали кровь не за нѣмецкое объединеніе, а противъ него.

Около каждой нѣмецкой династіи концентрировались стремленія нѣмцевъ къ партикуляризму и къ образованію мелкихъ федерацій.

При распредѣленіи министерскихъ должностей, (въ то время когда

во главѣ кабинета сталъ Бисмаркъ), для замѣщенія которыхъ число кандидатовъ было довольно ограничено, первымъ былъ назначенъ министръ финансовъ Карлъ фонъ-Бодельшвингъ, братъ вышедшаго въ 1848 г. въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ Эрнста фонъ-Бодельшвинга, уже занимавшій этотъ постъ съ 1851 по 1858 г. при Мантейфелѣ. Вскорѣ оказалось, что ни онъ, ни графъ Иценплицъ (Itzenplitz), назначенный министромъ торговли, не могли руководить дѣлами своего вѣдомства. Они ограничивались тѣмъ, что скрѣпляли своею подписью все, что представляли имъ болѣе свѣдущіе ихъ помощники, стараясь по возможности согласовать противорѣчія, возникавшія между политикой короля и кабинета и мнѣніями ихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одни были либералы, а другіе держались узко чиновничьей точки зрѣнія. Весьма свѣдущіе въ дѣлахъ чины финансоваго вѣдомства были, въ душѣ, противниками новаго министерства, и смотрѣли на происшедшій конфликтъ лишь какъ на кратковременный эпизодъ въ дальнѣйшемъ либеральномъ развитіи бюрократической правительственной машины; хотя наиболѣе выдающіеся изъ этихъ господъ были люди слишкомъ порядочные, чтобы тормозить дѣятельность правительства, но все же они оказывали ему довольно чувствительное, хотя и пассивное противодѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда это не противорѣчило чувству ихъ долга. Это было причиною, что г. фонъ - Бодельшвингъ, составлявшій между нами, министрами, по своему положенію крайнюю правую, изображалъ обыкновенно, благодаря высказываемыхъ имъ взглядамъ, крайнюю лѣвую.

Министръ торговли, графъ Иценплицъ, также не могъ самостоятельно управлять министерствомъ, въ которомъ онъ былъ заваленъ работою, но плылъ по теченію туда, куда его вели подчиненные. Пожалуй для министерства торговли, въ которое входило такъ много разнообразныхъ отраслей, трудно было найти начальника, который могъ бы самостоятельно вѣдать всѣми дѣлами, но все же несомнѣнно, что графъ Иценплицъ былъ менѣе способенъ рѣшать предстоявшія ему вопросы, нежели, напр., фонъ-деръ-Гейдтъ, и въ вопросахъ техническаго свойства подчинялся довольно безпомощно своимъ опытнымъ въ дѣлахъ подчиненнымъ. Онъ обладалъ къ тому же мягкимъ характеромъ и не имѣлъ энергіи, необходимой для того, чтобы руководить столь обширнымъ вѣдомствомъ; онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ злоупотребленій, въ которыхъ обвиняли тогда самыхъ видныхъ дѣятелей министерства торговли и которыя весьма тревожили его, какъ честнаго человѣка; онъ былъ безсиленъ въ этомъ случаѣ, полагая, что онъ не въ состояніи обойтись безъ помощи своихъ помощниковъ, свѣдущихъ въ технической сторонѣ дѣла, къ которымъ между тѣмъ онъ относился съ большимъ недовѣріемъ.

Отъ названныхъ двухъ коллегъ я не могъ ожидать лично ровно никакой помощи, во-первыхъ, потому, что они были къ этому совершенно неспособны, а во-вторыхъ, потому, что они относились ко мнѣ слишкомъ несочувственно, какъ къ человѣку болѣе молодому и не принимавшему ранѣе участія въ дѣлахъ управленія.

Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ я засталъ г. фонъ-Ягова, но онъ вскорѣ такъ возстановилъ противъ себя своихъ коллегъ своею рѣзкостью, пустословіемъ и любовью къ бесполезнымъ спорамъ, что его пришлось замѣнить графомъ Эйленбургомъ. Весьма любопытенъ одинъ эпизодъ, случившійся съ нимъ уже по уходѣ его изъ министерства, когда онъ занималъ мѣсто оберъ-президента въ Потсдамѣ. Въ переговорахъ, возникшихъ по одному весьма важному для города Берлина вопросу, Яговъ, по занимаемой имъ должности, явился посредникомъ между правительствомъ и городскими властями. Дѣло настолько не терпѣло отлагательства, что министерство предложило обербургомистру отправиться въ Потсдамъ, узнать по одному весьма важному пункту, на словахъ, мнѣніе оберъ-президента и доложить его совѣту министровъ, коего засѣданіе было назначено для этого нарочно въ тотъ же вечеръ.

Оберъ-бургомистръ провелъ у Ягова два часа, но являсь въ засѣданіе, заявилъ, что онъ ничего не можетъ доложить, такъ какъ ему не удалось сказать оберъ-президенту ни слова въ теченіе тѣхъ двухъ часовъ, которые были въ его распоряженіи между приходомъ и отходомъ поѣзда. Рискуя быть невѣжливымъ, онъ неоднократно старался перебить его и вставить свой вопросъ, но президентъ каждый разъ энергично останавливалъ его, говоря: «Позвольте, я еще не кончилъ, дайте мнѣ досказать». Это было весьма неприятно, но мы невольно разсмѣялись, припомнивъ что и съ нами бывали случаи въ этомъ родѣ.

Мой collega по министерству земледѣлія Ф. Зельховъ не обладалъ столь обширными способностями, какія ему приписывала молва. Король предполагалъ назначить его министромъ внутреннихъ дѣлъ—постъ въ то время чрезвычайно важный. Имѣвъ продолжительную бесѣду съ Ф. Зельховымъ узнавъ ближе его образъ мыслей, и считая его неспособнымъ занимать эту должность я просилъ его величество измѣнить свое намѣреніе и назначить вмѣсто него графа Фридриха Эйленбурга. Они оба, какъ масоны были лично извѣстны королю; на нихъ остановился выборъ только въ декабрѣ, когда обнаружилось затрудненіе при сформированіи министерства. Король сомнѣвался въ томъ, чтобы графъ Эйленбургъ былъ способенъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и хотѣлъ назначить его министромъ торговли, графа Иценшлица—министромъ земледѣлія, а Зельхова министромъ внутреннихъ дѣлъ. Я возразилъ на это, что по своей спеціальной подготовкѣ Эйленбургъ и Зельховъ одинаково годятся для этой должности, что имъ придется обоемъ во многомъ полагаться на

своихъ ближайшихъ помощниковъ, но что касается меня, то я придаю въ этомъ случаѣ болѣе значенія личнымъ способностямъ и смѣтливости, нежели спеціальнымъ техническимъ знаніямъ. Я соглашался съ тѣмъ, что Эйленбургъ былъ не особенно трудолюбивъ и болѣе склоненъ къ удовольствіямъ; но онъ обладалъ здравымъ смысломъ и былъ готовъ дѣйствовать рѣшительно и если бы ему, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, то необходимость защищаться и парировать удары, которые будутъ ему нанесены, заставила бы его дѣйствовать энергично. Король уступилъ, и я увѣренъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, мой выборъ былъ правильный, ибо хотя мнѣ и приходилось довольно часто и даже много страдать отъ лѣни моего друга Эйленбурга и отъ его неисполнительности, но когда на него находила охота работать, то онъ былъ для меня прекраснѣйшимъ помощникомъ и всегда дѣйствовалъ умно, хотя въ немъ и проявлялись иной разъ честолюбіе и обидчивость даже по отношенію ко мнѣ. Когда приходилось работать особенно упорно, отказываясь отъ всякихъ развлеченій и отдыха, онъ начиналъ нервничать. Какъ бы то ни было, онъ вмѣстѣ съ Роономъ были самыми дѣльными членами нашего кабинета.

Въ то время, когда я вступилъ въ должность, изъ всѣхъ моихъ будущихъ коллегъ одинъ только Роонъ понималъ истинную цѣль и смыслъ моего назначенія и предстоявшій намъ планъ дѣйствій, который онъ обсуждалъ вмѣстѣ со мною. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ самоотверженности, смѣлости и умѣннн, съ каковыми еще до вступленія моего въ министерство и впоследствии при мнѣ онъ помогалъ правительству въ борьбѣ съ кризисомъ, вызваннымъ попыткою идти по новому пути. Роонъ отлично зналъ дѣла своего вѣдомства, энергично руководилъ имъ, былъ самымъ краснорѣчивымъ человѣкомъ между нами, отличался умомъ и свойственной прусскому офицеру непоколебимой честностью убѣжденій. Понимая политическіе вопросы такъ же ясно, какъ Эйленбургъ, онъ былъ послѣдовательнѣе его, болѣе увѣренъ въ себѣ и болѣе остороженъ. Въ частной жизни онъ былъ безупреченъ. Я подружился съ нимъ еще въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ въ домѣ моихъ родителей (1833 г.), занимаясь топографической съемкой; мнѣ приходилось только страдать отъ его вспыльчивости, доходившей до того, что она угрожала нерѣдко опасностью его здоровью. Въ то время, когда по причинѣ моей болѣзни онъ исполнялъ въ 1873 г. временно мои обязанности, нѣкоторые изъ моихъ недоброжелателей, какъ напримѣръ, Гарри Арнимъ и нѣкоторыя другія лица изъ молодыхъ военныхъ, которыя вели противъ меня, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, кампанію въ «*Kreuzzeitung*» и «*Reichsglocke*», старались поддѣлаться къ нему и возстановить его противъ меня. Ему недолго пришлось стоять во

главѣ кабинета; прочіе наши коллеги, видя что онъ относится къ нимъ далеко не такъ, какъ они вправѣ были ожидать и требовать какъ члены коллегіальнаго учрежденія, тѣмъ болѣе что вспыльчивость его съ лѣтами возрастала и что наши сотоварищи, какъ люди статскіе, не внушали ему ни малѣйшаго уваженія, стали просить меня, чтобы я снова занялъ свое мѣсто, и хлопотали о томъ же секретно черезъ Эйленбурга у короля, къ моему величайшему сожалѣнію, безо всякаго вѣдома съ моей стороны что вызвало со стороны Роона ко мнѣ не то чтобы враждебное отношеніе, но нѣкоторую холодность и заставило меня убѣдиться, что мой лучший другъ и сотоварищъ не сумѣлъ устоять противъ лжи и клеветы, которую мои недоброжелатели систематически распространяли противъ меня; я поступилъ бы, вѣроятно, въ подобномъ случаѣ иначе.

Министръ духовныхъ дѣлъ и вѣроисповѣданій фонъ-Миллеръ въ служебномъ отношеніи походилъ на своего преемника фонъ-Госслера, съ тою лишь разницею, что на него имѣла большое вліяніе его энергичная супруга, любившая вмѣшиваться въ дѣла и которой онъ подчинялся, такъ какъ онъ былъ слабѣе ея характеромъ; я не замѣчалъ этого вначалѣ, но понялъ, что это такъ по впечатлѣнію, которое они произвели на меня при личномъ знакомствѣ. Я вспоминаю, что въ бытность мою въ августѣ мѣсяцѣ 1865 г. въ Гастейнѣ, мнѣ пришлось однажды, отбросивъ всякую вѣжливость, настаивать на томъ, чтобы переговорить съ г. Миллеромъ съ глаза на глазъ по поводу одного королевскаго повелѣнія; и едва удалось убѣдить его супругу оставить насъ однихъ. Подобные случаи приводили его въ дурное настроеніе духа; хотя благодаря его служебной опытности, это не вредило дѣлу, но отъ этого страдали наши личные отношенія.

На политическіе взгляды г-жи Миллеръ имѣлъ вліяніе не ея супругъ, а ея величество: и она всегда старалась дѣйствовать въ смыслѣ желательномъ для королевы. Придворная атмосфера, чинопочитаніе, наружное проявленіе высочайшаго благоволенія нерѣдко имѣли на женъ нашихъ министровъ такое вліяніе, которое давало себя чувствовать въ политикѣ; личная политика императрицы Августы, противорѣчившая обыкновенно государственнымъ интересамъ, имѣла въ лицѣ г-жи Миллеръ служливую пособницу, а г. Миллеръ хотя былъ человѣкъ весьма неглупый и честный, но не обладалъ достаточно твердыми убѣжденіями, чтобы не дѣлать, для поддержанія домашняго мира, но въ ущербъ государственной политикѣ, нѣкоторыхъ уступокъ, когда это не слишкомъ бросалось въ глаза.

Министръ юстиціи, графъ Липпе, вѣроятно какъ бывшій прокуроръ, имѣлъ привычку говорить самыя рѣзкія вещи съ улыбкою и съ язвительнымъ выраженіемъ своего собственнаго превосходства, чѣмъ онъ несказанно раздражалъ парламентъ и своихъ коллегъ.

Государственный вопросъ, по поводу котораго возникъ конфликтъ между правительствомъ и парламентомъ, и взглядъ, усвоенный на него кабинетомъ и заслужившій одобреніе короля, затронуть въ письмѣ его величества къ барону фонъ-Финке, о которомъ было упомянуто въ прессѣ, но которое, на сколько мнѣ помнится, не было напечатано полностью ¹⁾, хотя оно вполне заслуживаетъ быть обнародованнымъ, такъ какъ въ немъ выразился взглядъ короля на отвѣтственность министерства.

Баронъ фонъ-Финке, посылая королю поздравительное письмо къ новому году (1863 г.), заключилъ его слѣдующими словами: «Народъ преданъ вашему величеству, но въ то же время онъ твердо стоитъ за право, которое предоставлено ему 99-ою статьею конституціи. Да предотвратитъ Господь злополучныя послѣдствія крупнаго недоразумѣнія».

Король отвѣчалъ, 2-го января 1863 г.

«Я искренне вамъ благодаренъ за ваши любезныя пожеланія къ новому году. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы не можемъ смотрѣть радостно на наступающій годъ. Но я не понимаю, почему и вы со своей стороны трубите о томъ, будто я не понимаю настроенія большинства націи; по всей вѣроятности вы не читали моего отвѣта депутаціи, явившейся ко мнѣ съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Я говорилъ неоднократно, что мое довѣріе къ народу не поколебимо, ибо я зналъ, что народъ мнѣ также довѣряетъ; но я проклинаю тѣхъ, которые хотятъ лишить меня этого довѣрія, такъ какъ ихъ планы могутъ быть осуществлены только въ томъ случаѣ, ежели это довѣріе будетъ поколеблено. Всему свѣту извѣстно, что они считаютъ пригодными для этого всѣ пути, ибо ихъ планы могутъ осуществиться только благодаря лжи и обману.

«Вы говорите даже, что народъ требуетъ исполненія § 99 конституціи. Я хотѣлъ бы знать, сколько человѣкъ знаютъ § 99 или когда-либо слышали о немъ!!! Но это, конечно, безразлично и не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ для правительства этотъ параграфъ существуетъ и оно обязано его исполнять. Но кто же виноватъ, если исполненіе этого параграфа стало невысказано? Развѣ я не уступилъ послѣ зимней сессіи 4 милліона, къ сожалѣнію, измѣнивъ сообразно съ этимъ военный бюджетъ? Развѣ я не сдѣлалъ, къ сожалѣнію, и многія другія уступки, чтобы доказать новой палатѣ желаніе правительства придти съ нею къ соглашенію? А къ чему это повело? Къ тому, что палата депутатовъ поступила такъ, какъ будто я ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы пойти ей навстрѣчу, и требовала все по-

¹⁾ Оно напечатано у Л. Шнейдера, „Aus dem Leben Wilhelms I“, ч. I 194, 197.

выхъ и новыхъ уступокъ; это привело наконецъ, къ тому, что управленіе страной стало почти невысказимо. Тотъ, кто такъ пользуется своимъ правомъ, т. е. уменьшаетъ бюджетъ такъ, что вся государственная дѣятельность прекращается, того можно назвать сумасшедшимъ. Гдѣ сказано въ конституціи, что только одно правительство должно дѣлать уступки, а депутаты никогда?... Послѣ того, какъ я сдѣлалъ съ своей стороны уступки въ неслыханныхъ размѣрахъ, депутатамъ слѣдовало сдѣлать таковыя съ своей стороны. Но они ни въ какомъ случаѣ не хотѣли сдѣлать ихъ, и такъ-называемый «эпизодъ» доказываетъ ясно, какъ день, что намъ ставили одну ловушку за другой, въ которую попалъ даже вашъ двоюродный братъ Патовъ и Шверинъ, вслѣдствіе низости Воким-Долфа. Для того, чтобы добиться принятія бюджета, намъ пришлось сбавить въ 1862 г. 234.000 рейхсталера, хотя самая сущность вопроса подлежала обсужденію лишь въ 1863 г.; это было напечатано; и когда я изъявилъ на это свое согласіе, тогда только Воким-Долфъ заявилъ, что съ ихъ стороны, т. е. со стороны его политическихъ друзей, эта уступка можетъ быть принята лишь въ томъ случаѣ, если въ комиссіи немедленно будетъ изъявлено согласіе на двухъ-годовой срокъ службы, и законопроектъ объ этомъ будетъ на другой же день внесенъ въ парламентъ. Когда я и на это согласился, то Воким-Долфъ осмѣялъ насъ въ прессѣ. «Можно себя представить, до чего доходитъ низость правительства, если оно требуетъ отъ палаты, чтобы она предложила миръ за 234.000 рейхсталеровъ!» Однако это предложеніе было сдѣлано палатою! Была ли совершена когда-либо бѣлая гнусность съ цѣлью осрамить правительство и сбить съ толку народъ?

«Палата депутатовъ воспользовалась своимъ правомъ и уменьшила бюджетъ.

«Палата господъ воспользовалась своимъ правомъ и отвергла бюджетъ en bloc.

«Что предписываетъ въ подобномъ случаѣ конституція?

«Ничего!

«Такъ какъ палата депутатовъ воспользовалась своимъ правомъ для уничтоженія арміи и страны, то мнѣ пришлось въ виду этого «ничего» что-либо предпринять и управлять домомъ какъ хорошій отецъ семейства и въ послѣдствіи дать во всемъ отчетъ. Кто же сдѣлалъ невысказимымъ соблюденіе § 99?.. Конечно не я! Вильгельмъ».

XIII.

Отношеніе русскаго правительства къ польскому вопросу. — Мнѣніе Александра II. — Императоръ предлагаетъ Бисмарку поступить на русскую службу. — Дружественныя отношенія къ Россіи могутъ быть полезны для нѣмецкаго объединенія. — Образъ дѣйствій Австріи во время польскаго возстанія. — Трудныя стороны польскаго вопроса для Пруссіи. — Значеніе Альвенслебенской военной конвенціи. — Отношеніе Горчакова къ польскому вопросу.

Колѣблясь между сочувствіемъ къ полякамъ и абсолютизмомъ, въ Петербургѣ довольно долго не знали, какъ отнестись къ польскому возстанію, которое началось одновременно съ революціей въ Италіи, имѣло съ нею несомнѣнно нѣкоторую связь и выразилось вначалѣ національнымъ трауромъ, церковными процессіями въ память событій, носившихъ патріотическій характеръ, и волненіями въ сельско-хозяйственныхъ клубахъ. Полякамъ сочувствовала та часть высшаго русскаго общества, которая мечтала о конституціи, считая обиднымъ, что русскіе, люди образованные, не имѣли тѣхъ учрежденій, которыя существуютъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, и не могли принимать участія въ обсужденіи вопросовъ внутренняго управленія. Разногласіе во взглядахъ на польскій вопросъ обнаружилось также въ высшихъ военныхъ сферахъ и повело къ извѣстному прискорбному столкновенію между варшавскимъ намѣстникомъ генераломъ графомъ Ламбертомъ и генерал-губернаторомъ генераломъ Герстенцвейгомъ, которое окончилось загадочной смертію послѣдняго (въ январѣ 1862 г.). Я присутствовалъ при его отпѣваніи въ одной изъ лютеранскихъ церквей въ Петербургѣ. Лица, мечтавшія о конституціи, говорили какъ бы въ свое оправданіе, что русскіе не могутъ управлять поляками, которые, будучи болѣе цивилизованы, могутъ предъявить болѣе широкія требованія на участіе въ управленіи страной.

Это мнѣніе раздѣлялъ и князь Горчаковъ, коему парламентскія учрежденія могли открыть обширное поле для проявленія его краснорѣчія въ европейскомъ вкусѣ и который, жаждая популярности, былъ не въ состояніи идти противъ либеральныхъ стремленій русскаго «общества». При слушаніи дѣла Вѣры Зазуличъ (11-го апрѣля 1878 г.) онъ первый рукоплескалъ ея оправданію.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 года, когда я уѣхалъ изъ Петербурга, тамъ происходила оживленная борьба мнѣній; она продолжалась и въ то время, когда я сталъ во главѣ кабинета. При вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, я былъ того взгляда, что мятежъ, вспыхнувшій 1-го января 1863 года, затронулъ не только интересы нашихъ восточныхъ провинцій, но и гораздо болѣе важный

для насъ вопросъ о томъ, какъ отнесутся къ Польшѣ въ русскихъ правительственныхъ сферахъ: сочувственно или враждебно, будетъ ли тамъ преобладать стремленіе къ братанью съ поляками въ панславянскомъ, анти-нѣмецкомъ духѣ или возьметъ верхъ желаніе сблизиться съ Пруссіей. Говоря о своемъ желаніи сойтись съ поляками, русскіе были чистосердечнѣе ихъ; польское дворянство и духовенство не вѣрило, чтобы эти стремленія могли принести Польшѣ какую-либо пользу, и не считали единенія съ Россіей конечной цѣлью своихъ желаній. Врядъ ли хотя одинъ полякъ смотрѣлъ на примирительную политику иначе какъ на тактическій маневръ, рассчитанный на то, чтобы обмануть до поры до времени легковѣрныхъ русскихъ. Польское дворянство и духовенство отвергаетъ возможность сближенія съ русскими точно такъ же, какъ съ нѣмцами, съ послѣдними даже болѣе отчасти, вслѣдствіе антипатіи къ нѣмецкой расѣ и отчасти исходя изъ того убѣжденія, что въ государственномъ строѣ поляки скорѣе могли бы руководить русскими, нежели нѣмцами.

Вопросъ о томъ, какъ отнесется Россія къ польскому возстанію, имѣлъ первостепенное значеніе для будущаго Пруссіи, какъ германской державы. Доброжелательное къ Польшѣ отношеніе русскаго правительства могло повести къ сближенію Россіи съ Франціей, къ которому обѣ державы стремились со времени Парижскаго мира и даже раньше, а доброжелательный Польшѣ франно-русскій союзъ, о которомъ поговаривали еще до іюльской революціи, поставилъ бы тогдашнее прусское правительство въ весьма затруднительное положеніе. Намъ слѣдовало въ нашихъ собственныхъ интересахъ противодействовать польскимъ симпатіямъ русскаго кабинета, хотя бы онѣ выражались въ духѣ Александра I.

Изъ откровенной бесѣды моей съ княземъ Горчаковымъ и съ самимъ императоромъ я убѣдился, что Россія была не прочь отъ братскаго сближенія съ Польшей. Императоръ Александръ, какъ онъ высказалъ мнѣ откровенно, былъ готовъ отказаться отъ нѣкоторой части Польши; по крайней мѣрѣ отъ лѣваго берега Вислы, исключая Варшавы, которая, въ качествѣ крѣпости, имѣла значеніе для военныхъ цѣлей и принадлежала, со стратегической точки зрѣнія, къ треугольнику укрѣпленій на Вислѣ; впрочемъ императоръ не особенно настаивалъ на этомъ. Польша представляла, по его словамъ, для Россіи вѣчный источникъ тревоги и опасности, которая угрожала ей со стороны Европы; обрушеніе ея немислимо вслѣдствіе различія вѣроисповѣданія и неспособности русской администраціи.—Вы можете онѣмечить польскія земли, говорилъ онъ, вы имѣете къ тому всѣ средства, такъ какъ нѣмецкій народъ образованнѣе польскаго. Русскій же человекъ не чувствуетъ въ себѣ необходимаго превосходства для того, чтобы властвовать надъ поляками; Россія слѣдуетъ ограничиться наименьшимъ количествомъ польскаго

населенія, какое допускаетъ ея географическое положеніе, т. е. принять границею Вислу и Варшаву какъ тетъ-де-понъ.

Не знаю, было ли сказанное результатомъ зрѣло обдуманнаго государемъ плана, но, по всей вѣроятности, этотъ вопросъ обсуждался имъ съ государственными людьми, ибо императоръ никогда не высказывалъ мнѣ своихъ самостоятельныхъ политическихъ плановъ. Этотъ разговоръ происходилъ въ то время, когда было уже почти рѣшено, что я буду отозванъ изъ Петербурга; превратно истолковавъ мои слова, что я весьма сожалѣю объ этомъ и охотно остался бы въ Петербургѣ, которыя были сказаны вполне искренно, а не изъ простой вѣжливости, государь спросилъ, не желаю ли я поступить на русскую службу. Я отвѣчалъ на это вѣжливымъ отказомъ, но сказалъ съ особеннымъ удареніемъ, что мнѣ бы хотѣлось остаться при его величествѣ въ качествѣ прусскаго посланника. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы императоръ сдѣлалъ съ этой цѣлью какіе-либо шаги, такъ какъ для меня не было ничего привлекательнаго въ перспективѣ быть министромъ или хотя бы посланникомъ въ Парижѣ или Лондонѣ, не имѣя возможности, при новомъ направленіи нашей политики, оказывать на нее вліяніе. Я не могъ себѣ представить какимъ образомъ, служа въ Лондонѣ или Парижѣ, я могъ бы быть полезенъ странѣ и какъ я могъ бы содѣйствовать успѣху своихъ взглядовъ, между тѣмъ какъ вліяніе, коимъ я пользовался у императора Александра и его государственныхъ дѣятелей, имѣло, безъ сомнѣнія, большое для насъ значеніе. Мысль сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ была мнѣ такъ непріятна, какъ то ощущеніе, которое мы испытываемъ купаясь въ морѣ въ холодную погоду; но всѣ эти соображенія были недостаточно сильны, чтобы побудить меня энергично приняться за устройство своей судьбы или чтобы заставить меня просить о томъ императора Александра.

Когда я все-таки былъ назначенъ министромъ, то меня болѣе занимали вопросы внутренней, нежели внѣшней политики; что касается послѣдней, то подъ вліяніемъ моего недавняго пребыванія въ Россіи меня интересовали преимущественно наши отношенія къ этой державѣ, и я старался упрочить вліяніе, которое наша политика имѣла въ Петербургѣ. Для меня было совершенно ясно, что Пруссія не могла ожидать въ своей политикѣ никакой поддержки отъ Австріи въ нѣмецкомъ простѣ. Трудно было также предполагать, что Франція искренно будетъ желать нашего усиленія и объединенія Германіи, но это не мѣшало намъ воспользоваться въ нашихъ интересахъ временной поддержкою Наполеона III, хотя бы и основанной на его ошибочномъ расчетѣ. Мы находились относительно Россіи въ такомъ же точно положеніи, какъ относительно Англіи, поскольку наши интересы не расходились по существу съ интересами той и другой державы и были скрѣплены много-

лѣтнею дружбою. Отъ Англіи мы едва ли могли ожидать что-либо кромѣ платоническаго доброжелательства и поучительныхъ писемъ и газетныхъ статей. Помощь русскаго царя, какъ показала венгерская кампанія, могла, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть существеннѣе доброжелательнаго нейтралитета. Конечно, нельзя было рассчитывать, что онъ сдѣлаетъ что-либо подобное и для насъ, но легко могло случиться, что если бы Франція сдѣлала попытку вмѣшаться въ наши національныя дѣла, то императоръ помогъ бы намъ оградиться отъ этого вмѣшательства своимъ дипломатическимъ посредничествомъ. Доброжелательство къ намъ этого монарха, на основаніи котораго это можно было предположить проявилось и въ 1870 г., тогда какъ всѣ симпатіи нейтральной и дружественной намъ Англіи были въ то время на сторонѣ Франціи. Поэтому намъ слѣдовало, по моему мнѣнію, оберегать симпатію, которую питалъ къ намъ Александръ II, хотя ее не раздѣляли многіе его подданные и государственные сановники; ее слѣдовало оберегать по крайней мѣрѣ настолько, чтобы Россія не имѣла повода стать на сторону нашихъ враговъ. Въ то время нельзя было предвидѣть, какъ долго обстоятельства позволяютъ намъ пользоваться дружескимъ расположеніемъ царя въ нашихъ политическихъ выгодахъ. Во всякомъ случаѣ простой здравый смыслъ повелѣвалъ намъ дѣйствовать такъ, чтобы это дружеское расположеніе не перешло на сторону нашихъ враговъ, коими были поляки, всѣ сочувствующіе имъ русскіе и пожалуй даже французы. Австрія была занята въ то время главнымъ образомъ своимъ соперничествомъ съ Пруссіей на нѣмецкой національной почвѣ и легче могла справиться съ польскимъ возстаніемъ, нежели мы или Россія; несмотря на воспоминанія 1846 г. и на то, что головы польскихъ вельможъ были ею опѣнены, католическая имперія все же пользовалась у поляковъ и у католическаго духовенства ббльшей симпатіей, чѣмъ Пруссія и Россія.

Примирить австро-польскія и русско-польскія желанія врядъ ли было возможно; но сочувствіе, выказанное въ 1863 г. польскому возстанію австрійской политикой и западными державами, доказываетъ, что Австрія не боялась русскаго соперничества въ возстановленной Польшѣ. Въ апрѣлѣ, іюнѣ и августѣ мѣсяцѣ 1863 года Австрія сдѣлала Россіи, совместно съ Франціей и Англіей, троекратно представленія въ интересахъ Польши.

«Мы обсудили, говорилось въ нотѣ, посланной Австріей 18-го іюня, условія, при какихъ въ Царствѣ Польскомъ могутъ быть возстановлены тишина и спокойствіе, и изложили ихъ въ нижеслѣдующихъ шести пунктахъ, которые мы представляемъ на благоусмотрѣніе петербургскаго кабинета: 1) Полная и всеобщая амнистія; 2) Національное представительство съ участіемъ въ законодательныхъ работахъ и съ правомъ

фактического контроля. 3) Назначение поляков на государственные должности с таким расчетом, чтобы со временем образовалась особая национальная администрация, могущая внушить доверие странам. 4) Полная свобода совести и отмена всех мѣръ, стѣсняющих свободу католического вѣроисповѣданія. 5) Исключительное употребленіе польскаго языка въ дѣловыхъ сношеніяхъ въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ. 6) Введеніе правильной и законной системы рекрутскаго набора».

Австрія отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе Горчакова, чтобы Россія, Австрія и Пруссія соединились для обсужденія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ своихъ польскихъ подданныхъ, заявивъ, что «соглашеніе, состоявшееся между вѣнскимъ, лондонскимъ и парижскимъ кабинетами, создало между ними такую связь, которую Австрія не можетъ нарушить, вступивъ отдѣльно въ переговоры съ Россіей». Таково было положеніе дѣлъ въ то время, какъ король получилъ въ Гастейнѣ собственноручное письмо императора Александра, въ которомъ государь сообщалъ ему о своемъ намѣреніи двинуть войска въ Польшу и просилъ содѣйствія Пруссіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дружескія отношенія, существовавшія въ то время между обѣими западными державами, повліяли на предложеніе, сдѣланное императоромъ Францомъ-Іосифомъ 2-го августа, о созывѣ княжескаго сейма, но онъ ошибся въ расчетѣ и не подозрѣвалъ, что императору Наполеону наскучилъ уже польскій вопросъ и что онъ только и думалъ о томъ, какъ бы приличнымъ образомъ совершить отступленіе.

Графъ Гольцъ писалъ мнѣ 31-го августа ¹⁾:

«Вы увидите изъ моего сегодняшняго письма, что мы находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ (дѣйствительно онъ никогда еще не былъ со мною такъ любезенъ и откровененъ, даже въ самомъ началѣ моей миссіи), что Австрія оказала намъ по отношенію къ Франціи большую услугу своимъ княжескимъ сеймомъ, и что если бы польскій вопросъ былъ рѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ, то благодаря отсутствію Меттерниха, и послѣдовавшему сегодня отъѣзду его высочайшаго друга, мы легко могли бы занять вновь такое политическое положеніе, при которомъ можно бы спокойно ожидать дальнѣйшихъ событій.

«Я не могъ отвѣтить на замѣчанія императора относительно польскихъ дѣлъ, какъ я бы того желалъ; мнѣ кажется его величество ожидалъ, что ему будетъ предложено посредничество; но инструкція, полученная мною отъ короля, заставила меня быть сдержаннымъ. Во вся-

¹⁾ Bismarck-Jahrbuch, V, 219.

комъ случаѣ, по моему мнѣнію, надобно ковать желѣзо, пока оно горячо; императоръ предъявляетъ въ настоящее время требованія болѣе скромныя, чѣмъ когда либо; но если Австрія захочетъ загладить не ловкость, сдѣланную ею во Франкфуртѣ уступчивостью въ польскомъ вопросѣ, то надобно будетъ постараться, чтобы онъ вернулся къ прежнимъ требованіямъ. Онъ хочетъ теперь только выйти съ честью изъ этого положенія, самъ признаетъ всѣ шесть пунктовъ неудовлетворительными и готовъ смотрѣть сквозь пальцы на то, какъ они будутъ осуществляться на практикѣ; поэтому ему было бы весьма удобно, если бы его не обязали слѣдить слишкомъ строго за ихъ выполненіемъ. Судя по тому какъ дѣло шло до сихъ поръ, я боюсь только, что русскіе лишатъ насъ заслуги окончить это дѣло, сдѣлавъ безъ насъ то, что мы собирались посовѣтывать имъ.

«Поѣздка великаго князя, который очевидно еще не отозванъ, внушаетъ мнѣ большое подозрѣніе. Что будетъ, если императоръ Александръ объявитъ теперь конституцію и сообщитъ о томъ императору Наполеону собственноручнымъ любезнымъ письмомъ? Это было бы конечно лучше, нежели продолжающаяся неурядица, но для насъ оно было бы менѣе благоприятно, чѣмъ если бы мы сказали предварительно императору Наполеону: «Мы готовы посовѣтывать это государю; будешь ли ты этимъ доволенъ?»

Мы не обратили вниманія на намекъ, сдѣланный недѣли двѣ тому назадъ генераломъ Флѣри одному изъ членовъ прусскаго посольства, что слѣдовало бы посовѣтывать императору Александру сдѣлать этотъ шагъ, и дипломатическій походъ трехъ державъ лопнулъ бы какъ мыльный пузырь. Планъ, предложенный графомъ Гольцемъ, показался мнѣ съ политической точки зрѣнія неправильнымъ, недостойнымъ и задуманнымъ скорѣе во французскомъ нежели въ нѣмецкомъ духѣ.

Польскій вопросъ не представляетъ для Австріи тѣхъ трудностей, какія сопряжены для насъ съ исполненіемъ требованій, предъявляемыхъ одновременно нѣмцами и поляками въ Польшѣ и въ Западной Пруссіи и съ положеніемъ Восточной Пруссіи въ случаѣ возстановленія независимости Польши. Наше географическое положеніе и смѣшеніе обѣихъ національностей въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, включая Силезію, вынуждаетъ насъ тормозить рѣшеніе польскаго вопроса; подобныя соображенія руководили нами и въ 1863 г., когда мы старались повліять въ томъ же смыслѣ на Россію. Одно время, руководясь теоріей Велепольскаго, въ Петербургѣ прочли великаго князя Константина Николаевича въ вице-короли Польши.

Военная конвенція, заключенная въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 г. въ Петербургѣ генераломъ Густавомъ Альвенслебеномъ, имѣла для Пруссіи

скорѣе дипломатическое, нежели военное значеніе ¹⁾. Она олицетворяла собою побѣду, одержанную прусскою политикою въ кабинетѣ русскаго царя надъ польскими вѣдѣніями, коихъ представителями были Горчаковъ, Велепольскій и другія вліятельныя лица. Она была заключена по желанію самого императора вопреки мнѣнію его министровъ. Соглашеніе военно-политическаго характера, заключенное Россіей съ нѣмцемъ, противникомъ панславизма, противъ польскаго «братскаго народа» было рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ партіи, которая сочувствовала при дворѣ Польшѣ; съ военной точки зрѣнія, эта конвенція не имѣла почти никакого практическаго значенія; русскія войска были достаточно сильны и успѣхи повстанцевъ существовали большей частью только въ довольно фантастическихъ донесеніяхъ, которыя фабриковались по заказу изъ Парижа, въ Мисловицѣ, и посылались яко бы съ границы, или съ театра военныхъ дѣйствій, или изъ Варшавы и появлялись сперва въ одной берлинской газетѣ, а затѣмъ обходили всю европейскую прессу. Конвенція эта была искуснымъ шахматнымъ ходомъ, который рѣшилъ партію, разыгрывавшуюся въ петербургскомъ кабинетѣ между приверженцами антипольскихъ монархическихъ стремленій и панславистской партіей, сочувствовавшей полякамъ.

Князь Горчаковъ смотрѣлъ на польскій вопросъ не съ монархической, а съ либеральной или, такъ сказать, съ парламентской точки зрѣнія. Онъ считалъ себя прекраснымъ ораторомъ, былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ и ему было пріятно думать, что Европа могла бы рукоплескать его краснорѣчію, если бы онъ имѣлъ возможность выказать его на трибунѣ въ Варшавѣ или въ Петербургѣ. Въ то время предполагали, что либеральныя уступки, которыя будутъ сдѣланы полякамъ, коснутся и русскихъ; поэтому всѣ русскіе, мечтавшіе о конституціи, были на сторонѣ поляковъ.

Въ то время когда общественное мнѣніе было занято у насъ польскимъ вопросомъ и конвенція, заключенная Альвенслебеномъ, возбудила непонятное негодованіе либераловъ въ ландтагѣ, мнѣ былъ однажды представленъ у кронпринца г. Гинццетеръ. Такъ какъ этотъ господинъ видѣлъ кронпринца и его супругу ежедневно и казался мнѣ челоукомъ консервативныхъ убѣжденій, то я завелъ съ нимъ продолжительный разговоръ и высказалъ ему свой взглядъ на польскій вопросъ, въ надеждѣ, что ему представится случай говорить въ этомъ смыслѣ съ кронпринцемъ. Нѣсколько дней спустя онъ писалъ мнѣ, что кронпринцесса спрашивала его, о чемъ я такъ долго говорилъ съ нимъ; онъ передалъ ей весь нашъ разговоръ, записалъ его и прислалъ мнѣ для исправленія.

¹⁾ Сравн. письмо Бисмарка къ генералу Бернсторфу отъ 9-го марта 1863 г. Bismarck-Jahrbuch, VI, 172.

Я отвѣчалъ, что долженъ отклонить его просьбу, ибо послѣ того, что онъ сообщилъ мнѣ, это имѣло бы видъ, какъ будто я высказалъ свои взгляды, да притомъ еще письменнo, не ему, а кронпринцессѣ, я же могу сдѣлать это не иначе какъ словесно.

XIV.

Бисмаркъ и императоръ Фридрихъ.—Распоряженіе о печати.—Данцигская рѣчь кронпринца.—Его жалоба и отвѣтъ короля.—Бисмаркъ удерживаетъ короля отъ крайнихъ мѣръ противъ его сына.—Нескромность Times'a.—Кто былъ заподозрѣнъ въ этомъ разоблаченіи.—Разговоръ съ кронпринцемъ въ Гастейнѣ.—Вторичный протестъ кронпринца.—Несогласіе между королевемъ и Бисмаркомъ.

Императоръ Фридрихъ, сынъ монарха, котораго я называю *in specie* своимъ монархомъ, облегчилъ мнѣ своей обходительностью и довѣріемъ, которое онъ мнѣ оказывалъ, возможность перенести на него тѣ чувства, которыя я питалъ къ его отцу. Онъ болѣе понималъ чѣмъ его отецъ, что какъ министръ, я являлся, по смыслу конституціи, отвѣтственнымъ за принимаемыя имъ рѣшенія. При исполненіи требованій внутренней и вѣншей политики, онъ былъ также менѣ стѣсненъ семейными традиціями.

Всѣ догадки по поводу того, будто бы между императоромъ Фридрихомъ и мною существовало довольно долгое время несогласіе, лишены всякаго основанія. Мимолетное недоразумѣніе между нами было вызвано только Данцигскимъ эпизодомъ. Въ виду обнародованныхъ нынѣ бумагъ Макса Дункера, я позволю себѣ быть откровеннѣе при передачѣ нѣкоторыхъ подробностей этого эпизода, нежели я сдѣлалъ бы въ иномъ случаѣ.

31-го мая 1863 г. кронпринцъ отправился въ прусскую провинцію на инспекторскій смотръ, обратившись предварительно къ королю письменно съ просьбою избѣгать всякихъ насильственныхъ мѣръ. Въ томъ самомъ поѣздѣ, въ которомъ ѣхалъ кронпринцъ, находился и оберъ-бургмистръ города Данцига, г. фонъ-Винтеръ, котораго принцъ пригласилъ въ свое купе и котораго онъ посѣтилъ нѣсколько дней спустя въ его помѣстьи близъ Кульма. 2-го іюня кронпринцесса послѣдовала за супругомъ въ Грауденцъ; наканунѣ былъ обнародованъ королевскій указъ относительно прессы ¹⁾, вызванный докладомъ кабинета, обнародован-

¹⁾ Конвенція, заключенная съ Россіей, усилила еще болѣе существовавшее уже враждебное отношеніе общества къ министерству Бисмарка, которое выразилось столь рѣзкими выходками либеральной прессы, что правительство воспользовалось правомъ, предоставленнымъ ему конституціей, и издало

нымъ одновременно. 4-го іюня, его королевское высочество отправилъ королю письмо, въ которомъ онъ выразилъ свое неодобреніе по поводу этого указа, жаловался на то, что онъ не былъ приглашенъ къ обсужденію этого вопроса въ кабинетѣ, и высказалъ свой взглядъ на свои обязанности какъ наслѣдника престола.

5-го іюня въ Данцигской ратушѣ происходилъ приемъ городскихъ властей; на этомъ приемѣ г. фонъ-Винтеръ высказалъ свое сожалѣніе по поводу того, что обстоятельства не позволяютъ городу выказать вполне его радость по поводу пріѣзда его высочества. Кронпринцъ, въ отвѣтной рѣчи сказалъ между прочимъ слѣдующее:

— Я также весьма сожалѣю, что я пріѣхалъ сюда въ такое время, когда между правительствомъ и народомъ возникло недоразумѣніе, о чемъ я узналъ съ величайшимъ изумленіемъ. Мы не были извѣстны распоряженія правительства, подавшія къ этому поводъ. Я былъ въ отсутствіи. Я не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, коими были вызваны эти распоряженія. Но мы всѣ и я въ особенности, которому лучше чѣмъ кому-либо извѣстны благородныя и отеческія намѣренія и великодушныя желанія его королевскаго величества, мы всѣ увѣрены, что Пруссія подъ скипетромъ его величества неуклонно идетъ къ той великой цѣли, къ которой предназначила ее судьба.

Экземпляры «*Danziger Zeitung*» (Данцигской газеты), въ коихъ описывалось происшедшее въ ратушѣ, были разосланы въ редакціи берлинскихъ и другихъ газетъ, не получавшихъ означенную газету, которая посвящена исключительно вопросамъ мѣстнаго характера. Такимъ образомъ сказанное кронпринцемъ быстро стало извѣстно повсюду и вызвало оживленные толки въ Германіи и за границею. Онъ прислалъ мнѣ изъ Грауденца энергическій протестъ противъ указа о печати и требовалъ, чтобы этотъ протестъ былъ сообщенъ кабинету, что однако не было исполнено по повелѣнію короля. 7-го іюня ему былъ посланъ строгій отвѣтъ его величества на его жалобу отъ 4-го числа. Послѣ чего кронпринцъ просилъ у отца извиненія за шагъ, который онъ счелъ дол-

1-го іюня 1863 г. указъ, коимъ была нѣсколько ограничена свобода прессы, но который имѣлъ цѣлью только смягчить слишкомъ задорный ея тонъ и вернуть ее на путь болѣе благопристойной и объективной полемики. Всѣ прусскіе и заграничные либералы увидѣли въ указѣ о печати несогласное съ конституціей посягательство на священную свободу прессы и громили его въ печати („*Das Schweigen der Presse in Preussen*“. *Grenzboten*, 17-го іюля 1863 г., стр. 111 и др.), а когда кронпринцъ, находившійся подъ вліяніемъ своей супруги, выразилъ публично свой протестъ противъ этого указа, то услужливая пресса поспѣшила оповѣстить весь міръ объ этомъ „событіи“, восхваляя либеральные взгляды наслѣдника престола. (См. *Wegweiser durch Bismarcks „Gedanken und Erinnerungen“ von Horst Kohl. Leipzig, 1899 г.*)

В. В.

гомъ сдѣлать ради своего собственнаго будущаго и ради будущаго своихъ дѣтей, и просилъ уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. 11-го числа онъ получилъ отвѣтъ короля, въ которомъ его величество прощалъ его, не упоминая ни о жалобѣ его на министра, ни о его просьбѣ объ увольненіи въ отставку, но приказывалъ ему впредь воздерживаться отъ публичнаго выраженія своихъ мнѣній.

Считая гнѣвъ короля вполне законнымъ, я боялся, чтобы онъ не выразилъ своего неудовольствія какимъ-нибудь правительственнымъ или официальнымъ актомъ. Въ интересахъ династіи, я считалъ долгомъ успокоить короля и удержать его отъ такого шага, который напоминалъ бы Вильгельма I и Кюстрина. Случай къ тому представился мнѣ 10-го іюня, когда мы ѣхали вмѣстѣ съ королемъ изъ Бабельсберга въ Новый дворецъ, гдѣ его величество производилъ смотръ учебному батальону. Чтобы не быть понятыми слугами, которые сидѣли на козлахъ, мы говорили по-французски. Мнѣ удалось смягчить гнѣвъ его величества, представивъ ему соображенія государственной важности; я доказывалъ ему, что при предстоящей борьбѣ между королевской властью и парламентомъ, не слѣдовало оглашать розни, происшедшей въ королевской семьѣ, и что его величество, какъ король и отецъ, долженъ былъ позаботиться, чтобы интересы обѣихъ царственныхъ особъ не пострадали.

— Избѣгайте, ваше величество, всякаго рѣшенія *ab initio*, сказалъ я, — въ этомъ случаѣ должны имѣть рѣшающее значеніе только соображенія государственной важности.

Особенно сильное впечатлѣніе произвели на его величество мои слова, что въ столкновеніи между Вильгельмомъ I и его сыномъ симпатіи современниковъ и потомства будутъ на сторонѣ послѣдняго и что не слѣдуетъ придавать кронпринцу видъ жертвы.

Когда этотъ вопросъ былъ улаженъ, такъ сказать, съ внѣшней стороны вышеупомянутыми письмами, коими король обмѣнялся съ сыномъ, я получилъ изъ Штеттина письмо отъ кронпринца, написанное 30-го іюня, въ которомъ онъ осуждалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ всю мою политическую дѣятельность, говоря что она лишена доброжелательства и вниманія къ народу и основана на весьма сомнительномъ толкованіи конституціи; это можетъ повести къ тому, что народъ не будетъ придавать конституціи никакого значенія, что, въ свою очередь, можетъ завести насъ на путь, совершенно несогласный съ духомъ конституціи. Съ другой стороны, кабинетъ, переходя отъ одного произвольнаго истолкованія къ другому, еще болѣе произвольному, дойдетъ до того, что посоветуетъ королю наконецъ вовсе нарушить конституцію. Затѣмъ кронпринцъ сообщалъ мнѣ о своемъ намѣреніи просить короля уволить его отъ участія въ засѣданіяхъ кабинета до тѣхъ поръ, пока нынѣшній кабинетъ будетъ у дѣлъ.

Несмотря на это заявленіе со стороны наследника престола я продолжалъ идти по тому же пути, и это было лучшимъ доказательствомъ того, что я вовсе не заботился сохранить свой министерскій постъ при пережѣннѣ престолонаслѣдія, которое могло наступить весьма скоро, однако кронпринцъ вынудилъ меня подтвердить ему это лично, во время одного разговора, о которомъ будетъ рѣчь далѣе.

Къ великому удивленію короля, 16-го или 17-го іюня въ «Times'ѣ» было напечатано: «Во время поѣздки для инспектированія войска, принцъ позволилъ себѣ высказать мнѣнія, не согласующіяся съ политикой короля, и выразить сомнѣніе въ цѣлесообразности его мѣропріятій. Самое меньшее, что онъ могъ бы сдѣлать, чтобы смыть это жестокое оскорбленіе, было взять свои слова назадъ. Король потребовалъ этого въ своемъ письмѣ къ кронпринцу присовокупивъ, что онъ будетъ лишенъ знаковъ отличія и занимаемыхъ имъ должностей, если онъ этого не сдѣлаетъ. Принцъ, какъ говорятъ, съ согласія ея королевскаго высочества принцессы, отвѣтилъ на это рѣшительнымъ отказомъ. Онъ отказался взять что либо изъ сказаннаго назадъ, просилъ уволить его отъ занимаемыхъ имъ должностей и лишить орденовъ и испрашивалъ позволенія удалиться со своей супругою и семьей въ такое мѣсто, гдѣ на него не могло бы пасть подозрѣнія, что онъ какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивается въ государственныя дѣла. Письмо это написано, какъ говорятъ, замѣчательно хорошо и принцъ можетъ похвастать тѣмъ, что супруга его не только раздѣляетъ его либеральные взгляды, но даже въ состояніи поддержать его въ столь важный и критическій моментъ жизни. Трудно себѣ представить болѣе затруднительное положеніе, нежели положеніе кронпринца и его супруги; не имѣя дѣльнаго совѣтника они находятся между двухъ огней: съ одной стороны—упрямый монархъ и недостойный кабинетъ, а съ другой—возбужденный народъ».

Кто былъ авторомъ этой статьи, такъ и не удалось узнать несмотря на все стараніе. Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ подозрѣвать въ этомъ совѣтника посольства Мейера.

Довольно обстоятельныя сообщенія, появившіяся въ «Grenzboten» и въ «Süddeutsche Post», подписанныя депутатомъ Братеромъ, были сообщены ему по всей вѣроятности однимъ второстепеннымъ нѣмецкимъ дипломатомъ ¹⁾, который пользовался довѣріемъ кронпринца и его супруги и лѣтъ 25 спустя злоупотребилъ этимъ довѣріемъ, обнаруживавъ нѣкоторые документы, довѣренные ему его высочествомъ.

Я вполне увѣренъ, что объ этомъ кронпринцу ничего не было извѣстно, какъ онъ и утверждалъ самъ; я не сомнѣвался въ этомъ даже

¹⁾ Геффкеномъ. Примѣч. издателя.

тогда, когда я прочелъ его письмо къ Максѣ Дункеру отъ 14-го іюля, въ которомъ его высочество писалъ, что онъ не особенно бы удивился, если бы Бисмаркъ съумѣлъ достать копию съ переписки, происходившей между нимъ и королемъ.

Мнѣ кажется я не ошибусь сказавъ, что въ этомъ нескромномъ сообщеніи было виновно то самое лицо, которое поддерживало кронпринца во всѣхъ его поступкахъ; нѣкоторые факты, случившіеся во время франко-прусской войны, и недавнее обнародованіе бумагъ Дункера подтверждаютъ справедливость моего мнѣнія. Если у насъ могла существовать цѣлая школа политическихъ писателей, цѣлые четверть вѣка превозносившихъ то, что они называли англійскою конституціей и о чемъ они не имѣли опредѣленнаго понятія, ставя ее какъ образецъ континентальнымъ народамъ и совѣтуя подражать ей, то весьма естественно, что кронпринцесса и ея мать не признавали своеобразный складъ прусскаго государства и отрицали возможность управлять имъ при помощи смѣнявшихся парламентскихъ партій; весьма естественно также, что изъ этой ошибки проистекла другая, а именно—опасеніе, что въ Пруссіи XIX столѣтія повторится та внутренняя борьба и возможны тѣ катастрофы, которыя Англія испытала въ XVII столѣтіи, если у насъ не будетъ введена та система управленія, которая положила конецъ этой борьбѣ. Я не могъ провѣрить, справедливо ли было полученное мною тогда извѣстіе, будто въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г. королева Августа приказала президенту Людольфу Кампгаузену, а кронпринцесса—барону фонъ-Штокмару написать критическія записки о внутреннемъ состояніи Пруссіи и представить ихъ королю; но что королева, имѣвшая въ числѣ своихъ приближенныхъ совѣтника посольства Мейера, чрезвычайно боялась за цѣлость престола, это было мнѣ давно извѣстно. Удрученное состояніе, въ какомъ король (какъ выше описано) возвращался (въ 1862 г.) изъ Бадена, куда онъ ѣздилъ ко дню рожденія своей супруги, служитъ подтвержденіемъ этого. Либеральная партія, враждовавшая съ королевскою властью, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе надѣялась на побѣду и, пользуясь услугами прессы и отдѣльныхъ лицъ, не упускала случая изобразить положеніе дѣлъ въ такомъ свѣтѣ, который долженъ былъ особенно сильно подѣйствовать на женскій умъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ кронпринцъ былъ у меня въ Гастейнѣ; свободный отъ англійскаго вліянія, онъ держалъ себя этотъ разъ менѣе самостоятельно, какъ и соответствовало его характеру, отзывался почтительно объ отцѣ и скромно и любезно объяснилъ свой поступокъ недостаточной политической подготовкою, малымъ знакомствомъ съ дѣлами; тонкомъ человѣка, признающаго себя виновнымъ, онъ объяснилъ свой поступокъ посторонними вліяніями.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда король вернулся вмѣстѣ со мною въ

Берлинъ черезъ Баденъ, а кронпринцъ проѣхалъ туда прямо изъ Гастейна, онъ снова подпалъ вліянію и поддался тѣмъ опасеніямъ, которыя побудили его заявить протестъ въ іюнь мѣсяцѣ. На другой день послѣ того какъ было рѣшено распустить палату депутатовъ, онъ писалъ мнѣ:

Берлинъ, 3/ix 1863.

«Я сообщилъ сегодня его величеству тѣ взгляды, которые я изложилъ вамъ въ письмѣ изъ Путбуса (правильнѣе изъ Штеттина) и которые я просилъ васъ не передавать королю прежде нежели я самъ это сдѣлаю. Вчера въ совѣтѣ принято важное рѣшеніе; въ присутствіи министровъ я не хотѣлъ ничего возражать его величеству. Я сдѣлалъ это сегодня; я высказалъ ему свои соображенія и изложилъ ему мои серьезныя опасенія за будущее. Теперь королю извѣстно, что я самый рѣшительный противникъ министерства. Фридрихъ Вильгельмъ».

Пришлось коснуться высказанной кронпринцемъ въ письмѣ отъ 30-го іюня просьбы освободить его отъ участія въ засѣданіяхъ кабинета. Слѣдующее письмо Бодельшвинга отъ 11-го сентября 1863 г. показываетъ, каковы были въ то время отношенія между высочайшими особами:

«Неизвѣстно когда именно вы вернетесь изъ вашей поѣздки, вызванной столь печальнымъ обстоятельствомъ, писалъ онъ ¹⁾, и буду ли я тотчасъ по вашемъ пріѣздѣ имѣть возможность говорить съ вами, поэтому сообщаю вамъ письменно, что согласно приказанію его величества, переданному мнѣ флигель-адъютантомъ, я сообщилъ адъютанту его королевскаго высочества по вашему порученію о вашемъ послѣднемъ отъѣздѣ и о причинѣ этого отъѣзда, и просилъ его сообщить это его королевскому высочеству на тотъ случай, если ваша просьба о назначеніи вамъ аудіенціи уже была передана ему или если эта аудіенція уже была назначена. Его величество, какъ передалъ мнѣ князь Гоенлоэ, не нашелъ со своей стороны удобнымъ говорить съ кронпринцемъ о вашемъ отъѣздѣ и объ аудіенціи, которую вы спрашивали».

Король рѣшилъ, что кронпринцъ долженъ попрежнему присутствовать на засѣданіяхъ кабинета, какъ это было принято съ 1861 года, и поручилъ мнѣ извѣстить объ этомъ его королевское высочество. Кажется испрошенная съ этой цѣлью аудіенція не состоялась, такъ какъ мнѣ помнится, что я воспользовался случаемъ, когда кронпринцъ пріѣхалъ на засѣданіе кабинета, которое въ тотъ день случайно не состоялось, чтобы заговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Я спросилъ его королевское высочество, почему онъ удаляется отъ дѣлъ, коль скоро ему придется

¹⁾ Кончина моей тещи. Я отсутствовалъ изъ Берлина съ 6-го по 11-е число. Примѣч. Бисмарка.

по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ управлять страной; если онъ не раздѣляетъ взглядовъ правительства, то ему слѣдуетъ лучше подготовить возможность перехода отъ этихъ взглядовъ къ своимъ, нежели быть постоянно въ оппозиціи. Онъ отвѣчалъ на это весьма рѣзко въ отрицательномъ смыслѣ, предполагая вѣроятно, что этими словами я хотѣлъ обезпечить себѣ возможность служить впоследствии при немъ.

Много лѣтъ я не могъ забыть того враждебнаго выраженія и того олимпійскаго высокомерія, съ какимъ это было сказано, и до сихъ поръ вижу закинутую назадъ голову, вспыхнувшее лицо и взглядъ, который онъ бросилъ на меня черезъ лѣвое плечо. Я подавилъ свое собственное волненіе, вспомнилъ Дона Карлоса и Альбу (актъ 2, сцена 5) и отвѣчалъ, что я сказалъ это единственно изъ преданности къ династіи, изъ желанія сдѣлать возможнымъ сближеніе его съ отцомъ, какъ требуютъ интересы страны и династіи, коимъ можетъ повредить происшедшее между ними охлажденіе. Я сдѣлалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ все отъ меня зависящее, чтобы удержать его величество отъ необдуманнаго шага, такъ какъ я считаю необходимымъ поддержать въ королевской семьѣ согласіе въ интересахъ страны и въ виду предстоящей борьбы съ парламентаризмомъ. Какъ преданный и вѣрный слуга его величества я желаю ему найти, когда онъ вступитъ на престоль, такого же преданнаго слугу, какимъ я былъ для его отца. Я не думалъ, что онъ можетъ предположить, будто я желаю быть со временемъ при немъ министромъ. Этого никогда не будетъ.

Быстро раздражившись кронпринцъ такъ же быстро успокоился и окончилъ разговоръ весьма милостиво.

Онъ настаивалъ на своей рѣшимости не принимать болѣе участія въ засѣданіяхъ кабинета и прислалъ королю еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ записку, написанную вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ, въ которой онъ объяснялъ мотивы, руководившіе его дѣйствіями, въ такомъ тонѣ, который могъ быть принятъ за оправданіе его образа дѣйствій въ іюнѣ мѣсяцѣ. По этому поводу мы обмѣнялись съ его величествомъ нѣсколькими письмами; наша переписка завершилась слѣдующей запиской:

«Бабельсбергъ, 7-го ноября 1863.

«Прилагаю при семъ отвѣтъ моему сыну кронпринцу на его записку, написанную имъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Для того чтобы вы могли лучше ориентироваться, посылаю вамъ вновь самую записку, а равно и ваши замѣтки, коими я пользовался писавши свой отвѣтъ».

Я не снялъ копии съ этой записки, но о содержаніи ея можно судить по моимъ замѣткамъ, сдѣланнымъ на поляхъ этой записки, которыя я привожу здѣсь:

Къ стр. 1. Требованіе, чтобы предостереженіе, высказанное

его королевскимъ высочествомъ, имѣло вліяніе на рѣшенія его величества, принимаемыя имъ по весьма зрѣломъ и всестороннемъ обсужденіи, придаетъ его положенію и опытности несоотвѣтствующее значеніе по сравненію съ положеніемъ и опытностью монарха и отца.

Никто не можетъ предположить, что его королевское высочество «причастенъ изданному королемъ указу, ибо всѣмъ извѣстно, что кронпринцъ не имѣетъ голоса въ министерствѣ и что по смыслу конституціи положеніе, какое занималъ въ прежнее время наслѣдникъ престола, въ настоящее время немыслимо».

Поэтому опроверженіе, сдѣланное въ Данцигѣ, было излишнее.

Стр. 2. Свобода дѣйствій его королевскаго высочества нисколько не стѣснена тѣмъ, что его королевское высочество присутствуетъ на засѣданіяхъ и, выслушивая мнѣніе другихъ лицъ и высказывая свое собственное, слѣдитъ за ходомъ государственныхъ дѣлъ, что составляетъ долгъ наслѣдника престола. Исполненіе этого долга, если о немъ будутъ говорить въ газетахъ, дастъ прекрасное понятіе о добросовѣстности, съ какою кронпринцъ готовится къ своему высокому и серьезному призванію.

Слова «со связанными руками» и т. п. не имѣютъ смысла.

Стр. 2. «Страна» никоимъ образомъ не можетъ отождествлять его королевское высочество съ кабинетомъ, ибо она знаетъ, что кронпринцъ не участвуетъ въ рѣшеніяхъ кабинета. Къ сожалѣнію, страгѣ очень хорошо извѣстно, что кронпринцъ сталъ въ оппозицію къ правительству; каждый отецъ семейства, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, можетъ истолковать это превратно какъ стремленіе освободиться отъ авторитета отца, неуваженіе къ которому оскорбляетъ чувства народа. Ничто не могло бы въ такой степени повредить его королевскому высочеству какъ обнародованіе этой записки.

Стр. 2. Положеніе его королевскаго высочества во всякомъ случаѣ «въ высшей степени фальшивое», ибо водружать знамя оппозиціи противъ короля и отца совершенно не соотвѣтствуетъ положенію наслѣдника престола; онъ «обязанъ» выйти изъ этого положенія, и это можетъ быть достигнуто только путемъ возвращенія къ нормальному порядку вещей.

Стр. 3. Борьбы между долгомъ не предстоитъ, такъ какъ первый долгъ является плодомъ собственной фантазіи; забота о будущемъ Пруссіи—дѣло короля, а не кронпринца; будущее рѣшить, была ли сдѣлана «ошибка» и съ чьей стороны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «взглядъ» его величества находится въ противорѣчій со взглядами кронпринца, рѣшающимъ является всегда мнѣніе короля, слѣдовательно никакого конфликта не можетъ произойти. Его королевское высочество самъ при-

знаеть, что въ нашей конституціи «нѣтъ мѣста для оппозиціи со стороны наслѣдника престола».

Стр. 4. Оппозиція въ совѣтѣ не исключаетъ повиновенія его величеству, когда подлежащій обсужденію вопросъ рѣшенъ. Министры точно также возражаютъ его величеству, если они не согласны съ нимъ въ мнѣніи, тѣмъ не менѣе они повинуются ¹⁾ рѣшенію короля, хотя имъ приходится выполнять самимъ то, что они оспаривали.

Стр. 4. Если его королевскому высочеству извѣстно, что министры поступаютъ согласно съ желаніемъ короля, то его королевское высочество не можетъ заблуждаться насчетъ того, что оппозиція наслѣдника престола направлена противъ царствующаго монарха.

Стр. 5. У кронпринца нѣтъ никакого повода идти противъ желанія короля; у него не можетъ быть въ этомъ случаѣ никакого оправданія, именно потому, что его королевское высочество не занимаетъ никакого служебнаго «status». Въ такомъ случаѣ каждый принцъ королевскаго дома имѣлъ бы такое же точно право считать своимъ «долгомъ» становиться въ открытую оппозицію королю въ случаѣ разногласія съ нимъ во мнѣніяхъ, дабы оградить этимъ «свои права и права своихъ дѣтей отъ послѣдствій тѣхъ ошибокъ, которыя могли бы быть сдѣланы королевскимъ правительствомъ, т. е. чтобы обезпечить себѣ престолонаслѣдіе въ духѣ Людовика Филиппа, въ случаѣ если бы король былъ свергнутъ съ престола революціей».

Стр. 5. По поводу сказаннаго главою кабинета въ Гастейнѣ слѣдовало высказаться обстоятельнѣе.

Стр. 7. Король требуетъ, чтобы кронпринцъ присутствовалъ на за сѣданіяхъ не въ качествѣ королевскаго совѣтника, а для его собственнаго назиданія и для подготовленія къ его будущимъ обязанностямъ.

Стр. 7. Попытка «нейтрализовать» мѣропріятія правительства была бы равносильна объявленію борьбы правительству и мятежу.

Стр. 7. Примѣръ открытой оппозиціи со стороны наслѣдника престола и разлада въ средѣ царствующаго дома можетъ повести къ ослабленію узъ, связывавшихъ доселѣ народъ съ династіей, и поэтому можетъ быть опаснѣе всѣхъ нападокъ демократіи и подкапыванія «подъ основы монархіи».

Ежели сынъ и наслѣдникъ престола возстаеть противъ авторитета отца и короля, то для кого же этотъ авторитетъ будетъ священнымъ? Если личное честолюбіе кронпринца можетъ быть удовлетворено тѣмъ, что онъ идетъ въ настоящее время противъ короля, то ослабленіе этихъ узъ можетъ принести въ будущемъ вредъ самому кронпринцу, когда онъ будетъ королемъ; подрывая авторитетъ нынѣшняго

¹⁾ Тутъ приписано рукою короля: если это не противорѣчитъ ихъ совѣсти.

правительства онъ посѣтъ дурное сѣмя для будущаго. Не можетъ быть ничего хуже такого правительства, въ которомъ существуютъ внутренній раздоръ и несогласіе; потрясеніе, вызванное кронпринцемъ, можетъ пошатнуть самыя основы зданія, въ которое онъ самъ вступитъ въ будущемъ какъ король.

Стр. 7. По смыслу конституціи, Пруссіей управляетъ король, а не министръ. Только одні законодательныя, а не административныя мѣры обсуждаются совмѣстно съ палатами, передъ коими министръ является представителемъ короля. Поэтому, согласно закону, министры суть с л у г и короля и признанные совѣтники его величества, а не правители Пруссіи, какъ это было до обнародованія конституціи. Прусское королевство и послѣ утвержденія конституціи нельзя сравнивать съ Бельгіей или съ Англіей: у насъ странюю все еще управляетъ самъ король; онъ отдаетъ приказанія по своему усмотрѣнію, сообразуясь со смысломъ конституціи.

Стр. 8. Обнародованіе государственныхъ тайнъ не допускается закономъ. Что именно слѣдуетъ понимать подъ словомъ государственная тайна—зависитъ отъ повелѣнія короля относительно соблюденія служебныхъ тайнъ.

Стр. 8. Почему его высочество придаетъ такое большое значеніе тому, что дѣлается извѣстнымъ «за границею»? Ежели его королевское высочество высказываетъ свое мнѣніе въ совѣтъ по своему убѣжденію, то его совѣсть можетъ быть покойна. Кронпринцъ не принимаетъ официально участія въ государственныхъ дѣлахъ и не долженъ высказывать своего мнѣнія публично; ни одинъ человекъ, мало-мальски знакомый съ нашими государственными учрежденіями, не выведетъ заключенія, что его королевское высочество одобряетъ дѣйствія правительства, изъ того, что его королевское высочество присутствуетъ при преніяхъ, происходящихъ въ совѣтѣ, безъ права голоса, слѣдовательно не имѣя возможности возражать противъ его постановленій.

Стр. 8. Вся ошибка состоитъ въ томъ, что придаютъ слишкомъ много значенія «показной» сторонѣ дѣла; главное быть и мочь, а это можетъ быть плодомъ только серьезной и обдуманной работы.

Стр. 9. Участіе его королевскаго высочества въ совѣтѣ не есть «активное» положеніе, ибо кронпринцъ не имѣетъ права голоса.

Стр. 9. Сообщенія, дѣлаемыя «должностнымъ» лицамъ, безъ созволенія его величества противны законамъ. Его королевское высочество вѣдь не лишень права свободно высказывать свое мнѣніе, напротивъ, это весьма желательно, но оно должно дѣлаться только въ совѣтѣ, гдѣ сказанное имъ только и можетъ имѣть вліяніе на рѣшенія, принимаемыя совѣтомъ. Желаніе «все объяснить странѣ» можетъ вызвать чувство удовлетвореннаго самолюбія, но легко можетъ имѣть послѣдствіемъ недо-

вольство и возмущеніе противъ власти и подготовить такимъ образомъ революцію.

Стр. 10. Присутствіе его королевскаго высочества, безъ сомнѣнія, затрудняетъ министровъ; ихъ трудъ былъ бы облегченъ, если бы его королевское высочество не присутствовалъ въ засѣданіяхъ. Но можетъ ли его величество, не нарушая долга, отказаться отъ своего требованія, чтобы кронпринцъ изучалъ дѣла и законы страны? не опасно ли держать будущаго короля въ невѣдѣніи государственныхъ дѣлъ, когда благо милліоновъ людей требуетъ, чтобы онъ былъ съ ними ознакомленъ?

Настоящей запиской его королевское высочество показываетъ незнаніе того обстоятельства, что участіе кронпринца въ совѣщаніяхъ никогда не было отвѣтственнымъ: онъ участвуетъ въ нихъ только для ознакомленія съ дѣлами, и отъ его королевскаго высочества никогда не могутъ требовать, чтобы онъ высказывалъ свое мнѣніе. Всѣ его разсужденія основаны на этомъ ошибочномъ взглядѣ. Если бы кронпринцъ былъ лучше знакомъ съ дѣлами, то онъ не угрожалъ бы обнародовать тайну совѣщаній, если его величество не согласится съ его мнѣніемъ, ибо это равносильно нарушенію закона и слѣдовательно уголовному преступленію. И онъ дѣлаетъ это лишь нѣсколько недѣль спустя послѣ того, какъ его королевское высочество такъ строго осудилъ обнародованіе его переписки съ его величествомъ.

Стр. 11. Вышеупомянутый упрекъ касается близко весьма многихъ; никто не приписываетъ его королевскому высочеству подобныхъ намѣреній; говорятъ только, что другія лица, питающія подобныя намѣренія, надѣются осуществить ихъ при пассивномъ содѣйствіи кронпринца и что ихъ безчестныя поползновенія подають нынѣ болѣе чѣмъ когда либо надежду на перемѣну образа правленія.

Стр. 12. Требованіе его королевскаго высочества, чтобы его увѣдомили своевременно о томъ, какіе вопросы будутъ подлежать обсужденію въ засѣданіяхъ, всегда признавалось правильнымъ и исполнялось какъ требованіе вполне основательное; даже высказывалось желаніе, чтобы его королевское высочество самъ старался быть болѣе au courant дѣлъ чѣмъ прежде, но для этого необходимо, чтобы мѣстопробываніе кронпринца всегда было извѣстно и доступно, чтобы кронпринцъ лично былъ доступенъ министрамъ и чтобы было обезпечено соблюденіе тайны. Въ особенности необходимо, чтобы докладчики, съ которыми его королевское высочество могъ бы быть уполномоченъ обсуждать подлежащіе разсмотрѣнію государственные вопросы, были не врагами правительства, а его доброжелателями или по крайней мѣрѣ безпристрастными критиками и не состояли бы въ интимныхъ отношеніяхъ къ оппозиціи въ ландтагѣ или въ прессѣ; самое затруднительное въ этомъ случаѣ было бы соблю-

деніе тайны, въ особенности по отношенію къ иностраннымъ державамъ до тѣхъ поръ пока его королевское высочество и ея королевское высочество кронпринцесса не прониклись бы убѣжденіемъ, что въ царствующихъ домахъ ближайшіе родственники, не будучи нашими соотечественниками, часто по необходимости и по долгу заботятся о своихъ собственныхъ, а вовсе не о прусскихъ интересахъ. Тяжело, когда отношенія между матерью и дочерью, между братомъ и сестрою обуславливаются пограничною линіей, но забвеніе этого правила можетъ еще тяжелѣе отразиться на странѣ.

Стр. 12. «Послѣднее засѣданіе совѣта» (3-го числа) было не засѣданіемъ совѣта, а частнымъ засѣданіемъ, назначеннымъ его величествомъ, о которомъ министрамъ предварительно не было извѣстно.

Стр. 13. Сообщение записки его королевскаго высочества министрамъ придадо бы ей официальный характеръ, котораго не могутъ имѣть мнѣнія, высказываемыя наслѣдникомъ престола.

XV.

Графъ Рехбергъ.—Какъ снискалъ Бисмаркъ его довѣріе.—Попытка дѣйствовать совмѣстно на почвѣ дуализма.—Какое вліяніе могла имѣть преобладающая роль Австріи?—Соглашеніе между Пруссіей и Австріей, вызванное опасеніемъ вмѣшательства Англіи и прочихъ европейскихъ державъ въ датскій вопросъ.—Разговоръ по поводу прусско-австрійскихъ отношеній между Бисмаркомъ и графомъ Кароли.—Плохое мнѣніе о Пруссіи въ Вѣнѣ.—Различіе характера Фридриха-Вильгельма IV и Вильгельма I.—Вѣра въ военное превосходство Австріи.—Австрія не желаетъ мирнаго дуализма.—Приглашеніе къ участію въ франкфуртскомъ княжескомъ сеймѣ.—Императоръ Францъ-Іосифъ въ Гастейнѣ.—Бисмаркъ находитъ участіе въ сеймѣ нежелательнымъ.—Король саксонскій Іоаннъ въ Баденѣ.—Впечатлѣніе, произведенное образомъ дѣйствій Пруссіи на средне-германскія государства.—Смерть короля датскаго Фридриха VII.—Блестящее начало дуалистической политики.—Бесѣда обоихъ монарховъ и ихъ министровъ въ Шенбруннѣ.—Переговоры объ участіи Австріи въ таможенномъ союзѣ.—Взглядъ на это Бисмарка.—Отставка Рехберга.—Изъ писемъ Тиле, Лебекена и Гольца.—Ненадежность и намѣччивость австрійской дружбы.

Первые шаги къ нашему сближенію съ Австріей, которые привели къ заключенію съ нею союза въ 1879 году, были сдѣланы въ то время, когда главою кабинета и министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Рехбергъ (съ 17-го мая 1859 г. по 27-е октября 1864 г.). Такъ какъ личныя отношенія, существовавшія между нами въ то время, когда я былъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ, оказали въ этомъ случаѣ не

малую пользу, то я упомяну о двухъ эпизодахъ, происшедшихъ между нами во Франкфуртѣ.

По окончаніи одного засѣданія, во время котораго я поспорилъ съ Рехбергомъ, оставшись со мною въ залѣ, наединѣ, онъ напалъ на меня за мою несговорчивость, назвалъ меня человѣкомъ сварливымъ и задорнымъ и сослался на нѣкоторые случаи, когда я возставалъ противъ излишняго вмѣшательства въ дѣла предсѣдательствующаго на сеймѣ. Я сказалъ, что я не знаю, какъ принять его слова: какъ извѣстный дипломатическій шахматный ходъ или вполнѣ серьезно, но во всякомъ случаѣ его тонъ кажется мнѣ весьма оскорбительнымъ.

— Не можемъ же мы,—сказалъ я,—рѣшать дипломатическіе вопросы, касающіеся нашихъ государствъ, въ Бекенгеймскомъ лѣсочкѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

Онъ отвѣчалъ на это съ большою запальчивостью:

— Поѣдьте туда немедленно, я готовъ ѣхать хоть сію минуту.

Считая, что нашъ разговоръ перешелъ съ дипломатической на личную почву, я отвѣчалъ спокойно:

— Намъ не къ чему ѣхать туда; съ насъ хватитъ мѣста и тутъ, въ саду союзнаго парламента; напротивъ живутъ прусскіе офицеры, австрійцы также найдутся поблизости. Мы можемъ покончить это дѣло въ четверть часа, я попрошу у васъ только позволеніе изложить вкратцѣ сущность возникшаго между нами недоразумѣнія на бумагѣ, и надѣюсь, что вы подпишете ее вмѣстѣ со мною, такъ какъ я не хотѣлъ бы, чтобы его величество считалъ меня забіякой, который рѣшаетъ дипломатическіе вопросы поединкомъ.

Я началъ писать, а мой коллега расхаживалъ по комнатѣ взадъ и впередъ быстрыми шагами. Его гнѣвъ мало-по-малу улегся, и онъ взглянулъ спокойнѣе на положеніе, вызванное имъ самимъ. Я ушелъ, сказавъ, что пришлю къ нему г. фонъ-Эрцена, мекленбургскаго посланника, моего секунданта, чтобы условиться о дальнѣйшемъ. Эрценъ уладилъ дѣло и примирилъ насъ.

Интересно также сказать, какимъ образомъ я приобрѣлъ довѣріе и, можно даже сказать, дружбу этого вспыльчиваго, но честнаго человѣка въ то время, когда мы уже были оба министрами. Однажды, когда я былъ у него по дѣлу, онъ вышелъ изъ комнаты, чтобы переодѣться и, уходя, передалъ мнѣ депешу, только что имъ полученную отъ своего правительства, съ просьбою прочесть ее. Ознакомившись съ ея содержаниемъ, я понялъ, что Рехбергъ ошибся и передалъ мнѣ бумагу, хотя и касавшуюся занимавшаго насъ вопроса, но предназначавшуюся для него лично, и которая несомнѣнно должна была сопровождаться другою депешей. Когда онъ вернулся, я возвратилъ ему депешу, сказавъ, что онъ ошибся, и что я забуду то, что прочелъ; дѣйствительно, я не

нѣтъ у насъ Пушкина?. Къ этой мысли нельзя привыкнуть!..

Нѣсколько подробнѣе сообщено было о смерти А. С. Пушкина въ газетахъ „Journal de St.-Petersbourg“ и „St.-Petersburger Zeitung“. Г-нъ Невзоровъ приводитъ подлинный текстъ французской и нѣмецкой газетъ и подъ нимъ—переводъ на русскій языкъ.

Въ концѣ книги напечатано: Дѣло по прошенію умершаго коллежскаго ассессора Пушкина жены вдовы Натальи Николаевы о выдачѣ метрическихъ о рожденіи дѣтей ея свидѣтельствъ. Прошеніе Н. Н. Пушкиной,—какъ говоритъ г-нъ Невзоровъ,—писано на гербовой бумагѣ рублевого достоинства. Самое прошеніе воспроизведено съ соблюденіемъ орфографіи и пунктуации подлинника.

Таково содержаніе новой книги Н. К. Невзорова. Имѣя въ виду, съ одной стороны, несомнѣнный интересъ сообщенныхъ въ ней свѣдѣній, а съ другой—благотворительную ¹⁾ цѣль изданія, —нельзя не пожелать этой книгѣ самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ замѣтокъ г. Гаевского о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига, статья Н. С. Тихонравова; „Замѣчаніе по поводу двухъ стиховъ въ Борисѣ Годуновѣ Пушкина“—статья С. Шевырева; „Библиографическая замѣтка о сочиненіяхъ Пушкина“, изъ „Современника“ за 1851 г.; „Разборы изданія сочиненій А. С. Пушкина“ (шесть т., Спб. 1855 г., изд. П. В. Анненкова) и статьи по поводу его (числомъ семь); критическія статьи о 7-мъ, дополнительномъ томѣ упомянутаго изданія: Н. Добролюбова изъ „Современника“; изъ „Библиотеки для Чтенія“—ст. П. Л., А. Станкевича изъ „Атеней“ и Л. Н. Майкова изъ „Библиографическихъ Записокъ“; кромѣ того—„Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина“—статья Кохановской изъ „Русской Вѣсды“ за 1859 г.

Сборникъ г. Зелинскаго снабженъ алфавитнымъ указателемъ произведеній Пушкина, именъ писателей, названій сочиненій, статей, книгъ, журналовъ, газетъ,—встрѣчающихся въ текстѣ книги, что въ значительной мѣрѣ облегчаетъ справку. По вѣщности книга издана вполне удовлетворительно.

Н. К-ш-ъ.

А. С. Пушкинъ. Биографическій очеркъ изъ альбома Пушкинской выставки 1880 года. Составилъ А. А. Венкстернъ. Москва 1899 г. Цѣна 60 коп.

Послѣ московскихъ празднествъ въ честь Пушкина при открытіи ему памятника, Обществомъ любителей россійской словесности, состоящимъ при Московскомъ университетѣ, подъ редакціей Д. И. Поливанова, былъ выпущенъ въ свѣтъ „Альбомъ Пушкинской выставки 1880 года“. Въ составъ этого „Альбома“, кромѣ снимковъ съ портретовъ, видовъ, автографовъ и прочихъ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ, вошелъ и этотъ очеркъ, перепечатанный теперь въ отдѣльную книгу почти безъ измѣненій, за исключеніемъ тѣхъ страницъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ иллюстраціямъ.

Онъ состоитъ изъ восьми главъ: въ первой говорится о происхожденіи А. С. Пушкина; во второй описывается семейная жизнь Пушкиныхъ и дѣтство поэта; третья глава отведена лицейскимъ годамъ Пушкина; въ четвертой мы находимъ свѣдѣнія о Пушкинѣ вслѣдъ за выпускомъ изъ лицея; въ пятой описано пребываніе поэта на югѣ, а въ слѣдующей—жизнь его въ Михайловскомъ; седьмая глава озаглавлена: „Передъ женитьбой“, а въ восьмой говорится о послѣднихъ годахъ жизни поэта. Въ концѣ этой главы авторъ приводитъ, со словъ В. А. Жуковского, описаніе послѣднихъ минутъ жизни Пушкина... „Очнувшись, онъ сказалъ: мнѣ было пригрѣзилось, что я съ тобою лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова закружилась“. Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: «судь, пойдемъ же пожалуйста, да вмѣстѣ!». Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ бы проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: «кончена жизнь!» Даль, не разслушавъ, отвѣчалъ: «да, кончено; мы тебя поворотили». «Жизнь кончена!»—повторилъ онъ внятно и положительно. Тяжело дышать, давить!»—были послѣднія слова его.

Биографическій очеркъ г. Венкстера читается съ неслабѣвающимъ интересомъ.

Н. К-ш-ъ.

¹⁾ Чистая прибыль отъ настоящаго изданія предназначается на образованіе Пушкинскаго фонда при Обществѣ вспоможенія нуждающимся ученикамъ с.-петербургской 7-й гимназіи.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.— въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственн. ученыхъ, военныхъ, писателей духовн. и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1898 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІИ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма, Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старинѣ“ **2** рубля.

